

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

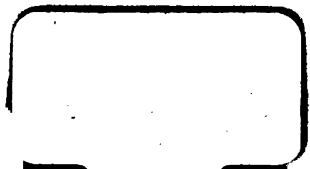
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

*QCA

РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ЖУРНАЛЬ.

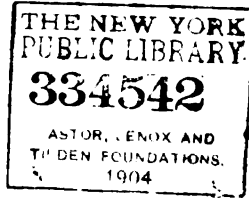
ГОДЪ ШЕСТОЙ.

1864.

май
МАЙ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ..

1864.

Дозволено цензурою, Санктпетербургъ. 25 юня, 1864 года.

ПРОДАВА
ОБЩЕСТ
ВЪ

ВЪ ТИПОГРАФИИ РЮМИНА И КОМПАНИИ.

ПРОШЕДШЕЕ И БУДУЩЕЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ.

I.

Разсуждая объ образованіи земли и о развитіи органической жизни, натуралисты ссылаются обыкновенно на такіе громадныя періоды времени, которые рѣшительно не укладываются въ человѣческомъ воображеніи. Они говорятъ такъ же спокойно о ста милліонахъ лѣтъ, какъ бы дѣло шло о двадцати минутахъ. Они готовы сослаться и на билліоны, но какъ и сто милліоновъ цифра весьма почетная и совершенно невообразимая, то о величинахъ еще большихъ не оказывается никакой необходимости говорить.

Мы заговорили о ста милліонахъ лѣтъ собственно потому, чтобы оправдаться нѣсколько передъ читателями, потому что думаемъ отправиться въ сѣдую древность — ко временамъ переселенія народовъ. А какъ сто милліоновъ лѣтъ несравненно больше, чѣмъ какія нибудь полторы тысячи, то читатель, разумѣется, согласится, что время переселенія народовъ совсѣмъ не такъ далеко отъ насъ, какъ это кажется вообще, и что о немъ говорить позволительно.

Но не всякій читатель будетъ такъ снисходителенъ. Люди, проникнутые современными стремленіями, вообще не питаютъ ни какого уваженія въ сѣдой старинѣ; имъ говори только о на-

стоящемъ. Ну какое намъ дѣло до переселенія народовъ: переселились и прекрасно; вѣдь теперь ужь никто не переселяется—развѣ иногда нѣмцы въ Америку — съ какой же стати разсуждать о томъ, чего нѣтъ, что было Богъ знаетъ когда и что больше не повторится!

Подобная демократическая грубость намъ вовсе не нравится, и потому мы склоняемся больше къ аристократизму, который съ любовью обращаетъ свои взоры къ сѣдой старинѣ и не гнушается ни переселеніемъ народовъ, ни временами Ромула и Рема, умѣя найти и тамъ много поучительнаго для себя.

Разумѣется, подобный взглядъ на исторію не совсѣмъ вѣренъ, и аристократическій оптимизмъ не можетъ быть подрѣпленъ никакими доказательствами, по той простой причинѣ, что ихъ нѣтъ. И въ самомъ дѣлѣ, какая была польза человѣчеству, что Атилла далъ такую кровопролитную битву на Каталаунскихъ поляхъ, предъ которой сраженія Наполеона I не больше, какъ дѣтскія забавы? Какая была польза для культуры западной Европы, что Гейзерихъ, съ своими вандалами, грабилъ Римъ 14 дней и перетаскилъ на свои корабли рѣшительно все частное и общественное имущество, забралъ всѣ статуи и украшенія съ улицъ и площадей, и даже унесъ вызолоченную крышу Капитолія, и что все это утонуло въ Средиземномъ морѣ? Какая была польза отъ того, что германскіе варвары разрушили цивилизацію древняго міра и прежнюю культуру замѣнили своимъ грубымъ произволомъ и насилиемъ? Можно подчиниться факту, какъ являющу уже свершившемуся, но это еще не причина хвалить то, что не принесло ничего, кромѣ вреда.

Людей, положившихъ основаніе теперешнимъ европейскимъ государствамъ, зовутъ обыкновенно варварами. Съ этимъ словомъ соединяется понятіе о великой грубости, необузданности, произволѣ. Однимъ словомъ всѣ качества, характеризующія дикарей. Жизнь дикарей, задумавшихъ слагать гражданское общество, можетъ заключать только дикіе, варварскіе элементы. Поэтому понятно, что общественность первыхъ европейцевъ не могла отличаться ни предусмотрительностью, ни особеннымъ смысломъ; что въ ней было больше всего кутерьмы и что общая тупость понятій давала огромный просторъ всякому произволу и насилию. Люди, незнающіе, какъ имъ устроить свой бытъ, должны хвататься за первую мѣру, какая имъ кажется хорошей. Выбору дикарямъ не было никакого — предъ ихъ глазами былъ только императорскій Римъ; понятно, что они взялись

за римскія учрежденія и придали имъ свой варварскій характеръ. Эта смѣсь разнородныхъ элементовъ — цивилизаціи и варварства — создала то удивительное историческое броженіе, которое въ теченіи 1200 лѣтъ имѣло общему довольству и благополучію. Правильно организованное насиліе представляло всевозможныя помѣхи развитію мысли и задерживало цивилизаціи. До XVIII столѣтія варварство брало рѣшительный перевѣсъ надъ всѣми явленіями жизни и вело ожесточенную войну противъ всякаго знанія и стремленія людей къ лучшему. Остатки средневѣковаго варварства, еще сильныя въ современныхъ европейскихъ обществахъ, до сихъ поръ имѣаютъ даже и теперь понимать вполне всю нелѣпость общественныхъ порядковъ того времени. Мы не возмущаемся ни насиліемъ, ни разбоемъ, ни грабежами, отъ котораго страдали тогда люди, мы равнодушно читаемъ разсказъ объ отреченіи Галилея отъ теоріи Коперника и — разумѣется правы. Съ чего возмущаться тѣмъ, что происходило за 200—300 лѣтъ! Люди, нечувствующие потребности мысли, смѣются добродушно надъ выходкой Галилея, не догадываясь, что въ ней нѣтъ ничего комическаго. На головахъ подобныхъ людей хоть колѣ тѣши, при нихъ четвертуя и колесуй человѣка, — они и въ этомъ найдутъ занимательную, а пожалуй и смѣшную сторону. Такихъ средневѣковыхъ людей можно къ сожалѣнію встрѣтить и въ наше время и, разумѣется, прогрессъ современной Европы не выигрываетъ отъ нихъ ничего.

Европа развивалась путемъ случайностей. Это значитъ, что хотя каждое событіе или обстоятельство и имѣло свои причины, точно такъ же, какъ эти причины вели къ своимъ слѣдствіямъ; но ни въ причинахъ, ни въ слѣдствіяхъ не заключалось большею частію ничего строго необходимаго для успѣховъ цивилизаціи. Съ европейскимъ обществомъ происходило тоже, что дѣлается съ отдѣльными людьми. Почему одинъ человѣкъ становится нищимъ, другой ремесленникомъ, третій чиновникомъ, четвертый офицеромъ? Природа создала ихъ всѣхъ по одному закону, никому изъ нихъ она не наложила клейма на лобъ и не сказала: ты будь тѣмъ, а ты этимъ. Всѣ они могутъ быть совершенно одинаковыхъ способностей и, не смотря на то, каждый изъ нихъ придетъ по своей дорогѣ жизни туда, куда ведетъ эта дорога. Въ жизни Европы случайности играли совершенно подобную же роль; они дѣйствовали съ той неотразимостью и невозможностью ихъ предвидѣть, какая характеризуетъ всякое событіе, на-

зымаемое случаемъ. Почему Турція находится въ такомъ жалкомъ положеніи, что ее можно сравнить съ нищимъ между европейскими государствами, и почему Англія достигла такого высокаго развитія? Просто потому, что Турція развивалась при однихъ учрежденіяхъ, а Англія при другихъ. Если бы нищій находился въ тѣхъ же условіяхъ, въ которыхъ находился офицеръ, то изъ него могъ бы выйти тоже фельдмаршалъ. Первоначальныя способности людей были совершенно одинаковы, и если потомъ обнаружилось различіе въ проявленіи народныхъ силъ, то причина этого заключалась исключительно въ обстоятельствахъ, при которыхъ приходилось дѣйствовать народамъ. Было время, когда Азія цивилизовала Европу, а нынче Европа цивилизуетъ Азію. Оттонъ III, прозванный «чудомъ свѣта», — собственно, кажется, за то, что зналъ по гречески, по итальянски и по лѣмекки — живя фантазіей въ мірѣ Траяна и Марка Аврелія, хотѣлъ сдѣлать Римъ снова столицей міра, окружить свой дворецъ греческимъ великолѣпіемъ, создать древне-римскій сенатъ и — ничего этого не сдѣлалось, потому что умеръ 22 лѣтъ. Разумѣется, ему не удалось бы воскресить древній Римъ съ его республиканскими добродѣтелями и соединить ихъ съ своимъ германо-римскимъ императорствомъ; но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что если бы Оттонъ не умеръ такъ рано, то онъ надѣлалъ бы великой кутерьмы, а наследственность императорской власти въ его фамилии создала бы для Германіи другую исторію. Что было бы съ Европой, если бы Америка была открыта столѣтіемъ раньше или позже? Отвѣтить на этотъ вопросъ, разумѣется, трудно, но вѣрно только то, что ни Европа, ни Америка не была бы тѣмъ, что онъ теперь.

Пусть читатель не смотритъ на подобные вопросы, какъ на праздное слово. Ни одинъ мыслящій человекъ, глядя на нищаго или на преступника, не успокоивается на томъ фактѣ, что одинъ нищій, а другой преступникъ. Нищенство и преступленіе только слѣдствіе извѣстныхъ причинъ, а потому человекъ съ явнымъ смысломъ хочетъ непременно знать, почему люди дошли до такого положенія. То же самое и въ исторіи человѣчества и отдѣльныхъ народовъ. Человекъ, считающій себя образованнымъ и живущій въ Европѣ, но не интересующійся европейскими вопросами и поклоняющійся однимъ совершившимся фактамъ, сдѣлаетъ, разумѣется, лучше, если выкинетъ изъ своей головы самолюбивую мысль, что онъ европеецъ и отправится въ Суданъ или въ Абиссинію. Тамъ жѣтъ им-

людей необходимости думать по европейски; но въ Европѣ нельзя думать по монгольски.

Въ судьбѣ народовъ существуетъ два порядка фактовъ: одни, зависящіе исключительно отъ внутренней природы человѣка, отъ того, какъ его организмъ чувствуетъ и мыслить, на основаніи физиологическихъ условий; другіе—зависятъ отъ внѣшнихъ условий. Исторіки обыкновенно обращаются только къ послѣднимъ; они излагаютъ однѣ внѣшнія событія, оставляя вопросы внутренняго міра человѣка разрѣшенію другихъ наукъ. А между тѣмъ внутренній, физиологическій міръ человѣка играетъ главную роль въ исторіи цивилизаціи; только въ немъ лежитъ основная двигательная сила, инициатива прогресса; только имъ выражается неудержимое стремленіе людей къ счастью и довольству. Этотъ физиологическій міръ управляется строго определенными законами, которые при всѣхъ обстоятельствахъ дѣйствуютъ одинаково. Процессъ мысли совершается совершенно одинаково, какъ въ умной, такъ и въ глупой головѣ; потребность пить и ѣсть чувствуютъ и удовлетворяютъ одинаково и вельможа, и бѣднякъ, и гений, и глупецъ. Разница является только въ качествѣ и въ результатѣ процесса, но не въ его сущности. На сѣверѣ и югѣ, на востокѣ и западѣ, въ пустыняхъ Сахары, въ тундрахъ Сибири, въ блестящемъ Парижѣ или Лондонѣ—вездѣ животный организмъ человѣка остается однимъ и тѣмъ же, управляясь одними и тѣми же законами, выражающими одну и ту же сущность. Законовъ этихъ не можетъ измѣнить никакая сила. Только относительно этихъ законовъ можно дѣлать вопросы въ родѣ предложенныхъ нами выше. Нельзя спросить, нужно ли человѣку думать, говорить, спать, ѣсть и что было бы съ нимъ, если бы природа лишила его этихъ отправленій? Думать, говорить, пить, ѣсть, стремиться къ матеріальному довольству — въ этомъ сущность человѣческой жизни. Не для красоты даны человѣку голова, руки, ноги и желудокъ, какъ думаютъ нѣкоторые люди, и вопросъ не въ томъ, за чѣмъ они у человѣка; а какиимъ образомъ доставить все то, что необходимо имъ для ихъ нормальнаго существованія. Все, что въ человѣкѣ, — существуетъ въ немъ на пользу организма и должно найти свое полное и совершенное удовлетвореніе. Въ этомъ цѣль жизни, въ этомъ сущность стремленій каждаго отдѣльнаго человѣка. Если удовлетвореніе возможно—человѣкъ страдаетъ; если въ странѣ много такихъ страдающихъ людей — страданіе несчастно, и тѣмъ она несчастна, тѣмъ

больше она бѣдствуетъ, чѣмъ больше въ ней страдалцевъ. Физиологическая точка зрѣнія необходима для историковъ и для всѣхъ тѣхъ, кто занимается общественными вопросами. Тутъ не можетъ быть ничего спорнаго, но все точно и непогрѣшимо, потому что управляется вѣчными законами природы.

Совсѣмъ другое тѣ факты, совокупность которыхъ выдаютъ за исторію цивилизаціи. Въ нихъ случайность играетъ главную роль; многое изъ нихъ могло быть, а могло бы и не быть; могло быть сдѣлано въ томъ или другомъ видѣ, могло быть сдѣлано лучше или хуже. На эти факты нельзя смотрѣть, какъ на нѣчто непогрѣшимое, вѣчное и неизмѣнное; они только результаты извѣстныхъ причинъ, которые могли существовать, и нѣтъ. Въ большинствѣ случаевъ они зависятъ отъ условій, созданныхъ самимъ человекомъ. Здѣсь не только можно, но должно спросить: кому была нужна инвенція и какую принесла она пользу; за чѣмъ преслѣдовали развитіе мысли и сжигали подобныхъ людей, какъ Иванъ Гуссъ и Иеронимъ Прагскій; какую пользу принесъ Игнатій Лойола; за чѣмъ понадобились Людвигъ Косноязычный, Карлъ-Простакъ, Людовикъ XI, Григорій VII, Филиппъ II, Генрихъ VIII и Людовикъ XIV?

Но и въ этихъ внѣшнихъ вліяніяхъ нужно различать факты, зависящіе отъ природы, отъ фактовъ человѣческой изобрѣтательности. Люди не имѣютъ власти надъ климатомъ и почвой, они не могутъ сдѣлать полярный климатъ тропическимъ или насадить лѣса въ пустыняхъ Африки. Они только могутъ отправиться или не отправиться въ ту или въ другую мѣстность, но если они прибыли въ страну, то должны дѣлать то, что она велитъ имъ дѣлать. Бедуинъ, развѣжающій въ Ливійской пустынѣ на дромадерѣ, и питающійся финиками и верблюжьимъ молокомъ, въ Англіи сталъ бы ѣздить въ экипажѣ и ѣсть биштексъ. Точно также и англичанинъ отказался бы въ Ливійской пустынѣ отъ своихъ англійскихъ привычекъ. Человекъ можетъ одолевать природу только въ мелочахъ, но онъ не можетъ измѣнять ни климата, ни растительности, ни переставлять горы на мѣсто рѣкъ и рѣки на мѣсто степей. Въ подобныхъ случаяхъ вліяніе природы неотразимо, и человекъ долженъ подчинить ей свою хозяйственную дѣятельность и свой бытъ. Если бы Америка не заключала въ себѣ чудесъ растительности и минеральныхъ богатствъ, а была подобна Исландіи, она не привлекла бы къ себѣ много охотниковъ, и открытіе Колумба не обнаружило бы

того вліанія на судьбу человѣчества, какое представляетъ намъ исторія. По неудержимому стремленію къ счастью люди кидаются туда, гдѣ надѣются его найти; въ этомъ только и заключается актъ ихъ личной воли; а за тѣмъ природа страны заставляетъ ихъ дѣйствовать согласно своимъ климатическимъ и почвеннымъ условіямъ. Такъ и дѣйствовала природа Ливійской пустыни на бедуина, природа Америки на европейскаго переселенца и природа Исландіи на исландца. Но природа нигдѣ не измѣняетъ сущности человѣческихъ стремленій—подъ полюсами и подъ тропиками человѣкъ одинаково ищетъ счастья, измѣняется только форма и размѣръ удовлетворенія, но не сущность.

Умѣренный климатъ и плодородная почва Европы много помогли гражданственности европейскаго населенія; но они играли далеко не главную роль. Цивилизація и культура европейскаго человѣка зависѣла почти исключительно отъ тѣхъ условій, которымъ онъ долженъ былъ подчиниться, разрушивъ римскій міръ.

II.

Много вѣковъ кочевали разныя племена на европейскомъ континентѣ, прежде чѣмъ онѣ стали извѣстны исторіи. Что дѣлали дикари ранѣе—неизвѣстно, да едва ли это и нужно знать. Можно утверждать положительно только то, что наслѣдство, оставленное Римомъ варварамъ, не принесло имъ особеннаго счастья, и что если бы исторія Европы началась тремя столѣтіями ранѣе, то мы переживали бы теперь другія времена.

Варвары обрушились на Римскую Имперію какъ разъ въ то время, когда она утратила свое республиканское мужество, когда гражданскія учрежденія падали и общественный бытъ разстроивался. Школа, въ которой приходилось воспитываться варварамъ, не имѣла уже тѣхъ знаменитыхъ наставниковъ, которые представлялись въ древнихъ обычаяхъ, учрежденіяхъ и правахъ. Мудрость новаго Рима не была уже той мудростью, какой онъ отличался въ пору силы и процвѣтанія, и Европѣ приходилось не выбирать между хорошимъ лучшимъ, а только брать то, что ей давали, потому что выбирать было не изъ чего.

Варвары получили от древняго Рима два вполне выработанныя учрежденія: королевскую власть и католическую церковь съ ея иерархіей. Въ этому нужно присоединить еще и римское право, игравшее чрезвычайно важную роль въ судьбѣ европейскихъ государствъ.

Королевская власть, въ первоначальномъ ея видѣ, была военной диктатурой. Король и предводитель военной шайки, жившей грабежъ и разбоями, слизались въ одномъ лицѣ. Императоръ Юстиніанъ, составляя свое собраніе законовъ, приказалъ юристамъ выпускать все, что хотя нѣсколько напоминало основы древней римской свободы. Поэтому въ кодексѣ сохранилось только то, что соответствовало новымъ понятіямъ о правахъ цезаря и объ отношеніяхъ его къ народу. Кодексъ, очищенный такимъ образомъ отъ всего, что могло внушать хотя тѣнь сомнѣнія въ авторитетъ власти и ея священныя права, имѣлъ весьма сильное вліяніе на характеръ послѣдующихъ взаимныхъ отношеній между властью и народомъ. Людямъ предлагался только одинъ рядъ понятій; знанія же республиканскаго Рима и Греціи Юстиніану хотѣлось вычеркнуть совсѣмъ изъ исторіи, въ родѣ того, какъ въ наши времена іезуиты пропускали въ исторіи Франціи царствованіе Наполеона I. Юстиніанъ, разумѣется, имѣлъ добрыя намѣренія, онъ ошибался только въ томъ, что считалъ свои мысли безошибочными. Благодаря такому пропуску, Европа почти десять вѣковъ не знала ничего о древнемъ мірѣ, но за то тѣмъ сильнѣе подѣйствовало на молодыхъ людей знакомство съ римскими республиканскими идеями, когда въ XV столѣтіи появились въ Италіи греческіе ученые, и когда занятіе древней литературой возбудило въ итальянской молодежи стремленіе къ республиканской свободѣ. Римское право, очищенное Юстиніаномъ, было введено во всѣ европейскія государства, только одна Англія осталась при своемъ прежнемъ германскомъ правѣ. (Россія также не знала римскаго права. Впрочемъ въ настоящей статьѣ мы говоримъ исключительно о З. Европѣ).

Европейскіе юристы, проникнувшись римскимъ правомъ, явились самыми сильными сторонниками феодальной власти. Ихъ теоретическое увлеченіе идеаломъ правомѣрной державности шло такъ далеко, что всякій недостойный поступокъ короля находилъ у нихъ оправданіе, подкрѣпляемое, если было нужно, ссылками на римскія постановленія. Юристы являлись всюду самыми покорными слугами предрасудка и служили своей ученостью всякому недостойному дѣлу. Они

придавали видъ законности всякому насилію и усвоивали совѣсть людей, поступавшихъ безчеловѣчно, юридическими соображеніями и цитатами изъ римскаго права. Выраженіе «юридическое убійство», явившееся, благодаря изворотливости этихъ людей, умѣвшихъ оправдывать и обвинять все то, что нужно было оправдать и обвинить, лучше всего объясняетъ характеръ дѣятельности юристовъ того времени. Лучшимъ примѣромъ угодлиности этихъ людей можетъ служить парламентъ времени Генриха VIII. Со времени Нерона Европа не видѣла подобнаго правителя; кровожадность и необузданный произволъ не знали въ этомъ человѣкѣ никакихъ границъ, и не смотря на то, что Генрихъ далеко не удовлетворялъ идеалу королевской власти, ученые юристы умѣли находить въ римскомъ правѣ оправданіе самымъ гнуснѣйшимъ его поступкамъ.

Податливость юристовъ мы не станемъ объяснять исключительно ихъ продажностью, безсовѣстностью, трусостію и такъ далѣе. Они дѣйствовали, по всей вѣроятности, вполне добросовѣстно и по убѣжденію; но дѣло въ томъ, что при низкомъ уровнѣ понятій большинства, понятія юристовъ были шатки и неправильны. Они, какъ и почти всѣ люди того времени, ошибались не въ томъ, что нужно считать благороднымъ или неблагороднымъ, они просто не понимали только того, что полезно и что вредно.

Идеалъ королевской власти, какъ представляла ее себѣ церковь VII вѣка, былъ слѣдующій: «Король зовется королемъ отъ того, что онъ управляетъ справедливо. Дѣйствуя справедливо, онъ законно обладаетъ именованіемъ короля; но дѣйствуя несправедливо, онъ презрѣнно теряетъ его. Поэтому предки наши не безъ причины говорили: дѣйствуя справедливо, будешь королемъ страны; дѣйствуя несправедливо — не будешь. Двѣ главныя королевскія доблести — справедливость и истина.

«Богъ, создатель всего міра, располагая устройство человѣческаго тѣла, вверху его поставилъ голову, и оттуда провелъ нервы во всѣ части тѣла. Онъ помѣстилъ въ головѣ и свѣтильникъ очей, съ тѣмъ, чтобы она могла различать все вредное. Онъ установилъ силу разума, возложивъ на него управленіе всѣми частями тѣла и мудрое распоряженіе ихъ дѣйствіями. Поэтому нужно прежде всего опредѣлить то, что касается государей, озаботиться о безопасности ихъ, оградить ихъ жизнь и потомъ устроить все то, что относится къ народамъ, такимъ образомъ, чтобы обезпечивая, какъ слѣдуетъ, бе-

зопасность королей, обезпечить вѣстѣ съ тѣмъ, и тѣмъ болѣе, безопасность народовъ».

Этотъ документъ любопытенъ тѣмъ, что показываетъ, какъ подъ вліяніемъ католицизма и римскаго права измѣнилось понятіе о королевской власти. Онъ указываетъ на предковъ, которые, какъ видно, отличались весьма положительными требованіями:—дѣйствуй справедливо — будешь королемъ, вотъ ихъ условіе. Но клерикальное вліяніе придаетъ королевской власти иной характеръ.

Этотъ новый теологическій взглядъ на королевскую власть, подкрѣпленный ученіемъ юристовъ, былъ принятъ и всею массою населенія. Не смотря на то, многіе факты убѣждаютъ въ томъ, что дѣйствительное историческое значеніе королевской власти далеко не соответствовало ея теологическому идеалу.

Историческіе факты говорятъ, что въ жизни европейскихъ народовъ совершался тотъ процессъ, который натуралисты зовутъ борьбой за существованіе. Борьба была общая, безпрестанная: враждовали отдѣльные люди другъ противъ друга, враждовали сословія, враждовали народы, враждовали государства. Вражда была во всемъ; всадѣ матеріальная сила стремилась къ господству, и если она не всегда брала верхъ, то всегда приносила много несчастія и мѣшала прогрессу. Представители власти, воспитываясь въ этой борьбѣ разнородныхъ стремленій, усвоивали взгляды той или другой изъ враждующихъ партій. Король, какъ и всякій человекъ, воспитываясь въ своей странѣ, дѣлался и человекомъ своей страны. Онъ выросталъ въ тѣхъ или другихъ понятіяхъ, смотря по тому, какіе окружали его люди и наставники. Хотя по идеалу власти король и долженъ былъ стоять выше мелочныхъ личныхъ интересовъ, выше партій; хотя онъ, какъ высшій разумъ, и долженъ былъ олицетворять безусловную истину и справедливость, но въ практикѣ это оказывалось совершенно невозможнымъ. И между королями, какъ и вообще между людьми, исключительныя способности весьма рѣдки. Возьмемъ хотя Францію— въ теченіе 15 вѣковъ въ ней было всего два короля, Людовикъ IX и Генрихъ IV, которые больше другихъ соединяли въ себѣ способность сдѣлать страну счастливой и доставить народу благополучіе. Всѣ остальные занимались или исключительно своими личными династическими интересами, или интересами своихъ придворныхъ, или олицетворяли стремленія рыцарства и дворянства. Такимъ образомъ дѣйствія власти были постоянно односторонни.

Смотря по тому, какой партиі держался король и что считалъ онъ полезнымъ и спасительнымъ—такъ онъ и дѣйствовалъ. Будучи постоянно представителемъ одного изъ мнѣній, существующихъ въ странѣ, король при своей вышней силѣ и по нравственному вліянію на массы давалъ этому мнѣнію огромный перевѣсъ и господствующее значеніе. Если королемъ являлся человекъ энергическій и страстный, то вліяніе его на ходъ исторіи могло быть громадно, и мнѣніе самого незначительнаго меньшинства получало огромное значеніе и надолго вперед давало особенное направленіе народной жизни. Такъ Филиппъ II, испанскій, считая главной королевской обязанностью спасеніе человѣческихъ душъ, былъ въ этомъ отношеніи представителемъ весьма небольшого числа фанатиковъ; но пользуясь огромными матеріальными средствами, онъ, при помощи военной силы и другихъ подобныхъ же пособій, сумѣлъ дать огромный перевѣсъ сторонникамъ своего взгляда. На житейскіе вопросы и интересы Филиппъ не обращалъ никакого вниманія; онъ хотѣлъ уподобить Испанію обширному монастырю, полагая, что въ этомъ-то именно и заключается цѣль жизни. Такое стремленіе было, очевидно, ошибочно, и огромное большинство населенія должно было перестроить свою жизнь, можетъ быть на нѣсколько вѣковъ, согласно мрачному взгляду короля и немногихъ окружавшихъ его монаховъ. Изъ всѣхъ односторонностей это была самая раззорительная и вредная въ умственномъ и въ нравственномъ отношеніи.

Совсѣмъ противоположное значеніе имѣли короли, приближавшіеся по возможности къ идеалу власти. Они олицетворяли благороднѣйшія стремленія лучшихъ людей своего времени. Къ сожалѣнію общая обстановка среднихъ вѣковъ была такова, что число людей хорошей организаціи не могло быть значительно. Большинство, хотя и нельзя назвать злодѣями, но также нельзя найти въ нихъ и той тонны чувства и яснаго пониманья, которые дѣлаютъ людей способными видѣть вещи въ ихъ истинномъ свѣтѣ. Каждый человекъ, дѣлающій другому зло, или оказывающій ему несправедливости, можетъ быть въ то же время вовсе недурнымъ человекомъ. Онъ только смотритъ на дѣла и на людей ошибочно, хотя самъ и убѣжденъ въ противномъ. Намѣренія его могутъ быть вполне честны т. е. онъ совершенно безкорыстно, по убѣжденію, отдается тѣмъ или другимъ интересамъ и помогаетъ тѣмъ или другимъ людямъ; но дѣло въ томъ, что онъ ошибается относительно интересовъ и людей, которымъ отдаетъ свое предпочтеніе.

Кромѣ этихъ двухъ тиневъ феодальная Европа представляеть еще одинъ типъ правителей, людей чрезвычайно даровитыхъ, общеповенно называемыхъ великими, но потратившихъ всю свою тревожную дѣятельность на блестящія, но пустыя иллюзіи. Большую частію воображеніе ихъ было занято мечтами о всемірномъ владычествѣ; они стремились основать громадныя монархіи, возстановить Римскую имперію, покорить пол-Европы, или что нибудь въ родѣ этого. Вся жизнь ихъ посвящалась главнѣйше военнымъ походамъ и сраженіямъ; искусство, наука, правосудіе, торговля, промышленность т. е. все то, что составляетъ дѣйствительную, практическую сущность жизни, хотя пользовалось тоже ихъ вниманіемъ и поощрялось, но только тогда, когда оставалось для того время, въ промежуткѣ между битвами и походами. Эти создатели великихъ монархій дѣлали при жизни много шума, производили великія передвиженія армій, въ родѣ миниатюрнаго переселенія народовъ, и наполнивъ свѣтъ славой своего имени, ставили своихъ наследниковъ въ затруднительное положеніе продолжать то, что было имъ вовсе не подъ силу. Громадная централизація ослабѣвала, монархія рассыпалась на свои составныя части и, хотя не дальше, какъ чрезъ сто лѣтъ, ничто не напоминало уже безпокойнаго человѣка, но имя его жило въ памяти народа и сохранялось историками съ прибавленіемъ прозвища «великаго». Для исторіи цивилизаціи подобныя великіе люди были полезны въ томъ же отношеніи, въ какомъ были полезны для Европы вестовые походы, хотя и не въ такой степени. Мы хотимъ сказать, что передвиженіе армій и далекіе походы въ новыя незнакомыя страны, обилжяя и знакомя разныя національности съ незнакомыми имъ обычаями, нравами, образомъ жизни, приносили просвѣщенію ту пользу, какую приносятъ всякое путешествіе. Разуиѣтся, путешествія эти, совершаемыя сотнями тысячъ сразу, въ сопровожденіи громадныхъ обозовъ, артиллеріи и затрудняемыя всякими препятствіями, и превращавшія всякую населенную и цвѣтущую мѣстность въ пустыню, устѣянную головѣшками, обходившія слишкомъ дорого и для учителей, и для учениковъ, такъ что есть полное основаніе утверждать, что если бы подобныя путешествія, съ важными оштиллами, вовсе не существовали, то можетъ быть просвѣщеніе распространилось бы гораздо скорѣе. Въ подтвержденіе справедливости сдѣланнаго нами замѣчанія мы уважемъ на трехъ историческихъ герояхъ: Александра Македонскаго, Карла Великаго и Наполеона I. Три великихъ чело-

вѣка трехъ разныхъ эпохъ, были одинаково бесполезны для цивилизаціи.

Александръ Великій отличался самыми блестящими способностями, превосходнымъ образованіемъ, красивой наружностью, львиной храбростью, способностью привлекать къ себѣ массы высочайше благородствомъ и поэтической натурой. Но уже въ ранней молодости испортили его придворные лестницы, такъ что онъ смотрѣлъ на себя, какъ на втораго Ахиллеса. Конечно, анекдоты, сохранные исторіей, не могутъ служить удовлетворительнымъ средствомъ для знакомства съ подобными личностями и характеромъ ихъ дѣятельности, но тѣмъ не менѣе они помогаютъ болѣе полному пониманію героя. Вотъ одна черта, выказывающая благородство Александра. Въ началѣ персидскаго похода Александръ, въ знойный день выкупавшись въ холодной рѣкѣ, простудился и сдѣлался такъ опасно болѣнъ, что всѣ врачи сомнѣвались въ возможности выздоровленія. Войско гризло въ ужасъ, потому что недалеко стояли главные силы непріятеля. Только врачъ, акарнанецъ Филиппъ, надѣялся спасти больного и предложилъ ему рѣшительное средство. Александръ согласился. Лекарство еще не было вынито, когда онъ получилъ письмо, въ которомъ его предостерегали отъ Филиппа и сообщали, что докторъ, подкупленный персидскимъ золотомъ, замышляетъ его отравить. Александръ, чтобы показать доктору полное къ нему довѣріе, подалъ ему это письмо и въ то же время выпилъ лекарство.

При всѣхъ своихъ великихъ качествахъ Александръ, вступившій на престолъ 19 лѣтъ, началъ свое царствованіе злодѣйствомъ: онъ возмнилъ не только всѣхъ тѣхъ, кто хотя сколько нибудь былъ причастенъ убійству его отца, но и всѣхъ своихъ родныхъ, которые могли быть ему опасны при занятіи имъ трона, у котораго былъ наследникъ болѣе законный, чѣмъ онъ. Этому завоннаго наследника, Аминта, своего двоюроднаго брата, Александръ велѣлъ тоже умертвить. Хорошо ли поступилъ Александръ и нужно ли было поступить именно такъ, мы разбирать не станемъ, хотя не можемъ не замѣтить, что злодѣйство во всѣ времена было злодѣйствомъ и должно падать болѣе чернымъ пятномъ на память человека одареннаго богатыми способностями, чѣмъ на такихъ тупыхъ людей, какъ Генрихъ VIII, или разныя турецкія Сулейманы и Баязеты.

Сейчасъ же по вступленіи на престолъ Александръ предпринималъ походъ сначала противъ еракійцевъ, а потомъ пошелъ въ Малую

Азію и въ Индію. Освобождая мало-азійскія греческія колоніи отъ персидскаго владычества, Александръ хотя и возстановлялъ въ нихъ прежнюю демократическую форму правленія, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ налагалъ на нихъ болѣе тяжелую руку, чѣмъ прежде персидское господство.

Пройдя Малую Азію, сверху внизъ и снизу вверхъ, Александръ, преслѣдуя персовъ, ушелъ въ Финикію и Палестину; потомъ въ Египетъ, гдѣ посѣтилъ храмъ Аммонія и гдѣ главный жрецъ призналъ его сыномъ Юпитера; потомъ воротился въ Мемфисъ и устроилъ администрацію страны. Кончивъ съ Египтомъ, Александръ отправился въ собственную Персію. Разказы о побѣдахъ Александра могутъ возбуждать дѣйствительно удивленіе, если не обратить вниманія на то, съ кѣмъ онъ имѣлъ дѣло. Македонское войско было обученное, привывшее къ бою, тогда какъ его противники, персы, представляли нестройную толпу всякаго сброда, которая думала пугать своей многочисленностью. Александру доставалась побѣда безъ всякаго труда, такъ что его битвы можно назвать скорѣй рѣзней и убійствами, чѣмъ сраженіями. Напримѣръ, подъ Арбелой, Александръ, потерявъ не болѣе пятисотъ человѣкъ, перебилъ у персовъ почти сто тысячъ народу. Если мы допустимъ, что эта цифра преувеличена и уменьшимъ ее даже на половину, то и въ такомъ случаѣ подобныя сраженія останутся чистыми убійствами, гдѣ побѣдители рѣзали бѣжавшихъ противниковъ, какъ барановъ.

Покоривъ Персію и Индію, Александръ основалъ множество новыхъ городовъ — однихъ Александрій по крайней мѣрѣ десять — оставлялъ вездѣ своихъ намѣстниковъ и греческіе гарнизоны, вводилъ новыя учрежденія и хотѣлъ сдѣлать Вавилонъ столицей своей всемірной монархіи. Познакомившись съ жизнью востока, Александръ оставилъ свою прежнюю греческую простоту и окружилъ себя такимъ великолѣпіемъ, которое удивляло даже персовъ. На высотѣ могущества у Александра закружилась голова — какъ въ наше время у Наполеона I — онъ сталъ окружать себя льстецами, прежніе друзья его покинули, и пришлось замѣнить ихъ людьми низкими, работѣнными, которые увѣряли царя, что онъ выше Геркулеса и происходятъ отъ Юпитера. На торжественныхъ аудіенціяхъ Александръ надѣвалъ на себя одежды, какія присвоивались въ Греціи только однимъ богамъ. Эта нравственная порча отразилась и въ его отношеніяхъ къ под-

даннымъ — Александръ сталъ деспотомъ и началъ распоряжаться совершенно произвольно.

Замыслы Александра были громадны, но ранняя смерть не позволила ему ихъ осуществить. Но если бы они ему и удались, его монархія должна была все-таки разсыпаться, потому что она держалась не единствомъ духа народонаселенія и общностью стремленій разнообразныхъ національностей, но завоевательной политикой царя. Черезъ сто лѣтъ послѣ смерти Александра на востокъ не осталось и слѣдовъ его учрежденій и городовъ, кромѣ Александрии Египетской, существующей и до сихъ поръ: востокъ не принялъ греческую цивилизацію и заснулъ по прежнему, сохранивъ имя Искандера только въ своихъ пѣсняхъ.

Такая судьба постигала всегда подобныя предпріятія. Въ нихъ много блеску и шуму, но нѣтъ внутренней силы, и они убѣждаютъ только въ томъ, что отдѣльная воля человѣка, какъ бы ни были велики его силы и таланты, но если она вытекаетъ не изъ потребностей народа и не служитъ выраженіемъ его желаній, не можетъ привести ни къ какимъ полезнымъ и прочнымъ результатамъ. Блестящіе, побѣдоносные походы и широкіе замыслы, поражая воображеніе людей, мѣшаютъ имъ оцѣнять такія дѣла по ихъ достоинству. Александръ Македонскій былъ наделенъ огромными способностями, намѣренія его были хороши, но то, что онъ задумалъ сдѣлать, не зависѣтъ отъ одного человѣка, будь онъ во сто разъ гениальнѣе. Вотъ почему цивилизація ни древняго, ни новаго міра не выиграла ничего отъ персидскаго и индійскаго походовъ Александра, и исторіи остается замѣтить только тотъ фактъ, что подобные блестящіе люди, если они направляютъ свою дѣятельность такимъ исключительнымъ образомъ, остаются совершенно одинокими явленіями, поучительными только въ томъ отношеніи, что потомство составляетъ убѣжденіе, что личная гениальность, не умѣющая отделинуться на требованія народа, совершенно ненужна для хода цивилизаціи, а нерѣдко и вредитъ ей, дѣлая временную помѣху правильному развитію народныхъ силъ.

Карлъ Великій былъ человѣкъ весьма славолубивый и съ большими завоевательными наклонностями. Онъ тридцать два года опустошалъ саксовъ огнемъ и мечемъ, обращая ихъ силой къ христіанству, и вводя у нихъ чуждые имъ обычаи и учрежденія. Свободные саксы не хотѣли ни чужихъ законовъ, ни чужой вѣры, и энергически

протнвилнсь нператору; не наконецъ у нхъ не достало силы бороться, н онн покорнлись. До присоедненн я къ нпернн саксы составлялн особую федерацию, съ совершенно свободными учрежденнями, н потому понятно, что онн съ большой энергней протнвилнсь введенно у себя другаго государственнаго устройства, лншавшаго нхъ національной религнн, стъснявшаго нхъ свободу н обнзывавшаго нхъ повиноваться государю н платнть податн. Особенно не нравнлась саксамъ церковная десятина. После одного возстаннн саксовъ, когда онн, убнвъ нлн прогнавъ мнссноеровъ, грозвлн войскамъ Карла, нператоръ отнравнлся къ нмъ самъ. Саксы снмрнлись н 4,500 человекъ изъ нхъ явлнлись къ нему добровольно, расчнтывая, что онъ нхъ не накажетъ. Но Карлъ думалъ нначе; онъ хотълъ внушнть саксамъ «спасательный страхъ» н приказалъ изрубнть всъ четыре тысячн лнть сотъ человекъ. Это озлобнло до того саксовъ, что даже племена, не воевавшн до снхъ поръ съ Карломъ, поднялись протнвъ него. Обыкновенно подобныя злодълства, совершавшнся во времена отъ насъ отдаленныя, объясняють грубостью нравовъ. Но такое объясненне совершенно ошибочно. Убнство было н будетъ всегда возмутнтельнымъ дълномъ, хотъ бы оно совершалось за 10 т. лтъ до рождества Хрнстова. У самаго дикаго народа убнство не считается хорошимъ подвигомъ н возбуждаетъ общее отвращенне. Карлъ Великий не былъ дикаремъ; напротивъ, это былъ человекъ образованный, знакомый хорошо н съ хрнстанской философней, н съ древннмъ мнромъ; къ сожалнню, какъ н всъ послъдующне государн н какъ, въ наше время, Наполеонъ I, н Ферднандъ неаполнтанскнй, н другне, онъ нмълъ нъсколькo ошибочное понятне о томъ, что нужно людямъ для нхъ благополучнн. Мы признаемъ вполне все величне хрнстанскаго ученнн, мы готовы пожалуй согласнться, что законы н обычаи франковъ были выше законовъ н обычаевъ саксовъ, но вмстѣ съ тмъ думаемъ, что кроткая религнн сердца, проповѣдующая любовь н братство, протнворѣчнтъ насильственнымъ н жестокнмъ дълствнямъ варловыхъ мнссноеровъ н не мирнтся съ гуртовымъ, хладнокровно обдуманнмъ убнствомъ цълной массы людей. Грубость нравовъ не оправдываетъ тутъ ничего, ибо мъра Карла, составляя чнсто политическнй расчеть, повторялась въ Европѣ нъсколькo разъ. Наполеонъ разстрълалъ 2,000 арнаутовъ; Ферднандъ казннлъ 4,000 республиканцевъ; паша егнпетскнй, пригласнвъ къ себѣ въ гости человекъ 600 лучшихъ н храбрѣншихъ бедуиновъ, ваперъ нхъ къ

ужемъ дворѣ дворца и перестрѣлялъ, какъ куропатокъ изъ ружей и пушекъ; наконецъ турецкій султанъ перерѣзалъ своимъ янычаръ:

Принципъ власти составлялъ основу всѣхъ дѣйствій Карла. Въ то время, какъ у саксовъ и тюринговъ онъ уничтожалъ ихъ національныя учрежденія, и навязывалъ имъ силой римскую образованность и христіанство; въ Нейстріи, напротивъ, онъ хотѣлъ поддержать силой національныя нравы, точно также онъ противорѣчалъ себѣ и въ другихъ дѣлахъ. Новѣйшіе историки Германіи, признающіе въ Карлѣ громадныя способности и удивляющіеся величію его духа, говорятъ однако, что если бы все созданное имъ сохранилось и упрочилось, то это сдѣлало бы міру много зла, и что слѣдуетъ благодарить судьбу, которая, избравъ своимъ орудіемъ слабость и апатію благочестиваго сына и преемника Карла, предохранила народы запада отъ преждевременнаго развитія у нихъ наукъ и искусства, которое въ угоду одного человѣка было бы куплено слишкомъ дорогимъ пожертвованіемъ древнихъ національныхъ нравовъ и духа. Карлъ, какъ и всѣ подобные люди, убѣжденные въ своей непогрѣшимости и въ томъ, что они лучше знаютъ, что полезно и нужно людямъ, отличался большой настойчивостью въ осуществленіи своихъ убѣжденій; онъ вводилъ въ франкскихъ школахъ римскій методъ изученія древнихъ и особымъ указомъ приказалъ устроить училища при церквахъ и монастыряхъ. Ни то, ни другое, разумѣется, не принесло никакой пользы и школы не устроились. Еще лучше поступилъ Карлъ, когда приказалъ духовенству признать вѣрнымъ, исправленный имъ самимъ, текстъ одной книги. Карлъ отличался большой ревностью къ христіанству, любовью къ просвѣщенію, учился самъ даже въ глубокой старости; но его власть и сила были слишкомъ велики, и потому онъ нетерпѣливо рубилъ на право и на лѣво тамъ, гдѣ слѣдовало бы употреблять мѣры болѣе тихія и кроткія, не уничтожая того, что было хорошо и само по себѣ. Въ своемъ правосудіи Карлъ выказалъ подобныя же наклонности. Когда жестокости и насилія Карла вызвали заговоръ противъ его жизни, то Карлъ противъ всѣхъ обичаевъ страны не предалъ заговорщиковъ ни суду обыкновенныхъ судей, ни народнаго сейма франковъ, а распорядился самъ ослѣпить или лишить виновныхъ жизни. Подобнымъ же образомъ онъ поступилъ и съ Тассилономъ баварскимъ, котораго хотя и предалъ суду, но только для формы, потому что судьба его была уже рѣшена. Наконецъ еще одинъ фактъ: Папа Левъ III, возложивъ

ній на франкского короля, т. е. Карла, титулъ западно-римскаго императора, возбудилъ своимъ поведеніемъ такое неудовольствіе, что во время одной процессіи его побили до того, что онъ едва не лишился зрѣнія и употребленія языка. Папа бѣжалъ къ Карлу, проси его защиты. Императоръ самъ отправился въ Римъ и назначилъ надъ папой торжественный судъ. Намѣренія Карла были извѣстны, и понятно, что обвинителей не явилось, а папа очистительной присягой сложилъ съ себя всѣ обвиненія.

Карлъ былъ рожденъ для войны и кромѣ своихъ тридцати-двухлѣтнихъ войнъ съ саксами, занимался въ промежуткахъ войнами и съ другими сосѣдами. Послѣ перваго похода противъ саксовъ Карлъ отправился противъ лонгобардовъ, чтобы завоевать ихъ королевство. Кончивъ съ лонгобардами, Карлъ опять пошелъ на саксовъ. Восстаніе лонгобардовъ заставило его, оставивъ саксовъ, отправиться опять въ Италію. Веротившись, онъ созвалъ противъ саксовъ поголовное ополченіе франковъ. Послѣ этого Карлъ, по приглашенію испанскихъ мугамеданскихъ владѣльцевъ, пошелъ противъ испанскихъ омеядовъ и присоединилъ къ франкскому государству часть Испаніи. Веротившись изъ Испаніи и присоединивъ къ себѣ по дорогѣ Аквитанію, Карлъ снова пошелъ на саксовъ. Потому ему запаала мысль прославиться, подобно древнимъ героямъ Рима, и создать вторую Римскую имперію. Эти скромныя желанія явились у Карла вслѣдствіе того, что онъ началъ учиться и коротко познакомился съ древними римлянами и ихъ національнымъ характеромъ. Вотъ въ чемъ и причина, что Карлу хотѣлось сдѣлать франковъ и саксовъ похожими на римлянъ, но это къ счастью не удалось, ибо совершенно невозможно. Задумавъ сдѣлаться римскимъ императоромъ, Карлъ предпринималъ нѣсколько походовъ въ Испанію и вошелъ въ тѣсную дружбу съ папой. Послѣ избіенія 4,500 саксовъ, Карлъ три года пустошилъ земли саксовъ. А между тѣмъ постоянныя войны до того раззорили многія франкскія фамиліи, что противъ Карла явилось сильное неудовольствіе. Въ 786 году онъ завладѣлъ Баваріей, потомъ пошелъ противъ славянъ, жившихъ на Эльбѣ; за тѣмъ отправился противъ аваровъ, жившихъ въ нынѣшней Венгріи и Австріи. Карлъ сдѣлалъ противъ аваровъ семь походовъ. Въ это время на жизнь Карла былъ составленъ новый заговоръ и императоръ снова, безъ суда, казнилъ всѣхъ подозрѣваемыхъ... Полагаемъ, что перечислять остальные по-

ходы нѣтъ необходимости, читая и не этому можно судить о характерѣ военной дѣятельности Карла.

Признавая вполне всѣ великія способности Карла Великаго, мы однако полагаемъ, что его дѣятельность была столько же полезна для западной Европы, сколько персидскія и индійскія походы Александра Македонскаго для востока. Со смертью Карла его великая имперія пала, и дѣла пошли своимъ порядкомъ, не смущаемые такими рѣзкими и энергическими насиліемъ, какое обнаруживалъ Карлъ Великій. Какъ на востоцѣ имя македонскаго героя сохранилось въ народныхъ толкахъ, такъ точно западная легенда среднихъ вѣковъ воспѣвала долго подвиги Карла и его боевыхъ товарищей Роланда и другихъ.

Перечислять подвиги Наполеона I мы, разумѣется, не станемъ, потому что они извѣстны всѣмъ. Мы только замѣтимъ, что это былъ герой совершенно того же склада, какъ Александръ Македонскій и Карлъ Великій. То же ненасытное славолубіе, то же стремленіе къ всемирному владычеству, та же власть, опирающаяся на военную силу, тѣ же хладнокровныя убійства въ политическихъ видахъ, тѣ же злодѣянія въ династическихъ цѣляхъ, напр. убійство герцога Англемскаго. Сущность стремленій и дѣйствій этихъ великихъ людей была совершенно одна и та же, измѣнялись только частности, зависѣвшія отъ мѣста и времени. Каждый изъ нихъ, съ полной увѣренностью въ свою непогрѣшимость, хотѣлъ перестроить міръ по своему и создать однообразное мировое государство. Въ этой идеѣ есть много плѣнительнаго и, разумѣется, наступитъ пора, когда она осуществится, но ее привести въ исполненіе совокупная сила всѣхъ людей, а не воля одного деспота; ее осуществить мирное сближеніе людей для мирныхъ цѣлей, а не громадныя арміи и кровопролитныя сраженія. Такія счастливыя для человѣчества времена, о которыхъ теперь могутъ мечтать только великіе гени, наступятъ чрезъ такой огромный промежутокъ времени, что намъ объ этомъ счастьи печего и думать. Но мы полагаемъ, что ни Александръ Македонскій, ни Карлъ Великій, ни Наполеонъ не желали осчастливить человѣчество именно такимъ образомъ, и во всякомъ случаѣ они ошибались, полагая военною силою достигнуть того, что можетъ быть достигнуто мирнымъ путемъ. Великіе люди слишкомъ обольщались на счетъ своего могущества и смотрѣли на міръ, какъ на огромную армію, которую можно заставить повиноваться барабаннымъ боемъ. Но исторія показала, что съ

этой арміей не можеть справиться никакой человекъ, какъ бы ни была велика его власть, какъ бы ни былъ великъ его гений. На время точно можно ввести кое-какія перешѣны, и они будутъ держаться, пока живъ человекъ, поддерживающій ихъ энергіей и матеріальной силой; но потомъ они исчезнутъ безъ слѣда, если существованіе ихъ было вызвано не народной потребностью. Монархіи Александра Македонскаго, Карла Великаго и Наполеона рассыпались, потому что въ нихъ не было никакой необходимости, точно такъ же, какъ не было никакой необходимости въ создавшихъ ихъ великихъ людяхъ. Дѣла военныхъ, побѣдоносныхъ гениевъ отъ того и были непрочны, что завоевательныя стремленія наиболѣе чужды массамъ населеній. Если бы не было людей, располагавшихъ по произволу большими военными силами, если бы предводителя армій не имѣли своихъ специальныхъ побужденій покорять своей власти то, что можно покорить, то народамъ никогда бы не пришла мысль воевать другъ съ другомъ. Въ этомъ причина, почему такъ скоро исчезли слѣды шумныхъ предпріятій завоевателей и почему память о нихъ сохранилась не въ дѣйствительной жизни, а только въ народныхъ пѣсняхъ. Но и фантазія народа стала измѣнять теперь военнымъ гениямъ. Имена Александра Македонскаго и Карла Великаго живутъ до сихъ поръ въ народной поэзіи, но Наполеонъ, не уступающій по своимъ блестящимъ подвигамъ ни тому, ни другому не только не удостоился этой чести, но и не получилъ отъ исторіи прозвища великаго. Случилось это просто потому, что люди не видятъ великаго въ томъ, что казалось имъ великимъ сто лѣтъ тому назадъ. Этого мало: Наполеона не только не считаютъ великимъ, но прямо зовутъ его человекомъ нечестнымъ, измѣнившимъ своимъ прежнимъ убѣжденіямъ и порабовавшимъ народы. А развѣ Александръ Македонскій и Карлъ Великій дѣлали не то же самое? Почему же они велики, а Наполеонъ нѣтъ? Имъ сохранили титулы просто по привычкѣ или же по тому, что не рѣшались сомнѣваться въ величинѣ тѣхъ людей, которые уже нѣсколько вѣковъ зовутся великими. Разумѣется, когда явится исторія, гдѣ оцѣнка событій и людей будетъ сдѣлана на иныхъ началахъ, чѣмъ это дѣлалось доселѣ, то многіе великіе люди будутъ обращены въ карликовъ, а тѣхъ, кого бы, казалось, можно назвать великими, не назовутъ такъ потому, что великихъ людей въ дѣйствительности нѣтъ, и такъ называемое величіе есть больше ничего, какъ стремленіе подобныхъ людей осуществить желанія на-

селеній, обеспечивающее и упрочивающее благосостояніе большинства. Великій народъ и человечество въ его совокупныхъ стремленіяхъ, а не отдѣльный человѣкъ, являющійся по благоприятнымъ обстоятельствамъ только представителемъ этихъ стремленій.

По вліянію своему на ходъ цивилизаціи такъ называемые великіе люди были менѣ вредны, чѣмъ представители крайняго односторонняго направленія, въ родѣ Филиппа II. Это происходило отъ того, что великіе люди по самому качеству своихъ способностей составляли рѣдкость, и ни въ какомъ случаѣ не были представителями значительной массы людей. То, что они дѣлали, было дѣломъ ихъ личной энергии и личныхъ способностей. По своему уму они не были способны на одностороннюю крайность, они отличались всегда здравымъ практическимъ смысломъ и были чужды фанатизма и разныкъ нелѣпныхъ понятій, отличающихъ людей ограниченныхъ. Въ этомъ отношеніи великихъ людей можно сравнить съ тѣми представителями королевской власти, которые занимали середину между Филиппомъ II и Людовикомъ IX, и на которыхъ привыкли смотрѣть, какъ на людей слабыхъ и не энергическихъ, не отличающихся особенно блестящимъ умомъ. По своимъ способностямъ и понятіямъ Филиппъ II принадлежалъ къ числу людей весьма ограниченныхъ, но при своей ограниченности онъ обладалъ большой энергіей и настойчивостью, и вотъ въ чемъ причина его вреднаго вліянія. Будь онъ слабъ, какъ и другіе, его фанатизмъ не былъ бы страшенъ. Изъ этого понятно, что когда власть въ западной Европѣ находилась въ рукахъ людей наименѣ энергическихъ, она оказывала и наименѣ задерживающее вліяніе на прогрессъ, и напротивъ вліяніе ея было тѣмъ вреднѣе, чѣмъ власть была настойчивѣе, одностороннѣе, и тѣмъ эта односторонность находила себѣ больше поддержки въ предрассудкахъ и заблужденіяхъ людей. Учрежденіе и развитіе ордена іезуитовъ лучше всего поясняетъ нашу мысль. Орденъ этотъ былъ учрежденъ съ цѣлью противоудѣствовать распространенію реформаціонныхъ идей. Положилъ начало ему человѣкъ простой, незначительный, и неимѣвшій никакой силы власти. По видимому, это были условія весьма неблагоприятныя для развитія ордена, а между тѣмъ онъ достигъ такой силы, какой до него не пользовалось ни одно учрежденіе. Въ чемъ же причина этого явленія? А просто въ томъ, что реформаціонныя идеи были не всѣмъ еще доступны; что вромѣ людей, чувствовавшихъ потребность мыслить свободно,

было много людей, которымъ это не было нужно. Во всѣхъ такихъ людяхъ ученіе Лойола нашло сочувствіе и поддержку; имъ казалось легче отдавать свою мысль и совѣсть въ опеку и жить чужимъ умомъ, чѣмъ распорядиться своей интеллектуальной личностью вполне самостоятельно. Люди были убѣждены, что при вѣчномъ порядкѣ соблюдение известнаго условія и обрядности обезпечивало за ними душевное спасеніе, но сомнѣвались, чтобы того же самаго результата можно было достигнуть, держась ученія Лютера. Всѣ умственно слабые и трусливые люди были противъ реформациіи и поддержали іезуитовъ и тѣхъ, кому было выгодно старый порядокъ. Игнатій Лойола только отвѣтилъ на общій призывъ людей этого образа мысли; онъ осуществлялъ своимъ учрежденіемъ желаніе такихъ людей, и больше ничего. Не явился Игнатій, явился бы кто набудь другой, но противодействие реформационной пропагандѣ въ формѣ пропаганды католической было бы непремѣнно. Потребность ея лежала въ людяхъ XVI столѣтія, когда благочестіе было еще очень сильно и давалось большое значеніе внѣшней обрядности, защитниками которой являлись іезуиты. Даже въ наше время слишкомъ чрезъ 300 лѣтъ іезуиты, не смотря на преслѣдованіе правительствъ, живутъ и продолжаютъ втайнѣ. Этого не могло бы быть, если бы въ обществѣ не было людей, поддерживающихъ іезуитовъ и нуждающихся въ ихъ ученіи. Только религиозныя убѣжденія такихъ людей и даютъ жизнь ордену. Что же касается до королевской власти, то народъ желалъ видѣть въ ней представительницу правосудія и защитницу его интересовъ; но къ сожалѣнію, желанія народа не всегда исполнялись. Въ постоянной борьбѣ разныхъ противоположныхъ интересовъ, составляющей отличительную черту новаго міра и исторіи Европы, консервативный принципъ бралъ обыкновенно перевѣсъ и прогрессивное начало должно было задерживаться. Эта задержка, кромѣ замедленія въ общемъ развитіи, имѣла еще и другую печальную сторону, незнакомую ни древнему міру, въ блестящую эпоху его существованія, ни Северо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ. Когда раньше новыхъ идей и стремленій становился значительнымъ, а между тѣмъ свободное движеніе имъ было преграждено, они прорывались насильственнымъ путемъ, создавая такія явленія, какъ гусситская война, реформациія и многія другія подобныя событія 16, 17, 18 и 19 столѣтій. Главную причину этого нужно искать, разумеется, въ недостаткѣ той поддержки, какую желалъ найти народъ въ королевской власти.

Если эта поддержка являлась въ видѣ тѣлѣ короны, какъ Индрикъ IX и Генрихъ IV, то очевидно, что причина этого заключалась въ какихъ нибудь обстоятельствахъ, къ шапкамъ королевской власти осуществиться въ видѣ того идеала, какой составило о ней народное представление. Этими къ шапками обстоятельствами была для королей обыкновенныхъ способность увидѣть и понять всѣ разнообразныя стремленія и желанія населенія во всей ихъ совокупности и дать предпочтеніе болѣе справедливымъ изъ нихъ т. е. прогрессивнымъ. Предпочтеніе односторонняго или ошибочнаго справедливому или общему создало тотъ медленный прогрессъ, которымъ такъ отличалась Европа по сравнению съ древнимъ міромъ и съ Сѣверо-Американскими Штатами. Но теперь печальныя времена Генриховъ VII и Людовиковъ XIV для многихъ государствъ Европы стали уже невозможны, но за то приближается то время, когда Людовики IX и Генрихи IV будутъ уже не такъ рѣдки. Королевская власть не утратила ничего въ своемъ достоинствѣ, но напротивъ приобрѣла еще большее значеніе, превращеніемъ своимъ въ истинную представительницу народныхъ нуждъ и прогресса, тогда какъ прежде она являлась исключительно защитницей охранительнаго начала. Приводимъ одинъ примѣръ въ подтвержденіе этого. Крестовыя походы, какъ и всѣ великія историческія движенія, создалъ не Петръ Пустынникъ, и не папа Урбанъ II — ихъ создало общее релігіозное настроеніе народовъ запада. Огромныя полчища людей простыхъ и бѣдныхъ, безъ всякихъ средствъ, безъ всякихъ политическихъ соображеній, даже безъ руководителей, нѣтъ во главѣ только какихъ-то сумасбродныхъ рыцарей, увлеченныхъ чувствомъ, устремляются на востокъ, и всѣ гибнутъ на пути, не достигнувъ гроба Господня. За ними идетъ уже высшій классъ — дворянство. Но дворянство, увлеченное народнымъ движеніемъ, скоро охладѣваетъ къ дѣлу; оно не хочетъ продолжать предпріятія, оно забыло о высокой цѣли, которая одушевила ихъ сначала и думаетъ только о завоеваніяхъ въ свою личную пользу. Тутъ опять выступаетъ народъ и принуждаетъ ихъ идти на освобожденіе Іерусалима, и рыцари подчиняются власти массы. Государь не принимаетъ никакого участія въ этихъ двухъ народныхъ движеніяхъ; только чрезъ пятьдесятъ лѣтъ они увлекаятся общимъ настроеніемъ и предпринимаютъ второй походъ. За то чрезъ двѣсти лѣтъ, когда народы совершенно охладѣли къ подобнымъ предпріятіямъ, когда въ Европѣ явились уже другія народныя интересы, го-

судари все еще продолжают быть крестоносцами и стараются предпринимать то, что уже отжило свое время. Исторія реформациі представляеть подобный же примѣръ. Нѣмецкіе государи псзволили смечь Ивана Гусса и Іеронима Прагскаго, и вели страшно опустошительную войну съ ихъ приверженцами; только чрезъ сто тридцать лѣтъ сказали они поддержку продолженію этого умственнаго движенія въ лицѣ Лютера. Но и тутъ, какъ въ крестовыхъ походахъ, когда уже все успоковалось, австрійскій императоръ затѣваетъ тридцатилѣтнюю войну, вредное вліяніе которой чувствуется въ Германіи еще до сихъ поръ.

III.

Здѣсь мы будемъ говорить собственно о римско-католической церковной іерархіи, не касаясь ни христіанства, ни религіи. Такъ мы и просимъ понимать наши слова.

Въ борьбѣ за существованіе римско-католическое духовенство обнаружилло больше, чѣмъ какое либо другое сословіе, энергіи, настойчивости и вѣрности своимъ принципамъ. Оно не отклонилось ни отъ какихъ средствъ, если только онѣ вели къ цѣли, и постоянно выказывало большую силу, находя поддержку въ религіозномъ чувствѣ населеній.

Съ первыхъ шаговъ католическая церковь заявила два начала, которымъ и оставалась постоянно вѣрной. Она признала принципомъ, что истинно только то ученіе, которое исходитъ отъ нея, которое будетъ создано главами церкви и перейдетъ отъ высшихъ, чрезъ всю іерархическую лѣстницу, въ сердца вѣрующихъ. Такое начало было построено на противуфизіологическомъ законѣ, отрицающемъ самостоятельную мозговую дѣятельность каждаго отдѣльнаго организма. Несогласное съ сущностью человѣческой природы, заблужденіе это привело въ цѣлому ряду страшныхъ послѣдствій, обнаружившихся въ постоянныхъ религіозныхъ преслѣдованіяхъ, въ изобрѣщеніи инквизиціи со всѣми ея ужасами, пытками и казнями, въ крестовыхъ походахъ противъ еретиковъ, какъ напримѣръ альбигойская, гусситская и многія другія войны.

Постоянное появленіе новыхъ сектъ и вѣроученій вмѣсто того, чтобы убѣдить католическую церковь, что въ этомъ проявляется не-

небывший законъ свободной дѣятельности человѣческаго разума, напротивъ расналялъ религиозное усердіе, фанатизмъ служителей церкви и возбуждалъ ихъ на болѣе энергическое противодѣйствіе, выражавшееся въ усиленныхъ и утонченныхъ кровавыхъ преслѣдованіяхъ. Такимъ образомъ, отрицаніе человѣческаго права мыслить самостоятельно привело къ убѣжденію въ необходимости внѣшательства во внутренній міръ человѣка. А какъ только явилась эта идея, изъ нея слѣдовало уже само собою, что ученіе, непринятое добровольно, можетъ быть навязано человѣку силой.

Какъ ни противорѣчила подобная система сущности ученія Христа и сущности человѣческой природы, но она была принята всѣмъ католическимъ міромъ, и введеніе христіанства огнемъ и мечемъ, въ родѣ того, какъ дѣйствовалъ Карлъ съ саксами, или водвореніе истиннаго, т. е. католическаго ученія, по способу Филиппа II и герцога Альбы, находило всегда одобреніе и поддержку со стороны всего католическаго духовенства.

Такое внѣшательство въ дѣло человѣческой совѣсти казалось лучшимъ представителямъ католической церкви, наиримѣръ св. Амбросію, св. Гиларію, совершенно ошибочнымъ и они отрицали право церкви принуждать людей силой къ тому, чего они не хотятъ принимать добровольно. Но эта мысль, кажущаяся намъ такъ простой и неоспоримо справедливой, не могла быть усвоена людьми въ періодъ варварства, съ его основнымъ принципомъ — насиліемъ.

Въ варварскую эпоху каждый человѣкъ хотѣлъ мѣшаться въ дѣла другаго; каждая сила упражнялась надъ тѣмъ, что было слабѣе ея; понятно, что и представители церкви, сформировавшіеся изъ тѣхъ же варваровъ, внесли начало насилія въ такое дѣло, которое по существу своему рѣшительно его не допускало. Такая система дѣйствій казалась католическому духовенству тѣмъ болѣе справедливой, что оно не имѣло средствъ представить доказательства къ опроверженію разныхъ сомнѣній, являвшихся въ вѣрующихъ, и опровергать новыя толкованія на столько убѣдительными доводами, чтобы посеять въ церкви единство убѣжденій и взглядовъ. Этотъ-то недостатокъ нравственнаго вліянія католическое духовенство пополнило вооруженнымъ внѣшательствомъ въ дѣло вѣры и кровавыми преслѣдованіями.

Цѣлыя рѣки крови были пролиты по случаю вопросовъ, совершенно недостижимыхъ для человѣческаго разума. Люди мучались, насилывали свой умъ, чтобы непостижимое сдѣлать понятнымъ и

известия на стогны общепринятой истины.... Возьмемъ нѣ-
 сколько примѣровъ. Между множествомъ различныхъ учений, явив-
 шихся въ первые времена христіанства, сѣкта монахоистая имѣла
 наибольшее вліяніе на религиозныя убѣжденія западной Европы. Мо-
 нахоиство стало извѣстнымъ въ концѣ III столѣтія. Основателемъ его
 былъ игуменъ Манахъ. Сѣкта Манахеевъ подверглась сильному гоне-
 нію, и отъ этого получила, разумѣется, еще большую силу; но
 когда въ IV вѣкѣ гоненіе на нихъ особенно усилилось, многіе сек-
 таторы бѣжали въ разныя государства западной Европы и тутъ не-
 меншимъ началомъ ученію катаровъ т. е. чистоты. Они хотѣли очи-
 стить и упростить догматы церкви, богослуженныя обряды и все
 внѣшнее церковное устройство. Рядомъ съ катарами явилась другая,
 совершенно родственная ей сѣкта, основаніе которой преходитъ въ-
 роятно изъ того же источника, — сѣкта альбигойцевъ. Она возникла
 въ южной Франціи и существовала уже нѣсколько вѣковъ незамя-
 ченною, пока лионскій купецъ Петръ Вальдо не привезъ ее въ Бе-
 лѣе стройное ученіе и не способствовалъ ея распространенію. Альби-
 гоиды или вальдейцы, вставая противъ мірскаго существа запад-
 наго духовенства, держались строго нравственной, простой и умѣ-
 ренной жизни; отвергали папу, придавали значеніе одной нравствен-
 ной сторонѣ религіи, признавали евангеліе единственнымъ источни-
 комъ вѣры и изъ таинствъ допускали только крещеніе и евхаристію.
 Въ концѣ XII вѣка папа Иннокентій III предпринялъ противъ альби-
 гоидовъ страшный крестовой походъ и напустилъ на беззащитный
 народъ, отъ котораго отступились истинные значительные и богатые
 землевладѣльцы, стаю хищныхъ разбойниковъ подъ предводитель-
 ствомъ аббата Арнольда, человѣка способнаго на всякое гнусное дѣ-
 ло. Даже въ тѣ варварскія времена, когда грабежи и убійства не
 возбуждали особеннаго отвращенія, поведеніе новыхъ крестоносцевъ
 совершенно истребившихъ все населеніе большого и цвѣтущаго ге-
 рода Белье, не пощадившихъ ни женщинъ, ни дѣтей, возбуждало общій
 ужасъ. Можетъ быть, папа не одолѣлъ бы альбигойцевъ, если бы ему
 не помогъ французскій король, руководившійся чисто мірскими цѣ-
 лями и желавшій присоединить край къ своимъ владѣніямъ. Несча-
 стная альбигойская война и ужасныя насилія ожесточили до того
 истинныхъ митрополитовъ противъ папы, что римскій дворъ для душевнаго
 спасенія своей альбигойской части придумалъ учредить религиозныя
 или инквизиціонныя суды, которые должны были отыскивать ерети-

люди, судить их и передавать на чужую святую власть для наказания. Это учреждение, передающее доминиканцам, благодаря их самозабвенному усердию, принесло вместе с иезуитскими орденными стремительнейшей вперед цивилизации всего человечества, потому что в течение нескольких веков, под видом спасения грешников от нук ада, доминиканцы и иезуиты не только способствовали распространению самых грубых понятий и суеверий, но и развращали население, внушая им ко лжи, ложному благочестию и религиозному притворству. Народ сначала протестовал введением религиозных судов, но затем лишь в некоторых городах инвентаровъ самою, но они тамъ съ большею яростью мучили народъ и удержались, благодаря поддержкѣ святой власти того самого Людовика Святого, который такъ старался о правосудии и вообще покровительствовалъ народу и защищалъ его противъ сильныхъ.

Дѣйствуя такимъ образомъ, т. е. желая взять въ полную свою руку совѣсть и убѣжденія людей, католическая церковь впадала въ противорѣчье, сама того не замѣтая. Духовная иерархія, стремясь поддержать однородную церковь, какъ выраженіе однороднаго вѣрованія, могла имѣть дѣло только съ внѣшнимъ миромъ. Совѣсть людей отъ нея ускользала: чему вѣрилъ или не вѣрилъ человекъ и какъ именно онъ вѣривъ, того не могъ видѣть никакой, самый провѣстный инвентаръ. Монахамъ приходилось только по внѣшней религиозной признанью и формальностямъ судить о сущности убѣжденій вѣрующаго, потому что человеческая душа была для нихъ закрыта. Впрочемъ, изучая историческіе факты, не трудно замѣтить, что сущность убѣжденій и не составляла особеннаго предмета заботливости католическаго духовенства, которое удовлетворялось иногда наружнымъ благочестіемъ. Чтобы чувствовали вполнѣ религію любви и кротости, — представителями которой являлись паны, лиценцированные доминиканцы и борнардены и святые наунты, — требовались отъ людей такіе условія, какія въ тѣ времена встрѣчались въ людяхъ весьма рѣдко. Монахи, отправляясь исполнять свои обязанности и обращаясь къ вѣрѣ заблудшихъ, держали въ одной рукѣ крестъ, а въ другой мечъ, а нередко выходили противъ нихъ съ однимъ мечомъ. Не религія сердца вѣдушевляла ихъ въ подобныхъ крестовыхъ походахъ, а жажда мести и славы, и потому несправедливо имѣете, выставляемое въ настоящее время однимъ извѣстными историкомъ, будто бы религиозные религіозы, прежившие наибольшее человеческой крѣ-

ви и наиболѣе помѣшавшіе прогрессу, были люди въ сущности очень хорошие и добрые. Такое мнѣніе неудобно въ томъ отношеніи, что приходится измѣнять совершенно вѣковыя понятія о хорошемъ и добромъ, и признать Филиппа II, Торквемаду и людей имъ подобныхъ за благодѣтелей рода человѣческаго. Какое намъ дѣло до убѣжденій Торквемады, и какое мы имѣемъ основаніе считать его ангеломъ кротости, когда онъ казнилъ и сжегъ болѣе 100,000 человѣкъ. Странно было бы судить о добротѣ людей не по фактамъ, а по тѣмъ неувидимымъ движеніямъ ихъ внутренняго міра, которыхъ никто не видитъ и не знаетъ. Думаемъ, что никто не назоветъ чадолюбивымъ отцомъ и добрымъ человѣкомъ того, кто изъ воображаемаго или желанія сдѣлать добро ближнему терзаетъ и мучитъ своихъ дѣтей и тѣхъ, кто очутится въ его власти. Въ этихъ случаяхъ руководитъ людьми чувство, сходное съ добротой, но совершенно ему противоположное. Пожалуй и католическое духовенство отличалось добротой, но только той добротой, по которой воронъ не выклюнетъ глаза ворону.

Такимъ образомъ въ дѣлахъ католической церкви нужно отличать теорію отъ практики. Евангельское ученіе жило только на устахъ и оставалось теоріей, въ практикѣ же всякій свободный порывъ сердца и мысли подавлялся самыми тираническими мѣрами, а вмѣстѣ съ тѣмъ грубое и невѣжественное духовенство распространяло суевѣріе, запугивало воображеніе темныхъ людей, страдая ихъ адскими муками, и распалая фанатизмъ. Народъ, воспитавшійся въ такой школѣ, видѣлъ въ папѣ дѣйствительнаго намѣстника Св. Петра. Какія бы страшныя дѣла ни творилъ этотъ намѣстникъ, ему все прощалось, потому что и папа, и его кардиналы, и епископы признавались дѣйствительными преемниками апостоловъ. Никто не сомнѣвался не только въ томъ, что въ представителяхъ церкви живетъ непогрѣшимый духъ истины, но все глубоко вѣрили, что не почитающіе папу и его клавретовъ должны быть предаваемы смерти. Умы бѣдныхъ, запуганныхъ людей были до того извращены ложнымъ ученіемъ и постояннымъ матеріальнымъ и нравственнымъ гнетомъ служителей церкви, что такое страшное дѣло, какъ казни и убійства, принимались, какъ актъ божескаго правосудія.

Кажется, что можетъ быть проще ученія Христа: люби ближняго; но въ этой-то простотѣ и заключается вся его трудность. Эта религія сердца можетъ быть понята только сердцемъ; а такого сердца имѣно и не было у людей, преданныхъ интересамъ своей

партіи. Вся политика римскаго двора стремилась исключительно къ захвату болѣе обширной власти и къ увеличенію своихъ земныхъ благъ. Поэтому армія монашествующей братіи наполнялась людьми болѣею частью черствыми, фанатическими, для которыхъ мертвая буква была сущностью, а наружное благочестіе и святошество истинной религіей. Понятно, что католическая церковь вполнѣ удовлетворялась внѣшностью и даже при обращеніи язычниковъ старалась дѣйствовать исключительно на ихъ воображеніе, плѣняя людей великолѣпнымъ богослуженіемъ и внѣшней торжественностью. Этой же системы духовенство держалось и дома, устанавливая блистательныя празднества и процессіи, ввозя торжественную церковную музыку, пышныя облаченія священнослужителей и вообще стараясь возбуждать фантазію на счетъ разсудка. Удивляться такой системѣ дѣйствій, разумѣется, не слѣдуетъ—она была необходимымъ слѣдствіемъ тогдашняго порядка вещей, когда вражда всѣхъ противъ всѣхъ и каждаго противъ каждаго составляла сущность всѣхъ человѣческихъ отношеній. Воиственный элементъ составлялъ основу всего гражданскаго быта; слѣдовательно для любви и гуманности не оставалось мѣста, евангельское слово не проникало въ сердца, покрытыя броней, и только плѣненное и вмѣстѣ съ тѣмъ запуганное воображеніе давало людямъ наружный христіанскій лоскъ, лишенный дѣйствительнаго смысла. Въ тѣ времена папа являлся такимъ же борцемъ за власть, какъ и германскій императоръ—и между папами являлись свои Карлы Великіе и Александры Македонскіе, которые не хуже этихъ военныхъ геніевъ устроивали свою всемірную папскую монархію. Такимъ бойцомъ былъ, напримѣръ, Григорій VII, нанесшій цивилизаціи Европы, разумѣется, не меньшій вредъ, чѣмъ папа Иннокентій III, придумавшій инквизицію.

Монахъ Гальдебрандъ, вполнѣ слѣдствіи папа Григорій VII, отличался качествами, которыя дѣлали его болѣе способнымъ быть завоевателемъ, чѣмъ папой. Онъ обладалъ необычайной энергіей и стремленіемъ къ господству, которое наконецъ унизило и погубило его. Онъ хотѣлъ подчинить себѣ управленіе всѣмъ міромъ, хотѣлъ сдѣлать первосвященника главою міровой монархіи. Григорій, должно быть, не зналъ, что такіе люди, какъ онъ, Александръ Македонскій, Карлъ Великій, рождаются тысячами, что міровыя монархіи существуютъ, пока живы ихъ основатели, и потомъ рассыпаются безъ слѣда, внося въ міръ, нерѣдко надолго, путаницу отношеній, или причиняя зло еще

Большое. Властительство увидело Григорія, и онъ сдѣлался причиною чужаго зла, котораго не знала прежде Европа.

Сначала, когда Григорій принялся за исправленіе нравственности духовенства и за уничтоженіе злоупотребленій въ церкви, побужденія его были добрыя. Вотъ что говоритъ между прочимъ одинъ писатель того времени о нравственности свѣтскихъ и духовныхъ лицъ: «Никто въ государствахъ не могъ сдѣлаться епископомъ или аббатомъ, если не имѣлъ денегъ, не участвовалъ въ порокахъ Генриха IV (императора германскаго) или не благопріятствовалъ имъ. По крайней мѣрѣ, на образъ мыслей и нравственность не обращали никакого вниманія, а напротивъ, гнушались религіей, истиной и справедливостію и хвалили всего больше тѣхъ священниковъ, у которыхъ было самое великолѣпное платье, самый роскошный столъ и самая красивая любовница; изъ воиновъ славились только тѣ, которые раза три или четыре нарушали клятву.» Григорій принялся энергически за духовныхъ, стараясь уничтожить симонію и браки духовенства. Въ началѣ Григорію помогалъ въ этомъ и Генрихъ IV, пока Григорій не задѣлъ его любимцевъ. Тутъ началась между ними ссора, въ которой Григорій потерялъ всякое благоразуміе; у него зарушилась голова, подобно тому, какъ это случилось съ Александромъ Великимъ, когда онъ сталъ персидскимъ царемъ. Генрихъ, возбужденный духовенствомъ, озлобившимся на Григорія, назначилъ надъ нимъ судъ, и судъ низложилъ папу, не имѣя на то никакого права. Григорій въ отвѣтъ на это сталъ возбуждать епископовъ и народъ противъ короля, отлучилъ его самого, его друзей и епископовъ, подавшихъ голосъ противъ папы, отъ церкви и забылся даже до того, что рѣшился на неслыханное до того дѣло—освободилъ всѣхъ подданныхъ Генриха отъ присяги ему. Чтобы привлечь на свою сторону больше союзниковъ, Григорій далъ легатамъ власть снимать проклятіе со всѣхъ отлученныхъ ранѣ за симонію или другія преступленія, если они оставятъ короля и перейдутъ на его сторону. Это было отличнымъ предлогомъ для всѣхъ тѣхъ, кто думалъ извлечь выгоду изъ борьбы императора съ папой. Объ этихъ отступникахъ Генрихъ Трорскій говоритъ такъ: «есть между нами такіе, которые кровью проложили себѣ дорогу къ престолу, украсили голову окровавленной діадемой, утверждали свое господство убійствами, грабежомъ и казнями, есть люди, убивавшіе своихъ родственниковъ и государей, чтобы воспользоваться ихъ влуществомъ. Всѣ они называются

друзьями папы, всё они нечтены его благословениемъ и привѣтствуются имъ, какъ побѣдоносные князья. За то Генрихъ, рѣшившійся поддержать свое господство, наследованное имъ отъ отца и дѣда, объявляется злодѣемъ, осуждается неслыханнымъ образомъ и предается проклятію.» Генрихъ, оставленный всѣми, смирился и просилъ у папы прощенья. Но этимъ дѣло не кончилось, потому что прощенья папы было неискренно. Открылась между ними формальная война. Григорій снова отлучилъ Генриха, а Генрихъ назначилъ соборъ, который низложилъ Григорія и избралъ новаго папу — Климента III. Скандалъ былъ великій, хотя имъ и не особенно возмущались благочестивые люди, уже привыкшіе къ подобнымъ вещамъ. Не смотря на содѣйствіе нормандскаго князя Роберта Гвискара, Григорій проигралъ свое дѣло, потому что въ самой Итали и въ Римѣ успѣлъ нажить себѣ множество враговъ, принявшихъ сторону вновь избраннаго папы. Гвискаръ осадилъ Римъ, сжегъ его почти до тла, продалъ множество людей въ рабство и увелъ множество съ собой; но ничто не помогло—Григорій бѣжалъ въ Салерно и вскорѣ умеръ. Мы нарочно довольно подробно прослѣдили жизнь Григорія, чтобы показать, что это былъ скорѣе честолюбивый солдатъ, чѣмъ намѣстникъ апокалипсическаго, бѣднаго и проповѣдывающаго любовь и неволю апостола Петра. Хотя умирая Григорій и говорилъ: «я любилъ право и ненавидѣлъ несправедливость, и отъ того умираю въ изгнаніи», но этимъ словамъ не нужно придавать особеннаго вѣса. Въ какой степени Григорій любилъ правду и уважалъ человѣческое право, которое ему, какъ главу церкви и челоуѣку съ большими способностями, было, разумѣется, понятнѣе, чѣмъ разнымъ темнымъ бернардинамъ и доминиканамъ, можно видѣть изъ того, что онъ считалъ библію книгой опасной и не хотѣлъ, чтобы евангеліе читалъ кто нибудь другой, кромѣ духовенства. Когда чешскій князь просилъ у него позволенія удержатъ въ богослуженіи славянскій языкъ, то онъ отвѣтилъ ему: «я не могу согласиться на твою просьбу; всемогущему угодно было, чтобы нѣкоторые мѣста священнаго писанія были темны, потому что, дѣлаясь для каждаго яснымъ и понятнымъ, оно потеряло бы свою важность и значеніе и могло бы ввести въ ошибку людей, мало знающихъ писаніе. Въ извиненіе и оправданіе твоей просьбы нельзя приводить того, что нѣкоторые благочестивые люди согласились на это и молча терпѣли его, потому что церковь въ своемъ младенствѣ допустила многое, что впоследствии, съ утвержденіемъ и распростра-

неніем христіанства, измѣнено вслѣдствіе старательнаго изслѣдова-
 нія». Вотъ каковъ былъ этотъ воинственный геній, воображавшій
 себя кроткой овцой и защитникомъ правды и нравственности. Жизнь
 Григорія, полная самыхъ соблазнительныхъ скандаловъ, порожден-
 ныхъ его безграничнымъ честолюбіемъ и стремленіемъ къ гос-
 подству, казалась людямъ того желѣзнаго вѣка благочестивой борь-
 бой, и нашлось много людей, считавшихъ Григорія святымъ и му-
 ченикомъ. Никто изъ этихъ почитателей честолюбиваго папы не
 умѣлъ понять, что вся жизнь Григорія состояла изъ непрерывнаго
 ряда темныхъ замысловъ и еще болѣе темныхъ дѣлъ, на-
 правленныхъ къ удовлетворенію его личныхъ выгодъ. Въ уче-
 ніи іезуитовъ мгновенный порывъ Григорія, вызванный горяч-
 ностью и необдуманностью, сложился въ твердый руководящій
 принципъ, что всѣ средства хороши, лишь бы достигнуть цѣли.
 Борьба Григорія съ императоромъ и стремленіе къ мировому господ-
 ству породило цѣлую систему, которой держались всѣ послѣдующіе
 папы, постоянно враждовавшіе съ свѣтской властью и жадавшіе быть
 выше ея. Церковь и государство раздѣлились на цѣлые вѣка.
 Просвѣщеніе массъ выиграло тоже не болѣе отъ властолюбивыхъ на-
 клонностей римскаго двора, такъ рѣзко выяснившихся политикой Гри-
 горія VII. Самъ глава церкви признавалъ, что массы должны ходить
 во тьмѣ и не должны понимать священнаго писанія, не должны чи-
 тать даже евангелія на понятномъ для нихъ языкѣ, а только слу-
 жить слѣпыми орудіями католическихъ духовныхъ въ ихъ свѣтскихъ
 интересахъ. Григорій хотѣлъ создать изъ римской церкви имперію
 съ первосвященникомъ во главѣ, управляемую самыми пагубными
 средствами, какія только можно придумать. Ему хотѣлось загасить
 въ людяхъ весь человѣческій смыслъ, все, что отличаетъ ихъ отъ
 безсловесныхъ животныхъ и, превративъ такимъ образомъ въ обшир-
 ное стадо, отдать его въ опеку не менѣе невѣжественныхъ монаховъ.
 До чего можетъ довести чисто теократическое управленіе, опытъ по-
 казалъ въ Перу, гдѣ іезуиты осуществили самымъ послѣдовательнымъ
 образомъ мысль Григорія. Іезуиты, забравъ въ свои руки всю свѣт-
 скую и духовную власть, превратили всю страну въ одну обширную
 земледѣльческую колонію. Всѣ работы земледѣльческія, промышлен-
 ныя, фабричныя, ремесленныя—производились подъ управленіемъ и
 надзоромъ отцовъ іезуитовъ. Въ каждомъ селеніи былъ свой особен-
 ный управитель, распоряжавшійся жителями, какъ своими рабами.

Все, что они наработывали, поступало въ общественный магазинъ, и оттуда выдавалось жителямъ все необходимое; остальное продавалось, и деньги обращались въ государственную кассу. Въ каждомъ селеніи былъ заведенъ порядокъ рабочаго дома, все дѣлалось по звонку, въ назначенные для того часы, и однообразіе и скука были непроходимыя. Говорятъ, что матеріальное благосостояніе края возрасло необычайно, что въ странѣ не было ни нищихъ, ни бѣдныхъ, а каждый имѣлъ все, что ему было необходимо для совершенно обезпеченнаго существованія. Не было только одного — свободы совѣсти, свободы мысли и свободы дѣйствія, и люди были доведены до состоянія домашнихъ животныхъ. Къ счастью для жителей, іезуитское управленіе продолжалось не долго. Разумѣется, Григорій не хотѣлъ устроить изъ Европы подобную мастерскую, да было и мудрено устроить фабрику со ста милліонами рабочихъ; но Григорій явился самымъ слышимымъ представителемъ рабовладѣльческаго принципа, перенесеннаго въ область церкви.

Указывая на Григорія VII, какъ на причину великаго зла, явившагося въ отношеніяхъ церкви къ мірянамъ, мы вовсе не думаемъ сказать этимъ, что Григорій былъ исключительнымъ и первоначальнымъ творцомъ подобныхъ вредныхъ для цивилизаціи стремленій. Григорій только соединилъ въ себѣ многія черты своего времени и выставилъ ихъ на показъ міру въ болѣе яркомъ свѣтѣ. Григорій съ своими стремленіями былъ такимъ же созданиемъ своего вѣка, какъ Александръ Македонскій и Карлъ Великій. Всѣ они дѣлали безсознательно то, что не менѣе безсознательно жило въ ихъ современникахъ; они только осуществляли мысли и желанія, жившія въ разбросѣ въ людяхъ, общихъ съ ними по своимъ способностямъ и наклонностямъ. Григорій явился представителемъ извѣстной односторонности, которой онъ придавалъ огромное значеніе и вліяніе на общій ходъ дѣлъ своего и послѣдующаго времени, вслѣдствіе своей силы и удобнаго положенія для проявленія подобныхъ началъ. Какъ борьба разныхъ элементовъ, бродявшихъ въ обществѣ, создавала Карловъ Великихъ, Генриховъ VIII, въ числѣ представителей свѣтской власти, такъ точно она же создала Григоріевъ VII и Іоанновъ XXIII, въ числѣ представителей духовныхъ. Всѣ эти люди были дѣтьми своего времени, и потому, когда говорятъ о нихъ, нужно постоянно помнить, что за ними стоятъ цѣлыя массы болѣе или менѣе одномыслящихъ людей, служившихъ почвой, на которой выросли эти благоухающіе цвѣтки.

И развратное поведеніе духовныхъ было только повтореніемъ того, что дѣлало значительное большинство. Грубость чувствъ и мыслей была общая. Никто не смущался, что ипогда въ одно и то же время является двое или трое папъ, и каждый напрягаетъ всѣ свои усилія, пускаетъ въ ходъ всѣ правды и неправды, подкупы, убійства, отравленія, чтобы удержать за собой обгащенный кровью и поруганный престоль. Цѣлыя армія монаховъ, сильныхъ своимъ вліяніемъ въ исповѣдальныхъ, прикрывали именемъ божіимъ все, что дѣлали сами и ихъ предводители — кардиналы и папы. Благочестивые, но тупые мірляне, полные суевѣрной боязни, вѣрили безусловно въ святость дѣйствій своихъ наставниковъ и готовы были жертвовать своимъ достоинствомъ и даже жизнью, чтобы защищать то, что приносило имъ только вредъ. Аналогическое явленіе повторяется нынче въ Америкѣ, гдѣ бѣлое населеніе юга сражается противъ своихъ собственныхъ интересовъ и простодушно думаетъ, что оно дѣлаетъ умное и честное дѣло. Какъ южные плантаторы старались, по принципу, держать своихъ черныхъ рабовъ и бѣдное бѣлое населеніе на уровнѣ самыхъ низкихъ и грубыхъ понятій, такъ точно и католическое духовенство систематически затупляло своихъ духовныхъ дѣтей и не позволяло имъ даже читать евангеліе на родномъ, понятномъ языкѣ.

Сравнивая то, что дѣлало католическое духовенство, съ тѣмъ, что дѣлали феодалы, — рыцари и бароны, нужно согласиться, что хотя послѣдніе и не изображали собой прогрессивной силы, но они принесли цивилизаціи Европы гораздо меньше вреда, чѣмъ римская церковь. Рыцари были представителями одного голаго матеріальнаго насилія; они грабили, разоряли народъ; они создали крѣпостное право; они вредили всѣмъ и всякому, если это приносило имъ выгоду, но по крайней мѣрѣ они не мѣшались въ дѣло совѣсти, они не подавляли разумъ человѣческой проповѣдываніемъ фальшивыхъ идей, и по характеру своего матеріальнаго насилія были похожи скорѣе на стихійныя силы природы, дѣйствующія подобно урагану или наводненію. Не такъ дѣйствовало католическое духовенство. Не гнушаясь матеріальнымъ насиліемъ, оно усиливало это зло еще своей змѣиной мудростью, и разбращало разумъ и сердце. Во многихъ случаяхъ оно дѣйствовало такъ съ чистосердечнымъ убѣжденіемъ въ душѣспасительность своей системы и въ ея необходимость для блага народовъ. Но чаще оно понимало отлично,

что, водворяя мрак и невѣжество, оно застраховываетъ свою безопасность и могущество вѣрнѣе, чѣмъ этого можно было бы достигнуть миллионными арміями. Для усиленія своей власти и для доставленія первенства церкви, римскіе епископы занимались даже составленіемъ поддѣльныхъ хартій. Чтобы увѣрить простодушныхъ людей, что власть папы въ свѣтскихъ дѣлахъ идетъ отъ первыхъ вѣковъ христіанства и имѣетъ законное прочное основаніе, былъ сочиненъ дарственный актъ, которымъ Константій Великій будто бы передалъ епископу Сильверсту Римъ и всю Италію, а самъ послѣ этого удалился въ Константинополь. Кромѣ того были сочинены такъ называемыя декреталіи Лжеисидора. Это было собраніе церковныхъ законовъ, составленное собственно съ цѣлю увеличенія власти папы и для превращенія республиканскаго церковнаго права, основаннаго на постановленіяхъ древнихъ соборовъ, въ абсолютно-монархическое, крайнимъ выраженіемъ котораго явился Григорій VII.

Вотъ отношеніе римской церкви къ цивилизаціи западной Европы. Нельзя сказать, чтобы вліяніе римской церкви, помогало развитію народовъ, хотя она, по своему теоретическому значенію, служила представительницей всего лучшаго, что есть въ природѣ челоуѣка. Въ этомъ причина силы, которой достигла римско-церковная власть. Народы склонились предъ ней потому, что она была единственной представительницей духовнаго міра; въ ней они искали духовнаго успокоенія и матеріальной защиты. Въ тѣ времена, когда существовалъ только одинъ духовный міръ—богословскій и одна наука—богословіе; когда почти вся умственная дѣятельность соединялась въ духовенствѣ, нравственная сила его не могла не вырости до огромнаго размѣра; это были единственные люди, которымъ и по ихъ религіозному значенію, и по ихъ познаніямъ принадлежало первое мѣсто въ главѣ умственнаго и нравственнаго движенія. Понятно, что они стремились распространить свою власть вездѣ и поставить ее даже выше гражданскаго правительства. И даже въ этомъ случаѣ сочувствіе народа было на стороне церкви. Тогдашній міръ находился въ страшномъ положеніи: вездѣ насилие и произволъ. Люди не знали, гдѣ имъ искать защиты отъ свѣтскаго правительства и дворянства. Немногіе государи, оказывавшіе покровительство угнетаемымъ и дававшіе имъ справедливый судъ, составляли такое единичное явленіе, которое терялось совершенно незамѣтнымъ въ общемъ омутѣ злодѣйствъ. Нужна была защита болѣе прочная и постоянная, и ее-то народъ видѣлъ въ церк-

ви. Вотъ почему папа и епископы могли обнаружить такую энергію въ своемъ вмѣшательствѣ въ дѣла свѣтской власти; они являлись защитниками всѣхъ угнетенныхъ и матеріальнымъ, и духовнымъ протестомъ противъ государей, злоупотреблявшихъ своимъ правомъ. Вмѣшательство это, имѣвшее основу въ чистомъ источникѣ, повело къ тѣмъ злоупотребленіямъ, которыя выразились такъ выпукло въ поведеніи папы Григорія VII. Но народъ не обращалъ вниманія на эти злоупотребленія, его симпатіи были все-таки на сторонѣ церкви, потому что ему, ограбленному и угнетенному, оставалось только одно прибѣжище и утѣшеніе — религія, представителемъ которой было духовенство. Народъ однако обманывался на счетъ дѣйствительности этой защиты, потому что въ дѣлахъ политическаго характера церковь обыкновенно становилась на сторону свѣтской власти. Бывали иногда случаи, когда церковь защищала народъ противъ дурнаго управленія; случалось даже, что она побуждала народы къ открытому возстанію противъ своихъ государей, но всѣ эти случаи составляютъ частности, неизмѣняющія общаго правила, которое заключалось въ томъ, что римская церковь постоянно стремилась къ господству надъ міромъ, постоянно стремилась къ власти, и когда ей приходилось устанавливать учрежденія, долженствовавшія гарантировать свободу народовъ противъ произвола, то церковь никогда не принимала сторону массы.

IV.

Изъ числа внѣшнихъ событій, особенно сподобствовавшихъ цивилизаціи, историки указываютъ на крестовые походы, устройство постоянныхъ армій и реформацію.

Крестовые походы были въ сущности обширнымъ путешествіемъ, предпріятымъ вдругъ цѣлыми массами населенія и продолжавшимся почти 200 лѣтъ, разумѣется съ большими промежутками. Первое вліяніе такого передвиженія заключалось въ томъ, что люди увидѣли новыя страны, новыя обычаи и познакомились съ чуждой имъ дотолѣ цивилизаціей. Европейцы приходили въ изумленіе отъ того, что они видѣли на востокѣ, отъ богатства и утонченныхъ нравовъ мусульманъ. Это знакомство съ неизвѣстными странами и съ новой природой распростило кругозоръ европейцевъ, возбуждало въ нихъ но-

выя потребности и установило небывалыя до того сношенія, какъ торговыя, такъ и политическія. Многіе отважные люди отправлялись въ самую глубь Татаріи, иные оставались тамъ навсегда или умирали, другіе возвращались, плѣняли своими разсказами и описаніями воображеніе подобныхъ же имъ смѣлыхъ искателей приключеній, и такимъ образомъ знакомство съ Востокомъ внесло въ европейскій міръ много новыхъ знаній, усилло торговыя сношенія и способствовало увеличенію матеріальнаго благосостоянія.

Другое вліяніе крестовыхъ походовъ заключалось въ томъ, что народы, знавшіе о Римѣ и о папѣ, какъ о чемъ-то отдаленномъ и недоступномъ, пройдя теперь огромными полчищами черезъ вѣчный городъ, который лежалъ на пути крестоносцевъ, познакомились лично съ столицей христіанскаго міра, съ ея обычаями, узнали кое-что о жизни папъ, кардиналовъ, объ ихъ политикѣ и хотя черезъ это не утратили религіознаго чувства, не измѣнили своихъ религіозныхъ идей, но стали смотрѣть на религіозные вопросы и на церковь нѣсколько свободнѣе и шире. Почти два вѣка постоянныхъ путешествій и знакомствъ съ новыми странами и идеями, ослабивъ прежній фанатизмъ и безусловное благоговѣніе предъ папскимъ величіемъ, дали умственной дѣятельности европейскаго населенія другое направленіе и отвлекли вниманіе отъ вопросовъ исключительно богословскихъ къ другимъ, имѣвшимъ болѣе близкое отношеніе къ житейскимъ потребностямъ. Этими умами подготовились уже къ принятію новыхъ ученій, которыя провозгласили Виллефъ, Густъ и Лютеръ. То, что до крестовыхъ походовъ не могло бы рѣшительно найти никакого сочувствія массъ, съ появленіемъ большаго свободомыслія, порожденнаго походами на Востокъ, нашло такую поддержку въ народѣ, что дало даже возможность явиться ожесточенной войнѣ, созданной и поддержанной исключительно народными массами. Теперь мы скажемъ нѣсколько словъ объ устройствѣ постоянныхъ войскъ, чтобы воротиться снова къ оставляемому нами вопросу.

Устройство постоянныхъ войскъ было вызвано изобрѣтеніемъ пороха и огнестрѣльнаго оружія. Это изобрѣтеніе измѣнило совершенно характеръ войны и потребовало отъ войска совершенно новаго образованія. Нужно было ознакомиться съ употребленіемъ огнестрѣльнаго оружія и владѣть достаточнымъ навыкомъ, чтобы быть полезнымъ на войнѣ. Кроме того дороговизна новаго снаряда дѣлала затруднительнымъ пріобрѣтеніе его всякимъ ополченцемъ, изъ которыхъ составля-

лось прежде армія. Вотъ причины, почему прежнія милиціи стали заиѣлять постоянными войсками. Честолюбцы, разумѣется, воспользовались ими во вредъ народамъ; но польза этого новаго порядка заключалась въ томъ, что войнами стали только нѣкоторые, а не всѣ, какъ это было прежде; занятія раздѣлились рѣзче: — одни сдѣлались постоянными солдатами, другіе постоянными экономическими производителями, и вслѣдствіе этого явилась для общества та же выгода, какая получается отъ всякаго раздѣленія труда — трудъ сталъ успѣшнѣе, и количество полезныхъ предметовъ увеличилось. Подобную же пользу припесли и крестовые походы. Многіе рыцари, нуждаясь въ деньгахъ, пораспродали свои земли; многіе не воротились — имѣнія ихъ точно также были проданы. Такимъ образомъ значительныя пространства земли, принадлежавшія прежде немногимъ, разбились на небольшія владѣнія и число земельныхъ собственниковъ увеличилось значительно. Подобное же явленіе повторилось во Франціи въ концѣ прошедшаго столѣтія, — когда конфискованныя церковныя и дворянскія имѣнія были проданы съ аукціона, мелкими участками, — и привело къ тому же результату. Собственность распредѣлилась равномернѣе, число богачей уменьшилось, но за то и убавилось число бѣдняковъ, и стало больше людей зажиточныхъ. О томъ, на сколько увеличеніе матеріальнаго благосостоянія способствуетъ развитію умственныхъ способностей, мы говорить не будемъ, потому что объ этомъ предметѣ въ нашей литературѣ говорилось уже столько, что если еще есть люди, высказывающіе противоположныя мысли, то только потому, что они или прикидываются непонимающими изъ своекорыстія, или же дѣйствительно на столько скудоумны, что никакой свѣтъ не въ состояніи проникнуть въ ихъ одеревенѣлый мозгъ. Увеличеніе числа мыслящихъ людей, вызванное такимъ образомъ крестовыми походами и устройствомъ постоянныхъ войскъ, создало значительную массу людей, способныхъ оцѣнить всю справедливость ученія реформаторовъ.

Первымъ болѣе замѣтнымъ изъ нихъ явился англичанинъ Виллеофъ. Онъ доказывалъ необходимость преобразованія церкви въ ея устройствѣ и вѣроученіи; онъ отвергалъ папскую власть, монашество, возставалъ противъ иконъ и поклоненія святымъ; отрицалъ исповѣдь, безбрачіе духовенства. Какъ реформаторъ, Виллеофъ выступилъ съ переводомъ библіи на англійскій языкъ и съ катихизисомъ собственнаго сочиненія. Ученіе Виллеофа встрѣтило большое сочувствіе въ

Богеміи, гдѣ профессоръ пражскаго университета Иванъ Гуссъ, чело-
вѣкъ высокой учености и чистой нравственной жизни, давно уже воз-
стававшій противъ безнравственности духовенства, явился горячимъ
проповѣдникомъ новаго ученія. Гусса обвинили въ ереси и сожгли,
поставивъ ему въ вину, что онъ отвергаетъ папство и іерархію,
считаетъ папихиды злоупотребленіемъ, не признаетъ чистилища, тре-
буетъ свободной проповѣди, священство и міропомазаніе не считаетъ
таинствомъ, отвергаетъ тайную исповѣдь, доказываетъ вредъ нищен-
ствующихъ орденовъ и считаетъ грѣхомъ обращаться къ заступниче-
ству святыхъ. Черезъ сто слишкомъ лѣтъ послѣ Гусса является Лю-
теръ, и реформа, задуманная имъ почти на тѣхъ же основаніяхъ, ему
удается. Отчего же зависѣлъ этотъ успѣхъ?

Есть въ мірѣ два великихъ закона, которые существовали вѣчно
и постоянно обнаруживались въ жизни человѣческихъ обществъ. Пер-
вый законъ заключается въ томъ, что ни одна мысль, ни одно зна-
ніе никогда не исчезали; а второй—законъ геометрической прогрессіи.
Примененіе обоихъ этихъ законовъ къ реформѣ Лютера обезпечило
ея успѣхъ.

Исторію человѣчества до новѣйшихъ временъ можно сравнить съ
жизнью двухъ дикарей, поселившихся на необитаемомъ островѣ, гдѣ
для нихъ продовольствія имѣлся всего одинъ кокосъ. Каждому захо-
тѣлось овладѣть сокровищемъ, и дикари вцѣплялись другъ въ друга.
Разумѣется, они поступили бы благоразумнѣе, если бы время, упо-
требленное на ссору и драку, посвятили бы на отысканіе другаго
кокоса, или такихъ предметовъ, которые могли бы замѣнить его.
Тогда вмѣсто одного плода у нихъ было бы два, и оба дикаря были
бы сыты. Какъ ни проста такая мысль, но въ головахъ дикарей
она явиться не могла. Совершенно также поступало до сихъ поръ
человѣчество. Его жизнь была борьбой за существованіе, гдѣ люди
дѣйствовали, какъ дѣйствуютъ дикія животныя. Человѣчество разби-
лось на два враждебныхъ лагеря, и каждый захотѣлъ овладѣть спор-
нымъ кокосомъ. Время уходило на ожесточенную борьбу, вражда
разлучала людей, и всѣмъ было жить худо и бѣдно. Разбившись на
два враждебныхъ лагеря, изъ за матеріальныхъ средствъ существова-
нія, человѣчество представляло и два враждебныхъ лагеря въ дѣлѣ
мысли. Дуализмъ былъ вездѣ. Въ человѣкѣ признавались два есте-
ства; сердцу противопоставлялся разумъ, матеріальному отвлечен-
ное, добру—зло. Вся жизнь, какъ отдѣльныхъ людей, такъ и цѣлыхъ

народовъ, слагалась изъ постоянного ряда разныхъ противоположностей, и человечество шло путемъ крайностей, кидаясь изъ одной въ другую. Еще въ глубокой древности, когда бѣдность и богатство раздѣлило людей на счастливыхъ и довольныхъ, и на нуждающихся и несчастныхъ, тѣ и другіе высказали свои противоположные взгляды въ двухъ противоположныхъ системахъ. Эпикурейцы возвели наслажденіе жизнью въ систему, создали изъ нея цѣлую науку, смотрѣли съ презрѣніемъ на бѣдняковъ и, пользуясь всеми благами, доставшимися имъ безъ труда, видѣли только одну цѣль въ жизни—умѣнье пользоваться всеми ея наслажденіями. Эпикурейцы были правы въ своей основной мысли. Жизнь, разумѣется, въ томъ, чтобы наслаждаться и быть счастливымъ. Но что значить наслажденіе и что значить счастье? Стоики искали тоже счастья и наслажденія, но шли къ нимъ другимъ путемъ, чѣмъ эпикурейцы. Эти бѣдняки, не видѣвшіе никакого выхода изъ своего положенія, построили тоже свою систему и вздумали проповѣдывать философію воздержанія. Кажется ихъ невольное воздержаніе было и такъ велико, жить было скверно; за чѣмъ бы казалось пускаться въ философію; а философія-то именно и была имъ нужна, только она и мирила ихъ съ жизнью. Тѣмъ, кто страдалъ, было недостаточно страданія, они хотѣли найти ему оправданіе, и какъ эпикурейцы сложили себѣ особенное міровоззрѣніе, потому что были богаты и счастливы, такъ бѣдняки сдѣлались стоиками, потому что только стоицизмъ мирилъ ихъ съ дѣйствительностію. Стоики учили, что если богачи презираютъ бѣдныхъ за то, что у нихъ нѣтъ ничего, то бѣдные могутъ презирать эпикурейцевъ за ихъ умственную и нравственную ничтожность. По ученію стоиковъ, счастье не въ распутствѣ, не въ мишурномъ блескѣ, не въ жизни на чужой счетъ, не въ утонченныхъ приличіяхъ общежитія, не въ умственной пустотѣ, порождаемой всякими излишествами и праздно-стью, не во лжи, двоедушій и суетности, неизбежныхъ съ эпикурейскимъ образомъ жизни; а въ сознаніи своей независимости и въ чувствѣ достоинства. Противъ изнѣженности аристократовъ и ихъ зависимости отъ пустыхъ, бессмысленныхъ, свѣтскихъ приличій, заставляющихъ ихъ жить нерѣдко на перекоръ здравому разуму и во вредъ тѣлу, стоики выставили свою дѣйствительную нравственную свободу, презрѣніе къ высокоумію богачей и ко всемъ, хотя и блестящимъ, но пустымъ выгодамъ ихъ положенія.

Въ эпикурейской и стоической философіи было прivedено въ свѣ-

стему то, что въ большей или меньшей степени, въ большей или меньшей опредѣленности выражали люди во всё времена. Въ борьбѣ за существованіе, когда лишеніе и гнетъ были слишкомъ сильны, люди прибѣгали къ насильственному сопротивленію, если оно могло имъ удался, или же усвоивались на мысляхъ, близко подходящихъ къ ученію стоиковъ, когда сила не помогала. Послѣдніе случаи были чаще, вотъ почему съ самаго начала образованія европейскихъ государствъ проявляются въ той или другой формѣ протесты противъ существующихъ порядковъ, протесты, имѣвшіе въ основѣ тѣ же начала, которыя дали жизнь стоической философіи. Въ христіанской церкви уже въ первые вѣка явилось ученіе объ аскетической жизни, о строгомъ воздержаніи и убіеніи плоти. Ученіе это было только протестомъ противъ грубаго разврата, господствовавшаго въ древнемъ языческомъ мірѣ. Этой оппозиціей существующему порядку объясняется и быстрое развитіе отшельничества, служившаго тогда единственной защитой всякому порядочному человѣку противъ матеріальнаго гнета сильныхъ и противъ общаго безпутства. Разные монашескіе ордена, учредившіеся въ разные времена въ Европѣ, обязаны своимъ существованіемъ именно низкому состоянію общей нравственности и грубости всего общественнаго быта. Люди скромные, съ добрыми наклонностями и побужденіями, боялись погубить свою душу въ омутѣ общей разнузданности и искали спасенія въ созерцательной, уединенной жизни, вдали отъ людскаго нечестія, или же учреждали общежительные монастыри, куда стекались всё тѣ, кого смущала нечистая свѣтская жизнь. Но благочестіе въ католическихъ монастыряхъ жило не долго. Въ тѣ времена, когда самое варварское, грубое насиліе уживалось рядомъ съ богословскимъ направленіемъ, когда вся жизнь представляла удивительное смѣшеніе благочестивыхъ правилъ, жившихъ у всѣхъ на словахъ, съ самыми грубыми наклонностями и поступками, монастыри пользовались большимъ уваженіемъ благочестивыхъ мірянъ и скоро богатѣли, благодаря разнымъ приношеніямъ и подаркамъ даже со стороны государей. Поэтому обезпеченная и спокойная монастырская жизнь привлекала скоро охотниковъ, не имѣвшихъ того религіознаго и нравственнаго побужденія, какимъ отличались первые основатели орденовъ и монастырей. Люди, поступавшіе въ монастыри съ цѣлями далеко не благочестивыми, вносили въ монастырскую жизнь новыя понятія, бывшія прежде ей чуждыми, и такимъ образомъ монашескіе ордена сдѣлались скоро притономъ

всѣхъ тунеядцевъ, съ исключительно свѣтскими наклонностями. Понятно, что развратъ, существовавшій въ мірѣ, развратъ, находившій себѣ усердныхъ поклонниковъ даже между кардиналами и папами, скоро приютился и за монастырскими стѣнами и разросся наконецъ до такихъ размѣровъ, что возбудилъ общее негодованіе. Болѣе нравственные свѣтскіе и духовные владыки думали много разъ объ искорененіи злоупотребленій, введенныхъ въ католическую церковь безпутствомъ этихъ людей; собирались даже соборы, но изъ этихъ попытокъ къ реформамъ не вышло, да и не могло выйти ничего. Гораздо дѣйствительнѣе оказалось общенародное движеніе. Какъ прежде благочестивые люди учреждали монастыри, чтобы скрыться отъ мірскаго разврата, такъ теперь міряне вооружились противъ монастырей. Это былъ въ новой формѣ протестъ стоиковъ противъ эпикурейцевъ. Первые протесты мірянъ, выразившіеся напирѣвъ въ монахенствѣ, съ его строгимъ уставомъ, или въ альбигойской сектѣ, привели къ кровавымъ сценамъ, гдѣ эпикуреизмъ одержалъ верхъ надъ стоицизмомъ. И монахи и альбигойцы отличались между тѣмъ самой строгой нравственностью, и по чистотѣ своего житія стояли далеко выше тѣхъ, кто высылалъ противъ нихъ войска, и тѣхъ, кто тозилъ ихъ въ тюрьмахъ инквизиціи. Почему же одержали верхъ не тѣ, чьи стремленія были чище и чья жизнь была нравственнѣе? На это даетъ отвѣтъ законъ геометрической прогрессіи.

Чтобы опредѣлить, почему является въ жизни народовъ перевѣсъ тѣхъ или другихъ обстоятельствъ, нужно знать, изъ какихъ факторовъ сложилось самое обстоятельство и его количественный размѣръ. Европейскія государства основали варвары—люди, не знавшіе другаго права, кромя матеріальной силы. Грубость чувствъ и насиліе лежали въ основѣ всѣхъ частныхъ и общественныхъ отношеній того времени. Люди, стоявшіе высоко во главѣ свѣтскаго и духовнаго управления, не дѣлали исключенія изъ этого правила; они были такіе же дикари, какъ и всѣ остальные, и внѣшній лоскъ и утонченная жизнь не умягчали ихъ чувствъ. Въ Европѣ повторилось тоже, что составляло такое обыкновенное явленіе въ послѣдніе времена древняго міра—самыя грубыя безчеловѣчныя понятія жили рядомъ съ внѣшней роскошью, изысканными манерами, изящнымъ обращеніемъ и утонченными свѣтскими приличіями. Поведеніе и образъ мыслей составляли самый рѣзкій контрастъ съ внѣшнимъ лоскомъ цивилизаціи. Совершенно подобное же явленіе повторялось въ прошедшемъ

столятии въ придворной жизни Франціи и Германіи. То же самое происходило и у варваровъ. Высшія удобства и роскошь прививаются легко; чтобы получить къ нимъ расположеніе, не нужно особаго развитія ума, и всё варварскіе народы начинали свою культуру съ высшихъ заимствованій. Дворъ Атиллы—а гунновъ, разумеется, никто не сочтетъ за народъ цивилизованный—въ образѣ жизни отличался самой изысканной восточной роскошью; вездѣ золото и драгоценности; кушанья, отличавшіяся большою изысканностью, подавались не иначе, какъ на золотыхъ блюдахъ; жены Атиллы ходили въ самыхъ дорогихъ одеждахъ; только самъ Атилла сохранялъ свою монгольскую простоту: ѣлъ изъ деревянныхъ чашекъ и по прежнему не гнушался лошадинымъ мясомъ. Совершенно подобными утонченными варварами, какъ придворные Атиллы, были и первые европейцы. Въ Карлѣ Великомъ и въ Григоріѣ VII, не смотря на всю ихъ умственную силу, было три четверти самаго грубаго варварскаго содержанія. Не говоримъ уже про остальныхъ. Всѣ были дикарями и всё вели себя, какъ дикари. Ученіе о любви, кротости, равенствѣ, умѣренной добродѣтельной жизни, упавши на такую почву, не могло принести плодовъ; съ нимъ случилось тоже, что съ цивилизаціей, прикрывавшей высшею утонченностью манеръ и образа жизни самыя грубые поступки и мысли. Но понятія, вызванныя грубостью еще до-христіанскаго міра, не исчезли, они вошли въ Европу вмѣстѣ съ христіанскою философіей, и вотъ отдѣльные умные люди стали заявлять свой протестъ противъ варварства пустынножительства и удаленіемъ отъ соблазновъ себѣ. Но самому свойству побужденій, вызывавшихъ оппозицію, людей способныхъ на протестъ подобнаго рода было немного. Они стояли особнякомъ, составляя небольшую кучку и изолпванное явленіе. Чтобы число ихъ могло увеличиться, нужны были особенно благоприятныя обстоятельства, а обстоятельствъ такихъ было мало. Если бы можно было опредѣлить точной цѣрой число людей съ стоическимъ образомъ мыслей, жившихъ въ то время, читателю стало бы совершенно ясно, почему люди этого сорта не могли имѣть никакого вліянія на ходъ событій. Но цѣры этой опредѣлить нельзя, точно такъ же, какъ нельзя указать, какимъ множителемъ увеличивалась геометрическая прогрессія такихъ людей. Можно только сказать одно, что множитель былъ крайне малъ, и если бы не особенныя событія въ родѣ крестовыхъ походовъ, увеличившіе вдругъ значительно число благосостоятельныхъ

и понимающих людей, то прогресс шел бы черепашиным шагом, потому что отдельные обстоятельства, помогавшие цивилизации, например открытие серебряных рудников в Саксонии, возвысившие местное благосостояние, не могли иметь широкого и общего влияния. В какой степени может разрастаться известное какое-нибудь общественное отношение и вообще цивилизация, можно легко понять, наблюдая в природе за размножением растений и животных, когда им никто не мешает. Известно, что в тридцатилетнюю войну, когда пашни были брошены перебитым или изгнанным земледельческим населением, все культивируемые места на театре войны покрылись лесом, и явилось страшное количество волков, какого не было никогда в Германии. Если бы только в течение ста лет человек не боролся с растительной силой, то вся бы Европа стала сплошным лесом. Пример силы геометрического возрастания общества в одном известном направлении, когда нет сильных помех развитию, представляют Северо-Американские Штаты. Это быстрое развитие общества может казаться чрезвычайным и даже непонятным только тем, кто не вникал в формулу геометрической прогрессии. Прайс на геометрической прогрессии основал свой проект выкупа английского долга. Проект этот весьма прост. Если на выкуп долга положить в банк положим 1,000,000 рублей и не трогать ни капитала, ни нарастающих на него процентов, то при 4%, капитал будет удваиваться в 16 лет и явится такая прогрессия: в первый год 1 м., через 16—2 м., 32—4 м., 48—8 м., 64—16 м., 80—32 м., 96—64 м., 112—128 м.... и через 160 лет — один миллиард двадцать четыре миллиона. Вот та сила геометрической прогрессии, по которой совершается в природе всякое материальное и умственное движение. Пара людей — произведет только двух детей — в течение ста лет может оставить потомство в 32 человека, а в двести лет — 156 человек. Но пусть это будет не пара, и не простые производители, а люди известного, определенного образа мыслей, который передается потомству, увеличивающемуся в геометрической прогрессии, то станет вполне понятно, какой толчок общему движению может дать такое явление, как крестовый поход. Положим, что из всего населения Европы выиграли в умственном и в материальном отношении только 50 т.; в таком случае, в двух сот летней промежуток времени, при двадцати-пяти-летнем периоде удвоения, явилось бы

12,800,000 человекъ другого образа мыслей. Но такой свободы развитію умственныхъ и матеріальныхъ богатствъ Европа никогда не представляла, и потому понятно, что крестовые походы хотя нарушили и большое вліяніе на цивилизацію, но все-таки не въ такомъ размѣрѣ, какъ приведенная нами цифра. Такимъ образомъ законъ геометрической прогрессіи объясняетъ вполне, почему Ивана Гусса и іеронима Прагскаго сожгли, и почему послѣдователи ихъ не могли устоять противъ людей иного образа мыслей, и почему чрезъ 130 лѣтъ противники папства и всѣхъ его злоупотребленій взяли верхъ надъ своими врагами. Въ настоящее время по тому же закону геометрической прогрессіи явилась уже такая масса людей прогрессивнаго образа мыслей, что свѣтскому владычеству папы грозитъ окончательная гибель, а теологическіе вопросы не волнуютъ никого въ такой степени, какъ это было лѣтъ триста назадъ.

Реформація, гдѣ Лютеръ явился только представителемъ людей однихъ съ нимъ стремленій, имѣла, разумѣется, большое значеніе, потому что ею выразилось, такъ сказать, оффиціальное признаніе иного образа мыслей. Протестанты существовали въ Европѣ постоянно, разные мелочныя секты, альбигойцы, Виклефиты, лолларды, гусситы— все это были тѣ же протестанты, но сила которыхъ пропадала подъ напоромъ папскаго значенія и его защитниковъ. Когда ко временамъ Лютера явилась протестантовъ уже такая масса, что они могли вступить въ ровный бой съ своими противниками, то защитникамъ римскаго престола пришлось сдѣлать уступку и отказаться отъ своей старой системы преслѣдованія. Тѣ, кто производилъ реформацію, во все и не подозрѣвали того значенія, какое она можетъ имѣть въ дальнѣйшей цивилизаціи Европы. Протестанты возставали противъ духовныхъ злоупотребленій и безпорядковъ, ихъ смущала развратъ монашества, имъ не нравилась политика римскаго двора, наконецъ они хотѣли мыслить свободнѣе, чѣмъ имъ позволяли папы. Но они не имѣли никакого понятія о томъ, какую силу можетъ имѣть элементъ мысли, если дѣятельность человѣческаго духа не встрѣчаетъ помѣхъ. Приращеніе результатовъ умственной дѣятельности совершается тоже по закону геометрической прогрессіи, и въ этомъ причина, что умъ человѣческій, нестѣсплемый послѣ реформаціи въ такой степени, какъ прежде, создалъ такую массу знаній, какую міръ не владѣлъ никогда. Многія изъ этихъ знаній оказались однако такого свойства, что вызвали сильное противодѣйствіе со стороны лю-

дей иного образа мыслей. И въ этой борьбѣ крайнихъ мнѣній возторчалось то же явленіе, которое представляеть реформація. Право, думали по новому, должно было быть признано офенціально, получить такъ сказать законное утвержденеіе, выступить на свѣтъ божій, перестать быть контрабандой. Это совершилось въ Европѣ въ концѣ прошедшаго столѣтія, когда мысль человѣческая обратилась къ критикѣ такихъ вопросовъ, чисто свѣтскаго свойства, которыхъ реформація еще не касалась. Съ этихъ поръ многія мысли, за которыми юридически признано право гражданства, сдѣлались уже достояніемъ всѣхъ людей, не совершенно чуждыхъ дѣлу мысли, и носящихъ на плечахъ голову не для одного украшенія. Съ этихъ же поръ началось сильное развитіе естествознанія и выяснился характеръ будущей цивилизаціи, которая, разумѣется, пойдетъ по пути, указанному ей этимъ новымъ направленіемъ. На сколько правильно такое заключеніе, читатель можетъ судить и самъ, если онъ обратитъ вниманіе на то, что люди лучшихъ способностей посвящаютъ себя нынче изученію естественныхъ наукъ; что только благодаря знакомству съ законами природы и ея силъ, явились тѣ чудеса открытій и изобрѣтеній, которыя создали новое экономическое богатство цивилизованнаго міра; что самая незначительная практическая дѣятельность требуетъ нынче непремѣнно большаго или меньшаго знанія законовъ и явленій природы, и безъ этихъ знаній нельзя ступить въ жизни ни одного шага; что особенно сильное развитіе литературы естествознанія показываетъ прямо, на сколько оно нужно современному человѣку. Развиваясь такимъ образомъ всюду и вездѣ, естествознаніе, разумѣется, познакомитъ огромную массу людей съ новымъ разрѣшеніемъ многихъ спорныхъ и неясныхъ вопросовъ, и этимъ самымъ дастъ цивилизаціи совершенно иной характеръ. Въ чемъ же будетъ заключаться характеръ этой будущей цивилизаціи?

У.

Еще въ прошедшемъ столѣтіи было высказано мнѣніе, что количество нравственныхъ истинъ, съ древнѣйшихъ временъ и до нашихъ дней, осталось неизмѣннымъ, и что въ теченіе многихъ вѣковъ не прибавилось ни одной добродѣтели въ кодексъ человѣческой

нравственности. Это совершенно справедливо. Но только что значить добродѣтель, что значить нравственность? Составляютъ ли они что нибудь отдѣльное, независимое отъ тѣхъ функций головного мозга, которыя зовутся мышлениемъ? Прежде думали, что составляютъ, и потому всѣ добродѣтели помѣщали въ особенномъ органѣ, называемомъ сердцемъ, а головной мозгъ дѣлали сѣдалищемъ человѣческаго ума и глупости. Ошибочность такого дѣленія духовной дѣятельности организма уже доказана, и теперь каждый знаетъ, что умъ и глупость, добродѣтель и пороки помѣщаются всѣ въ одномъ мѣстѣ—въ головѣ. Нравственные качества составляютъ такое же природенное свойство человѣка, какъ способность думать и чувствовать. Не у всѣхъ людей одинаковая сообразительность, одинаковое воображеніе, одинаковая понятливость, хотя всѣ люди рождаются непременно со всѣми этими способностями. То же самое и съ нравственными качествами, которыя можно соединить въ одно понятіе, выражаемое словомъ: доброжелательство. Доброжелательство есть у всякаго человѣка, только въ различной степени, и значительный недостатокъ его составляетъ такое же важное лишеніе и ведетъ къ тѣмъ же печальнымъ послѣдствіямъ, какъ и недостатокъ сообразительности. Людей, лишенныхъ доброжелательства, слѣдуетъ отнести къ разряду организмовъ ненормальныхъ, у которыхъ не достаетъ одной изъ важнѣйшихъ челоуѣческихъ способностей, совершенно равносильной разсудку. Злой человѣкъ всегда безразсуденъ, точно такъ же, какъ безразсудный всегда злой. Это двѣ парныя способности, и лишеніе одной парализуетъ другую. Поэтому злого человѣка безъ ошибки можно назвать глупымъ, точно такъ же, какъ глупаго—злымъ. Европа въ первые времена состояла именно изъ такихъ глухихъ и злыхъ людей. Единственные руководящіе правила того времени заключались въ грубомъ насилиіи, въ той дикой борьбѣ за существованіе и во взаимной враждѣ, которая дѣлала людей скорѣе хищными звѣрями, чѣмъ людьми. Понятія нравственнаго порядка, составлявшія единственное знаніе того времени, были совершенно чужды людямъ; теорія братской любви оставалась теоріей, потому что люди по своей неспособности не могли ее усвоить. Для этого нужны были организмы болѣе совершенные, чѣмъ тѣ, о которыхъ мы можемъ составить понятіе, судя по образчикамъ, сохраненнымъ для насъ исторіей. Теорія нравственныхъ понятій жила тогда точно такъ же, какъ и теорія архимедова винта, которую однако понимали только единичные люди и которая

только въ наши времена, т. е. чрезъ двѣ тысячи лѣтъ послѣ ея открытія, получила примѣненіе и вошла въ жизнь. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы архимедовъ винтъ не имѣлъ никакой силы. Сила была въ немъ и въ 1000 году такая же, какъ и въ 1862, но въ 1000 году люди не были въ состояніи оцѣнить всю важность открытія архимеда и не умѣли примѣнить его къ дѣлу. Чтобы понять пифагорову теорему, и умѣть извлечь изъ нея практическую пользу, нужно имѣть умъ довольно развитой, приготовленный уже къ усвоенію математическихъ понятій. Теорема эта тоже жила и во времена мервинговъ и во времена Карла Великаго, но кому было до нея какое дѣло. Совершенно тоже и съ понятіями нравственнаго порядка; они существовали, какъ пифагорова теорема и архимедовъ винтъ, но люди обходились безъ нихъ такъ же, какъ и безъ математическихъ знаній, потому что они совершенно не подходили къ той теоріи общечеловѣческаго бытія, какую создала практика вѣчной борьбы. Отдѣльные, болѣе развитые люди того времени понимали это вполне, когда, обращая язычниковъ, они старались дѣйствовать на нихъ воображеніемъ. Представьте, что вы отправились къ австралійцамъ и полинезцамъ — самымъ глупымъ существамъ изъ всѣхъ людей — и начали бы имъ доказывать, что всякое количество, возвышенное въ нуль, равно единичѣ. Изумленіе дикарей было бы весьма велико, и они приняли бы васъ за сумашедшаго. Представьте, что вы явились бы къ людоѣдамъ и стали бы проповѣдывать имъ, что ѣсть человѣческое мясо не хорошо, возмутительно, позорно и т. д. Людоѣды разинули бы отъ удивленія рты и возразили бы вамъ весьма основательно, что они ѣдятъ человѣческое мясо потому, что оно вкуснѣе, чѣмъ мясо коровъ и барановъ. Къ чему повели бы разсужденія съ подобными людьми о томъ, что не только не слѣдуетъ убивать человѣка или жарить его живымъ, но что слѣдуетъ любить своихъ враговъ и жертвовать за нихъ даже собственною жизнію. Все это были бы пустыя слова, на столько же непонятны дикарямъ, какъ и пифагорова теорема. Но съ другой стороны нельзя сказать, чтобы у дикихъ людей не было нравственныхъ понятій. Безъ нравственныхъ понятій не можетъ жить ни одинъ человѣкъ, ни одинъ народъ, потому что въ нихъ заключается теорія жизни, законъ обиходныхъ отношеній. Въ нравственныхъ понятіяхъ народа заключается его смыслъ, потому что чѣмъ народъ развитѣе и умнѣе, тѣмъ обиходныя отношенія составляющіе его отдѣльныхъ людей болѣе разработаны, и всѣмъ удобнѣе, спокойнѣе и выгоднѣе.

На основаніи этой частной нравственности даннаго народа въ данный моментъ составляется сужденіе о степени образованія народа. Было время, когда ворваться въ городъ среди бѣлаго дня вооруженной силой и разграбить жителей считалось подвигомъ удалства и предпріятіемъ выгоднымъ въ экономическомъ отношеніи. Было время, когда отдѣльные люди и народы считали гораздо нравственнѣе приобрѣтать средства существованія войной, чѣмъ мирнымъ трудомъ. Въ частной жизни было общимъ обычаемъ считать кулачную расправу лучшимъ средствомъ порѣшать все спорные вопросы. Бить жену, дѣтей и держать себя въ семьѣ подобно богдыхану казалась вполнѣ мудрымъ и необходимымъ для счастья домохозяевъ. А между тѣмъ народъ, предающійся разбою, буйству, пьянству, свирѣпствующій въ семейной жизни, не назывуется нравственнымъ, потому что нравственностію считается тотъ идеалъ, о которомъ мы говорили выше. Оба эти сорта нравственности — временная и идеальная — приобрѣтаются долгой внутренней работой народа, въ его исторической жизни. Нравственности нельзя научить человѣка, потому что она такой же продуктъ мысли, какъ сообразительность и понятливость. Глупый человѣкъ никогда не пойметъ, какъ ему устроить лучше свои отношенія къ другимъ, точно также и народъ, состоящій изъ неразвитыхъ людей, затруднится въ этомъ дѣлѣ и только дастъ моралистамъ поводъ скорбѣть о его низкомъ нравственномъ положеніи, когда слѣдовало бы пожалѣть только о его глупости. Прошедшая исторія Европы именно и была этимъ неразумнымъ положеніемъ людей, при которомъ они, не зная, что дѣлать съ своей силой, вмѣсто того, чтобы направлять ее на полезный трудъ, только воевали и обижали другъ друга. Но жизнь среди насилій и надувательствъ, когда человѣкъ не увѣренъ въ своемъ завтрашнемъ днѣ, когда онъ не увѣренъ въ своей независимости, не заключаетъ въ себѣ ничего плѣнительнаго, такъ чтобы людямъ уже не оставалось желать лучшаго. Быть спокойнымъ, веселымъ и довольнымъ такая же органическая потребность человѣка, какъ и быть сытымъ. Люди всегда хотѣли пить и ѣсть, и въ этомъ заключалась вся сущность ихъ борьбы за существованіе, называемой исторіей. Но вмѣстѣ съ ѣдой и питьемъ имъ понадобились и другія удовольствія. И вотъ тѣ, кому было дурно, стали думать о томъ, какъ бы сдѣлать жизнь пріятнѣе и удобнѣе, и стали мѣнять понемногу правила прежнихъ нравственныхъ понятій, заимовали другія, болѣе приближающіяся къ идеалу. Ясно, что людямъ

становилось тѣмъ лучше, чѣмъ онъ дѣлался умнѣе, и нравственность, какъ водило для частной и общественной жизни, получила все лучшую и лучшую разработку, по мѣрѣ увеличивающейся разсудительности народовъ. Поэтому идеальная нравственность, о которой хлопочутъ моралисты, не есть причина цивилизации, а напротивъ результатъ ея. Она есть продуктъ мыслей и выраженіе людскихъ способностей. Теперь будетъ понятно, почему понятія о высшей нравственности могли существовать отдѣльно отъ практическихъ отношеній людей. Нравственность—это былъ тотъ идеалъ счастья, котораго искали люди, идеалъ, живущій во всякомъ человѣкѣ, независимо отъ его развитія и умственныхъ способностей. Каждый человѣкъ видитъ очень хорошо, что нужно ему для счастья — счастье его въ полномъ удовлетвореніи всѣхъ потребностей организма, въ спокойной, пріятной жизни. Но трудность задачи была не въ томъ, чтобы создать себѣ идеалъ, а въ томъ, чтобы его осуществить, и вотъ тутъ-то людямъ приходилось выдержать продолжительную борьбу, пока ихъ способности не улучшились на столько, что продолжительнымъ внутреннимъ процессомъ, рядомъ разныхъ знаній, открытій и изобрѣтеній они не пришли къ теоретическому опредѣленію причинъ, мѣшавшихъ общему благополучію. Теперешняя задача цивилизованныхъ народовъ заключается въ томъ, чтобы осуществить на практикѣ то, что совершенно ясно въ теоріи, и устранить послѣднія помѣхи, задерживающія еще прогрессивное развитіе. Помѣхи эти заключаются въ самихъ же людяхъ, въ тѣхъ же причинахъ, которыя и всегда мѣшали осуществленію идеала счастья, т. е. въ недостаточномъ улучшеніи способностей большинства. Какъ только способности станутъ лучше, чѣмъ онѣ теперь — улучшится и весь бытъ, и моралистамъ придется обратиться къ другимъ занятіямъ, потому что нравственные идеалы осуществляются на практикѣ. Впрочемъ моралисты поступили бы благоразумнѣе, если бы они отказались даже теперь отъ своихъ бесплодныхъ трудовъ въ дѣлѣ исправленія людей, помощью крайне скучныхъ назиданій и убѣждающихъ, никого необъясляющихъ. Они сдѣлали бы лучше, если вмѣсто праздной блатовни, старались бы улучшать матеріальное благосостояніе людей, въ которомъ лежитъ первое начало развитія способностей, а слѣдовательно и нравственности. Такимъ образомъ основы всей цивилизации, т. е. улучшенія быта каждаго отдѣльнаго человѣка, а слѣдовательно и всѣхъ, заключаются въ улучшеніи человѣческихъ спо-

способностей. Въ этомъ корень всѣхъ уснѣховъ мысли, изобрѣтеній, открытій и всякаго знанія, которые служатъ только внѣшнимъ проявленіемъ тѣхъ перемѣнъ, нація случались въ организмѣ чловѣка, и въ свою очередь способствуютъ дальнѣйшему его усовершенствованію. Что мыслящій и чувствующій организмъ подвергается дѣйствительно измѣненіямъ — мы постараемся доказать нѣкоторыми фактами, на которые исследователи-историче не всегда обращали вниманіе.

Развитіе умственныхъ способностей совершается по мѣрѣ цивилизаціи; но между улучшеніемъ ума и его главнымъ органомъ—мозгомъ существуетъ прямое отношеніе. Что емкость черепа и вѣсъ мозга подвержены извѣстнымъ измѣненіямъ—эта истина вполне доказанная въ наше время. Такъ у идіотовъ вѣсъ мозга всегда очень малъ, тогда какъ у людей съ сильными умственными способностями онъ больше средняго, нормальнаго вѣса. У людей и сословій, занимающихся науками и искусствами, емкость черепа тоже болѣе нормальной. Уже этихъ однихъ наблюденій достаточно, чтобы убѣдиться, что у людей болѣе умныхъ и болѣе мозгу, или чѣмъ болѣе мозгу, тѣмъ чловѣкъ умнѣе. Но сравненіе череповъ разныхъ чловѣческихъ расъ и въ разныхъ столѣтіяхъ указало на факты еще болѣе любопытные. Самые малые черепа оказываются у австралійцевъ, полинезцевъ и готтентоговъ т. е. у людей, находящихся на самой низкой степени умственнаго развитія. Самые емкіе черепа и самый тяжелый мозгъ—у европейцевъ. Черепа XII столѣтія, отрытые въ Парижѣ при закладкѣ новой ратуши и принадлежавшіе людямъ высшихъ сословій, оказались гораздо меньшей емкости, чѣмъ черепа людей средняго сословія XIX вѣка. Разумѣется, вѣрность этого весьма интереснаго факта должна быть подтверждена еще новыми изысканіями, чтобы физиологи могли признать фактъ вполне непогрѣшимымъ, но и наблюденій, сдѣланныхъ до сихъ поръ, достаточно для заключенія, что вмѣстимость черепа, а слѣдовательно и вѣсъ мозга увеличивается у людей по мѣрѣ цивилизаціи. Этотъ выводъ подкрѣпляется еще болѣе наблюденіемъ обратнымъ, которое показываетъ, что кромѣ прогрессивнаго развитія чловѣческой мозгу, при обстоятельствахъ неблагопріятныхъ для умственной дѣятельности чловѣка, подвергается движенію регрессивному. Черепа негровъ, родившихся въ Африкѣ, оказываются всѣ гораздо вмѣстительнѣе, чѣмъ черепа негровъ-рабовъ, родившихся въ Америкѣ. Причину этого нужно искать въ

томъ общественномъ порядкѣ, который дѣлаетъ изъ человѣка рабочую машину и лишеніемъ свободы отнимаетъ у людей возможность умственнаго развитія. Нужно полагать, что и у рабовладѣльцевъ южныхъ штатовъ головной мозгъ гораздо легче, чѣмъ у жителей штатовъ сѣверныхъ, потому что только разность способностей мѣшаетъ южанамъ понимать вещи одинаково съ своими противниками. Соображеніе это окажется совершенно правильнымъ, если обратитъ вниманіе на то, что упражненіе въ такой же степени придаетъ силу мозгу, какъ и всѣмъ остальнымъ членамъ и органамъ тѣла. Человѣкъ, посвятившій себя кабинетнымъ занятіямъ, совершенно неспособенъ къ тому напряженію мускуловъ, которое легко переносятъ всякій помѣщикъ и крестьянинъ; но за то людямъ непривычнымъ къ головной работѣ всякій умственный трудъ такъ же тяжелъ, какъ для мыслителя трудъ физическій. Умственная и физическая праздность, которой предавались рабовладѣльцы южныхъ штатовъ, могла только способствовать ожиренію тѣла, и слѣдовательно ослабляла постоянно мозговую дѣятельность человѣка. Такая мозговая спячка, передававшаяся изъ поколѣнія въ поколѣніе, разумѣется, должна была подѣйствовать на уменьшеніе вѣса мозга, и слѣдовательно на ослабленіе умственныхъ способностей цѣлаго сословія. Съ рабовладѣльцами случилось здѣсь тоже, что и съ ихъ неграми, т. е. обратное тому, что мы видимъ на европейскомъ населеніи, у котораго умственные способности улучшались. Постоянное упражненіе мозга, вызванное стремленіемъ людей улучшить свои жизненные условія, повело, какъ и всякое упражненіе, къ усиленію умственныхъ средствъ людей. Это умственное приращеніе, совершенно незамѣтное въ одномъ поколѣніи, но постоянно увеличивавшееся изъ рода въ родъ, въ своемъ окончательномъ результатѣ создало весьма значительную разницу въ вѣсѣ мозга прежнихъ и нынѣшнихъ европейцевъ. Объемъ мозга, парижанъ высшихъ сословій XII столѣтія составлялъ 1425 куб. сантиметровъ; а парижанъ того же сословія XIX вѣка—1484 т. е. болѣе почти на 60 сантиметровъ. Вотъ результатъ той человѣческой дѣятельности, которая зовется цивилизаціей—люди становятся умнѣе и улучшается весь ихъ бытъ.

Истории наши, такъ долго остающіеся при своей метафизической или художественной болтовнѣ, поступать гораздо лучше, если обратятся къ изученію естественныхъ наукъ и къ ихъ методѣ изслѣдованія, и познакомятся со всѣмъ тѣмъ, что сдѣлалось извѣстнымъ относительно по-

степеннаго эмпиологическаго развитія человѣческаго организма. Безъ изученія отдѣльнаго человѣка и его исторіи нечего приниматься за изученіе общества, народа или всего человѣчества. Этими ошибочными путемъ или ученые уже нѣсколько вѣкомъ, и пора его бросить. При прежнихъ состояніи естествознанія, разумѣется, такой методъ оказывался невозможнымъ; но теперь не то. Прежніе люди — мыслители, ученые, государственные мужи — смотрѣли на чело- вѣчество съ такой высоты, что имъ въ глаза бросались только самые крупныя и рѣзкіе факты. Люди удовлетворялись общими выводами и средними числами, не обращая вниманія на то, изъ какихъ от- дѣльныхъ величинъ образуются эти итоги. А въ этихъ-то отдѣль- ныхъ величинахъ и вся сила. И естествоиспытатели держались нѣ- когда того же приѣма; но когда умные люди догадались, что пора- зительныя организмы и огромныя міровыя тѣла, приводившія въ изумленіе человѣческой умъ, должны состоять изъ отдѣльныхъ еди- ницъ, то и принялись за ихъ изученіе; тогда непонятное стало понятнымъ, и явилась возможность точнаго знаменства съ явлениями и законами природы. Увеличительное стекло принесло безъ сомнѣнія большую пользу и созерцаніе неба съ его міриадами свѣтилъ спо- собствовало разширенію человѣческаго кругозора и уничтоженію раз- ныхъ заблужденій и предразсудковъ; но микроскопъ оказалъ гораздо большую пользу. Только онъ далъ возможность открыть клеточку и связать единствомъ происхожденія всю природу. Границы между жи- вотной, растительной и неорганической жизнью исчезли, и природа представлялась однимъ громаднымъ цѣлымъ, имѣющимъ одно, общее происхожденіе. Этотъ новый методъ изслѣдованія натуралистовъ ока- залъ уже пользу и въ изученіи общественной жизни. Умные люди нашего времени знаютъ, что высшіе взгляды на чело вѣчество ве- дуть только къ ошибочнымъ заключеніямъ, и они обратились къ изу- ченію условій каждаго отдѣльнаго человѣка. Народъ слагается изъ отдѣльныхъ людей, каждый чело вѣкъ изображаетъ собой единицу об- щаго капитала; чѣмъ такая единица сильнѣе, благосостоятельнѣе и умнѣе, тѣмъ больше сумма всего капитала. Каждое разстройство, каждое физическое страданіе отдѣльныхъ лицъ соедаетъ трату благо- роднѣйшаго и драгоцѣннѣйшаго элемента, опредѣляющаго прогрессъ всего народа — разума и физическихъ силъ. Каждая, даже самая не- значительная, потеря въ этихъ основныхъ силахъ причиняетъ наро- ду огромныя потери, точно такъ же, какъ всякое сбереженіе силъ при-

водитъ по закону геометрической прогрессіи къ поразительнымъ по своимъ размѣрамъ результатамъ. Когда люди познали эту простую истину, которая однако не давалась имъ въ теченіи нѣсколькихъ тысячъ лѣтъ, то явилось и новое понятіе, до тѣхъ поръ неизвѣстное людямъ — гуманность т. е. заботливость о каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ.

На этомъ важномъ результатѣ основанъ успѣхъ всей будущей цивилизаціи: люди оставятъ высшія сферы широкихъ соображеній и выспятъ взгляды и обратятся къ устройству благосостоянія каждаго отдѣльнаго человѣка; — когда будетъ хорошо каждому, будетъ хорошо и всѣмъ. Такимъ образомъ, благодаря развитію естественныхъ наукъ, общій кодъ цивилизаціи получаетъ совершенно иное направление, т. е. возмнѣваетъ такую же переимѣну, какою случилась въ самомъ кризисѣ мышленія — ничто люди думаютъ не отъ общаго къ частному, а отъ частнаго къ общему. То же самое случается и со всѣмъ ходомъ цивилизаціи, выражающей собой движеніе человеческой мысли; цивилизація пойдетъ тѣмъ же порядкомъ, какимъ стали думать люди — отъ частнаго къ общему. Только благодаря этому порядку мышленія и исканія истины, естественныя науки стали на ту высокую степень значенія, каковыя онѣ пользуются нынче, и только съ принятіемъ его къ жизни — до сихъ поръ въ весьма ограниченной степени одною — обнаружилось сильное прогрессивное движеніе, которое будетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ большее число людей станутъ думать по новому.

Практическіе выводы, происходящіе отъ того, что естествознаніе⁶ связало всю природу единствомъ происхожденія и что индуктивный способъ мышленія признанъ единственно неограниченнымъ, гораздо важнѣе, чѣмъ это можетъ показаться съ перваго раза. Высочайшая практическая польза ихъ въ томъ, что они уничтожаютъ всякій дуализмъ, всякую двойственность, что ими признается за человѣкомъ только одно естество, что сердце и голова уже не составляютъ двухъ вѣчно враждебныхъ началъ, что нравственность есть умъ, что общее благосостояніе начинается съ благосостоянія частнаго и что отдѣльный человѣкъ со всѣми его частными стремленіями составляетъ основу всего общества. Какъ только исчезнуть дуализмъ, исчезнетъ и то начало, которое раздѣляло до сихъ поръ людей на два враждебныхъ лагеря, которое дѣлало изъ жизни восточную вражду и бойню. Люди перестанутъ бороться изъ-за существованія, а сосре-

зять ассоциацию и войдутъ шарниръ путейъ къ одной общей цѣли. Если хитрые евреи учитываютъ другъ друга не за средствъ существованія, то это еще не причина, чтобы и людямъ поступать точно также; въ головномъ мозгѣ человека заключена такая сила, съ которой онъ сумеетъ заставить природу производить хлѣбъ изъ камня и извлекать драгоценные металлы изъ простой земли, которую до сихъ поръ считали никуда негодной. Если бы Карлу Великому принесли бы парафинную свѣчку и сказали бы, что она сдѣлана изъ торфа, то римскій императоръ принялъ бы эти слова за насмѣшку и велѣлъ бы шутнику отрубить голову; а Григорій VII предасть бы химика анаемѣ, за сношеніе съ нечистой силой. Но мы, послѣ знакомства съ чудесами, открытыми естествознаніемъ, можемъ лучше судить о возможности будущихъ его успѣховъ, и можемъ смѣло надѣяться, что камни станутъ превращаться для насъ наконецъ въ хлѣбъ, а глина въ золото. Рѣчь не о томъ, когда все это осуществится; а о томъ, что таковъ путь будущей цивилизаціи; что человечество наконецъ пойметъ нецѣльность всякой враждебности и борьбы, и что съ развитіемъ умственныхъ способностей осуществится наконецъ то время братской любви и общаго союза всѣхъ къ одной общей цѣли, которое столько вѣковъ казалось людямъ совершенно недостижимымъ и рисовалось въ видѣ недостижимаго идеала нравственности. Когда протестанты совершали въ XVI столѣтіи свое дѣло, они, разумѣется, не подозрѣвали того, куда уйдетъ человѣческая мысль въ XIX вѣкѣ. Но мы счастливѣе протестантовъ; продолжая то же дѣло, мы пришли къ такимъ результатамъ знанія, что имѣемъ уже возможность предвидѣть то, что, можетъ быть, совершится чрезъ 1000 лѣтъ, а можетъ быть и много раньше. И подобныя мысли мы не считаемъ ни утопіей, ни празднословіемъ, хотя они и неосуществимы сію минуту. Мечты Наполеона I о федераціи государствъ, какъ онѣ ни казались смѣшны практическимъ англичанамъ, доказываютъ вѣрность взгляда этого человека, хотя онъ самъ дѣйствовалъ совершенно на выворотъ. Общее нерасположеніе къ войнѣ уже такъ велико, среднее сословіе Европы имѣетъ теперь такое огромное влияніе при разрѣшеніи вопросовъ о мирѣ и войнѣ, что безъ сомнѣнія совсѣмъ не такъ далеко время общаго мира. А стоитъ только прекратиться войнѣ, чтобы цивилизованные народы пошли бы быстро по тому пути прогресса, о которомъ мы говорили. И весь этотъ переворотъ создаютъ естественныя науки,

которые даютъ человѣку небывалую до сихъ поръ власть надъ силами природы и научаютъ его смѣрять правильно на то, чего онъ до сихъ поръ не понималъ. Въ этомъ отношеніи время, которое мы теперь переживаемъ, по благотворности своихъ результатовъ можно сравнить съ эпохой реформации. Реформация освободила мысль и подготовила нашему времени средства начать новый періодъ исторіи, самый утѣшительный по своимъ ближайшимъ послѣдствіямъ—періодъ естествознанія, дающій человѣческой мысли совсѣмъ иное направленіе. Мы живемъ въ самомъ началѣ этого періода и несемъ на своихъ плечахъ главную борьбу за новое слово науки, поэтому и неудивительно, что новымъ протестантамъ науки достается такъ же отъ своихъ враговъ, какъ доставалось отъ своихъ враговъ и реформаторамъ XVI столѣтія, правда, съ той только разницей, что нынче льются больше чернила.

И. Шенгунъ.

ЧАЙЛДЪ—ГАРОЛДЪ.

РОМАНЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ПѢСНЯХЪ

БАЙРОНА

ПѢСНЬ ТРЕТЬЯ.

«Afin que cette application vous forçat de penser à autre chose; il n'y a en vérité de remède qui celui là et le temps».

(Lettre du Roi de Prusse à D'Alembert, Sept. 7. 1776.)

I.

Мое дитя, малютка Ада,
Я не забылъ твои черты!
Улыбкой дѣвственнаго взгляда
На мать свою похожа-ль ты?
Когда съ тобой мы разставались,
Твои прекрасные глаза
Съ надеждой дѣтской улыбались
И не сверкала въ нихъ слеза...

И вотъ опять я вижу море,
 Вокругъ меня шумить волна,
 Я мчусь. Гдѣ жь пристань? Не видна.
 Но я смотрю впередъ безъ горя,
 Слѣдя, какъ рядъ родимыхъ скалъ
 Въ дали туманной утопалъ.

II

Я слова въ морѣ. Мимо, мимо,
 Какъ кони, прыгаютъ валы...
 Привѣтъ вамъ, волны! Несдержимо
 Бѣгите въ даль вечерней мглы.
 Пусть мачты въ бури заскрипѣли,
 Изорванъ парусъ... труденъ путь,
 Я понесусь впередъ безъ цѣли,
 Я долженъ плыть куда нибудь.
 Я, какъ и поросли морскія,
 Лечу капризно по волнамъ —
 Куда? за чѣмъ? Не знаю самъ, —
 Пока волнами на пески я,
 Разбитый бурей пловецъ,
 Не буду брошенъ наконецъ.

III.

Въ дни юности въ своей повѣ
 Я мрачный образъ воспѣвалъ.
 Вернемся жъ вновь къ забытой тамъ.
 Въ разсказѣ томъ я испыталъ
 Слѣды упорнаго мышленья
 И роковыхъ, изсякшихъ слезъ,
 Которыхъ много пролилось
 Тамъ, на могилѣ разрушенья.
 Засохли слезы; наведи.
 Стоять безъ солнца, бѣжъ свѣтлинъ

Года бесплодные; въ прудѣ,
 Какъ посреди нѣмой пустыни,
 Гдѣ зарождается тоска,
 Нѣтъ ни единого цвѣтка.

IV.

Отъ юныхъ лѣтъ чужой для міра,
 Теперь я, вѣрно, ужь не тотъ,
 И, можетъ статья, съ сердцемъ лира
 Въ ладу, какъ прежде, не живетъ.
 Но все жь я нѣтъ, какъ прежде, буду,
 Пусть въ звукахъ слезы будутъ, — пусть!
 Быть можетъ, въ пѣснѣ я забуду
 Тебя, карающая грусть.
 Быть можетъ, пѣсни дасть забвенью,
 Прогонить темную мечту,
 Наполнить сердца пустоту
 И я, среди уединенья,
 Уставши чувствовать, любить,
 Могу о прошломъ позабыть.

V.

Кто одряхлѣлъ, въ міру скитаясь,
 Отъ долгихъ мукъ, но не отъ лѣтъ,
 Кто все встрѣчалъ не удивляясь,
 Кого не тѣшитъ славы слѣдъ,
 Любви плѣнительныя сѣти,
 Раздоръ, печали, тишина, —
 Тотъ, кѣмъ исчерпана на свѣтѣ
 Всей нашей жизни глубина,
 Лишь только тотъ пойметъ желанье
 Въ пустыню мыслью улетать,
 Гдѣ бь стали въ образахъ мелькать
 Больной фантазіи созданья:
 Они, чисты и хороши,
 Всегда живутъ на днѣ души.

VI.

То — жизнь иная; то — видѣнья,
 То — въ формы сжатыхъ мечты...
 Я самъ — не есть-ли сновидѣнье?
 Я самъ — ничто. А ты, а ты,
 Царица думъ моихъ, судьбою
 Со мной ты схожа! Я, незримъ,
 Слѣжу повсюду за тобою,
 Слиясь съ дыханіемъ твоимъ,
 Съ твоимъ рожденіемъ слиясь я;
 Съ однимъ желаньемъ и мольбой
 Могу лишь чувствовать съ тобой,
 Дрожа, волнуясь и пылая,
 Хотя былъ горекъ жизни путь,
 Хотя давно разбита грудь.

VII.

Довольно! Прежде слишкомъ много
 Я жилъ, страдать я много могъ,
 Пока сильна была тревога,
 Пока мой мозгъ не изнемогъ.
 Ужь въ сердцѣ вѣтъ огня былаго
 И жизнь моя отравлена;
 Теперь ужъ поздно жить мнѣ слова:
 Намъ дважды радость не дана.
 Я ужъ не тотъ, хотя остался
 Еще во мнѣ запасы силъ,
 Которыхъ опытъ не скосилъ,
 Хотя уста не раскрывались,
 Чтобы хулу послать судьбѣ,
 Последнимъ мщеніемъ въ борьбѣ.

VIII.

Теперь прошло очарованье,
 На немъ положена печать...
 Начнемъ же старое сказанье,

Вернемся къ Чайлду мы опять,
 Къ тому, чье сердце такъ болѣло,
 Кто боль души не могъ смирить,
 Но время все-таки умѣло
 Его во многомъ измѣнить.
 Въ насъ выль и силы усмиряютъ
 Въ своемъ теченіи года:
 Лишь у краевъ своихъ всегда
 Бокалы пѣною сверкаютъ,
 А ихъ невидимое дно
 Стоитъ спокойно и темно.

IX.

Штъ кубокъ жизни былъ осушенъ,
 Его онъ снова наполнилъ,
 Но оставался равнодушенъ
 И лишь невидимо таскалъ
 Цѣпь на себѣ; она давила,
 Хоть не былъ слышенъ звонъ оковъ,
 Она, какъ иго, тяготила
 И не гремя подъ звукъ шаговъ.
 Онъ всюду былъ съ врагомъ незримымъ,
 И этотъ тайный, темный врагъ
 За нимъ слѣдилъ за шагомъ шагъ,
 И гнетомъ вѣчнымъ, нестерпимымъ,
 Куда бъ ногой онъ не ступалъ,
 Жизнь одинокую смущалъ.

X.

Разочарованный, холодный,
 Воображалъ Гарольдъ, что могъ
 Опять среди толпы народной
 Бродить безъ скорби и тревогъ.
 Инымъ онъ думалъ въ міръ явиться,
 И если радость не придетъ,
 То ужъ печаль не возвратится
 И сердца въ немъ не шевельнетъ.
 Онъ думалъ посреди народа

Дать пищу хладному уму,
 Что нѣкогда дала ему
 Прекрасныхъ климатовъ природа,
 Когда не разъ съ высокихъ скалъ
 Цвѣтущій край онъ созерцалъ.

XI.

Кого жъ цвѣтокъ къ себѣ не манеть?
 Кто розу съ стебля не сорветъ?
 На щечку розовую взглянетъ
 Ктѣ безъ любви и не пойметъ,
 Что сердце вовсе не старѣетъ
 Отъ лѣтъ и жизни ниногда?
 Кто отъ лучей твоихъ не млѣетъ
 О, славы яркая звѣзда?
 Въ круговоротѣ жизни снова
 Гарольдъ, какъ всѣ, кружиться сталъ,
 Но на землѣ теперь искалъ
 Онъ счастья лучшаго, иного,
 За тѣмъ что въ юности оно
 Гарольду не было дано.

XII.

Увы! увѣрился онъ скоро,
 Что съ міромъ сблизиться не могъ,
 Не могъ подкапывать средь спора
 И называть добромъ порокъ.
 Въ своихъ движеньяхъ благородный,
 Умъ независимый, св. бодный
 Всѣмъ подчиняться не умѣлъ.
 Надмѣянный, лучше онъ хотѣлъ
 Нести свой жребіи одинокій,
 Безмолвно жить въ себѣ самомъ,
 Чѣмъ предъ людьми ползти рабомъ,
 Какъ всѣ они, во тѣмъ глубокой,

Имъ покоряться, уступать
И общимъ воздухомъ дышать.

XIII.

Его друзьями были — скалы,
Отчизной — гордый океанъ;
Гдѣ небо ясное сверкало,
Гдѣ грѣло солнце теплыхъ странъ,
Тамъ онъ любилъ скитаться нынѣ,
Исполненъ страсти и огня.
Лѣса, пещеры и пустыни,
Напѣвы волнъ, сверканье дня —
Его друзьями только были,
И ихъ таинственный языкъ
Онъ повялъ лучше многихъ книгъ,
Которымъ въ юности учили,
И въ блескѣ тающихъ озеръ
Онъ забывалъ весь книжный вздоръ.

XIV.

Какъ магъ, слѣдилъ онъ за звѣздами,
Ихъ дивными мірозъ населялъ.
И шаръ земной съ его бѣдами
Предъ нимъ въ то время исчезалъ.
Когда бъ въ мечтахъ опъ жить остался —
То счастливъ былъ, — но, сынъ земли,
Онъ отъ земли не отрывался
И искра гаснула въ пыли,
Та искра, что съ выси эфира
Нась тянетъ прямо въ небеса
И въ нихъ сулить намъ чудеса,
Но дѣти праха, дѣти міра
Ее теряютъ каждый разъ:
Улыбки неба — не для насъ.

XV.

Но въ городахъ Гарольдъ скучаетъ,
Всегда нахмурено чело...

(Такъ дикій соколъ опускаетъ
 Свое разбитое крыло
 И просить воздуха и воли....)
 Тогда являлись въ немъ опять
 Странанья прежнія и боли.
 Какъ птица хочетъ разломать
 Рѣшотку кѣтки одинокой
 И клювъ свой разбиваетъ въ кровь,
 Такъ рвался Чайльдъ на волю вновь,
 На свѣтъ, на свѣтъ изъ тьмы глубокой,
 И сердце, поднимая грудь,
 Казалось, хочетъ вонъ прыгнуть.

XVI.

Гарольдъ, сживаясь съ судьбой изгнанья,
 Себя скитальчеству обрекъ,
 Съ его душой сжились странанья,
 Онъ улыбаться даже могъ,
 Увѣрившись, что скорби, горе
 Его до гроба поведутъ....
 Какъ моряки въ открытомъ морѣ,
 Чтобъ быть смѣлѣй, безумно пьютъ
 И смотреть съ хохотомъ, какъ судно
 Ихъ погружаетъ всѣхъ на дно,
 Такъ и Гарольдъ смотрѣлъ давно,
 Надъ всѣмъ смѣялся безразсудно
 И всюду, гдѣ бы ни бывалъ,
 Своей улыбки не скрывалъ.

XVII.

Но, стой здѣсь, трепетомъ объятый!
 Орелъ имперскій здѣсь сраженъ!
 За чѣмъ же нѣтъ тутъ славныхъ статуй
 И колоссальныхъ нѣтъ колоннъ?
 Ихъ нѣтъ! Но истина осталась,
 И это поле не умретъ,
 Гдѣ столько крови проливалось.
 Къ чему жъ привелъ кровавый плодъ?

Какое счастье для міра,
 Равнина эта принесла?
 Гдѣ лавры гордаго чела?
 Побѣда! Гдѣ твоя порфира?
 Гдѣ ты, создавшая царей
 Въ дыму, пылавшихъ алтарей?

КѢИІІ.

Гарольдъ стоитъ предъ гробомъ Галла,
 Среди кладбища Ветерло.
 Одной минуты здѣсь достало;
 Чтобъ развѣнчать одно чело.
 Надъ этою печальной нивой,
 Взыывая бѣшено песокъ,
 Упалъ орелъ властолюбивый
 И отъ ударовъ немощъ;
 Погибла власть съ громадной славой, —
 Герой раздавленъ былъ судьбой,
 И потащилъ онъ за собой
 Обрывки цѣпи той кровавой,
 Которой міръ онъ обвивалъ
 И въ рабствѣ націи держалъ.

XIX.

Правдинный судъ! Пусть Галль кусаетъ
 Свои стальные удила.
 И пѣной цѣпи покрываетъ, —
 Но гдѣ жъ свобода? Что дала
 Побѣда надъ *однимъ* владыкой?
 Иль снова рабство воскрешать,
 И вновь въ лохмотья наряжать
 Тотъ идолъ, нѣкогда великій?
 За тѣмъ ли свергнули мы льва,
 Чтобъ предъ волками преклоняться?
 Шептать ли робости слова
 И въ новомъ рабствѣ униматься?

Нѣтъ, не гордитесь же пока
Побѣдой, лаврами вѣнка.

XX.

Погибъ деспотъ одинъ. Что жъ въ этомъ?
Напрасны слезы жонъ и вдовъ
По ихъ мужьямъ, давно отпѣтымъ,
Лежащимъ въ сумракѣ гробовъ;
Напрасны битвы, разрушенье,
Оковы рабства и стыда,
И всей Европы ополченье
Врага смирившей навсегда...
Та слава лишь не умираетъ
И будетъ жить въ устахъ страны,
Когда побѣдный мечъ войны
Вѣтвями мирта обвивается,
Какъ мечъ Гармодія святой,
Поднятый имъ за край родной.

XXI.

Въ огняхъ Бельгійская столица.
Веселый праздникъ слышенъ тамъ;
Въ сверканьи люстръ мелькаютъ лица
Прекрасныхъ рыцарей и дамъ.
Пиръ оживленный разгорался...
Вотъ сладострастно грянулъ хоръ,
И страстью пылкой зажигался
Тамъ не одинъ склоненный взоръ.
И смѣхъ, и блескъ, и говоръ балъный,
Все дышетъ счастьемъ вокругъ...
Но, чу! откуда этотъ звукъ
Печальный, мрачный, погребальный?
Одни лишь звуки похоронъ
Напоминаетъ этотъ звонъ.

XXII.

Но, нѣтъ! То былъ, навѣрно, грохотъ
На площадяхъ отъ колесницъ...

Опять за пляску и за хохотъ!
 Пусть сонъ бѣжитъ отъ ясныхъ лицъ,
 Не навѣвая новой скуки!
 Пусть прочь бѣжитъ отъ нихъ тоска!
 Но, вотъ опять все тѣ же звуки!
 Имъ словно вторять облака,
 И эхо гуломъ повторяетъ.
 Вотъ звукъ все явственнѣй растетъ...
 Скорѣй къ оружію! Впередъ!
 Тотъ шумъ на битву насъ сзываетъ!
 Тотъ шумъ, смутившій всѣхъ кругомъ,
 Былъ раскаленныхъ пушекъ громъ.

XXIII.

Тамъ, у окна, въ тѣни скрываясь,
 Онъ, Брауншвейга властелинъ,
 Стоитъ и залпамъ содрогаясь,
 Смутился ими лишь одинъ.
 Хоть всѣмъ, въ веселыхъ разговорахъ,
 Смѣшонъ былъ страхъ его больной —
 Узналъ онъ залпы, отъ которыхъ
 Погибъ отецъ его родной,
 И возродилось втайнѣ мщенье
 И кровь рѣкою пролилась:
 За мечъ взялся онъ въ этотъ часъ
 И полетѣлъ въ разгаръ сраженья
 И, очутившись впереди,
 Палъ съ черной раной въ груди.

XXIV.

И вдругъ смятенъе встало въ залѣ: —
 Моленъя, трепеть, капли слезъ...
 И щеки дѣвъ блѣднѣе стали
 И не алѣли краской розъ.
 Подрались къ нимъ часы разлуки,
 Осталось счастье назади,
 Домались трепетныя руки
 И сердце падало въ груди.
 Кто можетъ знать — сойдутся-ль снова
 И отшатнется-ль горе прочь?

Кто знает, что кончится такъ ночь,
 Что съ блескомъ утра роковаго
 Разстроится веселый пиръ
 И что война замѣнитъ миръ?..

XXV.

Вотъ въ попыхахъ коней сѣдлають;
 Громъ колесницъ, оружья звонъ.
 И въ боевыхъ рядахъ мелькаетъ
 За эскадрономъ эскадронъ.
 Ночь гаснѣтъ въ облакахъ тумана,
 Рога призывные трубятъ,
 И звукъ тревожный барабана
 Зоветъ къ оружію солдатъ.
 Въ испугъ бѣдные граждане,
 Забывши свой покойный сонъ,
 Бѣгутъ толпой со всѣхъ сторонъ,
 Внимая грому новой брани,
 И шепчутъ съ ужасомъ народъ:
 Къ намъ врагъ идетъ! къ намъ врагъ идетъ!..

XXVI.

„Сборъ Камероновъ“ *) раздается.
 О, эта пѣсня, Лохіэль,
 Нерѣдко въ скалахъ здѣсь поется,
 Вѣрна ей горная свирель...
 Какъ въ темный вечеръ пѣсни звуки
 Рѣзки и дикі! Тотъ напѣвъ
 Кладетъ оружье горцу въ руки
 И въ патриотъ будитъ гнѣвъ,
 Въ немъ храбрый предокъ воскресаетъ
 И въ тѣ минуты часто онъ,
 Тебя, Дональдъ и Камеронъ **),
 Въ порывѣ гордомъ вспоминаетъ
 И слава, ставшая вѣка,
 Для горца кажется близка.

*) Шотландская военная пѣсня.

**) Серъ Ивель Камеронъ и его пріемникъ Дональдъ, храбрый Лохіэль
 1745 года.

ККѸН.

Лѣса Арденскіе роняютъ
 Росу средь зелени травы
 И, словно слезы проливаютъ —
 За гибель храбрыхъ. Да, увя!
 Какъ та трава они сомнутся,
 Лишь съ неба взглянетъ ночь опять
 И эти травы разростутся
 Вокругъ могилъ, гдѣ лягутъ спать
 Они отъ вражьяго удара,
 И растеряютъ безъ слѣда
 Въ послѣдней битвѣ навсегда
 Запасы силъ, любви и жара,
 И кости ихъ въ землѣ уснутъ,
 Окоченѣютъ и сгніютъ.

ХХѸІІІ.

Еще вчера всѣ были живы,
 Еще вчера ихъ тѣшилъ балъ,
 Но полночь шлетъ войны призывы,
 А утромъ бой ихъ ожидалъ.
 Явился день. Въ дыму сраженья
 Летаютъ ядра, воздухъ рветъ,
 И нѣтъ ударамъ отраженья;
 На гудахъ груди вновь растутъ
 И въ мрачный, кровью обогранный,
 Покрытый трунами оврагъ
 Слетаютъ ввысь—другъ и врагъ,
 И конь и всадникъ утомленный,
 И прахъ вздымается, и дымъ
 Скользить видѣтъ мертвыхъ и живыхъ.

ХХІХ.

Пусть лира лучшаго поэта
 Героевъ чтить,—лишь *одному*
 Я посылаю дань привѣта,
 Быть можетъ, частью потому,
 Что насъ вела одна дорога,
 Что я—былъ врагъ его отца,

Что имена героев много
 Даютъ вѣнковъ для ихъ пѣвца;
 А онъ—онъ былъ всегда героемъ
 И пуля жертвы не могла
 Почетливъ выбрать, и свела,
 Промчавшись смертью передъ строемъ,
 Тебя въ могилу подъ курганъ:
 Ты, Гоуардъ погибъ отъ ранъ —

XXX.

И былъ оплаканъ всѣми. — Ты-ли
 Мои рыданья-бъ услышалъ?
 Когда же на твоей могилѣ
 Зеленый лугъ я увидалъ,
 Когда все жизнью улыбалось
 И въ полѣ зрѣлъ душистый плодъ,
 Когда весна вдругъ возрождалась
 И пѣлъ пернатый хороводъ,
 Тогда отъ свѣтлой той картины
 Я обращался съ думой къ тѣмъ,
 Кому весь міръ казался нѣмъ
 Съ минуты горестной кончины,
 Въ тѣмъ, для кого теперь весна
 Не зелена и не красна.

XXXI.

Я падшихъ отдаю сожалѣнью;
 Родня скорбитъ о нихъ давно,
 Но даже самаго забвенья
 О нихъ ей небомъ недано;
 Героевъ трубный звукъ подниметь,
 Труба архангела одна,
 А слава? слава быстро минеть,
 Расскажетъ намъ ихъ имена,
 Но не подниметь ихъ изъ гроба
 И не волеетъ въ ихъ жилы кровь,
 И въ насъ тогда проснуты вновь
 И сожалѣнне, и злоба,
 Да вызоветъ изъ груди стонъ
 Рядъ дорогихъ, святыхъ именъ.

XXXII.

Сквозь слезы міръ, порой, смѣтается.
 Такъ дерево сперва гніетъ,
 А послѣ рухнетъ; такъ несется
 Корабль безъ мачтъ по лону водъ,
 А послѣ въ морѣ погибаетъ;
 Такъ свѣтъ сквозь тучу видимъ мы;
 Такъ дверь тюрьмы переживаетъ
 Всѣхъ обитателей тюрьмы;
 Такъ годъ отъ году разсыпаясь,
 Еще все держится стѣна...
 И наша жизнь тому жъ вѣрна:
 Такъ, часто сердце разбивалось,
 Еще живетъ у насъ въ груди
 И ищетъ жизни впереди.

XXXIII.

Въ разбитомъ зеркалѣ дробится
 Все то, что въ немъ отражено;
 Въ его обломкахъ отразится
 Хоть сотню разъ лицо одно.
 Такъ если сердце въ насъ разбито—
 Оно нескоро въ насъ умретъ,
 Ничто имъ въ прошломъ не забыто,
 Оно все помнить и живетъ,
 Живетъ безъ прежнихъ упованій,
 Смѣнивши свѣтъ на мракъ и тьму,
 Не повѣряя никому
 Своихъ мучительныхъ страданій,
 И не бросаетъ этотъ свѣтъ
 До самыхъ позднихъ, позднихъ лѣтъ.

XXXIV.

Есть жизнь въ страданьи самомъ жгучемъ,
 Когда и ядъ ужъ не мертвить.
 Такъ корнемъ сочнымъ и могучимъ
 Лѣсъ вѣтви мертвыя поетъ.
 Смерть не страшна,—но съ шуткой злою
 Жизнь сторожить насъ, шлетъ бѣды.

Такъ Моря Мертваго плоды
 Вдругъ рассыпаются золою,
 Когда сорвутъ ихъ. Если бь ннмь
 Пришлось жизнь шреть по часамъ
 Хорошихъ радостей, то въ свѣтѣ
 (Кто разрѣшитъ вопросы эти?)
 Возможно-ль было или нтъ
 Жить до шестидесяти лѣтъ?

XXXV.

Давно означенъ былъ пророкомъ
 Срокъ нашихъ лѣтъ и ихъ число,
 Но этимъ слишкомъ долгимъ срокомъ
 Ты возмутилось, Ватерло.
 Чтобъ не тянулись эти годы,
 Людей давило ты, губя,
 И стануть помнить всѣ народы
 Съ невольнымъ ужасомъ тебя.
 Не позабудуть миллионы
 И дѣти ихъ такую рѣчь:
 «Здѣсь обнажили въ битвѣ мечъ
 Союзныхъ націй легионы».
 Вотъ все, что въ памяти людей
 Останется на много дней.

XXXVI.

Здѣсь былъ великій, свѣтлый разумъ!
 Онъ ни предъ чѣмъ не отступалъ.
 Желалъ, спѣшилъ и тутъ же разомъ
 Труды и подвиги свершалъ.
 Въ своихъ стремленьяхъ несдержимый,
 Онъ этимъ самымъ былъ сраженъ,
 Иначе-бъ тотъ упавшій тронъ
 До-нынѣ былъ несокрушимый,
 Имъ зовутъ бь нмъ онъ не владѣлъ...
 Своимъ величьемъ и паденьемъ
 Себѣ объявлять ты! Хотѣлъ
 Ты миръ смутить своимъ явленьемъ,
 Вновь прежній скипетръ въ руки зять
 И, какъ Юпитерь, поражать.

XXXVII.

Ты—побѣдитель побѣжденный.
 Весь міръ еще до-нынѣ нѣмъ,
 Тебѣ во слѣдъ глядитъ смущенный,
 Въ тѣ дни, когда ты сталъ ничѣмъ,
 Игрушкой счастья, жертвой жалкой...
 Давно-ли слава за тобой
 Слѣдила лѣстивою Весталкой,
 Гордилась славною судьбой.
 Пока смотрѣлъ ты полубогомъ,
 То отъ лучей твоихъ слѣпа
 Склонялась предъ тобой толпа
 Въ своемъ смиреніи убогомъ:
 Въ ея глазахъ ты въ этотъ срокъ
 Былъ, въ самомъ дѣлѣ, полубогъ.

XXXVIII.

Кто бъ ни былъ ты—безумецъ, гений —
 То императоръ, то капраль,
 Изъ царствъ надѣлалъ ты ступеней,
 Ты государства разгромлялъ
 И воссоздавать умѣлъ ихъ снова,
 Но только справиться не могъ
 Съ самимъ собой: вотъ твой порокъ.
 Въ себѣ стремленья роковаго
 Къ войнѣ смирить ты не умѣлъ,
 Ты новой бездны не измѣрилъ,
 Въ свою звѣзду и въ свой удѣлъ
 Съ самонадѣянностью вѣрилъ,
 Забывъ, что гордая судьба
 Не подчинится, какъ раба.

XXXIX.

Позоръ, паденье властелина
 Ты вынесъ съ силой мудреца,
 И эта гордость исполнила
 Враговъ дразнила до конца.
 Когда народъ кругомъ сбѣгался

Кошунствомъ встрѣтить твой позоръ —
 Ты хладнокровно улыбался:
 Такъ свѣтель былъ спокойный взоръ!
 Когда фортуна отвернулась,
 Тебя лишивъ своихъ даровъ,
 Ты оставался гордъ, суровъ;
 Спина героя не согнулась, —
 Въ несчастьѣ самомъ даже онъ
 Былъ прежнимъ блескомъ окруженъ.

XL.

Въ дни бѣдствій больше, чѣмъ въ дни счастья
 Ты былъ великъ. Тогда не зналъ
 Ты къ людямъ добраго участья
 И къ нимъ презрѣнья не скрывалъ.
 Ихъ знать нельзя не презирая,
 Но ты былъ тѣмъ лишь виновать,
 Что это чувство не скрывая,
 Его въ глаза бросать былъ радъ.
 И ты паденьемъ заплатился!..
 Къ чему же власть теперь? Къ чему
 Желать высокому уму,
 Чтобъ цѣлый міръ предъ нимъ склонился?
 Такое дѣло никогда
 Не стоитъ нашего труда.

XLI.

Когда бъ стоялъ ты одинокимъ,
 Какъ башня замка на скалѣ,
 Съ своимъ презрѣніемъ глубокимъ
 Ты могъ быть счастливъ на землѣ.
 Но тамъ, гдѣ мнѣнія народа
 Даетъ и власть, и тронъ даетъ —
 Оружіе такого рода
 Къ прямой гибели ведетъ.
 Взойдя на новую арену,
 Какъ сынъ Филиппа долженъ стать,
 Но людямъ всѣмъ не хохотать
 Въ глаза, подобно Диогену!

О, циникъ! помни до конца:
Земля — не бочка мудреца *).

XLII.

Покой инымъ — ужаснѣй ада.
Вотъ отчего сложилися огнь.
Есть силы: душить ихъ преграда,
Они изъ граней рвутся воль.
Душевнѣй пылъ зоветъ на дѣло,
Порывъ желаній несдержимъ
И пламя къ верху рвется смѣло
И все палить огнемъ своимъ.
Оно не гаснетъ отъ движенья,
Ему противенъ лишь покой,
И лихорадкѣ такой
Пьянѣтъ грудь до истушенья;
Она всѣ страсти драматизъ въ насъ
И раздражаетъ каждый разъ.

XLIII.

Та лихорадка возрождаетъ
Безумцевъ, бардовъ, королей,
Она на битвы призываетъ
Вокругъ разбитыхъ алтарей;
Она творить людей движенья,
Въ которыхъ кровь живѣй бѣжитъ;
На ихъ дѣла, на ихъ стремленья
Толпа смѣясь, порой, глядитъ.
Что жъ за причины ихъ терзанья?
О, какъ бы были хороши
Хотя бы одной такой души
Для насъ открытыя признанья:

*) Большая ошибка Наполеона, если наши историки справедливы, состояла въ томъ, что при всякомъ случаѣ онъ показывалъ свое презрѣнiе и пренебреженiе къ людямъ. Это оскорбляетъ часто самолюбiе болѣе, чѣмъ жестокость тиранiи. Говорятъ, что, возвратившись въ Парижъ послѣ уничтоженiя его армiи русской землей, онъ, погирая руки, воскликнулъ: „здѣсь лучше, чѣмъ въ Москвѣ“. Эта фраза, быть можетъ, оттолкнула отъ него болѣе сердецъ, чѣмъ всѣ неудачи, которыми онъ объяснилъ охлажденiе къ себѣ своихъ прежнихъ приверженцевъ.

Тогда бы всё мы, мочеть брызгъ,
Не стали славу какъ любима.

XLII.

Въ душѣ ихъ—буря; жизнь—волшебье;
Хоть часто губить ихъ оно,
Но безъ борьбы, но безъ паденья
Имъ въ мѣрѣ жить не суждено.
Покой ихъ давить вѣчной снухой,
Имъ нужны: ненависть, правда....
Такъ спалены борьбой и мукой
Они потухнуть навсегда,
Какъ постепенно потухаетъ
Безъ дровъ оставленная печь,
Какъ безъ движенья павсый вѣкъ
Безславно рванушка съвѣдетъ:
Въ пыли забытый, окъ лежитъ
И никого ужъ не страшить.

XLV.

Кто видитъ, стоя на вершинѣ
Верхушки скалъ въ вѣнѣ снѣговъ,
Кто въ мѣрѣ сталъ всѣхъ выше нынѣ,
Тотъ всюду долженъ ждать враговъ.
Надъ нимъ—*высоко* солнце славы,
Земля отъ взоровъ—*далека*,
Крутомъ—на лѣво и на право
По льдинамъ вьются облака,
Да только бури, пѣсни ада,
Поютъ вкругъ гордаго чела...
И вотъ, что жизнь ему дала!
И вотъ пути его награда!
Еъ чему жъ теперь достигнулъ ты
До недоступной высоты?...

XLVI.

Ахъ, нѣтъ! Мѣръ собственныхъ созданій
Или природы красоты
Избавятъ насъ отъ всѣхъ страданій.

О, Рейнгъ! вѣдь это блещешь ты!
 Гарольдъ гадитъ: отгрянешь вѣснѣе
 Природы чудные дары,
 Поля съ зеленымъ ихъ просторомъ,
 Долины цвѣтушіе ковры,
 Плоды и кисти винограда;
 Пустые замки тамъ стоятъ
 И мрачно стѣны ихъ глядятъ
 Изъ изумрудныхъ листьевъ сада,
 И разрушенья духъ одинъ
 Тамъ поселился межъ руинъ.

XLVH.

Они стоятъ, какъ привидѣнья,
 Недвижно многіе вѣка;
 Въ нихъ слышно бурь, вѣтровъ шипѣнье,
 Ихъ гости — только облака.
 Въ нихъ прежде пѣсни раздавались
 И слышенъ былъ сраженій громъ,
 Надъ ними флаги развѣвались,
 Но спятъ бойцы могильнымъ сномъ
 Въ гробницахъ, въ саванахъ кровавыхъ;
 Лоскутья флаговъ стерлись въ прахъ
 И нѣтъ помину о пиррахъ,
 И въ этихъ башняхъ величавыхъ,
 Гдѣ паутина ткеть узоръ,
 Уже враговъ не ждетъ отпоръ.

XLVIII.

Средь этихъ башенъ страсти жили,
 Въ нихъ обиталъ могучій духъ;
 Толпы разбойниковъ бродили,
 Для грабежей держали слугъ;
 Могучіе, во время оно
 Сражались вокругъ враговъ своихъ...
 Чего же, кромѣ лишь закона
 Не доставало славы ихъ?
 Лишь лѣтописца подкупнаго,
 Иль шире поприты для зла,
 Иль мавзолея росписнаго?..

Въ нихъ бились пламенно сердца,
Жила въ нихъ пылкость хлабренца.

XLIX.

Средь феодальныхъ ихъ раздоровъ
Погибло много громкихъ дѣлъ,
И звукъ любви, блескъ нѣжныхъ взоровъ
Проникнуть въ сердце ихъ умѣлъ;
Но пламя страсти дико было,
Влекло къ погромамъ и войнѣ
И ихъ неистовство любило
Купаться въ крови и винѣ.
Не разъ, влекомые любовью,
Повсюду смерть они несли,
Стирали башни прочь съ земли,
И Рейнъ окрашивался кровью
Во славу гордой красоты.
О, Рейнъ! чего не видѣлъ ты!

L.

О, славный Рейнъ! Своимъ разливомъ
Обогащать ты берега...
Когда бъ по этимъ чуднымъ нивамъ
Врагъ не стремился на врага,
Ты былъ бы вѣченъ красотой:
Тогда бъ долина тихихъ водъ
Была, какъ неба новый сводъ,
На землю спавшій пеленою.
Чего же теперь не достаетъ
Тебѣ, чтобъ небомъ могъ казаться?
Чего душа здѣсь не найдетъ?
Забвенья Леты, можетъ статься.
Ея забвенья, вѣрно, мнѣ
Не отыскать на рейнскомъ днѣ.

LI.

Здѣсь битвы воздухъ потрясали,—
Они забыты навсегда,

Здѣсь берегъ трупы покрывали,—
 Отъ нихъ не видно и слѣда.
 Могилы самыя пропали,
 Военныхъ бурь прошла игра,
 И волны кровь съ земли смывали
 Едва пролитую вчера.
 Сидясь глядится солнце въ волны,
 Въ твои прозрачныя струи,
 Лишь думы тайныя мои,
 Какъ и всегда, печали полны:
 Волнамъ сверкающей рѣки
 Не затопить моея тоски.

LII.

Такъ думалъ Чайльдъ. Но безъ вниманья
 Не могъ же относиться онъ
 Къ мѣстамъ, гдѣ самое изгнанье
 Идетъ для насъ, какъ сладкій сонъ.
 Хоть на челѣ его морщины
 Печатью опыта лежатъ,
 Но нѣтъ въ лицѣ былой вручины;
 Черты безстрастны, ясенъ взглядъ,
 Въ глазахъ веселье отражалось,
 Какъ свѣтъ мелькнувшій въ массѣ тучъ,
 И по лицу довольства лучъ
 Игралъ порою и, казалось,
 Въ немъ каждый новый чудный видъ
 Былую радость шевелить.

LIII.

Надъ нимъ любовь имѣла силу,
 Хотя порывъ страстей своихъ
 Въ себя онъ пряталъ, какъ въ могилу,
 Но могъ ли съ корней вырвать ихъ?
 Нѣтъ, сердце требуетъ участья,
 Хоть мѣръ души и ослепенъ,
 И не откажется отъ счастья:
 И точно также думалъ онъ.
 Всегда одно воспоминанье

Теперь въ груди его живетъ,
Его давно къ себѣ влечетъ
Одно прекрасное созданье,
И часто мысленно къ нему
Носится востановку.

LIV.

Любить онъ сильно научился,
И это странно было въ немъ...
Но отчего жъ онъ измѣнился,
Онъ, презиравшій все кругомъ,
Онъ, отвергавшій чувство смѣло?
Какъ вдругъ могла исчезнуть тьма?
Къ чему намъ знать?—не въ этомъ дѣло:
Важна тутъ истина сама.
Пусть для страстей людскихъ опасна
Всегда бываетъ тишина—
Его любовь была сильна,
Какъ чувстно первое—прекрасно,
Хотя, казалось, въ немъ давно
Все сердце было спалено.

LV.

Да, онъ любилъ одно созданье,
И связь, сильнѣй законныхъ узъ,
Связала ихъ: ей нѣтъ названья.
Быль чистъ и крѣпокъ ихъ союзъ.
Во всемъ далеки лицезѣрья,
Они не видѣли бѣды
Въ нападкахъ недраго пещѣрья
И не боялся вражды.
Ничто любви не угрожало,
И ей-то съ чуждыхъ береговъ
Мотивы тихихъ нѣжныхъ строкъ
Гарольду Муза написала,
И повторяетъ онъ за ней
Слова мелодіи своей:

П ъ с н я .

1.

Замокъ *), нахмуясь надъ Рейномъ, склоняется,
 Рейнъ серебристый ворчитъ,
 Грудь водяная его раздувается,
 Межъ берегами скользить.
 Тамъ виноградъ по садамъ разростается..
 Нивы, холмы и лѣса...
 Тамъ города межъ долинъ разсыплются,
 Бротко глядятъ небеса...
 Право, не пѣлъ бы я пѣсни унылыя,
 Счастье напрасно губя,
 Если бѣ была ты со мной, моя милая,
 Если бѣ я видѣлъ тебя.

2.

Голубоокія дѣвы встрѣчаются,
 Поступь—полна красоты;
 Такъ откровенно онѣ улыбаются
 И предлагаютъ пѣты.
 Здѣсь—то колонна стоитъ феодальная,
 То наклонилась скала,
 Тамъ—виснетъ въ воздухѣ арка печальная,
 Словно паденья ждала.
 Вотъ и бесѣдка... О, вѣрно бѣ здѣсь скоро я
 Могу отдохнуть отъ печаль,—
 Жаль, что нѣтъ ручки прекрасной, которая
 Скала мнѣ руку женеръ.

3.

Шлю я къ тебѣ эти лиліи блѣдныя.
 Въ день, какъ получишь ихъ ты,

*) Замокъ—Драхенбургъ. Онъ находится на самой возвышенной вершинѣ „сени горъ“ на берегу Рейна; онъ представляетъ теперь лишь развалины и съ нами соединено множество страшныхъ преданій. Это первый замокъ, попадающійся путнику, идущему отъ Бонна, но онъ лежитъ на противоположномъ берегу рѣки. Почти противъ него, черезъ рѣку, лежатъ развалины другого замка, называемаго замкомъ Жюда и стоитъ большой крестъ въ память одного изъ владѣльцевъ, убитаго его братомъ и такъ погребеннаго. Число замковъ и городовъ, лежащихъ на обоихъ берегахъ Рейна, огромно, и мнѣ невозможно ихъ необмысленно живописно.

Б.

Будутъ измяты ихъ листики бѣдные
 И захлѣбютъ цвѣты.
 Все же на память нѣаго свиданія
 Лицъ твоихъ сохрани,
 Брось иногда мнѣ хоть взоръ состраданія
 И обо мнѣ вспомни.
 Будешь ты помнить, что гдѣ-то на Рейнѣ я
 Эти цвѣты собиралъ,
 Виѣсть съ цвѣтами къ тебѣ въ отдаленіе
 Думы свои посылаю.

4.

Рейнъ горделиво бѣжитъ, извивается...
 Каждый хорошъ поворотъ:
 Тысячи видовъ кругомъ раскрываются
 Полныхъ волшебныхъ красотъ.
 Здѣсь забываю я гордость надмѣнную,
 Съ сердца отходить тоска...
 Можно кругомъ исходить всю вселенную—
 Краше въ ней нѣтъ уголка.
 Но эти виды мнѣ лучше бѣ казались,
 Ожило все бы вокругъ,
 Если бы взоры мои здѣсь встрѣчались
 Виѣсть съ твоими, мой другъ.

LVI.

Близъ Кобленца, въ одной равнинѣ
 Подъ пирамидою лежитъ
 Въ могилѣ прахъ героя нынѣ *).
 Марсо— нашъ врагъ, но есть-ли стыдъ
 Надъ этой раннею могилой
 Стоять въ слезахъ? Надъ ней не разъ
 Потокъ слезъ съ любовной силой
 Струились изъ солдатскихъ глазъ.

*) Памятникъ молодого и всѣми оплакиваемаго генерала Марсо, убитаго пу-
 лей при Альткирхенѣ, въ послѣдній день IV года французской революціи,
 существуетъ еще въ томъ же видѣ, какъ я описалъ его. Генералы и депута-
 ція отъ обѣихъ арій присутствовали на его похоронахъ; французы обожали
 его, враги его любили; какъ тѣ, такъ и другіе плакали надъ его гробомъ. Въ
 той же самой могилѣ похороненъ генералъ Гошъ (Goshe), человѣкъ храбрый
 въ полномъ смыслѣ слова.

Они съ завистливою тоскою
 Умѣли чтить героя прахъ;
 Онъ, презирая смерти страхъ,
 Вооруженною рукою
 Народъ французскій защищалъ
 И за его свободу палъ.

LVII.

Двѣ арміи о немъ рыдали
 И врагъ почтилъ его въ тиши;
 Молитвы стражники шептали
 За упокой его души,
 Души безстрашной, благородной...
 Его забудеть-ли молва?
 Онъ, занять участіемъ народной,
 Сталъ за народныя права,
 И умеръ за тебя, свобода,
 Героємъ онъ. Вотъ почему,
 На этотъ скромный гробъ ему,
 Несется въ даръ слеза народа,
 Вотъ отчего толпа, порой,
 Идетъ къ холму, гдѣ палъ герой.

LVIII.

Эренбрейтштейнъ! *) Твои руины
 Не тѣ, что въ прошлыя года,
 Когда картечь, огонь и мины
 Не причиняли имъ вреда.
 Отъ взрывовъ стѣны почернѣли...
 О, тотъ ли ты, побѣдный валъ,
 Гдѣ битвы грозныя кипѣли
 И врагъ разбитый отступалъ.
 И миръ разрушилъ эти своды,
 Чего не сдѣлала война:
 Стоитъ въ развалинахъ стѣна

*) Эренбрейтштейнъ, т. е. „широкій камень чести“ — былъ одною изъ самыхъ сильныхъ крѣпостей Европы; его взорвали французы во время сдачи Дюбена. Онъ могъ быть взятъ измѣной или голодомъ и сдался отъ голода при нападеніи въ располкъ. Генералъ Марсо долго осаждалъ его безъ успѣха.

Печальной жертвой непогоды,
Хоть былъ не страшень прежде ей
Весь ужась пушечныхъ оней.

LIX.

Прощай, мой Рейнь! Съ невольнымъ стономъ
Уходить путникъ отъ тебя!
На берегу твоёмъ зеленомъ
Всѣ оживаютъ, жизнь любя;
И если бь коршунъ зашъ сомнѣнья
Намъ втайнѣ сердца не сосалъ —
Ты бь далъ намъ свѣтлыя мгновенья
И много радостей послалъ.
Твоя роскошная природа
Не весела и не мрачна,
Хотя дива, но не страшна;
Какъ осень ясная для года,
Въ сияньи зрѣлой красоты
Земля полезна бь бы ты.

LX.

Еще прости! Къ чему жь прощанье?
Тебѣ нельзя сказать: прости!
Нельзя безъ боли и страданья
Глазъ пораженнымъ отвести
Отъ мѣстъ, достойныхъ обожанья.
Быть можетъ много лучшихъ странъ,
Которымъ климатъ краше данъ,
Но гдѣ найдемъ то сочетанье
Разнообразной красоты?
И блескъ, и жизнь, и прелесть неба,
Лѣса, душистые кѣнты,
Поля златыхъ колосьевъ хлѣба,
И наконецъ, — когда хотѣть, —
Воспоминаній славныхъ рядъ.

LXI.

Величье вѣстѣ съ простотой!
Овраги, стѣны ворововъ,

Лѣса съ ихъ зеленью густою,
 Обложки стѣнь, потоковъ ревъ,
 Тамъ зелень ярад, тамъ пашни—
 Все манятъ къ грезамъ и къ мечтѣ...
 Тамъ скалы днѣя, какъ башни,
 Стоять въ суровой наготѣ.
 Довольство общее народа
 Вкругъ разлито: здѣсь такъ же онъ
 Всегда спокоенъ и силенъ,
 Какъ края этого природа,
 Хоть государство не одно
 Когда-то здѣсь погребено.

LXII.

Но предо мною альпы встали,—
 Природы вѣчные дворцы,—
 И облака отъ глазъ скрывали
 Вершинъ ихъ снѣжные вѣны,
 Откуда лавина спадаетъ,
 Какъ громъ, все руша впереди.
 Чтò духъ людей живить, смущаетъ—
 Все есть въ ихъ каменной груди;
 Они какъ будто тѣмъ гордятся,
 Что близко къ небу подошли,
 А люди—эта моль земли—
 Должны внизу ихъ пресмыкаться,
 Что до предѣловъ ихъ высотъ
 Никто изъ смертныхъ не дойдетъ.

LXIII.

Но прежде чѣмъ себя доволю
 Выходить на альпы—брошу взглядъ
 Патріотическому полю:
 Мнѣ отирается Морать.
 Трофеи страшные! Здѣсь пали
 Вургундской арміи полки,
 Ихъ кости въ гряду набросали...
 Теперь по Стиксу, вдоль рѣки
 Непогребенныхъ бродятъ тѣни
 Въ безлунную, глухую ночь,

Не въ состояннн превозмочь
 Стенанья тайныя и пѣни:
 Лишь только въ небѣ день потухъ —
 Начнетъ рыдать тамъ каждый духъ *).

LXIV.

Какъ Ватерло и бой при Каннахъ
 Имѣютъ сходство, такъ Морать
 И Маратовъ вдвоемъ стоятъ.
 Великій бой! Въ твоихъ гражданахъ
 Тогда духъ братства говорилъ,
 Въ нихъ много было юныхъ силъ.
 Негодованіемъ объаты,
 Они дрались и шли на кликъ,
 Не какъ наемные солдаты,
 Не какъ рабы своихъ владыкъ.
 Они нигдѣ народныхъ стоновъ
 Ярмомъ чудовищныхъ законовъ
 Не возбуждали; произволь
 Межъ нихъ защиты не нашель.

LXV.

Мы предъ колонной поспѣдѣли;
 На ней видна печать годовъ.
 Какъ человѣкъ окаменѣлый
 Съ сознаньемъ тайнымъ, но безъ словъ
 Гладитъ кругомъ на все безсонно —
 Такъ ты смотрѣла здѣсь колонна,
 Ты, мертвый остовъ прошлыхъ лѣтъ!
 И удивляя цѣлый свѣтъ,
 Ты здѣсь стоишь не разрушаясь;
 Тебя не тронулъ жизни шумъ,
 Межъ тѣмъ здѣсь палъ Авентикумъ **).
 Въ своихъ обломкахъ разышлася,

*) Капелла, бывшая на этомъ мѣстѣ, уничтожена, и пирамида костей значительна уменьшена бургонскимъ легиономъ, которому очень хотѣлось скрыть этотъ памятникъ не очень-то счастливыхъ нашествій своихъ предковъ. Не смотря на всѣ старанія бургонцевъ, костей еще осталось довольно. Б.

**) Авентикумъ, близъ Мората, былъ столицей Римской Гельвенціи. На томъ мѣстѣ теперь Аванигъ. Б.

Въ мѣстахъ, гдѣ прежде онъ царилъ
И гордой славой дивилъ.

LXVI.

И здѣсь, — какъ ими то священо! —
Ты, Юлія, тогда жила,
Отца любила неумѣнно
И въ землю вмѣстѣ съ нимъ легла.
Ты за него въ слезахъ молила,
Но строги судьи, строгъ законъ,
И смерть съ отцомъ ты раздѣлила,
Смѣнила жизнь на вѣчный сонъ *).
Могла ихъ безъ украшеній
Стоять, вкушая тишину,
И прахъ одинъ и мысль одну
Хранить въ той урнѣ добрый геній,
Но монумента не найдетъ
Надъ той могилкою народъ.

LXVII.

Но міръ ее не забываетъ,
Хотя бы годы шли и шли,
Хотя забвеніе стираетъ
Народы, царства прочь съ земли.
Все, что вчера шумѣло, жило,
То завтра смолкаетъ и умретъ,
Лишь добродѣтели свѣтило
Всѣ времена переживетъ,
Безсмертнымъ блескомъ поражая
Тебя, ничтожный человѣкъ!
Такъ на вершинахъ горныхъ свѣтъ,
Въ себѣ блескъ солнца отражая,
Всегда, зимою и весной,
Сверкаетъ яркой бѣлизной.

*) Юлія Альпинула, молодая жрица Авонтикума, умерла, напрасно стараясь спасти жизнь своего отца, присужденнаго на смерть Ауломъ Цезаремъ за предательство своего отечества.

LXVIII.

Всегда любилъ я тихій Леманъ.
 Въ него глядятся цѣпи горъ
 И звѣздъ небесныхъ чуткй хоръ...
 Тамъ хорошо! Но только тѣмъ оны
 Нерѣдко мой покой смущалъ,
 Чтò я людей на немъ встрѣчалъ.
 Но скоро вновь придетъ отрада,
 Мечтамъ предаться я могу:
 Отъ человѣческаго стада
 Я безъ оглядки убѣгу.
 Судьбѣ я вдвое благодарнѣй,
 Когда, простясь съ людскою овчарней,
 Я одинокимъ остаюсь
 И отъ жилищъ всѣхъ сторонюсь.

LXIX.

Людей бѣгутъ не отъ презрѣнья.
 Не могутъ всѣ нести ихъ трудъ.
 Пусть мизантропомъ не зовутъ
 Того, кто, скрывъ души движенья,
 Не шель друзей искать въ народъ,
 Гдѣ за утратой ждетъ утрата,
 Гдѣ ранней жертвою разврата
 Мы гибнемъ туно въ тѣмъ заботъ,
 Гдѣ наши силы изнурнемъ,
 О томъ жалѣемъ, что прошло,
 Гдѣ всюду платимъ зломъ за зло,
 Пошлѣемъ скоро и мельчасмъ,
 Приходимъ къ выводамъ такимъ,
 Что всѣ усилья наши—дымъ.

LXX.

Тамъ ждетъ насъ темное страданье,—
 Его ничѣмъ не превозмочь,—
 Тамъ превратится кровь въ рыданье,
 А впереди предстанеть—ночь.
 Жизнь станетъ бѣгствомъ неизбежнымъ
 Для тѣхъ, кто ползаетъ во мглѣ;

Такъ въ морѣ, съ чувствомъ безнадежнымъ,
 Морякъ спѣшить на корабль
 Причалить къ берегу. Однако,
 Иной пловецъ въ волнахъ плывесть,
 Не зная пристани, впередъ,
 Не опасаясь бурь и мрана:
 Онъ, съ ними сжившійся давно,
 Не бросить якоря на дно.

LXXI.

И такъ, не лучше-ль оставаться
 Въкъ одному, весь міръ забыть
 И синей Роной любоваться,
 На это озеро ходить,
 Которое ее вскормило,
 Какъ нѣжно любящая мать
 И поцѣлуями любила
 Ребенка крики заглушать?
 Не лучше-ль жить такъ во всеженной,
 Не проходя одной тропой
 Съ безумной, шумною толпой,
 Порою, какъ герой надмѣнный,
 Порой, въ цѣпяхъ усталыхъ ногъ?
 Не лучше-ль жить безъ тѣхъ тревогъ?

LXXII.

Я самъ — ничто; я — есть частица
 Того, что вижу лишь вокругъ;
 Со мной бесѣдуетъ денница,
 Мнѣ шепчутъ сказки горы, лугъ...
 Лишь пробуждаетъ содроганье
 Во мнѣ жизнь шумныхъ городовъ.
 Нѣтъ въ мірѣ злѣе наказанья,
 Какъ быть овцой людскихъ стадовъ,
 Тогда какъ духъ свободный рвется
 Къ сляню съ небомъ, съ цѣпью горъ,
 Его влечетъ полей просторъ,
 Къ полночнымъ звѣздамъ онъ несется,
 И хочетъ, — власти не дано, —
 Съ природой жить онъ за одно.

LXXIII.

Да, это зло людской судьбины.
 Смотрю я съ ужасомъ вокругъ
 На заселенныя равнины,
 Какъ на приютъ скорбей и мукъ,
 Гдѣ я, за грѣхъ одной минуты
 Былъ на мученье осужденъ...
 Довольно! Прочь срываю пути!
 Теперь я снова окрыленъ,
 Теперь могучи снова крылья,
 Чтобъ противъ вѣтра мчаться въ путь,
 Чтобъ прахъ земли съ нихъ отряхнуть
 Безъ утомленья и усилья
 И долетѣть до облаковъ,
 Освободившись отъ оковъ.

LXXIV.

Когда же мысль освободится
 Отъ узъ земныхъ, что мысль гнететь,
 И въ жизни лучшей обновится,
 И плоть земли съ себя стряхнетъ,
 И разомъ вырвется на волю,
 Отъ формы глиняной своей
 Оставивъ часть одну на долю
 Букашекъ, гадовъ и червей, —
 Тогда ужели даръ прозрѣнья
 Меня оставить? Я пойму
 Языкъ духовъ и неба тьму
 И мысли вѣчное движеніе,
 И вѣчный духъ съ природой сливъ,
 Я не умру, я буду живъ.

LXXV.

Моря и горы, небо, рѣки!
 Самъ я не ихъ-ли только часть?
 Уже-ль во мнѣ, какъ въ человѣкѣ,
 Не велика къ природѣ страсть?
 Могу-ль смотрѣть безъ сожалѣнья
 На все, что сравниваютъ съ ней?

За это горькое презрѣнье
 Я къ людямъ чувствую сильнѣй,
 И лучше вынесу страданье,
 Чѣмъ предъ бездушною толпой
 Съ ея ничтожной суетой
 Открыто выскажу желанья
 И одинокія мечты
 Въ честь вѣчно юной красоты.

LXXVI.

Я поступаю очень дурно,
 Что свой разсудъ забылъ опять.
 Итакъ, всѣхъ любящихъ мечтать
 Попрошу взглянуть сюда: вотъ урна.
 Въ ней прахъ того положенъ былъ,
 Чья жизнь была огонь и пыль,
 Того, кто родился въ странѣ той,
 Гдѣ я дышу теперь, согрѣтый
 Одной безумною мечтой—
 Быть солнцемъ славы колоссальной.
 Пыльценный ложной суетой,
 Минутный гость земли печальной,
 Пока онъ чувствовалъ и жилъ,
 Все въ жертву славы приносилъ.

LXXVII.

Здѣсь прахъ Руссо. Пѣвецъ страданья,
 Страстямъ онъ прелесть придавалъ
 И доводилъ до обожанья
 Всѣ муки сердца. Онъ искалъ
 Въ безумьѣ — близость идеала;
 Всѣ мысли черныя, дѣла
 Блестящимъ свѣтомъ заливала
 Его софизмовъ похвала.
 Они мгновенно ослѣпляли,
 Какъ блескъ отъ солнечныхъ лучей,
 Такъ что нерѣдко изъ очей
 Потокомъ слезы выбѣгали,
 И переполненная грудь
 Въ слезахъ хотѣла отдохнуть.

LXXVIII.

Въ любви онъ весь старалъ отъ страсти.
 (Такъ молнія мгновенно жгла,
 Колола дерево на части).
 Хотя любовь его влекла,
 Но не къ живымъ, прекраснымъ жонамъ,
 Онъ хладенъ былъ къ ихъ красотъ,
 Не къ мертвымъ, смертью пораженнымъ,
 Ожившимъ вновь въ его мечтѣ;
 Но въ красотъ своей печальной,
 Воображеньемъ создана,
 Предъ нимъ являлася жена, —
 Какъ образъ чисто идеальный,
 И много игучихъ ей страницъ
 Онъ посвятилъ, упавши ницъ.

LXXIX.

То чувство—Юлія прелестной
 Родило образъ, и оно жъ
 Дало намъ поцѣлуй извѣстный *),
 Губъ лихорадочную дрожь,
 Когда онъ бѣшеннымъ движеніемъ
 Лобзанью дружбы отвѣчалъ,
 Спаленъ ея прикосновеньемъ,
 И бѣдный мозгъ его пылалъ.
 Да, въ чувствѣ томъ есть упоенье
 И много сладостныхъ минутъ,
 Въ которыхъ вѣрно не найдутъ
 Высокой страсти наслажденье
 Любовники позднѣйшихъ лѣтъ:
 Въ такой любви имъ счастья нѣтъ.

*) Это относится къ тому мѣсту въ „Признаніяхъ“ Жанъ-Жака Руссо, въ которомъ онъ говоритъ о своей страсти къ графини Удето (Houdetot), любовнице Сенъ Ламбера и о дѣланныхъ утратахъ прогумкавъ съ нею, двлаемыхъ имъ для того, чтобы получить единственный поцѣлуй, которымъ она дарила его при прощаніи. Описание чувства, охватывавшаго его въ тѣ минуты, можетъ служить образцомъ самой страстной, хотя и цѣломудренной любви, какая только когда нибудь была выражена словами.

LXXX.

Вся жизнь Руссо—была борьбою
 Лишь съ тѣми, кто его любилъ;
 Не въ силахъ властвовать собой,
 Другей онъ злобно поносилъ,
 Онъ къ нимъ жестокъ былъ, но сдѣла
 Поймемъ мы—отчего были они
 Неистовъ такъ и озлобленъ.
 Недугъ-ли это? слѣдъ печали?
 Но онъ безумствовалъ тогда,
 Порывомъ гнѣва увлекался,
 И въ тѣ минуты иногда
 Его разумокъ затемнялся,
 Но и въ безуміи самомъ
 Онъ поражалъ своимъ умомъ,

LXXXI.

Онъ доходилъ до вдохновенья
 И чуднымъ словомъ была великъ.
 Такъ древней Цифи явля
 Міръ доводилъ до разрушенья.
 А Франція! Среди окова,
 Давно ль въ пылу она лопала
 Подъ тиранією вѣковъ?
 Давно-ль подъ игомъ треметала?
 Но вотъ Руссо заговорилъ,
 И искра пламенемъ раздулась,
 Возстали тѣни изъ могилъ
 И въ гнѣвъ Франція проснулась:
 Родной странѣ въ проводники
 Пошли Руссо ученики.

LXXXII.

Они-то нематеріальныя,
 Изъ предразсудковъ дошли дѣла,
 Булись дряхлыя словеса—
 И много лжи увидѣть слѣдъ.
 Но вѣсть съ зломъ уничтожилась
 Зачатки прежняго добра:

Одни развалины остались,
 Обломковъ пыльная гора.
 На нихъ опять тавія жъ здания
 Росли, какъ вѣкогда, изъ тьмы...
 Опять безправье, гнетъ тюрьмы
 И воскрешенное преданье,
 Опять цѣпей позорный звонъ,
 А честолюбецъ все смеленъ.

LXXXIII.

Но долго-ль будетъ то терпимо?
 Ужъ силы чувствуетъ въ себѣ
 Народъ. Пусть онъ неустоимо
 Дрался и тратилъ ихъ въ борьбѣ,
 Пусть вѣкъ прошелъ въ бесплодной вѣрѣ,
 Но обвинимъ ли мы народъ,
 Который тихо росъ въ нещери
 И зналъ одинъ тяжелый гнетъ?
 Но если выростутъ орлята,
 Свободу съ дѣтства опьяня,
 На волѣ при сянѣ дня,
 Цѣпей не зная,—вотъ тогда-то
 Никто ужъ ихъ не закуетъ!..
 Не станемъ же винить народъ!

LXXXIV.

Слѣды глубокихъ ранъ на тѣлѣ
 Всегда останутся; сердца,
 Хотя бы скорбь мы скрыть хотѣли,
 Болятъ, терзаясь до конца.
 Кому надежды измѣнили
 И обманули—тѣ молчать,
 Но мечь въ груди своей таятъ.
 Настанетъ часъ—и въ новой силѣ
 Зажжется гнѣвъ ихъ... Судъ придетъ!
 Заплатитъ онъ за всѣ невзгоды!
 Такъ не печалься же народъ
 И жди: всегда приходятъ годы
 Разчета: не минуетъ насъ
 Награды или мщенья часъ.

LXXXV.

Ты, Леманъ, не похожъ ни мало
 На дикій свѣтъ, гдѣ я живу.
 Твое величье привлекало
 Меня къ себѣ. Я попыву,
 Чтобъ убѣжать тоски бессонной,
 Чтобъ волю дать своимъ мечтамъ,
 На этой лодкѣ окрыленной
 По этимъ ласковымъ волнамъ.
 Любилъ я прежде моря ропотъ,
 Но ближе я къ твоей волнѣ,
 Въ ея журчанъ слышенъ мнѣ
 Какъ бы сестры любовный шопотъ,
 Которая журить меня,
 Что я печальнѣй день отъ дня.

LXXXVI.

Всплываетъ ночь. Туманъ прозрачный
 Подернулъ берегъ, выси горъ...
 Одну Юру, какъ призракъ мрачный,
 Едва едва уловить взоръ.
 Чѣмъ ближе къ берегу по скатамъ
 Идешь, тѣмъ глуше тишина,
 Тѣмъ обаятельнѣй весна
 Съ ея цвѣтами, съ ароматомъ...
 Чу! вотъ до слуха долетѣлъ
 Звукъ по волнамъ скользившихъ весель...
 Кузнечикъ въ зелени запѣлъ
 И трели звонкія разбросилъ:
 Онъ предъ своимъ весеннимъ сномъ
 Прощался ночью съ яснымъ днемъ.

LXXXVII.

Пѣвецъ мочей!—сила привычка,—
 Ты вѣчно южъ и не молчишь...
 Порой, въ кустахъ засвищетъ птичка
 И вдругъ замолкнетъ. Всюду тишь!..
 Лишь чей-то шопотъ пролетаетъ,
 Но то обманъ полночныхъ грезъ...

На зелени росинки слезъ
 Благоухая проступаютъ,
 И землю влагою поятъ
 Росы серебряныя зерна,
 И ихъ цѣлебный аромать
 Земля глотаеъ благотворно
 И распускаеъ вновь цвѣты
 Въ сѣнь вѣшней красоты.

LXXXVIII.

О, звѣзды! вы цари вѣтра!
 У насъ у всѣхъ желанье есть
 Въ сверканьи ввѣздъ судьбину шира,
 Народовъ будущность прочесть.
 И хочеть мысль необычайно
 Взлетѣть до вашей высоты,
 Вы—неразгаданная тайна!
 Вы—лучъ небесной красоты!
 И такъ васъ люди обожаютъ,
 Что власти, счастьемъ и уму,
 Всему высокому, всему
 Эмблемой васъ изображаютъ,
 И люди вѣрили всегда,
 Что есть у нихъ своя звѣзда.

LXXXIX.

Земля и небо молчаливы,
 Чуть дышатъ, но еще не спятъ;
 Такъ, затая свои порывы,
 Глядимъ и мы. Они молчатъ,
 Какъ мы въ минуту размышленья...
 Все жизнью вѣетъ: группы горъ,
 Водъ убаюканныхъ просторъ...
 Ни одного нѣтъ дуновенья,
 Луча или лишняго лисья,
 Гдѣ съ жизнью природы не случилось,
 Гдѣ съ стеблемъ каждаго цвѣтка
 Одно бы имя не шепталось,
 Не повторялось безъ конца:
 То—имя Вѣчнаго Творца.

XC.

Насъ *Безпределность* обнимаетъ.
 Тутъ человекъ, хотъ одиноко,
 Но не *одимъ*; тутъ онъ встрѣчаетъ
 Ту истину, съ которой могъ
 Стать выше личнаго сованья;
 То — звукъ, который уяснитъ
 Святую тайну мірозданья
 И наслажденіе дарить,
 И словно поясомъ Ситеры
 Насъ обнимаетъ красота...
 Предъ этимъ звукомъ смерть — и та
 Въ себѣ забыла бъ злость Мегеры,
 И разлетѣлась бы, какъ дымъ,
 Обезоруженная имъ.

XCI.

Не даромъ персы воздвигали
 Алтарь для истины межъ скалъ,
 Но храмъ стѣнами не стѣсняли,
 Какъ человекъ потомъ стѣснялъ.
 Богамъ построивъ алтари тѣ,
 Безумцы! станьте и сравните
 Ничтожный рядъ своихъ божницъ
 И алтарей, склоненныхъ ницъ,
 Вотъ съ тѣми храмами природы,
 Гдѣ только воздухъ и гранить,
 Гдѣ *эпиіама* не стѣснитъ
 Ни арка душная, ни своды.
 О, вы, безумцы! Пусть же вамъ
 Урокомъ будетъ этотъ храмъ!

XСII.

Видъ ночи быстро *измѣнился*.
 Темно; гроза реветъ межъ горъ,
 И въ блескъ молній отразился
 Горячій, пылкій, женскій взоръ.
 Вотъ по вершинамъ слышеть грохотъ,
 Проснулась каждая гора.

Хохочетъ громъ; на этотъ хохотъ
 Спѣшитъ откликнуться Юра
 Подъ бѣлымъ облачнымъ покровомъ
 И, повторяя перекать,
 Отвѣтитъ Алены ей спѣшать
 Подобнымъ откликомъ суровымъ,
 И все: долины, цѣпи горъ
 Вступили въ общій разговоръ.

ХСІІІ.

И это ночью! Не дана ты
 Для сна, плѣнительная ночь!
 Позволь ловить твои раскаты,
 Съ тобою спать!.. Сонъ мой, прочь!..
 Вотъ волны вспыхнули при блескѣ,
 Дождь крупный скачетъ по землѣ:
 А пѣсни горъ все такъ же рѣзки,
 Громъ разсыпается во мглѣ,
 Какъ гулъ неистоваго свѣта
 И пробѣгаетъ по холмамъ,
 То раздастся здѣсь, то тамъ,
 И словно радуется эхо,
 Какъ будто бы оно съ высотъ
 Землетрясеніе ведетъ.

ХСІV.

Межъ двухъ утесовъ Рона вьется.
 Какъ два любовника они,
 Поссорившись въ иные дни,
 Стоять, и имъ не доведется
 Пучину снова переплыть.
 Сердца ихъ, полны озлобленья,
 Умѣли вѣкогда любить,
 Но ихъ разбило оскорбленье,
 И разошлись они. Любовь
 Теперь ихъ больше не смущала,
 Не шевелила сердца вновь
 И лишь въ одиночество завѣдала
 Бой съ одиночествомъ своимъ,
 Да рядъ холодныхъ, вѣчныхъ зимъ.

XCV.

И такъ, гдѣ Рома пролигала
 Себѣ дорогу, въ мѣстѣ томъ
 Нерѣдко буря завывала
 И по утесамъ ждался громъ,
 Окрестность блескомъ заливал;
 И онъ сильнѣе грохоталъ,
 Изъ тучи стрѣлы разсыпая,
 Межъ двухъ разбѣдиненныхъ скалъ.
 Являясь здѣсь, онъ нонялъ словно,
 Что тѣ печальныя мѣста,
 Гдѣ жизнь смѣнила пустота,
 Онъ долженъ смечь теперь любовно,
 Слѣды прошедшаго стереть
 И стрѣлъ громовыхъ не жалѣть.

XCVI.

О, небо, рѣки и озѣра!
 Вы, молніи и бури скалъ!
 Васъ сердцемъ оцѣнилъ я скоро,
 Достойны вы, чтобъ я не спалъ,
 Внимая вамъ! Вашъ грохотъ странный,
 И эти бури въ вышинѣ
 Есть только отликъ постоянный
 Того, что не заснетъ во мнѣ.
 Куда жъ вы, бури, мчитесь? Или
 Вы тѣ же, что въ людской груди
 Живутъ всегда? Иль вы открыли
 Себѣ пріюты, какъ орлы,
 Въ вѣнцѣ заоблачной скалы?

XCVII.

О, еслибъ могъ я вылить звукомъ
 Все сокровенное во мнѣ,
 Дать выраженье думамъ, мукамъ,
 Всему, что есть въ душѣ, въ умѣ,
 Всѣмъ снамъ, сомнѣніямъ суровымъ;
 Всю силу знаній, страсти жаръ
 Могъ передать однимъ словомъ—

То былъ бы громовой ударъ.
 Но такъ какъ это лишь возможно
 Въ минутномъ снѣ—не на яву,
 То я умру, какъ и живу,
 Съ своими думами, ничтожно,
 И спрячу ихъ, забывши силы,
 Какъ бесполезный мечъ въ ножны.

XCVIII.

Вотъ снова утро наступаетъ
 И зарумянилось слегка;
 Его улыбка прогоняетъ
 Съ небесъ туманъ и облака.
 Въ немъ столько счастья и силы!
 Какъ будто на землѣ у насъ
 Ужъ не единой нѣтъ могилы.
 Но вотъ и день; приходитъ часъ
 Намъ всѣмъ въ дорогу собираться.
 О, Леманъ! можешь быть, и мнѣ
 Ты дашь забвенье въ тишинѣ,
 Гдѣ бѣ сталъ я молча удивляться
 Всему, что вижу предъ собой,
 Мирясь съ злосчастною судьбой.

XCIX.

Кларансъ! Пріютъ любви священной!
 Твой воздухъ ею напоенъ,
 Твой снѣгъ, на скалахъ неизмѣнный,
 Ея румянцемъ позлащенъ,
 И солнце розовыя краски
 Ему приносить съ высоты:
 На всемъ печать любовной ласки...
 Горь неизмѣнные хребты
 Здѣсь о любви напоминаютъ:
 Сюда ушла она отъ бѣды,
 Отъ жгучей боли тяжкихъ лѣтъ,
 И на свободѣ отдыхаетъ,
 И ужъ не вѣдаетъ теперь
 Заботъ, сомнѣній и потерь.

С.

Кларансъ! Ты прежде попирался
 Стопами тѣхъ безсмертныхъ ногъ!
 Тамъ, межъ утесовъ возвышался
 Богини тронъ,—и жилъ тамъ богъ.
 Есть жизнь и свѣтъ такой, который
 Ни въ чемъ нигдѣ преграды нѣтъ:
 Такъ былъ божественный тотъ слѣдъ
 Замѣтенъ всюду: по озерамъ,
 По горнымъ высямъ, по лѣсамъ;
 Его дыханіе спускалось
 Къ душистымъ травамъ и цвѣтамъ,
 И въ немъ одномъ соединялось
 Благоуханье вѣжныхъ розъ
 И сила страшныхъ, вешнихъ грозъ.

СІ.

Все говоритъ кругомъ о богѣ:
 Тамъ ель подъ тѣнью его манитъ,
 Склонились лозы по дорогѣ,
 Ручей серебряный шумитъ;
 Тамъ бога воды восхваляютъ,
 Боготворить его потокъ
 И струйки съ шепотомъ лобзаютъ
 Слѣды его безсмертныхъ ногъ.
 Тамъ лѣсъ съ столѣтними стволами,
 Но въ свѣжей зелени дремалъ
 И отдохнуть его онъ звалъ
 Подъ изумрудными вѣтвями,
 Гдѣ бь возлежа, вѣсело втихъ согъ
 Былъ счастливъ, хотъ и одинокъ.

СІІ.

Тамъ пчелы, бабочки и птицы,
 Невинно крылья распустивъ,
 Поютъ ему, лишь лучъ денницы
 Озолотитъ приволье нивъ.
 Ихъ пѣсня—слаще самой славы...
 Тамъ звучно ронцаетъ водопадъ,

Шумять зеленя дубравы;
 Тамъ почки алыя твердятъ
 О красотѣ природы вѣчной,
 И славятъ чудную весну...
 Все составляетъ мысль одну
 Въ картинѣ этой безконечной,
 Одну гармонию чудесъ
 Земли цвѣтущей и небесъ.

СШ.

Кто не любилъ—тотъ здѣсь узнаеть,
 Что значить сильная любовь,
 А кто то чувство понимаетъ—
 Еще сильнѣй полюбить вновь.
 Да, здѣсь любовь нашла жилище,
 Забыла свѣта пустоту,
 Его волненя, суету
 И вновь, блистательнѣй и чище,
 Сюда явилась. Да, она
 Идетъ впередъ или умираеть,
 Падеть на вѣки или сплыва,
 Блаженства жизни достигавши:
 Блаженство это любя сравнить
 Съ однимъ безсмертисомъ свѣтила.

СIV.

Руссо не даромъ иѣсто это
 Всемъ, что любилъ онъ, населилъ;
 Для страстныхъ помысловъ поэта,
 Тотъ уголокъ не даромъ милъ.
 Его мечты, не успокоясь,
 Искали здѣсь свой идеаль,
 Здѣсь иѣсто, гдѣ Психей поясъ
 Амуръ съ любовью развязалъ;
 Здѣсь жизнь и югъ, и молодость,
 И улыбалась, и шептала;
 Здѣсь Рона для себя нашла
 Успокоительное лоно,
 И альпы—гордость тѣхъ сверзонъ—
 Здѣсь для себя воздвигла троно.

CV.

Ферней и милая Лозанна!
 Вы стали гордостью эман,
 Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ два титана
 Здѣсь звали славу и славили *).
 Великіе то были люди!
 Сломивъ преданья — хламъ вѣновь,
 Они прошлись по этой грудѣ,
 И каждый былъ изъ нихъ готовъ
 Идти на бой съ самой судьбою,
 Съ небесъ огонь и громъ созвать,
 Когда бы вызовъ тотъ принять
 Рѣшилось небо предъ борьбою
 И не смѣялось издали
 Надъ этой дерзостью земли.

CVI.

Одинъ изъ нихъ — нестойчивъ,
 Какъ вѣтеръ былъ, хотъ былъ мудрецъ;
 То весель онъ, то дѣлъ и страшенъ,
 Шалуиъ, философъ и дѣвецъ,
 Протей таланта, онъ не мало
 Дивилъ людей, но больше ихъ.
 Его насмѣшки острой жало
 Всегда казнили въ шуткахъ злыхъ.
 Насмѣшки той — ужасна сила; —
 Онъ съ ней повсюду проникалъ
 И эпиграммой поражалъ
 То тупоумнаго зюла,
 То убивалъ ей пошляка,
 То тронъ покачивалъ слегка.

CVII.

Другой — глубокиъ, сосредоточень,
 Въ науку умъ свой погружалъ
 И, дѣломъ правды озабочень,
 Сарказмъ оружіемъ избралъ.

*) Вольтеръ и Гиббонъ.

Онъ — царь крошкѣ, и сю
 Казнилъ онъ пошлую идею,
 Дразнилъ враговъ, какъ гордый левъ,
 И росъ въ врагахъ безумный гитвъ;
 Они отъ страха трепетали,
 Предвида близкій свой конецъ
 И муки ада, наконецъ,
 Ему въ грядущемъ назначали,
 Какъ будто твѣя отвѣтомъ онъ
 Могъ быть взволнованъ и смущенъ.

CVIII.

Миръ праху ихъ! мы не осудимъ
 Ошибокъ ихъ; они давно
 За нихъ отвѣтили. Не будемъ
 Судить ихъ дѣло: все равно —
 Наступитъ часъ, когда не станеть
 Ужъ въ мѣрѣ тайны ни одной,
 Иль страхъ съ надеждой вмѣстѣ канеть,
 Заснеть подъ общей пеленой.
 Но мы тогда ужъ будемъ пылью,
 Мы станемъ тупо догнивать,
 Когда жъ воскреснемъ мы опять
 Всъ по послѣднему усилю,
 То для того лишь, чтобъ страдать
 И прошлый грѣхъ свой искуплять.

CIX.

Но вновь я отъ людскихъ созданій
 Къ созданьямъ Бога перейду,
 И кончу рядъ моихъ мечтаній
 Ужъ очень длинныхъ....Я иду.
 Сбѣжалась тучи къ альпамъ бѣлымъ,
 Но долженъ я ихъ разорвать,
 Чтобъ могъ еще я взоромъ смѣлымъ
 Съ горы весь край обозрѣвать;
 Чтобъ видѣлъ этотъ взоръ бесонный
 Съ вѣнца возвышенной скалы —
 Какъ въ поздній часъ полночной мглы
 Бесѣдуютъ съ землей влюбленной,

При шепотъ воздушныхъ силъ,
Плеяды искристыхъ свѣтилъ.

СХ.

Италія! Твоя арена
Стоитъ, въ вѣкахъ озарена,
И оживаетъ старина:
Тамъ были стѣны Карфагена,
Тамъ говорили мудрецы,
О нихъ молва съ двойною силой
Давно прошла во всѣ концы.
Была ты трономъ и могилой
Для государейъ. Тотъ быстрый вавочъ,
Что жажду знаній утоляетъ,
Все также веселъ и могучъ,
Съ холмовъ тѣхъ самыхъ же обитаетъ,
Гдѣ и теперь несокрушимъ
Стоитъ великій, вѣчный Римъ.

СХІ.

Я далеко зашелъ въ поэмъ,
Пришелъ къ сознанію, что мы
На свѣтъ явились не тѣми,
Чѣмъ быть должны; что льдомъ зны
Должны сковать души движенья,
Въ самихъ себѣ давить любовь,
Печали, радости, волненья,
Негодование, — все, что кровь
Мутитъ порою въ нашихъ жилахъ,
Безъ упованій впереди
Должны скрыть въ своей груди,
Какъ въ темныхъ, сумрачныхъ могилахъ...
Шагъ сдѣлавъ былъ — и мнѣ съ пути
Теперь нельзя уже сойти.

СХІІ.

А вы, стиховъ напризныхъ звуки,
Вы позволяли только мнѣ
Лишь простирать на встрѣчу руки
Къ видѣньягъ чуднымъ въ тишинѣ,

За тѣмъ, чтобы снѣдали вѣдѣныя
 И ихъ таинственнымъ рѣчь,
 Хотя бы на одно мгновенье
 Могли тоску мою развлечь...
 Пусть слава юношей пѣвнаетъ,
 Мнѣ приговоромъ не была
 Людская брань иль похвала:
 Она меня не достигаетъ.
 Своихъ волненій властелинъ,
 Я въ мѣрѣ жилъ всегда одинъ.

СХІІІ.

Мнѣ свѣтъ чужой и чужды я свѣту.
 Его кумирамъ я не кланялся,
 Колѣнъ предъ ними не склонялъ,
 Не улыбался по завету,
 Не гнулъ въ обществѣ въ кольцо
 И не умѣлъ быть общими законъ,
 Не оскорблялъ свое лицо
 Притворной радостью иль смѣхомъ.
 Въ толпѣ нерѣдка я бродилъ,
 Но постороннимъ гостемъ былъ,
 Иною думой проникался...
 Такица бы я теперь остался,
 Когда-бъ души своей въ борьбѣ
 Не подчинилъ самой себѣ.

СХІV.

Мнѣ свѣтъ чужой и чужды я свѣту,
 Но все жъ хочу разстаться съ нимъ,
 Какъ добрый другъ. Не все жъ въ немъ — дымъ?
 Въ себѣ храню надежду эту,
 Что есть въ немъ главная дѣла
 И добродѣтели движенье,
 Что средь ливнущаго зла
 Живеть къ несчастнымъ сожалѣнье,
 Что есть въ немъ человѣка дѣла,
 Которымъ скучно лицежрѣить,
 И въ нихъ не все одни слова...
 Хочу хоть разъ тому поварить,

Что возбуждаетъ слезы стоиць,
Что счастье на землѣ — на сѣмѣ.

СХV.

О, дочь моя! Тебѣ я, Ада,
Начало пѣсни неосвѣтитъ
И тѣмъ же кончить пѣсню надо...
Тебя не вижу я, но былъ
Всегда проникнуть я тобою,
Ты — тѣнь моихъ грядущихъ дней...
И если навсегда судьбою
Я взять отъ дочери моей,
То голосъ мой, все съ той же силой,
Услышишь ты въ невинномъ снѣ;
Хотя бы смерть пришла ко мнѣ —
Любить я стану за могилой:
Услышишь ты привѣтъ отца,
Хоть смерть коснулась бы лица.

СХVI.

Слѣдить, какъ пышно разивѣтаешь,
Какъ развивается твой умъ,
Какъ ты робѣи въ свѣтъ вступаешь;
(Тебѣ такъ чуденъ свѣтъ итуль!)
Ловить порывъ твоихъ движеній,
Лобзать румянецъ цѣлованья щеки —
Мнѣ не дано тѣхъ наслажденій,
Я ихъ лишень, хотя бы могъ,
Передъ тобой благоговѣя,
Отдать тебѣ остатокъ дней,
Священной ласкою своей
Твое младенчество лелѣя.
Мнѣ эта доля не дана,
Но къ ней привязанность сильна.

СХVII.

О, если бы тебѣ велѣли
Къ отцу лишь ненависть питать —
Меня любила бъ ты! Скрывать
Мое бы имя захотѣли,

Какъ нѣм, стертое съ земли,
 Какъ вошь отчаянный изъ ада —
 Меня любила бы ты, Ада!
 И если-бъ даже погребли
 Меня въ могилѣ и старались
 Взять у тебя всю кровь отца, —
 Напрасный трудъ! — ты-бъ до конца
 Меня любила, и, остались,
 Хотя бы мимо шли года,
 Въ тебѣ тѣ чувства навсегда.

СХVIII.

Дитя любви моей! Была ты
 Среди мученій вскормлена.
 Стихи наши — лишь утраты;
 Какъ я, ты ихъ нести должна,
 Тебя онѣ же окружаютъ...
 Но твой ясные небосклонъ,
 Тебя дни счастья ожидаютъ:
 Пусть будетъ тихъ твой дѣтскій сонъ!
 И въ это самое мгновенье,
 Съ вершинъ, гдѣ я теперь брожу,
 Я за тобой въ мечтахъ слѣжу
 И шлю тебѣ благословенье,
 А ты привѣтами любви
 Меня сама благослови.

Дмитрій Живновъ.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ПѢСНИ.

ВИНОВАТА—ЛИ ОНА?

ГЛАВА I.

МИСТЕРЪ ВАВАЗОРЪ И ЕГО ДОЧЬ.

Я не могу съ полною увѣренностью сказать, принадлежала или нѣтъ къ такъ называемымъ «сливкамъ десяти тысячъ» нашего англійскаго міра та, надъ которой вамъ предстоитъ произнести приговоръ: виновата она или нѣтъ? По происхожденію она была изъ крупной породы: въ кругъ ея знакомыхъ входили весьма важныя лица, но она очень рѣдко видалась съ ними, да и они мало интересовались ею. Ея дѣдъ, сквайръ Вавазоръ, владѣлецъ вавазорскаго замка въ Вестморлендѣ, былъ провинціальный дворянинъ, имѣвшій нѣсколько тысячъ ф. годового дохода, поэтому онъ никогда не бывалъ въ Лондонѣ и не находилъ нужнымъ мѣшаться въ какую нибудь исключительную партію. Это былъ вспыльчивый, необразованный, но честный человекъ; онъ безвыѣздно жилъ въ вавазорскомъ замкѣ, объявлялъ каждому, кто хотѣлъ его слушать, что въ государствѣ все идетъ къ худшему, и поздравлялъ себя съ тѣмъ, что въ его графствѣ парламентская реформа ни въ какомъ случаѣ не могла подкочнаться подъ старыя политическія порядки. Алиса Вавазоръ, героиня моего разсказа, была дочь его младшаго сына. Джонъ Вавазоръ пріѣхалъ въ Лондонъ въ моло-

дыхъ лѣтахъ; онъ сдѣлался адвокатомъ, но потерпѣлъ неудачу на этомъ поприщѣ. Женился онъ на женщинѣ немного старше его, владѣвшей 400 ф. годового дохода и принадлежавшей къ тѣмъ же сливкамъ аристократической Англии. Объ этихъ знатныхъ родственникахъ я расскажу послѣ, а теперь достаточно будетъ сказать, что Алиса Мэклеодъ сильно оскорбилась своимъ бракомъ всѣхъ своихъ друзей. Но она не дала имъ и опомниться отъ ихъ гнѣва, жаль, родивъ дочь, умерла черезъ двѣнадцать мѣсяцевъ послѣ свадьбы, и такимъ образомъ оставила нерѣшеннымъ вопросъ — могло ли ея семейство, или не могло простить ей этотъ бракъ.

Принадлежавшіе ей 400 ф. годового дохода были записаны на имя ея и ея будущихъ дѣтей, и вслѣдствіе этого, когда она умерла, все ея состояніе перешло къ ея маленькой дочери. Но знатные родственники не отказались обратить свое вниманіе и на отца. Они объявили ему, что если онъ не будетъ требовать у нихъ денегъ своей дочери и поручить имъ заботу о ея воспитаніи, то они сдѣлаютъ что нибудь и для него. Джонъ Вавазоръ былъ адвокатъ; хотя его практика не удавалась ему, но практикъ—адвокатъ долженъ хорошо понимать всякое положеніе, въ которое его ставятъ обстоятельства. Черезъ два года послѣ смерти своей жены, Вавазоръ получилъ мѣсто комиссіонера въ одномъ учрежденіи по дѣламъ несостоятельныхъ должниковъ, просуществовавшему только три года послѣ вступленія его въ эту должность. Сначала онъ думалъ, что будетъ получать свои 800 ф. въ годъ и за нихъ ничего не дѣлать; но проклятое правительство Викговъ, жаль называть его Джонъ Вавазоръ въ письмахъ къ отцу, не позволило этого, оно дало ему на выборъ — или получать 400 ф. и не дѣлать ничего, или получать полное содержаніе и за это проводить три дня въ недѣлю, по три часа въ день, въ грязномъ, жалкомъ присутственномъ мѣстѣ, гдѣ обязанность его должна была состоять въ подписываніи, не читая, разныхъ бумагъ. Онъ, скрѣпя сердце, принялъ послѣднее условіе т. е. брать полное содержаніе, и съ этихъ поръ подписываніе бумагъ было его единственнымъ занятіемъ въ продолженіи почти двадцати лѣтъ. Естественно онъ считалъ себя прайне занятымъ человекомъ. Каждый новый лордъ—патриархъ по-

лучше отъ него просбу — избавить его отъ такого ужаснаго положенія и позволить ему получать жалованье съ тѣмъ, чтобы ничего не дѣлать. Въ отвѣтъ на каждую просбу ему предоставлялось на выборъ тоже, что и прежде, — и такъ дѣлались изъ года въ годъ.

Не смотря на все это, нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что если бы у мистера Вавазора не было этой, почти номинальной службы, то онъ былъ бы гораздо несчастливѣе и недовольнѣе. Онъ постоянно жаловался, что служба удерживала его въ Лондонѣ; но, служи онъ или не служи, а изъ Лондона его ничто не могло бы вытѣщить. Онъ такъ свился съ лондонской жизнью, что ни за какія блага въ мѣрѣ не отказался бы отъ нея. Послѣ смерти жены онъ обѣдалъ въ своемъ клубѣ каждый день, исключая тѣхъ случаевъ, когда друзья приглашали его обѣдать у себя.

Кто видѣлъ Джона Вавазора въ половинѣ пятаго часа, когда онъ просматривалъ карту кушаньевъ и заказывалъ обѣдъ для себя и своихъ друзей, — тотъ видѣлъ его въ единственный часъ дня, когда онъ смотрѣлъ на свое дѣло серьезно. Ко всему остальному онъ относился легко и безпечно. Даже за обѣдомъ онъ не выказывалъ особенной энергій. Только по временамъ, когда онъ пробовалъ первый стаканъ своего кларему, брови его наморщивались; но потомъ все, что онъ приготовлялъ для себя съ такою серьезною заботливостью, поглощалось имъ съ эпикурейскимъ спокойствіемъ. Иногда случалось, что новаръ оказывался извѣнникомъ даже въ отношеніи къ нему; тогда онъ обращался очень груто, но и тутъ дѣйствовалъ спокойно и билъ виновнаго съ улыбкой на лицѣ.

Въ такихъ занятіяхъ и удовольствіяхъ проводилъ мистеръ Вавазоръ жизнь въ то время, когда начинается мой рассказъ. Но пусть читатель не думаетъ, что онъ былъ совершенно лишены хорошихъ качествъ. Обладая онъ въ молодости прилежаніемъ, онъ могъ бы блистательно проходить свое поприще, и всѣ уважали бы его, какъ истаго джентльмена. Онъ былъ щедръ, на сколько позволяли ему средства, всегда держалъ данное слово и хорошо понималъ тѣ законы, исполненіе которыхъ считалось необходимою для людей его круга. Онъ умѣлъ обращаться съ людьми и зналъ, что можно говорить

и чего нельзя, что можно дѣлать въ томъ обществѣ, гдѣ онъ жилъ, и отъ чего слѣдовало сдерживаться. Въ характерѣ его было довольно много доброты и благосклонности, и если онъ не любилъ страстно никого, то былъ расположенъ ко многимъ. Кромѣ того, даже въ пятидесятилѣтнемъ возрастѣ, онъ былъ очень красивъ, имѣлъ высокій и правильный лобъ, а въ волосахъ головы и бороды едва начинала пробиваться сѣдина. Глаза его были свѣтлые и сѣрые, ротъ и подбородокъ свѣдѣтельствовали о хорошемъ происхожденіи. Многіе изъ близкихъ знакомыхъ Джона Вавазора говорили, что имъ ставилось мало, когда они видѣли, что таковъ человекъ проводитъ время въ подписываніи канцелярскихъ бумагъ.

Я сказала выше, что знатные родственники Алисы Вавазоръ обращали на нее мало вниманія въ то время, когда она была ребенкомъ; но я сказала также, что они взяли на себя заботу о ея воспитаніи, и поэтому долженъ разъяснить это противорѣчіе. Знатнѣйшіе изъ этихъ знатныхъ рѣдко слышали объ Алисѣ; но о ней сильно заботилась нѣкто леди Меклеодъ, сама по себѣ не особенно знатная, но вращавшаяся въ кругу аристократіи. Она была вдова сэра Арчибальда Меклеода, прежде служившаго въ военной службѣ, и сама тоже происходила отъ Меклеодовъ. За нѣсколько времени до рожденія Алисы она поселилась въ Чельтенгемъ и каждую весну, когда скудные средства позволяли ей, пріѣзжала на короткое время въ Лондонъ. Объ этой старухѣ можно сказать, что она была добрая женщина, хотя подверженная двумъ, весьма серьезнымъ, недостаткамъ. Въ религіозномъ отношеніи она принадлежала къ сектѣ субботниковъ—кальвинистовъ, а въ свѣтскомъ—фанатически вѣрила въ высокое положеніе своихъ благородныхъ родственниковъ. Она готова была почти поклониться какому нибудь молодому маркизу даже тогда, когда онъ велъ жизнь, способную возмутить даже язычника; но въ то же время она готова была проклинать, и дѣйствительно проклинала и осуждала на вѣчныя муки, какія только могло придумать ея воображеніе, всѣхъ мужчинъ и женщинъ средняго сословія только за то, что они во воскресенья ходили въ царь слушать свѣтскую музыку. И не смотря на это, она все-таки была добрая женщина. Изъ своихъ крошечныхъ

средствъ она много удѣляла бѣднымъ. Она старалась жить въ ладу съ своими сосѣдами, переносила лишения съ терпѣніемъ Юва и жила въ надеждѣ на лучшую, загробную жизнь. Алису Вавзоръ, которая приходилась ей только кузиной, она любила нѣжнѣйшею любовью, хотя Алиса дѣлала все, чтобъ уничтожить эту привязанность. Когда Алиса была ребенкомъ, за нею ухаживала леди Мэклеодъ; двѣнадцати лѣтъ дѣвочка, по рѣшенію ея родственниковъ и вопреки желанію леди Мэклеодъ, была отправлена въ одинъ ахенскій пансіонъ, девятнадцати лѣтъ она вернулась въ Чельтенгемъ и, пробывъ тутъ не болѣе года, объявила, что не желаетъ оставаться долѣе съ своею кузиной. Дѣвушка рѣшительно не сочувствовала ни достоинствамъ, ни недостаткамъ своей старой родственницы; поэтому она условилась съ отцемъ, что оба они поселятся въ Лондонѣ. Здѣсь они прожили послѣднія пять лѣтъ. Въ то время, когда мы представляемъ Алису читателю, ей уже минуло двадцать четыре года.

Образъ жизни ея былъ странный и не совсѣмъ достойный одобренія. Достигнувъ двадцать перваго года; Алиса вступила въ полное распоряженіе своимъ состояніемъ; когда она предложила своему отцу, жившему въ продолженіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ въ готовыхъ, меблированныхъ квартирахъ, — нанять особый, небольшой домъ въ улицѣ королевы Анны, то натурально приняла на себя часть расходовъ. Отецъ предупредилъ ее, что его привычки совсѣмъ не семейныя, но ограничился этимъ предостереженіемъ. Онъ не понялъ, что ему непремѣнно слѣдовало отклонить ее отъ этого намѣренія, такъ какъ онъ былъ убѣжденъ въ своей неспособности окружить ее тѣмъ вниманіемъ, котораго въ правѣ требовать единственная дочь отъ своего вдовствующаго отца. Домъ былъ нанятъ, и Алиса поселилась въ немъ съ отцомъ, но жили они почти какъ чужіе. Первые два мѣсяца старикъ старался еще обѣдать дома и даже не уходитъ по вечерамъ; но эта неволя скоро сдѣлалась слишкомъ тяжела для него, и онъ не выдержалъ. Онъ сказалъ дочери и самому себѣ, что его здоровье можетъ совсѣмъ разстроиться отъ такой радикальной перемѣны образа жизни, и я думаю, что онъ говорилъ правду. Какъ бы то ни было, а заточеніе кончилось, и мистеръ Вавзоръ навсегда пересталъ обѣдать дома. Не обѣдалъ онъ также съ дочерью

никогда въ какомъ нибудь другомъ мѣстѣ. Ихъ матеріальныхъ средства, даже соединенныя вмѣстѣ, не позволяли имъ давать обѣды у себя, и поэтому они не могли ходить вмѣстѣ въ одни и тѣ же дома. Такимъ образомъ они начали жить отдѣльно другъ отъ друга. Каждый день они конечно видѣлись, но дѣло почти тѣмъ и ограничивалось. Они даже не завстрагали вмѣстѣ, и послѣ трехъ часовъ мистера Вавазора никогда не было дома.

Миссъ Вавазоръ приобрѣла себѣ довольно хорошее положеніе въ обществѣ, хотя я имѣю поводъ сомнѣваться, что она имѣла право считать себя принадлежащею къ «сливкамъ десяти тысячъ». Два класса людей она старалась избѣгать, и причина этого заключалась въ предпочтеніи, которое ея тетка отдавала этимъ двумъ классамъ, она избѣгала маркизовъ всѣхъ безъ различія, а также и церковниковъ.

Избѣгать маркизовъ вообще не очень трудно. Молодые дѣвушки, живущія съ своими отцами на скромную ногу въ улицѣ королевы Анны, не терпятъ особеннаго безпокойства въ этомъ отношеніи. Алису тоже не очень тревожили. Но тутъ явилась слѣдующее обстоятельство. Леди Мэглеодъ никогда не избѣгала своихъ знатныхъ родственниковъ и въ то же время не забывала Алису Вавазоръ. Когда она посѣщала Лондонъ, то не переставала дѣлать визиты въ улицу королевы Анны, хотя неизвѣстно почему, считала себя не въ ладахъ съ мистеромъ Вавазоромъ. Она-то всячески старалась устроить тѣсную дружбу между Алисою и ея знатными родственниками, — такую дружбу, какою она сама пользовалась, — дружбу, отворавшую ей двери въ ихъ дома, но отнюдь не въ ихъ сердца. Но Алиса упорно отклоняла всѣ предложенія старухи.

Мнѣ слѣдуетъ сказать еще нѣсколько словъ объ Алисѣ Вавазоръ, послѣ чего, я полагаю, можно будетъ приступить къ самому дѣлу. Что касается ея характера, то я желаю представить читателю узнать его изъ самого повѣствованія. Читатель знаетъ уже, что она появляется на сцену не въ самой ранней молодости, а образъ жизни ея дѣлалъ ее, можетъ быть, старѣе на видъ, чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ. Лице ея не было старо, но въ манерахъ ея не проглядывало ничего дѣвичьскаго. Глядя на ея серьезный видъ и слушая твердый и само-

увѣренный голосъ, можно было подумать, что она уже лѣтъ десять замужемъ. Фигура ея была высокая и хорошо сложена, широкая въ затылкѣ и плечахъ, чѣмъ отличалась всѣ Вавазоры, но безъ малѣйшей угловатости. Волосы были темнокаштановаго цвѣта и она зачесывала ихъ больше на лобъ. Глаза тоже темные, хотя не черные: носъ — нѣсколько широкій и вздернутый, но, на мои глаза, прелестный, съ особеннымъ характеромъ и придававшій иногда всему лицу веселое и остроумное выраженіе: ротъ — широкій и тоже съ особымъ характеромъ, подбородокъ — овальный, съ ямочкой и тонко-очерченный, какъ у старика Вавазора. Вообще, прошу васъ смотрѣть на нее, какъ на прекрасную и умную молодую женщину.

За тѣмъ приступаю къ разсказу. Въ то время, какъ онъ начинается, Алису уже начали сватать.

ГЛАВА II.

ЛЭДИ МЭКЛЕОДЪ.

Нельзя сказать, что домъ въ улицѣ королевы Анны былъ особенно веселый домъ. Я говорю о матеріальной сторонѣ его, т. е. о стѣнахъ и внутренности. Это былъ небольшой домъ на южной сторонѣ улицы, сватый между двумя огромными домами, которые, казалось, были готовы раздавить его. Крыльцо было узенькое, столовая — темная и совершенно лишенная тѣхъ признаковъ гостепріимства и изобилія, которыми должна отличаться эта комната. Но это бы еще ничего, если бы гостиная была красива, какъ непременно слѣдуетъ быть гостиной. Но гостиная Алисы Вавазоръ была совсѣмъ не красива. Уборкой дома долженъ былъ заняться отецъ дѣвушки, а онъ возложилъ эту обязанность на одного купца, который выбралъ зеленые обои, зеленые ковры, зеленые занавѣсы и зеленую матерію на стулья. Въ гостиной стоялъ диванъ, покрытый зеленымъ шелкомъ, и два кресла, тоже зеленые, по обѣимъ сторонамъ камина. Комната была совсѣмъ вся зеленая и очень непривлекательная. Формой она была почти квадратная.

Алиса хорошо понимала все безобразіе этой комнаты; ей очень хотѣлось выбросить зеленый диванъ, облеить стѣны другими обоями и повѣсить занавѣсы съ красными полосками. Съ зеленымъ ковромъ она бы еще помирилась; но отецъ ея былъ самый эксцентрическій чудакъ, а съ той минуты, какъ она достигла совершеннолѣтія, ей казалось, что ничего не слѣдуетъ такъ избѣгать, какъ всякихъ эксцентричностей.

— Эта комната — такое безобразіе, какого я никогда не видѣлъ, сказалъ однажды мистеръ Вавазоръ своей дочери.

— Да, она неособенно красива, отвѣчала Алиса.

— Мы передѣлаемъ ее на общій счетъ, замѣтилъ мистеръ Вавазоръ.

— Не будетъ ли это странно, папа? Вѣдь нѣтъ еще четырехъ лѣтъ, какъ она отдѣлана.

Мистеръ Вавазоръ пожалъ плечами и за тѣмъ никогда не касался уже этого предмета. Ему было уже рѣшительно все равно, красива или безобразна комната въ улицѣ королевы Анны. Онъ былъ однимъ изъ старшинъ своего клуба и заботился, чтобы тамъ все отличалось настоящимъ комфортомъ.

Насталъ іюнь, а этотъ мѣсяцъ леди Мэклеодъ обыкновенно проводила въ Лондонѣ въ кругу своихъ знатныхъ родственниковъ, когда ей удавалось скопить въ своемъ кошелькѣ пятьдесятъ фунтовъ, необходимыхъ для осуществленія этой поѣздки. Потому что хотя она и проводила этотъ мѣсяцъ въ Лондонѣ, между своими благородными друзьями, но пусть читатель и думаетъ, что благородные друзья давали ей квартиру или столъ. Иногда только они ее поили чаемъ и одинъ или два раза въ мѣсяцъ угощали старуху второстепеннымъ обѣдомъ. Приѣзжая въ Лондонъ, она нанимала двѣ маленькія комнаты въ Кинъ-Стритѣ, посѣщала по вечерамъ фэшенебельныхъ господъ, которыхъ въ душѣ осуждала, старалась удостоиться ихъ улыбки, которая впрочемъ рѣдко выпадала на ея долю, и оправдывала себя тѣмъ, что она заискивала ихъ потому, что это были улыбки ея родственниковъ, постоянно говорила себѣ, что она приѣзжаетъ въ этотъ новый Вавилонъ только изъ желанія добра Алисъ, и каждый разъ давала себѣ слово не показываться больше. Въ послѣдній приѣздъ она вспомнила, что ей стукнуло семьдесятъ пять лѣтъ и поклялась, что Лондонъ не уви-

дуть ее больше. Но, не смотря на это, мы опять видимъ ее въ Лондонѣ. Теперь она оправдывала сама передъ собою этотъ прїѣздъ тѣмъ, что дѣла Алисы требовали ея присутствія. По ея мнѣнію, Алиса не умѣла вести своихъ дѣлъ, какъ слѣдуетъ.

— Здравствуйте тетушка, сказала Алиса, когда старуха вошла въ ея гостиную въ одинадцать часовъ утра. Алиса всегда называла леди Мэклеодъ своею тетушкой, хотя, какъ сказано выше, онѣ не были въ такомъ тѣсномъ родствѣ.

— Не закроешь ли ты окна, моя милая? спросила леди Мэклеодъ, усѣвшись на одно изъ безобразныхъ зеленыхъ кресель и не облакачиваясь о спинку. Она получила воспитаніе въ то время, когда широкія кресла считались неприличными, и провела молодость между людьми, смотрѣвшими на всѣ свободныя позы, тоже какъ на неприличныя; эти привычки она сохранила до старости и въ семьдесятъ шесть лѣтъ никогда не прислонялась къ спинкѣ стула.

— Не закроешь ли ты окна, моя милая? Я такъ вспотѣла, что боюсь простудиться.

— Но вы вѣроятно не пришли пѣшкомъ изъ Кинъ-Стрита? сказала Алиса, исполнивъ желаніе старухи.

Напротивъ, я всю дорогу шла пѣшкомъ. Эти кэбы—сущее разореніе. Извозчики всегда увѣряютъ, что отъ меня до вашей улицы больше двухъ верстъ. Я никакъ не повѣрю этому, потому что я шла сюда немного больше полчасы.

— Я въ самомъ дѣлѣ думаю, что для васъ далеко идти сюда пѣшкомъ, особенно въ такой жаръ.

— Но что жъ мнѣ дѣлать? Я должна идти, потому что я прїѣхала въ Лондонъ съ цѣлью васъ видѣть. На возвратномъ пути я возьму кэбъ, потому что тогда будетъ еще жарче, а въ три часа милая леди Мидлотіанъ обѣщала прислать за мной карету, чтобъ взять меня съ собою въ концертъ. Я очень желаю чтобъ и ты, Алиса, поѣхала.

— Объ этомъ нечего и говорить, тетушка. Съ какой стати мнѣ ѣхать безъ приглашенія?

— Совсѣмъ не безъ приглашенія, Алиса. Маркиза мнѣ нѣсколько разъ повторяла, что она была бы очень рада видѣть тебя, и просила меня прїѣхать къ ней съ тобою.

— Отчего жь она сама не прїѣдетъ къ намъ и не пригласитъ меня, если такъ желаетъ познакомиться со мной?

— Милая моя, ты не имѣешь права требовать этого; не имѣешь никакого права. Она даже меня никогда не приглашаетъ.

— Я знаю, что не имѣю на то никакого права, да я и не ожидаю этикъ приглашеній и не нуждаюсь въ нихъ. Но я она не имѣетъ никакого права предполагать, что я поѣду къ ней безъ приглашенія.

— Я думаю, что ты совершенно неправа, — особенно въ твоёмъ настоящемъ положеніи. Молодая женщина, которая какъ ты, готовится выйти замужъ...

— Какъ я?.. можетъ быть.

— Навѣрное Алиса. Конечно тебѣ предстоитъ выйти замужъ, и потому ты должна позаботиться и о другихъ качествахъ, кромѣ данныхъ тебѣ природой. Что касается до того, что леди Мидлотіанъ или маркиза не прїѣзжаетъ сюда, въ домъ твоего отца, для того, чтобы приглашать тебя къ себѣ, то я повторяю, что ты не имѣешь никакого права претендовать на это дѣло.

— Да я и не претендую.

— Леди Мидлотіанъ говорила мнѣ еще вчера, что она съ особеннымъ удовольствіемъ услышала о прекрасной партіи, которую ты составляешь, и поэтому...

— Благодарю почтенную леди. Мнѣ хотѣлось бы знать, думала ли она, что дѣлаетъ прекрасную партію, когда вышла за лорда Мидлотіана.

Леди Мидлотіанъ была несчастлива въ замужествѣ: мужъ ея былъ человекъ съ сквернымъ характеромъ, дурно обращавшійся съ нею, вслѣдствіе чего она давно разошлась съ нимъ. Алиса не сдѣлала бы, можетъ быть, этого злаго намека, еслибъ ее не разсердило примѣненіе словъ «прекрасная партія» къ ней самой, и можетъ быть разсердило тѣмъ болѣе, что она отчасти чувствовала, что *прекрасная партія* прямо относится къ ея собственному положенію. Она иногда думала, что выборъ ея былъ очень благоразумный и тутъ же сознавалась въ душѣ, что въ этомъ выборѣ не доставало тѣхъ прелестей, которыхъ не мѣшало бы пожелать. Она не совсѣмъ была доволь-

на собою за то, что приняла предложеніе Джона Грея, или, вѣрнѣе сказать, сердилась на себя за то, что полюбила его. Часто думалъ объ этомъ человѣкѣ, она убѣждалась, что приняла его предложеніе просто потому, что полюбила его. Но иногда она сердилась на себя за то, что позволила своему сердцу такъ легко покориться чужому вліянію и упрекала себя въ слабости. Во всякомъ случаѣ она дѣлала весьма приличную партію. Мистеръ Грей былъ человѣкъ съ прекраснымъ характеромъ, съ хорошимъ, хотя и умѣреннымъ, состояніемъ; кромѣ того, онъ былъ хорошо образованъ, принадлежалъ къ хорошей фамиліи и обладалъ разными дарованіями. Всѣ находили выборъ Алисы прекраснымъ, а отецъ ея былъ вполне доволенъ имъ. Почему же сама Алиса сердилась на себя,—это, я надѣюсь, объяснится въ послѣдствіи само собою.

— Алиса, не будь злою, сказала строго леди Мэклеодъ. Какова бы ни была несчастная судьба леди Мидлотіанъ, никто не можетъ сказать, что она сама виною своихъ несчастій.

— Нѣтъ, это можно сказать, тетушка, потому что она знала, что женихъ ея негодяй и вышла за него только потому, что онъ былъ богатъ и графъ.

— Она сама была дочь знатнаго человѣка и вышла за равнаго себѣ. Но намъ не за чѣмъ спорить объ этомъ. Она говорила совершенно искренно, когда разсуждала о твоёмъ бракѣ и ты должна принимать ея слова за чистую монету. Притомъ же она кузина твоей матери...

— Милая тетушка, я рѣшительно не претендую на это родство.

— Но она претендуетъ на него, и очень желаетъ познакомиться съ тобою. Она вездѣ разузнавала о мистерѣ Греѣ и сказала мнѣ, что всѣ свѣденія, собранныя ею, какъ нельзя болѣе удовлетворительны.

— Еще разъ повторяю, что я весьма благодарна ей за участіе.

Леди Мэклеодъ была старуха сдержанная и настойчивая. Болѣе получаса она исчисляла выгоды, предстоящія Алисѣ, какъ замужней женщицѣ, отъ знакомства съ знатными родственниками, и старалась увѣрить свою кузину, что теперь представлялся самый лучший случай положить начало этому знакомству. Она говорила, что въ каретѣ леди Мидлотіанъ будетъ

свободное мѣсто, потому что изъ дочерей ея не поѣдетъ ни одна, кромѣ леди Дженни; леди Мидлотіанъ будетъ очень довольна этимъ; притомъ же концертъ не то, что балъ: дѣвушка можетъ ѣхать въ концертъ и безъ особаго приглашенія. Но всѣ эти убѣжденія были напрасны; Алиса оставалась непоколебимою, такъ какъ вообще леди Мэклеодъ рѣдко могла убѣдить въ чемънибудь свою кузину.

Наконецъ разговоръ зашелъ о другомъ предметѣ, и тутъ леди Мэклеодъ объявила, что она пришла именно по этому случаю, забывъ, что сказала то же самое, когда рѣчь зашла о концертѣ. Но на этотъ разъ она дѣйствительно говорила правду. Цѣлое утро ее занималъ предметъ, къ которому она перешла теперь и имѣла по поводу его совѣщаніе съ леди Мидлотіанъ. Отъ концерта и вліянія, которое протекція леди Мидлотіанъ могла имѣть на будущее состояніе мистера Грея, она мало по малу перешла къ поѣздкѣ, которую Алиса собиралась предпринять въ Швейцарію. Объ этой поѣздкѣ она слышала уже прежде, но только леди Мидлотіанъ сообщила ей, съ кѣмъ миссъ Вавазоръ собиралась ѣхать. Какимъ образомъ случилось, что леди Мидлотіанъ такъ интересовалась незнакомою ей личностью, этого я не знаю: но откуда-то она узнала, кто были будущіе компаньоны Алисы Вавазоръ въ задуманной поѣздкѣ, и сказала леди Мэклеодъ, что они вовсе не нравятся ей.

— Когда же ты думаешь ѣхать, Алиса? спросила леди Мэклеодъ.

— Я думаю въ іюлѣ. Въ это время будетъ очень жарко, но Кэтъ должна вернуться въ половинѣ Августа.

Кэтъ была кузина Алисы?

— А! Кэтъ ѣдетъ съ тобой?

— Конечно, ѣдетъ. Я вѣдь не могу ѣхать одна, или только съ Джоржемъ.

— Естественно, ты не можешь ѣхать одна съ Джоржемъ, сказала леди Мэклеодъ весьма сурово.

Джоржъ Вавазоръ былъ братъ Кэтъ, и слѣдовательно двоюродный братъ Алисы. Онъ былъ наслѣдникъ стараго Вестморленскаго сквайра, и Кэтъ жила съ нимъ, потому что ихъ отецъ умеръ. По видимому, ничто не мѣшало Алисѣ ѣхать въ Швей-

царю съ этими родственниками; но леди Мэклеодъ была очевидно недовольна; она приняла очень суровый видъ, когда произнесла имя Джоржа и, казалось, приготовилась къ битвѣ.

— Ну, а... тутъ леди Мэклеодъ съ минуту помолчала, и потомъ, точно въ конвульсивномъ припадкѣ храбрости, закончила свой вопросъ словами; а мистеръ Грей знаетъ, что Джоржъ ѣдетъ съ вами?

Алиса не отвѣчала нѣсколько минутъ; въ это время леди Мэклеодъ сохраняла свой суровый видъ и не спускала глазъ съ лица племянницы. Если она предполагала, что это молчаніе происходило, хотя немного, отъ того, что Алиса стыдилась отвѣчать на послѣдній вопросъ, то она очень ошибалась. Наконецъ Алиса сказала:

— Я могла бы просто отвѣчать вамъ, что онъ знаетъ объ этомъ, потому что вчера я писала ему и увѣдомила о нашемъ планѣ; но я чувствую, что не должна такъ отвѣчать на вашъ вопросъ. Вы желаете знать, одобряетъ ли мистеръ Грей этотъ планъ. Такъ какъ я писала ему только вчера, то естественно еще не знаю его мнѣнія на этотъ счетъ. Но я знаю и могу сказать вамъ, тетушка, что если онъ и не одобритъ моего намѣренія, то мнѣ будетъ очень жаль, но я не переменю его.

— Не переменяй? Ну, такъ я должна сказать тебѣ, что это очень нехорошо съ твоей стороны. Какъ? неодобреніе человѣка, за котораго ты выходишь замужъ, не измѣнить твоего плана?

— Да, въ этомъ случаѣ не измѣнить. Видите ли, тетушка, если бы мистеръ Грей, по чему нибудь, попросилъ меня совсѣмъ не ѣхать, я бы конечно отказалась отъ моего намѣренія, какъ отказалась бы отъ всякаго неважнаго для меня дѣла, по просьбѣ дорогаго друга, который находится въ такихъ близкихъ отношеніяхъ со мною. Но если бы онъ попросилъ меня не ѣхать именно съ моимъ кузеномъ Джоржемъ, я бы положительно отказала ему, именно вслѣдствіе близости нашихъ отношеній. Надѣюсь, тетушка, вы понимаете, что я хочу сказать?

— Кажется понимаю. Ты хочешь сказать, что не желаешь повиноваться человѣку, который одинъ имѣетъ право требовать отъ тебя послушанія?

— Онъ не имѣеть права требовать отъ меня никакого послушанія, отвѣчала она съ такою силою и такимъ рѣзкимъ тономъ, что старуха Мэклеодъ подпрыгнула на мѣстѣ отъ изумленія. Она уже прежде не разъ слышала этотъ тонъ и должна была привыкнуть къ нему, — но тутъ не могла удержаться отъ прыжка.

— Онъ не имѣеть никакого права требовать отъ меня послушанія, — повторила Алиса. Онъ можетъ давать мнѣ совѣты, но я увѣрена, что никогда не потребуетъ отъ меня повиновенія.

— А если онъ станетъ совѣтовать тебѣ, ты не будешь обращать вниманія на его совѣты.

— Если онъ скажетъ мнѣ, что я лучше сдѣлаю, если не поѣду съ моимъ кузеномъ Джоржемъ, то конечно я не слушаю. Кромѣ того, я постараюсь дать ему замѣтить, что такой совѣтъ оскорбляетъ меня. Онъ доказалъ бы мелочность своего характера и подозрительность, къ которой я не считаю моего жениха способнымъ.

Сказавъ это, Алиса встала и прошла нѣсколько разъ по комнатѣ; потомъ остановилась у окна, повернувшись спиною къ своей гостьѣ. Нѣсколько минутъ длилось молчаніе, въ это время леди Мэклеодъ тщательно соображала, какъ бы ей лучше поразить Алису рѣшительнымъ возраженіемъ. Наконецъ она собралась съ духомъ и начала:

— Любезная Алиса, мнѣ нѣтъ надобности говорить тебѣ, что если бы у тебя была мать или кто нибудь заступающій мѣсто матери, то я не вмѣшалась бы въ это дѣло.

— Конечно, тетушка, если вы находите, что я поступаю нехорошо, то имѣете полное право высказать это.

— Да, я увѣрена, что ты поступаешь нехорошо; если ты продолжаешь упорствовать въ твоемъ намѣреніи, то я съ ужасомъ должна буду сознаться, что у тебя злой характеръ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что мистеру Грею не понравится твое желаніе ѣхать съ Джоржемъ Вавазоромъ.

— Отчего же не понравится, тетушка? спросила Алиса, повернувшись къ старухѣ и смѣло посмотрѣвъ въ лице ей. Она произнесла эти слова твердымъ голосомъ и смотрѣла на ста-

руху такъ, какъ будто старалась показать, что не боится никакого отвѣта.

— Отчего не понравится, Алиса? повторила тетка. Конечно, ты не желаешь, чтобъ я сказала отчего.

— Напротивъ, очень желаю. Развѣ я могу защищаться, прежде чѣмъ услышу обвиненіе?

— Ты теперь невѣста мистера Грея,—невѣста съ согласія и одобренія всѣхъ твоихъ друзей. Два года тому назадъ ты была... была...

— Что была, тетушка? Если вы хотите сказать, что два года тому назадъ я была невѣста моего кузена, Джоржа, то очень ошибаетесь. Три года назадъ я сказала ему, что только при извѣстныхъ условіяхъ я согласна выйти за него замужъ. Но ни мои условія не нравились ему, ни его мнѣ. Поэтому мы никогда не давали другъ другу слова. Мистеръ Грей знаетъ всю эту исторію. Я рассказала ему все.

— Дѣло въ томъ, Алиса, что образъ жизни Джоржа Вавазора былъ таковъ, что бракъ съ нимъ былъ бы сущимъ безуміемъ.

— Милая тетушка, прѣстите, если я скажу вамъ, что не могу разсуждать объ образѣ жизни Джоржа Вавазора. Если бы я надѣялась сдѣлаться его женою, вы имѣли бы полное право говорить объ этомъ изъ вашего постоянного расположенія ко мнѣ. Но теперь онъ мой двоюродный братъ; а такъ какъ я люблю его, а вы — нѣтъ, то намъ лучше и не говорить о немъ.

— Нѣтъ, я должна говорить; послѣ того, что было, и въ виду перелома въ твоей жизни...

— Милая тетушка, мнѣ не предстоитъ никакого перелома.

— Напротивъ, Алиса, передъ тобою важнѣйшій переломъ въ жизни дѣвушки. Пока ты еще не замужемъ; но ты невѣста достойнѣйшаго человѣка, который надѣется найти въ тебѣ все свое домашнее счастье. Джоржъ Вавазоръ слыветъ за самаго безпутнаго человѣка.

— Но вы знаете, что я отправляюсь съ нимъ не одна. Кѣтъ я я условилась вести расходы пополамъ и ѣдемъ для собственнаго удовольствія. Не такъ какъ намъ было бы трудно путешествовать однимъ, то Джоржъ обѣщалъ сопровождать

свою сестру. Папа знает все это, и никогда ни одного слова не сказалъ противъ этого плана.

Леди Мэклеодъ покачала головой. Она никогда не любила говорить противъ Мистера Вавазора въ присутствіи его дочери; но покачиваніе головы означало, что, по ея мнѣнію, согласіе мистера Вавазора въ такомъ дѣлѣ ничего не значило.

— Я могу повторить одно, сказала она, что, по моему мнѣнію, мистеръ Грей будетъ недоволенъ; а я полагаю, что его одобреніе должно для тебя что нибудь значить. Теперь, моя милая, я попрошу тебя послать за кэбомъ для меня. У меня не хватитъ времени одѣться въ концертъ.

Алиса позвонила въ колокольчикъ и не сказала больше ни слова. Когда леди Мэклеодъ начала прощаться, Алиса по обыкновенію поцѣловала ее, а старуха произнесла свою обычную прощальную фразу: «Да благословитъ тебя Богъ, милая; прощай; я приду завтра, если будетъ можно». Такъ они расстались миролюбиво, но каждая изъ нихъ чувствовала, что послѣ этого спора дружба ихъ еще больше охладѣла. Когда ушла леди Мэклеодъ, Алиса цѣлый часъ сидѣла одна и думала,.. думала о двухъ людяхъ, о человѣкѣ достойнѣйшемъ и человѣкѣ безпутномъ, имена которыхъ были упомянуты старухой. Джонъ Грей былъ достойный человѣкъ, достойный во всѣхъ отношеніяхъ, на сколько Алиса знала его. Она сознавалась въ этомъ. Въ то же время она говорила себѣ, что ея кузень Джорджъ былъ безпутенъ, крайне безпутенъ. Но, не смотря на это, она мысленно обнаруживала больше расположенія къ Джоржу, чѣмъ къ жениху. Она объявила своей теткѣ, что считаетъ Джона Грея неспособнымъ къ подозрѣнію. Она сказала это и вѣрила въ справедливость своихъ словъ; но все-таки, оставшись одна, продолжала обдумывать положеніе, въ которое она была бы поставлена, если бы ея женихъ сдѣлалъ возраженіе, о которомъ говорила леди Мэклеодъ. Алиса постоянно повторяла себѣ, что тогда она бы не уступила ему ни на шагъ. «Онъ можетъ идти, куда хочетъ — говорила она; — если онъ не вѣритъ мнѣ, то пусть идетъ, куда хочетъ». Она додумалась наконецъ до того, что стала ожидать отъ жениха именно такого отвѣта на свое письмо, на какой она же сама считала его неспособнымъ.

ГЛАВА III.

ДОСТОЙНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ, ДЖОНЪ ГРЕЙ.

Отвѣтъ мистера Грея на письмо Алисы Вававоръ, полученный на слѣдующій день послѣ посѣщенія леди Мэкледъ, можетъ дать нѣкоторое понятіе о его достойномъ характерѣ. Грей писалъ изъ своего маленькаго загороднаго дома съ Кембриджскомъ графствѣ, въ которомъ проводилъ большую часть своего времени и гдѣ намѣревался жить послѣ свадьбы. Вотъ это письмо:

Нетеркотъ, іюнь 186—.

Милая Алиса!

Я очень радъ, что у васъ устроились дѣла къ лучшему.— Я говорю не о домашнихъ вашихъ дѣлахъ. Что касается до домашнихъ дѣлъ, то, по моему мнѣнію, вы устроили ихъ не совсѣмъ удачно. Принимая участіе въ этихъ послѣднихъ дѣлахъ, я, можетъ быть, думаю о нихъ нѣсколько пристрастно. Что касается путешествія, то я вполне согласенъ съ вами, что вамъ и Кэтъ было бы неудобно ѣхать однимъ. Мнѣ очень нравится та теорія, по которой женщины могутъ такъ же хорошо путешествовать безъ мужчинъ, какъ и съ ними; но, какъ всѣ прекрасныя теоріи, такъ и эта можетъ стѣснить того, кто первый примѣнитъ ее на практикѣ. Руки въ перчаткахъ, юбки, женская слабость и общее поклоненіе красотѣ,—все это мѣшаетъ успѣху осуществленія этой теоріи. Можетъ быть, когда нибудь всѣ эти неудобства будутъ устранены; но такъ какъ покамѣстъ молодыя женщины не освобождены отъ нихъ, то мужчина будетъ не лишній проводникъ. Не знаю, хорошо ли вы сдѣлали, что избрали своимъ кавалеромъ вашего кузена Джоржа. Мнѣ кажется, что я былъ бы гораздо болѣе полезенъ для васъ, еслибъ только мнѣ можно было сопутствовать вамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что на случай опасности встрѣ-

тить какихъ нибудь горныхъ вѣкоморъ, онъ убилъ бы ихъ скорѣе, чѣмъ я, и оказалъ бы болѣе существенныя услуги, если бы дѣло шло объ освобожденіи васъ изъ тюрьмы притѣснителей и даже отъ кровожадныхъ тигровъ въ швейцарскихъ лѣсахъ. Но не думаю, чтобъ онъ былъ особенно ловокъ въ обращеніи съ вашимъ багажемъ. Онъ будетъ нуждаться въ васъ или въ Кэтъ для того, чтобъ сводить счеты. Онъ никогда не достанетъ вамъ во-время стакана воды на станціи желѣзной дороги и будетъ вѣчно заставлять васъ ждать завтрака. По моему мнѣнію, человѣкъ, путешествующій съ двумя женщинами, долженъ быть полнымъ рабомъ ихъ; иначе, удовольствіе ихъ будетъ неполное. Онъ долженъ быть просто слугою ихъ, съ привилегіею сидѣть за однимъ столомъ съ своими господами. Сомнѣваюсь, чтобы вашъ кузень былъ способенъ исполнить такую обязанность; что касается меня, то я созданъ именно для нея. Къ счастью, ни вы, ни Кетъ не имѣете собственной воли, и, можетъ быть, вамъ удастся сдѣлать мистера Вавазора вашимъ покорнымъ слугою.

«Что касается домашнихъ дѣлъ, то мнѣ почти нечего сказать о нихъ въ этомъ письмѣ. Конечно, я приѣду еще прежде, нежели вы тронетесь въ путь, и по всей вѣроятности пробуду съ недѣлю въ городѣ. Я знаю, мнѣ бы не слѣдовало поступать такъ, такъ какъ эта недѣля будетъ временемъ скуки, а не счастья. Мнѣ бы скорѣе хотѣлось пробыть съ вами часъ въ деревнѣ, чѣмъ цѣлый день въ Лондонѣ. Въ городѣ я постоянно чувствую, что у меня слишкомъ много дѣла, такъ что это не даетъ мнѣ возможности заняться чѣмъ нибудь. Если бы это было простое бездѣлье, я, можетъ быть, наслаждался бы имъ, но это—лихорадочное бездѣлье, которое бросаетъ челоуѣка во всѣ стороны и ничѣмъ не удовлетворяетъ. Я однако покоряюсь этой маленькой пыткѣ, и буду бездѣльничать послѣдніе семь дней этого мѣсяца; надѣюсь, что вы вознаградите меня вашимъ присутствіемъ на столько, на сколько ваши городскія занятія позволяютъ».

«Возвращаюсь опять къ нашимъ домашнимъ дѣламъ. Если я ничего не говорю теперь, то я думаю, вы поймете, почему я воздерживаюсь. Вы заставили меня весьма остроумно заключить изъ всего сказаннаго вами, что всѣ мои доводы не имѣли

никакого значенія, но вы не отвѣчаете мнѣ, и даже не говорите, на что вы рѣшились; поэтому я и не касаюсь этого предмета, а рассчитываю на мое личное краснорѣчіе для успѣха. Или нѣтъ—не рассчитываю,—а надѣюсь».

«Въ саду все идетъ очень хорошо. Правда, намъ не достаетъ нѣсколько воды, и потому наша обстановка не такъ хороша, какъ я надѣялся, но мы работаемъ съ такимъ усердіемъ, что все строится, какъ нельзя лучше. Ваши приказанія исполнены вполнѣ, и Морисонъ постоянно говоритъ «Мистрисъ вовсе не думала этого», или «Мистрисъ желала то-то». Да сохранить ее Господь, говорю я, и приведетъ ее домой, къ ея собственному очагу, къ ея цвѣтамъ и плодамъ, къ ея мужу такъ скоро, какъ только возможно, безъ всякихъ отлагательствъ, которыя тяжелы для меня, и которыя, кажется, совершенно напрасны. Вотъ моя молитва». Вашъ навсегда Д. Г.

Я ничего не приказывала, говорила Алиса сама себѣ, сидя съ письмомъ за завтракомъ. Онъ спросилъ меня, что мнѣ нравится и я, конечно, должна была сказать что нибудь. Я должна была сдѣлать видъ, что забочусь объ этомъ, даже еслибъ вовсе и не заботилась. Вотъ каковы были ея первыя мысли, когда она вкладывала обратно письмо въ конвертъ, прочитавъ его вторично. Когда она раскрывала его, она сдѣлала это очень быстро, не останавливаясь ни на минуту, чтобы даже не заподозрить себя въ боязни узнать, что въ немъ заключается, а она побаивалась таки упрека, котораго ожидала ея тетка, и который она стала ожидать сама. Раскрывъ письмо, она мгновенно увидѣла, въ чемъ состоялъ отвѣтъ относительно Джоржа Вавазора, и за тѣмъ окончила чтеніе довольно медленно. Нѣтъ, я не давала приказаній, повторила она сама себѣ, какъ будто оправдываясь отъ какого-то будущаго возможнаго обвиненія, мелькнувшаго въ ея головѣ. За тѣмъ она стала перечитывать письмо медленно, начиная съ конца, по временамъ прихлебывая свой чай и раздумывая. Нѣтъ, тамъ у нея не было дома, не было очага. У нея не было мужа—по крайней мѣрѣ до сихъ поръ не было. Онъ говорилъ объ ихъ отношеніяхъ, какъ будто это была настоящая помолвка, какъ будто они уже были обвиняемы. Подобныхъ помолвокъ уже не дѣлается теперь. Обоиъ, какъ ему такъ и ей, оставалась еще извѣстная свобода

да выпутаться изъ этихъ отношеній. Если бы онъ пришелъ къ ней и сказалъ, что предполагаемая женитьба не сдѣлаетъ его счастливымъ, развѣ она въ правѣ обвинять его? Развѣ онъ во мнѣніи ея, будетъ менѣе благороднымъ, чѣмъ, затанувъ въ себѣ это чувство, нехотя вступить въ бракъ, къ которому не чувствуетъ никакой склонности? Если бы она судила его такимъ образомъ, — судила и конечно оправдала бы его, то развѣ онъ не также долженъ поступить въ отношеніи ея? Затѣмъ она объясняла себѣ, что всѣ эти размышленія съ собою только одни размышленія, наведенныя на нее утвердительнымъ его тономъ, что онъ уже мужъ ея, что домъ его былъ уже ея домомъ. Она еще не имѣла никакого желанія взять назадъ данное слово, но думала, что отъ такого рѣшенія она еще далека. Она любила его сильно, и удивлялась ему еще болѣе, чѣмъ любила. Онъ былъ благороденъ, щедръ, уменъ, добръ, — такъ добръ, что былъ почти идеаломъ доброты. И дѣйствительно, онъ былъ для нея идеаломъ... Она даже желала, чтобы въ немъ были нѣкоторые недостатки. Какимъ образомъ могла она надѣяться, зная за собою столько недостатковъ, составить счастье человѣка столь совершеннаго, какъ онъ! Но теперь не оставалось никакого сомнѣнія въ томъ, что ей слѣдовало дѣлать. Она любила его и въ этомъ заключалось все. Увѣривъ его, что она любила его и принявъ его любовь, одна только переменна ея сердечной привязанности къ нему могла оправдать разрывъ заключенной связи. Она любила его, любила его только одного.

Но однажды она любила своего двоюроднаго брата. Въ самомъ дѣлѣ, это было такъ, и она не могла отрицать этого. Она любила его и мучилась чувствомъ, что испытывала болѣе полное счастье въ той любви, чѣмъ въ другой, которая началась въ послѣдствіи. Она объясняла себѣ, что это происходило отъ ея молодости; — что любовь въ двадцать лѣтъ была полнѣе, чѣмъ потомъ. Было какое-то наслажденіе въ этомъ раннемъ снѣ, который уже никогда не могъ повториться, — никогда не могъ перейти въ дѣйствительность. Теперь, когда она была старше и, можетъ быть, умнѣе, любовь была просто товаририществомъ, въ которомъ каждый стремился бы къ счастью другаго, чтобы взаимными усиліями обезпечить общее благо-

состояніе. Кромѣ того, въ эти ранніе дѣтскіе дни любовь была небеснымъ лучемъ, полнымъ самоотрицаніемъ. А это—была земная любовь, и потому возможная...

И она ошиблась въ своей первой любви. Она откровенно сознавалась въ этомъ. Человѣкъ, котораго она обожала, былъ богомъ изъ глины, и она считала себя счастливой, что перестала боготворить своего прежняго идола. Онъ не только былъ невѣренъ ей, но, хуже этого, онъ лгалъ, оправдывая свою невѣрность. Онъ не только обѣщалъ ложно, но онъ дѣлалъ эти обѣщанія съ умышленною ложью. Онъ былъ холодно себялюбивъ, противопоставляя свое личное наслажденіе ея святой любви. Она знала это, и рассталась съ нимъ, давъ себѣ вѣдѣнію, что никакое обѣщанное исправленіе съ его стороны никогда не соединитъ ихъ вмѣстѣ. Но она простила ему не какъ любовнику, а какъ человѣку, и вновь привѣтствовала его, какъ двоюроднаго брата, и какъ брата ея друга. Она вновь стала заботиться относительно его будущности, нисколько не скрывая этой заботы, напротивъ громко высказывая ее. Она знала, что онъ уменъ, смѣлъ, честолюбивъ,—и полагала, даже теперь, не смотря на собственный опытъ, что онъ можетъ быть не такой дурной человѣкъ въ душѣ. И теперь, увѣряя себя, что она любитъ человѣка, которому была обѣщана; я опасуюсь, что она почти больше думала о другомъ человѣкѣ, съ которымъ, по видимому, навсегда рассталась.

Почему же онъ находитъ себя несчастнымъ въ Лондонѣ? сказала она, вновь обращаясь къ письму. Съ чего онъ вздумалъ осуждать Лондонъ, гдѣ способнымъ людямъ такъ привольно дѣйствовать и составлять карьеры? Будь я мужчина, никакія земныя соображенія не заставили бы меня жить въ другомъ мѣстѣ. Странно, до чего мы расходимся во всемъ. Какъ ни блеснить онъ своимъ собственнымъ свѣтомъ, но онъ какъ будто желаетъ спрятать его!

Наконецъ она обратилась къ тому, что такъ занимало ее, когда она вскрыла письмо. Вспомнимъ, какъ она была увѣрена, что мистеръ Грей не станетъ возражать противъ ея поѣздки съ ея двоюроднымъ братомъ. Онъ и не возражалъ. Онъ упомянулъ объ этомъ съ легкимъ оттѣнкомъ шутки, совершенно по джентльменски, не желая касаться прошлыхъ со-

бытій въ жизни той, которую онъ любилъ, воздержавшись даже отъ намека на то, что могло бы быть принято за позволеніе съ его стороны. Въ словахъ Алисы, когда она сообщала ему предполагаемый планъ, проглядывала какая-то озабоченность мысли. Она тщательно старалась высказать это такъ, какъ будто сообщала объ этомъ мимоходомъ, не чувствуя никакого внутренняго волненія. Она очень хорошо понимала, что это ей не удалось. Ей это не удалось, и онъ понялъ всё ея усилія и всю ея неудачу. Она сознавала это, она чувствовала это вполне, и была увѣрена, что онъ былъ добръ и благороденъ до послѣдней капли крови. А между тѣмъ—между тѣмъ она была почти недовольна, что онъ не написалъ такого письма, какъ предсказывала леди Мэклеодъ. Въ продолженіе всей слѣдующей недѣли, леди Мэклеодъ являлась почти ежедневно въ улицу королевы Анны, однако не было никакихъ дальнѣйшихъ разговоровъ между нею и миссъ Вавазоръ относительно швейцарской поѣздки; не было никакихъ вопросовъ касательно мнѣнія мистера Грея объ этомъ путешествіи. Старая леди конечно тотчасъ же замѣтила, что отъ ссоры было далеко, чѣмъ вполне и удовольствовалась. Она уже болѣе не приглашала Алису къ леди Мицлотіанъ.

— Я пріѣхала проститься, сказала леди Мэклеодъ, это мой послѣдній день въ городѣ; я домой тороплюсь: у меня столько дѣла, что рѣшительно не знаю, какъ и быть.

— Очень любезно съ вашей стороны, сказала Алиса, пожимая теткѣ руку.

— Но вѣдь это въ послѣдній разъ; клянусь тебѣ, моя милая, что Лондонъ болѣе никогда не увидитъ меня.

— О, тетушка, не говорите этого!

— Однако это такъ, моя милая. Съ какой стати мнѣ, старой женщицѣ, таскаться каждый годъ въ городъ только потому, что наступаетъ время, которое угодно называть сезономъ.

— Конечно за тѣмъ, чтобы взглянуть на вашихъ друзей. Лѣта ничего не значатъ при такомъ здоровьи, какъ ваме?

— Еслибъ вы знали, какъ я страдаю поясницею, — хотя надо признаться, что пріѣздъ въ Лондонъ вылечиваетъ меня на время. Что же касается друзей, то доживъ до тапкихъ

сѣдыхъ волосъ, какъ мой, кажется, никто не будетъ слушать, если проведетъ время и безъ меня.

— Вы намекаете на вашу Алису, тетушка?

— Нѣтъ, моя милая, я вовсе не говорю о тебѣ. Конечно, моя жизнь была бы далеко не та, еслибъ ты согласилась остаться со мною до твоей свадьбы. Но я не говорю о тебѣ. Я не думаю, чтобъ я говорила о комъ нибудь именно. Ты не должна обращать вниманія на болтовню старухи.

— Вы нѣсколько печальны, конечно потому, что уѣзжаете?

— Нѣтъ, но я не знаю, за чѣмъ я осталась послѣднюю недѣлю. Я сказала леди Мидлотіанъ, что я уѣзжаю двадцатаго; и хотя я знаю, что ей было хороша извѣстїю, что я не уѣхала, но она ни разу не прислала за мною съ тѣхъ поръ. Конечно, онѣ, по всей вѣроятности, выѣзжали каждый вечеръ, но, мнѣ кажется, она могла бы позвать меня завтракать. Такая тоска обѣдать одной въ Лондонѣ?

— А вы никогда не хотите прїѣхать обѣдать со мною?

— Нѣтъ, моя милая, нѣтъ; однако перестанемъ говорить объ этомъ. Мнѣ нужно сказать тебѣ нѣсколько словъ. Я могу пробыть съ тобою еще шесть минутъ, потому что какъ ожидаетъ меня ровно двадцать пять минутъ. Я совершенно рѣшилась, что никогда больше не прїѣду въ городъ, кромѣ одного случая.

— Какого, тетушка?

Алиса, предлагая этотъ вопросъ, очень хорошо знала, какой это случай.

— Я прїѣду на твою свадьбу, моя милая. Надѣюсь, что ты не заставишь меня долго дожидаться.

— Нѣтъ, я не могу давать рѣшительныхъ обѣщаній и совершенно не знаю, когда это можетъ случиться.

— А почему же не знаешь? Я думаю, какъ только дѣвушка помолвлена, чѣмъ она скорѣе выходитъ замужъ, тѣмъ лучше. Можетъ быть особыя причины отложить дѣло со стороны жениха?

— Они встрѣчаются часто, вы сами это знаете.

— Но, Алиса, ты вѣдь не думаешь, что мистеръ Грей откладываетъ дѣло?

Алиса замолчала на минуту, и въ это время лицо леди Мэглеодъ выразило почти трагическій ужасъ. — Не было ли

чегонибудь со стороны мистера Грея, чего она не подозрѣвала совсѣмъ? Хотя Алиса сама подала поводъ къ маленькой инстингаціи, но она была слишкомъ откровенна, чтобы дать этому впечатлѣнію укрѣпиться. Нѣтъ, тетунка, сказала она, мистеръ Грей не откладываетъ... Отъ меня зависитъ назначить время.

— Почему же ты не назначаешь? Дѣло-то вѣдь очень серьезное!

— Впрочемъ прошло не болѣе четырехъ мѣсяцевъ, какъ я приняла его предложеніе. Я не думаю, чтобы тутъ было какое-нибудь откладываніе?

— Но ты можешь назначить время теперь, если онъ только желаетъ этого?

— Что жъ, можетъ быть, и назначу. Я подумаю объ этомъ, только вы не троните меня.

— Но вѣдь тебѣ нужно посоветоваться, Алиса?

— А, въ томъ-то и дѣло! У насъ принято думать, что дѣвушка не должна располагать собою свободно... Во-первыхъ, она не должна любить по собственному впечатлѣнію, а если полюбитъ кого-нибудь, то должна выходить за него тотчасъ, какъ только помолвлена. У меня и теперь немного своей воли, но когда я выйду замужъ, у меня совсѣмъ ея не будетъ. Вамъ нечего удивляться, что я не тороплюсь?

— Я вовсе не уговариваю тебя спѣшить. Но, Господи Боже мой! Я пробыла у тебя двадцать восемь минутъ. Извергъ навѣрно обсчитаетъ меня. Прощай! да благословитъ тебя Богъ! Смотри же, пиши! И леди Мэклеодъ выбѣжала изъ комнаты, озабоченная болѣе тѣмъ, чтобы не переплатить лишніе шесть пенсовъ, чѣмъ будущей судьбой Алисы.

Но вотъ и Джонъ Грей пріѣхалъ въ городъ, спустя день или два послѣ назначеннаго ему срока. Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что Алиса употребила какую-нибудь дипломатическую уловку, чтобы предупредить встрѣчу между леди Мэклеодъ и своимъ женихомъ. Она боялась этой встрѣчи, потому что ея намѣренія до нѣкоторой степени расходились съ ихъ желаніями. Если бы леди Мэклеодъ и Джонъ Грей соединили свои силы, она, можетъ быть, не сумѣла бы противостоять имъ. Она рѣшилась ни въ какомъ случаѣ не назначать дня

свадьбы до своего возвращенія изъ Швейцаріи, и потому считала болѣе удобнымъ задержать мистера Грея въ деревнѣ до отъѣзда леди Маклеодъ, хотя этимъ самымъ она сокращала его пребываніе въ Лондонѣ до четырехъ дней. По случаю этого посѣщенія, мистеръ Вавазоръ совершилъ весьма замѣчательный подвигъ. Онъ обѣдалъ дома и пригласилъ, или скорѣе согласился, чтобы Алиса пригласила Джоржа и Кэтъ Вавазоръ составить имъ компанію.

— Что за счастливыя предзнаменованія для будущаго брака, сказала Кэтъ съ ея милой саркастической улыбкой? Дядя Джонъ обѣдаетъ дома, а мистеръ Грей участвуетъ въ развлеченіяхъ общаго обѣда. Кажется однако, что все это скоро переимѣнится, и Джоржъ, и я станемъ содержать маленькій коттеджъ въ деревнѣ?

— Кэтъ, сказала съ досадой Алиса, я думаю, что вы самое злое существо, какое мнѣ только удалось встрѣчать. Я простила бы однако вамъ вашу насмѣшку, какъ бы тяжела она ни была, если бы она была сколько нибудь справедлива.

— Относительно кого же она несправедлива, развѣ относительно вашего отца? Она вовсе не относилась къ нему; или относительно васъ?

— Я вовсе не забочусь о себѣ, вы знаете это очень хорошо.

— Тогда она несправедлива относительно мистера Грея?

— Да, вы хотѣли задѣть мистера Грея. Если я могу простить ему за то, что онъ не заботится объ обществѣ, то конечно вы можете сдѣлать то же самое?

— Да, именно этого-то вы и не можете сдѣлать, моя милая. Вы не прощаете ему, еслибъ и хотѣли простить, — въ противномъ случаѣ я не проронила бы ни одного слова... Но если я угадываю ваши мысли и не хочу притворяться въ своихъ, то вы согласитесь, что я поступаю добросовѣстно. Надо только понимать другъ друга.

— Вы знаете, Кэтъ, что я не люблю лжи.

— Но я знаю и то, что очень трудно понять, чего вы желаете. Я знаю, что въ послѣдніе одинъ или два года я старалась узнать, въ чемъ состоятъ ваши желанія. и даю вамъ слово, что не разгадала этого сѣнника... Я думаю, что вы

желаете выйти за мистера Грея, но я несколько не увѣрена въ этомъ. Я думаю, что послѣдняя ваша мечта—это выйти за Джоржа?

— Въ этомъ отношеніи вы совершенно правы.

— Алиса, иногда вы выводите меня изъ себя. Вы заставляете меня сомнѣваться, люблю или ненавижу я васъ... Зная, каковы мои чувства къ Джоржу, я не понимаю, какимъ образомъ вы рѣшаетесь говорить мнѣ о немъ съ такимъ презрѣніемъ?

Кэтъ Вавазоръ, окончивъ этотъ монологъ, быстро вышла изъ залы, и поспѣшила въ свою собственную комнату. Здѣсь Алиса нашла ее въ слезахъ, и истинное горе ея подруги заставило ее извиниться въ томъ, что она наговорила ей много лишняго. Кэтъ очень хорошо знала всѣ подробности этихъ старыхъ отношеній между ея братомъ и Алисою. Она вполне одобрила тотъ образъ дѣйствія, которому слѣдовала ея подруга. Она вполне допускала, что поведение ея брата Джоржа было таково, что дѣлало вовсе невозможнымъ всякую связь между ними. Ошибка была на ея сторонѣ, потому что она затронула этотъ щекотливый вопросъ. И это ни въ какомъ случаѣ не была первая ошибка въ этомъ родѣ. До тѣхъ поръ, пока Алиса не была помолвлена за мистера Грея, она говорила о Джоржѣ только, какъ о своемъ братѣ, или какъ о двоюродномъ братѣ своей подруги, теперь же она постоянно намекала на прошлое, которое всѣ они должны бы стараться позабыть. Такъ не была ли права леди Меклеодъ, настаивая, чтобы Джоржъ Вавазоръ не участвовалъ въ швейцарской поѣздкѣ?

Обѣдъ кончился весьма спокойно. Оба молодые человѣка никогда не встрѣчались другъ друга, и Вавазоръ отправился въ домъ своего дяди совершенно готовый не только не любить, но даже презирать своего соперника по обладанію сердцемъ Алисы. Въ этомъ отношеніи онъ былъ доволенъ и недоволенъ—съ какой стороны посмотреть на дѣло.—Да, онъ можетъ поговорить за себя, сказалъ онъ Кэтъ по дорогѣ домой.

— О да, онъ умѣетъ говорить.

— И притомъ онъ говоритъ довольно умно, чего я никакъ не предполагалъ. Онъ необыкновенно красивъ.

— Я думала, что мужчины никогда не замѣчаютъ этого другъ въ другѣ.

— Я вижу это во всякомъ животномъ,—въ мужчинахъ, женщинахъ, лошадяхъ, собакахъ, и даже свиньяхъ. Я люблю смотреть на красивую вещь, я думаю, что это любятъ всѣ, которые сами дурны собою.

— И такъ, вы въ восторгѣ отъ Джона Грея?

— Нѣтъ. Я очень рѣдко восторгаюсь чѣмъ бы то ни было. Но онъ говоритъ такъ, какъ долженъ всегда говорить мужчина. Какъ онъ разбилъ моего дядю съ его актерами; а между тѣмъ, если мой дядя знаетъ что нибудь, такъ это о положеніи сцены двадцать лѣтъ тому назадъ.

За тѣмъ они ничего не говорили между собою о Джонѣ Греѣ, но Кэтъ слишкомъ хорошо знала своего брата, и потому похваламъ его не придавала никакого значенія. Джорджъ Вавазоръ говорилъ иногда съ увлеченьемъ и дѣлалъ это чаще всего съ своею сестрою, чѣмъ съ кѣмъ либо другимъ, но большею частью онъ говорилъ сухо и обдуманно.

На другой день, послѣ обыкновеннаго обѣда, въ заллѣ королевы Анны, Джонъ Грей пришелъ попрощаться съ своею невѣстой. Хотя онъ былъ постоянно вмѣстѣ съ Алисой въ продолженіе трехъ послѣднихъ дней, но онъ не сказалъ ни одного слова относительно дня ихъ свадьбы. Онъ постоянно, въ продолженіе цѣлыхъ часовъ, сидѣлъ съ нею одинъ, въ этой безобразной зеленой гостиной, но никогда не касался этого предмета. Онъ говорилъ ей много о Швейцаріи, которую она еще никогда не видѣла, но которую она знала хорошо; говорилъ о своемъ садѣ и домѣ, гдѣ она была только одинъ разъ съ своимъ отцомъ; говорилъ вообще о разныхъ предметахъ, не имѣющихъ прямаго отношенія къ ихъ дѣламъ, потому что мистеръ Грей умѣлъ поговорить; но до самой последней минуты онъ ничего не сказалъ о томъ, что такъ сильно интересовало его.

— Итакъ, Алиса, сказалъ онъ, когда наступилъ часъ разставанія,—въ какомъ же положеніи наши домашнія дѣла?

— Окончимъ сперва *иностранныя*.

— Мы вѣдь окончили,—не правда ли?

— Окончили ихъ... да мы еще не начинали.

— А мнѣ кажется, что мы уже сказали все, что было можно сказать. Можетъ быть, вы затрудняетесь дать мнѣ положительный отвѣтъ.

— Нисколько...

— Тогда почему же не опредѣлить? Развѣ боитесь пріѣхать ко мнѣ моей невѣстой?

— Нѣтъ. Я не думаю, чтобы вы раскаявались въ вашей добротѣ ко мнѣ?

— Къ чему же раскаяваться мнѣ въ томъ, что вы называете моею добротою. Я слышюмъ люблю васъ, мое сокровище! И онъ обнялъ ея талию, стоя у камина.—А если вы любите меня..

— Да, я люблю васъ.

— Тогда почему же вы не желаете пріѣхать ко мнѣ?

— Я думаю, что я желаю этого, но не теперь...

— Хорошо. Я не хочу торопить васъ. Теперь июнь. Назначьте, напримѣръ, половину сентября. У насъ останется еще нѣсколько славныхъ теплыхъ дней для поѣздки по озерамъ? Развѣ я прошу многого?

— Вы не просите ничего.

— Нѣтъ, я прошу, моя милая. Общайте мнѣ это, и я поклонюсь, что вы мнѣ дали все.

Она молчала, имѣя много сказать, но не зная, какъ выразиться. Теперь, когда онъ былъ съ нею, она не могла произнести ни одного слова, хотя нѣсколько разъ общала высказаться сполна. Она не могла рѣшиться намекнуть ему, что его взгляды на жизнь были до того противоположны ея взглядамъ, что не было никакой вѣроятности на взаимное счастье, если ктонибудь изъ нихъ не рѣшится уступить что либо въ пользу другаго. Никто не былъ такъ любезенъ въ обращеніи, какъ Джонъ Грей; никто не относился такъ рыцарски, какъ онъ къ женщинамъ; но онъ говорилъ и поступалъ всегда такъ рѣшительно, что не могло быть никакого сомнѣнія, что его образъ жизни будетъ обязательенъ и для его жены. Вотъ это-то она рѣшилась сказать ему сегодня, но теперь, когда онъ находился съ нею наединѣ, у нея не доставало мужества.

— Джонъ, сказала она наконецъ,—не торопите меня до моего возвращенія.

— Не тогда вы скажете, что осталось мало времени. Его действительно будет немного...

— Я не могу ответить вам теперь; въ самомъ дѣлѣ, не могу, т. е. я не могу вамъ ответить положительно. Это такая важная вещь.

— Развѣ она будетъ тогда менѣе важною, моя милая?

— Надѣюсь, что никогда.

Онъ не настаивалъ больше, но поцѣловалъ ее и простился.

ГЛАВА IV.

ДЖОРЖЪ ВАВАЗОРЪ, ДИКАРЬ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, никто не подумаетъ, что Джоржъ Вавазоръ бѣгалъ небритый въ лѣсахъ, или носилъ вмѣсто сюртука и панталонъ кожанное покрывало и сандалинъ, подобно Робинзону Крузе. Его дикость была совершенно другаго рода. Впрочемъ, что касается меня, я не знаю, былъ ли онъ на самомъ дѣлѣ дикаремъ, хотя леди Мэнлеодъ называла его такимъ и Алиса согласилась съ нею.

Джоржъ Вавазоръ жилъ въ Лондонѣ съ двадцати лѣтъ, а теперь ему было уже тридцать одинъ или тридцать два года. Онъ былъ прямымъ наследникомъ имѣнія своего дѣда, но имѣние это было невелико, и, когда Джоржъ Вавазоръ, въ первый разъ прїѣхалъ въ Лондонъ, отецъ его былъ сильный человѣкъ лѣтъ сорока, обѣщавшій жить такъ долго, какъ и его сынъ. Поэтому ему необходимо было найти какое нибудь занятіе, и онъ, съ помощію своего дяди, былъ помѣщенъ въ канцелярію парламентскаго агентства по дѣламъ землевладѣнія. Въ скоромъ времени онъ былъ уже на ногахъ съ этимъ агентомъ, но уже успѣлъ высказать столько способностей и сдѣлался до того необходимымъ дѣлу, что предъ нимъ открывалась впереди весьма выгодная карьера. Джоржъ Вавазоръ имѣлъ много пороковъ, но лѣнь, отчаянная лѣнь, не входила

въ число ихъ. Правда онъ отлагать поезда дѣла для удовольствій. Онъ часто просиживать въ ресторантахъ, когда ему слѣдовало быть въ канцелярш; но обшкловенно, онъ не валлся въ кровати, когда передъ нимъ лежала слѣнная работа и, спя за рабочимъ столомъ, не терялъ времени за невырѣемъ зубовъ или чистною ногтей. Вообще друзья были очень довольны его первыми пятью годами лондонской жизни, не смотря на то, что онъ не разъ запутывался въ значительныхъ долгахъ. Однако долги его были выплачены, и все шло хорошо, какъ вдругъ, однажды, онъ сшибъ съ ногъ парламентскаго агента ловкимъ ударомъ въ надъ-переносицу, и ихъ хорошія отношенія должны были прекратиться. Онъ хорошо зналъ, чѣмъ дѣло кончится, но утверждалъ что ему непременно надо было сшибить съ ногъ этого господина, который бы долженъ быть его товарищемъ по дѣлу, и что онъ вовсе не жаждетъ объ этомъ. Во всякомъ случаѣ, на этотъ поступокъ многіе взглянули одобрительно, и друзья Джоржа постарались найти ему другое мѣсто. Дѣйствительно, чрезъ шесть недѣль послѣ скандалознаго случая съ агентомъ, онъ сталъ пайщикомъ довольно известной торговой фирмы. Какал-то тетушка, именно въ это время, оставила ему тыщонки двѣ фунтовъ, которыя безъ всякаго сомнѣнія помогли ему стать въ хорошее отношеніе съ виноторговой компаніей. На этомъ мѣстѣ онъ пробылъ также около пяти лѣтъ, и, по мнѣнію его друзей, дѣла его шли очень недурно, однако не удовлетворяли его самого. Самолюбіе подстрекало его основать новую фирму, которая была бы первой торговой фирмой въ Лондонѣ, и онъ постоянно пугалъ своихъ компаньоновъ смѣлостью и шириною своихъ взглядовъ. Онъ самъ говоритъ, что если бы они рѣшились слѣдовать его совѣтамъ, то онъ сдѣлалъ бы ихъ первымъ домошъ на винномъ рынкѣ. Однако товарищи его имѣли менѣе смѣлости, чѣмъ онъ самъ, и отказывались исполнять его проекты. По окончаніи этихъ пяти лѣтъ, Джоржъ Вавазоръ оставилъ фирму, не поваливъ съ ногъ никого при этомъ удобномъ случаѣ и вынести съ собой довольно значительную сумму денегъ.

Последніе два года изъ этихъ пяти лѣтъ были, конечно, лучшимъ временемъ его жизни; онъ работалъ спльно, отло-

живъ въ сторону всѣхъ удовольствій, стнжавшій у него время, или раззорительныя въ денежномъ отношеніи. Онъ не ѣздилъ на скачки, не игралъ въ биллиардъ, о вечернихъ нарушквхъ отпывался, какъ о ребичествѣ, которое можно онъ бросить, переставъ быть ребенкомъ. Въ эти-то два послѣдніе года и случилась его любовная исторія съ Алисою, и можно предположить, что онъ рѣшился вести распутную жизнь и совершенно устроиться осѣдлымъ человекомъ. Онъ однако велъ себя очень дурно съ Алисою, и отношенія ихъ были прерваны.

Въ эти послѣдніе два года онъ также поссорился съ своимъ дѣдомъ; ему хотѣлось достать известную сумму денегъ подъ залогъ имѣнія, но такъ какъ оно было нераздѣльное, то онъ не могъ сдѣлать этого безъ согласія своего дѣда. Старикъ не хотѣлъ и слушать. Напрасно Джоржъ старался убѣдить стараго сквайра, что винное дѣло шло превосходно, и что онъ самъ не былъ долженъ рѣшительно никому, что все, за что онъ брался, процвѣтало подъ его руками; но что дѣла его можно расширить до безконечности, получивъ нѣсколько тысячъ фунтовъ подъ умѣренные проценты. Старый Вавазоръ былъ неумолимъ. До мозга костей онъ былъ проникнутъ тѣмъ убѣжденіемъ, что торговая фирма и самое дѣло его внука были раззорены. Никто, кромѣ раззореннаго человека, не рѣшится занимать деньги подъ родовое помѣстье! Такимъ образомъ съ тѣхъ поръ они поссорились, никогда не видѣлись и не говорили другъ съ другомъ.

— Онъ получилъ это имѣніе пожизненно, говорилъ старый сквайръ своему сыну Джону. Я не думаю, чтобы я имѣлъ право лишить его этой доли. Она никогда не передавалась никому другому, кромѣ наследника. Но я свяжу его такъ, что онъ не срубить на немъ ни одного дерева. Можетъ быть, при этомъ Джонъ Вавазоръ полагалъ, что старое правило первородства могло бы быть обойдено при подобныхъ обстоятельствахъ въ его пользу. Однако, онъ не сказалъ этого. Онъ не сказалъ бы этого даже и въ томъ случаѣ, если бы можно было рассчитывать на несомнѣнный успѣхъ. Послѣ этого Джоржъ Вавазоръ сдѣлался биржевымъ агентомъ, и остался имъ по настоящее время. Въ первый годъ, по прекращеніи его дѣла съ винно-торговой компаніей (въ этотъ же годъ прекратилась

его отношенія и съ Алисой), онъ значительно упалъ въ общемъ мнѣнїи. Многие даже думали, что онъ, растративъ деньги, быстро шелъ къ гибели. Тетуска Мэлейодъ составила о немъ мнѣнїе именно въ этомъ періодѣ его жизни, считая его человѣкомъ пронацимъ. Но вдругъ онъ снова взялся за дѣло, ежедневно сталъ являться въ Сити и, въ продолженіе двухъ послѣднихъ лѣтъ, приобрѣлъ себѣ репутацію ловкаго и дѣловаго малаго.

Въ то же время онъ предложилъ себя въ члены парламента отъ Чельси, ставъ на сторонѣ радикальной партїи. Правда, ему не удалось это, онъ оборвался, истративъ значительную сумму денегъ на выборы.

— Откуда это вашъ племянникъ добываетъ деньги, спрашивали знакомые Джона Вавазора въ его клубѣ?

— Честное слово, не знаю, говорилъ Вавазоръ. Отъ меня онъ не получаетъ ничего, отъ моего отца тоже.

Но хотя Джоржу Вавазору не удалось попасть въ члены за Чельси, однако онъ не совершенно бесполезно потратилъ деньги. Онъ приобрѣлъ известную репутацію въ этой борьбѣ, и о немъ говорили, какъ о человѣкѣ очень способномъ. Онъ былъ биржевымъ агентомъ, крайнимъ радикаломъ, будучи въ то же время наслѣдникомъ хорошаго помѣстья, переходившаго въ продолженіе четырехъ сотъ лѣтъ отъ отца къ сыну. Было что-то увлекательное въ его жизни и приключенїяхъ, тѣмъ болѣе, что именно во время выборовъ онъ былъ помолвленъ за какую-то наслѣдницу, которая умерла за мѣсяць до свадьбы. Она умерла безъ завѣщанья, и все ея состоянїе перешло къ какому-то троюроднымъ братьямъ.

Джоржъ Вавазоръ твердо перенесъ этотъ послѣднїй ударъ и совершенно примирился съ Алисой. Они встрѣчались еще и до этого, и Алиса, по настоянїю своей двоюродной сестры Кэтъ, уговорила своего отца пригласить его. Сначала они были довольно холодны, но Алисѣ очень понравилось его поведеніе на выборахъ въ Чельси. Вѣдь это было благородно съ его стороны, не правда ли? говорила Кэтъ съ слезами на глазахъ.—Это было очень остроумно, сказала Алиса.—Если бы вы знали все, вы согласились бы со мною. Онъ не могъ найти никого противопоставить ему, кромѣ этого мистера Тре-

верса, а онъ не рѣшался выступить до тѣхъ поръ, пока ему не гарантировали всѣхъ издержекъ. — Надѣюсь, что это не стоило слишкомъ много Джоржу, сказала Алиса. — Нѣтъ, онъ потерялъ почти все, что у него было. Но что за дѣло? Деньги для него ничто, ему важно только употребленіе ихъ. Мое собственное маленькое состояніе теперь въ моихъ рукахъ, и я отдала бы ему послѣдній фарсингъ на слѣдующіе выборы, даже если бы мнѣ пришлось идти въ служанки на другой день. Было же что нибудь чарующее въ Джоржѣ Вавзорѣ, иначе не отдалась бы ему съ такимъ самоотверженіемъ такая дѣвушка, какъ сестра Кэтъ.

Рано, нынѣшнею весною, еще до приготовленій швейцарской поѣздки, Джоржъ Вавзоръ говорилъ съ Алисою о своемъ бракѣ, который былъ разстроенъ смертью невѣсты. Она сидѣла однажды вечеромъ съ своимъ двоюроднымъ братомъ въ ихъ гостиной, въ улицѣ королевы Анны, ожидая Кэтъ, которая должна была заѣхать къ нимъ. Можетъ быть, братъ намекнулъ Кэтъ, чтобы она пріѣхала попозже, во всякомъ случаѣ они уже съ часъ сидѣли вмѣстѣ, и разговоръ постоянно шелъ о самомъ Джоржѣ. Онъ поздравилъ Алису съ помолвкой съ мистеромъ Греемъ, о которой онъ только-что узналъ, и началъ за тѣмъ говорить о неудавшемся собственномъ бракѣ.

— Я очень жалѣлъ ее, сказалъ онъ.

— Я увѣрена, что вы жалѣли ее, Джоржъ.

— Да, я жалѣлъ ее, — жалѣлъ, какъ невѣсту, хотя люди по обыкновенію истолковали мое чувство такъ, что будто я жалѣлъ о потерѣ ея состоянія. Впрочемъ, говоря откровенно, гораздо лучше, что мы не обвѣнчались.

— Вы полагаете, даже если бы она осталась жива?

— Да, если бы она даже осталась жива.

— Почему же? Если бы вы любили ее, тогда состояніе ея не могло бы быть препятствіемъ.

— Конечно, нѣтъ, если бы я любилъ ее.

— А развѣ вы не любили ее?

— Нѣтъ.

— Джоржъ!

— Я не былъ привязанъ къ ней, какъ человѣкъ долженъ быть привязанъ къ своей женѣ, если вы подразумѣваете это. Что же касается до любви къ ней, то я любилъ ее очень сильно.

— Но вы бы привязались къ ней?

— Не знаю. Вѣдь это не такъ легко. Можетъ быть, я сумѣлъ бы быть спокойно-равнодушнымъ мужемъ.

— Если такъ, то, конечно, лучше для васъ, и лучше для ней, что она умерла.

— Лучше, я увѣренъ въ этомъ. А между тѣмъ я жалѣю ее и, думая о ней, я почти чувствую, что какъ будто я виновать въ ея смерти.

— А она никогда не подозрѣвала, что вы не любите ее.

— Нѣтъ. Она обыкновенно не думала объ этомъ. Она считала все это дѣломъ рѣшеннымъ. Бѣдная дѣвушка! Она успокоилась теперь, и деньги ея пошли туда, куда должны были идти, къ ея родственникамъ.

— Да, съ подобными чувствами къ ней, какъ ваши, состояніе ея было бы обузой для васъ?

— Я не взялъ бы его. Увѣряю, по крайней мѣрѣ, что я не взялъ отъ нея ни одного пенни. Деньги, сильное искушеніе, особенно для бѣднаго человѣка, какъ я. Къ счастью это искушеніе миновало меня.

— Но вы вовсе не такой бѣдный человѣкъ, не правда-ли, Джорджъ? Я думала, что ваше предпріятіе идетъ хорошо?

— Да, оно идетъ хорошо, и я не имѣю права называть себя бѣднымъ. Но человѣкъ, предпринимающій такія сумасбродныя вещи, какъ я, всегда будетъ бѣденъ. У меня было чистыхъ три или четыре тысячи фунтовъ, и я издержалъ ихъ до послѣдняго шиллинга на выборахъ въ Челси. Богъ знаетъ, будетъ-ли у меня хотя шиллингъ, когда представится другой случай; но если будетъ, то я конечно не задумаюсь потратить его; если же не будетъ, то я войду въ долги, занявъ, гдѣ будетъ возможно, хотя сто фунтовъ.

— Надѣюсь, что выборы удадутся вамъ наконецъ.

— Я увѣренъ, что когда нибудь удадутся. Но, въ то же время, я очень хорошо знаю, что вся карьера моя совершенно испорчена. Никакая женщина не должна соединять свою

судьбу съ моею, не чувствуя въ себѣ столько храбрости, чтобы быть такою же отчаянною, какъ я. Вы знаете, чего только не дѣлаютъ люди, которые бьются изъ-за каждаго шиллинга?

— Да, я думаю, что знаю.

— Я бьюсь ежедневно за каждый шиллингъ, который попадетъ въ мои руки.

— Вы хотите сказать этимъ, что вы играете?

— Нѣтъ, я совершенно оставилъ игру. Я игралъ когда-то, но никогда не играю теперь, и никогда не стану играть. Я подозрѣваю вотъ что, — что я готовъ каждую минуту рѣшиться на что угодно, чтобы достигнуть своихъ цѣлей. Я всегда готовъ идти, очертя голову. Вотъ что я называю биться каждый день изъ за каждаго шиллинга.

Алиса не совсѣмъ помняла его, да, можетъ быть, онъ и хотѣлъ того, чтобы она не помняла его. Можетъ быть, цѣлью его было занять ея воображенію. Она не понимала его, но я увѣренъ, что она удивлялась его нравственной отвагѣ и мужеству. И онъ ясно доказалъ твердость своего характера на послѣднихъ выборахъ. Говоря съ своей сестрою о красотѣ Грея, онъ сказалъ о самомъ себѣ, что онъ очень дурень. Впрочемъ, вообще женщины не могли бы назвать его дурнымъ, если бы одна половина его лица не была бы страшно изуродована огромнымъ рубцомъ, оставившимъ темную, зубчатую черту, отъ его лѣваго глаза до нижней челюсти. Этотъ черный рубецъ, врѣзанный въ его щеку, былъ конечно уродливъ. Въ припадкахъ злости или раздраженія онъ такъ морщилъ свое лице, что рубецъ какъ будто вытягивался, и вся физиономія его становилась отвратительною. — «Онъ смотрѣлъ, точно дьяволъ, обративъ свой черный рубецъ на меня», сказала сквайръ Джонъ Вавазору, описывая ему свиданіе, когда внукъ старался убѣдить своего дѣда относительно заклада имѣнія. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ лице Джоржа не было уродливо, и могло показаться даже красивымъ многимъ женщинамъ. Что же касается рубца, исторія его была слѣдующая. Будучи еще просто мальчикомъ, еще до пріѣзда въ Лондонъ, онъ жилъ въ деревнѣ, въ домѣ, занимаемомъ его отцомъ. Отца его не было дома, и онъ оставался одинъ съ своею сестрою и горничными. Въ комнатѣ его сестры было нѣсколько золо-

тыхъ вещей, преувеличенные слухи о которыхъ дошли до ка-
кихъ-то весьма предприимчивыхъ воровъ; тотчасъ составилъ
планъ, чтобы украсть ихъ. Маленькій мальчикъ былъ спря-
танъ въ домъ, открылъ окошко, и въ поздній часъ, ночью,
здоровый малый влѣзъ на верхъ, и былъ уже у дверей Кэтъ
Вавазоръ, — какъ вдругъ въ темнотѣ, одѣтый только въ ноч-
ную рубашку, и совершенно безоружный, Джоржъ ухватилъ во-
ра за горло. Прошло два часа, прежде чѣмъ испуганныя жен-
щины могли собрать людей. Лице Джоржа было разсѣчено отъ
глаза до низу какимъ-то долотомъ или отмычкою. Но воръ
былъ мертвъ. Джоржъ вырвалъ у него его собственное орудіе,
и, нанеши нѣсколько незначительныхъ ударовъ, наконецъ ра-
нилъ его въ дыхательное горло. Маленькій мальчикъ спасся,
унесши съ собою два шиллинга и три пенса, которые Кэтъ
оставила на каминѣ въ гостиной. Джоржъ Вавазоръ былъ не-
высокаго роста, но хорошо сложенъ, съ маленькими руками
и ногами, но съ широкою грудью и крѣпкими бедрами. Онъ
былъ отличный и неутомимый ѣздокъ, и люди, знавшіе его хо-
рошо, говорили, что онъ фехтуетъ и стрѣляетъ изъ пистоле-
та, какъ немногіе въ наши мирные дни. Съ тѣхъ поръ, какъ
вошло въ моду волонтерство, онъ сдѣлался капитаномъ-волон-
теромъ, и выигрывалъ призы своею винтовкою въ Винбледонѣ.

Вотъ какова была жизнь Джоржа Вавазора, и вотъ каковъ
былъ его характеръ и его наружность. Какъ теперь, такъ и
всегда, онъ жилъ въ Лондонѣ одинъ; но именно въ это время
у него часто бывала его сестра, гостившая въ то время въ
городѣ съ теткою, тоже урожденною Вавазоръ, и съ которою
читатель, если онъ будетъ достаточно терпѣливъ, познакомитъ-
ся далѣе. Надѣюсь, что онъ будетъ нѣсколько терпѣливъ,
потому что изъ всѣхъ Вавазоровъ, по всей вѣроятности, болѣе
другихъ стоитъ знакомства мистрисъ Гриноу. Обыкновенное же
мѣстопробываніе Кэтъ Вавазоръ было въ домѣ ея дяди въ Вест-
морлиндѣ.

Въ одинъ вечеръ, передъ ихъ отъѣздомъ въ Швейцарію,
Джоржъ и Кэтъ шли изъ улицы королевы Анны, гдѣ они обѣ-
дали съ Алисою, къ дому мистрисъ Гриноу. Все уже было
рѣшено относительно багажа, времени отъѣзда и маршрута
ихъ первыхъ дней, и общая казна передана Джоржу. Прочи-

тали ту часть письма мистера Грея, гдѣ говорилось о лѣсныхъ кувиморахъ и стаканахъ воды, и все шло какъ нельзя лучше.—Я постараюсь добывать холодную воду для васъ, ска- залъ Джоржъ; что же касается завтраковъ, то надѣюсь, что вы не станете слишкомъ мучить меня, вставая изъ за стола слишкомъ рано. Когда ѣздить для удовольствія, пусть же это и остается удовольствіемъ?

Братъ и сестра молча прошли двѣ или три улицы, когда Кэтъ вдругъ спросила.

— Джоржъ, я удивляюсь, въ чемъ состоятъ собственно ва- шие желанія относительно Аlices?

— Чтобы во время нашей поѣздки она не требовала слиш- комъ раннѣе завтраковъ.

— Это значитъ конечно, чтобы я держала языкъ за зубами?

— Нѣтъ, не значитъ.

— Тогда это значитъ, что вы желаете держать свой?

— Нѣтъ, и не то.

— Тогда, что же это значитъ?

— Что у меня нѣтъ желанія связать желаній въ этомъ от- ношеніи. Если всякое сомнѣніе она найдеть за этого Дюна Грея, и тогда мы уже не услышимъ ни слова о ней?

— Выдѣсь безъ всякаго сомнѣнія, если вы не въѣздаетесь. Но всей вероятности найдеть, зашпатель-ли вы, или нѣтъ. Не если бы вы желали въѣздаться...

— У ней теперь четыреста фунтовъ въ годъ, и она те- перь совсѣмъ не такъ хороша, какъ прежде?

— Да, у ней теперь четыреста фунтовъ и она красивѣе, чѣмъ когда-либо. Я знаю, что и вы такъ думаете и любите ее, и не любите никто больше, какъ ее.

— Предоставляю вамъ судить объ этомъ, какъ знаете. Что касается меня, я люблю только двухъ людей въ мірѣ: ее и васъ. Если вы хотите попробовать когда либо, то пробуйте теперь.

ГЛАВА V.

БАЛКОНЪ ВЪ БАЗИЛЬ.

Я не стану описывать путешествіе семейства Вавазоръ по Швейцаріи. Не возьму я этого грѣха на душу передъ моими читателями. *Шестъ недель съ Бернонскихъ альпъ*... едва ли подобное описаніе имѣло бы въ настоящую минуту успѣхъ въ литературномъ мірѣ; и я поступилъ бы недобросовѣстно, еслибъ сталъ навязывать публикѣ подобнаго рода чтеніе на страницахъ романа. Правда я, только-что вернулся изъ Швейцаріи и мнѣ было бы какъ нельзя сподручнѣе писать въ этомъ родѣ. Но, какъ ни сильно искушеніе, а я все-таки не поддамся ему. Нѣтъ такого человека на свѣтѣ, будь онъ мужчиной или женщиной, которому еще было бы любопытно узнать что нибудь о Гримзелѣ или Гемми. Лодгетъ-Гиль имѣетъ въ наши дни гораздо болѣе интереса, чѣмъ Юнгерау.

Семейство Вавазоръ путешествовало со всѣми удобствами, не торопясь. Цѣлью его поѣдки, какъ выразился Джоржъ, было удовольствіе, а не трудъ. Они прямо отправились въ Интерлакенъ, а потомъ продолжали странствовать между этимъ озеромъ, Гриндельвальдомъ и Лаутербрунненомъ. Приятно было Джоржу сидѣть гдѣ нибудь на скамьѣ, подъ открытымъ небомъ, и глядѣть съ сигарою въ зубахъ на горы; а Алисъ и Кэти, казалось, было любо оставаться съ нимъ. Сбылось не одно пророчество мистера Грея. Обѣ дѣвушки, вмѣсто того чтобы имѣть его своимъ рабомъ, были его покорнѣйшими слугами.

— Какъ много думаютъ о себѣ эти господа, пріѣжающіе въ Альпы съ своими клубами, замѣтилъ онъ въ одну изъ подобныхъ минутъ,—и какъ глубоко они презираютъ то наслажденіе, которое я испытываю въ горахъ. Но они ошибаются.

— Я не вижу, почему бы каждый изъ васъ не былъ, по своему праву, сказала Алиса.

— Но они ошибаются, продолжалъ онъ. Они отнимаютъ у горъ поэзію, въ которой заключается, или должна была бы заключаться ихъ величайшая прелесть. Монъ-Бланъ теряетъ всю свою таинственность для человѣка, который взбирался на него нѣсколько разъ. Это все равно, что заглядывать за кулисы во время балета, или требовать у фокусника объясненій его чудесъ.

— Но развѣ ты ни во что ставишь движеніе? спросила Кэтъ.

— Да, движеніе сильное дѣло: но вопросъ не въ этомъ.

— Къ тому же всѣ они гербаризируютъ, проговорила Алиса.

— Этого я не думаю. Я думаю, что большая часть изъ нихъ просто на просто взбирается на гору и потомъ спускается. Но положимъ, что они дѣйствительно гербаризируютъ; все же это вопросъ, къ дѣлу неидущій. Горы утрачиваютъ всю свою поэзію и таинственность для того, кто близко знакомится съ ихъ подробностями, хотя бы это знакомство и приносило полезные результаты. Въ нашемъ мірѣ прекрасное только потому и прекрасно, что его не совсѣмъ ясно видятъ, или не вполне постигаютъ. Величайшее достоинство поэзій заключается въ томъ, что она больше намекаетъ, чѣмъ прямо высказываетъ. Посмотрите туда, за эту долину, гдѣ еще виднѣется въ отдаленіи эта небольшая вершина, замыкающая перспективу. Не мечтаете ли вамъ о томъ прекрасномъ, невѣдомомъ мірѣ, который лежитъ на тѣхъ высотахъ, прекрасномъ, какъ самое небо, думаете вы, потому что вы ничего не знаете о дѣйствительности? Положимъ, что вы завтра же побываете тамъ и вернетесь назадъ: думаете ли вы, что по возвращеніи этотъ видъ будетъ вамъ казаться равно прекраснымъ?

— Думаю, что да, отвѣчала Алиса.

— Въ такомъ случаѣ въ васъ нѣтъ поэзій. Я же — я весь поэзія. Тутъ онѣ начали смѣяться надъ нимъ, и имъ было очень весело.

Мнѣ кажется, что мистера Грей былъ правъ, сдѣлавъ на письмо Алисы именно такъ, а не иначе; но думаю, что и леди Мэклеодъ была права, замѣтивъ, что Алисѣ не слѣдовало бы ѣхать въ Швейцарію въ обществѣ Джоржа Вавазора. Между ними возникла извѣстнаго рода короткость, которая, будь она извѣстна во всѣхъ своихъ проявленіяхъ мистеру Грею, пришлось бы ему не по сердцу, хотя и не было сказано ни одного слова, которое, само по себѣ, могло бы возбудить его неудовольствіе. Въ первыя недѣли путешествія не было сказано ни одного слова, которое могло бы возбудить его неудовольствіе, но позднѣе, когда стало приближаться время ихъ возвращенія, когда счастью ихъ почти уже настать конецъ и имъ начало ~~охлаждать~~ ~~то~~ ~~кружное~~ ~~чувство~~, съ которымъ, обыкновенно доживаешь послѣдніе часы весело проведеннаго времени, тогда въ ихъ рѣчи стала вкрадываться небывалая нѣжность, прорывались воспоминанія о прежнихъ дняхъ, дѣлались намеки, которые не слѣдь бы было дѣлать.

Въ это время Алиса была очень счастлива: быть можетъ, она была счастливѣе, оставаясь вмѣстѣ съ Кэтъ, покорнѣйшею слугою Кузена Джоржа, и исполняя всѣ его причуды, чѣмъ если бы въ качествѣ раба таскала его всюду за собою. Онъ молча согласился съ Кэтъ баловать его всевозможными удобствами, а дѣвушкамъ всегда пріятнѣе баловать одного какого нибудь мужчину, чѣмъ быть предметомъ всевозможныхъ угожденій мужчины. Онъ же принималъ все это очень мило: онъ требовалъ многое, но не требовалъ ничего непріятнаго. Онъ постоянно умѣлъ быть пріятнымъ собесѣдникомъ, не дѣлая надъ собою, какъ казалось Алисѣ, ни малѣйшаго усилія. Но какъ мужчинамъ, такъ и женщинамъ, рѣдко успѣваютъ выказать себя съ лучшей стороны, не дѣлая при этомъ ни малѣйшаго усилія. Правда, самое усиліе бываетъ пріятно, если дѣлающему дорогъ виновникъ его и, сдѣланное искусно, оно остается незамѣченнымъ; но тѣмъ не менѣе усиліе существуетъ. Джоржъ Вавазоръ выбивался въ настоящемъ случаѣ изъ силъ, чтобы поправиться своей мушкетерской.

Однажды вечеромъ они сидѣли въ Базелѣ на балконѣ огромной гостиницы, которая выходитъ на Рейнъ. Эта огромная

гостиница постольку биткомъ набита туристами, начинаю-щими тамъ окончательными процедурами странствованія по Швейцаріи. Балконъ идетъ во всю длину дома, и доступъ къ нему прямо открытъ для всѣхъ; но онъ очень великъ и на немъ, какъ всегда лучше, можно расположиться своимъ замкнутымъ кружкомъ. Внизу течетъ быстрый, широкій Рейнъ, вырывавшій изъ-подъ моста, который въ этомъ мѣстѣ перешагиваетъ черезъ рѣку; отъ времени до времени въ лѣтніе вечера доносится громкія восклицанія могучихъ плывцовъ, которые пользуются быстротою потока, чтобы выкачать свое искусство. Наше маленькое общество сидѣло въ сторонѣ отъ другихъ, на концѣ балкона; передъ ними на столикѣ стоялъ кофе; у Джоржа по обыкновенію была сигара въ зубахъ.

— Ну вотъ почти и конецъ нашему празднику, проговорилъ онъ, нарушая молчаніе, длившееся нѣсколько минутъ.

— А праздникъ, я нахожу, положительно удался, замѣтила Кэтъ.—Только вотъ въ демежномъ отношеніи... я раззорилась на вѣки.

— Объ этомъ не безпокойся; я пожалуй твой копелекъ, сказала Джоржъ.

— Гдѣ тебѣ возмолить! вскричала Кэтъ.—Я раззорена, а ты и того пуще. Но что за бѣда! Право, не бездѣлица счастье провать на своемъ вѣку катъ шесть педѣль, а наше раззореніе свазывается въ сущности отличной спекуляціей. Что ты скажешь на это Алиса? Не находишь ли ты, что мы славно распорядились?

— Я знаю, что мы распорядились, какъ нельзя лучше. Мнѣ было чудно какъ весело.

— А теперь тебѣ предстоитъ возвратиться домой въ Кембриджъ-шайръ къ Джону Грею. Какъ тутъ не смотрѣть педальною.

Такова была мысль, мелькнувшая у Кэтъ въ головѣ, но она не высказала ея въ настоящую минуту.

— Вотъ это мило съ твоей стороны, сказала Кэтъ. Не правда ли, Джоржъ? Люблю я людей, которые отъ души расточаютъ вамъ похвалы.

— Но вѣдь это щедрое одобрение относится ко мнѣ самой.

— Пусть такъ; я люблю, чтобы человекъ и самого-то себя хвалилъ отъ души, продолжала Кэтъ.—Это, впрочемъ, еще не значить, чтобы мы съ Джоржемъ были благодарны за комплиментъ. Мы готовы съ своей стороны допустить, что почти всѣмъ обязаны тебѣ. Не такъ ли, Джоржъ?

— Что до меня касается, то положительно нѣтъ, отвѣчалъ Джоржъ.

— Ну такъ я, по крайней мѣрѣ, съ своей стороны признаю это и ожидаю, чтобы и мнѣ въ отплату сказали какуюнибудь любезность. Ну, скажи, Алиса, была ли я хоть разъ капризна?

— Нѣтъ, я этого не нахожу. Да ты никогда и не бываешь капризна; за то ты часто бываешь свирѣпа.

— Но я даже ни разу не была свирѣпа, и Джоржъ тоже ни разу.

— Онъ былъ бы неблагодарнѣйшимъ изъ смертныхъ, если бы вздумалъ быть свирѣпымъ. Во все время нашего путешествія мы только тѣмъ и занимались, что представляли передъ нимъ въ дѣйствиіи карикатуру «Понча», изображающую молодого человека въ Еддо, окруженнаго цѣлою дюжиною прислуживающихъ дамъ.

— А вотъ теперь ему предстоитъ возвратиться на свою квартиру и прислуживать себѣ самому. Бѣдняжка! Мнѣ, право, жаль тебя, Джоржъ.

— Не правда! Ни тебѣ, ни Алисѣ меня не жаль. Я убѣжденъ, что всѣ дѣвушки воображаютъ, что жизнь холостаго человека въ Лондонѣ просто рай. И потому именно, что онѣ такъ думаютъ, онѣ и стараются извлечь человека изъ этого блаженнаго состоянія.

— Итакъ, если мы желаемъ выйти замужъ, то нами руководить не любовь, а зависть, проговорила Кэтъ.

— Всего чаще вами руководить чортъ, не въ томъ, такъ въ другомъ видѣ, отвѣчалъ онъ.—Мужчина же, вступая въ бракъ, всегда смотритъ на женитбу, какъ на несчастіе.

— Не всегда, замѣтила Кэтъ.

— Въ большей части случаевъ. Онъ женится такъ же, какъ принимаетъ лекарство, въ избѣжаніе еще большаго зла. Никому неприятно дергать себѣ зубъ, а между тѣмъ всѣ дергаютъ себѣ зубы; тѣ же, которые слишкомъ медлятъ этой операціей, подвергаются большимъ неприятностямъ.

— Люблю я философію Джоржа, проговорила Кэтъ, вставая съ своего стула.—Все въ ней такъ рѣзко, она имѣетъ такой пріятный, острый вкусъ, а въ сущности, всѣ мы знаемъ, что она не имѣетъ ровно никакого значенія. Алиса, я иду на верхъ укладывать остальные наши вещи.

— Я пойду съ тобою, моя милая.

— Нѣтъ, не ходи. Вѣдь сказать правду, я отправляюсь только въ комнату вотъ этого человѣка, который не сумѣетъ уложить своихъ вещей по людски. Мы съ тобою, конечно, уложимся позднѣе, когда уйдемъ къ себѣ на ночь. Все, что вы разбросаете сегодня вечеромъ, мистеръ Джоржъ, вы должны будете сами уложить завтра утромъ, потому что я, ручаюсь, не приду къ вамъ въ комнату въ пять часовъ утра.

— Ужь какъ я ни люблю эти хлопоты, начинающіяся до зари! проговорилъ Джоржъ.

— Черезъ минуту я вернусь, сказала Кэтъ.—Тогда мы пройдемъ по мосту и отправимся спать.

Алиса и Джоржъ остались на балконѣ вдвоемъ. Случалось имъ и прежде во время этой поѣздки много разъ оставаться вдвоемъ; но оба они чувствовали, что эта минута была совсѣмъ не похожа на другіе моменты ихъ путешествія. Было въ ней для обоихъ что-то такое сладостное, невыразимое и страшное. Алиса поняла, что лучше бы для нея было уйти вмѣстѣ съ Кэтъ на верхъ. Но отвѣтъ Кэтъ былъ такого рода, что если бы она ушла послѣ него, то дала бы поводъ думать, что имѣла на то особыя причины. Съ какой стати было ей показывать, что онѣ у нея дѣйствительно есть? Да и съ какой стати было ей имѣть ихъ?

Алиса сидѣла на самомъ концѣ балкона; стулъ Кэтъ помѣщался въ углу у ея ногъ. Когда Алиса и Кэтъ расположились на балконѣ, слуга вынесъ имъ небольшой столикъ для чашекъ

съ кофѣ, и Джоржъ уѣхалъ по другую сторону этого столика. Такимъ образомъ Алиса окутилась, такъ сказать, цѣпнищей. Она не могла уйдти незамѣченной и должна была, вставая, причинить нѣкоторое расстройство; ей надо было попросить Джоржа пропустить ее. Но чѣмъ ей было нехорошо? за чѣмъ было ей уходить? Ничто не могло сравниться съ очаровательнымъ зрѣлищемъ, которое было у нея передъ глазами. Ночь успѣла уже спуститься на землю быстрымъ, но незамѣтнымъ пометомъ, какъ это обыкновенно бываетъ въ тѣхъ странахъ. Сумерки въ этихъ краяхъ бываютъ далеко не такъ продолжительны, какъ у насъ, сѣверянъ. Ночь настала, но мѣсяцъ уже взошелъ, и его свѣта было ровно на столько достаточно, чтобы посеребрить воды, надъ которыми онъ вставалъ. Воздухъ былъ восхитительно мягокъ, тою мягкостью, которая не вызываетъ ощущенія ни тепла, ни холода, но какъ будто скользить по васъ нѣжнымъ прикосновеніемъ, какъ будто незримые воздушные духи, прилетая, ласкаютъ васъ по лицу своими крыльями. Рейнъ протекаетъ у ея ногъ такъ близко, что въ этомъ мягкомъ полусвѣтѣ, казалось, довольно ей одного шага, чтобы спуститься въ его рябь. Рейнъ бѣжалъ съ тѣмъ восхитительнымъ звукомъ быстро текущихъ водъ, тѣмъ свѣжимъ и освежающимъ рѣчнымъ журчаньемъ, которому ухо всегда внимаетъ съ наслажденіемъ. Говорите ли вы, оно отнимаетъ рѣзкость у нашего голоса, дѣлаетъ его слышнымъ только для двоихъ, облегчаетъ положеніе говорящаго и слушающаго. Дремлетъ ли вамъ, оно поетъ вамъ тихую колыбельную пѣсню. Если вы одни и желаете собраться съ мыслями, оно помогаетъ вамъ думать. Если же вы одни и, увы! не хотите думать, если думать для васъ слишкомъ тяжело, оно разсѣетъ вашу печаль и дастъ вамъ то утѣшеніе, которое одна музыка въ состояніи дать. Алиса чувствовала на лицѣ своемъ ласковое вѣяніе вѣтерка; чувствовала, что рѣка поетъ для нея свои лучшія мелодіи; что мѣсяцъ свѣтитъ для нея самымъ мягкимъ своимъ свѣтомъ, тѣмъ свѣтомъ, который придаетъ поэзію и какую-то полутуманную красоту каждому предмету, на который онъ падаетъ. За чѣмъ было ей уходить?

Нѣсколько минутъ, по уходѣ Кэтъ, длилось молчаніе, и Алиса

начинала освобождаться от того полупредчувствия опасности, которое было ею овладѣло. Вавазоръ сидѣлъ, откинувшись на своемъ стулѣ, прислонясь спицею къ стѣнѣ дома и поставилъ ноги на скамейку; руки были у него скрещены на груди и онъ казался занятъ на половину своими мыслями, на половину своей сигарой. Алиса глядѣла на рѣку и мысли уносились въ тотъ уголокъ земли, гдѣ разрослись клумбы и бустарники Джона Грея, и который долженъ былъ сдѣлаться ея домомъ; но рѣка, напѣвавшая ей такія сладостныя пѣсни, напѣвала ей, казалось, совсѣмъ о другомъ; то была загадочная пѣсня, какъ и всѣ рѣчныя пѣсни, когда начнемъ разбирать ихъ слова.

— Когда ваша свадьба, Алиса? спросилъ наконецъ Джоржъ.

— О Джоржъ! воскликнула она. Что за вопросъ? точно вы мнѣ надъ самымъ ухомъ выстрѣлили изъ пистолета.

— Душевно сожалью, что предложилъ вамъ непріятный вопросъ.

— Но я не говорила, что онъ непріятный, только вышла онъ такъ неожиданно. Именно въ эту минуту я не предполагала, что вы заговорите: а, кажется, была въ раздумьи.

— И такъ, если вопросъ не непріятенъ, позвольте узнать, когда же свадьба?

— Не знаю. Это еще не рѣшено.

— Но я хочу узнать ея приблизительный срокъ. Нынѣшнимъ лѣтомъ, что ли?

— Ужь никакъ не нынѣшнимъ лѣтомъ, потому что оно кончится къ тому времени, когда мы вернемся домой.

— Такъ нынѣшней зимой? Или будущей весной? Быть можетъ на будущій годъ? Или черезъ десять лѣтъ?

— Полагаю, что не черезъ десять лѣтъ, а скорѣе. Болѣе точнаго отвѣта я не могу вамъ дать.

— Вамъ, конечно, все это нравится? продолжалъ онъ допрашивать.

— Замужь-то выходить нравится? Не знаю, вѣдь я еще ни разу не пробовала.

— Да, но мысль о замужествѣ, ожиданіе его... Вамъ конечно улыбается перспектива того образа жизни, который ожидаетъ васъ въ Недеркотсѣ? Пожа-луйста, не подумайте, чтобы я хотѣлъ чтонибудь сказать противъ него; я понятія не имѣю, что это за мѣсто, этотъ Недеркотсѣ. Говоря вообще, я не могу представить себѣ ничего пріятнѣе того образа жизни, который англійскій джентльменъ-помѣщикъ ведетъ у себя дома, если только онъ имѣетъ средства поддержать свой домъ, а не прозябаетъ, подобно сквайру стариннаго покроя, въ состояніи хронической бѣдности.

— Дача мистера Грея не даетъ ему права называться джентльменомъ-помѣщикомъ.

— Но вы все-таки съ удовольствіемъ идете на встрѣчу той жизни, которая васъ тамъ ожидаетъ?

— О Джоржъ! Что вамъ за охота приставать съ разпросами! Само собой разумѣется съ удовольствіемъ; иначе я бы не пошла.

— Ну, одно еще вовсе не слѣдуетъ изъ другаго. Но я вполнѣ сознаюсь, что не имѣю права васъ допрашивать. Если бы даже я въ былыя времена и имѣлъ это право, какъ кузень, то я утратилъ его, какъ... Ну, да что объ этомъ говорить; вѣдь не правда ли, лучше не трогать этого, Алиса?

Она было промолчала на этотъ вопросъ, но онъ снова спросилъ: вѣдь, не правда ли, лучше этого не трогать, Алиса?

— Не трогать чего?

— Воспоминаній прошлаго.

— Къ чему о немъ вспоминать? Оно миновалось, мы снова стали друзьями и любящими родственниками; и горечь этихъ воспоминаній забыта.

— О, да! ихъ горечь забыта. И потому именно, что оно такъ, мы можемъ наконецъ смѣло къ нимъ возвращаться. Вѣдь мы ни о чемъ не жалѣемъ, вѣдь намъ обоимъ не о чемъ

загнать; почему же и не оглянуться на прошлое? Почему же и не говорить о немъ совершенно свободно?

— Нѣтъ, Джоржъ, этого не слѣдуетъ дѣлать.

— Нѣтъ, чортъ возьми, не слѣдуетъ! Это свело бы меня съ ума; да и вы, на сколько я васъ знаю, врядъ ли могли бы остаться при этомъ такъ же спокойно, какъ теперь.

— А такъ какъ я желаю оставаться спокойной...

— Желаете? Въ такомъ случаѣ мнѣ, конечно, лучше замолчать. Но, Алиса, мнѣ уже никогда болѣе нельзя будетъ говорить съ вами такъ, какъ я говорю теперь. Во всю эту поѣздку мы были съ вами близкими друзьями, не такъ ли?

— Но развѣ мы и не останемся ими на всю жизнь.

— Конечно нѣтъ. Какъ же это будетъ возможно? Подумайте сами. Могу ли я оставаться вашимъ другомъ, когда вы сдѣлаетесь хозяйкою въ Кембриджъ-шайрскомъ домѣ этого человека?

— Джоржъ!

— У меня не было въ мысляхъ отозваться о немъ непочтительно. Прошу у васъ извиненія, если мои слова дали поводъ думать противное. Спѣшу поправиться: въ домѣ этого джентльмена; потому что, вѣдь онъ дѣйствительно джентльменъ.

— О да, безспорно.

— Не будь онъ имъ, вы не могли бы принять его предложеніе. Но какъ могу я быть вашимъ другомъ, когда вы сдѣлаетесь его женою? Я, быть можетъ, по прежнему буду называть васъ «кузиною Алисою», буду гладить по головкѣ вашихъ дѣтей, если мнѣ доведется ихъ увидѣть; встрѣтившись на улицѣ съ вашимъ мужемъ, я буду останавливаться и пожимать ему руку, и то, если моя здополучная судьба не заставитъ его прекратить со мною знакомство; но что касается до дружбы, то ей конецъ между нами, послѣ того, какъ мы распростились съ вами у лондонскаго моста, въ будущій четвергъ, вечеромъ.

— О Джоржъ! Не говори этого!

— Не могу не говорить.

— И почему же именно на четверг? Неужели вы хотите сказать, что больше не придёте въ улицу Королевы-Анна?

— Таковъ и есть смыслъ моихъ словъ. Катъ находитъ, что наша прогулка по швейцарии удалась, какъ нельзя лучше. Мнѣ кажется, что Катъ и сама не знаетъ, о чемъ говорить.

— Прогулка вышла и въ самомъ дѣлѣ пресвѣжая, по крайней мѣрѣ для меня.

— И ваше удовольствіе ничѣмъ не омрачалось?

— Ничѣмъ.

— Мнѣ все было очень весело, но мое удовольствіе было не чуждо горькой ироніи. Алиса! я не прошу у васъ ничего, ровно ничего.

— О чемъ бы вы меня ни спросили, я все готова для васъ сдѣлать.

— Мнѣ ничего не осталось у васъ просить, ничего; но мнѣ еще осталось сказать вамъ одно слово.

— Не говорите это, Джорджъ. Пусть же меня наверхъ, пустите меня къ Катъ.

— Если на желаніе идти, я, конечно, не стану васъ удерживать. Онъ все еще упирается ногою въ стулъ, загородивъ ей дорогу; чтобы выпустить ее, онъ долженъ былъ отнять ногу, но онъ и не думалъ этого сдѣлать.

— Что жъ! идите собѣ къ Катъ, если вы хотите меня выслушать. Но, послѣ всего, что произошло между нами, послѣ этихъ жестовъ недѣль, прожитыхъ въ такомъ тѣсномъ общеніи, мнѣ кажется, вы обязаны меня выслушать. Говорю же я вамъ, что ни о чемъ не хочу просить васъ. Я не хочу говорить вамъ о любви.

— Алиса подвинулась ближе къ стулу, но тутъ она снова опустилась на стулъ. Когда въ его рѣчи настала минутная пауза, она уже больше ни словомъ, ни жестомъ не показывала желанія уйти или не желанія его слушать.

— Я не стану говорить вамъ о любви. О любви не должно быть и рѣчи между вами и мною. Было ей время, было да ми-

повѣсь, и его не вернули. Быть можетъ, еще любовь и вѣра, быть можетъ, она уже вырвана съ корнемъ; но тамъ, гдѣ она умерла, нѣтъ ея не оживить.

— Между вами и мною не следовало бы и упомянуть о ней.

— Тоже самое, безъ сомнѣнія, сказала бы любая чопорная дѣвица; такія правила, конечно, полезно внушать маленькимъ дѣтямъ; но между вами и мною не мѣсто притворству. Мы вышли изъ возраста молочныхъ зубовъ и стали взрослыми людьми. Я понялъ, какъ нельзя лучше, почему вы со мною порвали. Я понялъ васъ и, какъ ни тяжело мнѣ было, я созналъ, что вы были правы.

— Если такъ, то не будемъ болѣе говорить объ этомъ.

— Такъ! объ этомъ не должно быть болѣе и рѣчи. Но я перестала понимать васъ, когда вы приняли предложеніе мистера Грея. Противъ него собственно я ничего не имѣю сказать, онъ, можетъ, и въ самомъ дѣлѣ великолѣпный человекъ. Но, зная васъ, какъ я васъ знала, я понять не могъ, какъ вы ухитрились полюбить этого человека. Это все равно, какъ если бы человекъ, привышій пить одну водку, вдругъ посадилъ бы себя на молочную пиццу, да еще остался бы доволенъ этимъ переходомъ. Молочная пицца, конечно, полезнѣе водки; но люди, привыкшіе къ спиртнымъ напиткамъ не выносятъ этихъ вступныхъ переменъ: они погибаютъ отъ подобныхъ опытовъ.

— Не всегда, Джорджъ.

— Быть можетъ, они и выживаютъ, но съ долгихъ, долгихъ страданій; но у васъ дѣло обошлось даже безъ страданій.

— Кто вамъ сказалъ это?

— Но, скажете вы мнѣ, настало ищѣзленіе. И я сама такъ думала, и потому готовилась найти васъ съестрицына землемѣшникомъ. Я надеялась, что вы, съ естественною сдѣланіемъ спешки улетѣте съ предвѣдѣнной вамъ дѣлой. Съ такою легкостью я смѣлъ могъ прокатиться всю Европу отъ Москвы и до Мальты. Женщина, изъ которой могла выйти добрая жена для Дэона Грея, была для меня не опасна, не ей было нарушить покой моего сердца. Я могъ любить ее въ былыя вре-

меня, могъ и до сихъ поръ любить воспоминаше о томъ, чѣмъ она когда-то была; но сама она въ своемъ преобразованномъ видѣ, послѣ своего перерожденія... нѣтъ, Алиса! такая женщина ничѣмъ не могла быть для меня. Но только не понимайте меня ложно. Я еще на столько благоразуменъ, чтобы понять, что такая перемена сдѣлала бы васъ лучшею, мало того, болѣе счастливою женщиною. Мои предположенія не роняли васъ въ моемъ мнѣнїи; напротивъ того, я приписывалъ вамъ добродѣтели, которыхъ вы не приобрѣли. Алиса! та полезная дѣта, о которой я говорилъ, не годится для васъ; вы при ней умрете съ голоду.

Онъ говорилъ съ увлеченїемъ, но не возвышая голоса, обратившись всѣмъ тѣломъ къ столу, на который облокотился руками, и вытянулъ впередъ голову, чтобы лучше ее видѣть. Она глядѣла ему прямо въ лице, но, какъ и прежде, ничего не видѣла въ этомъ лицѣ, кромѣ знакомаго рубца и сумрачнаго взгляда. Но, рубецъ этотъ никогда не безобразилъ его въ ея глазахъ. Она знала его повѣсть и, будучи его невѣстой, гордилась слѣдомъ этой раны. Она не спускала съ него глазъ; онъ замолчалъ, но она все еще медлила отвѣчать ему. Въ ухахъ ея все еще звучала рѣчная музыка, и она напряженно старалась понять эту пѣсню. Уже не говорили ли ей и волны о томъ, что она ошиблась, избравъ мистера Грея своимъ мужемъ? Развѣ то, что она слышала теперь отъ своего двоюроднаго брата, не было повторенїемъ того, что она сотни и сотни разъ говорила самой себѣ въ теченїе послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ? Развѣ она не твердила про себя денно и ночью, особенно и ежеминутно, что принявъ предложенїе мистера Грея она обязалась обладать такими добродѣтелями, которыхъ въ ней не было и слѣда? Сознанїе этого поглощало всѣ ея помыслы. Вѣдь и въ самомъ дѣлѣ, она до того упивалась водной, что не могла уже существовать на такой невинной пищѣ, какъ молоко. И вдругъ этотъ человѣкъ приступаетъ къ ней и грубо высказываетъ ей то же самое! Такъ что жъ? Развѣ онъ не правду высказалъ. Она сидѣла, безмолвная и уличенная, и только глядѣла ему въ лице, когда онъ кончилъ говорить.

— Я убѣдился въ этомъ, Алиса, послѣ того какъ мы снова по-
были съ вами вмѣстѣ. Я не нашелъ въ васъ того ангела, ко-
торого готовился встрѣтить; я встрѣтилъ въ васъ ту же жен-
щину, которую когда-то любилъ, и... что случилось съ моею увѣ-
ренностью въ собственной буйности? Я все высказалъ. А вотъ
и Катъ; мы теперь отправимся гулять.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ПОСЛѢДНЕЕ СТИХОТВОРЕНІЕ АНДРЕЯ ШЕНЬЕ.

Написано 7 термидора 1794 года, утромъ, за нѣсколько минутъ до того времени, какъ ему слѣдовало идти на эшафотъ.

Какъ лучъ, какъ тихое дыханіе зефира
Одушевляетъ часъ послѣдній дня:
У плахи такъ меня одушевляетъ лира.
Быть можетъ, скоро очередь моя;

Быть можетъ, ранѣе чѣмъ стрѣлка часовая,
По своему обычному пути
Всегда идущая впередъ не уставая,
Успѣетъ кругъ свой полный обойти,

Могильный страшный сонъ смежить мои рѣсницы!
Закресть крѣпко мнѣ ихъ, и въ тюрьмѣ
Я не успѣю кончить начатой страницы,
Какъ, можетъ быть, въ стѣнахъ тюрьмы, во тьмѣ

Съ толпой солдатъ ужасный вѣстникъ смерти скоро
Пройдетъ и громко именемъ моимъ
Онъ стѣны огласитъ пустаго корридора

.

Ф. Орловъ.

ЛИВАНОВЪ.

(ЗАПИСКИ СЕМИНАРИСТА).

IV.

На другой день по приѣздѣ въ городъ, мы съ отцемъ вошли во дворъ дома, гдѣ жилъ смотритель духовнаго училища, и вошли, какъ въ святилище, снявъ предварительно шапки. За тѣмъ туда же пришла старушка въ ситцевомъ черномъ платьѣ, повязанная бумажнымъ большимъ платкомъ; возлѣ нея шелъ мальчуганъ въ канифасовомъ халатѣ, держа въ одной рукѣ фуражку, въ другой сложенный вчетверо листъ. Потомъ къ намъ въ компаньоны явился старый дьячекъ тоже съ мальчикомъ. И отецъ мой, и старушка, и старый дьячекъ съ своими ассистентами стояли въ разныхъ мѣстахъ, далеко другъ отъ друга, на широкомъ дворѣ смотрителяева дома, не смѣя шевельнуться съ мѣстъ, и предаваясь безмолвному созерцанію замкнутаго *блага* крыльца. Такъ мы простояли болѣе часу, и я вовсе не замѣтилъ на лицахъ предстоящихъ чего-нибудь похожаго на нетерпѣніе. Вотъ два кота, соперника по части волокитства, сошлись на заборѣ возлѣ кухни, потѣшили насъ дуэтомъ, исполненнымъ прилежно и съ чувствомъ, передрались и опрометью шмыгнули одинъ на сѣноваль, другой на ворота. А мы все стоимъ, да стоимъ. Вотъ старая кухарка, подтыкавшая до нельзя сарафанъ подъ микитки, явилась на крыльцѣ, выплеснула черезъ перила помоя, потомъ про-

ворчала что-то и ушлепалась съ лоханкою въ кухню. А мы все стоимъ и шевельнуться не смѣемъ. Вотъ какой-то рослый юноша въ сѣромъ нанковомъ сюртукѣ бойко сбѣжалъ съ лѣстницы чернаго крыльца, надѣлъ на руки бѣлыя самодѣльные перчатки и, какимъ-то особеннымъ манеромъ вывертывая локтями и кистями рукъ, пошелъ гоголемъ по двору и вышелъ на улицу. А мы все стоимъ. Когда рослый юноша показался въ воротахъ на обратномъ пути къ черному крыльцу, старый дьячекъ, стоявшій подлѣ самыхъ почти воротъ, почтительно подошелъ къ нему, о чемъ-то поговорилъ, потомъ кивнулъ своему сынищкѣ и вышелъ съ нимъ на улицу. Отецъ мой догадался, что ждать, видно, нечего и последовалъ за дьячкомъ; догнавъ его, онъ спросилъ:

— Позвольте узнать, что вамъ сообщалъ этотъ... какъ его...

— Да-съ, этотъ... какъ его... вы священникъ?

— Дьяконъ.

— Откуда, смѣю спросить.

— Изъ Пронина.

— Изъ Про-ни-на. Извините, я вамъ не поклонился, отецъ дьяконъ, сказалъ дьячекъ, влкаясь и показывая отцу почти совершенно голый затылокъ. Знаю, знаю Про-ни-но. Тамъ у меня жила двоюродная тетка, Агафья Лукична, дай ей Богъ царство небесное, золотая старушка была, просвиричала. Вамъ впрочемъ знать-то ея нельзя, лѣтъ я думаю, съ тридцать, какъ преставилась.

— Агафья Лукичны я точно не знаю. Такъ что вамъ сказалъ... какъ его...

— Да-съ, этотъ... какъ его... сказалъ, что смотрителя нѣтъ дома, что они уѣхали къ Александру Ивановичу, бывшему профессору, прямо отъ обѣдни на закуску-съ, и что раньше вечерни едва ли прибудутъ домой-съ.

Въ благовѣсть къ вечернѣ отецъ опять надѣлъ рясу и пошелъ со мною къ смотрителю духовнаго училища. Ворота были отворены, и съ улицы было видно все, что дѣлалось во дворѣ дома, имъ занимаемаго. Прежде, нежели войти на этотъ дворъ, мы увидѣли, что онъ былъ полонъ духовными всякаго чина, но не всякаго возраста. Дѣти были всѣ почти одинако-

зыкѣ лѣтъ, съ ними были или ихъ отцы (большую частію), или дѣды, дяди, братья, съ рѣдкими матери, еще рѣже бабушки или тетки. Завѣтное бѣлое крыльцо все еще было заперто. Ближе всѣхъ къ нему стоялъ знакомый намъ отецъ Алексѣй въ рясѣ атласной и въ скуфѣѣ, возлѣ него стоялъ сынъ его Павелъ, которому отецъ не позволялъ надѣвать шапки. Позади отца Алексѣя стояли три священника высокаго роста, каждый, разумѣется, съ сыномъ. Большая часть стоящихъ была тоже безъ шапокъ, хотя стоять пришлось опять довольно долго..

Наконецъ, на лѣстницѣ бѣлаго крыльца послышались чьи-то шаги, и въ растворенныхъ дверяхъ опять появился вчерашній юноша въ нанковомъ сѣромъ сюртукѣ, и пригласилъ четырехъ священниковъ пожаловать къ отцу смотрителю. Минуть черезъ десять отъ смотрителя вышелъ отецъ Алексѣй съ запискою въ рукѣ. Батюшка, по уходѣ священниковъ подвинувшійся со мною ближе всѣхъ къ крыльцу, подошелъ къ отцу Алексѣю подъ благословеніе.

— Какъ у васъ, отецъ Алексѣй, спросилъ батюшка.

— Отдѣлался, слава Богу. Павлушка принять.

— Строго экзаменуетъ смотритель?

— Строго-то, строго, да и страшно немножко, сказалъ съ улыбкою отецъ Алексѣй. По одиначкѣ, видите ли... Какъ войдешь къ нему въ кабинетъ, такъ велитъ вамъ за собой дверь притворить, да и посмотреть еще, плотно ли притворена.

— Повнимаю-съ.

И отецъ Алексѣй пошелъ на улицу. Вскорѣ за нимъ, отъ смотрителя вышли и другіе священники, тоже съ записками въ рукахъ. Прислужникъ сбѣжалъ съ крыльца и крикнулъ дьяконовъ, но такъ какъ изъ дьяконовъ былъ только одинъ мой отецъ, то позвалъ съ нами еще троихъ, ближайшихъ къ крыльцу, причетниковъ съ ихъ чадами и старушку подалю, вдову со внукомъ, должно быть, знакомую. Поднямаясь по лѣстницѣ рядомъ съ нею, анбарный замѣтилъ:

Сегодня еще только начали, такъ и народу не больно много, non valde multum est, впрочемъ ordinative такъ; а

вотъ завтра будетъ давка-то. Упаси Боже! *Carut in orbem veniat.*

Батюшка, хватаясь за скобу двери, сказалъ мнѣ: отвѣчай и читай громче. Въ отвѣтъ на это замѣчаніе я исправно откашлялся, и дверь растворилась.

Прямо противъ двери, которою мы вошли въ длинную, но довольно узкую переднюю, была другая, плотно притворенная, дверь въ кабинетъ смотрителя, откуда слышались голоса. Мы быстро, но безъ шума, заняли свои мѣста и въ передней тотчасъ воцарилась мертвая тишина.

— Нельзя ли, отецъ смотритель, принять, слышался изъ за двери голосъ священника. Сдѣлайте божеское одолженіе.

— Притворите дверь... Вотъ такъ... Никакъ нельзя: недостаточно приготовленъ вашъ сынъ.

— Помилуйте, отецъ смотритель, онъ сробѣлъ; онъ приготовленъ достаточно, онъ у меня даже по гречески съ придыханіями...

— Что вы мнѣ говорите о греческомъ чтеніи, когда вашъ сынъ по латинѣ читать не умѣетъ? Въмѣсто *кавза* онъ читаетъ *кауза*, а вмѣсто *аутъ* — *автъ*. Какъ это можно?

— По моему глупому сужденію, лишь бы мальчикъ читалъ бойко, а прочему онъ безъ труда научится въ школѣ.

— Нѣтъ не могу, нельзя.

— Нельзя ли, отецъ смотритель, оказать божеское одолженіе.

— Жаль мнѣ васъ. Позаймитесь еще съ вашимъ сыномъ и пожалуйте съ нимъ ко мнѣ послѣ завтра.

— Слушаю-съ.

Священникъ вышелъ изъ кабинета безъ записки, красный, какъ вареный ракъ, ведя за руку сына, у котораго слезы бѣжали по щекамъ въ три ручья, взявъ съ окна шляпу, и, не взглянувъ ни на кого, вышелъ изъ передней. Батюшка вошелъ со мною въ кабинетъ. Смотритель сидѣлъ на софѣ передъ столомъ, на которомъ было нѣсколько листовъ чистой бумаги, чернильный приборъ и до пяти раскинутыхъ книгъ; смотритель былъ священникъ средняго роста, плотный, круглый съ свѣжимъ румянымъ широкомъ, но короткимъ ли-

цомъ, украшенный, въ цвѣтѣ лѣтъ, сѣдыми курчавыми волосами.

— Здравствуйте, сказалъ смотритель, благословляя батюшку и меня.

— Гдѣ это васъ учили принимать священническое благословеніе одной рукой? спросилъ онъ отца. Милостыню только людскую принимаютъ одной рукой, а милость Божію надобно принимать обѣими руками.

Батюшка не отвѣчалъ ничего, но видимо измѣнился въ лицѣ. За тѣмъ смотритель заботливо освѣдомился, гдѣ и давно ли мой отецъ служить, изъ какого класса вышелъ, много ли имѣетъ дѣтей, въ своемъ ли живетъ домѣ, или казенномъ, сколько мнѣ лѣтъ и была ли привита мнѣ оспа. При каждомъ вопросѣ онъ прищуривалъ то тотъ, то другой глазъ, и вообще фізіономія его, когда онъ выслушивалъ отвѣты батюшки, представляла олицетворенную систему судорогъ.

— Притворите, пожалуйста, дверь. Вотъ такъ. Читай!

И смотритель подвинулъ ко мнѣ раскрытую древнюю слѣдованную псалтирь стародубиннѣйшей печати. Надъ каждымъ почти словомъ пестрѣли титлы и кавыки, но меня можно было сбить съ толку развѣ какою нибудь египетскою или халдейскою грамотою, а ужъ вовсе не славянскою. Отецъ мой не даромъ пользовался въ своемъ околоткѣ славою отличнаго чтеца по книгамъ славянской печати древнѣйшихъ въ Россіи типографій: по славянски я читалъ едва ли хуже его.

Ни разу не взглянувъ на смотрителя, я пропорогъ ему безъ запинки и почти безъ отдыху чуть не дѣлюю страницу. По книгѣ латинской печати я прочиталъ такъ же удачно, какъ и по славянской, и за тѣмъ на чистомъ листѣ написалъ строку крупнымъ шрифтомъ по русски и мелкимъ по латини.

— Что онъ у васъ еще знаетъ? спросилъ смотритель моего отца.

Отецъ перечислилъ всѣ предметы, пройденные мною дома.

Раскрывъ передъ собой разные начатки, смотритель сталъ давать мнѣ вопросы одинъ за другимъ. Послѣ cadaго вопроса онъ закатывалъ глаза подъ лобъ и припадалъ ухомъ почти къ самому моему рту, какъ будто боясь не дослышать отвѣта, хотя я, помня наказъ отца отвѣчать громко, оралъ

во всю ивановскую, и еслибъ хоть одно окно кабинета было открыто, то отвѣты мои, навѣрное, можно бы было слышать за два квартала отъ смотрителя дома.

— Знатный голосъ у вашего сына, замѣтилъ смотритель.

— Онъ и по церковной нотѣ пѣть обученъ.

— Вотъ что, отецъ дьяконъ. Притворите пожалуйста дверь. Вотъ такъ... Вашего сына можно принять прямо во второй классъ.

— Какъ будетъ угодно вашему высокоблагословенію, сказалъ мой отецъ, низко кланяясь.

— Но это будетъ зависѣть отъ васъ, замѣтилъ смотритель, прищуривъ лѣвый глазъ.

— Какъ будетъ угодно вашему в—нію.

— Въ первомъ классѣ ему рѣшительно нечего дѣлать... Да къ тому же онъ даромъ потеряетъ цѣлый годъ, и вы лишній годъ должны будете содержать его, т. е. въ печку деньги бросите. Право такъ.

— Какъ будетъ угодно вашему в—нію.

— Я вамъ повторяю, что это зависить отъ васъ, сказалъ смотритель, прищуривъ правый глазъ. Къ тому же здѣсь надобно обратить вниманіе и на нравственную сторону вопроса. Положимъ, я приму вашего сына въ первый классъ, но что будетъ онъ тамъ дѣлать?

— Какъ будетъ угодно вашему в—нію.

Видя, что никакими намеками не подѣйствуешь на отца, смотритель взялъ готовый лоскутъ чистой бумаги, что-то написалъ на немъ и, вручивъ записку моему отцу, проговорилъ: «къ инспектору».

Мы вышли со двора смотрителя дома, прошли цѣлый кварталъ, и тогда только батюшка рѣшился надѣть шляпу. Прочитавъ записку къ инспектору, отецъ мой улыбнулся и сказалъ мнѣ:

— Ну, Гриша, ты принять въ первый классъ. Смотри же, помни послѣднія слова смотрителя, не предавайся правдѣ, не привыкай къ шалостямъ, чтобъ съ лѣтами не влѣпаться негодяемъ.

— Что же я буду дѣлать въ первомъ классѣ?

— А кто знаетъ. Дѣлай что нибудь, учись. Пойдемъ теперь въ квартиру; къ инспектору мы пойдемъ завтра.

На другой день мы пошли къ инспектору, который оказался товарищемъ батюшки по семинаріи, и потому принялъ насъ, какъ старыхъ друзей.

Батюшка съ прискорбіемъ сообщилъ ему о вчерашнемъ свиданіи съ смотрителемъ; и что меня онъ записалъ совершенно несправедливо въ первый классъ, тогда какъ я приготовленъ ко второму. Инспекторъ обѣщалъ ему похлопотать объ этомъ и успокоилъ отца.

По утру въ слѣдующій день наставники и ученики всѣхъ четырехъ классовъ слушали въ училищной домово́й церкви молебенъ, отправляемый обыкновенно передъ началомъ ученія. Послѣ молебна смотритель сказалъ не то рѣчь, не то проповѣдь, не знаю что. Сколько я ни напрягалъ вниманія, но никакъ не могъ догадаться, о чемъ говорилъ смотритель. Изъ всего, что онъ говорилъ, я запомнилъ только одно изреченіе, знакомое мнѣ еще въ то время, когда я учился выводить помѣщенные въ прописи моей премудрости: «хотя корень ученія горекъ, но плоды его сладки». Послѣ молебна всѣ ученики вышли изъ церкви въ корридоръ. Ратушевскій, Фолянтовъ и я, не отстававшіе въ тотъ день другъ отъ друга съ самаго утра, вошли за другими въ классъ, надъ дверьми котораго была прибита доска темнозеленаго цвѣта съ желтою надписью: 2-й классъ, и усѣлись за одною изъ заднихъ партъ поближе къ дверямъ. Всѣхъ учениковъ въ нашемъ классѣ было болѣе ста человекъ. За первую партю заняли мѣста какіе-то ученики, которые держали себя, не въ примѣръ прочимъ, ужь черезъ-чуръ развязно. Они кривлялись и ломались, кому какъ было надо, бросали въ кого попало перьями и шариками, скатанными изъ бумаги, одинъ изъ нихъ закричалъ по кошечья, другой пробилъ зорю по партѣ руками, третій такъ отлично пропѣлъ пѣтухомъ, что весь классъ расхохотался въ голосъ. Меня сильно подмывало желаніе присоединиться къ вольницѣ, занимавшей мѣста за первой партю, и я поднялся было съ мѣста, чтобъ перейти туда.

— Куда ты? шопотомъ спросилъ, потянувъ меня за полу,

какой-то незнакомый мнѣ ученикъ, сидѣвшій рядомъ возлѣ меня. Я кивнулъ головой на первую парту.

— Вѣдь это *старенькіе*, сказалъ онъ, и такъ проворно потянулъ меня, что я, боясь за дѣлость полы, сѣлъ на прежнее мѣсто.

— Что это за старенькіе, спросилъ я незнакомаго ученика.

Вдругъ одинъ изъ самыхъ вертоголовыхъ съ первой парты подбѣжалъ къ намъ и сердито спросилъ меня:

— Какъ ты прозываешься?

— Ливановъ.

— Ты для чего въ классѣ разговариваешь?

— А тебѣ что?

— Я старенькій, я тебя запишу...

— Который тебѣ годъ?

— Одинадцатый.

— Проваливай-ка, братъ, я самъ старенькій: мнѣ самому одинадцатый годъ, сказалъ я, вовсе не шутя.

— Я запишу тебя шалашимъ.

— А я тебя запишу.

Старенькій засмѣялся и, поднявъ къверху ноги, пошелъ отъ насъ къ первой партѣ на рукахъ внизъ головой.

Я задыхался отъ восторга, смотря на диковинную штуку, которую выкинулъ старенькій на удивленіе всей публики второго класса. Лишь только шукарь сѣлъ на мѣсто, какъ въ классѣ вошелъ анбарный и объявилъ, что сегодня ученья не будетъ, учителя всѣ ушли къ смотрителю на закуску, и мы вышли изъ класса шумиѣе, чѣмъ вошли въ него.

Отецъ мой условился о квартирѣ съ Петромъ Петровичемъ, попеченіе же о моемъ преуспѣяніи въ наукахъ и поведеніи вручилъ въ надежныя руки Константина Михайловича, ученика средняго отдѣленія семинаріи, далъ ему мѣдныхъ денегъ копѣекъ съ пятьдесятъ для розничной выдачи мнѣ на калачи и, заказавъ драть меня съ глазъ, въ тотъ же день къ вечеру уѣхалъ домой. Ученики семинаріи, которымъ отцы сдавали на руки училищныхъ своихъ дѣтей, носили общее названіе *пробаторовъ*.

V.

Однообразна и слишкомъ даже однообразна жизнь духовнаго школьника. Развѣ, развѣ въ какія нибудь пять-шесть лѣтъ случится два-три обстоятельства, выходящія изъ сферы обыденной жизни ученика. Время занятій и время отдыха, раздѣленное на часы, уроки, похвалы и наказанія, экзамены и отпускъ: вотъ наглядное обзорѣніе ученической жизни; и все это идетъ въ послѣдовательномъ порядкѣ, какъ жизнь заключеннаго въ кѣткѣ чижъ, не знающаго никакой другой пѣсни, кромѣ *sui-sibi-se*. Ничѣмъ не отличается день сей отъ онаго, годъ отъ года, курсъ отъ курса. И повсюду форма, вѣчная форма, пошли ей аллахъ добраго здоровья! И длится жизнь ученика, какъ заведенная машина, какъ сказка про бѣлаго быка. При поверхностномъ взглядѣ на эту жизнь, вы найдете въ ней мало интереснаго; но если станете глубже всматриваться въ нее, подмѣчать всѣ черты въ характерѣ учениковъ, тогда много не скучнаго, а занимательнаго откроется глазамъ любопытнаго наблюдателя. Грустно становится за многое, что доводится переживать ребенку въ духовной школѣ.

Возьмемъ хотя одинъ обыкновенный день изъ школьной жизни.

На соборной колокольнѣ пробило пять часовъ утра. Заглянемъ въ это время въ какую нибудь квартиру школьникова, пожалуй хоть въ нашу квартиру въ домѣ Петра Петровича Залѣпова. Вотъ въ маленькой душной комнатѣ за перегородкой шесть учениковъ спятъ вповалку тѣмъ сладкимъ сномъ, какимъ обыкновенно спится раннимъ утромъ въ весеннее время. Одинъ только грамматистъ, облокотившись на столъ и зажавъ пальцами рукъ глаза и уши, повторяетъ урокъ и изрѣлка взглядываетъ однимъ глазомъ на лежащую предъ нимъ книгу. Сяntaxистъ, разбуженный жужжаніемъ грамматиста, приподнялъ хохлатую голову, зѣвнулъ и плюнулъ въ сторону.

— Ужасно спать хочется, чортъ возьми. Должно быть, рано еще? Что тебя подняло, спросилъ онъ грамматиста.

— Пять часовъ ужъ било.

— Давно?

— Съ четверть прошло.

— Ну такъ до аршина-то еще далеко.

И синтаксистъ, прицѣлкнувъ ладонью неосторожно сѣвшую къ нему на лобъ муху, потянулъ на себя халатишко, которымъ былъ покрытъ, и потомъ заснулъ. Около часу еще раздавались въ комнатѣ свистъ и храпъ спавшихъ школьниковъ и монотонное бормотаніе грамматиста. Въ седьмомъ часу они мало по малу начали вставать и, убравши постели, стали ползать, какъ тараканы, по печи, отыскивая свои чулки.

— Палицкій! сбрось-ка мои чулки, говорилъ ученикъ, стоя внизу у печи.

— Больно я знаю твои чулки.

— Съ заплатами на пятахъ. У одного чулка на носкѣ дыра, у другаго ногтемъ продрано.

— Не этотъ ли?

И чулокъ полетѣлъ съ печки. Ученикъ повертѣлъ его въ рукахъ и, промолвивъ: «нѣтъ, не мой», кинулъ обратно на печь. Онъ сталъ дожидаться, когда будетъ попросторнѣе на печкѣ, навалился на стѣну и задумался... Вдругъ съ печи прилетѣлъ ему чулокъ прямо въ лицо.

— Не твой-ли?—проговорилъ съ печи Палицкій.

— Мой, мой, давай еще другой.

— На, вотъ тебѣ и другой.

И другой чулокъ точно также отправился прямо въ лицо. Умылись, одѣлись, прочитали на-скоро молитвы и стали собирать книжки, тетрадки и перья, закупоривать чернильницы. Я и Палицкій пошли на подволоку, гдѣ спалъ нашъ пробаторъ, Константинъ Михайловичъ, которому мы должны были прочитать наизусть уроки, выученные вечеромъ. Поднявшись по лѣстницѣ, я постучался въ подвoločную дверь, запертую изнутри.

— Ты, Григорій?—спросилъ Константинъ Михайловичъ.

— Я.

— Вставать не хочется; читай за дверью.

Я ждалъ этого, потому что всегда такъ было съ тѣхъ поръ, какъ Константинъ Михайловичъ перенесъ свою спальню внизъ на подволоку. Развернувъ книгу, на которую въ изобиліи падалъ свѣтъ чрезъ слуховое окошко, я прочиталъ урокъ, конечно, безъ ошибокъ:

— Хорошо. Еще что училъ?

— Изъ катихизиса и изъ исторіи.

— Читай.

Я также бойко и также по книжкамъ прочиталъ и изъ исторіи, и изъ катихизиса. Палицкій отличился не хуже моего.

— Хорошо. Возьмите изъ комода по двѣ коп. на калачи и ступайте въ классъ, да смотрите, не шалить у меня.

Не подумайте, чтобъ я читалъ по книгамъ потому, что не зналъ уроковъ наизусть. Я читалъ по книгамъ за дверью изъ одного только желанія сдѣлать смѣшную, по моему мнѣнію, шалость, въ увѣренности, что эта шалость пройдетъ безъ наказанія. Я всегда учился хорошо, и изъ всѣхъ своихъ товарищей не могъ перещегоолять только одного Фоліантова. Онъ въ первую же треть по поступленіи въ училище занялъ первое мѣсто въ классѣ и потомъ во всѣхъ классахъ удерживалъ его за собою. Я шелъ вторымъ, Ратушевскій третьимъ. Изъ старенькихъ, неудостоеянныхъ перевода въ высшій классъ, только двое остались въ первомъ разрядѣ и то въ концѣ; почти всѣ остальные номѣстились на послѣдней партѣ у ведра, и съ соблюденіемъ строгаго порядка, чередовались въ приготовленіи розогъ и помогали другъ другу при экзекуціяхъ. Когда одинъ или двое изъ нихъ сѣкли разложеннаго ученика, двое другихъ держали его за ноги, двое за руки, одинъ садился верхомъ на плечи; такимъ образомъ, если они не дѣлали шагу впередъ на пути умственнаго развитія, за то быстро развивались физически, постоянно упражняясь въ тѣлодвиженіяхъ, въ особенности полезныхъ для молодыхъ организацій. Но перейдемъ къ описанію дня изъ школьной жизни.

На зовъ училищнаго звонка, пронзительно скликающаго жаждущихъ просвѣщенія школьниковъ въ святилище наукъ, толпами спѣшать они къ училищному зданію кто съ узелкомъ подъ мышкою, кто съ сумкой на шеѣ въ родѣ почталъонской. Въ провинціальныхъ городахъ уличными остряками хоть прудъ

пруды: тамъ каждый празднопшатающійся мѣщанинъ топчетъ дырявые деревянные троттуары, всегда имѣя при себѣ большой запасъ аттической соли. Вотъ какой нибудь ученикъ идетъ себѣ съ сумкой на шеѣ въ училище въ сопровожденіи товарищей, и спокойно пережевываетъ порцію кислаго хлѣбца, отпущеннаго ему на завтракъ хозяйкою; встрѣчается имъ мѣщанинъ съ запасомъ аттической соли и спрашиваетъ школьника съ сумкой:

— Что, братецъ, нѣтъ ли мнѣ писемца изъ Аленбурха, или изъ Екатеринбургъ.

Ученикъ взглянетъ на мѣщанина полувосклицательно, полувопросительно.

— Али пожалуй нѣтъ ли изъ Камыщлова либо Лаищева?

Смирный мальчикъ пройдетъ и ничего не скажетъ празднопшатающемуся остряку. Но, если на его мѣстѣ случится бойкій, задорный ученикъ, тогда пойдетъ перестрѣлка.

— Есть, говоритъ онъ, тебѣ грамотка отъ мертвокупа да у пошты на рукахъ осталась.

— Либо изъ...

— Самъ ты почтальонъ.

— Глико-ся, какъ я оглядѣлся, да ты совсѣмъ не почтальонъ, а кутья, говоритъ мѣщанинъ съ запасомъ аттической соли.

— А ты сало, свинья, подлець, скажетъ бойкій, задорный ученикъ и пустится бѣжать, что есть силы. Подобнаго рода перестрѣлки у духовныхъ школьниковъ случаются съ школьниками свѣтскихъ учебныхъ заведеній и не рѣдко доходятъ до кулачныхъ схватокъ. По дорогѣ ребятамъ попадаются калачницы, и у кого изъ нихъ есть деньги, тотъ, разумѣется, запасается калачами на случай, если его оставить безъ обѣда, или чтобъ задобрить аудитора, а доведется, пожалуй и сѣктору. По приходѣ въ училище толпы расходятся по всѣмъ классамъ.

Въ классахъ страшная суматоха: кто скачетъ по партамъ, кто снуетъ, какъ челнокъ, взадъ и впередъ поперегъ класса; въ одномъ углу борются, въ другомъ играютъ въ чехарду, въ третьемъ поютъ панникиду, въ четвертомъ зѣваютъ во все горло многолѣтнюю; одинъ изъ учениковъ суется по всѣмъ

четыремъ угламъ, отыскивая пятаго, чтобъ укрыться отъ преслѣдованія товарища, который старается возвратить въ дѣлости полученный отъ него пинокъ. Вдоль класса расхаживаетъ толпа, воспѣвающая не панихиду и не многолѣтнюю, а веселья русскія пѣсни; одинъ изъ учениковъ высокимъ теноромъ выводитъ начало куплета, а продолженіе дружно подхватываютъ всѣ, и лица мальчиковъ сіяютъ радостію, глаза горятъ одушевленіемъ... Приходитъ иногда на этотъ шумъ училищный надзиратель и обыкновенно говоритъ:

— Какъ можно пѣть неблагопристойныя пѣсни? Вы вотъ недавно пѣли: «вдоль по улицѣ молодець идетъ». Вѣдь это медвѣдчики поютъ.

Многіе бойкіе ученики, зная веселый нравъ надзирателя, безъ запинки отвѣчаютъ ему:

— Мы, Викторинъ Якимычъ, не поемъ эдакія пѣсни, мы знаемъ, что это грѣхъ, а мы пѣли вотъ: «безумное велѣніе злочестиваго люди поколеба».

— Ха, ха, ха! Безумное велѣніе! Чей теперь у васъ будетъ классъ?

— Артемья Артемьича.

— Ахъ вы, растрига пустые! Ха, ха, ха! Ну такъ ужь допѣвайте: «ярость звѣрская». Да хоть бы пѣли-то тихонько.

— Мы, право, тихонько поемъ.

Махнетъ, бывало, надзиратель рукой, расхохочется и уйдетъ.

Передъ приходомъ учителя классный цензоръ скликаетъ аудиторовъ и подъ ихъ диктовку дѣлаетъ отмѣтки въ нотатѣ.

— Василій Копысовъ! ты что нейдешь записывать своихъ, кричитъ цензоръ. Василій Копысовъ еще громче цензора кричитъ съ противоположнаго конца класса.

— Мои всѣ двойки, кромѣ Преображенскаго, онъ-четверка.

— Хм! лѣшій бы те взялъ, проговорилъ одинъ изъ подвѣдомыхъ Копысову, и въ три скачка очутился подлѣ аудитора.

— Съ чего ты мнѣ записалъ двойку, а?

— А съ того, что ты не знаешь, отвѣчалъ аудиторъ недовольному.

— Кто я?

— Известно.

— Нѣтъ, врешь; я теперь знаю. А вотъ ты меня записалъ въ прошлый классъ знающимъ, такъ тогда я ничего не зналъ, а?

— Нѣтъ, ты тогда зналъ.

— Вотъ и опять врешь; ей Богу, врешь. Я тогда тебѣ далъ три коп., ну, ты и записалъ 5. А теперь я тебѣ ничего не далъ, такъ ты сейчасъ и двойку. Подлецъ ты! Вотъ что!

Пробило восемь часовъ, и ученики усѣлись по мѣстамъ. Наступила всеобщая тишина, точь въ точь, какъ бываетъ въ знойный удушливый день передъ грозой. Ученики то тамъ, то сямъ изрѣдка перешептываются между собой.

— Что, знаешь ли ты сегодня урокъ?

— Зналъ, да позабылъ

— Ты что дрожишь? — слышится въ другомъ мѣстѣ.

— Послѣдняго правила не доучилъ. Знаю все, читаю ладно, да вотъ тутъ никакъ не могу, все мѣшаюсь. И говорившій тыкнулъ пальцемъ въ тетрадку.

Между тѣмъ старенькіе за послѣдней партой глубокомысленно дѣлили двѣ полуторааршинныя объемистыя березовыя метлы на горькіе корни ученія и перевязывали ихъ мочалками. Одинъ такъ себѣ... мальчикъ небольшой, эдакъ лѣтъ около осмнадцати, или девятнадцати, достигшій уже роста, опредѣленнаго для гвардіи, перекладывалъ розги изъ руки въ руку, или, пробуя гибкость то той, то другой, разсѣкалъ ими воздухъ и производилъ въ немъ свистъ, отъ котораго у большей части школьничковъ ходили по кожѣ мурашки и стыла кровь въ жилахъ. Пыль поднималась столбомъ до потолка. «Идетъ! идетъ!» раздалось нѣсколько робкихъ голосовъ. Дверь отворилась, и въ классъ ввалилось туловище, — что-то въ родѣ удлиненнаго шара, возвышеннаго подъ экваторомъ и сжатого у полюсовъ; небольшая голова, вѣнчавшая это туловище покоилась на сокращенной толстой шеѣ и была покрыта жидкими пепеловидными волосами; туловище это двигалось на двухъ надежныхъ подставахъ, украшенныхъ суконными занавѣсками картофельнаго цвѣта, и извѣстно было во всемъ городѣ подъ именемъ Артемья Артемьяча, учителя греческаго языка. По прочтеніи цензоромъ молитвы, всѣ ученики отвѣсили Артемью Артемьячу одинъ общій поклонъ и сѣли на мѣста, по его приказанію. Артемій Артемьячъ, переваливаясь съ боку на бокъ,

утичьимъ шагомъ прошелся раза три по классу. Потомъ вытащилъ изъ кармана табакерку, тщательно завернутую въ батистовый платокъ, открылъ ее, помялъ пальцами табакъ, поднесъ табакерку къ самому носу и сталъ насыщать его грѣшнымъ зельемъ.

За тѣмъ Артемій Артемьичъ прошелся еще разъ по классу, остановился у послѣдней парты, побарабанилъ по ней пальцами и спросилъ: розги готовы? Онъ справлялся о розгахъ вовсе не для того, чтобы удостовѣриться, приготовлены онѣ или нѣтъ,—сомнѣнiе тутъ было бы не у мѣста; онъ справлялся о розгахъ для того, чтобы вопросомъ о нихъ произвести эффектъ въ классѣ. Артемій Артемьичъ эффекты очень любилъ. Получивъ утвердительный отвѣтъ, Артемій Артемьичъ подошелъ къ столу, взялъ нотату и сталъ перекалкать всѣхъ учениковъ, противъ которыхъ красовались нули, единицы и двойки.

Ученикъ, имя и фамилю котораго произноситъ себѣ подъ носъ Артемій Артемьичъ, поднимался съ мѣста, отправлялся къ порогу и ложился подъ розгу безъ возраженiй. Апеллировать на аудиторовъ дозволялось только послѣ экзекуцiи; но апелляцiй почти вовсе не было, потому что онѣ были и весьма опасны и рѣшительно бесполезны.

— Я знаю урокъ, говорилъ, напргибѣръ, высѣченный ученикъ.

— Читай!

Если ученикъ прочтаетъ урокъ твердо, Артемій Артемьичъ скажетъ ему:

— Ты, негодяй, успѣлъ выучить урокъ до моего прихода въ классъ. Пошелъ на мѣсто и помни, что урокъ надобно знать во-время.

Но двойка, единица, или нуль оставался въ нотатѣ непривлеченными. Если же апеллирующiй зналъ урокъ не совсѣмъ твердо, то ему всепреимѣнно снова доставалось только что испытанное наслажденiе во части сильныхъ оцущенiй.

Другiе учителя, сослуживцы Артемья Артемьича, не всегда и не за все стѣкли учениковъ розгамъ; они иногда прибѣгали къ наказанiямъ другаго рода; смотря по роду и виду проступковъ и погрѣшностей школьничковъ, становили ихъ на ноги,

или на колѣни за партой или у порога, оставляли безъ обѣда и т. п. Артемій Артемьичъ не любилъ этихъ мелочныхъ подраздѣленій, и розги считалъ универсальнымъ наказаніемъ, приложимымъ къ ребяческимъ проступкамъ всякаго рода и вида, даже къ погрѣшностямъ, въ существѣ дѣла не стоявшимъ плевка. Однажды ученикъ читалъ урокъ изъ исторіи. Въ прочитанномъ небольшомъ параграфѣ мальчикъ сдѣлалъ ошибку на словѣ: «заповѣдяхъ», переставивъ удареніе съ перваго слога на послѣдній.

— Въ чемъ ты ошибся?—спрашиваетъ Артемій Артемьичъ ученика, когда онъ, кончивъ параграфъ, остановился, чтобы перевести духъ.

Ученикъ молчитъ.

— Говори.

Артемій Артемьичъ усиливаетъ вопросительный видъ своей физиономіи, ребенокъ переминается съ ноги на ногу и старается припомнить, гдѣ и какую допустилъ онъ ошибку. Догадливости не хватаетъ, молчаніе длится. Вдругъ раздается магическое слово учителя:

— Розогъ!

И ученикъ отправляется къ порогу, не зная, за что его сѣкутъ.

Счастливъ былъ спрошенный Артеміемъ Артемьичемъ ученикъ, если отдѣлывался одной сѣкуціей или двумя, а иному приводилось сходить къ лозѣ три, четыре и пять разъ. Не было ученика, который избѣжалъ бы розогъ Артемія Артемьича въ продолженіи курса. Бывало, ученики пишутъ въ классѣ греческую задачу, а Артемій Артемьичъ ходитъ по классу взадъ и впередъ, и читаетъ про себя какую нибудь книгу. Страхъ наказанія великъ для ученика, но живость игривой природы ребенка заставляетъ иногда забывать всякой страхъ; да къ тому же много шалостей проходитъ незамѣченными учителемъ. Вотъ одинъ бойкій ученикъ за спиною прохаживающагося учителя отгнулъ какую-то уморительную штуку. Штука эта сдѣланная на другой сторонѣ класса ученику показалась столь забавною, что онъ, одолевая смѣхомъ, схватился за носъ, наклонился къ партѣ, крѣпился, крѣпился, да и *пыркнулъ* довольно громко; но тотчасъ же оправился, и, когда учитель

огланулся, онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, и саль прилежно греческую задачу.

— Кто? спрашиваетъ Артемій Артемьичъ, подходя къ картѣ, съ которой раздался громкій, но неопредѣленный звукъ.

На грозный вопросъ учителя съ парты нѣтъ отвѣта. Ученики углубились въ задачу и пишутъ престарательно.

— Я спрашиваю вторую парту: кто дерзнулъ?

Нѣтъ отвѣта.

— А! хм! Вы не хотите сказывать, не хотите выдавать негодяя. Курдичъ! къ лозѣ!

И такимъ образомъ Артемій Артемьичъ передеретъ вторую парту съ перваго ученика до послѣдняго. Ученики знаютъ, что ихъ товарищу, дозволившему шалость, не избѣжать наказанія, и онъ непременно будетъ наказанъ въ числѣ прочихъ; казалось бы, для чего скрывать его? Но ребята знаютъ также, что когда будутъ съѣчь виноватаго въ числѣ прочихъ виновныхъ, то высѣкутъ его довольно сносно, между тѣмъ какъ истязаніе всей тяжестью обрушится на него одного въ случаѣ, когда онъ будетъ выданъ; знаютъ все это, не выдаютъ виноватаго и съ самоотверженіемъ, достойнымъ непритворнаго удивленія, добровольно переводятъ часть ударовъ со спины товарища на свои собственные.

Бывало, Артемій Артемьичъ приходилъ въ какое-то остервенѣніе и поролъ ученика до тѣхъ норъ, пока у несчастнаго не бросалась кровь гортанью и носомъ.

Разъ ученики сговорились и пошли къ смотрителю съ жалобою на жестокости Артемія Артемьича... Смотритель терпѣливо выслушалъ учениковъ и сказалъ имъ:

— Ребята! Васъ еще плохо нынѣ сѣкутъ: насъ такъ ли прежде драли! Бывало, съ полу снимутъ, вотъ какъ! Ну, за то мы и вышли людьми, какъ видите, и благодаримъ нашихъ наставниковъ, что потачки не давали. И вы будете въ послѣдствіи также благодарить Артемія Артемьича, повѣрьте мнѣ. Знайте одно: учитесь хорошеалько, ведите себя богобоязненно, да молитесь Богу за вашихъ начальниковъ и наставниковъ, а на спящихъ не горохъ молотить.

Спасибо, утѣшилъ.

Въ оправданіе пословицы, что всё тоботажки добрыя, Артемій Артемьичъ на видъ казался такимъ смиреннымъ, такимъ любезнымъ человѣкомъ являлся передъ чиновницей аристократіей средней руки, что въ кругу ея вездѣ былъ принятъ за домашняго человѣка, за своего. Купеческія и чиновническія семейства въ городѣ наперерывъ старались заявить свою любовь и уваженіе доброму и любезному Артемію Артемьичу. Кругъ знакомства у Артемія Артемьича былъ очень великъ, но это его нисколько не стѣсняло: потому что онъ не столько любилъ принимать своихъ знакомыхъ у себя въ холостой квартирѣ, сколько старался посѣщать ихъ дома. Всѣ знакомые наперерывъ приглашали Артемія Артемьича то на вечеръ, — провести время за преферансомъ, то куда нибудь пировать въ деревню, то на свадьбу, то къ панихидному столу, то на крестины, то на похороны; легче было вообразить Турка безъ бороды, чѣмъ какой нибудь домашній чиновничій и купеческій правдикъ, или собраніе въ городѣ N безъ Артемія Артемьича. И какъ былъ вѣжливъ, до какой тонкости зналъ всё свѣтскія пріличія Артемій Артемьичъ! Это былъ вовсе не то, что какой-нибудь лѣсничій Мазуновъ который, разговаривая съ барышнями, стоялъ передъ ними съ руками, запущенными въ карманы шараваровъ и корчилъ непріятныя гримасы. Нѣтъ, бывало, Артемій Артемьичъ, если вздумаетъ обратиться съ разговорцемъ къ барынѣ или барышнѣ, то предварительно застегнетъ скюртку на всё пуговицы, сообщитъ физиономіи пріятное выраженіе, заложитъ правую руку за спину, а лѣвую за бортъ скюртука повыше нижней пуговицы, и тогда уже подойдетъ къ Калеріи, напрямѣръ, Ильиничѣ. И говоритъ онъ съ Калеріей Ильиничной, или Теофаніей Титовой такъ сладко, чуть дыша, и такимъ вѣжливымъ голосомъ; во все время «разговорца», толстая фигура учителя представляла образецъ почтительности и уваженія къ прекрасному полу. Артемій Артемьичъ часто самъ про себя говаривалъ, что онъ чрезвычайно симпатиченъ, да и дѣломъ это доказывалъ. Въ одинъ прекрасный вечеръ Калерія Ильинишна, уфадный судья, Мазуновъ и Артемій Артемьичъ играли въ преферансъ «съ пузырьками.» Мазуновъ безпрестанно за игрой сосалъ длинный черешневый чубукъ, судья снималъ со свѣчъ

а Калерія Ильинична и Артемій Артемьичъ занимались различными разговорами. Судья, снявъ со свѣчь въ двадцать пятый разъ, поторопился положить на столъ щипцы, потому что былъ ходъ его, и не зажалъ въ нихъ нагара.

— Ахъ, Боже мой! смеродемъ пахнетъ, сказала вдругъ Калерія Ильинична, потянувъ носомъ воздухъ.

— Точно такъ, смеродемъ, сказали игроки.

— И точно какъ будто нагаромъ отъ свѣчки, замѣтила Калерія Ильинична. Не подожгли ли вы, Мазуновъ, меня трубой, сказала она, быстро отодвигая стулъ.

— Ужъ будто непременно будетъ пахнуть нагаромъ отъ свѣчки, когда я васъ подожгу, невозмутимо замѣтилъ Мазуновъ. Судья и Артемій Артемьичъ засмѣялись, но послѣдній скоро сообщилъ своему лицу серьезное, даже сострадательное выраженіе, когда увидѣлъ, что Калерія Ильинична сконфузилась и покраснѣла до ушей.

По окончаніи пульки, Артемій Артемьичъ подошелъ къ Калеріи Ильиничнѣ, сидѣвшей одиноко въ углу комнаты.

— Что за бурлакъ этотъ Мазуновъ, сказалъ ей Артемій Артемьичъ, ну можно ли говорить дамѣ такіа пошлости. Я, сударыня, человекъ симпатичный, и для меня чужая боль, чужое страданіе, душевное ли, физическое ли, все равно, что свое страданіе, право такъ.

У Артемія Артемьича глаза сдѣлались влажными; Калерія Ильинична съ чувствомъ крѣпко пожалала ему руку, и дрожащимъ отъ волненія голосомъ пролепетала:

— Остаюсь съ уваженіемъ.

— И я точно такихъ же мыслей къ вамъ пребываю.

Заболѣетъ ли гдѣ домохозяйка, или дочь ея, или даже любимая собачка, посмотришь — Артемій Артемьичъ ужъ непременно принимаетъ участіе въ семейномъ горѣ, подсядетъ къ больной и все говоритъ, и все вздыхаетъ; говоритъ все отборными выраженіями, до того отборными, что врагъ его Мазуновъ называетъ эти выраженія «понадерганными изъ книжекъ.» Не можетъ Артемій Артемьичъ равнодушно смотреть на чужое страданіе, на чужую боль, и бѣжитъ изъ дома горюющей семьи или къ доктору, или въ аптеку, или къ фельдшеру за цѣлками и чѣмъ нибудь да ужъ постарается

помочь. Всѣ пользовались совѣтами Артемія Артемьича, «мудрыми», какъ выражался судья, первый его пріятель, и всѣ въ голосъ говорили: «ахъ, какая прелесть этотъ Артемій Артемьичъ, какъ хорошо, должно быть, занимается онъ учениковъ, какъ благородно обходится съ ними! Находка, истинно находка для учениковъ такой учитель, любезный, мягкосердый, добрый, умный!» Словомъ похваламъ не было конца.

Но довольно объ Артеміѣ Артемьичѣ. Мы достаточно познакомились съ его личностью и, къ несчастью, встрѣтимся еще съ нимъ въ дальнѣйшемъ ходѣ нашего разсказа.

VI.

Теперь обратимся опять къ классическимъ занятіямъ и заглянемъ въ другое отдѣленіе. Въ классѣ сидитъ Викторинъ Якимычъ, учитель русскаго языка, бѣлокурый, курчавый, средняго роста господинъ, всегда небрежно одѣтый. Будничное лице его и большіе каріе, на выкатѣ, глаза выражали неподдѣльное добродушіе, соединенное съ природной дубоватостью ума, изворотливаго въ мелочахъ, но страдавшаго недостаткомъ логическихъ соображеній въ задачахъ крупнаго свойства. Всегда веселый и всегда добродушный, онъ все готовъ былъ обращаться въ шутку и хохоталъ до упаду надъ всякой пошлостію, которая почему нибудь казалась ему забавною. Если онъ и сѣкъ учениковъ, то дѣлалъ это скорѣе по обычаю, чѣмъ по тому, что видѣлъ въ розгахъ нужду. Викторинъ Якимычъ сидитъ въ классѣ, положивъ ногу на ногу. Передъ нимъ на желтенькомъ столнѣ лежитъ нотата, носовой платокъ, карандашъ и старый, перепачканный до нельзя, учебникъ. На срединѣ класса ученикъ занятъ грамматическимъ разборомъ изъ книги.

— Ну, гдѣ глаголь управляющій? спрашиваетъ Викторинъ Якимычъ.

— Глаголь управляющій... монотонно произноситъ ученикъ и останавливается. Онъ соображаетъ, шевелитъ губами, под-

впадаетъ глаза къ потолку, обведитъ ими стѣны, опять опускаетъ ихъ на книгу и снова произноситъ тѣмъ же голосомъ:

— Глаголь управляющій...

— Ну, что молчишь? Гдѣ онъ? не знаешь? Смотри, я тебя высѣку; говори скорѣе.

— Глаголь управляющій... «въ соборѣ нарижской Богоматери».

Викторинъ Якимычъ разразился хохотомъ, а за нимъ и весь классъ. Продолжая смѣяться, Викторинъ Якимычъ обратился къ сидѣвшему на послѣдней партѣ ученику.

— Палицкій! Палицкій! ты надъ чѣмъ смѣешься? Ты будто знаешь, надъ чѣмъ мы смѣемся? Ну, если знаешь, такъ поправь Троезубова.

— Всѣ смѣются, такъ что же мнѣ одному не смѣяться, почти обиженнымъ тономъ отвѣчаетъ Палицкій.

И Викторинъ Якимычъ снова захохоталъ... Оправившись отъ смѣха, стали продолжать разборъ.

— Ну гдѣ падежъ именительный? спросилъ Викторинъ Якимычъ.

— Французскіе монархи, отвѣчаетъ ученикъ.

— Ну, французскіе монархи. А что они на головѣ носятъ?

Этимъ вопросомъ Викторинъ Якимычъ хотѣлъ намекнуть на управляющій глаголь «коронуются», полагая, что ученикъ доберется до него по слову «корона». Ученикъ, не запинаясь, отвѣчалъ:

— Клобукъ.

Онъ, очевидно, принималъ слово «монархи» въ значеніи «монахи». Викторинъ Якимычъ опять захохоталъ. Троезубову со всѣхъ концовъ класса подсказываютъ: «корону, корону». Но онъ, и не дослушавъ и торопясь, бухнулъ дуру, ужь, конечно, ко всеобщей потѣхѣ.

— «Корову».

Викторинъ Якимычъ, не успѣвшій еще хорошенько опомниться отъ «клобука», разразился истерическимъ хохотомъ, закапляясь, поднесъ къ полнымъ слезъ глазамъ платокъ, и топалъ отъ восхищенія ногами. Долго не могъ онъ придти въ нормальное состояніе; наконецъ, положивъ платокъ на

столъ, онъ сталъ гладить руками грудь и сдавливать ее съ боковъ.

— Довольно съ тебя, сказалъ онъ Трѣзубову, пошелъ къ чорту, на мѣсто. Уморилъ, Обсевокъ. Палицкій! знаешь урокъ?

— Не могъ выучить.

— А вчера твой пробаторъ сѣкъ тебя?

— Стегалъ, отвѣчалъ плетиво Палицкій; я самъ не знаю, за что.

— Какъ такъ?

— Да онъ спросилъ меня: много ли чиновъ ангельскихъ? Я, какъ слѣдуетъ, сказалъ ему, что, молъ, двѣнадцать, а онъ и давай меня драть, и самъ не знаю, за что.

— Ха, ха, ха! двѣнадцать чиновъ ангельскихъ... сказалъ, какъ слѣдуетъ... ха, ха, ха! Ну, если ты вчера былъ сѣченъ, такъ сегодня живетъ и такъ. Впрочемъ, сѣкутеръ, поди-ка, дай Палицкому хоть понюхать розгу; это для того, чтобы березовый запахъ напомнилъ ему, что розги для лѣнтяевъ у насъ всегда свѣжія. Да ты, дуракъ, не отворачивайся; сѣчь, право, не буду; понюхай только. Что? крѣпкій запахъ? а?

Палицкій нарочно расчихался. И опять потѣха, и опять хохоть, топанье ногами и сдавливанья груди съ боковъ.

— Трапезовъ! крикнулъ Викторинъ Якимычъ.

Трапезовъ всталъ съ мѣста и хотѣлъ что-то сказать изъ-за парты.

— На середку! Ну!.. ну!.. Подавайся еще... ближе... къ самому столу... Такъ! ну!

— Я урока не училъ, сказалъ Трапезовъ.

— Какъ? не училъ? а записанъ знающимъ! Авдиторъ! Поди сюда къ столу.

Авдиторъ по росту цѣлой головой былъ выше всего класса. Онъ вышелъ изъ-за парты и подошелъ къ столу.

— Ты за чѣмъ записалъ ему четверку?

Авдиторъ смотрѣлъ въ полъ и молчалъ.

— Говори, за чѣмъ?

— Не нарочно, я невзначай.

— Ха, ха, ха! Невзначай! ха, ха, ха! Ахъ, ты лгунишка

непущимъ. Оба къ лозѣ! Поейте. А всему виною ты, аудиторъ. Не хочешь ты Трапезову въ отмѣткахъ по нотамъ, онъ сегодня зналъ бы урокъ. Ты за это вези Трапезова къ лозѣ на себѣ, а ты, Трапезовъ, аудитора вези къ мѣсту отъ лозы за то, что незнаніемъ урока подвелъ его подъ наказаніе. Маршъ!

Трапезовъ съ парты взмолился сзади на плечи долговязому аудитору, осѣдлавъ его шею; боясь упасть, Трапезовъ ухватился за волосы аудитора и чинно поѣхалъ на немъ къ порогу. Хотеть, содомъ въ классѣ—неописанные. Аудитору оставалось не болѣе пяти шаговъ до порога, какъ въ дверяхъ появился смотритель. Ученныя замолкли, шумно подвинулись съ мѣстъ и пропѣли: salutamus. Оробѣвшій Трапезовъ, выпустивъ изъ рукъ волосы аудитора, потерялъ равновѣсіе, и, всяся внизъ головой за спиною вощика, ловилъ руками воздухъ; между тѣмъ аудиторъ, изъ опасенія, чтобы Трапезовъ при паденіи не раскрылъ себѣ головы, крѣпко держалъ его за ноги и бессмысленно глядѣлъ на смотрителя.

— Ахъ, Господи! среди всеобщей тишины промолвилъ смотритель. Вогъ и ученье!

— Кавалерійское, какъ видите, сказалъ Викторинъ Якимычъ, подходя къ смотрителю подъ благословеніе.

«Поводья затянулъ, ну жалкій же видокъ»

добавилъ онъ комически серьезнымъ тономъ, помогая встать на ноги Трапезову.

— Шутки въ сторону, Викторинъ Якимычъ, сказалъ смотритель. Скоро ли вы отстанете отъ вашихъ проказъ? Развѣ вѣтъ для учениковъ наказаній болѣе благородныхъ?

— Напримѣръ, какихъ?

— Развѣ вѣтъ розогъ?

— Идутъ въ дѣло и онѣ, но я не считаю розги небесною манною, необходимою для поддержанія моральной жизни учениковъ въ училищной пустынѣ, и потому не слишкомъ на нихъ расточителенъ. Разъ, два, три, и будетъ. У меня одной-двухъ розогъ достаетъ на цѣлую недѣлю.

— Можно расхотовать и больше.

— Мнѣ не хочется быть въ числѣ главныхъ виновниковъ

истребленіи беззаконія въ нашемъ любезномъ отечествіи. Я даже намѣренъ въ своемъ классѣ совсѣмъ вывести розги изъ употребленія.

— Напрасно.

— Совѣстно и грѣшно, мнѣ кажется, расходовать на сини ребячь казенную государственную собственность, не оплаченную пошлиной по закону.

— Вы несправимы, Викторинъ Якимычъ, сказалъ смотритель. Я донесу на васъ семинарскому правленію.

Викторинъ Якимычъ поклонился смотрителю съ лукавой улыбкой. Онъ зналъ, что смотритель не посмѣетъ донести на него. Хозяйственное управленіе бурсой было бревномъ въ глазу начальника училища.

Недовольный смотритель вышелъ изъ класса, а Викторинъ Якимычъ, совершенно довольный собой, сѣлъ опять за жолтевскій столикъ.

Вотъ какъ проводилъ время въ классахъ Викторинъ Якимычъ. Онъ не пытался разяснить что нибудь неновыятое для учениковъ, да, кажется, и не думалъ объ этомъ; его дѣло было прослушать заданный урокъ, посмѣяться, если ученикъ совретъ, выдумать смѣшную штуку, чтобъ захохотаться вдоволь, а при случаѣ мало-мальски и посѣчь кого нибудъ по обычаю.

Съ какимъ нетерпѣніемъ дожидають ученики двѣнадцати часовъ! И въ самомъ дѣлѣ, нужно же просидѣть въ классѣ блтыхъ четыре часа подъ вліяніемъ постоянного страха отъ какого нибудъ Артемія Артемича. Звонокъ пробить; ученики свободны и разсыпаются по квартирамъ. Послѣ обѣда опять въ классы, и тѣ же исторіи. Въ четыре часа классы кончаются; ученики на всю остальную часть дня расстаются съ училищемъ и занимаются въ квартирахъ приготовленіемъ уроковъ къ слѣдующему дню. По крайней мѣрѣ, въ квартирахъ ученики ужъ на полной свободѣ, скажете вы. Да, ученики въ квартирахъ чувствуютъ себя меньше стѣсненными, а свободы все-таки нѣтъ. Съ пяти до восьми или девяти часовъ ученики въ квартирахъ должны сидѣть на мѣстахъ. Хоть ничего не дѣлай, а сиди, и чтобы книжка или тетрадка были непременно подъ носомъ. А то старшій (изъ учениковъ выс-

шаго отдѣленія), обходя квартиры учениковъ, можетъ увидѣть мальчика безъ дѣла, и оставить его безъ ужина, или поставить на поклоны, а не то донесетъ помощнику инспектора, или даже самому смотрителю, и—поронцы. А пробаторы-то, которымъ чадолюбивые отцы сдаютъ на руки своихъ дѣтей!.. Многіе изъ нихъ не уступятъ въ жестокости обращенія съ учениками любому Артемию Артемьичу, да, сверхъ того, помыкаютъ ими, какъ своими казачками, какъ прислугой, въ буквальномъ смыслѣ слова. Не хватило у пробатора напирость, а купить не на что, онъ шлетъ адента за панпирскою къ своему товарищу версты за двѣ. Послѣ долгихъ усилій отыскиваете незнакомую квартиру и возвращаетесь домой съ пустыми руками, потому что и товарищъ пробатора проводитъ время въ пріятныхъ воспоминаніяхъ о панпирсахъ, въ наличности лицо таковыхъ не имѣетъ. Пробаторъ по дозрительно смотритъ на тебя, говорить, что ты изъ лѣности не доходишь и до квартиры товарища и проч. и проч. А тутъ слышишь: приходитъ старшій, непременно донесетъ смотрителю, что тебя не было дома въ часы, назначенные для занятій, и—жди поронцовъ. Не пойдешь по приказанію пробатора за панпирскою, онъ отдеретъ за грубость. Тутъ что хочешь, то и дѣлай, а отъ розги не уйдешь. Вообще ученики подъ опекою пробаторовъ не столько времени употребляютъ въ квартирахъ на полезныя занятія, сколько на побѣгушки, на чистку сапоговъ и платья и другія, даже не рѣдко грязныя, услуги для своего ментора. Почти всѣ мальчишки, учившіеся подъ присмотромъ и руководствомъ пробаторовъ, были ученики незавидные,—посредственности, или ниже посредственности—вѣрное доказательство, что опека пробаторовъ ребятамъ не приноситъ пользы, а вреда-то отъ нея пропасть дѣлая!

И вотъ подъ начальствомъ такихъ-то педагоговъ воспитываются люди, предназначенные къ великому подвигу учить народъ. Чего можно ожидать отъ нихъ, если въ послѣдствіи не натолкнетъ ихъ кто нибудь на истинный путь нравственнаго развитія?

Не даромъ нашъ инспекторъ, Гаврило Григорьичъ, оставилъ службу при нашемъ училищѣ. Подъ дирекціей такого смотрителя, каковъ былъ нашъ, и въ сотовариществѣ съ такими

педагогами, каковы были Артемій Артемьичъ и ему подобныя, онъ служить не могъ. Гаврило Григорьичъ смотрѣлъ на учениковъ, какъ на людей легкомысленныхъ, но всегда не иначе, какъ на людей, и въ отношеніи къ нимъ примѣнялъ этотъ разумный, христіанскій взглядъ вездѣ и во всемъ. Къ розгамъ онъ прибѣгалъ въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, и, какъ инспекторъ, наказывалъ ими ребятъ только за такіе проступки, отъ которыхъ съ негодованіемъ отворачивались сами ученики, напримеръ, за воровство, за грубую ложь, и въ особенности за клевету и т. п.: какъ учитель, онъ совершенно изгналъ березовую кашу изъ своего класса. И странное дѣло! Мальчики за классомъ инспектора вели себя и занимались, и знали дѣло ничѣмъ не хуже учениковъ, сидѣвшихъ въ классахъ другихъ учителей, гдѣ свистѣли лозы и раздавались завыванія и неистовые вопли: не буду! не стану! помилуйте! выучу!

Гаврило Григорьичъ былъ слишкомъ независимъ, и эта независимость и разумная свобода дѣйствій, которыя должны были бы внушать безпредѣльное къ нему уваженіе, перетолковывались вкривъ и вкосъ всѣмъ: и зрителемъ, и учителями, и учениками. Больно смѣшнымъ казалось ребятамъ любопытство, съ какимъ инспекторъ вмѣшивался въ ничтожныя, по ихъ понятіямъ, подробности ихъ домашней жизни. Пожалуеть, напримеръ, помощникъ инспектора, или даже смотритель въ какую нибудь квартиру учениковъ, смотреть ребята: смотритель или помощникъ инспектора держать себя чинно, важно, какъ слѣдуетъ держать себя людямъ, занимающимъ высокое положеніе въ училищѣ, спросить: чѣмъ вы занимаетесь, прослушаютъ уроки того, другаго, третьяго ученика, постучаютъ о полъ тростью, и пойдутъ въ другую квартиру. Здѣсь, въ другой квартирѣ, увидятъ они скрипку на стѣнѣ, спросить: кто играетъ? замѣтятъ, что дѣло не ребятъ играть смычкомъ на скрипкѣ, а ихъ дѣло знать то, за что играютъ розгой по ихъ спинамъ, скажутъ, что чѣмъ пилить на скрипкѣ, лучше въ это время заучить 20—30 латинскихъ словъ изъ лексикона, назовутъ инструментъ кабацкимъ, постучаютъ палкой о полъ и идутъ въ слѣдующую квартиру. А придетъ инспекторъ и

Вотъ знаете, что онъ дѣлаетъ. Вздумаетъ какойнибудь ученикъ похвалиться, и скажетъ инспектору:

— Я, Гавриле Григорычъ, къ завтраму ужъ выучилъ урокъ.

— А мнѣ-то что, скажете на это инспекторъ. Завтра твой урокъ будутъ слушать, кромѣ меня, двое: аудиторъ и учитель; а вотъ ты лучше покажи-ка мнѣ, чиста ли на тебѣ рубашка, да скажи, часто ли мѣняешь бѣлье, часто ли ходишь въ баню, есть-ли у тебя гребешокъ, ухвертка, часто-ли руки моешь?

— Руки мы вовсе не моемъ, отвѣтитъ ученикъ, хозяйка воды не даетъ, много, говоритъ, держите. А бѣлье мы рѣдко мѣняемъ отъ того, что хозяйка сердится: «на васъ, говоритъ, не намоешься.»

Вотъ инспекторъ и за хозяйку принимается, и пойдетъ, и пойдетъ. Увидитъ течь съ окошекъ, сырость въ углу, и посоветуетъ онъ хозяйкѣ форточку въ окопкѣ сдѣлать, или нечку поправить, спроситъ ее, гдѣ и на чемъ ребята снятъ, какую приварку кушаютъ, осмотритъ постельки, хлѣбъ. Разспроситъ учениковъ, въ какія они игры играютъ въ часы досуга, посоветуетъ имъ въ бабки бить бабками легонькими, а не оловомъ налитыми, и не плитками, потому что чугунныя плитки часто попадаютъ въ ноги неосторожнымъ, а оловянки сильно отскакиваютъ, и попадаютъ играющимъ то въ лобъ, то въ глазъ, то въ носъ, и оставляютъ на тѣлѣ тяжелые боевые знаки. Потребуется мячикъ, и мячикъ собственноручно ошунаетъ, не набить ли онъ, кромѣ шерсти, какиминибудь лишними веществами, напримѣръ, шляпками отъ гвоздей, черепками... Смѣшно, больно смѣшно... Придетъ въ нашу квартиру, сниметъ съ гвоздя скрипку, настроитъ ее, заставитъ меня поиграть, похвалитъ, по головѣ погладитъ... насмѣнитъ, право, хоть кого. Смотритель не любилъ Гаврила Григорыча за то, что онъ не слѣдовалъ методъ обращенія съ учениками, какую тогъ одобрялъ въ другихъ *примѣрныхъ*, по его мнѣнью, учителяхъ «и за всякій ничтожный промахъ по службѣ дѣлалъ инспектору по одному выговору и по сту замѣчаній *къ слову*. Учителя не могли и не хотѣли сочувствовать инспектору, потому что съ нѣкоторыми небольшими не-

достатками онъ соединялъ въ себѣ и крупный, котораго они не умѣли прощать ему: Гаврило Григорьичъ позволялъ себѣ свободу мнѣній, переходившую за черту умѣренности, и былъ не воздерженъ на языкѣ. Про одного изъ примѣрнѣйшихъ учителей, Горгонія Мелитоновича, смотритель говорилъ, что это рѣдкій человѣкъ. Инспекторъ съ этимъ совершенно соглашался; но и смотритель, и инспекторъ немного расходились только въ точкахъ зрѣнія, съ которыхъ смотрѣли на эту рѣдкость. Смотритель Горгонія Мелитоновича находилъ рѣдкимъ по уму, а Гаврило Григорьичъ говорилъ про него: «у Горгонія на лбу написано: еггаге humanum ея, что ни скажетъ, что ни сдѣлаетъ, — все глупость отборная, зернышко къ зернышку, безъ всякой посторонней примѣсп». Про Артемія Артемьича инспекторъ говорилъ: «этотъ человѣкъ годенъ во всякую упряжь, онъ съ одинаковымъ успѣхомъ можетъ проходить должности и наемной плакальщицы, и ефрейтора съ палками по за фруту, и просвѣтителя духовнаго юношества». Викторину Якимычу, къ которому питалъ нѣкоторое расположеніе за его простоту и добродушіе, Гаврило Григорьичъ въ глаза говорилъ: «добрь-то ты, добрь, да чортъ-ли въ тебѣ. Ты готовъ для сосѣда и лошадь запречь, только съ хвоста хомутъ надѣваешь; для потѣхи мучишь и себя, и лошадь, а сосѣду все-таки не дѣлаешь услуги». О смотрителѣ инспекторъ говорилъ, что ему болѣе пристало служить каптенармусомъ, или продовольствовать казенный курятникъ, чѣмъ быть начальникомъ училища. Училищное начальство за все это щедро ему отплачивало. Смотритель при экзаменахъ съ намѣреніемъ обходилъ стороною нужные вопросы, надъ разрѣшеніемъ которыхъ не задумались бы ученики инспектора, придирался къ мелочамъ, и сбивалъ на нихъ ребятъ. Примѣрные учителя ревностно помогали ему въ этомъ. Гаврило Григорьичъ горячился, выходилъ изъ себя, и отъ того выходило еще хуже. Впрочемъ никакія постороннія побужденія не могли отвлечь его отъ прямого пути, и честная натура его не могла сойти съ однажды избранной дороги. Онъ остался тѣмъ, чѣмъ былъ, и потому долженъ былъ оставить училище. Бросая службу при духовномъ училищѣ, онъ сдѣлалъ уступку общественному училищному мнѣнію, если, впрочемъ, равнодушіе къ заслугамъ,

совершеннымъ во имя блага духовныхъ маленькихъ воспитанниковъ, можно назвать общественнымъ мнѣніемъ. Къ счастью Гаврила Григорыча, его звалъ директоръ гимназій, посоветовалъ ему ѣхать въ университетъ, гдѣ онъ выдержалъ блестящій экзаменъ на старшаго учителя, и вскорѣ въ N—ской гимназій прибрѣлъ право на уваженіе гимназистовъ, какъ одинъ изъ лучшихъ преподавателей.

Честъ вамъ и слава, господа просвѣтители духовнаго юношества! Гоните изъ среды себя честныхъ, разумныхъ и трудолюбивыхъ дѣятелей; пусть ихъ подбираютъ на здоровье для свѣтскихъ учебныхъ заведеній. Вѣдь вамъ для роли наставниковъ при вашихъ заведеніяхъ нужны прежде всего работливые слуги всякому лицу, власть имѣющему, а тамъ пусть они, эти наставники

не немножко дерутъ.

во всѣхъ значеніяхъ этого эластическаго слова, лишь бы только были

„съ прекраснымъ поведеніемъ“.

Въ семинаріи педагоги были немного поделкатнѣе описанныхъ нами; въ обращеніи ихъ съ учениками было меньше той звѣрскаго грубости, какою удивляютъ учителя училища, но что касается до педагогическихъ способностей, то въ этомъ они очень немного опередили ихъ. Въ самомъ дѣлѣ невѣжество семинарскихъ педагоговъ часто доходило до смѣшнаго.

Всѣ наставники семинаріи обыкновенно или магистры или кандидаты академій, слѣдовательно всѣ они выходятъ изъ академій «во всеоружіи истины и знанія.» Значать каждый семинарскій наставникъ, безъ сомнѣнія, ученый человекъ; но частности, изъ которыхъ состоитъ ученость подобныхъ людей, на самомъ дѣлѣ представляютъ столько уморительныхъ чертъ, что поневолѣ удивляешься, какъ ихъ можно назначать образователями юношества. Однажды въ нашемъ классѣ выбылъ одинъ изъ двухъ профессоровъ математики, и слышимъ мы, что скоро на мѣсто выбывшаго опредѣленъ новичекъ изъ академій. Ждемъ новаго наставника, а сами пока ходимъ въ

классъ математики къ учителю втораго отдѣленія. Такъ прошло класса съ три или четыре. Но вотъ, слышимъ, приѣхалъ жданный профессоръ. На другой день ректоръ пришелъ съ нимъ въ классъ, чинъ чиномъ ввелъ его въ должность и оставилъ въ классѣ. Профессоръ, какъ водится, поводчивалъ насъ вступительной рѣчью, говорилъ весьма убѣдительно о пользѣ и необходимости знанія математики, сказалъ даже, что безъ математики нельзя обойтись и въ будущей жизни, потому что тамъ каждому будетъ воздаваться числомъ, мѣрою и вѣсомъ, говорилъ, однимъ словомъ, краснорѣчиво до-нельзя. Кончивъ рѣчь, онъ подошелъ къ одному изъ учениковъ, и спросилъ:

— Что до меня дѣлали?

— Занимались повтореніемъ второй части ариметики, отвѣчаетъ ученикъ.

— Что за вздоръ! Это вы должны были знать еще въ училищѣ.

— Николай Николаичъ счелъ нужнымъ повторить съ нами вторую часть ариметики.

— Что къ сегодняшнему классу готовили?

— Объ извлеченіи кубическихъ корней.

— Къ доскѣ.

Ученикъ подошелъ къ доскѣ, взялъ мѣлокъ, написалъ данное число и пошелъ работать. Работалъ, работалъ, да и остановился — не туда, видите, забрался маленько. Профессоръ взялъ другой мѣлокъ, сталъ, было, поправлять ученика, да забрался ужъ совсѣмъ не туда. Сконфузился немножко, велѣлъ водать учебникъ, читалъ про себя долго и со вниманіемъ главу объ извлеченіи кубическихъ корней, потомъ сложилъ книгу, взялъ заячью лапку, стеръ съ доски все, кромѣ даннаго числа, пошелъ писать, и снова сбился на старый ладъ. Покраснѣлъ найтъ д'Аламберъ, какъ вишня, взялъ шляпу, раскланялся и вышелъ. Въ слѣдующій классъ, онъ извлекъ кубическій корень безъ ошибки, совершенно вѣрно, и пошелъ читать математику своимъ порядкомъ. Вотъ читаемъ мы ужъ геометрію. У доски стоятъ профессоръ съ учебникомъ и ученикъ съ мѣлкомъ въ одной рукѣ и съ заячьей лапкой въ другой. Входитъ ректоръ. Ученикъ, не знаю для чего, смѣлъ съ доски лапкой, что было на ней начерчено.

— Тутъ, кажется, былъ начерченъ *прямоугольный* треугольникъ, спрашиваетъ ректоръ.

— Точно такъ, отвѣчаетъ профессоръ.

— А сколько прямыхъ угловъ въ *такомъ* треугольнике, спрашиваетъ ректоръ ученика.

— Смотря потому, какъ великъ треугольникъ, отвѣчаетъ ученикъ, нѣсколько подумавъ.

— Полно, такъ ли? говоритъ ректоръ, поглядывая съ недоумѣніемъ на учителя. У васъ какъ въ учебникѣ?

— Въ учебникѣ объ этомъ ничего нѣтъ.

— Должно быть не дошли еще?

— Должно быть, отвѣчаетъ учитель, вышедшій нѣкогда изъ академіи во всеоружіи знанія.

Приходитъ экзаменъ. Добираются до математики. Вызванный къ доскѣ ученикъ въ математикѣ ничего не смыслить, но онъ знакомъ съ процессомъ писанія математическихъ задачъ, и увѣренъ, что всѣ учителя, не исключая и экзаменатора, знаютъ математику не лучше его. Смыслить въ ней, сколько нужно для наставниковъ семинаріи, только учитель его, да учитель математики во второмъ отдѣленіи; но они по правилу товарищества другъ друга благообразно щадятъ и не выдаютъ. Вотъ кто нибудь изъ учителей задастъ неизбѣжный на каждомъ экзаменѣ вопросъ, когда доходить дѣло до математики:

— Какъ это, съ чего это сложенные минусъ да минусъ, по правиламъ математики, даютъ плюсъ? — И чтобы пуше озадачить ученика, указываетъ на несообразность этого правила съ натурою. — Какъ же это: у меня въ карманѣ нѣтъ ничего, и я долженъ тому рубль, другому два, а какъ сложу мои долги, такъ у меня и очутятся въ карманѣ три рубля?

— Что два сложенныхъ минуса составляютъ плюсъ, мы это сейчасъ докажемъ примѣромъ, говоритъ смѣло ученикъ. Онъ заноситъ руку съ мѣлкомъ, какъ можно, выше, безъ милосердія стучитъ имъ по доскѣ, громогласно перекликаетъ всѣ буквы изъ латинской азбуки по очереди: *a* минусъ, *b* минусъ, *c* плюсъ, *d* плюсъ...

— Что ты городишь, шепчетъ непривычный къ дѣлу учи-

тель, стоя у доски возлѣ ученика. Но ученикъ невозмутимо продолжаетъ кричать и писать далѣ латинскія буквы, знаки умноженія, знаки дѣленія, пробуетъ ставить по одной буквѣ, по двѣ, по три, по пяти буквъ въ рядъ безъ всякихъ знаковъ, захватываетъ къ числу какъ-то невзначай попавшійся на встрѣчу русскій фертъ, становится въ заключеніе знакъ равенства, за нимъ двѣ точки, восклицаетъ: «что и требовалось доказать», кладетъ мѣлокъ и заячью лапку на табуретъ и лѣзетъ въ карманъ за платкомъ, чтобъ обтереть забѣленные руки.

— Довольно, говоритъ экзаменаторъ, и вызываетъ по списку другаго. — Теперь изъ паскалин. Отыщите число, въ которое начнется пасха въ слѣдующемъ году.

— По какому способу прикажете, спрашиваетъ учитель.

— По какому хотите.

— Мы отыщемъ число пасхи въ слѣдующемъ году по способу Госса.

— Хорошо. Потрудитесь по способу Госса.

Ученикъ пишетъ на доскѣ, учитель въ полголоса подсказываетъ.

— Что вышло, спрашиваетъ экзаменаторъ.

— Пасха въ слѣдующемъ году будетъ 10-го апрѣля.

— Ха, ха, ха! Да вѣдь это во вторникъ выходитъ. Учитель смутился, ученикъ — ничего.

— Позвольте! мы отыщемъ число пасхи по ручной паскалин, докладываетъ учитель математики.

— Ну, ну! отыскивайте. Ученикъ и учитель пялятъ передъ собою пальцы то той, то другой руки, пересчитываютъ ихъ по суставамъ то съ ладони, то со спинки, наконецъ сказываютъ число пасхи въ слѣдующемъ году, къ слову сказать, со всѣмъ не то, какое выходило по способу Госса.

— Ха, ха, ха! Да вѣдь это въ четвертокъ выходитъ, говоритъ экзаменаторъ. Учитель опять пялитъ пальцы передъ носомъ, опять считаетъ ихъ по суставамъ и докладываетъ экзаменатору, что число сказано вѣрно и что оно будетъ въ воскресенье.

— Ну, если вѣрно, такъ и хорошо, говоритъ экзаменаторъ, а если въ воскресенье, такъ и лучше того. Хорошо-съ.

И вызываетъ по списку третьяго. Этому досталось читать изъ геометріи.

— Что такое лвія вертикальная, спрашиваетъ экзаменаторъ?

Ученикъ, въ затрудненіи, поглядываетъ то на экзаменатора, то на учителя, не знаетъ, что говорить, наконецъ поднимаетъ нѣсколько правую руку передъ собой, четыре пальца сжимаетъ въ кулакъ, и пятымъ указательнымъ показывая на носокъ своего сапога, говорить:

— Вотъ.

— Видно, что имѣетъ понятіе, говоритъ экзаменаторъ, и учитель, поклонившись экзаменатору въ знакъ согласія, велитъ ученику читать дальше. Вызываютъ еще ученика. На сценѣ учитель естественныхъ наукъ. Ученикъ читаетъ.

— Какъ же это, спрашиваетъ экзаменаторъ, можно превращать всякое твердое тѣло въ жидкое? А наприѣръ желѣзо, дерево? Ученикъ, по обыкновенію, молчитъ. Учитель говоритъ за него, что желѣзо при столькихъ-то градусахъ жару приходитъ въ состояніе кипѣнія.

— Ну, а дерево?

Учитель, облеченный во всеоружіе знанія, не хочетъ связываться съ такимъ мелочнымъ вопросомъ; и вопросъ проходитъ не разрѣшеннымъ. На сценѣ учитель психологіи. Ученикъ читаетъ.

— Что такое *изящное*? спрашиваетъ экзаменаторъ, подхвативъ на лету это слово.

— Изящное есть.... отвѣчаетъ ученикъ и кашляетъ въ руку. Учитель хоть и говорилъ въ классѣ объ изящномъ, быть можетъ, не сто разъ, говаривалъ даже много «о неупержимомъ влеченіи развитыхъ организацій къ изящному», а объ изящномъ все-таки не составилъ для себя надлежащаго понятія.

— Подъ именемъ изящнаго, отвѣчаетъ онъ за ученика, разумѣется все изъятное изъ обыкновеннаго круга вещей. Игра словъ ушла въ дѣло и ученикъ пошелъ читать дальше. Выступастъ учитель герменевтики. Ученикъ читаетъ: «для того, чтобы правильно толковать какую нибудь книгу св. писанія, нужно ее прежде раздѣлить на части.»

— А для того, чтобы правильно раздѣлить книгу св. писанія на части, нужно, по моему, прежде правильно протол-
Отд. I.

ковать ее, возражаетъ весьма основательно одинъ изъ учителей.

— Ужели вы такъ стали бы толковать св. писаніе, спрашиваетъ учитель герменевтики учителя возразившаго?

— А почему же бы и не такъ?

— Изъ вашего толкованія ничего бы путнаго не вышло.

— Отъ чего же бы не вышло.

— Повѣрьте Господу Богу, что ничего бы путнаго не вышло. Продолжайте, говорить онъ, обращаясь къ ученику.

Принимаются за богословіе. Тутъ много толковать нечего. Къ тому же догматическое богословіе преподаетъ ректоръ, т. е. самъ экзаменаторъ. Самъ экзаменаторъ даетъ возраженія, самъ же на нихъ и отвѣчаетъ. Учителя только изъ приличія щекотятъ легонько учениковъ и изъ учтивости предлагаютъ вопросы такого свойства, чтобы преподаватель могъ отвѣчать на нихъ полновѣснѣе.

По этимъ экзаменамъ можно составить себѣ полное понятіе о тѣхъ свѣденіяхъ, какими наполняли здѣсь наши головы.

VII.

Грустно описывать день за днемъ печальную повѣсть моей семинарской жизни, съ ея мертвящимъ однообразіемъ, вѣчными доносами, выговорами, замѣчаньями и неприличными фигурами учителей-недантовъ. Грустно потому, что здѣсь не начемъ отдохнуть, не начемъ остановить спокойнаго взгляда. Приступлю лучше прямо къ описанію тѣхъ событій, подъ вліяніемъ которыхъ я дышалъ легко, развивался быстро, и свѣтло глядѣлъ въ будущее. Эти событія, не касающіяся впрочемъ семинарской жизни, такъ важны для меня и такъ рельефно характеризуютъ взгляды духовенства на сословія свѣтскія, что мнѣ хочется описать ихъ поподробнѣе.

Это было въ то время, когда я долбилъ уже логику и психологию, то есть былъ въ классѣ философіи, а отъ роду тогда было мнѣ уже около 18 лѣтъ. Пробаторъ мой кончилъ курсъ, женился, посвятился во священника и уѣхалъ на мѣсто. Да

еслибы пробаторъ мой и не кончилъ курса, не женился и не уѣхалъ бы на мѣсто, я все же не былъ бы теперь подъ его опекой; вѣдь я теперь не училищный ученикъ, а ученики семинаріи сами становятся пробаторами и берутъ училищныхъ учениковъ подъ свое покровительство.

А хорошо жить, когда не чувствуешь надъ собою опеки пробатора, право хорошо. Прежде бывало безъ спросу не выдешь на улицу, а теперь идешь себѣ смѣло куда хочешь, и не имѣешь нужды лгать и увѣрять пробатора, что ходилъ молъ туда, гдѣ вовсе не бывалъ. Старшій только немножко надоѣдаетъ. Бываетъ, не застанетъ меня во время мѣсть (отъ 5 до 8 часовъ вечера), и скажетъ, чтобъ я явился къ нему. Прихожу.

— Вы, Ливановъ, часто уходите за мѣстами съ квартиры, замѣчаетъ мнѣ старшій.

— Я ухожу съ квартиры, когда уже все приготовлю и выучу къ слѣдующему дню, отвѣчаю я.

— Все же за мѣстами надобно ученикамъ быть на мѣстахъ, замѣчаетъ старшій.

А я уходилъ тогда съ чисто-артистическою цѣлью. Дѣлю въ томъ, что я любилъ музыку до-нельзя, до того любилъ, что даже самъ въ часы досуга выучился играть на скрипкѣ и довольно легко разбиралъ ноты. Въ сосѣднемъ съ нашей квартирой домѣ жили Камковы — мать съ дочерью, обѣ отличныя пѣянистки, которыя имѣли обыкновеніе заниматься музыкою въ тѣ часы, когда мы должны были сидѣть за мѣстами. Домъ Камковыхъ прехорошенькій, одноэтажный, о шести окнахъ на улицу, обшитъ тесомъ и выкрашенъ свѣтло-сѣрой краской. Онъ построенъ въ одну ливію съ домомъ Петра Петровича и отдѣляется отъ него небольшимъ садикомъ, смежнымъ съ нашимъ огородомъ. По межѣ между нашимъ огородомъ и садомъ Камковыхъ проходитъ плотный досчатый заборъ. Съ двора хозяйскаго садъ обнесенъ деревянной высокой рѣшеткой. Камковы не задолго до того купили этотъ домъ и перешли въ него; прежде они жили гдѣ-то въ другой части города. Когда я отправлялся въ семинарію или изъ семинаріи, то всегда проходилъ мимо дома Камковыхъ. И кучеръ такой у нихъ славный, всегда мнѣ кланялся бывало; Архипомъ звали. Я пробовалъ было слушать музыку въ растворенное окно

своей квартиры, но звуки плохо доходили до меня и я не могъ различить, кто играетъ, мать или дочь. Неудобство очевидное. Оно легко устранялось, когда я въ праздничной суконной парѣ, въ шелковомъ галстукѣ и жилетѣ, въ желтыхъ шелковыхъ перчаткахъ выходилъ на улицу, мѣрялъ шагами тротуары вдоль всего квартала, слушалъ въ оба уха, какъ играетъ та или другая Камкова и украдкой взглядывалъ иногда въ открытыя окна ихъ дома. Досадно только, что, предполагая видѣть въ окнѣ или мать или дочь Камкову, вдругъ иногда совершенно неожиданно я встрѣчался глазами съ длинной тощей фигурой какого-то смуглаго усача. А надобно отдать ему справедливость: онъ тоже превосходно игралъ на скрипкѣ и всегда съ Камковой матерью, вѣроятно потому, что она играла лучше дочери, въ игрѣ ея замѣтна была необыкновенная отчетливость и искусство, приобретаемая временемъ, навыкомъ, опытностью. Дочь играла тоже недурно, но ей всего тогда было лѣтъ четырнадцать или много-много пятнадцать. Въ нашемъ околоткѣ всѣ знали, кто такая старшая Камкова, какъ ее зовутъ и величаютъ по батюшкѣ и я узналъ это, тѣмъ болѣе, что на воротахъ прибитъ былъ листъ бѣлаго желѣза, на которомъ крупными четкими буквами прописано: домъ коллежской ассессорши Варвары Николаевой Камковой. Я узналъ даже, какъ зовутъ и дочь Камковой. Однажды я шелъ изъ семинаріи и услышалъ голосъ изъ окна, обращеннаго къ саду:

— Вѣрочка! Ты все еще въ саду. Какъ это тебѣ хочется бѣгать по мокрой травѣ послѣ дождя. Поди, сюда!

— Сейчасъ, маменька, откликнулась серебрянымъ голоскомъ Вѣрочка.

Знать Вѣрочка любитъ проводить время въ саду, ухаживать за нимъ, подумалъ я. Что жъ? занятіе прекрасное. Видно, что въ дѣвчкѣ развитъ вкусъ, и она находитъ удовольствіе не въ одной только музыкѣ....

Когда послѣ ужина я легъ въ постель, мнѣ, не знаю съ чего, прешли на умъ и Камковы, и рояль ихъ, и садъ, и заборъ, отдѣлившій его отъ нашего огорода. «Для чего это, думалъ я, было Камковой строить новый плотный заборъ? Извѣстно, что садки въ вашей мѣстности разводятся не столько для существенной какой нибудь выгоды, сколько для

удовольствія. Затѣмъ же огораживать этотъ садикъ непроницаемой стѣной? Не многое можно сказать въ пользу хозяйки, когда она лишаетъ сосѣдей удовольствія, которымъ могла бы подѣлиться съ ними безъ всякаго для себя ущерба. Въ тысячу разъ лучше было бы, если бы даже она отдѣлила садъ не заборомъ, а простой рѣшеткой.

На другой день послѣ классовъ, я съ книгою въ рукѣ прогуливался въ своемъ огородѣ возлѣ сада Камковыхъ и всматривалъ, нѣтъ-ли гдѣ въ заборѣ предательской щели, сквозь которую можно бы было, не нарушая приличій, любоваться разнаго рода растительностію въ саду сосѣдей. Щель скоро была отыскана въ самомъ выгодномъ для наблюденій мѣстѣ. Я сталъ осматривать садикъ Камковыхъ. Онъ имѣлъ не болѣе пятнадцати саженъ въ длину и десяти въ ширину, и былъ обрамленъ двойнымъ рядомъ березъ и липъ почтеннаго объема. Дорожки, усыпанныя пескомъ, были обсажены акаціями и сиренями; по всему саду въ живонисномъ безпорядкѣ густо разрослись кусты шиповника, малины, крыжовника, вишни и смородины черной и красной. Осматривая садъ, я обводилъ глазами по деревьямъ, кустамъ и цвѣтамъ, отдаленнымъ отъ забора. Вдругъ послышался вблизи тихій шелестъ, и въ пяти шагахъ отъ своего поста я увидалъ спящую Вѣрочку. Дочь Камковой я видалъ и прежде нѣсколько разъ, но видалъ не иначе, какъ мелькомъ, вскользь, въ окошкѣ или оградѣ, когда проходилъ мимо; зналъ я, что она хорошенькая дѣвушка, но не могъ составить себѣ надлежащаго понятія объ ея красотѣ. Теперь я могъ разсмотрѣть ее совершенно. Приютясь въ голубой тѣни густой сирени, бывшей въ полномъ цвѣту, Вѣрочка спала сладкимъ сномъ. Ея головка покоилась на грудѣ цвѣтовъ и зелени. Одну руку она закинула подъ голову, а другая рука лежала на груди. Возлѣ спящей лежала раскрытая книга, должно быть русская... Я забылъ все и вязъ, и зеленую скамейку полъ нимъ, и акаціи, и сирени, и не могъ отвести глазъ отъ спящей красавицы. Вдругъ Вѣрочка открыла глаза, откинула пряди волосъ, падавшія ей на лицо, оглянулась вокругъ, и пошла къ горкѣ, покрытой цвѣтами. «Сколько красоты, сколько жизни!» думалъ я любуясь ею...

— Что вамъ тутъ надобно, молодой человекъ, раздастся недалеко отъ меня знакомый голосъ Варвары Николаевны.

Я и забылъ, что тамъ, гдѣ оканчивался садъ Камковыхъ, начинался ихъ огорода и шель рядомъ съ нашимъ огородомъ, изъ котораго я дѣлалъ теперь свои наблюденія. Огороды отдѣлялись одинъ отъ другаго рѣдкимъ тыномъ, и такимъ образомъ изъ огорода Камковой можно было видѣть все, что дѣлалось въ нашемъ огородѣ. Я увидалъ Варвару Николаевну; она стояла у самага тына.

— Я, сударыня, люблюсь вашимъ садомъ, сказалъ я, покраснѣвъ до ушей.

— Вы бы съ моего позволенія могли войти въ садъ обыкновенной дорожкой и любоваться имъ, сколько угодно, а не подсматривать въ щели забора. Не хорошо, молодой человекъ.

Я былъ въ положеніи лакея—мальчика, пойманнаго у барской сахарницы въ то самое время, когда оцъ менѣе всего ожидалъ, что за нимъ наблюдаютъ. Совершенно уничтоженный, я не догадался даже извиниться передъ Камковой и, краснѣя отъ стыда, пошелъ домой.

Весь остальной день я ничего не дѣлалъ и не спалъ всю ночь; я стыдился самого себя. На нашей половинѣ, т. е. на половинѣ, гдѣ жили семинаристы, все было такъ шумно, весело, всѣ громко разговаривали, шутили, смѣялись, а у меня на душѣ словно кошки скребуть. Мнѣ было досадно смотрѣть на беззаботныя лица товарищей, и я ушелъ на хозяйскую половину, въ кухню.

— Что это какой ты сегодня не веселый, Григорій Дмитриевичъ, спросилъ меня Петръ Петровичъ.

— Такъ, отвѣчалъ я, махнувъ рукой.

— Нѣтъ, что нибудь да не такъ. У тебя, братъ, слезы-то на порогѣ, какъ я погляжу.

Я дѣйствительно заплакалъ и закрылъ лицо руками.

— Расскажи ты мнѣ, пожалуйста, что у тебя за горе такое? Неужели я не стою твоего довѣрія.

Я сказалъ доброму Петру Петровичу, что сокрушало меня.

— Добрый знакъ, добрый знакъ, сказалъ Петръ Петровичъ, удара меня слегка безпалой рукой по плечу. Стыдъ знаешь, стыдъ имѣешь, добрый знакъ, человекомъ будешь.

А то вѣдь у вашей братьи — семинаристовъ, почти у всѣхъ, стыда-то на выѣденное яйцо не бываетъ, Богъ васъ любви.

— Есть кого стыдиться, виѣшалась Мавра Степановна, жена Залѣнова. Ей ли, этой Камковой, стыдить другихъ. Не знаемъ что ли мы ничего.

— Тебя тутъ не спрашиваютъ, отвѣтилъ ей Петръ Петро-вичъ. Не хорошо ты сдѣлалъ, Григорій Дмитріевичъ, конечно, не хорошо. Но твое дѣло поправное: кручиниться не о чемъ, Камкова женщина предобрая. Какъ сосѣду, мнѣ нельзя не знать этого. Я бывалъ у нея нѣсколько разъ. Ступай завтра къ Камковой, извинись.

— Что же я скажу ей, спросилъ я, нѣсколько обрадован-ный совѣтомъ хозяина: потому что и самъ думалъ объ этомъ.

— Умѣешь стыдиться, такъ съумѣешь и извиниться. При-готовляться тутъ нечего. Ты писака вѣдь!.. пожалуй цѣ-лую рѣчь настрочишь въ листъ кругомъ! Виновать, такъ вино-вать, извините мога, Господь вамъ на встрѣчу и — все тутъ.

На другой день по утру, когда мы ушли въ семинарію, добрый Петръ Петровичъ, не сказавъ мнѣ ни слова, сходилъ къ Камковой, рассказалъ ей о моемъ горѣ и рекомендовалъ ей меня съ лучшей стороны. Она дала Петру Петровичу сло-во, что постарается успокоить меня.

Въ семь часовъ вечера пошелъ я къ Камковой.

— Милости просимъ, милости просимъ, сказала она, встрѣ-тивъ меня въ загѣ и движеніемъ руки приглашая за собою въ гостиную. — Прошу садиться, сказала она, садясь на софу и указывая мнѣ на кресло.

— Извините меня, сударыня, сказалъ я, нерѣшаясь сѣсть. — Я много виноватъ предъ вами...

— Не поминайте пожалуйста стараго, перебила она смѣ-ясь. Я рада, что пустому случаю обязана пріятнымъ знаком-ствомъ съ вами. Не даромъ говорятъ: нѣтъ худа безъ добра. Да, садитесь, сдѣлайте милость. Вы кажется, любите музыку?

— Отъ кого вы объ этомъ узнали, Варвара Николаевна, спросилъ я.

— Отъ васъ самихъ.

— Не знаю, гдѣ я объ этомъ проговорился вамъ. Если толь-

ко память мнѣ не измѣняетъ, я всего только второй разъ въ жизни имѣю удовольствіе говорить съ вами.

— Когда я или дочь моя садимся за фортепьяно, вы всегда ходите около нашего дома. Значитъ вы слушаете нашу музыку? Не правда ли?..

Я кашлянулъ въ фуражку и покраснѣлъ... отъ удовольствія, что мое вниманіе къ артисткамъ было ими замѣчено.

— Вы вѣдь тоже музыкантъ, играете, кажется, на скрипкѣ? продолжала спрашивать Варвара Николаевна.

— Мнѣ остается только удивляться вашему многознанію.

— Сосѣдямъ простиительно знать кое-что другъ о другѣ. Вѣрочка! А Вѣрочка!

Въ дверяхъ гостиной показалась знакомая уже мнѣ красавица въ томъ же бѣломъ короткомъ платьицѣ, въ которомъ я видѣлъ ее назадъ тому два дня въ саду.

— Рекомендую тебѣ твоего соперника, или лучше, собрата по искусству — Ливанова, Григорья Дмитриевича, нашего сосѣда.

Я раскланялся съ Вѣрочкой, какъ умѣлъ.

— Вы играете на скрипкѣ, спросила Вѣрочка, садясь на софу и прижимаясь лицомъ къ плечу матери.

— Точно такъ.

— Панъ Ракоцкій никогда не хочетъ играть со мной. Мы будемъ играть съ вами. Мамаша! ты позволишь мнѣ просить Ливанова бывать у насъ?

— Мы будемъ друзьями, сказала Варвара Николаевна. Прешу приходить къ намъ за-просто, когда будетъ вамъ угодно.

— Прекрасно, продолжала Вѣрочка; — такъ позвольте, Ливановъ, послать за вашей скрипкой?

Я согласился, скрипка была принесена и черезъ пять минутъ мы съ Вѣрочкой уже играли вмѣстѣ... мазурку Хлюницкаго. За тѣмъ отъ этой пьески мы перешли и къ другимъ. Вѣрочка была въ восторгѣ. Она играла одну пьесу за другой, почти не останавливаясь.

— Не дурно, очень не дурно, сказалъ длинный смуглый усачъ, панъ Ракоцкій, входя въ залу и здороваясь съ Камковыми.

Я положилъ скрипку и смычокъ на роуль.

— Надѣюсь, Вѣра Александровна, вы не будете теперь на меня сердиться за то, что я не играю съ вами, сказалъ Ракоцкій. Вы нашли себѣ товарища.

— Надѣюсь, что и вы, панъ Ракоцкій, будете рады отдохнуть, сказала полусерьезнымъ, полужутливымъ тономъ Вѣрочка.

— Еще бы; признаюсь, очень радъ.

Странное дѣло! Пока у Камковыхъ я былъ одинъ, пока былъ увѣренъ, что никто не слѣдитъ за мной, кромѣ хозяйки и ея дочери, я не чувствовалъ смущенія, или почти не чувствовалъ. Искренняя доброта женщинъ всеильна; подъ вліяніемъ ея и самый робкій мужчина находитъ довольно смѣлости и довѣренности къ самому себѣ, чтобъ войти въ свой характеръ и не бояться за каждое слово, за каждое движеніе; положеніе свое я находилъ нисколько не затруднительнымъ и даже очень пріятнымъ. Но съ приходомъ Ракоцкаго оно совершенно измѣнилось. Онъ былъ вполне свѣтскимъ человекомъ, умѣлъ держать себя ловко, говорить милый вздоръ остроумно и, въ сравненіи съ нимъ, я казался такимъ мизернымъ и неловкимъ, что становилось стыдно за самого себя. Осмѣлившись сказать что нибудь, я торопился закрыть себѣ ротъ: мнѣ думалось немного ли ужъ сказалъ я. Когда же я замѣчалъ, что говорилъ мало, мнѣ становилось страшно: не найдутъ ли меня здѣсь глупымъ отъ того, что я такъ мало говорю; въ нихъ и безъ того должно быть предубѣжденіе противъ семинаристовъ. Предлагая мнѣ стаканъ чаю, Варвара Николаевна спросила.

— Вамъ чего угодно: сливокъ или лимону?

Отъ лимона я отказался и налилъ въ стаканъ сливокъ. Съ вторымъ стаканомъ я почему-то взялъ лимону. Съ третьимъ стаканомъ я взялъ пару сухарей, но мнѣ показалось это много, я воротился и одинъ сухарь положилъ на столъ. Садясь на мѣсто, я сдѣлалъ неловкое движеніе и налилъ горячаго чаю себѣ въ рукавъ. Однимъ словомъ я началъ дѣлать глупости. Впрочемъ это глупое состояніе мое скоро прѣшло. Ракоцкій, сверхъ всякаго моего ожиданія, оказался человекомъ чрезвычайно добрымъ, любезнымъ и предупредительнымъ. Узнавъ, что я семинаристъ, онъ не показалъ мнѣ и тѣни пренебреженія, напротивъ старался ободрить меня, показывая видъ, что

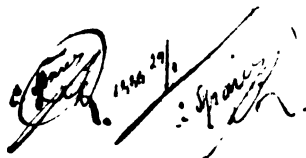
ничего не замѣчаетъ. О Варварѣ Николаевнѣ и говорить нечего: никто не могъ быть любезнѣе ея, когда она хотѣла быть любезною. И Ракоцкій, и хозяйка на перерывъ другъ передъ другомъ старались занять меня, и слушая этихъ людей, я мало по малу сбрасывалъ съ себя робость, смущеніе и застѣнчивость, такъ свойственныя людямъ, попавшимъ въ первый разъ въ общество, для нихъ совершенно чужое. Ракоцкій говорилъ со мной много и долго. И Боже мой! о чемъ только не переговорили мы съ нимъ. Наконецъ я дошелъ до такой смѣлости, что просилъ хозяйку и Ракоцкаго сыграть что нибудь вѣстѣ. Само собою разумѣется, что они не дожидаясь повторенія моей просьбы. Ракоцкій вытаскилъ изъ подъ рояля ящикъ, вынулъ оттуда скрипку, смычокъ, поставилъ небольшой столикъ подлѣ рояля, за которымъ уже сидѣла хозяйка, и раскрылъ тетрадь нотъ, пригласивъ меня сѣсть съ нимъ рядомъ. Играли «Иогенію въ тавридѣ» Глюка. Я смотрѣлъ въ ноты и внимательно слѣдилъ за игрой Ракоцкаго. Игра его отличалась теплотою чувства, чистотою и звучностью; это былъ первоклассный скрипачъ; для него на скрипкѣ не существовало трудностей.

— Жаль, Варвара Николаевна, сказалъ Ракоцкій, когда перестали играть, — что вамъ нельзя было наблюдать за Ливановымъ. Въ какомъ онъ былъ восторгѣ! Какъ у него горѣли глаза и лицо! У васъ, вѣрно, страсть къ музыкѣ, спросилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

Я сказалъ, что дѣйствительно люблю музыку и благодарилъ артистовъ за удовольствіе, доставленное мнѣ ихъ игрой.

Ракоцкій попробовалъ мою скрипку. Къ слову сказать, я купилъ ее за безцѣнокъ съ аукціона. Ракоцкій сказалъ, что скрипка моя очень не дурна. Развернувъ книгу нотъ, писанныхъ моею рукою, онъ нашелъ слишкомъ бѣднымъ репертуаръ вѣстѣ, играемыхъ мною, и просилъ меня безъ церемоній адресоваться къ нему за нотами, въ которыхъ у него недостатка не было никогда. Отъ Калжковыхъ вышелъ я въ самомъ веселомъ расположеніи дуна.

И. Осиповъ.

 14/10 29/0

(Факсимиле слѣдуетъ.)

ПРОГРЕССЪ ВЪ МІРѢ ЖИВОТНЫХЪ И РАСТЕНІЙ.

УМІ.

ЕСТЕСТВЕННЫЙ ВЫБОРЪ.

Индивидуальное разнообразіе бываетъ особенно сильно у домашнихъ животныхъ, и у тѣхъ растений, которыя подчинены вліянію человѣка. У дикихъ животныхъ и растений это разнообразіе также существуетъ, хотя выражается обыкновенно менѣе рѣзко. Нѣкоторыя индивидуальныя особенности могутъ быть вредны для животнаго, или для растенія, другія могутъ быть ему полезны, третьи, наконецъ, могутъ быть безразличны. Напримѣръ, одинъ волкъ одаренъ особенно острымъ обоняніемъ, другой отличается слабымъ развитіемъ мускуловъ, а у третьяго цвѣтъ шерсти немного потемнѣе или посвѣтлѣе, чѣмъ у товарищей. Первому волку острое обоняніе будетъ въ жизни большою подмогою; оно дастъ ему возможность съ особеннымъ успѣхомъ охотиться за разною добычею, и во-время убѣгать отъ всякихъ преслѣдователей. Второй волкъ, отличающійся слабыми мускулами, будетъ особенно часто подвергаться голоду и разнымъ опасностямъ; захочетъ онъ утащить къ себѣ въ дѣсь овцу, и не одолѣетъ этого дѣла; его застигнутъ люди на мѣстѣ преступленія, и онъ или будетъ убитъ, или будетъ принужденъ бросить свою добычу, и бѣжать къ дѣсу съ пустымъ желудкомъ. Наконецъ, третій волкъ будетъ

жить счастливо или несчастливо, смотря по обстоятельствамъ, но цвѣтъ его шерсти, по всей вѣроятности, не будетъ для него ни помѣхою, ни пособіемъ въ жизни. Первый волкъ, вѣроятно, проживетъ больше своихъ сверстниковъ, и, слѣдовательно, оставитъ послѣ себя болѣе многочисленное потомство. Второй волкъ, вѣроятно, погибнетъ раньше своихъ сверстниковъ, и слѣдовательно, или умретъ безъ потомства, или оставитъ послѣ себя немногихъ дѣтей. Нѣкоторые изъ дѣтей перваго волка получаютъ отъ отца его острое обоняніе; эти субъекты будутъ имѣть шансы пережить своихъ братьевъ, и передать свою наследственную особенность своимъ потомкамъ. Нѣкоторые изъ немногихъ дѣтей втораго волка получаютъ отъ отца его слабую мускулатуру, но каждый изъ нихъ будетъ имѣть очень мало шансовъ прожить долго, и передать свой наследственный порокъ будущимъ поколѣніямъ. Такимъ образомъ, острое обоняніе будетъ постоянно укореняться въ волчьей породѣ сильнѣе и сильнѣе, а ненормальная слабость мускуловъ будетъ постоянно выбрасываться вонъ. Что же касается до темныхъ или свѣтлыхъ оттѣнковъ шерсти, то они, какъ безразличныя качества, будутъ постоянно подвергаться колебаніямъ и мѣняніямъ. То, что мы видѣли на отдѣльномъ примѣрѣ, можетъ быть обобщено и распространено на весь органическій міръ. Всякая полезная особенность прививается къ породѣ, и удерживается въ ней, переходя отъ одного поколѣнія къ другому. Всякая вредная особенность уничтожается. Безразличныя особенности колеблются и мѣняются. Если мы вдумаемся только въ смыслъ словъ «полезный» и «вредный», и если мы припомнимъ, что, по закону наследственности, качества родителей обыкновенно передаются или всѣмъ дѣтямъ, или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторымъ изъ нихъ, то мы немедленно убѣдимся въ томъ, что наше обобщеніе не заключаетъ въ себѣ рѣшительно ничего натянутого или произвольнаго. Полезно то, что даетъ организму возможность одолевать противниковъ въ борьбѣ за жизнь; вредно то, что отнимаетъ у него эту возможность; слѣдовательно, полезная особенность, по самой сущности своей, придаетъ отдѣльному организму прочность, а вредная, также по самой сущности своей, сообщаетъ ему хрупкость. Прочный организмъ живетъ долго, и, стало быть, успѣваетъ породить много другихъ организмовъ, также прочныхъ; а хрупкій организмъ ломается скоро, и, стало быть, не успѣваетъ заселить міръ новыми хрупкими организмами. Поэтому, прочность организма, и все, что содѣйствуетъ

этой прочности, принимаетъ характеръ устойчивости и долговѣчности; а хрупкость и всѣ ея отдѣльные атрибуты, то есть, всѣ вредныя особенности, непремѣнно должны быть явленіями временными и мимолетными. Природа ежеминутно, въ громадныхъ размѣрахъ, производитъ надъ всѣми органическими существами ту операцію выбора, которую опытные заводчики производятъ надъ своими ручными животными. Но человекъ выбираетъ въ животныхъ и въ растеніяхъ тѣ особенности, которыя нравятся или приносятъ пользу ему, человеку, а природа, то есть, совокупность естественныхъ законовъ, выбираетъ и упрочиваетъ только то, что полезно самому животному или растенію; заводчикъ обыкновенно обращаетъ вниманіе только на то, что бросается въ глаза, а для природы не существуетъ никакого различія между внѣшними и внутренними органами; если проявилась у животнаго индивидуальная особенность въ печени или въ легкияхъ, и если эта особенность полезна, то она будетъ сохранена и упрочена, точно такъ же, какъ могла бы сохраниться и упрочиться совершенно очевидная особенность, проявившаяся въ устройствѣ ногъ, роговъ или ушей. Человекъ не позволяетъ быкамъ или жеребцамъ драться между собою за обладаніе самками, — а въ природѣ самцы дерутся, побѣда остается за самыми сильными, и слѣдовательно, качества сильныхъ побѣдителей упрочиваются въ потомствѣ. Жизнь человека коротка, и вкусы его измѣнчивы, а природа дѣйствуетъ на органическій міръ въ продолженіе безконечнаго ряда вѣковъ, и постоянно дѣйствуетъ по одному направленію, то есть, уничтожаетъ все, что слабо и хрупко, и поддерживаетъ все, что крѣпко и прочно. Этотъ законъ, по которому уничтожаются вредныя особенности, и сохраняются полезныя, называется у Дарвина закономъ естественнаго выбора. Вопросъ о томъ, что полезно, что вредно, и что безразлично, рѣшается для каждаго отдѣльнаго случая прямымъ опытомъ жизни; тутъ не можетъ быть никакихъ общихъ правилъ; все зависитъ отъ того, при какихъ условіяхъ живетъ данный организмъ, какую пищу ему приходится добывать, и отъ какихъ враговъ онъ терпитъ преслѣдованія. Для волка цвѣтъ шерсти не составляетъ никакой важности. Его преслѣдуютъ люди, которымъ обыкновенно помогаютъ собаки; собаки отыскиваютъ волка чутьемъ, а не зрѣніемъ, стало быть, какъ бы цвѣтъ волка ни сливался съ цвѣтомъ окружающихъ предметовъ, его все-таки отыщутъ и затравятъ; но для многихъ птицъ цвѣтъ перьевъ можетъ быть чрезвычайно полезенъ. Соколы, ястре-

бы, и другіе хищники съ высоты своего полета высматриваютъ себѣ добычу, и, конечно, имъ бросаются въ глаза преимущественно тѣ птицы, которыя своимъ цвѣтомъ рѣзко отдѣляются отъ окружающихъ предметовъ. Бѣлые голуби такъ часто дѣлаются жертвою хищныхъ птицъ, что въ нѣкоторыхъ странахъ любители или хозяева совсѣмъ не держатъ бѣлыхъ голубей. Многимъ породамъ дикихъ птицъ чрезвычайно полезно то обстоятельство, что онѣ по цвѣту своихъ перьевъ совершенно сливаются съ цвѣтомъ тѣхъ предметовъ, среди которыхъ онѣ постоянно живутъ. Альпійская куropатка зимою становится совершенно бѣлою, и этотъ цвѣтъ приносить ей пользу, потому что она постоянно держится на снѣжныхъ вершинахъ. Шотландскій тетеревъ, живущій среди бурьяна, отличается тѣмъ буроватымъ цвѣтомъ, который свойственъ этимъ растеніямъ. Другая порода тетерева держится на торфяникахъ, и сливается съ ними чернымъ цвѣтомъ своихъ перьевъ. Многія насѣкомыя, живущія на листьяхъ, отличаются зеленымъ цвѣтомъ; другія, живущія на древесной корѣ, принимаютъ бурый или сѣрый цвѣтъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ цвѣтъ составляетъ для животнаго одно изъ важнѣйшихъ оборонительныхъ средствъ, и чѣмъ онъ важнѣе для животнаго, тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ на него естественный выборъ. По всей вѣроятности было время, когда черный и бурый тетеревъ не составляли двухъ отдѣльныхъ породъ; тогда тетерева рождались и черные, и бурые, и пестрые, и, быть можетъ, даже бѣлые; водились они и на торфяникахъ, и въ бурьянѣ, и въ другихъ мѣстахъ. Но на торфяникахъ хищныя птицы истребляли почти всѣхъ тетеревовъ, кромѣ черныхъ, а въ бурьянѣ, почти всѣхъ, кромѣ бурыхъ; такимъ образомъ, случайное и легкое индивидуальное свойство, заключавшееся въ цвѣтѣ перьевъ, сдѣлалось, путемъ естественнаго выбора, постояннымъ отличительнымъ признакомъ цѣлой породы. И такимъ образомъ, изъ одной породы выработалось двѣ, три, или больше, смотря по обстоятельствамъ жизни. Когда за нѣсколькими породами птицъ окончательно упрочился цвѣтъ тѣхъ предметовъ, среди которыхъ онѣ проводятъ свою жизнь, тогда это обстоятельство должно было, въ свою очередь, подѣйствовать на зрѣніе хищниковъ, также посредствомъ естественнаго выбора. Бурого тетерева труднѣе разглядѣть въ бурьянѣ, чѣмъ черного, или пестраго, или бѣлаго; поэтому, когда остались въ бурьянѣ только одни бурые тетерева, тогда стали находить себѣ добычу только тѣ соколы или ястребы, у

которыхъ зрѣніе было особенно сильно. Остальнымъ хищникамъ приходилось часто голодать; ну, стало быть понятно, что особенно зоркіе хищники получили перевѣсъ надъ менѣе зоркими, оставили послѣ себя болѣе многочисленное потомство, передали нѣкоторымъ изъ своихъ потомковъ свое исключительно острое зрѣніе, и наконецъ, мало по малу, обратили эту высшую степень зоркости въ постоянное свойство нѣлыхъ видовъ и родовъ. Такъ могли воспитываться, и дѣйствительно воспитывались, въ теченіи вѣковъ и тысячелѣтій, всѣ органы и всѣ способности всѣхъ организмовъ. Слѣдуетъ замѣтить, что свойства родителей обыкновенно наследуются дѣтьми именно въ томъ возрастѣ, въ какомъ эти свойства обнаружались у родителей. Если въ какомъ нибудь семействѣ существуетъ наследственная болѣзнь, напримѣръ, сумасшествіе, или падучая, или подагра, и т. п., то эта болѣзнь проявляется обыкновенно у всѣхъ членовъ семейства въ одномъ и томъ же возрастѣ. То же самое замѣчается во всемъ органическомъ мірѣ. Если у насѣкомаго проявляется кака нибудь особенность въ личинкѣ, въ куколкѣ, или въ бабочкѣ, то и у дѣтей этого насѣкомаго особенность эта проявится въ той же самой фазѣ развитія. Если у птицы обнаружилась особенность въ формѣ яицъ, или въ цвѣтѣ того пуха, которымъ покрываются птенцы, то особенность эта такъ и будетъ обнаруживаться у слѣдующихъ поколѣній въ тѣ же самые періоды жизни. Когда я говорилъ о домашнихъ животныхъ и растеніяхъ, то я обратилъ вниманіе читателя на то обстоятельство, какимъ образомъ проявляется разнообразіе въ различныхъ сортахъ георгины, капусты и крыжовника. Мы видѣли тамъ, что систематическій выборъ чловѣка можетъ дѣйствовать или на цвѣты растенія, или на его листья, или на его плоды. То же самое можно сказать и объ естественномъ выборѣ. Если для растенія полезно имѣть, напримѣръ, такія сѣмена, которыя вѣтеръ уноситъ бы на далекія разстоянія, и которыя, вслѣдствіе этого, имѣли бы больше шансовъ упасть на незанятой клочекъ земли, то именно такія сѣмена и работаются путемъ естественнаго выбора. Это и случилось съ сѣменами тѣхъ желтыхъ цвѣтовъ, которые называются обдуванчиками, и которые дѣйствительно обдуваются вѣтромъ въ концѣ лѣта и въ началѣ осени. Такъ какъ процессъ естественнаго выбора вездѣ, во всемъ органическомъ мірѣ, совершается точь въ точь такъ, какъ я объяснилъ его въ трехъ примѣрахъ, — о волкѣ, о тетеревѣ, и о

живныхъ птицахъ, — то я уже больше не буду распространяться объ этомъ процессѣ по поводу каждаго отдѣльнаго примѣра. Я просто буду говорить: «путемъ естественнаго выбора», и надѣюсь, что читатель не будетъ затрудняться этими словами, которыя теперь уже должны быть для него совершенно понятны. У пѣкоторыхъ животныхъ есть такіе органы, которые бывають имъ необходимы только одинъ разъ въ жизни. У молодыхъ птицъ клювъ оканчивается твердою роговою частицею, которою птица продавливаешь скорлупу своего яйца, и которая впоследствии отваливается прочь. У пѣкоторыхъ насѣкомыхъ остаются на всю жизнь большія и крѣпкія челюсти, которыми насѣкомое разорвало свой коконъ, и которыя послѣ этого не приносятъ уже никакой пользы. Хотя эти органы дѣйствуютъ только одинъ разъ въ жизни, однако они также подчиняются естественному выбору, потому что тотъ моментъ, когда они дѣйствуютъ, рѣшаетъ всю судьбу животнаго, то есть, даетъ ему возможность жить, или осуждаетъ его на смерть. Птичка съ мягкимъ клювомъ не можетъ пробить скорлупу своего яйца, а насѣкомое, лишенное крѣпкихъ челюстей, не можетъ прогрызть свой коконъ; такая птичка и такое насѣкомое непремѣнно погибають до выхода своего на свѣтъ, и слѣдовательно, они никакъ не могутъ передать свою индивидуальную особенность слѣдующимъ поколѣніямъ. Здѣсь представляется намъ любопытный примѣръ того главнаго различія, которое существуетъ между вліяніемъ природы и дѣйствіемъ человѣка. Курносый турманъ, отличающійся отъ другихъ голубей своимъ воробьинымъ клювомъ, цѣнится тѣмъ выше, чѣмъ короче его клювъ. Выбирая постоянно самыхъ курносыхъ субъектовъ, любители довели эту породу до такой крайности, что пѣкоторые изъ самыхъ чистѣйшихъ ея представителей уже не могутъ выдупливаться изъ яйца. Клювъ такъ коротокъ, и его роговая частица такъ слаба, что курносой птичкѣ нечѣмъ продавить яичную скорлупу. Птицѣ пришлось бы погибать, и природа очень быстро уничтожила бы неуѣренную курносость, но любители этого не допускають. Они стерегутъ ту минуту, когда птица должна выходить изъ яйца, и потомъ сами осторожно продавливають скорлупу. Дѣйствуя такимъ образомъ, любители сформируютъ со временемъ такую породу птицъ, которая уже ни въ какомъ случаѣ не будетъ вылѣзать изъ яйца безъ посторонней помощи. Разумѣется, такая порода животныхъ безъ вмѣшательства человѣка не могла бы образоваться; какъ толь-

во вліяніе чловѣка превратилось бы, такъ чистѣйшіе представители этой породы погибли бы немедленно, и характерная особенность утратилась бы черезъ нѣсколько поколѣній, потому что эта особенность не могла бы поддерживаться естественнымъ выборомъ. Естественный выборъ можетъ развить и сохранить только тѣ особенности, которыя полезны самой породѣ, а никакъ не тѣ, которыя приносятъ выгоду или удовольствіе другому разряду животныхъ. Въ естественномъ состояніи только тотъ организмъ живетъ долго и размножается сильно, который самъ по себѣ здоровъ и крѣпокъ, а вовсе не тотъ, который одаренъ вкуснымъ мясомъ, тонкою шерстью, звучнымъ голосомъ или пріятною наружностью. Но когда организмъ попадаетъ подъ власть чловѣка, тогда, конечно, выдвигаются на первый планъ и получаютъ первостепенную важность именно тѣ впечатлѣнія, которыя этотъ организмъ производитъ на своего владѣльца. Оставляется на заводъ не тотъ баранъ, который всѣхъ крѣпче, а тотъ, у котораго шерсть особенно тонка. Оставляется на заводъ не тотъ голубь, который всѣхъ нормальнѣе, а напротивъ того, часто именно тотъ, который всѣхъ уродливѣе. Оттого-то мы и видимъ почти во всѣхъ породахъ нашихъ животныхъ и растений разныя приспособленія къ выгодамъ и прихотямъ чловѣка. Эти приспособленія не могли возникнуть и развиться во время дикой жизни нашихъ домашнихъ породъ; они сформированы уже послѣ ихъ прирученія, сформированы путемъ систематическаго или бессознательнаго вліянія чловѣка, а это вліяніе часто расходится съ естественнымъ выборомъ, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ идетъ ему наперекоръ, какъ мы это видѣли въ дѣлѣ курносыхъ турмановъ. Этимъ разладомъ между частными интересами чловѣка и общими интересами всей органической жизни объясняется тотъ замѣчательный фактъ, что ни въ Австраліи, ни на мысѣ Доброй Надежды не нашлось ни одного растенія, которое стоило бы обрабатывать въ огородѣ или въ фруктовомъ саду. Дѣло въ томъ, что наши домашнія растенія испытываютъ на себѣ вліяніе чловѣка въ продолженіи многихъ тысячелѣтій; поэтому они значительно уклонились отъ своего первоначальнаго типа, и уклонились именно въ ту сторону, въ которую гнулъ ихъ выборъ чловѣка. Что же касается до туземныхъ растений Австраліи и Капской земли, то они постоянно подчинялись только естественному выбору; дикари, жившіе въ этихъ земляхъ, не имѣли на нихъ никакого вліянія, и поэтому, въ нихъ не существуетъ тѣхъ приспособленій, которыми мы

перья. Они распускаютъ перстаради хвостъ и крылья, принимаютъ самыя необыкновенныя позы, вертятся, пляшутъ, и наконецъ, сдвигавши присутствующихъ зрителей, предоставляютъ имъ выбирать того или тѣхъ, кто умѣетъ имъ понравиться сильнѣе прочихъ. Здѣсь естественный выборъ, очевидно, направляется на нѣтъ и не-стрету перьевъ, и его постоянное дѣйствіе объясняютъ намъ также, почему у самокъ опереніе бываетъ обыкновенно красивѣе и ярче, чѣмъ у самокъ той же породы. Въ мирѣ растений, конечно, не можетъ быть ни борьбы между самцами, ни выбора со стороны самок; у очень многихъ растений женскіе и мужскіе органы соединены въ одномъ цвѣткѣ; мужскіе органы вырабатываютъ цвѣточную пыль, роняютъ ее на женскій органъ, и совершаютъ такимъ образомъ актъ оплодотворенія, послѣ котораго цвѣтокъ оканчиваетъ свое существованіе и превращается въ плодъ, заключающій въ себѣ семена. Здѣсь половыя отношенія, разумѣется, гораздо проще, чѣмъ въ мирѣ высшихъ животныхъ. У простѣйшихъ животныхъ и у тайнобрачныхъ растений они еще проще, но объ нихъ намъ не за чѣмъ говорить. У многихъ изъ высшихъ растений половыя органы находятся на разныхъ цвѣтахъ, такъ что одинъ цвѣтокъ имѣетъ въ себѣ только пестикъ, или женскій половой органъ, а другой — только тычинки, или мужскіе органы, вырабатывающіе цвѣточную пыль. Такое раздѣленіе органовъ выгодно для растенія, не смотря на то, что оплодотвореніе при этихъ условіяхъ не можетъ совершаться безъ посторонней помощи. Обыкновенно помогаютъ вѣтеръ и насекомыя. Выгода для растенія заключается тутъ въ томъ, что всѣ силы каждаго отдѣльнаго цвѣтка устремляются на одно отправленіе, вмѣсто того, чтобы дробиться между двумя различными занятіями. Здѣсь дѣйствуетъ тотъ великій принципъ раздѣленія труда, который сохраняетъ всю свою силу во всѣхъ отдѣлахъ растительнаго и животнаго царства, начиная отъ экономической дѣятельности человѣка и кончая прозябаніемъ грибовъ и водорослей. Современные натуралисты признали важное значеніе этого принципа, и, приложивъ его къ объясненію многихъ явленій органической жизни, назвали его *раздѣленіемъ физиологическаго труда*. У растений, соединяющихъ оба пола въ одномъ цвѣткѣ, случается иногда, что нѣкоторые субъекты представляютъ одностороннее развитіе, то есть, одинъ изъ половыхъ органовъ развивается въ ущербъ другому. Такой цвѣтокъ, очевидно, не можетъ оплодотворять самого себя, но за то въ своей спеціальности онъ сильнѣе сво-

нхъ нормально сложившихся сверстниковъ; то есть, или его тычинки развиты особенно хорошо, и вырабатываютъ пыль отличнаго качества, въ необыкновенномъ изобиліи, или его пестикъ отличается особенно крѣпкою организаціею. Въ первомъ случаѣ, нашъ субъектъ съ большимъ успѣхомъ можетъ оплодотворить другой цвѣтокъ; во второмъ случаѣ, онъ съ такимъ же успѣхомъ можетъ принять отъ другаго оплодотворяющую пыль; въ обоихъ случаяхъ, нашъ ненормальный цвѣтокъ, именно вслѣдствіе своей ненормальности, исполнитъ свое специальное дѣло отлично; онъ оставитъ послѣ себя многочисленное и крѣпкое потомство, то есть, произведетъ много сѣмянъ, а изъ этихъ сѣмянъ вырастутъ, при благоприятныхъ условіяхъ, здоровыя растенія, и между этими растеніями нѣкоторыя наслѣдуютъ по всей вѣрности ту односторонность, которою отличался напаша, или отличалась мамаша. Эти растенія опять производятъ здоровое и многочисленное потомство; дѣло пойдетъ вообще обыкновеннымъ путемъ естественнаго выбора, и, такимъ образомъ, рядомъ съ растеніями, соединяющими въ одномъ цвѣтѣ оба половые органа, возникнетъ и упрочится новая порода такихъ растеній того же сорта, у которыхъ мужской и женскій органы будутъ находиться отдѣльно, на разныхъ цвѣткахъ. Ботаника, дѣйствительно, знаетъ довольно много такихъ примѣровъ. Помѣщеніе половыхъ органовъ на двухъ различныхъ цвѣткахъ выгодно для растеній въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, вслѣдствіе раздѣленія физиологическаго труда, а во-вторыхъ потому, что на весь органическій міръ распространяется одинъ общій законъ, который, по видимому, также находится въ связи съ принципомъ раздѣленія труда. Законъ этотъ состоитъ въ томъ, что для поддержанія плодовитости необходимо совокупленіе двухъ различныхъ индивидуумовъ. У высшихъ животныхъ и у тѣхъ растеній, у которыхъ половые органы раздѣлены, совокупленіе необходимо передъ каждымъ дѣторожденіемъ. Напротивъ того, у гермафродитовъ животнаго и растительнаго царства, то есть у тѣхъ породъ, у которыхъ оба органа принадлежатъ одному субъекту, дѣторожденіе производится обыкновенно безъ совокупленія. Каждый субъектъ самъ себя оплодотворяетъ, и самъ родитъ. Но, если этотъ процессъ продолжается черезъ нѣсколько поколѣній гермафродитовъ, то, наконецъ, ихъ производительная сила слабѣетъ и истощается, такъ что для возстановленія этой силы необходимо, чтобы два гермафродита одной породы взаимно оплодотворили другъ

друга. Насилье всего, гермаферодитъ опять можеть, въ теченіи пѣ-
новыиныхъ поколѣній, обидѣться безъ посторонней помощи. Такъ это
и дѣлается. Гермаферодиты изъ класса инсектоновъ иногда совокуп-
ляются, а гермаферодиты растительнаго царства оплодотворяютъ другъ
друга при содѣйствіи вѣтра и насѣкомыхъ, которые переносятъ цѣ-
точную пыль съ одного цвѣтка на другой, и даже, очень часто,
производятъ помѣсь между различными породами растений, иногда
иныхъ между собою въ близкомъ родствѣ. Если два растенія при-
надлежать къ двумъ совершенно различнымъ семействамъ, то цѣ-
точная пыль одного вовсе не подѣйствуетъ на женскій органъ дру-
гаго. Если два растенія принадлежать къ одному роду, но къ двумъ
различнымъ видамъ, тогда они произведутъ помѣсь, которая назы-
вается *гибридомъ*, и которая будетъ такъ же бесплодна, какъ, напри-
мѣръ, биволония въ животномъ царствѣ мулы и лошаки, состави-
ющіе помѣсь лошаки съ ослонъ. Если два растенія принадлежать
къ одному виду, но къ двумъ различнымъ породамъ или разновид-
ностямъ, то помѣсь ихъ будетъ называться *метисомъ*, и будетъ
способна размножаться. Наконецъ, если два растенія принадлежать
къ одной породѣ, то они, оплодотворивши другъ друга, произведутъ
такое потомство, которое будетъ здоровѣе и сильнѣе, чѣмъ пото-
мство гермаферодита, оплодотворившаго себя своею собственною цѣ-
точною пылью. Короче сказать, для успѣшнаго дѣторожденія *)
необходимо различіе между содѣйствующими сторонами, не только до
известныхъ предѣловъ. Когда различіе слишкомъ мало, или сов-
сѣмъ не существуетъ, тогда производительная сила слабѣетъ и ис-
чезаетъ. Когда различіе слишкомъ велико, тогда производительная
сила тоже слабѣетъ и исчезаетъ. Если мы взглянемъ на высшихъ
животныхъ, то увидимъ тутъ съ одной стороны, что совокупленія
между очень близкими родственниками портятъ породу, а съ другой
стороны, что совокупленія между различными видами или совершенно
невозможны, или даютъ безплодное потомство. Теперь понятно,
почему для растенія выгодно раздѣленіе половыхъ органовъ: — по-
тому, что такое раздѣленіе непременно требуетъ для дѣторожденія
совокупнаго дѣйствія двухъ отдѣльныхъ субъектовъ, а это совокуп-
ное дѣйствіе ведетъ за собою улучшеніе и укрѣпленіе породы. По-

*) Я употребляю для краткости это выраженіе въ самомъ обширномъ смыс-
лѣ, прилагая его и къ моллюскамъ, и къ растеніямъ, и къ высшимъ живот-
нымъ, и вообще ко всему ограниченному міру.

тому животно приспособлять свой общій законъ, и еще живить основательнѣе съобщать органической жизни свой выгодасть, этого натуралиста еще не знали, и стало быть, до поры до времени, намъ приходится только знать здѣсь его действительное существованіе, доказанное множествомъ отдѣльныхъ наблюдений. — У нѣкоторыхъ растений—гермафродитовъ, половые органы, соединенные на одномъ цвѣтѣ, распорядили такъ, что цвѣтъ самъ себя оплодотворять не можетъ, и следовательно, или умираетъ безъ потомства, или обильно пользуется услугами отъ своего сверстника и сосѣда. Такъ, напримеръ, у *Lobelia fulgens* тычинки цвѣтка созреваютъ и выдѣляютъ цвѣточную пыль тогда, когда пестикъ того же цвѣтка еще не созрѣлъ, и не можетъ воспользоваться оплодотвореніемъ. Ясно, стало быть, что изработавшая пыль или принадлежать другому, или достается пестику другого цвѣтка, развившагося раньше-перваго. Когда же разовьется въ свое очередь пестикъ перваго цвѣтка, тогда оказывается, что тычинки уже отцвѣли, и прекратили свою дѣятельность. Тутъ, значитъ, пестику приходится или увядать безъ потомства или принимать цвѣточную пыль отъ другаго, младшаго цвѣтка. Такимъ образомъ выходитъ, что *Lobelia fulgens* въ молодое своей бываетъ мужчиною, а подлѣ старости становится женщиною. Настоящимъ же гермафродитомъ, то есть мужчиною-женщиною она никогда не бываетъ. Тутъ, очевидно, есть противорѣчіе между конструкціою цвѣтка и его дѣятельностью. По конструкціи — онъ настоящий гермафродитъ, а по дѣятельности — однополое растеніе. Это противорѣчіе было бы необъяснимо, если бы мы предположили, что *Lobelia fulgens* вышла изъ земли съ готовою конструкціою и съ готовою дѣятельностью, подобно тому, какъ нашъ давнишній знакомый, идеальный баранъ, неизмѣнный *ovis aries* (смотри *введение*) вышелъ изъ земли во всеоружіи своихъ атрибутовъ. Но противорѣчіе объяснится, если мы предположимъ, что естественный выборъ уже переработалъ дѣятельность цвѣтка, и еще не успѣлъ переработать его конструкцію. Вотъ какъ было дѣло. У нѣкоторыхъ экземпляровъ *Lob. fulg.* тычинки созрѣли чуть чуть пераньше пестика; это индивидуальное увлоненіе такъ же возможно, какъ и всякое другое: оно было выгодно для цвѣтка, потому что вся масса его цвѣточной пыли устремлялась по необходимости на другіе цвѣты; то есть туда, гдѣ она могла принести величайшее количество пользы; ни одна частичка этой пыли не тратилась на свой пестикъ; и стало

быть, постигнуть, не засоренный своим собственною мыслью, быть въ высшей степени способенъ принять ту мысль, которая возмужала къ дѣятельности всѣ его производительныя силы. Значитъ и мысль, и постигнуть этихъ цвѣтковь дѣлали свое дѣло лучше, чѣмъ тѣ же органы другихъ, совершенно нормальныхъ субъектовъ. Ну, а послѣдствія давно извѣстны читателю: крайнее потомство, сохраненіе выгодной особенности, сохраненіе тѣхъ субъектовъ, у которыхъ эта особенность сильнѣе развита, чѣмъ у другихъ, усиленіе особенности посредствомъ постоянного выбора, превращеніе особенности въ постоянное и коренное свойство, образованіе новой видоизмѣненной породы рядомъ съ старою, и наконецъ, совершенная побѣда новой породы надъ старою, побѣда, приводящая за собою медленное и полное вымирание старой породы—черезъ эти фазы проходитъ всегда естественный выборъ, и черезъ эти же фазы прошелъ онъ тогда, когда измѣнилъ дѣятельность цвѣтка *Lobelia fulgens*. Точно также совершилось бы измѣненіе его конструкции, лишь бы только представились такія индивидуальныя отклоненія, которыя полезны для цвѣтка, и которыми, вслѣдствіе этого, можетъ овладѣть естественный выборъ. Пусть читатель твердо запомнить, что безъ индивидуальныхъ отклоненій естественный выборъ ничего не можетъ сдѣлать. Онъ не производитъ этихъ отклоненій; онъ только сохраняетъ ихъ, а производятся эти отклоненія совершенно другими причинами, и притомъ такими, которыя до сихъ поръ очень мало исследованы.

X.

ОБРАЗОВАНИЕ РАЗНОВИДНОСТЕЙ, ВИДОВЪ И РОДОВЪ.

Борьба за жизнь, смотря по обстоятельствамъ времени и мѣста, то усиливается и становится болѣе ожесточенною, то ослабѣваетъ и принимаетъ болѣе спокойное теченіе. Если, напримѣръ, лѣтняя засуха уменьшила въ какой нибудь степной странѣ количество травы, то, разумѣется, борьба между травоядными сдѣлается особенно сильною. Если въ страну врывается новая порода животныхъ или растений, то борьба, происходящая обыкновенно между туземными формами, тотчасъ оживляется, потому что пришельцы вносятъ въ

но стрелы, и следовательно, ещё порядки отососных, и других обитателей воздуха: птицы, чья бы это дельфин или обитатель или из числа небывших млекопитающих, или Австралия. — При естественной борьбе, и при отсутствии естественного выбора, победа и успех достигаются только темъ порядкомъ, который одарен чрезвычайными приливомъ, гибкою и совершеннымъ организмомъ. Когда эти порядки, обладающіи своимъ превосходнымъ свойства цѣннымъ тысячелѣтнимъ опытомъ напряженной борьбы, привнесены въ классъ и того, гдѣ борьба была слаба, и гдѣ естественный выборъ, вследствие этого, не считался строгимъ, — тогда въ этомъ угонѣ земнаго шара происходятъ что-то подобное на вторженіе Гунновъ въ римскую имперію. Туземные млекопитающіе разогнаны во всё стороны, а пришельцы, сдѣлавшись въ самое короткое время полными хозяевами страны, разжились съ необыкновенною быстротою, и размножились своимъ потребностью тѣ слабымъ и жерновитымъ порядкомъ, который не могутъ выдержать ихъ изгнана. — Такимъ образомъ, европейскія растения и животныя, въ томъ числѣ и европейскіе люди, утвердившись въ Австраліи и на многихъ островахъ Тихаго Океана, быстро приравнивались въ природѣ своего новаго отечества, и истребили въ этой природѣ то, что стояло поперекъ ихъ дороги. — Растительность острова Мадерн похожа, по словамъ натуралиста Освальда Гира (Heug) на ту елору, которая жила въ Европѣ во время третичнаго геологическаго періода. Въ Австраліи живутъ до сихъ поръ безобразнѣйшее и нелѣпнѣйшее млекопитающее съ утиснымъ клювомъ *Ornithoryctes paradoxus*, которому, по видимому, давно бы следовало лежать въ паномъ нибудь напластованнн земной моры, и принадлежать къ разряду ископаемыхъ, или такъ называемыхъ допотопныхъ животныхъ. Эти два пункта объясняются тѣмъ, что на Мадерѣ и въ Австраліи борьба за жизнь была слаба, чѣмъ на громадномъ матеріалѣ стараго свѣта; поэтому, тѣ формы, которыя давно истреблены въ Европѣ; до сихъ поръ могли сохраниться тамъ, гдѣ естественный выборъ дѣйствовалъ съ меньшимъ строгостію. Къ этимъ двумъ фактамъ можно прибавить еще два факта того же самаго разряда. Во-первыхъ, можно замѣтить, что почти всё австралийскія млекопитающія принадлежатъ къ низшему порядку этого класса, именно къ порядку сумчатыхъ (*marsupialia*), которыя когда-то жили и въ Европѣ, но, уже въ далекомъ геологическомъ прошедшемъ, вошли со сцены и обратились въ ископаемыхъ. Во-вторыхъ, птица додо жила до половины прошла-

го животнаго по числу особей, а не острѣе и медленнѣе; но материки, при спускѣхъ вправо и влево, это поучивши и беззачетныя животныя живыя не предостанутъ бы такъ долго. Стало быть, вошь въ живой связи представляется часть жизни органической жизни: на большихъ материкахъ живутъ разнообразныя формы животныя и растеній; разнообразіе формъ порождаетъ разнообразіе отношеній и напряженности борьбы; а напряженная борьба ведетъ за собою острый естественный выборъ, уничтоженіе однихъ породъ, совершенствованіе другихъ, движеніе и колебаніе въ органическихъ формахъ, и, наконецъ, въ общемъ результатѣ, возвышеніе всего уровня жизни органической жизни. Но это еще не все. Если разнообразіе формъ является причиной сильной борьбы и строгого выбора, то спрашивается, откуда же взялось это такое разнообразіе? Если думать, что это разнообразіе такъ всегда и было разнообразіемъ, то въ такомъ случаѣ, за чѣмъ же было представлять въ видѣ вымысла видъ жиды обь идеальномъ баранѣ, выходящемъ изъ нѣдра земли, подобно Венерѣ, рождающейся изъ морской пѣны? — Но теперь намъ не за чѣмъ смотреть на это разнообразіе, какъ на первобытный и беспримитивный фактъ. Всѣ разнообразности, виды, роды, семейства, породы и такъ даже, развились изъ одной общей формы посредствомъ той самой борьбы и того самого выбора, которые, въ настоящее время, кажутся намъ слѣдствіями существующаго разнообразія. Какая была эта общая, первобытная форма организма — этого никто никогда не узнаетъ, потому что та эпоха, когда зарождалась на нашей планетѣ органическая жизнь, не оставила, да и не могла оставить намъ рѣшительно никакихъ геологическихъ документовъ. Въ настоящее время корни могли сохранились только твердыя части организма, кости, раковины, дерево, а такой организмъ, который состоитъ изъ твердыхъ и мягкихъ частей, представляеть уже очень развитое и сложное явленіе. Такое явленіе никакъ не можетъ быть принято за переходную точку органической жизни, во-первыхъ, потому, что всѣ организмы безъ исключенія начинаютъ свое развитіе съ простой клеточки, въ которой, разумеется, нѣтъ ни костей, ни раковинъ, ни дерева, а есть только слизь, да тоненькая оболочка. Стало быть, о первобытныхъ формахъ и обь исходной точкѣ органической жизни нечего и толковать, потому что гдѣ нѣтъ фактовъ, тамъ не можетъ быть ни научнаго изслѣдованія, ни даже серьезнаго разговора. Тамъ ужь нуекай дѣйствуютъ поэзія и мета-

одина. Но, чтобы объяснить, какими образомъ виды, роды, семейства и порядки могли возникнуть и развиваться посредствомъ борьбы за жизнь, и посредствомъ естественнаго выбора, намъ даже нѣтъ никакой надобности забираться въ такую древность, о которой молчитъ даже геологія. Если намъ удастся только показать, что изъ одного вида могутъ развиваться два вида, что такіа явленія действительно встрѣчаются въ природѣ, и что они нѣмѣютъ себѣ основаніе въ самыхъ существенныхъ свойствахъ органической жизни, то цѣль наша будетъ вполне достигнута. Въ самомъ дѣлѣ, если только дробленіе видовъ на новые виды совершается и должно совершаться въ органической природѣ, то этому дробленію не можетъ быть никакихъ определенныхъ границъ ни въ прошедшемъ, ни въ будущемъ. Если виды дробятся сегодня, если мы видимъ причину, почему они должны дробиться, и если мы можемъ доказать, что причина эта составляетъ необходимое свойство органической жизни, то не трудно понять, что виды дробились вчера, и будутъ дробиться завтра; если же они дробились въ прежнія времена, то, стало быть, теперешніе виды составляютъ результатъ прошедшаго дробленія; стало быть, группы близкихъ между собою видовъ составляли въ бывшее время одну общую форму; а эта общая форма образовала въ прошедшемъ одинъ видъ, и связывалась съ другими видами въ родовыя и семейныя группы, которыя всѣ вѣстѣ въ болѣе отдаленную эпоху нѣмѣли своимъ родоначальникомъ также одну форму, еще болѣе общую; и такимъ образомъ, переходя постоянно отъ частнаго къ общему, къ болѣе общему, и къ еще болѣе общему, мы дойдемъ наконецъ до того предѣла, гдѣ кончаются геологическіе документы, и гдѣ, слѣдовательно, начинается *темное царство позвѣи* и метаземки. Туда мы ужъ не пойдемъ, а вѣсто того, воротимся къ тому вопросу, который составляетъ фундаментъ всего строенія. И такъ, я повторю вопросъ: какимъ образомъ одинъ видъ можетъ раздѣлиться на два вида? Или точнѣе: почему одному виду можетъ быть выгодно и полезно раздѣляться на два или вообще на нѣсколько видовъ? Отвѣтъ будетъ довольно длинный, и начнется надалека. Борьба за средства къ существованію происходитъ съ особенною ожесточенностью между существами одной породы, или между очень близкими породами. Причина очевидна. Что ѣсть одинъ баранъ, то ѣсть и другой баранъ; что нравится одному, то нравится и другому; чего не терпитъ одинъ, того не терпитъ и другой. Быкъ и баранъ оба питаются травою, и

олигодатливо, также борется между собою, но быкъ можетъ предпочесть одинъ сортъ травы, а барану можетъ нравиться другой; стало быть, въ обыкновенное время, когда нѣтъ засухи, борьба была съ бараномъ слабѣе, тѣмъ междуособная борьба въ самой породѣ быковъ, или барановъ. Съ лошады баранъ борется еще слабѣе, тѣмъ съ быкомъ, и тѣмъ значительнѣе отягощается различіе въ организаціи двухъ животныхъ, тѣмъ слабѣе дѣлается ихъ борьба между собою. Съ собакою или съ курницею баранъ уже совсѣмъ не находится въ прямомъ соперничествѣ, хотя онъ, можетъ быть, и связанъ съ ними какою нибудь запутанною сѣтью сложныхъ отношеній, въ редѣ того, какъ конка связана съ шмелемъ и съ растеніемъ *trifolium pratense*. Но до какой степени сильна и истребительна можетъ быть борьба между очень близкими периодами и между отдѣльными существами одной породы, — это доказывается многими любопытными наблюденіями. Если перемѣшать сѣмена нѣсколькихъ разновидностей пшеницы, если посѣять ихъ въ одномъ полѣ, и потомъ, послѣ каждой уборки, сѣять опять полученныя сѣмена, не разбирая ихъ по сортамъ, то черезъ нѣсколько лѣтъ, нѣкоторыя изъ посѣянныхъ разновидностей совершенно вытѣсняются другими, болѣе крѣпкими, болѣе плодовитыми, и болѣе соответствующими данному климату и данной почвѣ. То же самое произойдетъ, если вы будете сѣять вмѣстѣ разновидности душистаго горошна, отличающіяся другъ отъ друга только красками цвѣтовъ. Сильные въ нѣсколько лѣтъ совершенно уничтожатъ слабыхъ. Если пустить нѣкоторыя породы горныхъ барановъ въ одно пастбище съ другими, то этимъ другимъ придется терпѣть голодъ, между тѣмъ, какъ первые будутъ постоянно наѣдаться и благоденствовать. То же самое случится между различными сортами медицинскихъ пшавовъ, если вы будете кормить ихъ въ одномъ резервуарѣ. Во всѣхъ этихъ примѣрахъ берутся отношенія между отдѣльными разновидностями, потому что въ такихъ случаяхъ результатъ борьбы выражается особенно нагляднымъ образомъ; но, само собою разумѣется, что внутри каждой разновидности идетъ еще болѣе ожесточенная борьба между отдѣльными субъектами, потому что тѣмъ значительнѣе сходство, тѣмъ чаще должны быть столкновения, и тѣмъ ежеминутнѣе должно быть соперничество; вѣдь и въ приведенныхъ примѣрахъ не разновидность идетъ на разновидность, а просто каждый отдѣльный организмъ стоитъ за самого себя, сколько хватитъ его силъ, и при этомъ совершенно неумышленно и безпри-

изъ самыхъ лучшихъ субъектовъ породы *B* отдѣльнымъ размноженіемъ, у которой проявятся со временемъ очень замѣтныя отличія отъ организаціи лучшихъ представителей породнаго типа. Естественный выборъ будетъ постоянно увеличивать эти отличія, и не трудно понять, почему это будетъ дѣлаться такимъ образомъ. Между чистыми стервятниками (извините за выраженіе; оно, впрочемъ, употребляется въ учебникахъ зоологій) и чистыми хищниками будетъ существовать сначала промежуточная категория животныхъ той же породы *B*. Эти—*ми-то ми-се* будутъ самыми обихженными созданіями. У нихъ меньше талантовъ, чѣмъ у породовыхъ геніевъ породы, и больше желудочной требовательности, чѣмъ у самой крайней сволочи той же породы. Пойдутъ они за живую добычею—въ дуракахъ останутся, и притомъ въ голодныхъ дуракахъ, потому что настоящіе, первоклассные хищники вездѣ ужъ успѣли побывать раньше ихъ; найдется наши горемыки падали, опять бѣда выйдетъ; на нѣсколько дней животъ разболится, а то и совсѣмъ ноги претянуть придется. Ясно, стало быть, что передъ хищниками лежитъ одинъ путь развитія, а передъ стервятниками совсѣмъ другой, и чѣмъ дальше они будутъ расходиться между собою, тѣмъ лучше будетъ для тѣхъ и для другихъ. Хищнику надо работать мозгомъ, нервами чувствъ и мускулами произвольнаго движенія, а стервятнику преимущественно желудкомъ, да еще, пожалуй, нервами обонанія. Естественный выборъ такъ и будетъ дѣйствовать по этимъ двумъ направленіямъ, и постоянно будетъ сохранять лучшихъ представителей обѣихъ разновидностей, а такъ какъ самый лучший хищникъ всего меньше похожъ на самаго лучшаго стервятника, то ясно, что разстояніе между ними, подъ влияніемъ естественнаго выбора, будетъ незамѣтно увеличиваться въ каждомъ новомъ поколѣніи. Связь между этими двумя крайними формами будутъ составлять съ одной стороны плохіе хищники, а съ другой стороны плохіе стервятники, между которыми невозможно будетъ провести ясную пограничную черту; но мы уже видѣли, что этимъ плохимъ формамъ приходится круто; естественный выборъ постоянно направляется противъ нихъ, и производится на ихъ счетъ, то есть, онъ неминуемо и состоитъ въ ихъ постоянномъ истребленіи; если эти *ми-то ми-се* будутъ мытаться между двумя ясно очерченными разновидностями, то ихъ непремѣнно сотрутъ съ лица земли; чтобы не уничтожиться, имъ надо броситься куда-нибудь въ сторону, то есть, выйти изъ своей безцвѣтной промежуточ-

ности, найти себя собственную специальность и превратиться въ новую равновидность. Кто можетъ это сдѣлать, то есть, у кого есть зародыши оригинальной способности, тотъ такъ и сдѣлаетъ; а кто не можетъ, тотъ будетъ раздавленъ между двумя опредѣлившимися равновидностями. Такъ какъ мы предположили, что порода *B* очень многочисленна, то мы можемъ и должны допустить, что у ея отдѣльныхъ представителей найдутся зародыши многихъ разнообразныхъ способностей; чѣмъ больше въ какой нибудь породѣ отдѣльныхъ животныхъ, тѣмъ больше индивидуальныхъ особенностей, и, стало быть, тѣмъ больше шансовъ, что найдутся и такія особенности, которыя разовьются въ разныя стороны подъ вліяніемъ естественнаго выбора. Если порода *B* размножилась въ странѣ *A* до *maximum*, то она, разумѣется, одержала побѣду надъ разными другими породами, жившими въ томъ же мѣстѣ, и составлявшими ей конкуренцію. Побѣда одерживается тою породою, которая обладаетъ особенно глубокою организаціею, и, вслѣдствіе этого, способна измѣняться въ свою пользу скорѣе, чѣмъ ея соперники. Гибкость организаціи заключается именно въ томъ, что каждое нарождающееся поколѣніе представляетъ множество легкихъ, но очень разнообразныхъ индивидуальныхъ оттѣнковъ. Стало быть, предположеніе наше, что въ породѣ *B* найдутся зародыши многихъ оригинальныхъ способностей, не только не заключаетъ въ себя никакой натяжки, но даже составляетъ необходимое слѣдствіе того основнаго предположенія, что порода *B* размножилась до крайнихъ предѣловъ. Въ чемъ же могутъ состоять эти способности? — Да мало ли въ чемъ! — Забѣчено, напримѣръ, что однѣ изъ нашихъ домашнихъ кошекъ занимаются преимущественно ловлею мышей; другія охотятся больше за крысами, третьи ловятъ молодыхъ птицъ и разоряютъ гнѣзда, четвертыя добываютъ кроликовъ и зайцевъ; бываютъ и такія, которыя каждую ночь отправляются на болото, и поджариваютъ тамъ куликовъ и бекасовъ. Всѣ эти вещи кошка дѣлаетъ безо всякой особенной надобности, потому что хозяева не дали бы ей умереть съ голода, если бы даже она совершенно спокойно сидѣла дома; дѣлаетъ она это потому, что всякому животному свойственно стремленіе упражнять ту способность, которая въ немъ существуетъ; но, когда ловля добычи перестаетъ быть развлеченіемъ, и становится дѣломъ жизни, тогда, разумѣется, каждая существующая способность совершенно выясняется и доводится до послѣдней степени на-

прирѣженія. Въ Соединенныхъ-Штатахъ, въ гористой мѣстности Кетсвилль, живутъ двѣ разновидности волковъ, которые замѣтно отличаются другъ отъ друга, какъ складомъ тѣла, такъ и специальностью занятій. Одни — похожи на борзую собаку, и преслѣдуютъ дикихъ животныхъ. Другіе, помасивнѣе и посплнѣе, занимаются домашними животными. Особенности этихъ двухъ типовъ выработаны, конечно, естественнымъ выборомъ, который дѣйствовалъ на одну и ту же породу по двумъ различнымъ направленіямъ, выбирая въ первомъ случаѣ самыхъ быстрыхъ, а во второмъ самыхъ сильныхъ волковъ. Быстрому волку было удобнѣе охотиться за дикимъ животнымъ, потому что тутъ главное дѣло состояло въ томъ, чтобы догнать: чтобы справиться съ зайцемъ или даже съ ланью, немного требуется силы; а догнавши и справившись, волкъ могъ преспокойно расположиться на мѣстѣ и обѣдать, потому что дѣло происходило въ лѣсу, или вообще въ какомъ нибудь уединенномъ и тихомъ убѣжищѣ. Напротивъ того, волку, пускающемуся на охоту за домашними животными, необходима сила, не для того, чтобы одолѣть овцу или свинью, а для того, чтобы унести ее въ безмятежное пристанище. Такъ, стало быть, и произошло раздѣленіе одной породы на двѣ разновидности, потому что естественный выборъ здѣсь, какъ и вездѣ, благоприятствовалъ крайностямъ, и истреблялъ промежуточные отбѣнки. Такого же рода особенности могли проявиться въ породѣ *B*. Напримѣръ, нѣкоторые субъекты могли быть по росту гораздо меньше своихъ сверстниковъ. Это обстоятельство могло быть для нихъ полезно, потому что, при маломъ ростѣ, они могли поддерживать свою жизнь меньшимъ количествомъ пищи. Если только малорослость была полезна, то естественный выборъ могъ образовать очень мелкую разновидность, которая, вмѣсто того, чтобы преслѣдовать зайцевъ или ланей, обратила свою дѣятельность на крысъ и мышей. Такъ какъ для этой мелкой охоты требуются свои спеціальныя качества, то естественный выборъ сохранилъ и развилъ бы зародыши этихъ качествъ, такъ что, рядомъ съ крупными хищниками и съ стервятниками, образовалась бы отдѣльная порода мышатниковъ или крысятниковъ. Нѣкоторые субъекты могли отличаться особенною гибкостью членовъ и цѣпкостью когтей; такіе стали бы валѣзать на деревья, и поѣдать птичьи яйца или молодыхъ птенцовъ, или медъ дикихъ пчелъ, какъ то дѣлаетъ медвѣдь; или же, подобно рыси, они могли бы караулить свою добычу, сидя

на деревѣ, и потомъ бросаться на нее сверху; опять естественный выборъ крайнихъ представителей, и опять новая разновидность, или пожалуй, порода. Потомъ нашлись бы такіе, которые плаваютъ легче другихъ, и держатся охотно по близости воды; эти стали бы донимать болотныхъ птицъ, или лягушекъ, или, поусовершенствовавшись въ плаваніи и ныраніи, рыбъ, раковъ и моллюсковъ. Опять новая порода, похожая, напиримѣръ, на выдру. Могли бы быть такіе субъекты, которые немного лучше видать подѣ вечеръ, чѣмъ въ серединѣ дня. Имъ было бы выгодно выходить на промыселъ тогда, когда конкуренты отдыхаютъ. Естественный выборъ благоприятствовалъ бы тѣмъ, которые выходятъ попозднѣе, то есть, тѣмъ, у которыхъ глаза всего лучше приспособлены къ полумраку. Разовьется, такимъ образомъ, особенное устройство зрительнаго аппарата, и образуется порода почныхъ хищниковъ.—Если нѣкоторые субъекты могли привыкнуть къ падали, то другіе могли понемногу помириться съ плодами, съ зернами, съ кореньями, и съ разными другими видами растительной пищи. Опять новая порода. Я насчиталъ семь породъ, и читатель, конечно, согласится, что, раздробившись такимъ образомъ, порода *В* имѣетъ въ своемъ распоряженіи гораздо больше пищи, и, слѣдовательно, можетъ размножаться гораздо сильнѣе, чѣмъ тогда, когда она представляла одинъ не раздѣленный видъ. Въ растительномъ мірѣ мы видимъ совершенно такія же явленія. Цѣлый рядъ опытовъ доказалъ, что если, напиримѣръ, на одной десятинѣ посѣять траву одного сорта, а на другой десятинѣ такой же земли посѣять травы нѣсколькихъ, очень различныхъ сортовъ, то со второй десятины получится больше сѣна, чѣмъ съ первой. Это понятно. Тѣло травы (если можно такъ выразиться) вырабатывается изъ составныхъ частей почвы, и изъ тѣхъ газовъ, которые плаваютъ въ атмосферномъ воздухѣ. Одна трава тянетъ изъ почвы преимущественно одно вещество, а другая—другое. Гдѣ цѣлая десятина засѣяна однимъ сортомъ травы, тамъ будетъ вытянуто только одно вещество, а другое, третье, четвертое, которыя были бы вытянуты другими травами, такъ и останутся въ почвѣ. А гдѣ земля засѣяна разными травами, тамъ многія составныя части почвы пойдутъ въ дѣло, и превратятся въ траву. Читатель конечно, ясно видитъ, сходство этого примѣра съ исторіею нашей возлюбленной породы *В*. Тамъ тоже, пока всѣ питались одной пищей, до тѣхъ поръ былъ голодъ; какъ стали питаться разною пищею, такъ явилась возможность размножаться и

благодействовать. Въ акклиматизаціи животныхъ и растеній замѣчены также многіе факты, представляющіе собою отдѣльныя проявленія того же самаго принципа. На первый взглядъ можетъ показаться, что въ какой нибудь странѣ должны расподиться особенно успѣшно тѣ формы животныхъ и растеній, которыя очень близки къ туземнымъ формамъ. Процессъ мысли тутъ такой: если туземцамъ тутъ хорошо жить, то должно быть хорошо и тѣмъ пришельцамъ, которые требуютъ себѣ совершенно одинаковыхъ условій жизни. На видъ такое разсужденіе довольно благообразно, но все-таки я на моего читателя надѣюсь, что ужъ онъ такимъ образомъ разсуждать не будетъ. Онъ уже понимаетъ, что борьба за жизнь и отношенія между организмами важнѣ простыхъ климатическихъ вліаній. Если травоядное вступаетъ въ такую страну, гдѣ очень много своихъ травоядныхъ, то ему предстоитъ побѣдить конкурентовъ или умереть, а побѣда будетъ тѣмъ труднѣе, чѣмъ больше конкурентовъ, и чѣмъ значительнѣе ихъ сходство съ новымъ пришельцемъ. Если это чужеземное животное имѣетъ въ своей организаціи очень сильное преимущество надъ туземцами, то, значить, оно на нихъ непохоже, и утверждается въ странѣ, именно благодаря этому несходству. Если же у пришлой породы нѣтъ этого счастливаго несходства, то ей, по всей вѣроятности, предстоитъ полное пораженіе, потому что туземцы обыкновенно бываютъ многочисленнѣе пришельцевъ, а ужъ я говорилъ о томъ, какія огромныя преимущества доставляетъ какой нибудь породѣ ея многочисленность. Но пустимъ плотояднаго звѣря въ такую страну, гдѣ живутъ только травоядные, и мы, конечно, увидимъ, что новый гость очень скоро сдѣлается хозяиномъ, и будетъ кататься, какъ сыръ въ маслѣ. Пустимъ насѣкомоядную птицу туда, гдѣ очень много насѣкомыхъ, и гдѣ нѣтъ на нихъ никакой грозы, и произойдетъ та же самая исторія. Пустимъ, накопецъ, растеніе въ такую страну, гдѣ нѣтъ ни одного представителя этого рода растеній, и тогда растеніе это расподится, если только не встрѣтится непреодолимыхъ препятствій со стороны климата и почвы. Въ Соединенныхъ Штатахъ акклиматизировано 260 растеній, которыя принадлежатъ къ 162 отдѣльнымъ родамъ, и изъ этого послѣдняго числа 190 родовъ не имѣютъ во всей странѣ ни одного туземнаго представителя. Стало быть, привились именно такія формы, которыя представляютъ чрезвычайно мало сходства съ туземною флорою. Общій выводъ тотъ, что полнота жизни и разнообразіе

разіе формъ всегда должны идти рядомъ. Если бы весь земной шаръ былъ заселенъ только одною формою животныхъ и одною формою растений, то, какъ бы ни были эти животныя и растенія мелки, все-таки на нашей планетѣ помѣщалось бы тогда меньшее число организмовъ, чѣмъ теперь, не смотря на то, что теперь есть организмы довольно крупныя. Всѣ организмы стремятся къ безграничному размноженію; стремленіе это никогда не ослабѣваетъ, и никогда не удовлетворяется вполнѣ, потому что всѣ организмы стараются засѣлить собою всю землю, и слѣдовательно, всѣ тѣснятъ и сдерживаютъ другъ друга; но всего полнѣе стремленіе къ размноженію можетъ удовлетвориться при крайнемъ развитіи разнообразія.—Стало быть, дробленіе формъ на новыя формы составляетъ въ жизни природы необходимое явленіе. Когда дробленіе началось, тогда крайнія формы одерживаютъ перевѣсъ надъ промежуточными, и стремятся сдѣлаться еще болѣе крайними. Такимъ образомъ, легкія и индивидуальныя особенности даютъ начало прочнымъ разновидностямъ; разновидности, постоянно удаляясь другъ отъ друга, превращаются въ отдѣльныя виды; виды дробятся и становятся родовыми группами; въ родовой группѣ крайніе виды развиваются обыкновенно лучше среднихъ; средніе уничтожаются; изъ одной родовой группы, вслѣдствіе этого выпаденія среднихъ видовъ, образуются двѣ отдѣльныя группы, которыя вмѣстѣ составляютъ семейство. И этотъ процессъ развѣтвленія идетъ все дальше и дальше; проходятъ миллионы лѣтъ, миллионы вѣковъ, миллионы тысячелѣтій; одни отдѣлы разрастаются и дробятся, другіе слабѣютъ и уничтожаются; исчезаютъ незамѣтно цѣлыя семейства, порядки и классы, и наконецъ получаютъ тѣ безконечно разнообразныя и рѣзко очерченныя формы, съ которыми въ настоящее время никакъ не умѣютъ справиться классификаторы. — Читателю много кажется тутъ неяснымъ, но во-первыхъ, идеи Дарвина только что входятъ въ науку, и до сихъ поръ еще не были приложены къ разясненію подробностей; а во-вторыхъ, если читатель думаетъ, что журнальная статья можетъ вполнѣ раскрыть передъ нимъ «тайну тайнъ», и показать ему все естествознаніе, какъ на ладонѣ, то онъ сильно ошибается. Если читатель уловилъ до сихъ поръ только самыя существенныя черты дарвиновскихъ идей, если онъ только заинтересовался такимъ вопросомъ, который прежде даже не былъ для него вопросомъ, то этого на первый разъ уже черезъ-чуръ достаточно. Объ одномъ только тебя и просать, на-

тушка наша русская мысль: шевельнись ты хоть скольконибудь, почувствуй хоть твою собственную неудовлетворительность, узнай, что есть на свѣтѣ, во-первыхъ интересныя вещи, а во-вторыхъ умные люди, которые умѣютъ надъ ними задумываться.—Вотъ узнай только—умница будешь!

А впрочемъ я тутъ еще не все сказалъ. Будетъ продолженіе, и пребольшое.

Д. Искраевъ.

ГОЛОСЪ ИЗЪ СЕРБІИ.

Въ послѣднее время довольно часто къ намъ стали доходить слухи, что русская литература нами занимается, что мы служимъ предметомъ ея горячихъ споровъ, остроумныхъ выраженій, даже предметомъ для разныхъ либеральныхъ теорій и т. п.

Такое вниманіе къ намъ со стороны русской литературы насъ очень заинтересовало, и мы постарались поближе познакомиться съ тѣмъ, что русскіе пишутъ о насъ. Намъ посоветовали обратиться къ журналамъ, которые служатъ органами какой-то славянофильской партіи, которая первая открыла насъ, познакомилась съ нами и полюбила насъ горячо. «Насъ никто и никогда не любилъ», думаемъ мы, «это очень интересно; посмотримъ, какъ это насъ любятъ?» Мы достали «Русскую Бесѣду», «Парусъ» и «День». Читаемъ мы все, что тамъ было писано, читаемъ, читаемъ, а все-таки не находимъ той любви, которою, мы думали, любятъ насъ наши братья-славянофилы: мы думали прежде, что они любятъ насъ не страстно, но просто, понимая насъ, нашу прошлую жизнь, наше теперешнее состояніе; что они посвящаютъ нѣсколько больше времени на то, чтобы изучать, какимъ образомъ отклонить тѣ причины, которыя повергли насъ въ настоящее наше положеніе, отняли у насъ возможность свободно развиваться не только на своихъ собственныхъ, но и на всякихъ началахъ. Понявъ и уяснивъ себѣ то, что насъ связываетъ, мы ду-

мали, что они идутъ къ тому, чтобы братскимъ сочувствіемъ поддержать насъ въ нашихъ справедливыхъ и вполне законныхъ стремленіяхъ достигнуть возможно больше простору для свободнаго развитія нашей политической и общественной жизни. Мы думали, что въ этой любви есть дѣйствительно что нибудь сознательное и глубокое, на чемъ мы могли бы основывать свои надежды и хоть отдаленныя, но отрадные ожиданія.

Но мы ошиблись. Славянофилы не любили и не любятъ насъ такъ, какъ мы думали, они любятъ насъ страстно, безумно (и дѣйствительно безумно). И вслѣдствіе ложныхъ началъ, на которыхъ они общаются свободу народамъ — свободу вмѣстѣ съ угнетеніемъ, они скорѣе ненавидятъ, чѣмъ любятъ насъ; потому что ихъ приторное сантиментальничанье, ихъ гнилой романтизмъ, да еще въ политическихъ вопросахъ, рѣшительно ни на что негоденъ; ихъ любовь требуетъ отъ насъ жертвы, жертвы огромной, отъ которой зависитъ самобытность нашей жизни... Они любятъ насъ не какъ равныхъ себѣ, но какъ нижнихъ, которые посредствомъ разнаго рода метаморфозъ и подъ руководствомъ славянофиловъ должны достигнуть совершеннолѣтія и уподобиться своимъ старшимъ руководителямъ и братьямъ. Ломка огромная, насиліе того, чѣмъ мы живемъ, за что боролись въ продолженіи многихъ десятковъ лѣтъ, во имя чего мы залили своею кровью каждый клочокъ земли на Балканскомъ полуостровѣ.

Бросили мы читать ихъ любовныя объясненія съ нами, и грустно сдѣлалось намъ, не найдя у нихъ того, что мы думали найти: уваженіе свободы и свободнаго развитія каждой націи въ отдѣльности и всѣхъ вмѣстѣ, — безъ чего свобода народовъ невозможна, безъ чего никогда между отдѣльными народами не изгладится та ненависть, которая поддерживаетъ ихъ въ рабствѣ, зажигаетъ опустошительныя войны, мѣшаетъ братскимъ союзамъ націй и правильному прогрессу въ исторіи всемірнаго развитія.

Покончивъ съ романтизмомъ нашихъ навязчивыхъ жедрузей, мы обратились къ «Современнику», гдѣ разбиралось ученіе славянофиловъ. Прочитавъ статью по поводу посланія славянофиловъ къ Сербамъ, мы увидѣли и утѣшились, что по крайней мѣрѣ не всѣ русскіе литераторы такъ думаютъ, какъ славянофилы. Мы увидѣли, что кромѣ насъ, которыхъ непосредственно касается ихъ наглое состраданіе съ ихъ опекуномъ, нашлись еще люди, которые съ пре-

зрѣніемъ отозвались объ этой лицемерной заботливости о насъ. Намъ это понравилось, мы увидѣли, что мы не одиноки...

Въ томъ же журналѣ мы прочитали еще двѣ статьи, одну — г. Берга, другую г. Ж. Славя. Первый назвалъ насъ «Неграми», второй «подлыми рабами». Г. Бергъ говоритъ о насъ мимоходомъ, г. Ж. Славя посвятивъ намъ особую статью, въ которой старался доказать русской публикѣ, что мы еще не дозрѣли для политической свободы. Кажется такъ?

Впрочемъ, г. Ж. Славя такъ противурѣчить самому себѣ, что за его противурѣчіями трудно добраться до основной мысли, которую онъ руководствовался, когда писалъ свою статью. По крайней мѣрѣ мы не нашли этой мысли, хотя тщательно старались добраться такъ сказать, до самаго сути его диктаторскаго посланія. Но за то по своимъ противурѣчіямъ она верхъ совершенства: «Онъ (т. е. южный славянинъ) не чувствуетъ въ себѣ никакой силы, никакой воли, никакого сознанія, онъ рабъ и рабъ лѣнивый, — ему никогда и въ голову не приходитъ подвинуться впередъ», — далѣе: «Въ Сербіи напр. въ продолженіи какихъ нибудь 50 лѣтъ, всѣ князья или были убиты, или изгнаны»... словомъ въ княжествѣ Сербіи ничего, кажется, больше и не дѣлаютъ, какъ только изгоняютъ да восстанавливаютъ князей». Какимъ же образомъ мы ихъ изгоняемъ да восстанавливаемъ? И неподвиженъ, и постоянно въ движеніи, что это такое? Неужели это опредѣленіе народа?

Оставляя разборъ этихъ статей «Современника» въ сторонѣ, мы укажемъ, въ чемъ ихъ несостоятельность. Для этого намъ необходимо отвѣтить на слѣдующіе вопросы: что дѣлалъ сербскій народъ для того, чтобы достигнуть народной свободы? Что мѣшало ему достигнуть этой свободы? Онъ ли виноватъ въ томъ, и главнымъ образомъ своею глупостью, какъ увѣряютъ гг. Бергъ и Славя, или что нибудь другое, противъ чего онъ одинъ безсиленъ?

Для того, чтобы полнѣе отвѣтить на эти вопросы, намъ необходимо заглянуть въ тотъ кровавый и мрачный періодъ сербской жизни, въ которомъ пришлось этому народу прожить слишкомъ четыре-ста лѣтъ, — изъ котораго въ началѣ нынѣшняго столѣтія вышли тѣ непобѣдимые борцы за сербскую свободу, которыхъ никогда не забудутъ Делиградъ, Мишаръ Бѣлградъ, Шабацъ и Ужица.

Съ 1459 года Сербія дѣлается турецкимъ Пашалыкомъ. Народъ

сербскій теряетъ все. Одинъ путешественникъ XVI столѣтїа описывае сербовъ нищими узниками, изъ которыхъ никто не осмѣливается глядѣть прямо. Каждый пять лѣтъ производится наборъ мальчиковъ: цвѣтъ и надежда народа, они были уводимы въ Константинополь для непосредственной службы султану; изъ нихъ выросли ревностные губители христіанства. Страна подѣлена между спахїями, которымъ жители обязаны были отправлять всякаго рода службы. «Они — беззащитное стадо, рая, коей долгъ есть покорность и униженіе». Войско янычаровъ держало въ повиновенїи всѣ области государства; паши въ крѣпостяхъ имѣли при себѣ, издавна опредѣленные для этого, орты. Рая обязана была содержать это поселенное войско правовѣрныхъ, которыхъ религія уполномочивала господствовать и не стѣняться въ своемъ господствѣ никакими мѣрами. По словамъ Корана невѣрный подданный, собственно заслуживающій смертную казнь или заточеніе, терпится правовѣрными какъ вещь, какъ матеріалъ, приносящій доходъ. «Угнетай ихъ», говоритъ Коранъ о невѣрныхъ, «пока не заплатятъ дани». Весь мужескій полъ отъ семи лѣтъ и до глубокой старости обложенъ былъ тяжелою податью. Всякій встрѣчный турокъ могъ подзывать серба и велѣть ему что нибудь сдѣлать. Встрѣчаясь съ туркомъ, сербъ долженъ былъ останавливаться, уступать ему дорогу. Сносить оскорбленія было для него обязанностью, отвѣчать на нихъ было страшнымъ преступленіемъ. «Гдѣ османли ступить ногою, тамъ больше трава не выростетъ», говоритъ турецкая поговорка. Османли — единый, Богомъ избранный народъ, поэтому онъ долженъ съ презрѣніемъ, гнѣвомъ и ужасомъ смотрѣть на всѣ другіе народы. Въ этой мрачной и кровавой пустынѣ, носившей названіе Османскаго царства, въ продолженіе многихъ вѣковъ ничего не было слышно, кромѣ топота турецкихъ лошадей, бряцанія сабель и кинжаловъ, да глухихъ стоновъ. Это были стоны жертвъ или растоптанныхъ турецкими лошадьми, или сжанныхъ тяжелыми цѣпями, или живьемъ посаженныхъ на колъ. Предаваемый казни сынъ проситъ у матери воды, чтобы напиться и умереть; но турокъ не позволяетъ матери исполнить просьбу несчастнаго сына; она ломаетъ руки и рыдаетъ, а безжалостный деспотъ куритъ трубку и приказываетъ привести ему лучшихъ красавицъ изъ села, чтобы въ виду своей жертвы наслаждаться. Это было угнетеніе, основанное на пле-

ленною и религіозною ненависті, и слѣдовательно самое ужасное угнетеніе. Казалось бы, что никто не выйдетъ, не выпесетъ жизни въ себѣ изъ этого рабства, что люди и народы, живущіе въ немъ, сдѣлаются сухими скелетами безъ жизни и силы, безъ энергіи и стремленія въ свободѣ.

Но исторія говоритъ другое: живая струя народной жизни не иссякла. Чувство независимости и желаніе сбросить съ себя ненавистный гнетъ пробивались въ Сербіи разными исходами. Борьба за существованіе, проявляясь то въ той, то въ другой формѣ, проходитъ чрезъ всю исторію Сербіи, и на почвѣ, упитанной «сто разъ нашимъ и сто разъ турецкою кровью», никогда не умирала надежда рано или поздно освободиться отъ подавляющаго ига. Здѣсь начало хайдушества; оно вызвано деспотизмомъ турецкимъ, въ эпоху самаго сильнаго его разгара, когда, по словамъ народнаго поэта:

„Бше облакъ сунца ухватио,
Бше гору тама притиснула,
Предъ алтаремъ плакаше кандило,
На гусле се струне покидале,
Сокриле се виле у пештере!“

т. е. бѣло облако солнце заслонило, на гору туманъ опустился, предъ алтаремъ плакало кандило, на гусляхъ струны порвались, спрятались вилы въ пещерахъ.

Въ это время:

Што се нехте у ланце везасти,
Што утече изъ подъ турске саблѣ,
То се збѣжа у ове планина
Да гнємо и кровь проливаме—
Да ювачкій аманетъ чувамо—
Дивно име и свету свободу!“

т. е. кто не хотѣлъ быть въ цѣпяхъ, кто убѣжалъ сабли турецкой, тотъ ушелъ въ эти зеленныя горы гибнуть и кровь проливать, чтобы сохранить геройское завѣщаніе—двѣное имя и святую свободу!»—Вотъ опредѣленіе цѣли того независимаго класса сербскаго народа, который во все время народныхъ бѣдствій выражалъ протестъ противъ угнетателей страны. Исторія этого класса полна свѣ-

жести и славныхъ подвиговъ. Она похожа на жизнь природы, бывшей свидѣтельницей возникновенія и развитія исторіи хайдучества. Цвѣтъ сербскихъ героевъ бросаетъ очаги своихъ дѣдовъ и отцовъ — удаляется въ Черную Гору — «эту турецкой силы ненасытную гробницу». Съ вершинъ этихъ высокихъ горъ — «этого соколиного гнѣзда» — въ продолженіи четырехъ вѣковъ раздается голосъ свободы вмѣстѣ съ извѣстіями о пораженіяхъ турокъ на Черной горѣ. Голосъ далеко проникаетъ, онъ разносится по Балканскому полуострову. Онъ поддерживаетъ надежду въ сердцахъ сербовъ, онъ свидѣлствуетъ о томъ, что и имъ придется часъ освобожденія. Черногорцы ведутъ отчаянную борьбу не только съ несравненно сильнѣйшимъ врагомъ, но и съ бѣдностію территоріи, на которой живутъ эти мученики свободы. Въ исторіи человечества нѣтъ примѣра, чтобы какой нибудь другой народъ, при одинаковыхъ обстоятельствахъ съ черногорцами, выказалъ столько храбрости и геройства, сколько выказали черногорцы, защищая народное дѣло. Постоянная борьба съ такимъ врагомъ конечно не благопріятствовала имъ въ дѣлѣ цивилизаціи, но, чтобы ни говорили гг. Славя и Берги, черногорцы во всякомъ случаѣ сохраняли крѣпкія основанія для свободной соціальной и политической жизни.

Вторая часть сербскаго народа, чтобы избѣжать турецкаго прозвона въ 1690 году удаляется въ Австрію. Наконецъ третья, самая большая часть сербскаго народа, была предоставлена всѣмъ ужасамъ турецкаго варварства. Однако ни варварство турокъ, подобнаго которому трудно найти въ исторіи бѣдствій другихъ народовъ, ни частые обманы другихъ державъ, подоставлявшихъ сербскій народъ мечу Османлисовъ, послѣ каждой войны ихъ съ турками, въ которую онѣ, посредствомъ разныхъ обѣщаній, вовлекали и Сербію, ни разныя другія бѣдствія не могли сломить въ сербахъ геройскій духъ ихъ. Безспорно, что этотъ героизмъ часто подогрѣвался ложнымъ воодушевленіемъ, мистическими надеждами, растрачивался попусту, но не въ однихъ слезахъ и вздохахъ онъ давалъ себя чувствовать... Въ исторіи Сербіи мы находимъ одну могущественную силу, выдвинутую народомъ противъ враговъ его счастья и независимости—это побратимство.

Побратимство есть связь между сербами разныхъ семействъ, утвержденная обѣщаніемъ жертвовать собою за своего въ Богѣ побратима и быть

однѣ другому вѣрными до могилы. Побратимы, воодушевленные сознаниємъ, что они въ правѣ, какъ гайдуки, дружитья противъ того, кто отнялъ у нихъ братьевъ всѣ человѣческія права, удаляются въ горы и тамъ поддерживаютъ духъ сербской свободы. Мы послѣдуемъ за ними въ ихъ неприступныя, лѣсныя жилища, и въ нѣсколькихъ словахъ расскажемъ читателю ихъ организацію. Удалившись въ горы, они тамъ, гдѣ нибудь, въ густомъ лѣсу, собираются и общиємъ голосомъ выбираютъ храбрѣйшаго своимъ начальникомъ—Арамбашу Четы. Подобныхъ четъ было нѣсколько въ разныхъ мѣстахъ. Арамбаша разныхъ четъ имѣли опредѣленные мѣста, гдѣ они собирались для совѣщанія: гдѣ и какъ напасть на своего и народнаго врага, гдѣ и какъ отнять и избавить жертву изъ рукъ ея притѣснителя. Хайдуки въ четахъ всѣ равны между собою, они договариваются о томъ, что ихъ арамбаша долженъ былъ предложить въ общемъ совѣщаніи всѣхъ арамбашей, такимъ образомъ они устриваютъ лѣсную федерацію, союзъ. Имѣя въ виду общими силами гдѣ нибудь напасть, арамбаша разныхъ четъ собирались и большинствомъ голосовъ выбирали изъ своей среды одного общаго предводителя. Пока продолжалось нападеніе, какъ хайдуки, такъ и ихъ арамбаша, покорялись безусловно своему главному предводителю, онъ управлялъ ихъ силами, велъ переговоры, изрекалъ рѣшеніе надъ плѣнными турками.

Такимъ образомъ этотъ военный союзъ, эти четы воинствъ народнаго дѣла, были связаны между собою одною идеею—народной свободы. Съ другой стороны у каждаго хайдука былъ свой ятакъ, у котораго онъ проводилъ извѣстное время года. Этотъ ятакъ служилъ посредникомъ между четами и остальнымъ народомъ, поддерживая связь народнаго мышленія съ дѣломъ и цѣлю хайдуковъ.

Когда въ началѣ нынѣшняго столѣтія междуусобіями въ Турціи Сербы были доведены до крайности, до того, что обращаются съ жалобою на одного угнетателя къ другому. — «Дахи обобрали насъ совершенно—писали они султану — намъ приходится подпоясываться лыкомъ, но имъ и того мало: не оставляютъ въ покоѣ нашу душу, оскорбляютъ честь и вѣру; у мужа отнимаютъ жену, у отца дочерей, у брата сестеръ; монастыри, церкви, монахи и попы, — все предаю поруганію. Если ты еще намъ царь, то прійди и освободи насъ отъ злодѣевъ, если же не хочешь спасти насъ, то по крайней мѣрѣ

скажи о томъ; тогда намъ остается бѣжать въ горы и лѣса или топиться въ рѣкахъ.»

Положеніе ихъ было невыносимо, всѣмъ угрожала смерть. Дѣйствительно въ февралѣ 1804 года бѣлградскіе Дахи начинаютъ кровавую рѣзню въ Сербіи, они убиваютъ кого попадетъ; перваго умертвили Станоя изъ Безалицы, потомъ Марка Чарапича, Стефана изъ Зеока, Тешу изъ Орашія, Янка Гагича изъ Болеча, Матвея изъ Крагуевца, Алексу Ненадовича, архимандрита Руэяма и многихъ другихъ, исчислять которыхъ здѣсь нѣтъ возможности. Распространился всеобщій ужасъ. Никто не зналъ, кого ожидаетъ смерть, разнесся слухъ, что все народонаселеніе будетъ истреблено. Всѣ, кто были въ силахъ, бѣжали въ горы, въ потаенныя убѣжища хайдуковъ. Здѣсь, среди дремучихъ лѣсовъ, въ продолженіи многихъ вѣковъ, хранилась священная искра свободы. Пришла пора разгорѣться ей и обратиться въ то свѣтлое зарево, которое такъ долго ожидалось угнетеннымъ народомъ. Сербы начинаютъ великую борьбу за свободу. Наученные опытомъ, какъ нужно вѣрить чужимъ обѣщаніямъ, они рѣшаются надѣяться только на самихъ себя.

Не имѣя намѣренія описывать ходъ этой отчаянной борьбы, изъ которой сербы выходятъ побѣдителями, мы скажемъ, что чистые отъ всего чужаго, они начали борьбу и въ скоромъ времени, извѣдавъ выгоды побѣды, нашли нужнымъ завестись регулярнымъ правительствомъ. Для этой цѣли они не отыскиваютъ чужихъ системъ, чужихъ формъ, но возстановляютъ свое старинное самоуправленіе. Они изъ народныхъ представителей организуютъ народную скупшину и ставятъ ей задачу: водить стараніе о народныхъ дѣлахъ. Скупштина выбираетъ Кара-Георгія, одного изъ опытнѣйшихъ и лучшихъ Арамбашей, и дѣлаетъ его верховнымъ вождемъ сербскаго народа; она судитъ поссорившихся воеводъ, она контролируетъ государственные расходы; однимъ словомъ, она имѣетъ въ своихъ рукахъ всю власть. При подобной формѣ правленія Сербія добилась освобожденія въ началѣ шестнадцатаго столѣтія. Все, что сдѣлано во имя свободы народа въ Сербіи, сдѣлано было во время народнаго самоуправленія.

Послѣдствія этой великой борьбы, начатой почти съ голыми руками, показываютъ, что этотъ народъ способенъ на великія дѣла; между тѣмъ, въ то время, когда чужое вліяніе беретъ верхъ въ Сербіи,

біи, или когда собственное правительство присвоиваетъ себѣ деспотическую власть, тогда народъ сербскій на время сплутывается и оставивается въ своемъ правильномъ развитіи.

Но, къ несчастію, обстоятельства, при которыхъ возникла сербская свобода, крайне не благоприятствовали тому, чтобы она утвердилась въ народномъ духѣ и, прямо вытекая изъ него, воплотилась въ такія правительственныя формы, которыя не стѣсняли бы свободное развитіе народа, не были бы для него мертвыми формами. Вслѣдствіе того положенія, въ которомъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія находилась Европа, и вслѣдствіе союза Наполеона I съ Турціею, сербы для того, чтобы удержать добытую свободу, принуждены были искать поддержки у какой нибудь внѣшней силы. Въ это время Россія была единственная держава, расположенная къ сербамъ, они и обратились къ ней. Россія, на сколько ей нужно было ослабить Турцію, дѣйствительно помогала сербамъ, она отправила одинъ отрядъ войскъ съ приказаніемъ присоединиться къ сербскимъ Четами; и въ 1812 году она букарестскимъ договоромъ гарантировала сербамъ ихъ внутреннее управленіе.

Но не смотря на эту гарантію, употреблено было со всѣхъ сторонъ влияніе на то, чтобы Сербія не могла добиться полной независимости извнѣ и полного самоуправленія внутри. Конечно ничто не могло такъ способствовать этому, какъ введеніе въ Сербію чужихъ формъ правленія, въ которыхъ бы не народъ управлялъ своею судьбою, но нѣсколько лицъ, интересы которыхъ были бы оторваны и противоположны интересамъ управляемаго ими общества. На это и была устремлена вся дѣятельность противниковъ свободы и свободного развитія сербскаго народа. Уже первые сербскіе посланники возвращаются на родину съ приказаніями чужихъ силъ «организовать правильное правительство», и съ инструкціями, какъ его организовать. Разумѣется, правительство, организованное по чужимъ указаніямъ, безъ участія въ томъ народа, надъ которымъ долженствовало управлять это правительство, не могло быть ничѣмъ инымъ, какъ деспотизмомъ, олигархіей или бюрократизмомъ. На основаніи этихъ указаній народная скупщина въ Сербіи была забыта при Кара-Георгіѣ, а на мѣсто ея «организованъ» совѣтъ изъ 12 членовъ. Выборы этихъ сенаторовъ не были свободными, они прежде всего зависѣли отъ верховнаго вождя, а потомъ и воеводы имѣли доволь-

но значительное вліяніе на выборы сенаторовъ. Все принаровнено къ тому, чтобы въ самомъ зародышѣ исказить политическій складъ сербовъ: Сенатъ дѣлается ареной, на которой происходитъ борьба разныхъ партій; этимъ, въ высшей степени ненароднымъ, учрежденіемъ внутри страны положено начало раздорамъ въ то время, когда нужно было согласіе и единство для того, чтобы имѣть силы дать отпоръ внѣшнему врагу и разнымъ вліяніямъ извнѣ. Неудивительно поэтому, что среди этихъ раздоровъ, разжигаемыхъ и поддерживаемыхъ разными чужестранными агентами въ родѣ г. Радошичкина, и послѣ того, какъ Россія принуждена была вслѣдствіе войны съ Наполеономъ оставить Сербію въ 1812 г., усталый герой Кара-Георгій и развращенные сенаторы бѣгутъ изъ Сербіи въ Австрію, а Турція успѣваетъ въ 1813 году опять возстановить свое господство въ Сербіи.

Прошли два года въ страшномъ мученіи народа; никогда деспотизмъ турокъ не доходилъ до такихъ ужасающихъ размѣровъ: тысячи людей отправлены были на константинопольскіе базары и тамъ продавались, многихъ живьемъ набили на колъ, многихъ уморили страшными пытками. «150 человекъ были обезглавлены передъ четырьмя воротами Бѣлграда, а игуменъ гириновскій и съ нимъ 36 человекъ посажены на колъ (5 Дек. 1814)». Турки нерѣдко привязывали женщины къ подбородкамъ мѣшки, изъ которыхъ кормятъ лошадей, клали туда золу и потомъ, поднявши мѣшокъ къверху, засыпали ею носъ и ротъ. Иныхъ связывали по рукамъ и ногамъ, вѣшали на перекладину и нарочно клали на тѣло тяжелые камни, иныхъ засѣкали до смерти, и живыхъ поджаривали. Много совершено было разныхъ другихъ злодѣйствъ, но кому пріятно исчислять ихъ?» (Ранке).

Такимъ образомъ, все, во имя «системы» введенное въ Сербію, уничтожилось; сербы, освободившись отъ всего чужаго, опять встаютъ единодушно противъ варварства турокъ. Народная скупщина выбираетъ сербскимъ вождемъ Милоша Обреновича, и, пока признавалась власть народной скупщины, сербы вездѣ были побѣдителями. Сербія освобождается опять во время своего *самоуправленія*. Событія эти придали особенную важность народному вождю, такъ что въ 1817 г. народъ выбралъ его наследственнымъ княземъ Сербіи, а

потомъ выборы стали вторично были возобновлены въ 1827 году и признаны султанскими хатшерифомъ въ 1830 году.

Но этого не удовлетворялся любящее свободу сербовъ; какъ дѣло съ самаго начала переходить къ дипломатіи. Дѣла, которое возмущало рѣшительнѣе только мещанъ, старались рѣшить согласно съ «спетеной», посредствомъ гусевыхъ верховъ, которыми спланировали прославянские дипломаты. Настѣлъ долгой возни и многихъ споровъ накопилось сомнѣніе между сербамъ и утверждали, что

1) Сербія есть княжество, которое платитъ Турціи дань, но которое имѣетъ независимое внутреннее правленіе, полную свободу въ-религіозныхъ вѣрованій, законодательства и торговли.

2) Сербія остается въ тѣхъ границахъ, въ которыхъ сербы свободны ее сружманъ.

3) Исключая принцевъ, въ Сербіи не можетъ оставаться ни одинъ турокъ.

4) Агерманскою конвенціею Сербія поставлена подъ покровительство Россіи, но это покровительство потомъ съ 1856 г. замѣнено самостоятельнымъ покровительствомъ договаривавшихся силъ. Вѣдь все, что сдѣлали дипломаты для политической независимости сербскаго народа. Думали ли они, что дѣло ихъ такъ кончится?

И этого, при неприкосновенности внутреннего самоуправленія, было бы достаточно для сербовъ, живущихъ внутри княжества. Мечтуясь какъ, проинтернути стремленіемъ къ национальному развитію, сербскій народъ, никѣмъ не эксплуатируемый, осуществилъ бы у себя навала истинной свободы, истинной законности; пошло бы у него истинное, органическое развитіе, онъ приобрѣлъ бы сочувствіе другихъ народовъ, имѣлъ бы благотворное вліяніе и на другихъ сербовъ, живущихъ внѣ предѣловъ княжества—въ Австріи и Турціи.

Но народное самоуправленіе, къ воззору прибѣгали Сербамъ въ критическіе моменты своей жизни и въ которыхъ всегда находили силу для отпора угрожающимъ опасностямъ, было нарушено тѣмъ, что уставъ княжества не былъ составленъ свободной народной скупщиной, а составили его внѣ страны, въ Константинополь (и безъ всякаго участія въ немъ сербскаго народа) и оттуда, съ согласія другихъ силъ, были заброшены народу на шею.

Исторія этого устава довольно замѣчательна: она показываетъ съ одной стороны, что мы были правы, говоря, что многіе иногда не желали видѣть никакихъ славянъ свободными внутри и независимыми извнѣ; съ другой стороны исторія этого устава показываетъ, что всё смуты, которыми Сербія была свидетѣльницею послѣ изданія его, имѣютъ своей основаніемъ на глупость и подлость народа, какъ это увѣряетъ г. Ж. Силлавъ, но исключительно нелогичность устава, его противорѣчіе интересамъ народа, его посягательство на свободу и свободное развитіе народной жизни.

Вѣрныя своему началу подводить все подъ извѣстныя нормы, дипломаты вводятъ въ Сербію деспотическій образъ правленія съ цѣлью продолжить иностранную опеку надъ сербскимъ народомъ; сербы, понимая обстоятельства, отъ которыхъ зависѣла ихъ политическая жизнь, и что если онъ начнетъ «бунтоваться», то его силою заставятъ молчать, да еще больше приберутъ къ рукамъ, покоряется.

Но дипломаты не останавливаются и на этомъ: они стараются ввести въ Сербію олигархическое правленіе; главную роль въ этомъ играетъ Турція. Появивъ значеніе подобнаго рода правленія, въ Сербіи составляетъ оппозиція, лозунгомъ которой былъ уставъ. Милонъ Обреновичъ даетъ торжественное обѣщаніе, что будетъ составленъ уставъ, по которому возстановится народное самоуправленіе и что министры будутъ ответственны предъ народною скупщиною. Дѣйствительно послѣ этого обѣщанія былъ составленъ подобный уставъ, но участь его была слѣдующая: въ 1835 году читаемъ прокламацію князя, въ которой онъ объявляетъ народу, — что такъ какъ либеральный уставъ отвергнутъ абсолютными силами, то онъ отнынѣ есть единый господинъ Сербіи.

Вскорѣ за тѣмъ (1838 г.) Порта съ другими государствами, конечно безъ участія сербскаго народа, составляетъ нынѣшній уставъ княжества, и навязываетъ его Сербіи. Уставъ этотъ учреждаетъ постоянный совѣтъ, которымъ ограничивается власть князя. Совѣтъ состоитъ изъ 17 членовъ; выборы этихъ сенаторовъ не были свободными и нисколько не зависѣли отъ народа: сенаторы сами выбирали другъ друга, князь только подтверждалъ ихъ выборы. Имѣя въ виду поддерживать постоянные раздоры внутри страны,

уставъ ставить сенаторовъ подъ юрисдикцію Порты, и ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть смѣненъ до тѣхъ поръ, пока вина его не будетъ доказана передъ судомъ блистательной Порты. Кромѣ того князь, по этому уставу, долженъ былъ выбрать министровъ исключительно изъ среды сенаторовъ, и такимъ образомъ и законодательная, и административная власть сведены были въ одинъ и тѣ же руки. О народной скупщинѣ въ этомъ уставѣ не было сказано ни слова.

Этотъ порядокъ вещей, отдѣливъ интересы правительственныхъ лицъ отъ интересовъ управляемаго ими народа, отирываетъ между ними глубокую пропасть: правительство смотритъ на народъ, какъ на источникъ своего богатства, которымъ однако оно можетъ пользоваться только тогда, если будутъ исполнять желанія заклятого народного врага султана и его правительства: чѣмъ болѣе лица, составляющіе правительство въ Сербіи, старались эксплуатировать свободное развитіе народа, тѣмъ болѣе покровительствовали имъ султаны. Народъ въ свою очередь ненавидѣлъ этихъ лицъ, не вѣрилъ имъ. Начинается борьба князя съ сенатомъ, но борьба идетъ не за идею правды и благосостоянія народа, а изъ за того, кто больше угодитъ султану, кому больше грабить народъ. Эта борьба тяжело ложится на народъ. Такой порядокъ вещей вызвалъ нѣсколько революцій въ Сербіи. Въ продолженіи какихъ нибудь 22-хъ лѣтъ сербы три раза прогоняли своихъ князей и свое правительство, а въ итогъ все-таки оставалось тоже, что было и прежде, и это оттого, что, уничтожая правительство, они не уничтожили системы — основной причины ихъ бѣдствій. Вопросъ слѣдовательно въ томъ, въ состояніи ли они одни уничтожить ее?

Мы не намѣрены указывать здѣсь на подробности всѣхъ смуть, происходившихъ въ Сербіи, укажемъ только на то, что послѣ того, какъ фамилія Обреновичей окончательно была изгнана изъ Сербіи, на княжеское достоинство вводятъ Александра Карагеоргиевича, чезовѣка, пожалуй и доброй души, но безъ образованія и безъ характера. Карагеоргиевичъ дѣлается княземъ Сербіи и, не заслуживъ довѣрія народа, онъ, бросается то въ объятія Австріи, то Турціи, только не народа. Сепатъ, пользуясь этимъ, начинаетъ вести интриги, составляетъ заговоръ противъ князя, покушается на его жизнь, но неудачно; народъ не сочувствовалъ ему и смотрѣлъ на сенаторовъ, какъ на своихъ измѣнниковъ. Но пока князь и сенаторы вели ги-

большую для народа и его интересовъ борьбу, но выходя въ нее больше ничего, народъ, не имѣя возможности высказаться, протестовалъ общими голосомъ противъ правительства и его злоупотребленій, поднималъ. Народная скупщина, на которую народъ всегда такъ надеялся, была забыта нагими правительствомъ; пользуясь поддержкою со стороны Австріи и Турціи оно и смѣшать не хотѣло о ней. Между тѣмъ народъ болѣе и болѣе не вѣрилъ промѣ себя и своей народной скупщинѣ — у нихъ, общій голосъ вышло всякаго личнаго авторитета: — «ищи ты памятникъ отъ слеза народа», говорятъ сербы въсѣмъ тѣмъ лицамъ, которые стараются возвыситься на счетъ свободы общаго голоса, общаго мнѣнія всей страны. Являлись частныя лица съ протестами отъ имени народа, но эти патриоты стали жертвами. Наконецъ, когда въ 1858 году сенаторы успѣли пригласить Этьенъ-Пану въ Сербію, какъ судью между ними и княземъ, народъ встрепенулся. Онъ не могъ долѣе сносить такое явное похищеніе своихъ правъ и потребовалъ немедленнаго созванія народной скупщины, угрожая, что въ противномъ случаѣ самъ, безъ всякаго распоряженія правительства, соберется и тогда помяды не будетъ тому, кто окажется виновникомъ его страданій и нарушенія его правъ. Правительство испугалось и издало указъ о скупщинѣ и правила, по которымъ должны были происходить выборы депутатовъ въ народную скупщину. Депутаты собрались въ Бѣлградѣ 30 ноября 1858 г. въ день св. Андрея, почему и скупщина эта называется св. Андреевская. Первымъ дѣломъ скупщины было уничтожить ненародное правительство и всѣ ненародныя мѣры министерствъ и сенаторовъ. Карагеоргіевичъ немедленно былъ лишенъ княжескаго достоинства, и на его мѣсто опять возстановлена наследственная династія Обреновичей. Вѣроятно читателямъ извѣстно изъ газетъ того времени, какъ Великаши, прежде заглѣтые враги Карагеоргіевича, оказались теперь заглѣтыми врагами и народа, и народнаго дѣла. Они стараются произвестъ военную демонстрацію съ мѣлю парализовать свободную дѣятельность народной скупщины, но сербское войско протягиваетъ руку бѣлградскимъ патриотамъ, которые выжились было за оружіе, чтобы защищать скупщину отъ всякихъ нападѣній и дать ей возможность продолжать свое дѣло. Народъ прощаетъ измѣнникамъ ихъ подлости.

Но въ то же время Австрія и Турція подвигаютъ корпуса своихъ

войскъ къ границамъ Сербіи съ тою же цѣлью, съ которою сепараторы сербскіе стараются произвести демонстрацію; однако, не смотря на всѣ угрозы, воодушевленная національными интересами народная скупщина продолжаетъ свое дѣло и торжественно, съ полнымъ единодушіемъ объявляетъ:

1) Что Сербскій народъ благодаренъ великимъ силамъ, гарантировавшимъ имъ ихъ права и свободу, но

2) Что чужестранное вмѣшательство въ дѣла Сербіи не можетъ быть терпимо.

3) Что уступки, сдѣланныя на счетъ народной свободы старымъ правительствомъ Портѣ, должны быть уничтожены и восстановлена полная народная самостоятельность.

4) Что народная скупщина, на основаніи свободнаго выбора народныхъ представителей, должна быть правильно созываема. Для обезпеченія ея правъ узаконяется свобода печати.

5) Что власть князя ни отъ кого не зависитъ, никѣмъ не можетъ быть ни дана, ни отнята, кромѣ народной скупщины, составленной на основаніи свободнаго выбора народныхъ представителей.

6) Что уставъ, которымъ сенаторы поставлены подъ юрисдикцію Портѣ, не можетъ имѣть никакой законной силы и впаденія, какъ составленный въ страну и противорѣчащій гарантированной самостоятельности народа.

7) Что законодательство и администрація должны быть преобразованы согласно съ духомъ народа.

8) Что такъ какъ Сербіи гарантировано полное внутреннее самоуправленіе и автономія, и такъ какъ всѣ сербы равны передъ закономъ, то и иностранцы, живущіе въ Сербіи, должны подчиниться сербской юрисдикціи.

Вотъ главныя постановленія св. Андреевской скупщины 1858—59 годовъ.

Когда князь Милошъ возвратился въ Сербію — онъ былъ въ то время въ Молдавіи — то скупщина была распущена въ январѣ 1859 года.

Въ іюлѣ того же года вызваны были въ Бѣлградъ 40 человекъ изъ членовъ св. Андреевской скупщины, чтобы заняться составленіемъ предложеній для слѣдующей скупщины. Политико-экономи-

ческие вопросы были главнымъ предметомъ дѣятельности этой комиссіи. Сознавъ потребность усвоенія и узаконенія экономической свободы, комиссія приготовила предложеніе, по которому правительство приглашалось оказать всевозможное вниманіе этимъ потребностямъ. Въ то же самое время были высказаны общія основанія политической свободы и рѣшено приготовить предложеніе, по которому узаконялись бы эти основанія, какъ поняла и усвоила ихъ св. Андреевская скупщина. Комиссія эта вела точный дневникъ своей дѣятельности; дневникъ этотъ преданъ былъ гласности, чтобы предложенія комиссіи путемъ литературы и свободнаго обсуждения были приготовлены къ осуществленію на слѣдующей скупщинѣ.

Это послужило новымъ поводомъ для абсолютныхъ силъ Австріи и Турціи противиться и препятствовать свободной дѣятельности сербской народной скупщины. Агенты этихъ силъ прежде всего стали нападать на свободныхъ людей Сербіи, возводить на нихъ страшныя клеветы, наполняя ими разные журналы Европы. Они постоянно толковали о какихъ-то заговорахъ либераловъ всѣхъ угнетенныхъ народовъ противъ существующаго порядка вещей въ Европѣ. Они называли Сербію и Грецію центрами этихъ заговоровъ и приглашали всю Европу ополчиться противъ этой заразы... Съ цѣлію лишить справедливыя требованія сербовъ поддержки западно-европейскихъ правительствъ, они говорили, что сербскіе либералы суть не что иное, какъ сторонники Россіи. Недовольные и этимъ, агенты Австріи и Турціи заходили еще дальше, съ цѣлію подобными выдумками лишить сербскій народъ симпатіи и сочувствія образованныхъ народовъ.

Наконецъ они говорили: «Сербскій народъ пока еще не образованъ, поэтому сомнительно, не только дозрѣлъ ли онъ до свободной народной скупщины, но и можетъ ли этотъ образъ правленія быть полезнымъ какому бы то ни было другому народу».

Да г. Славъ, какъ видите, и вы попали въ эту категорію людей, которую мы называемъ клеветниками сербскаго народа, озлобленными на него только потому, что онъ всецѣло преданъ идеѣ народной свободы, не жалѣетъ ничего для того, чтобы осуществить ее у себя, сочувствуетъ борьбѣ за нее, гдѣ бы она ни велась: въ Греціи или въ Италіи, на вершинахъ Черногоріи или въ ущельяхъ Бал-

каковы, сочувствовать потому, что не такъ поръ, пока эти народы не начнутъ вѣстѣ съ нами борьбу, чтобы выбиться изъ дѣльной и ему нелзя будетъ утвердить свободу у себя. Вы объясняете неудачи сербовъ къ дѣлу народной свободы тупостью народа, его безмыслиемъ, а между тѣмъ не хотите войти въ его положеніе, понять то, что ему нѣльзя освободиться.

Разглагольствованіи о сербскомъ народѣ, подобныя разглагольствованію г. Ж. Склава, сербскій народъ съ презрѣніемъ отвергалъ. А лучшіе представители сербскаго народа, начиная съ 1859 года, заявляли свое политическое убѣжденіе, которое можно резюмировать такъ :

- 1) Сербы въ правѣ подумать о себѣ, управлять сами собою на своей землѣ, которую они кровью выкупили.
- 2) Уставъ Сербіи долженъ быть выраженіемъ законной воли народа, а эта воля можетъ быть выражена посредствомъ свободной народной скупщины.
- 3) Такъ какъ св. Андреевская скупщина, законнымъ образомъ составленная, провозгласила, что «Сербія есть уставное княжество», т. е. управляется наследственнымъ княземъ совместно съ народной скупщиной, то этотъ образъ правленія и долженъ быть сохраненъ въ Сербіи.
- 4) Свобода сербскаго народа должна гарантироваться отвѣтственностью министровъ за каждый ихъ поступокъ передъ народною скупщиною.
- 5) Подать, потребная на поддержку правительства, можетъ быть собрана только съ согласія народной скупщины.
- 6) Администрація должна стараться объ усвоеніи и осуществленіи основаній политической и экономической свободы.
- 7) Сербы должны быть наготовѣ противъ всякаго завоевательнаго стремленія, откуда бы не показывалось это стремленіе. Они могутъ радоваться торговымъ и политическимъ союзамъ только тогда, когда эти союзы проникнуты духомъ свободы *).

Послѣ всего сказаннаго о причинахъ, сковывающихъ сербскій народъ, о томъ, что онъ дѣлалъ для того, чтобы сбросить неспосное

*) „Сербскій народъ и Восточный вопросъ“ В. Іовановича.

игде и наконецъ о формахъ правленія, которыя онъ у себя желалъ и старался осуществить, мы надѣемся, что вполне отвѣтили на предложенные нами въ началѣ нашего очерка вопросы; надѣемся также, что мы достаточно показали, кто виноватъ въ томъ, что народъ этотъ находится до сихъ поръ подъ игромъ чужихъ или собственныхъ деспотовъ; наконецъ надѣемся, что мы представили достаточно данныхъ, опровергающихъ клеветы разныхъ господъ, подобныя гг. Боргу и Славу.

РАКИЦЪ.

ДЕНИСЪ ДЮВАЛЬ.

ГЛАВА VI.

Я ИЗБАВЛЯЮСЬ ОТЪ ВЕЛИКОЙ ОПАСНОСТИ.

Дома я никому не рассказывалъ о своемъ приключеніи въ саду аббатства кромѣ монаха де-Лазотъ; матушкѣ я не имѣлъ ни малѣйшаго желанія сообщать о немъ, боясь, чтобы она не угостила меня снова своими обычными уроками въ видѣ пощеникъ, которыя, по моему мнѣнію, становились мнѣ уже не по дѣламъ. И точно, я успѣлъ уже сдѣлаться большаго мальчикомъ. Когда мнѣ исполнилось тринадцать лѣтъ, между шестидестью воспитанниками Пезака не было и шести человекъ, которые могли справиться со мною въ стычкахъ; но и эти немногіе сплеча — товарищамъ я никогда не подставлялъ свою спину безъ сопротивленія. Правда, я зналъ, что изъ боя мнѣ не выйдти побѣдителемъ, но зналъ тоже, что навѣрное успѣю надбить носъ или глазъ у своего противника. Въ особенности памятенъ мнѣ одинъ мальчикъ, Томъ Парритъ по имени, который былъ старше меня тремя годами. Бой между нами долженствовалъ быть такимъ же неравнымъ боемъ,

какъ между небольшимъ фрегатомъ и семидесяти-четырепущечнымъ кораблемъ; но, тѣмъ не менѣе, бой этотъ разъ состоялся. Мы нанесли другъ другу нѣсколько ударовъ, послѣ которыхъ Томъ, заложивъ руку въ карманъ и какъ-то уморительно глядя на меня подбитымъ глазомъ, которымъ я его наградила, проговорилъ: «слушай, Денни: конечно, если бы я захотѣлъ, я бы могъ съ тобой справиться; ты и самъ это очень хорошо понимаешь; но дѣло въ томъ, что мнѣ лѣнь, и нѣтъ ни малѣйшей охоты продолжать драку». При этомъ одинъ изъ свидѣтелей боя позволилъ было себѣ хихикнуть; но Томъ далъ ему такую затрещину, что у того, ручаясь вамъ, всю насмѣпливость какъ рукой сняло. Кстати замѣчу здѣсь, что пріобрѣтенное мною въ школѣ знакомство съ благороднымъ булачнымъ искусствомъ пригодилось мнѣ потомъ на военныхъ корабляхъ его величества.

Что касается пощечинъ и ударовъ палкою, преслѣдовавшихъ меня дома, то я подозреваю, что monsieur де-Ламотъ имѣлъ по поводу ихъ объясненіе съ моею матушкой и выставилъ ей на видъ, что я уже слишкомъ великъ для такого рода обращенія. И точно, четырнадцати лѣтъ отъ роду я былъ ростомъ съ моего дѣда и въ случаѣ стычки, безъ малѣйшаго труда могъ бы сшибить его съ хилыхъ ногъ и справился бы съ нимъ въ какихъ нибудь пять минутъ. Быть можетъ, вы найдете, что такой отзывъ съ моей стороны не довольно почтителенъ; но я и не хвалюсь особенной привязанностью къ нему: я никогда не могъ чувствовать къ нему ни малѣйшаго уваженія. Были въ его жизни такіе факты, которые, сдѣлавшись мнѣ извѣстными, оттолкнули меня отъ него, и громкія его разглагольствованія о благочестіи только увеличивали мое недовѣріе къ нему. Monsieur mon fils, если ты когда нибудь женишься и у тебя будетъ сынъ, я надѣюсь, что мальчуганъ этотъ будетъ знать своего дѣда за честнаго человѣка, и что вамъ можно будетъ помануть добрымъ словомъ этого дѣда, когда самъ я буду лежать подъ цвѣтущими маргаритками. И такъ, Ламотъ былъ виновникомъ «отмѣненія нити» въ нашемъ семействѣ, и я былъ ему душевно за это благодаренъ. Странное смѣшеніе чувствъ внушала мнѣ этотъ человѣкъ. Когда онъ хотѣлъ, то умѣлъ быть джентльменомъ въ полномъ смыслѣ этого слова:

онъ сорилъ деньгами, былъ остроуменъ (какими-то черствыми, жестокими остроуміемъ) и выказывалъ вѣдную привязанность къ Агнесѣ. И что-же? Глядя на его желтое, красивое лице, я чувствовалъ, какъ холодная дрожь пробѣгала по моему тѣлу, хотя я и не зналъ еще въ то время, что отецъ Агнесы наль отъ его руки.

Когда я рассказалъ ему, какъ мистеръ Джо Уэстонъ салютовалъ меня цѣлымъ градомъ картечей, лицо у него замѣтно вытянулось. Тутъ же я сообщилъ ему объ одномъ поразившемъ меня обстоятельстве, о томъ именно, что крикъ и ругательства, которыми привѣтствовалъ меня Уэстонъ, увидѣвъ меня на стѣнѣ, были поразительно похожи на проклятіе, вырвавшееся у человѣка, съ ~~краснымъ на лице~~, въ котораго я выстрѣлилъ въ почтовой каретѣ.

— Bah, bêtise! отвѣтилъ на это Дамоть. А ты что дѣлалъ на стѣнѣ? Вѣдь въ твои лѣта ужъ кажется, не лазать воровать груши.

Тутъ я, что грѣха таить, покраснѣлъ.

— Мнѣ послышался чей-то голосъ, отвѣчалъ я. Ну, словомъ, я услышалъ, что Агнеса цѣла въ саду и... и я вскарабкался на стѣну, чтобы посмотреть на нее.

— Какъ! ты... ты, отродѣ цирюльника, перелѣзаешь заборъ, чтобы повидаться съ дѣвицею Агнесою де-Савернь, принадлежащею къ одному изъ знатнѣйшихъ родовъ въ Лотарингій? проревѣлъ Дамоть съ дикимъ хохотомъ. Parbleu! но-дѣломъ тебя отпотчивалъ monsieur Уэстонъ.

— Серъ! заговорилъ я въ страшномъ бѣшенствѣ. Хоть я и цирюльникъ, но предки мои были честными протестантскими священниками въ Альзасѣ, и мы, во всякомъ случаѣ, не хуже госнодь, граблящихъ по большимъ дорогамъ. Гм! цирюльникъ, продолжалъ я. А я такъ присагнуть готовъ, что чело-вѣкъ, выругавшій меня въ саду и тотъ, котораго я подстрѣлилъ на дорогѣ, одно и то же лице; и я пойду къ доктору Бернарду и присагну ему въ этомъ.

Съ минутою баронъ простоялъ съ изумленнымъ и угрожающимъ выраженіемъ на лицѣ. «Тu me menaces, je sçais, peit papa!» проговорилъ онъ, заскрежетавъ зубами. Слушай Денисъ Дюваль! Держи языкъ за зубами, не то, не одобровать тебѣ. Ты

наживешь себя враговъ, самнихъ неразборчивыхъ въ способахъ мщенія и самнихъ ужасныхъ, — понимаешь ли? Я поручилъ Mademoiselle Agnesu de-Saveriъ заботамъ этой чудной женщины, мистрисъ Уэстонъ, потому что въ аббатствѣ она встрѣчаетъ общество болѣе приличное для дѣвицы ея происхожденія, чѣмъ то, которое она могла бы встрѣтить въ лачугѣ твоего дѣда, рагблеу! А ты осмѣливаешься лазить по заборамъ, чтобы взглянуть на графиню де-Савериъ? Эй, берегись, чтобы тебѣ не попался въ ловушку, мой garçon! Vive Dieu! Если я еще увижу тебя на той стѣнѣ, я выстрѣлю въ тебя, шo! Je promets! Онъ позволяетъ себѣ вздыхать по Агнесѣ Савернской. Ха, ха, ха!» Онъ ослабился и сдѣлался поразительно похожъ на того дуконытато джентльмена, про котораго случалось говорить доктору Бернарду.

Я почувствовала, что съ этой минуты между мною и Ланотомъ завязалась война. Около этого времени я какъ-то внезапно выросъ въ молодого человѣка и пересталъ быть тѣмъ болтливымъ, податливымъ ребенкомъ, какимъ былъ еще прошлаго года. Я объявилъ дѣдушкѣ, что не намѣренъ болѣе поддаваться тѣмъ наказаніямъ, которыми старикъ имѣлъ обыкновеніе подвергать меня; когда же ровъ матушка на меня замаяхнулась, я хлопнулъ ее по рукѣ и схватилъ ее такъ крѣпко, что матушка перепугалась. Съ тѣхъ поръ она ни разу не поднимала на меня руку. Мнѣ даже кажется, что моя выходка понравилась ей, и вскорѣ она просто на просто начала меня баловать. Ничего она не жалѣла для моихъ нарядовъ. Знаю я, откуда получалась шелковая матерія, которая пошла на мой великолѣпный новый жилетъ, и батистъ, изъ котораго надѣлали мнѣ рубанки съ манжетами, и сильно сомнѣваюсь, чтобы за эти предметы была заплачена таможенная пошлина. Посмотрѣли бы вы, какъ, отправились въ церковь, я заложилъ шляпу на бечрень и важно выступалъ впередъ. Когда Томъ Боллисъ, сынъ булочника, задумалъ подсмѣяться надъ моимъ богатымъ нарядомъ, я замѣтилъ ему: «Томъ, я готовъ въ понедѣльникъ снять на полчаса мой кампанъ и жилетъ и подраться съ тобою, если ужъ тебѣ такая охота приспѣла, но сегодня не будемъ ссориться и пойдемъ въ церковь».

Кстати о церкви: я не хочу вдаваться по этому предмету

ни въ какія саморасхвалянія. Это дѣло касается только чело-
вѣка и его совѣсти. Зналъ я людей, очень шатавшихся въ дѣлѣ
вѣры и являвшихся чистыми и праведными въ своей жизни;
точно такъ же встрѣчался я съ христіанами, громко разгла-
гольствовавшими о своей набожности и далеко не безукориз-
ненными въ своей нравственности, жестокими и несправедли-
выми въ своихъ поступкахъ. Къ разряду-то послѣднихъ яри-
надежалъ у насъ дома одинъ старенькій старичокъ, да прес-
титъ ему Господь! Когда я узналъ его жизнь, проповѣди его,
которыя онъ говорилъ денно и нощно, начали приводить меня
въ такое бѣшеное негодованье, что надо еще удивляться,
какъ я совсѣмъ не вдался въ конюнство и распутство. Зна-
валъ я не одного молодого человѣка, свихнувагося съ пути
и возвращеннаго только потому, что узда дисциплины была
слишкомъ туго подтянута на немъ, и потому, что проповѣд-
никъ его постоянно напѣвалъ ему въ уши поученія въ духѣ
своего собственнаго поведенія. Я благодарю судьбу, послав-
шую мнѣ лучшаго наставника, чѣмъ мой старій дѣдъ, ни-
когда не выпускавшій плетки или трости изъ рукъ. Этимъ
наставникомъ былъ мой добрый другъ, докторъ Бернардъ; до
сихъ поръ я хорошо помню всѣ разговоры, которые я имѣлъ
съ нимъ, и я убѣжденъ, что они-то и имѣли вліяніе на мою
послѣдующую жизнь. Если бы я былъ такъ же легкомысленъ
и безнравственъ, какъ многіе изъ моихъ знакомыхъ и со-
сѣдей, онъ пересталъ бы питать ко мнѣ всякое участіе; и
вмѣсто того, чтобы носить эполеты его величества (которыя,
я надѣюсь, не обезславилъ) я, быть можетъ, плавалъ бы въ
лодкѣ контрабандистовъ или разтѣзжалъ бы по ночамъ съ не-
большимъ отрядомъ всадниковъ, вооруженный съ ногъ до го-
ловы на случай схватки, какъ дѣлывалъ, по собственному его
сознанію, злополучный Ламоть. Добрая моя матушка, хотя она
впослѣдствіи и перестала промышлять контрабандою, никогда
не могла понять, что въ ней можетъ быть преступнаго; она
разсматривала это дѣло, какъ игру, въ которой вы ставите свой
закладъ, и рискуете потерять его, но за то можете выиграть
и больше. Она съ своей стороны перестала играть въ эту игру,
не потому, чтобы сочла ее безчестною, но потому, что она
перестала быть для нея выгодною. Виновникомъ того, что она

отстала отъ стараго своего промысла, былъ monsieur Денись, ея сынъ.

Что касается до меня, то я съ благодарностью сознаюсь, что научился смотрѣть на это дѣло съ иной, болѣе строгой точки зрѣнія, не только отъ проповѣдей нашего ректора (двѣ или три изъ нихъ, на текстъ «воздадите кесарево кесареви» возбудили великую ярость между многими изъ его прихожанъ) но и изъ частыхъ разговоровъ съ нимъ. Въ этихъ разговорахъ онъ старался внушить мнѣ, что я не въ правѣ нарушать законы моего отечества и обязанъ имъ повиноваться, какъ и всякій честный гражданинъ. Онъ зналъ (хотя никогда и не говорилъ мнѣ, умалчивая объ этомъ дѣлѣ по своей добротѣ), что бѣдный отецъ мой умеръ отъ ранъ, полученныхъ имъ при стычкѣ контрабандистовъ съ таможенною стражею; но онъ выставилъ мнѣ на видъ, что подобная жизнь дѣлаетъ человѣка безнравственнымъ, скрытнымъ и безчестнымъ; что она увлекаетъ его въ среду отчаянныхъ товарищей и ставитъ въ необходимость сопротивляться законной власти кесаря посредствомъ мятежа и даже, порою, убійства. «Съ матерью твоей, мой милый Денись, я употреблялъ другіе доводы, продолжалъ этотъ добрый человѣкъ. Мы съ адмираломъ задумали сдѣлать изъ тебя настоящаго джентльмена. У твоего старика-дѣда довольно денегъ, чтобы намъ содѣйствовать, если только ему заблагоразсудится. Я не стану слишкомъ разыскивать, откуда у него взялись эти деньги; ясно только, то, что мы не можемъ сдѣлать джентльмена изъ мальчика контрабандиста, который рискуетъ въ одно прекрасное утро угодить въ каторгу, или же, въ случаѣ вооруженнаго сопротивленія, можетъ быть...» Тутъ добрый ректоръ приложилъ руку къ своему уху и жестомъ изобразилъ наказаніе, которымъ обыкновенно наказывался разбой во дни моей молодости. «Мой Денни, неправда ли, не захочетъ развѣзжать съ лицомъ, завѣшаннымъ крепомъ, и стрѣлять изъ пистолета въ таможенную стражу? Нѣтъ, я молю Бога, чтобы ты всегда могъ честно глядѣть въ глаза цѣлому свѣту. Ты будешь воздавать кесарево кесареви, ну, а остальное ты знаешь, дитя мое.»

Надо вамъ сказать, что я замѣтилъ въ этомъ человѣкѣ ту особенность, что, касаясь *известнаго предмета*, онъ весь пре-

исполнялся невольнымъ чувствомъ какого-то священнаго ужаса и какъ-то притихалъ при одной мысли объ этомъ священномъ предметѣ. Какъ мало онъ походилъ на дѣдушку, болтавшаго свои проповѣди (и на многихъ другихъ, слышанныхъ мною проповѣдниковъ) и произносившаго Его имя такъ же безопасно, какъ и всякое другое и... но кого же я берусь судить? и къ чему, бѣдный мой дѣдъ, стану я, по прошествіи столькихъ лѣтъ, вынимать *спицу изъ твоего глаза?*... Какъ бы то ни было, напившись въ этотъ вечеръ чаю у моего любезнаго ректора, и отправляясь домой, я далъ себѣ обѣтъ, что съ этого дня буду стараться вести честную жизнь; я поклялся, что уста мои будутъ изрекать только правду и рука моя не осквернится тайнымъ преступленіемъ. Разговаривая такимъ образомъ съ самимъ собою, я увидѣлъ свѣтъ въ окнѣ моей дорогой дѣвочки, увидѣлъ звѣзды, мерцавшія надъ моею головою и почувствовалъ себя счастливымъ и бодрымъ, какъ никто.

Отправляясь въ школу черезъ Уэстстритъ, я безъ сомнѣнія дѣлалъ большой крюкъ. Я могъ идти болѣе прямою дорогою, но тогда не видать бы мнѣ *одного окна*; то было маленькое окошечко, помѣщавшееся подъ самою кровлею дома въ аббатствѣ; въ немъ мерцала свѣча вплоть до девяти часовъ, когда она обыкновенно гасилась. Не такъ давно еще, когда мы переправляли французскаго короля черезъ Кале экспедиціей начальствовалъ его высочество герцогъ Кларенсъ), я не утерпѣлъ и нанялъ почтовую карету изъ Дувра, чтобы взглянуть на это старое окошечко въ домѣ Уинчельсійскаго аббатства. Тутъ я вновь пережилъ былыя слезы, былое горе, былую драму. Я вздыхалъ такъ же сантиментально, какъ сорокъ лѣтъ тому назадъ, какъ будто сѣзнова постигли меня невзгоды моего дѣтства, и я снова сталъ тѣмъ школьникомъ, который, возвращаясь къ своимъ учебнымъ занятіямъ, бросалъ прощальный взглядъ на свое сокровище. Мальчикомъ я обыкновенно нарочитѣе проходилъ мимо этого окна около девяти часовъ, и какія горячія молитвы возносились тогда къ небу о милой обитательницѣ этой комнатки. Она знала тѣ дни, по которымъ я приходилъ домой, знала часы, въ которые я отправлялся въ школу и возвращался оттуда. Моя маленькая красавица выставляла на окнѣ разные условные знаки (например: цвѣтокъ, озна-

чавшій, что все обстоятъ благополучно, ценою азиатскаго, или что нибудь другое въ томъ же родѣ); надеюсь, что никто не осудитъ ее за эти маленькія военные дѣтскости. Мы порѣшили между собою считать ее плѣнницею, находящеюся въ рукахъ непріятеля; у насъ же не было другихъ способовъ поддерживать сношенія, кромѣ этихъ немалыхъ хитростей, которыя всѣми допускаются въ любви и на войнѣ. Мамзюенг де Ламотъ жилъ, по прежнему, въ нашемъ домѣ, когда только дѣла не заставляли его отлучаться, что впрочемъ случалось довольно часто; но, какъ я уже сказалъ, мы съ нимъ почти не говорили послѣ описаннаго мною непріятнаго разговора, и доброе согласіе между нами иногда уже болѣе не возобновлялось.

Онъ предупредилъ меня, что есть у меня еще другой врагъ, и факты разительнымъ образомъ подтвердили его слова. Однажды, въ воскресенье вечеромъ, отправляясь въ школу, я подвергся вторичному бомбардированію кирпичами, и на этотъ разъ моя красивая шляпа, съ заложенными къверху краями, которую подарила мнѣ матушка, сильно пострадала и утратила свой модный фасонъ. Я рассказалъ объ этомъ вторичномъ покушеніи доктору Бернарду, и добрый докторъ слегка призадумался. Онъ началъ думать, что не совсѣмъ ошибался, когда караулилъ въ глазу Джозефа Уэстонъ злобщій огонь. Впрочемъ мы сговорились помалчивать объ этомъ дѣлѣ. Каково же было мое удивленіе, когда, недѣли двѣ спустя, въ воскресенье же вечеромъ, отправляясь тою же дорогою въ школу, я встрѣтилъ доктора Бернарда и мистера Уэстонъ разгуливающими вмѣстѣ. Въ нѣсколькихъ шагахъ за городскими воротами находится поле, окруженное низкимъ заборомъ; докторъ Бернардъ, проходя этимъ полемъ *за четверть часа до того времени, когда я обыкновенно проходилъ этимъ мѣстомъ*, встрѣтилъ мистера Джозефа Уэстонъ, расхаживавшаго за каменною изгородью.

— Добраго вечера, Денни, проговорилъ докторъ, подойдя ко мнѣ съ своимъ спутникомъ; но угрюмый мистеръ Уэстонъ не сказалъ ни слова. Ну что, пріятель, не бросаешь ли кто тебѣ опять кирпичами въ голову? продолжалъ ректоръ.

..Я отвѣчала, что ничего не боюсь, что у меня есть хорошій пистолеть, заряженный на этотъ разъ пулей.

— Онъ ранилъ этого мерзавца въ тотъ же день, когда и вы были ранены, мистеръ Уэстонъ, замѣтилъ докторъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, проричала собесѣдникъ.

— И, вообразите, ваше ружье было заряжено такою же дробью, какъ та, которую Денисъ всадилъ въ своею негодя, продолжалъ докторъ. Любопытно было бы знать, попали ли въ рану этого негодя кусочки крена?

— Серъ, воскликнулъ мистеръ Уэстонъ съ ругательствомъ, что вы хотите сказать вашими намеками?

— Какъ разъ тѣмъ же самымъ ругательствомъ разразился и молодецъ, подстрѣленный Денисомъ во время нашей поѣздки съ вашимъ братомъ. Мнѣ приискорбно слышать отъ васъ, мистеръ Уэстонъ, выраженія, употребительныя въ такомъ дурномъ обществѣ.

— Если вы осмѣлитесь подозрѣвать меня въ чемъ либо недостойномъ джентльмена, я начну съ вами дѣло законнымъ порядкомъ, ужъ въ этомъ можете быть увѣрены, проревѣлъ мистеръ Уэстонъ.

— Denis, mon gargon, tire ton pistolet tant de suite et vise moi bien cet homme là проговорилъ докторъ и, схвативъ мистера Уэстона за руку, что же бы вы думали онъ сдѣлалъ? онъ запустилъ ему руку прямо въ карманъ и вытащилъ оттуда другой пистолеть. Онъ говорилъ мнѣ впоследствии, что прогуливаясь съ мистеромъ Уэстонъ, онъ замѣтилъ, что у него изъ кармана торчала металлическая рукоятка.

— Какъ, закричалъ мистеръ Уэстонъ, этотъ разбойникъ — мальчишка будетъ ходить вооруженнымъ и всюду кричать, что онъ убьетъ меня, а я не имѣю права дѣлать то же самое для своей защиты? Да я по милости его нахожусь въ постоянномъ страхѣ за свою жизнь.

— Мнѣ кажется, у васъ ужъ обычай такой всюду ходить съ пистолетами, мистеръ Уэстонъ. Да притомъ вы порой, слишкомъ кстати узнаете, кто везетъ съ собою деньги въ почтовой каретѣ.

— Эй ты мерзавецъ, мальчишка! Ты будешь свидѣтелемъ, какія обидныя слова сказалъ мнѣ этотъ человекъ. Онъ оскорбилъ меня; онъ все равно, что сочинилъ противъ меня пас-

книжь, а затѣю съ нимъ дѣло, но: будь я Уэстонъ, если я не затѣю! кричалъ мистеръ Уэстонъ лнѣ себя.

— Проврасно, гнѣвно ошѣвлялъ ректоръ; а я шпрошу лекаря, мистера Бладсъ, показать дробнымъ, котормя онъ вынулъ изъ вашего глаза, и лесутки шреца пошавише вытъ въ рану, и такъ же охотно, какъ и вы, затѣю дѣло въ судѣ.

Тутъ и со страхомъ и сердечною болью вспомнилъ, что Агнеса живетъ въ домѣ этого чешовѣна и что осора казна пошнѣ чѣмъ, когда либо, раллучитъ насъ съ нею; теперь нечего было и надѣяться на то, что ей позволитъ бывать въ ректорскомъ домѣ, этой дорогой нейтральной территории, на которой я отъ времени до времени имѣлъ возможность съ нею встрѣчаться.

Уэстонъ и не подумалъ вспомнить свою угрозу и затѣять съ докторомъ процессъ. Это подняло бы различные нежелательные вопросы, на которые ему было бы слишкомъ затруднительно отвѣчать. Хотя онъ и утверждалъ, что поранилъ себя накануне нашей встрѣчи съ нешѣстнымъ «белымъ маскою» въ Дартфордъ-Коммонѣ, но на нашей сторонѣ былъ одинъ маленький свидѣтель, готовый показать, что мистеръ Джо Уэстонъ отправился изъ своего дома въ аббатствѣ на раскѣтѣ того самого дня, когда мы уѣзжали въ Лондонъ, и что онъ возвратился на слѣдующій день съ повязаннымъ глазомъ и послалъ за мистеромъ Бладсъ, нашимъ геродскимъ лекаремъ. Моя маленькая свидѣтельница же спала и видѣла въ окно, какъ мистеръ Уэстонъ сѣдился на лошади при свѣтѣ конюшеннаго фонаря, и слышала, какъ онъ ругнулъ грума, выѣжая изъ воротъ. Ругательства, какъ будто сами собою, вырывались изъ усть этого милого джентльмена, и ужъ подлинно можно сказать, что на этотъ разъ дурныя слова и дурныя вѣстунья шли рука объ руку.

Братья Уэстонъ часто отлучались изъ дому, точно такъ же, какъ и нашъ постоялецъ баронъ. Тогда моей милой маленькой Агнесѣ позволялось навѣщать насъ; ман же она урядкою нѣбѣгала въ садовую камитку и отправлялась навидаться съ своею нянею Дювалъ, какъ она всегда называла мою матушку. Въ началѣ я не зналъ, что Агнесѣ было запрещено ей дошрвительными видѣться съ нами и не подозревалъ, что въ

этомъ домѣ нѣкоторымъ образомъ противъ меня имѣла справедливую ненависть.

Какъ въ видѣхъ поддержанія домашнего мира, такъ и въ словесности моей собственнотой совѣсти я радовался, что заслуга моя не противится моему рѣшенію не принимать никакого участія въ контрабандныхъ промислѣхъ, которыми занималось все наше семейство. Не красна была, ругаюсь вамъ, иная всякаго, кто осмѣливался обзывать матушкѣ сопротивление въ ея собственномъ домѣ, но она знала, что если ужъ она рѣшилась сдѣлать своего сына джентльменомъ, то потому его дѣлать принастнымъ къ тайнымъ грѣхамъ контрабандистовъ. Когда Ламотъ, къ второму обратилась она съ соображеніемъ, покаль плечами и объяснилъ, что уживаться въ отищеніи меня руки, матушка отвѣтила: *eh bien, M. de la Motte*, мы какъ нибудь постараемся обойтись и безъ вашего покровительства: сдается мнѣ, что оно не всѣмъ принесло счастье.» «Нѣтъ, отвѣчалъ онъ со стономъ и своимъ обычнымъ сумрачнымъ взглядомъ; моя приязнь могла быть людямъ во вредъ; но еще хуже имѣть меня врагомъ, понимаете ли?» «Та, та, та, возразила удалая старушка, Денисъ у меня не трусливаго дельца. Да и что это вы толкуете о враждѣ къ невинному ребенку, M. le chevalier?

Я уже рассказаль, какъ въ день пожара графини Савернской, де Ламотъ посмалъ меня сзывать своихъ товарищей *форевершискомъ*. Между послѣдними былъ отецъ одного изъ моихъ любимыхъ товарищей, нѣкто Гуванъ, морякъ, съ которымъ на промыслѣ случилось несчастье: онъ натрудилъ себѣ спину и былъ въ то время неспособенъ къ работѣ. Человѣкъ онъ былъ безпечный и несправно платилъ за свою квартиру. Домовымъ его хозяиномъ былъ мой дѣдушка, который, боюсь, врядъ ли оказывался снисходительнымъ кредиторомъ. Надо вамъ сказать, что, возвратившись съ моей достопамятной побѣды въ Лондонъ, я привезъ съ собою двѣ гинеи, данныя мнѣ серомъ Питеромъ, да еще гинею, подаренную мнѣ его супругою. Получи я эти деньги за нѣсколько времени до отъѣзда, я безъ сомнѣнія израсходовалъ бы ихъ въ Лондонѣ; но въ лавкѣ нашего маленькаго городишки Уиптельси мало было для меня соблазновъ за исключеніемъ одного охотничьяго ружья, въ лав-

къ закладчика, на которое я сильно зарился. Монсieur Трибуле просилъ за него четыре гиней, у меня же ихъ всего было три, а въ долги входить мнѣ не хотѣлось. Онъ охотно повѣрилъ бы мнѣ ружье въ долгъ, и часто искушалъ меня этимъ, но я мужественно противился соблазну, и только заходилъ то и дѣло въ лавку, чтобы полюбоваться на чудесное ружье, тѣмъ болѣе, что ложе ружья какъ разъ приходилось мнѣ на плечу.

— Отчего бы вамъ теперь же его не взять, мистеръ Дюваль? говорилъ мнѣ Монсieur Трибуле: недостающую гиней вы можете мнѣ заплатить, когда угодно. Ужъ сколько джентльменовъ торговало его у меня; а мнѣ, по чести было бы жалъ, если бы такая рѣдкость досталась кому не изъ нашего города.

Пока я разговаривалъ съ Трибуле (чуть ли уже не въ десятый разъ), пришла какая-то женщина закладывать телескопъ и оставила его за 15 шиллинговъ.

— Знаете ли, кто это такая была? замѣтилъ мнѣ Трибуле, игравшій роль кумушки въ мужскомъ платьѣ. Это жена Гукама. Плохо имъ приходится съ той поры какъ, съ нимъ приключилось несчастье. Много у меня пересаложено ихъ вещей; между нами будь сказано, домохозяинъ-то у нихъ крутенекъ, а срокъ платежа на носу.

Мнѣ ли было не знать, что крутенекъ хозяинъ у Дюона, когда этимъ хозяиномъ былъ мой собственный дѣдушка? «Если я снесу мои три гиней Гукаму, разсудилъ я, онъ, быть можетъ, наберетъ безъ труда остальные деньги для взноса квартирной платы.» Такъ оно и случилось, и мои три гиней перешли изъ моего кармана въ дѣдушкины; что же касается до охотничьяго ружья, то ему вѣроятно нашелся другой покупщикъ.

— Какъ! это вы намъ отдаете свои деньги, мистеръ Денисъ, проговорилъ бѣдный Гукамъ, сидя въ своемъ креслѣ, изуренный болѣзнию. Я не могу принять ихъ, мнѣ ихъ не слѣдуетъ принимать.

— Полноте, возразилъ я; вѣдь я на нихъ купилъ бы себѣ просто игрушку; если же этими деньгами я могу пособить вамъ въ нуждѣ, то я обойдусь и безъ игрушки.

Эта черта добродушія вызвала цѣлый хоръ благословеній со

стороны несчастнаго семейства, и я выпалъ отъ Гуама въ высшей степени довольный самимъ собою и своими добродѣтелями.

Какъ видно, немного времени спустя послѣ моего ухода, мистеръ Уэстонъ пришелъ провѣдать больного; услыжавъ о томъ, какую я оказавъ послѣднему услугу, онъ разразился противъ меня цѣлымъ потокомъ ругательствъ, обозвалъ меня мерзавцемъ и нахальнымъ хвастунишкой, корчащимъ изъ себя джентльмена и въ бѣшенствѣ выбѣжалъ изъ дома.

Матушка узнала о случившемся и уцѣпила меня за ухо съ видомъ сумрачнаго довольства. Дѣдушка не сказалъ ни слова, только припряталъ мои три гинеи въ карманъ, когда ихъ принесла мистрисъ Гуамъ. Хотя я и не слишкомъ много хвастался своимъ поступкомъ, тѣмъ не менѣе въ маленькомъ городишкѣ трудно чтонибудь утаить, и меня стали превозносить до небесъ за то, что въ сущности было весьма обыкновеннымъ добрымъ дѣломъ.

По странному стеченію обстоятельствъ, сынъ Гуама подтвердилъ мнѣ то, на что намекали доброму доктору Бернарду Слиндонскіе священники. Побожись мнѣ Дени, сказалъ мнѣ Томъ, на энергическомъ нарѣчій, которое между нами, мальчишками, было въ большомъ употребленіи; побожись мнѣ такъ: «чтобъ мнѣ тутъ же сквозъ землю провалиться», что ты никому не скажешь.

— Чтобъ мнѣ тутъ же сквозъ землю провалиться, проговорилъ я.

— Ну такъ слушай же: тѣ, знаешь ли, джентльмены, что-то недоброе замышляютъ противъ тебя.

— Да что же могутъ они сдѣлать честному мальчику? спросилъ я.

— О, ты еще не знаешь, какіе они, отвѣчалъ Томъ. Ужъ если они задумали погубить человѣка, не миновать тому человѣку бѣды. Отецъ говоритъ, что никто еще добромъ не кончилъ изъ тѣхъ, которые чѣмънибудь насолили мистеру Джо. Что стало съ Джономъ Гушлеромъ, изъ Рай, что повздорилъ съ мистеромъ Джо? Онъ сидитъ въ тюрьмѣ. Мистеръ Барисъ, изъ Плайдена поругался съ нимъ на рынкѣ въ Гастингсъ, не прошло и шести мѣсяцевъ, какъ у мистеръ

Варить сгорѣлы скверны. А кто выдалъ Томаса Верри, когда онъ дезертировалъ съ военными корабля? Страшный онъ человекъ, этотъ Джо Уэстонъ, и лучше ты съ нимъ не связывайся. Батюшка тоже тебѣ совѣтуетъ. Только помни, чужь не говоришь; что ты знаешь, что онъ говорилъ у насъ. Батюшка велѣлъ тебѣ сказать, чтобъ ты не отправлялся поздно вечеромъ въ Ридъ. Осторогайся ѣздить на рыболовъ проклятыхъ (ты проглотилъ жемчугъ?) съ этими людьми, которыхъ ты мало знаешь. И Томъ убѣждалъ отъ меня, приложивъ палецъ къ губамъ, съ выраженіемъ ужаса на лицѣ.

Что касается рыболовства, какъ ни делало у меня сердце въ морю, совѣты добраго доктора Вернарда заставили меня принять окончательное рѣшеніе по этому дѣлу. Я конечно отказался отъ немалыхъ экзекюцій, въ которыхъ участвовали мальчишкы. Когда однажды вечеромъ подмастерье мистера Роджъ пригласилъ меня ѣхать съ собою и обругалъ меня трусомъ за то, что я отказался, я показавъ ему, что умѣю быть не трусомъ, когда дѣло доходитъ до кулаковъ. У насъ съ нимъ завязался бой, въ которомъ я, не сомнѣваясь, остался бы побѣдителемъ, даромъ что мой противникъ былъ чотырми годами старше меня,—если бы его союзница, плычушка миссъ Роджъ, не подоспѣла къ нему на помощь въ самомъ разгарѣ нашего боя и не сшибла меня съ ногъ кулонными мѣхами; за тѣмъ ужъ они оба накинулись на меня, и я могъ только, лежа на землѣ, отбиваться ногами. Къ концу этого страшнаго побоища подоспѣлъ самъ мистеръ Роджъ, и его распутница дочка имѣла безстыдство объявить, что поводомъ къ ссорѣ было то, что я позволилъ себѣ лишнее въ отношеніи ея; представьте себѣ, я, дѣломудренный юнота, который скорѣе сталъ бы любезничать съ негритянкой, чѣмъ съ этою уродливою, рабою, носою, неуклюжею пьянчужкою, миссъ Роджъ. Мнѣ влюбиться въ эту косоглазую миссъ! Какъ бы не такъ. Зналъ я дома пару такихъ свѣтлыхъ, невинныхъ, чистыхъ глазъ, что я устыдился бы взглянуть въ нихъ, если бы на совѣсти моей была такая гнусная кляма. Моя маленькая красавица въ Уинчельси услышала о состоявшемся побоищѣ; она ежедневно слышала на меня всевозможныя клеветы отъ этихъ почтенныхъ Уэстонъ, но при этомъ обвиненіи она раз-

разилась pleasantemъ и погоданіемъ и объявила всѣмъ присутствующимъ дементьянамъ: (въодѣжденіи она сама объ этомъ рассказывала моей матушкѣ) «Деннсъ Доваль не погоды. Онъ добръ и честенъ. Я не вѣрю тому, что вы про него рассказываете. Это суицая ледь.»

Обстоятельства такъ сложились, что маленькій мой пистолеть снова помогъ мнѣ привезти въ сматаніе моихъ враговъ, и подкинуто ужъ оказалось въ отношеніи менѣ «*une Wehr над Шаблон*. Я то и дѣло упражнялся въ стрѣльбѣ въ даль нѣтъ этого маленькаго огнестрѣльнаго орудія. Я его чистилъ, смазывалъ и удерживалъ съ величайшею бережливостію, и постоянно держалъ его у себя въ карманѣ въ ящикѣ, ключъ котораго находился при мнѣ. Однажды, видно ужъ такъ распорядилась моя добрая зѣвѣда, я пошелъ къ себѣ въ комнату одного изъ моихъ школьныхъ товарищей, именно Тома Паррота, съ которымъ мы успѣли сдѣлаться закадичными друзьями. Мы прошли наверхъ не черезъ лавку, въ которой *mademoiselle* Винная Ягода и подмастерье прислуживали покупателямъ, а заднимъ крыльцомъ. Войдя въ комнату, мы открыли ящикъ и принялись осматривать всѣ принадлежности драгоцѣннаго пистолета: стволъ, винтъ, кремь, пероховницу и пр. Потомъ мы заперли ящикъ и отправились въ школу, сговорившись повеселиться въ теченіи дня, такъ какъ въ эти послѣ-обѣда у насъ не было классовъ. Я возвратился къ обѣду домой; но тутъ меня встрѣтили далеко недоброжелательные взгляды всѣхъ домашнихъ. Начиная отъ самого хозяина, его дочери, подмастерья и до мальчица, служившаго на побѣгущихахъ, чистившаго саморъ и выметавшаго лавку; и тотъ дерзко уставился на меня глазами и проговорилъ: ну ужъ достанется же тебѣ, Деннсъ.

— Что такое случилось? спросилъ я съ глубокимъ чувствомъ собственного достоинства.

— А вотъ мы споро-вашему сѣятельству покажемъ, что такое случилось. (Подъ этимъ глухимъ прозвищемъ я былъ извѣстенъ въ школу и въ городъ, гдѣ, сдается мнѣ, я таки порядочно валяничалъ съ тѣхъ поръ, какъ меня одѣли въ хорошее платье и свозили въ Лондонъ). Такъ вотъ отсюда у него берутся шлеты, шитые галуномъ, и гинен, которыми онъ со-

рнуть. Узнаете ли, милордъ, вотъ эти шиллинги и эту полерону? Потрудитесь взглянуть на нихъ, мистеръ Вильсъ! Видите ли эти отмѣтки, которыя я выцарапала на нихъ собственными руками, прежде чѣмъ положила ихъ въ денежный ящикъ, откуда ихъ сіятельство повольно вынуть ихъ.

Шиллинги, денежный ящикъ? Я ничего не понималъ.

— И ты еще смѣешь прикидываться, что ничего не знаешь, лицемѣрный мальчишка! воскликнула миссъ Роджъ.—Я сама отмѣтила эти шиллинги и эту полерону своей иглой, сама отмѣтила, и въ этомъ я готова присягнуть.

— Ну, что же далѣе? спросилъ я, припоминая, какъ эта молодая особа не задумалась явиться свидѣтельствовать при другомъ обвиненіи, введенномъ на меня.

— Какъ, что же далѣе? Они еще нынче утромъ были въ этомъ ящикѣ, молодой человекъ; а гдѣ ихъ нашли впоследствии, тебѣ должно быть хорошо извѣстно, проговорилъ мистеръ Вильсъ.—Слушай-на, пріятель! вѣдь это плохая шутка; эта шутка пахнетъ ассизами.

— Но гдѣ же нашли эти деньги? допрашивался я снова.

— А это мы скажемъ тебѣ передъ сквайромъ Боромъ и передъ судьями, маленькій негодяй.

— Ахъ ты змѣя подкожная! Ахъ ты отпѣтый мерзавецъ! Ахъ ты злощій сплетникъ, ахъ ты негодный ворюшка, вопили хорошо мистеръ Роджъ, подмастерье и миссъ Роджъ. Я стоялъ, какъ потерянный, подъ этимъ градомъ ругательствъ и никакъ не могъ понять, въ чемъ заключается сущность направленныхъ противъ меня обвиненій.—Судьи какъ разъ теперь засѣдаютъ въ ратушѣ. Мы прямо туда раба божьяго и поведемъ, проговорилъ бакалейщикъ.—А вы, констебль, захватите съ собою шкатулку. Боже мой, Боже мой! Что-то скажете на это его несчастный дѣдъ!—И вотъ меня, недоумѣвающего о взводимомъ на меня обвиненіи, повели черезъ весь городъ въ ратушу. На улицѣ мнѣ повстрѣчались многіе изъ моихъ школьныхъ товарищей, распущенныхъ по случаю праздника. День былъ базарный и въ городѣ было оченьлюдно. Слишкомъ сорокъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, но мнѣ все еще вспоминается этотъ ужасный день, и я, шестидесятилѣтній старикъ, какъ теперь, вижу себя въ рукахъ мистера

Билсь, который тащеть меня за воротъ на райской торговой площади.

Къ павильонной процессіи привиннуло множество мошкъ инюльничь товарищой, которые проводили меня вплоть до залы суда. «Денись Дюваль обвиняется въ денежной кражѣ», кричалъ одинъ. — «Тагъ вотъ откуда у него брались такіе наряды!» усмѣкался другой. — «Ему не миновать висѣлицы!» заиѣчалъ третій. Народъ на площади глядѣлъ съ удивленіемъ, толпился вокругъ меня и осыпалъ меня насмѣшками. Вотъ мы прошли подъ волонатою зданія, въ которомъ помещаются лавки, взошли на лѣстницу и очутились въ ратушѣ передъ собраніемъ судей, которые выбрали базарные дни для своихъ засѣданій.

Какъ забилось мое сердце, когда я увидѣлъ доктора Бернарда, сидящаго между ними

— О, докторъ! воскликнулъ несчастный Денись, всплеснувъ руками, — вы-то, по крайней мѣрѣ, не сочтете меня виновнымъ.

— Виновнымъ, въ чемъ? спросилъ докторъ съ возвышенія, на которомъ джентльмены сидѣли вокругъ стола.

— Виновнымъ въ кражѣ.

— Виновнымъ въ томъ, что повывралъ всѣ деньги изъ моего денежнаго ящика.

Виновнымъ въ похищенія двухъ полкроузъ, трехъ шиллинговъ и двухъ пенсовъ мѣдными деньгами, прокричали залпомъ Родъ, подмастерье и миссъ Родъ.

— Чтобъ Денись Дюваль сталъ воровать шестипенсовыя монеты? воскликнулъ докторъ. — Да я скорѣе повѣрю, что онъ украдъ стропила съ церковной колокольни.

— Молчать, мальчишки; не смѣть буянить въ залѣ суда, не то васъ отпощуютъ нагайками и прогонять въ три шен, крикнулъ секретарь суда.

Дѣло въ томъ, что нѣсколько человекъ изъ нашей школы, державшихъ мою сторону, пробрались въ залу засѣданія и отвѣчали на слова моего добраго ректора одобрительными восклицаніями.

— Обвиненіе въ высшей степени важное, продолжалъ секретарь.

— Но къ чему это, позвоьте спросить, заключаются обвиненіе, любезнѣйшій мистеръ Гигсонъ? Хоть убейте меня, а не могу...

— Прощу васъ, сэръ, не мѣшайте суду вести дѣло обыкновеннымъ порядкомъ. Мистеръ Родъ! дѣлайте свои показанія и будьте спокойны: васъ никому не дадутъ въ обиду. Судь саживать за васъ заступится, сэръ.

Тутъ въ первый разъ услышала я подробности взводимого на меня обвиненія. Родъ и за него же его дочь повсѣпали (и еще подъ присягою, я долженъ вамъ съ присорбическь со-зваться), что въ послѣднее время они стали замѣчать, что у нихъ пропадаютъ деньги изъ ящика. Пропали они небольшоими суммами, пенниингами и полкровами, и они не могли обозначить, въ какомъ именно количествѣ. Можетъ статься, въ итогѣ эти промахи составили бы фунта два, три; но дѣло въ томъ, что деньги исчезали. Наконецъ миссъ Родъ объявила, что рѣшилась отмѣтить нѣсколько монеть, что она и сдѣлала. Монеты эти были найдены въ ящикѣ, принадлежавшемъ Денису Дювалю, и принесены ею въ судъ съ востреб-лемъ.

— О, джентльмены, воскликнулъ я въ отчаяніи;—это гнусная, гнусная ложь, и уже не первая, которую она взводитъ на меня. Недѣлю тому назадъ, она выдумала, будто я хотѣлъ поцѣловать ее, и оба они съ Бовилемъ принялись меня колотить. А мнѣ никогда и въ голову не приходило поцѣловать эту северную року, видитъ Богъ, что...

— Ахъ, неправда, безстыжій ты глумилка, перебила меня миссъ Родъ.—Снасибо Едуарду Бовилю, который поцѣловалъ мнѣ на шею; помнишь, какъ ты ударилъ меня, невѣжъ, подлый трусъ? За те и повелѣли же ми его, и по-дѣломъ ему досталось, негодному мальчишкѣ.

— И онъ вышибъ мнѣ зубъ... Что, небось и тутъ станешь отпираться, разбойникъ? проревѣлъ Бовиль, чужестъ, котораго дѣйствительно пострадала въ достопамятной стычкѣ на кухнѣ, когда его возлюбленная красавица поцѣпшила въ нему на выручку съ мѣхами.

— Онъ обозвалъ меня трусомъ и я вступилъ съ нимъ въ честный бой, и не несмотрѣлъ, что онъ многими годами старше меня,—хнычетъ маленькій подсудимый.—А эта пьелучка

Роджъ налетѣлъ на меня и тоже прикинулся бить. А что я-ему надавалъ затрепещить, такъ и онъ со мной не церемонился.

— И послѣ этой-то игры въ затрепещаніи они стали подбѣждать, что ты воруюсь у нихъ деньги, не такъ-ли? спросилъ докторъ и обинулъ многознаменательнымъ взглядомъ своихъ товарищей судей.

— Миссъ Роджъ, потрудитесь продолжать вашъ разговоръ, восклицаетъ секретарь суда.

Роджъ, отецъ и дочь заключили свой разговоръ тѣмъ, что, имѣя подозрѣнія на меня, они рѣшились осмотрѣть мои шкапы и шкатулки въ мое отсутствіе, не оказались ли въ нихъ краденныя деньги. Въ моей шкатулкѣ они нашли двѣ помѣченные полкроны, три помѣченные шиллинга и пистолетъ съ мѣднымъ стволомъ, которые и были представлены суду. «Мы съ мистеромъ Бовилемъ, подмастерьемъ, нашли деньги и вызвали моего папашу изъ лавки, и послали за мистеромъ Бильсомъ, констеблемъ, который живетъ отъ насъ черезъ улицу. Когда этотъ маленькій извергъ воротился изъ школы, мы схватили его и привели передъ вашу милость. А я всегда была того мнѣнія, что не миновать ему висѣлицы, вопила моя ненавистница, миссъ Роджъ.

— Да помиуйте, воскликнулъ я,—ключъ отъ этой шкатулки и до сихъ поръ у меня еще въ карманѣ.

— Мы и безъ ключа сумѣли открыть ее, отвѣчала миссъ Роджъ, краснѣя, какъ ракъ.

— Вотъ какъ! Такъ у васъ было подобранъ другой ключъ... выѣшала докторъ.

— Мы взломали ящикъ клещами и кочергою, проговорила миссъ Роджъ.—Это мы съ Эдуардомъ... да бинъ, съ подмастерьемъ, распорядились.

— Когда? спросилъ я съ замирающимъ сердцемъ.

— Когда? Да какъ ты былъ въ школѣ, маленькій негодяй, за полчаса до твоего возвращенія въ обѣду.

— Томъ Парротъ, Томъ Парротъ! закричалъ я.—Позовите, джентльмены, Тома Паррота. Бога ради, кликните Тома, проговорилъ я въ такомъ сильномъ волненіи, которое едва позволяло мнѣ говорить.

— Я здѣсь, Денни, откликнулся Томъ въ толпѣ, и тотчасъ же выступилъ передъ лицо почтенныхъ судей.

— Распросите Тома, докторъ, дорогой докторъ Бернардъ, продолжалъ я.—Томъ, когда я показывалъ тебѣ мой пистолеть?

— За нѣсколько минутъ до начала утреннихъ классовъ.

— Какъ было дѣло?

— Ты отперъ шкатулку, вынулъ пистолеть, который былъ завернуть въ платокъ, показалъ мнѣ его, а также два кремня, пороховницу, формочку для отливанія пуль, двѣ пули; жотомъ ты все это опять положилъ на мѣсто и заперъ шкатулку.

— Были-ли деньги въ шкатулкѣ?

— Въ ней ничего не было, кромѣ названныхъ мною вещей. Еще я заглянулъ въ нее; она была пуста, какъ моя рука.

— И Денисъ Дюваль послѣ того все время просидѣлъ рядомъ съ вами въ школѣ?

— Все время; я только отлучился на минуту, когда меня вызвали для порки за то, что я не зналъ Кордерія, отвѣчалъ Томъ съ плутовскимъ выраженіемъ лица. Это свидѣтельство въ мою пользу было принято цѣлымъ взрывомъ хохота и громкими рукоплесканіями со стороны моихъ школьныхъ товарищей.

Мой добрый покровитель протянулъ мнѣ черезъ рѣшетку свою руку, а когда я взялъ ее, сердце мое до того переполнилось, что меня прошибла слеза. Мысли мои обратились къ маленькой Агнесѣ. Каково бы ей было, еслибы ея Дениса предали суду за воровство? Я испытывалъ столько счастья и благодарности въ эту минуту, что удовольствіе видѣть себя оправданнымъ, болѣе чѣмъ вознаградило меня за муки, перенесенныя во время обвиненія. Какое ура подняли воспитанники Поака, когда я вышелъ изъ залы суда! Веселою гурьбою спустились мы по лѣстницѣ; когда мы очутились на торговой площади, слышались новыя восклицанія. Тутъ я увидѣлъ мистера Джо Уэстонъ, закупавшаго зерновой хлѣбъ въ ближней лавкѣ. Онъ только бѣгло взглянулъ на меня; но стиснутые его зубы и кулакъ, сжимавшій хлыстъ, нисколько не пугали меня въ настоящую минуту.

ГЛАВА VII.

ПОСЛѢДНІЙ ИЗЪ МОИХЪ ШКОЛЬНЫХЪ ДНЕЙ.

Когда наше веселое шествіе поровнялось съ лавкою Паррета, пирожника, одинъ изъ школьниковъ, Самюэль Арбинъ по имени (мнѣ и до сихъ поръ памятенъ этотъ мальчикъ, отличавшійся непомерною алчностью и имѣвшій, не смотря на свои пятнадцать лѣтъ, порядочную черную бороду), объявилъ, что я всѣхъ долженъ угостить по случаю побѣды, одержанной мною надъ моими врагами. Я отвѣчалъ, что *хотѣ* я, пожалуй, готовъ на это пожертвовать, но что больше у меня нѣтъ капитала.

— Ахъ ты дунишка! воскликнулъ Симъ.—А куда-жъ ты дѣвалъ тѣ три гинеи, которыми ты всюду хвастался, показывая ихъ каждому мальчику въ школѣ. Ужъ не онѣ-ли лежали въ шкатулкѣ, когда ее взломали?—Этотъ Самюэль Арбинъ былъ въ числѣ мальчишекъ, смѣявшихся надо мною, когда констебль препроводилъ меня въ судъ; и мнѣ почти сдается, что онъ былъ бы радъ, еслибы меня нашли виновнымъ. Боюсь, не слишкомъ-ли я хвасталъ своими деньгами, когда онѣ у меня были, и не показывалъ-ли я свои блестящія золотыя монеты кое-кому изъ моихъ школьныхъ товарищей.

— Я знаю, куда онъ дѣвалъ свои деньги, вмѣшался мой неизмѣнный другъ, Томъ Парротъ. Онъ отдалъ ихъ всѣ, до послѣдняго шиллинга, одному бѣдному семейству, которое въ нихъ нуждалось. Небось, отъ тебя никто не видалъ и шиллинга, Самюэль Арбинъ.

— Давать-то онъ давалъ, только тамъ, гдѣ надѣялся нажать восемь пенсовъ на шиллингъ, протянулъ другой тоненькій голосокъ.

— Томъ Парротъ, не будь мое имя Самюэль Арбинъ, если я тебѣ всѣ ребра не переломая, воскликнулъ Симъ въ бѣшенствѣ.

— Симъ Арбинъ, проговорилъ я, когда ты управишься съ Томомъ, тебѣ предстоитъ перевѣдаться со мною; а то, не хочешь ли съ этого и начать?

Сказать правду, мнѣ давно уже хотѣлось добраться до него. Онъ питалъ ко мнѣ особенное нерасположеніе; въ отношеніи младшихъ школьниковъ онъ былъ тираномъ и ростовщикомъ съ головы до ногъ. Остальные мальчики закричали «оцѣпляй ихъ, пойдемъ на лугъ, пускай тамъ рѣшится дѣло!» Этотъ невинный возрастъ всегда готовъ на драку.

Но дракъ на этотъ разъ не суждено было состояться; мнѣ же не суждено было болѣе видѣть нашу старинную классную комнату въ теченіи долгихъ, долгихъ лѣтъ (впослѣдствіи я свидѣлся съ знакомыми мѣстами и ѣзжалъ туда, чтобы отпросить въ отпускъ то того, то другаго изъ мальчиковъ, смѣнившихъ меня въ школѣ Поака). Пока мы, мальчишки, драли горло, стоя на площади передъ лавкою пирожника, къ намъ подошелъ докторъ Бернардъ, и ссора наша мгновенно притихла.

— Это что такое? Опять затѣваются ссоры и драки? проговорилъ онъ строго.

— Денни ни въ чемъ не виноватъ, серъ, прокричало нѣсколько голосовъ. Арбинъ первый затѣялъ. И точно, я съ своей стороны могу васъ увѣрить, что во всѣхъ столкновеніяхъ, которыя мнѣ случалось имѣть въ жизни, а ихъ было не мало, право, по крайнему моему убѣжденію, *всегда* было на моей сторонѣ.

— Пойдемъ-ка со мною, Денни, проговорилъ докторъ, взявъ меня за плечо; онъ увелъ меня, и мы отправились съ нимъ гулять по городу. Когда мы проходили мимо старой Ипрской башни, построенной, по преданію, королемъ Стефаномъ, и когда-то служившей крѣпостью, а теперь обращенной въ городскую тюрьму, докторъ Бернардъ замѣтилъ: 'а что, Денни, если бы ты теперь сидѣлъ за этими рѣшетками и дожидался суда во время ассизовъ? Вѣдь незавидное было бы твое положеніе.

— Но вѣдь я былъ невиненъ, серъ, вы знаете, что я былъ невиненъ.

— Да; за это надо благодарить Бога. Но если бы самъ Промыселъ не помогъ тебѣ доказать твою невинность, если бы не случилось такъ, что ты помышлялъ ниватулку твоему приятелю Тому, то ты въ настоящую минуту сидѣлъ бы вонъ за тѣми стѣнами. А! вотъ и колоколъ ударяетъ къ вечернему богослуженію, которое совершаетъ мой добрый знакомый, докторъ Уингъ. Какъ ты думаешь, Денни? Не зайди ли намъ... и не возблагодарить ли Его... за твое избавленіе... отъ страшной опасности?

Помню, какъ при этомъ голосъ дорогого моего друга задрожалъ, и двѣ или три слезы вынули изъ его добрыхъ глазъ на мою руку, которую онъ держалъ въ своей. Я былъ искренно, глубоко благодаренъ за избавленіе свое отъ великой опасности, но еще болѣе радовало меня вниманіе во мнѣ этого джентльмена, этого мудраго и любящаго друга, у котораго я всегда находилъ совѣтъ, ободреніе и помощь.

Когда мы достояли до послѣдняго псалма, которымъ заканчивалось вечернее богослуженіе того дня, помню я, какъ этотъ добродѣтельный человѣкъ наклонилъ голову и положилъ свою руку на мою, и мы вмѣстѣ произнесли этотъ благодарственный псаломъ Тому, который превратилъ смиреніе раба своего, чья рука удержала ярость враговъ моихъ и чья десница спасла меня отъ опасности.

Но окончаніи богослуженія, докторъ Уингъ узналъ своего товарища и подошелъ съ нимъ поговорить; одинъ духовный представилъ меня другому, который былъ въ числѣ судей, засѣдавшихъ въ ратушѣ во время моего допроса. Докторъ Уингъ пригласилъ насъ къ себѣ въ домъ; тутъ въ четыре часа былъ поданъ обѣдъ, и происшествія того утра снова сдѣлались предметомъ разговора. Какая могла быть причина воздвигнутыхъ противъ меня обвиненій? Кто управлялъ ими? Съ этими вопросами было связано много такого, о чемъ я не въ правѣ былъ говорить. Заговорилъ, я бы выдалъ тайны, которыя не мнѣ принадлежали, запуталъ бы и самъ не знаю сколько личностей, и потому я долженъ былъ молчать. Теперь все это перестало быть тайною. Старая шайка контрабандистовъ давнымъ давно разсѣялась; мнѣ даже предстоитъ въ дальнѣйшемъ ходѣ повѣствованія рассказать, какимъ образомъ я содѣй-

ствовавъ ея разсѣланію. Мой дѣдъ, Родаъ, Ламоть, джентльмены аббатства, всѣ они были сочлены большой шайки контрабандистовъ, которая имѣла свои склады, какъ въ различныхъ пунктахъ берега, такъ и внутри страны, и имѣла даже своихъ корреспондентовъ въ Дункирхенъ и Гаврѣ. Я уже рассказывалъ, какъ не разъ маленькимъ мальчикомъ принималъ участіе въ рыболовныхъ экспедиціяхъ подобнаго рода, и какъ, благодаря преимущественно совѣтамъ добрейшаго доктора, я далъ зарокъ на будущее время не жить этою беззаконною, нечестною жизнью. Когда Бовиль обозвалъ меня трусомъ за то, что я не хотѣлъ отправиться вмѣстѣ съ нимъ на ночную брейспровку, между нами произошла ссора, и финаломъ ея было достопамятное генеральное сраженіе, подъ конецъ котораго всѣ мы повалились на кухонный полъ, и такъ продолжали барахтаться и отбиваться руками и ногами.

Что побудило прелестнѣйшую миссъ Родаъ распускать на мой счетъ такія черныя клеветы? Было ли то мщеніе за увѣче, нанесенное мною зубамъ ея возлюбленнаго? Но обида врядъ ли была такъ велика, чтобы вызвать такую смертельную вражду, которая даже не отступала передъ уголовнымъ обвиненіемъ и ложною присягою. А между тѣмъ, этимъ только и можно было объяснить злобу дочери бакалейщика и подмастерья. Они готовы были насолить мнѣ всѣми возможными способами и, какъ уже было доказано въ дѣлѣ кухонныхъ мѣховъ, готовы были употребить противъ меня первое оружіе, попавшееся подъ руку.

Въ качествѣ судей графства и людей, знавшихъ многое изъ того, что вокругъ нихъ дѣлалось между ихъ сосѣдами и прихожанами, оба джентльмена не могли меня слишкомъ подробно спрашивать. У кого не водилось контрабандныхъ матерій и кружевъ, рома и водки, по всему протяженію Соссекскаго и Кентскаго берега? Да поручитесь ли вы мнѣ и сами, Уингъ, что въ вашемъ домѣ водятся только такія ленты, за которыя была заплочена таможенная пошлина?

— Счастье ваше, мой почтенный другъ, что жена моя ушла разливать чай, отвѣчалъ докторъ Уингъ, не то, я право не отвѣчалъ бы за сохраненіе мира.

— Мой добрый Уингъ, продолжалъ докторъ Бернардъ, этотъ

нужно превозможенъ и водку, изъ которой онъ сдѣланъ, стоитъ превозить контрабандой. Кажется бы, не богъ знаетъ, какой грѣхъ тайно провести боченокъ другой водки: но разъ случившись по этому скользкому пути нарушенія законовъ, какъ знать, гдѣ остановиться? Я покупаю десять боченковъ водки у французскихъ рыбаковъ, и съ помощью обмана следаваю ихъ гдѣ нибудь на берегу; я препровождаю ихъ во внутрь страны; сколько бы разъ они ни переходили изъ рукъ въ руки на пути, положимъ, отсюда въ Юркъ, каждый, едя ющій и получающій ихъ, непременно лжетъ и мошенничаетъ. Выгружая ихъ на берегъ, я обманываю таможеннаго чиновника. Я лгу, перепродавая ихъ (тутъ уже впрочемъ ложь становится взаимнымъ обязательствомъ), ну хоть содержателю гостиницы въ Медстоуъ, гдѣ еще помнишь, Денни, одинъ нашъ хороній знакомый такъ внимательно осматривалъ свои пистолеты. Помнишь тотъ день, когда его братъ получилъ цѣлый зарядъ дрови въ лице? Мой содержатель гостиницы обманомъ продаетъ водку кому нибудь изъ своихъ посѣтителей. Всѣхъ насъ опутываетъ сѣть неправды, беззаконія и преступленія. Мало того, стоитъ таможенной стражѣ сунуть носъ въ наши дѣла, и мы хватъ за свои пистолеты, и вотъ уже къ остальнымъ нашимъ преступленіямъ присовокупилось убійство. Какъ вы думаете: люди, привыкшіе лгать на каждомъ шагу, задумаются ли дать ложное показаніе, будучи привваны въ качествѣ свидѣтелей передъ судомъ? Преступленіе, серъ, порождаетъ преступленіе. Я знаю, Уинъ, что вокругъ насъ существуетъ цѣлая обширная конфедерація обмана, алчности и мтема. Я никого, серъ, не называю по имени; но, увы! имѣю поводъ думать, что люди, высоко стоящіе во мнѣніи свѣта, и щедро надѣленные земными благами, участвуютъ въ этомъ безбожномъ промыслѣ, который называется контрабандою. И до чего же онъ ихъ доводитъ? До лжи, разврата, убійства и...

— Пожалуйте, серъ, купать чай, перебилъ его вѣщдшій Джонъ. Барни съ барминями васъ дожидаются.

Даминъ была уже известна повѣсть бѣднаго Дениса Дювала, претерѣвшихъ имъ гоненій и его оправданія; онъ посылалъ казати ему всевозможную ласку. Когда мы пришли къ намъ

носкій обѣдъ, то извѣсти оныя съ картами въ обществѣ нѣсколько нѣтъ соседней; оныя уже ушли въ городъ. И такъ извѣстность Уинга за обычную покупку французскихъ товаровъ въ лавкѣ моей матери; во второе другое время она врядъ ли допустила бы къ своему столу такого ничтожнаго гостя, какъ оныя задѣсны; но, какъ она, такъ и другія дамы были таковы разсужденія любезны въ мнѣ, будучи предрасположены въ мою пользу разсужденія о томъ какъ помыслили и домыслили извѣстности.

— Долго же вы, господа, засидѣлись въ столовой, застѣвая извѣстность Уинга. Вѣрно вы заговорились о пампѣ и пампѣ, посидѣли въ Франкфуртѣ.

— Мы точно разговаривали о Франкфуртѣ и о французскихъ товарахъ, моя мать, сухо отвѣтила докторъ Уингъ.

— И о томъ, какое ужасное преступленіе занимается контрабандой и контрабандниками, добрый извѣстность Уинга, воскликнула моя мать.

— Въ самомъ дѣлѣ, докторъ Бернгардъ!

А надо еще сказать, что извѣстность Уинга и ее дочери были разряжены въ шотландскія женскія чепчики и зонты, будучи у обѣдной своей комнаты; оныя извѣстны, и я тоже извѣстна, какъ немыслимы какъ чепчики, когда вспоминаю, откуда оныя берутъ свои наряды. Не удивительно, что извѣстность Уинга пошла въ городъ въ предлогъ разговора.

— Куда-то тамъ дѣлается этотъ молодой человѣкъ, послѣ своей своей извѣстности извѣстности. Не извѣстность же оныя возвратится въ извѣстность Рэдду, этому извѣстному Хоселанду, который обманулъ его въ край.

И точно, какъ извѣстность Уинга возвратилась въ извѣстность. До сих поръ вопросъ этотъ не привелъ еще извѣстность въ голову. Въ то время тѣмъ не менѣе, которые пришли во время моего извѣстности и освобожденія, было извѣстность и безъ того, о томъ подумать и изъ за чего извѣстность.

Докторъ извѣстности, что извѣстность меня въ извѣстности извѣстности въ Уинчельси. Извѣстность было и думно извѣстности въ извѣстности помыслили; извѣстность оставалось только извѣстности у извѣстности мои извѣстности извѣстности и извѣстности мои извѣстности, которыми оныя извѣстности извѣстности. Извѣстность Уинга извѣстности извѣстности.

иногда чинно прибыв; мой добрый доктор Бернгард ввлялъ звать вѣкъ циркульникова вѣгуа, и ми распространилъ съ нами мнѣ основанннхъ воззвѣваннхъ. Какъ видите, я еще не былъ маршаль на корабельской службѣ; какъ сынъ прѣстѣихъ торгаша, я занималъ очень скромное общественное положеннѣ.

Кстати, я совсѣмъ было забылъ упомянуть, что оба пастора, оставаясь за столомъ послѣ обѣда, употребили часъ этого времени, чтобы проэкзаменовать меня въ тѣхъ немногихъ свѣдѣннхъ, которыя я приобрѣлъ въ школѣ и потолковать о томъ, что я думаю изъ себя сдѣлать. Я кое-что смыслилъ по латини, что же касается французскаго языка, то я, благодаря моему происхожденнѣ и, главнымъ образомъ, урокамъ г. де-Ламотъ, могъ за поясъ заткнуть обоихъ моихъ экзаменаторовъ, и говорилъ настоящимъ языкомъ хорошаго общества; въ ариметикѣ и геометрнѣ я былъ тоже довольно далеко; путешествнѣ Дампира доставляли мнѣ столько же наслажденнѣ, какъ и похождения Синбади, или моихъ друзей Робинзона и Пятнцѣ. Я былъ въ состояннѣ удовлетворительно отвѣчать на вопросы, касавшнѣся мореходства и могъ назвать, какнѣ угодно, маневры, морскнѣ теченнѣ и двойннхъ высоты.

— И ты умѣешь управлять съ лодкой въ морѣ? холодно спросилъ у меня докторъ Бернгардъ. Если я не ошибаюсь, я покраснѣлъ при этомъ вопросѣ. Какъ же: я умѣлъ править лодкой, умѣлъ управлять рулемъ, грести веслами и брать рифы. По крайней мѣрѣ я умѣлъ все это дѣлать два года тому назадъ.

— Денни, голубчикъ, продолжалъ добрѣйшнѣ докторъ, мнѣ кажется, пора тебѣ оставить эту школу; пускай нашъ прнѣтель, серъ Питеръ, постарается тебя пристроить.

Какъ бы ни горѣлъ мальчикъ желаннѣемъ усовершенствоваться въ наукахъ, думаю, что не найдется такого, котораго оторчнло бы предложеннѣ оставить школу. Я отвѣчалъ, что считѣлъ бы за величайшее счастье, если бы мой покровитель, серъ Питеръ, меня куда нибудь пристроилъ. Докторъ выразилъ такого рода мнѣннѣ, что при полученнѣмъ знаннѣмъ воспитаннѣмъ я смогу проложить себѣ дорогу, и что у дѣдушки навѣрное найдутся средства оставить меня въ свѣтѣ на мои желаннѣя.

Чтобы окопировать мальчика для морской службы, и дать ему возможность жить не хуже других, нужно было, как мнѣ говорили, отъ тридцати до сорока фунтовъ въ годъ по крайней мѣрѣ. Я спросилъ у доктора Бернарда, думаетъ ли онъ, что мой дѣдушка будетъ въ состояніи дать мнѣ эту сумму?

— Мнѣ неизвѣстны средства твоего дѣдушки, отвѣчалъ докторъ Бернардъ, улыбаясь. Онъ про нихъ со мною не распространялся. Но я сильно ошибаюсь, Денни, если онъ не въ состояніи содержать тебя роскошнѣе, чѣмъ иной знатный джентльменъ своего сына. Я думаю, что онъ богатъ. Ты понимаешь, я не могу привести никакихъ положительныхъ доказательствъ въ подтвержденіе моего мнѣнія, но думается мнѣ, мистеръ Денисъ, что *рыбная ловля* принесла твоему дѣдушкѣ значительныя выгоды.

До какой же суммы могло простираться его состояніе? Я началъ перебирать въ умѣ своемъ сокровища моихъ любимыхъ «Тысяча и одной ночи». Такъ докторъ Бернардъ думалъ, что дѣдушка очень богатъ? Ну этого докторъ и самъ хорошенько не зналъ. Общее мнѣніе въ Уинчельси было, что старикъ Дюваль человекъ зажиточный. Во всякомъ случаѣ мнѣ слѣдовало вернуться; къ нему; въ семействѣ Роджъ мнѣ невозможно было оставаться послѣ ихъ оскорбительнаго обращенія со мною. Докторъ сказалъ, что отвезетъ меня въ своей каретѣ домой, но что предварительно я долженъ собрать всѣ свои небольшіе пожитки. Разговаривая такимъ образомъ, мы достигли лавки мистера Роджа, въ которую я вошелъ не безъ замиранія сердца. Роджъ встрѣтилъ меня свергающимъ взглядомъ изъ-за своей конторки, гдѣ онъ разставлялъ свои книги. Убийственно поглядѣлъ на меня подмастерье, выльзавшій въ эту минуту изъ подвала съ пачкою сальныхъ свѣчей; что же касается прелестнѣйшей миссъ Сусанны, то она стояла за прилавкомъ, закинувъ назадъ свою безобразную голову.

— Ага! такъ пришелъ назадъ! проговорила она. Всѣ шкапы въ гостиницѣ заперты, можешь себѣ идти туда и пить чай, молодой человекъ.

— Я беру Дениса дашей, мистеръ Роджъ, проговорилъ мой

добрый докторъ. Онъ не можетъ далѣе оставаться у васъ послѣ обвиненія, которое вы взвели на него сегодня утромъ.

— Обвиненія въ томъ, что деньги, помѣченные нами, очутились у него въ ящикѣ? Такъ вы осмѣливаетесь намекать, что мы ихъ ему подсунули? прокричала миссъ, грозно сверкая глазами то на меня, то на доктора Бернарда. Ну что-жъ вы не говорите этого прямо? Сдѣлайте одолженіе, повторите это хоть разокъ. докторъ Бернардъ, вотъ въ присутствіи мистрисъ Баркеръ и мистрисъ Скельсъ (то были имена двухъ женщинъ, случайно находившихся въ эту минуту въ лавкѣ, гдѣ онѣ что-то такое покупали). Пожалуйста, потрудитесь только сказать въ присутствіи этихъ дамъ, что мы подсунули деньги этому мальчишкѣ въ шкатулку, и мы посмотримъ, найдетъ ли себѣ защиту передъ англійскимъ правосудіемъ бѣдная дѣвушка, которую вы оскорбляете, пользуясь вашимъ званіемъ доктора и судьи. Гм! будь я мужчина, немного бы у меня нащеголялись иные люди въ своихъ долгополыхъ шляхахъ и жабо, ужъ это вѣрно. И если бы одинъ человѣчекъ не былъ трусомъ, онъ не далъ бы бѣдную женщину въ обиду.

И при этомъ миссъ Роджъ взглянула по направленію подвальной двери, придѣланной въ полу, изъ которой въ эту минуту выглядывала голова подмастерья; но докторъ Бернардъ бросилъ въ томъ же направленіи такой угрожающій взглядъ, что Бовиль мгновенно захлопнулъ дверцу, и этимъ не мало насмѣшилъ моего доктора.

— Ступай и уложи твои вещи, Денни. Я приѣду за тобою черезъ полчаса. Мистеръ Роджъ долженъ понять, что послѣ такого оскорбленія, какъ то, которое тебѣ нанесли, ты въ качествѣ джентльмена не можешь далѣе оставаться въ его домѣ.

— Хорошъ джентльменъ, нечего сказать! воскликнула миссъ Роджъ. Позвольте спросить, съ которыхъ это поръ цирюльники стали джентльменами? Прелюбопытно было бы узнать. Мистрисъ Скельсъ, мистрисъ Баркеръ! случалось ли вамъ когда, чтобы джентльменъ убиралъ вамъ голову? Если вамъ желательно видѣть такую диковинку, можете обратиться къ господину Дювалю въ Уинчельси; еще былъ одинъ воръ и разбойникъ, тоже изъ Дювалей, мистрисъ Баркеръ, котораго по-

вѣсны, да небожь; изъ его верьга, не емо и шгайдяно въ ихъ родѣ.

Безполезно было бы отвѣчать ругательствами на ругательства этой женщины. «Я пойду уложить свои вещи, серъ, и соберусь въ минуту», обратился я къ доктору. Но едва она вышла изъ лавки, какъ изступленная буря напустилась на меня съ такимъ градомъ ругательствъ, что я всѣхъ ихъ, конечно, не могу и упомянуть по примествіи сорока именъ лѣтъ. Какъ теперь вижу передъ собою маленькіе зеленые глаза, бросающіе на меня взгляды, исполненные ненависти, топшія, подбочившіяся руки, топавшія ноги, и слышу пнищѣнныя невообразимыхъ ругательствъ, падающихъ на мою бѣдную голову.

— И неужто никто не хочетъ помочь мнѣ, и всѣ будутъ спокойно смотрѣть, какъ этотъ мальчишка, огордѣ цирюльника, меня оскорбляетъ? вопила она. Бовиль, говорятъ тебѣ... Бовиль, помоги мнѣ!

Я побѣжалъ на верхъ, въ мою маленькую комнату, и не прошло и двадцати минутъ, какъ всѣ мои пожитки были уложены. Много лѣтъ прожилъ я въ этой комнатѣ, и мнѣ почему-то было жалъ разставаться съ нею. Отъ этихъ отвратительныхъ людей я ничего не видѣлъ, кромѣ оскорбленій, но все же я бы желалъ мирно разстаться съ ними. Сколько восхитительныхъ вечеровъ провелъ я въ этой комнатѣ, въ обществѣ мореплавателя, Робинсона Крузе, Monsieur Galland и его арабскихъ сказокъ, и Гектора Траянекаго, котораго похождения и плачевную вѣнчину я могъ рассказывать наизусть, по мистеру Попе. Были у меня и скучныя ночи, которыя я просиживалъ надъ моими классическими книгами, набивалъ мою бѣдную, недоумѣвающую голову мудрыми правилами латинской грамматики. Съ ариметикой, логарифмами и математикой, какъ я уже сказалъ, мнѣ было легче совладѣть. По этимъ предметамъ я числился однимъ изъ первыхъ въ нашей школѣ, и успѣлъ перегнать болѣе взрослыхъ мальчишковъ.

Уложивъ свои ящики (всю свою бібліотеку я свалилъ въ одну шкатулку съ достопамятнымъ пистолетомъ), я спелъ ихъ внизъ одинъ, безъ посторонней помощи, и поставилъ въ сѣняхъ, въ ожиданіи пріѣзда доктора Вермарда. Эти сѣни послѣ-

идутся за второю половиною изразина миссера Роджа (Боже! никак все это мнѣ немыслимо), и изъ нѣтъ выходяще дѣра въ переулочекъ. По другую сторону сѣней находится кухня, въ которой состоялось вышеописанное побойще, и въ которой мы объективно совершили нашу трагедію.

Я торжественно заявляю, что отправился въ кухню въ намереніи мирно разстать съ этими людьми, простить миссъ Роджъ ея выдумки, Бовилію—ея вину, и предать всѣ наши прошлыя ссоры забвенію. Старикъ Роджъ сидѣлъ у камина и ужиналъ; напротивъ его сидѣла дочка; что же касается подмастерья, то онъ еще не приходилъ изъ лавки.

— Я пришелъ проститься съ вами передъ отъѣздомъ, проговорить я.

— Такъ вотъ какъ! ты уѣзжаешь? А позвольте спросить, серъ, куда это вы уѣзжаете, заговорила миссъ Роджъ, попивая свой чай.

— Я отправляюсь домой съ докторомъ Бернардомъ. Я не могу далѣе оставаться въ этомъ домѣ, послѣ того, какъ вы обвинили меня въ покражѣ вашихъ денегъ.

— Въ покражѣ? А что жъ? Ты скажешь, что деньги не были найдены у тебя въ ящикѣ? Ахъ ты безсовѣстный, маленький ворюшка!

— Ахъ ты, безбородый развратникъ! Еще надо удивляться, какъ до сихъ поръ не приняли медвѣди и не растерзали тебя, престоналъ старикъ Роджъ. Ты сократилъ мою жизнь своимъ раскутствомъ, вотъ что ты сдѣлалъ; и, помани мои слова, ты доведешь сдѣлку твоего почтеннаго дѣда до преждевременной могилы. Ты, отпрыскъ благочестиваго семейства, Денсь Диваль! и я каждый разъ содрогался, думая о тебѣ!

— Что тутъ содрогаться? Фу, ты, скверное животное! Меня такъ просто на просто отъ него топнуть, воскликнула миссъ Сусанна съ искреннимъ выраженіемъ омерзенія.

— Да изидетъ онъ изъ нашего дома! воскликнула Роджъ.

— Не попадайся ты мнѣ никогда на глаза съ своею поганною рожею, вонюча проткая Сусанна.

— Я только дожидаюсь кареты доктора Бернарда, чтобы уехать, отвѣчалъ я. Всѣ мои вещи уложены и вынесены въ сѣни.

— Такъ вотъ какъ! Ты совсѣмъ уложился! А сколько еще припрятано у тебя нашихъ денегъ, бусурманъ ты этакій! Тя-тенька, посмотрите въ шкапъ, не пропалъ ли у васъ серебряный кувшинъ, да цѣлы ли еще ложки? .

Мнѣ сдается, что бѣдная пьянчужка заливала водкой свое горе, потому что утромъ потеряла поражение въ залѣ суда. Она становилась азартнѣе съ каждымъ, вырывавшимся у нея, словомъ, кричала и грозила на меня кулаками, точно помѣшанная.

— Сусанна, ты была оклеветана, и не ты первая твоего имени. Но будь же спокойна, дочь моя, будь спокойна; всѣ мы обязаны владѣть собою.

— Что? (тутъ она издала звукъ, похожій на рычанье) Мнѣ быть спокойной съ этимъ подлецомъ, свиньей, лгуномъ, животнымъ! Гдѣ Эдуардъ Бовиль? Отчего онъ не выступить впередъ, какъ настоящій мужчина и не изобьетъ до полусмерти этого мерзавца? вопила миссъ Роджъ. У! какъ бы я тебя отпочивала вотъ этимъ кнотомъ!—И она схватила кнутъ своего отца со швапа, гдѣ онъ обыкновенно висѣлъ на двухъ гвоздикахъ.—О ты, негодная тварь! Вѣдь у тебя есть пистолетъ? есть? Такъ стрѣлай-же въ меня, трусь, я тебя не боюсь. Пистолетъ у тебя въ шкапулкѣ?.. да отвѣчай же! (Я совершенно безъ нужды отвѣтилъ да на эти вызывающія рѣчи). Стой! Вотъ что я думаю, тятенка: не отпустить же намъ такъ этого воришку со всѣми его ящиками; этакъ онъ весь домъ обобрадетъ. Сейчасъ же отпирай свои ящики! Мы посмотримъ не стянулъ ли онъ что. Слышишь? Сейчасъ отпирай ихъ!

Я объявилъ, что ничего подобнаго не сдѣлаю. Кровь кипѣла во мнѣ отъ этого грубаго обращенія; когда она кинулась изъ комнаты, чтобы завладѣть однимъ изъ моихъ ящиковъ, я отслонилъ ее и усѣлся на ящикѣ. Позиція эта была самая невыгодная, какую только можно было избрать, потому что изступленная фуриа принялась меня бить и хлестать по

лицу своимъ кнutomъ. вырвать который изъ ея рукъ было мнѣ не подъ силу.

Само собою разумѣется, что при попыткѣ самообороны съ моей стороны, миссъ Роджъ съ визгомъ стала звать на помощь и закричала: «Эдуардъ, Недъ-Бовиль! Этотъ подлець меня бьетъ; помоги мнѣ Недъ!» На эти крики распахнулась дверь магазина и появился защитникъ Сусанны; онъ хотѣлъ было на меня броситься, но споткнулся о мои пожитки и съ грохотомъ и странными проклятіями растянулся на полу. Картина: подмастерье лежитъ, уткнувшись носомъ въ землю, миссъ Роджъ дико размахиваетъ на право и на лѣво кнutomъ (отъ котораго, если не ошибаюсь, всего больше достается курткѣ мистера Бовиля), всѣ мы барахтаемся и отбиваемся, какъ ни попало, въ потемкахъ. Вдругъ подъѣзжаетъ экипажъ, громъ котораго я и не слышалъ въ пылу битвы; отворяется парадная дверь, и я лщу себя надеждою, что это докторъ Бернардъ прѣехалъ, согласно съ своимъ обѣщаніемъ.

Но то былъ не докторъ. Новопривывшее лицо хотя и было облечено въ длинныя одежды, однако не въ священническую рясу. Вскорѣ по окончаніи моего допроса передъ судьями, сосѣдъ нашъ, Джонъ Джефсонъ, изъ Уинчельси, прѣзжавшій на базаръ въ Рай, сѣлъ въ свою телѣжку и поѣхалъ домой. Онъ прямо отправился къ намъ въ домъ и рассказалъ моей матушкѣ о только-что случившемся странномъ происшествіи, о томъ, какъ я былъ обвиненъ передъ судьями и оправданъ. Матушка выпросила, или вѣрнѣе, вытребовала у Джефсона его телѣжку, схватила кнутъ и возжи и поскакала въ Рай. Правду сказать, не завидую я старой, сѣрой кобылѣ Джефсона, сдѣлавшей этотъ переѣздъ съ такимъ возникимъ за своей спиной. Дверь, отворившаяся съ улицы, пропустила въ сѣни лучъ свѣта, который озарилъ передъ вошедшей магушкой отчаянную свалку трехъ воителей.

Какое зрѣлище для матери, обладающей здоровыми кулаками, любящимъ сердцемъ и вспыльчивымъ нравомъ! Madame Дюваль мгновенно бросилась на миссъ Сусанну, и какъ та ни вопила, оттанила ее отъ моего тѣла, по которому она барабаняла своимъ кнutomъ. Часть чепца Сусанны и нѣсколько

клязьма, ея рыцарь вонсъ остался въ рукахъ моей матери-амазонки; сама же Сусанна полетѣла въ отворанную дверь кухни, гдѣ и прохнулася передъ своимъ испуганнымъ отцомъ. Не могу ушь вамъ сказать, сколько ударовъ нанесла моя родительница этой твари. Матушка, пожалуй, убила бы ея, если бы цѣломудренная Сусанна не повалилася подъ кухонный столъ, крича къ своимъ голосомъ.

Madame Дюваль успѣла вырвать изъ рукъ этой дѣвицы тотъ самый нунтъ, которымъ она стегала по ногамъ единственнаго ея дѣтиска. Когда побѣжденный врагъ упалъ, матушка подхватила это оружіе. Но воть попался матушкѣ на глаза старикъ мистеръ Родаъ, сидѣвшій, весь блѣдный отъ ужаса, въ своемъ углу; она кинулася на бѣнгалейщина, и въ одно мгновеніе исполнивала ему десятками двумя ударовъ лице, глаза и носъ. Предоставляю на волю желающаго пожалѣть о несчастномъ старикѣ. «Ага, будешь обзывать моего сына воромъ? Будешь таскать моего Денни по судамъ? *Frands moi ça, gredin! Attrape, lâche! Nimmst noch ein Paar Schläge Spitzhubn!*», кричала матушка на томъ вавилонскомъ смѣшеніи языковъ англійскаго, французскаго и нѣмецкаго, которое она употребляла въ минуты душевнаго волненія. Добрая моя матушка не хуже любого мужчины могла бить и убирать голову, какому хотице джентльмену, не ругаясь вамъ, что мы одному джентльмену въ Европѣ еще не подрезали такъ славно голову, какъ мистеру Родау въ этотъ вечеръ.

Какое, однако! Я написала почти цѣлую страницу о сраженіи, которое не продолжалось и пяти минутъ. Пока матушка совершала свои побѣдоносные подвиги, телѣжка дождалась ее въ переулкѣ. Между тѣмъ, карета доктора Бернарда поднята въ парадному входу лавки; когда докторъ Бернардъ вошелъ этимъ ходомъ, мы торжествовали; оба поля сраженія оставались за нами. Со времени послѣдней нашей стычки съ Бовилемъ, оба мы знали, что ему со мной не совладѣть. «Извѣстѣ королю повелѣваю вамъ вложить ваши шпаги въ ножны», говорится въ одной трагедіи. Тамъ въ нашъ бой прекратился при появленіи представителя мира. Матушка перестала обрабатывать нунтомъ миссера Родаа; миссъ Сусанна

выползла из-под стола, мистеръ Бовилъ поднялся съ пола и отправился мыть свое окровавленное лицо. Когда несчастный Роджъ принялся хныкать о томъ, что онъ раздѣляется съ нами судебнымъ порядкомъ за это нападеніе, докторъ строго замѣтилъ ему: васъ было трое на одного въ началѣ этой драки, трое на двухъ въ послѣдствіи, и неужели вы думаете, старикъ клеветникъ, что послѣ ложнаго свидѣтельства, даннаго вами сегодня, еще найдется судья, который вамъ повѣритъ?»

Нѣтъ. Не нашлось ни одного человѣка, который бы ему вѣрилъ. Этихъ дурныхъ людей нестигло достойное наказаніе. Не знаю, кто далъ имъ это прозвище, только Роджъ и его дочь стали извѣстны въ цѣломъ Рай подѣ именемъ Ананія и Санфиры; и съ этого дня дѣло старика пошло все хуже и хуже. Когда мои товарищи по школѣ Пелана встрѣчались съ торговцемъ, его дочерью, или подмастерьемъ, невзлумы принимались кричать: кто подсунулъ деньги къ Денису въ ящикъ? Кто лжесвидѣтельствовалъ на друга своего? Сусанна, голубушка, поцѣлуй евангеліе и скажи намъ правду, всю правду, но, слышишь ли, непременно правду? Однажды жъ базарный день, когда лавка была биткомъ набита народомъ, въ нее вошелъ Томъ Парротъ и спросилъ себѣ леденцовъ на ценни. Отдавая деньги старику Роджу, который сидѣлъ надъ книгами за своей высокой конторкой, онъ проговорилъ: (этотъ Томъ былъ такъ же мало способенъ конфузиться, какъ монета, которою онъ въ эту минуту расплачивался) «это хорошія деньги; онѣ не мамочены, мистеръ Роджъ, не то, что деньги у Дениса Дювалля». И по знаку, данному, безъ сомнѣнія, молодымъ повѣсою, цѣлый хоръ мальчишекъ, дожидавшихся на улицѣ, подхватилъ: «Ананія, Ананія! онъ горчитъ изъ себя такого набожнаго человѣка! Ананія и Санфира...» Но этимъ не ограничилось наказаніе несчастнаго Роджа. Мистеръ Уингъ и многіе другіе изъ его главнѣйшихъ конунжковъ лишили его своей пратини и стали забирать товары въ другой базарной лавкѣ, конкурировавшей съ нимъ. Вскорѣ послѣ разсказаннаго приключенія со мною, миссъ Роджъ вышла замужъ за беззубаго подмастерья; и не находна же она ему была, какъ жена, или возлюбленная. Мнѣ предстоитъ разсказать, какъ

поплатилось это семейство (и многія другія) за свои неправды; а также и о томъ, какиѣ поступкомъ миссъ Роджъ заявила свое раскаянѣе. Что до меня касается, то я отъ души ей простилъ. Тогда разъяснилась тайна гоненій, направленныхъ противъ смирнаго мальчишка, который въ жизнь свою никого не тронулъ, не будучи вызванъ къ самооборонѣ. (До тѣхъ поръ я напрасно ломалъ себѣ голову надъ разъясненіемъ этой тайны, которую и докторъ Бернардъ не могъ, или не хотѣлъ понять).

Я взвалилъ на плечи свои чемоданы, причину недавнихъ раздоровъ и поставилъ ихъ въ матушкину телѣжку. Я было и самъ хотѣлъ взлѣзть туда же, но эта умнѣйшая старушка не допустила меня занять мѣсто возлѣ нея. «Я сама умѣю порядочно править, сказала она мнѣ: а ты поѣзжай съ докторомъ въ его каретѣ. Отъ него, мой сынъ, ты больше услышишь разумныхъ рѣчей, чѣмъ отъ такого темнаго человѣка, какъ я. Сосѣдъ Джефсонъ рассказалъ мнѣ, какъ этотъ джентльменъ, дай Богъ ему здоровья, отстоялъ тебя въ залѣ суда. Если мнѣ или кому изъ близкихъ моихъ представится случай отплатить ему за услугу, онъ можетъ на насъ рассчитывать. Ну, трогайся кляча, до дому недалеко!» И съ этими словами она укатила съ моими пожитками. На дворѣ уже начинало темнѣть.

Я покинулъ домъ Роджа, въ которомъ нога моя уже болѣе не бывала съ тѣхъ поръ. Я занялъ свое мѣсто въ каретѣ, рядомъ съ добрѣйшимъ докторомъ Бернардомъ. Мы проѣхали Уинчельсийскіе ворота и покатали по болотистой равнинѣ, лежавшей за ними; въ сторонѣ отъ дороги сверкали мѣстами виды пролива; надъ головами нашими мерцали звѣзды. Само собою разумѣется, что разговоръ нашъ вращался около происшествій того дня; то былъ, по крайней мѣрѣ для меня, самый интересный предметъ разговора; у меня только и вертѣлись въ головѣ различныя подробности судебной процедуры. Докторъ еще разъ повторилъ мнѣ, что вполне убѣжденъ въ существованіи обширнаго заговора контрабандистовъ, вѣтви котораго простираются вдоль всего берега и по всей окрестности. Къ этому братству несомнѣнно принадлежалъ мистеръ

Родня (да и самъ я долженъ къ стыду моему сознаться, что зналъ о существованіи братства, такъ какъ раза два я сочувствовала этимъ людямъ въ ихъ побѣдахъ). «Быть можетъ между твоими знакомыми найдутся и другія личности, принадлежащія къ тому же обществу? сухо проговорилъ—докторъ Бервардъ.—Ну, пошевеливайся, Деан!—Много ихъ найдется между нашими знакомыми, какъ въ Рай, такъ и въ Уинчельси. Твой кривой пріятель замѣшанъ въ это дѣло, а также не сомнѣваюсь, замѣшанъ и барень де Ламотъ, ну, а не угадаешь ли ты, Денни, еще одного имени?

— Какъ не угадать, серъ, отвѣчалъ я печально. Я зналъ, что родной мой дѣдъ занимался этимъ промысломъ.—Но, что бы тамъ ни дѣлали другіе, я даю вамъ честное свое слово, что самъ я никогда не буду заниматься этимъ.

— Тенерь этотъ промыселъ будетъ сопряженъ съ большимъ рискомъ, чѣмъ прежде. При перевѣдѣ черезъ каналъ будутъ встрѣчаться такіа затрудненія, какихъ давно не знавали господа контрабандисты. Ты еще не слыхалъ великой новости?

— Какою новости?

Дѣло въ томъ, что я до сихъ поръ былъ исключительно занятъ своими собственными дѣлами. Въ этотъ самый вечеръ лондонская почта принесла извѣстіе, которое, даже для моей темной личности, оказалось очень важнымъ. Извѣстіе это заключалось въ томъ, что его величество король, извѣстившись о подписаніи дружественнаго и торговаго союза, между французскимъ дворомъ и нѣкоторыми лицами, состоящими на службѣ мятежныхъ подданныхъ его величества въ Сѣверной Америкѣ, счелъ за нужное отозвать своего посланника отъ французскаго двора, и въ твердой надеждѣ на исполненную любви и усердія поддержку своихъ вѣроподданныхъ, рѣшился дѣлать мѣры, чтобы, въ случаѣ надобности, всѣми силами соединеннаго королевства отразить супостатовъ и поддерживать могущество и честь страны.

Итакъ, пока я выходялъ изъ залы суда въ Рай, ни о чемъ не помышляя, кромѣ моихъ враговъ и преслѣдствій моей судьбы, гошцы сазавали до всѣхъ направленій съ извѣстіемъ, что Франціи объявлена война. Однѣ изъ нихъ обогнали

насъ на дороге домовъ, трубы въ свой ротъ и провозгласили войну о войнѣ съ Франціей. Проѣхавъ раниной, мы могли разглядѣть французскіе сигнальные огни, горѣвшіе по ту сторону протѣва. Еще пятьдесятъ лѣтъ прожила я въ тихомъ мирѣ на свѣтѣ, и во все это время радно, радно, и то на короткіе промежутки погнасли эти роковые маляки, плашавшіе войны.

Говорятъ, посланный съ этиаъ важными вѣдѣніями, при-
скакалъ въ Рай, когда уже мы оттуда выѣхали. Не такъ
какъ онъ скакалъ горююще балетрѣе, чѣмъ было въ обычаѣ
у докторовой команды, то онъ и обогналъ насъ, на дорогѣ
въ Уинчестеръ. Не прошло и получаса, какъ привезенное из-
вѣстіе переполошило весь городъ: на рынкахъ, въ бабакахъ,
по частнымъ домамъ, всюду собирались люди и толковали
между собой. Итакъ, у насъ на рукахъ было двѣ войны: съ
Франціей и съ иллини непокорными сынами въ Америкѣ; а
непокорные сыны этого времени уже одобрили само-
родную-мать. Въ началѣ войны мы, т. е. иллини отъ По-
кака, держались храбро и бодро. Мы преслѣдовали матеми-
нать во партѣ и побивали ихъ при каждой встрѣчѣ. Мы
разбили ихъ на Лонгъ-Эландѣ; мы покорили ихъ при Бри-
джуайнѣ. Мы одержали надъ ними блестящую побѣду при
Бонкерсъ-Гулѣ. Мы побѣдительно вступили въ Филадельфій-
вайстѣ съ Гоу. Но мы точно съ неба упали, когда иллины
были сдаться надъ Сиротогою вѣстѣ съ генераломъ Пор-
гейтомъ; для насъ было дѣломъ непримыслимымъ слышать, что
инглийскаго войска сдвигаетъ и что великая доблесть инглиянъ
палодать себя болѣе, чѣмъ равнина въ другіе индикъ. «За
Лонгъ-Эландъ насъ уведели отъ послѣбѣдителяго вѣсса,
пелнугъ итѣ Тона Парротъ, сидѣвшій въ началѣ радныъ со-
инкою:—думаю, что за Сиротогою намъ будетъ норма.» Чье-
пассетомъ аромпузавъ, то мы дивно знали о самозванской или
измѣнѣ, и наша ненависть противъ индъ со дни на дни уве-
личивалась. «Француды протесни-малодъ адрывиньелдиндл, по-
рѣшени ми, —соевѣтъ другое дѣло; но крайній гѣрѣ, гугеле-
ти, негиланне итѣ Франца, какъ видно, спланились аадуринни
модланнии своего номіае государя.»

Но въ Женевѣ была одна маленькая англичанка французска, которая, я думаю, оживилась, была отрицательной будущицей. Когда мистрисъ Бернардь, разговаривала о ней, обрисовала къ Агнесѣ и спросила: «А вы, Агнеса, дитя мое, на чьей сторонѣ?» *Mademoiselle de-Барръ* вся вспыхнула и отвѣтила: «И францужанка и дитя чужому своему отечеству. *Vive la France! vive le roi!*»

— Ахъ, Агнеса! ахъ ты развращенное маленькое чудовище неблагодарности! вспыхнула мистрисъ Бернардь и принялась злиться.

Но докторъ не только не разсердился, но улыбался и казался очень довольнымъ; отвѣщая Агнесѣ нутливо церемонный поклонъ, онъ проговорилъ: «*Mademoiselle de-Саверръ*, я того желаю, что маленькой французкѣ и слѣдуетъ держать сторону Франціи; но, видите-ли, столь жарко и имъ отстоятъ сраженіе до послѣ-ужина.» Когда онъ въ этотъ вечеръ прочиталъ молитву, предписанную его церковью на время войны, молитву, въ которой мы просили Бога покрыть насъ своимъ щитомъ и дать намъ побѣду, мнѣ казалось, что ни разу еще голосъ этого добродѣтельнаго человѣка не звучалъ такъ трогательно и торжественно.

Во время совершенія этого утренняго и вечерняго обряда въ ректорскомъ домѣ, одна маленькая дѣвочка, принадлежавшая къ Римско-католической церкви, постоянно сживала въ сторонѣ, ея духовные наставники запрещали ей молиться съ нами по англиканскимъ обрядамъ. По окончаніи молитвы, и по удаленіи прислуги, миссъ Агнеса проговорила съ пылающимъ и почти гнѣвнымъ лицомъ:

— Какъ же мнѣ быть тетя, Бернардь? Молясь за васъ, я молилась бы о покореніи собственнаго моего отечества, о томъ, чтобы вамъ спастись и избавиться отъ нашихъ рукъ?

— Твоя правда, дитя мое, и ужъ мы лучше не станемъ отъ тебя требовать, чтобы ты говорила «аминь» на нашу молитву.

— Не понимаю, изъ-за чего вы хотите одержать верхъ надъ моею отчивною, всхлипывала маленькая дѣвочка. Небось я не стану молиться, чтобы какое несчастье приключилось вамъ, или тетѣ Бернардь, или Денни... нѣтъ, ни за что, ни за что

не стану. И залившись слезами, она скрывала голову на груди нашего доброго друга, и всё мы почувствовали себя глубоко расстроганными.

Въ тотъ же вечеръ двое дѣтей, держа другъ друга за руки, вышли изъ докторскаго дома и направились къ аббатству, которое, увы! было слишкомъ близко. Я не торопился дернуть звонокъ и продолжалъ держать ея трепетную руку въ своей.

— Ты никогда не сдашься, Дени, мой врагомъ, никогда? проговорила она, поднимая на меня глаза.

— Милая, отвѣчалъ я дрожащимъ голосомъ, я буду любить тебя до конца дней моихъ.

Тутъ я вспомнилъ про младенца, найденнаго мною на морскомъ берегу и принесеннаго домой на рукахъ, и снова эти руки обхватили мою дорогую дѣвочку и сердце мое забилось несказаннымъ счастьемъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

СОВРЕМЕННОЕ ЗНАЧЕНІЕ УГОЛОВНАГО ПРАВА.

ВЪ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПѢ.

(Учебникъ Уголовнаго права, составл. В. Спасовичемъ. Два вып. Спб. 1863.)

Необходимость судебной реформы признана самимъ правительствомъ. Комиссія, учрежденная при государственной канцеляріи, вотъ уже около двухъ лѣтъ работаетъ надъ составленіемъ проектовъ преобразованія судебной части; желая воспользоваться участіемъ общества въ разрѣшеніи этого громаднаго вопроса, комиссія предложила желающимъ присылать въ нее свои мнѣнія и замѣчанія о реформѣ. Изъ этихъ мнѣній и замѣчаній, поданныхъ со всѣхъ концовъ Россіи, людьми самыхъ разнообразныхъ сословій, составилось 6 печатныхъ томовъ. По одному этому можно судить, какъ близко касается этотъ вопросъ главныхъ общественныхъ интересовъ и какъ бы хотѣлось обществу достигнуть болѣе дѣйствительныхъ результатовъ отъ этой реформы. Книга г. Спасовича является какъ нельзя болѣе кстати; она *теоретически* указываетъ на то, что было бы желательно осуществить *практически*. Не соглашаясь со многими ея выводами, мы однакожъ рѣшаемся по поводу ея поговорить объ уголовномъ правосудіи западной Европы, какъ болѣе выработаннымъ

и законченномъ, касаясь преимущественно тѣхъ вопросовъ, которыми занимается современная наука.

I.

У американскихъ негровъ—рабовъ издавна существовалъ обычай мстить своимъ утѣснителямъ ядомъ. Негры отравляли не плантаторовъ, по крайней мѣрѣ это случалось чрезвычайно рѣдко,—они отравляли скотъ. Были плантаціи, на которыхъ отравленія совершались такъ же правильно и постоянно, какъ теченіе солнца, какъ другія явленія природы; каждый годъ отравлялось непременно известное количество скота: виновниковъ же никогда открыть не могли.

Обычай этотъ явился и развивался преимущественно на французскихъ антиллахъ. Бывали года, когда отравленія уменьшались, иногда же увеличивались; но никогда отравленіе не свирѣпствовало съ такой силой, какъ въ 1822 году. Чтобы остановить зло, начальство рѣшилось принять чрезвычайныя мѣры. Назначили особый судъ, съ небывалой до того времени властью, и во главѣ его поставили человѣка, какъ будто-бы созданнаго быть палачомъ—рѣшительнаго, страстнаго, кровожаднаго. Негры прозвали его головорѣзомъ.

Этотъ головорѣзъ—Даву—имѣлъ право осматривать всякую плантацію, брать съ собой подозрѣваемыхъ негровъ, на которыхъ укажутъ ему шпионы и послѣ короткаго суда, на который не было апелляціи, казнилъ ихъ, гдѣ ему вздумается. Обыкновенно Даву рубилъ головы и, придерживаясь системы устрашенія, собиралъ на подобныя кровавыя зрѣлища всѣхъ негровъ смежныхъ плантацій. Чтобы сильнѣе дѣйствовать на умы, Даву совершалъ свои переходы изъ мѣста въ мѣсто особенно картоннымъ образомъ: предъ нимъ несли всегда два топора—одинъ большой, которымъ рубили головы, другой маленькій, для отсѣченія рукъ.

Даву скоро пересталъ удовлетворяться отрубаніемъ головъ, и устроилъ въ Ламантинѣ новое зрѣлище. Онъ собралъ на рыпочную

площадь города 20,000 негровъ и въ присутствіи ихъ сжегъ, одинъ за другимъ, 16 рабовъ. Ауто-дафе продолжалось съ ранняго утра до вечера. Погода стояла мрачная, весь день шло дождь, кругомъ царствовала мертвая тишина, — ни одна изъ жертвъ не издала ни малѣйшей жалобы, 20,000 зрителей смотрѣли молча на гибель своихъ товарищей и также молча разошлись по своимъ плантаціямъ. На другой день не пашлось ни одной, гдѣ бы ни было отравлено большее или меньшее количество скота!

Два года истреблялъ Даву несчастныхъ негровъ, но отравленія не только не уменьшались, напротивъ—увеличивались. Наконецъ пришли къ убѣжденію, что судъ пужно закрыть и что противъ зла есть только одно средство — дать неграмъ свободу.

Даву, лишившійся занятія, сошелъ съ ума. Ему мерещились вездѣ ядъ и отравленіе, и онъ умеръ въ помѣшательствѣ отъ страха.

Въ этомъ разсказѣ читатель можетъ отчасти видѣть исторію уголовной практики западной Европы, съ той только разницей, что судъ Даву тянулся на антиллахъ нѣсколько лѣтъ и примѣнялся къ десяткамъ тысячъ людей, тогда какъ западно-европейскій уголовный порядокъ тянется сотня вѣковъ и примѣняется къ сотнямъ милліоновъ населеній.

Древній Римъ, въ блестящую пору своей жизни, не зналъ ни тѣлесныхъ наказаній, ни смертныхъ казней. Существовали только изгнаніе и денежный штрафъ. Смертной казни, назначавшейся за особенно тяжкія государственныя преступленія, можно было всегда избѣгнуть добровольной ссылкой. Римскаго гражданина, преданнаго суду за преступленіе, не сажали ни въ тюрьму, ни въ крѣпость — онъ былъ свободенъ. Современные криминалисты приходятъ въ изумленіе, не умѣя понять, какъ обходилось общество безъ тѣлеснаго наказанія, смертной казни, разныхъ видовъ заключенія и всѣхъ тѣхъ тонкостей, изобрѣтенныхъ на мученіе людей, которыя составляютъ необходимую принадлежность современнаго уголовного состоянія Европы. А между тѣмъ римляне обходились безъ всѣхъ этихъ ужасовъ. Скажутъ, что они были добродѣтельнѣе насъ; но причина не въ этомъ, — размѣръ добродѣтелей не измѣнился съ тѣхъ поръ значительно — измѣнились понятія о преступленіяхъ.

Со времени Цесарей общественная жизнь Рима стала другой; гражданинъ потерялъ свое значеніе, его мнѣнія въ общественныхъ дѣлахъ не спрашивали и не хотѣли знать; если же, не смотря на то, онъ

заявлялъ свою личную самостоятельность, то его сажали въ подземную тюрьму и рубили ему голову. Придумавъ цѣлый рядъ новыхъ, небывалыхъ до того времени, преступлений, издыхавшій Римъ оказался не менѣе изобрѣтателемъ и въ наказаніяхъ. Къ прежней ссылке и къ денежнымъ штрафамъ присоединились разныхъ видовъ смертная казнь, каторжныя работы и заключеніе на пустынные, бесплодные острова, гдѣ было ссыльному два выхода—одичать или умереть съ голоду...

Римское право, доставшееся по наслѣдству средневѣковой Европѣ, сложилось подъ вліяніемъ идей цесарскаго Рима. Римскіе ужасы перешли въ полной своей чистотѣ въ европейскія государства. Но къ понятіямъ о преступныхъ дѣйствіяхъ, придуманныхъ цесарскою юриспруденціей, присоединились еще придуманныя католицизмомъ преступленія противъ религіозныхъ и нравственныхъ мнѣній. Такимъ образомъ списокъ преступныхъ дѣйствій явился весьма сложнымъ и разнообразнымъ; вмѣсто прежнихъ десяти преступленій Европа выдумала сто; столько же нужно было выдумать и новыхъ наказаній, потому что люди полагали, что на зло нужно отвѣчать зломъ, что наказаніе тѣмъ дѣйствительнѣе, чѣмъ оно строже, потому что оно исправляетъ и виновнаго, да и другимъ даетъ спасительный урокъ, удерживая страхомъ отъ нарушенія запрещеній. Придуманныя наказанія показываютъ большую изобрѣтательность со стороны судей и другихъ специалистовъ этого дѣла. Простая смертная казнь уже не удовлетворяла судей, какъ не удовлетворяло Даву простое отсѣченіе головы топоромъ. Явилась казнь квалифицированная, соображавшаяся съ степенью и размѣромъ вины казнимаго. Одному отрубали предварительно руку или ногу, или истязали несчастнаго постепеннымъ лишеніемъ его членовъ, и за тѣмъ уже убивали сильнымъ ударомъ въ грудь или обезглавленіемъ. Другихъ колесовали, вытягивали внутренности, жгли на кострахъ, давили, вѣшали, душили, сбѣли розгами, палками, кошками, томнили голодомъ, заключали въ смрадные темницы подъ землей, куда не проходилъ къ нимъ ни дневный свѣтъ, ни воздухъ, или сажали въ кельи подъ свинцовыя крыши. Чтобы добиться отъ обвиняемаго признанія, или такихъ показаній, какія желали получить, его мучили самыми жестокими пытками и, разумѣется, добивались признанія; а было ли оно правильно, или только вызвано нестерпимыми мученіями, этого никто не хотѣлъ знать.

Ученые люди, недоумѣвая о причинахъ такого, непонятнаго для нихъ, явленія, пришли къ той мысли, что человекъ есть существо злое, что въ самой натурѣ его лежитъ преступное начало, что люди склонны вѣчно и вездѣ нарушать законы, колебать общественный порядокъ, что если на землѣ еще и существуетъ какое нибудь счастье и благополучіе, то благодаря исключительно уголовному правосудію и неусыпности его судей, палачей и тюремщиковъ. Совершенно какъ наши древніе новгородцы, которые говорили Геннадію: «ужь земля такая, владыко, что не производитъ грамотныхъ». Точно также не хотѣла производить добродѣтели и европейская почва.

Этотъ мракъ царствовалъ въ Европѣ многія столѣтія. Рѣшивъ, что зло заключается въ самой натурѣ человека, добродѣтельные люди думали, что единственное средство уберечь общество отъ зла заключается въ томъ, чтобы запираеть, какъ можно больше, злодѣевъ на вѣки въ сырыя, отравленные всякими миазмами, тюрьмы, чтобы они умирали тамъ медленною смертію; а злодѣевъ первоклассныхъ лишать жизни другими болѣе быстрыми, но за то и болѣе мучительными способами. Кому изъ тѣхъ и другихъ было хуже, сказать трудно; можно однако полагать, что сумма страданій медленно и быстро умерщвляемыхъ людей была одинакова. Наконецъ въ это правосудіе, столь же мрачное, какъ его пытки и темницы, стали пробиваться лучи свѣта. Первый голосъ раздался въ Италіи—противъ смертной казни. Потомъ обратили вниманіе на ужасы тюремнаго заключенія и, наконецъ, благодаря трудамъ передовыхъ людей, европейское уголовное правосудіе начало разставаться понемногу съ своей римской и теологической суровостью. Движеніе это началось въ половинѣ прошедшаго столѣтія, и Франція принадлежитъ въ этомъ самое большое вліяніе. Она же первая постановила, что смертная казнь должна совершаться просто, не усиливая страданій человека никакими мученіями, въ родѣ четвертованья, колесованья, предварительнаго отрубанія рукъ, пальцевъ и т. п. Впрочемъ, прогрессистъ—Наполеонъ I и въ этомъ, какъ и во всемъ остальномъ, измѣнилъ новому началу. Наполеонъ постановилъ, чтобы отцеубійцамъ отрубать сначала большой палецъ правой руки, а ужь потомъ голову.

Такимъ образомъ новыя мысли, высказанныя въ прошедшемъ столѣтіи нѣкоторыми передовыми людьми, обнаружили большое вліяніе

на изменение понятій юристовъ, теоретиковъ и практиковъ, и на правительственные кружки, такъ что люди власти, убѣдившись, что жестокость не ведетъ ни къ чему, рѣшились сдѣлать въ уголовномъ правосудіи нѣкоторые вышшіе измѣненія. Не слѣдуетъ однако слишкомъ оболыщаться на счетъ характера этихъ преобразованій и преувеличивать ихъ значеніе, какъ это дѣлаютъ люди, склонные видѣть исполнскіе шаги тамъ, гдѣ ихъ вовсе нѣтъ. Все, что сдѣлано до сихъ поръ Европой, заключается въ томъ, что отмѣнены мучительныя казни, пытки, улучшено содержаніе арестантовъ въ тюрьмахъ, сдѣлано нѣсколько опытовъ и наблюденій надъ вліяніемъ тюремнаго заключенія на нравственность заключенныхъ, сдѣланы кое-какія попытки ввести усовершенствованія въ систему ссылки и въ организацію каторжныхъ работъ. Не смотря на эти, по видимому, огромныя улучшенія, сущность наказаній осталась та же, какая существовала въ Европѣ и прежде.

Преобразование началось съ вопроса о смертной казни; но въ то же время было обращено вниманіе и на тюремное заключеніе. Прежніе юристы и законодатели удовлетворялись вполне тѣмъ, что для наказанія преступныхъ людей придуманы еще древнимъ Римомъ заразительныя помѣщенія, называемыя острогами и тюрьмами, и каждого человѣка, имѣющаго несчастье очутиться въ рукахъ уголовного правосудія, отправляли въ эти вертепы заразительныхъ болѣзней, смерти и всевозможныхъ матеріальныхъ лишеній. Англичанинъ Говардъ обратилъ первый вниманіе правительства и общества на ужасы тюремнаго заключенія. Оказалось, что даже сравненіе тюрьмы съ адомъ недостаточно для составленія себѣ понятія объ ужасахъ этой системы наказанія. Набитые, какъ въ муравейникѣ, несчастные валялись въ грязи, на гнилой соломѣ, покрытые вшами, въ страшно отравленномъ воздухѣ. Нечистота создала даже особую болѣзнь, тюремную заразу, или лихорадку, которая не разъ распространялась по Лондону и по другимъ городамъ, свирѣпствуя эпидемически, какъ чума или холера. Особенно страдали неоплатные должники. Кто имѣлъ деньги, тому жилось лучше, потому что тюремные сторожа и смотрители снабжали ихъ виномъ, водкой, лучшей пищей и даже нѣкоторыми удобствами, которыхъ не знали бѣдняки, не имѣвшіе средствъ. Чтобы помочь этимъ мученикамъ, рѣшили выслать ихъ въ Америку. Начались денежные сборы отъ частныхъ лицъ, парламентъ ассигновалъ тоже нѣкоторую сумму, и такимъ образомъ въ теченіе нѣсколь-

какъ хѣтъ были собраны достаточныя средства, чтобы перевести заключенныхъ въ Новый свѣтъ. Для водворенія ихъ были назначены незаселенныя земли въ южной Каролинѣ. Этимъ положено начало Георгии, названной такъ въ честь короля Георга II.

Вопросъ о тюрьмахъ, возбужденный въ Европѣ, получалъ особенное развитіе въ Америкѣ. Явилась мысль, что преступника нужно наказывать не ради наказанія, воздавая окомъ за око и зубомъ за зубъ, а слѣдуетъ исправлять нравственно и дѣлать изъ него полезнаго члена общества. Въ Филадельфій, еще въ прошломъ столѣтіи, образовалось общество для улучшенія положенія арестантовъ, которое постепенно пришло къ мысли устроить такую систему заключенія, при которой арестанты имѣли бы возможность обратиться на путь спасенія. Квакеры, — учредители этого общества, — полагали, что эта цѣль можетъ быть достигнута лучше всего, если арестанту дать возможность углубиться въ самого себя, разобрать свое прошлое, понять всю гнусность своего поведенія. Уединенная жизнь аскетовъ, погруженныхъ въ молчаливое самосозерцаніе, представлялась квакерамъ превосходнымъ образчикомъ въ спасительномъ дѣйствіи одиночества и безмолвія, и они рѣшили дать тюрьмамъ такой характеръ и назвали ихъ домами покаянія (penitentiaries). Въ первой четверти нынѣшняго столѣтія пенсильванское законодательное собраніе поручило филадельфійскому обществу устроить двѣ тюрьмы по пенитенціарной системѣ; — и тюрьмы были выстроены — одна въ Питсбургѣ, другая въ Черри-Гиллѣ.

Между множествомъ архитектурныхъ проектовъ для устройства подобныхъ тюремъ найдено болѣе соответствующимъ давать пенитенціаріямъ звѣздообразную форму, принятую теперь вездѣ. По этой системѣ строится сначала восьмиугольное зданіе, одна сторона его служить фасадомъ и входомъ, а отъ остальныхъ семи сторонъ идутъ длинныя узкіе элигеля, въ нѣсколько этажей, служащіе для помѣщенія арестантовъ. Такимъ образомъ зданіе имѣетъ форму звѣзды съ семью лучами и съ свободной восьмой стороной. Вдоль каждаго элигеля идетъ во всю его длину, снизу до верху, корридоръ, освѣщаемый сверху окнами, расположенными въ крышѣ. По ту и по другую сторону корридора возвышается помѣщеніе для арестантовъ, раздѣленное на этажи, и каждый этажъ разбитъ на маленькія кѣлѣтки, или вѣдья. Въ каждомъ этажѣ устроена галлерей, на которую выходятъ двери кѣлѣй, и рядомъ съ дверями устроены отверстія съ под-

вижными ящиками, куда ставят арестантамъ кушанье. Пространство между лучами раздѣлено на небольшіе дворики для прогулки арестантовъ. Все зданіе обнесено высокой каменной стѣной.

Порядокъ жизни въ такихъ кельяхъ очень простъ. Арестанта запираютъ въ каморку и оставляютъ одного съ библіей, чтобы онъ проникся сознаніемъ своего нравственнаго безобразія и сдѣлался бы инымъ человекомъ. Для болѣе успѣшнаго достиженія такой цѣли предписывается самое строжайшее молчаніе и гробовая тишина. Никто, даже изъ служащихъ, не смѣетъ говорить громко; сторожа въ войлочной обуви скользятъ тихо, какъ тѣни; колеса тюремныхъ экипажей обшиты кожей. Чтобы арестанты не могли узнавать другъ друга, въ то время, когда ихъ ведутъ гулять, имъ надѣваютъ на лицо колпаки съ прорѣзанными отверстиями для глазъ.

Подобная система погребенія человека за-живо, не могла быть приемлема къ людямъ, подчинившимся искусству по принужденію, тѣмъ болѣе, что люди должны были проводить свое время въ совершенной праздности. Поэтому въ другихъ штатахъ придумали систему заключенія смѣшаннаго. Въ теченіе дня арестанты работаютъ, въ общихъ мастерскихъ, молча; а на ночь запираются по одиночѣ въ кельи. По этой идеѣ была выстроена оборнская тюрьма, въ штатѣ Нью-Йоркѣ.

Эти двѣ системы заключенія составляютъ послѣдній плодъ изобрѣтательности моралистовъ и друзей человечества, полагающихъ, что зло существовало прежде на землѣ только потому, что не было пенитенціаріевъ.

Американская изобрѣтательность очень понравилась европейскимъ правительствамъ, и каждое изъ нихъ старалось построить у себя одну, или нѣсколько тюремъ, придерживаясь олландской или оборнской системы, смотря по личному вкусу. Въ большей части государствъ принята система оборнская, т. е. арестанты въ теченіе дня работаютъ въ общей комнатѣ, соблюдая самое строгое молчаніе, а на ночь запираются въ отдѣльныя кельи. Но въ Пруссіи, въ одномъ изъ предмѣстій Берлина, построена образцовая тюрьма по пенсильванской системѣ, гдѣ установлено самое педантическое одиночное заключеніе. Арестанты подвергаются строжайшему аресту, и въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ выводятъ изъ келій на прогулку или въ церковь, имъ надѣваютъ шапки съ большими опускающимися козырьками. Выведенныхъ изъ келій, строятъ въ ряды на разстояніи десяти шаговъ одинъ отъ другаго, и за тѣмъ по командѣ совершается въ ногу ш-

ствіе въ церковь. Здѣсь каждый помѣщается въ отдѣльную кѣтку, такъ что не можеть видѣть никого изъ своихъ товарищей. Прусскіе ученые юристы полагають, что такіе козырьки, шестіе въ ногу и кѣточки очень способствуютъ исправленію закоренѣлыхъ злодѣевъ.

Впрочемъ, если, не смотря на все это, окажется въ арестантѣ строптивость, непослушаніе, или будетъ сдѣлано имъ нарушеніе дисциплины, въ такомъ случаѣ, смотря по размѣру вины, употребляются и другія вспомогательныя средства. Самое обыкновенное есть лишеніе на извѣстный срокъ горячей пищи, потомъ сѣченіе розгами, палками, и наконецъ заключеніе въ особенную, исправительную келью. Въ Саксоніи, которая въ жестокости и въ педантизмѣ не отстаєтъ нисколько отъ Пруссіи, исправительныя кельи имѣють слѣдующій видъ. Это — комната сажени полторы длиной и въ сажень шириной, въ которой полъ составленъ изъ ряда четырехъ-стороннихъ брусьевъ, такого размѣра, какъ употребляемыя у насъ для полисадниковъ въ садахъ. Бруски эти положены рядомъ одинъ подлѣ другаго, такъ чтобы острое ребро было обращено къ верху, слѣдовательно полъ представляетъ рядъ острыхъ бороздъ. Единственную мебель комнаты составляетъ табуретъ, представляющій кубическое тѣло, каждая сторона котораго образуетъ такой же рядъ острыхъ реберъ, какъ и полъ. Чтобы наказанный не задумалъ хитрить и принимать какихъ нибудь мѣръ противъ боли отъ постоянного лежанья, хожденья и сидѣнья на этихъ острияхъ, ему надѣвается особенное платье изъ холщевой, полосатой матеріи, составляющее вмѣстѣ и куртку, и брюки; а те-семья, которыми оно завязано сзади, проводится особеннымъ манеромъ на голову и тамъ запираются желѣзнымъ замкомъ. Такимъ образомъ арестантъ лишонъ всякихъ средствъ уменьшить свои страданія и ночью долженъ спать безъ изголовья. Самый высшій срокъ заключенія въ подобную коморку три дня.

Германія, по географическому положенію и по недостатку колоній, должна была обратить все свое вниманіе на возможное развитіе тю-реннаго заключенія. Поэтому тюрьмы играютъ въ ней весьма важ-ную роль, какъ уголовная мѣра. Хотя по различію въ нѣкоторыхъ частностяхъ они и носятъ разныя названія—простыя тюрьмы, крѣ-ности, рабочіе, исправительныя дома, наконецъ, тюрьмы для заклю-ченія по системамъ оборнской или пенсильванской—но въ сущности это все одно и то же, т. е. лишеніе свободы съ обстоятельствами, болѣе или менѣе отягчающими положеніе заключеннаго и продолжаю-

щились болѣе или менѣе долго. Другія государства западной Европы, какъ Франція и Англія, владѣющія колоніями, имѣли возможность болѣе разширить и разнообразить свои карательныя средства.

Франція, первая изъ континентальныхъ государствъ провозгласившая новыя идеи въ области уголовного права, оказалась на практикѣ гораздо менѣе прогрессивной, чѣмъ можно было бы ожидать. Сначала она обратила все свое вниманіе на постройку тюремъ, и на основахъ придуманной ею классификаціи тюремныхъ заключеній, сообразно роду и степени вины преступника, выстроила около 450 этихъ заведеній, гдѣ арестанты должны были заниматься болѣе или менѣе тяжкими работами. Тюремы эти имѣютъ общественный характеръ, такъ что заключенные и днемъ, и ночью находятся вмѣстѣ. Въ управленіе Люи-Филиппа являлась нѣсколько разъ мысль ввести систему одиночнаго заключенія, но предложеніе правительства не было принято. Наконецъ Наполеонъ III, смотрящій на все съ политической точки зрѣнія, объявилъ прямо, что не желаетъ никакихъ преобразованій въ системѣ тюремнаго заключенія и одиночное содержаніе арестантовъ допускаетъ въ видѣ исключенія, въ особенныхъ обстоятельствахъ. Французское правительство нашло весьма удобнымъ и наиболѣе для себя безопаснымъ отправлять вредныхъ людей въ Алжиръ и въ Гвіану. Мысль о подобной же ссылкѣ была вскорѣ за тѣмъ примѣнена и къ остальнымъ преступникамъ. Последнее обстоятельство случилось слѣдующимъ образомъ. Въ прошедшемъ столѣтіи существовало во Франціи барварски жестокое наказаніе, известное подъ названіемъ ссылки на галеры. Виновнаго клеймили, сѣкли и потомъ отправляли на большія, неуклонія, плоскодонныя суда, составлявшія гребной флотъ. Здѣсь преступника приковывали желѣзной цѣпью къ скамейкѣ, въ товариществѣ еще пяти или шести человекъ, и бдѣвающимъ поручалось огромное весло, которымъ они должны были работать. Съ уничтоженіемъ гребнаго флота уничтожилась, разумѣется, и ссылка на галеры, и преступниковъ начали отправлять въ портовыя тюрьмы Гавра, Бреста, Тулона и другія, гдѣ они употреблялись на тяжелѣйшія портовыя работы. Обращеніе съ арестантами было весьма сурово и главной дисциплинарной мѣрой признавался линей. Каторжники, отработавшіе свои года, принимались обыкновенно за свой старый образъ жизни, и полевые дѣйствія избирали большею частію тотъ портовый городъ, въ которомъ они работали, и его окрестности. Разумѣется, что мѣстные жи-

тели видѣли въ этомъ большое неудобство и ждали избавиться отъ подобнаго неприятнаго и опаснаго сосѣдства. Тогда Наполеонъ III закрылъ каторжные работы въ портахъ и опредѣлялъ отправлять преступниковъ въ Гвіану. Этимъ средствомъ Франція получила возможность избавиться отъ людей опасныхъ для общественнаго спокойствія и вмѣстѣ съ тѣмъ колонизовать свои американскія владѣнія. Правда, что климатъ Гвіаны весьма нездоровъ, тамъ свирѣпствуетъ страшная желтая лихорадка, такъ что смертность между ссыльными составляетъ болѣе 20%; но это обстоятельство не обращаетъ на себя особеннаго вниманія французскаго правительства, которое имѣетъ въ виду двѣ цѣли — избавиться страну отъ опасныхъ людей и сдѣлать нездоровую и необитаемую Гвіану здоровой и обитаемой, посредствомъ осушки болотъ и земледѣльческой культуры трудомъ ссыльно каторжныхъ

Англія, увидѣвшая наконецъ, что ея тюрьмы нигуда не годятся, стала примѣнять къ своимъ преступникамъ двѣ главныя карательныя мѣры: — смертную казнь и ссылку въ американскія колоніи. Съ объявленіемъ независимости Соединенныхъ Штатовъ ссылка должна была прекратиться, и Англія предостало разрѣшеніе весьма труднаго вопроса — что дѣлать съ преступниками? Сажать ихъ въ омерзительныя тюрьмы не было никакой возможности, и англичане этого не хотѣли. Ссылка по прежнему казалась лучшей мѣрой, но только не знали, куда ссылать. Тогда обратили вниманіе на Австралію и назначили мѣстомъ ссылки новый Южный Уэльсъ. Много горя вынесли первые ссыльные и отъ голода, и отъ трудныхъ работъ колонизаціи въ новой, дикой мѣстности, и отъ суроваго деспотизма военныхъ губернаторовъ. Но именно этотъ-то деспотизмъ и принесъ, какъ говорить, пользу и ссыльнымъ, и странѣ. Поселенія начали вѣшаться, устриваться, богатѣть; освободившіеся ссыльные получали участки, становились свободными земледѣльцами, и край пришелъ въ такое извѣстное состояніе, что сталъ маловажно приманкой для добровольныхъ переселенцевъ. Выгоды, представляемыя моими колоніями, привлекли сначала мелкихъ капиталистовъ, а потомъ и богатыхъ спекуляторовъ. Для правительства это было выгодно, потому что оно продавало земли по весьма выгоднымъ цѣнамъ, а Новый Уэльсъ, развѣется, терялъ, ибо съ появленіемъ значительныхъ капиталистовъ, земельныя владѣнія стали сосредоточиваться въ рукахъ немногихъ богатѣй, и въ Австраліи подтвердилась англійская система обработки зем-

ли—серверами и наемными рабочими. Съ этихъ поръ Южный Уэльсъ не обнаруживалъ уже вліянія на исправленіе нравственности ссыль-ныхъ, тѣмъ болѣе, что они вполне разыгрывали роль американскихъ негровъ-невольниковъ, не имѣя, какъ и эти мученики, никакого утѣшительнаго будущаго. Каждый ссыльный по прибытіи въ Уэльсъ употреблялся на казенныя работы, служившія для него каторгой. Если арестантъ оказывается прилежнымъ, добронравнымъ, то его освобождали скоро отъ общественныхъ работъ и отдавали въ кабалу плантаторамъ. Здѣсь онъ превращался уже въ совершеннаго негра, потому что хозяинъ видѣлъ въ ссыльномъ только рабочую силу, изъ которой онъ хотѣлъ извлечь наибольшую пользу.

Наплывъ добровольныхъ поселенцевъ измѣнилъ совершенно характеръ австраійскихъ колоній, и наконецъ колонисты стали просить, чтобы правительство избавило ихъ отъ присылки преступниковъ. Это обстоятельство поставило Англію въ новое затрудненіе. Стали опять думать о томъ, какъ поступать съ преступниками. Хотя ссылку и считали вообще мѣрой хорошей, но ее нельзя было примѣнить къ Новому Уэльсу, потому что колонисты не хотѣли принимать ссыль-ныхъ. Между тѣмъ отказать вполне отъ ссылки считалось невозможнымъ, и англичане придумали систему смѣшанную, гдѣ тюрьма начала играть гораздо большую роль, чѣмъ прежде. Преступниковъ, приговоренныхъ къ ссылкѣ на продолжительный срокъ, подвергаютъ сначала одиночному заключенію. Здѣсь ихъ водятъ каждый день гулять и въ церковь, разумѣется въ шапкахъ, съ опускающимися на лицо козырьками, и съ соблюденіемъ строгаго молчанія, занимаютъ работами и учатъ. Провинившихся въ уединенномъ заключеніи наказываютъ лишеніемъ пищи, содержаніемъ на хлѣбѣ и на водѣ, кандалами, тѣснымъ карцеромъ и даже плетью. Казалось бы, что при одиночномъ заключеніи совершенно невозможно провиниться; но какъ виной считается всякое нарушеніе запрещенія, то очевидно, при одиночномъ заключеніи имъ болѣе случаевъ провиниться, и именно въ томъ, что составляетъ необходимое условіе жизни человѣка на свободѣ. Напримѣръ въ 1853 году въ Мильбанкской тюрьмѣ было наказано 1,254 преступника, и почти всѣ за то, что старались устроить сообщеніе другъ съ другомъ—письменно, или стучаніемъ въ стѣну, или за разговоры, особенно въ церкви, гдѣ это всего удобнѣе. Непослушаніе и грубость противъ чиновниковъ составляютъ чрезвычайно рѣдкое явленіе. Въ началѣ подвергали преступниковъ одинач-

ному заключенію на 1¹/₂ года, потому этотъ срокъ сократили до 9 мѣсяцевъ; но если арестантъ оказывается особенно благонравнымъ и послушнымъ, то онъ можетъ надѣяться разстаться съ своей кельей даже и чрезъ 6 мѣсяцевъ.

Кончивъ одиночное заключеніе, арестантъ поступаетъ въ каторжную работу. Работы эти производятся въ Портландѣ, Дертмутѣ, въ Портсмутѣ, въ Вулвичѣ. Здѣсь они подвергаются заключенію по оборонской системѣ, т. е. только ночью, въ одиночныя кельи. Днемъ же арестанты работаютъ подъ строгимъ карауломъ, и каждый день до отправленія на работу посѣщаютъ церковь. При тюрьмахъ устроены школы. Во время работъ арестанты, смотря по ихъ благонравію и прилежанію, дѣлятся на разряды или классы. Классы опредѣляются марками, раздаваемыми арестантамъ каждый мѣсяць. За извѣстное число марокъ переводятъ арестанта изъ низшаго въ высшій классъ, гдѣ и работа легче, и содержаніе лучше. По окончаніи срока каторжныхъ работъ, арестантъ отправляется въ ссылку въ колоніи, съ билетомъ на свободное жительство.

Эта система примѣняется только къ преступникамъ, приговореннымъ къ ссылкѣ на 14 и болѣе лѣтъ. Всѣ остальные, приговоренные къ ссылкѣ на кратчайшіе сроки, посылаются въ каторжные работы; а приговариваемыя къ тюремному заключенію выдерживаются въ обыкновенныхъ тюрьмахъ. Арестанты получаютъ всякій день мясную пищу, чай и пиво. Обхожденіе съ ними гуманно, и вредная жестокость почти не существуетъ. Отличающіеся хорошимъ поведеніемъ выпускались на свободу и до окончанія срока заключенія, назначеннаго судомъ, съ тѣмъ однако, что за предосудительный поступокъ освобожденный можетъ быть подвергнутъ снова тюремному заключенію административной властью.

Такимъ образомъ Англія сдѣлала шагъ назадъ тѣмъ, что вмѣсто превращенія преступниковъ въ свободныхъ колонистовъ, она выдерживаетъ ихъ извѣстное время въ своихъ тюрьмахъ или въ каторжныхъ работахъ, и потомъ выпускаетъ на всѣ четыре стороны. Прежде она взбавлялась отъ опасныхъ людей, высылая ихъ огромными массами, теперь же она держитъ почти всѣхъ ихъ у себя дома. Въ этой системѣ находили тотъ недостатокъ, что преступникъ, выпущенный послѣ строгаго содержанія внезапно на свободу, пользовался ею слишкомъ усмеленно, какъ бы въ вознагражденіе за прежнія лишенія и легко впадалъ въ новыя преступленія. Поэтому въ Ирландіи

послѣ одиночнаго заключенія и каторжныхъ работъ помѣщаютъ арестанта на послѣдній срокъ въ переходную тюрьму. Здѣсь онъ пользуется почти полной свободой, работаетъ вмѣстѣ съ другими, ходитъ свободно въ церковь, посылается въ городъ для разныхъ порученій. По работа и ученье въ школѣ обязательны. Изъ наказаній существуетъ только—возвращеніе опять въ каторжную работу. За работу въ переходной тюрьмѣ полагается плата, часть которой дается арестанту во время заключенія, а остальное при его освобожденіи. Тюрьмы эти свободно посѣщаются частными лицами, и обыкновенно заключенные нанимаются фабрикантами въ рабочіе или поступаютъ въ услуженіе. Освобожденіе изъ тюрьмы дѣлается почти всегда ранѣ срока, опредѣленнаго судомъ.

Въ ирландской системѣ ученые юристы видятъ послѣднее слово своей науки, и дѣйствительно юридическая изобрѣтательность не пошла въ практикѣ дальше переходныхъ тюремъ. По сравненію съ тюремными жестокостями нѣмцевъ и ихъ безпощаднымъ педантизмомъ и суровымъ взглядомъ на преступника и на обращеніе съ нимъ, Англія и Ирландія оказываются, по видимому, весьма передовыми странами. Внешность блестящая—плоть употребляется рѣдко, работы петимелья, содержаніе прекрасное, обращеніе весьма мягкое, благотворительныя общества въ отношеніи преступниковъ выказываютъ самую пѣжную и изысканную филантропію, и при всемъ томъ сущность вопроса остается нетронутой. Крови льется менѣе, чѣмъ въ средніе вѣка, но среднебѣжковыя воззрѣнія еще живы и въ теоріи, и на практикѣ.

II.

Существующая практика уголовныхъ наказаній можетъ быть лучше всего оцѣнена сравненіемъ. Для этого мы возьмемъ преступленіе, которое считается вездѣ однимъ изъ самыхъ тяжкихъ—предумышленное убійство и убійство матерью новорожденнаго дитяти. Въ Англіи за первое казнятъ смертью, а за второе подвергаютъ мать заключенію не свыше двухъ лѣтъ. Въ Швеціи въ томъ и другомъ случаѣ назначена смертная казнь. Въ Голландіи казнятъ преступника смертью, если онъ убилъ отца или мать, или сдѣлалъ убійство вмѣ-

ствѣ съ другимъ таинимъ преступленіемъ. За остальныя смертоубійства назначается заключеніе въ смирительномъ домѣ до 40 лѣтъ. Такому же заключенію, на 40 и не менѣе 15 лѣтъ подвергается мать за убійство своего незаконнорожденнаго ребенка. Въ Испаніи за умышленное смертоубійство—смертная казнь, а за убійство ребенка въ стыдѣ—заключеніе въ тюрьму до 3 лѣтъ. Въ Австріи назначается смертная казнь за умышленное смертоубійство не только тому, кто его сдѣлалъ, но и лицамъ, содѣйствовавшимъ преступленію. Мать же за убійство незаконнорожденнаго дитяти подвергается заключенію въ тюрьму до 20 лѣтъ и не менѣе 10. Въ Пруссіи убійцу казнятъ смертью, а мать подвергаютъ тюремному заключенію до 20 лѣтъ и не менѣе 5. Въ Брауншвейгѣ за предумышленное смертоубійство—смертная казнь; а за дѣтоубійство—заключеніе въ смирительный домъ, въ окозахъ до 10 лѣтъ. Въ Гессенъ-Дармштадтѣ умышленнаго смертоубійцу казнятъ смертью, а мать за убійство ребенка сажаютъ въ смирительный домъ отъ 10 до 16 лѣтъ. Въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ за убійство чловѣка—смертная казнь; а за дѣтоубійство—заключеніе въ смирительномъ домѣ отъ 6 до 15 лѣтъ. Наконецъ въ Тюрингенскихъ княжествахъ за смертоубійство—заключеніе въ смирительный домъ на всю жизнь, а за дѣтоубійство—заключеніе отъ 4 до 15 лѣтъ.

Таинимъ образомъ, если бы какой нибудь чловѣкъ, владѣющій волшебной силой, вдумалъ бы сдѣлать эксперименты по части уголовного правосудія Европы, то онъ бы испыталъ на себѣ весьма разнообразное практическое его примѣненіе. Въ одномъ мѣстѣ его посадили за убійство на вѣчно въ тюрьму, въ другомъ за ту же самую вину ему отрубили бы голову мечемъ, въ третьемъ топороми; въ четвертомъ гильотиной, въ пятомъ его бы повѣсили. Единственное заключеніе, которое бы вывелъ изъ всего этого экспериментаторъ, состояло бы въ томъ, что вообще за смертоубійство Европа казнила смертью. Но ему показалось бы, разумѣется, непонятнымъ, почему юристы-практики употребляютъ разные способы лишенія жизни преступниковъ, когда сущность ихъ одна и та же. Ему показалось бы, разумѣется, смѣшнымъ то мелочное тщеславіе, которое выказываютъ люди, придавая даже смертной казни аристократическій или плебейскій характеръ и выдавая висѣлицу за орудіе смерти боже пресвѣнное, чѣмъ гильотина или печь. Онъ замѣтилъ бы при этомъ и ту суевѣрную боязнь, которую питаютъ люди къ чловѣ-

ческой крови, потому что многие считают повѣшеніе человѣка менѣе грѣховнымъ и ужаснымъ, чѣмъ обезглавленіе, при которомъ льется кровь.

Превратившись въ блудницу и убивъ свое новорожденное дитя, экспериментаторъ былъ бы удивленъ еще болѣе юридической логикой разныхъ криминалистовъ. Въ Англіи его бы посадили на два года въ тюрьму, а въ Швеціи отрубилъ бы голову на гильотинѣ. Ему пришлось бы испытать самые равнообразные сроки заключенія, именно 2 года, 3, 10, 15, 16, 20, а въ Голландіи 40 лѣтъ. Сорокъ лѣтъ тюремнаго заключенія! Но вѣдь эту страшную цифру легко только выговорить и написать; а просидѣть сорокъ лѣтъ въ тюрьмѣ едва ли возможно. Говорятъ впрочемъ, что люди желѣзной комплекціи высиживаютъ этотъ срокъ. Что выходило потомъ изъ такого желѣзнаго человѣка, криминалистами до того не было дѣла, потому что ихъ усилія направлялись главнѣйше къ тому, чтобы наказаніе было внушительно и исправительно. Ну, разумѣется, если блудница просидитъ 40 лѣтъ въ тюрьмѣ, то она исправится, потому что если не умретъ въ заключеніи, то достигнетъ той безстрастности и старушечьяго безобразія, которыя предохраняютъ ее отъ всякихъ соблазновъ. И чѣмъ 40 лѣтъ заключенія отягачаются отъ 140 или 240? Такъ какъ по наблюденіямъ, сдѣланнымъ во Франціи, жизнь женщинъ заключенныхъ въ тюрьмы сокращается на 29 лѣтъ, то очевидно, что ни одна женщина, подверженная сорокалѣтнему заключенію, не доживетъ до дня свободы. Въ этомъ случаѣ 40-лѣтній срокъ совершенно равносильнъ 140 лѣтнему, потому что ни тотъ, ни другой обыкновенному человѣку вынести невозможно; но дѣло въ томъ, что люди, не имѣющіе никакого понятія о вліяніи заключенія на организмъ человѣка, видятъ въ цифрѣ 40 величину, согласную съ ихъ представленіемъ о долговѣчии, тогда какъ 140 лѣтъ заключенія покажутся невозможностью даже для самаго тупаго криминалиста, потому что каждому изъ нихъ болѣе или менѣе извѣстно, что столѣтніе старики и старухи весьма рѣдки.

При наблюденіяхъ надъ уголовнымъ правосудіемъ Европы экспериментаторъ будетъ особенно пораженъ юридическимъ глубокомысліемъ Германіи. Перехода изъ тюрьмы въ тюрьму и изъ одного суда въ другой, онъ замѣтитъ чрезвычайно быстрыя перемѣны и въ способѣ уголовного судопроизводства, и въ наказаніяхъ, и въ уголовныхъ понятіяхъ судей, присяжныхъ, тюремнаго начальства, стра-

ни и вообще въѣтъ тѣхъ лицъ, которые имѣютъ въ этому дѣлу какое бы то ни было отношеніе. Вся Германія говоритъ однимъ языкомъ, всѣ нѣмцы мечтаютъ о національномъ единствѣ, всѣ они одинаково не любятъ и Наполеона I, и Наполеона III, у всѣхъ у нихъ одинъ Гете и Шиллеръ, и одинаково всѣмъ понавидаютъ Гейне, любовь къ природѣ одинаково присуща душѣ нѣмца, національныя чувства и инстинкты также всодѣ одинаковы. И при такомъ поразительномъ единствѣ привычекъ, обычаевъ и стремленій они все-таки не умѣютъ смотрѣть одинаково на сущность и смыслъ преступленій. Экспериментаторъ, посаженный въ Пруссіи въ тюрьму на 20 лѣтъ, сдѣлавъ два шага дальше и очутившись въ прощепомъ Мейнингенѣ, за пожебную же вину будетъ подвергнутъ 14-лѣтнему заключенію, съ обязанностію спать нѣсколько въ году на голыхъ доскахъ; оставивъ Мейнингенъ и сдѣлавъ еще два шага дальше, онъ въ Динке-Детмольдъ будетъ прожизнь за тѣкую же вину въ смирительный домъ на шесть лѣтъ. Опять двуня шагъи дальше, въ княжествѣ Рейсъ-Грейфъ онъ очутится въ тюрьмѣ на 10½ лѣтъ. Даже княжество Лихтенштейнъ, имѣющее всего 3 кв. мили прострства, будетъ судить по своимъ особымъ уголовнымъ законамъ. Въ Германіи, составляющей съ болыими городами 39 независимыхъ владѣній, существуетъ сдѣвно же отдѣльныхъ уголовныхъ кодексовъ. И если бы она вмѣсто 39 разблалась бы на 390 независимыхъ владѣній, въ родѣ княжества Рейсъ и Личне-Детмольдъ, то, разумѣется, въ ней явилось бы столько же отдѣльныхъ и своеобразныхъ способовъ судить и наказывать уголовныхъ преступленій. Кроме этого разнообразія въ единствѣ Германія представляетъ еще примѣръ единства въ разнообразіи. Тамъ Австрія, объявившая въ 1848 году тѣлесныя наказания, ввелъ ихъ снова въ 1852 году подѣ тѣмъ предлогомъ, что безъ нихъ невозможно обойтись съ венгерцами и славянами; такимъ образомъ хоти для австрійскитъ нѣщцовъ и нешужны рога и палки, но ихъ все-таки будутъ ешь, чтобы они знали, что ими и славянами управляетъ одно правительство, но однимъ принципамъ.

Швейцарія и Италія, состоящая тоже изъ множества отдѣльныхъ небольшихъ политическихъ единицъ, держатся германскаго начала разнообразія въ единствѣ, и каждая единица казнить своихъ преступниковъ по своимъ собственнымъ основаніямъ. Экспериментаторъ испыталъ бы здѣсь тоже, что и въ Германіи и, разумѣется, не по-

нялъ бы, почему за одну и ту же вину приходится ему испытывать разные наказанія.

Не менѣе разной строгости наказаній удивило бы его разное пониманіе виѣняемости по возрасту. По существующимъ уголовнымъ законамъ выходитъ, что 12-ти лѣтній ганноверецъ, баденецъ и дармштатецъ совершенно ровенъ 7-лѣтнему англичанину и португальцу, 9-лѣтнему испанцу, 10-лѣтнему австрійцу, датчанину, норвежцу. Но будто бы это такъ? Если на югѣ дѣти развиваются скорѣе, чѣмъ на сѣверѣ, то отчего англичане считаютъ себя жителями той же широты, какъ португальцы; а испанцы воображаютъ, что они гораздо сѣвернѣе, чѣмъ они въ самомъ дѣлѣ; наконецъ почему баденцы и ганноверцы думаютъ, что они жители полярнаго пояса? Или, можетъ быть, расчетъ основанъ не на этомъ началѣ, а просто на томъ, что изъ опытовъ извѣстно, что самыя развитыя дѣти находятся въ Португаліи и въ Англіи, и самыя тупыя въ Ганноверѣ и Баденѣ, а австрійцы и датчане занимаютъ середину? Но и это не вѣрно. Отчего же происходитъ такое неодинаковое пониманіе и разное практическое приложеніе въ вопросахъ, касающихся самыхъ важныхъ общественныхъ отношеній? Отчего же это разнообразіе, заста-вляющее каждаго европейца, рассчитывающаго попасть подъ уголовный законъ—а кто же можетъ быть увѣренъ, что онъ не попадетъ?—желать быть англичаниномъ и не желать быть ганноверцемъ, австрійцемъ, шведомъ? По какому закону случайность рожденія, насколько независимая отъ насъ, но между тѣмъ дѣлающая одного человѣка или французомъ, или нѣмцемъ, или англичаниномъ, опредѣляетъ ему впередъ болѣе или менѣе мрачную судьбу и подвергаетъ его большимъ или меньшимъ опасностямъ жизни? Разумѣется, мы бы не дѣлали этихъ вопросовъ, если бы приходилось сравнивать англичанина съ ново-зеландскимъ дикаремъ; но чѣмъ отличается ирландскій простолюдинъ отъ простолюдина австрійскаго, французскаго, итальянскаго? Чѣмъ отличается субъективная сторона въ преступленіи разбойника неаполитанца отъ субъективной стороны разбойника англійскаго или тюрингенскаго? Развѣ побужденія, причины и стремленія, давшія ихъ дѣятельности извѣстное направленіе, не совершенно одинаковы, развѣ тѣло ихъ устроено не по одному физиологическому закону? Отчего же неодинаковость взгляда на дѣйствія того и другаго?

III.

Сочиненіе Беккариа противъ смертной казни, надѣлавшее такого шума въ Европѣ, появилось въ 1764 году. Съ этихъ поръ на западѣ обратили особенное вниманіе на уголовное законодательство, и начались въ немъ тѣ перестройки и передѣлки, конца которыхъ предвидѣть невозможно. Уголовное правосудіе Европы можно угодить весьма обширному зданію, въ которомъ каждый жилецъ передѣливаетъ фасадъ своей квартиры по своему вкусу, мало обращая вниманія на свойство матеріаловъ, употребляемыхъ имъ въ дѣло. Фундаментъ и планъ зданія остаются прежніе, и всё усилія архитекторовъ направлены только на то, чтобы выскоблить домъ снаружи и сообщить ему возможно большее внѣшнее разнообразіе.

Когда криминалисты, теоретики и практики, были вызваны къ новой умственной дѣятельности, то эта, небывалая для нихъ, работа поставила ихъ на первое время въ весьма затруднительное положеніе. Много десятковъ вѣковъ существовала Европа, отправляя ежегодно на тотъ свѣтъ десятки тысячъ людей, которыхъ по римскому праву и по ученію юристовъ слѣдовало непремѣнно стереть съ лица земли; много десятковъ вѣковъ Европа не знала другаго способа добиваться признанія, какъ употребляя для этого дыбы, раскаленные уголья, щипцы и т. п. Прозрѣя бывали случаи, что дѣвushку, заподозрѣнную въ кражѣ церковныхъ вещей, заставить подъ пыткой сознаться въ небылой винѣ, отрубать ей голову, и потомъ вдругъ оказывается, что вещи утащила сорока. Много вѣковъ ученые и неученые криминалисты упражнялись въ своей уголовной практикѣ, и каждый изъ нихъ былъ такъ глубоко убѣжденъ, что въ его лицѣ выражается небесное правосудіе, что не представлялось никакой необходимости дозволять себѣ какія либо размышленія по поводу уголовного права и его примѣненія. И вдругъ среди этой тиши, невозмущавшейся ничѣмъ со времени паденія Рима, среди механическаго исполненія уставовъ и законовъ, написанныхъ еще во времена очень отдаленной древности, упали, какъ бомба, новыя идеи. Многія головы, застигнутыя взрывомъ въ распахъ, пришли въ великое замѣшательство и недоумѣніе, ибо никакъ не могли постигнуть, что курнаго въ пыткѣ, въ колесованьи, четвертованьи, когда все это существуетъ

съ тѣхъ поръ, когда прародители европейцевъ двинулись въ первый разъ на западъ изъ Индіи. Фактъ безконечно долгаго существованія этихъ мѣръ доказывалъ лучше всего ихъ необходимость и неизбежность, значить и справедливость. И къ чему возставать противъ того, что «свѣтлено временемъ»? Это «свѣщеніе вратемъ» казалось всегда самымъ сильнымъ аргументомъ противъ всѣхъ нововведеній и лучшимъ доказательствомъ ихъ необходимости и даже негодности.

Новыя, болѣе осмысленныя, идеи прививались чрезвычайно туго къ головамъ, привыкшимъ думать по старому. Нужно было пройти 27 годовъ пражде, чѣмъ было возможно предложить вопросъ объ отиѣнѣ смертной казни даже во Франціи, гдѣ тогда умы были, по видимому, сильно настроены во всѣмъ нововведеніямъ. Народное собраніе не согласилось на отиѣну казни и только поставило не подвергать преступниковъ казни мучительной. Люди стараго закала видѣли даже и въ этомъ странный либерализмъ и опасались печальныя послѣдствій. Еще труднѣе шло это дѣло въ Англіи. Тамъ, только чрезъ 44 года послѣ появленія сомненія Беккариа, новыя понятія нашли на столько деступъ, что слѣдалось возможнымъ предложить кинуть казатъ отиѣну смертной казни за воровство-мошенничество. И парламентъ согласился. Это случилось въ 1808 году. Въ 1810 году представленъ были еще три проекта: отиѣнить смертную казнь за воровство изъ лавки, или изъ кладовой, на сумму до 5 миллионтовъ, за воровство изъ жилого строенія 40 миллионтовъ и за воровство съ судовъ. Но подобная отиѣна показалась парламенту невозможной. Въ 1814, 1813 и въ 1816 году вопросы эти были снова возбуждаемы, и всякій разъ находили отиѣну казни за воровство невозможной. Наконецъ только въ 1819 году была учреждена особая комиссія, которой поручено рассмотреть законы о смертной казни. Комиссія предположила уничтожить казнь за воровство; но предложеніе ея было встрѣчено рѣзкими нападками даже со стороны весьма ученыхъ юристовъ. Нападки эти происходили исключительно отъ величины учености и основывались на томъ положеніи уголовной политики (естъ даже и такая наука), что слѣшкомъ быстрыя преобразованія въ уголовныхъ законахъ и отиѣна смертной казни въ большихъ размѣрахъ повлечетъ въ усиленію преступленій. Только въ 1832 году пошло дѣло нѣсколько скорѣе и до 1840 года отиѣнена, нѣсколькими законами, смертная казнь за многія преступленія. Этотъ оче-

видный прогрессъ далъ нѣкоторымъ смѣлчачамъ рѣшимость войти въ парламентъ съ предложеніемъ о совершенной отмѣнѣ смертной казни, но большинствомъ 160 голосовъ противъ 90 предложеніе было отвергнуто. Согласились только ограничить казнь еще нѣскольکو, и назначили ее въ 11 случаяхъ. Въ 1847 году нѣкоторые члены парламента представили прошенія объ отмѣнѣ смертной казни уже со стороны жителей провинцій, и правительство нарядило по этому вопросу особую комиссію. Члены комисіи, занимавшія болѣе высшія государственныя должности, стояли за смертную казнь, такъ что и на этотъ разъ предложеніе было отвергнуто въ парламентѣ двойнымъ большинствомъ. Три года сряду возобновлялось предложеніе объ отмѣнѣ казни и всякій разъ было отвергаемо. Но вмѣстѣ съ тѣмъ однако каждый годъ уменьшалось число противниковъ, и въ 1850 году предложеніе было отвергнуто большинствомъ только 46 голосовъ противъ 40. Народъ былъ сильно противъ казни, такъ что во время ея совершенія дѣлались разныя неистовства, скандалы и беспорядки. Не смотря на все это, парламентъ не рѣшался на совершенную отмѣну казни, но только уменьшалъ число случаевъ ея назначенія, такъ что въ настоящее время она назначается только за предумышленное убійство и за самыя важныя государственныя преступленія. Такимъ образомъ оказалось даже мало ста лѣтъ, чтобы въ странѣ, стоящей во главѣ европейской цивилизаціи, накопились въ правительственномъ сословіи столько людей развитыхъ, чтобы вопросъ о смертной казни, давно уже поконченный въ теоріи, могъ бы быть осуществленъ на практикѣ.

Изъ исторіи вопроса о смертной казни въ Англіи можно видѣть, на какихъ слабыхъ корняхъ держится теорія уголовной политики. Къмъ и въ какомъ числѣ голосовъ рѣшался вопросъ о смертной казни? Рѣшали его всегда сто, двѣсти человекъ. Они рѣшали его не какъ представители шибной всей націи, а какъ представители своихъ личныхъ возрѣній. Въ то время, когда со всѣхъ концовъ государства шлются представленія объ уничтоженіи этого наказанія, когда народъ неистовствами во время казни выражаетъ прямое свое нерасположеніе къ этому жестокому установленію, *сорокъ шесть* голосовъ противъ сорока не соглашаются на то, чего желаютъ милліоны. И кто же эти лица? — Люди, занимающіе болѣе значительныя должности, т. е. люди, дорожащіе своимъ выгоднымъ положеніемъ и вслѣдствіе того дающіе особую цѣну своей жизни. Но будто бы

жизнь не также дорога и всякому человеку; будто бы бѣдняку она менѣе нужна, чѣмъ богачу; будто бы тѣ, кто вооружался противъ смертной казни, не умѣютъ цѣнить ее и также не желаютъ умереть подъ ножомъ убійцы, или быть ограбленными разбойникомъ? Для всѣхъ людей жизнь, свобода и имущество составляютъ величайшія блага, съ которыми никто не желаетъ разстаться. Но неужели изъ этого слѣдуетъ, что ихъ можно спасти только жестокостями. Звѣрство уголовного правосудія среднихъ вѣковъ не уничтожало ни убійствъ, ни разбоевъ, ни воровства; не уничтожить оно ихъ и впередъ. Опираясь на начала произвольной теоріи, криминалисты не замѣчаютъ, что они маскируютъ этимъ только свою неразвитость. Они говорятъ, что народъ долженъ быть подготовленъ постепенно къ болѣе мягкимъ наказаніямъ; но они забываютъ при этомъ одно, что народъ, страдающій отъ разныхъ жестокостей въ теченіе многихъ столѣтій, едва ли сдѣлалъ великій шагъ впередъ въ цивилизаціи, преподаваемой ему образованными людьми. Воръ, котораго сто лѣтъ тому назадъ повѣсили бы за одинъ шиллингъ, не отличается рѣшительно ничѣмъ отъ вора, ворующаго на одинъ шиллингъ въ 1864 году. Убійца и разбойникъ того времени не отличаются ничѣмъ отъ убійцы и разбойника нашего времени. Нравственныя понятія народа прежде и нынче остались одни и тѣ же; что онъ считалъ дурнымъ тогда, то для него душно и теперь; что тогда причиняло ему боль и страданія, то причиняетъ ихъ ему и нынче. Церемонны случались въ понятіяхъ и образѣ жизни не народа, а образованныхъ людей; но народу нужно было дойти до убѣжденія, что жестокость ужасна и мучительна, а нужно было дойти до этихъ понятій людямъ образованнымъ. Пока въ Англіи всѣ члены парламента смотрѣли одинаково на необходимость пытки, объ отиѣнѣ ея не могло быть и рѣчи. А между тѣмъ народъ оставался все тѣмъ же народомъ 10, 15, 20 лѣтъ назадъ, когда число защитниковъ пытки и смертной казни было все больше и больше.

Такимъ образомъ, то и другое разрѣшеніе уголовныхъ вопросовъ зависитъ исключительно отъ степени развитія лицъ, которымъ выпадаетъ на долю это дѣло. Въ этомъ причина разнообразія уголовныхъ иѣръ въ разныхъ государствахъ. Крошечный Мейнингенъ оказался потому жесточе маленькаго Саксенъ-Кобургъ-Гота, что его три юстицрата и два геррата имѣли менѣе познаній и болѣе слабыя мыслительныя способности, чѣмъ юстицраты Кобургскаго герцога. Въ

королевствѣ Виртембергскомъ вопросъ о супружеской вѣрности разрѣшался, разумѣется, женатыми гофратами съ турецкими понятіями о супружеской вѣрности, потому что за одну и ту же вину они положили подвергать жену заключенію отъ 6 недѣль до 3-хъ мѣсяцевъ, а мужа отъ 4 недѣль до 2-хъ мѣсяцевъ; если же согрѣшать не женатые, то дѣвушка заключается на 14 дней до 2 хъ мѣсяцевъ, а мужчина отъ 8 дней до 3-хъ недѣль. Особенно уравнительно наказаніе въ послѣднемъ случаѣ. Ужь не было ли между гофратами холостяковъ-ловеласовъ, или, можетъ быть, солидные нѣмцы припомнили свои молодые года, и потому подшутили такъ надъ уголовнымъ виртембергскимъ правосудіемъ?

Такъ какъ размѣръ уголовныхъ наказаній зависѣлъ отъ благоусмотрѣнія немногихъ криминалистовъ теоретиковъ и практиковъ и рѣдко находился въ согласіи съ мнѣніемъ народа или большинства, то въ практикѣ являлись безпрестанно случаи, когда старались обходить уголовный законъ. Такъ, когда Англія вѣшала за кражу въ 40 шиллинговъ, присяжные старались обыкновенно дѣлать опѣнку краденныхъ вещамъ ниже. Такъ, во Франціи, когда въ 1832 году дозволено было присяжнымъ находить обстоятельства, уменьшающія виновность, они начали пользоваться имъ весьма широко, лишь бы только смягчить жестокость карающаго закона. Одинъ русскій ученый юристъ, впрочемъ уже умершій, высказываетъ по этому случаю слѣдующее: «Присяжные, употребляя во зло предоставленное имъ право, смотря на это злоупотребленіе, какъ на доброе дѣло, какъ на благодѣяніе, которое они оказываютъ ближнимъ по чувству челоувѣколюбія, не разсуждая о томъ, что эти ближніе суть злодѣи, потерпѣвшіе въ благоустроенномъ обществѣ. Они даютъ присягу въ томъ, что будутъ судить по совѣсти, по внутреннему убѣжденію; но забываютъ важность ея и значеніе; провозносятъ приговоръ свой въ пользу, а иногда и во вредъ подсудимому, передъ Богомъ и передъ людьми, не по внутреннему убѣжденію въ виновности обвиняемаго, — противно совѣсти своей и религіи. Такимъ образомъ, клятвопреступленіе и криводушіе дѣлаются обыкновенными порочными присяжныхъ. Будучи призваны для рѣшенія однихъ фактическихъ вопросовъ, они обращаютъ вниманіе не столько на свойства противозаконнаго дѣйствія, въ которомъ обвиняютъ подсудимаго, не столько на признаки, означенные въ законѣ, сколько на послѣдствія, которыя оно влечетъ за собой, или другими словами — на родъ нака-

заний, определенных закономъ. Если это наказание несогласно съ ихъ личными понятіями, то они готовы пожертвовать истиной, при рѣшеніи вопроса о виновности подсудимаго, чтобы освободить обвиняемаго отъ заслуженнаго имъ наказанія, или по крайней мѣрѣ облегчить его судьбу. Такимъ образомъ уваженіе къ святости закона ослабляется и даже совершенно заглушается». Ученый юристъ говорить здѣсь такъ много о совѣсти и святости закона, что благочестивый читатель, разумѣется, содрогнется отъ гнуснаго поведения французскихъ присяжныхъ. Но откуда же г. юристъ знаетъ, что присяжные поступали не по совѣсти, или онъ читалъ въ ихъ душѣ? И неужели вся Франція набита такими безсовѣстными людьми, что нѣтъ возможности выбрать въ присяжные людей не криводушныхъ? Обвиненіе падаетъ на всѣхъ, а развѣ всѣ могутъ ошибаться? Было бы гораздо проще, если бы ученый юристъ взглянулъ на дѣло съ менѣе ученой точки зрѣнія; тогда бы онъ увидѣлъ, что если присяжные всей Франціи стараются обойти законъ, то очевидно, что, есть въ немъ противорѣчіе съ жизнью. Уваженіе къ святости закона, разумѣется, необходимо, но для этого также необходимо, чтобы и законъ былъ святъ. Уголовные, какъ и всякіе другіе человѣческіе законы, завися преимущественно отъ степени развитія людей, ихъ сочиняющихъ, не имѣютъ ничего общаго съ законамъ природы, дѣйствующими съ начала міра въ извѣстныхъ, постоянныхъ сочетаніяхъ и границахъ. Если бы уголовнымъ законамъ сообщить ту неизмѣняемость, какой отличаются, на примѣръ, законы химическихъ соединений, или законы тяжести, то человѣчество и до сихъ поръ могло бы оставаться при законахъ Мену. Гораздо проще измѣнять то, что не исполняется всѣми, чѣмъ поддерживать строгостью то, что не можетъ само собой держаться. Если не представлять присяжнымъ или судьямъ права заявлять настроеніе общественнаго мнѣнія въ дѣлахъ уголовного правосудія, то гдѣ же будетъ та истина и справедливость, о которой такъ хлопочутъ юристы? Что будетъ двигать впередъ уголовное законодательство? Возмущаясь воображаемымъ клятвеннымъ преступничествомъ французскихъ присяжныхъ и происходящимъ отъ того нарушеніемъ святости законовъ, авторъ умалчиваетъ о томъ оскорбленіи, какое наносили святости тѣхъ же законовъ ученые и неученые юристы, когда въ годы реакцій они возвращались къ отиѣненнымъ уже наказаніямъ, какъ это сдѣлали Саксонія, Гессенъ-Дармштатъ, Виртембергъ, Брауншвейгъ, или вводили снова палки, розги

и масса, какъ это сдѣлала Австрія. Поведеніе французскихъ и англійскихъ присяжныхъ служитъ только доказательствомъ того, что если бы ученые составители уголовныхъ законовъ соображались бы больше съ взглядами здравомыслящихъ, хотя и неученыхъ массъ, то уголовное правосудіе имѣло бы, разумѣется, большую святость и стойкость. Но какъ разныя теоретическія, сословныя и политическія соображенія не допускаютъ иногда смотрѣть безпристрастно на сущность общественныхъ отношеній и уважать многія справедливыя человѣческія требованія, то въ такихъ случаяхъ и является на выручку уголовная политика, наука на столько доминатная, что она умѣетъ всегда дать такой отвѣтъ, какой желаютъ отъ нея получить. Въ Пруссіи, напримѣръ, всѣхъ убійцъ и разбойниковъ судятъ судомъ присяжныхъ; но какъ нѣмцы присяжные въ нѣкоторыхъ случаяхъ поступали нисколько не лучше криводушныхъ и клятвопреступныхъ французовъ и англичанъ и смотрѣли на политическихъ преступниковъ снисходительнѣе, чѣмъ глядятъ на нихъ уголовныя уложенія, то прусскіе официальные юристы и юстицъ-раты нашли въ уголовной политикѣ указаніе, по которому оказалось возможнымъ судить политическихъ преступниковъ безъ присяжныхъ. Разумѣется, что въ рукахъ казенныхъ юристовъ уголовный законъ сохранить всю свою святость, чистоту и ненарушимость, и виновные найдутъ вполнѣ достойное возмездіе въ оковахъ, цѣпаніи пакли и другихъ подобныхъ внушительныхъ и отравляющихъ средствахъ, которыми прусскія тюрьмы составили себѣ европейскую извѣстность. Во Франціи, при подобномъ же обстоятельстве, уголовная политика оказала тоже несомнѣнную пользу. Въ сороковыхъ годахъ французамъ захотѣлось очень имѣть у себя тюрьмы, устроенныя для одиночнаго заключенія, и всѣ официальные юристы нашли эту мысль превосходной и одиночное заключеніе вполнѣ спасительнымъ для общаго спокойствія; но когда Наполеонъ выразилъ желаніе людей, смотрѣвшихъ на вещи иначе, чѣмъ онъ, отравить подальше, а тюрьмы преобразованія, неудовлетворявшія этой цѣли, отодвинуть на второй планъ, то официальные юристы департаментовъ, спрошенные по этому предмету, высказали въ своихъ отзывахъ мнѣнія совершенно противоположныя тѣмъ, которые они заявляли, когда была во Франціи мода на одиночное заключеніе. Въ 1847 г. они находили, что кельная система превосходна, а въ 1853 г. слезали, что она нигуда не годится. На юридическомъ языкѣ это называется — быть уголовнымъ политикомъ.

А для уголовной политики, какъ извѣстно, система устрашенія была главнымъ руководящимъ принципомъ. Болѣе ста лѣтъ тянется борьба по вопросу: быть или не быть этой системѣ. Всѣ ученые криминалисты согласны въ томъ, что ея не должно существовать, но когда дойдетъ дѣло до примѣненія теорій къ практикѣ, то въ нравительственныхъ сословіяхъ большинство остается всегда на сторонѣ теорій устрашенія. Деятнадцатое столѣтіе, разумѣется, пройдетъ все въ разрѣшеніи этого вопроса, и если ХХ столѣтіе начнется для европейскихъ государствъ уже незапятнаннымъ въ крови жертвъ уголовного правосудія, то историкъ замѣтитъ въ своей лѣтописи, что на борьбу мнѣній, для достиженія одинаковаго взгляда на это дѣло, образованнымъ сословіямъ Европы потребовалось 150 лѣтъ; — имъ потребовалось пережить шесть поколѣній. Когда покончатъ Европа съ теоріей устрашенія, тогда наступитъ очередь и для разрѣшенія другихъ уголовныхъ вопросовъ. Въ ХХ столѣтіи люди займутся, разумѣется, уничтоженіемъ всякихъ видовъ тѣлеснаго наказанія и пытокъ, которыя ХІХ столѣтіе, гордащееся своимъ быстрымъ прогрессомъ, называетъ болѣе мягкимъ юридическимъ терминномъ — усиленіе заключенія. Такъ какъ это «усиленіе» имѣетъ своей спеціальной цѣлью сдѣлать, какъ можно больше, физическихъ страданій заключенному, и въ полной своей системѣ изображается розгами, палками, оковами, спирительными куртками, желѣзными ошейниками, перетаскиваніемъ безъ нужды съ мѣста на мѣсто разныхъ тяжестей, содержаніемъ на хлѣбѣ и на водѣ, заключеніемъ въ спирительную комнату, въ темный карцеръ и т. п., то человѣку, неотуманенному мажншею ученостью, «усиленіе» это кажется ни больше, ни меньше, какъ сжатой пыткой среднихъ вѣковъ. Если нужны факты въ подтвержденіе того, что жестокость судей и слѣдователей доводитъ и нынче до признанія въ небывалой випѣ, то мы напомнимъ читателю, что года два тому назадъ женщина, заподозрѣнная во Франціи въ убійствѣ своего отца, созналась въ этомъ преступленіи, и когда судъ былъ уже готовъ подписать ей смертный приговоръ — открылся настоящій убійца. Женщина знала, что ее ожидаетъ за такое сознаніе и все-таки созналась, потому что ей казалась легче положить голову подъ топоръ гильотины, чѣмъ вынести долгие отвратительную яму, которую французы изъ юридической деликатности называли тюрьмой. Что же касается до вопросовъ, которые займутъ юристовъ въ ХХІ столѣтіи, то на счетъ точнаго опредѣленія ихъ, имѣть съ

вами, читатель, заботиться особенно не за тѣмъ—ни мы, ни наши дѣти не дожидать до этого времени; вѣрно только одно, что, судя по быстротѣ, какой отличалось до сихъ поръ уголовное законодательство Европы, теоріи современныхъ, передовыхъ мыслителей едва ли осуществляются даже и въ XXV вѣкѣ.

Существующая нынче, система устрашенія вѣлась въ теченіе вѣковъ такъ крѣпко въ тѣло и кровь криминалистовъ, что даже тѣ изъ нихъ, которые возстаютъ противъ нея въ теоріи, считаютъ ее необходимой на практикѣ. Они требуютъ, чтобы тюрьмы имѣли мрачный, отталкивающій видъ, чтобы человѣческое воображеніе рисовало себѣ за этими стѣнами разныя, возбуждающія ужасъ, картины, чтобы людямъ чудился скрежетъ зубовъ и стоны страдальцевъ. Все это, разумѣется, и существуетъ болѣе или менѣе; но къ сожаелѣнію устрашеніе все-таки не достигаетъ своей цѣли и не уменьшаетъ числа преступленій. Знаютъ это и криминалисты-практики и, не смотря на то, все-таки настаиваютъ на необходимости устрашенія, вся тяжесть котораго падаетъ, разумѣется, на несчастныхъ заключенныхъ, не дѣлая чрезъ то свободныхъ людей особенно добродѣтельными. Но хорошо ли уславивать страданіе одного только для того, чтобы удерживать другаго отъ проступка, который онъ, можетъ быть, и безъ того не сдѣлаетъ? Какой въ этомъ расчетъ, и кто выиграетъ отъ этого?

Метода устрашенія есть одно изъ тѣхъ общечеловѣческихъ заблужденій, начало котораго, какъ и вообще почти всѣхъ заблужденій, кроется въ первобытномъ, дикомъ бытѣ людей. Она распространена такъ повсемѣстно, что составляетъ одну изъ коренныхъ основъ семейнаго воспитанія. Страхомъ возбуждаютъ почтеніе, страхомъ поддерживаютъ послушаніе, прилежаніе, обуздываютъ шаловливость. Метода эта передается наследственно изъ поколѣнія въ поколѣніе и для неразумныхъ людей служитъ руководителемъ въ ихъ дальнѣйшихъ отношеніяхъ и къ своимъ домашнимъ, и къ своимъ подначальнымъ. А между тѣмъ неудовольствіе, выраженное взглядомъ, дѣйствуетъ гораздо лучше крѣпкого слова. Мы не хотимъ этимъ сказать, чтобы разбалованнаго магурника и записнаго вора или разбойника можно было заставить измѣнить свой образъ жизни неудовольствіемъ, выраженнымъ ему взглядомъ судьи; мы указываемъ только на причину, поддерживающую въ уголовной практикѣ систему устрашенія, которая тѣсно связана съ нашимъ семейнымъ бытомъ и воспитаніемъ. Когда мы, образованные люди, начнемъ сами получать лучшее вос-

питаніе, когда мы очистимъ нашъ семейный бытъ отъ турецкихъ понятій и восточнаго произвола, когда мы приучимся думать больше и умнѣе того, какъ мы это дѣлали до сихъ поръ, то и положеніе, и судьба людей, страдавшихъ не потому, чтобы это было для нихъ нужно, а исключительно отъ невѣжества и неразвитости людей, улучшится непременно. Мы опять приходимъ къ высказанной уже выше мысли, что страданія людей зависятъ не отъ тѣхъ, кто страдаетъ, а отъ тѣхъ, кто заставляетъ ихъ страдать. Устрашители, разумеется, не обращали никогда вниманія на то, на сколько страхъ, внушаемый воспитаніемъ, развращаетъ и портитъ людей; они не хотѣли знать, на сколько устрашеніе и жестокости дѣлаютъ дурнаго человѣка — хуже, и преступника — преступнѣе. Имъ казалось, что устрашеніе и строгія наказанія удерживаютъ людей отъ повторенія преступленій, но никто изъ нихъ не хотѣлъ заглянуть въ душу наказаннаго или измученнаго тюрьмой человѣка и опредѣлить, какое произвели на него впечатлѣніе жестокія мѣры. Такъ, люди требующіе внѣшняго уваженія, не заботятся о томъ, уважаютъ ли ихъ дѣйствительно или нѣтъ, лишь бы были соблюдены наружные признаки почтенія. Этой же теоріи держатся и устрашители; они смотрятъ на человѣка, какъ на дикаго звѣря, и укрощаютъ его, какъ укрощаютъ мустанговъ въ Техасѣ. Визжить и стонеть отъ боли бѣдный мустангъ, когда вырванный лассо изъ стада опъ чувствуетъ на шеѣ петлю, останавливающую его дыханіе, когда четырехвершковая шпора промываетъ ему бока, а двухфунтовый мундштукъ ломаетъ ему зубы, какъ бы сѣрные спички. Во всю жизнь свою не забываетъ мустангъ этихъ страшныхъ минутъ, онъ дрожитъ всѣми членами, когда покажутъ ему потомъ ужасное лассо. Что же, значитъ способъ хорошъ, мустангъ укрощенъ? Ну, разумеется; если только не обращать вниманія на то, что мустангъ сдѣлался самымъ коварнымъ и злымъ звѣремъ, что въ немъ изощрились необычайно осторожность и изобрѣтательность.

IV.

Сказано выше, что квакеры подъ вліяніемъ филантропическихъ идей, придумали одиночное заключеніе, какъ средство исправленія преступника. Чтобы осуществить вѣрнѣе свою теорію, они ввели въ

своихъ пантенціаріяхъ самыя строгія уставы; но они забыли только, что исправляемый ими преступникъ не имѣетъ ничего общаго съ монахомъ. Всѣ теоріи, основанныя на мысли исправленія, разыгрываютъ въ уголовной практикѣ ту же роль, какую въ экономическихъ вопросахъ общества — посѣщенія бѣдныхъ и вспомоствованія по подпискѣ. Какъ послѣднія не уменьшаютъ бѣдности, такъ первыя не уменьшаютъ преступленій и не исправляютъ никого. Предположимъ, что одиночному заключенію подвергаютъ человѣка за воровство, какъ ремесло. Предположимъ, что этотъ человѣкъ родился отъ нищей, что онъ выросъ на улицѣ, что онъ воспитался въ протягиваніи рукъ проходящимъ и въ выпрашиваніи милостыни, что его товарищами были подобныя же ему дѣти, что его окружалъ міръ воровъ, мазурниковъ всякаго сорта, грабителей и даже убійцъ; предположимъ наконецъ, что недовольный своимъ нищенскимъ заработкомъ, онъ пришелъ къ мысли, что воровство выгоднѣе и, взявъ нѣсколько теоретическихъ и практическихъ уроковъ, пустился въ эту новую промышленность, удобно занимался ею уже нѣсколько лѣтъ, но, разъ забывъ нѣкоторыя мѣры осторожности, попался и очутился въ тюрьмѣ. Этого полуграмотнаго человѣка заставить слушать проповѣди, изъ которыхъ онъ ничего не понимаетъ, — не понимаетъ потому, что весь свой вѣкъ толкался по перекресткамъ, или залѣзалъ въ чужіе карманы... Кто и какъ объяснить ему его прошлое? Кто и какъ возбудить въ немъ раскаяніе? Раскаиваться можетъ только тотъ, у кого впечатлѣнія первой молодости приходятъ въ противорѣчіе съ впечатлѣніями послѣдующей жизни. Въ человѣкѣ, воспитавшемся въ нравственной средѣ и потомъ измѣнившемъ свое положеніе, можно возбудить эти первыя впечатлѣнія, и воспоминаніе о лучшемъ прошломъ вызоветъ въ немъ особое горькое чувство, и недовольство собой въ настоящемъ, которое зовутъ раскаяніемъ, или укоромъ совѣсти. Но развѣ у нищаго по рожденію и вора съ первыхъ шаговъ въ жизни есть какое нибудь особое прошлое, рѣзко отличающееся отъ его настоящаго? Развѣ онъ не воспитался съ пеленокъ въ особой практикѣ и въ особыхъ понятіяхъ, которыя онъ усвоивалъ по тому же закону и такъ же прочно, какъ усвоивали люди другой сферы понятія цивилизованныхъ людей? Житель архипелага, Фишди, видѣвшій еще ребенкомъ, какъ его почтенные родители жарили живьемъ людей въ печкахъ и потомъ ѣли ихъ, и получившій вкусъ и привычку къ человѣчинѣ, развѣ можетъ когда нибудь

почувствовать угрызение совести за свое прошлое и раскаяться въ людодѣдствѣ? Развѣ француза можно заставить раскаяться въ томъ, что онъ не американецъ, или американца въ томъ, что онъ не французъ? По особеннымъ условіямъ рожденія, воспитанія и жизни нищие, мошенники и воры составляютъ нѣчто цѣлое, вполне своеобразное; они, какъ особая національность, живутъ среди людей иного происхожденія и иного міросозерцанія. Во Франціи семь милліоновъ людей, средства существованія которыхъ неизвѣстны; чѣмъ же живутъ эти люди, какъ не воровствомъ и мошенничествомъ? Такой милліонъ составляетъ, разумѣется, праздную организацію, живетъ своими исключительными понятіями, подчиняется особеннымъ правиламъ. Какимъ же путемъ благочестивыя бесѣды квакера или пастора заставляютъ человѣка, выхваченнаго изъ такой среды, проникнуться новымъ свѣтомъ и отрѣшиться отъ своей мазурнической національности, когда человѣку извѣстенъ только одинъ путь жизни, и пока онъ живетъ при тѣхъ обстоятельствахъ, которые сдѣлали его воромъ, ему нельзя быть ничѣмъ инымъ? И онъ самъ знаетъ это очень хорошо и, разумѣется, разсуждаетъ въ этомъ отношеніи много правильнѣе тѣхъ, кто заботится объ его исправленіи. Очувшившись въ тюрьмѣ, онъ винитъ себя, разумѣется, не въ томъ, что воровалъ, а что воровалъ неловко. Зная, что онъ продуктъ общества, въ которомъ живетъ, признавая себя членомъ особой корпораціи, воръ убѣжденъ глубоко, что ему нельзя было поступать иначе и онъ перечислитъ вамъ по пальцамъ всѣ причины, по которымъ ему нельзя было быть ничѣмъ другимъ, кромѣ вора. Но зная въ то же время, что однимъ изъ условій скораго его освобожденія изъ тюрьмы есть раскаяніе, благочестіе и хорошее поведение, воръ, умѣвшій обманывать и хитрить на свободѣ, пускаетъ въ ходъ свои способности и въ тюрьмѣ. Онъ прикидывается раскаявшимся, принимаетъ благочестивую наружность, исполняетъ въ точности всѣ тюремныя уставы и въ то время, какъ онъ морочитъ такъ почтенныхъ квакеровъ и своихъ духовныхъ отцовъ, эти воображаютъ, что имъ удалось навести на путь истины заблудшую душу и выпускаютъ ее на свободу.

Эта система заключенія, кромѣ ошибочности своей основной мысли, оказывается еще чрезвычайно вредной для здоровыхъ арестантовъ. Никогда не замѣчалось въ Англии такого большаго числа страдающихъ умственнымъ разстройствомъ, помѣшательствомъ и бѣшенствомъ, какое было замѣчено въ тюрьмахъ одиночнаго заключенія. Въ отчетѣ

тахъ, представленныхъ парламенту о вліяніи одиночнаго заключенія на здоровье, помѣщены цѣлыя ряды цифръ, изъ которыхъ видно, что сумасшествіе доходило до громаднаго размѣра—двѣнадцать процентовъ; что для многихъ больныхъ приходилось испрашивать прощеніе, чтобы спасти ихъ отъ окончательнаго упомишательства, что начавшееся расстройство умственныхъ способностей приостановили только помѣщеніемъ одиночныхъ въ сообщество съ другими арестантами, гдѣ они и выздоравливали. Точно также замѣчена и болѣе усиленная смертность. То и другое уменьшилось, когда смягчили строгость заключенія. Обстоятельства эти были однимъ изъ главныхъ поводовъ, почему, по представленію лорда Пальмерстона, одиночное заключеніе ограничено въ Англіи 9-ю мѣсяцами. Во Франціи также между причинами, почему правительство Наполеона III не нашло возможнымъ ввести одиночное заключеніе, показаны: вредное вліяніе его на здоровье, частые случаи помѣшательства; кромѣ того, правительство нашло, что это наказаніе противно природѣ челоуѣка и божественнымъ законамъ, что оно не исправляетъ преступника, а только ожесточаетъ и раздражаетъ его, и безъ нужды увеличиваетъ его страданія. Только одна Германія осталась вѣрна принципу одиночнаго заключенія съ намордниками и длинными проповѣдями пасторовъ. Хотя ученые нѣмцы криминалисты и раздѣляются по этому вопросу на два лагеря—одни защищаютъ одиночное заключеніе, и признаютъ его превосходной и даже единственной исправительной и карательной мѣрой, другіе, напротивъ, не признаютъ за нимъ этихъ качествъ, тѣмъ не менѣе въ практикѣ продолжаютъ существовать во многихъ государствахъ самыя строгія пенитенціаріи, а прусское правительство даже производитъ надъ наказанными опыты, замѣняя по произволу, административнымъ порядкомъ, приговоры судовъ къ тюремному заключенію заключеніемъ одиночнымъ. Впрочемъ, вообще теорія кванкеровъ можетъ считать свое дѣло проиграннымъ въ Европѣ. Доказательствомъ этого служить то, что почти повсемѣстно, гдѣ принимаются за устройство тюремъ для одиночнаго заключенія, вводятъ въ нихъ порядоки оборнскій. Разуиѣтся, и въ этихъ случаяхъ пенсильванскимъ началомъ оставлено широкое поле! чтеніе душеспасительныхъ книгъ, наставленія, проповѣди и возбужденіе благочестивыхъ размышленій играютъ весьма важную роль; но за то рядомъ съ этимъ даютъ наказаннымъ возможность заниматься физическими трудами и не доводятъ заключенныхъ систематически до

апатіи, тупоумія, полного упадка нравственныхъ силъ и сумасше- ствія, къ чему такъ стремится филдольфійская система. Такое улуч- шеніе не дѣлаетъ, однако, оборнскую систему особенно привлека- тельной для арестантовъ, потому что одиночество зашѣнено въ ней чуть ли не болѣе тяжкимъ испытаніемъ—строгимъ молчаніемъ. Медицинская статистика хотя и не опредѣлила до сихъ поръ, на сколько молчаніе вредитъ организму, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы тутъ не было вреднаго вліянія. Ужъ самый фактъ выбора молчанія, какъ средства наказанія, показываетъ, что практики-юристы понимали очень хорошо, какъ тяжело для человѣка подобное лише- ніе. И дѣйствительно, видѣть себя въ обществѣ людей, проводить съ ними весь день въ работѣ—и молчать, это такое счастливое изобрѣтеніе современной юридической науки, подобныхъ которому уголовная практика насчитаетъ у себя очень немного. Въ какой степени трудно арестантамъ молчать, видно уже изъ того, что почти единственная провинность, за которую ихъ наказываютъ при заклю- ченіи по оборнской системѣ, заключается въ нарушеніи этого условія.

Тюремное заключеніе, получивши въ XIX вѣкѣ такое повсемѣст- ное развитіе, какъ самостоятельное наказаніе, чего не было прежде, обязано въ этомъ случаѣ своимъ разнообразнымъ свойствамъ, удов- летворившимъ идеалу наказанія, составленному криминалистами. Имъ казалось, что заключеніе весьма исправительно, потому что заклю- чаетъ въ себѣ столько мелочныхъ, но весьма тягостныхъ разнооб- разій для преступниковъ, что одно изъ нихъ должно непременно подѣйствовать на его закоснѣлую душу. Если не дѣйствуетъ заклю- ченіе общее, можно подвергнуть его заключенію одиночному; оди- ночное заключеніе можетъ быть въ свѣтлой, а можетъ быть и въ темной, а въ крайнемъ случаѣ даже и въ мучительной исправитель- ной комнатѣ. Если не помогаетъ это—есть розги, смирительныя куртки, хлѣбъ и вода, тугое колесо и т. д. Эти же самыя пособія дѣлаютъ тюрьму и устрашительной не только для преступника, но и для всякаго порядочнаго человѣка, рисующаго себѣ съ ужасомъ тѣ истязанія, которымъ можетъ быть подвергнуть человѣкъ въ тю- ременныхъ стѣнахъ. Что же касается до дѣлимости, то, разумѣется, ни одно наказаніе не въ состояніи сравниться въ этомъ отношеніи съ тюрьмой. Розги, хотя, по видимому, тоже весьма дѣлимы, потому что, начиная съ одного удара, ихъ можно довести постепенно, прибавляя по одному, до 1000 и даже болѣе, такъ что есть полная возмож-

ность назначать это наказаніе вполнѣ соотвѣтственно винѣ; хотя розги при этомъ имѣютъ еще и другую неоцѣнимую выгоду—дешевизну; выпорожь виноватаго и отпустилъ его, тогда какъ тюрьмы стоятъ большихъ денегъ; напримѣръ, во Франціи тратится на нихъ ежегодно болѣе 17 милліоновъ франковъ,—тѣмъ не менѣе преимущество остается все-таки за тюрьмами, и дѣлимость этого наказанія много выше. Судья, владѣющій даромъ провидѣнія и могущій читать душу преступника, какъ свой уголовный кодексъ, пользуясь благодѣтельной дѣлимостью времени на годы, мѣсяцы, недѣли, сутки, часы, минуты и секунды, можетъ назначить заключеніе въ такой дробной величинѣ, которая будетъ соотвѣтствовать вполнѣ данному случаю. Разумѣется, при глазомѣрномъ опредѣленіи срока заключенія судья не пользуется этой дѣлимостью времени, такъ что одинъ преступникъ, болѣе жалостнаго вида, можетъ подкупить его своимъ кажущимся раскаяніемъ и просидитъ меньше, чѣмъ бы ему слѣдовало по винѣ, а другой преступникъ, болѣе откровенный и честный, можетъ не понравиться своей рѣшительной рѣчью, вызванной минутнымъ раздраженіемъ, и потому только, что онъ не фальшивитъ и не морочитъ судью, просидитъ въ тюрьмѣ нѣсколько лишнихъ не только секундъ, минутъ, часовъ, но даже нѣсколько мѣсяцевъ, или пожалуй и лѣтъ. Криминалисты и сами знаютъ, что ихъ приговоры неточны, но они объясняютъ это тѣмъ, что въ дѣлахъ человѣческихъ совершенство невозможно. Въ такомъ случаѣ за чѣмъ приписывать такую стойкость уголовнымъ законамъ и своимъ приговорамъ, чтобы не допускать сокращенія наказанія, назначеннаго уже разъ судомъ? Правда, этого правила не держатся строго въ Англии, и преступникъ, назначенный къ восьмилѣтнему заключенію, въ случаѣ добраго поведенія можетъ быть освобожденъ и ранѣе съ разрѣшенія министра. Но эта мудрая мѣра не находитъ себѣ повсемѣстнаго подражанія, и уголовные законы какой либо страны тѣмъ от нея дальше, и хлопочуть тѣмъ больше о внушеніи къ себѣ уваженія и о поддержаніи своего достоинства упорной стойкостью, чѣмъ они менѣе совершенны. Эта черта больше ничего, какъ повтореніе въ области уголовного законодательства того, что мы встрѣчаемъ безпрестанно въ повседневной жизни. Люди, не слишкомъ богатые внутренними достоинствами, стараются внушать къ себѣ уваженіе внѣшней недоступностью; чтобы казаться основательными и твердыми въ своемъ образѣ дѣйствій и въ своихъ убѣжденіяхъ, они при-

крываются тѣмъ упорнымъ и безпощаднымъ упрямствомъ, которое не позволяетъ имъ сознаться громко ни въ одной своей ошибкѣ, не позволяетъ имъ исправить ни одну изъ ихъ несправедливостей.

Разумѣется, замѣчаніе это относится только до отстающихъ судей и юристовъ; криминалисты же болѣе умные, и слѣдовательно болѣе передовые, находятъ вполне справедливымъ не держаться слѣпо приговоровъ судовъ и считаютъ необходимымъ смягчать въ послѣдствіи тяжесть и размѣръ наказанія, если по личнымъ качествамъ преступника это будетъ необходимо. По ихъ мнѣнію, такая податливость соответствуетъ вполне принятой теперь теоріи исправленія. За чѣмъ мучить человѣка напраснымъ наказаніемъ, когда онъ исправился? Наказаніе въ этомъ случаѣ можетъ только ослобить и ожесточить человѣка. Все это совершенно правильно, но къ сожалѣнію трудно опредѣлимо въ практикѣ; квакеры думали тоже, что воръ, начитавшійся у нихъ библіи, сдѣлается инымъ человѣкомъ; но на дѣлѣ онъ оставался тѣмъ же воромъ. Впрочемъ и сами передовые криминалисты знаютъ очень хорошо, что современные тюрьмы Европы рѣшительно не приносятъ той пользы, какой отъ нихъ ожидали. Только это убѣжденіе, выведенное, разумѣется, изъ опыта и наблюденія, заставило отказаться отъ филадельфійской и отъ оборнской системы въ ихъ первоначальномъ видѣ. Ирландцы повели свое нравственное исправленіе преступниковъ гораздо дальше и, не ограничиваясь придуманными ими переходными тюрьмами, гдѣ преступникъ пользуется полусвободой, они думали еще о томъ, чтобы человѣка, выпущеннаго изъ тюрьмы, пристроить къ мѣсту, а не выталкивать его на улицу безъ средствъ къ жизни, потому что это значитъ заставить его залѣзть въ карманъ перваго проходящаго. Систему эту теоретики и практики считаютъ лишней; но къ сожалѣнію, изъ 277 милліоновъ европейскаго населенія этимъ уголовнымъ благодѣяніемъ пользуются только $6\frac{1}{4}$ милліоновъ ирландцевъ; изъ числа болѣе чѣмъ полуторы тысячи тюремъ, только три устроены для этой цѣли, и изъ числа милліона людей, составляющихъ постоянное населеніе тюремъ, только 200 человѣкъ или точнѣе отъ 150 до 180, содержатся по этому способу. Выражая эти цифры процентнымъ содержаніемъ окажется, что тюрьмы наилучшей системы составляютъ 0,2% всего числа европейскихъ тюремъ, а заключающіеся въ нихъ преступники только 0,02% всего числа заключенныхъ. Въ остальныхъ же тюрьмахъ Европы грязь, развратъ и лишенія въ самомъ

необходимостъ для человѣка, даже въ клочкѣ соломы для постели; въ другихъ хотя содержаніе и лучше, но преступникъ точно также предоставленъ на произволъ своей судьбы—отсидѣлъ свои годы, и его выпускаютъ на всѣ четыре стороны, дѣлай что знаешь, а попался опять—пойдешь въ каторгу; наконецъ, въ третьихъ, устроенныхъ по американской системѣ, и которыхъ въ цѣлой Европѣ едва-ли наберется двадцать, человѣка, подъ видомъ исправленія, упражняютъ въ обманѣ и лжи, и послѣ срока выталкиваютъ вонъ—иди, куда знаешь. При повсемѣстномъ господствѣ системы устрашенія, въ такомъ порядкѣ вещей, разумѣется, нѣтъ ничего чрезвычайнаго; но какъ ни грѣшно криминалистамъ толковать о прогрессѣ, когда онъ едва замѣтенъ; или ихъ прогрессъ относится только до вопроса о смертной казни, а о тюрьмахъ они начнутъ разсуждать съ ХХ-го столѣтія? Или недостатокъ средствъ не позволяетъ имъ предпринять какія нибудь коренныя преобразованія? И это правда: когда заговорили во Франціи о тюремныхъ преобразованіяхъ, то правительство пришло въ великое затрудненіе, не зная, гдѣ взять для этого дѣла двѣсти тысячъ франковъ; но то же правительство не затруднялось нисколько занять 300 милліоновъ на мексиканскую войну. Разумѣется, война важнѣе и благотѣльнѣе для Франціи, чѣмъ хорошо устроенныя тюрьмы; двадцать вѣковъ содержатся преступники въ северныхъ тюрьмахъ, двадцать вѣковъ дѣлаются на нихъ испытанія разныхъ хитро измышленныхъ и мучительныхъ истязаній.

Наконецъ нужно замѣтить, что въ уголовной практикѣ, какъ и во всея, переѣсъ остается за людьми рутины, которыхъ еще до сихъ поръ слишкомъ вездѣ много, не исключая даже передовой Англій. Современный тюремный порядокъ Европы есть выраженіе понятій только отсталыхъ людей, которые не считаютъ возможнымъ устроить что нибудь новое и лучшее совсѣмъ не потому, чтобы это новое было нехорошо, а потому, что они не въ состояніи обнять весь вопросъ во всей его совокупности и рѣшиться на тѣ коренныя реформы, отъ которыхъ зависитъ дѣйствительное благосостояніе и безопасность общества. Гораздо проще отрубить преступнику голову или засадить его на цѣпь въ тюрьму, чѣмъ хлопотать о его перевоспитаніи или устранять въ общественной жизни причины, создающія преступленія. Вся заботливость этихъ людей ограничивается только тѣмъ, что они стараются время отъ времени сдѣлать какія нибудь вышнія улучшенія—вести вентиляторъ, помѣстить арес-

тантовъ просторнѣе, чаще выводить ихъ на свѣжій воздухъ. Похвально и такое вниманіе, но только его далеко еще недостаточно. Рутинеры остаются вѣрны своему основному взгляду, существующему въ уголовномъ правосудіи двадцать вѣковъ. По прежнему на первомъ планѣ стоитъ свободная воля и криминалисты увѣряютъ, что зависитъ вполне отъ человѣка украсть или не украсть, убить или не убить. Для нихъ общество, въ которомъ дѣйствуетъ преступникъ, какъ будто не существуетъ; имъ кажется, что каждый человѣкъ есть совершенно отдѣльный особнякъ, нисколько не зависящій отъ людей, его окружающихъ, и отъ обстоятельствъ, заставляющихъ его дѣйствовать такъ, а не иначе.

Если продолжать смотрѣть на дѣло такими глазами, то очевидно, что противъ преступной воли можетъ быть только одно средство — наказаніе, и чѣмъ воля преступитѣ, тѣмъ наказаніе должно быть строже. Но не смотря на простоту подобнаго взгляда, облегчающаго весь процессъ уголовного правосудія, практикѣ придется наконецъ усвоить иные приципы и взглянуть нѣсколько поглубже на сущность и происхожденіе преступныхъ дѣйствій. Подобный переломъ можетъ совершиться однако съ большимъ трудомъ, ибо уголовный вопросъ долженъ быть перенесенъ въ сферу экономическую; не для всѣхъ государствъ это одинаково возможно, и потому реформы въ уголовномъ правосудіи пойдутъ тѣмъ медленнѣе, чѣмъ труднѣе будетъ согласить вопросы экономическіе съ вопросами уголовными. Государства, для которыхъ подобное дѣло оважется невозможнымъ, будутъ еще долго томить своихъ преступниковъ въ тюрьмахъ, будутъ еще долго заставлять ихъ переносить съ мѣста на мѣсто ядра, и запираетъ ихъ въ одиночныя и исправительныя комнаты. Въ какомъ вѣкѣ наступитъ конецъ всѣмъ этимъ мученіямъ—предвидѣть нельзя; но криминалисты нашего времени понимаютъ вполне не только всю ихъ бесполезность, даже болѣе — ихъ вредное, развращающее вліяніе на тѣхъ, кого уголовное правосудіе клеймитъ именемъ преступниковъ.

У.

Въ числѣ всѣхъ преступленій, судимыхъ ежегодно уголовнымъ судомъ, 80% составляютъ преступленія противъ собственности; цифра

эта относительно одинакова во всѣхъ государствахъ Европы. Въ остальныхъ 20%⁰ заключаются преступленія противъ личности, какъ-то: разныхъ видовъ смертоубійства, преступленія противъ нравственности, религіи и преступленія государственныя. Если въ преступленіяхъ противъ личности обратить вниманіе на основныя побужденія, вызывающія на нихъ, то окажется, что большая часть изъ нихъ должна быть причислена тоже къ преступленіямъ противъ собственности. Почти всѣ смертоубійства совершаются не ради смертоубійства, а для приобрѣтенія. Разбойникъ и человекъ, убивающій при грабежѣ, убиваютъ не безразлично, безъ всякихъ поводовъ и причинъ; они дѣлаютъ это только ради самозащиты, чтобы скрыть свои слѣды, чтобы усунуть обвинителей, или чтобы уничтожить сопротивление. Между грабителями и разбойниками есть многіе, неодобряющіе систему убійства; они находятъ, что убивать при грабежѣ безъ крайней нужды весьма опасно, потому что смертоубійства вызываютъ болѣе тщательныя розыски; другіе же, менѣе расчетливые и болѣе трусливые, гораздо щедрѣе на убійства, и думаютъ, что этимъ они скроютъ лучше свое грабительство. Грабители-смертоубійцы въ сущности тѣ же воры, но только болѣе рѣшительнаго характера, довольствующіеся мелочами и мошенничествами, а совершающіе свое дѣло въ болышомъ размѣрѣ. Мелкій воришка, запустившій руку въ чужой карманъ и пойманный на дѣлѣ, отдается безъ сопротивленія полицейскому, тогда какъ грабитель и разбойникъ идетъ смѣло къ вамъ, беретъ, что ему нравится и, если покажется ему нужнымъ, — убиваетъ. Изъ людей этого сорта создавались олибустьеры и браконьеры. Многіе изъ олибустьеровъ составили себѣ весьма громкую извѣстность. Но времена перемѣнились, и бывшіе олибустьеры утратили свой характеръ и превратились въ простыхъ разбойниковъ и грабителей т. е. воровъ высшаго разряда, совершающихъ свои дѣла съ особенной смѣлостью и энергіей, которыхъ не достаетъ у обыкновенныхъ мошенниковъ и воришекъ. Остальные убійцы, убивающіе не ради грабежа, а по страсти — изъ мести, ненависти, ревности и т. п. составляютъ не болѣе 2%⁰ общаго числа смертныхъ случаевъ. Въ преступленіяхъ государственныхъ (мы исключаемъ преступленія политическія) замѣчается тотъ же утилитарный характеръ; фальшивый монетчикъ, контрабандистъ, руководствуются тѣми же побужденіями, которыя вызываютъ людей на воровство, кражу и грабежъ. При однихъ обстоятельствахъ человекъ выйдетъ фальшивымъ монетчикомъ,

при другихъ отъ вышала бы верою, потому что характеръ экономической дѣятельности зависитъ исключительно отъ среды и отъ умелый теоретическаго и практическаго образованія. Такимъ образомъ можно принять безъ всякаго преувеличенія, что изъ 100 преступлений, открываемыхъ уголовнымъ судомъ, 95 имѣютъ исключительно экономическій характеръ. Не смотря на кажущееся разнообразіе этихъ преступленій и различіе, установленное между ними уголовными законами, различіе, основанное на вѣдѣніяхъ призначалъ и на теоретическомъ представленіи о большей или меньшей ихъ опасности для общества — коренная сущность этихъ преступленій остается одна и та же: стремленіе къ приобретенію средства существованія и, въ большей части случаевъ, желаніе набѣгнуть гонима в крайней нищезы.

Вопросъ, поставленный такимъ образомъ, повлечетъ взглянуть на мошенниковъ, воровъ и разбойниковъ, наказываемыхъ уголовнымъ правосудіемъ съ меньшей суровостью, чѣмъ это дѣлаютъ нынче уголовные законы.

Европейскіе суды судятъ и наказываютъ ежегодно около милліона людей за воровство разныхъ видовъ. Но не слѣдуетъ думать, что этимъ милліономъ и ограничивается число всѣхъ претендентовъ на чужую собственность. Если бы каждый воръ былъ убѣжденъ, что онъ будетъ пойманъ на первой же кражѣ, то воровство существовать бы не могло. Воровство — своего рода мореплаваніе. Когда бы каждый корабль и пароходъ разбивался бурей и тонули, то никто бы не сталъ ѣздить моремъ. Тонуть только весьма немногіе мореходы, точно такъ же, какъ лезутъ и предаются суду только немногіе воры и мошенники. Человекъ, живущій воровствомъ, подвергается иногда на своемъ поприщѣ болѣе десяти лѣтъ, прежде чѣмъ его поймутъ, а другой и до конца своихъ дней не увидитъ ни разу ни полиціи, ни суда. Разумѣется, нельзя опредѣлить точной цѣной число всѣхъ воровъ, но, вѣроятно, принятая нами цѣна будетъ менѣе действительной, если мы предположимъ, что попадаютъ на казенъ правосудія только 10%. Если это вѣрно, въ такомъ случаѣ людей, занимающихся такой промышленностью, нужно считать въ Европѣ не менѣе 10 милліоновъ.

Мошенникомъ и воровъ называютъ обыкновенно такого человека, который собственной рукой забираетъ въ чужой карманъ за кошелекомъ или часами, который собственнымъ ключомъ открываетъ чужую квартиру и чужую шкапуку. Малера бою самнѣйна скверная; но

чтобы воспитаться въ стремленіи къ подобнымъ средствамъ жизни на чужой счетъ, не нужно вовсе имѣть черепъ особаго устройства и происходить изъ «поддонговъ общества». Повседневная жизнь представляетъ намъ безпрестанно столько случаевъ обмановъ и надувательствъ всякаго рода, что воровство является только ближайшимъ продолженіемъ тѣхъ дѣйствій, на которыя мы по привычкѣ смотримъ довольно равнодушно. Лавочникъ и торговецъ, обвѣшивающій, обвѣривающій и обчитывающій покупателя, развѣ не залѣзаетъ въ чужой кошелекъ? Покупатель, недодающій по счету, или оттягивающій уплату, или наконецъ совсѣмъ отказывающій платить, развѣ не дѣлаетъ то же самое? Купецъ, идущій на сдѣлку и платящій 25 к. за рубль, поступаетъ развѣ честнѣе вора? Фабрикантъ—мануфактуристъ, понижающій задѣльную плату рабочимъ до minimum'a, чтобы извлечь больше выгоды изъ чужаго труда, развѣ не живетъ на чужой счетъ? Развѣ эксплуатация человѣка человѣкомъ не составляетъ самое обыкновенное явленіе жизни? Развѣ есть въ Европѣ такой счастливый уголокъ, гдѣ бы правды было больше, чѣмъ неправды? Если «поддонки общества» могутъ выставить 10 милліоновъ подобныхъ эксплуататоровъ, то остальные слои выставятъ, разумѣется тоже не менѣе 10 милліоновъ обчитывающихъ и обвѣшивающихъ лавочниковъ и торговцевъ и разныхъ плутующихъ купцовъ, фабрикантовъ и плутовъ, дѣйствующихъ въ болѣе обширныхъ и широкихъ сферахъ жизни. Заставьте эти десятки милліоновъ помѣняться мѣстами, и вы увидите, что первые оставляютъ свои отмычки и сдѣлаются эксплуататорами въ томъ болѣе деликатномъ видѣ, который мѣшаетъ людямъ видѣть за этой благородной наружностью ту же грубую и гнусную сущность, какая скрывается и за обыкновеннымъ мошенничествомъ и воровствомъ. И въ томъ, и другомъ случаѣ побужденія совершенно одинаковы, но различны только способы, употребляемые для достиженія цѣли. Нерѣдко, обыкновенное воровство бываетъ гораздо невиннѣе, чѣмъ благородная эксплуатация. Криминалисты знаютъ это очень хорошо, потому что во всѣхъ уголовныхъ законодательствахъ есть постановленія, смягчающія или даже и совсѣмъ отгѣняющія наказанія, если воровство было сдѣлано по нуждѣ, ничѣмъ неотвратимой.

Здѣсь уголовный законъ уже и самъ становится на противоположную точку зрѣнія. Онъ забываетъ свое ученіе о свободной и о преступной волѣ. Если подобное основаніе развивать далѣе, то можно придти въ весьма затруднительное положеніе при разграниченіи

нужды, допускающей кражу, отъ нужды, кражи недопускающей. Въ годы неурожаяевъ, промышленныхъ кризисовъ и другихъ народныхъ бѣдствій число людей, начинающихъ жить кражей, увеличивается до чрезвычайности. Въ этомъ читатель можетъ убѣдиться, взглянувъ въ любую уголовную статистику. Но такое положеніе вещей считается ненормальнымъ, и въ этихъ случаяхъ уголовные судьи бываютъ снисходительны. А развѣ тотъ порядокъ, который криминалисты считаютъ нормальнымъ, можно считать дѣйствительно нормальнымъ? Развѣ нормально обманывать, обчитывать, плутовать всякими манерами и эксплуатировать своего ближняго, какъ это дѣлается въ голодные и не въ голодные годы людьми, непризнаваемыми уголовнымъ закономъ ворами? Среди лжи и обмана, составляющихъ такое постоянное явленіе, логика жизни ведетъ постепенно отъ обмана къ плутовству, отъ плутовства къ мошенничеству, отъ мошенничества къ воровству и кражѣ, потомъ къ воровству съ насиліемъ, т. е. къ грабежу, разбою и убійству. Къ сожалѣнію, криминалисты только въ недавнее время стали обращать вниманіе на эту неотразимую логику фактовъ, вытекающихъ изъ условій общественной жизни, къ которой преступникъ относится такъ же, какъ продуктъ къ извѣстной почвѣ.

Уголовному правосудію Европы можно сдѣлать и еще одинъ упрекъ. Оно считаетъ своимъ долгомъ только карать преступниковъ, не возстановляя имущественнаго равновѣсія, нарушаемаго преступными дѣйствіями. У бѣдняка украли его послѣднее достояніе и сдѣлали его почти нищимъ. Воръ пойманъ, но вещи онъ уже успѣлъ сбыть. Уголовное правосудіе, посадивъ вора на 3 года въ тюрьму и, удовлетворивъ этимъ идеи правды, не обращаетъ на обокраденнаго бѣдняка никакого вниманія. Положимъ, что 3 года тюремнаго заключенія возстановляютъ вцелѣ отвлеченную правду и удовлетворяютъ уголовному правосудію, но вѣдь дѣйствительная, практическая правда въ томъ, чтобы возвратить бѣдняку его покражу. Абсолютъ, выражающійся въ приговорѣ уголовного суда, не имѣетъ для него никакого значенія, и относительно себя онъ считаетъ правду нарушенной, хотя его и увѣряютъ, что она возстановлена въ смыслѣ юридическомъ, отвлеченномъ. Это отвлеченіе уголовного правосудія отъ земли составляетъ главнѣйшій его недостатокъ; не онъ неустрашимъ, пока теорія криминалистовъ будетъ имѣть въ своей основѣ абстрактное ученіе о вѣдѣ и пока причину всякаго зла оно будетъ видѣть въ личной испорченности человѣка.

Попытки исправлять преступниковъ нравственными бесѣдами не привели рѣшительно ни къ какимъ полезнымъ результатамъ. Ирландская система, — болѣе практическая въ томъ отношеніи, что она старается найти преступнику занятіе на фабрикѣ и вообще пристроить его къ какому нибудь мѣсту, — годится только для тѣхъ, кто сдѣлалъ проступокъ случайно, по особеннымъ внезапно-постигшимъ его обстоятельствамъ. Но для тѣхъ, кто выросъ и воспитался въ развратѣ и преступленіяхъ, ни одна система тюремнаго нравственнаго воспитанія не можетъ похвастаться практическимъ успѣхомъ. Мы видимъ ежедневно, какъ трудно мѣняютъ люди ошибочныя убѣжденія, въ которыхъ они выросли и воспитались. Новыя идеи неоспоримо лучше старыхъ, а между тѣмъ какое они возбуждаютъ ожесточеніе въ людяхъ стараго порядка. А еще это люди, привычшіе размышлять, люди грамотные, образованные! Десятки лѣтъ проходятъ въ борьбѣ, не мѣняя несколько мыслей старыхъ людей; а тутъ, въ какіе нибудь два-три года хотятъ перевоспитать нравственно, измѣнить всю органическую природу человѣка, незнавшаго другихъ понятій и невидѣвшаго другихъ дѣйствій, кромѣ тѣхъ, которыя привели наконецъ и его въ застѣнки тюрьмы. Никто изъ современныхъ медиковъ не сомнѣвается уже, что настоящая медицина не въ томъ, чтобы прописывать людямъ мушки и кровочистительныя, а въ томъ, чтобы предупреждать страданія организма. Нужно, чтобы тѣло находилось постоянно въ условіяхъ, для него благопріятныхъ, и тогда болѣзнями исцеленуть сами собой. Гигіена, а не леченіе, вотъ въ чемъ вся задача. Но пока еще значеніе гигиены не распространилось достаточно между людьми, приходится по необходимости прибѣгать и къ леченію. Но изъ этого однако не слѣдуетъ, чтобы обязанность медиковъ заключалась исключительно въ прописываніи мушекъ. Умные медики знаютъ это очень хорошо, и вотъ почему въ послѣднее время обращено такое вниманіе на распространеніе между людьми основныхъ понятій о человѣческомъ организмѣ и объ условіяхъ, необходимыхъ для содержанія его въ здоровомъ состояніи. Такой же путь предстоитъ и уголовному правосудію.

До сихъ поръ оно только восстанавливало безусловную правду, сажая преступниковъ въ тюрьмы, но не дѣлало ничего, чтобы уменьшать самую возможность зарожденія преступленій улучшеніемъ экономическаго быта населеній и распространеніемъ знаній. То, что дѣлается въ этихъ двухъ отношеніяхъ, по сравненію съ уголовнымъ

усердіемъ правосудія составляетъ совершенную ничтожность. Ни одно государство западной Европы не можетъ похвалиться серьезнымъ желаніемъ принять дѣйствительныя, коренныя мѣры къ улучшенію положенія бѣдныхъ людей и «поддонковъ общества». Все, что дѣлается въ этомъ отношеніи, ограничивается почти исключительно назидательными рѣчами — «дѣти, будьте прилежны и благоразумны, не тратьте своихъ заработковъ на пьянство и пустыя забавы, почитайте родителей и власти, и не дѣлайте того, что запрещено закономъ, потому что иначе вы пойдете подъ уголовный судъ и будете посажены въ тюрьму. А это нехорошо». Даже Англія, собирающая милліоны рублей ежегодно въ пользу бѣдныхъ, дѣлаетъ изъ нихъ такое неразумное употребленіе, что число бѣдныхъ нисколько не уменьшается, а вмѣстѣ съ этимъ не уменьшается и тяжесть уголовного правосудія. Попытка, сдѣланная Англіей, перевоспитать своихъ преступниковъ, хотя и обѣщала блистательные результаты, но не привела ни къ чему, потому что дѣлу помѣшали ошибочныя экономическія воззрѣнія правительственныхъ сословій.

Попытки эти заключались въ томъ, чтобы отвозить преступниковъ въ Австралію и дѣлать изъ нихъ колонистовъ. Преступниковъ держали въ началѣ подъ строгимъ надзоромъ и употребляли для общественныхъ работъ. По окончаніи срока, ссыльному давали земельный участокъ и онъ становился колонистомъ. Много прошло лѣтъ — болѣе 30 — пока колоніи устроились, и въ нихъ организовалась систематическая колонизація и установился прочный порядокъ общественной жизни. Во все это время колоніи находились подъ суровымъ военнымъ управленіемъ, которое казалось англичанамъ необходимымъ, чтобы удержать въ уздѣ и приучить къ порядку ссыльныхъ. А ссылаемый народъ самый отчаянный. Въ чемъ же причина, что эти отчаянные люди становились совсѣмъ иными, и преступления составляли между ними рѣдкое исключеніе? Не плеть и тюрьма создали это превращеніе, а та перспектива независимой и обеспеченной жизни, какую имѣлъ впереди всякій ссыльный. А всякій изъ нихъ зналъ, что онъ будетъ непременно колонистомъ.

Колоніи, населенныя исключительно разныхъ сортовъ ворами, разбойниками и убійцами зацвѣли наконецъ такъ, что возбуждали зависть въ старой Англіи. Явились добровольные переселенцы, потомъ спекуляторы, потомъ правительство вздумало продавать участки земли съ аукціона, этияъ дали дорогу въ землевладѣльцы только людямъ

богатымъ, они начали скупать землю у бѣдныхъ колонистовъ, имѣлось сормерство, наемный трудъ и англійскіе порядки въ томъ видѣ, какъ они существовали въ метрополіи, т. е. со всѣми зачатками для развитія бѣдности, пролетариата и неизбежныхъ изъ послѣдствій—разврата и преступленій. Когда сельскіе увидѣли, что спекуляторы и богачи лишали ихъ возможности самостоятельной будущности; когда сельскимъ вмѣсто того, чтобы дѣлаться колонистами, пришлось идти въ рабочіе и плоды земледѣльческой пролетаріатъ, они вспомнили свою древнюю нравственность и принялись за убійство и воровство. Постоянно увеличивавшіеся наплывъ сельскихъ и постоянно увеличивавшееся число преступленій испугали земледѣльцевъ до того, что они возстали противъ ссылаи; парламентъ уважилъ желаніе богатыхъ людей и обратился по прежнему къ тюрьмамъ, къ одностороннему заключенію, къ тугому волею и къ невидательнымъ бездѣламъ. Кто же виноватъ, если во время послѣдней всемірной выставки, вся Англія была томъ напугана дерзостью мошенниковъ и воровъ, грабившихъ днемъ на улицахъ! Жадность мѣщанства къ деньгамъ, приносящая и приносящая столько зло Европѣ, его тупоуміе и неспособность понимать общественные интересы и дѣйствовать честно, приносили и тутъ свои плоды. Слѣдуетъ — да и говоримъ уже — что попытка не удалась и — ошавъ на нѣсколько десятковъ лѣтъ, а можетъ быть и на столѣтіе отодвинули вопросъ напередъ, чтобы по старому томихъ преступниковъ и мерить въ тюрьмахъ милліоны людей. Попытка не удалась, говорить мѣщанство; отъ воровъ и разбойниковъ не было въ колоніяхъ жинья; правда, — но за чѣмъ же мѣщанстве проходить молчаніемъ вопросъ о томъ, кто были причиной, что люди принялись за воровство и грабѣжъ, когда прежніе сельскіе этого не дѣлали.

Правда ссыла не исчезла совершенно: Англія отправляетъ своихъ преступниковъ въ Норфолькъ, въ Вандимсову землю и на Бермудскіе острова, а Франція въ Гвіану; но отправляется только сотая доля всѣхъ преступниковъ и съ ссыльными обращаются или совершенно такъ же, какъ съ остальными преступниками т. е. выдерживаютъ ихъ въ каторжной работѣ и пенитенціаріяхъ извѣстный срокъ, а потомъ выпускаютъ на всѣ четыре стороны, или выдержавъ въ тюрьмѣ у себя дома, отправляютъ въ ссылку съ билетомъ на свободное жительство и съ правомъ превратиться по прибытіи на мѣсто въ пролетаріа. Благодѣяніе не особенно большое! Экономическаго

же, колонизаціоннаго характера ссылка совѣтъ не имѣть; а въ этомъ-то и главная ея задача. Ссылка не должна служить парательной мѣрой, въ видахъ востановленія безусловной юридической правды; она не должна изображать собой жертвенникъ, на которомъ жрецы уголовнаго правосудія закалываютъ жертвы для умилоствленія своего божества; ссылка должна имѣть чисто положительную экономическую основу. Она должна избавлять страну отъ вредныхъ для нея людей и дѣлать изъ нихъ полезныхъ гражданъ въ ихъ новомъ отечествѣ. Что это возможно — доказала Англія, разумѣется, если только торгаши и люди порядка не захотятъ пересаживать на новую почву порядки, принесшіе Европѣ столько горькихъ плодовъ. Если каждый ссыланный сдѣлается независимымъ хозяиномъ, то польза ссылки несомнѣнна; но если его сдѣлаютъ батракомъ и пролетаріемъ, то тоже несомнѣнно, что онъ останется по прежнему воромъ и разбойникомъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ благотворительныя общества, раздающія нынче милліоны рублей въ видѣ милостыни, оказали бы тоже несомнѣнную пользу, способствуя переселенію батраковъ и немущихъ людей, и оказывая своимъ бѣднымъ такую помощь, которая бы дозволила имъ достигнуть экономической самостоятельности и работать не на другихъ, а для себя. Даже Германія, не имѣющая колоній, нашла бы для своихъ преступниковъ мѣста для колоній, потому что свободной земли на свѣтѣ еще слишкомъ много, если бы только Германія обнаружила въ этомъ случаѣ хотя половинную заботливость противъ той, какую она заявляетъ относительно будущаго германскаго флота. Германія для своего флота сажаетъ теперь дубы, которые выростутъ только чрезъ 300 лѣтъ. Какая поразительная предусмотрительность! А между тѣмъ десятки тысячъ несчастныхъ томятся у нея въ многолѣтнемъ заключеніи, а сотни тысячъ свободныхъ бѣдняковъ питаются однимъ картофелемъ, да ячменнымъ кофе.

БИБЛОГРАФИЧЕСКИЙ ЛИСТОКЪ.

Введеніе въ исторію девятнадцатаго вѣка Г. Гервинуса. Переведена подъ редакціей М. Антоновича. Спб. 1864.— Война и миръ, изслѣдованіе о принципѣ и содержаніи международного права, соч. Прудона. Переводъ съ французскаго Изданіе А. Чернына. М. 1864.— Метафизика любви, соч. Шопенгауэра. Перев. съ нѣмецкаго. Спб. 1864.— Разсужденія и изслѣдованія Джона ст. Милля. Цивилизація. Вып. 1. перев. съ англійскаго Аркадія Лонгинова. Спб. 1864.— Маховозъ, какъ средство въ скорому и дешовому построенію желѣзныхъ дорогъ въ Россіи. Шуберскаго. Спб. 1864.— О желѣзной промышленности въ Россіи.—Публичныя лекціи П. А. Полетики. Спб. 1864.

Изъ пяти частей свѣта только двѣ части участвуютъ въ исторической дѣятельности XIX вѣка — это Европа и Америка; имъ принадлежитъ право рѣшающаго голоса въ дѣлахъ остальныхъ народовъ, они даютъ направленіе и ходъ событіямъ, составляющимъ исторію нашего времени; все, что лучшаго сдѣлано человечествомъ въ XIX столѣтіи, всѣ великія открытія въ области наукъ, промышленнаго труда и техническихъ изобрѣтеній, — все, что пріобрѣтено для матеріальнаго благосостоянія современныхъ обществъ силою рукъ или ума, сдѣлано Европой или Америкой. Онѣ же первыя и воспользовались плодами своей дѣятельности; другіе народы на этомъ праздникѣ жизни были то простыми зрителями, то пассивными орудіями историческаго движенія. Восточныя государства, съ ихъ громадными

населеніями, еще не просыпались отъ своего латаргическаго сна и только тамъ обнаруживали нѣкоторые признаки жизни, гдѣ европейская цивилизація давала себя чувствовать своей угнетающей силой. Тамъ весь индійскій полуостровъ, центральная Африка и покрытая европейскими колоніями Полинезія составляли выгодный, но мертвый матеріалъ для политической и торговой эксплуатаціи господствующихъ народовъ. Исторія коснулась этихъ дикихъ племенъ мимоходомъ; она не оставила на нихъ своего вліянія и не приняла отъ нихъ ничего, кромѣ глухихъ стоновъ страданія, которыми по временамъ потрясали Европу индійскіе райи и южно-американскіе негры. Поэтому, когда мы говоримъ объ исторіи XIX вѣка, то дѣйствующими силами ея признаемъ только тѣ страны, которыя болѣе или менѣе свободно располагали своею жизнію и руководили общественными развитіемъ; исторія только и можетъ быть у народовъ свободныхъ. Но эта точка зрѣнія заставляетъ насъ еще болѣе сдвинуть горизонтъ исторической дѣятельности; не вся Европа и Америка принимали участіе въ прогрессивномъ движеніи народовъ. Такъ, напримѣръ, Австрія и Турція постоянно жѣшались общему развитію, и только одной внѣшней и случайной стороною соприкасались съ исторіей Европы; точно также изъ всѣхъ американскихъ населеній только одни сѣверные штаты внесли въ исторію XIX вѣка свой великій трудъ и обогатили ее новымъ содержаніемъ. Такимъ образомъ группа историческихъ народовъ, въ собственномъ значеніи этого слова, будетъ очень не велика, если мы исключимъ три части свѣта и, по крайней мѣрѣ, двѣ трети мертваго историческаго матеріала Европы и Америки. Приблизительно, на 1000 милліоновъ человѣческаго населенія, разбросаннаго по земному шару, дѣйствуютъ на исторической сценѣ не болѣе 100 милліоновъ, т. е. одной десятой всего міра. Но и тутъ мы приняли бы воображаемую величину за дѣйствительную, еслибъ стали утверждать, что эти 100 милліоновъ состоятъ изъ сплошной массы историческихъ дѣятелей. Въ послѣднемъ итогѣ ихъ окажется очень немного, потому что большинство у самыхъ образованныхъ и дѣятельныхъ народовъ стоитъ внѣ всякаго историческаго движенія. Поэтому Меттернихъ, говоря объ Италіи, называлъ ее не иначе, какъ ствленченною географической широтой, а Людовикъ XIV, за исключеніемъ себя, считалъ всю Францію чуть только не мифомъ.

Только этимъ можно объяснить необыкновенную трудность, съ которою поступательное движеніе прокладываетъ себѣ дорогу и нарушается

постоянными реакціями. Еслибъ дѣйствующія силы исторіи распредѣлялись правильнѣе и кругъ ихъ дружной работы былъ шире, тогда перевороты были бы не такъ мгновенны и отступленіе назадъ не такъ легко. Тогда историкамъ не было бы надобности придумывать для человѣчества тѣ роковыя *corsi* и *recorsi*, которые, подобно Вико, Гервинусъ возводитъ также въ постоянный и непремѣнный законъ государственнаго развитія.

«Исторія европейскихъ государствъ христіанской эпохи, говоритъ онъ, составляетъ такое же общее цѣлое, какое въ древности представляла исторія группы государствъ греческаго полуострова и ихъ колоній. Въ ту и другую эпоху, въ ходѣ внутренняго развитія обнаруживается одинакій порядокъ, одинъ и тотъ же законъ. И этотъ законъ есть тотъ самый, который мы видимъ въ цѣлой исторіи человѣчества. Отъ деспотическаго устройства восточныхъ государствъ до аристократическаго, основаннаго на крѣпостномъ правѣ и рабствѣ, устройства государствъ древняго міра и среднихъ вѣковъ, и отъ нихъ до современнаго, еще невыработавшагося окончателно, политическаго состоянія — вездѣ замѣчается правильнѣйшій прогрессъ свободы духовной и гражданской, которая сначала принадлежитъ только нѣсколькимъ личностямъ, потомъ распространяется на большее число плхъ и наконецъ достается многимъ. Но потомъ, когда государство совершитъ свой жизненный путь, мы снова видимъ, что отъ высшей точки этой восходящей лѣстницы развитія начинается обратное движеніе просвѣщенія, свободы и власти, которыя отъ многихъ переходятъ въ немногихъ и наконецъ къ нѣсколькимъ. Этотъ законъ обнаруживается въ каждой части исторіи, какъ въ каждомъ отдѣльно взятомъ государствѣ, такъ и въ цѣлыхъ ихъ группахъ, которыя мы назвали.»

Этотъ законъ вѣчнаго круговорота былъ любимой темой метафизической школы историковъ. Основателемъ этой школы былъ италіанецъ Вико, ученикъ одного іезуита, который обратилъ его отъ реализма къ мистическому идеализму. Вико первый сочинилъ однообразную форму для историческаго развитія народовъ, опредѣливъ ее тремя періодами—религіознымъ, героическимъ и гражданскимъ. Подъ эти рубрики онъ старался подвести исторію каждой націи, которая, совершивъ фатальный кругъ свей дѣятельности, должна была исчезнуть съ лица земли, какъ болѣе никуда негодная вещь, или снова начать съ того, чѣмъ она была въ первоначальный періодъ. Эти постоянные приливы и отливы, по мнѣнію Вико, были предназначены какой-то внѣшней метафизической силой, стоящей внѣ всякихъ условій человѣческаго организма и вліянія орудующей его природы.

Человѣчество, осужденное вертѣться, какъ бѣлка въ колесѣ, есть ничто иное, какъ бранный сосудъ отвлеченной идеи, которую оно призвано выполнить своимъ земнымъ существованіемъ. Для однихъ эта идея была высокимъ идеаломъ католическаго возрожденія, той всемірной монархіи, которую будетъ держать подъ своей тушей духовный и свѣтскій владыка, папа. Это былъ именно идеалъ Вико. Для другихъ эта идея олицетворялась въ принципѣ философіи и правосудія; для третьихъ въ видѣ неосязасмой и непонимаемой силы, которая управляетъ человѣческими дѣлами и міровыми событіями, какъ Deus ex machina. Каждый историкъ, сообразно своему идеалу, группировалъ факты, смотрѣлъ на нихъ цвѣтомъ своихъ очковъ, выводилъ изъ нихъ тѣ заключенія, которыя были ему нужны и въ концѣ концовъ гнулъ и уродовалъ исторію по своему произволу. Что годилось для подтвержденія его теоріи, то онъ выставлялъ на видъ съ особеннымъ эффектомъ, а что противорѣчило ему, о томъ онъ умалчивалъ или старался выворотить на изнанку. Такъ, для Бассюста евреи были передовымъ народомъ цивилизаціи, и онъ окружилъ ихъ ореоломъ величайшаго историческаго значенія. Для Вико, напротивъ, древній Египетъ послужилъ образцомъ человѣческаго совершенства, и онъ выставилъ весь арсеналъ своей латинской учености, чтобы преобразить египтянъ въ великій народъ. У преемниковъ Вико метафизическій лунатизмъ дошелъ до такихъ крайнихъ предѣловъ, что между призракомъ и дѣйствительнымъ фактомъ, между абстрактной ерундой и реальною жизнью, исчезли всякія границы. Исторія потеряла послѣдніе признаки положительной науки и сдѣлалась жалкой мѣркой разныхъ микроскопическихъ воззрѣній и теорій, заранѣе придуманныхъ философамъ. Къ какимъ недѣлостямъ привело это направленіе и какъ глубоко оно унизило историческое знаніе—объ этомъ мы ничего лучшаго сказать не сумѣемъ послѣ того, что сказано Беклемъ. Гервинусъ принадлежитъ къ числу послѣдователей этого умирающаго направленія. При всемъ блескѣ его таланта, при всемъ громадномъ запасѣ свѣденій, при всей ясности критическаго взгляда, онъ запутался въ метафизическихъ туманахъ. Для него такъ же, какъ и для Вико, есть отвлеченная идея, управляющая историческимъ ходомъ событій, есть свой круговоротъ, въ которомъ колеситъ человѣчество отъ А—Х и обратно отъ Х—А,—отъ варварства къ верхушкѣ прогресса и потомъ назадъ къ варварству. Вся разница только въ томъ, что итальянскій философъ пола-

галъ крайнимъ предѣломъ развитія всемірную католическую монархію, а нѣмецкій историкъ вовсе не обозначилъ этотъ предѣлъ. Съ какою ступеньки народъ долженъ поворачивать назадъ и гдѣ онъ остановится въ своемъ паденіи — этотъ капитальный вопросъ такъ и остается вопросомъ у Гервинуса. А между тѣмъ отъ рѣшенія этого вопроса зависятъ всѣ частные выводы историка. Человѣку, смотрящему на вещи безъ предвзвѣтой теоріи, любопытно знать, почему это каждый народъ долженъ сначала подняться, а потомъ упасть? Если отдѣльное лицо сначала молодеетъ, а потомъ старѣетъ и наконецъ умираетъ, то это обуславливается законами отдѣльной органической жизни, съ которой никакъ нельзя сравнивать историческое развитіе народа. Народъ есть коллективное существо, способное продолжать свое существованіе тысячи лѣтъ; у народа, если выразиться на языкѣ точномъ, безъ метафоръ, дѣтъ ни молодости, ни старости, ни смерти. Когда одно поколѣніе хлѣбеть, тогда около него растетъ и зордѣбеть другое; за этимъ поколѣніемъ начинается развиваться третіе и т. д. Следовательно, здѣсь жизнь продолжается непрерывно, и вовсе не имѣетъ тѣхъ определенныхъ границъ, какія существуютъ для индивидуальной личности. Вотъ, на примѣръ, Франція живетъ около пятнадцати столѣтій, а все еще не постарѣла, и Гервинусъ предсказываетъ ей въ отдаленномъ будущемъ самую мужественную роль; Германія считается ровесницей Франціи, а Фейербахъ утверждаетъ, что нѣмцы еще не начинали жить, т. е. пятнадцатилѣтнему Бамбино онъ отводитъ только младенческой возрастъ. Если же судить о молодости и старости народа по его дѣятельности, то рѣшительно можно потеряться въ безконечныхъ противорѣчіяхъ. Китай будетъ вѣчнымъ старикомъ, не имѣвшимъ никакой молодости, а Америка вѣчнымъ юношей, у котораго вмѣстѣ съ зубами прорѣзалась и сила Самсона. Турцію, напротивъ, уже давно называютъ группомъ, не убраннымъ съ дороги только потому, что боится прикоснуться къ этой смерти, а между тѣмъ Турція вовсе не думаетъ умирать и въ манифестахъ султана величаетъ себя не иначе, какъ блестящей пертой, благоухающимъ цвѣткомъ мусульманскаго сада. Что упрещенія ея не совсѣмъ пріятно благоухаютъ, то это обстоятельство ужъ никакъ нельзя относить на счетъ возраста, точно такъ же, какъ нельзя объяснять молодостью или старостью, что одинъ редится козлапникъ, а другой прямоносикъ. Никто не станетъ спорить, что были племена, сначала сильные и дѣятельныя, какъ на примѣръ, Грація

Сократа и Перикла, а потомъ сдѣлавшіяся слабыми и пресмыкающимися, но такіе перевороты объясняются опять не возрастомъ, а событіями чисто-случайными, которыя могутъ быть, а могутъ и не быть. Будь Греція сильнѣе Рима, и находишься въ лучшихъ соціальныхъ условіяхъ, чѣмъ ея завоеватель, то новѣйшая исторія ея могла бы сложиться совершенно иначе. То же самое можно сказать и о Византіи: не встрѣтѣся она на дорогѣ своей исторіи съ дикими, но мощными врагомъ, съ турками, то могла бы и до сихъ поръ спокойно поживать въ Константинополѣ, и не пускать по міру своихъ барышниковъ и рабовъ. Во всемъ этомъ не было никакой необходимости и никакого непремѣннаго закона — одному садиться на голову другаго. Единственнымъ и главнымъ истребителемъ человѣческихъ расъ была всегда война, которую возбуждалъ голодъ, или пауперизмъ, какъ справедливо замѣчаетъ Прудонъ; но война не представляетъ ничего постоянного и необходимаго въ своей сущности. По какому непреложному закону мы станемъ утверждать, что монголы должны были завоевать Россію, и почему именно Россію, а не Индію; почему Тамерланъ повелъ свои голодные орды изъ степей Азіи на западъ, а не на востокъ, и почему онъ остановился на берегахъ Волги, а не у чернаго моря? Нѣтъ сомнѣнія, что на все это были свои побудительныя причины, но ни монголы, ни ихъ вожди вовсе не думали выполнять тѣхъ историческихъ задачъ, которыя навязываютъ имъ философствующіе историки. Голодъ двинулъ эти варварскія толпы изъ Азіи, а не будь голода, то имъ не за чѣмъ было жечь цѣлыя сотни городовъ и рубить сотни тысячъ людей. Конечно, и такіе были завоеватели, какъ Наполеонъ I, которыя только по личнымъ соображеніямъ, изъ честолюбія или ради искусства воевать, истребляли людей милліонами, но этотъ фактъ уже прямо доказываетъ, что война есть случайное явленіе исторіи. Личныя наклонности Наполеона I могли развиваться такъ или иначе; поставленный въ другія обстоятельства, онъ могъ сдѣлаться мирнымъ администраторомъ и ни одного раза въ жизни не обнажить своей шпаги. Тогда исторія Европы въ началѣ XIX вѣка имѣла бы совершенно другой характеръ. Но рассматривая съ этой точки зрѣнія всемірный ходъ событій, мы приходимъ къ тому непремѣнному выводу, что всѣ главнѣйшіе перевороты въ исторіи — захватъ чужихъ владѣній, агломерация побѣжденных народовъ, истребленіе одной человѣческой расы другою, паденіе государствъ и потомъ новое возвышеніе ихъ, все

это происходило отъ войны, а тамъ какъ войной управляетъ случай, то и всѣ эти перевороты были слѣдствіемъ не вѣчныхъ законовъ правосудія, а мгновенной вспышки страстей или полнѣйшаго произвола нѣсколькихъ правителей. Послѣ Вѣнскаго конгресса, размежавшаго Европу кончиномъ дипломатическаго пера, было бы странно задавать подобные вопросы: по какому предпродѣлешию одна часть Италіи отошла къ Австріи, а другая досталась Бурбонамъ? Какая историческая необходимость оправдывала раздѣленіе Польши между тремя разными государствами?... Какой смыслъ заключался въ продолжительной реакціи, изъ которой измученная Европа вышла посредствомъ цѣлаго ряда революцій? Сообразивъ все это и сравнивъ съ тѣмъ, что было прежде, мы согласимся, что никакой нормы и никакихъ возрастовъ для историческаго развитія народовъ не существуетъ. Есть племена, которыя, такъ сказать, остаются вѣчнымъ зародышемъ, и есть народы, прямо начинающіе свою исторію съ гражданской вполне выработанной формы; есть государства, никогда не разставшіяся съ своей политической свободой, и есть такія, которыя никогда ее не знали. И нѣтъ сомнѣнія, что до тѣхъ поръ, пока право разума не станетъ на мѣстѣ права силы и центръ историческаго тяготѣнія не перейдетъ отъ меньшинства къ большинству, исторія Европы будетъ состоять изъ отрывочныхъ эпизодовъ и постоянныхъ колебаній то въ ту, то въ другую сторону. Поэтому историческій круговоротъ Вико и Гервинуса надо отнести къ области чистѣйшихъ иллюзій.

Но я уже сказалъ, что система историка оказываетъ вліяніе на самые выводы его, на оцѣнку отдѣльныхъ личностей и на сгруппированіе фактовъ. Гервинусъ великій мастеръ освѣщать общими идеями разрозненные и беспорядочныя матеріалы исторіи, но онъ постоянно впадаетъ въ догматическій тонъ и жертвуетъ истиной въ пользу своей теоріи. Видя во всемъ строгую необходимость историческаго развитія, подчиненнаго абстрактной идеѣ, онъ готовъ преобразить карлика въ великана и злодѣя въ добродѣтельнаго героя. Говоря о какомъ нибудь дѣятелѣ, онъ рассуждаетъ такъ: положимъ, что этотъ человѣкъ надѣлалъ много зла, но такъ какъ онъ былъ необходимъ для исполненія исторической задачи, то его зло было и добромъ. Потому Наполеонъ I у Гервинуса является и деспотомъ и осязѣйшимъ революціонеромъ, страшнымъ бичемъ Европы и благодѣтелемъ ея.

«Онъ укрѣплялъ идеи революціи, говоритъ Гервингусъ, осуществляя и распространяя все, что было въ ней самаго прочнаго и полезнаго, совершая это съ умѣренностію и порядкомъ, и сверху внизъ. Онъ дошелъ до сознанія трудности сдерживать разнуздавшійся народъ, и возвратился въ исторіи на 20 или 30 лѣтъ назадъ, прервалъ ходъ революціи и возобновилъ монархическія реформы XVIII столѣтія, которыя въ свою очередь были прерваны революціей; онъ возвратился къ принципамъ прежнихъ временъ (который онъ выразилъ въ письмѣ къ Карлу IV): все для народа и ничего посредствомъ народа. Теперь эти реформы шли за собою, чего имъ прежде не доставало, двойную силу — революціонныхъ событій и могущества императора».

Такимъ образомъ, согласивъ въ себѣ несогласное и предпринимая все для народа, но безъ народа, Наполеонъ I проложилъ цѣлыя рѣки меду и млека по европейской землѣ.

«Сношенія, обмѣнъ, торговыя связи въ европейской землѣ, были доведены имъ до небывалаго прежде объема. Какъ ни были тяжелы и исключительны отношенія, соединенныя его континентальною системою, все же она дала огромный толчекъ европейской промышленности. Сфера дѣятельности Кольбера была сосредоточена нѣкогда въ очень небольшомъ пространствѣ сравнительно съ неизмѣримыми пространствами, на которыя распространялось вліяніе Наполеона, который извлекалъ болѣе пользы изъ земли и людей, сооружалъ каналы и дороги, основывалъ ученые и техническія учрежденія. Что касается до управления вассальныхъ государствъ, то тѣмъ оно было тяжелѣе прежде, тѣмъ болѣе теперь царствовало въ этихъ государствахъ порядка, простоты и стройности. Организациія войска обновилась въ самыхъ старыхъ государствахъ. Гласное судопроизводство господствовало на цѣломъ западѣ, и принципъ равенства передъ закономъ, вмѣстѣ съ наполеоновымъ кодексомъ, провѣкъ до самой Польши. Въ Россіи были приняты законы, заимствованные изъ гражданскаго права Франціи, и даже въ этихъ отдаленныхъ странахъ поддерживалось стремленіе къ лучшей организации школъ. Никогда хрупкіе остатки феодализма не испытывали такого сильнаго удара, какой имъ былъ нанесенъ могучею рукою Наполеона.»

Такимъ образомъ, этотъ величайшій изъ деспотовъ, какинъ считается — Наполеона I самъ Гервингусъ, является у того же историка величайшимъ гуманизаторомъ Европы. Въ экономическомъ отношеніи этотъ гуманизаторъ стоилъ одной Франціи болѣе миллиарда долгу и около милліона людей, которыхъ кости были разбросаны по всѣмъ полямъ Европы. Когда страна, истощенная постоянными наборами и чрезвычайными бюджетами, не находила болѣе возможности вынести

онъ постоянно возраставшіе налоги, то великій гуманизаторъ въ 1807 году отнялъ у законодательнаго корпуса его единственное живое право возпротивить смѣту податей; оправдывая этотъ давно уничтоженный привилегіи тѣмъ, что у правительства мало силы, Наполеонъ I на самомъ дѣлѣ хотѣлъ безусловно распорядиться источниками государственнаго дохода. За тѣмъ черезъ годъ онъ возобновилъ конфискацію собственности на томъ единственномъ основаніи, что «я, какъ онъ говорилъ, не желаю имѣть у себя богатыхъ и сильныхъ враговъ.» Подкапывая со всѣхъ сторонъ личную свободу и безопасность, онъ возобновилъ старое учрежденіе государственныхъ тюремъ и далъ преволу полиціи полный престоупать и заключать безъ всякаго суда; значеніе Джюри было уничтожено, и гласный судъ состоялъ изъ безгласныхъ судей. Общественное мнѣніе, лишенное свободныхъ органовъ печати, безмолствовало передъ волей императора, а сенатъ, государственный советъ и законодательный корпусъ были наполнены людьми, которыхъ презиралъ самъ Наполеонъ I. «Это были, по словамъ Дювержье де-Гораннъ, жалкіе выродки того славнаго поколѣнія, съ которымъ Наполеонъ разстался, потому что теперь ему нужны были рабы, а не герои.» Что же касается его благодѣяній въ отношеніи Европы, то онъ былъ совершенно отрицательнаго свойства. Правительства, испуганныя успѣхами счастливаго завоевателя, трепетавшія его силы, не имѣли другой вѣрной защиты для себя, какъ сближеніе съ народомъ, въ надеждѣ на его поддержку, и потому принуждены были поступиться нѣкоторыми привилегіями въ пользу массъ, въ которыхъ теперь нуждались. Но когда прошла гроза, тѣ же самыя правительства думали иначе. Всѣ эти факты, конечно, извѣстны Гервинусу лучше, чѣмъ намъ, но для его историческаго оптимизма Наполеонъ I не просто человекъ, но орудіе высшихъ цѣлей, и слѣдовательно, орудіе необходимое и благодѣтельное. Посмотри же историкъ на этого дѣятеля просто, не сивозъ теоретическіе очки, то весь наружный блескъ слетѣлъ бы съ него, и онъ принялъ бы свои настоящіе размѣры. Точно въ такомъ же видѣ Гервинусъ представляетъ Людовика XIV, котораго абсолютизмъ былъ благодѣяніемъ для Франціи, потому что освободилъ ее отъ феодальнаго произвола.

«И какъ можно было въ благодарность за это всеобщее благосостояніе не извинить нѣкоторыхъ частныхъ суровостей закона, обременительныхъ налоговъ или ошибокъ администраціи?»

Какъ будто для насроверженія средневѣковой олигархїи необходимы были раззорительныя войны Людовика XIV, его безграничный произволъ, эти блѣдныя и голодныя толпы нищихъ, умирающія у воротъ столицы, эти безумныя драгонады и эмиграціи протестантовъ; какъ будто, замѣняя одинъ произволъ другимъ, Людовикъ XIV обещивалъ Франціи лучшее положеніе. Впрочемъ самъ историкъ прибавляетъ далѣе:

«Когда, обращенный своими фаворитками къ ханжеству, онъ (т. е. Людовикъ XIV) изгналъ протестантовъ изъ государства, когда на мѣсто своихъ прежнихъ великихъ министровъ и полководцевъ поставилъ ничтожныя креатуры своего произвола и гибкія орудія своего своеволия, тогда Франція унизилась еще скорѣе, чѣмъ возвысилась, и ей грозили въ будущемъ потрясенія болѣе страшныя, чѣмъ тѣ, къ которымъ подобныя же деспотическія прихоти Стюартовъ привела Англію».

Слѣдовательно не за что и благодарить; зло остается зломъ, тѣмъ болѣе глубокимъ, что поверхность его была замаскирована внѣшнимъ лоскомъ.

Принимая вѣнской конгрессъ за поворотную точку европейскаго развитія, Гервинусъ полагаетъ, что теперь уже никакія препятствія не остановятъ правильнаго хода исторіи. Какъ бы ни отстаивали консерваторы старый порядокъ, но дѣло ихъ проиграно.

„Углубляясь въ духъ исторіи, говоритъ Гервинусъ, они не надѣются, не смотря на все величіе и могущество своихъ предводителей, и не смотря на всѣ отдѣльныя побѣды, одолѣть духъ времени, потому что никакое искусство и никакая сила не въ состояніи заставить мировое колесо распасться на его спицы“.

Представителями этого движенія Гервинусъ считаетъ Францію и Германію. Отъ этихъ двухъ народовъ онъ ожидаетъ рѣшенія великой задачи XIX вѣка; французамъ и нѣмцамъ суждено повести Европу къ осуществленію той свободы, которая съ каждымъ днемъ дѣлаетъ новыя приобрѣтенія. Если бы устами историка да медъ нить! Но, вѣроятно, событія Германіи за послѣдніе десять лѣтъ нѣсколько поколебали патріотическое вѣрованіе Гервинуса; но крайней мѣрѣ, не изъ чего не видно, чтобъ нѣмцы способны были совершить такую громадную роль, какую приписываетъ имъ историкъ. Ни Австрія, ни Пруссія ничѣмъ не доказали, что прогрессъ Европы можетъ рассчитывать особенно на нихъ. Напротивъ, духъ реакціи и враж-

да съ свободными учрежденіями нигдѣ не находила себѣ таковой опоры, какъ въ Германіи, и если романская Европа, пораженная католическими застоями, не возбуждаетъ въ исторіи немалыхъ надеждъ на будущее, то и протестантская Германія не далеко ушла съ своимъ юнкерскимъ цивизмомъ. Читатель, желающій ближе познакомиться съ нашими взглядами на современную Германію, можетъ обратиться къ «Русскому Слову» 1861 г. №№ 5 и 7.

Что же касается самого направленія исторіи XIX вѣка, то Гервингусъ опредѣляетъ его двумя главнѣйшими стремленіями, о которыхъ онъ говоритъ такъ:

«Съ этого времени (отъ вѣнскаго конгресса) исторія XIX вѣка представляетъ прямой контрастъ съ исторіею XVIII, когда реформы государей вызвали согласное движеніе во всей части свѣта. Они непосредственнымъ и правильнымъ образомъ продолжаютъ на прострѣанствѣ всей Европы то, что французская революція, прервавъ эти реформы, произвела во Франціи. Рядъ государственныхъ измѣненій идетъ почти во всѣхъ частяхъ Европы и даже Америки; измѣненія то достигаютъ успѣха, то затрудняются различными препятствіями, то совершенно не удаются и снова начинаютъ. Но это уже не измѣненія, совершаемыя по распоряженію правительствъ; они производятся народными движеніями, а реакціи, которыя прежде исходили изъ народа, теперь напротивъ идутъ отъ правительствъ. Эти движенія направляются двойнымъ путемъ: внутри—къ болѣе свободнымъ политическимъ организаціямъ, внѣ—къ обезпеченію независимости народовъ и племенъ, къ политическому разграниченію, сообразному съ естественными границами между національностями и языками. Два великія несчастія, испытанныя во времена всемірнаго господства Наполеона, т. е. угнетеніе свободы внутри и нарушеніе самостоятельности народовъ внѣ, и теперь еще лежатъ надъ вѣкомъ такимъ сильнымъ гнетомъ, что всѣ важныя событія послѣднихъ десятилѣтій суть не что иное, какъ противодействія продолженію и повторенію подобныхъ несчастій. Народныя движенія новѣйшаго времени состоятъ, такимъ образомъ, въ двоякомъ отношеніи къ обобщеннымъ событіямъ предшествовавшихъ 25 лѣтъ, т. е. къ французской революціи и войнамъ за освобожденіе: съ революціей они сходятся въ ея стремленіяхъ къ внутренней политической эманципаціи, а съ войнами за освобожденіе—въ ихъ направленіи къ отдѣленію національностей и къ внѣшней независимости народовъ».

Главную опасность этому ходу событій нѣкоторые историки видятъ со стороны славянскаго міра, но Гервингусъ не видитъ ничего серьезнаго въ этомъ опасеніи. Племна, которыя могли бы сокру-

цить европейскую цивилизацию, доказать отсталость по сравнению с Европой, а самизвольный мир таковыя разности не обладает; и потому утверждающее единство между Востокомъ и Западомъ должно, по истинно историчеки, основываться побѣдой съ той стороны, на которой переѣзъ интеллектуальнаго и матеріальнаго превосходства.

Вотъ основныя положенія, на которыхъ Гервинусъ построилъ свою исторію XIX вѣка. Не смотря на ея недостатки, завещающіе отъ теоретической односторонности, эта исторія и въ особенности «Введеніе» въ ней прочтутся какою публикой съ такимъ же удовольствіемъ, какъ и съ пользой.

Война и миръ, сколько намъ извѣстно, первое сочиненіе Прудона, являющееся на русскомъ языкѣ. Въ европейскихъ литературахъ, не исключая даже испанской, этотъ замѣчательный писатель болѣе двадцати лѣтъ пользуется всеобщей извѣстностью, и каждой новой своей брошюрой производитъ смятеніе въ многочисленномъ лагерѣ критиковъ — паразитовъ и журнальныхъ зѣвакъ. Диллипуты со всѣхъ сторонъ падаютъ на этого страннаго для нихъ индивидуума, и извять его своими крошечными стрѣлами до тѣхъ поръ, пока онъ не просыпается и не сгоняетъ съ своего лица этия назойливыя мухъ, въ человѣческомъ образѣ. Какъ величайшій диалектикъ нашего времени, часто путающійся въ своей собственной диалектикѣ и подавляемый ея силой, какъ умъ въ высшей степени оригинальный и гордый, готовый лучше впасть въ парадоксы и противорѣчія, чѣмъ тащиться за гуртовой рутиной, Прудонъ не останавливается ни передъ какими выводами и въ полемикѣ не имѣетъ себѣ соперниковъ; если онъ удостоиваетъ своего противника отвѣтомъ, то противникъ его уже болѣе не забываетъ этого отвѣта. Слово Прудона владеть глубокое клеймо на его антагонистовъ; и потому ни у одного изъ современныхъ писателей нѣтъ такого множества враговъ, какъ у автора «Системы экономическихъ противорѣчій». Сила логики, столь рѣдная между французскими мозгами, и самоуверенность, съ которою онъ говоритъ, даютъ ему полнѣйшій перевѣсъ надъ его противниками; онъ выходитъ побѣдителемъ даже тогда, когда другому писателю ничего не оставалось бы, какъ положить оружіе и сдаться на правую волюнтаристическую. «Что скажутъ объ этомъ Прудонъ? Что

духъ Прудона — обобщенно спрашивать и братя, и друзья его каждый разъ, какъ только современный вопросъ возбуждаетъ особенный интересъ или сомнѣнiя въ публикѣ, и всё увѣроу, что самая реальность иль нудъ нира Прудона видѣть совершенно самобытной. Эта способность идти противъ мнѣнiя большинства составляетъ преобладающую черту его авторской дѣятельности. Поэтому голѣзъ его всегда падаетъ съ той стороны, съ какой всего менѣе овладають возраженiя или даже возможности возражить. Не здрѣсь я дозволю указать на одно обстоятельство, которое необходимо для пониманiя Прудона. Въ его умственной организацiи скрывается глубокая страстность, соединенная съ холоднымъ размышленiемъ кабинетнаго дѣятеля. Когда степенный взглядъ на вещи оставляетъ Прудона, онъ увлекается однимъ желанiемъ оригинальности мысли и уже не смотритъ, въ какiя трудности заведетъ его напривная диалогика. Какъ публицистъ, онъ пишетъ исключительно нудъ влиянiемъ случайнаго настроенiя и часто совершается до истоманiя. Въ послѣднее время только онъ одинъ могъ явиться защитникомъ вѣнскаго конгресса, когда дуръ времени и событiя вырвали одинъ параграфъ за другимъ изъ этого акта; его знаменитая теорiя воздержанiя, рекомендуемая французской демократической партiи, есть полнѣйшее отрицанiе того, что говорилось имъ послѣ Congr d'Etat 2 декабря; однимъ словомъ, Прудонъ, какъ публицистъ, стоитъ за statu quo европейскаго порядка вещей. Его брошюра о польскомъ вопросѣ наумила даже консерваторовъ.

Но не въ этой сферѣ надо изучать Прудона; политическiе вопросы, ничтожность которыхъ онъ самъ такъ превосходно опредѣлилъ, вовсе не въ характерѣ его дѣятельности. Онъ по преимуществу экономистъ, и въ области экономическихъ вопросовъ полный хозяинъ своего дѣла. Онъ первый внесъ въ экономическую науку философскiй принципъ и, какъ послѣдователь Гегеля, облекъ факты въ идею. Въ этомъ его сила и слабость, — сила въ обобщенiи социальныхъ явленiй современнаго мира, а слабость въ стремленiи къ абстрактному построенiю экономической науки. Идеаломъ Прудона служить отвлеченное начало справедливости, та общественная совѣсть, которая ускользаетъ отъ всякаго яснаго опредѣленiя, по которую онъ беретъ верховнымъ судьбою въ человѣческихъ дѣлахъ и отношенiяхъ. Во имя ея онъ отрицаетъ существующiя злоупотребленiя экономического порядка — и это самая здоровая часть прудоновскаго анализа, но во имя той же отвлеченной справедливости онъ дѣлаетъ изъ

положительнаго знанія нѣтъ. «Я разрушаю, говорилъ нѣкогда Прудонъ, для того, чтобы строить». Но фундаментъ для этой постройки онъ поставилъ на песокъ, и солидное построение ему доселѣ не удалось. И это понятно. Въ наше время строить жизнь и сознаніе народа, а мыслитель можетъ только различать почву и слепить материалы для будущаго здания. На этомъ и остановится дѣятельность Прудона, какъ и всѣхъ подобныхъ ему гениальныхъ людей.

Книга «Война и миръ» отырываетъ намъ Прудона съ двухъ сторонъ, какъ публициста и какъ экономиста. Политическая часть этого сочиненія представляетъ попытку слить ученіе Гобса о международномъ правѣ съ теоріей Гегеля, т. е. соединить двѣ диаметрально—противоположныя доктрины, которыя никому еще не удалось примирить. Война есть право силы, по мнѣнію Прудона, и какъ право силы, она «есть фактъ божественный, великій идеалъ правосудія и школы человѣчества». Война создала религію, науку, поэзію и всю цивилизацію. Поэтому, напрасно юристы отнимали у права силы то высокое значеніе, которое всегда приписывали ей преданіе, исторія и совѣсть народовъ.

«Напрасно, говоритъ Прудонъ, безмысленная филантропія оплакиваетъ Гекатомбы, приносимыя богу брани; напрасно жадный меркантилизмъ, на ряду съ своими громадными произведеніями, желѣзными дорогами, мореплаваніемъ, банками, свободной торговлей, выставляетъ страшные расходы, которые ведетъ за собою война, сожженіе городовъ, опустошеніе деревень, отчаяніе матерей, женъ, дѣвицъ, уменьшеніе населеній, вырожденіе расъ, застои въ произведеніи богатства и эксплуатація земнаго шара. До тѣхъ поръ, пока совѣсть человѣческая не будетъ имѣть другихъ причинъ отрицать войну, до тѣхъ поръ, пока война будетъ имѣть противъ себя лишь потерю людей и денегъ,—застой въ дѣлахъ, пониженіе фондовъ и банкротства, она не прекратится; и гдѣ, кто нападаетъ на войну, или, какъ я уже сказалъ, клеветаютъ на нее,—должны ожидать даже нѣкоторой непріязни со стороны высшихъ и низшихъ слоевъ общества. Поразите, если можете, въ его нравственности, въ его идеалъ, этотъ сверхъестественный фанатизмъ, это боготвореніе силы, котораго философія до сихъ поръ не могла понять! Лишите войну того обаянія, которое дѣлаетъ ее восточникомъ поэзіи, основаніемъ великой политической организаціи и всякаго правосудія, и тогда вы можете надѣяться уничтожить ее; и въ силу тѣхъ свойствъ, которыя мы въ ней открыли, можете вѣствовать въ ней уничтожить все, что останется еще неразумнаго и рабскаго на землѣ.»

Итакъ, война въ принципѣ своемъ есть величайшее благодѣяніе

человѣчества, но въ приложеніи къ дѣйствительной жизни, такъ, какъ она ведется, сопровождаемая разбоемъ, грабежемъ, хитростію и повальнымъ убійствомъ, она есть явленіе отвратительное. Чтобы согласить ея принципъ съ проявленіемъ его на дѣлѣ, по мнѣнію Прудона, надо возвратитъ ей высшую нравственную справедливость, которой ей доселѣ не достаесть, иначе говоря, надо преобразитъ *силу* въ *идею* и *право* въ *совѣсть* людей. Ясно, что Прудонъ ищетъ разрѣшенія квадратуры въ кругѣ, и въ послѣднемъ результатѣ приходитъ къ опроверженію всего того, чѣмъ началъ свой торжественный дѣйрамбъ въ пользу войны, какъ идею. Человѣчество всѣмъ обязано войнѣ, начинаесть онъ; но «я смѣло говорю отъ имени его, что оно не хочетъ болѣе войны» — заключаетъ онъ. Промышленность оклеветала и унизила войну, доказываетъ Прудонъ; но промышленность же должна привести человѣчество къ полному умротовренію, т. е. подорвать кредитъ произвола и разбоя не только въ сознаниіи, но на самомъ дѣлѣ. Такимъ образомъ формулируетъ Прудонъ свой взглядъ на войну съ нравственной и политической точки зрѣнія.

Но вотъ, выходя на экономическую почву и бросая отвлеченную идею, онъ съ безпощаднымъ хладнокровіемъ разрушаетъ всю философскую сторону своей книги. Откуда протстекаетъ война? Гдѣ ея первоначальная причина? Для рѣшенія этого вопроса Прудонъ отпавляется въ область соціального порядка вещей и доказываетъ, что война есть дочь пауперизма, т. е. медленнаго голода людей. «Хочу ѣсть» — вотъ простой и всѣмъ понятный, но страшный крикъ человѣчества, который раздаесть во всѣ вѣка, среди всѣхъ переворотовъ и революцій, возбуждая борьбу между народами и обществами. «Хочу ѣсть» — вотъ величайшій двигатель человѣческихъ отношеній и интересовъ, конечная цѣль всѣхъ предпріятій и стремленій. «Хочу ѣсть и жить» — это не болѣе, не менѣе, какъ самое точное и выразительное сокращеніе всемірной исторіи. Къ такому выводу пришелъ Прудонъ, какъ экономистъ, и пришелъ путемъ строгаго анализа, бросая на предметъ жаркую струю свѣта; но съ этимъ выводомъ уже не выжееся его философская иллюзія о войнѣ. Если война есть дочь голода, слѣдствіе нарушенія экономического равновѣсія, то гдѣ же ея божественный характеръ, гдѣ ея общечеловѣческая санкція? Если разумъ и справедливость рано или поздно уничтожатъ войну въ первоначальномъ ея источникѣ — въ пауперизмѣ, то гдѣ же ея вѣчная необходимость и благодѣтельное влія-

ніе на міръ? Изъ этого противорѣчія Прудонъ, при всей своей диалектикѣ, не могъ выйдти, и задумавъ соединить матерію съ идеей, грубый фактъ съ совѣстью, написать книгу, блистательную по нѣкоторымъ ея подробностямъ, но совершенно нетѣнную въ основаніи. Изложивъ здѣсь сущность ея, мы надѣемся еще разъ воротиться къ главному вопросу «войны и мира.» Въ заключеніе не можемъ не пожалѣть, что намъ приходится знакомиться съ Прудонимъ не по одному изъ его лучшихъ произведеній.

Шоппенгауеръ даетъ намъ поводъ перейти отъ метафизики войны къ *метафизикѣ любви*. За чѣмъ эта маленькая книжка, одѣтая въ щегольскую розовую обложку и украшенная разными купидонами, является на свѣтъ божій — трудно сказать. Публика наша едва ли когда нибудь слышала имя Шоппенгауера, а ей вдругъ ни съ того, ни съ сего предлагаютъ отрывокъ изъ сочиненій его, который имѣеть связь съ цѣлымъ міросозерпаніемъ Шоппенгауера, но самъ по себѣ ничего не значить. Если издатель рассчитывалъ, судя по купидонамъ, доставить удовольствіе читателямъ, которые любятъ призадуматься на счетъ любви, то онъ могъ бы выбрать безчисленное множество другихъ сочиненій, болѣе подходящихъ въ шалестахъ Купидона. Такъ, напримѣръ, полное собраніе стихотвореній г. В. Брестовскаго и всѣ философскія статьи г. Страхова есть ничто иное, какъ чисто російскій букетъ, приносимый на олтарежъ мишаки Купидона. Обладая такими сокровищами своей домашней выдѣлки, за чѣмъ было трогать старика-византропа Шоппенгауера и переводить его «*Метафизику любви*» на русскій языкъ?

Но ужъ если мы напали на эту книжку, то надо познакомиться во-первыхъ съ Шоппенгауеромъ, а во-вторыхъ съ его амурной метафизикой.

Шоппенгауеръ былъ послѣдній (онъ умеръ въ 1860 г.) изъ тѣхъ натуръ-философовъ, которыхъ воспиталъ XVIII вѣкъ, и былъ первый изъ самыхъ умныхъ противниковъ нѣмецкаго шарлатанства, пущеннаго въ ходъ философией Гегеля. Въ ту эпоху, когда эта философія процвѣтала, когда, по словамъ Гейне, «въ ученомъ берлинскомъ караванъ-сералѣ собирались верблюды вокругъ фонтана гегелянской мудрости, становились на колѣна, принимали на себя драгоценные вьюки трансцендентальныхъ истинъ и отправлялись чрезъ песчанныя пустыни Бранденбурга» — въ эту славную эпоху Шоппенгауеръ былъ единственный нѣмецъ, не признававшій авторитета бер-

линскихъ дромадеровъ и не хотѣвшій участвовать въ общей оргіи эллистовъ. Онъ одинъ боролся противъ преобладающаго направленія *гегелевской философіи*, въ которой, по выраженію его, на пять сотъ страницъ скучнѣйшей фразеологіи полагалась крошечная толщина какой нибудь мыслишки. Полемизируя неутомимо въ продолженіе сорока лѣтъ противъ огромнаго кортежа всевозможныхъ педантовъ, не имѣя ни партіи, ни популярности, онъ приобрѣлъ себѣ множество враговъ и былъ совершенно одинокимъ среди современныхъ ему писателей. Подъ конецъ жизни онъ страдалъ мрачной мизантропійю, живъ въ совершенномъ уединеніи, подобно Гейне, и это обстоятельство заставило многихъ считать Шоппенгауера опаснымъ человекомъ и врагомъ Германіи. Въ послѣдствіи ему отдала справедливость; но современники не могли простить ему ни язвительныхъ насмѣшекъ надъ Гегелемъ, ни сарказмовъ надъ нѣмецкой глупостью и конкерскимъ невѣжествомъ. Кто знаетъ, въ какомъ ступенномъ состояніи находилась Германія до 1848 года, какими верблюдями были исполнены ея университетскія аудитории и какое безплодное направленіе дала ей философія Гегеля, тотъ пойметъ, что Шоппенгауеръ не могъ пользоваться особымъ расположеніемъ своихъ соотечественниковъ. И онъ платилъ имъ той же монетой; онъ стыдился называть себя нѣмцемъ, потому что, какъ онъ говорить, въ этомъ словѣ заключаются все, что есть самаго грубаго и гуннаго на всей неваршавности Европы. Въ Берлинѣ, въ этомъ центрѣ нѣмецкихъ эмпиристовъ и философовъ, онъ не могъ оставаться, потому что послѣ профессорскихъ лекцій и барабанаго боя, съ утра и до вечера возбудившаго мозговую дѣятельность нѣмцевъ, здѣсь нѣтъ ничего такого, что заставляло бы человека просыпаться отъ невсвѣдѣнности оня.

Но Шоппенгауеръ, нападая на философію Гегеля, самъ остановился на поздорогѣ реального направленія. Его натуръ-философія служила только переходомъ къ положительному знанію, которое теперь стоитъ въ родѣхъ зумтовскаго развитія Германіи. Лучшее сочиненіе Шоппенгауера «Die Welt als Wille und Vorstellung (мръ, или воля и идея) есть претензія перенести метафизику въ область опытныхъ знаній, что равняется отрицанію всякой метафизики. Но до отрицанія Шоппенгауеръ не дошелъ, и принужденъ былъ отдѣляться абстрактными положеніями тамъ, гдѣ приходилось доказывать опытомъ и фактомъ. *Низшая воля* — основной принципъ

его философіи — есть то же, что жизненный эликсиръ, или жизненная эссенція и тому подобный вздоръ, придуманный для объясненія законовъ природы съ философской точки зрѣнія.

„Это мое великое открытіе, писалъ Шоппенгауеръ, это мой отвратный Овивъ—показать, что въ основаніи всего есть одна, всегда равная себѣ и всегда тождественная сила, которая спитъ въ растеніи, пробуждается въ животномъ и сознаетъ себя только въ человѣкѣ — это воля“.

Но что это такое за воля, откуда она и какая ея роль въ физическомъ мірѣ? — На это Шоппенгауеръ отвѣчаетъ тѣмъ, что философіи нѣтъ никакой надобности трудиться надъ разрѣшеніемъ такихъ вопросовъ, которые относятся къ сферѣ теологическихъ задачъ. Довольно знать, что есть жизненная воля, а тамъ понимай, какъ знаешь.

Вотъ этой-то жизненной волей онъ объясняетъ и любовь. Въ любви есть неопредѣленная сила, влекущая одну личность къ другой, и разлитая во всеи родѣ; эта сила и есть жизненная воля, проявляющаяся въ инстинктѣ продолженія своего семейства. «Молодая чета, говоритъ Шоппенгауеръ, идущая подъ вѣнецъ, воображаетъ, что она ищетъ своего собственнаго счастья, между тѣмъ, какъ настоящая цѣль, къ которой стремится женихъ и невѣста, совершенно чужда имъ и заключается въ произведеніи новаго существа, которое безъ ихъ посредства не могло бы получить существованіе». Такимъ образомъ супружескія связи и всѣ любовныя отношенія исполняютъ требованіе высшей мировой воли и безсознательно стремятся къ тому, чтобы поддержать родъ и сдѣлать его идеально-совершеннымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы идея Шоппенгауера была основана на изученіи физиологіи и подтверждена опытомъ, тогда ему не за чѣмъ было бы прибѣгать къ жизненной волѣ и сочинять метафизику любви. Но натуръ-философія считаетъ своею обязанностію напередъ сочинить какую нибудь волю или идею, а потомъ уже подтасовывать подъ нее отправления природы—и объяснять ихъ съ высоты своего личнаго воззрѣнія. Самый простой и естественный законъ половыхъ отношеній для натуръ-философа дѣлается предметомъ діалектической эквилибристики.

Разсуждая далѣе о требованіяхъ жизненной воли, влекущей мужчину къ женщинѣ, подъ вліяніемъ идеи продолженія рода, Шоппен-

гауеръ доказываетъ, что любовь требуетъ контрастовъ, т. е. такихъ противоположныхъ свойствъ, которыя бы восполняли взаимныя недостатки супруговъ. Такимъ образомъ, маленькій ростомъ всегда предпочитаетъ женщинъ высокихъ, брюнету нравится блондинка, а блондинкѣ брюнеты и т. д. Эти противоположности необходимы для того, чтобы уравновѣшивать слабыя стороны любящихъ другъ друга существъ и воспроизводить самый здоровый организмъ. Поэтому половое влеченіе управляется тремя главными условіями — молодостью, здоровьемъ и красотой; за тѣмъ слѣдуютъ чисто-правственные инстинкты — умъ, характеръ и сердце. Если всѣ эти качества распредѣляются правильно и гармонически между супругами, то и потомство ихъ будетъ обладать совершеннѣйшимъ типомъ; въ противномъ случаѣ почтенная чета наплодитъ дѣтей милахъ и уродливыхъ, герсходящихъ въ типъ гермафродитовъ. Восточныя касты, замкнутыя въ своемъ собственномъ тѣсномъ кругу, вполне подтверждаютъ мнѣніе Шоппенгауера; браки ихъ, заключаемыя по расчету и передававшіе изъ рода въ родъ сословныя недостатки, оканчивались совершеннымъ искаженіемъ родового типа; за поколѣніемъ слабымъ слѣдовало поколѣніе идіотовъ, а за идіотами нигуда негодныя ублюдки. Все это совершенно согласно съ историческими фактами и наблюденіями надъ отдѣльными личностями, но во всемъ этомъ надо искать физиологическихъ условій, а не жизненной воли и философскаго камня, какъ это дѣлаетъ Шоппенгауеръ.

Если «Метафизика Любви», какъ отрывокъ изъ натуръ-философіи Шоппенгауера, вовсе не кстати является въ русскомъ переводѣ, то переводъ *Разсужденій и изслѣдованій* Джона Стюарта Милля надо считать за наглую насмѣшку надъ знаменитымъ писателемъ Англій и надъ нашей читающей публикой. Книжонка эта вышла въ такомъ безобразномъ видѣ, что я, никогда не видавшій и не знающій, кто это такой Аркадій Лонгиновъ, принялъ его отвратительный переводъ почти за личное оскорбленіе. Представьте себѣ, съ одной стороны, очень ясную и отчетливую манеру выразиться Ст. Милля, а съ другой стороны, грубѣйшее непониманіе англійскаго языка и искаженіе почти каждой фразы оригинала. Не угодно ли понять слѣдующее мѣсто въ русскомъ переводѣ:

• Не менее какую картину представляет англиканская церковь, без сомнѣнія другое великое орудіе національной культуры, съ давнихъ поръ превращенная (мы говоримъ о правилахъ, не объ исключеніяхъ) въ великое орудіе подавленія всякой культуры, несовмѣстной съ слѣпыми повиновеніемъ установленнымъ правиламъ и утвержденнымъ авторитетамъ — *свою систему имитируетъ отъ виду тори при всякой пере- мѣнѣ въ ея области, кромѣ того, чтобы умиротворить кажда- дающихся и кромѣ того, чтобы придать установленію мѣнье отвратительный видъ для глаза* (стр. 25).

Или полюбуйтесь слѣдующими выраженіями:

• Капиталъ промышленныя классы переливается въ чужеземныя страны, и во вся виды свирѣлыхъ спекуляцій (стр. 17).

• Чувствуютъ ли консерваторы, стоящіе на чьей въ той или другой палатѣ парламента (стр. 24).

• Такимъ образомъ дикая триба состоитъ изъ горсти индивидуумовъ, странствующихъ или рѣдко разбросанныхъ на обширномъ пространствѣ страны (стр. 9) и т. д. и т. д.

Въ сожалѣнію, такіе безграмотные господа, какъ Аркадій Лонгиновъ, въ послѣднее время цѣлымъ муравейникомъ кишатъ въ нашей литературѣ. Рѣдная переводная книга попадаетъ со смысломъ; всякій неучъ, едва способный переписать на чисто канцелярскую бумагу, берется за переводъ иностраннаго писателя и уродуетъ его безъ всякой жалости; всякій содержатель трактира и уличный букинистъ лѣзетъ въ издатели или даже редакторы. Барышничество и спекуляціи изъ темныхъ владовыхъ гостиннаго и апраксина двора перебираются въ наши книжныя лавки и наводняютъ и безъ того водянистую литературу гнуснѣйшими изданіями.

Поймите, господа барышники, что эксплуатація публики подъ предлогомъ ея просвѣщенія есть величайшая подлость, неимѣющая себѣ равной; поймите наконецъ, что всякая тупость и шарлатанство, совершенно безвредны за жарточнымъ столомъ или на лаватѣ фокусника, въ литературѣ положительно вредятъ развитію общества. Эти мириады книжонки, распродаваемые нашей простоватой публикѣ и наполненные разнымъ колдовствомъ и фокусами, эти сонники и гадательныя оракулы, хуже порошковаго порошка усыпляютъ и безъ того дремлющій умъ нашихъ болотныхъ населеній. Поймите и вы, безграмотные переводчики, что первая обязанность добросовѣстнаго человѣка — не браться не за свое дѣло. Набивайте лабиринты, не-

сите по домамъ спички, выдѣлывайте изъ картопа солдатиковъ, однимъ словомъ, производите все, на что вы пригодны и непригодны, по не суйтесь въ литературу и въ издательскую дѣятельность.

Возвращаясь къ «Размышлениямъ» Ст. Миля, такъ скверно переведеннымъ по-русски г. Аркадіемъ Лонгиновымъ, я долженъ выставить на видъ и другое обстоятельство. Въ послѣдніе три года наши книгопродавцы стали предпринимать изданія отдѣльными выпусками. Рѣдкое иностранное сочиненіе самаго обыкновеннаго объема не дробится на два, на три и больше отдѣльныхъ брошюръ. Первый выпускъ выходитъ, положимъ, въ 1861 году, а второй или вовсе не выходитъ или является по прошествіи года. На этотъ коммерческій фокусъ—покусъ мы уже указывали въ «Русскомъ Словѣ»; но вотъ г. Аркадій Лонгиновъ доводитъ эту спекуліцію до микроскопическихъ дѣлений. Книга Миля (Dissertations and Discussions) вышла въ Лондонѣ, въ 1859 году въ двухъ объемистыхъ томахъ, заключающихъ около 900 страницъ англійской компактной печати. Въ книгу эту вошли разныя статьи Миля, разбросанныя по разнымъ журналамъ и газетамъ и писанныя имъ по поводу разнообразныхъ предметовъ. Здѣсь можно найти очень хорошую біографію и характеристику Армана Кареля, Бентама, рецензіи нѣкоторыхъ книгъ и въ концѣ втораго тома статью объ эманципаціи женщинъ. Что же дѣлаетъ съ этой книгой г. Аркадій Лонгиновъ? Онъ вырываетъ изъ нея одну статью о *цивилизациі*, перевозитъ ее на русскій языкъ, какъ мы уже видѣли, и называетъ это *первымъ выпускомъ*, цѣна 40 коп. Сколько же такихъ выпусковъ должно послѣдовать дальше? Если каждая статья Миля составитъ отдѣльный выпускъ въ русскомъ изданіи, то всѣхъ выпусковъ будетъ не менѣе двадцати пяти. Сколько же лѣтъ прикажетъ издатель ждать своего послѣдняго выпуска? И если каждый выпускъ будетъ стоить 40 к., то 25 будутъ стоить 10 р., а между тѣмъ англійская книга, великолѣпно изданная, продается въ Лондонѣ за 3 р.

Но все-таки я рекомендовалъ бы болѣе опытнымъ издателямъ перевести на русскій языкъ (разумеется, не такъ, какъ г. Аркадій Лонгиновъ) этотъ сборникъ Миля, выбравъ для перевода лучшія его статьи. Такое изданіе, неразрываемое на куски, будетъ имѣть свое значеніе для нашей публики. Идеи Миля, какъ представители утилитарной системы Англій, получаютъ въ наше время особенную важ-

ность. Когда явится другой переводъ Милля, я найду возможность поговорить о содержаніи самой книги.

Маховозъ г. инженера путей сообщенія Шуберскаго, составляетъ второе національное изобрѣтеніе русскаго генія. Первымъ и единственнымъ доселѣ былъ самоваръ, который не могла оспаривать у насъ ни одна страна западной Европы и который мы можемъ смѣло гордиться передъ лицомъ всего свѣта. Но такъ какъ имена всѣхъ великихъ изобрѣтателей теряются въ неизвѣстности, то имя того почтеннаго предка, который придумалъ самоваръ и облагодѣтельствовалъ имъ свое отечество, также потеряно для благодарнаго потомства. Иначе Москва украсилась бы еще однимъ памятникомъ и записала бы еще одно великое имя въ свои патріотическія лѣтописи. Теперь къ самовару присоединяется другое изобрѣтеніе — *Маховозъ*, и нѣтъ сомнѣнія, что имя г. Шуберскаго не погибнетъ въ памяти отдаленнаго потомства. Мы вовсе, однакожъ, не думаемъ легко относиться къ изобрѣтенію г. Шуберскаго. Мы могли бы посовѣтовать ему написать пояснѣе и пограмотнѣе свою брошюру, изданную съ цѣлю популяризировать свое открытіе, но самая сущность дѣла остается вполне заслуживающей вниманія.

Г. Шуберскій находитъ, что отличительный характеръ мѣстности европейской Россіи состоитъ въ отсутствіи горъ, прорѣзывающихъ по всѣмъ направленіямъ почву западной Европы. Тамъ преобладаетъ возвышенность, а у насъ долина и оврагъ. Эта особенность мѣстности, по мнѣнію г. Шуберскаго, имѣетъ прямое вліяніе на постройку нашихъ желѣзныхъ дорогъ. Главное затрудненіе этой постройки заключается именно въ оврагахъ, которые увеличиваютъ общую стоимость каждой версты (полагая ее въ 60,000 р.) на 25,000 руб. До сихъ поръ эти затрудненія, представляемая мѣстностію, изборожденною оврагами, устраивались 1) посредствомъ земляныхъ работъ; 2) посредствомъ изворотовъ въ направленіи линій и 3) посредствомъ уклоновъ, допускаемыхъ желѣзными дорогами. Но всѣ эти способы обходятся очень дорого и, при извилистомъ направленіи дороги, удлинняютъ разстояніе ея. Это обстоятельство, по мнѣнію г. Шуберскаго, дѣлаетъ наши желѣзныя дороги невыгодными. Чтобы удешевить

ихъ, онъ предлагаетъ измѣнить систему самаго сооруженія желѣзныхъ дорогъ. Чтобы не срывать горъ, не засыпать овраговъ, не употреблять изворотовъ и другихъ искусственныхъ средствъ, онъ рекомендуетъ переходить овраги по наклонной плоскости и воспользоваться силою тяжести поѣзда, развиваемою на скатѣ и теперь совершенно даромъ пропадающею на подъемѣ. Чтобы утилизировать эту силу, т. е. сберечь ее на крутыхъ подъемахъ, не прибѣгая къ выемкамъ, насыпямъ и мостамъ, онъ придумалъ *маховое колесо*, котораго назначеніе состоитъ въ томъ, чтобы сохранять въ себѣ силу движенія, приобретенную поѣздомъ на скатѣ и возвращать ее при подъемѣ. Такимъ образомъ приобретается даровая работа, дающая возможность сокращать разстоянія желѣзныхъ линий, экономизировать топливо, ремонтъ и расходы на прислугу паровозовъ. Въ общемъ итогѣ г. Шуберскій вычисляетъ эту выгоду на 44% по постройкѣ дороги и на 25% по эксплуатаціи ея. Это относительно вновь сооружаемыхъ линий. Но маховозъ можетъ быть примѣненъ и къ старымъ дорогамъ, уже построеннымъ на основаніи прежней системы; и здѣсь получится значительная экономія, какъ напримѣръ, на варшавской желѣзной дорогѣ не менѣе 15% съ ея текущихъ расходовъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ, по увѣренію г. Шуберскаго, выигрывается и большая безопасность движенія; потому что маховозъ упрощаетъ и ускоряетъ способъ торможенія поѣздовъ, составляющій въ настоящее время одну изъ самыхъ рискованныхъ и опасныхъ сторонъ въ движеніи вагоновъ.

Но кромѣ овраговъ и скатовъ, маховозъ можетъ дѣйствовать и на горизонтальной плоскости, если передъ подъемомъ находится достаточно мѣста для того, чтобы разогнать поѣздъ и сообщить маховозу паромъ ту силу, которая ему необходима для подъема въ гору.

Такимъ образомъ г. Шуберскій общаетъ своимъ изобрѣтеніямъ значительное увеличеніе выгодъ тѣмъ компаніямъ, которыя теперь получаютъ ничтожный процентъ съ капитала, затрачиваемаго на постройку желѣзныхъ дорогъ и потому неохотно вступающихъ въ эти предпріятія. Опыты, произведенные надъ моделью маховоза, удался г. Шуберскому; составилось общество для примѣненія маховоза къ желѣзнымъ дорогамъ и для усовершенствованія и развитія его въ дальнѣйшихъ подробностяхъ.

Предоставляя специалистамъ и времени отвѣчать на техническіе недостатки маховоза, я останавливаюсь только на одной, по главной

и существенной сторонѣ его, — на экономическихъ соображеніяхъ г. Шуберскаго.

Соображенія эти представляются намъ въ самомъ плачевномъ состояніи, на которое г. Шуберскій долженъ былъ обратить тѣмъ большее вниманіе, что изобрѣтеніе его только тогда и можетъ имѣть какое нибудь значеніе, когда оно дѣйствительно удовлетворитъ требованіямъ общественной экономіи. Оно прямо берется разрѣшить вопросъ: при какихъ условіяхъ желѣзныя дороги могутъ обходиться народу дешевле, чѣмъ онѣ стоютъ теперь, — вопросъ, очевидно, социальнаго характера, тѣсно соединенный съ общими экономическимъ состояніемъ страны. Всѣмъ извѣстно, что наши желѣзныя дороги обходятся очень дорого, а окупаются очень плохо. Одна московско-ярославская линія даетъ 5°/_o, а всѣ другія менѣе этого, отъ 2°/_o — 4°/_o. При недостаткѣ капиталовъ и при такомъ ничтожномъ процентѣ, конечно, немного найдется охотниковъ вступать въ компаніи для постройки желѣзныхъ дорогъ: Такъ это и случилось. Когда прошла горячка нашихъ промышленныхъ предпріятій, всѣ увидѣли, что безъ гарантіи государственнаго фонда строить желѣзныя дороги почти невозможно. [Многіе, наткнувшись на этотъ фактъ, пришли къ тому заключенію, что сооруженіе желѣзныхъ дорогъ должно быть исключительнымъ дѣломъ правительства, а не общества. Эти господа были отчасти правы, но они не умѣли разсмотрѣть въ этомъ фактѣ другой стороны; они не поняли всей важности вопроса, который задалъ себѣ г. Шуберскій. Достаточно раскрыть какую угодно статистику, чтобы видѣть, когда и въ какой странѣ желѣзныя дороги выгодны и чѣмъ обуславливается ихъ выгода. Въ Испаніи, наприимѣръ, онѣ рѣшительно разорили народъ, въ Ирландіи увеличили общую бѣдность, а въ Турціи до сихъ поръ не могутъ привиться. Напротивъ, въ Англіи и въ Америкѣ ими поддерживается колоссальная предпримчивость этихъ народовъ. Отчего же онѣ выгодны для одной страны и раззорительны для другой? Оттого, что только промышленная страна, съ хорошо развитой мѣстной дѣятельностію, можетъ съ выгодой строить и поддерживать желѣзныя дороги; только тамъ онѣ и необременительны, гдѣ ихъ строить народъ и для народа, гдѣ потребность ихъ опредѣляется не одними административными соображеніями, но всѣмъ экономическимъ ходомъ жизни. Это такой общезвѣстный фактъ, который не пуждается въ доказательствахъ. Никто не споритъ, что извѣстная часть нашего общества жаждетъ желѣз-

ныхъ дорогъ: онѣ доставляютъ ей комфортъ, развиваютъ сношенія между образованными классами; но не одной частью этого общества живетъ страна, желающая поставить себя въ правильныя экономическія условія; у нея есть вромѣ того милліоны людей работающихъ, которымъ нуженъ не комфортъ, а насущный кусокъ хлѣба и состояніемъ которыхъ главнѣйшимъ образомъ опредѣляется *выгода* и *невыгода* такого предпріятія, какъ желѣзныя дороги. Громадная затрата капиталовъ на постройку, постоянныя издержки на ремонтъ и администрацію ихъ, разумѣется, падаютъ на народъ, и потому не мѣшало бы справиться съ его интересами, когда дѣло идетъ о дѣйствительной экономіи страны. Россія живетъ по преимуществу земледѣльческимъ трудомъ, торгуетъ исключительно сырыми продуктами, мѣстная дѣятельность ея едва возбуждена, промышленности почти не имѣетъ, т. е. находится именно въ томъ положеніи, когда желѣзныя дороги крайне невыгодны. Такъ оно и есть. Одно изъ лучшихъ предпріятій, способныхъ обогатить страну, у насъ даетъ только 2% съ затраченнаго капитала и, какъ доказалъ опытъ, вовсе не удешевило перевозку произведеній, какъ этого ожидали прежде. До постройки желѣзныхъ дорогъ жить было дорого, а теперь еще дороже. Гдѣ же эта выгода отъ желѣзныхъ дорогъ, о которой такъ сладко напѣвали намъ рутинные экономисты? Гдѣ эти компаніи, обѣды, рѣчи и поздравительные тосты, которые судили намъ золотыя горы, а дали свиницу? «А потому, говоритъ г. Шуберскій, если желѣзныя дороги принесли огромную пользу Западной Европѣ, то выгоды ихъ въ Россіи должны быть еще ощутительнѣе». Хорошъ силлогизмъ! Съ такимъ взглядомъ на вещи можно придти и къ слѣдующему умозаключенію: если бургонскіе виноградники очень полезны Франціи, то еще полезнѣе они должны быть Вологодской губерніи; если купеческій флотъ очень выгоденъ для Англіи, то еще выгоднѣе онъ долженъ быть для Россіи. Подобная логика можетъ такъ дорого обойтись общественной экономіи, что, по пословицѣ, обожешься на молокѣ, будешь потомъ дуть и на воду. Къ сожалѣнію, мы рѣдко разсуждаемъ иначе и когда проектируемъ какое нибудь промышленное предпріятіе, то основываемъ его на силлогизмѣ г. Шуберскаго. А пора бы, кажется, научиться хоть первыиъ правиламъ общественной экономіи. Безспорно, что желѣзныя дороги намъ нужны, но прежде ихъ нужны промышленность, возбужденіе народной дѣятельности, улучшеніе общаго экономическаго по-

ряда, однимъ словомъ, нумень тотъ социальный уровень, на которомъ желѣзныя дороги дѣлаются не обременительными, а выгодными путями сообщенія. Ясно, что для разрѣшенія таюого вопроса маховезъ г. Шуберскаго, при самыхъ блистательныхъ результатахъ его, будетъ слишкомъ недостаточенъ для удешевленія желѣзныхъ дорогъ, и потому въ практическомъ его значеніи позволяемъ себѣ сильно усумниться.

Что же касается расчетовъ г. Шуберскаго относительно сокращенія разстояній желѣзныхъ дорогъ, то здѣсь все зависитъ не столько отъ условій мѣстности, сколько отъ чисто-экономическихъ соображеній, отъ тѣхъ промышленныхъ пунктовъ, которые соединяются желѣзною сѣтью. Можно построить совершенно прямолинейную дорогу, безъ всякихъ изворотовъ, и она въ экономическомъ отношеніи будетъ гораздо дороже, чѣмъ самая извилистая линія. Московская желѣзная дорога очень пряма, но выгодна ли она? Въ этомъ отношеніи мы поступаемъ подобно тому богачу, который, просыпаясь утромъ, подходилъ къ окошку, смотрѣлъ на небо и, сообразно погодѣ, измѣнялъ маршрутъ своего путешествія: дурная погода—онъ ѣхалъ вправо, хорошая—онъ ѣхалъ влѣво, а куда пріѣдетъ къ вечеру, это было ему все равно. Проектируя желѣзную дорогу, мы обыкновенно принимаемъ во вниманіе нѣсколько большихъ городовъ, черезъ нихъ проводимъ линію, и за тѣмъ думаемъ, что благодѣтельствовали цѣлый край. Торговое село, каменно-угольная копъ, большая рѣчная пристань и т. п.—все это остается по сторонамъ желѣзной линіи, долженствующей обогащать одни крупныя населенія. Такимъ образомъ по сокращенію разстояній экономію маховеза можно пока считать не болѣе, какъ пріятной иллюзіей г. Шуберскаго. Какъ специалисту и инженеру, изучавшему желѣзныя дороги только съ одной технической стороны, ему простиительно думать, что изобрѣтеніе его можетъ преобразовать весь экономическій бытъ Россіи.

Подобно г. Шуберскому, толкуетъ и г. Полетина *О желѣзной промышленности въ Россіи*. Онъ доказываетъ, что отъ процвѣтанія этой промышленности зависитъ наша политическая независимость,

эпопическая дѣятельность; вся будущая цивилизація. А *сurtier son metier!* И кузнецъ въ правѣ сказать намъ съ полнымъ убѣжденіемъ, что не будь его кузницы, мы не строили бы домовъ, не ѣздили бы на лошадахъ, не имѣли бы ни плуговъ, ни пароходовъ, ни желѣзныхъ дорогъ. Вѣдь и Громека нѣкогда провозглашалъ, что не будь «Отечественныхъ Записокъ» и его хрсники, то не было бы и освобожденія врсстьянъ. Эта мнѳманія совершенно понятна въ челоуѣкѣ, у котораго общее умственное развитіе плоховато, а специальное занятіе поглотило всѣ его силы и, можетъ быть, всю его жизнь. Тутъ по неволѣ заговоришь, что безъ шляпъ Циммермана Россія находилась бы еще доселѣ въ состояніи варварскомъ. Такъ разсуждаетъ и г. Полетика: подавай ему желѣзную промышленность, которая «соотвѣтствовала бы современному ея развитію въ Европѣ», или возвращайся во времена Варяго-Руссовъ. Вотъ и

„въ книгѣ Бытія, говорятъ г. Полетика, Моисей повѣствуетъ, что въ шестомъ колѣнѣ отъ Каина братоубійцы, у Ламеха родился сынъ Тубаль-Каинъ, который былъ ковачемъ всякаго издѣлія изъ мѣди и желѣза“.

Это было за 3000 лѣтъ. Такъ почему же и намъ не быть ковачами и не имѣть желѣзной промышленности въ 1864 году!

Вѣроятно; чтобы пристыдить своихъ соотечественниковъ, оплошавшихъ по части ковачества, г. Полетика присоединилъ къ своей книгѣ исторію желѣзнаго дѣла; иначе трудно понять, за чѣмъ понадобилась эта исторія, составляющая двѣ публичныя лекціи въ 48 страницъ и, конечно, наскучившая своимъ слушателямъ иуще самого отца Ламеха.

Интересно однакожъ знать, какъ мы далеко ушли на поприщѣ желѣзной промышленности, безъ которой никакой прогрессъ болѣе невозможенъ.

«По количеству выплавляемаго чугуна на душу, говорятъ г. Полетика, а слѣдовательно и по размѣру всего желѣзнаго производства соотвѣтственно населенію, Россія занимаетъ въ настоящее время послѣднее мѣсто.»

А между тѣмъ 70 лѣтъ назадъ, мы производили столько желѣза, что занимали одно изъ первыхъ мѣстъ между европейскими народами.

ми. Слѣдовательно, въ продолженіи этихъ 70 лѣтъ, мы шли задомъ напередъ на пути прогресса желѣзной промышленности.

«Съ 30-хъ годовъ, предрекаетъ г. Полетика, эпоха совпадающая къ сожалѣнію съ учрежденіемъ Корпуса горныхъ инженеровъ, начинается отсталость нашей горной промышленности, которая постепенно увеличивается и въ настоящее время.»

Теперь Россія выплавляетъ чугуна каждый годъ только 18,561,037 пудовъ, что, при 70-милліонномъ населеніи, составляетъ 10 ф. на человѣка; а въ Англіи выдѣлывается въ годъ 233,600,000 пудовъ и во Франціи 53,000,000 пуда.

Одною изъ главныхъ причинъ нашей отсталости въ желѣзномъ производствѣ г. Полетика полагаетъ, между прочимъ, постройку желѣзныхъ дорогъ чужими руками и средствами, такъ какъ развитіе желѣзныхъ дорогъ прямо дѣйствуетъ на развитіе желѣзной промышленности.

Мы одни, говоритъ онъ, въ этомъ отношеніи избрали иной путь дѣйствій и за то наказуемся теперь почти полнымъ отсутствіемъ желѣзныхъ дорогъ.

Странно сказать, но Бельгія по пространству своему въ 184 раза меньше Россіи, а имѣетъ у себя то же протяженіе дорогъ, какъ и мы. И есть что-то фатальное во всемъ ходѣ сооруженія желѣзныхъ дорогъ въ Россіи. При самомъ началѣ ихъ сооруженія, когда вся Европа съ энтузіазмомъ смотрѣла на это новое изобрѣтеніе, у насъ оно встрѣтило оппозицію въ одномъ изъ нашихъ лучшихъ государственныхъ людей: графъ Канкринъ до самой смерти своей не могъ примириться съ идеей желѣзной дороги, видя въ нихъ источникъ какого-то разрыва съ почвой, орудіе праздности и бродяжничества. Для перваго опыта проведенія желѣзной дороги мы выбрали соединеніе Петербурга съ Царскимъ Селомъ, т. е. такое направленіе, которымъ и не могло быть достигнуто никакой общественной и экономической цѣли, и дорога эта, оказавшись коммерчески невыгодною, какъ и слѣдовало ожидать отохотила другихъ отъ предпріятій подобнаго рода.

Потомъ начались постройки Московскій желѣзной дороги, на которую встраили такія суммы, что правительство и публика получили до крайности преувеличенное понятіе о стоимости у насъ сооруженій этого рода. Всѣ попытки обратиться къ пособію отечественной промышленности были постоянно неудачны. Заказывали своимъ заводчикамъ нѣсколько сотъ тысячъ пудовъ рельсовъ и хотѣли, чтобы заводчики, которые въ первый разъ брались за это дѣло, доставляли рельсы дешевле

англійскихъ. Сдѣлали у себя нѣсколько локомотивовъ и, не смотря на совершенно удачное ихъ окончаніе, бросили эту фабрикацію. Желая основать казенный заводъ, который, производя ремонтъ Московской дороги, былъ бы рассадникомъ приобретающихъ въ немъ опытъ мастеровъ и рабочихъ, и сдали этотъ заводъ, на какихъ-то баснословныхъ условіяхъ, первымъ попавшимся американцамъ, которые сдѣлали изъ него одно изъ самыхъ замкнутыхъ заведеній въ Россіи и, наживши миллионы, оставили Россію; а ремонтъ дороги былъ переданъ почему-то французамъ, которые продолжаютъ ту же систему дѣйствій. Наконецъ, къ довершенію всѣхъ этихъ неудачъ и промаховъ мы основали пресловутое главное общество желѣзныхъ дорогъ, начертали ему съѣзъ, въ которой, кромѣ нижегородской линіи, всѣ прочія оказались неудобными. Составили съ нимъ контрактъ, который до опубликаціи его признавался уже невозможнымъ къ исполненію всеми сколько нибудь понимавшими дѣло, и думали хозяйничать въ этомъ дѣлѣ французскихъ спекулянтовъ, которые, размотавши общественныя суммы, окончили дѣло страшнымъ скандаломъ, вынудивъ правительство заплатить обществу за небольшую, да еще не исполненъ конченый, ключекъ изъ предполагавшейся сѣти, 30 мил. р., свыше законтрагованныхъ цѣнъ. Таковъ грустный конспектъ нашихъ дѣйствій по сооруженію желѣзныхъ дорогъ*.

Такимъ образомъ, по мнѣнію г. Полетики, наша желѣзная промышленность не выберется изъ своего жалкаго положенія до тѣхъ поръ, пока мы не примемся строить желѣзныя дороги своими средствами; и обратно, пока желѣзная промышленность не разовьется, до тѣхъ поръ у насъ не будетъ достаточно желѣзныхъ дорогъ. Съ чего впрочемъ начать — съ желѣзной промышленности или съ желѣзныхъ дорогъ — остается рѣшить самому читателю г. Полетики. Кромѣ того, онъ требуетъ измѣненія горнаго законодательства въ томъ направленіи, чтобы отмѣнить всѣ мѣры, стѣсняющія частную дѣятельность въ области желѣзной промышленности, потомъ установить тарифъ, которымъ бы поощрялось внутреннее производство желѣза и наконецъ употребить каменный уголь для плавки чугуна. Когда все это исполнится, тогда мы будемъ имѣть много желѣза, а съ желѣзомъ придетъ къ намъ и гражданская свобода и цивилизація.

Такимъ образомъ, остановившись на однихъ внѣшнихъ фактахъ слабого развитія желѣзной промышленности, г. Полетика не сумѣлъ связать своего предмета съ общими явленіями экономической дѣятельности, и поэтому не показалъ болѣе глубокихъ причинъ нашей отсталости въ желѣзномъ производствѣ. Если мы отстали здѣсь, то

не особенно ушли далеко и въ другихъ отрасляхъ. По увѣренію г. Полетики, мы слишкомъ увлеклись замедлѣніемъ и принесли въ жертву ему всё остальные производства. Но извѣстно, что и земледѣліе наше не процвѣтаетъ, производительность нашихъ почвъ съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе падаетъ. «Даждь намъ хлѣбъ насущный», говоримъ мы своей матушкѣ-землѣ, и за тѣмъ у насъ остается на столько нравственныхъ силъ, на сколько ихъ нужно, чтобы съѣсть насущный хлѣбъ и перевернуться съ одного бока на другой.

Сейчасъ принесли мнѣ стихотворенія г. Розенгейма, вышедшія вторымъ изданіемъ. Я откладываю ихъ до слѣдующаго своего листа, и буду говорить о нихъ вмѣстѣ съ книгой о конской промышленности, такъ какъ между поэзією г. Розенгейма и нашими конскими заводами есть тѣсная генерическая связь.

Г. В.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОЛИТИКА.

ФРАНЦІЯ. Государственный бюджет Франціи удвоивается послѣ 1848 г. — Рѣчь г. Тьера по поводу бюджета.—Милая шутка графа Мориа съ законодательнымъ корпусомъ. — Процессъ Лезюрка, казеннаго по ошибкѣ судей. — Поимки, какъ знаешь, этихъ мудрецовъ.—Процессъ де-ла-Помре, отравившаго свою любовницу. — Протестъ противъ смертной казни. — **АНГЛІЯ.** Вѣроятность скорыхъ переимѣнъ въ Англіи по случаю плохаго здоровья Пальмерстона.— Политическія партіи и ихъ позиція.— Распространеніе ассоціацій.— Переходъ Гадстона на сторону демократической партіи. — Правосудіе англійскаго духовенства. — **ГЕРМАНІЯ.** Учрежденіе палочной расправы въ Мекленбургѣ.— **ГРЕЦІЯ.** Новыя олимпійскія игры.—**ИСПАНІЯ.** Столкновеніе консерваторовъ съ прогрессистами. — Привиллегія, данная Изабеллой кредитору ея, банкиру Саламанкѣ. — **АМЕРИКА.** Продолженіе войны и успѣхи сѣверныхъ штатовъ.

Г. Тьеръ, этотъ маленькій буржуа, воспѣвавшій до сихъ поръ величіе Наполеона I, въ нынѣшнемъ году сталъ на сторонѣ оппозиціи противъ Наполеона III; въ послѣднее время г. Тьеръ явился защитникомъ воздержанія и умѣренности Франціи, въ которой, какъ извѣстно, каждый подданный императора въ среднемъ итогѣ можетъ прожить не болѣе 80 сантимовъ, т. е. 20 к. сер. въ день. Цифра близкая не только къ воздержанію, но и къ сухояденію императорской Франціи. А между тѣмъ государственный бюджетъ увеличивается каждый годъ; общая производительность страны понижается соразмѣрно возрастающей роскоши и мотовству; слѣдовательно Франція живетъ спекуляціей и биржевой игрой. Послушаемъ, что говорить объ этомъ г. Тьеръ.

По мнѣнію его, бюджетъ, въ продолженіе 25 лѣтъ, носившій названіе *чрезвычайнаго*, можетъ быть весьма легко названъ бюджетомъ *обыкновеннымъ*, лишь бы только, пользуясь словомъ — чрезвычайный, въ бюджетъ не вводили нѣкоторыхъ расходовъ весьма спорныхъ и нѣкоторыхъ доходовъ весьма двусмысленныхъ, потому что въ бюджетъ обыкновенный нельзя было бы влючать съ такою смѣлостью, съ какою дѣлаетъ это г. Фульдъ, кохинхинскіе фонды и мексиканскіе билеты.

Какъ бы то ни было, а, благодаря установленному г. Тьеромъ различію, изъ бюджета исключили отъ 100 до 120 милліоновъ; потомъ придумали бюджетъ специальный, составленный изъ расходовъ департаментскихъ и общинныхъ, — расходовъ, которые до сихъ поръ всегда присоединялись къ бюджету обыкновенному. Послѣ полученнаго такимъ способомъ облегченія, намъ говорятъ, что бюджетъ состоитъ всего изъ 1,700—1,800 милліоновъ.

Это еще не все. Завладѣвъ фондами кассы погашенія, принадлежащими кредиторамъ, бюджетъ уменьшили еще на 140 милліоновъ каждый годъ. Потомъ придумали объявить, что расходы по сбору податей не относятся къ числу государственныхъ расходовъ. Благодаря всѣмъ этимъ различіямъ, наши Бароши, наши Жюбинвали, наши Руэ и Гранье де-Кассаньяви имѣютъ право утверждать, что нашъ бюджетъ въ сущности состоитъ изъ 1,300 милліоновъ, т. е., что онъ двумястами милліонами меньше бюджета 1848 года.

«Разсмотримъ теперь—говоритъ г. Тьеръ—не одинъ бюджетъ, а бюджеты трехъ послѣднихъ лѣтъ. Бюджетъ 1862 г., предшествовавшій раздѣленію бюджета на обыкновенный и чрезвычайный, былъ утвержденъ въ 1,970 мил.; потомъ къ нему было прибавлено дополнительныхъ суммъ на 231 мил. Такимъ образомъ, итогъ составляетъ 2,201 мил. Счетный законъ окончательно опредѣляетъ его теперь въ 2,219 милліоновъ.

«Бюджетъ 1863 года былъ предложенъ во время господства знаменитаго сенатусъ-консульта, запрещавшаго дополнительные расходы. Онъ былъ утвержденъ въ 2 миллиарда 60 милліоновъ; изъ этой суммы 1,721 милліонъ назначались на расходы специальные, а 121 мил.— на расходы чрезвычайные. Къ этому бюджету, который не имѣлъ права увеличивать, уже въ началѣ 1863 г. было прибавлено 463 милліона. За тѣмъ, въ декабрѣ, добавили еще 94 милліона, итого— 2,287 милліоновъ. Предположивъ, что счетный законъ добавитъ еще

этой суммѣ всего 13 мил., — чего никогда не случалось — получить 2,300 милліоновъ.

«Бюджетъ 1864 г. еще не вполнѣ извѣстенъ намъ; мы только теперь узнаемъ его. Онъ былъ утвержденъ въ 2 миллиарда и 105 милліоновъ. За тѣмъ представили добавочный бюджетъ въ 140 милліоновъ, который будетъ уменьшенъ возможно на нѣсколько милліоновъ. Уже теперь общій бюджетъ составляетъ 2 миллиарда и 240 милліоновъ. Если дополнительными расходами и окончательнымъ лигидаціе къ нему прибавится только 60 милліоновъ, то въ итогѣ она-масса 2 миллиарда 300 милліоновъ!»

За тѣмъ г. Тьеръ указываетъ на то обстоятельство, что послѣдніе бюджеты какъ царствованія Людовика-Филиппа, такъ и республики ограничивались 1,500 милліоновъ. Такимъ образомъ, за 12 лѣтъ императорскаго правленія наши расходы увеличились вдвое!

Въ чемъ же заключается причина такого громаднаго увеличенія?

«Захотѣвъ возстановить блескъ императорской власти, императоръ придумалъ возобновить пожалованія сановниковъ имперіи. Онъ весьма краснорѣчиво сказалъ, что время наступленія свободы отеречено, и что она *уничтожаетъ собою все зданіе*; поэтому надо было, въ ожиданіи этого дня, занимать умы большими предпріятіями и большими войнами.

«Послѣ крымской войны бюджетъ составлялъ 1,800 милліоновъ, послѣ итальянской — 2 миллиарда. Отчего не вернулись къ прежней мѣрѣ? Оттого, что ходъ прирртіемъ большихъ расходовъ всегда прокрадывается маленькіе».

Послѣ этого г. Тьеръ бросаетъ взглядъ на подвиги имперіи и заключаетъ мнѣніемъ, что мы принесли слишкомъ большія жертвы для возстановленія блеска власти.

«Бюджетъ города Парижа, — говоритъ онъ, — составлявшій некогда 50 милліоновъ, теперь дошелъ до 150 мил. Въ финансовомъ отношеніи Парижъ имѣетъ честь стоять на ряду съ второклассными, или третьеклассными государствами. У него есть свой постоянный долгъ. У него есть даже неутвержденный долгъ (*dette flottante*), на погашеніе котораго идетъ ежегодно отъ 5 до 6 милліоновъ».

«Въ Парижѣ есть учрежденіе, называемое кассою парижскихъ работъ, и годичный оборотъ котораго составляетъ 100 мил. Такимъ образомъ, Парижъ имѣетъ свой постоянный и свой неутвержденный долгъ».

«Но — рассуждаютъ многіе — во Франціи только одинъ Парижъ. Нѣтъ, позвольте. Если въ Парижѣ говорятъ, что Парижъ одинъ, то въ Марсели говорятъ, что Марсель — одинъ. То же самое говорятъ о себѣ Лиль, Руанъ, Лионъ. Въ этихъ городахъ рассуждаютъ такъ: если Парижъ имѣетъ право давить народъ, то мы тоже имѣемъ конечно право немного придавливать его. Бордо только удвоилъ свой бюджетъ, потому что это городъ весьма экономный. Лиль учетверилъ его, Лионъ — тоже. Я не отрицаю, что въ Лионѣ дѣлаютъ весьма важныя вещи: тамъ проложили улицы, построили набережныя, возвели дворцы. Я признаю важность всего этого. Я особенно далекъ отъ того, чтобы обвинять въ лихоимствѣ правительственныя учрежденія, пронаводящія эти расходы. (*Восклицаніе*). Несомнѣнно, что на эти деньги дѣлается что нибудь, но не забудемъ, что Франція слушаетъ насъ, и спросимъ себя: разумно ли учетверять такимъ образомъ бюджеты? Попробуйте сказать, что ваша политика требуетъ учетверенія бюджетовъ, и вы увидите — одобрить ли этотъ образъ дѣйствій нація.

«Считаю не лишнимъ сказать также нѣсколько словъ о Марсели, моей милой родинѣ. Въ Марсели сдѣлано много прекрасныхъ построекъ. Вамъ скажутъ, что это было необходимо; положимъ, но посмотрите на результаты этихъ улучшеній. Двадцать лѣтъ тому назадъ, бюджетъ Марсели, бывшаго уже въ то время весьма красивымъ городомъ, составлялъ 7 мил. 200 тыс. франковъ. Марсельцы нашли эту цифру слишкомъ низкою для своего величія; они начали прокладывать улицы, строить набережныя, возводить дворцы. И въ 1862 году бюджетъ города дошелъ до 48 мил. Значитъ, онъ увеличился въ шесть разъ. Мнѣ скажутъ, что это цифра временная, что бюджетъ снова понизится. Но послушайте, что дѣлается. Вы перестраиваете Тюльери, и я не осуждаю васъ. Только берегитесь издавать примѣръ: префектъ департамента Bouches-du-Rhône хочетъ тоже перестроить зданіе префектуры въ Марсели.

«До сихъ поръ префектура помѣщалась тамъ въ весьма приличномъ домѣ; въ немъ даже останавливался императоръ. Префектъ нашелъ этотъ домъ не достаточно роскошнымъ, и васъ заставили утвердить расходъ въ 7 мил. для сооруженія новаго зданія префектуры. Теперь требуютъ еще 1,500,000 фр. и наконецъ, какъ утверждаютъ всѣ марсельцы, дойдутъ до 12, а можетъ быть и до 14 мил.

«Вотъ какимъ образомъ въ департаментскимъ и общиннымъ расхо-

даже прибавили 140 м. въ годъ. Позвольте—скажутъ мнѣ, только изда- лека это общее увеличеніе бюджета на 5—600 мил. кажется чѣмъ-то страшнымъ, а вблизи все объясняется. Да, все объясняется, когда каждые три или четыре года затѣваютъ большую войну, не давая странѣ времени вздохнуть, — одну изъ тѣхъ войнъ, которыя не имѣютъ опредѣленной цѣли, какъ напр. крымская война, — одну изъ тѣхъ войнъ, всю цѣль которыхъ составляетъ только идея, какую могла быть война за Польшу и какою конечно была война итальян- ская; да, все легко объясняется, когда въ промежуткахъ этихъ боль- шихъ войнъ происходятъ маленькія, маленькія по значенію, огром- ныя по издержкамъ; да, въ этихъ случаяхъ все объясняется, потому что каждый годъ оказывается дефицитъ, вслѣдствіе чего обществен- ный долгъ увеличивается на 300 мил. Да, все объясняется, если въ то же время хотятъ усиливать блескъ власти, увеличивать прави- тельственныя синеюры, дѣлать все разомъ; если желаютъ разру- шать города и потомъ перестраивать ихъ; если для содержанія арміи утробываютъ сумму и безъ того тяжелую для страны; если отъ вре- мени до времени къ вынужденнымъ расходамъ по преобразованію на- шего флота присоединяютъ расходы на отдаленныя экспедиціи, пред- принимаемыя для основанія имперій, раздачи коронъ. Да, повторяю еще разъ, въ этихъ случаяхъ все объясняется... Такимъ образомъ, вы хо- тите все дѣлать за одинъ разъ, — хотите въ одно и то же время про- изводить расходы необходимыя, расходы только пріятныя, расходы сомнительныя, расходы иногда вредныя, расходы безотлагательныя. О, если такъ, то повторяю тысячу разъ — все объясняется. Объяс- няются бюджеты въ 2 миллиарда 500 мил. и даже въ 3 миллиарда.

«Вы хотите все сдѣлать разомъ. Но въ состояніи ли вы сдѣлать это? Вотъ главный вопросъ нашего финансоваго положенія. Вы от- вѣчаете, что можете, благодаря развитію народнаго богатства...

«Сколько, однако, это богатство позволяетъ истрачивать въ годъ? Доходить ли оно до 2 миллиард. 200 мил., или 2 миллиард. 300 м.?— Если бы это было такъ, я бы не сказалъ ни слова. Въ этомъ слу- чаѣ вы были бы собственникомъ, истрачивающимъ весь свой доходъ. Такого собственника не называютъ сумасшедшимъ, но въ то же вре- мя не называютъ и экономнымъ. Но дѣйствительно ли вы собствен- никъ, истрачивающій только весь свой доходъ?..

«Извѣстно, что ваше богатство не покрываетъ всѣхъ расходовъ, и каждый годъ, для покрытія ихъ, вы принуждены просить отъ 2—

300 мил. у общества или въ массѣ погавонія. Вотъ наше финансовое положеніе. Какъ выйти изъ него? Остается только одно средство. Прежде всего, мы должны быть не столько благоразумны, чтобы не затѣвать войнъ, и я надѣюсь, что это будетъ, потому что оставаться въ мирѣ — зависить отъ насъ самихъ. Если мы будемъ оставаться въ мирѣ, если у насъ будетъ административное воздержаніе (*смыслъ*), необходимое для постепеннаго уменьшенія расходовъ, которыми поддерживаютъ наше величіе; если съ приходомъ благоразумія насъ не понижеть счастья, (потому что я видѣлъ иногда, какъ счастье уходило, чуть только являлось благоразуміе), если наше благочинное состояніе будетъ продолжаться долге, — вы будете имѣть возможность возстановить финансовое равновѣсіе. Тогда вы станете въ нормальное положеніе.

«Въ 1851 г., въ интересъ порядка, надо было опустить занавѣсъ на этой большой снѣгъ, надо было занять государство чѣмънибудь другимъ, и нашу бюджетъ можно сказать, во что намъ обошлось то, что мы занимаемъ Францію не свободой, а чѣмъ-то другимъ. Но я надѣюсь, что если императоръ, въ чемъ я не сомнѣваюсь, не измѣнитъ своей благородной политики, состоящей въ постепенномъ возвращеніи намъ свободы, — то эта свобода докажетъ, что она не заслуживаетъ тѣхъ порицаній, которыми выносятся на ее долю.

«А если бы эти порицанія были и справедливы, — то намъ всѣмъ, господа, конечно приходила въ голову слѣдующая мысль: пусть свобода и имѣетъ тѣ недостатки, которые ей приписываютъ, но нельзя не сознаться, что замѣнять ее чѣмъ-либо другимъ обходится слишкомъ дорого».

Эта рѣчь, о которой приведенныя нами отрывки даютъ приблизительное понятіе, произнесена, какъ и всѣ рѣчи г. Тьера, значительное вліяніе на нашихъ французскихъ буржуа, обожавшихъ красноту, точность и остроуміе, съ которыми говорится о самыхъ сложнѣйшихъ предметахъ... Этими и объясняется громадный успѣхъ рѣчей г. Тьера.

Послѣ него на кафедру взошелъ г. Пинарь. Онъ поварачивалъ ножъ въ ранѣ, когда указывалъ на противоположность между обсужденіемъ бюджета, которое съ такимъ трудомъ поддерживалось комиссаромъ правительства, и триумфомъ Вильяма Гладстона. «Недалеко отъ насъ — говорилъ онъ — великая нація сама обсуждаетъ свой бюджетъ, и дни этого обсужденія — для нея праздничные дни!» Г. Пинарь тоже захотѣлъ загкннуть въ темное царство муниципальной

комиссія. Г. Пикарь родился на отчаяніе несчастнаго сенскаго преемника, который, какъ говорятъ, при вступленіи въ эту должность, имѣлъ 400 т. фр. долгу, а теперь имѣетъ 18 мил. состоянія. Каждый годъ г. Пикарь громко жалуется на совершенное отсутствіе контроля надъ безчисленнымъ множествомъ работъ, производящихся по фантазіи барона Гаусмана: «Такъ какъ городъ Парижъ — несовершеннолѣтній, который, по словамъ правительства, не можетъ управляться самъ собою, такъ какъ съ другой стороны Парижъ — представитель интересовъ, слишкомъ громадныхъ для того, чтобы ихъ оставляли на произволъ выборовъ посредствомъ общей подачи голоса, — то Парижъ долженъ съ этихъ поръ зависѣть отъ самого законодательнаго корпуса. Если бюджетъ всего государства подчиненъ контролю, то съ какой стати не контролировать бюджетъ Парижа, — бюджетъ, который, какъ бы то ни было, составляетъ 150 мил.» Преобразование, предложенное депутатомъ оппозиціи, заключало въ себѣ слѣдующую дилемму: «Если Парижъ не можетъ управляться муниципальнымъ совѣтомъ, состоящимъ изъ членовъ по выбору, то нужно по крайней мѣрѣ, чтобы его бюджетъ былъ утверждаемъ и контролируемъ законодательнымъ корпусомъ; если городъ Парижъ не обыкновенная община гражданъ, то его бюджетъ становится государственнымъ дѣломъ, и мы имѣемъ право контролировать его.

Почтенный г. Ше-д'Эсть-Анжъ, самъ засѣдающій въ муниципальной комиссіи, поспѣшилъ съ весьма трогательнымъ рвеніемъ принять на себя защиту безконтрольности барона Гаусмана. Этотъ искусный адвокатъ произнесъ очень пріятную рѣчь, не лишенную и литературныхъ достоинствъ и украшенную нѣсколькими цитатами изъ Монтескье. За то и аплодировали ему очень усердно; но эти аплодисменты превратились въ хохотъ, когда г. Пикарь торжественно произнесъ:

«Въ 1848 г. правительству говорили, что во время тираническаго правленія безчисленное множество проклятій посыпалось бы на голову того преемника, который самъ бы назначилъ совѣтъ для контролированія его дѣйствій. И знаете ли господа, кто говорилъ это? Почтенный г. Ше-д'Эсть-Анжъ!»

Навадки на бюджетъ вызвали возраженія со стороны г. Сень-Ножа, котораго многіе считали будущимъ министромъ финансовъ; онъ отвѣчалъ, какъ какой нибудь agent provocateur, прямо устре-

мивъ свое нападеніе на правленіе покойнаго Людовика-Филиппа вообще, и въ особенности на министерство г. Тьера.

«Почтенный г. Тьеръ—сказалъ онъ—вдался вчера въ политику, когда началъ доказывать, что замѣщеніе свободы кое-чѣмъ другимъ обошлось намъ слишкомъ дорого. Онъ хотѣлъ показать, что наши финансы въ дурномъ положеніи и что все идетъ северно. Я же утверждаю совершенно противное. Свобода обошлась намъ слишкомъ дорого, а наше настоящее положеніе превосходно».

Послѣ этого ораторъ привелъ нѣсколько выдержекъ изъ рѣчи г. Тьера и упрекнулъ этого послѣдняго въ томъ, что онъ не упомянулъ ни о парижскомъ конгрессѣ, ни о Сольферино и Виллафранкѣ, ни о Ниццѣ и Савоіи, ни о торговомъ договорѣ и новыхъ путяхъ, открытыхъ для французской торговли.

«Англія — продолжалъ г. Сенъ-Поль — дралась вмѣстѣ съ нами въ Крыму. Каждый могъ легко сравнить англійскія силы съ нашими, и мы можемъ смѣло сказать, что побѣдили Англію еще больше, чѣмъ Россію и Австрію».

Г. Сенъ-Поль не преминулъ также изваться въ диамрамбическихъ похвалахъ величію бонапартистской имперіи. Вотъ его слова:

«По статистическимъ свѣденіямъ, недвижимое имущество Франціи въ 1852 г. простиралось на сумму 83 миллиардовъ, теперь оно стоитъ 120 миллиардовъ;—значитъ сумма увеличенія составляетъ 35 миллиардовъ или 45%. Доходъ отъ недвижимыхъ имуществъ, судя по министерскому отчету 1862 г., увеличился на одинъ миллиардъ. Что касается имущества движимаго, то въ 1852 г. статистика опредѣляла его въ 45 миллиардовъ, а теперь оно цѣнится въ 129 миллиардовъ, — т. е. больше, чѣмъ на 150%».

Г. Сенъ-Полью можно бы возразить многое. Конечно, съ 1848 г. Франція сдѣлала большіе матеріальные успѣхи. Установленіе свободы отсрочили до того времени, когда придется увѣнчать все зданіе. Свободу отняли у Франціи, и въ замѣнъ ей дали мѣшокъ съ мѣдными деньгами. Такимъ образомъ, до извѣстной степени справедливо, что бонапартистская Франція богаче Франціи республиканской. Но высокая цѣна вещей не служитъ доказательствомъ богатства. Напротивъ того. Г. Сенъ-Поль говоритъ намъ, что народныя доходы увеличились на 50%. Положимъ. Но что мы выиграли этимъ, если дороговизна жизни увеличилась до такой же пропорціи, если семейство, которое лѣтъ двѣнадцать тому назадъ проживало въ годъ 1000

ер., теперь не можете истративать меньше 1400? Все наши хозяева громко кричатъ, что расходы увеличиваются гораздо скорѣе доходовъ; каждый годъ онѣ говорятъ: «все покупается безбожно дорого, къ рѣшѣ просто приступить нѣтъ, а картофель сдѣлался предметомъ роскоши!»

Не увлекаясь ни оптимизмомъ, ни пессимизмомъ, мы вотъ какъ характеризуемъ наше положеніе, и полагаемъ, что эта характеристика совершенно справедлива: Франція, по видимому, гораздо богаче, а на дѣлѣ — немного богаче теперь, чѣмъ лѣтъ двѣнадцать тому назадъ. Она потребляетъ немного больше, чѣмъ прежде, но за предметы этого потребленія она платитъ гораздо дороже; она платитъ за нихъ такъ дорого, что вотъ уже три года, какъ мы, окруженные этимъ кажушимся скопленіемъ капиталовъ, терпимъ жесточайшій коммерческій кризисъ, и издержки едва покрываются доходами. По словамъ г. Сенъ-Поля, государство обогащается, а французы жалуются, что они бѣднѣютъ... Впрочемъ, одинъ изъ ораторовъ въ оппозиціи отвѣчалъ ему:

«Мой почтенный товарищ — сказалъ онъ — утверждаетъ, что Франція никогда еще не была въ такомъ цвѣтущемъ положеніи, въ какомъ она находится теперь. Я возражаю на это мнѣніе слѣдующею дилеммой: если богатство страны увеличилось въ такой значительной степени, если общественные доходы такъ сильно развились, то отчего же этихъ доходовъ недостаточно для васъ? Или вы не такъ богаты, какъ говорите, или, если вы дѣйствительно богаты, то напрасно не довольствуетесь тѣмъ, что имѣете».

Г. Тьеръ напалъ на бюджетъ правительства со стороны расходовъ, а г. Беррье — со стороны доходовъ. Но на присутствующихъ произвели влияніе не столько цифры, представленные знаменитымъ ораторомъ, сколько его замѣчанія на вызовъ г. Сенъ-Поля.

«Парламентское правительство — сказалъ г. Беррье — существовавшее во Франціи съ 1814 до 1851 г., упрекаютъ въ неспокойномъ духѣ. Я не хочу здѣсь напоминать, въ какомъ положеніи находилась Франція въ концѣ первой имперіи, въ какомъ положеніи были тогда ея богатства, торговля, флотъ, территорія, запятнанная присутствіемъ непріятели, котораго два раза призывали на насъ. (Смѣхъ)... Я не думалъ, что еще теперь, по прошествіи 50 лѣтъ, существуютъ люди, способные повторить то, что политическія страсти влагали въ уста этому отдаленному времени. Я не думалъ, что еще теперь можно повторить сказку о союзѣ иноземныхъ армій, при-

веденных во Францію королевской властію, которая возвращала намъ свободу. (*Шумъ*).

Г. Рувэ, государственный министр. Если что погубило реставрацію въ 1830 г., такъ это кортежъ, слѣдовавшій за нею въ 1814 г. (*Очень хорошо, очень хорошо!*)

Г. Беррье. А что это былъ за кортежъ? Кто сформировалъ его, кто привелъ его изъ намъ? Кто водилъ французскія войска по всей Европѣ? Кто, слѣдовательно, былъ виновникомъ раздраженія народовъ? (*Шумъ*). Я не хотѣлъ, господа, пускаться въ молитву, но мама заставила сдѣлать это. (*Восклищенія*). Итакъ, кто былъ виновникомъ раздраженія народовъ и оставилъ большой сѣмезъ центральныхъ и сѣверныхъ государствъ? Кто внесъ войну въ самую глубь Россіи? (*Сильнѣйшій шумъ*). Вотъ настоящая причина нашихъ бѣдствій, — бѣдствій, которыя, повторяю, стоили Франціи дороже всѣхъ революцій, пережитыхъ нами послѣ того (*Шумъ*).

Сильнѣе всего г. Беррье напиралъ на трату средствъ классы погашенія и на доходы, которые правительство вписало въ свой бюджетъ посредствомъ испанскаго займа.

«Касса погашенія — сказалъ онъ — была основана закономъ 25 апрѣля 1816 г. Она представляла собою гарантію государства для тѣхъ, которые давали ему въ займы. Учреждая классъ погашенія, правительство этииъ принимало на себя обязательство уплатить истинные долги.

«Государство не можетъ по своему произволу распоряжаться доходами и приобретеніями кассы погашенія. Эти капиталы — собственность кредиторовъ государства; они — обязательство, принятое правительствомъ въ отношеніи къ этимъ кредиторамъ, и обязательство священное, какъ тѣ, которыя существуютъ между частными лицами.

«Эта собственность кредиторовъ государства, это право, которое они имѣютъ на капиталы и доходы кассы погашенія, находятъ своего представителя въ независимой кассѣ, которая и должна быть такою и которую законъ устроилъ такъ, чтобы она пользовалась независимостью.

«Между тѣмъ, послѣ 1855 г., суммы, которыя вы заняли въ кассѣ погашенія, дошли до 1 миллиарда 600 милліоновъ.

«Какимъ же доврѣніемъ можетъ пользоваться правительство, закулавающее руку совершенно произвольно въ такъ называемую независимую отъ него кассу?»

Г. Берье сообщалъ тѣмъ, что дѣйствующая армія должна быть сокращена на 50,000 человекъ, или Франція должна вынести всѣ послѣдствія эпидемическаго эпидемическаго приваса.

Между тѣмъ какъ партія оппозиціи наивероятнѣе окончатъ дебаты торжественною рѣчью г. Тьера о добавочномъ бюджетѣ 1864 года, совершенно непредвидѣнно она сдѣлалась жертвою прелестной плавильной выходя г. президента. Графъ Морни созвалъ палату, не предупредивъ о томъ членовъ оппозиціи, и между тѣмъ какъ Тьеръ повторялъ у себя дома, передъ зеркаломъ, свою блестящую рѣчь, бюджетъ вытравился палатой и былъ утвержденъ съ изумительною быстротою. Когда Тьеръ всталъ, Морни уже принялъ самую дерзкую позу и самоувереннѣйшій видъ, и самымъ вкрадчивымъ голосомъ, съ самымъ хитрымъ улыбкомъ, сказалъ своимъ молодымъ воспитанникамъ по законодательному корпусу рѣчь, которую можно резюмировать такъ :

«Господа, я всегда былъ *эссенціальменъ* въ полномъ смыслѣ слова, но въ нынѣшнемъ году я превзошелъ самого себя. Я до сихъ поръ еще продолжаю считать себя руководителемъ въ дѣлѣ изящнаго вкуса, социальныхъ познаній и высшей элегантности. Императрица даетъ томъ туалетамъ нашихъ барынь, а я — туалетамъ нашихъ мужчинъ. Я умѣю посылатъ нули, но тоже умѣю посылатъ и лести, куда слѣдуетъ. Всѣ остальные наши политики — дрянные людишки, имѣющие въ жизни только одну идею, одну страсть, одинъ интересъ. Я человекъ данной минуты; у меня столько идей, сколько потребностей, столько политическихъ принциповъ, сколько интересовъ. Я занимаюсь богословіемъ, но въ то же время я пишу оперы подъ именемъ моего секретаря; я сочиняю также маленькіе куплеты, слишкомъ рискованные для театра водевилей, но играющіеся въ интимныхъ тюльерскихъ салонахъ. Я веду ваши дебаты въ палатѣ, но въ то же время мои лошади выигрываютъ призы на всѣхъ скачкахъ. Ни одно дѣло Миреса, Полидора Мильо, Эмиля и Исаака Перейры, Ротшильда и Жюлиера не обходится безъ Морни. Въ карточной игрѣ я не боюсь шулеровъ и, проигравъ 400 т. фр., въ одинъ вечеръ, выигрываю 500 т. въ другой. Я — несравненный Морни, и настоящій принцъ Малиавелли, я геній имперіи Наполеона III!

«Знайте же, что теперешнимъ моя политика требуетъ, чтобы я игралъ либеральную роль; знайте же, что я еще разъ рассчитываю на неустойчивую наивность, какъ вашу, такъ и всего государства.

«Но я не могу расстаться съ вами безъ того, чтобы не поблагодарить васъ, не сказать вамъ, какъ я тронуть всегданшею вашею обязательностью, благосклонностью и — позвольте мнѣ такъ выразиться — дружбою въ отношеніи ко мнѣ; я еще болѣе счастливъ тѣмъ, что могу обратиться съ этою благодарностью ко всѣмъ вамъ, безъ всякаго исключенія (*Живое одобреніе*).

«Я всегда смотрѣлъ на свою политическую роль, какъ на роль примирителя и успокоителя; только съ этой точки зрѣнія я признавалъ ее полезною, потому что, по моему мнѣнію, политическое учрежденіе можетъ достигнуть авторитета и достоинства только умѣренностью и хорошимъ тономъ своихъ дебатовъ, взаимнымъ уваженіемъ своихъ членовъ! (*Очень хорошо, очень хорошо!*).

«Наше государство пережило много революцій, и каждая изъ нихъ оставила послѣ себя цѣлый слой воспоминаній, сожалѣній, противоположныхъ принциповъ. Кто же имѣетъ право упрекать своего товарища въ томъ, что онъ теперь говорить и дѣйствуетъ не такъ, какъ въ прошедшее время?

«Я тоже былъ свидѣтелемъ прошедшаго времени и всегда старался дѣлать ему справедливую и честную оцѣнку. Увы! я видѣлъ, какъ люди совершенно искренно измѣняли свои мнѣнія, смотря по положеніямъ, въ которыхъ они находились, и средѣ, въ которой жили... Помню, что въ то время, когда я только что вступалъ на политическое поприще, на свѣтѣ существовалъ великій воинъ, знаменитый маршалъ, маршалъ Сульть. Когда онъ еще не былъ правительственнымъ лицомъ, всѣ соглашались, что сраженіе при Тулузѣ было выиграно имъ; чуть только онъ сдѣлался министромъ, многіе стали увѣрять, что онъ проигралъ это сраженіе. (*Общій смѣхъ*).

«Когда измѣняются точки зрѣнія на вещи, — измѣняются и самыя вещи. Будемъ же всегда снисходительны и благосклонны другъ къ другу.

«Къ этой-то цѣли, въ которой сосредоточены интересы императора, Франціи и ваши, будутъ постоянно направлены мои усилія до тѣхъ норъ, пока я буду имѣть честь занимать это мѣсто (*Продолжительныя рукоплесканія*).

Такииъ словомъшверженіемъ г. Морни благодарилъ палату за то, что она, не пригласивъ членовъ оппозиціи, утвердила бюджетъ на 1864 годъ.

Интересный спор происходил по поводу процесса Лезюрка, который прославили во Франции бульварныя драмы. Лезюркъ былъ почтенный негодянтъ, обогатившійся посредствомъ спекуляцій во время великой революціи. Въ 1796 г. одного лонскаго курьера остановили на дорогѣ, ограбили и убили, и между его убійцами двѣ женщины узнали Лезюрка. Дѣйствительно, онъ имѣлъ несчастіе быть, какъ двѣ капли воды, похожимъ на Дюбова, дѣйствительнаго виновника преступленія. Лезюрка осудили и казнили, не смотря на протестъ его собственный, многочисленныхъ свидѣтелей и одного преступника, который до самаго эшафота увѣрялъ, что только онъ — виновенъ, а Лезюркъ — совершенно невиненъ. Апелляція Лезюрка была отвергнута кассационнымъ судомъ подъ тѣмъ предлогомъ, что *невинность не можетъ служить поводомъ къ кассированію приговора*; послѣ этого директорія два раза просила у совѣта пяти сотъ спасти жизнь человѣка, который, по видимому, былъ невиненъ, — и два раза совѣтъ отказалъ.

Не смотря на то, что конфискація не существуетъ въ нашихъ законахъ, все состояніе Лезюрка перешло въ руи правительства. Это имущество состояло изъ 10 т. фр. доходовъ съ имѣній, не считая капиталовъ. Вдова Лезюрка сошла съ ума, старшая дочь тоже помѣшалась, а младшая бросилась въ Сену, узнавъ, что правительство отказалось оправдать ея отца. Между тѣмъ невинность Лезюрка была слишкомъ ясно доказана, всѣ недоразумѣнія разъяснились, дѣйствительнаго виновника, Дюбова, схватили, онъ погибъ также на эшафотѣ, — но судьи все продолжали не сознаваться въ своей ошибкѣ, а казна все не хотѣла возвращать несправедливо конфискованное имущество. Однако, въ 1824 г. г. Вилмелъ приказалъ возвратить 214 т., въ 1834 г. Гюманнъ велѣлъ отдать еще 252 т. фр. Послѣ этого возвращенія остались конфискованными еще 54 т. фр. — сумма, похищенная у курьера, убійцею котораго все еще продолжали считать Лезюрка.

Жюль Фавръ и разные депутаты требовали, чтобы внучкѣ Лезюрка возвратили эти 54 т. фр. съ процентами, наросшими съ 1796 г. Кроме этого они требовали юридическаго оправданія несчастнаго Лезюрка. Морни и Паріе, комиссаръ правительства, всѣми силами воевали противъ этого предложенія на томъ основаніи, что *не слѣдуетъ испровергать авторитетъ дѣла, уже рѣшеннаго судомъ*. По всей вѣроятности — говорили, эти господа — Лезюркъ былъ

невиненъ, но кассацией приговора, осужденнаго его на смерть, мы покажемъ, что французская магистратура не непогрѣшима, а унизить ее въ глазахъ народа очень опасно.

Такимъ образомъ, французская магистратура знаетъ, что она не непогрѣшима, а между тѣмъ хочетъ, чтобъ ее считали совершенно непогрѣшимою. Следовательно, она хочетъ, чтобъ народъ ее уважалъ не за справедливость и безпристрастie, а вслѣдствie грубой инстинктивнаго. Следовательно, французская магистратура, чтобы сохранить славу своей непогрѣшимости, становится уязвимею убийцъ.

Предложенiе г. Фавра и его друзей было, къ величайшему удивленiю, принято палатой; большинствомъ 113 голосовъ противъ 112 она постановила возвратить въ финансовую комиссiю часть бюджета для того, чтобы комиссiя вывела изъ него 54 т. фр., слѣдующихъ въ возвратъ ввучаѣ Лезюрна.

Но утро вечера мудренѣе, — и на другой день, вслѣдствie непонятной перемены въ образѣ мыслей, палата кассировала свое рѣшенiе и постановила совершенно противоположное большинствомъ 163 голосовъ противъ 47. Пойми, какъ знаешь, этихъ мудрецовъ!

Не менѣе была заинтересована публика процессомъ ла-Помре. Кути де-ла-Помре былъ сынъ доктора, пользующагося хорошею репутацiею. Онъ былъ хорошо образованъ, хорошо говорилъ и писалъ, и имѣлъ изящныя манеры. Наружность его была очень красива; онъ имѣлъ прекрасный лобъ, правильный носъ, превосходные волосы и хитрые глаза, которые, казалось, говорили «ты не узнаешь моей тайны».

Ла-Помре былъ не богатъ, а хотѣлъ выйти въ люди; ему хотѣлось имѣть экипажи, лошадей, слугъ, бывать на балахъ и банкетахъ сенсаго префекта, находиться въ тѣсной дружбѣ съ императорскимъ прокуроромъ. Для начала онъ назвался графомъ де-ла-Помре, и избралъ своимъ гербомъ золотое яблоко съ девизомъ: *Omnia prola aurea tanget!* — Но для осуществленiя его плана ему не достовало главнаго — денегъ.

Первою спекуляцiею его была женитьба. Онъ познакомился съ домою богатой женщины, г-жи Дюбиян, сумѣлъ обворожить ее дочь и заставилъ мать дѣвушки выдать ее за него. Для того, чтобы дѣло пошло успѣшнѣе, онъ добылъ у одного изъ своихъ друзей на прокатъ значительное число акцiй и выдалъ ихъ за свои.

Суди же подробностямъ этого процесса, онъ отправилъ куда-то свою толпу, чтобы не стѣсниться ей присутствіемъ.

До свадьбы онъ былъ въ самыхъ тѣсныхъ отношеніяхъ съ г-жею Повъ (Pauv), занимавшеюся продажей картинъ. г-жа Повъ странно влюбилась въ этого господина, обворожившаго ее своею красотою, изяществомъ, умомъ. Она была бѣдна, вѣтрена и непредусмотрительна. Вся жизнь ея проходила въ борьбѣ съ нищетою, но это не лишало ее бодрости, веселаго расположенія духа и истинно-материнской любви къ ее дѣтямъ.

Жизненикъ, ла-Помре прекратилъ съ нею всякія сношенія и отказался навѣстить ее даже тогда, когда ее дѣти заболѣли. Но вдругъ онъ снова началъ посѣщать ее; это было въ то самое время, когда онъ приобрѣлъ у одного аптекаря громадное количество дигиталину. «Моя любовь — сказала онъ г-жѣ Повъ — возвратилась, и я хочу обезпечить будущность нашихъ дѣтей». Для этого онъ предложилъ ей слѣдующее средство: «вы застрахуете свою жизнь въ 550 т. фр.; страховую премію заплачу я; послѣ этого вы притворитесь опасно больной, такъ чтобы страховая компанія подумала, что вы при смерти. Она конечно испугается; тогда я отправлюсь къ ея директорамъ и предложу имъ — уничтожить вашу застраховку съ тѣмъ, чтобы компанія ежегодно, до самой вашей смерти, платила вамъ пенсію въ 6 т. фр., которые мы будемъ дѣлать пополамъ.»

У г-жи Повъ не хватило духу отказать отъ этого заманчиваго предложенія. Застраховка была дѣйствительно сдѣлана въ 6-й французской и 2-й — англо-французской страховой компаніяхъ. Конечно, эти компаніи никогда не заключили бы такой сдѣлки съ совершенно бѣдною женщиною, принимавшею на себя обязательство платить ежегодно премію въ 18,840 фр., но одинъ изъ друзей ла-Помре убѣдилъ ихъ, что богатый человекъ, графъ ла-Помре, хочетъ этимъ способомъ обезпечить дочь, прижитую имъ съ г-жею Повъ.

Когда дѣло такимъ образомъ устроилось, ла-Помре внесъ 15 т. фр. преміи. Еще не наступило время второго взноса, какъ онъ объявилъ своей любовницѣ, что пора притвориться больною. Несчастная легла въ постель, и ла-Помре тамъ усердно лечилъ ее дигиталиномъ, страшнымъ ядомъ, что чрезъ нѣсколько дней она умерла, оставивъ въ рукахъ своего доктора документы, признававшіе его законнымъ наследникомъ 550 т. фр., слѣдовавшихъ покойной отъ страховыхъ компаній.

Вся публика пришла въ страшное негодование. Цинизмъ, съ которымъ обвиненный оправдывался въ судѣ, стараясь во всемъ обвинить свою умершую любовницу, и тотъ фактъ, что несчастная была отравлена въ тотъ самый день, когда она истратила свои послѣдніе 20 су. на покупку духовъ для встрѣчи своего возлюбленнаго, — страшно возмутили всѣхъ противъ убійцы. Съ самаго начала процесса, до произнесенія приговора, не нашлось ни одного человѣка, который усумнился бы въ его виновности, и всѣ требовали его казни. Ла-Помре защищался съ удивительнымъ присутствіемъ духа и непоколебимою твердостью, такъ что, не смотря на множество нравственныхъ доказательствъ его виновности, не нашлось ни одного доказательства матеріальнаго.

Оттого-то и разнесся слухъ, что Ла-Помре оправданъ, *потому что онъ джентльменъ*. Но это извѣстіе скоро оказалось ложнымъ, и тѣ самые люди, которые громко требовали его казни, теперь утверждали, что за отсутствіемъ матеріальныхъ доказательствъ его не слѣдовало возводить на эшафотъ...

Казнь его ознаменовалась самыми скандальными сценами. Тысячи любопытныхъ расположились еще наканунѣ на площади Рокеттъ; по словамъ однихъ, этихъ зрителей было 30 т., по словамъ другихъ — 100 т. Въ толпѣ происходила гнуснѣйшая давка. Всѣ старались кулаками пробивать себѣ дорогу поближе къ эшафоту, всюду раздавались циническія выходки, грязныя пѣсни... Всѣ воры, всѣ публичные женщины собрались сюда. Эта ночь была праздникомъ для всего; что только есть въ Парижѣ самого грязнаго.

Въ это же самое время замѣчательный случай происходилъ въ департаментѣ Верхняго Рейна. Три брата, вооружившись желѣзными вилами, схватили свою мать, бросили ее въ яму и до тѣхъ поръ наваливали на несчастную навозъ и всякіе нечистоты, пока она не умерла.

Жюри признали этихъ трехъ чудовищъ виновными, но на основаніи смягчающихъ вину обстоятельствъ (*circonstances atténuantes*) не приговорили ихъ къ смертной казни.

Адвокаты, не будучи въ состояніи защищать невинность, а также выставя на видъ эти *circonstances atténuantes*, сдѣлали предметомъ диспута законность смертной казни.

Императорскій прокуроръ нашелъ, что этииъ случаиъ можно очень хорошо воспользоваться и началъ опровергать Бенкариа, Виктора

Гинго, Миттермайера и др., — но онъ не могъ убѣдить Жюри, захотѣвшихъ блистательно протестовать противъ смертной казни... 100,000 подписей отъ всѣхъ сословій, отъ людей всевозможныхъ политическихъ мнѣній поддерживаютъ престопись Жюри и, не смотря на то, я убѣжденъ, что смертная казнь останется въ полной своей силѣ, благодаря нашей законодательной рутинѣ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Англія должна готовиться къ важнымъ переѣнамъ. Здоровье лорда Пальмерстона плохо; онъ не присутствуетъ на важныхъ совѣщаніяхъ подъ предлогомъ припадковъ ревматизма, и рукоплесканіями, которыми его привѣтствовали, когда онъ явился въ парламентъ въ легкомъ весеннемъ костюмѣ, доказываютъ, что его считали безвозвратно осужденнымъ на пребываніе въ кѣху и фланели. Лордъ Россель съ своей стороны дошелъ до конца своей карьеры и до цѣли своихъ честолюбивыхъ желаній. Можетъ быть, онъ подпишетъ еще нѣсколько сотенъ депешъ по вопросу о герцогствахъ; но вѣдь онъ самъ сказалъ въ своей знаменитой рѣчи, что и ему, и Англіи, и всему міру не остается ничего лучшаго, какъ *отдыхать и считать себя совершенно удовлетворенными*. Если Торіямъ не достаетъ чего нибудь, такъ это, конечно, не честолюбія: они довольно натерпѣлись, когда видѣли, какъ, засѣданіе за засѣданіемъ, Виги выдвигались на первый планъ; — имъ не достаетъ идей, и они живутъ тѣми же фондами, которые служатъ ихъ противникамъ. Когда лордъ Абердинъ получилъ портфель перваго министра, къ нему обратились съ вопросами о его будущей политикѣ, о томъ, будетъ ли онъ консервативенъ или либераленъ. «Истинный консерватизмъ, отвѣчалъ онъ, состоитъ въ либерализмѣ, а истинный либерализмъ — въ консерватизмѣ». Послѣ него всѣ министры, вступавшіе одинъ за другимъ на парламентскій престолъ Великобританіи, повторяли ту же самую формулу.

Королева Викторія была въ прежнее время предметомъ единодушнаго и почти дѣйствительнаго уваженія своихъ вѣрноподданныхъ. Въ последнее время аристократія довольно серьезно думала на нее; она находила совершенно непостижимымъ слишкомъ продолжительное сожалѣніе королевы о принцѣ Альбертѣ; этотъ безконечный трауръ мѣшалъ открытію придворныхъ выходовъ, баловъ и концертовъ;

жены и дочери царевъ не могли уже являться на публичныя собранія, а молодыя наследницы не знали, когда имъ придется наконецъ выѣхать въ свѣтъ. Модистки, брильянщики и шелковые фабриканты горько жаловались. Всѣ говорили, что королева довольно поплакала о покойномъ, въ отношеніи къ которому она имѣла только частныя обязанности; ее упрекали въ пренебреженіи обязанностями общественными; обвиняли въ томъ, что она, вмѣсто того, чтобы предсѣдательствовать въ совѣтѣ министровъ, переводила «Часы набожныхъ размышленій» Цшокке. Но съ тѣхъ поръ, какъ она сдѣлалась союзницею Пруссіи и непріятельницею Даніи, вопреки интересамъ и страстямъ Англій, ея вѣроподданные говорятъ о ней не иначе, какъ пожимая плечами... Что касается принца Уэльскаго, мужа датской принцессы, то онъ уже стоитъ на ступеняхъ трона и служить представителемъ политики, совершенно враждебной политикѣ его матери. Всѣ честолюбцы толпятся вокругъ этого молодого человѣка, который, съ своей стороны, не упускаетъ ни малѣйшаго случая для усиленія своей популярности. Онъ посылаетъ своихъ лошадей на скачки, самъ охотится за лисицами, отлично гребетъ, порядочно играетъ въ карты, — словомъ онъ совершенный англичанинъ. Говорятъ, что онъ немного тупъ, но это не мѣшаетъ дѣлу, особенно въ его годы.

Волею—неволею, государство видитъ, что на самой верхушкѣ правленія сталкиваются двѣ противоположныя политики; оно видитъ, какъ рядомъ возвышаются два трона и образуются два двора: одинъ—сварливой и упрямой вдовы, другой—блестящаго и веселаго молодого человѣка.

Внутри, Англія либеральна и проникнута парламентскимъ духомъ; извнѣ — она вообще антилиберальна и проникнута антипарламентскимъ духомъ. Это доказывается ея ненавистью къ Соединеннымъ Штатамъ, ея союзомъ съ деспотическою Австріею, тѣснымъ соглашеніемъ, въ которое она, на другой же день послѣ *coup d'état*, вступила съ человѣкомъ, поставившимъ своею цѣлью подавленіе прежней свободы народа; — и это соглашеніе до такой степени соответствовало требованіямъ англійской и французской политики, что съ тѣхъ поръ, какъ лордъ Пальмерстонъ и Людовикъ-Бонапартъ поссорились, оба они впали въ состояніе безсилія. Постоянныя пораженія, которыя Англія терпитъ въ датскомъ дѣлѣ, ясно покажутъ ей наконецъ всю невозможность такой двойственной политики и необходимость дѣйстви-

вать одинаково, какъ во внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ дѣлахъ. Но тутъ возникаетъ вопросъ: сдѣлается ли Великобританія аристократическою, какъ ея аристократія, пли демократическою, какъ ея рабочій классъ? Будетъ ли она идти за революцію или станетъ противъ нея, — гдѣ бы ни происходила эта революція: на материкѣ или въ ея собственныхъ владѣнiяхъ? Какимъ государствомъ сдѣлается она: военнымъ или мирнымъ?

Лордъ Пальмерстонъ высказалъ недавно съ обыкновеннымъ цинизмомъ свою теорiю. Онъ, какъ мы замѣтили выше, явился въ нижній парламентъ въ легкомъ, весеннемъ костюмѣ и былъ встрѣченъ громкими и продолжительными рукоплесканiями. Виги, Тори и радикалы аплодировали на перерывъ другъ передъ другомъ, и кто-то вспомнилъ слова Роберта Пиля: «мы все удивляемся ему!» Въ это время разсуждали о китайскихъ дѣлахъ. Одинъ изъ представителей, именно г. Бакстеръ, только что доложилъ, что великобританскiй посланникъ въ Пекинѣ прислалъ своему правительству депеши, въ которыхъ порицалъ вмѣшательство Англiи въ пользу драхлой династiи, — вмѣшательство, которое, по словамъ посланника, оказывало услугу только интересамъ Россiи. Послѣ этого г. Бакстеръ спросилъ: хочетъ или не хочетъ Англiя завладѣть Китаемъ?

«Принципъ невмѣшательства, отвѣчалъ старый лордъ, принципъ отличный, но онъ не можетъ имѣть всеобщее примѣненiе. Въ Европѣ мы съ успѣхомъ вмѣшивались въ дѣла Испанiи, Португалiи, Бельгiи, Греции, и хотя мы ввели свободныя и парламентскiя учрежденiя, но сдѣлали это для того, чтобы открыть широкую дорогу нашимъ коммерческимъ сношенiямъ и не нарушить трактатовъ, заключенныхъ нами съ царствующею династiею». Лордъ Пальмерстонъ могъ бы еще прибавить: мы примѣняли принципъ вмѣшательства, когда дѣло шло о войнѣ съ Бразилiею съ королемъ Аманти, съ королемъ Bassoutos, мы принимаемъ участiе въ междоусобной войнѣ Афганистана, въ борьбѣ персидскихъ партiй; но мы не возстанемъ ни противъ Россiи, ни противъ Австрiи, ни противъ Пруссiи, достаточно сильныхъ для того, чтобы защищаться. Мы вмѣшиваемся только тогда, когда приходится воевать съ слабыми, а не тогда, когда предстоитъ борьба съ сильнымъ — вотъ и все!

Другими словами Англiя не имѣетъ политики.

Но такая страна, какъ Англiя, страна, считающая себя лучше всѣхъ земель мiра, не можетъ обойтись безъ политики.

Да еслибъ она и захотѣла обойтись безъ нея, событія сами позаботились бы о томъ, чтобъ она имѣла политигу.

Въ настоящее время положеніе дѣлъ таково, что для первокласснаго государства возможны только двѣ политики: прогрессивная и строго консервативная.

Въ Англіи существуютъ три большія партіи. Во-первыхъ, партія Торіевъ или реакціонеровъ. Англійскіе Торіи гораздо послѣдовательнѣе своихъ родственныхниковъ Виговъ, но прусскіе *юнгеры*, бѣдные мекленбургскіе дворянчики, презираютъ ихъ, какъ людей, лишенныхъ всякой логики и всякаго политическаго мужества. Какъ, говорятъ они, у этихъ людей былъ въ рукахъ законъ о торговлѣ хлѣбомъ, и они рѣшились лучше положить оружіе предъ лигою Ричарда Кобдена и самимъ обогатиться при этомъ случаѣ, чѣмъ затѣять междоусобную войну, которая непременно раздавила бы, разорила и ограбила ихъ! Никогда дворянчикъ чистой крови не проститъ гордой, могущественной и богатой англійской аристократіи этой измѣны аристократическимъ принципамъ.

Но Торіи—люди съ принципами, по сравненію съ Вигами, принципъ которыхъ состоитъ въ томъ, чтобъ вовсе не имѣть принциповъ, и для которыхъ всѣ человѣческіе или вѣчные законы резюмируются въ одномъ словѣ ихъ собственнаго изобрѣтенія: *expediensu*, Вигомъ по преимуществу, настоящимъ основаніемъ этой громадной партіи былъ Вильгельмъ I Оранскій, который ухаживалъ за своимъ тестемъ Іаковомъ II, эксплуатировалъ его, побѣдилъ, ограбилъ и обезчестилъ,—сдѣлалъ все это въ самыхъ вѣжливыхъ, самыхъ рациональныхъ и самыхъ справедливыхъ формахъ; — такъ что наконецъ несчастный тиранъ изъ дураковъ сдѣлался идиотомъ, изъ сердитаго — бѣшенымъ, изъ отвратительнаго политика — измѣнникомъ своему отечеству. Вильгельмъ Оранскій основалъ эту мѣщанскую власть, которую Леопольдъ такъ хорошо акклиматизировалъ въ Бельгію, а Людовикъ Филиппъ чуть-чуть не ввелъ во Францію. Фундаментомъ для этой власти, основанной Вильгельмомъ Оранскимъ, послужила аристократическая буржуазія или фран-масонство Виговъ. Тайная цѣль Виговъ состоитъ въ эксплуатированіи народа не во имя божественнаго права, а во имя прогресса, цивилизаціи и либерализма!

Чартисты, чаще называемые *радикалами*, никогда не составляли въ Англіи могущественной партіи. Вся исторія ихъ ограничивается

тѣмъ, что ихъ постоянно преслѣдовали и эксплуатировали. Въ 1848 г. они почувствовали себя довольно сильными, они стали утверждать, что пришелъ ихъ чередъ управлять дѣлами государства. Но ихъ до такой степени разбили на-голову, что они увидѣли себя въ необходимости въ продолженіе многихъ лѣтъ притворяться жертвыми, прятаться, такъ сказать, подъ землю. До этого пораженія они дѣйствовали исключительно въ *политической* сферѣ; послѣ него они почувствовали потребность стать на почву *соціальную*. Ремесленники начали заводить всюду школы, училища, *Debating Clubs*, собранія, *Mechanic's institutions*. Они организовали множество обществъ взаимнаго вспомошествованія, *Friendly Societies* и *Savings banks*; эти общества сдѣлались потомъ могущественными финансовыми учрежденіями, число ихъ членовъ составляютъ сотни тысячъ, а ихъ капиталъ—сотни милліоновъ. Но важнѣйшимъ дѣломъ ремесленнаго класса было учрежденіе *обществъ совмѣстнаго труда* (*societés de coopération*).

Лѣтъ двадцать тому назадъ, нѣсколько бѣдныхъ ткачей разсуждали о дурныхъ временахъ. Уставъ бороться съ отвратительною нищетою, уставъ видѣть постоянно голодъ у своего очага, а болѣзнь въ своей постели и колыбели своихъ дѣтей, нѣкоторые изъ этихъ бѣдныхъ людей говорили, что смерть лучше жизни; другіе, болѣе разсудительные, хотѣли эмигрировать въ Соединенные Штаты, наконецъ третьи, воспитанники Оуэна, основателя нью-ленерскаго фаланстера, предложили соединить свою нищету въ одно общее цѣлое, для того чтобы превратить ее въ общее довольство. Такимъ-то образомъ устроилось общество *рочдельскихъ пионеровъ* (*équitables pionniers de Rochdale*), слава которыхъ обойдетъ весь міръ.

Планъ ихъ, на которомъ мы не имѣемъ времени остановиться, былъ очень обширенъ, но средства для его осуществленія весьма просты и скромны. Они начали съ того, что устроили на свой счетъ маленькую бакалейную лавку, которая, по видимому, ничѣмъ не отличалась отъ другихъ лавокъ, такъ какъ въ ней продавали всѣмъ безъ разбору и по обыкновенной цѣнѣ. Каждые три мѣсяца сводился итогъ прихода и расхода, и барышъ распредѣлялся по-ровну между членами общества, которые или брали свою часть, или оставляли ее въ предпріятіи, превратившемся такимъ образомъ въ сохранныю кассу, приносящую большіе проценты по слѣдующей причинѣ: товаръ бакалейной лавки долженъ постепенно возобновляться

по мѣрѣ требованій на него; маленькій процентъ, получающійся нѣсколько разъ въ годъ, скоро образуетъ большую прибыль. Такимъ образомъ, если бакалейная лавка основана съ капиталомъ въ 10 т. фр. и если каждый мѣсяць этотъ капиталъ оборачивается, принося 3% чистаго барыша, то въ годъ должно получиться 36% съ капитала и 3600 фр. прибыли. Если эта лавка основана ассоціаціею изъ 100 членовъ, то 3600 фр. распределяются между членами пропорціонально произведеннымъ каждымъ изъ нихъ покладамъ и внесенному капиталу, и каждый получаетъ чистаго барышу 36 фр., которые онъ можетъ взять или оставить въ предпріятіи.

Эти 36 фр., по видимому, пустякъ, а между тѣмъ они должны скоро преобразовать всю Англію и отдать политическую силу элемента аристократическаго и мѣщанскаго элементу демократическому.

Эти 36 фр. составляютъ при миллионѣ рабочихъ 36 миллионѣвъ. Слѣдовательно, при 10 миллион. рабочихъ они составили бы 360 миллион. въ годъ. Но останемся при первой цифрѣ—36 миллионѣвъ. Оказывается, что 36 миллион. идутъ въ карманъ рабочаго населенія, а не другихъ классовъ. Дѣйствительная разница между старымъ и новымъ бюджетомъ буржуазіи и пролетаріата составляетъ 72 миллион. Но посмотримъ дальше. То, что сдѣлано въ бакалейной торговлѣ, можетъ быть повторено и въ другихъ отрасляхъ торговли и промышленности. Такъ дѣйствительно поступили *пионеры*; они устроили мельницы и даже бумагопрядильни, и въ настоящую минуту всюду возникаютъ рабочія ассоціаціи не только для торговли предметами потребленія, но и для производства вещей. Предположимъ, что англійскій рабочій—членъ десяти такихъ ассоціацій и что каждая изъ нихъ приноситъ ему среднимъ числомъ 36 фр. въ мѣсяць или 360 фр. въ годъ; въ этомъ случаѣ бюджетъ миллиона рабочихъ увеличится на 360 миллион. въ годъ, экономизированныхъ на бюджетѣ празднаго класса.

Правда, Англія еще не дошла до этой цифры, но она быстро подвигается къ ней. Недавно на англійскую публку произвелъ громадное впечатлѣніе статистическій обзоръ рабочихъ ассоціацій, правильно организованныхъ въ Англіи и графствѣ уэльскомъ (не считая Шотландіи и Ирландіи); изъ этого обзора видно, что съ 31 декабря 1862 г. существовало 332 ассоціаціи съ 90,452 членовъ и 10,732,875 фр. капиталу, принесшаго 5% барыша и сверхъ того 4% дивиденду.

Въ 1863 г. было основано еще 105 обществъ, значить въ годъ увеличеніе произошло на 31⁰/₁₀. Можно сказать, что круглымъ счетомъ въ Англійи и графствѣ уэльскомъ существуетъ 500 рабочихъ ассоціацій съ 150 т. членовъ. Общества каменщиковъ, столяровъ, *old forresters*, *Cogers*, также представляютъ громадный итогъ. Доказательство этому было дано Коуэномъ, однимъ изъ вліятельнѣйшихъ членовъ *Trade's Unions*: онъ объявилъ, что 150 т. рабочихъ встрѣтятъ Гарибальди при его въѣздѣ въ Лондонъ, и дѣйствительно Гарибальди въѣхалъ въ сопровожденіи 150 т. рабочихъ.

Понятно, что такіе факты заставили задуматься политическихъ людей Англійи. Самое большое впечатлѣніе они произвели на Вильяма Гладстона, лучшаго оратора нижняго парламента, счастливаго министра финансовъ, каждый годъ уменьшающаго налоги на 50—75 милліонъ., и все-таки имѣющаго въ приходѣ огромныя суммы. Вдругъ раздались крики: «Вильямъ Гладстонъ сдѣлался защитникомъ общей подачи голосовъ!» Нравственное потрясеніе, произведенное этимъ извѣстіемъ, было громадно. «Воспитаникъ, говорили всѣ, подражаетъ своему учителю; Робертъ Пиль, глава Торіевъ, вдругъ отступился отъ своей партіи и, отдавъ въ дѣлѣ о хлѣбныхъ законахъ побѣду *митъ*, положилъ начало новой коммерческой политикѣ. Теперь Вильямъ Гладстонъ, сила и слава министерства Виговъ, тоже отступился отъ своей партіи и тоже подожила начало новой политикѣ. Послѣ Роберта Пила все дѣлалось въ пользу буржуазіи, со времени Вильяма Гладстона все будетъ дѣлаться въ пользу народа!» Волненіе было неописанное. Королева пришла въ смущеніе, Виги тоже, Торіи тоже, Пальмерстонъ тоже, «*Times*» тоже; этотъ послѣдній, въ своемъ остоленѣніи, солгалъ нѣсколько разъ и немного грубѣе обыкновеннаго. Но за то въ каждой мастерской трехъ соединенныхъ королевствъ, въ каждой мансардѣ рабочіе весело подходили другъ къ другу и кричали: «*Hurray for Gladstone! Gladstone for ever!*»

Дѣло сдѣлалось весьма просто. 11-го мая, г. Бенъ внесъ на разсмотрѣніе парламента билль о назначеніи 700,000 новыхъ избирателей, въ добавленіе къ старымъ, которыхъ было уже 1,200,000 на 30 милліоновъ жителей. Невозможно было думать или надѣяться, что этотъ законъ пройдетъ; дѣйствительно, билль былъ отвергнутъ огромнымъ большинствомъ. Всѣ, какъ Торіи, такъ и Виги, говорили, что государство перестало интересоваться этимъ слишкомъ старымъ вопросомъ. Министерство притворялось непонимающимъ, что

хотѣлъ спавать г. Бенъ, а что касается лорда Росселя, то онъ съ ватою въ ухахъ спалъ въ своемъ мягкомъ креслѣ и только по временамъ бормоталъ: «Rest... and be... thankful...» Вдругъ его разбудилъ громовой голосъ—голосъ его товарища Глэдстона; онъ услышалъ, какъ Глэдстонъ доказывалъ, что право подачи голоса принадлежитъ каждому человѣку, что каждый гражданинъ долженъ быть пѣбирателемъ. И не забывайте, что Вильямъ Глэдстонъ англичанинъ изъ породы *expediensу*; онъ тоже говоритъ, что подача голоса гражданиномъ или классомъ, къ которому онъ принадлежитъ, не угрожаетъ государству ни малѣйшею опасностью. Эта послѣдняя формула заключаетъ въ себѣ страшную эластичность, но ни старые, ни новые друзья государственнаго мужа не захотѣли обратить на это обстоятельство вниманіе; они желали принять принципъ безъ всякихъ ограниченій, и Глэдстонъ былъ провозглашенъ героемъ общей подачи голосовъ и главою молодой Англій. Въ настоящую минуту онъ считается первымъ гражданиномъ своего государства. Теперь его дѣло—удержаться въ такомъ почтенномъ и въ то же время такомъ опасномъ положеніи. На высотѣ легко можетъ закружиться голова!

Недавно вышло отличное статистическое сочиненіе г. Кока (Coke). Изъ него видно, что за послѣднія десять лѣтъ народонаселеніе Англій почти удвоилось. Теперь оно состоитъ изъ 30 милліон. душъ. За исключеніемъ Бельгіи, никакая другая страна Европы не населена въ такой сильной степени.

Каждыя двѣ минуты на свѣтъ рождаются три англичанина и каждую минуту умираетъ одинъ.

Изъ числа добровольно эмигрирующихъ изъ Великобританіи, приходится пять ирландцевъ на одного англичанина и три ирландца на одного шотландца.

Число женщинъ превосходитъ число мужчинъ на 550,000; такимъ образомъ, въ Англій число женщинъ относится къ числу мужчинъ какъ 105 къ 100.

Самый поразительный примѣръ постоянного увеличенія народонаселенія представляетъ городъ Брайкенгидъ (Brikenhead). Въ 1801 году это было селеніе съ 101 жителемъ; теперь это городъ съ 51,539 душъ.

Настоящее населеніе Лондона почти равняется по числу населенія всей Англій, въ XIV ст. при Эдуардѣ III. Каждыя шесть минутъ въ

этотъ громадномъ городѣ родится одинъ человекъ, и каждая восемь минутъ умираетъ одинъ. Если бы население Лондона продолжало увеличиваться въ такой же пропорціи, оно бы удвоилось къ концу нынѣшняго столѣтія, такъ что въ 1963 г. въ столицѣ Англій было бы больше 16 миллион. жителей. Населеніе Лондона вдвое больше парижскаго и въ-пятеро больше петербургскаго, берлинскаго и вѣнскаго. А между тѣмъ смертность въ этотъ городѣ гораздо меньше, чѣмъ въ Парижѣ, Петербургѣ, Берлинѣ и Вѣнѣ.—Англичане живутъ почти во всѣхъ странахъ міра. Въ Россіи число ихъ опредѣляютъ въ 3749, во Франціи въ 25,884, въ Германіи—365, въ Японіи—81 и т. д. Во Франціи и Бельгіи англичанокъ гораздо больше, чѣмъ англичанъ.

Сухопутная и морская армія, которую Англія содержитъ въ своихъ колоніяхъ, состоитъ изъ 250,380 человекъ.

Правосудіе англійскаго духовенства. Извѣстно, что англійскіе священники исполняютъ нѣкоторыя обязанности французскихъ мирныхъ судей и полицейскихъ комиссаровъ. Вотъ что рассказываетъ Examiner :

Въ Рочестерѣ, одинъ шестидесятилѣтній старикъ былъ приговоренъ къ шестинедѣльной каторжной работѣ за то, что его нашли спящимъ на открытомъ воздухѣ позади забора. Чтобы оправдать себя, этотъ бѣдный объявилъ, что у него не было другаго мѣста для ночлега; тогда священникъ Марченъ призналъ его неисправимымъ преступникомъ и отправилъ въ тюрьму. Скоро будетъ считаться уголовнымъ преступникомъ тотъ, кто не держитъ кабріолета.—3 го мая, въ одномъ изъ городовъ Корнуэльса, одно семейство цыганъ, состоящее изъ матери и шести дѣтей, было приговорено священникомъ Тонкиномъ къ 21—дневному тюремному заключенію за то, что оно провело ночь въ шатрѣ.

Надо согласиться, что англійское судопроизводство дѣлаетъ большіе успѣхи. Три недѣли тому назадъ было запрещено спать за заборомъ, теперь не позволяютъ спать въ палаткѣ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ какой нибудь другой Тонкимъ признаетъ противузаконнымъ ночлегъ подъ соломенною крышей,—потому что между соломеннымъ заборомъ и соломенною крышею существуетъ нѣкоторое сродство,—или квартированіе въ домѣ 4-го класса, потому что дома этого класса походять на цыганскіе шатры тонкостью своихъ стѣнъ и половъ, дающими свободный доступъ вѣтру. Полиціи будетъ пору-

чено брать подъ арестъ всѣхъ, платящихъ меньше 500 фр. за квартиру. Нѣсколько времени спустя и платящіе 500 фр. будутъ подчинены полицейскому надзору въ силу той міровой пословицы, что сытые голодныхъ не понимаютъ.

Къ числу очень сытыхъ относятся и члены англиканской церкви. Недавно умеръ епископъ эйлійскій; вещи, оставшіяся послѣ него и проданныя съ публичнаго торга, доказываютъ, что покойный отличался изящнымъ вкусомъ и хорошо развитыми артистическими наклонностями.

Мы не можемъ сказать ничего объ умершемъ епископѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ былъ такъ же пріятель, какъ и богатъ, и мы не имѣемъ никакого основанія предполагать, что неутомимое рвеніе, съ которымъ онъ тратилъ всѣ свои доходы на покупку произведеній искусства, заставляло его забывать обязанности религіи и милосердія, особенно милосердія, изящные образцы котораго, сдѣланные изъ серебра и мрамора, находились у него въ значительномъ количествѣ. Отъ насъ далека мысль, что покойный епископъ не помогаль деньгами своимъ бѣднымъ прихожанамъ и бѣднымъ викаріямъ. У него было слишкомъ много северскаго фарфора и шкатулокъ изъ lapis lazuli для того, чтобы могли повѣрить, что въ его епархіи всѣ священники получали доходъ пропорціональный своему семейству; нищихъ и убогихъ у него совсѣмъ не было. Очевидно, что эта епархія была блаженная Аркадія...

Выставка вещей епископа поражала своимъ великолѣпіемъ. Глазъ повсюду встрѣчалъ лиможскія эмали, граненый хрусталь, яшмовыя вазы, перламутръ, флорентинскія зеркала, веронскій мраморъ...

Впрочемъ, развѣ строгая набожность и высокое призваніе, состоящее въ осужденіи заблужденій, печатающихся въ *Essais* и *Revue*s, несовмѣстимы съ удовольствіемъ, которое почтенный пастырь можетъ испытывать, глядя на хорошенькихъ танцовщицъ? Не все ли равно, гдѣ движутся эти танцовщицы—на паркетѣ или на эмалевомъ пьедесталѣ? Бюстъ всегда остается бюстомъ, будь онъ сдѣланъ изъ гипса или изъ слоновой кости, и Венера мраморная такъ же цѣломудренна, какъ та, которая выходитъ изъ пѣны шелковыхъ волнъ. Это дѣло вкуса. Одинъ изъ нашихъ англиканскихъ епископовъ предпочитаетъ фарфоровыхъ пастушекъ, другой — пастушекъ въ сандаліяхъ, одѣтыхъ со всевозможною простотою. И хотя епископъ эйлійскій былъ

знатокъ въ свѣтскомъ искусствѣ, онъ не забывалъ своего духовнаго званія. Въ собраніи его находились не только языческія вещи; тамъ было столько же херувимовъ и другихъ почтенныхъ предметовъ англиканскаго цѣломудрія, сколько нимфъ и купидоновъ... (*London Review*).

Берлинскій корреспондентъ «Рейнской газеты» сообщаетъ слѣдующій фактъ, характеризующій, по его словамъ, духъ нѣмецкихъ офицеровъ:

Три брата, графы Керзенброкъ, католики, принадлежавшіе къ древнему вестфальскому семейству, служили офицерами въ первомъ гвардейскомъ полку. Они жили вмѣстѣ и пользовались общимъ уваженіемъ. Нѣсколько дней тому назадъ, одинъ изъ нихъ поссорился съ другимъ офицеромъ; начались переговоры о дуэли, но такъ какъ причина ссоры была неважная, то дѣло уладилось миролюбиво.

По этому случаю, старшій изъ братьевъ Керзенброкъ объявилъ, что онъ несогласенъ съ принципомъ поединка и охотно избѣгаетъ всякой дуэли. Полковой командиръ потребовалъ его за это къ себѣ, и графъ повѣдалъ свое мнѣніе, выставивъ причиною его требованія религія и гуманности, но прибавивъ при этомъ, что онъ всегда готовъ исполнять законы военной чести. Командиръ позвалъ къ себѣ двухъ другихъ братьевъ, и они объявили, что согласны съ мнѣніемъ старшаго. Вслѣдствіе этого, имъ всѣмъ было велѣно подать въ отставку.

Въ той же газетѣ сообщаютъ, что солдатамъ берлинскаго гарнизона запретили читать новое сочиненіе Ренана. Мекленбургъ идетъ по пути прогресса гораздо далѣе, онъ отправилъ ко всѣмъ своимъ посланникамъ за границею циркуляръ съ объявленіемъ и оправданіемъ недавно сдѣланнаго распоряженія о наказаніи палками. Этотъ циркуляръ былъ вызванъ негодованіемъ, которое означенное распоряженіе мекленбургскаго правительства произвело во всей Германіи, а также неудовольствіемъ самого великаго герцога, отъ котораго скрыли всю важность этой мѣры и который отдалъ себѣ о ней отчетъ только во время своего послѣдняго пребыванія въ Дармштадтѣ.

Въ несчастіи, оправданія, приводимыя министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, не удовлетворяютъ никого, потому что, что ни гово-

ри, а приказаніе существуетъ, и всякій мекленбургскій дворянчикъ можетъ дать своимъ крестьянамъ, слугамъ, рабочимъ, двадцать пять ударовъ палкою, имѣющею $1\frac{1}{2}$ арш. въ длину и пол-дюйма въ діаметръ.

Тѣлесному наказанію былъ подвергнутъ одинъ житель Ростова, по приказанію доктора Бланка, директора полиціи въ этомъ городѣ, одномъ изъ важнѣйшихъ городовъ мекленбургскаго герцогства. Жертвою палокъ былъ на этотъ разъ бѣдный портной, котораго потребовали 23 мая въ полицію по какому-то дѣлу. Онъ явился въ назначенный часъ, но въ пьяномъ видѣ, и очень долго ждалъ директора полиціи; наконецъ, выйдя изъ терпѣнія, ушелъ, выразивъ рѣзкими словами свое неудовольствіе на такую напрасную задержку и объяснивъ, что онъ уходитъ потому, что не можетъ такъ долго оставлять свою работу—единственное средство существованія его семейства. Спустя нѣсколько минутъ директоръ пришелъ и, узнавъ, что портной удался, приказалъ городскимъ сержантамъ опять привести его и потомъ велѣлъ дать ему восемь ударовъ палкою. Услышавъ объ этомъ приказаніи, портной началъ умолять директора избавить его отъ такого позорнаго наказанія; онъ даже бросился передъ нимъ на колѣни, но директоръ былъ неумолимъ и даже не объяснилъ несчастному портному, что по закону онъ имѣлъ право апеллировать въ муниципальный судъ на рѣшеніе полиціи. Тогда портной пришелъ въ крайнее бѣшенство и долго отчаянно сопротивлялся пяти сержантамъ, которымъ было приказано наказать его; наконецъ, приказаніе директора было исполнено. Послѣ этого, портнаго посадили на 24 часа въ тюрьму, на хлѣбъ и на воду. Объ этомъ гнусномъ дѣлѣ публика узнала послѣ, потому что бѣднякъ заболѣлъ отъ стыда. Съ тѣхъ поръ онъ не выходилъ изъ дому и совѣстился рассказывать о своемъ печальномъ приключеніи. Жители Ростова въ страшномъ негодованіи.

Новыя олимпійскія игры. Эвангелисъ Запасъ—одинъ изъ самыхъ богатыхъ людей Греціи. Онъ участвовалъ въ легионѣ тѣхъ храбрецовъ, которые отозвались на призывъ Ригаса, героическаго поэта, и которые до послѣдняго часа сражались за независимость своего отечества.

Благодаря инициативѣ и безкорыстію этого благороднаго патриота, въ Афинахъ были устроены Олимпійскія игры, которыя будутъ повторяться каждые три или четыре года. Онѣ—не простое подражаніе древнѣмъ олимпійскимъ играмъ, такъ какъ въ программу ихъ входитъ національная выставка произведеній искусства и промышленности. Знаменитая датская писательница, Фредерика Бремеръ, присутствовавшая при открытіи этихъ игръ, представила въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ сочиненій весьма интересное описаніе ихъ.

Игры начались пѣніемъ патриотической кантаты, исполненной съ большимъ одушевленіемъ въ большой залѣ дворца выставки, который назвали олимпійскимъ дворцомъ. Судя по описанію г-жи Бремеръ, выставка произведеній скульптуры доказала, что художественный духъ не покинулъ эту страну. Особенное вниманіе обращали на себя статуя Клео и группа ариадскихъ пастуховъ—превосходныя произведенія двухъ афинскихъ скульптуровъ, братьевъ Виталисъ. Напротивъ того, живописцы не произвели ничего, что было бы достойно особеннаго упоминенія, и г-жа Бремеръ не нашла въ олимпійскомъ дворцѣ ни одной картины, которая могла бы привлечь вниманіе знатока.

Что касается собственно игръ, то онѣ происходили въ равнинѣ, расположенной на югъ отъ Акрополиса, передъ храмомъ Юпитера Олимпійскаго. Тутъ боролись по древнему обычаю, метали дискъ, перегонались на лошадяхъ, а толпа равнодушно смотрѣла на странное зрѣлище, происходившее передъ ея глазами.

21 апрѣля нынѣшняго года, въ одномъ маленькомъ городѣ католическаго люцернскаго кантона, солдаты насильно вошли въ домъ Антона Лобера, швейцарскаго гражданина, и увели патерыхъ его дѣтей. Преступленіе Лобера состояло въ томъ, что онъ не хотѣлъ, чтобы мѣстный священникъ-іезуитъ окрестилъ его послѣдняго ребенка. Совершивъ похищеніе, солдаты отправились въ кабаки и тамъ торжествовали свою побѣду пьянствомъ и ружейными выстрѣлами.

Лоберъ обратился къ федеральному совѣту съ требованіемъ о возвращеніи дѣтей.

Прогрессисты праздновали банкетомъ изъ 1,200 чел. годовщину убійствъ, произведенныхъ Мюратомъ въ Мадридѣ 2-го мая 1808 года.

Олозага, главный ораторъ этой партіи, включилъ въ свой тостъ антидинастическіе намеки, вызвавшіе громкія рукоплесканія.

Маршалъ Эскартеро, не присутствовавшій на банкетѣ, протестовалъ противъ намековъ Олозаги, объявивъ себя на сторонѣ монархіи и династіи.

Эти противоположныя манифестаціи предводителей партіи прогрессистовъ повергли въ смущеніе членовъ ея, и даже многіе изъ нихъ, убѣдившись въ положительной несовмѣстности дѣла прогресса съ дѣломъ Бурбоновъ, перешли на сторону демократіи. Покамѣстъ, побѣда, по видимому, остается на сторонѣ Эскартеро; по крайней мѣрѣ, большинство журналовъ примкнуло къ его мнѣнію.

Демократы также раздѣлились на двѣ партіи, но совѣтъ по другимъ причинамъ. Внутренній миръ, господствовавшій въ этой партіи съ 1860 года, былъ результатомъ компромисса между революціонерами и социалистами. Этотъ миръ нарушился послѣ горячаго спора между политикомъ Оркузою, маркизомъ Албойда, и социалистомъ Фернандо Герридо. Первый доказывалъ, что демократія и социализмъ—двѣ вещи несомѣстимыя, а второй, напротивъ того, утверждалъ, что социализмъ ничто иное, какъ экономическая сторона демократіи. Споръ принималъ все болѣе и болѣе горячій характеръ; тогда человекъ тридцать собрались и потребовали примиренія, объявивъ, что друзья личной свободы и защитники правъ человека не имѣютъ права спорить о второстепенныхъ вопросахъ, каковы бы ни были ихъ философскія, религіозныя и политико-экономическія убѣжденія. Борьба прекратилась, но мѣсяцъ тому назадъ возобновилась. Газета «Discussion», взявшись защищать социалистическія доктрины, вызвала сильныя нападенія со стороны газеты «Deinvegtia», и манифестаціи за и противъ сыпятся въ изобиліи.

Въ правительственной сферѣ происходятъ такіе же важные споры, какъ и между приверженцами свободы.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, у королевы (что съ нею часто случается) не было денегъ, и она пожелала занять нѣсколько милліоновъ у одного изъ богатѣйшихъ испанскихъ банкировъ. Этотъ банкиръ, принадлежавшій къ либеральной партіи, заломилъ такіе проценты, что королева обратилась къ знаменитому *Саламанкъ*, ко-

торый долженъ былъ выѣхать изъ Испаніи *по разстроенному здоровью*, другими словами—для того, чтобы не быть растерзаннымъ въ куски или избитымъ камнями. Ловкій финансистъ прислалъ донъ Изабеллѣ бланки за своими подписями. Королева, противъ которой въ кортесахъ приготовлялись уже страшныя рѣчи, была тронута этимъ благодѣяніемъ и общала Саламанкѣ дать ему исключительную привиллегію на устройство гипотечнаго банка съ капиталомъ въ 90 милліоновъ франковъ.

Министерство не посмѣло ни въ чемъ отказать королевѣ, но, по правиламъ конституціи, это дѣло слѣдовало внести на разсмотрѣніе кортесовъ. Такъ какъ привиллегія Саламанки была исключительная, то она прямо противорѣчила закону объ анонимныхъ обществахъ. Поэтому существующія общества и общественное мнѣніе заявили такой энергическій протестъ, что королева, ея министерство и Саламанка принуждены отложить до слѣдующей сессіи обсужденіе привиллегіи, которую они считали уже окончательно рѣшенною. Вѣроятно, слѣдствіемъ этого будетъ перемѣна министерства.

Другое дѣло, внушающее правительству опасенія, есть дѣло Санъ-Доминго. Уже съ самаго начала общественное мнѣніе высказалось противъ присоединенія Санъ-Доминго или, скорѣе, противъ этого разбойничьяго поступка. Но правительство не можетъ выпустить изъ рукъ свою мнимую побѣду и удовлетворить требованію публики безъ того, чтобы не признать себя виновнымъ. Съ одной стороны, оно не можетъ требовать отъ испанцевъ жертвъ, необходимыхъ для завоеванія Сан-Доминго, съ другой, не можетъ оставить его безъ того, чтобы не признать себя побѣжденнымъ. Между тѣмъ, въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ мѣсяцевъ, отъ ранъ и особенно отъ голода и болѣзней умерло больше испанскихъ солдатъ, чѣмъ въ Санъ-Доминго находится инсургентовъ... Къ этому надо еще прибавить, что поведеніе испанскаго консула, завладѣвшаго, по своему личному произволу, островами Чинчасъ (Chinchas), главнымъ сокровищемъ перуанскаго правительства, возстановило противъ Испаніи всѣхъ негодяевъ южной Америки.

Португалія сдѣлала нѣсколько очень важныхъ реформъ. Два года назадъ были уничтожены маіораты; теперь въ кортесахъ прошелъ законъ объ уничтоженіи наследственнаго перства, а также о прекращеніи монополіи на табакъ.

Какъ бы ни были важны и интересны событія, совершающіяся въ настоящее время въ разныхъ частяхъ земнаго шара, всё они блѣднѣютъ передъ драмой, разыгрывающейя въ Америкѣ арміями федераловъ и рабовладѣльцевъ. Нѣтъ сомнѣнія, что рычагъ современной исторіи находится теперь въ томъ мѣстѣ, гдѣ сталкиваются двѣ непріятельскія силы, т. е. между Ричмондомъ и Вашингтономъ. Пусть побѣдитъ Ли, — и рабовладѣльцы въ своихъ плантаціяхъ, торговцы неграми на своихъ корабляхъ, императоръ Максимилианъ на своемъ мексиканскомъ тронѣ и вообще всё, ненавидящее свободу изъ боязни ея, возрадуются этой побѣдѣ своего союзника. Пусть восторжествуетъ Грантъ, — и конфедерация плантаторовъ получаетъ смертельный ударъ, торговцы неграми прекращаютъ свою выгодную торговлю, Максимилианъ рискуетъ лишиться возможности пробраться въ свою контрабандную имперію, Испанія возвращаетъ дѣса красного дерева на Санъ-Доминго и благоухающіе чинчасекіе острова. Побѣда союза будетъ въ то же время побѣдою свободы дѣлаго міра; отъ исхода этой борьбы зависятъ не только судьбы республики Соединенныхъ Штатовъ, участь Америки, будущность негритянскаго племени, — но и судьба европейскихъ народовъ.

Грантъ, сдѣлавшись генералиссимусомъ сѣверныхъ войскъ, употребилъ всё стараніе, чтобы упрочить положеніе потомакской арміи и обезпечить полный успѣхъ за этимъ войскомъ, которое до сихъ поръ терпѣло пораженіе каждый разъ, какъ выступало противъ Ричмонда. Въ продолженіи всей зимы и первой половины весны Грантъ не переставалъ заботиться о преобразованіи главнаго штаба, о возобновленіи военныхъ припасовъ, о сборѣ провіанта и о приготовленіяхъ всякаго рода къ окончательной компаніи. Болѣе осторожный, чѣмъ другіе генералы, его предшественники, онъ умѣетъ сохранять въ тайнѣ свои планы, и его не сбиваютъ съ дороги ни приливъ и отливъ общественнаго мнѣнія, ни отчаянныя вылазки, которыя генералъ Форре дѣлалъ въ Кентукки, а генералъ Гокъ — въ сѣверной Каролинѣ, съ цѣлью отвлечь вниманіе Гранта, спокойно собиравшаго свои войска на дорогахъ, ведущихъ въ Ричмондъ. Въ это время Ли и Джефферсонъ Девисъ тоже работали. Ветераны и рекруты сзывались со всѣхъ концовъ возмущившейся конфедерации; Борегаръ, почти понавшій въ немилость послѣ битвы при Коринѣ, былъ снова призванъ, какъ спаситель; массы провіанта посыпались изъ Георгіи и южной Каролины въ конфедерационную армію, которую не можетъ уже прокор-

нить истощенная почва Виргинии; чиновники, люди, несущие оружія; женщины; отправлялись тысячами из Ричмонда въ центральные города южных штатовъ.

4-го мая Грантъ открылъ наступательное движеніе, перешелъ Рапиданъ на многихъ пунктахъ. Въ то же самое время тронулись другія войска, такъ сказать, ожидающія конфедерацію плантаторовъ. Генералъ Зителъ, пробравшись въ окольную дорогу, образуемую долиною Шендоа между двумя параллельными цѣпами Аллеганскихъ горъ, угрожалъ сообщеніемъ Ричмонда съ центральной Виргиніею и загораживалъ дорогу тѣмъ конфедерационнымъ отрядамъ, которые могли напасть на Гранта съ тылу. Отважный генералъ Бултеръ неожиданно появился въ 20 километрахъ разстояніи, на юго-западѣ отъ Ричмонда. Въ Георгии, Шерманъ помогалъ общему дѣлу тѣмъ, что заставлялъ Джонстона защищать Атланту, и такимъ образомъ не позволялъ ему двинуться на защиту Ли и Борегара. Наконецъ блестящій одержавъ стонцій перелѣ Чарльстономъ, тоже участвовалъ въ общемъ нападении бомбардировкою береговыхъ укрѣпленій.

Армія Гранта успѣла перейти Рапиданъ, не встрѣтивъ особенно сильнаго сопротивленія. Дѣйствительно, Ли, ожидавшій появленія своего противника: совѣтъ съ другой стороны, не могъ устоять. Онъ былъ принужденъ очистить крѣпкія ретраншементы, построеныя имъ гораздо дальше къ востоку, и быстро двинуться на перерѣзъ того пути, по которому слѣдовала армія Гранта. Первая встрѣча произошла 5-го числа утромъ въ уединенной мѣстности Вилдернессъ, гдѣ сосны и дубы не позволяли кавалеріи свободно дѣйствовать и гдѣ даже артиллерія едва могла двигаться. Ли прибѣгнулъ къ тактикѣ, которая удавалась ему уже во многихъ сраженіяхъ: онъ сначала разумналъ положеніе своего противника и потомъ направилъ свое войско большими массами на тотъ пунктъ наирѣзательской арміи, который казался ему болѣе слабымъ. Нанеръ его колонны пришлось выдерживать правому крылу, гдѣ командовалъ генералъ Седвикъ. Оно цѣлый день стояло непоколебимо и своею твердостью помогло центру сдѣлать важные успѣхи. На другой день, 6-го мая, генералъ Ли сталъ въ наступательное положеніе. Предводительствуя самою сильною частью своихъ войскъ, онъ ударилъ въ центръ неприятеля, потомъ въ лѣвое крыло, но не могъ ничего сдѣлать. Ставилось поздно и ночь приближалась. Тогда Ли съ бѣшенствомъ устремился на правое крыло, которое уже наванулъ выдерживало

на себя всю тяжесть битвы. Истощенные тридцатипяти-часовою борьбою, нѣсколько полковъ Седвика слабаютъ, начинается отступление и толпы бѣглецовъ покрываютъ дороги, ведущія къ Раппдану. Одинъ офицеръ въ испугѣ приноситъ Гранту извѣстіе объ этомъ поражениі. Генераль сидѣлъ въ это время молчаливый, безстрастный и курилъ трубку; онъ посмотрѣлъ сначала на офицера, потомъ на свой штабъ, стоявшій передъ нимъ съ испуганнымъ видомъ, и спокойно сказалъ: «Не вѣрю».

Дѣйствительно, происшествіе было неважное, потому что Ли былъ неспособенъ воспользоваться своимъ успѣхомъ. Ночью Грантъ, который, не говоря ни слова, рѣзалъ, по обыкновенію американцевъ, перочиннымъ ножикомъ кусокъ дерева, вдругъ всталъ. Онъ поставилъ свои войска въ совершенно новый порядокъ, и когда утромъ, 7-го числа, Ли хотѣлъ продолжать свое нападеніе, то замѣтилъ, что войско Седвика уже не стояло передъ нимъ; за то его собственному правому крылу угрожали такія громадныя силы, что борьба была невозможна. Послѣ сильной канонады и нѣсколькихъ схватокъ, Ли отступилъ, оставивъ на полѣ битвы всѣхъ своихъ мертвыхъ и тысячи раненныхъ. Говорятъ, что больше 15 т. человекъ пали съ обѣихъ сторонъ въ этомъ страшномъ сраженіи. Ли попросилъ дать ему время похоронить своихъ мертвыхъ. «У меня нѣтъ времени хоронить мѣткъ»—отвѣчалъ Грантъ.

Слегка свернувъ влѣво, федералы преслѣдовали непріятеля черезъ кустарники, лѣса и ручьи; они надѣялись опередить его и прийти раньше въ долину маленькой рѣки По. Они прибыли туда 8-го числа послѣ обѣда, но конфедерационные генералы Лонстритъ и Ивель успѣли уже укрѣпиться въ селеніи Споттсильвани. Битва снова началась, но рабовладѣльцы отбивали всѣ нападенія. 9-го числа произошло новое сраженіе. 10-го, послѣ обѣда, генераль Бернсайдъ вломился въ правое крыло конфедератовъ, завладѣвъ цѣлыми тремя бригадами, и взялъ штыками первую линію ретраншементовъ. На слѣдующій день генераль Ганкокъ взялъ въ плѣнъ отрядъ изъ 6 т. человекъ со всѣми его генералами и пушками. Ли напрасно старался снова завладѣть первою линіею,—его отбили. Федералы въ свою очередь попытались воспользоваться своимъ успѣхомъ, но и они были отбиты. Это былъ день страшной рѣзни, самый кровавый день всей кампаніи. 12-го числа утромъ конфедераты попробовали сдѣлать новое отчаянное нападеніе; но снова отраженные, они про-

должны сражаться слабо, и какъ бы для того, чтобы замаскировать начало своего отступленія. Ночью Ли отошелъ на разстояніе 4 миль. Большое осемидневное сраженіе было кончено. Солдаты были такъ истощены, что многіе изъ нихъ спали на ходу. Такъ сражаются эти республиканцы-янки, въ отношеніи къ которымъ ловкіе французскіе офицеры выказываютъ великосвѣтское презрѣніе. Потеря, понесенная обѣими сторонами въ этомъ кровавомъ дѣлѣ, еще не определена съ точностью. Федеральная армія лишилась двухъ отличныхъ дивизионныхъ генераловъ: благоразумнаго Уадсворта и храбраго Седвика.

Неутомимый Грантъ, безъ всякаго сомнѣнія, немедленно бросился бы преслѣдовать непріятеля, если бы проливные дожди не залили дорогу и не заставили рѣки выйти изъ береговъ. Ли воспользовался этимъ обстоятельствомъ для укрѣпленія своей позиціи такъ, что Бернсайдъ и Ганкокъ никакъ не могли выбить его изъ нея. Но 20-го числа Грантъ возобновилъ свою тактику, употребленную въ Вилднерессѣ; онъ обогнулъ правый флангъ рабовладѣльческой арміи, быстро устремился на югъ и успѣлъ расположить часть своихъ войскъ на южномъ берегу рѣки North-Appa, по ричмондской дорогѣ. Отряды Лонстрита и Ивеля гнались за нимъ, но не могли остановить его. Благодаря этому маневру, Грантъ прошелъ больше половины разстоянія, отдѣляющаго Ричмондъ отъ Рапиданской равнины. Онъ отбѣснилъ армію Ли къ ея послѣдней оборонительной линіи по ту сторону столицы и приблизился къ войскамъ Бутлера, укрѣпившимся на берегахъ James-River, къ юго-западу отъ Ричмонда. Впрочемъ, съ самаго начала кампаніи, федеральная кавалерія, предводительствуемая Шериданомъ, могла пройти сквозь всѣ конфедерационныя линіи изъ лагеря Гранта въ лагерь Бутлера. По дорогѣ Шериданъ опрокинулъ кавалерію Стюарта. При этомъ случаѣ Стюартъ былъ убитъ.

Генералъ Зигель, на котораго было возложено трудное и опасное порученіе сражаться въ высокой равнинѣ Шенандоа, не могъ одержать побѣду надъ войсками Брекенриджа; вся дѣятельность его ограничивалась неважными схватками, а отдаленіе, въ которомъ онъ находился отъ Ричмонда, позволило ему оказать только косвенныя услуги Гранту. За то Бутлеръ съ полнымъ успѣхомъ исполнилъ первую часть своего порученія. Уже нѣсколько мѣсяцевъ, онъ съ огромнымъ усердіемъ дѣлалъ приготовленія къ кампаніи. Его транс-

портных суда и канонерскія лодки были собраны въ York-River, къ востоку отъ Ричмонда. Онъ строилъ доки по берегамъ этой рѣки, собиралъ провiантъ, исправлялъ мосты и магазны. Обмундены этины приготовленіями, конфедераціонные генералы собирали въ своемъ войска въ этомъ мѣстѣ, запружали юржскую рѣку адскими машинами, строили укрѣпленія по той дорогѣ, по которой, по вѣдному, хотѣлъ двинуться Бутлеръ. Вдругъ этотъ послѣдній исчезъ съ своею арміею. Воспользовавшись тою же самою ночью, въ которую Грантъ перешелъ Ранданъ, онъ посадилъ свое войско на транспортныя суда, обогнулъ полуостровъ Юрк-тоунъ и крѣпость Монроу, вошелъ въ James-River, на берегахъ которой почти не было конфедераціоннаго войска, завладалъ, одинъ за другимъ, всѣми селами и городами Сати-Политъ, и, не потерявъ ни одного солдата, расположился на полуостровѣ Бермуда, лежащемъ въ двадцати километрахъ отъ Ричмонда, къ юго-западу. Въ этой природной крѣпости, защищенной съ сѣвера и запада рѣкой James-River, съ юга рѣкою Аппомакомомъ, съ востока — рядомъ почти непроходимыхъ болотъ, Бутлеръ могъ легко выдерживать нападеніе болѣе сильнаго непріятеля, и прямо угрожалъ Ричмонду. Нѣсколькими экспедиціями, сдѣланными изъ этого мѣста, онъ отрѣзалъ у столицы конфедератовъ пути ея сообщенія съ сѣвѣрною Каролиной и всѣми южными штатами. Другія нападенія его на правильно-угроенныя крѣпости въ окрестностяхъ Ричмонда не привели къ желаемой цѣли и даже окончились частными пораженіями; но пусть только Бутлеръ продержится въ своемъ полуостровѣ, и Ричмонду не сдобровать наконецъ.

Армія Шермана въ Георгіи тоже одерживала побѣду за побѣдой. Выйдя изъ Чаттанроги, она не нашла прямо на дальнемъ укрѣпленія, въ которыхъ Джонстонъ расположился зимою, но заняла къ этому мѣсту съ юга и перерѣзала сообщеніе конфедератовъ съ центромъ Георгіи. Джонстонъ быстро отступилъ къ Атлантѣ, и побѣдоносный Шерманъ долго преслѣдовалъ его. Полное торжество совершится тогда, когда будетъ взятъ этотъ городъ Атланта, центръ желѣзныхъ дорогъ Георгіи и всего, что осталось отъ возмущившихся штатовъ, главное депо военныхъ припасовъ, главный складъ хлѣба, отданнаго планзаторами правительству Джефферсона Девиса. Можно только бояться того, что армія Шермана, упоенная легкими успѣхомъ, уйдетъ слишкомъ далеко во внутрь Георгіи, и что въ этомъ

случаѣ непріятель перерѣжетъ ей сообщеніе съ складочнымъ пунктомъ въ шриванга.

Но театръ войны находится въ настоящее время не только въ Виргиніи и Георгіи; война происходитъ также въ Нью-Йоркѣ, дѣйствительной столицѣ Соединенныхъ Штатовъ. Тамъ мятежники и «сѣдноцвѣтныя змѣи», сдѣлавшіеся журналистами и разнощиками фальшивыхъ новостей, всѣми силами стараются ставить всевозможныя преграды дѣйствіямъ правительства. Одна газета сочиняетъ отчаянную прокламацію президента Линкольна, призывающую къ оружію 400 тыс. человекъ, и объявляетъ, что лажъ на золото дошелъ до 40%. Другая газета открыто заявляетъ сочувствіе къ Ли. Правительство, строго охраняющее свободу печати, не мѣшаетъ этимъ толкамъ и позволяетъ безнаказанно оскорблять себя каждый день. Разъ только оно измѣнило себѣ, запечатавъ контору редакціи *World* и другой нью-йоркской газеты; но на другой же день отиѣнно свое приказаніе и запрещенныя газеты снова появились. Какъ бы то ни было, а правительство укрѣпляется этою кротостью, и тѣ, которые стараются измѣнически испровергнуть его въ пользу эсклаважистовъ, только сами себя покрываютъ позоромъ. Время настало знаменательное и все начинаютъ задумываться. Въ теченіе этихъ трехъ лѣтъ войны видимое благосостояніе Соединенныхъ Штатовъ усилилось неслыханнымъ образомъ; образовались громадныя богатства, и роскошь приняла огромные размѣры. Въ то время, какъ тысячи людей падаютъ въ битвахъ, города охвачены какою-то горячкою баловъ и пышныхъ нарядовъ. Американскія женщины поняли всю скандальную сторону этого явленія. Большая часть женъ высшпхъ государственныхъ сановниковъ составили національный союзъ и обратились ко всемъ американкамъ съ предложеніемъ отказаться отъ шелку, бархата и другихъ предметовъ роскоши. «Если вы отдаете отечеству вашихъ мужей, сыновей и братьевъ, то умѣйте также обходиться безъ кружевъ и брильянтовъ».

Да, эта война ужасна, и нами не разъ овладѣвалъ страхъ при чтеніи разсказовъ о стольныхъ вровопродѣвшихъ стычкахъ. Эти поля сраженія, покрытыя мертвыми, умирающими и ранеными, эти негры, падающіе подъ ударами пожей, эти опустошенныя села, эти города, превращенныя въ кучи пепла, эти корабли, тонущіе со всемъ своимъ экипажемъ, это населеніе, умирающее съ голоду, эти женщины, ломающіе въ отчаяніи руки, — все это, взятое вмѣстѣ, представ-

ляютъ ужасную картину. Но какъ избѣжать этихъ бѣдствій? Рабо-
владѣльцы захотѣли ихъ, возмущившись противъ отечества; сѣверные
демократы допустили ихъ тѣмъ, что такъ долго не возставали про-
тивъ рабства, не подавили его въ то время, когда власть была въ
ихъ рукахъ. Для того, чтобы сохранить ненарушимость конституціи,
для того, чтобы освободить африканское племя отъ плети плантато-
ровъ и республику Новаго Свѣта — отъ тираніи европейцевъ, рес-
публиканцамъ оставалось только принять вызовъ, и, надо имъ отдать
справедливость, они доблестно припали его. Правда, побѣда ихъ бу-
детъ стоить много крови; но о какихъ мертвыхъ слѣдуетъ жалѣть?
О южныхъ рекрутахъ, которыхъ насильно ведутъ на бойню, о тѣхъ
людяхъ, которые за деньги поступили на службу въ сѣверныя вой-
ска. Но мы не станемъ жалѣть о тѣхъ рѣшительныхъ бойцахъ, кото-
рые въ томъ или другомъ лагерѣ сражаются за принципъ. Планта-
торы, бросающіеся въ огонь для увѣковѣченія рабства, погибають,
и ихъ дурное дѣло умираетъ вмѣстѣ съ ними. Что касается аболи-
ціонистовъ и республиканцевъ, жертвующихъ жизнью для доставле-
нія свободы гражданамъ всѣхъ цвѣтовъ и упроченія независимости
на американскомъ материкѣ, то они награждаются за свою предан-
ность самимъ дѣломъ, за которое они сражаются. Конечно, народъ
Соединенныхъ Штатовъ выйдетъ изъ этой борьбы лучшимъ, чѣмъ
вошелъ въ нее. Онъ вынесетъ изъ этой борьбы большую любовь къ
правосудію, большую заботливость о своей свободѣ, которая стоитъ
ему такъ дорого; онъ сдѣлается болѣе правдивымъ, болѣе справед-
ливымъ и болѣе великимъ.

Одинъ офицеръ рассказываетъ, что, проходя по полю битвы въ
Вильдернессѣ, онъ замѣтилъ между трупами молодого солдата, почти
ребенка, тяжело раненнаго. Этотъ несчастный имѣлъ силу выползти
на рукахъ изъ кровавой лужи и добраться до дерева, окруженнаго
цвѣтами. Изъ этихъ цвѣтовъ онъ сдѣлалъ себѣ букетъ и часто под-
носилъ его къ блѣднымъ губамъ. Не знаю почему, этотъ раненный
ребенокъ, срывающій цвѣты, кажется мнѣ образомъ самой Америки.
Она страдаетъ, она истекаетъ кровью, но въ то же время смотритъ
на цвѣтокъ свободы, растущій передъ нею, и утѣшается имъ!

Жакъ Ласперсъ.

ДОМАШНЯЯ ЛѢТОПИСЬ.

Уровень общественнаго сознанія. — Запросы, съ какими обращается общество къ литературѣ, и отвѣты, которые даетъ ему литература. — Защитники плети и его невозволительныя измышленія. — Отношеніе литературы къ провинціи и отношеніе провинціи къ литературѣ. — Упреки, дѣлаемые литературѣ обитателями болотъ и откликающимися на всевозможныя жизненныя явленія. — Провинціальныя корреспонденты: типъ корреспондента-обличителя и корреспондента-оплодотворяющаго. — Значеніе этнографическихъ очерковъ. — Опытъ корреспонденціи изъ Рыбинска, сочтенной въ Петербургъ. — Корреспонденціи В. Л. въ газетѣ „Голосъ“.

Безспорно, что въ послѣднее время мы не далеко ушли по пути общественнаго сознанія, что выводы, являющіеся какъ неотразимый результатъ извѣстнаго положенія дѣлъ, начинаютъ озадачивать общество. Не то, чтобы общество совершенно отрицало логическую необходимость такихъ выводовъ; но выводы эти просто не нравятся обществу, не въ его вкусъ, потому что всякій неотразимый выводъ имѣетъ обязательную силу. Вслѣдствіе этого современная литература положительно никого не удовлетворяетъ: не удовлетворяетъ она ни консерваторовъ, которымъ она представляется черезъ-чуръ либеральною; не нравятся и либераламъ, которые находятъ ее слишкомъ консервативною. Охотники до веселаго чтенія сердятся, что литература занимается слишкомъ серьезными вопросами; ищущіе серьезнаго чтенія находятъ, что литература занимается пустяками, больше прохаживается по части дешеваго, безобиднаго смѣха и дешевыхъ же, никому ненужныхъ, новѣствованій. Прогрессисты находятъ, что литература слишкомъ подталкиваетъ Русь назадъ; рет-

рогады, — что она сломя голову тянет Русь вперед. Словомъ, недовольство современною литературою полное и почти всеобщее.

Это недовольство выражается полнѣйшимъ равнодушіемъ ко всему, что бы ни творилось въ области современной литературы. Хорошая статья появится въ печати, мы—ничего, причитаемъ; разразится кто нибудь самою отчаянною нечѣстностью, мы—ничего, и нечѣстность прочитаемъ. Лишь бы читать что нибудь, а что именно читать—это все равно. У насъ бранять австрійцевъ—мы читаемъ, хвалить—мы тоже читаемъ. Мы даже любимъ и готовы поощрять эквилибристическія шалости публициста, который на одной страницѣ, напримѣръ, кричитъ, что «земскія учрежденія—это та новая сила, та живая струя, которая даруетъ русскому человѣку великую будущность», — а черезъ нѣсколько страницъ провозглашаетъ, что «конечно земскія учрежденія полезны, но русскій мужикъ такъ недобросовѣстенъ и грубъ, что дарованныя учрежденія могутъ принести и принесутъ страшный вредъ...» и т. д. и т. д. Мы читаемъ хладнокровно подобныя невольнительныя измышленія и читаемъ не потому, чтобы публицистъ въ данномъ случаѣ интересовалъ насъ, какъ любопытный владѣлецъ благоустроенной головы, способной вмѣщать въ себѣ самыя противорѣчающія мысли; а читаемъ потому, что намъ даже нравятся подобныя кувырканья. Мы любимъ, когда публицистъ сначала поощрять, одобрить что нибудь, а потомъ то же самое злобно продернеть; или сначала обругаетъ, а потомъ поощритъ...

Наше время и есть время полного господства возрѣвнѣ смѣшанныхъ, вишегретныхъ, свѣтло-темныхъ, либерально-ретроградныхъ. Даже прошлогодній, весьма значительный, успѣхъ «Московскихъ Вѣдомостей», органа съ рѣзко выяснившимся направленіемъ, успѣхъ, которому, по видимому, противорѣчатъ высказанное нами положеніе о господствѣ смѣшанныхъ возрѣвнѣ, успѣхъ этотъ главнымъ образомъ и объясняется именно съ этой стороны. Дѣло въ томъ, что по самой сути «Московскія Вѣдомости» безспорно болѣе сочувствуютъ возрѣвнѣ и мѣрамъ консервативнымъ; но это сочувствіе консервативнымъ возрѣвнѣ и мѣрамъ такъ добродо раскинуто либеральными ортелями и прогрессивными словечками, что простымъ читателямъ и «Московскія Вѣдомости» представляются либеральными съ консервативной точки зрѣвнѣ, представляются и могутъ представляться органомъ смѣшаннымъ, либерально-ретрограднымъ. Читайте вы напр. въ Московскихъ Вѣдомостяхъ статью о пшелолахъ въ южно-

русскомъ языкѣ, статью, въ которой рѣше провозглаголано, что въ южно-русскомъ языкѣ не должно быть южно-русскихъ словъ; но въ концѣ концовъ эта неспособность сдобриваема либеральничаньемъ о пользѣ науки и заглажена жваніемъ, чтобы русский народъ выучился правильно говорить и писать по-латински и по-гречески. Это послѣднее, очевидно, выламывается такъ, собственно ради красиваго словечка; но читателю никто не мѣшаетъ это послѣднее принимать такъ не точно за сущность статьи, какъ и первое, прямо противорѣчающее этой сущности. Докажутъ напр. вамъ «Московскія Вѣдомости» и притомъ весьма основательно докажутъ, что вѣротерпимость—добродѣтель весьма почтенная, что нельзя преслѣдовать людей за то, что ихъ религіозныя догматы непохожи на наши религіозныя догматы, но въ слѣдъ за тѣмъ съ немалымъ основаниемъ докажутъ, что негодиловъ раскольниковъ не мѣшаютъ носить и хорошему посѣчь, чтобы они не были раскольниками. Эту послѣднюю мысль опять одобряетъ либеральничаньемъ о томъ, что музачное право—право северное, что бить человека—не годится, что стегать плетью нану меньшую братью—не гуманно. То напр. «Московскія Вѣдомости» въ цѣломъ рядѣ передовыхъ статей предаются напрягнѣйшему оптимизму, доказываютъ, что все-то у насъ хорошо, все-то у насъ мило, все-то у насъ благоденствуетъ; то вдругъ раздражаются страшнымъ гнѣвомъ къ петербургской журналистикѣ, бранятъ эту журналистику, на чемъ свѣтъ стоитъ, бранятъ и самыхъ жителей Петербурга, и въ концѣ концовъ приговариваютъ даже на Петербургъ, по собственному выраженію «Московскихъ Вѣдомостей», «торжественное провозглашеніе народнаго сознанія и народнои воли...» Страхъ разбираетъ бѣдныхъ петербуржцевъ при чтеніи такихъ воззваній къ народному сознанію (валяй, дескать, на право и на лѣво!); а все-таки «Московскія Вѣдомости» — тотъ почтенный органъ, которымъ извѣстная часть публики любитъ побавовать себя на сонъ градуній.

Вслѣдствіе этого поворотнаго движенія нашихъ мозговъ, мы можемъ, нисколько не претворѣя себя, провозгласить, на обѣдахъ дворянства слыхи о томъ, что дворянство — это наша надежда, наша сила... А на рынкѣ, торгуя молокомъ, зеленъ или гуся, мы можемъ совершенно снохойно именовать мужичавъ, что вы, дескать, голубчики мужички — наша надежда и наша сила... берите съ насъ по двугривному за гуся... Никакого тутъ противорѣчія не будетъ.

Благодаря остроумной заручкѣ, изобрѣтенной московскими публицистами, общество безъ труда выпуталось изъ противорѣчій въ вопросѣ о тѣлесныхъ наказаніяхъ. Отмѣна тѣлесныхъ наказаній (плетью и шпичрутками) просто поставила общество въ тупикъ: желать тѣлеснаго наказанія — слишкомъ ужъ нелиберально; но съ другой стороны отрицать необходимость тѣлеснаго наказанія также солено. Благодаря фокусъ-покусамъ г. Каткова, общество могло, нѣсколько не противорѣча себѣ, между дворянами утверждать, что отмѣна тѣлесныхъ наказаній — мѣра вредная; а мужикамъ говорить, что отмѣна тѣлеснаго наказанія — мѣра полезная. Резюмировались же всѣ эти измышленія въ такой формѣ: «отмѣна тѣлеснаго наказанія есть вредно-полезная мѣра...»

И не только нѣкоторые члены общества, но даже нѣкоторые литературные органы додумались до такого неопозволительнаго взгляда на тѣлесныя наказанія. Такъ газета «Вѣсть», которая, надрываясь изъ всѣхъ силъ, кричитъ о себѣ, что она «отличается *независимымъ* (!) направлениемъ, (можетъ быть впрочемъ въ этомъ и заключается ее независимость), сначала одобрила отмѣну тѣлесныхъ наказаній, а потомъ въ № 21-мъ старается доказать, что введеніе тѣлесныхъ наказаній должно сдѣлаться рѣшительнымъ *умищениемъ* (?) въ законодательствѣ, ибо оно основано на вполне здравыхъ принципахъ...» Эта оригинальная статья «Вѣсти» такъ отвратительна, что мы рѣшаемся сказать о ней нѣсколько словъ и сдѣлать такииъ образомъ уклоненіе отъ нашихъ выводовъ.

Недавно въ Англіи, въ палатѣ лордовъ, происходили пренія по поводу билля объ измѣненіи наказанія за изнасилованіе. Было предложено къ существующему наказанію прибавить еще наказаніе плетьюми. Этотъ билль, по мнѣнію редакціи «Вѣсти», показываетъ, «что общественное мнѣніе въ Англіи начинаетъ открывать глаза (?) и признаетъ тотъ фактъ, что *сантиментальничанье и передовое отвращеніе отъ тѣлесныхъ наказаній* (!) есть ничто иное, какъ вредная и *раззорительная* роскошь... Понятно, что если тѣлесное наказаніе употреблять въ тѣхъ случаяхъ, когда общественное мнѣніе находитъ его незаслуживающимъ, то этииъ самымъ вся система тѣлеснаго наказанія подвергнется осужденію. Если же напротивъ оно будетъ примѣняться съ благоразумною осторожностію въ тѣхъ только случаяхъ, которые вызываютъ особое и сильнѣйшее общественное негодованіе, то, по всей вѣроятности, *система тѣлеснаго на-*

казанія не только будетъ признана существенно полезною, но даже сдѣлается популярною (?!)».

Итакъ, смотрѣть, какъ дерутъ плетью, и чувствовать отвращеніе къ этому роду наказанія, по мнѣнію этой газеты, значить *сантиментальничать* и впадать въ первозную слабость. «Вѣсть» надѣется, что система тѣлеснаго наказанія можетъ быть признана не только существенно полезною, но даже «сдѣлается популярною». Къ чему ужъ тутъ прилѣбена «популярность», и говорить ли популярность извѣстнаго учрежденія въ пользу этого учрежденія—все это какъ-то непонятно уложилось въ гостепріимной головѣ защитника плети. Существовало крѣпостное право со всѣми его возмутительными явленіями, и это право пользовалось большою популярностью: слѣдуетъ ли изъ этого, что подобныя «популярныя» учрежденія желательны? Тѣлесное наказаніе, если оно не ограничивается пытками въ застѣнкахъ, также не можетъ не пользоваться большою популярностью. Выводятъ преступника на площадь при самой торжественной обстановкѣ, эшафотъ, палачи, кандалы и плети — все, какъ слѣдуетъ, преступника привязываютъ, на нѣсколько минутъ воцаряется глубокое молчаніе, потомъ сыпятся сильные удары плетью, раздается пронзительный крикъ истязуемаго, толпа глазѣетъ. Но ни эта популярность, ни эта чистота въ отдѣлѣ нисколько не говорятъ въ пользу рациональности подобнаго учрежденія. Все это дѣлается тѣмъ отвратительнѣе, что въ то время, когда правительство отгнѣнило тѣлесное наказаніе, являются въ печати защитники плети и даже рѣшаются клеветать на народъ, навязывая ему свои собственные истиникты.

Если бы даже и были въ народѣ симпатіи къ тѣлеснымъ наказаніямъ, то все-таки было бы слишкомъ безнравственно, по совѣту защитника плети, лѣлѣять эти непервоизвольныя симпатіи, воспитывать ихъ, какъ чувства «законныя и полезныя». Нѣчто въ этомъ родѣ было когда-то въ древнемъ Римѣ. Когда голодный, измученный работой и рабствомъ, народъ римскій началъ заявлять нѣкоторые признаки недовольства, то римскіе эксплуататоры, въ видахъ своего благоденствія, придумали мѣру отвлечь вниманіе народа отъ всего, что такъ навойливо и такъ больно давало себя чувствовать ему на каждомъ шагѣ. Понадобилось развратить общественное сознаніе народа, изуродовать его смыслъ, и вотъ, въ этихъ видахъ, римскіе эксплуататоры начали угощать народъ кровавыми зрѣлищами цирковъ, травя людей звѣрями и звѣрей людьми. Народъ густыми

толпами влезли въ амфитеатры, и весь отдался придуманной для него веселой потѣхѣ: самые лучшие человѣческіе инстинкты были забыты, чувство испорчено, сознание неуродовано, и такимъ путемъ совершилось паденіе не государства, а народа римскаго.

Но мы остановились на статейкѣ защитника: плати вовсе не для того, чтобы повторять очевидные доводы въ пользу безправственности и пенужности тѣлесныхъ наказаній. Мы имѣли въ виду главнымъ образомъ показать читателю, что, кажется, нѣтъ никакой опасности, чтобы мы слишкомъ забѣжали впередъ по пути прогресса, если всякая нецѣлѣность находитъ себѣ мѣсто въ нашихъ печатныхъ органахъ. Понятно, что общество имѣетъ въ которое основаніе относиться недовѣрчиво и равнодушно къ подобной литературѣ.

Общество отвращается отъ той совершенно справедливой мысли, что литература должна служить интересамъ общественнымъ, а она этимъ интересамъ не служитъ; что литература должна приносить обществу пользу, а она этой пользы не приноситъ. Точка отправленія совершенно справедливая; но такова ужъ вѣрно бываетъ иногда судьба справедливыхъ мыслей, что какъ начнутъ у насъ воздѣлывать самую справедливую мысль, развивать ее и примѣнять въ отдельныхъ случаяхъ, такъ въ концѣ концовъ договорятся до нецѣлѣности. Мы можемъ привести въ доказательство этой мысли множество примѣровъ. Такъ, когда-то, у насъ долго неомылась мысль о вліяніи среды на развитіе человѣка въ ту или другую сторону. На эту тему множество вредныхъ статей было написано, множество романовъ и повѣстей сочинено, толковали и о благотворномъ вліяніи среды на человѣка и о вредныхъ ея вліяніяхъ. Въ концѣ концовъ ухитрились таки договориться до чепухи и одѣвать фальшивую мысль совершенно справедливую. Сочинители немедленно съузили въ своемъ представленіи границы понятія о средѣ, выдвинули изъ этого понятія его существенные предикаты, и мысль о вліяніи среды на человѣка сдѣлалась просто пошлою фразою.

То же самое случилось у насъ и съ мыслию о томъ, что литература должна служить интересамъ общественнымъ. Чтобы вполнѣ разоблачать подобныя мысли, необходимо только, зная вѣстимымъ образомъ опредѣлившееся міросозерцаніе общества, на мѣсто отвлеченныхъ понятій ставить нечто конкретное, соответствующее этому отвлеченному понятію. Такъ мы поступили и съ мыслию о томъ, что литература должна служить интересамъ общественнымъ. *«Интересы»*

эти—должно купить нужную вещь, дорого продать ненужную вещь, секретные наставленія отъ секретныхъ болѣеи, мысли и смѣльные фразы для бесѣды съ начальниками и раскладшіи модичонки, какъ выгодно жениться, счастье играть въ карты и проч. «Общество» — это члены «Благороднаго Общества» у полицейскаго поста и члены «Купческаго Общества» на владимірской улицѣ, въ домѣ князя Голицына. Понятіи, синонимическія понятію «служенье»: услуживанье, прислуживанье; подслушиванье, даже подолуживанье, подлизыванье и т. д. Подставляем подъ отвлеченныя понятіи эти конкреты, и мысли о томъ, что литература должна служить интересамъ общественнымъ, является въ такомъ видѣ: «литература должна занимать расположеніе у членовъ Благороднаго Общества (у полицейскаго поста) и Купческаго Общества (въ владимірской) и прислуживать имъ сообщеніемъ свѣденій о томъ, гдѣ можно дорого продать ненужныя имъ вещи, дешево купить нужныя, редиально измѣняться отъ секретныхъ болѣеи и т. д. Требования; очевидно, недѣльны; а мы только отчасти усладили мысль и ея характерныя черты.

Такимъ образомъ упрямъ съ этой стороны, дѣлаемый общественно-литературѣ, оказывается настѣпымъ тѣмъ болѣе, что съ этимъ упрямомъ общество адресуется главнымъ образомъ къ тѣмъ литературнымъ органамъ, которые мы, въ отличіе отъ неблагодарныхъ, назовемъ почтеннымъ литературнымъ органамъ. Эти послѣдніе постоянно рисуютъ намъ извѣстную картину всеобщаго благосостоянія и довольства, указываютъ даже съ всею ясною ясностію путь, по которому мы неуклонно должны идти къ этому всеобщему благосостоянію. Вотъ это-то послѣднее обстоятельство — необходимость съ нашей стороны дѣлательнаго участія; необходимость проходить путь къ довольству, — и не нравится намъ, и мы силимся успокоить себя, съ азардствомъ отыскивая въ литературѣ разныя пятна. Мы желаемъ благоденствовать бездѣлничая, желаемъ, чтобы литература оказывала намъ благодѣяніе, преподносила благополучіе и довольство; помни нашего участія въ дѣланіи благополучія и довольства. Мы хотимъ наслаждаться, сидя, слома руки и за пресерансомъ, и сохраняя это *statu quo* т. е. покой и пресерансъ, пребывая въ чинѣ титулярнаго совѣтника и состоя на службѣ въ земской полиціи. Такія требованія; очевидно, ужь слишкомъ барствены и паразитны...

Провинція въ этомъ случаѣ нисколько не отстаеетъ отъ столицъ.

ныхъ вкусовъ и требованій; у нея также есть свои специально-провинціальныя аппетиты въ отношеніи къ литературѣ, свои упреки въ отношеніи ея служенія общественнымъ интересамъ. Только провинція меньше сердится, а больше недоумѣваетъ, не столько протестуетъ, сколько великодушничаетъ. Начитавшись различныхъ «Мариво» и «Взбаламученныхъ морей» она съ недоумѣніемъ и тоскою смотритъ на столичную жизнь; ей намекнули эти произведенія, что совершается въ русской жизни что-то особенное, появляются новые запросы, новые люди, слагаются новыя отношенія, падаютъ вѣковыя предрассудки. Чутко старается прислушиваться провинція къ этому новому движенію, и хотя движеніе это представляется ей въ очень смутномъ видѣ, но все-таки она не хочетъ стоять особнякомъ, она хочетъ также принимать въ немъ участіе или, какъ выражаются провинціалы, «принести свою лепту въ сокровищницу общественнаго развитія». Она обращается за совѣтомъ и разрѣшеніемъ своего недоумѣнія къ журналистикѣ; но журналистика даетъ смутные совѣты и неопредѣленно разрѣшаетъ провинціальныя недоумѣнія.

Добродушная часть провинціального общества обращается къ литературѣ съ добродушными и отчасти туповатыми требованіями. Эта добродушная часть мыслить такимъ аллегорическимъ образомъ:

«Положимъ, провинція, по мнѣнію журналистики, это непроходимая глушь, это обширное и мало изслѣдованное болото, въ которое люди прозабываютъ, какъ озерныя растенія. Пусть будетъ и болото, пусть мы болотныя растенія; но есть же, хоть въ видѣ исключенія, между этими болотными растеніями живъ-человѣкъ, который имѣетъ право требовать живаго слова, живаго участія? Наконецъ и болотныя растенія должны же имѣть хоть кой-какія права. Ты, литература, указываешь намъ на высокую гору: ступайте туда, тамъ воздухъ привольной, тамъ нѣтъ вашей заразной, болотной духоты. Но не можемъ мы съ нашими средствами, съ нашими застарѣлыми болѣзнями оторваться вдругъ отъ роднаго, почвеннаго болота и подняться на гору. Современемъ мы это сдѣлаемъ, не спѣша, постепенно, безъ скачковъ; а пока, литература, научи ты насъ, какъ бы намъ въ болотѣ повеселѣе жить, нельзя ли осушить болото, не бросая его, нельзя ли отыскать въ немъ болѣе сухое мѣсто?...»

Та же добродушная часть провинціального общества иногда мыслить въ формѣ иной аллегоріи:

«Живемъ мы въ глухомъ провинціальномъ городѣ, живемъ тихо, мирно, дружелюбно, и были бы совершенно счастливы, еслибъ Богъ часто не испытывалъ нашего терпѣнія и не посылалъ на нашъ городъ пожаровъ. Пожары насъ совсѣмъ въ разоръ разоряютъ, потому механики у насъ пожарной нѣтъ никакой. Есть одна пожарная труба, состряпанная роднымъ нашимъ мастеромъ Василіемъ Савеловымъ, выкачиваетъ эта труба въ часъ одно ведро воды, да и эта труба совсѣмъ испортилась. Ты, литература, говоришь, что американцы новую трубу выдумали, которая двѣсти ведеръ воды въ одну минуту выкачиваетъ; ты, литература, совѣтуешь нашему городу такую трубу себѣ купить у американцевъ. Хорошій ты намъ совѣтъ даешь и счастливо мы зажили бы съ американскою трубою. Да вотъ въ чемъ дѣло, литература: порядки старые намъ на старости лѣтъ измѣнять не приходится, поживемъ и сами свою родную американскую трубу выдумаемъ. Опять городокъ нашъ маленький, денегъ у него немного— не могутъ же городской голова и исправникъ кушать на простомъ блюдѣ? Это бы насъ обидѣло. Нѣтъ, литература, не надо намъ завозить новую американскую трубу; а ты лучше научи насъ, какъ бы старую механику новою мазью смазать, такъ чтобы наша родная савеловская труба, вмѣсто одного два ведра воды въ часъ выкачивала...»

Опять требованіе добродушное, но тупое и ограниченное.

Есть и нынѣ требованія, заявляемыя нынѣшними людьми, стремящимися, по ихъ выраженію, *«откликаться на всевозможныя жизненные явленія»*. Эта категорія людей, составленныхъ изъ поглубшаго Рудина и облѣбнившагося Штольца, выдѣлилась послѣ Крымской войны въ весьма опредѣленный типъ, въ которому применили многіе и изъ людей стараго зачала. До крымской войны люди эти жили въ простотѣ сердечной, безъ особыхъ запросовъ и помысловъ, жирѣли въ крѣпостномъ довольствѣ и спали спокойно. Крымская война, крестьянская реформа и рядъ новыхъ отношеній, вызванныхъ одною уже этою реформою, все это расшевелило почивавшихъ рабовладѣльцевъ и заставило часть изъ нихъ выдѣлиться въ особый типъ людей, *«откликающихся на всевозможныя жизненные явленія»*. Хорошія стороны этого новаго типа: нѣкоторая живучесть, яркость натуры, суетливость, желаніе «идти впередъ торжественнаго шествованія по пути прогресса», охота вслушиваться въ последнее слово, послѣднюю мысль, высказанную литературою и даже

откидываясь дѣятельно на эту послѣднюю мысль! Но, какъ люди недалекіе и нисколько развитые, они не умѣютъ понять и жить хорошую послѣднюю мысль, сводятъ ее на лезу, что имъ попадетъ, и относятся къ этому до крайности неумѣло и неумало. Прочитываютъ они «Неведомый Каленъ», и вдругъ у всѣхъ является охота разсказать о своихъ жемангахъ!

— Дай-ко я приведу съ собою Марью Ивановну, мыслить какойнибудь почтеннѣй семьдесятъ. Посмотримъ, что скажутъ сосѣди, услышавъ что я выслушалъ такое колѣно...

Прочитываютъ они «Отрывки и Дѣйя» Тургенева, и вдругъ поголовно всѣ *отмы*, слушаніе дано предвѣтными палатъ и софтиниками правленій, начинаютъ учиться играть на виолончели Шуберта и проч. Вообще они свами оканяются въ позы нѣсколько эфектированныхъ поминаній; они любятъ рисовать, быть на виду, имъ нужны подметки, слова, или по крайней мѣрѣ софди, которые сметрѣли бы, какъ они выкидываютъ реальнымъ колѣно. Кроме того, какъ люди, которые до своего стремленія къ *отмычкамъ* не измыслили ничего, кремъ новыхъ негосовъ и не чувствовали ничего, кремъ жеманія искуснейше и небалованъ съ бабами, и вдругъ озаренные обилными наплывомъ новыхъ мыслей и новыхъ чувствъ, они растерялись съ этимъ сомнительнымъ богатствомъ и ощутили потребность въ руководствѣ. Они сознали, что имъ необходимъ наставникъ, который научитъ бы ихъ куда и какъ пристроить это мыслъ и къ какому явленію приурочить свои сннатъ. Такого вождемъ въ отношеніи къ нимъ, по ихъ *отмычкамъ*; должна быть литература, которая, между тѣмъ, будто бы не много-то здорадова въ нимъ, отынавается отъ этой великой и почетной реди. Упрямъ, таинъ образомъ, дѣлаемъ литературу *отмычками*, сводится на то, что литература не водитъ *отмычками* на поначалъ, не указываетъ программы, по которой они должны мыслить и чувствовать. Ихъ сердитъ и раздражено литературомъ къ личности, къ кременнымъ пожеланіемъ и дѣловымъ сннатъ, ихъ сердитъ, какъ вырываютъ сами *отмычками*, — а выражаются они всегда съ эфектомъ, «отъ умственныхъ дѣловомъ, который проказомъ къ намъ, бѣднымъ провинціаламъ, отечественная литература; дѣловомъ, проказомъ, но отъ сознанія превосходства интеринной силы; а отъ кивности своихъ умственныхъ превосходствомъ».

«Вотъ», особенно размыслиють *отмычками*, со всѣмъ это-

роль живые вопросы возбуждаются, новые стремления заявляются; а литература молчит. Возбужденъ вопросъ о томъ, наложить ли пошлину на собакъ, или не наложить, — а литература молчитъ. Возбужденъ вопросъ о томъ, курить на улицахъ, или не курить, — а литература молчитъ; можно ли поставить столбы для наклеиванія на нихъ объявленій, или нельзя — городская дума вотъ уже пять лѣтъ рассуждаетъ объ этомъ государственномъ вопросѣ, а литература хоть бы сказала слово. Палъ откутъ, появились новыя анципаны учрежденія, — а литература молчитъ, и мы не знаемъ, что дѣлать, не знаемъ, радоваться ли намъ, что появились новыя анципаны учрежденія, или печалиться. Если радоваться, то какъ проявить эту радость? Идти ли всѣмъ поголовно на службу по акцизу, или только угощать искусными обѣдами чиновниковъ акципанныхъ? Если же мы должны сердиться, то какъ сердиться? Не принимать даже на порогъ своего дома акципанныхъ чиновниковъ, или только не выдавать за нихъ замужъ своихъ дочерей?.. Теперь опять скоро будетъ праздноваться во всѣхъ обрешованныхъ государствахъ трехсотлѣтній юбилей Шекспира, — ну, а мы-то что жъ, мы-то что жъ должны дѣлать? Дать ли по этому случаю торжественный обѣдъ... вновь прѣйказшему въ нашъ городъ губернатору, или устроить что-либо другое. Странно, какъ можетъ молчать въ такіе торжественныя минуты литература? А она молчитъ, непростительно молчитъ...»

Такого рода упрекъ современной литературѣ дѣлаютъ провинціалы, «отстаивающіеся на всевозможныя живыя явленія». Упрекъ этотъ, конечно поставленный, могъ бы быть не лишнемъ нѣкоторой основательности, а въ такомъ видѣ онъ просто на-просто жалкъ. Въ такомъ же родѣ и всѣ остальные упреки современной литературѣ, которые слышатся изъ разныхъ уголковъ, вообще не особенно говорящаго и не особенно требовательнаго, провинціального міра. Отстаиваясь частому на другихъ упрекахъ мы считаемъ совершенно живыми.

А между тѣмъ именно провинція имѣетъ возможность и право дѣлать самые серьезные упреки столичной журналистикѣ за положительное игнорированіе провинціальной жизни, за нежеланіе даже въ предѣлахъ возможности останавливаться на этой жизни и добросовѣстно изучать ее. О провинціи и провинціальной жизни журналистика ничего не знаетъ и даже выводитъ тамъ, какъ будто бы и не желаетъ знать. Развѣ кардина внутренній обозрѣватель какого нибудь

журнала или ослышонистъ прокатится по Волгѣ или въ Брынѣ, вывезетъ и напечатаетъ нѣсколько вычитанныхъ, произведенныхъ имъ него провинціальной жизни, да и то вычитанныхъ эти въ большинствѣ случаевъ ограничиваются дурною провинціальною дорогою и плохими гостинницами. Мѣстные органы и «Губернскіе Вѣдомости» также болѣею частію занимаются общими разглагольствованіями о «матеріяхъ важныхъ», не выходящихъ никакихъ отношеній къ провинціи; да иногда сообщаютъ еще свѣдѣнія о числѣ пожаровъ и смертныхъ случаевъ отъ княства. Очевидно, что на основаніи такихъ свѣдѣній нельзя дѣлать никакихъ иныхъ соображеній о провинціальной жизни, кромѣ того, что и тамъ бываютъ пожары и тамъ люди сильно истребляютъ денегу и отъ чрезмернаго употребленія ея переносятъ одинаковыя послѣдствія съ петербургскими. Только изрѣдка мѣстный провинціальный витія напечатаетъ въ мѣстной газетѣ такого рода статейку:

«Такого-то числа солнце, это лучезарное свѣтило, освѣщающее равно нивы и поля, хижины земледѣльцевъ и роскошныя палаты вельможъ, заглянуло въ нашъ городокъ, пурпурнымъ свѣтомъ свѣтило богоугодное заведеніе, великодушный столъ пиришества, накрытый въ залѣ этого заведенія и ликующія лица благородныхъ дворянъ, собравшихся слушать торжественный обѣдъ по случаю именинъ всѣми любимаго, всѣми глубоко уважаемаго уважаемаго предводителя дворянства. Во время обѣда распорядителемъ пиришества былъ провозглашенъ при звукахъ трубъ и литавръ мѣстнаго гарнизоннаго баталіона тостъ за здоровье имянинника, находившагося въ это время по дѣламъ службы въ Москвѣ. Немедленно къ нему въ Москву была отправлена депеша, на каковую тотъ сейчасъ же отвѣчалъ. Депеша была прочитана распорядителемъ обѣда, при единодушныхъ крикахъ радости и восторга. Нѣкоторые предложили даже послѣ этого качать распорядителя; но распорядитель немедленно скрылся. Тогда хотѣли качать бывшаго на обѣдѣ протопопа; но и тотъ скоро скрылся. Послѣ этого дворяне отъ нечего дѣлать начали качать становаго пристава... За тѣмъ, чтобы ознаменовать этотъ радостный день, составлена была подписка въ пользу бѣдныхъ, и собрано всего 44 р. 75 к. сер., каковыя деньги и были препровождены въ почетительный о бѣдныхъ комитетъ»...

Еще въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ можно вычитать развѣ только такого рода свѣдѣнія о проявленіяхъ провинціальной жизни:

«Такого-то числа бабринские дворяне М. П. Б и В, собравшись на вечеринку у дворянина С, куда также зашла и дворянинка Х, играли въ карты и пили вино. Подъ конецъ вечера произошла ссора, осложнившаяся дракою, и дворянинъ Х былъ сильно избитъ своими товарищами дворянами: М, П, Б, В и С. Общественная волна немедленно распространилась по всему городу; избитому же тотчасъ была оказана необходимая медицинская помощь...»

Вывести изъ этихъ двухъ извѣстій что нибудь особенно характеристичное въ отношеніи къ провинціальной жизни — нельзя. Пытаться и въ какихъ-то углахъ они не дерутся? Пытаться дворяне, значитъ счастливы; дерутся — значитъ шалуны... И нѣтъ ничего удивительнаго, что на основаніи такого всеобщаго молчаливаго провинціи Иванъ Александръ додумался даже до остроумнаго, въ крайней мѣрѣ по его мнѣнію, вывода, что молчалива провинція совершенно не существуетъ, только кажется существующими; хотя Борисъ Численскій послѣднимъ увѣрилъ черезъ-чуръ заискусствованнаго редактора «Дня», что провинція молчитъ потому, что «рѣчь серебро, а молчаніе — золото», что молчаніе провинціи доказываетъ ихъ мудрость и благоденственное состояніе. Молчитъ провинція, значитъ благоденствуетъ... Ну, да богъ съ ними, съ этими четверисскими выводами: изъ нихъ действительно исполнѣ можетъ быть примѣнена поговорка, что «рѣчь — серебро, а молчаніе — золото...»

Весьма важную услугу обществу въ дѣлѣ изученія провинціальной жизни, негдѣ бы и должно бы оказать этнографическое отдѣленіе при русскомъ географическомъ обществѣ. Но услуга этой этнографическое отдѣленіе не оказываетъ и никакъ этнографическихъ очерковъ не представляетъ. Что дѣлаетъ, чѣмъ занимается, и занимается ли чѣмъ нибудь это ученое отдѣленіе русскаго географическаго общества, остается неизвѣстнымъ. Известно только, что печатаются свои нанужныя извѣстія на нѣмецкомъ языкѣ и сообщаютъ имъ въ томъ же пригодномъ свидѣніи, на томъ же языкѣ, о какихъ-то колебаніяхъ температуры Каспійскаго моря и т. п.

Есть у насъ нѣсколько этнографическихъ очерковъ, составленныхъ частными людьми. Но всѣ эти очерки ничего не очерчиваютъ, до крайности неудовлетворительны и ни на какую потребу непримодны. Считается этихъ очерковъ вмѣсто сообщенія свидѣній о бытѣ, нравахъ и характерѣ людей въ описываемыхъ ими мѣстностяхъ, описыва-

ютъ главнымъ образомъ своей собственной бытѣ и свои собственные нравы. Все это, можетъ быть, и очень интересно для ихъ родныхъ, друзей и пріятелей; но несколько не помогаетъ при изученіи по этимъ очеркамъ жизни очерчиваемыхъ людей и мѣстностей. Задавшись такими неинтересными для постороннихъ мотивами, какъ собственная личность, сочинители исключительно описываютъ свои привычки, свои, часто вадорныя, мыслиленія, изливаютъ при каждомъ удобномъ случаѣ страшное обиліе своихъ благородныхъ чувствъ, описываютъ тонкія впечатлѣнія, производимыя на нихъ восходящъ или заходящъ солнца, красивымъ пейзажемъ, полнотрудною нежданною и звучною, заунывою пейзажною пѣсней. Пріемы въ этихъ очеркахъ старые, и всѣ они стряпаются по одному и тому же рецепту: обыкновенно сначала описываетъ путешественникъ дорогу и всегда северную, по которой онъ въѣхалъ въ какой нибудь провинціальный городишко. За тѣмъ въ общихъ чертахъ описывается внѣшній видъ города: есть, дескать, дома каменные, есть деревянные, есть мощеныя улицы, есть и немощеныя, есть нѣсколько хорошихъ магазиновъ (въ одномъ авторъ купилъ себѣ перчатки, и это описывается очень имористически), есть множество дрянныхъ лавчонокъ, живутъ въ городѣ богатые люди и бѣдные, живутъ мошенники, купцы и вяточники-чиновники, живутъ ошперы и жертвы общественнаго темперамента. Потомъ описывается жалкая гостинница, которую описатель остается очень недоволенъ (хозяина гостинницы за это «свинскі» обругалъ), описывается обѣдъ — непроѣнно северный, провать — разувѣтся съ клопами, бѣлье постельное — грязное, картинка на стѣнахъ — соблазнительныя (къ турецкому пашѣ приводятъ голую красавицу) и т. д. Закончивается этотъ этнографическій очеркъ провинціального города какою нибудь остроумнымъ анекдотомъ, странно драматическою сценою (пьяные мужики на улицѣ подрались) или чувствительнымъ, хотя и мимолетнымъ знакомствомъ съ прелестнѣйшею провинціалкою. Это мимолетное, но близкое, сердечное знакомство обыкновенно описывается такъ: послѣ северной дороги и севернаго обѣда сочинитель задумалъ отдохнуть, но клопы не дали ему покоя; онъ подходитъ къ окну, садится, курить сигару, размышляеть о елосоеи, любитъ заходящъ солнца и составляетъ въ головѣ планъ описанія этого захода. Въ это время по улицѣ проходитъ прелестнѣйшая дѣвушка, этнографъ бросаетъ на нее сладострастный взглядъ и зоветъ къ себѣ чай пить. Провинціальная красавица входитъ въ

помнату, сильно зардѣвшись и потупила стыдливо въ грязный полъ свои черныя съ поволокой глаза. Оказывается изъ ея словъ, что она дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей, оказывается, что она дѣвушка воспитанная, и родители хотѣтъ воспользоваться ея неопытностью и выдать замужъ за провинціального изверга. Этнографъ издѣлываетъ сильное участіе къ ея судьбѣ, и благородная дѣвица слезинетъ на его этнографическую грудь свою прелестную головку и начинаетъ обильно точить слезы благодарности. Этнографъ тронутъ, этнографъ возмолновать и говорить, проливая этнографическія слезы, что въ провинціи живутъ скоты, что родители ея — сваньи и что только столичный житель, именно онъ, этнографъ, можетъ оцѣнить вполне прекрасный вервь ея неопытнаго сердца. Эту оцѣнку неопытнаго сердца онъ намѣренъ сдѣлать. Но неопытное сердце оказывается далеко не неопытнымъ, и взбѣшенный неудачою своей оцѣнки, этнографъ разражается страшнымъ проклятіемъ провинціальной безправственности и разврату».

Быгу, не оглянусь, пойду искать во свѣту,
Гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ!
Карету мнѣ, карету!...

патетически заканчиваетъ разгнѣванный этнографъ свой этнографическій очеркъ и посылаетъ за тройкою обывательскихъ лошадей. Этимъ этнографическій очеркъ и оканчивается.

И таковъ типъ большей части имѣющихся у насъ этнографическихъ очерковъ различныхъ мѣстностей. И на какую потребу могутъ пригодиться эти этнографическія очерки? И почему это «этнографическіе очерки», а не просто болтовня правдошатающагося господина? И почему это картина русскаго быта и нравовъ, а не всякаго другаго народа? Вѣдь въ чисто русскомъ жанрѣ во всемъ этомъ только одна черта: это то, что мужики очень падки на дешовку и, наръзавшись оной, начинаютъ тузить другъ друга...

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ морское министерство на свой счетъ отправило нѣсколько сочинителей путешествовать по различнымъ краямъ Россіи для составленія этнографическихъ очерковъ этихъ краевъ. Въ числѣ отправленныхъ литераторовъ между прочими находились: Островскій, Цисемскій, Мансиновъ и Асенасъевъ-Чужбинскій. Но и эта мѣра не привела почти ни къ какимъ результатамъ: сочинители

пейзажи-пейзажи, констансы-констансы, да съ тѣмъ и прѣ-
тлами, съ чѣмъ отыскали. Тотчасъ С. В. Маленьковъ составилъ не-
слыханно добросовѣстнѣе и дѣльныхъ очерковъ; да Александръ Чуб-
бинскій, въ видѣ антуражности и успешности своей жизни, соста-
вилъ изъвольго наивноснѣе окупить очерковъ (старикъ Дѣбра и
Дѣистра) и близнею подкладныхъ къ указанному нами выше типу
этнографическихъ описаній. Другіе литераторы поступили еще атри-
вѣ: просто ничего не написали, провалялись, да и basta! Такъ
никому прочимъ не поступилъ Нисемскій и совершенно беззащитнѣе
не представилъ ни одной строчки, какъ будто его окричали нуте-
ностествовать въ видѣхъ поправленія драгоценнаго для общества здо-
ровья такого золотого человѣка, какъ Нисемскій, или его послали
для того, чтобы показать провинциаламъ, каковы таковы изъ себя
человѣкъ, будущій авторъ «Вобаламученнаго моря.» Впрочемъ развѣ
только для этой послѣдней цѣли и можетъ пригодиться Нисемскій;
но ужъ никакъ не можетъ быть пригоденъ для составленія этногра-
фическихъ описаній. Для этого нужны: любовь къ честному дѣлу,
уваженіе, знанія и значительная степень развитія, словомъ, нужны
такія качества, какими неумѣлый авторъ «Вобаламученнаго моря»
никогда не отличался. Вотъ почему и изъ пейзажи Писемскаго, съ
цѣлю собранія этнографическихъ свѣденій, вышло просто катанье
для собственнаго удовольствія достаточно богатаго и достаточно
жирнаго помѣщика...

Такимъ образомъ въ концѣ концовъ остается необходимость, при
опредѣленіи характера и особенностей провинциальной жизни, огра-
ничиться тѣми далеко неполными и не характерными свѣденіями, ко-
торыя сообщаютъ сами провинциалы въ своихъ корреспонденціяхъ
въ столичные журналы и газеты. Свѣденій этихъ сообщается про-
винциальными корреспондентами очень немного, да и то большая
часть этихъ свѣденій не можетъ быть принимаема въ соображеніе,
какъ ни къ чему непригодная и ничего неопредѣляющая.

Личности «провинциальныхъ корреспондентовъ» появились на свѣтѣ
очень недавно, они заговорили и закомпоились въ одно время съ
«опытными» и *«осознанными»* явлениями и вы-
званы были на свѣтъ одними и тѣми же явлениями вновь рождаю-
щемся всеобщаго монотонья. Общій типъ провинциальнаго корреспон-
дента, тотчасъ же послѣ своего появленія на свѣтѣ, выдѣлялъ изъ
себя два различныя типа, рѣзко отличающіеся многими особенно-

стии: или «корреспондент-обличитель» и «корреспондент-обличитель».

Личность «корреспондента-обличителя» большею частью принадлежит к числу личностей, довольно способных, но заданных безвольных провинциальное обставление и до того задохнувшихся зарывательных воздухах родного болота, что нередко, сирьня сердце, они, по требованию своих начальников, рѣшаются сгущивать к роли бытописатель славить болотных дѣлій, коють торжественные подвиги своих начальников и краснорѣчиво описывают их торжественные обиды. На лѣстницѣ общественной иерархїи корреспондент-обличитель занимает самое незначительное мѣсто: почти всегда — это человек молодой и служилъ инспектъ въ губернскомъ или мѣстѣ правленїи. Начальники нѣсколько не одобряютъ это и заискусываютъ въ послѣдствїяхъ на задранье передъ ними своего носа; но за те ихъ любятъ товарищи за ихъ дешевое провинциальное остроуміе, или, вѣрнѣе, остроловіе, за ихъ умѣнье ловко рассказывать разные анекдоты. Въ одно прекрасное утро корреспондент-обличитель вдругъ заражается желаніемъ обличать и искоренять страшное зло, существующее въ ихъ маленькомъ городкѣ и цѣль эту разсчитываетъ достигнуть послѣдними и саркастически-ѣдкими обличенїями. Очевидно, что отрицаніе для отрицанїа и протестъ для протеста не имѣютъ никакого смысла; значенїе того и другаго опредѣляется высотой и ясностію идеала, во имя котораго протестуютъ и отрицаютъ. Идеаль, съ котораго выступаетъ на борьбу съ существующимъ зломъ корреспондент-обличитель, слишкомъ узокъ, ничтоженъ, а потому и протестъ его не имѣетъ никакого смысла, и борьба его не приводитъ ни къ какому результату, или приводитъ къ результатамъ, совершенно ненужнымъ. Корреспонденту-обличителю хочется добиться только того, чтобы въ ихъ городѣ было побольше чистоты, поменьше грязи, поменьше пыли, чтобы чиновники поменьше брали взятокъ, чтобы пушки поменьше надували, чтобы пожарныхъ лошадей побольше кормили, чтобы учениковъ уѣзднаго училища поменьше сѣли и т. д. Словомъ, корреспондент-обличитель былъ бы совершенно счастливъ и доволенъ, если бы плохіе чиновники сдѣлались не въ рѣчь вонъ плохими, дурными отлученными — хорошими отлученными, бѣдные мопшонки — маленькими мопшонками и т. д. И вотъ, съ этимъ знаменемъ, съ этимъ идеаломъ выступать на борьбу съ су-

ществующимъ злою провинціальнымъ корреспондентъ-обличителемъ и начинаетъ злобно отрицать и обличать все, что не походитъ на эту крохотную идеальчикъ. Главная его забота, чтобы обличенія эти были какъ можно болѣе злы, ѣдки, саркастичны и остроумны. Но такъ какъ юморъ его особеннаго, провинціального свойства, остроумничанье дешевое и состоитъ въ придумываніи необыкновенныхъ словечекъ, необыкновенной игры этихъ словечекъ, а главное—въ остроумномъ перековерканіи дѣйствительнаго названія города и настоящихъ фамилій дѣйствующихъ лицъ въ вымышленныя, то все это, вмѣстѣ сгруппированное въ одной крошечной статейкѣ, преводитъ впечатлѣніе чего-то тупаго и безнадежно-бездарнаго...

Захочетъ, напримеръ, корреспондентъ-обличитель описать, какъ начальникъ инвалидной команды прибѣгъ на улицѣ дочь нѣнца анжера, онъ не рѣшится просто заявить объ этомъ фактѣ, а широкимъ ухитрится влестъ сюда известную толку такого собственнаго остроумія, что просто дѣлается тошно читать. Обличеніе является въ такомъ, примѣрно, видѣ:

«Такого-то числа въ городѣ Глуговинскѣ, Ослиноболванской губерніи, случайно случился слѣдующій случай. По улицѣ, немощеной и грязной, какъ душонка подъячаго, шелъ нантъ полководецъ хромой команды нѣкто Дриандринскій. На встрѣчу ему шла дѣвушка, дочь нашего искусства повара латинской кухни, дочь льскаго мѣсенаго эскулапа, сирѣчь дочь аптекаря Готлиба Швейнерейна. Бѣдная дѣвушка хотя и принадлежала къ воздушнымъ созданіямъ, но была очень толста и, засмотрѣвшись, не уступила дорогу проходившему начальнику хромой команды, который за сію продержку дерзости съѣзжалъ ей сначала въ рождество, а потомъ захалъ и въ волостное правленіе. Не правда ли, фактъ возмутительный въ нантъ цивилизованный XIX вѣкъ, когда все всюду эмансипируется и когда всё твердо держатся мудраго правила: *place aux dames!*...»

Сочинивши такую статью, ѣдкую и остроумную, корреспондентъ-обличитель просто пребываетъ на седьмомъ небѣ блаженства: ему особенно нравится заключительная мысль статьи, выраженная по-французски: *place aux dames!* Корреспондентъ-обличитель французскаго языка не знаетъ, и потому бываетъ очень радъ, если ему удастся влестъ въ статью французскую ходячую фразу, такъ какъ это можетъ убѣдить нѣкоторыхъ, что корреспондентъ-обличитель какъ будто и знаетъ по-французски...

И вотъ статья замечательнаго, отсылается въ Петербургъ въ какую нибудь редакцію, и если описываемый фактъ заслуживаетъ вниманія, то статья совершенно переделывается и печатается въ новую видъ; или же большою частію сдается въ контору, какъ неудобная къ печати. Но это нисколько не обескураживаетъ корреспондента-обличителя, онъ несказанно счастливъ, если хоть въ «отвѣтахъ редакціи» прочтаетъ извѣстіе, что «сдана въ контору статья *«Рыцарь кулака»*, какъ неудобная къ напечатанію. Этого только и надо было корреспонденту-обличителю.

— Смотрите, смотрите, говоритъ онъ, указывая съ торжествомъ своимъ товарищамъ номеръ газеты съ отвѣтами редакціи. — Смотрите, моя статья *«Рыцарь Кулака»* сдана въ контору, какъ неудобная къ печати. А? Каково вамъ покажется? Цензура не пропустила, цензура болтаетъ меня, какъ человека опаснаго, хе, хе, хе... еще бы! Эта цензура у меня не пропустила въ годъ больше ста статей...

— Отчего же ты думаешь, что цензура? Можетъ быть, сама редакція нашла твою статью неудобною къ напечатанію...

— Сама редакція... эхъ ты, Гоша престога! Не суйся братъ, если ты не литераторъ и не знаешь нашихъ литературныхъ обыкновеній... У насъ, въ нашемъ литературномъ мірѣ, дѣло ведется на чистоту. Прочитай, вонъ, въ «Иллюстрированной Газетѣ» отвѣты редакціи, тамъ прямо редакція валаетъ: *«стихи ваши такъ глупы, что не могутъ быть помѣщены ни въ одной газетѣ.»* Вотъ это, братъ, по нашему, по литературному: поднесъ пилульку, а ты проглотил, какова она есть на вкусъ... Тамъ-то, братъ, если Богъ не далъ тебѣ таланта, если ты не сочинитель, такъ и слушай, что тебѣ сочинитель говорить...

— Ты-то, братъ, какой же сочинитель?

— А такой же, какъ быть должно: обличитель, зло искореняю — вотъ тебѣ и скажъ. Что-жъ, по твоему, Стопановскій, что я, сочинитель?

— Стопановскій сочинитель.

— Какой такой сочинитель?

— Аккуратный сочинитель...

— Аккуратный сочинитель!.. эхъ ты! Да я твоего Стопановскаго за носъ заткну, да я, братъ, къ слѣдующему номеру въ «Искру» такое *«малъ минутъ»* навалю, что самъ вашъ великій Стопановскій надъчина обличать... Вотъ только развѣ цензура не про-

пустить, потому нивалидный канальщик болелши давить въ Петербургъ писать, ему, болелши, одна моя исторія описала три пьюты полкачей, какъ одна монѣта...

Товарищу, видя, что корреспондентъ-обличитель заврался окончательно и напишетъ «спули мить», оставяетъ его въ этомъ приятномъ занятіи.

Такимъ образомъ понятно, что обличенія корреспондентовъ-обличителей представляютъ слишкомъ ничтожный матеріалъ для опредѣленія провинціальной жизни. Иногда корреспондентъ-обличитель просто заражается желаніемъ хоть надъ чуждою амалиею обругать своего ближайшаго начальнаго. Желаніе весьма естественное и естественное: ближайшій начальникъ постоянно съ антикарской аккуратностію давить и преслѣдуетъ бѣднаго обличителя. Давленіе вызываетъ отпоръ: что-жъ дѣлать несчастному обличителю, если у него есть одно орудіе къ отпичанію—алевитная гласность, если онъ поставленъ въ такіа условия, что только изъ-за спины можетъ показатъ своему начальнику языкъ, лягнуть изъ-за угла... Становясь на абсолютную точку, мы готовы согласиться, что подобныа алевитныа обличенія не должны существовать, не имѣютъ никакого смысла; но при томъ положеніи, въ какое поставлено русское общество, они могутъ приносить свою долю пользы и имѣть нѣкоторое, хотя и не особенно серьезное значеніе.

Тинь корреспондентовъ-философствующихъ составляютъ главнымъ образомъ старые учителя гимназій и другіе представители ученаго міра, къ которымъ провинціалы относятъ начальнаго врачевной управы, уѣзднаго лекаря, уѣзднаго землемѣра, лѣсничаго, секретаря статистическаго комитета, смотрителя конюшни коннозаводства и нѣкоторыхъ другихъ. Корреспонденты эти, въ противоположность корреспондентамъ-обличителямъ, игнорируютъ недостатки роднаго города въ видѣ дурныхъ мостовыхъ и тощія лошадей пожарной команды, они не снисходятъ до обзоренія явленій жалкой дѣятельности. Развитіе ихъ пошло больше въ умозрительную сторону, а потому ихъ мысль паритъ горѣ, пребываетъ въ странахъ своблачныхъ, въ сферѣ чистѣйшей абстракціи. Кропотливые ворчуны у себя дома и строгіе расказатели подчиненныхъ на службѣ, они далеко не такіе злые люди, какими представляются съ перваго взгляда, они съ крайнимъ незлобіемъ душевнымъ занимаются этииъ ворчаньемъ и этииъ расказаньемъ, они предаются этииъ вандаліямъ просто въ ви-

даже хоть чѣмъ ибудь развѣсобрать свое индивидуальное существованіе. Это своего рода тѣлесные Клеи Монахи, которые только привязаны къ своему болоту, жаждаютъ, чтобы всё любими и квалии ихъ благодѣтельное и мирное житіе, и барочно вращаютъ отъ историческаго наблюдателя такого рода жизни и жизни изъ своей жизни, которые могутъ нанести на сомнѣніе въ дѣйствительности всего благодѣтельнаго и мирнаго житія. Корреспондентъ-эмоционалистъ отъ всей души ненавидитъ корреспондентъ-обличителей, и въ свою очередь послѣдніе относятся съ презрѣніемъ къ первымъ. Тотъ съприкосновеніи у нихъ нѣтъ никакихъ: корреспондентъ-обличитель это — человекъ страсти, натуры, моравы, его вдругъ поражаютъ какая нибудь новая неблаговоинная куча на площади, и онъ съ жаромъ начинаетъ протестовать противъ ея появленія и обличать предъ всѣмъ свѣтомъ зрителя площади съ неблаговоинною кучею. Корреспондентъ-эмоционалистъ — болѣею методисты и систематики, они въ пользу саморазвитія жизни, но саморазвитія не возмѣтъ признавать науки, по точному рецепту ученыхъ людей. Существенная дѣятельность обличителей является или даже вредною, или обличителями — осквернителями и несправедливыми. Они такъ не точно на наукѣ козлятъ нестроить жизнь, какъ на наукѣ, на *эстетическомъ способѣ остроты во все карманные игры*, нестроили свою игру въ прераво. Они охотно проигрываютъ, чѣмъ на іоту отступаютъ отъ метода инквизиціи: они и роняются по наукѣ, и козыряютъ по наукѣ, и *присутствуютъ* чужихъ дамъ по наукѣ, и *подводятъ* чужихъ воровъ по наукѣ... Такъ это все и идетъ у нихъ периодически: нынче, какъ вчера, завтра, какъ сегодня. Въ старину изъ такихъ методистовъ въ военной службѣ выходили замѣчательные ерентовики, честь и слава полка, занимавшіеся пикетужкой сомъ ампле; на штепской службѣ изъ нихъ выходили особенно хорошіе почтмейстеры... Какъ обличитель главнымъ образомъ заботится объ остротѣ, остротинчавы, такъ корреспондентъ-эмоционалистъ постенно глубокомысленничаетъ, о всякомъ видѣ говоритъ наморщивши чело, къ самой простой мысли не подходитъ просто, а какъ-то этанъ хитро, подѣлываетъ удалена. Чертъ знаетъ, о чомъ наговорить и какого ведора намелаетъ пресиде, чѣмъ рѣшится преравоности читателю самое простое извѣстіе о благотворительномъ концертѣ или о чѣмъ нибудь подобномъ. Корреспондентъ-эмоционалистъ — это люди, постенно и безмѣдно къ чему-то подѣлываютъ, или дѣятельность — это бес-

ключный и ни въ чемъ не ведущій прикупъ, владѣе. Помощники ему сообщить простое извѣстiе, напр., о томъ, что даны изъ города составили особенное благотворительное общество и рѣшились жертвовать въ пользу бѣдныхъ одну копейку съ каждаго рубля, истраченнаго на наряды. Философствующій не заикать просто объ этомъ фактѣ въ своей корреспонденціи; нѣтъ, онъ похвѣдаетъ, чортъ знаетъ, откуда, источниками себя обложить, акты археологической комиссіи выкопаетъ, Погодина одобритъ, коммунистовъ слегка ругнетъ, да потомъ уже, угостивъ о новомъ обществѣ, задаетъ и начнеть рѣшать вопросъ: «Что такое это новое общество благотворительности: есть ли это *функция* или *функция*? Если это функция, то слѣдуетъ ли желать, чтобы эта функция превратилась въ функцию; если же это функция, то слѣдуетъ ли молить Бога, чтобы эта функция превратилась въ функцию?..»

И такъ-то все это тупо, безцѣлнво, немужно. Корреспонденціи этихъ философствующихъ корреспондентовъ представляютъ еще менѣе характеристическихъ чертъ для опредѣленія провинціальной жизни, чѣмъ обличенія; это матеріалъ самый бѣдный и мало пригодный, нѣтъ можно пользоваться только для точнаго ознакомленія съ личностями самихъ философствующихъ корреспондентовъ, но не для ознакомленія съ эвизіономіею и складомъ провинціального быта. Не смотря на то, столбцы нашихъ ежедневныхъ газетъ часто наполняются исключительно подобными ненужными провинціальными корреспонденціями.

Въ виду такого нашего жалкаго положенія при необходимости изучать провинціальную жизнь, сознавая все ничтожество подлежащихъ нашему изслѣдованію матеріаловъ, редакторы большихъ, а слѣдовательно и дорогихъ газетъ, рѣшились нарочито послать изъ Цотербурга нѣкоторыхъ сотрудниковъ въ провинцію для изученія ея жизни на самомъ мѣстѣ. Съ этою цѣлью редакторъ «Голоса» отправилъ въ провинцію господина В. Д. Господинъ В. Д. обязался объѣхать 22 губерніи, ознакомиться, какъ самъ говоритъ, «съ эконоическою, гражданскою (!), общественною (?) и пр. и пр. жизнью народа», и съ результатами этого ознакомленія познакомить читателей «Голоса». Задача почетная. Господинъ В. Д. принялъ ее на себя, поѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ Москву, оттуда въ Малоярославецъ, изъ Малоярославца прислалъ одну корреспонденцію, потомъ постоянно началъ присылать ихъ изъ Калуги, Тулы, Харькова,

Вероисма, Бориссави, Алексѣеви и т. д. Серия этихъ корреспонденцій печаталась въ «Голосѣ» нѣсколько три; потомъ г. В. Л., находя, вѣроятно, что онъ достаточно ознакомилъ читателя съ «экономическою, гражданскою, общественною и пр. и пр. жизнью народа», счелъ себя въ правѣ положить перо и замолчать.

Корреспонденціи эти представляютъ сентъ весьма любопытный. Господинъ В. Л. ухитрился сгруппировать въ себѣ одною все дурныя, противныя черты «корреспондента-обличителя» и «корреспондента философствующаго», дополнилъ эти черты своими субъективными особенностями, сильно напоминающими петербургскаго чиновника, акцизнаго ревизора въ провинціи, и одобрилъ все это самыми невозволительными, собственными измышлениями, которыми онъ блево подходит къ прежде рассмотрѣнному нами защитнику плети. Такимъ образомъ г. В. Л. дѣлается интересенъ и съ той стороны, что представляетъ намъ собою еще интересный экземпляръ гостепріимной головы, способной вмѣщать въ себѣ самые невозволительные вздоры. Поэтому мы и рассмотримъ сначала «обличительную дѣятельность» г. В. Л., остановившись на немъ, какъ на философствующемъ корреспондентѣ и заключимъ это краткимъ анализомъ его невозволительной интеллигенціи.

Идеаль, во имя котораго протестуетъ и обличаетъ г. В. Л., такъ же точно узокъ и ничтоженъ, какъ идеаль корреспондента-обличителя: онъ также точно былъ бы совершенно счастливъ, если бы чиновники брали «поменьше» взятокъ, если бы мужики «не очень больно» воевали, если бы крупные мѣшечники сдѣлались «желтыми» мошенниками и т. д. Поэтому и все его обличенія существующаго знаютъ мало заслуживаютъ вниманія, что ни одинъ специально-обличительный органъ не напечаталъ бы ихъ у себя, а сдалъ бы въ контору, какъ къ печати неудобныя. Въ «Голосѣ» обличенія эти являются во всей неприкосновенности. Главный и серьезный предметъ его негодованія и обличенія—это то, что мужики много водки пьютъ и что «на нитейныхъ домахъ нѣтъ однообразныхъ дощечекъ подобныхъ тѣмъ, которыя прибываются къ такимъ заведеніямъ въ Петербургѣ (совсѣмъ акцизнаго ревизоръ!)» Такъ въ корреспонденціи изъ Сухиничи В. Л. обличаетъ:

«Кабачковъ много, но на убытки не жалуются. Одно, что я замѣтилъ, и что должно быть устранено непременно — это, что нѣкоторые кабаки велики, вопреки устава акцизнаго (видите ли?... ак-

инный размеръ). Намѣсто, что кредитальство, установивъ, чтобы въ мѣстахъ раскивочной продажи не было болѣе одной лавочки, имѣло въ виду предупредить гульбу въ самую набавку. Молодежь было бы, чтобы это бравально исполнялось. Еще я замѣтилъ, что на питойныхъ домахъ, погребкахъ и харчевняхъ имѣть однообразныхъ дощечекъ, подобныя тѣмъ, которыя прибавляются къ такимъ извѣщеніямъ въ Матербургѣ съ медалью, каковая продажа была въ нѣкоторыя мѣсты производится: раскивочно или на выносъ, или та и другая мѣста. Есть мѣстами свои вывѣски съ подобными объясненіями, съ и престо надписи «интеллигентный домъ», или «ремесловой погребъ». Я знаю, что соблюдение такой формальности — необходимо. Тогда вселенныя мѣста судить, въ какой мѣрѣ соблюдаются эти правила; а хорошо, какъ вселенныя это видятъ, и следовательно мѣста судить, какъ исполняется законъ и какъ тѣ, кому вѣдѣть надлежитъ, наблюдать за исполненіемъ его». («Голосъ», № 9-й).

Обличенія, какъ видите, такъ ничтожно, что къ печати пожелательнее неудобно, не говоря уже о той интеллигентности, которая выливается подобными обличеніями. Обличаетъ В. Л. и многое другое. Разъ оны обласъ съ дороги; и разсерженный на ящичка и дорогу сейчас же настроилъ изъ Алексѣевки обличенію, въ которомъ проклянулъ и ящичка, и дорогу.

«Ящичекъ, вселенныя меня и увѣравший, — когда я садился въ возокъ, — что знаетъ дорогу прекрасно, ѣхалъ по ней въ первый разъ; а тутъ, къ довершенію бѣды, на протяженіи всѣхъ 40 верстъ ни одной вѣшки не поставлено. Спрашивается, что дѣлать пробжему, въ случаѣ самой маленькой заминки, когда дорогу заноситъ, и когда снѣга на глубокіи и вслѣдствіе того немѣтно, когда лошади сбавятся съ дорогъ? Спрашивается, на какъ ложится обязанность наблюдать за выставленіемъ вѣшекъ на дорогѣ въ зимнее время?» («Голосъ», № 67).

Въ такомъ родѣ и всѣ остальные обличенія господина В. Л. Тамъ же, гдѣ оны встрѣчаютъ дѣйствительно безобразныя и гадкія явленія, на которыя честный человѣкъ не можетъ смотрѣть безъ досады и пресвѣнія, тамъ г. В. Л. предается названнаго сантималяничанью.

Философскія измышленія господина В. Л. такъ же тонко, какъ и мышленія «корреспондентовъ-амлососеуствующихъ», состоятъ изъ одного празднословія, переходящаго издалека въ дѣлу и глубочайшаго-

начина, явно умалчивающаго на гостеприимный характер генома. Таковы его, между прочимъ, измышления о необходимости монополии капиталов для развитія промышленной дѣятельности въ Алексѣевскѣ, востокѣ графа Шереметова. Въ этой восточнѣй Шереметова насчитано около 38,000 душъ мужескаго пола, и всѣ они почти исключительно занимаются производствомъ въ огромныхъ размѣрахъ подсолнечнаго масла. Подсолнечное производство самое выгодное и удобное для крестьянъ: едва ли есть какой либо родъ зерна, который при урожаѣ дѣлалъ бы у насъ такую прибыль. При посѣвѣ $1\frac{1}{2}$ —2 пудовъ сѣмени въ урожайный годъ, съ хорошей десятинны собирается до 150 пудовъ сѣмени, изъ которыхъ получается 25—30 пудовъ масла, что составляетъ по меньшей мѣрѣ 75 р. сер. (подсолнечное масло стоитъ 2 до 3 р. 50 к. за пудъ). Если изъ этихъ 75 р. сер. вычитать расходы за выдѣлку масла, т. е. отъ 50—70 к. за пудъ, выучится чистой прибыли около 60 р. сер. съ десятинны. Сверхъ того подсолнечные жмыхи, изъ которыхъ выжимаютъ сѣмена, идутъ свачи, жмыхами горятъ друшый свачъ и навозомъ своимъ разводятъ коней на топииво. Все въ вышней степени выгодно на крестьянскомъ быту подсолнечная промышленность дѣлаетъ Алексѣевскій востокъ больше 2 мил. руб. сер. въ годъ; а такъ какъ въ Алексѣевскѣ нѣтъ капиталистовъ, которые могли бы эксплуатировать трудъ рабочаго, и подсолнечная промышленность приняла такъ характера кустарнаго, то дѣлается очевиднымъ, что бытъ крестьянина Алексѣевской восточны, сравнительно съ бытомъ другихъ крестьянъ, находится въ довольно запертомъ положеніи. Крестьянство остается жалью топииво приращенія болѣе рациональнѣй мѣръ къ способу выдѣлки масла, и чтобы на ихъ голову не явились капиталисты, которые, такъ или иначе, непременно наткнулись эксплуатировать ихъ трудъ. До совершенно противоположныхъ и ненужныхъ измышлений додумался редакторъ В. Д. на основаніи этихъ фактовъ; ему кажется изобрѣсти возможность, чтобы въ Алексѣевскую восточну покармливали чуждые чуждымъ или пять капиталистовъ.

«Можно ли развитіе кустарной промышленности у насъ въ Россіи», говоритъ онъ, «вспрашивается; они вѣдь во всемъ видятъ монополию капиталовъ; что касается меня, то я не могу не замѣтить, что благосостояніе здѣшнихъ крестьянъ казѣрное увеличилось бы, если бы среди явились 4—5 парочекъ капиталистовъ. Это возможно бы многимъ здѣшнимъ изобрѣтениемъ отъ издотомленія, которые

оде занимаются на своемъ министерскихъ послобойкахъ...» («Голосъ», № 68).

Разобрать обстоятельно эти нелѣпные выводы и желая занять соотвѣствующаго корреспондента, выводы, которыми кишитъ каждая его корреспонденція, мы считаемъ лишнимъ.

Въ началѣ нашей хроникѣ мы уже имѣли дѣло съ подобною неблаговождѣвшею головою, которая гостеприимно вмѣщаетъ въ себя всякую дрянь.

Что же касается до того, на сколько г. В. Л. исполнилъ главную задачу, принятую имъ на себя: познакомить насъ съ экономическою, гражданскою, общественною и проч., и проч. жизнью народа, то на это мы должны отвѣчать отрицательно. Онъ не только не выполнилъ своей задачи, но не заявилъ даже нигдѣ желанія выполнить ее. Никакихъ фактовъ для опредѣленія провинціальнаго жизни онъ не представляетъ, никакихъ характерныхъ явленій онъ не умѣлъ замѣтить, такъ что послѣ чтенія всѣхъ его корреспонденцій въ нашемъ представленіи не только не рисуется общая картина «экономическаго, гражданскаго, общественнаго и прочаго быта народа», но даже не вырисовывается ни одной частной черты этой общей картины. Вы чувствуете себя только нѣсколько северно послѣ чтенія всѣхъ этой болтовни и монополизаторскихъ измышлений, какъ послѣ услащеннаго приема какой-то северной мистуры. Господинъ В. Л. беззаботливо принялъ на себя такую задачу, принимать которую онъ не имѣлъ никакого права, и выполнить которую онъ не могъ имѣть никакихъ надеждъ. Для выполнения этой задачи, противъ желанія прокатиться и провѣтриться, — чѣмъ только и отягчается В. Л., — нужна любовь къ дѣлу, умѣнье вѣзаться за дѣло, подготовка къ нему. А убожество господина В. Л. въ этомъ отношеніи и отсутствіе самыхъ простыхъ, ничольныхъ знаній просто поразительны. Тамъ, говоря о значительныхъ залежахъ каменнаго угля въ Тульской губерніи, В. Л. сардония, что жители не займутся добычаніемъ угля, которое могло бы обогатить очень многихъ, и обнаруживать въ этомъ случаѣ свое крайнее неумѣство. «Глубина», говоритъ онъ, «на которой добывается уголь не болѣе тридцати (?) сажень». («Голосъ», № 22). Какой вы, право, простой человѣкъ, г. В. Л.! Да знаете ли, что если бы дѣйствительно каменный уголь находился въ Тульской губерніи въ глубинѣ тридцати сажень, такъ добычаніе его было бы просто нелѣпностью, и каменный уголь,

добытый въ такой глубинѣ, была бы одинаковой стоимости съ красивымъ деревомъ...

Время отсутствия великой наблюдательности и крайняго убожества во части сонныхъ элементарныхъ знаний, во войдѣ корреспонденціяхъ В. Д. порочаетъ небрежность и даже недобросовѣстное отношеніе къ своему дѣлу. Въ провинціи совершается множество такихъ явленій, которыя назойливо бросаются въ глаза всею своимъ характерною стороною, и которыя не могутъ быть не замѣчены честными корреспондентами. А вы, г. В. Д., представляете намъ одинъ только анти и церы, взятые изъ памятныхъ книжекъ статистическихъ комитетовъ, и ничего больше. Приѣзжаете вы въ Воронежъ, покупаете памятную книжку Воронежской губерніи, садитесь въ номеръ и на этой книгѣ строчите Анарью Александровичу Красевскому корреспонденцію изъ Воронежа, а Андрей Александровичъ печатаетъ ее въ «Голосѣ». Мы не винимъ Андрея Александровича, что онъ печатаетъ; онъ добрый человѣкъ, онъ все печатаетъ, всякую дрянь напечатаетъ, за которую впередъ деньги замлатилъ; да вы-то сами какъ же на себя смотрите, г. В. Д., какъ называете свою роль? За что вы бѣднаго Красевского обижаете? За чѣмъ вы заставляете этого добраго человѣка по вашей милости сфигуровать передъ публикой въ очень неблагоприятной роли? Вѣдь выходитъ по вашей милости, что Красевскій до нѣкоторой степени надуваетъ читателемъ, угощая ихъ такими корреспонденціями изъ Тулы и Рязани, которыя если и не составлены въ Вассейной улицѣ, то безъ всякаго труда могутъ быть составлены. Не хорошо. Я даже вотъ что думаю, я думаю, что вы, г. В. Д., не задумали нигуда «обозрѣвать общественную, гражданскую и т. д. жизнь народа», что вы доѣхали до Малоярославца съ памятными книжками губерній, сѣли тамъ въ гостиницѣ и начали валить корреспонденціи изъ разныхъ городовъ, выставляя въ заголовкѣ Тула, Рязань, Харьковъ и т. д. И я нѣмъ основаніе и право говорить вамъ это прямо: вы не можете умнать нѣтъ ни на одинъ фактъ, записанный вами, такой фактъ, по которому бы я не могъ выносу сдѣлать». (См. Нам. кн., стр. 11—15) и т. д. А вы даже и выносовъ не дѣлаете. Положительно вы все время въ Малоярославцѣ гуляли; а если дѣйствительно ѣздили, такъ это еще хуже: напрасно редакціонныя деньги тратили. Подобными корреспонденціями можно безъ труда и по самой дешевой цѣнѣ писать цѣлыми десятками тутъ же въ Петербургѣ, и не за чѣмъ для этого

ѣздить въ Рязань, чтобы тамъ къ гессинингѣ проинать «Памятную книжку Рязанской губерніи», и на основаніи взятыхъ изъ нея свѣтовъ составить корреспонденцію изъ Рязани. Въ примѣръ приводить нашу собственную корреспонденцію... ну, хоть изъ Рыбинска. Впрочемъ мы вовсе не желаемъ шарлатанить подобно господину В. Д., а потому предупреждаемъ читателей, что корреспонденцію эту мы составляемъ въ Петербургѣ, въ Рыбинскѣ сами никогда не были, знакомыхъ тамъ не имѣемъ никакихъ и никакихъ корреспонденцій оттуда не получали. Мы пользуемся свѣденіями для нашей корреспонденціи изъ «Памятной книжки Ярославской губерніи на 1862 г.» и изъ «Описанія города Рыбинска» М. Геммлевскаго.

«Рыбинскъ 8 июля 1864 г.»

Городъ Рыбинскъ, по географическому своему положенію, занимаетъ весьма выгодное мѣсто при Валдеевѣ бассейнѣ и извѣстенъ мадамъ своею знаменитою пристанью для судовъ, приходящихъ въ значительномъ количествѣ изъ низовыхъ губерній съ грузомъ хлѣба и другихъ продуктовъ, въ количествѣ отъ 50 до 70 милліоновъ пудовъ, на сумму отъ 25 до 45 милліоновъ рублей сереб., и болѣе. Мы имѣемъ первый officialный отчетъ за 1780 годъ, изъ котораго видно, что въ навигацію этого года прибыло къ Рыбинской пристани съ грузомъ большае судовъ 115. Въ 1860 году, т. е. черезъ 80 лѣтъ, цифра эта возросла до громаднхъ размѣровъ: въ этомъ году къ Рыбинской пристани прибыло 6586 судовъ, съ грузомъ 35,615,706 пудовъ на сумму 33,078,900 рублей серебромъ. Главная отправка грузовъ изъ Рыбинска въ послѣднее время производится преимущественно по Мариинской системѣ, какъ болѣе выгодному и безопасному пути; отправка же судовъ по Вышневолоцкому пути съ каждымъ годомъ уменьшается. Рыбинское купечество производитъ торговлю преимущественно хлѣбными товарами, сытовою и речичною продажей. Главные капиталысты заготавливаютъ хлѣбъ въ низовыхъ губерніяхъ, авоськи распоряжаются и отправляютъ въ Петербургъ водою и имѣютъ большіе склады для мѣстной продажи; другой родъ мѣстной торговли — колоніальными товарами, судами и судовыми принадлежностями, такъ что весь годовоі оборотъ мѣстной торговли прокирывается отъ 5 до 6 милліоновъ руб. сер. Съ цѣлю дать правильное движеніе торговымъ операціямъ въ Рыбинскѣ еще въ 1811. году устроено банкное учрежденіе биржи. Но биржа эта какъ-то не прививается въ Рыбинскѣ и не имѣетъ никакихъ успѣховъ. Рыбинское

и многолюдное купечество не желает подчиняться биржевому порядку и находить для себя болѣе удобнымъ вести дѣло по старому, какъ дѣлали дѣды и прадеды, и производить коммерческія операціи среди площади, на открытомъ мѣстѣ, между густой толпой чернодубчицъ; а главный торгъ совершается преимущественно въ Гостиинцахъ, за часемъ и грабличьемъ водки: Биржевое зданіе остается совершенно пустымъ, и зало его занимаютъ для своихъ представленій странствующие актеры и акробаты. Рыбинскіе жители не только неохотно принимаютъ меноватныя имъ нововведенія и порядки; но и вообще не особенно высоко ставятъ порядокъ и чистоту. Рыбинскъ перешагиваетъ прѣлѣзага грязью и вонью: главная площадь, гдѣ находится Соборъ и Гостинный дворъ, почти не застроена, а обнесена деревяннымъ заборомъ, за которымъ складываются церковныя дрова и сваливаютъ нѣзъ лавокъ воѣ нечистоты. Особеннымъ зловоніемъ награждаетъ также мытный дворъ, гдѣ производится въ базарные дни продажа мяса, рыбы и другихъ съѣстныхъ принадлежностей, и тутъ же находятся мясныя деревянные лавки, принадлежащія городскому обществу. Срединя площади хотя и вымощена камнемъ, но никогда не чистится, отъ чего тамъ почти постоянно непреодолимая грязь. Въ лавкахъ мясными быють толать и барашевъ, отъ чего и отъ общей нечистоты въ лѣтнее время бываетъ отвратительный запахъ. Для въѣзда внутрь двора тамъ находится нѣсколько воротъ, въ которыхъ зимою и лѣтомъ постоянно существуетъ наречитая нечистота и смрадный запахъ, и всякій разъ встрѣчаются весьма непріятныя для глазъ картины: проходя этими воротами, надо закрывать глаза и останавливать дыханіе. Этими путемъ должны проходить женщины, ващипающіеся хозяйствомъ, для покупки приващипа. Къ отвращенію этихъ неудобствъ ни со стороны полиціи, ни со стороны городской думы ничего не предпринимается. Къ такимъ же несчастнымъ зданіямъ, на ремонтироващю которыхъ никто не обращаетъ вниманія, принадлежитъ существующій въ центрѣ города ветхій деревянный мостъ на сваяхъ, устроенный въ незапамятныхъ временахъ ками-то изъ предторговъ городской мукомольной мѣльницы. Мостъ этотъ никому не принадлежитъ, ни ками, ни городскому обществу, а потому и на ремонтироващю его ни отъ того, ни отъ другаго вѣдства никакихъ сумъ не отнуовется, а между тѣмъ въ настоящее время мостъ этотъ такъ ветхъ, что вѣсть него не только бѣднѣ, но и въиномъ ходить сопряжено съ большимъ опасеніемъ. Можно втой неопри-

ной и нечистоплотной внешности Рыбинска, не менѣе замѣчательная и внутренняя нечистоплотность, нравственная распущенность его обитателей. Доказательствомъ этого между прочимъ можетъ служить крайняя небрежность, съ которою родители занимаются образованіемъ своихъ дѣтей. Въ Рыбинскѣ, этомъ весьма значительномъ русскомъ рынкѣ, куда ежегодно привозится груза болѣе, чѣмъ на 30 мил. р. сер., гдѣ ежегодный оборотъ торговли нѣстнаго мундшества доходитъ до 6 мил. р. сер., въ этомъ богатомъ городѣ нѣтъ ни одного учебнаго заведенія, которое явилось бы въ дѣйствіе желанія и инициативы частныхъ жителей. Во всемъ городѣ нѣтъ ни одной женской школы, а мальчики могутъ воспитываться только въ приходскомъ и уѣздномъ училищѣ, да и тутъ рѣдкіе дѣти проходятъ полный курсъ ученія. Большею частію едва только мальчикъ выучится читать и писать, какъ родители—купцы берутъ его изъ училища и начинаютъ приучать къ торговлѣ въ той увѣренности, что дальнѣйшее образованіе человѣку торговому не только не нужно, но даже можетъ быть вредно. Очевидно, что вслѣдствіе такого низкаго уровня, на которомъ находится умственное развитіе рыбинскихъ обитателей, и нравственный ихъ уровень не можетъ стоять на высокой степени, потому что послѣдній обуславливается первымъ. Вотъ тѣ явленія, которыя бросаются въ глаза и вызываютъ не особенно веселыя соображенія въ головѣ путешественника при первомъ, даже поверхностномъ взглядѣ на жизнь рыбинскихъ обитателей».

Вотъ, читатель, наша собственная корреспонденція изъ Рыбинска, которую мы написали въ Петербургъ, никогда не видѣвши Рыбинска. Относясь, разумѣется, совершенно объективно къ этому, впервые употребленному нами, способу писать корреспонденціи и къ результату этого способа, мы говоримъ прямо, что результатъ оказался довольно удовлетворительный. Корреспонденція наша ничѣмъ не хуже корреспонденцій господина В. Л., она даже положительнѣе лучше ихъ, потому что мы просто и добросовѣстно записали тѣ свѣденія о Рыбинскѣ, какія могли найти въ памятной книжкѣ «Ярославской губерніи», не прилепывая къ этому тѣхъ невозможныхъ вымысловъ, какія такъ охотно вставляются всюду г. В. Л.; въ родѣ его медленныхъ разсужденій въ защиту монополіи капитала.

Конечъ концовъ тотъ, что господину В. Л., вовсе не нужно было заѣзжать далеко, чтобы писать свои шарлатанскія корреспонденціи, что онъ не имѣлъ никакого права принимать на себя серьезную за-

дату: «описание экономическаго, гражданскаго, общественнаго и пр. и пр. быта народа», не понимая смысла этой задачи, не имѣя никакихъ надеждъ выполнить ее, безъ всякаго знанія дѣла, даже съ небрежностью къ дѣлу. Мы уже замѣтили прежде, что въ последнее время въ провинціальной жизни выступили такіа крупныя явленія, не замѣтить которыя нельзя и игнорировать которыя недобросовѣстно. Въ такихъ явленіяхъ между прочимъ принадлежитъ состояніе современной провинціальной молодежи, ее отношеніе къ жизни и вліяніе на нихъ этой жизни. Проходить мимо такихъ серьезныхъ явленій съ безличностію путешественника для поправленія здоровья помѣщика, честный корреспондентъ не имѣетъ никакого права, особенно, если онъ принялъ на себя задачу—познакомить читателя «съ экономическою, гражданскою (?), общественною и проч. и проч. жизнью народа». Развѣ можно уловить особенности гражданской жизни народа, не уловивши и не понявши особенностей развитія и движенія лучшихъ и почти единственныхъ представителей у насъ этой появляющейся гражданской жизни? А господинъ В. Л. только въ одномъ мѣстѣ говоритъ нѣсколько словъ о «частицѣ молодаго поколѣнія» о «провинціальныхъ Митрофанушкахъ», какъ характеризуетъ онъ современную провинціальную молодежь. Вотъ эта интересная характеристика, очевидною образомъ выхваченная изъ страницъ «Взбалагурочнаго моря»:

«Я познакомился съ нѣсколькими изъ этихъ Митрофанушекъ, бьющихъ баклуши, вопреки всѣмъ разглагольствованіямъ о прогрессѣ, благотельной гласности и проч. и проч! Одинъ изъ нихъ только и дѣлаетъ, что рыщетъ то въ Москву, то въ Ярославль, то по уѣду безъ всякой цѣли (?); другіе двое молодые люди, не болѣе 22 лѣтъ, курятъ папиросы (ахъ злодѣи!) и подбираютъ бубенцы на пристяжныхъ въ тонъ волокольчникамъ. Съ однимъ изъ нихъ я заговорилъ о литературѣ, *разумеется не свысока (?)*, а по просту попытался было провѣдать, читаетъ ли онъ чтонибудь; оказалось, что онъ ничего не читаетъ, да такъ-таки гладко ничего. За то каля у него тройка, которую онъ корнитъ на счетъ брата—просто заглядѣнь! Вотъ онъ пріѣдетъ въ городъ, да и катаетъ городскихъ барышень на этой тройкѣ, а вечеромъ засядетъ съ городскими барышнями въ табельку или еще въ какую-то стуколку и дуется до 5-ти часовъ утра; а мы-то толкуемъ о молодыхъ покаянни и обо всемъ иномъ прочемъ? Смѣхъ и горе!.. (!)».

Да, господинъ В. Л., смѣхъ и горе, но смѣшны въ этомъ случаѣ одни только вы съ вашимъ неудавшимся желаніемъ оживить молодое поколѣніе; жалки опять таки вы, да еще разѣе жалъ, что у насъ люди, подобные вамъ, могутъ такъ беззащитно выступать въ печати съ своими недобросовѣстными замашками.

Въ заключеніе, чтобы читателю было совершенно понятно, каковъ этотъ г. В. Л. и заслуживаетъ ли онъ того, чтобы выступать съ нимъ въ объясненіе о значеніи и роли молодого поколѣнія, мы приводимъ еще одну небольшую выписку изъ его корреспонденціи, въ которой резюмировалась вся суть его міросозерцанія и его пресловутыхъ тенденцій.

«Кто ищетъ популярности, тотъ прежде всего долженъ быть справедливъ и исполнять *строго*—(?) законъ, *не внося своихъ тенденцій и убѣжденій на службу* (?). Чиновникъ есть прежде всего *строгий* (?) исполнитель закона, и на этомъ только онъ имѣетъ право основывать свою популярность. Тотъ же, кто находитъ, что существующіе законы дѣлаютъ это для него невозможнымъ, пусть не служитъ, пусть ищетъ популярности инымъ путемъ. *Вносить на службу свои тенденціи и убѣжденія, съ какими бы то ни было црлями, значитъ ослаблять дѣйствіе закона* (?). Голосъ № 19.

Пародируя это старческое обращеніе В. Л. къ чиновникамъ, мы получимъ слѣдующее правоученіе къ писателямъ, подобнымъ господину В. Л., которое и рекомендуемъ ему принять отъ насъ на память и заучить крѣпко-на-крѣпко:

«Кто ищетъ литературной популярности, тотъ долженъ быть прежде всего добросовѣстенъ и честно служить дѣлу, не внося въ область литературы своихъ субъективныхъ симпатій. Писатель прежде всего честный человекъ, и на этомъ онъ имѣетъ право основывать свою литературную извѣстность. Тотъ же, кто находитъ это условіе для себя неудобнымъ, пусть лучше не пишетъ, пусть ищетъ популярности инымъ путемъ.

Этимъ совѣтомъ мы можемъ заключить нашу бесѣду съ господиномъ В. Л., пожелавши себѣ самому пріятнаго удовольствія — не встрѣчаться въ печати съ такими субъектами.

ПЕВНИКЪ ТЕМНАГО ЧЕЛОВѢКА.

(Провинціальныя заметки.)

Прощаніе съ Шварцбургомъ. — Дорога и новый воздухъ. — „Призраки“ и отрывокъ изъ поэмы, потерянной для свѣта. — „Ванюшечка“: романъ „Русскаго Вѣстника.“ — Новый родъ лирическихъ ленточекъ, изобрѣтенныхъ поэтомъ Майковымъ. — Прогрессъ по желѣзнымъ дорогамъ. — Кассиръ и ихъ доходъ. — Шумная жалоба Надворной советницы. — Ничто о женскихъ нервахъ. — Сестра, помыслившая о самоубійствѣ. — Начальная проповѣдь цѣлителя. — Судьи изъ Москвы. — Московская журналистика и московскіе извозчики. — Идеаль славянской роскоши и кошеорта. — Типъ московскаго нищаго. — „Вонъ изъ Москвы!“ — Нижегородская желѣзная дорога. — Устройство вагоновъ и станции амуровъ по восточному. — Теорія Миллера: Мировое начало въ приращеніи къ жизни. — Своеобразіе изъ Владимира и гувернантка. — На Волгѣ и новыя встрѣчи: перлы изъ таможеннаго міра. — Что такое *температура*? — Мировой посредникъ и игра на гармоникѣ. — Нижегородскій книжный магазинъ. — Путь отъ Нижняго до Приволжья. — Мировое приращеніе въ городѣ. — Путешествіе по вселенскому „городку“. — Губарскій аристократъ и его забавы. — Остроуміе провинціала: о стихотворца и подъѣздъ его дома. — Двѣ барыни Минервы. — Мечты приволяжскихъ землевладѣльцевъ. — „Отцы и дѣти“ въ провинціи. — Фактическое обличительнаго элемента. — Два субъекта изъ комиссаріата. — Насильственный поцѣлуй. — Находчивый адвокатъ въ „городежѣ“. — Медикъ магнетизеръ и его леченіе. — Черты изъ жизни великаго педагога Вишневки. — Г. Скорятинъ въ обществѣ волжскихъ бурлаковъ. — Провинціальныя романы.

У жѣльской луны уже стали прорѣзаться ея весенніе рожи, когда я, сидя въ вагонѣ Николаевской желѣзной дороги, съ наивно-то скорадотвенно смотрѣлъ, какъ изъ глазъ моихъ мало по малу вы-

зала пыльная белгійская столица. Это была радость интелликта, угнетеннаго на вокать изъ подъ тѣмъ педагогическимъ лозгъ, изъ прачныхъ стѣнъ «храма науки», въ которомъ ежегодно справлялся праздникъ троицы, потому что кусты березы—символъ этого праздника, постоянно украшаютъ учебное заведеніе.

Въ то время, когда сивская весна старается сбросить съ Невы ея ледяной принцессу, когда начинается сезонъ весеннихъ пѣсень, хроническихъ насмерковъ, дешовыхъ товаровъ и дорогихъ извѣтовъ, когда въ петербургскомъ воздухѣ, вмѣстѣ съ гнилыми испареніями, появляется какая-то раздражающая струяна, въ те время жить въ Петербургѣ становится невыносимо тошно. Желаніе убраться куда нибудь изъ города рѣшительно переходитъ въ каньякъ березонной женщины. А тутъ, съ другой стороны, является новое стремленіе, хотъ мелькомъ, хотъ на лету взглянуть на эту еще мало извѣстную страну, называемую Русью, взглянуть на уголки провинціального міра, о прогрессѣ и о кисельныхъ берегахъ котораго наслушался столько немецкихъ рассказовъ, столько легендъ... Какъ «чужденникъ» Гр. Солмогуба, какъ его Надина, влюбленный въ любезную Россію, я торопился на свиданіе съ ней. Высунувъ голову въ вагонное окно и глядя на необозримыя равнины, я захлебывался шепталъ этой таинственной незнакомкѣ: «Русь! куда ты идешь?» и не смѣялъ, какъ она отвѣчала мнѣ голосомъ своихъ полей: дѣйствуй-куда не идешь, любезнѣйшій! все на одномъ мѣстѣ полеживаю!..

И такъ, я вырвался на нѣсколько недѣль изъ Петербурга, вырвался тѣмъ сподобѣ, что это не всегда возможно для обыкновеннаго смертнаго, который не можетъ, съ помощію духовъ, перелетать по прихоти изъ одного мѣста въ другое. Тутъ же, какъ на зло, прочелъ я «Призраки» Тургенева. Эта бѣлая женщина, эти ночныя прогулки въ области не только настоящаго, но даже промежутнаго, разшевелили во мнѣ непреодолимое желаніе вызвать какое нибудь привидѣніе и съ помощью его совершить «чужденство» по Россіи. Мнѣ казалось, что если г. Тургеневъ, какъ новѣйшій Манеродъ, могъ вызвать духовъ, то и во мнѣ они придуть по приглашенію. О наивность! Напрасно я ходилъ въ самое удивленное мѣсто въ Петербургѣ, а именно на невскій пустырь, гдѣ стоитъ водопроводное столонновереніе, напрасно я вызывалъ тамъ добраго 'духа—наѣсте его передо мной являлись только одни городовые. Я употреблялъ газеты, письма, увѣщивалъ пресой и стихами—духъ не выходилъ; види, что

помощи не помогаютъ, я началъ браниться, и вооружившись всѣми ругательствами, которые вошли въ русскую журналистику, началъ осмѣять или великихъ духовъ. Я припомнилъ всѣ эпитеты, которыми «Русскій Вѣстникъ» разражался надъ головой автора «Сороки воровки»; я называлъ духовъ пустоголовыми прогрессистами, ма-зурщиками, ванатными пласунами, вислоухими — ничто не помогало: они не являлись. Боже мой! что же это такое? Вѣдь кажется, что можетъ быть внушительнѣе этихъ заглавныхъ, измышленныхъ славными русскими публицистами, но и они не помогли, и я началъ съ отчаяніемъ снова перелопачивать Тургеневскіе «Призраки». Что же узнаю я? Да то, что картинъ отыскивается очень просто. По признанію романиста оказывается, что герой его повѣсти, напивавшись сперва мелодіями Фета, вынулъ на сонъ грядущій цѣлую бутылку вина и — напился до «призраковъ». Можетъ быть, такой способъ вызывать духовъ покажется многимъ страннымъ, даже самъ Юнгъ ему не повѣритъ, но —

Смысль есть въ подобной причудѣ,
 Все въ ней на правду похоже:
 Пьютъ же до чертковыхъ люди,
 Пьютъ и до призраковъ тоже.

Сидя въ вагонѣ, я написалъ даже на эту тему цѣлую поему, которая начинается такъ:

Взрешь рецепту поэта,
 Я распаялъ себя Фетомъ;
 Столъ моего кабинета
 Сдѣлался разомъ буфетомъ —
 Съ рижскимъ бальзамомъ и диншоу,
 Съ водкой какой-то изъ Риги...
 Столъ предоставленъ былъ винамъ,
 Сбиты подъ столъ были книги.
 Бахусъ подсылъ ко мнѣ ближе
 И — заходилъ бутылка...
 «Призраковъ» авторъ! скажи же
 Ты-ль обманулъ меня, ты-ли?..

Далѣ въ поэмѣ у меня является сооіъ призракъ и я, сидя съ Павломъ Кирсановичемъ въ вагонѣ, плаваю въ ней по Балтійскому, по Вобаланученному морю, по Волгѣ, а иногда и просто по землѣ, и

передо мной проходить рядъ разнообразныхъ картинъ. Замѣчательная поэма эта, которую я хотѣлъ подарить М. М. Достоевскому, вѣроятно сдѣлалась бы известна міру, если бы моя вагонная сосѣдка, несильная охотница до стиховъ и большая любительница фруктовъ, не обратила ее въ обертку апельсिनновъ. Новый Омаръ въ женскомъ дорожномъ башлыкѣ лишился такимъ образомъ русскую журналистику новаго произведенія...

И я лечу, духовъ забывъ,
 Какъ древаиіи шель;
 Мнѣ несетъ эраи русомалъ шель
 Доказатель,

Въ страну великую несетъ,
 Гдѣ каждый годъ
 На ночь девственной цвѣтетъ
 Прогресса плодъ,

Въ край благодѣльный голыкъ жель,
 Картъ и желель,
 И замираеть мой протель
 И грозный жель.

Въ свель плазель я росъ и росъ,
 Шепча: я — Россъ!
 Кому-бъ тутъ хмуриться пришлось?
 Вотъ въ чемъ вопросъ.

Я не хмурился, потому что, отправляясь въ путь, былъ совершенно свободенъ отъ роли журнальныхъ гончихъ, отъ роли корреспондентовъ — этихъ тавотныхъ Чичиковыхъ, которые ѣздятъ по Россіи и собираютъ мертвые... факты. Я не принялъ на себя его обязанностей, которыя, какъ рукава сумасшедшей рубашки, связываютъ всѣ его движенія и заставляютъ его копаться въ мѣстномъ навозѣ, и все это часто для того, чтобъ вырыть оттуда свѣденія о томъ, что въ такой-то улицѣ городка N. въ тротуарѣ прогнила доска и козель городничего сложилъ въ дырѣ ногу. Свободный, какъ воздухъ или какъ русскій гражданинъ, пустился я въ свое странствованіе, запасясь на дорогу двумя книжками «Русскаго Вѣстника.» Перелистывая эти книжки, я вполне убѣдился, что ни одинъ журналъ не удобенъ такъ для вагоннаго чтенія, какъ «Русскій Вѣст-

мидь», срочникъ гг. Билтова и Леонтьева. *) Читая я, возмущаюсь, возмущаюсь романъ «Искровъ» и убѣждаюсь, что онъ писанъ амфиболо-но только для глупыхъ пассажировъ желѣзной дороги, которымъ очень удобно пропустить одну главу къ романѣ, тутъ же забыть ее, выйти на станціи рвануко воды, и потомъ читать другую главу, которая съ первой не имѣетъ никакой связи. Слѣдовательно, чтеніе необременительное, настоящее пассажирское. Весь этотъ романъ даже имѣетъ сходство съ любымъ поѣздомъ желѣзной дороги. Каждую изъ его главъ можно отцѣпить, какъ вагонъ отъ поѣзда, и характеръ произведенія нисколько не измѣнится; — съ другой стороны, можно и прицѣпить къ нему еще хоть съ сотню главъ, и литературный локомотивъ г. Ключникова ихъ вывезетъ, несомнѣнно вывезетъ. Въ томъ же самомъ журналѣ А. Майковъ открылъ особенный вагонно-лирическій отдѣлъ, называемый *двустушіями*. Если читатель «Русскаго Вѣстника», сидя у себя дома, солиднымъ образомъ предается чтенію этихъ двустушіей, то, не понявъ ихъ назначенія, пожалуй, сочтетъ ихъ за мистификацію, за насмѣшку надъ нимъ. Еслибъ я самъ не читалъ слѣдующихъ строкъ, сидя въ вагонѣ, то и я сконфузился бы за автора «Коляски». Читайте:

1.

И терны и розы, улыбки и слезы,
И обьются разомъ и ниветъ растутъ.

2.

Тащить свой неводъ рыбакъ — рвется изъ невода рыбака.
Дѣва! На волю я рвусь и за тобою иду!

3.

Бѣлая лебедь, проснись! крыльями шумно взмахни!
Чернаго врана, что спать подлѣ тебя, — прогони.

4.

Горлинка лѣсная! Кто тебя изловить?
Въ клеточку посадить и голубить станеть.

*) Правильнѣе, сказать: Каткова и К.°, потому что, по моему мнѣнію, имя г. Леонтьева есть имя собирательное въ журналистикѣ, потому что каждая редакція журнала или газеты непременно имѣетъ своего Леонтьева. Вотъ напр. въ «Искрѣ», что у насъ, А. А. Красевскій, есть свой собственный Леонтьевъ: это докторъ, разъясняетъ намъ ученіе нигилистовъ, одинъ изъ первыхъ членовъ членовъ изъ 45 губерній и думаетъ, что онъ въ „Голосѣ“ — не голосъ вопіющаго въ пустыни. Андрей Александровичъ! Угадай ли я?..

Все понятно только на своих жестах; так и эти друстниши, вообще не имеющие смысла, покажутся даже очень остроумными, если мы догадаемся, что они введены для публички желанной дороги. Этой новш и легкой формой я даже плънился, и многие из своих дорожных впечатлнй облекъ въ друстниши такого рода:

1.

Право, въ дорогъ не то, что въ столичной квартиръ подь крайней:
Можно повсюду въ ней дълать окрошку изъ разныхъ друстниш.

2.

Въ окна вагона врывается втеръ весеннй.
Два! въ твоей головъ тоже втеръ играетъ.

3.

Милый сосѣдъ! аппетитъ твой предвнику зарантъ:
Порцію славныхъ битковъ истребишь ты въ Любани.

4.

Люди въ дорогъ сближаются скоро, я слышала;
Нужно и мнѣ понемножку сближаться съ смуглой сосѣдкой.

5.

Странное дѣло: кондукторъ курить запрещаетъ въ вагонахъ.
Только-бъ никто не драмся, а курить отчего не позволить?

6.

Такъ я настроена, что если бы ногу мою здѣсь украли,
Я-бы, ей Богу, протеста писать не подумала.

7.

Повздъ въ восемнадцать часовъ изъ Москвы въ Петербургъ прѣзжаетъ,
Мысли-жъ московскія вздять повсюду на долемахъ.

Нинрошвируя, съ легкой руки А. Н. Майсова, подобими друстниши, я между тѣмъ вѣска по рельсамъ и наслаждался лумесами оочемаллмилли. Мншо мои пробѣгали безконечныя поля, еще воегдѣ накрытыя снѣгомъ. Часто мелькали передъ глазами будочни надсмотрщиномъ желанной дороги. Прѣзжаетъ ковадъ, и каждый изъ нншъ выскочитъ изъ своего домика и, стоя у его дверей, выкатывается въ огулку. Иногда же обязанность эту отправляютъ его супруги и въ своихъ затрансовыхъ платьяхъ или сарафанахъ становятся въ ту

же самую позицию. Это была чуть ли не первая оценка заглянувшему в будущее труду женщины, и защитники русского прогресса могут назвать его одним из отчаянных явлений, которое... и пр. и пр. Вот прищипывающий все «Голосъ» нашёл даже прогрессъ въ разговорахъ пассажировъ желѣзныхъ дорогъ и дивился—

Ихъ благонаравью, а не лицамъ.

Прогрессъ дѣйствительный. Даже кондуктора его сознають и, обходя вагоны съ сумкой разныхъ книжекъ и новыхъ газетъ, убѣдительно упрощаютъ *почитать* или купить *номерочикъ* какой нибудь газеты, особенно «Зановы», къ которой видимо кондуктора нитатають особую привязь. Но, увы, развѣ номеръ «Московскихъ Вѣдомостей» только верѣдка купить какой нибудь москвичъ, для котораго они необходимы, какъ подкладка къ платью, а бѣдная «Занова» и другія литературныя печенья остаются въ сумкѣ кондуктора. Чтеніе, какъ потребность, какъ необходимый комфортъ жизни, намъ еще непонятно; насъ вотъ нагорни хорошененько на станціи, да въ вагонѣ (если мы ѣдемъ въ 3 классѣ) поменьше вонючихъ тулуповъ самай, мы и довольны.

— Представьте, болтала мнѣ одна изъ моихъ спутницъ, дама гѣтъ сорока, — въ прошломъ году поѣхала я изъ экономіи, — въ жизнь себѣ этого не прощу, — въ третьемъ классѣ. Посадили рядомъ со мною (барыня рекомендовалась мнѣ, что она—надворная совѣтница) какого-то мужика: просто мука была отъ такого сосѣдства. Пахнетъ отъ него тѣмъ-то гадкимъ, можищи грязными... каковъ же былъ мой ужасъ, когда онъ возлѣ самага моего носа сталъ жевать зеленый лукъ... Весь вагонъ надушилъ этимъ запахомъ. Жаловаться я на него по-пробовала, да вы знаете какое нынче время (ей Богу, не знаю, сударыня); еще нѣкоторые за него же заступаться стали...

Надворная совѣтница даже раскраснѣлась вся отъ одного воспоминанія о такомъ ужасномъ дорожномъ примѣченіи, и снова, какъ и всю дорогу, начала жаловаться на разстройство нервъ своихъ. Жалобу эту очень часто приходится слышать отъ женщинъ, а между тѣмъ будущій историкъ не безъ основанія можетъ прийти къ заключенію, что женскіе нервы трехъ — четырехъ послѣднихъ годовъ были крѣпки, какъ смоляные канаты. Еще и донынѣ эти самыя женщины съ маднымъ и холоднымъ любопытствомъ смотрять, какъ, ради общественнаго удовольствія, разъяренный быкъ сажаетъ на рога

нине неосторожного бойца. Еще и дошли, как напр. на недавней выставке Демидова, маршанки сбиваются къ высоту и, как на скакалке, смотрят на кровавое зрѣлище, гдѣ главная роль предоставлена пилачу. А русскіе барыни чѣмъ отстали? Мы ценимъ многогихъ изъ нихъ въ побѣдахъ съ разими Натренками и Анютками. Это тѣ же самыя барыни, которыя готовы упасть безъ чувствъ, если кто нибудь наступитъ —

На хвостъ собачки или лошади.

Вообще моя требовательная надверная совѣтница совсѣмъ не увлеклась прогрессомъ и комфортомъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ; для всякой русской Коробочки путешествие въ безобразной колыхающей среди пухляковъ, узелковъ и вартомаковъ гораздо удобнѣе помѣщенія въ общемъ вагонѣ, гдѣ ея деревенскимъ привычкамъ нѣтъ обычного простора. Ее не плѣняли эти великолѣпныя вѣздалы въ американскомъ вкусѣ, эти роскошныя бусеты, гдѣ вы можете сытно закусить и заплатить за порцію въ суматохѣ послѣ перваго звонка вдвое болѣе противъ положенной таксы. Но что жъ дѣлать! суматохой всегда умѣютъ пользоваться люди; суматоха на желѣзной дорогѣ нерѣдко даетъ большую поживу вѣзмъ, умѣющимъ ею пользоваться. Пользоваться ею особенно удобно, когда осторожная и часто неопытная публика, въ ожиданіи роковаго знака къ отъѣзду, спѣшитъ получить изъ кармановъ бидеты. Билеты быстро рѣжутся, сверкаютъ напипы, стучитъ тяжелая печать, сдача выдается и старый пассажиръ даетъ мѣсто новому, напирившему сюда съ протанутой рукою. Гдѣ тутъ повѣрять сдачу, когда данъ уже первый звонокъ, когда кондуктора громко призываютъ публику по мѣстамъ. Когда пассажиръ 3 класса съ помятыми боками наконецъ завоевываетъ себѣ мѣсто въ каретѣ, то разжимаетъ свой кулакъ, гдѣ была сдача, и очень часто не рассчитывается то гривенника, то двугривеннаго; у одного моего спутника даже рубль таиннымъ образомъ разстался въ карманѣ. Вотъ, что значить, милостивые государи, суматоха? Уже на возвратномъ пути изъ Москвы случилось мнѣ сидѣть рядомъ съ однимъ мужичкомъ, который сѣлъ въ Балашевъ и отправился въ Петербургъ на заработки. Я разговорился съ нимъ. На мой вопросъ, куда онъ ѣдетъ? крестьянинъ вынулъ свой билетъ изъ подкладки своего теплаго картуза и молча подалъ его мнѣ. Я посмотрѣлъ на билетъ.

— Ты, значить, до Колпина?

— Нѣтъ, въ Питерь.

— Да вѣдь билетъ-то у тебя не до Питера, а до Колпина?

Крестянинъ посмотрѣлъ на меня съ недоувѣрчивой улыбкой.

— Ты, баринъ, или путникъ или читать не мастеръ!

На силу я могъ убѣдить его въ своей грамотности, и тогда онъ объяснилъ мнѣ, что заплатилъ за проѣздъ трехъ-рублевую бумажку, а ему выдали сдачи 20 к. с.

Съ міра по ниткѣ — голому рубашка, говорить пословица. Изъ такихъ ниточекъ можно съ терпѣніемъ набрать цѣлаю дюжину голландскихъ рубашекъ.

Но возвращусь къ своему пути по порядку. Моя дорезная судьба послала мнѣ въ сосѣди двухъ спутниковъ. Оба они были коренными москвичами, хотя рѣшительно не походили одинъ на другаго. Одинъ изъ нихъ былъ юноша громаднаго роста и желѣзнаго тѣлосложенія. Обѣ щеки его были румяны до неприличія, и свѣтлыя жайковыя перчатки трещали на его могучихъ, мускулистыхъ рукахъ. Онъ долго кося поглядывалъ на меня и наконецъ, рассмотрѣвъ, началъ разговоръ оригинальнымъ образомъ:

— А вѣдь у васъ силы мало, скажу я вамъ откровенно...

Я съ той же откровенностію признался ему, что во мнѣ дѣйствительно силы мало, особенно по сравненію съ нимъ.

Юноша съ гордостью оскалилъ свои бѣлые зубы.

— У меня точно сила есть. Кого я въ загорбанъ дербулызну, тотъ на корачкахъ пять верстъ проползеть. Могу!..

Московскій Самсонъ мнѣ тотчасъ же предложилъ испытать его мощь. Какъ я уже говорилъ, у меня съ собою былъ «Русскій Вѣстникъ». Одна изъ книжекъ еще неразрѣзанная и залесеная въ конвертъ чуть-чуть не сдѣлалась жертвой его силы. Силочъ предложилъ мнѣ пари, что онъ двумя пальцами разорветъ книгу на двѣ части, но обидясь за г. Каткова, я протестовалъ противъ такого опыта.

Самсонъ однако не унялся и началъ показывать другіе опыты своей силы. На каждой станицѣ онъ утомялъ свою жажду коньякомъ и отмачивалъ самыя сочныя шутки, отъ которыхъ краснѣли даже бѣлые цвѣты, украшавшіе въ родѣ цѣлаго полисадника шляпу надворной софистки.

Другой мой сосѣдъ, тоже москвичъ, былъ свѣженькій старичекъ небольшого калибра, который всю дорогу отъ Петербурга до Москвы

небольшой щеткой чистилъ на себѣ платье, а все остальное время посвящалъ восхваленію московской жизни, повторяя въ шротъ лирическій экстазъ Ѡ. Глинни:

Кто царь-колоколъ поднимать?

Кто царь-пушку поверять?

Разболтавшись со мной, онъ съ часто московскимъ добродушіемъ и искренностью являлъ меня во все закоулки своей собственной жизни. Отъ него я узналъ, что онъ гдѣ-то у Николы-Мокраго имѣеть собственный домикъ, собственную жену и «собственныхъ» дѣтей обоего пола. Я узналъ о всѣхъ добродѣтеляхъ его дочки-невысты, узналъ даже сколько платяевъ и столоваго серебра получить она въ приданое къ своимъ добродѣтелямъ. «Ужъ не въ женихи-ли онъ меня прочитъ? подумалъ я въ первую минуту, когда старичекъ развивалъ передо мною весь регистръ домашняго скарба своего и благосостоянія, но скоро убѣдился въ безкорыстной болтовнѣ сѣдовласаго москвича, который уже много лѣтъ

Блаженствуеть въ отставкѣ подъ судомъ.

Вѣроятно, впрочемъ, дорога вообще развиваетъ въ людяхъ откровенность.

Я нигдѣ откровенный рвчей не слыхалъ,
Какъ въ вагонахъ желѣзной дороги.
Каждый душу свою предъ другимъ раскрывалъ,
Даже барыни не были строги.

Чашь темнѣй и темнѣй становилася нѣла,
Лишь потухъ ясный день въ небосклонѣ,
Тѣмь бесѣда людей оживленіе шла
И меня развлекла въ вагонѣ.

Старичекъ изъ Москвы объясняетъ купцу
О достоинствахъ личныхъ супруги,
Что она по уму, по статкѣ, по лицу
Первой дамой считалася въ Лугѣ,

Что когда въ первый разъ съ ней явился онъ въ свѣтъ —
Былъ успѣхъ ея въ свѣтъ гранадеиъ,
Что онъ съ нею назадъ тому несколько лѣтъ
Бадилъ на-лѣто въ Дрезденъ и въ Баденъ.

Въ трехъ шагахъ отъ меня воссыдала чета,
 Мужъ съ сумругой иного закала:
 Постоянно брашились и этотъ, и та,
 Но супруга всегда побъждала.
 Бѣдный мужъ! предъ своею супругою онъ
 Становился грустнѣй и печальнѣй,
 Сознавая, что даже публичный вагонъ
 Для него былъ все тою же спальною,
 Гдѣ не разъ, можетъ быть, забиваясь въ постель
 И подушкой закрывшись въ испугъ,
 Надъ собою всю ночь слушалъ крупную трель
 Расходившейся, грозной супруги.
 Этой сценѣ внимая, сллачь мой ворчалъ:
 — «Попадись-ка мнѣ баба такая,
 Я бы задалъ ей встрѣпку и тотчасъ намазалъ
 Въ поученіе бабъ бока я.»
 Милый юноша! Майскую почву и луну
 Надъ собою ты видишь не даромъ:
 Пусть сосѣдку твою клонить къ сладкому сну —
 Объяснять ей пустился ты съ жаромъ,
 Какъ тебя обожаютъ шашан и рара,
 Какъ ты любишь кузину Луизу,
 Какъ отецъ твой когда-то пошелъ въ откупа,
 А потомъ сталъ служить по акцизу.
 И по темнымъ угламъ откровенность росла...
 Пусть, что хочеть, то думаетъ пресса,
 Но она бы рѣшительно въ этомъ могла
 Видѣть лучшіе перлы прогресса.

Ночь вступила наконецъ въ свои права, и общая болтливость смогла.
 Утромъ раскрою глаза и уже буду въблизи Москвы. Я уснулъ
 шепча въ просонкахъ:

И подъ пепломъ ты стояла
 Бѣлокаменная,
 Но душа въ тебѣ кипѣла
 Бурно-пламенная!..

И вотъ наконецъ я въ провинціи, потому что я въ Москвѣ. И вотъ я въ городѣ саялъ, калачей, М. П. Ногодина, въ городѣ чужей, просвирь, «Дня» и Русскаго Вѣстника. Бывши уже не въ первый разъ въ Москвѣ, я и теперь хотѣлъ прожить въ ней одни сутки. Хотя многіе москвичи увѣрили меня, что «бѣлкаменная» ихъ постоянно обстраивается, но я не нашелъ въ ней никакихъ подобныхъ признаковъ. Въ Кремлѣ перестраиваютъ часть стѣны, да у театра показываютъ всеѣмъ прїѣзжимъ, какъ рѣдкость, домъ, все великолѣпнѣ котораго заключается въ томъ, что въ простѣнкахъ нижняго этажа вставлены зеркала огромнаго размѣра. Чисто московская, самодурская роскошь! Больше пережъ нѣтъ нищихъ. Тѣ же избитые, кирпичные тротуары, та же нечистота по улицамъ, тѣ же царь-колодъ и царица-пушка... Большая часть церквей полуразвалилась и стала походить на московскихъ сгорбленныхъ старушонокъ, просящихъ подаданіе. Нищихъ въ Москвѣ стало едва-ли не больше, чѣмъ прежде, вѣроятно, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ «День» сочинилъ журнальную проповѣдь въ пользу общественной благотворительности. Хотя московскіе нищіе одѣваются не такъ, какъ ихъ изображаютъ русскіе художники т. е. не въ шелкъ и батистъ, но есть достовѣрное свѣденіе, гдѣ-то недавно напечатанное, что многіе изъ этихъ нищихъ собираютъ въ день подаданіемъ до восьми рублей серебромъ. 2920 р. с. въ годъ — цѣра на дурная! Въ этомъ случаѣ можно и нищенской сумѣ позавидовать.

Въ Москвѣ начинаютъ попадаться теперь преоригинальные нищіе. Случилось мнѣ проходить по одному изъ маленькихъ московскихъ бульваровъ. Ко мнѣ смѣлыми шагами подошелъ господинъ съ военной осанкой въ потертомъ, на-глухо застегнутомъ сюртукѣ и въ старой измятой шляпѣ.

— Позвольте васъ спросить, началъ онъ развязно, но безъ наглости, который теперь часъ?

Я сказалъ ему.

— *Кстати*, нѣтъ ли у васъ сколько нибудь мелкихъ денегъ?

Этотъ переходъ, это великолѣпное «кстати» были очень милы и оригинальны. Я далъ ему гривенникъ и синьоръ, граціозно приподнявъ шляпу, пошелъ дальше. Это было уже что-то по-римски.

Вечеромъ, чтобъ проѣхаться по городу и заѣхать въ какой нибудь книжный магазинъ, я взялъ извозчика. Ба! позвольте! Какъ ни несносна московская жизнь, какъ ни плохи ея тротуары и жур-

нагнѣтъ, но извозники московскіе неумолимо перещеголяли петербургскихъ. Ихъ хорошіе лошади и крытыя, просторныя пролетки не сравнятся съ нашими влячами, которыхъ запрягаютъ въ какую-то безобразную, тряскую и гремящую всѣми винтиками каратицу. Итакъ, я поѣхалъ отыскивать какую нибудь книжную лавку, но, увы! въ Москвѣ *вечеромъ* не всегда легко это сдѣлать. Вѣдь извѣстно, что Москва—городъ праздниковъ: тамъ чуть ли не каждый день праздникъ, а потому начанунѣ его вечеромъ всѣ лавки запираются. То же самое на этотъ разъ случилось и со мной, и я, чтобъ убить вечеръ въ незнакомомъ мнѣ городѣ, отправился въ кремлевскій садъ.

Наслыу я дождался слѣдующаго дня, когда могъ отправиться къ вокзалу нижегородской дороги. И вотъ опять новыя случивши, опять новая дорога!.. Многихъ людей часто пріятно встрѣчать потому, что больше нигде ихъ не увидишь: дорожные знакомства тѣмъ и хороши, что они необязательны. Такъ, напр., мнѣ очень любопытно было смотрѣть на своего новаго спутника—владимирскаго купца, налятаго доверху цвѣточнымъ чаемъ, мнѣ любопытно было послушать его бесѣду съ своимъ приданникомъ, которыхъ онъ жонкалъ съ колодностью зашарфыпаго самодура, но въ те же время я задохнулся бы отъ злости, если бы мнѣ часто приводилось встрѣчать этотъ живой обломокъ до-петровской Руси.

Въ новомъ вагонѣ со мной... но скажу прежде нѣсколько словъ о самой нижегородской желѣзной дорогѣ. Говоря правду—она во всѣхъ отношеніяхъ хуже николаевской. Ея вокзалы бѣдны, малы и неудобны. Кушанья и вина гораздо дороже и столько же плохи. За то, почти въ каждомъ ея вокзалѣ, вы встрѣтите на пьедесталѣ большого гипсового Амура или Фавна, которые тамъ замѣняютъ и удобство и дешевизну буфетныхъ принадлежностей. О, бѣдный Амуръ! Сколько разъ я проклиналъ тебя (а я ли не люблю этого бога?), сѣдая за столомъ сухую и черствую котлету, которая стояла дороже цѣлаго обѣда...

Самые нижегородскіе вагоны представляютъ какую-то «смѣсь французскаго съ нижегородскимъ». Представьте себѣ, что подъ дверцами изящныхъ, красивыхъ вагетъ, поддерживаемая безобразными желѣзными отводами, находится неуклюжая, некрашенная широкая доска, замѣняющая ступень для входа въ вагонъ. Вѣроятно, вы видали

около дверей старыхъ, домашнихъ бань въ провинціи подобныя ступени. Вообще, странное сочетаніе.

Европы лоскъ и варварство татарства!..

Въ одномъ вагонѣ со мной, только за низенькой перегородкой, помѣщалась какая-то провинціальная барыня изъ Нижняго, сопровождаемая кучей дѣтей различныхъ возрастовъ и двумя няньками; эти маленькіе локомотивы постоянно пыхтѣли и съ ревомъ просились куда-то вонъ изъ вагона. Родительница время отъ времени усмиряла ихъ внушительными нижегородскими затрещинами, но система Миллера-Красовскаго, къ моему великому удовольствію, оказывалась, какъ и всегда, несостоятельною: птенцы ревели еще пуще, даже ночью, и только одинъ мой сосѣдъ, владимірскій купецъ, могъ спать подъ эти залпы дѣтскаго крика и грозныхъ увѣщаній ихъ родительницы. Рядомъ съ нижегородской барыней сидѣла молодая дѣвушка, скромно одѣтая, съ подушкой и небольшимъ ручнымъ чемоданчикомъ. Барыня долго молча обзрѣвала свою спутницу, наконецъ желаніе болтать пересилило помѣщичью надутость...

— Вы куда отправляетесь? начала она съ вопроса, обращаясь къ спутницѣ.

— Въ Симбирскъ.

Я наострилъ уши, потому что городокъ-то ужь очень знакомый мнѣ.

— Неужели вы въ такую дальнюю дорогу рѣшились ѣхать однѣ?..

— Что жъ дѣлать, одна! Меня некому было проводить туда.

— У васъ тамъ родные есть? знакомые?

— Нѣтъ, я ѣду туда по вызову, въ губернантки, въ домъ одного помѣщика. Только въ Нижнемъ я нѣсколько дней проживу у сестры.

— Въ губернантки!—Послѣдовало длинное: а! а!..

Губернантка въ это время закурила папиросу.

— Какъ! вы папиросы курите? воскликнула съ ужасомъ нижегородская помѣщица. Она видимо и тутъ, если бы было можно, обратилась къ системѣ Миллера-Красовскаго.

— Да, курю... улыбаясь отвѣтила ей молодая дѣвушка.—Можетъ быть, вы не терпите табачнаго дыма?

— Нѣтъ, я не къ тому... но къ дѣвушкамъ какъ-то курить не пристало.

Въ это время какой-то крошечный локомотивъ вновь заревѣлъ и непремѣнно требовалъ, чтобъ нянька подала ему луну, которая глядѣла въ вагонное окошко. Мать, вмѣсто того, чтобъ плѣкнуться остроуміемъ своего роднаго дѣтища, прибѣгла къ новому успокоительному средству: къ подзатыльнику. Я едва не воскликнулъ тутъ: о, моя чадолюбивая спутница! къ чему тутъ подзатыльники! Отчего бы сыну твоему и не пожелать схватить луну съ неба? Захотѣлось младенцу крикнуть: давайте мнѣ мѣсяцъ! и пусть себѣ просить; захотѣлось М. Н. Каткову крикнуть: подавайте мнѣ всѣхъ нигилистовъ! ну, и пусть себѣ вопрекивасть. За чѣмъ же тутъ затрещина?..

Въ одномя изъ вокзаловъ я разговорился съ гувернанткой.

— Вы, кажется, ѣдете въ Симбирскъ? спросилъ я ее.

— Да, въ городъ, мнѣ совершенно незнакомый. Впрочемъ; домъ, въ которомъ я буду жить тамъ, мнѣ хвалили.

— Можетъ статься, но у кого именно вы будете жить? Я тамъ почти всѣхъ знаю.

Она назвала мнѣ фамилію. Я невольно скорчилъ такую гримасу, что молодая дѣвушка засмѣялась.

— Что это съ вами?

— Спѣшу васъ обрадовать, что въ домъ, который вамъ хвалили, одну гувернантку чуть съ ума не свели, а двѣ оттуда тихонько убѣжали.

— Ну, что-жь дѣлать! Я буду третья, которая убѣжить. Попробую.

Молодая дѣвушка, однако, задумалась. Мнѣ ее стало очень жалко, но—

Что и жалеть, коли не чѣмъ помочь...

Когда утромъ, въ восьмомъ часу, я проснулся, поѣздъ остановился уже у нижегородскаго воксала, въ Кушавицѣ.

Первымъ моимъ дѣломъ было, по выходѣ изъ вагона, узнать о времени отплытія парохода. Пароходъ шель тотчасъ же, и я отправился къ его пристани.

Наконецъ я на Волгѣ. Такъ какъ воксалъ желѣзной дороги находится далеко отъ Нижняго, на другомъ берегу рѣки, то пароходъ заѣзжаетъ туда за пассажирами и уже потомъ отплываетъ къ городу,

гдѣ стоять еще нѣсколько часовъ. Пароходъ еще былъ пустъ, вода, вставъ въ массу билета, я устроился съ своими вещами въ каютѣ. У меня намеренъ былъ только одинъ спутникъ, юноша лѣтъ двадцати. Онъ былъ грузинъ по происхожденію, но его прекрасное, выразительное лицо удалялось отъ общаго грузинскаго типа съ его длинными носомъ и восточнымъ лбомъ. Два года находясь въ одномъ изъ высшихъ московскихъ учебныхъ заведеній, онъ теперь по семейнымъ дѣламъ отправился на Кавказъ. Интеллигентный, восторженный и пылкій знатокъ, на каждомъ шагу готовый искренно дон-кихотствовать, былъ чрезвычайно симпатиченъ. Съ первыхъ же словъ я сталъ къ нему въ дружескія отношенія и звалъ его не иначе, какъ Амалатъ-Бекъ. Это имя такъ и осталось за нимъ на пароходѣ во все время поѣздки. Странствуя съ нимъ по палубѣ, заваленной разными тюками и бочками, мы соскучились въ долготу ожиданій отъѣзда. День былъ теплый, свѣтлый. Нижний-Новгородъ въ двухъ шагахъ разбрасывался по уступамъ огромной горы, которая скатывалась прямо въ Волгу.

— Сколько времени пароходъ будетъ стоять у Нижняго? спрашивалъ я у капитана.

— Еще четыре часа.

— Следовательно, мы успѣемъ съѣздить въ городъ?

— Положительно успѣете.

Амалатъ-Бекъ нужно было запастись нѣкоторыми книгами, которыхъ не найдешь на Кавказѣ, имъ тоже нужно было побывать въ лавкахъ, а потому мы отправились на извозчикъ чрезъ нижній базаръ въ городъ. Мой наивный дорожный товарищъ, позабывъ, что онъ не въ Лондонѣ или Парижѣ, постоянно возмущался, встрѣчая на каждомъ шагу безобразныя постройки; безграмотныя вывѣски, грязныя и кривыя улицы.

— Вотъ она почва-то! вотъ она почва-то! восклицалъ онъ, сверкая своими черными, какъ уголь, глазами. Я старался, смѣясь, заступаться за черноземное величіе и оригинальность русскихъ провинціальныхъ городовъ, припахивающихъ грязью, невѣжествомъ и навозомъ. Юноша сердился. Запасаясь въ лавкахъ табакомъ подозрительной свѣжести, мы стали искать книжнаго магазина. Наконецъ нашли. Входящій—магазинъ, какъ магазинъ; на полкахъ стоятъ книги въ свѣжихъ переплетахъ: все больше романы Р. Зотова, Масальсано и Дюжаса въ московскомъ переводѣ.

Прикащикъ засуетился при нашемъ входѣ; видимо, что попутатель тутъ явленіе рѣдкое.

— Есть у васъ Бокль? спросилъ Аммалать-Бекъ, встряхивая своими длинными волосами.

Лицо прикащика скорчилось болѣзненно: о Боклѣ онъ и во снѣ не слыхивалъ.

— Нѣтъ-съ, такого нѣтъ, а вотъ, не угодно ли вамъ сочиненія Державина... академическое-съ изданіе...

Мы расхохотались.

— Ну, а «Физиологическіе эскизы» Молешота есть у васъ?

Прикащикъ рѣшительно сталъ въ тупикъ и до того растерялся, что началъ упрашивать купить у него «Дочь бульвара», романъ Поль-де-Кока.

Намъ оставалось только обратиться въ бѣгство отъ всѣхъ «сыновей тайны» и «дочерей бульваровъ».

— Начальникъ нашего заведенія, говорилъ мнѣ, уходя, юноша, — такъ же остроуменъ, какъ этотъ прикащикъ. — «Есть у васъ *вольные* слушатели?» кто-то спросилъ его однажды. Тотъ даже обидѣлся такому вопросу и отвѣчалъ: «у насъ есть только *сторонніе* слушатели.» Съ тѣхъ поръ, по его распоряженію, *вольный* слушатель былъ замѣненъ словомъ *сторонній*.

Отложивъ до другаго города покупку книгъ, мы возвратились на пароходъ.

Ѣхать по Волгѣ на пароходѣ, мало-мальски порядочно устроенномъ, разумѣется, гораздо удобнѣе, чѣмъ путешествовать на баргѣ или на коноводной машинѣ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, пароходчьи общества по Волгѣ оказываютъ несомнѣнную услугу всѣмъ пассажирамъ. Но такъ какъ каждый пассажиръ, садясь на пароходъ, требуетъ отъ него уже тѣхъ удобствъ, которыхъ онъ не искалъ на какойнибудь баргѣ, то пароходнымъ компаніямъ Волги не дурно бы о нихъ позаботиться. Наши волжскіе пароходы устроены большею частію очень дурно: на нихъ мы рискуемъ часто или умереть съ голоду или же просто-на-просто сгорѣть. Вы этому не вѣрите? Увѣрю васъ, что такъ. Пароходныя трубы вовсе не имѣютъ сѣтокъ, палуба совершенно открыта, а потому такой случай возможенъ. Объ одномъ изъ нихъ я расскажу теперь. Недавно одна провинціальная дама отправилась изъ города С. на пароходъ внизъ по Волгѣ. Утромъ она вышла изъ каюты на палубу. День былъ жаркій, и она

одѣлась въ кисейное платье. Изъ трубы парохода залетѣла искра прямо на ея юбку, и юбка загорѣлась. Въмѣсто того, чтобъ поскорѣе потушить огонь, дама въ испугѣ и съ крикомъ бросилась съ одного конца парохода на другой. Отъ движенія пламя на платьѣ вспыхнуло сильнѣй. За тѣмъ слѣдуетъ очень характерный эпизодъ. Одинъ изъ пассажировъ, видя такое несчастіе, бросился къ провинціалкѣ, обнялъ ее, стараясь скомкать ея платье и потушить огонь. Но провинціальныя дамы въ такихъ случаяхъ находчивы: она сочла неприличнымъ такое движеніе своего спутника, развернулась и въ гнѣвъ дала ему пощечину. Пассажиръ отпрыгнулъ, къ барынѣ послѣ этого никто не рѣшался подступить, и она сгорѣла въ страшныхъ мученіяхъ. О, провинціальныя нравы! о, провинціальное цѣломудріе... Впрочемъ,—къ чему скрывать,—одни ли провинція богаты такими эпизодами? Давно ли еще, нѣсколько лѣтъ назадъ, на одномъ изъ публичныхъ баловъ Петербурга, у двухъ дѣвицъ, вслѣдствіе нечаянности, вспыхнули платья и онѣ сгорѣли въ глазахъ цѣлой толпы молодежи. Когда послѣднихъ спросили, отчего они не старались потушить огонь или оборвать съ бѣдныхъ барышень ихъ легкія, загорѣвшіяся платья, то они отвѣчали:

— Мы не могли этого сдѣлать, потому что *не были прежде представлены* этимъ дамамъ.

Что-жь, винить ли ихъ за такой отвѣтъ? Вѣдь они хорошо знали модный кодексъ нашего общества и не хотѣли, вмѣсто медали за спасеніе жизни человѣческой, получить на балѣ пощечину отъ руки *приличной* барышни.

Господи! когда же избавимся мы отъ этихъ вѣтайскихъ приличій и... отъ пароходныхъ трубъ, грозящихъ намъ огненною смертью..

Въ 4 часа нашъ пароходъ тронулся съ берега. Не успѣлъ я хорошенько осмотрѣть своихъ новыхъ товарищей по пути, какъ мнѣ азіатецъ былъ уже влюбленъ и нылъ возлѣ дамской каюты. Изъ дамской каюты помѣщалась какая-то длинная и сухая, какъ муля, барышня, глухая на оба уха, съ четырехлѣтнимъ, вѣчно плачущимъ ребенкомъ (отъ дѣтскаго писка я не могъ отдѣлаться всю дорогу), и блѣдная молодая дѣвушка, которая, какъ оказалось послѣ, была сначала провинціальной актрисой, потомъ стала давать уроки.

Очень не глупая, любознательная дѣвушка, старавшаяся развѣтъ себя чтеніемъ серьезныхъ книгъ и только недавно, по ея собственному признанію, вышедшая изъ среды провинціальныхъ *барышень*,

показалась почему-то восторженному Аммалать Беку присяжной миглистою, и онъ сталъ тотчасъ же закидывать ее *гражданскими мотивами*. Его самого «гражданскіе мотивы» до того запутали, что онъ, напримѣръ, защищая М. Розенгейма отвергалъ всякое поэтическое значеніе Пушкина, наслаждался Фогтомъ и Страховымъ.

О, юный Аммалать-Бекъ, о мой прекрасный принцъ Джальма! Я увѣренъ, что ты уже теперь отрелся отъ философской ботвиньи Н. Страхова и красѣешь за «русскія аллегии» откупнаго сатирика М. Розенгейма. Сбылось ли мое предсказаніе, мой возлюбленный го-рець? Откликнись!..

За общимъ обѣдомъ сошлись всѣ временные обитатели парохода. Въ нашей каютѣ 2-го класса ѣхало немного. Отставной морякъ, смирный и кроткій старичекъ, везъ въ Астрахань больнаго сына изъ Дрездена, гдѣ въ лечебницѣ въ нѣсколько мѣсяцевъ его довели до совершеннаго тупоумія. (О, нѣмецкіе врачи! вы повсюду отличаетесь!). Выудивъ изъ русскаго кармана достаточное количество таллеровъ, дрезденскіе доктора отказались отъ дальнѣйшаго леченія больнаго мальчика. Они *пользовали* сына гораздо меньше, чѣмъ *пользовались* деньгами отца. И сердить же былъ почтенный старецъ на врачующую, такимъ образомъ, Германію!..

Далѣе ѣхалъ съ нами таможенный чиновникъ, такого высокаго роста, какъ будто сама природа готовила его въ таможенные надсмотрщики. Онъ почему-то всѣхъ насъ постоянно увѣрялъ, что во всю жизнь не взялъ ни одной взятки. Глядя на его вѣчно-улыбающееся лицо, уже черезъ-чуръ простое, можно было дѣйствительно подумать, что всѣ взятки его постоянно обходили мимо. Вотъ если бы онъ прежде писалъ статьи о конституціи, а потомъ, сдѣлавшись таможеннымъ чиновникомъ, сталъ увѣрять меня въ своей безсребренности, — я бы въ этомъ сильно усомнился.

Кстати ужъ о сметливости таможенныхъ чиновниковъ. Расскажу одинъ милый случай. У одного изъ нихъ въ складочномъ магазинѣ было положено на сохраненіе значительное количество пудовъ сахару. Съ тѣхъ поръ прошло довольно много времени. Наконецъ стали взвѣшивать сахаръ и нашли, что пудовъ 20 не достаетъ. Куда дѣлся сахаръ? Таможенный мудрецъ начинаетъ наводить справки у своихъ подчиненныхъ:

— Куда онъ могъ дѣваться?

— На сахаръ имѣть, нѣтъ извѣстна, вліяніе температура... Тутъ вся мѣна температуры.

Отвѣтъ этотъ спутникъ начальство. Что это за звѣрь *термометра*, онъ не вѣдалъ, а прямо спросить совѣстно. Началъ онъ узнавать объ этомъ изъ-подъ руки. Это-то, вѣроятно, ради шутокъ увѣрилъ его, что это извѣстный аптекарскій вѣсъ. Запасясь такимъ свѣдѣніемъ, таможенный умникъ грозой разразился надъ своими чиновниками.

— Кто безъ моего разрѣшенія осмѣлился вмѣстѣ съ сахаромъ помѣщать въ магазинъ какіе-то аптекарскіе инструменты?... Я вѣдь все знаю, отъ меня ничего скрыть нельзя!..

Не знаю, существуетъ ли такая аптекарская мѣра, которой можно взвѣсить здравый смыслъ этого господина, который *все знаетъ*...

Онъ же, разсматривая въ канцеляріи разные отчеты, былъ сильно возмущенъ одной графой, въ которой значилось, между прочимъ, что *изъ 10 р. нужно вычесть 20%*.

— Что за надувательства такіа? Кто смѣлъ надо мною такъ подшутить? Развѣ можно изъ 10 вычесть 20?

Долго старались и долго не могли убѣдить таможенный черепъ въ возможности такого вычисленія. Что жъ дѣлають, чѣмъ занимаются такіе господа на службѣ? Разныя у нихъ занятія, впрочемъ, бывають. Вотъ, напримѣръ, что пишутъ изъ Костромы по поводу занятій одного мирового посредника *). Есть тамъ одинъ мировой посредникъ, г. А — нѣ, на котораго крестьяне его участка вошли въ губернскае правленіе съ жалобой, въ которой объясняютъ, что онъ, пріѣзжая въ волостныя правленія, вмѣсто ожидаемаго ими разбора дѣлъ, занимается только (чѣмъ бы вы думали?)... *игрою на гармоникѣ*.

О, добродѣтельные граждане новѣйшей Аркадіи!

Но возвращусь къ своимъ пароходнымъ спутникамъ. За обѣдомъ въ нашему обществу присоединились еще трое: комиссаріатскій чиновникъ съ женою, какой-то старичекъ-французъ и наконецъ, какъ самъ онъ заявилъ о себѣ, *корреспондентъ* газеты «Волги». Первый изъ нихъ оказался моимъ землякомъ и отчасти мнѣ знакомымъ. Онъ регулярно черезъ каждыя полчаса выпивалъ рюмку водки, о чемъ почему-то считалъ необходимою объявлять публикѣ.

— А я уже седьмую рюмку пропустилъ? сказалъ онъ мнѣ вмѣсто привѣтствія при встрѣчѣ.

*) См. „Голосъ“, № 161.

Пароходныя правила разрѣшали, по видимому, подобное извѣро-
вожденіе времени, потому что печатное объявленіе, помѣщенное въ
каютѣ гласило, что «водку можно требовать сколько угодно, *какою*
небольшими порціями». Это таинственное объявленіе выражаетъ
заботы пароходнаго общества о здоровьи пассажировъ, которые ма-
лыми порціями, т. е. рюмками могутъ выпить хоть сороковую бочку.
О пассажирныхъ вещахъ оно тоже очень заботится, потому что дру-
гимъ объявленіемъ заявило, что если на пароходѣ пропадутъ вещи
пассажировъ (а должны ли онѣ пропасть, если ихъ сдали за деньги
на сохраненіе?), то общество платитъ только *по одному рублю съ*
каждаго пуда. Очень утѣшительное предупрежденіе. Провинціальный
корреспондентъ не столько смелый въ истребленіи общественнаго
зла, сколько въ истребленіи бумаги, чуть ли не съ самаго своего
явленія въ нашей каютѣ, вынулъ свою обличительную чернилицу и
пустился что-то строчить. А кругомъ, между тѣмъ, шла бесѣда.
Аммалетъ-Бекъ теребилъ гражданскіе мотивы, а въ антрактахъ, вмѣ-
сто отдыха, игралъ на фицъ-гармоникѣ. Отставной морякъ убѣж-
далъ бывшую служительницу Мельпомени въ необходимости ежовыхъ
рукавицъ въ дѣтскомъ воспитаніи и скаргалъ цѣлый свитчъ въ нользу
розогъ и тѣлеснаго наказанія. Молодая дѣвушка сердилась, хотя недо-
гогическіе доводы старца были до того наивны, и онъ самъ дово-
дилъ ихъ до такой крайней нелѣпости, что я только поддразнивалъ ихъ
обонхъ на споръ, и по временамъ, отъ души смѣялся, аплодировалъ.

Корреспондентъ провинціального органа, оторвавшись на минуту
отъ своего обличенія, протестовалъ противъ розогъ весьма ориги-
нально:

— Сѣчь потому не слѣдуетъ дѣтей, торжественно объявилъ онъ,
что, возведя это наказаніе въ принципъ, распространишь повсемѣ-
стное истребленіе березъ, которые пойдутъ на розги, а лѣсу въ
Россіи и безъ того мало. Слѣдовательно, сѣчь дѣтей — не слѣдуетъ.

Ай да Корытниковъ! Отличился.

Мой землякъ, графъ N, считая обрѣзнительнымъ для головы
такіе вопросы, сидѣлъ молча и наконецъ направилъ стопы свои къ
буфету, чтобы проглотить «одинадцатую»...

Супруга его только снисходительно показывала головой и набивала
папирсы.

Между тѣмъ таможенный чиновникъ вступилъ въ жаркое преніе
съ старичкомъ-французомъ. Одинъ бранилъ Францію, другой Россію.

Замѣчательнѣе всего то, что они оба почти не понимали языка друг друга: французъ не зналъ по русски; таможня — знала только нѣсколько фразъ, въ родѣ *бонжура* и *се тре маль*. Но тѣмъ не менѣе, съ помощью различной жестингуляціи, между ними завязалась бойкая патриотическая полемика. Безъ хохота нельзя было ихъ слушать.

Такъ протянулось время до ночи. Надъ Волгой взошла луна. Ея серебряный столбъ бѣжалъ за нашимъ пароходомъ. Ночь была тиха и тепла. Я утѣшалъ Амалать-Бека на палубу изъ дамской каюты, гдѣ онъ свою любознательную спутницу посвящалъ въ таинство органической вѣтви и на обумъ болталъ ей о послѣднихъ открытіяхъ естественныхъ наукъ.

— Ну-ка, любезный черкесь! Полюбуйтесь-ка лучше нашей сѣверной ночью на Волгѣ, говорилъ я, вытанцивъ его на верхъ.

— Я не восторгаюсь прелестями природы. Она дѣйствуетъ только на воображеніе, а воображеніе развивается только вслѣдствіе бездѣятельности мозга, проговорилъ онъ какимъ-то неискреннимъ голосомъ.

— А въ какой это книжкѣ вы прочли?

Чистосердечный юноша не выдержалъ — и разсѣялся. Онъ самъ видимо наслаждался свѣтлой, лунной ночью и картиной посеребренной Волги, но изъ мальчишества не рѣшился въ этомъ сознаться.

Сидя съ нимъ на кормѣ парохода, я прочелъ ему наизусть одну изъ теплыхъ стихотвореній Фета. Онъ внимательно слушалъ.

— Славные стихи. Чьи это?

— Да ненавистнаго вамъ Фета, котораго, кажется, вы никогда и не слышали.

Амалать-Бекъ раздосадованный вскочилъ съ мѣста и молча убѣжалъ внизъ: его тянуло къ дамской каютѣ.

Я просидѣлъ долго на верху. Сойдя въ каюту, я нашелъ почти всѣхъ спящими. Дамы удалились въ свою каюту. Таможня и французъ храпѣли очень дружески. Морякъ спалъ, и только его сынъ въ безсознательномъ состояніи бродилъ около косякъ и съ гауцою улыбкою на всѣхъ заглядывалъ. Землякъ мой ворочался на своемъ мѣстѣ и что-то ворчалъ.

— Что съ вами?

— Чортъ ихъ знаетъ, за чѣмъ будетъ такъ рано заправкуъ.

— А на которой вы рюмкѣ остановились?

— Только на семнадцатой.

Слышите: *только!!*.

Аммалать-Бекъ лежалъ съ книгою въ рукахъ, но безпрестанно поглядывалъ на дверь дамской каюты.

— Черкесь! Полноте мечтать... Не вы ли сами сказали, что воображеніе развивается у человѣка только при бездѣятельности мозга...

— Да полно вамъ смѣяться!.. и онъ потушилъ свѣчу.

Къ вечеру другого дня мы подошли къ пристани г. *Черноозерска*. Насъ пересадили на другой пароходъ, который долженъ былъ двинуться однако не ранѣе, какъ на другое утро часовъ въ десять. Куда было дѣвать столько свободного времени? Опять вмѣстѣ съ Аммалать-Беккомъ уѣлисъ мы на безобразныя, тряскія, извощичьи дроги, называемыя тараптасами и отправились черезъ *дамбу* въ городъ. Первое, что мы встрѣтили въ городѣ, имѣющемъ высшее учебное заведеніе, была телѣга, въ которой мужичекъ везъ цѣлый возъ розогъ.

— Въ которую гимназію везешь — въ первую или во вторую? крикнулъ я возницѣ.

Мужичекъ только улыбнулся и махнулъ рукою. Пріятная встрѣча...

Пошатавшись по городу, купивъ книгъ и выпивъ въ какомъ-то мерзѣишемъ трактирѣ чаю, за что отдали 80 коп. сер., мы начали трястись обратно къ пароходной пристани.

Такъ какъ намъ билеты выдали только до Черноозерска, то мы прежде всего направились къ пароходной кассѣ. У столика кассы насъ встрѣтилъ господинъ, лицо и носъ котораго были краснѣе многихъ огненныхъ картинъ Айвазовскаго. На этомъ лицѣ можно было прочесть всю исторію погибшаго откупа и возникающаго акциза. Руки его дрожали до того, что онъ точно сражался съ ножницами, отрѣзывая ими билеты для пассажировъ. Онъ долго соображалъ, сколько нужно получить съ насъ денегъ, и только съ нашею же помощью разрѣшилъ этотъ трудный вопросъ. По всему было замѣтно, что этому синьору не было никакого дѣла до правила парохода — употреблять водку только въ *малыхъ пріемахъ*...

Въ каютѣ новаго парохода вся наша компанія была въ сборѣ,

кромѣ путешествовавшей наставницы, отправившейся до утра, въ Чернозерскъ. Амалатъ-Бекъ тосковалъ, попробовалъ было сыграть на своемъ походномъ инструментѣ что-то изъ «Травіаты», но не выходило. Черноземный землякъ мой непремѣнно требовалъ русскихъ пѣсень, но и тутъ дѣло на ладъ не шло. Наконецъ, юный романтикъ, притворившійся матеріалистомъ, сѣлъ писать письмо къ *другу*, съ которымъ видѣлся нѣсколько дней тому назадъ. Корреспондентъ «Волги» сидѣлъ по прежнему за своей карающей чернилицей и обличалъ. Таможня читала въ книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» какую-то «Ромолу»... Франція сидя дремала. Скоро межъ ними произошло пресмѣшное недоумѣніе. Таможенный чиновникъ, по своей привычкѣ скалить зубы, надъ чѣмъ-то оыркнулъ. Французъ пересталъ дремать и, вида въ немъ своего личнаго врага, вообразилъ, что тотъ смѣется надъ его французскимъ достоинствомъ.

Сцена вышла презабавная. Французъ до того разгорячился, что, позабывъ, гдѣ онъ находится, — грозилъ, что сейчасъ же пойдетъ жаловаться своему консулу на русскаго казака за его оскорбительныя, для чести французской націи, насмѣшки. Таможня, ни слова не понимая изъ его угрозъ, просила перевести на русскій языкъ свирѣлыя французскіе діалоги. Мой черноземный землякъ, навѣстившій въ ту минуту буфетъ, явился во время самаго патетическаго монолога французика, и только крикнулъ, заложивъ руку за ухо:

— Эхъ, заняли зачатки, загуляли дослутки!..

Французъ выскочилъ на палубу, сопровождаемый общими врывомъ хохота. Его едва могли убѣдить общими силами, что надъ нимъ и въ мысляхъ ни у кого не было смѣяться.

Было уже довольно поздно, когда въ нашу каюту явился какой-то обрусѣвшій нѣмецъ, содержащій буфетъ на новомъ пароходѣ. Онъ былъ не очень трезвъ, и сначала его выходни всѣхъ забавляли. Наконецъ онъ сталъ надоѣдать и, помѣстившись на одной скамьѣ, сталъ выкидывать такія штуки, которыя были уже просто нетерпимы и гнусны. Пробовали его унимать — но ни къ чему не поведо. Тогда нѣсколько человекъ отправились въ каюту помощника капитана, разбудили его и пригласили посмотрѣть на проѣзди буфетчика. Съ помощью прислуги его выпроводили изъ нашей каюты.

Провинциальный Корытниковъ тотчасъ же объявилъ, что онъ немедленно будетъ писать протестъ и кромѣ того въ одинъ голосъ съ юнымъ горцемъ поддерживалъ мнѣніе о составленіи акта и о внесе-

нимъ его въ пароходную книгу жалобъ, за подписью всѣхъ присутствующихъ.

И такъ, думалъ я лежать спать, — нуль спать, какъ слѣдуетъ: и скандалы есть, есть и протесты, и обличенія. Целойночи, господа!..

Утромъ большая часть моихъ спутниковъ смотрѣла грозно, точно всѣ въ Льва Комбака обратились. Въ головѣ каждого арбѣ громоуый протестъ. И все это противъ одного пьянаго буетчика!... Вотъ наконецъ явился король нами и самъ преступникъ, блѣдный, перепуганный, и начинается чуть не на кофѣнкахъ уговаривать общество не вписывать жалобы въ книгу. Обличителямъ данъ былъ случай немножко переговариваться, потолковать объ обязанностяхъ каждого относительно общества и пр. и пр. Ну, и порисовались, взявъ съ буетчика слово (о, востодумнѣ!) никогда больше не напиваться. Тотъ безъ сомнѣннй обѣщавъ, и обоимъ комедія была сыгранна.

О, милыя волшебныя степи! Перерѣзываютъ весь дннй европейскихъ телеграфныхъ столбовъ съ желѣзной проволокой, лежатъ на вѣстъ рельсы желѣзной дороги, пароходы мелькаютъ мимо береговъ вашихъ, а все-таки вездѣ и всюду слышенъ адѣсь вазахъ липовыхъ лаптей и роднаго дѣтца, слышенъ свой *собственный* родной запѣвъ, который не изгладитъ никакая паносная цивилизация... Ну, и отлично!..

Мы слова тронулись въ путь. Изъ Черноозерска (это все мифологическіе города пошли теперь, читатели!) на пароходѣ явились новыя пассажиры. Здѣсь слѣдуетъ эниездъ интересный только для меня, а потому... потому позвольте поставить адѣсь пѣськолко точекъ...

День уже погастъ, когда впереди въ вечернамъ туманѣ стала передъ нами выплывать городъ Приволжскъ—цѣль моего странствования, гдѣ мнѣ предстояло во-очію увидѣть настоящую коренную провинціальную жизнь. Я стоялъ на верхней площадкѣ парохода. Столбъ огненныхъ звѣздочекъ вырывался изъ трубы и рассыпался далеко сзади по темнымъ струямъ Волги. Впереди уже мелькали на берегу фонари пароходныхъ пристаней... Все яснѣе и яснѣе, на ясномъ горизонтѣ, вырисовывается темный силуэтъ горы, по которой разбросанъ городъ... Вотъ наконецъ пароходъ описываетъ обычный кругъ, приставая къ берегу... На палубѣ и въ каютѣ засуетились. Прощай, Амалать-Бекъ, прощайте, мои милые спутники!..

Я вышелъ на пристань, но оказалось, что на берегъ роднаго «городка» не такъ-то легко выбраться, благодаря непомѣрной грязи.

Я крикнулъ изводчика. Передо мной явился татаринъ громаднѣйшаго роста, настоящій живой минаретъ.

— Въ городъ что-ли, бачка. Давай я тебя свезу.

— Да гдѣ же твоя лошадь? Подѣзжай сюда къ мосткамъ: видишь какая грязь.

Но сдѣлать это было тоже невозможно: тутъ была такая топь, покрытая торчащими бревнами, что лошадь могла увязнуть или сломать себѣ ногу. Я палкой сталъ пробовать мою родную пѣчву: палка почти вся ушла въ землю. Я пришелъ въ отчаяніе и уже подумывалъ вернуться на пароходъ, чтобъ тамъ дожидаться утра, какъ мой татаринъ въ бѣдѣ нашелся.

— Подѣзжай мнѣ, бачка, на спину, я тебя до тарантаса на себѣ донесу.

Неожиданное предложеніе. Но раздумывать было нечего, и я, какъ на антресоли, взобрался на широкую, могучую спину татарина и благополучно совершилъ переправу. Тѣмъ же самымъ путемъ былъ переправленъ мой чемоданъ. Когда я наконецъ могъ опуститься на собственные ноги и ступить на сухое мѣсто, то невольно подумалъ о томъ: хорошо, что у насъ спины еще такъ крѣпки и такъ дешевы и на нихъ за гривенникъ можно совершить подобное путешествіе. Хорошо, что намъ ихъ еще подставляютъ, а то—что прикажете дѣлать въ подобномъ случаѣ? Вѣдь тогда уже буквально можно сказать, что человека родная почва засосала...

По длинному городскому спуску добрался я наконецъ до «городка». Было только десять часовъ, а въ городѣ стояла уже мертвая тишина. Въ окнахъ нигдѣ ни огонька; даже собаки лѣглись лаять. Будочникъ, преодолевъ дремоту, окликнулъ меня:

— Кто идетъ?

— «Здѣшній».

Боже ты мой! Неужели, въ самомъ дѣлѣ, я — *здѣшній*? Неужели?... Вѣдь, пожалуй это и справедливо.

Гдѣ я? скажетъ мнѣ каждый читатель, перенесенный въ городъ, ему рѣшительно незнакомый.

Гдѣ а? скажете мнѣ строгій педагогъ — географъ, знающій лучше своихъ собственныхъ зубовъ всѣ незначительныя мѣстечки и закоулки въ Россіи. Что за мистификація! развѣ существуетъ губернский городъ Приволжскъ?..

И тѣ, и другіе будутъ правы.

Какъ городъ, котораго нѣтъ въ календаряхъ, на географическихъ картахъ, Приволжскъ — городъ дѣйствительно мифологическій, не существующій, мною лишь измышленный. Но съ другой стороны, какъ художественный эскизъ, квинтъ-эссенція сорока, пятидесяти русскихъ городовъ, какъ характерный типъ, всѣмъ знакомаго, губернскаго города — Приволжскъ не долженъ казаться какимъ-то миеомъ или призракомъ, и съ этой стороны онъ стоитъ полного вниманія читателя. Если я самъ выдумалъ, выстроилъ этотъ городъ, то выстроилъ его изъ тѣхъ самыхъ кирпичей, изъ тѣхъ самыхъ элементовъ, изъ той самой грязи, изъ которыхъ слагались всѣ русскіе провинціальныя города.

Въ Приволжскѣ, какъ и во многихъ другихъ городахъ, есть соборъ, который часто подрашивается; есть присутственныя мѣста, которыя никогда не подрашаются. Тамъ, какъ и вездѣ, есть домъ умалишенныхъ, гдѣ сидятъ весьма благоразумные люди; есть многіе кабинеты и гостиныя, гдѣ въ качествѣ умныхъ людей дебутируютъ умалишенные. Тамъ, какъ и въ другихъ городахъ, находится *публичная бібліотека*, въ которой не бываетъ ни книгъ, ни публики. Тамъ существуетъ, какъ повсюду, клубъ, гдѣ гости до ужина *процурываются*, а послѣ ужина часто очень сильно *разырываются*. Тамъ есть французскія перчатки, нѣмецкія булки, англійскіе пиджаки, голландскія полотна и самыя свѣжія, самыя сочныя русскія сплетни. Въ Приволжскѣ бывають благотворительныя концерты и спектакли въ пользу богатыхъ нищихъ. Приволжскій умѣренный либераль, въ родѣ Брудершафта, однимъ глазомъ либеральничаетъ, а другимъ глазомъ проситъ взятку. Тамошній же консерваторъ проситъ взятку обоими глазами; а не дадутъ — самъ отниметъ. Приволжскія дамы только теперь дочитались до «Подводнаго камня» и поваренная книжка Авдѣевой смѣнилась для нихъ романомъ Авдѣева. Романъ пришелся имъ по вкусу, и онѣ въ запуски стали понижать своихъ мужей, имѣя впрочемъ въ виду, подобно Соковлиной, когда нибудь снова вернуться къ семейному очагу. Онѣ всѣ разбѣжались; остались одни старухи, отъ которыхъ мужья сами бѣгаютъ. Приволжскія барышни ничего не читаютъ; чи-

новники не читаютъ тоже, хотя и любятъ зачитывать книги. Однимъ словомъ, Приволжскъ—есть апофеоза всѣхъ провинціальныхъ городовъ.

Начнемъ же странствовать по этому фантастическому «городку», въ надеждѣ отыскать въ немъ всѣ зарождающіеся элементы провинціального прогресса... Но прежде всего я проношу ему привѣтственный романсъ, и потомъ уже отправлюсь въ прогулку.

И ВОТЪ ОНИ ОПЯТЬ ЗНАКОМЫЯ МѢСТА!..

(Провинціальный романсъ).

1.

Опять я вижу „Городокъ“!
Я въ долгій срокъ
Забуть тебя среди тревогъ
Никакъ не могъ.

2.

Пусть много слалъ я эпиграммъ
Твоимъ сынамъ,
Но—„храмъ оставленный—все храмъ“,—
Ты знаешь самъ.

3.

Я видѣлъ многіе края...
Гдѣ бъ не былъ я,
Къ тебѣ рвалась, любовь тая,
Душа моя.

4.

Насталъ мученикъ конецъ:
На твой сѣмлецъ
Я, возвратившійся бѣглець,
Сталъ наконецъ.

5.

Я отыскалъ здѣсь, твой поэтъ,
Прогресса сладъ;
Угла на свѣтъ краше нѣтъ,
Хоть ильъ весь свѣтъ!

6.

Бьется-ль стрѣль карриатуръ
Твоей самодуръ?

Теперь журнальный балагуръ
Страшить лишь дурь.

7.

Процесса вѣка новый духъ—
Ты не былъ глухъ:
Твой гражданинъ любой за двухъ
Бранился вслухъ.

8.

Отжившій откупъ падалъ въ прахъ—
Кричать вое: ахъ!..
Но заглушить умѣя свой страхъ
Ты на шрапхъ.

9.

«Отцы и дѣти» стали въ бой.
Предъ ихъ борьбой
Ты убавканъ былъ судьбой...
Сли, Богъ съ тобой!..

10.

Являлась гласность въ русскій миръ
Подъ звуки ширъ,
Но ты свершала обычный ширъ...
Тыя—твой кушуръ.

11.

О, ты, Евгений—Борода!
Прошли года—
Но мысль влекла меня всегда
Къ тебѣ сюда.

12.

Ты тотъ же все! Ты молодежь
Не станешь въ грошъ,
И каждый разъ, какъ въ классъ приходишь —
Мальчишекъ бьешь.

13.

Ты тотъ же все! Твоя рука,
Охъ, не легка!
Разить сильнѣе молотка
Она пока.

14.

А ты Вишнева—педагогъ
Все также строгъ,

Но кто бы винить бы это могъ
Тебѣ въ порокъ?

15.

Пусть много толкъовъ развелось—
Какъ мудрый Реѣсъ,
Ты заготовилъ цѣлый возъ
Отличныхъ лошъ.

16.

И сѣкъ, и сѣкъ, и сѣкъ, и сѣкъ
Ты цѣлый вѣкъ...
Ты сталъ великій человекъ
Между двухъ рѣкъ *).

17.

Я снова здѣсь... И адѣсь и тутъ—
Знакомый людъ...
Во мнѣ проснулся въ пять минутъ
Любовный зудъ.

18.

Родную грядъ я увидалъ,
Родной скамдалъ,
Родную пылъ я цѣловалъ
И зарыдалъ.

19.

Да, вновь я вижу «Городокъ».
Я въ долгій срокъ
Забуть его среди тревогъ
Никакъ не могъ.

Нѣкогда, во времена, принадлежащая по праву гг. Семейскому и Хмырову, Приволжскъ находился подъ горой и уже потомъ поне-многу доползъ до верха горы, до *спинца*, какъ говорятъ тамъ. Изъ этого, впрочемъ, нельзя сдѣлать заключенія, что тамошняя городская жизнь шла постоянно *въ юру*. Сохрани насъ Богъ отъ такой клеветы!...

Славлю русскую отвагу!
Не одинъ промчался годъ—

*) Фантастическій „городокъ“ стоитъ между двухъ рѣкъ.

Тѣмъ не двинулись на шагъ
Ни назадъ и не впередъ!..

Самыя его зданія, вмѣсто обновленія, только вросли въ благодатную почву и, какъ старики, отъ дряхлости становились годъ отъ году меньше и мизернѣе. Если же, какимъ либо чудомъ, и являлось въ городѣ какое нибудь порядочное зданіе, какъ напр. домъ дворянскаго собранія, то его запрятывали въ такой узкій переулочекъ, въ которомъ два провинціальныя кринолина при встрѣчѣ непременно сцѣплялись на абордажъ. А на площадяхъ въ то же время можно встрѣтить огромную каменную руину безъ крыши, обросшую мхомъ и крапивой, руину, которая, дожидаясь своего окончательнаго разрушенія, стоитъ тамъ, и ея пустыя оконныя ниши смотрятъ на васъ, какъ темныя впадины голаго человѣческаго черепа.

Майскій тихій день точно заснулъ надъ спящимъ городомъ. Старые, подгнивающіе домики смотрятъ тупо и уныло...

— Отчего же вы не разваливаетесь, милыя хижины? спрашиваю я ихъ.

Домики тоскливо позѣываютъ. — А, а, а!.. Развалились-бы, да лѣнь: и такъ простоямъ...

Впрочемъ, эти домики не прочь и обновиться нѣсколько. Мѣстный архитекторъ, передъ которымъ Хлестаковъ показался бы самымъ солиднымъ и правдивымъ человекомъ, клятвенно увѣрилъ ихъ, что каждый петербургскій домъ непременно имѣетъ особый подъездъ.

— Давай намъ особыя подъезды! взбалтнулись губернскія хижины.

Архитекторъ не заставилъ себя просить, и въ каждому домику съ обѣихъ его сторонъ пристроилъ такіе подъезды, что самыя домики совершенно подавлялись ихъ безобразной массивностью. За то—по модѣ!...

Вблизи самаго герода, еще не такъ давно, находился великолѣпный густой и тѣнистый городскій садъ. Но развѣ благоправная публика можетъ гулять по темнымъ аллеямъ? Вѣдь это все равно, что ночью по улицамъ ходить безъ мровжатаго! Садъ былъ постоянно пустъ и наконецъ, благодаря разнымъ мудрымъ распоряженіямъ, пошелъ, частью на педагогическія экзекуціи, частью на дрова, и теперь остается только одинъ уголокъ сада, предоставленный въ пользу боль-

ныхъ изъ дома сумасшедшихъ. Тамъ мелькаютъ теперь одни только бѣлые халаты...

А вотъ другой городской садикъ, котораго подстриженная лиловая зелень похожа на какіе-то рыжіе бакенбарды. Нѣсколько акацій, нѣсколько куртинонь и—ни одной души по дорожкамъ. Только воеводская корова, съ полнымъ сознаниемъ своей власти, пощипываетъ на лугу травку... А тутъ черезъ улицу тянется бульваръ; пылъ стоитъ надъ нимъ облакомъ, а въ пыли гуляютъ провинціальныя обитатели обоюго пола.

Скука, торжественная скука сквозитъ сивозъ каждую кисейную занавѣску на окнѣ, изъ подъ каждаго козырька и шляпки. Чтобъ хоть нѣсколько отдѣлаться отъ этой скуки, приволжскій юноша ежедневно, по длинному 5-ти верстному «спуску», сходитъ подъ гору къ парходной пристани, поплеывая посмотреть на рѣку, спугнетъ камешкомъ воробья, взглянетъ: нѣтъ-ли прѣзжихъ въ городъ, и потомъ тою же дорогой возвращается въ городъ. Веселье...

Но какъ не мирно и тихо это захоlustье, а струя *нового* воздуха забралась и сюда... Бывало, прежде взойдешь въ прихожую любаго *барскаго* дома и найдешь въ ней пять-шесть гайдуковъ. Теперь тамъ часто и одного гайдука не встрѣтишь... Не встрѣтишь во 1-хъ потому, что прислуга нынче жалованье непременно требуетъ (о, неблагодарная!), а даромъ служить не хочетъ, а во 2-хъ иной, милостивый господинъ, такъ хорошо зарекомендовалъ свой норовъ, что прислугу и найти съ трудомъ можетъ. Ну, и нѣтъ гайдуковъ, ну, и прогрессъ, значитъ...

— Велите заложить лошадей, — кричитъ Гонорарій Ивахвѣевичъ: *миланску*—въ корень и *шалуну* на пристяжку.

Оказывается, что лошади не запрягаются, потому что кучеръ, получившій вмѣсто денегъ *ручное* внушеніе, лошадей бросилъ и пошелъ жаловаться...

Гонорарій Ивахвѣевичъ вдыхаетъ четырехъ-этажнымъ вздохомъ и раздражается, по обыкновенію, удобопонятнымъ монологомъ:

— Я докажу, что баринъ и его кучеръ есть двѣ видимыя идеи невидимаго абсолютнаго конкрета, и изъ невидимаго я сдѣлаю видимое, потому что ложь подчинится истинѣ, истина субъекту, а субъектъ—мнѣ».

За тѣмъ выпивается стаканъ воды, и послѣ декламациі Гонорарій

Ивахвиновичъ самъ идетъ закладывать лошадей, а цыганщина сажаетъ на возы вмѣсто кучера.

Новый порядокъ вещей смутилъ землевладельцевъ, но они искренно вѣрятъ, что это порядокъ временной, переходный.

— Вѣдь это—мы вѣдь понимаемъ—все только на время!—он-лосоествуютъ они. Пройдетъ годъ—другой, и все пойдетъ по старому. Поэтому, они о будущемъ не думаютъ, живутъ очертя голову, а долги растутъ, растутъ...

— Миѣ нужно, говоритъ губерпская львица своему супругу, — миѣ нужно непременно къ благотворительному спектаклю сшить себѣ бархатное платье.

Находчивый супругъ продаетъ за безцѣнокъ десятину земли, и бархатное платье является. Иванъ Плантадоровичъ Бурьяновъ до сихъ поръ не можетъ переварить своего новаго положенія и каждый день чего-то все ждетъ, упорно ждетъ. Онъ тоже ждетъ, что все будетъ по старому.

Является въ его комнату прислуга. Онъ придумалъ ей ядовитое названіе.

— Эй, ты! *Эманципация!* Трубку подай.

Сарказмъ, достойный русскаго помѣщика!.. У всѣхъ у нихъ, какъ у г. Фета, непременно есть *свой собственный* работникъ Семенъ, котораго призракъ преслѣдуетъ ихъ денно и ночью. А гуся? и за гусями дѣло не станеть.

— Я нигилистъ! кричатъ одинъ юноша, страдающій хроническимъ насморкомъ и тупоуміемъ, юноша, изгнанный изъ одного учебнаго заведенія за весьма гнусное дѣло. И вотъ онъ, чтобъ доказать, что онъ *все отрицаетъ* — собственноручно прибилъ своего родителя.

Провинціальныя «отцы» обрадовались такому случаю, чтобы пококетничать.

— Вотъ онъ — новый-то вѣкъ! вотъ они — новые люди!

О, вы почтенныя «отцы»! Богда же вы поймете, что нѣтъ ничего общаго между этимъ *мыслью* вѣкомъ и подобными мѣдными лбами. Такъ чему же вы возрадовались?.. Вѣдь метрическое свидѣтельство въ молодости еще не даетъ права на названіе «новаго» человѣка. Это ваше же собственное старье, ваши же обноски... Эхъ, вы!..

Моя майская палуба продолжается. И иду по фантастическому городу и слышу за собой чьи-то шаги: то бываю невидимый проводникъ мой, духъ, закованный сопутствовать мнѣ въ моей прогулкѣ.

Иду. Фантастическій городъ
Купается въ мертвой цыдѣ.
Рѣка, разливаясь широко,
Сверкаетъ на солнцѣ вдали.

Иду. Фантастическій городъ
Мнѣ кажется страненъ и дикъ,
И шествуетъ рядомъ со мною
Таинственный мой проводникъ.

— Скажи мнѣ, кто ты, невидимка?
За чѣмъ среди бѣлаго дня—
Куда бы не шель я — повсюду
Вездѣ провожаешь меня?..»

проводникъ.

Если вѣрить всемъ слухамъ
И болтавымъ старухамъ —
Прежде я былъ злымъ духомъ
И леталъ безъ пріюта въ эфиръ.
Зло я сылалъ повсюду,
И славянскому люду
Я поставилъ въ причуду—
Давать все неприятели въ мѣръ.
Я леталъ надъ вселенной
Одинокій, надменный,
И былъ злымъ разрушителемъ бѣсомъ;
Я слонялся въ пародѣ,
Слышалъ «пѣсни къ природѣ»,

Хохоталъ надъ мишурнымъ прогрессомъ.
Такъ блуждалъ я въ русскомъ мѣрѣ
Безъ пріюта долгій срокъ.
Вдальъ снѣжный край Сибиря,
Берегъ Камы, Клязьмы, Свиря,
Наконецъ, скольымъ въ эфиръ,
Залеталъ я въ «Городокъ».
Духъ свободный, духъ бездомный,
Я инымъ здѣсь скоро сталъ;
Этой почвы черноземной
Я вліянье испыталъ.

Отрицанье и сомнѣнье,
 Желчь мою и грекшій жаръ
 Новымъ игомъ усмирили
 Уничтожилъ въ тѣ мгновенья
 Спячки нравственный кошмаръ.
 Такъ я жилъ здѣсь и — (смѣшно вѣдь!)
 Самъ, какъ люди, опошдѣлъ,
 Научился лишь злословить,
 Ненавидѣть не умѣлъ.
 Превратахъ свѣтъ не отдалъ въ брудъ
 Съ демоническою враждой,
 Я, какъ прочіе всѣ люди,
 Былъ засосанъ здѣсь средой.
 Этотъ міръ патріархальный,
 Я люблю, — къ нему привыкъ.
 Изучалъ его всѣ тайны
 Я, твой бѣсъ провинціальныи,
 Твой случайный проводникъ...

Я иду и мой проводникъ отъ меня не отходитъ. Мимо насъ промчалась коляска: въ ней мелькнула борода и женскій зонтикъ.

— Кланяйся и благоговѣй: это Глупецкой — звезда первой величины между нашими губернскими звѣздами. Онъ ѣздитъ въ коляскѣ, которую онъ называетъ *тѣмской*, но это по ошибкѣ, потому что она не столько *тѣмская*, сколько *дере-венская*. Этотъ субъектъ, представляющій изъ себя только модель человѣческаго образа, постоянно развлекаетъ свое человѣческое достоинство тѣмъ, что окружаетъ себя цѣлою сворою шутовъ и бездѣльниковъ. Для потѣхи завелъ онъ даже шутиху, которую заставлялъ зубами вытаскивать изъ чашки, наполненной гущею, гривенники. Выудить она такимъ образомъ гривенникъ — ну и весело... Счастливецъ Глупецкой! Промотаеть состояніе — а тутъ фортуна ему другое подъ руки богатство посылаетъ.

Его сгубили бѣ вѣрно въ годъ
 Долговъ безумные итоги,
 Но для счастливца нѣтъ невгодъ:
 То — смотришь — бабушка умереть,
 То — дѣдушка протянетъ ноги.

Какой-то губернский зонякъ ему и эпитафію еще при жизни приготовилъ:

Вамъ эпитафія готова:
 Фортуны баловень и мотъ;
 На лбу написано два слова:
 Аристократъ и шдіотъ.

Мы проходили въ это время мимо одного большаго деревяннаго дома. У его подъѣзда чичероне мой остановилъ меня.

— Здѣсь живетъ миллионеръ и притомъ—россійскій поэтъ. А говорятъ еще, что поэты люди не практическіе? Положимъ, писалъ онъ вирши прескучные, но вѣдь эти вирши въ галаховскую литературную богадѣльню попали, въ школахъ ихъ навзусь долбить заставляють. А по моему, онъ такой же стихотворецъ, какъ нашъ городской дурачокъ Тороповъ, который постоянно потѣшалъ насъ наборомъ риемъ. Встрѣтишь его, бывало:—ну-ка, батюшка, скажите экспромтъ. Тотъ не заставляеть ждать, и хриплымъ голосомъ экспромтуеть:

Я шелъ по улицъ
 Тише курицы,
 Меня ударили палкой—
 Я пустился летѣть галкой.

Чѣмъ же отсталъ отъ него нашъ новѣйшій галаховскій виршепельтъ? Ну-ка, полюбуйтесь вотъ на это.

И проводникъ мой указалъ мнѣ на дверь огромнаго подъѣзда. На ней висѣла мѣдная дощечка, но на дощечкѣ вырѣзана была не фамилія хозяина дома, а цѣлое четверостишіе. Не вѣрю своимъ глазамъ и читаю надпись (передаю слово въ слово):

Желаете-ль войти?—звоните!
 Но если не придуть на звонъ,
 Билетикъ въ ящикъ опустите:
 Въ самихъ дверяхъ устроень онъ.

Мой проводникъ тихо засмѣялся и проговорилъ за мои плечомъ:

Писать желаешь безъ потери—
 Пиши стихи хоть круглый годъ
 И прибывай къ подъездной двери:
 Тогда стихи, по крайней мѣрѣ,
 Прохожій каждый перечтетъ.

О приволжскій стихотворецъ! продолжалъ онъ.—Ты меня рѣшительно вдохновляешь.

Твой стихъ, ей Богу, слаще вишенъ,
Пріятнѣй аромъ онъ звучать...
Клянусь! и самый Ознобашинъ
Такихъ стиховъ не сочинять.

Вѣдь онъ у насъ прозой совсѣмъ брезгаетъ; стихами своими, говорятъ, роднаго сына съ ума свелъ. Увѣжалъ, напр., недавно начальника нашъ изъ городка въ Петербургъ. Пинта не дремалъ, и думая:

Авось представить онъ къ крестяшкѣ или къ мѣстечку,

отправился къ пароходной пристани для проводовъ. Явился на пароходъ начальникъ. Тотъ къ нему. Желалъ, говорить, проводить васъ и пожелать вамъ счастливаго пути. Позвольте мнѣ на дорогу предложить вамъ корзинку неаполитанскихъ плодовъ (т. е. апельсиновъ), перевезенныхъ въ нашъ холодный сѣверъ.

Передастъ онъ начальнику корзинку плодовъ, а сверху плодовъ лежатъ листъ бумаги.

— Это что такое?

— А это напутственный привѣтъ моей скромной музы, которая плачетъ объ отъѣздѣ вашего пр—ства...

Скромная муза начинаетъ свой плачъ такимъ образомъ:

Волна умчить тебя отъ этихъ береговъ,
Не будетъ нашего начальника и друга,
Примѣже отъ меня корзинку сихъ плодовъ,
Взлежянныхъ подъ жаркимъ небомъ юга!

Не успѣлъ я опомниться отъ этихъ стиховъ, какъ былъ перенесенъ въ залу другаго дома. Вокругъ меня запахло резедой, болонками и тѣмъ букетомъ, который неразлученъ съ старыми дѣвами.

— Приготовьтесь, шепнулъ мнѣ проводникъ:—вашей барабанной перепонкѣ предстоитъ сильная работа. Здѣсь обитаютъ

• Отрывки всѣхъ губернскихъ чувствъ и мнѣній •

двѣ барыни-сестрицы. Одну изъ нихъ вездѣ принимаютъ, хоть и тер-

пѣть не могутъ, потому что у нея есть своя карата («карата», какъ произносятъ она), и потому, что она всѣмъ проигрываетъ къ караты. Другая... другая сама принимаетъ, но только не гостей, а какія-то лекачества отъ какихъ-то ведуговъ.

Вотъ мертвый воздухъ въ залѣ заголубался, въ комнатѣ еще сильнѣе запахло резедой и старыми дѣвами, дюжина собачекъ заились злобнымъ лаемъ, и двѣ руины въ шелковыхъ платьяхъ затрещали, заголосили... Романы о собственномъ эдоровѣй иѣнялись съ городскими слухами, вопросы смѣнялись отвѣтами, и Бѣбчнскій съ Добчинскимъ, въ жеманнхъ юбкахъ, занялись немолчимымъ «языкоточаніемъ», перебивая и подсказывая другъ другу. Мнѣ хвалили «Марево», просили непременно прочесть «Подводный камень» (непременно прочту), угощали сладкимъ чаемъ, горькими сигарами, о чемъ-то всхлипывали, что-то превозносили... Моя голова закружилась... дальше я ничего не помню. Помню только, что болонки опять заились, снова запахло резедой, и я, какъ сумасшедшій, выскочилъ на улицу.

Новые тѣни фантастическаго «городка» стали проходить паредо мной. Я вижу себя въ домѣ губернскаго концертиста, актера-любителя и адвоката, который не умѣетъ счесть на рукѣ десять пальцевъ, во-первыхъ, потому, что у него нѣтъ десяти пальцевъ, а во-вторыхъ, потому, что со счету постоянно сбивается.

— За то онъ адвокатъ у насъ ловкій, подсказываетъ мнѣ мой неутомимый проводникъ. Содержатель одного галантерейнаго магазина, по дѣлу съ своимъ прикащикомъ, пригласилъ его быть адвокатомъ. Онъ согласился, и взялъ съ него приличное вознагражденіе. Прикащикъ обратился къ нему съ тою же просьбою, и тоже далъ ему приличное вознагражденіе. Смазанный съ обѣихъ сторонъ, онъ ихъ обѣихъ тоже смазалъ: будутъ долго помнить!..

А между тѣмъ кругомъ меня въ залѣ концертиста-адвоката шумѣли гости. Началась картежная игра. Шумъ, споръ изъ-за 20 к. Баринъ обидѣлъ барыню... барыня дала ему за это надлежащую пощечину, баринъ въ свою очередь прибѣгнулъ къ заушенію и выбросилъ ее за окошко... Шумъ, крики, бѣготня...

— Что же это такое вокругъ меня дѣлается? На яву ли я?

— Это у насъ часто бываетъ, угѣшалъ меня мой проводникъ. Мы—люди необидчивые, обидѣ долго отъ ближнихъ не поминимъ, потому что сами ихъ обижать не прочь на каждомъ шагу.

— «Всѣ мы люди—всѣ человѣки», говорятъ здѣсь одинъ комис-

саріатскій ораторъ, страдающій отъ подагры и зажіренія мозга. — Всѣ мы имѣемъ недостатки, а потому должны быть снисходительны къ человѣческимъ слабостямъ.» Сказано это было имъ вотъ по какому поводу. Видите вы вонъ эту приволжскую тигрицу? Вотъ эта самая барыня сидѣла однажды въ театральнѣй ложѣ одна. Вдругъ къ ней врывается въ ложу одинъ комиссаріатской Бахусъ, обвиняетъ ее и свое объятіе завершаетъ публичнымъ подалуежъ... Что-жъ вышло? Ничего, сударь, не вышло. «Всѣ мы люди—всѣ мы человѣки» — рѣшило общество. Цѣловальникъ и теперь служить и комиссаріату, и Бахусу — вмѣстѣ...

Полечать—вылечать, авось.

По моему даже, говорюжъ мой спутникъ, и лечитъ не слѣдуетъ для сокращенія мѣстнаго поларкта. Посудите вы сами: жилъ у насъ тутъ боляринъ З. Бывало, выглянешь утромъ въ окошко—и чудная картина представится. Блудъ на улицѣ бараніе терантасы, на нихъ сидятъ, поддерживаемый газачкомъ, боляринъ З., въ первобытномъ костюмѣ Адама и на всю улицу бранитъ свою супругу. Прелестная картина! Что же вышло? Прежде человекъ свой титъ имѣлъ; свою экономію, а теперь вотъ полечили его—онъ и всякое животное теряетъ. Сидитъ гдѣ нибудь въ углу, сморкается, кашляетъ, да трубку сосетъ. Сосетъ и погубилъ барина!..

Впрочемъ, и то сказать, какъ и чѣмъ лечитъ. Есть тутъ у насъ одинъ врачъ-магнетизеръ. Лечитъ онъ въ больницѣ одного учебнаго заведенія и методу своего леченія упростилъ до месъ рѣца шѣте...

Приходитъ къ нему ученикъ.

— Что у васъ болитъ!

— Зубы; десна опухла.

Врачъ прописываетъ ему рвотнаго.

— У васъ что? спрашиваетъ другаго больнаго.

— Горло болитъ: глотать не могу.

— Примите ложку английской соли.

Такимъ образомъ рвотное и слабительное—его единственный медицинскій репертуаръ. Однако, ничего, выдерживаютъ...

А въ частномъ учебномъ заведеніи. Передо мной проходитъ рядъ твоихъ дѣданій, чадолюбивый менторъ Вашневва. Не даромъ же, въ самомъ дѣлѣ, на столѣ твоемъ постоянно лежить новый номеръ «Домашней Бесѣды», на поляхъ которой ты дѣлаешь карандашномъ поощрительными отиѣтки. О, цѣломудренный педагогъ! Кто можетъ оцѣнить тебя и почтить достойной похвалою?

Вотъ онъ является на экзаменъ геометріи.

— Возьми-ка билетъ, да рассказывай, что тамъ у тебя, говорить онъ одному ученику.

Ученикъ выходитъ къ доскѣ и начинаетъ отвѣчать по чертежу.

По ессзнающій педагогъ находчивъ и останавливаетъ его.

— Хорошо, хорошо, да ты что мнѣ по рисунку-то рассказываешь! Ты говори, какъ въ книжкѣ писано, безъ маранья по доскѣ.

Ученикъ отъ такого требованія становится въ туникъ и не можетъ скрыть улыбки.

— Ты, шельма, что улыбаешься? Учить, что-ли, меня выдумалъ? Ты кто такой? Кто твой отецъ? *мичій*. Мать твою *яблоками торжосала*.

Лицо Вашневки отъ злости вытягивается въ геометрической треугольникъ.

Вопросъ этого мудраго педагога напоминаетъ намъ другаго наставника, который, увидя въ классѣ на доскѣ хронологическую таблицу, гдѣ между прочимъ стояло имя Карла XII, принялъ римскія шоры за буквы *X* и *H*, и погодя, воскликнулъ:

— Этому болвану нель нужно поставить: имени Карла *XII* ни въ какой исторіи не встрѣчается...

Какъ думаетъ Вашневка: есть ли Карлъ *XII* въ исторіи или нѣтъ?

Вотъ о зрительныхъ трубахъ онъ такъ очень дурнаго мнѣнія: онъ думаетъ, что онѣ сильно портятъ нравы его питомцевъ. Баникъ путемъ онъ дошелъ до такого умосаключенія, никто не вѣдастъ. Однѣжды онъ поймалъ съ такой трубой одного воспитанника и набросился на него, какъ на преступника.

— Розогъ сюда! крикнулъ онъ, и только по вращенному великодушію замѣнилъ это наказаніе карцеромъ.

Ежедневно, едва настанетъ ночь, Вашневка отправляется въ комнату, гдѣ спать ученики и вынимаетъ изъ ихъ платья шортъ-сига-

ры съ папиросами. Папиросы выкуриваетъ самъ, а портъ-сигары оставляетъ себѣ... на память.

Обходитъ онъ лазаретъ. Останавливается около постели больного и привѣтствуетъ его такъ:

— Ты ужь очень долго залежался; на тебя, братецъ мой, много лекарствъ выходитъ. Изволь-ка сегодня выписаться и маршъ — въ классъ.

Ну и выписывается... О, иллюзия! куда ты занесла меня?..

Вслѣдъ за коренастой фигурой этого педагогическаго Собакевича, мимо меня проходятъ другіе фигуры. Вотъ толстенная, вѣчно крадущаяся фигура младшаго учителя словесности, который до того разсѣянъ, что лѣтъ 15 тому назадъ, гдѣ-то въ гостяхъ, обронилъ свои умственные способности, да такъ съ тѣхъ поръ и пробивается на свѣтъ.

Однажды въ его классъ является ревизоръ. Грозный для учениковъ, наставникъ совершенно растерялся передъ начальникомъ. Попробовалъ залѣзть въ собственную шляпу—не могъ, и тогда въ поныхъ онъ спрятался за классную дверь.

— Г. Наставникъ! Пожалуйста сюда! вызывалъ его ревизоръ.

За дверью молчаніе. Кое-какъ наконецъ его вытащили изъ засады.

— Сколько лѣтъ вы на службѣ?

— Я-съ?.. Пятьдесятъ два года...

— Который же вамъ годъ...

— Двадцать шесть лѣтъ... будетъ въ этомъ.. году.

Ревизоръ только пожалъ плечами и развернулъ классную книгу. Тамъ между прочими отиѣтками стояла такая. «Воспитанникъ N. велъ себя непринично въ классѣ и *дѣлалъ штуки кулакомъ въ юрль.*»

О, приволжская педагогика! Вотъ наконецъ до какихъ «штукъ» дошла ты!..

Есть такъ педагоги и въ другомъ родѣ. Одинъ изъ нихъ вынулъ у ученика въ классѣ окурочъ папироса. Улыбается.

— Это что у тебя такое?

— Папироса.

— Возьми жь ты ее и съѣшь сейчасъ, а не съѣлаешь этого — Вышесекъ слажу: выбирай любое.

Окурочъ былъ съѣденъ, и педагогъ восхищенъ собственными своими остроуміемъ.

Нить, конь, скверъ конь для стѣнъ этого заведения, гдѣ обучаютъ юношество и заставляютъ его во приближеніе резать газеты инапрасно шурш..

Переношусь въ провинціальный будуаръ приволжской благотворительницы, которая взяла на себя трудъ раздавать деньги, собранныя со спектакля въ пользу бѣдныхъ.

Къ ней являются просительницы—разныя приживалки и сплетницы, и получаютъ отъ нея деньги. Входитъ новая посѣтельница, женщина бѣдная, больная, у которой куча дѣтей. Она объясняетъ благотворительницѣ свое положеніе и говоритъ между прочимъ, что она выдастъ свою дочь замужъ.

— А за кого же вы выдаете вашу дочь?

— Да за одного ремесленника, матушка.

Благотворительница съ достоинствомъ приподымается.

— Какъ же вы смѣли обратиться ко мнѣ за помощью, когда рѣшаетесь выдавать свою дочь за какого-то ремесленника?!.. Я помогаю только *благороднымъ*...

Ай-да, распорядительница!..

На стѣнѣ огромной, полуразвалившейся будки, мазываской городскимъ театромъ, я увидалъ афишу, гласившую о представленіи спектакля — любительскій. Неужели же не быть? Вхожу. Публика уже съѣзжается. Доски корридоровъ и убогихъ лѣстницъ скрипятъ подъ ногами и словно умоляютъ не ходить по нимъ. Театръ освѣщенъ люстрой или вѣрнѣе большимъ ночникомъ съ двумя дощками свѣчей. Стѣны театра колеблются такъ же, какъ и театральныя занавѣсы. Въ ложахъ идетъ возня о стульяхъ, на которыхъ по немъ невозможно, никто не рѣшается сидѣть. За стульями посматриваютъ на сосѣднихъ домахъ. Несчастныи оркестръ играетъ вальсъ *Нитраса (Solonen)*. Публики мало; но корридорамъ бродитъ вѣтеръ и слышная прислуга. Занавѣсы наконецъ поднимаютъ, сначала до половины только,

(задержанъ и бѣготня за кулисами) потому блокъ пришелъ въ дѣйствіе, занавѣсъ втащили доверху. На сцену, разумѣется, является неизбѣжный Андрей Степановичъ Бука. Какъ азбуку начинаютъ учить съ *Азъ* и *Буки*, такъ и провинціальныя «любители» безъ *Азъ* и *Фертъ* и безъ *Буки* — шагу не сдѣлаютъ. Букой нарядили какого-то господина, котораго какъ будто только сейчасъ вытащили изъ кладовой, гдѣ онъ хранился многіе годы. Ни одинъ мускулъ на лицѣ не двигался, голосъ не слушался... Бѣдный! Его было очень жалко!.. А вѣдь, говорили еще, что онъ присяжный актеръ — любитель!..

— Вотъ Анну Львовну такъ на славу съиграетъ Пр. И-вна... говорилъ мнѣ на ухо сосѣдъ по вреслу.

— Почему же вы думаете?

— Какъ кочему? Вѣдь она внучка знаменитой актрисы, батюшка мой.

— Такъ что-жъ изъ этого?

— Значить — кровь одна въ жилахъ течеть...

Другъ мой! подумалъ я, можетъ быть и твой дѣдушка былъ премнѣйшій человекъ, а ты вотъ баранъ бараномъ.

Вотъ вышла Анна Львовна, сконфузилась и разсердилась на самое себя за это. Въ самомъ дѣлѣ, она — губернская львица, она — внучка знаменитой актрисы, растерялась передъ этой чумазой приволжской публикой, растерялась въ этомъ балаганѣ! О, стыдъ!

Анна Львовна начала ломаться. Андрей Степановичъ Бука все еще не могъ расправить своихъ членовъ. Веселая и оживленная пьеска прошла скучно и вяло.

За тѣмъ слѣдоваль водевилъ: «Несчастіе особаго рода». Нужно имѣть особый талантъ бездарности, чтобъ выбрать для сцены такую пьесу, которой содержаніе невозможно запомнить, потому что его нѣтъ въ ней. Цѣлыхъ два часа идутъ разговоры: говорить о чемъ-то мужъ, жена говорить о чемъ-то, дядя начинаетъ говорить, потомъ всѣ вдругъ говорятъ разомъ и — занавѣсъ опускается. Спектакль кончился. Публика бѣдетъ домой. Опять скринать лѣстницы и половицы. Огарки на люстрѣ гаснуть...

На другой день въ губернскихъ вѣдомостяхъ актерамъ — любителямъ покоя многія лѣта, особенно внучкѣ великой актрисы.

Пре́до мною мрачный и безмолвный замо́къ, въ которомъ проживаетъ Евгеній-Борода, гаситель приволжскаго образованія. Сумрачно и вѣчно чѣмъ-то озабочено его лицо, но эта заботливость обманчива. Напрасно члены правленія представляютъ ему проекты о разныхъ преобразованіяхъ, Евгеній-Борода кладетъ ихъ подъ сукно, а самъ... самъ онъ вотъ чѣмъ занимается свои досуги.

Страдая постоянной боязнью смерти, Евгеній-Борода бродитъ взадъ и впередъ по комнатамъ и косится на мебель, въ которой видитъ врага, готоваго посягнуть на его драгоценную жизнь. Останавливается онъ передъ шкапомъ. — «Вотъ, думаетъ, самый злѣйшій врагъ мой! Сдѣлаю онъ изъ сыраго дерева, да притомъ и тяжеловатъ: какъ разъ полъ продавить. Что тогда будетъ со мной? Слѣдовательно, шкапъ нужно сдѣлать новый...»

Призываетъ столяра и заказываетъ ему другой шкапъ. Шкапъ сдѣлаю; пришли устанавливать. Начинаетъ онъ его обнюхивать и вдругъ съ ужасомъ всплеснулъ руками.

— Что вы, разбойники, со мной дѣлаете? Вѣдь это дѣсь сырой, а угорѣть могу! уморить меня угаромъ что-ли хотите?

Приносятъ наконецъ сухой, *подходящій* шкапъ. У Евгенія-Бороды дѣла по канцеляршн — гибель, но теперь ему не до дѣлъ: въ шкапу нужно посуду устанавливать. Разставитъ онъ по полкамъ чашки, отойдетъ въ сторону и полюбуется; недоволенъ симметрией — снова начинаетъ переставлять. Наконецъ придумалъ художественную расстановку чайниковъ. Начинаетъ онъ обучать своего прислужника.

— Вотъ, братецъ, ты разставляй всегда такъ чайники, чтобъ дудочка приходилась къ дудочкѣ, дырочка къ дырочкѣ. Понялъ-ли? Ну, оставь теперь самъ.

Прислужникъ исполнилъ операцію, повторяя вслухъ чайный аоризмъ своего наставника.

— Ахъ, ты бѣсъ окаанный! Развѣ ты смѣешь меня передразнивать... Воду толочь заставляю!... За тѣмъ слѣдуетъ лупка.

Пьетъ Евгеній-Борода чай — и привередничаетъ. Положить сахару много — вылетѣть въ полоскательную чашку, не сладко — туда же. Забравованное пойло это соблазнило его прислужника, и онъ началъ выпивать эти помои.

— Какъ? послѣ меня съ своимъ рыломъ смѣешь соваться?

Этого Борода вынести не могъ и придумалъ наказаніе за подоб-

ное оскорбленіе: подсыпалъ въ чашку пухательнаго табаку. Последствія, разумѣется, очевидны.

Не понравилось Евгенію-Бородѣ новое платье. Что жъ съ нимъ дѣлать? Другому отдать нельзя, потому что не родился еще тотъ смертный, который достоинъ носить платье съ его плечъ. И вотъ онъ запирается и сжигаетъ платье въ печь. А у дверей дожидаются бѣдняки-просители, которымъ нечѣмъ замѣнить свое рубище. О, благодѣтель, благодѣтель!...

Ученики его заведенія снесли послѣдніе грѣши, чтобъ выписать нѣсколько журналовъ. Узналъ онъ объ этомъ.

Отобрать у нихъ книги. — Книги отобрали. Между прочими была выписана исторія Шлоссера. Борода раскричался. — За чѣмъ допустили выписывать такую *ересь*? Не давать этого сочиненія молодкосамъ.

Взамѣнъ Шлоссера выписалъ онъ имъ Русскій Вѣстникъ, да и те съ правомъ молчать на свое имя. Просмотреть и отдать. Попадаетъ ему тамъ однажды статья о современномъ воспитаніи — и баста! послѣднихъ номеровъ не выдалъ. Но, должно быть, сообразилъ, что не у него, тамъ въ другомъ мѣстѣ достанутъ журналъ — ну, черезъ пять мѣсяцевъ и выдалъ книжки. И за то спасибо!..

Задумалъ онъ самъ завести библіотеку по своему вкусу. Велѣлъ составить списокъ книгамъ. Каталогъ былъ сдѣланъ, и въ него вошло нѣсколько дѣльныхъ книгъ. «Пока только цѣна этихъ книгъ неизвѣстна», заявили ему.

— Ну, и отлично: мы *кстати* и вычеркнемъ эти книги изъ каталога, чтобъ меньше хлопотъ было.

Дѣльныя книги были исключены, а на мѣсто ихъ поставлены книги въ родѣ «Аввы Дорофея.» Проницательный Евгений-Борода даже въ учебникѣ Шульгина откопалъ ересь. О Лермонтовѣ, Гоголѣ, Пушкинѣ и Бѣлинскомъ и заикаться не велѣлъ. Одного наставника на экзаменѣ распушилъ за то, что онъ Бѣлинскаго — назвалъ первымъ критикомъ. Исторію литературы и философіи наставникамъ читать строго-на-строго запрещалъ. Даже въ скудную городскую библіотеку, гдѣ библіотечаремъ его подчиненный, Борода проникъ съ своимъ гасильникомъ и наставлялъ его, чтобъ онъ сочиненія классиковъ и другія непотребныя книги итенцамъ его не давалъ. Одна «Домашняя Бесѣда» была у него долгое время въ почетѣ, но наконецъ и В. И. Аскоченскаго заподозрилъ онъ въ нигилизмѣ.

О, Евгений Борода! Не даромъ же твои собственные вавреты сочили анекдотъ о прохожденіи тьмы. «Дуетъ Борода — ну, вотъ и тьма....»

Инспекторъ заведенія провинившимся ученикамъ дѣлаетъ ихъ offi-сio выговоры. Борода же на тѣлесныя наказанія напираетъ.

— «Посѣкать ихъ, посѣкать ихъ! одно потребно!

Сидитъ Евгений-Борода дома и занимается рѣшеніемъ дѣлъ. Приносятъ ему бумаги, гдѣ нужно только резолюцію положить. Сидитъ онъ и размышляетъ цѣлое утро: что лучше изобразить — *исполнить* или *разрѣшить*?

Трудно, очень трудно рѣшать дѣла Евгению-Бородѣ...

А то вдругъ запятая не на мѣстѣ стоитъ: — переписать бумагу, да такъ разъ по пяти или шести она и переписывается. Дѣло, значить, быстро подвигается...

Одинъ наставникъ, читая въ классѣ допотопную книгу Петра Могилы, подсластилъ немножко эту мертвячину. Фискалы (ихъ-ли тамъ нѣтъ!) нашептали объ этомъ Бородѣ. Тотъ и сдѣлалъ въ формулярѣ педагога такую дипломатическую отмѣтку: «поведенія *неблагонадежнаго*». Такая аттестація преградила послѣднему ходъ по службѣ, и онъ съ 21 р. остался, какъ ракъ на хели.

Въ его заведеніи математика подвигается плохо. Евгений Борода науку эту почему то сильно не одобряетъ. Поэтому постоянная смѣна учителей. Прислали одного. Пробылъ онъ нѣсколько времени; наконецъ случилась ему надобность отпускъ взять. «Не пустить, думаетъ, меня Борода...»

Подаетъ онъ просьбу.

— А по какому онъ предмету? справляется Евгений Борода.

— По математикѣ.

— А хоть бы его и совѣтъ не было! Пусть убирается, куда хочетъ.

Но не довольно-ли, не слишкомъ-ли довольно, любезный читатель? Пора перестать бродить вжѣстѣ съ вами по фантастическому «городку.» Милая, дорогая дѣйствительность лучше всякой фантазіи. Посмотрите, напр., какъ хорошо въ волжскихъ берегахъ, откуда г. Сварятинъ пишетъ свои провинціальныя письма. Все тамъ прелест-

но, по его паблюденію, кромѣ... кромѣ безправственныхъ бурлаковъ. Кабаки... пьянство... отдѣлываетъ же ихъ г. Скарятинъ.

«У меня достало терпѣнія (пишетъ онъ) простоять, съ часами въ рукахъ, цѣлыхъ 20 минутъ передъ дверью одного кабака (въ Рыбинскѣ), и что же? Непрерывной вереницей тянулся этотъ народъ въ кабаки и изъ кабака....»

Итакъ, не будь тамъ бурлаковъ, и тамъ бы мы нашли новый эдежъ.

Заключу на этотъ разъ свой дневникъ припрямляющими провинціальными романсами. Да умротворять они душу моихъ читателей.

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ РОМАНСЫ.

1.

Пусть на солнцѣ много паять, —
 Всѣ мы — чисты такъ.
 Только грязень, неопрятень
 (Пишешь съ Волги ты, Скарятинъ),
 Грубый нашъ бурлакъ.
 Постыла ты (много чести!)
 Наши кабаки,
 Кабаковъ ты видѣлъ двѣсти,
 Гдѣ дешевку (пишутъ въ «Вѣсти»)
 Тянутъ бурлаки.
 Миръ губернской такъ пріятень,
 Люди — голубки,
 А прогрессъ ихъ необъятень...
 Портятъ дѣло — правъ Скарятинъ, —
 Только бурлаки.

2.

У окошка дремлетъ дѣва
 Въ жаждѣ брачна о вѣнца,
 И грызетъ въ припадкѣ глѣва
 Два зеленыхъ огурца
 Вечеръ; въ ниши темныхъ оконъ
 Воздухъ майскій вѣетъ сномъ;
 Ива свой зеленый локопъ
 Распустила подъ окномъ.
 Вотъ въ сѣдой пыли мелькая,
 Отъ больныхъ проѣхалъ врачъ...
 • Боже мой! тоска какал!

Размеченья нѣтъ — хоть плачь!
 Соловей запѣлъ надъ кущей...
 Въ небѣ плаваешь луна...
 И пошла на сонъ грядущій
 Дѣва кушать каплуна.

3.

Городъ въ нѣгѣ полуночной спитъ,
 Какъ и днемъ, сердце дремлетъ въ груди,
 Словно каждый въ просонкахъ твердитъ:
 «Не буди ты меня, не буди!»
 Спитъ въ перинахъ семья горожанъ,
 Ничего ихъ не ждетъ впереди;
 Въ новой мысли нѣтъ страшень обманъ....
 Не буди же ты ихъ, не буди!..
 Дремлетъ сладко губернскаѣ прогрессъ,
 Дремлетъ сладко, куда не иди...
 О, великій, россійскій Зевесъ!
 Не буди жъ ты его, не буди!..

ОТВѢТНЫЙ ЛИСТОКЪ.

СПРАВКИ ПО ЖАЛОВАМЪ, ПОЛУЧЕННЫМЪ ВЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ
«РУССКАГО СЛОВА».

1. Въ *Черкиовъ, в. Милорадовичу* — № 2-й „Русскаго Слова“, по отзыву С.-Петербургской Газетной Экспедиціи, отправленъ вамъ 25 марта.
2. — *Самару, в. Болтунову*. — № 1-й „Русскаго Слова“, по отзыву С.-Петербургской Экспедиціи, отправленъ вамъ 10 марта въ Самару, и о немедленной пересылкѣ журнала въ Бузулукъ сообщено въ Самарскую почтовую контору.
3. — *Пос. Солицы, в. Селиванову*. — Газетная Экспедиція уведомляетъ Редакцію, что №№ 2-й, 3-й и 4-й по ошибкѣ Газ. Эксп. посланы были въ другое мѣсто, и возвращенные посланы вамъ 6 июня.
4. — *Харьковъ, в. Винде*. — Газетная Экспедиція уведомила Редакцію, что „Русское Слово“ отправлено вамъ своевременно въ Харьковъ, и, какъ видно изъ возвращенныхъ картъ, получено тамъ въ цѣлости: № 8-й октября 1-го, № 9-й въ ноябрь, № 10-й декабря 22-го, и №№ 11-й и 12-й января 13-го.
5. — *Лианы, в. Фед. Федоровичу Колышко*. — Жалоба ваша отъ 14-го мая о неполученіи мартовской книжки „Русск. Слова“ немедленно сообщена С.-Петербургской Экспедиціи съ просьбою удовлетворить васъ.
6. — *Чистополь, в. Демертъ*. — № 1-й „Русск. Слова“, по отзыву С.-Петербургской Экспедиціи, посланъ вамъ 25 февраля.
7. — *Пермь, в. жъ Колубалиной*. — № 2-й „Русск. Слова“, по отзыву С.-Петербургской Газетной Экспедиціи, посланъ вамъ 25 марта въ тую, за № 62.
8. — *Тарь, в. Щербакову*. — № 1-й „Русскаго Слова“, по отзыву С.-Петербургской Газетной Экспедиціи, посланъ вамъ 24 февраля.
9. — *Нерчинскъ, в. Аринкину*. — По жалобѣ вашей о неполученіи майской книжки „Русскаго Слова“ за 1863 годъ, сообщено С.-Петербургской Газетной Экспедиціи, и полученъ отвѣтъ, что №№ 1—5 посланы вамъ въ одномъ пакетѣ 10 августа.
10. — *Бьлуполье, в. Филиппенко*. — № 3-й „Русскаго Слова“, по отзыву С.-Петербургской Газетной Экспедиціи, посланъ вамъ 23 апреля при описи на Курскъ, за № 49.

11. Въ *Бахмутъ*, г. *Луневскому* — Жалоба ваша о неполученіи книжекъ „Русскаго Слова“ была немедленно сообщена С.-Петербургской Газетной Экспедиціи, и книжки для удовлетворенія васъ *вторично* выданы Газетной Экспедиціи.
12. — *Задинскъ*, г. *Броневскому*. — По жалобѣ вашей о неполученіи виднаго № «Русскаго Слова», послана справка въ С.-Петербургскую Экспедицію 18 іюня и ожидается отвѣтъ.
13. — *Клодаву*, г. *Лаурентьеву*. — По жалобѣ вашей о неполученіи 2-й и 3-й книжекъ „Русскаго Слова“, послана справка въ С.-Петербургскую Газетную Экспедицію и ожидается отвѣтъ.
14. — *Трубчевскъ*, г. *Фененко*. — Жалоба ваша о исполученіи шартовской книжки „Русскаго Слова“ препровождена въ С.-Петербургскую Газетную Экспедицію, съ просьбою немедленно удовлетворить васъ.

О ПОЛУЧЕНІИ ДЕНЕГЪ ВЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ «РУССКАГО СЛОВА» ОТЪ
ГГ. ПОДПИСЧИКОВЪ, ПРОСИВШИХЪ УВѢДОМЛЕНІЯ:

Отъ Командира 14-го стрѣлковаго баталіона . . .	7 р. за 2-е полугодіе.
— Комитета, управляющаго офицерскою суммою и библиотекон при кавказскомъ линейномъ № 27 баталіонѣ,	7 „ за 2-е пол. 1863 г.
и недославныя 3 книжки отправлены 4-го іюня.	
— г. <i>Дулова</i> , комиссара Евпаторійскаго карантина	9 „ остальн. за годъ.
— штатнаго смотрителя Яренскихъ училищъ . . .	14 „ за 1 экземпляръ.
— г. <i>Ксенюфонтова</i> , пзъ Тобольска	7 „ за 2-е полугодіе.
— штатн. смотрителя Шатскаго уезднаго училища	14 „ за 1 экземпляръ.
Изъ Канцеляріи военнаго начальника Южнаго Дагестана и Дербентскаго градоначальника . . .	1 „ остальной.
Отъ г. <i>Лузника</i> , пзъ Оренбурга	5 „ и 4 р. остальныхъ за 1863 г.
— г. <i>Савицкого</i> , пзъ Елтебска	5 „ за вторую треть

СОДЕРЖАНІЕ МАЙСКОЙ КНИЖКИ.

ОТДѢЛЪ I.

- ПРОШЕДШЕЕ И ВДУЩЕЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ
цивилизациі. Н. В. Шелгуновъ. /
- Чайльдъ-Гарольдъ. (Поэма Байрона. Пѣснь
третья). Д. Д. Минаевъ. ✓
- ВИНОВАТА-ЛИ ОНА? (Романъ Ант. Троллопа). Ф. А. Орловъ.
- ПОСЛѢДНЕЕ СТИХОТВОРЕНІЕ Андрея Шенье.
Ливановъ. (Записки семинариста. Продолженіе) Н. Осокинъ. ✓
- ПРОГРЕССЪ ВЪ МІРѢ ЖИВОТНЫХЪ И РАСТЕНІЙ.
(Статья вторая) Д. И. Писаревъ. ✓
- ГОЛОСЪ ИЗЪ СЕРБІИ. Ракичъ.
- ДЕНИСЪ ДЮВАЛЬ. (Романъ Тэккерея. Про-
долженіе).

ОТДѢЛЪ II.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

- СОВРЕМЕННОЕ ЗНАЧЕНІЕ УГОЛОВНАГО ПРАВА
въ западной Европѣ (*Учебникъ уголов-
наго права*, составл. В. Спасовичемъ. Два
вып. Спб. 1863). Т. З.
- БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. Г. Б.

Введеніе въ исторію девятнадцатаго вѣка Г. Гервинуса. Переведено подъ редакціей М. Антоновича. Спб. 1864.—Война и миръ, изслѣдованіе о принципахъ и содержаніи международнаго права. Соч. Прудона. Переводъ съ французскаго. Изданіе А. Черенина. М. 1864.—Метафизика любви. Соч. Шопенгауера. Перев. съ нѣмецкаго. Спб. 1864.—Разсужденія и изслѣдованія Джона Ст. Милля. Цивилизація. Вып. 1. перев. съ англійскаго; Аркадія Лонгинова. Спб. 1864.—Маховозъ, какъ средство къ скорому и дешевому построенію желѣзныхъ дорогъ въ Россіи. Шуберскаго. Спб. 1864.—О желѣзной промышленности въ Россіи. Публичныя лекціи В. А. Полетныя. Спб. 1864.

ОТДѢЛЪ III.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

- ПОЛИТИКА Жакъ Леорень.
- ФРАНЦІЯ. Государственный бюджетъ Франціи удвоивается послѣ 1848 г.—
Рѣчь г. Тьера по поводу бюджета.—Милая шутка графа М. Жакъ съ закопде-

тельными корпусомъ. — Процессъ Лезюрка, казеннаго по ошибкѣ судей. — Пойми, какъ знаешь, этихъ мудрецовъ. — Процессъ де-ла-Помре, отравившаго свою любовницу. — Протестъ протѣивъ смертной казни. — АНГЛІЯ. Вѣроятность скорыхъ переимѣнъ въ Англіи по случаю плохаго здоровья Пальмерстона. — Политическія партіи и ихъ взаимная позиція. — Распространеніе ассоціацій. — Переходъ Гладстопа на сторону демократической партіи. — Правосудіе англійскаго духовенства. — ГЕРМАНІЯ. Учрежденіе палочной расправы въ Мекленбургѣ. — ГРЕЦІЯ. Новая олимпійскія игры. — ИСПАНІЯ. Столкновение консерваторовъ съ прогрессистами. — Привиллегія, данная Изабеллой кредитору ея, банкиру Саламанкѣ. — АМЕРИКА. Продолженіе войны и успѣхи сѣверныхъ штатовъ.

ДОМАШНЯЯ ЛѢТОПИСЬ.

Уровень общественнаго сознанія. — Запросы, съ какими обращается общество къ литературѣ, и отвѣты, которые даетъ ему литература. — Защитникъ плетни его невольнительныя измышленія. — Отношеніе литературы къ провинціи и отношеніе провинціи къ литературѣ. — Упреки, дѣлаемые литературѣ *обытателями болотъ и откликающимися на всевозможныя жизненныя явленія*. — Провинціальныя корреспонденты: типъ корреспондента-обличителя и корреспондента-философствующаго. — Значеніе этнографическихъ очерковъ. — Опытъ корреспонденціи изъ Рыбинска, сочиненной въ Петербургѣ. — Корреспонденція В. Д. въ газетѣ „Голосъ“.

ДНЕВНИКЪ ТЕМНАГО ЧЕЛОВѢКА.

Прощаніе съ Петербургомъ. — Дорога и новый воздухъ. — „Призраки“ и отрывокъ изъ поэмы, потерянной для свѣта: — „Вагоный“ романъ „Русскаго Вѣстника.“ — Новый родъ лирическихъ ленточекъ, изобрѣтённыхъ поэтомъ Майковымъ. — Прогрессъ по желѣзнымъ дорогамъ. — Кассиры и ихъ доходъ. — Путевыя жалобы надворной совѣтницы. — Нѣчто о женскихъ нервахъ. — Сосѣдь, показывающій слезу. — Наипная исповѣдь москвича. — Сутки въ Москвѣ. — Московская журналистика и московскіе извозчики. — Идеаль славянской роскоши и коварства. — Типъ московскаго нищаго. — „Вовъ изъ Москвы!“ — Нижегородская желѣзная дорога. — Устройство вагоновъ и станціи амуровъ по вольтсаламъ. — Теорія Миллера-Красовскаго въ примѣненіи къ жизни. — Самоудръ изъ Владиміра и гувернантка. — На Волгѣ и новыя встрѣчи: перлы изъ таможеннаго міра. — Что такое *температура*? — Мировой посредникъ и игра на гармоникѣ. — Нижегородскій книжный магазинъ. — Путь отъ Нижняго до Приволжска. — Апоезова провинціальныхъ городовъ. — Путешествіе по фантастическому „городку“. — Губернскій аристократъ и его забавы. — Остроуміе провинціальнаго стихотворца и подъѣздъ его дома. — Двѣ барыни Минервы. — Мечты привольскихъ землевладѣльцевъ. — „Отцы и дѣти“ въ провинціи. — Отсутствие обличительнаго элемента. — Два субъекта изъ комиссаріата. — Насильственный поцѣлуй. — Находчивый адвокатъ въ „городкѣ“. — Медикъ-магнетизеръ и его леченіе. — Черты изъ жизни великаго педагога Вишневки. — Г. Скарятинъ въ обществѣ волжскихъ бурлаковъ. — Провинціальные романы.

РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ЖУРНАЛЬ.

6.

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

1864.

Генералъ
—
ЮНЬ.
—

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

—
1864.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
334643
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS.
1904

Доволено цензурою, Санктпетербурга: 173 №19, 1864 года.

ВЪ ТИПОГРАФІИ РЮМИНА И КОМП.

ЛИВАНОВЪ,

(ЗАПИСКИ СЕМИНАРИСТА):

VIII.

На другой день я воспользовался приглашеиіемъ Ракоцкаго и отправился къ нему на квартиру.

— Не правда ли, васъ поражаетъ бѣдность обстановки, среди которой я живу, спросилъ онъ меня между прочимъ, когда я вздумалъ обвести глазами комнату, въ которой мы сидѣли.

— Нисколько, отвѣчалъ я. Обстановка моей комнаты еще бѣднѣе.

— Такъ вы очень бѣдны, спросилъ онъ меня съ участіемъ.

— Не скажу этого. По милости отца, я сытъ, одѣтъ, имѣю теплый уголь и снабженъ всѣми учебными пособіями... Лучшаго для себя положенія я не искалъ и пока не ищу.

— О! да вы настоящій философъ!

— Безъ претензій на такой громкій титулъ.

— Вы не нуждаетесь въ кондиціи?

— Къ чему вы сдѣлали мнѣ такой вопросъ, спросилъ я.

— Позвольте мнѣ быть съ вами откровеннымъ?

— Прошу васъ.

— Вы знаете, кто такая Камкова?

— Я знаю, отвѣчалъ я, что Камкова — жена коллежскаго ассессора, вдова, должно быть. Больше о ней я ничего не знаю.

— Немного же вы знаете. Камкова не вдова, мундъ ей служитъ въ П—ской губерніи дворянскимъ засѣдателемъ въ

уѣздномъ судѣ. Варвара Николаевна вышла за Камкова противъ желанія, по принужденію матери, которая умерла черезъ годъ послѣ ихъ брака. Черезъ мѣсяць послѣ смерти матери родилась Вѣра. И рожденіе на свѣтъ дочери не могло привязать Камкову къ бездушному, пьяному и развратному мужу; черезъ полгода она разошлась съ нимъ и пріѣхала сюда съ Вѣрочкой на житье. Бездоходный домъ и небольшой капиталъ въ банкѣ, съ котораго получается процентовъ до 300 рублей въ годъ, составляетъ все богатство и матери, и дочери. При помощи небольшой прислуги онѣ сами занимаются обработкою сада, огорода и всѣмъ вообще хозяйствомъ. Какъ хорошимъ швеямъ, имъ дѣлаютъ заказы нѣкоторыя здѣшнія дамы, и такимъ образомъ Камковы живутъ такъ, что могутъ сводить концы съ концами. Варвара Николаевна научила Вѣру читать, писать, говорить во французски, учить играть на фортепіано, но больше этого никакого образованія своей дочери дать не можетъ; а взять учителя для Вѣры она не имѣетъ средствъ. Я познакомился съ Камковой назадъ тому три года, т. е. вскорѣ послѣ моего прибытія сюда подъ надзоръ полиціи. За что я сослѣнъ сюда, объ этомъ я вамъ не скажу; но я былъ радъ отъ души встрѣтить въ этомъ драшномъ городишкѣ такихъ милыхъ людей, какъ Камковы; я тотчасъ сблизился съ ними. У Камковой знакомыхъ здѣсь очень мало, у меня меньше того, иначе и быть не могло. Счастливые люди допускаютъ знакомство съ людьми, угнетенными судьбою подъ непрежѣннымъ условіемъ мучить ихъ неотвѣтными разспросами и приличными выраженіями приличныхъ соболѣзвованій. Съ Варварой Николаевной мы скоро сдѣлались самыми искренними друзьями, и во имя этой дружбы я долженъ взять на себя образованіе ея дочери. Но я... какъ бы это вамъ сказать... я чувствую непреодолимое отвращеніе ко всякаго рода педагогическимъ запліямъ. Понимаете ли вы теперь, за чѣмъ я сдѣлалъ вамъ вопросъ о кондичи.

— Не совсѣмъ, сказалъ я, употребляя неизвѣрныя усилія, чтобъ скрыть свою радость, готовую выдать меня каждую минуту. Вамъ хочется, какъ я догадываюсь, чтобъ я взялся, вмѣсто васъ, быть учителемъ дочери Камковой?

— Да, желалъ бы.

— Но Камкова, какъ вы слышали, неимѣетъ средствъ платить за уроки... Хорошо ли будетъ съ моей стороны предложить Камковой свои даровыя услуги, когда я ничѣмъ еще не приобрѣлъ права на нея дружба?

— Было бы только желаніе, а уладить дѣло это не представляеть большія трудностей. Видите ли въ чемъ штука: я слышалъ вашу игру на скрипкѣ, и, мнѣ кажется, жаль было бы бросить вашу талантъ и не дать ему надлежащаго развитія. Итакъ, вы читаете съ Вѣрочкой грамматику, словесность, географію, исторію, математику, естественныя науки, и посвящаете на это часъ ваш много два въ день, кромѣ праздничковъ, а въ вознагражденіе за это я буду давать вамъ музыкальные уроки во праздничкахъ и тратить на нихъ столько времени, сколько вамъ будетъ угодно, потому что я свѣтъ люблю музыку. Такимъ образомъ услуги ваши Камковой будутъ не даровыя. Согласны ли вы на это?—спросилъ Раноцкій, протягивая мнѣ руку.

— Я не знаю, кто на моемъ мѣстѣ отказался бы отъ вашего предложенія, отвѣчалъ я, крѣпко сжавъ руку усача.

— Я сегодня же переговорю объ этомъ съ Варварой Николаевной, и съ завтрашняго дня вы можете приняться за уроки.

Такимъ образомъ, я въ одно и то же время сдѣлался и ученикомъ семинарія, и педагогомъ Вѣрочки, и ученикомъ Раноцкаго. Въ которую же сторону больше тяготѣло мое желаніе, мои склонности: учить или учиться? Сначала, мнѣ казалось, я училъ и учился съ одинаковою охотою, какъ человѣкъ, котораго радостно исполнять все, что исполнять ему надобно; мнѣ даже казалось, что я училъ прілежнѣе, нежели учился. Однакожь болѣе тщательныя наблюденія за собою привели меня къ убѣжденію, что я прілежнѣе учился, нежели училъ. Я могу утвердительно сказать, что началъ изучать, какъ слѣдуетъ, грамматику, словесность, исторію, математику, физикъ именно съ тѣхъ поръ, какъ сталъ читать эти науки моею ученицѣ. Познанія мои, приобретенныя въ семинаріи, казались мнѣ слишкомъ слабыми, и я не жалѣлъ ни трудовъ, ни времени, чтобъ приобрести знанія основательнымъ, твердымъ, разумнымъ. Я тогда же разарушился съ книжками и книжочками, предна-

значеными для такъ называемаго легкаго чтенія, до котораго я прежде былъ большой охотникъ. Въ эти три года, какъ я занимался съ Вѣрой Канюковой, я вмѣстѣ съ тѣмъ неутомимо занимался образованіемъ самого себя. Всѣ почти сочиненія, какія только попадались мнѣ тогда по части наукъ, необходимыхъ для занятій, были прочтены мною и усвоены надлежащимъ образомъ. Въ эти счастливые три года я работалъ, какъ воль, и, удивительное дѣло, ни разу не чувствовалъ умственной усталости, ни разу трудъ не надѣдалъ мнѣ. Что же такое электризовало мои нравственные силы, я возбуждало мой душевный жаръ? Неужели одна любовь къ наукѣ, жажда познаній, или пристрастіе къ случайной профессіи? Не отвергаю я этого, но не думаю, чтобъ одніе эти побужденія сильны были создать во мнѣ такое терпѣніе, подвинуть меня на такіе усилія, къ которымъ я казался способнымъ. Нѣтъ, тутъ вѣшалась какая-то особенная возбуждающая сила, которой я пока не могу себѣ объяснить, которую не умѣю и боюсь назвать, еслибъ и сумѣлъ назвать ее. Но какая бы ни была эта сила, она развивала меня въ эти дни. Съ тѣхъ поръ книги перестали служить для меня справочными таблицами, гдѣ я искалъ прежде отвѣтовъ на вопросы, заданные учебниками, а сдѣлались живымъ ключемъ, откуда я черпаю дѣльные познанія и стараюсь занимать мой умъ всѣмъ, что привлекаетъ его, что достойно его занятій... Время шло быстро, и я съ каждымъ днемъ приобрѣталъ познаній болѣе и болѣе, чтобъ передавать мои познанія моей даровитой ученицѣ.

Однажды, въ праздничный день, часу въ седьмомъ вечера, я шелъ въ свою квартиру отъ Ракошича, и по пути вздумалъ зайти къ товарищу, сынку богатаго отца. У него засталъ я нѣсколько человѣкъ нашей братьи семинаристовъ. Они проводили время по праздничному: хозяинъ-товарищъ былъ именинникъ. Я расположился провести у него не больше четверти часа, и то въ качествѣ лица, вовсе непрікосновеннаго къ торжеству.

— Водки, Ливановъ, не хочешь? спросилъ меня хозяинъ, побрякивая послѣ опрокинутой въ ротъ рюмки.

— Ты знаешь, что я не пью.

— Ну, такъ я тебя попотчую теперешнимъ, сказалъ онъ,

досталъ изъ шкафа бутылку съ отбитымъ горлышкомъ и рюмку.

— Я никакого вина отъ роду не пивалъ, сказалъ я.

— Тенерифскаго-то? Да вѣдь это, братецъ мой, дѣвки пьютъ; ей Богу. Легче семинарскаго квасу, сказалъ хозяинъ, поднося мнѣ рюмку къ самому носу, и сплескивая вино на мой сюртукъ.

— Это вино, братецъ мой, надобно пить кружкой, а не рюмкой, и то нп въ одномъ глазу не завяжется.

— Трусить инспектора, боится потерять благоволеніе его в—я, подхватилъ одинъ изъ товарищей.

Я взялъ рюмку и выпилъ. Вино показалось мнѣ недурно, и въ самомъ дѣлѣ некрѣико. Когда хозяинъ поднесъ мнѣ другую рюмку, я немного было задумался, однакожь и вторую выпилъ; третью выпилъ я ужь не задумываясь, а за третьей и считать пересталъ. Пирующіе товарищи шумно ликовали, каждый по своему. Я по временамъ чувствовалъ головокруженіе, однакожь храбро ходилъ по комнатѣ. Хозяинъ поставилъ на столъ зажженную свѣчу, потому что безъ огня становилось уже темно. Свѣту, разлившагося отъ единственнаго сальнаго огарка въ комнатѣ, наполненной табачнымъ дымомъ, было съ избыткомъ достаточно для семинаристовъ, непривыкшихъ къ яркому освѣщенію.

— Дослушай, именьникъ, сказалъ одинъ изъ гостей, сидѣвшій въ отдаленномъ углу, ты одну свѣчу затуши; къ чему двѣ? Терпѣть не могу роскоши. Погаси, говорю тебѣ. Я дурнаго тебѣ не посоветую.

Нѣкоторые изъ собесѣдниковъ засмѣялись; у бѣднаго, очевидно, двоило въ глазахъ. Взглянувъ попристальнѣе на свѣтъ, я замѣтилъ, что и у меня рябитъ въ глазахъ. Я взялся за шляпу.

— Куда? спросилъ хозяинъ.

— Домой. Не ночевать же у тебя, отвѣчалъ я.

— Не пуцу. Сиди съ нами.

— Вздоръ, вскричалъ товарищъ, нетерпѣвшій роскоши, ты не можешь стѣснять свободы человѣческой... кхм... да. Пойдемъ, Ливановъ, я тебя провожу.

— Господи! сказали одни из товарищей, идемъ Ливанова провожать всѣ.

— Идемъ, идемъ.

Вечерній сентябрьскій воздухъ, довольно холодный, раздражительно дѣйствовалъ на мои, разслабленные виномъ, нервы. Я опьянѣлъ совершенно, однакожь чувствовалъ въ себѣ необыкновенную, незнакомую мнѣ до того времени, отвагу. Проходя мимо дома Камковой, я увидѣлъ свѣтъ въ окнѣ рабочей комнаты Вѣрочки.

— Не смѣешь ты, Ливановъ, зайти теперь на кондицію, сказалъ мнѣ одинъ изъ товарищей.

— Вотъ важность какая! отвѣчалъ я. Только теперь идти не за чѣмъ.

— А не смѣешь, братецъ мой, ей Богу, не смѣешь, сказалъ именинникъ. Ты только храбришься.

Я сошелъ съ тротуара около дома Камковой, шагнулъ на дворъ и пошелъ къ крыльцу. Мои провожатые захохотали и пошли своей дорогой. Въ залѣ встрѣтила меня Вѣрочка.

— Григорій Дмитричъ! сказала она, протягивая мнѣ руку. А я думала, что мамаша пришла. Милости прошу сюда.

Видно было, что Вѣрочка не замѣтила, въ какомъ я былъ состояніи. Она поставила свѣчу на столикъ, подвинула къ себѣ пальцы, и стала продолжать работу, которой до меня занималась. Я сѣлъ противъ нея.

— Рукячки вышиваете? спросилъ я и, наклонившись надъ пальцами Вѣрочки, чуть не ткнулъ въ нихъ носомъ.

— Что это съ вами, Григорій Дмитричъ? На васъ лица нѣтъ.

— Мо-тбыть, отвѣчалъ я, не поднимая отъ пальцевъ головы. Тутъ только я кое-какъ разглядѣлъ, что Вѣрочка вышивала туфли.

— А, это туфли... Хм!..

— Гдѣ это вы были?

— У имениника, отвѣчалъ я, выпрямляясь. Я хотѣлъ поправить волосы, упавшіе мнѣ на лобъ, но поднялъ лобъ выше обыкновеннаго и скребнулъ рукою по макушкѣ. Сколь я ни былъ пьянъ, однако не могъ не замѣтить, что на глазахъ Вѣрочки начинала собираться небесная роса.

Души, чертъ возып, подумалъ я.

— Бога ради, Григорій Дмитричъ, ступайте домой. Я скажу Архану, чтобъ проводилъ васъ.

— Не базиснойтеся, Вѣра Александровна, сказалъ Петръ Петровичъ, показываясь въ дверякъ. Я въ вашииъ услугахъ.

— Весела вѣтра, пробормоталъ я, поднимаясь со стула при помощи Залѣнова и бокомъ кланаясь Вѣрочкѣ.

Петръ Петровичъ привелъ меня домой, раздѣлъ и уложилъ въ постель.

Возвращаясь изъ конвекторіи домой, онъ встрѣтился у своего дома съ провожавшими меня семинаристами, узналъ отъ нихъ, въ какомъ я положеніи ушелъ на кондѣцію, и весьма кстати подоспѣлъ ко мнѣ на выручку.

До педанго утра проспалъ я мертвымъ сномъ и проснулся, когда уже всѣ семинаристы ушли въ семинарію. Набросивъ на плечи плаерокъ, я нѣсколько времени въ раздумьѣ ходилъ по комнатѣ взадъ и впередъ. Поведеніе мое въ предшествующій вечеръ лежало салнымъ пятномъ на моей, детолѣ чистой, совѣсти. Я снова упалъ на кровать внизъ лицомъ, чтобъ выплакать мучившія меня слезы, плакалъ долго и не удерживалъ слезъ. Шорохъ въ комнатѣ заставилъ меня приподнять голову; у кровати стоялъ Петръ Петровичъ. Не спрашивая меня о причинѣ моихъ слезъ, онъ сѣлъ возлѣ меня и отъ нечего дѣлать сталъ высматривать, не совсѣмъ вѣрно, мотивъ извѣстной нѣсни: «чѣмъ тебя я огорчила».

— Добрый знакъ, добрый знакъ, сказалъ онъ наконецъ, право слово, добрый знакъ! Совѣсть, значитъ, имѣешь, стыдъ знаешь, человѣкомъ будешь, Господь тебѣ на встрѣчу.

Я не отнималъ горячаго лица отъ подушки, и продолжалъ плакать.

— Да что, водянка что ли у тебя въ головѣ-то, спросилъ меня Петръ Петровичъ. Къ чему столько слезъ? Было, да прашло; неплакалъ и будетъ. Былъ молодцу неукоръ; все къ лучшему, Богъ тебя любви.

— Но съ какими глазами я покажусь теперь Камковому? спросалъ я, новорачиваясь на своемъ ложѣ.

+ Лишь бы не съ такими, съ какими показался вчера, а то со всякимъ будетъ хорошо. Хорошо бы, братъ, показать-

ся съ такими, вотъ какъ теперь. Мнѣ это въ тебѣ нравится, право слово, нравится; только женство-то не любить, когда мужчины плачутъ. Въ особенноти перады молоденькою «команъ-ву-порте-ву», всякій мужчина непременно долженъ казаться воплощеннымъ мужествомъ; иначе онѣ потеряютъ къ тебѣ всякое уваженіе. Не хочешь ли опокіянтаться? а?

— Чортъ бы перевертѣлъ всѣ вина и всѣхъ вынодѣловъ на свѣтѣ, вскричалъ я, поднимаясь съ постели.

— Ну вотъ то-то и есть. Я тебѣ говорилъ, что все къ лучшему. Я даже радъ, что ты вчера затесался къ Камковымъ.

— Есть чему радоваться! Въ умѣ ли вы, Петръ Петровичъ?

— Право слово, радъ. Пройди твоя попойка благополучно, кто знаетъ, что бы изъ этого вышло. Попадись ты вчера на глаза инспектору, онъ задалъ бы тебѣ урокъ, — это вѣрно, но не научилъ бы ничему, а испортилъ бы только дѣло. Я, вѣдь, знаю васъ, семинаристовъ, и знаю, съ какой точки зрѣнія вы смотрите на исправительные уроки. Чтобъ переставить эту точку на надлежащее мѣсто, надобно было замѣнить для тебя инспекторскій урокъ урокомъ хорошенькой дѣвушки. Быть можетъ, Вѣра Камкова тебѣ ничего не скажетъ про вчерашній случай, но я увѣренъ, что и краснорѣчивое ея молчаніе заставитъ тебя съ выѣшнятаго дня смотреть на вино съ такимъ же удовольствіемъ, съ какимъ смотрятъ татаринъ на ветчину.

— Но какъ показаться мнѣ Камковымъ-то?

— А что тебѣ въ Камковыхъ? Плевать на нихъ, сказалъ Петръ Петровичъ, пристально смотря мнѣ въ глаза.

— Вы меня уничтожаете, Петръ Петровичъ, сказалъ я итѣ иснугѣ, не зная самъ, съ чего сорвался у меня съ языка такія слова.

— О-го! Вона куда зашло, невозмутимо произвесь тотъ. — Не даромъ говорятъ, что у страха глаза велики. Встанай-ка, братъ, да ступай въ классъ.

Въ самомъ дѣлѣ, надобно было педумать и о семинаріи..

Послѣ классовъ я пошелъ прямо домой. Войдя въ ограду, я услышалъ голосъ Петра Петровича; онъ звалъ меня.

— Ну, братъ, сказалъ онъ, когда мы дошли:—вели читать себѣ отходную; бѣда твои!—А! побѣдить! Не пугайся. Жена сказывала, что Камкова присылала къ тебѣ Архипа спросить о твоёмъ здоровьи?

— Нѣтъ?

— Право слово, Богъ тебя люби. Вотъ тебѣ и самъ Архипъ на лицо.

Я оглянулся, Архипъ подходилъ къ намъ.

— Барыня просятъ васъ обѣдать, сказалъ мнѣ Архипъ, снимая шапку.

— Сегодня день рожденія Вѣры Александровны, подсказалъ Петръ Петровичъ.

— А вы были у Камковыхъ сегодня? спросилъ я Залѣпова.

— Такъ, на минуточку заходилъ. Тынь, видишь-ли, валится...

Я крѣпко обнялъ Петра Петровича и поцѣловалъ его въ щетинистую щеку.

IX.

Въ ожиданіи обѣда, мы съ Вѣрочкой пошли въ садъ. Садъ въ ту пору года не представлялъ ничего привлекательнаго. Всѣ цвѣты завяли и поблекли; дорожки и бесѣдки были усыпаны желтыми, сухими листьями. День, впрочемъ, былъ ясный и довольно теплымъ. Обойдя садъ кругомъ, мы сѣли на скамьѣ подъ липой.

— Простите меня, Вѣра Александровна... началъ было я.

— Ни, ни, ни! перебила она меня, погрозивъ мнѣ пальцемъ.—Прешу васъ никогда не говорить мнѣ о вчерашнемъ вечерѣ. Если вы скажете хоть слово о немъ, я не буду говорить съ вами цѣлый день, увѣряю васъ.

— Но что скажете о мнѣ Варвара Николаевна, что подумаете вы?

— Мамаша кромѣ хорошаго ничего о васъ не говоритъ, и не скажетъ. Доказательствомъ этому служитъ ея сегодняшній разговоръ о васъ съ Петромъ Петровичемъ. Вы хотите знать, что я о васъ думаю? Я думаю, что вы честный и благородный человекъ.

— Благодарю васъ.
— Конечно, пожалуйста, вы не знакомы болѣе съ тѣми товарищами, которые увлекаютъ васъ не къ добру.

— Повѣрьте, Вѣра Александровна, что товарищи меня не увлекутъ, если я самъ не захочу поддаться увлеченію.

— Много ли вамъ лѣтъ?

— Двадцать. Побольше, чѣмъ вамъ.

— Неправда. Известно, что мы, женщины, развиваемся скорѣе, чѣмъ вы, мужчины. Въ семнадцать лѣтъ я имѣю право считать себя вамъ ровесницей.

— Положимъ и такъ, но къ чему вы завели рѣчь о нашихъ лѣтахъ?

— Я однихъ съ вами лѣтъ, и между тѣмъ не успѣла ни на умѣла приобрести вѣры въ силу своей воли, какую вы уже владѣете.

— Нѣтъ, Вѣра Александровна, я далеко отъ вѣры въ силу воли... Представьте себѣ молодого человѣка, воздѣ котораго часто бываетъ молоденькая и добрая дѣвушка; онъ видитъ ее почти каждый день, сблизился съ нею и увлекся. Много ли нужно молодому человѣку труда, чтобы побѣдить въ себѣ это простое увлеченіе? А побѣдить-то его непременно надобно, потому что положеніе молодого человѣка, настоящее и будущее, не должно поддерживать этого увлеченія; оно должно пройти, забыться. Что бы вы сказали объ этомъ человѣкѣ, еслибъ узнали, что онъ давно борется съ самимъ собою, и чѣмъ дальше идетъ время, тѣмъ онъ больше убѣждается, что не достаетъ у него силы воли, что борьба ему не по силамъ.

— И въ васъ есть эта борьба съ самимъ собою... тихо-воскликнула Вѣра, быстро повернувъ къ ней голову. Она долго, пристально смотрѣла на нее въ глаза, и потомъ вся вспыхнула.

— Григорій Дмитръичъ! Вѣра! Объяты! раздался съ крыльца голосъ Варвары Николаевны.

За столомъ Варвара Николаевна между прочимъ сообщила Ракоциному, что она вчера вечеромъ была у своей знакомой Калеріи Ильиничны и познакомилась тамъ съ Артеміемъ Артемьичемъ, учителемъ духовнаго училища.

— Преобязательный человѣкъ, прибавила она.

— Хм! Ни съ маминъ Арташевъ и ни маминъ, сказала Розицкія.

— Намного потеряете, если и школо въ знакомитесь съ дядь, замѣтила я.

Варвара Николаевна вступилась за него, искренна въ его достоинства и изъявила желаніе познакомиться съ нимъ покороче и даже пригласила къ себѣ. Я смолчала, хотя это вѣстіе очень не понравилось мнѣ, потому что я знала его, какъ самаго пошлаго и протарашаго учителя.

Послѣ объясненія въ саду ми Вѣрочка, ни я не помнили другъ другу ни о привязанности, ни объ увлеченіи, ни о супруженней борьбѣ. Все какъ будто вошло въ свою обычную колею: я ревностно продолжала заниматься и читать уроки съ Вѣрочкой; она слушала и занималась въ свою очередь, какъ нельзя усерднѣе и усѣбнѣе. Занятія по *кондиціи* не мѣшали и другимъ обыденнымъ моимъ дѣламъ: я всегда говаривала къ классамъ, ходила каждый день въ семинарію, чрезъ день — къ Гаврилу Григорьевичу, во преемникахъ — къ Розицкому, находила время бывать и у товарищей и принимать ихъ у себя. Но на нестрой канивъ оружающихъ меня предметовъ и людей сталъ выдѣляться для меня одинъ предметъ, одно лицо; чаще и чаще, яснѣе и яснѣе представлялся мнѣ образъ Вѣрочки, и вмѣстѣ съ тѣмъ ощущалась какая-то близость къ ней, радость съ нею. Я сталъ строже къ самому себѣ. Чувство къ Вѣрочкѣ наложило на меня рядъ какихъ-то новыхъ нравственныхъ обязанностей и замѣшило мнѣ недостатки твердыхъ во мнѣ нравственныхъ качествъ; все, бывшее доселѣ въ душѣ моей шаткимъ, стало получать твердость и крѣпость; все отрыводное — дѣлется. Въ этомъ чувствѣ заключалась для меня бездна побужданій къ той тонкой добросовѣстности, въ силу которой человекъ ревниво сторожитъ за дѣломудріемъ своихъ мыслей и чувствъ, за чистотою словъ и дѣлъ.

Но былъ ли счастливъ я? Раздѣляла ли мое чувство и Вѣрочка?..

«И въ вась есть эта внутренняя борьба», сказала мнѣ она въ саду, схвативъ меня за руку и крѣпко сказавъ ее. Этимъ словомъ она сказала мнѣ все. Изъ нихъ я поняла, что она тоже борется съ какимъ-то ощущеніемъ, и съ тѣхъ поръ я

отецъ сильнѣе привязался къ ней. Одно смущало меня и отравляло мою радость: я зналъ, что отецъ прочить меня въ духовное званіе, а Вѣрочка едва-ли согласится быть женою священника. Еще много тяжелой борьбы предстояло мнѣ впереди...

Каждый день, когда была хорошая погода, мы съ Вѣрочкой около полудня прогуливались лѣтомъ въ саду, а зимою выходили на улицу. Эти прогулки привели насъ много удовольствія. Не въ разсвѣтѣ заключалось это удовольствіе, а въ чувствѣ, котораго мы не высказывали другъ другу, но которое проглядывало въ каждомъ нашемъ словѣ, въ каждой мысли.

Месяцъ года осталось уже до окончанія моего семинарскаго курса. Учитель, Артемій Артемьячъ, втерся въ домъ Камковыхъ и, въ качествѣ короткаго знакомаго, ходилъ къ нимъ запросто. «Преобязательный человекъ» для Камковыхъ, онъ со-всѣмъ не обязательно посматривалъ на меня. Кажется, онъ самъ былъ равнодушенъ къ Вѣрочкѣ.

Въ одну изъ нашихъ зимнихъ прогулокъ, Вѣрочка простудилась; на другой день у нея открылся кашель. Черезъ два дня она слегла въ постель, и докторъ высказалъ опасеніе, чтобы не развилась у больной нервическая горячка. Опасенія доктора оправдались; болѣзнь затянулась.

Въ качествѣ домашняго учителя, во время болѣзни Вѣрочки, мнѣ нечего было дѣлать въ домѣ Камковыхъ. Я заходилъ иногда навѣдываться о состояніи здоровья ученицы; но до меня ли было Варварѣ Николаевнѣ? Пробывъ со мною минутъ пять-шесть, она шла къ больной дочери, потомъ возвращалась ко мнѣ, чтобы пожелать мнѣ добраго дня или вечера, и опять свѣшила къ постели больной. Какую глубокою, невыносимою тоскою давило мнѣ сердце! За то для профессіи «необязательнаго человека» открылось обширное поле дѣятельности. Артемій Артемьячъ бывалъ у Камковыхъ каждый день, иногда раза по два и по три, и проводилъ у нихъ по нѣсколькимъ часамъ. Сходить въ аптеку, въ лавочку, съѣздить къ доктору, достать того, другаго снадобья,—было его дѣло. Въ качествѣ друга дома и человека солидныхъ лѣтъ (ему было подлѣ 40), этотъ достопочтенный паразитъ входилъ съ Варварой Николаевной въ комнату больной, пособлялъ «поправлять по-

душею, печально поднесла лекарство, и такъ держало испол-
 нилъ порученія доктора, что тотъ съ нужными показаніями ка-
 сательно пациентки обратилась опять къ нему, чѣмъ къ матери.

Ракоцкій давно уже не выходилъ изъ своей пещеры; у него
 обсервировались признаки чахотки. «Преображенскій человекъ»
 успѣлъ услужить и Ракоцкому, купивъ для него добрую кофю,
 ибо кофяе молоко всегда рекомендуется чахоточнымъ. Къ Ра-
 коцкому я ходилъ верѣтко.

— Ну что, Ливановъ, спросилъ онъ меня однажды, — ка-
 кова Вѣра Александровна?

— Вѣры Александровны я не видалъ съ той поры, какъ
 она слегла.

— Толстый добрякъ Артемій Артемичъ сказывалъ мнѣ,
 что Вѣрочка очень опасна.

— Да, я слышалъ, что съ нею былъ продолжительный бредъ.
 Прошелъ ли онъ, не знаю.

— Нѣтъ, онъ часто повторяется. Докторъ ждетъ кризиса.
 Вчера Камкова присылала ко мнѣ свою Марю за ренскимъ
 уксусомъ. Марья сказывала мнѣ, что Камкова никого не впу-
 скаетъ въ комнату дочери, когда она упадетъ въ бредъ, — ни
 толстого добряка, ни даже ее Марю, потому-де, что Вѣроч-
 ка въ бреду часто провозноситъ ватке имя. Я только посмѣя-
 лся напрасной предосторожностію Камковой. Вѣдь четвертый
 уже годъ, какъ вы видите съ Вѣрочкой каждый почти день,
 она привыкла считать васъ за ближняго къ себѣ человѣка,
 можно сказать, за друга, къ тому же привыкла уважать васъ,
 какъ умнаго своего учителя; отъ этого естественно, что въ горя-
 чечномъ бреду прежде и чаще другаякъ рисуется передъ нею
 ваша личность.

На пути въ свою квартиру, я встрѣтился съ Артеміемъ Ар-
 темьячемъ. Онъ шелъ отъ Камковой, чрезвычайно довольный
 собой, и улыбался какъ-то загадочно.

— Какова больная? спросилъ я его.

— Плохо дѣло, отвѣчалъ онъ. — Сегодня больная два раза
 отхаркнула кровью. У ней, кажется, чешотка.

Онъ сообщалъ мнѣ это невѣдомъ съ какими же хладнокре-
 віемъ, съ какими иногда потный игрокъ въ висскі дѣлаетъ за-
 мѣчанія: «визитка пропала».

— Переживалась страшно, продолжала Артемий Артемьевичъ, — вся возмелѣла, шпри и газы! вьдвлялось; мы теперь ни за что ее не узнаете. А жаль! Красавица была. Я даже хотѣлъ поеватать ее. Вышелъ бы въ свѣтлое, добылъ бы себѣ какъ нибудь должность стационого. Нынче только стеновые и жите. Добраго вечера, Григорій Дмитричъ!

Вечеромъ я просилъ Петра Петровича сходить къ Камковой и узнать что нибудь вѣрнѣе о болѣзни Вѣрочки. Петръ Петровичъ исполнилъ мою просьбу, былъ у Камковыхъ, и принесъ мнѣ извѣстie, что ночью крикъ кончился благополучно и что докторъ надѣется, что больная скоро выдворовѣтъ. О возможности чахотки докторъ никогда не говоривалъ. Она была произведенiемъ добулей дегедливости «преобязательнаго челоуѣка». Радость моя при этомъ извѣстii была выше всякаго описанiя.

— Не знаю, Григорій Дмитричъ, сказалъ Петръ Петровичъ, поздоровится ли тебѣ, когда совѣтъ выдворовѣтъ Вѣра Александровна.

— Не хочу знать ничего, вскричалъ я, — знаю только одно: Вѣра Александровна будетъ жить.

Вѣрочка быстро поправилась. Она уже была въ состоянii выходить въ гостиную, разъ садилась даже за фортепiано. Я провелъ у Камковыхъ часа два вечеромъ. Артемий Артемьевичъ былъ тутъ же. Вѣрочка послѣ болѣзни стала еще интереснѣе. Какъ шла къ ея блѣдымъ щекамъ, огненнымъ черниль глазами и черниль волосамъ, эта вѣчная лѣсковая улыбка, эта искренность въ голосѣ, задумчивость въ разговорѣ. «Преобязательный челоуѣкъ» держалъ себя; по моему, ужъ слишкомъ фамилиарно съ Камковыми, и возмѣлялъ себѣ даже покровительственный томъ, какъ челоуѣкъ, которому Камковы безконечно обязаны.

Черезъ мѣсяць Вѣрочка совершенно поправилась: жизнь и молодость взяли свое. Мы уже принялись съ нею за уроки; сыграли разъ имѣетъ «Луcretiю Ворджia,» но Варвара Николаевна рѣдко оставила насъ однихъ. Она даже выходила съ нами и на прогулку. «Напряжная предосторожность», думалъ я, припоминая слова Равенниго.

Въ одинъ воскресный день, въ началѣ воста, часу въ шестъ

томъ вечера сидѣлъ я дома на хозяйственной половинѣ и бесѣдовалъ съ Петромъ Петровичемъ о разныхъ разностяхъ. Вошелъ Архипъ и подаль мнѣ двѣ записки, запечатанныя облатками.

— Это вамъ, сказалъ я Петру Петровичу, передавая ему записку, адресъ на которой бытъ написанъ рукою Барбары Николаевны. Адресъ на другой запискѣ, на мое имя, былъ написанъ Вѣрочкой.

— Сейчасъ буду, сказали мы въ слово, прочитаю записки.

— Барыня прислала лошадь. Принимаете подождать? спросилъ Архипъ.

— Давно барыня у Казимира Сотеревича?

— Сейчасъ прѣхалиши.

— Ступай, братецъ. Я пѣшкомъ приду.

— Слушаю-сь.

Архипъ вышелъ.

— Завязывается горячая каша, «Господь тебѣ на встрѣчу,» сказалъ Петръ Петровичъ. Дай Богъ тебѣ расхлѣбать ее, да не обжечься. Тебѣ что пишутъ?

— Вѣрочка зоветъ къ себѣ сейчасъ же.

— Съ Богомъ, въ добрый часъ. Дай мнѣ последнее къ тебѣ письмо отъ твоего отца.

— Я хочу вамъ сообщить преинтересную новость. Пересядьте, пожалуйста, на этотъ стулъ, сказала Вѣрочка, передвигая на столѣ свѣчи. — Мнѣ такъ виднѣе будетъ. Я очень люблю смотрѣть, какъ человекъ мѣняется въ лицѣ отъ неожиданнаго извѣстiя.

— Я слушаю. Новость, должно быть, ужъ самая дѣль интересная.

— Вчера, вотъ въ этой самой комнатѣ, шло совѣщанье: Артемій Артемьичъ пресѣлъ моею рукою.

— Что жъ дальше, спросилъ я Вѣрочку совершенно ослѣпнувъ.

Вѣрочка въ недоумѣнiи посмотрѣла на меня.

— Мнѣ съ вами пришлось познакомиться родами, сказалъ я. Не переставляйте, пожалуйста, свѣтъ, мнѣ такъ будетъ видѣть; вѣдь и я охотникъ наблюдать.

Вѣрочку, впрочемъ, я скоро вывелъ изъ недоумѣнія, передавъ ей мой разговоръ съ Артеміемъ Артемьичемъ на улицѣ, когда онъ говорилъ, что у Вѣрочки — чахотка.

— Мнѣ сегодня рѣшительно ничто не удается, сказала она. Когда давеча мамаша сообщила мнѣ о предложеніи Артемія Артемьича и спрашивала, что сказать ему, я дала мамашѣ печально сорвавшійся у меня съ языка отвѣтъ. Я думала, что мамаша удивится моему отвѣту, а вышло совсѣмъ не то. Она спокойно написала записку Петру Петровичу и уѣхала къ Ракоцкому, а мнѣ сказала на прощаньи: «тебѣ, милая, нужно узнать прежде, любить ли тебя Ливаловъ?»

Я чувствовалъ устремленный на меня неподвижный взглядъ Вѣрочки, чувствовалъ, что румянецъ выступилъ и горѣлъ на моихъ щекахъ. Я взялъ ея руку и крѣпко сжалъ ее. Лицо Вѣрочки сіяло счастьемъ, моя голова горѣла, слезы радости выступили на глазахъ. Вѣрочка и я, наконецъ, сказали другъ другу роковое слово: «да.» Нѣскольکو времени сидѣли мы, молча, подъ вліяніемъ этой минуты. Крѣпко сжала она руку мою, когда я прощался съ нею до завтра.

Въ тотъ вечеръ я долго ходилъ по городскимъ улицамъ и переулкамъ, стараясь освѣжить горячую голову.

Артемію Артемьичу было отказано. Онъ хотѣлъ было поправить дѣло при помощи Калеріи Ильиничны, но и она оборвалась.

— Такъ родитель вашъ рѣдко бываетъ въ городѣ, спросилъ меня на другой день Варвара Николаевна.

— Да, мой батюшка — домосѣдъ.

— Когда вы будете писать къ нему?

— Писать я не буду. Мнѣ до окончанія курса не слѣдуетъ и слова говорить батюшкѣ о моей любви къ Вѣрѣ. Я знаю моего отца и его убѣжденія. По его мнѣнію, я долженъ теперь учиться и не думать болѣе ни о чемъ. Прощай, пре-

ми, и я увѣренъ, что онъ дастъ согласіе на мой бракъ съ Вѣрой.

— Признаюсь, я много слышала о вашемъ отцѣ, объ упрямомъ характерѣ его, о сословныхъ предубѣжденіяхъ, и она-салась многого. Но его письмо къ вамъ, которое прочтала мать съ Ракоцкимъ Петръ Петровичъ, совершенно успокоило меня. Я весу тяжелей вѣстъ въ жизни, потому что вышена замужъ по расчету родителей, и тяжинимъ грѣхомъ считаю преслѣдовать мою дочь за любовь къ вамъ. Я благодарю Бога за то, что она полюбила именно васъ: я давно люблю васъ, какъ роднаго.

Я всталъ в съ глубокимъ уваженіемъ поцѣловалъ руку Варвары Николаевны.

Но задолго до Пасхи, я получилъ отъ отца письмо. Онъ приказывалъ мнѣ вѣрнаться на праздникъ въ Проняно. Я не ѣхалъ. Отецъ встрѣтилъ меня довольно холодно и, пока я гостилъ дома, онъ былъ суровъ со мною. Я старался объяснить себѣ причину его холодности, и все жъ таки самъ собою не могъ добраться до истины. Надобно было обратиться къ матушкѣ. Оказалось, что отецъ Семенъ въ послѣднее время часто говорилъ моему отцу, что я веду жизнь разсѣянную въ городѣ, что завелъ съ какой-то барышней любовныя интрижки, и вообще подшучивалъ надъ нимъ очень поцеремонно. Это бѣсило моего отца до крайности, хотя онъ и не всѣмъ дѣлалъ словамъ своего начальника.

— Попробуй-ка, дьяконъ, говорилъ однажды отецъ Семенъ моему отцу, вызвать своего сына на Пасху къ себѣ. Онъ на колѣняхъ будетъ просить тебя, чтобы ты уволилъ его въ гражданскую службу. Бѣдѣна, слышно, втюрился по уши, а голубка-то и слышать не хочетъ о пападействѣ.

— Любопытнѣе было бы узнать, сказала я матушкѣ, изъ какаго источника узнаетъ эти свѣденія отецъ Семенъ?

— Пападя говорилъ мнѣ, отвѣчала матушка, что отцу Семену писалъ о тебѣ знакомый ему учитель, какой-то Артамонычъ, — кажется.

Такимъ образомъ я узналъ, что Артемій Артемычъ съ пошlostью мелкой души соединялъ добродѣтели, ей родственныя. Онъ зналъ, по чьей милости получилъ щелчекъ у Камковыхъ, и мнѣ надобно было опасаться, чтобы онъ изъ мести за неудачу не сдѣлалъ еще чего нибудь похуже.

Предсказаніе отца Семена не сбылось; я рѣшительно ни о чемъ не просилъ батюшку. Онъ успокоился; однакожъ, разставаясь со мною, сказалъ мнѣ:

— Наступила послѣдняя треть предъ окончаніемъ твоего семинарскаго курса: теперь ты долженъ учиться, приложь уши. Я знаю, что жизнь въ городѣ представляетъ много случаевъ къ развлеченіямъ, къ разсѣянности; и потому совѣтую тебѣ перейти отъ Залѣпова на житье въ семинарію.

Спорить было нельзя, я перешелъ въ семинарію и былъ назначенъ комнатнымъ старшимъ у философовъ.

Разъ или два въ недѣлю я находилъ случай бывать у Камковыхъ, но намъ съ Вѣрой хотѣлось повѣрять другъ другу свои мысли и чувства каждый день, каждый часъ, каждую минуту, еслибъ было возможно. Надобно было прибѣгнуть къ перу и бумагѣ. Голубинное воркованье посредствомъ переписки занимаетъ первое мѣсто въ ряду ошибокъ, какія дѣлаютъ влюбленные. Что жъ прикажете дѣлать? Ошибки такого рода не Ливановымъ начались, не Вѣрой кончатся. Пока будетъ существовать родъ человѣческій, эти ошибки пойдутъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, изъ рода въ родъ.

Въ послѣднихъ числахъ мая, въ рекреационный день, около пяти часовъ пополудни, я ходилъ по семинарскому саду, гдѣ семинаристы и училищные мальчики въ разныхъ мѣстахъ играли въ бабки, или прогуливались, сложа руки.

— Тебя Архипъ ждетъ, сказалъ Ратушевскій, подходя ко мнѣ.

— Гдѣ?

— У сѣвернаго корпуса, гдѣ ты живешь. Поторопись, пожалуйста.

Я взялъ изъ рукъ Архипа письмо отъ Вѣры, написалъ на него отвѣтъ на цѣломъ почтовомъ листѣ и, отдавъ Архипу, пошелъ въ залу, гдѣ давно ждали меня товарищи. У семинарскихъ воротъ Архипъ встрѣтился съ Артеміемъ Артемычемъ.

— Пойдемъ, Архипъ, вмѣстѣ, сказалъ Артемій Артемьичъ, отвѣчая на поклоны Архипа, вдвоемъ пойдемъ, — дорога будетъ короче.

— Истинно-съ. Давненько, Артемій Артемьичъ, вы у насъ не бывали.

— Собираюсь, собираюсь. Каково, Архипъ, поживаешь?

— Какое ужь наше житье! Хуже скверной просвирки: какъ я пеку, все просвиры на боку. Что ступишь, то согрѣшишь.

Архипъ былъ настоящій слуга, любилъ такъ побранить своихъ господъ.

— Грѣхъ да бѣда на кого не жвуютъ, сказалъ «преобязательный человекъ».

— Конечно, ежели въ рѣдкость, такъ оно—ничего бы, въ охотку даже. А то все грѣхъ да грѣхъ, и попа-то иной разъ пожагѣшь.

— Развѣ больно много ужь грѣховъ-то у тебя, Архипушка?

— И не говорите. Вотъ тепереча завелись шашни у барышни съ Григорьемъ Дмитричемъ, ну я бѣгай каждый день, высуня языкъ, изъ города въ семинарю, изъ семинарьи въ городъ съ записочками. Оно бы ничего, да все грѣшно такъ: какъ ни на есть, а посредственникъ выходишь.

— И теперь записочку несешь?

— Не безъ того.

— Врешь?

— А это что, сказалъ Архипъ, вытащивъ письмо изъ-за пазухи.

Письмо очутилось въ рукахъ Артемья Артемьича. Онъ, не задумываясь ни минуты, живо снялъ облатку и сталъ читать письмо.

— Эхъ, Артемій Артемьичъ! Не жаль вамъ меня! Вѣдь гонка нѣ за это будетъ.

— Зайди ко мнѣ: у меня облатки есть; я запечатаю письмо снова,—они и не узнаютъ. О—го! да у нихъ на ты идетъ, говорилъ Артемій Артемьичъ, читая письмо и дѣлая про себя замѣчанія, — сладко писать... Милый другъ... безцѣнный другъ... хм... хм... сладко, право. Письмо это, Архипушка, останется у меня, а вотъ тебѣ отъ меня на водку.

— Благодарствую. А какъ же я дома-то скажу.

— Потерявъ, уронилъ въ колодезь, въ канаву подъ дыр-
вые тротуары... Мало ли, что можно выдумать.

Въ другой разъ такимъ же образомъ попало въ руки «про-
обязательнаго человѣка» письмо отъ Вѣрочки ко мнѣ.

Въ июнѣ я узналъ, что нѣкоторые изъ учениковъ среднего
отдѣленія, живущіе подъ моимъ надзоромъ, промышляютъ фа-
брикаціей папирова. Я нѣсколько разъ просилъ этихъ гос-
подъ бросить опасный промыселъ, но они меня не слушались.
Что мнѣ было дѣлать? Прибѣгать въ совѣту товарищей бо-
гослововъ въ этомъ случаѣ было нельзя: богословы въ это
время были въ спорѣ съ философами, и товарищи мои непре-
мѣнно заставили бы меня донести на виновныхъ инспектору.
Я придумалъ обратиться за совѣтомъ къ профессору нрав-
ственнаго богословія; онъ былъ извѣстенъ за человѣка, ко-
торый никогда не тянулъ ни за учениковъ, ни за семинар-
ское начальство.

— Непремѣнно слѣдуетъ довести, сказалъ онъ, выслушавъ
меня.

— Но вѣдь эти фабриканты работаютъ папиромъ больше
для собственнаго употребленія, и въ видѣ только исключенія
позволяютъ себѣ обивать имъ товарищамъ — однимъ только
товарищамъ и больше никому.

— Въ такомъ случаѣ не слѣдуетъ доносить.

— Но мое послабленіе они могутъ принять за поощреніе
ихъ промышленности, и могутъ усмѣть и фабрикацію, и сбытъ
папирова.

— Непремѣнно слѣдуетъ довести.

— Но они вѣдь люди бѣдные, имъ жить нечѣмъ. Всѣ они
промышляютъ фабрикаціей папирова—кто на сапожники, кто
на фуражку, кто на сюртукъ или на брюки, кто на учебникъ..

— Ничуть не слѣдуетъ доносить.

— Но девушка заманчива и опасна. Наживъ лишнюю ко-
пейку, они могутъ употребить ее на прихоти и даже, чего
Боже сохрани, на удовлетвореніе страстямъ.

— Непремѣнно слѣдуетъ довести.

— Но виновныхъ непременно исключать, выгнать изъ се-
минаріи; мнѣ ихъ жалъ. Чувство долга здѣсь во мнѣ побѣж-
дается чувствомъ человеколюбія и состраданія къ ближнему.

— Ничуть не слѣдуетъ доносить.

Въ это время одинъ изъ учениковъ, живущихъ подъ моимъ надзоромъ, поспѣшно вошелъ въ переднюю профессора, далъ мнѣ знака, чтобы я вышелъ за двери и сказалъ мнѣ, что въ моемъ номерѣ начальство производитъ уже обыскъ.

Наикрасивѣе обзвѣнныя открыты не были, но у одного изъ учениковъ была найдена болончнина для дѣланія панталоновъ гильбосъ.

У другого ученика найдены альбомъ съ карриатурами на неназваннаго духовенства. У меня найдены списанный назвазію тому лѣтъ пять или шесть «Утопленникъ» Пушкина. Все это было принято въ расчетъ, и меня выслали изъ семинаріи на житье въ городъ, какъ челоуѣка разсѣяннаго. Я долженъ былъ снова поселиться во владѣніяхъ Петра Петровича.

Я откровенно написалъ отцу обо всемъ. Зналъ, что челоуѣку, получившему репузацію «разсѣяннаго» будетъ худо въ духовномъ званіи, я умоляла батюшку не стѣснять меня, по окончаніи курса, въ выборѣ званія, если онъ не хочетъ навсегда загубить моею будущности. Вмѣстѣ съ моимъ письмомъ полетѣло изъ города другое письмо къ отцу Семону. Тамъ дѣло представлено было совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ. Я долго ждалъ отвѣта отъ батюшки на мое письмо, и думала даже, что онъ придетъ въ городъ самъ, но батюшка не порадовалъ меня тогда ни единой вѣсточкой. Вмѣсто того я получилъ письмо отъ отца Василия, для за четыре до окончанія курса. Онъ писалъ мнѣ, что мой отецъ простудился въ одну холодную ночь на рыболовствѣ, что у него оперылась на ногѣ рожа, что онъ давно лежитъ въ постели и очень опасенъ. Получивъ аттестатъ втораго разряда, я полетѣлъ домой, въ Пронино.

(На этомъ окончились „записки Семинариста“).

Х.

Въ той же самой комнаткѣ, въ домѣ Залѣнова, гдѣ, послѣ долгой разлуки, Ратушевскій и Фоліантовъ встрѣтились съ

Ливановымъ, — всѣ они слѣдили за чаемъ. Тутъ же сѣ намъ былъ отецъ Василій, пронинскій священникъ. Самого Загѣпова не было дома; онъ пошелъ въ консисторію, известъ козакія справки. Всѣ пріятели съ видимымъ нетерпѣньемъ поджидали Петра Петровича, потому что въ тотъ день должно было окончиться дѣло Ливанова. Ратушевскій, только что прочитавшій «записки семинариста», долго и пристально смотрѣлъ на Ливанова, но ничего не могъ прочитать на безстрастномъ лицѣ его. Онъ замѣтилъ впрочемъ, что Ливановъ былъ блѣднѣе обыкновеннаго, но... и только. Григорій Дмитритчъ спокойно сосалъ давно потухшую папиросу. Въ дверяхъ, наконецъ, показался Петръ Петровичъ.

— А! Петръ Петровичъ, вскричалъ Ратушевскій, вскакивая со стула и заключая хояина въ объятія. Ну что? какія вѣсти изъ консисторіи?

— Прикажите-ка, господа, сходить за виномъ, Господь вамъ на встрѣчу, отвѣчалъ Загѣповъ. Вы что больше любите, ромъ или коньякъ? спросилъ онъ, опускаясь на стулъ подлѣ отца Василія, и трогая его безпалою рукою по колѣну.

— Говорите, пожалуйста, что за новости? спросилъ Ратушевскій.

— Прежде всего сообщу новость Григорію Дмитритчу. Вы скоро будете священникомъ, отцомъ Григоріемъ, въ Обуховѣ. Вотъ вамъ и билетъ на вступленіе въ бракъ съ священнической дочерью, дѣвицею Павлою Филипповною, за которою было зачислено обуховское мѣсто. Съ чѣмъ васъ и поздравляю, сказалъ Загѣповъ, кланяясь Ливанову и отдавая сложенный вчетверо листъ.

— Покорно васъ благодарю, сказалъ Ливановъ, положивъ билетъ въ тетрадь «записокъ». Въ этомъ я не сомнѣвался.

— Вчера подано прошеніе, а сегодня ужъ и билетъ на женитьбу. Скоро нынѣ ворочаются, замѣтилъ отецъ Василій.

— Вы, г. Фолиантовъ, продолжалъ Загѣповъ, черезъ мѣсяцъ будете отцомъ священникомъ въ Пронинѣ.

— Что вы? вскричалъ отецъ Василій, поднимаясь съ мѣста.

— Точно. Ваше дѣло по кляузамъ писаря рѣшено; вы переведены въ Стуково. Дѣло съ резолюціей сдано въ консисторію. Съ чѣмъ васъ и поздравляю.

— Ну, слава Богу, хоть переѣзда-то недалняя: всего пятнадцать версть. Вотъ вамъ, сказалъ отецъ Василій, вынима кредитный билетъ изъ портфоне. Посылайте за ромомъ или за юнъякомъ, за чѣмъ хотите.

— Такъ мнѣ, значить, назначень срокъ для явки къ посвященію, спросилъ Фолиантовъ.

— Точно, Богъ васъ любя. Въ мѣсяцъ вы должны жештись и посвятиться во священника. Конечно можете и скорѣе.

— Но у меня еще нѣтъ и нешѣсты въ виду.

— Это ужъ не *наше* дѣло. Мѣсто, которое вы прежде просили, вочислено за сиротой за какой-то...

— А обязательство?

— Оставлено въ своей силѣ: вы должны будете платить вдовѣ Лучковой 50 руб. сер. въ годъ. Съ чѣмъ васъ и поздравляю.

— Не очень тужу. Я радъ, что буду жить отъ Ливанова въ семи верстахъ. Вѣдь близко, а? Да проснись же, будущій отецъ Григорій. Въ сѣдлѣ буду къ тебѣ ѣздить. Земледѣльцы приближьтесь! Ура! Одолжи, Ливановъ, цѣлкачемъ въ счетъ будущихъ проинсинихъ доходовъ. Петръ Петровичъ! Посылайте.

— Благодарствую. И самъ схожу. А вотъ Павелъ Алексѣичъ, такъ еще ближе будетъ жить отъ Григорья Дмитрия.

— Опредѣленъ таки?

— Въ Обухово—въ наставники приходскаго училища.

— Караулъ! Ура! Къ просвирнѣ на хлѣбы, печь по черному, страхъ угарно. Петръ Петровичъ! Я ромъ люблю.

— Такъ пожалуйста на бутылочку.

Пріятели устроили знатную складчину, и вручили Петру Петровичу около 7 руб. сер.

— На семь цѣлковыхъ, господа, я могу завезть настоящій балъ, Господь вамъ на встрѣчу.

— Можно, Григорій Дмитриячъ, послать за вашими товарищами музыкантами и пригласить ихъ сюда, спросилъ отецъ Василій.

— Почему же, отвѣчалъ Залѣповъ. Мы и ужинъ соорудимъ. Поваръ свой, Мавра Степановна услужить.

— *Perbelle*, воскликнулъ Ратушевскій. Каждый изъ гостей будетъ единицей въ двухъ лицахъ: и музыкантъ, и гость вмѣстѣ.

— «Шумишь, братецъ, шумишь».

— Очищеннаго нужно же будетъ.

— Всенепременно. Контръ-басъ не очень жалуетъ заморские напнтки всероссійскаго издѣлія. Да вотъ и самъ онъ. Геркулесъ Голіафовичъ! закричалъ Ратушевскій, увидѣвъ въ дверяхъ Горкина съ контръ-басомъ на плечѣ. Ба! И олейта за тобой. Ты Суиневскаго-то не въ кармакъ ли примешь?

— Чортъ бы собралъ проклятыя ребятишки! Днесь никакъ нельзя пройти по городу съ этой махиной, сказалъ Горкинъ, ставови контръ-басъ въ уголъ. Говятея, какъ за медвѣдемъ. Здравствуйте, господа! Поздравляю всѣхъ вообще и каждаго порознь, и желаю всѣмъ всѣхъ благъ, земныхъ и происподнихъ, сказалъ онъ, пожимая руки товарищей своими медвѣжьими руками. Отецъ Василій! Какъ прикажете васъ поздравить.

— Пой поздравленіе, приличное случаю, сказалъ отецъ Василій.

— А я былъ сегодня въ консисторіи, сказалъ Горкинъ.

— Вотъ какъ нынѣ идутъ наши дѣла, отецъ Василій. Каждое почти діаконское и священническое мѣсто зачисляется нынѣ за какую нибудь сиротою невѣстомъ. Хоть плачь и съ житьемъ-то нашъ братъ.

— Пристало нашему брату плакать, сказалъ Горкинъ. Мужчина ли ты, Фоліантовъ?

— Къ несчастію мужчина, а то давно бы имѣлъ хорошее мѣсто: вѣдь я сирота.

Пока наши студенты толковали между собой, Загѣшовъ исправилъ комиссію. На столѣ явилась бутылка рому, бутылка коньяку, четверть очищеннаго, колбаса, десятка два копченыхъ сельдей, сахаръ, чай и проч.

— Ну вотъ, господа, вино на столѣ, — заговорилъ Лизановъ, — давайте же пировать!

— Идетъ.

Друзья вышли. Попозже пришло еще нѣсколько семинаристовъ съ музыкальными инструментами, и собрались почти всѣ постояльцы Петра Петровича, и пирушка началась. Взапространяться о ней нечего: много тутъ играли, много пѣли, много пили... Словомъ то была послѣдняя, прощальная пи-

рушка, въ которой пріятель котѣли насильно возбудить въ себѣ какую-то оффициальную радость, но случаю полученія вѣсти, и занять привычныя виною невольна накопившія на сердцѣ слезы ..

Утромъ всё развѣхались. Фолиантовъ побѣхаль спроситься на счетъ невѣсты; Ратушевскій въ Обухово укатилъ на хлѣбы къ просвириѣ, а отецъ Василій, получивъ указъ на переименованіе, уѣхалъ вмѣстѣ съ Ливановымъ.

Черезъ нѣсколько времени послѣ описаннаго нами вечера, Загипновъ получилъ отъ Ливанова письмо. Вотъ что писалъ Ливановъ

27 авг. 1857 г. с. Обухово.

«Дорогой другъ мой, Петръ Петровичъ!

И пишу вамъ за два дня до моего брака. Матушка моя сильно скорбитъ о томъ, что домашнія обстоятельства не дозволили вамъ отпраздновать свадьбу ея ненагляднаго Гришеньки. Добрая матушка! Ей дѣла нѣтъ до того, что ненаглядный Гришенька нисколько не занятъ предстоящей свадьбой и хоть скорбитъ вмѣстѣ съ матерью о томъ, что нѣтъ васъ въ предстоящую пору въ Обуховѣ, но скорбь Гришеньки ничего не имѣетъ общаго съ ея хвонотливими, «ахъ, право,» да «оохъ, ей Богу.»

Въ моемъ безвыходномъ положеніи я такъ цѣню вашу помощь, такъ дорожжу участіемъ вашимъ, какъ искренняго моего друга и совѣтника, что въ настоящее время, кажется, всё мои мысли сосредоточены почти на одномъ желаніи: видѣть себя возлѣ васъ. Смищивая тоска давитъ меня; нѣ такъ и кажется, что всё меня оставили, хотя матушка постоянно подходитъ ко мнѣ, и старается развлечь меня.

— Ничего, дитятко, говоритъ она, пройдетъ; нельзя же, всегда такъ бываетъ передъ свадьбой; такая грусть ляжетъ на сердце, что я Господи! А послѣ свадьбы какъ рукой сниметъ. Это всегда такъ бываетъ.

Скоро отжилъ батюшка. И надо же было случиться такъ, что онъ умеръ за день до моего прѣзда въ Пронино. Тѣло его еще не было опущено въ могилу, а я ужь долженъ былъ выслушать изъ устъ матушки послѣднюю его волю, высказанную имъ на смертномъ одрѣ. Въ этой волѣ его заключается мой смертный приговоръ. «Скажи Григорью», говорилъ, умирая, отецъ мой матушкѣ, «скажи ему, чтобъ онъ непременно былъ въ духовномъ званіи, хоть бы довелось ему быть въ немъ послѣднимъ человѣкомъ. Подъ этимъ условіемъ да будетъ надъ нимъ благословеніе Божіе и мое. Въ противномъ случаѣ...» Я не договариваю послѣднихъ его словъ; отъ нихъ сжимается и обливается кровью сердце.

Все это вы знаете, но напрасно полагаете, что сословныя предубѣжденія диктовали моему отцу послѣднюю его волю относительно меня. Нѣтъ... Я согласенъ съ Ратушевскимъ, что въ духовенствѣ сословныхъ предубѣжденій нѣтъ. Къ тому же мнѣ кажется, что отецъ мой былъ довольно разсудителенъ, хотя и упрямъ въ своихъ рѣшеніяхъ. Ложные, грязные рассказы о моихъ отношеніяхъ къ Вѣрѣ, — вотъ что сбило съ толку моего бѣднаго отца. Его пугала мысль, что я женюсь на дѣвушкѣ, которая позволила себѣ преступную связь со мною до брака. Не выдавши Вѣры ни разу, онъ уже ненавидѣлъ ее, и завѣщаніемъ на смертномъ одрѣ хотѣлъ пресѣчь зло, лишивъ меня возможности жениться на ней. Отецъ думалъ, что мать Вѣры никогда не согласится выдать дочь свою за духовнаго, но онъ ошибался. За недѣлю до его смерти я получилъ согласіе Варвары Николаевны на руку ея дочери даже и въ такомъ случаѣ, когда отецъ мой рѣшится удерживать меня въ духовномъ званіи, но съ условіемъ если, дадутъ мнѣ священническое мѣсто.

Намеками, довольно впрочемъ ясными, отецъ мой давалъ разумѣть мнѣ, что онъ предубѣжденъ противъ Вѣры, страшно не любилъ даже, когда я говорилъ о ней. Какъ жаль, что онъ не выдалъ ни разу эту милую дѣвушку. Я убѣжденъ, что онъ съ удовольствіемъ называлъ бы Вѣру своей дочерью, если бы видѣлъ ее хоть разъ, одинъ только разъ.

Похоронивъ отца, я безъ труда уговорилъ матушку ѣхать со мною въ городъ. Она была въ восторгѣ отъ Камковыхъ,

какъ и слѣдовало ожидать, и возвратилась домой въ Пронино въ ожиданіи извѣстія, когда я получу мѣсто. Но... будь ты проклятъ Артемій Артемьевичъ! Разными путями этотъ педагогическій свинтусъ успѣлъ довести до свѣденія начальства о моихъ интимныхъ отношеніяхъ къ Вѣрѣ Камковой, отношеніяхъ, поощряемыхъ ея матерью. У насъ, извѣстно вамъ, нѣсколькими указами строжайше запрещено кончалымъ семинаристамъ имѣть невѣсть. А тутъ я осмѣлился не только имѣть невѣсту, но еще влюбиться въ нее безъ разрѣшенія начальства. Преступленіе—неслыханное въ духовенствѣ! Въ одинъ прекрасный день мнѣ все это было откровенно высказано нѣкимъ вліятельнымъ духовнымъ лицомъ. За тѣмъ мнѣ оставалось или убираться изъ духовнаго званія, гдѣ не дали бы мнѣ больше пономарскаго мѣста, или жениться на духовной сиротѣ, какую укажутъ, чтобъ получить мѣсто священническое. Не знаю, какъ я въ тотъ день не потерялъ разсудка. Васъ не было тогда въ городѣ, и нельзя было надѣяться, чтобъ вы возвратились раньше трехъ или четырехъ дней. Въ моемъ отчаянномъ положеніи я однакожъ сдѣлалъ именно то, что мнѣ прежде всего надобно было сдѣлать, я вошелъ къ Камковымъ. Было около шести часовъ вечера. Меня встрѣтила Варвара Николаевна и, взявъ за руку, провела, по обыкновенію, въ гостиную.

— Гдѣ Вѣра? спросилъ я.

— Въ саду, отвѣчала Варвара Николаевна. Читаетъ, или вѣрнѣе мечтаетъ. — Что съ вами, Григорій Дмитричъ? Вы самъ не свой. Больны вы?

Я рассказалъ все подробно, безъ малѣйшей утайки. Варвара Николаевна до того была взволнована, что ничего не могла говорить и только ломала себѣ руки. Когда я кончилъ, она, глубоко вздохнувъ, повторила нѣсколько разъ:

— Господи! Какое несчастье! Бѣдная, несчастная Вѣра!

Вошла Вѣра и пристально посмотрѣла на насъ. Она была въ вѣтромъ платицѣ шерстянаго сиреневаго бареша, съ перелинкою на плечахъ изъ той же матеріи. Разстроенный видъ матери и мой не могли не поразить ее.

— Мамаша! Что съ тобой? Какая холодная щека у тебя, сказала она, поцѣловавъ мать.

— Ничего, милая, пройдетъ. Здѣсь, кажется, немного холодно.

— Скажи, Григорій, ради Бога, сказала Вѣра, взявъ меня за руку, — что все это значитъ?

Я поцѣловалъ протянутую мнѣ облепленную ручку, и крѣпко, крѣпко сжалъ ее въ моихъ холодныхъ рукахъ. Какъ хороша была тогда Вѣра. И такое-то чистое, непорочное созданіе, такого ангела могъ потерять я. Впрочемъ, объ этомъ я тогда и не думалъ.

— Не тревожься, Вѣра, сказалъ я, какъ можно спокойнѣе и не выпуская руки ея.

— И у тебя руки холодны, сказала она мнѣ. — Когда это бывало?

Я глоталъ слезы и ничего не говорилъ. Между тѣмъ Варвара Николаевна немного оправилась и собралась съ мыслями.

— Вѣрочка, сказала она. Намъ нужно поговорить съ Григорьемъ Дмитриевичемъ.

— Безъ меня?

— Да, моя милая. Оставь насъ на минуту.

Когда Вѣра вышла, я занялся слезами, какъ ребенокъ. Варвара Николаевна не мѣкала мнѣ плакать.

— Судьба не благопріятствуетъ намъ, сказала она, когда я нѣсколько успокоился. Напрасно я много разсчитывала на ея благосклонность. Петра Патрушича все еще нѣтъ дома?

— Нѣтъ.

— Вы теперь разстроены, Вѣрочка тоже. Она приступить къ вамъ съ разспросами. Что вы будете говорить?

— Не знаю.

— Вы подаете сейчасъ же домой, а я скажу Вѣрочкѣ, что вамъ надо было съѣхать въ семинарію и что вы черезъ часъ воротитесь. Но вы, разумѣется, не воротитесь ни черезъ часъ, ни черезъ два, и придетъ къ намъ завтра обѣдать. Adieu.

И Варвара Николаевна, протянувъ мнѣ руку, поцѣловала меня въ голову.

Съ разстерзаннымъ сердцемъ, съ недобримъ предчувствіемъ вышелъ я отъ Каминныхъ и, только подлодя къ воротамъ, догадался, что мнѣ надобно надѣть шапку.

Лучше не говорить, какую ночь провел я на своей койкѣ, за перегородкой.

На другой день, по утру, я только что успѣлъ одѣться, какъ вошелъ ко мнѣ Ракоцкій въ иѣховомъ платьѣ, весь закутанный въ шарфъ.

— Не ожидали, Ливановъ, спросилъ онъ, снимая теплыя капоши.

— Признаюсь, отвѣчалъ я, подавая ему руку. Садитесь, сдѣлайте милость. Вы едва переводите духъ.

— Мѣдѣ-то шлоко служить.

— Давно вы стали выходить?

— Въ первый разъ вышелъ, да и чуть дошелъ до вашей квартиры.

— Были у Варвары Николаевны?

— Вчера она у меня сидѣла съ восьми до одиннадцати. Плезя, Ливановъ, ваши дѣла.

— Плезя, Казимиръ Сосоровичъ, изъ рукъ моихъ избѣдъ Голова кружится.

— Откровенно не люблю. Надѣюсь, Григорій Дмитричъ, вы честный и умный человекъ. Такъ поступите же въ нестоящихъ обстоятельствахъ такъ, какъ велитъ вамъ долгъ честнаго и умнаго человека.

— Съ этой дороги я не спускаю и, увѣренъ, никогда не сойду.

— Дайте мнѣ слово не ходить къ Камковымъ, пока обстоятельства не измѣнятся къ лучшему.

— Но какъ же это: жить здѣсь и не видѣть Вѣры, не слыш...

— Какъ жаль, если у васъ нѣтъ твердаго характера.

— Что дѣлать, вы требуете жертвы не по силамъ.

— Но если этого требуетъ отъ васъ Варвара Николаевна?

— Она велела запереть двери своего дома передъ моими носомъ, когда ей угодно.

— Будьте осторожны. Не если проситъ васъ объ этомъ Казимиръ Ракоцкій, который столько дорожитъ вашимъ расположеніемъ къ себѣ, что никогда не предложитъ вамъ просьбы, вредной для васъ.

— Вы требуете отъ меня жертвы не по силамъ. Умоляю васъ, не гоните меня отъ Вѣры.

— Фу ты, Господи! Далась вамъ эта жертва не по силамъ. Дайте мнѣ слово не ходить къ Камковымъ, по крайней мѣрѣ, въ продолженіе недѣли. Я требую этого во имя любви вашей къ Вѣрѣ Александровнѣ. Неужели вы столько безхарактерны, что и эта жертва будетъ вамъ не по силамъ?

— Даю слово, хоть и не знаю, для чего оно вамъ нужно. На это время я уѣду домой въ Провино

— И прекрасно.

— Я сегодня приглашенъ на обѣдъ къ Камковымъ. Послѣ обѣда...

— А честное-то слово забыли? Скорѣе.

— Но какъ же я уѣду, не простившись съ ними?

— Очень просто: сядете въ тарантасъ, скажете ямщику: пошелъ—и все тутъ. Въ настоящихъ вашихъ обстоятельствахъ, чтобъ не убить Вѣру Александровну, вы должны будете скрывать передъ нею истину и прикрываться ложью. Вамъ, конечно, стыдно лгать передъ Вѣрой Александровной, подъ какими бы то ни было предлогами, такъ предоставьте это мнѣ, старому грѣшководнику. Я скажу ей, что ваша матушка опасно заболѣла, что изъ Провина въ глухую полночь прискакалъ за вами нарочный, съ которымъ вы, не медля ни минуты, и отправились въ путь,

— Но...

— Да будьте же, пожалуйста, мужчиной. На недѣлю, вѣдь всего на недѣлю.

Черезъ часъ я выѣхалъ изъ города, и къ вечеру слѣдующаго дня былъ уже въ Провинѣ. Первый вопросъ матушки былъ о Вѣрѣ и о Варварѣ Николаевнѣ, второй—о моемъ мѣстѣ. Я отвѣчалъ, что Камковы здоровы, и что мѣста я еще не получилъ и, можетъ, долго не получу.

Я проводилъ время всегда или дома въ четырехъ стѣнахъ, или въ прогулкахъ по окрестностямъ. Еслибъ вы знали, какія черныя мысли волновали меня, душили меня и сжимали сердце; еслибъ вы знали, какъ я уворно боролся съ ними въ уединенномъ затишьи нашего сельскаго домика, вы отъ всей души пожалѣли бы обо мнѣ. Я чувствовалъ потребность оди-

почества: не для чего мнѣ было дѣлиться съ другими своимъ горемъ, которому я отдался всей душой, и оплакивалъ его только наединѣ съ самимъ собою. Даже у добраго отца Василия я былъ всего однажды на нѣсколько минутъ и въ такое время, когда его жены не было дома; я избѣгалъ разспросовъ, до которыхъ всѣ вообще женщины такія охотницы. Матушка моя была нисколько неводержимѣе другихъ женщинъ на языкѣ, и въ Пронинѣ не могло быть тайвою, что у дьяконицына Григорья есть невѣста. Разъ, и именно наканунѣ предположенной мною обратной поѣздки въ городъ, возвращаясь съ прогулки, я повстрѣчался въ селѣ съ Клавдіей Викторовой, женою отца Семена.

— Что васъ не видать, Григорій Дмитритчъ, спросила она меня.—Точно причесеть отъ всѣхъ, право. Какова ваша невѣста? Вы, говорятъ, засватали свѣтскую? Напрасно. А мы своихъ-то куда дѣвать станемъ? Да и невѣсту свѣтскую чтобы брать, надобно просить разрѣшенія. Хорошо—разрѣшать, а какъ вѣтъ? Впрочемъ, что жъ за бѣда, если и откажутъ? Былъ бы покупатель, товаръ всегда найдется. Сколь нынѣ великъ окладъ въ попечительство за свѣтскую невѣсту? Не знаете? Напрасно; знать бы не мѣшало.

Я едва успѣвалъ отвѣчать на вопросы Клавдіи Викторовны, и счелъ за лучшее поскорѣе раскланяться съ словоохотливой попадѣей и идти далѣе.

Отдѣлавшись отъ одной кумушки, я шелъ на встрѣчу другой,—просвириѣ. Не желая сходитьсь съ нею, я поворотилъ было назадъ, но Клавдія Викторовна переѣхнула маршрутъ и шла опять мнѣ на перерѣзъ. Я вздумалъ сдѣлать фальшивое движеніе и идти по тропинкѣ къ Каменному Ключу, вправо отъ Пронина. Смотрю: по этой тропинкѣ прямо на меня идетъ корова, а за нею Секлетинья Мироновна съ хворостинной. Оставался для меня отырытымъ лѣвый флангъ; но онъ былъ плотно защищенъ заборомъ и воротами дома причетника Трофима Захаровича. Я пошелъ на проломъ къ воротамъ Трофима, въ надеждѣ, что въ оградѣ у него не встрѣчусь ни съ кѣмъ.

— А, Григорій Дмитритчъ! Добро пожаловать, заговорилъ

Трофимъ Захарычъ, снимая хомутъ съ старяженной уже лошади.

— Здравствуйте, Трофимъ Захаровичъ. За грибами, вѣрно, ѣздилъ?

— Какое! На большую дорогу пошло. Шляхъ на колесахъ лопнулъ, такъ примааялся дорогой. А ѣздаль-то, признаться, за берестой; крышка надо обивать. Что это за горшки нечѣ дѣлають! Разъ, два пальши ихъ, смотришь, врознь и ползуть. А какъ берестей-то обовьешь, все-же подольше терять. Вотъ это, снимаю я бересту на большой дорогѣ, продолжалъ Трофимъ Захарычъ, прибирая возжи, узду и сѣдѣло, — смотрю гонять кто-то по большой дорогѣ, пыль столбомъ. А это отецъ Виссаріонъ съ Лапугъ. Гоняетъ всегда на перемѣнныхъ. — «Стой, ямщикъ», закричалъ онъ, увидѣвъ меня. «Трофимъ Захарычъ! Каково живешь — можешь?» Я, разумѣется, презентовалъ отцу Виссаріону и съ своей стороны обратно. «Нака, братъ», говоритъ онъ, доставъ письмо изъ кармана, — «отдай это Григорью Дмитричу; изъ города; Петръ Петровичъ вручилъ. Пошелъ!» Только я его и видѣлъ. Ужъ мастеръ погонять.

— Мнѣ письмо, спросилъ я.

— Да, вамъ.

Когда я прощался съ Ракоцинымъ, онъ сказалъ мнѣ: «все будетъ сдѣлано для поправленія плохихъ дѣлъ вашихъ, что можно будетъ сдѣлать. Ждите и надѣйтесь!» У меня тотчасъ мелькнула мысль, что это письмо отъ Ракоцкого.

— Вотъ извольте, сказалъ Трофимъ Захарычъ, доставая письмо изъ кармана. А я, было, хотѣлъ принести его къ вамъ завтра.

Адресъ на конвертѣ былъ написанъ, Петръ Петровичъ, вашею рукою, — тѣмъ переркомъ, который не позволилъ вамъ возвыситься въ консисторію до степени даже канцелярскаго писца. Я тотчасъ сломилъ печать. Вы велѣли мнѣ снѣхать въ городъ, какъ можно, скорѣе, если я хочу застать Камковича, которые собираются въ путь. Конечно, я не медля и, простившись съ матушкою, погналъ въ городъ не хуже отца Виссаріона. Къ утру, задолго еще до восхода солнца, я пріѣхалъ на станцію Трохово. Ямщикъ подождалъ мой тарантасъ къ воротамъ

знакомаго ямщика и сталъ выпрягать лошадей. Но хозяинъ не торопился выходить изъ избы. Я послалъ ямщика разбудить его. Черезъ четверть часа явился хозяинъ, безнадежно зѣвая и представляя изъ себя живую картину человѣка, недовольнаго нарушеніемъ его утренняго покоя.

— Лошадей, голубчикъ, пожалуйста поскорѣе, сказалъ я ему.

— А гдѣ ихъ взять? — Въ разгонѣ.

— Такъ, пожалуйста, позови сюда сосѣда ямщика, да поскорѣе.

— Окромя меня никто здѣсь не ѣздитъ по прогонамъ.

— Быть не можетъ. Такое большое село!

— Попробуй, понищи.

— Сдѣлай милость, найди мнѣ лошадей. Я тебѣ на водку дамъ.

— Толкомъ бають, нѣтъ молъ здѣсь лошадей окромѣ меня.

Нечего было дѣлать, я пошелъ самъ искать лошадей. Подхожу къ одной избѣ, по наружному виду которой можно было заключить, что хозяинъ ея живетъ позажиточнѣе своихъ сосѣдей. Сколько ни кричалъ я подь окномъ, на голосъ мой никто не откликнулся. Только храпъ и свистъ спавшихъ въ избѣ слышался на улицу. Я взялъ палочку и постучалъ въ оконную раму.

— Кто тамъ? — спросилъ меня хриплый мужской голосъ.

— Лошади есть?

Слышно было, что кто-то поднимается съ кровати, кричитъ, кашляетъ и отплеивается.

— Поскорѣе, пожалуйста.

— Погоди ужь, отозвался въ избѣ тотъ же голосъ, не столь уже хриплый.

Минуть черезъ пять половинок окончины отодвинулась въ сторону, и въ окно высунулось заспанное лицо мужика.

— Лошади есть, спросилъ я.

— Ты откуда?

— Изъ Провина.

— Знаю Провино. Куда?

— Въ городъ.

Отд. I.

— Туда, а значитъ? спросилъ мужикъ, кивнувъ головой по направленію къ городу.

— Да, туда. Лошади-то есть ли?

— Погоди ужю. Семейно ли васъ сѣдоковъ-то?

— Я одинъ.

— А кма ли лошадей надо?

— Пару.

— Для одного пары будетъ.

— Такъ веди поскорѣе.

— Погоди ужю. Свой карандасъ?

— Свой.

— На какомъ ходу?

— На деревянномъ.

— Ну, на загѣномъ, такъ похотѣе бы было. Не сколь платишь?

Я сказалъ.

— И плата годящая. Охотнику ѣздить можно. Прогонны впередъ отдаешь, али на той станціи платишь?

— Пожадуй, впередъ отдамъ. Лошадей-то давай, пожадуйеца поскорѣе.

— Подходи туже. А Якимъ что не ѣдетъ?

— У него лошади въ разгонѣ.

— То-то. Не опустилъ бы онъ. О! Жидоморъ вѣдь, на срамъ деньгу любитъ.

— Лошадей, лошадей веди поскорѣе. Сдѣлай милость.

— Ну-у! По проганамъ, почтенной, я не ѣзжу и отъ-родесь не ѣзживалъ. У меня всего одна лошадь, да и та прошлой недѣлей захромала, ядъ ее знаетъ отъ чего.

Съ досадою отошелъ я отъ окна болтливаго мужика и постучался у другой избы. Успѣхъ былъ тотъ же. Такимъ образомъ я обошелъ почти всю деревню, и нигдѣ не нашелъ лошадей. Разстроенный до нельзя возвратился я къ своему тарантасу.

— Ты, почтенный, не сумѣвайся, сказалъ мнѣ въ утѣшеніе Якимъ. Лошади воротятся часа черезъ три, много — черезъ четыре. Мы маленько ихъ покормимъ, и ступай со Христомъ.

Я легъ въ тарантасъ внизъ лицомъ, и такъ пролежалъ, не смыкая глазъ, пѣлыхъ шесть часовъ, пока Якимъ не заложилъ лошадей. На слѣдующей станціи я прожилъ не менѣе пяти часовъ и въ городъ съѣхалъ въ тотъ самый день, въ который могъ явиться къ Камковымъ, не нарушая даннаго слова. Вотъ показала и домъ Камковыхъ. Десять часовъ утра. Ставни наглухо закрыты. Что за чудо? Неужели еще спать? Быть не можетъ; Камковы встаютъ рано. Проѣзжая мимо дома, я увидѣлъ прибитую на углу его страничку сѣрой бумаги. На ней было крупными словами написано:

«Сей домъ продается».

У меня такъ стѣснило грудь, что я едва не закричалъ отъ боли. Пострудно было догадаться, что Камковы оставили и домъ, и городъ N. Куда же уѣхали? Вы были тогда въ кон-спиріи; Мавры Степановы тоже не было дома. Я побѣ-жалъ къ Ракоцкому. Онъ извѣдалъ мнѣ, что Камковы уѣхали наканунѣ вечеромъ, а куда уѣхали,—не знаетъ, и за тѣмъ не-продать мнѣ письма отъ Варвары Николаевны. Письма этого она не имѣла. Потомъ я нашелъ его въ боковомъ нарядѣ изъ его сюртука смятаннымъ, сматымъ, т. е., въ томъ видѣ, въ какомъ оно было положено туда мною. Вотъ что я прочелъ, когда развернулъ письмо Варвары Николаевны.

«Одному Богу извѣстно, дорогой Григорій Дмитричъ, какъ мнѣ горько, что я не могу назвать васъ своимъ сыномъ. Послѣ вашего отъѣзда къ Проннино, я вдалась за ваше дѣло, въ надеждѣ поправить его; потому что ваше дѣло было дѣломъ и моей дочери вмѣстѣ. Я перебивала у всѣхъ духовныхъ лицъ, имѣющихъ хоть какое нибудь вліяніе на дѣла епархіальнаго управленія. Одни вовсе не принимали меня; другіе принимали, но старались, какъ можно скорѣе отдѣлаться отъ меня уклончивыми отвѣтами. Одинъ изъ этихъ людей впро-чемъ скажиса надо мною, выслушалъ меня отъ начала до конца и я все-жь-таки сказала: «дѣло это безнадежное. Ливанову трудно раз-смыслить и на пономарское мѣсто; хоть на колокольню поди, да зво-ни во вся, но слѣв отаческаго завѣданія. Удива на лицо: «письмо вашей дочери къ Ливанову и письмо Ливанова къ ней». Какъ будто я не знаю, что это за письмо, какъ будто дочь моя посылала къ

вамъ хоть одну строчку безъ моего вѣдома, или какъ будто она получала отъ васъ письма тайкомъ отъ меня. Или въ самомъ дѣлѣ, они считаютъ меня способною покровительствовать любви подозрительной, и чьей-же? родной дочери.

Возьмите же, Григорій Дмитритчъ, послѣ этого на себя роль безпристрастнаго судьи между мной и вами. Что бы сдѣлали вы на моемъ мѣстѣ? Не тѣмъ же ли языкомъ заговорили бы вы, какимъ я сейчасъ буду говорить съ вами? Когда бы вы могли оставить духовное званіе, я знаю, вы нашли бы средства къ существованію, могли бы жить безбѣдно одними даже музыкальными уроками, если бы и не пошли въ службу. Дочь моя, помогала бы вамъ своими трудами, и вы могли бы жить въ довольствѣ. Но Богъ знаетъ, что бы ожидало васъ на мѣстѣ пономарскомъ, какое таверъ обѣщаютъ вамъ въ случаѣ женитьбы вашей на моей дочери, да и вообще, позволятъ ли вамъ и жениться-то на ней покуда каковы бы то ни было условія, когда вы останетесь въ духовномъ званіи? Чего же мнѣ было ждать здѣсь въ городѣ? Я, съ своей стороны, нѣкогда своей особой взгляда на жизнь, и признаюсь вамъ, семла бы съ ума, увидѣвъ дочь мою въ бракѣ съ человѣкомъ, надъ головою котораго все жизнь должно висѣть отцовское проклатіе. Вы видите, что дочь моя потеряна для васъ безвозвратно, какъ и вы для нея.

Въ припадкѣ горести вы, вѣрно, будете обвинять меня и жаловаться, за чѣмъ я, не увѣрившись прежде, возможень ли брачный союзъ между вами и моею дочерью, дозволила вамъ любить другъ друга. Въ вашемъ обвиненіи будетъ нѣсколько правды. Въ любящей матери близорукость непростительна. Я подиѣтила взаимную любовь моей дочери и вашу, когда уже поздно было тушить ее. Въ этомъ вся моя вина. Что же мнѣ оставалось дѣлать? Сблизиться съ вашими родителями и откровенно объясниться съ ними? Но вѣдь есть же на свѣтѣ приличія, которыя надобно уважать. Нарушенія нѣкоторыхъ изъ этихъ приличій не терпитъ духовенство въ особенности. Если бы я вздумала взять на себя попытку сблизенія моего съ вашими родителями, я увѣрена, что первый шагъ мой къ нему былъ бы принятъ ими за заискивающую попытку съ своекорыстною цѣлю, или даже для прикрытія неблаговиднаго дѣла. Петръ Петровичъ показывалъ мнѣ у Ракоцкаго письмо, гдѣ отецъ вашъ писалъ: учись, Григорій, и живи хорошо, *ти отъ челаъ тебѣ не будетъ отказано.* Я не могла думать, что на языкѣ вашего родителя подобное обѣщаніе

имѣть самый тѣсный кругъ и доходить до извѣстной только черты. На богатую и блестящую партію для моей дочери я никогда не рассчитывала; вы соединили въ себѣ всѣ качества, какія я желала имѣть въ моемъ зятѣ. Признаюсь откровенно, я радовалась за мою дочь, что она отдала свое сердце именно вамъ, и что ваше сердце отозвалось на любовь ея. Остальное я предоставляла провидѣнію. Жалѣть, а не винить меня надобно, если оно рѣшило иначе.

Вы будете, можетъ быть, обвинять меня въ жестокости, потому что я не дозволила вамъ и Вѣрочкѣ проститься другъ съ другомъ въ послѣдній разъ. Сколь бы ни была въ васъ сильна и снѣпа любовь къ моей дочери, но я надѣюсь, у васъ достанетъ на столько благоразумія, чтобы отдать мнѣ справедливость въ этомъ случаѣ. Смихожденіе было бы непростительною слабостью съ моей стороны. Допустить свиданіе между вами значило бы дозволить довести вашу любовь до послѣдней степени экстазаціи. Обязанности мои здѣсь сходны съ обязанностію доктора, который лишаетъ больныхъ всего, что можетъ усилить въ нихъ внутренній жаръ. По этой же самой причинѣ я удержала у себя письмо къ вамъ отъ Вѣры, написанное передъ отъѣздомъ. Да Вѣрочка еще и знаетъ мало, или по крайней мѣрѣ не все; я увѣрила ее, что получила увѣдомленіе о смерти близкаго своего родственника, проживавшаго въ одномъ изъ бѣлорусскихъ городовъ, и что намъ надобно спѣшить туда, не теряя часа, чтобы не потерять наслѣдства, оставшагося послѣ него. Вѣрочка вѣритъ мнѣ въ половину, потому что я лгала передъ нею въ первый разъ въ жизни и лгала, разумѣется, неудачно. Что-то будетъ, когда я увижу возможность сказать ей всю правду. Я дала довѣренность Ракоцкому продать домъ, мебель и все, что было у меня заведено по хозяйству; въ дорогу съ собой я взяла только то, безъ чего нельзя обойтись. Не старайтесь узнать отъ Ракоцкаго, куда мы отправляемся: онъ не знаетъ этого, да я и сама не знаю, въ какомъ городѣ выберу для себя уголокъ. Теперь я намѣрена около полугода путешествовать по Россіи.

Примите мою сердечную признательность за ваши труды по образованію моей дочери. Вы имѣли въ виду образовать Вѣру для себя и не жалѣли для этого никакихъ усилій, никакихъ пожертвованій; вы сдѣлали для нея такъ много, что я не нахожу словъ благодарить васъ. Благодарность моя къ вамъ не умретъ со мною. Я надѣюсь, что Богъ помилуетъ мою дочь, и она переживетъ меня на

долго, чтобы всю жизнь хранить память о томъ сердцѣ, которое было когда-то для ней одной. Пока я жива, вы всегда будете дороги для меня, почтительной къ вамъ»

Вспомни Каминской

4-го сентября 1856 г.

Бессонныя ночи прошедшей недѣли, нагнанныя душевными мученіями, разстроили мое здоровье. Письмо Варвары Николаевны окончательно разбило во мнѣ физическія силы. Словно во снѣ вижу, какъ матушка моя, Мавра Степановна, и вы, Петръ Петровичъ, ухаживали за мной во время продолжительной моей болѣзни въ вашемъ домѣ. Одной матушкѣ, слабой и больной, было бы не подъ силу ухаживать за мною въ продолженіе двухъ почти мѣсяцевъ. Вы всегда были безконечно добры ко мнѣ, всегда зорко слѣдили за мною и умѣли направлять мои наклонности въ добрую сторону. Вы же были моимъ хранителемъ и во время продолжительной моей болѣзни, просиживая съ книгою въ рукѣ иногда цѣлыя ночи у моего изголовья. Настоящимъ письмомъ я удовлетворяю собственному желанію откровенно высказаться передъ вами и описать подробно все, что связано съ роковою, невозвратимою для меня утратою, въ полной надеждѣ, что ваше доброе сердце всегда открыто для меня. Нынѣ я переживаю то состояніе, въ которомъ человѣкъ сознаетъ, что для него все потеряно въ мірѣ и впадаю въ жалкую апатію. Теперь... теперь пусть женятъ меня, на комъ хотятъ. Мнѣ говорятъ, что моя невеста Павла Филипповна и молоденькая, и красавица; матушка въ особенности утѣшаетъ меня этимъ. Я со всѣмъ этимъ совершенно согласенъ, а все-жъ-таки повторяю: теперь пусть меня жепятъ, на комъ хотятъ. Мнѣ все равно. Теперь моя жизнь опредѣлилась; я вступаю въ колею, изъ которой не выбиться мнѣ никогда; да и къ чему выбиваться, когда силъ ужъ нѣтъ для жизни настоящей; что-то истощило и сломало эти силы... Пожалуйте меня, добрѣйшій Петръ Петровичъ.

Весь вашъ *Лизанова.*»

Прочитавъ это письмо, Петръ Петровичъ горько задумался; да и было тутъ надѣ чѣмъ призадуматься.

И. Осенитъ.

ВИНОВАТА—ЛИ ОНА?

ГЛАВА VI.

МОСТЬ НА РЕЙПЕ.

— Скажи, пожалуйста, Джоржъ, начала Кэтъ еще на ходу:— ужь не разставлялъ ли ты всѣ свои вещи для публичной продажи съ аукціоннаго торга?— Тутъ она упрядкой взглянула на Алису и, замѣтивъ, что есть что-то неловкое, и Алиса не расположена подхватить ея шутку, продолжала свороговоркой, въ томъ же шутливомъ тонѣ, чтобы покрыть смущеніе Алисы и дать ей время оправиться до прогулки:— повѣришь ли, у него на столѣ лежали три бритвы?

— Вѣдь не ходитъ же небритымъ, хотя бы и въ Базелѣ.

— Но кто же брѣдется тремя бритвами заразъ? Дагѣе, на томъ же столѣ лежали три щетки для волосъ, съ поддожини зубныхъ щетокъ, цѣлая коллекція маленькихъ гребешковъ, штуки четыре или пять маленькихъ стiletочекъ, съ серебряными горлышками, очень похожихъ на стiletки съ ядомъ. Я только и могу объяснить себѣ все это твоимъ желаніемъ озадачить слабоумную горничную. Я весь этотъ хламъ убрала; но помни, что если ты опять произведешь безпорядокъ, ты же и будешь въ отвѣтъ. Ну, а что касается твоихъ сапоговъ, то я не намѣрена ихъ убирать, Джоржъ. И на что тебѣ понадобились въ Базелѣ три пары сапоговъ?

— Когда ты кончишь перечень всего моего гардероба, мы отправимся гулять по мосту; то есть, если Алиса этого желаетъ.

— О, да! Я охотно пойду.

— Въ такомъ случаѣ, пойдите, сказала Кэтъ. И маленькое общество тронулось съ мѣста.

Когда они достигли моста, Алиса и Кэтъ шли рядомъ. Джоржъ шелъ позади ихъ на близкомъ разстояніи, но не принималъ участія въ ихъ разговорѣ, какъ будто онъ за тѣмъ только шелъ, чтобы служить имъ тѣлохранителемъ. Кэтъ казалась совершенно довольною этимъ положеніемъ дѣлъ и болтала съ Алисою, дѣлая видъ, будто все обстоитъ совершенно благополучно. Нечего и говорить, что Алиса на этотъ разъ не старалась сдѣлать Джоржа участникомъ ихъ разговора. Итакъ, онъ слѣдовалъ за ними по пятамъ, съ заложенными за спину руками и опущенными въ землю глазами, оставаясь безучастнымъ спутникомъ ихъ прогулки.

— Знаешь ли, воскликнула Кэтъ, — меня разбираетъ страшная охота убѣжать.

— Куда же ты хочешь убѣжать?

— Куда бы то ни было, мнѣ все равно. Ну хоть въ маленькую гостинницу въ Гандекѣ. Мѣсто тамъ уединенное; жила бы я тамъ вдали отъ всего свѣта, а водопадъ былъ бы у меня подъ рукою. Одна бѣда, съ меня, пожалуй, стали бы требовать уплату по счету гостинницы. Ужъ это совсѣмъ было бы не хорошо.

— Но къ чему же именно теперь убѣгать?

— Не безпокойся, не убѣгу; я знаю, что тебѣ неприятно было бы ѣхать домой съ Джоржемъ вдвоемъ; да и онъ счелъ бы своимъ долгомъ присмотрѣть за мною, точь въ точь, какъ онъ это дѣлаетъ теперь. Воображаю, какъ ему пріятно это обязательное хожденіе за нами по мосту. Не будь насъ у него на рукахъ, онъ вѣрно сидѣлъ бы вонъ въ той кофейной и пилъ бы пиво.

— Я такъ думаю, что онъ не стѣснися бы насъ оставить, если бы ему хотѣлось уйти.

— Ну это грѣшно тебѣ говорить; вѣдь мы еще ни разу не сидѣли дома изъ-за его отказа идти съ нами. Но, что, бишь,

я начала говорить? Да! меня пугаетъ возвращеніе домой. Ты ѣдешь къ своему Джону Грей; это еще куда ни шло. А я, вѣдь, ѣду къ тетускѣ Гринау!

— Это твой собственный выборъ.

— Ни чуть не бывало. У меня въ этомъ дѣлѣ и выбора никакого нѣтъ. Я, конечно, властна и не знаться съ тетуской Гринау, я никто не можетъ принудить меня къ противному; но, говоря практически, у меня нѣтъ выбора въ этомъ дѣлѣ. Представь же себѣ, какъ пріятно провести цѣлый мѣсяцъ въ Ярмутѣ, въ обществѣ такой женщины.

— Мнѣ бы это было не непріятно. Тетуска Гринау всегда казалась мнѣ хорошею женщиною.

— Женщина она, можетъ быть, и не злая; но я, признаюсь, считаю ее за нехорошую женщину. Она никогда не говорила при тебѣ о своемъ мужѣ?

— Нѣтъ, никогда. Помнится, она немного поплакала, когда въ первый разъ пріѣхала въ улицу королевы Анны; но это было такъ естественно.

— Онъ былъ тридцатью годами старѣе ея.

— Но все же онъ былъ ея мужъ. Допустимъ даже, что слезы ея были притворныя; что жъ изъ этого? Какъ поступить женщинѣ въ подобномъ случаѣ? Конечно, она была не права, выходя за него замужъ. Ей было двадцать пять лѣтъ, и у нея ничего не было; ему было шестьдесятъ пять, и онъ былъ очень богатъ. Но, по общему отзыву, она была ему хорошею женою; не захочешь же ты, чтобы теперь, когда онъ отказалъ ей всѣ свои деньги, она хохотала, три мѣсяца спустя послѣ его смерти.

— Нѣтъ, я не хочу, чтобы она хохотала; но въ то же время не хочу, чтобы она и плакала. Она хорошо дѣлаетъ, что носитъ трауръ, но ужъ совершенно напрасно хлопочетъ о ширинѣ плерезовъ и о томъ, чтобы чепцы были ей къ лицу. Право, я боюсь, что она попортитъ себѣ глаза двойною работою; она постоянно смачиваетъ ихъ слезами и въ то же время всегда готова направить баттарею своихъ взглядовъ на каждаго встрѣчнаго мужчину.

— Въ такомъ случаѣ, за чѣмъ же ты согласишься ѣхать съ нею въ Ярмутъ?

— А потому, что у нас состоишь въ сорокъ тысячъ фунтовъ. Если бы мистеръ Гриннау оставилъ ей только небольшую пенсію, я бы, кажется, и руки ей никогда не прояснула.

— Въ такомъ случаѣ ты и сама не лучше ея.

— Нисколько не лучше; оттого-то я и хотѣла бы убѣжать. Впрочемъ, не на мнѣ одной лежитъ вина; виноваты и всѣ окружающіе. Кто же пренебрегаетъ богатыми родственниками! Когда она предлагала взять меня съ собою въ Ярмутъ, мой сквайръ, какъ и слѣдовало ожидать, началъ уговаривать меня, чтобы я ждала. Обращалась къ Джорджу, тотъ мнѣ тоже въ отвѣтъ: «Что тутъ думать! конечно, ступай; вѣдь у нея состоишь въ сорокъ тысячъ фунтовъ!» Нельзя же считать себя умнѣе и лучше своихъ родныхъ. И что мнѣ, какъ подумаю, въ ея деньгахъ?

— Думаю, что тебѣ немного изъ нихъ перепадетъ.

— Да ни одного шиллинга. Мнѣ уже надо тридцать, а ей всего сорокъ лѣтъ, и она, конечно, выйдетъ замужъ во второй разъ. Къ тому же нѣтъ человѣка въ мірѣ, который бы меньше меня дорожилъ деньгами.

— Это такъ.

— А вотъ видишь, все-таки зависимаши въ богатыхъ родственникахъ. На томъ ужъ свѣтъ стоитъ.

Тутъ она съ минуту помолчала.

— А сказать ли тебѣ, Алиса, чего я въ ней зависиваю? Быть можетъ, моя цѣль покажется тебѣ такою же низкою, какъ если бы я допрашивалъ ея деньги для себя.

— Посмотримъ, какая у тебя цѣль?

— Я не упущу ни изъ виду, что черезъ нее Джорджъ можетъ сдѣлать свою карьеру. Мнѣ нужны деньги, но ему они придется. А когда дѣло идетъ о его будущности, мнѣ кажется, что всѣ члены его семейства обязаны оказывать ему содѣйствіе. Я убѣждена, что онъ могъ бы составить себѣ имя въ парламентѣ. Будь у меня только своя воля, я бы отдала все наше состояніе до послѣдняго шиллинга, чтобы доставить ему представительство. Когда я связала объ этомъ старину, онъ меня чуть не съѣлъ. Я, право, того и ждала, что онъ выгонитъ меня изъ дому.

— И по дѣломъ бы тебѣ было.

— Но мнѣ это все равно. Пускай бы онъ меня выгналъ; я положила себѣ, во что бы то ни стало, высказать ему свою мысль. Онъ обругалъ меня въ самыхъ грубыхъ выраженіяхъ; потомъ его взяло такое раскаяніе, что онъ въ тотъ же вечеръ прибѣжалъ ко мнѣ въ спальню; поцѣловалъ меня и подарилъ мнѣ банковый билетъ въ десять фунтовъ. И что же бы, ты думаешь, я сдѣлала съ этимъ билетомъ? Я послала его, какъ свою лепту, на покрытие издержекъ по предстоящимъ выборамъ, и теперь онъ лежитъ подъ замкомъ у Джоржа въ шкатулкѣ. Только смотри, не говори ему, что я тебѣ рассказала:

Тутъ онъ приостановили свою прогулку и облокотились о перила моста:

— Поди-ка сюда, Джоржъ, проговорила Кэтъ, отодвигаясь, чтобы дать ему мѣсто между собою и Алисою. — Не приходитъ ли тебѣ охота, гляди на эти маяющія волны, плыви внизъ по теченію, точь въ точь, какъ плавали эти мальчики, пока мы сидѣли на балконѣ?

— Не скажу, чтобы мнѣ особенно хотѣлось испробовать это удовольствіе; развѣ для того только, чтобы отправиться водою на тотъ свѣтъ.

— Мнѣ бы такъ пріятно было чувствовать, что меня уноситъ потокъ, продолжала Кэтъ, — особенно при этомъ свѣтѣ. Я просто представить себѣ не умѣю, чтобы я могла утонуть.

— А я такъ ничего другаго не могу себѣ представить, замятила Алиса.

— Какое наслажденіе чувствовать, какъ вода скользитъ по твоимъ членамъ, и ты несешься стремглавъ, зная, что путь твой прямо лежитъ въ Роттердамъ.

— И въ заключеніе прибыть туда безъ платья, добавилъ Джоржъ.

— Но платье могло бы слѣдовать въ лодкѣ. Развѣ ты не видѣла, что у этихъ мальчиковъ была лодка. Но если бы я жила здѣсь, я иначе бы не плавала, какъ при лунномъ свѣтѣ. Вода представляется теперь такою прозрачною и блестящею, звукъ отъ ея теченія такъ нѣженъ. Воображаю, какъ мнѣ по-свѣ этого не понравится море въ Ярмутѣ!

Давно уже ни одинъ изъ ея собесѣдниковъ не отвѣчалъ ей

ни слова, но она продолжала болтать о рѣкѣ, о своей тетускѣ и о томъ, что ее ожидаетъ въ Ярмутѣ. Ни одинъ изъ собесѣдниковъ не отвѣчалъ ей, а между тѣмъ, казалось, имъ нечего было сказать другъ другу. Долго стояли они такимъ образомъ и глядѣли на Рейнъ; отъ времени до времени возвышался голосъ Кэтъ, безъ котораго еще ощутительнѣе было бы для всѣхъ, что сердца ихъ слишкомъ переполнены для словъ.

Наконецъ Алисъ, по видимому, стало холодно; по рукамъ ея пробѣжала легкая дрожь, которую Джоржъ скорѣе почувствовалъ, чѣмъ увидѣлъ.

— Вамъ, кажется, холодно, проговорилъ онъ.

— Нѣтъ, нисколько.

— Но если вы озябли, лучше пойдите домой. Мнѣ показалось, что васъ пробираетъ дрожь отъ ночной свѣжести.

— Это не отъ холода. Мнѣ одна мысль пришла въ голову. Вамъ никогда не случается думать о такихъ вещахъ, которыя заставляютъ васъ содрогаться?

— Случается, и даже очень часто; такъ часто, что я ограничиваюсь только внутреннимъ содроганіемъ; иначе добрые люди могли бы подумать, что у меня падающая болѣзнь.

— Но я не говорю о какихъ нибудь серьезныхъ мысляхъ; продолжала Алиса.— Съ меня и сущихъ пустяковъ бываетъ достаточно, чтобы бросить меня въ дрожь. Слова, сказанныя мною не у мѣста лѣтъ десять тому назадъ, самый легкій промахъ съ моей стороны, даже мои собственные прежнія мысли о самыхъ ничтожныхъ предметахъ, все это заставляютъ меня содрогаться.

— А не то, чтобы на вашей совѣсти лежало убійство?

— Нѣтъ; но все же, полагаю, въ этомъ выражается угризеніе совѣсти.

— Ну, я далеко не такъ добродѣтеленъ, какъ вы! Я даже подозрѣваю, что тутъ моя совѣсть остается не при чемъ. Я содрогаюсь при воспоминаніи о какомъ нибудь случаѣ, выпущенномъ мною изъ рукъ, а я упустилъ ихъ тысячами. Но, какъ я уже сказалъ вамъ, я содрогаюсь внутренно. Во все продолженіе нашего путешествія, меня билъ непрерывный ознобъ, потому что я не переставалъ думать объ одномъ упущенномъ мною случаѣ. Однако, намъ пора домой. Завтра намъ надо

подняться въ пять часовъ, а теперь двѣнадцать. Я отправляюсь кончать свое содроганіе въ постели.

— Развѣ вамъ надобно гулять? спросила Кэтъ, видя, что спутники ея направляются къ дому.

— Нѣтъ, не надобно, но Джоржъ сейчасъ напомнилъ мнѣ, что завтра мы должны будемъ встать въ пять часовъ.

— Очень нужно было Джоржу напоминать! Кажется, не слишкомъ-то много намъ предстоитъ на паннемъ вѣку вечернихъ прогулокъ по Базельскому мосту. Право, мнѣ кажется, если бы мы перенеслись какимъ нибудь случаемъ на вершину Синая, первою нашею мыслью было-бы: а ну, какъ мы не успѣемъ одѣться къ обѣду?! Да понимаешь ли ты, Джоржъ, что царь всѣхъ рѣкъ течетъ подъ твоими ногами, и мѣсяць свѣтитъ съ такимъ блескомъ, какого ты не увидишь дома.

— Я готовъ простоять здѣсь всю ночь, если вы завтра отложите свой отъѣздъ, отвѣчалъ Джоржъ.

— Это намъ не по кошельку, сказала Кэтъ.

— А коли такъ, то нечего и толковать о Синаѣ, проговорилъ онъ, — а надо идти спать.

Они прошли по мосту и направились къ гостинницѣ въ томъ же порядкѣ, какъ и прежде; обѣ молодыя дѣвушки шли рядомъ, молодой человѣкъ слѣдовалъ за ними по пятамъ. Такою процессіей достигли они подѣзда гостинницы, вошли въ сѣни, поднялись на лѣстницу. Тутъ Джоржъ подалъ Алисѣ свѣчу и при этомъ шепнулъ ей: «мой припадокъ озноба еще впереди и будетъ продолжаться всю ночь.» Дорого-бы дала она, чтобъ имѣть силу отвѣтить ему въ шутиломъ тонѣ, какъ бы не предполагая особаго значенія въ его словахъ; но это было ей не по силамъ; шутилый тонъ ей не давался, а потому она пошла въ свою комнату, не отвѣтивъ ему вовсе. Очутившись у себя, она присѣла на окно и, поджидая Кэтъ, стала глядѣть на Рейнъ. Комнаты молодыхъ дѣвушекъ были рядомъ, такъ что изъ одной прямо былъ видъ въ другую, Алиса и не хотѣла начинать свои дорожные сборы до возвращенія своей кузины.

Кэтъ, послѣдовавшая за братомъ, обѣщалась вернуться черезъ полминуты; но эти полминуты продолжались болѣе получаса. «Если ты слушаешься моего совѣта, проговорила

наконецъ Кэтъ, вставая со свѣчею въ рукѣ, — ты въ откровенныхъ выраженіяхъ попросишь ее дать тебѣ случай, снова завоевать свое счастье. Переговори съ нею завтра въ Страсбургѣ; лучшаго случая тебѣ не дождаться.

— И я долженъ сказать ей, чтобы она Джона Грея выкинула за бортъ?

— О Джонѣ Греѣ не говори ни слова; предоставь ей рѣшить это дѣло съ самой собою; вѣрь мнѣ, что у нея достанетъ мужества отдѣлаться отъ Джона Грея, лишь бы его стало на во, чтобы принять твое предложеніе.

— Вотъ то-то, Кэтъ, вы, женщины, никогда не понимаете другъ друга. Да поступи я такъ, какъ ты говоришь, противъ меня возстало бы все, что въ ней есть горячихъ убѣжденій. Нѣтъ, надо еще прежде довести ее до сознанія, что она тѣтится даннымъ ею словомъ.

— Это она давнымъ давно сознала. Или, ты думаешь, я не знаю, чего ей хочется? Но, если у тебя не достанетъ рѣшимости съ ней объясниться, она выйдетъ за него противъ своего желанія.

— Не достанетъ рѣшимости? Кажется, я еще ни разу не колебался приступать къ объясненію, съ кѣмъ бы то ни было, тамъ, гдѣ это было нужно. Порой это не совсѣмъ бываетъ пріятно, но все же я принуждаю себя и объясняюсь при первомъ удобномъ случаѣ.

— Но объясненіе съ нею не можетъ быть тягостью. Вѣдь тебѣ пріятно видѣть, что она все еще тебя любитъ? Вѣдь ты и самъ, конечно, все еще любишь ее?

— По чести, и самъ хорошенько не знаю.

— Не сердя меня, Джоржъ. Я изъ кожи лѣзу, чтобы сблизить васъ другъ съ другомъ; но, не думай я, что ты ее любишь, я бы прямо пошла къ ней и велѣла бы ей проститься съ тобою на вѣки.

— По чести, Кэтъ, мнѣ порою кажется, что было-бы гораздо лучше, если бы ты оставалась въ своей кожѣ.

— Хорошо, я такъ и сдѣлаю. Но я должна сказать тебѣ, что ты неблагодарнѣйшій изъ смертныхъ.

— И почему бы ей не выйдти замужъ за Джона Грея, если онъ ей нравится?

— Но въ томъ-то и дѣло, что онъ ей не нравится. А я такъ просто ненавижу его. Мнѣ все въ немъ противно: звукъ его голоса, взглядъ его глазъ, эти медленные, обдуманнныя движенія, точно онъ бѣгнетъ слишкомъ скоро донести свои мысли.

— Но я не думаю, чтобы твоя ненависть могла чтонибудь значить въ этомъ дѣлѣ.

— Ты, кажется, собираешься читать нравоученія; въ такомъ случаѣ я лучше уйду. Видѣть ее твоею женою было завѣтною мечтою моего сердца. Если ты кого любишь въ своей жизни, а я порою и въ этомъ сомнѣваюсь, то любишь ты ее.

— «Люблю» и «люблю» не одно и тоже.

— Прекрасно, Джорджъ. Въ такомъ случаѣ мнѣ ничего болѣе не остается дѣлать. Такова была судьба всей моей жизни. Во всемъ, что я старалась для тебя дѣлать, ты самъ бросался на землю съ тѣмъ, чтобы и меня увлечь въ своемъ паденіи. Но мнѣ кажется, что ты говоришь такъ изъ одного желанія мнѣ досадить.

— По чести, Кэтъ, пора тебѣ спать.

— Я и пойду спать, но прежде расскажу ей все. Я не потерплю, чтобы ее снова обманывали и поступали съ ней жестоко.

— Но кто же въ настоящую минуту поступаетъ съ ней жестоко? И не величайшая ли жестокость стараться разлучить ее съ этимъ человѣкомъ?

— Нѣтъ; если бы я такъ думала, я ни за что не стала бы хлопотать объ этомъ. Не она будетъ съ нимъ очень несчастна и сдѣлаетъ его, въ свою очередь, несчастнымъ. Она его въ сущности не любитъ. Онъ-то ее любитъ, но это до меня не касается, какое мнѣ дѣло, что его сердце будетъ разбито?..

— Но за что ты разбиваешь мое сердце, мѣшая мнѣ спать?

При вѣнкъ словакъ она вышла и поспѣшно направилась корридормъ къ комнатѣ своей музыны. Она застала Алису все еще сидящую, или вѣрнѣе колѣно-преклоненною на стулѣ у окна; голову же свою молодая дѣвушка просунула за рѣшетку. «Ахъ ты дѣвчонка!» воскликнула Кэтъ. «Каково? она еще и не начинала укладываться!»

— Но вѣдь ты сказала, что мы будемъ укладываться вмѣстѣ.

— Братъ задержалъ меня. Ахъ, Алиса, что онъ за чело-

вѣкъ! Если онъ только женится, какъ-то будетъ ладить съ нимъ его женѣ?

— Мнѣ кажется, онъ никогда не женится, отвѣчала Алиса.

— Ты такъ думаешь? Ну, ты, кажется, лучше меня его понимаешь. Порою мнѣ кажется, что ему только и не достаетъ жены, чтобы сдѣлать его вполне порядочнымъ человѣкомъ. Но не всякая женщина будетъ женою по немъ. Та, которая пойдетъ за него замужъ, должна быть неробкаго десятка. Минутами онъ бываетъ большой сорви-голова, за то онъ никогда не бываетъ ни грубъ, ни жестокъ. А мистеръ Грей бываетъ грубъ?

— Никогда; и въ то же время онъ не сорви-голова.

— Вѣрю, вѣрю. Еще бы онъ былъ сорви-голова.

— Когда ты говоришь въ этомъ тонѣ, Кэтъ, я знаю, что ты собираешься бранить его.

— Даю тебѣ честное слово, что нѣтъ. Что толку бранить его тебѣ? Но я люблю, чтобы мужчина былъ сорви-голова, — сорви-голова, какъ я понимаю это слово. Ты это и прежде знала.

— Любопытно знать, чтобы ты сказала, если бы тебѣ достался мужъ сорви-голова?

— Этого вопроса я еще никогда себѣ не задавала. Я часто спрашивала себя, какого бы тебѣ надо мужа? но о своемъ замужествѣ мнѣ рѣдко приходилось размышлять. Дѣло въ томъ, что я вышла замужъ за Джоржа. Съ самой той поры, какъ...

— Ну, что же ты остановилась?

— Съ самой той поры, какъ вы съ нимъ разошлись, вся моя жизнь была посвящена ему; и такъ оно будетъ до конца моихъ дней, если только не случится одно обстоятельство.

— Какое обстоятельство?

— Если ты, въ концѣ концовъ, не сдѣлаешься таки его женою. Кромѣ тебя онъ ни на комъ не женится.

— Кэтъ, тебѣ бы не слѣдовало заводить теперь объ этомъ рѣчь; ты знаешь, что это дѣло невозможное.

— Гм! пожалуй, что и такъ. Что до меня лично касается, то для меня же лучше, что оно такъ. Если бы Джоржъ женился, моя жизнь потеряла бы для меня всякій смыслъ и я осталась бы совершенно безъ дѣла.

— Полно, Кэтъ, не говори въ этомъ томи, сказала Алиса, подходя къ ней и дѣлуя ее.

— Ступай прочь! проговорила она. Ступай, Алиса; мы съ тобой должны разойтись. Я не могу этого долѣе выносить. Ты должна все узнавать. Когда ты замѣднешь замужъ за Джона Грея, конецъ нашей дружбѣ. Если же ты сдѣлаешься женою Джоржа, я сдѣлаюсь ничѣмъ. У меня нѣтъ въ жизни другого интереса. А вы съ нимъ были бы такъ всецѣло поглощены другъ другомъ, что страхнули бы съ себя мое присутствіе, какъ вѣтхую одежду. А между тѣмъ я отдала бы все на свѣтъ, всѣ свои надежды, чтобы только видѣть тебя женою Джоржа. Я знаю, что я нехорошая женщина, что во мнѣ много, много дурнаго, но я мало забочусь о себѣ. Полно, Алиса, полно. Мнѣ твои ласки не нужны. Лучше его ласкай, и тогда я буду на колѣняхъ спать передъ тобою и кѣловать твои ноги.

Говоря это, она кинулась съ дивана и сѣдя, отвернувшись къ свѣту.

— Кэтъ, тебѣ бы не слѣдовало такъ говорить.

— Конечно, не слѣдовало бы, но все же я буду говорить.

— Вѣдь, ты все знаешь, и должна же помнить, что я не могу выйти за своего брата, хотя бы онъ и желалъ этого.

— А онъ дѣйствительно этого желаетъ.

— Если бы даже я была свободна отъ другого обязательства, и тогда я не пошла бы за него.

— Но почему же? вскрикнула Кэтъ, вскакивая съ дивана. Что можетъ теперь спать между Джоржемъ и тобою, кромѣ этого рокового обязательства, которое вѣхъ васъ доведетъ до могилы? Что, ты дурацкая, у тебя глаза нѣтъ? Развѣ я не знаю, кто онъ какъ тебѣ нишій?

— Кэтъ! Ты неслыханно смія раскатысь въ томъ, что я рѣшилась пожить въ обществѣ твоего брата. Твоя рѣчь съ твоей стороны не только жестока, смѣ, хуже того, нецелесообразна.

— А! нецелесообразна! Какъ нецелесообразно и въ это слово! Ничто такъ живо не напоминаетъ мнѣ выгравированный гробъ, гладкій и блестящій снаружи, внутри же покрытый тѣнью и войлокомъ, какъ это слово. Ну, а мысли твои цѣлительны? Вотъ свѣтъ-на мнѣ на этотъ вопросъ. Ты готовишься выйти за-

мужъ за Джона Грея. Это можно назвать деликатнымъ только въ томъ случаѣ, если ты его искренно любишь, и чувствуешь, что можешь быть ему хорошею женою; но что можетъ быть неделикатнѣе этого поступка, если ты предпочитаешь ему другого? Деликатность иныхъ женщинъ похожа на ихъ чистоплотность. Ничто не можетъ быть опрятнѣе ихъ внѣшности; но чистота ихъ бѣлая дѣло сомнительное.

— Если ты такъ дурно обо мнѣ думаешь...

— Нѣтъ, я не думаю о тебѣ дурно. Да и какъ могу я о тебѣ дурно думать, когда я знаю, что ты попала въ это затруднительное положеніе черезъ него. То была не твоя вина; онъ былъ кругомъ виноватъ. По его милости, ты приносишь себя въ жертву на этомъ алтарѣ. Если обѣ мы съумѣемъ отложить въ сторону всякую деликатность и жеманство, то мы должны будемъ сознаться, что это такъ. Посватайся за тебя мистеръ Грей въ то время, когда еще вы не ссорились съ Джоржемъ, кто бы тебя завѣрилъ, что онъ можетъ стать соперникомъ Джоржа въ твоёмъ сердцѣ? — Сатиръ соперникомъ Гиперіона!

— Кто же изъ нихъ сатиръ?

— Это я предоставляю рѣшить твоему сердцу. Ты знаешь, въ чемъ состоитъ мое самое задушевное желаніе. Но, Алиса, если бы я могла повѣрить, что мистеръ Грей для тебя Гиперіонъ, если бы я вѣрила, что, выходя за него замужъ, ты боготворишь его тою безумною любовью, которая дѣлаетъ женщину счастливою и гордою въ замужествѣ, то я ни словомъ, ни дѣломъ не рѣшилась бы помѣшать этой свадьбѣ.

Алиса ничего не отвѣтила, и разговоръ такъ на этомъ и остановился. Алиса очень хорошо понимала, что, не дѣлая возраженій, признаетъ себя побѣжденной, и все же молчала. Она было приготовилась къ отчаянному бою, приготовилась отстоять своего жениха, мистера Грея, отъ всевозможныхъ нападокъ; но она чувствовала, что это ей не удалось. Она чувствовала, что нѣкоторымъ образомъ признала справедливость всѣхъ возраженій противъ этого брака, что слова, сказанныя въ свою защиту, не удовлетворили бы мистера Грея, если бы онъ присутствовалъ при этомъ разговорѣ и не только не осчастливили бы его, какъ любовника, но скорѣе побудили

бы его возвратить ей данное слово. Но ей больше ничего не оставалось сказать. Ей оставалось только дѣйствовать. Она отправится немедленно домой и попроситъ его назначить день свадьбы; чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Послѣ этого ей уже нестрашенъ будетъ Джоржъ.

Было уже около часа, когда напѣ дѣвушки начали свои дорожные сборы; по окончаніи ихъ, Алиса казалась совершенно разбитою отъ усталости.

— Послушай, милая, сказала Кэтъ; если ты слишкомъ утомлена, можно будетъ и отложить отъѣздъ.

— Ни за что на свѣтѣ, воскликнула Алиса.

— А это такъ легко устроить. Стоитъ только хоть полслова шепнуть Джоржу, и онъ будетъ, Богъ знаетъ какъ, радъ остаться. — Но Алиса и слышать объ этомъ не хотѣла.

Часа въ два они легли спать, и ровно въ шесть были уже на станціи желѣзной дороги. «Не говорите со мною, сказалъ Джоржъ, когда онъ встрѣтился съ ними при выходѣ изъ дверей. — Я буду только зѣвать вамъ прямо въ лицо.» — Между тѣмъ они прибыли во-время на желѣзную дорогу и отправились въ Страсбургъ.

Нечего разсказывать объ этомъ маленькомъ путешествіи. Только два дня они провели на дорогѣ отъ Базеля въ Лондонъ; и въ продолженіе этихъ двухъ дней ни Джоржъ, ни Кэтъ не сказали Алисѣ ни одного слова о ея свадьбѣ, не сдѣлали ни одного намека о балконѣ базельской гостиницы или о мостѣ на Рейнѣ.

ГЛАВА VII.

ТЕТУШКА ГРИНУ.

Передъ отъѣздомъ въ Ярмутъ, Кэтъ пробыла въ Лондонѣ всего только три дня, и въ эти три дня очень мало видѣлась съ своею кузиною. — «На всѣ эти шесть недѣль я принадлежу тетускѣ душою и тѣломъ,» объявила она Алисѣ, приѣхавъ такъ въ улицу королевы Анны на другой день послѣ ихъ воз-

вращенія въ Лондонѣ. «И требовательна же она такъ, что я и сказать тебѣ не могу. Это я теперь потихоньку отъ нея урвалась. Она отправилась на верхъ примѣрять новыя траурныя наряды, которые шьетъ себѣ для поѣздки въ Ярмутъ, я и удрала.» — О Джоржѣ не было между ними и помину, да и самъ Джоржъ куда-то скрылся. Какъ оказалось въ послѣдствіи, онъ ѣздилъ въ Шотландію охотиться на тетеревовъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, объяснялъ онъ самъ свое отсутствіе; но люди, коротко знавшіе Джоржа, знали тоже, что онъ не любилъ откровенно говорить о своихъ поступкахъ, какъ это водится у добрыхъ людей.

Я обѣщала познакомить читателя съ мистрисъ Гринау, и считаю это знакомство совершенно излишнимъ. Мы послѣдуемъ за нею въ Ярмутъ. Мистрисъ Гринау была младшею дочерью стараго владѣльца Вавазорскаго Замка. Она была ровно десятию годами моложе своего брата Джона, но я готовъ отпустить ей грѣхъ, который она брала на душу, постоянно утверждая, что разница лѣтъ между ними гораздо значительнѣе; необыкновенная свѣжесть лица и молоджавость всей наружности служили ей оправданіемъ. Никто конечно не далъ бы ей сорока лѣтъ, а какая же женщина сознается, что она старѣе, чѣмъ кажется? Въ ранней молодости она была взята отъ отца и увезена въ одинъ изъ большихъ городовъ сѣверной Англіи, гдѣ и жила съ родственниками. Въ дѣвичество ей, какъ видно, не очень-то везло. Слыва за красавицу, она однакожь далеко не пользовалась успѣхами, которые обыкновенно соединяются съ красотой. Тридцати четырехъ лѣтъ отъ роду, она все еще не была замужемъ. Въ добавокъ она успѣла составить себѣ репутацію кокетки, и мнѣ сдается, увм! что во всѣхъ сплетняхъ, которыя ходили о ней, на значительную долю лжи приходилась таки порядочная доля правды. Во всемъ этомъ было мало утѣшительнаго, такъ какъ Арабелла Вавазоръ ничего не имѣла, и въ добавокъ успѣла возстановить противъ себя отца и братьевъ убѣдительнымъ отказомъ слушаться ихъ совѣтовъ. Все мужская половина семейства только доказывала голову, когда рѣчь заходила объ Арабеллѣ, какъ вдругъ въ замкѣ Вавазора получилъ извѣстіе, что она выходитъ замужъ за старика.

Итакъ, старикъ сдѣлался ея мужемъ; бракъ оказался вполне удовлетворительнымъ, по крайней мѣрѣ, для старика и для ея родственниковъ. Теперь у Вавазоровъ гора свалилась съ плечъ, и они съ радостнымъ изумленіемъ внимали доходящимъ до нихъ слухамъ о томъ, что она безукоризненно исполняетъ супружескія обязанности. Мужъ Арабеллы былъ удалившійся отъ дѣлъ негодянтъ, очень богатый, хилый и влюбленный въ свою молодую жену. До Замокъ Вавазоръ и до улицы королевы Анны вскорѣ дошли слухи, что супругъ ея считалъ себя счастливѣйшимъ старичкомъ въ цѣломъ Ланкаширѣ. Въ своей настоящей счастливой долѣ, она предала полному забвенію обиды, нѣкогда нанесенныя ей ея родственниками. Она писала письма своей любезной племянницѣ, Алисъ, и дражайшей племянницѣ, Кэтъ, и присылала разныя бездѣлушки въ подарокъ своему отцу. Разъ даже она свозила въ замокъ Вавазоръ своего мужа, и родственныя отношенія были восстановлены въ совершенной исправности. Мужъ Арабеллы былъ очень старъ и казался еще старѣе своихъ лѣтъ; но обстановка его дома была какъ нельзя болѣе респектабельна, и что бы ни говорили, а денежки водились у него чистоганомъ. Умеръ мистеръ Гринау, и вдовушка, исполнивъ извѣстныя формальности по завѣщанію, переѣхала въ Лондонъ, гдѣ и обратилась къ племянницамъ, приглашая ихъ утѣшить ея одиночество.

— Отчего-же и не съѣздить съ нею на мѣсяцъ въ Ирмутъ? сказалъ Джоржъ сестрѣ. Скучновато конечно будетъ; но на то она и тетушка съ сорока тысячами фунтовъ, чтобы угождать ей. — Кэтъ сознала справедливость этого довода и приняла приглашеніе ѣхать на мѣсяцъ въ Ирмутъ. — «Твоя тетка Арабелла оказалась очень дѣльной женщиною, писалъ ей старый сквайръ; такой дѣльности никто и не предполагалъ въ ней до замужества. Само собою разумѣется, если она тебя приглашаетъ, тебѣ слѣдуетъ ѣхать.»

Ирмутъ не представляетъ ничего особенно пріятнаго для глаза. Песчано-желтая морская вода, вотъ и вся красота его. Берегъ низкій и однообразный и ничѣмъ не защищенъ отъ постоянно дующаго восточнаго вѣтра.

— Ну нѣтъ, я въ омнибусѣ не поѣду. Жанета! Найми мнѣ карету. — Таковы были первыя слова, сказанныя мистрисъ

Гринау, по выходѣ изъ вагона. Имя ея горничной было Дженни; но Кэтъ, къ великому своему прискорбію, узнала, что дѣвущкѣ этой передъ отъѣздомъ изъ Лондона было отдано приказаніе называться Жанетою. Другое открытіе, сдѣланное Кэтъ, состояло въ томъ, что тетушка ея любила принимать строгій, повелительный тонъ. Властолюбивыя наклонности ея не проявлялись въ Лондонѣ, гдѣ новизна положенія нѣсколько смиряла заносчивость провинціалки. Но, разъ очутившись за чертою столицы, она снова вошла въ свою натуральную роль. Въ Ипсвичѣ она съ такимъ видомъ скомандовала Жанетѣ принести стаканъ хереса, что произвела не малое впечатлѣніе между сторожами и кондукторами.

Подѣхала карета, и поднялась возня изъ за размѣщенія пожитковъ самой мистрисъ Гринау, а также и скромныхъ чемодановъ ея племянницы и горничной; частію взгромоздили ихъ на верхъ кареты, частію на козлы, остальными завалили горничную, порожнее мѣсто въ экипажѣ, да и съ Кэтъ не поцеремонились.

— Вези насъ къ большому дому на площади Монпелье, проговорила мистрисъ Гринау

— Да они и всѣ тамъ не махонькіе, сударыня, отвѣчалъ возница.

— Къ тому, что всѣхъ больше, пояснила, мистрисъ Гринау.

— Да мало ли тамъ большущихъ домовъ, возразилъ извозчикъ.

— Такъ вези же къ дому мистрисъ Джонсъ, воскликнула мистрисъ Гринау. Мнѣ именно сказали, что онъ больше всѣхъ прочихъ домовъ.

— Домъ мистрисъ Джонсъ! А! знаю, знаю, отвѣчалъ возница, и они поѣхали.

Домъ мистрисъ Джонсъ оказался вполнѣ удовлетворительнымъ во всѣхъ отношеніяхъ, но не выдавался особенно величиною передъ другими домами, стоявшими по обѣимъ сторонамъ его: последнее обстоятельство испортило все дѣло для мистрисъ Гринау. Мистрисъ Гринау была добродушна, щедра и вовсе не эгоистка по природѣ; но она положила себѣ не оставлять втунѣ тѣхъ благъ, которыми наградила ее судьба и желала, чтобы цѣлый свѣтъ зналъ о ея сорока тысячахъ фунтовъ. Не поддаваясь чувству ложной стыдливости, она громко требовала для своихъ удобствъ

всего, что только могъ представить ей Ярмутъ самаго прѣйнаго и лучшаго; она любила похвастаться своими требованиями такъ, чтобы всѣ о нихъ знали. Все это перемеживалось у нея безконечными сѣтованіями о смерти мужа.

— Мой незабвенный Гринау! Мой кроткій агнецъ! Ахъ, Кэтъ, если бы ты только знала, что это былъ за человекъ! — Она говорила это, сидя въ гостиной мистрисъ Джонсъ и дожидаясь обѣда. Квартиру она позаботилась нанять съ гостиной и столовой — потому что, говорила она, не видить никакой надобности скряжничать во время пребыванія на водахъ, когда средства позволяютъ жить со всевозможнымъ комфортомъ.

— Ахъ, Кэтъ, какъ я жалю, что ты не знала его.

— И я тоже жалю, отвѣчала Кэтъ не совсѣмъ искренно. Къ сожалѣнію, меня не было въ замкѣ Вавазоръ, когда онъ прїѣзжалъ туда.

— Ахъ да! Но надо было видѣть его въ семейномъ кругу, у домашняго очага, чтобы вполне оцѣнить его. Да, Кэтъ! Завидная была моя доля при его жизни! — И къ изумленію Кэтъ неподдѣльныя слезы потекли по щекамъ ея тетки. Впрочемъ ихъ тотчасъ же впиталъ въ себя платокъ изъ тончайшаго батиста, украшенный широчайшимъ рубцомъ.

— Обѣдать готово, сударыня, проговорила Жанета, открывая дверь.

— Сколько разъ я тебя учила, Жанета, чтобы ты докладывала: «кушать пожалуйте».

— Ну такъ пожалуйте кушать, повторила Жанета, довольно рѣзко.

— Пойдемъ, Кэтъ, сказала тетушка. У меня, собственно, плохой аппетитъ, но не сидѣть же тебѣ изъ за этого безъ обѣда. Я еще изъ Лондона заказала мистрисъ Джонсъ сладкое мясо; надѣюсь, что поваръ у нее приличный. Сама-то я мало ѣмъ, но люблю, чтобы столъ у меня былъ хорошій.

Слѣдующій день было воскресенье, и мистрисъ Гринау готовилась явиться въ церковь во всей пышности вдовьей одежды. Послѣ обѣда съ сладкимъ мясомъ, передъ глазами изумленной Кэтъ произведенъ былъ генеральный смотръ всѣмъ принадлежностямъ траурнаго туалета. Перебирая свои наряды, она

выставляла на показъ великолѣпіе каждой вещи отдѣльно, восхищаясь плотностью крѣпа, толщиной батиста, шириною оборокъ, и припоминая цѣны всего этого до послѣдняго пшллинага. Все это она дѣлала съ гордостью молодой невесты, щеголяющей богатствомъ своего приданого передъ любимую подругой. Отъ времени до времени мистрисъ Гринау отрывалась отъ своего занятія, и начинала причитать, обращаясь къ тѣмъ усонившимъ въ выраженіяхъ самой глубокой нѣжности. Во время этой процедуры вошла мистрисъ Джонсъ, но присутствіе посторонняго лица нисколько не смутило нашу вдову. — Миръ праху его, проговорила она наконецъ, бережно складывая пшшную мантилью изъ чернаго крѣпа.

— А оиъ, знать, ей много оставилъ? замѣтила мистрисъ Джонсъ Жанетъ.

— Да, таки не мало, сударыня: сто тысячъ фунтовъ съ чѣмъ-то.

— Быть не можетъ!

— Говорятъ вамъ, сударыня, сто тысячъ фунтовъ стерлинговъ; ужъ это я доподлинно знаю.

— Отчего же она не держитъ каретъ?

— Да она и держитъ ее, только не взяла съ собою на воды. Не идетъ канъ-то; стали бы говорить добрые люди: нука едва успѣла схоронить, а ужъ разъѣзжаетъ въ собственномъ экипажѣ. А не то, чтобъ у насъ за средствами стало дѣло; кстати, мистрисъ Джонсъ, наймите-ка намъ на завтра карету, въ церковь ѣхать; это, знаете ли, выйдетъ будто за просто. Только она сказывала мнѣ, чтобы кучеръ безпремѣнно былъ въ ливреѣ и въ перчаткахъ.

Появленіе мистрисъ Гринау въ церкви произвело сильное ощущеніе. Другая на ея мѣстѣ прожила бы полвизни въ Ярмутѣ и все бы не освоилась съ ярмутской церковью. Но мистрисъ Гринау шествовала между скамьями съ такимъ самообладаніемъ, какъ будто этотъ храмъ былъ въ теченіе многихъ лѣтъ домовою церковью ея семейства. Церковная привратница оставила безъ вниманія двухъ почтенныхъ старушекъ и поспѣшила указать мистрисъ Гринау свободное мѣсто. Усѣвшись, она сдѣлалась предметомъ общаго вниманія; на нее были направлены всѣ взгляды, ее осматривали съ головы до ногъ; всѣмъ присут-

справедлива казалась, что учро это представлялось какому-то необычайному событию, и даже сама вероубвдникъ не могла отвести взгляда отъ ея необыкновенной чужести, покрайней мврю.

На слвдующее утро имя мистрисъ Гринну была выставлено въ списокъ прїбывшихъ, висввшемъ въ воксалъ. — Собственно мнв, въ исключительнъ мовнв дивномъ настроенїи, право не до чужихъ пустяковъ; но, мнвая Мать, я почитаю свои обязанности въ отношенїи къ тебв.

Мать не выказала на этотъ разъ той свобрзительности, которой можно бы было ожидать отъ ея ума, и пришла въ убвръть свою тетку, что она-то умъ всею не худвдется въ обществв; что, готовится оспурствовать мистрисъ Гринну въ этой побвдкв, предпринимаемой въ первые дни ея вдовства, она напередв анали, что всв будутъ жить удивленно. Но тетунка сразу оладила ее, не выказавъ при этомъ ни малвйшаго чувства ошущенїа или досады.

— Умъ предоставь мнв, душа моя, не ступай въ этомъ двл такъ, какъ мнв велитъ моя соввсть. Съ моей стороны было бы непростительнвмъ взаимномъ обращать мою печаль на пошлку твоимъ удовольствїямъ.

— Но, тетунка, я право на дорожку подобнаго рода удовольствїямъ.

— Ну, это вздоръ, душа моя. Ты должна сами дорожить. Какъ же ты пристроилась, если не станешь дорожить ими?

— Но, мнвая тету, ввдъ я умъ пристроилась.

— Какъ? воскликнула мистрисъ Гринну-отъ изумленїемъ, чуть ли не предполагая, что двл идетъ о тайномъ бракв, котораго она до сихъ поръ и не подозрввала. — Ну двл, это пустяки; гдв жъ ты пристроена? И хотвла бы я знать, когда ты успеешь пристроиться, если я позволю тебв жить отшельницей въ такомъ мвствв, какъ Ирландъ? Тутъ-то я глядвть дбвужкв къ тебв, чтобы не провввать свою судьбу.

Тщесло старалась Мать сладить съ пернмъ.

— Ближе, душа моя, не слвднать ничего съ кочу. Я знаю свою обязанность въ отношенїи къ тебв, я намвриваюсь само исполнить ее. Какъ я уже знала тебв, для себя лично, я ничего не вижу въ обществв, всв свои угвни я скоротилъ

выбѣсть съ мной бездѣльнымъ другомъ. Сердце мое растерзано, и ничто уже его не залечить. Но я не хочу принести тебя въ жертву своей скорби. Для тебя, Кэтъ, я заставлю себя выбѣжать.

— Но, милая тетя, что скажутъ въ свѣтъ, что вы такъ рано начали выбѣжать?

— Я ни въ грошъ не ставлю мнѣнїе свѣта. Какое мнѣ до него дѣло? Я ни отъ кого не завишу, благодаря своему кроткому аяццу, оставившему мнѣ сорокъ тысячъ фунтовъ. А при такомъ наслѣдствѣ не очень-то заботятся о мнѣнїи свѣта... Нѣтъ, Кэтъ; я буду поступать такъ, какъ мнѣ велитъ моя совѣсть. Я сдѣлала все, зависящее отъ меня, чтобы ты весело провела здѣсь время, а тамъ, свѣтъ можетъ толковать, сколько ему угодно.

Посѣтители, одинъ за другимъ, являлись въ домъ на площади Монпелье, и Кэтъ только дивилась многочисленному знакомству своей тетушки. Голова у нея шла кругомъ, и она съ трудомъ могла отличать людей, дѣйствительно знавшихъ мистрисъ Гринау въ прежнее время, отъ такихъ, которые являлись къ ней въ первый разъ. Таковой-то былъ знакомъ съ такимъ-то, который, въ свою очередь, зналъ того-то, и это считалось достаточною рекомендаціею, съ тою только оговоркою, чтобы наличный «нѣкто» завѣдомо имѣлъ на своей сторонѣ преимущества богатства или общественнаго положенія. Мистрисъ Гринау умѣла дарить чарующими улыбками изъ подъ своего вдовьяго чепца. По чести, она тогда бываетъ прехорошенькая, писала Кэтъ Алисъ. Но она въ то же время умѣла и хмурить брови, и не задумываясь, отклоняла всякую попытку сближенія со стороны людей, денежные обстоятельства которыхъ считались незавидными.

— Милая тетя, сказала Кэтъ однажды утромъ послѣ прогулки, какъ вы отдѣлали этого капитана Бельфильда!

— Какой онъ капитанъ? Онъ былъ только лейтенантомъ въ то время, когда 97-й полкъ стоялъ въ Манчестерѣ, а я уѣзжала, что съ тѣхъ поръ ему негдѣ было взять ни одного шиллинга, чтобы купить себѣ повышеніе.

— Но здѣсь его, по видимому, всѣ знаютъ.

— То-то и есть, что знаютъ его же такъ хорошо, какъ я.

Каково нахальство: позволить себѣ сказать мнѣ въ лице, что я очень авантюжна! Ничего такъ не возмущаетъ меня, какъ подобныя выходы со стороны какогонибудь общипаннаго гуся, которому нечѣмъ расплатиться даже съ своей прачкой!

— Но, тетушка, откуда же вы знаете, что капитанъ Бельфильдъ не платитъ своей прачкѣ?

— Я знаю болѣе, чѣмъ ты думаешь, моя милая. Ужь это мое дѣло. Если бы я не разузнавала про людей, какъ же бы могла я руководить тобою въ выборѣ полконнивоу?

Тщетно Кэтъ протестовала противъ такой, болѣе чѣмъ материнской, заботливости. Тщетно выставляла она на видъ своей теткѣ, что ей уже подѣ тридцать лѣтъ, и что она вѣтъ уже лѣтъ десять, какъ живетъ своимъ умомъ; ничто не помогало. Кэтъ начинала сердиться; но рассердить мистрисъ Гринау не было никакой возможности. Кэтъ говорила, отложивъ всякія шутки въ сторону; но мистрисъ Гринау перебивала ея рѣчи, какъ нестоющія вниманія. Вѣдь, Кэтъ была бѣдна и засидѣлась въ дѣвушкахъ; изъ этого само собою слѣдовало, что она желаетъ, какъ можно скорѣе, выйдти замужъ.

Но зная слишкомъ мало свою тетку, она не рѣшалась говорить съ ней откровенно; придетъ время, она ее короче узнаетъ и тогда онѣ поладятъ другъ съ другомъ.

А пока мистрисъ Гринау рѣшилась не жалѣть ни себя, ни своего кошелька, чтобы пристроить Кэтъ, и намѣревалась быть настоящимъ дракономъ тамъ, гдѣ ея племянницѣ грозила опасность со стороны такихъ невыгодныхъ обожателей, какъ капитанъ Бельфильдъ.

— Признаюсь, Кэтъ, я просто не понимаю тебя, сказала она ей однажды утромъ за завтракомъ.

— Чего вы не понимаете, тетушка?

— Вчера ты танцевала всего два раза въ цѣлый вечеръ, и изъ этихъ двухъ разовъ—одинъ съ капитаномъ Бельфильдомъ.

— Это потому, что мнѣ хотѣлось разспросить его объ этой бѣдной женщинѣ, которая стираетъ на него и не можетъ допроситься своей платы.

— Что за вздоръ, Кэтъ: вѣдь я знаю, что ты и не подумала объ этомъ спрашивать. Досадно мнѣ, право, на тебя!

— Но чѣмъ же можешь быть для меня опасенъ капитанъ Бельфильдъ?

— А чѣмъ онъ можетъ быть для тебя полезенъ? Вотъ въ чемъ вопросъ. Подумай, душа моя, годы уходятъ. Что говорить, ты до сихъ поръ великодушно сдерживался; нехочя ничего представить себѣ свѣжбе и юности твоего личка, особенно съ тѣхъ поръ, какъ ты сталъ купиться на морѣ....

— Полноте, вступая, перестаньте объ этомъ говорить.

— Отчего же, душа моя, и не скажешь правды? Но, признаться, я еще не встрѣчала дѣвушки безвѣжбе тебя. Когда же ты станешь думать о замужествѣ, если ты не хочешь объ этомъ позаботиться теперь?

— Успѣю еще подумать о замужествѣ, когда придется некупить вѣнчальное платье.

— Вотъ ужъ это вѣдуръ, душой вѣдуръ. Хотѣла бы я знать, какъ ты обзаведешься вѣнчальнымъ платьемъ, когда ты до сихъ поръ не позаботился обзавестись мужемъ. Если я не ошибаюсь, мистеръ Чизакеръ приглашалъ тебя вчера танцовать?

— Да, онъ приглашалъ меня, когда вы разговаривали съ капитаномъ Бельфильдомъ.

— Мнѣ-то, моя милая, капитанъ Бельфильдъ не можетъ повредить. Отчего же ты не пошла танцовать съ мистеромъ Чизакеромъ.

— Стану я танцовать съ этимъ неуклюжимъ норфольскимъ фермеромъ, который ни въ чемъ, кромѣ скотоводства, понятія не имѣетъ.

— Душа моя, да ты вспомни, что вся эта земля, до послѣдняго акра, его собственная; слышишь ли, до послѣдняго акра! И еще не далѣе, какъ прошлою весною, онъ купилъ новую ферму за тринадцать тысячъ фунтовъ. Да эти джентльмены-фермеры за поля заткнутъ любого сквайра. А главное, нѣтъ на свѣтѣ людей, которыхъ бы такъ легко можно было обработать.

— Вотъ это, такъ подлинно говорить въ ихъ пользу.

— Еще бы! и очень.

Мистрисъ Гринау не понимала шутокъ тамъ, гдѣ у нея были вовсе не шуточные заботы на умѣ. — Завтра онъ долженъ сопровождать насъ на пикникъ, и я надѣюсь, что ты съумѣешь

удержать его своимъ кавалеромъ. Ты займешь такимъ образомъ почетное мѣсто, такъ какъ онъ взялъ на себя всѣ вина для пикника. Онъ подѣлилъ гдѣ-то этого Бельфильда, который будетъ въ числѣ гостей; но если твое имя хоть разъ будетъ названо рядомъ съ именемъ этого человѣка, ты можешь считать свое дѣло въ конецъ испорченнымъ, по крайней мѣрѣ въ Ярмутѣ.

— Я вовсе и не желаю, чтобы меня называли рядомъ съ капитаномъ Бельфильдомъ, отвѣчала Кэтъ, и вслѣдъ за тѣмъ погрузилась въ чтеніе своего романа.

ГЛАВА VIII.

МИСТЕРЪ ЧИЗАКЕРЪ.

Ярмутъ не представляетъ никакихъ удобствъ для пикника. Необходимая обстановка пикника: зеленая травка, деревья, неровная мѣстность. Ни одному изъ этихъ условий не удовлетворяло мѣсто, избранное для предстоявшаго увеселенія, неподалеку отъ Ярмута. То была однообразная, ровная мѣстность, на берегу моря. Кругомъ ничего не виднѣлось, кромѣ песку и воды; нигдѣ ни клочка зелени; старая, полуопрокинутая лодка должна была замѣнить столовую, и мистеръ Чизакеръ взялъ всѣ расходы по установкѣ свамей, столовъ и по сооруженію навѣса.

Мистеръ Чизакеръ могъ по праву называться хозяиномъ пикника. Мистеръ Чизакеръ ставилъ отъ себя вина, лодки, музыкантовъ и сигары. Но мистрисъ Гринау общалась позаботиться о съѣстныхъ припасахъ, и раздѣляла съ самимъ хозяиномъ праздника подобавшую ему честь. Она уже цѣлыхъ десять дней была знакома съ мистеромъ Чизакеромъ, и успѣла сойтись съ нимъ на короткую ногу. Мистеръ Чизакеръ былъ толстый, румяный господинъ, лѣтъ сорока пяти, холостякъ и, по всѣмъ примѣтамъ, дамскій угодникъ. Лѣта не оставили на его наружности другихъ слѣдовъ, кромѣ небольшой плѣши и сѣдины, кое-гдѣ пробившейся въ его бакенбардахъ.

Онъ былъ душою и тѣломъ преданъ сельскому хозяйству, и въ то же время слегка стыдился своей профессіи въ тѣхъ кружкахъ, которые принималъ за великосвѣтскіе. Въ довершеніе его характеристики мы должны сказать, что онъ былъ во все не прочь отъ тѣхъ почестей, которыя обыкновенно воздаются туго набитому и щедро раскошеливающемуся карману. Онъ такъ охотникъ былъ угостить васъ обѣдомъ и потомъ похвастать, что вотъ-де, какой онъ обѣдъ задалъ. «Ѣздила я на медни, говаривалъ онъ, съ молодымъ Гримсби. (Вы, конечно, слышали про гадервикскаго Гримсби? Такъ это его сынъ). Онъ чуть не загналъ у меня гнѣдую кобылу. Ну, да это пустяки. Я на другой же день далъ ему опять свою лошадь.» Нѣсколькихъ дней было достаточно для мистрисъ Гринау, чтобы свести съ мистеромъ Чизсакеромъ короткое знакомство, и проникнуть то обстоятельство, что вся земля его фермы, до послѣдняго акра, составляетъ его безспорную собственность.

— Мнѣ неидетъ официально выступать учредительницей праздника, сказала она ему. Вѣдь это, не правда ли, было бы неловко въ настоящемъ моемъ положеніи.

— Да, пожалуй, что не совсѣмъ ловко. Но ничто не мѣшаетъ вамъ пріѣхать на праздникъ.

— Я такъ и намѣрена сдѣлать, мистеръ Чизсакеръ. Не лишить же мнѣ мою милую дѣвочку, изъ-за моей горести, всѣхъ удовольствій, свойственныхъ ея возрасту. Я бы этого себѣ никогда не простила. Что до меня касается, то, само собою разумѣется, ничто уже меня не веселитъ.

— Вѣрю, вѣрю вамъ, проговорилъ мистеръ Чизсакеръ, придавая своему лицу задумчивое выраженіе.

— Какое ужъ теперь веселье? И мистрисъ Гринау утерла слезу. Конечно, если принять только въ соображеніе мои года, то я еще могла бы отплясывать не хуже всякой другой...

— Что и говорить, могли бы, мистрисъ Гринау!

— Но женщинѣ ужъ не до веселья, когда сердце ея лежитъ въ могилѣ.

— Не вѣкъ же это будетъ, мистрисъ Гринау.

Мистрисъ Гринау покачала головою, какъ бы не зная, что на это отвѣтить. Слѣдовало бы сказать, что на вѣкъ, но она не хотѣла омрачить столь печальнымъ заявленіемъ общую весе-

лость.—Итакъ, продолжала она, я предлагаю, что лучшимъ способомъ уладить это дѣло, будетъ намъ съ вами вѣстись за него вдвоемъ. Вы какъ думаете?

Мистеръ Чисакеръ думалъ, что это будетъ безспорно лучшимъ способомъ.

— Ну и прекрасно; я возьму на себя обѣдъ и пирожное, вы же платите за вино и за людей.

— И за музыку, добавилъ мистеръ Чисакеръ. Всѣ расходы, какіе тамъ могутъ представиться на мѣстѣ, я также беру на себя. Мистеръ Чисакеръ лучше всего хлопоталъ, чтобы которая нибудь изъ его щедротъ не прошла незамѣченной.

— За все это, если вы согласны, я плачу съ вами пополамъ. Но мистеръ Чисакеръ на это никакъ не согласился. Онъ не жалѣлъ расходовъ; ему только хотѣлось довести ихъ до всеобщаго свѣденія.

— Только послушайте, мистеръ Чисакеръ: вѣдь музыкантовъ я хотѣла отъ себя нанять, продолжала мистрисъ Гринау.

— И слышать объ этомъ не хочу, мистрисъ Гринау.

— Но это я, собственно, къ тому говорю, что я предпочитаю оркестръ Блаугарда. Другой, какъ бышь его, Фльота, никуда не годится на открытомъ воздухѣ.

— Быть по вашему! Мы возьмемъ Блаугарда, воскликнулъ мистеръ Чисакеръ, и взялъ Блаугарда. Мистрисъ Гринау была охотница въ подобныхъ мелочахъ поставить на своемъ. Хотя и не подлежитъ нивакому сомнѣнію, что сердце ея лежало въ мегалѣ.

Въ утро, назначенное для пивника, мистеръ Чисакеръ явился на площадь Монпелье въ сопровожденіи капитана Бельфильда, бѣлье котораго, на этотъ разъ по крайней мѣрѣ, не являло никакихъ виѣшнихъ признаковъ раздора между капитаномъ и его пращей. Онъ былъ одѣтъ въ матросскую куртку, изукрашенную множествомъ жѣдныхъ пуговицъ; остальной же нарядъ тоже былъ поддѣланъ подъ фасонъ матросскаго. Въ рубашкѣ у него блестали доревія запонки, на рукавъ были желты перчатки. Одѣтъ онъ былъ вообще безукоризненно, и сердце мистера Чисакера склосось при встрѣчѣ съ этимъ джентльменомъ. Онъ былъ статный мужчина, ростомъ безъ малаго въ шесть футовъ; волосы, бакенбарды и усы были у него темные,

почти черные, того удивительного чернаго цвѣта, при видѣ котораго у внимательнаго наблюдателя возмужаетъ не возмужать представленіе о парикмахерской лавкѣ. Черты лица у него были красивыя и правильныя, одинъ носъ только начиналъ принимать оттѣнокъ, изобличавшій не совсѣмъ угрюмую серьезность къ буйнымъ увеселеніямъ. Впрочемъ, въ общей сложности онъ былъ видный мужчина, на зуръ тѣмъ, кому прилетитъ полюбнаго рада красна.

Мистеръ Чизсакеръ тоже былъ одѣтъ матросомъ. Его куртка, сдѣланная изъ болѣе грубой матеріи, сидѣвшая гораздо атлетичковатѣе, была какъ бы, фактически переходна къ настоящей матросской курткѣ. Но сравненіе съ Бельвилюдомъ было до того несправедливо для мистера Чизсакера, что онъ отдал самому себя просто проигнорировать. — Ну, исполать тебѣ, Гусъ, насмѣхивайся онъ, ишь какъ расофрантился! — Здѣсь будешь у мѣста замѣтить, что капитану Бельвилюду было дано при брацѣи имя Густава.

— Будто! а я и не забывалъ, отбѣчалъ капитанъ. Мой портной прислалъ мнѣ все это добро, говоритъ, что какъ носить. Если хотите, а пошлите съ нами. Но гдѣ же бѣже Чизсакеру натянуть на себя куртку капитана? Бѣднякъ пошелъ своею дорогою, проклинаетъ самого себя. Читатель конечно не забылъ, что мистрисъ Гринну очень неблагопріятно отзывалась о капитанѣ Бельвиудѣ въ разговорѣ съ швейцарскою; это, впрочемъ, не поспѣвало ей въ насчетъ случая принять его съ самою привлекательною улыбкою. Отъ того же, что она увидѣла перемѣнить свое мнѣніе о немъ, отъ того же, что она подлиннее свое личное чувство къ уваленію къ мистеру Чизсакеру, который заодно наклонился къ дружескимъ отношеніямъ съ капитаномъ, только улыбка ее равно сіяла для обоихъ десяткомъ годовъ. Она засмала ее оруженною перочинкою съ проволочкой; мистрисъ Джонсъ и Жанета суетились равно нея, подывая то въ, то другое. Изъ предосторожности она повела простой кузенинъ перочинки; въ остальномъ же она ни на шагъ не отступала отъ своего обычнаго глубокаго туалета. И вотъ она, печальная женщина, всего только сътѣряла въ виду тому мадавъ сфоронившая своего мужа, влѣбчегъ, роторонная въ щедрахъ, запасалась всевозможными силами для

предстоящаго пирищества. Минуту спустя, она готова присѣсть на одну изъ корзинокъ, только что наполненныхъ ею, и новости рѣчь, заливаясь слезами, о своемъ усопшемъ праведникѣ. Можетъ, это кому и придется не по праву, да ей-то какое дѣло? Впрочемъ, что касается мистера Чизсакера и капитана Бельфильда, все это шло по нелѣзю, какъ нельзя болѣе.

— Ахъ, мистеръ Чизсакеръ! Вы меня застаете въ расплохъ! Капитанъ Бельфильдъ! Какъ вамъ нравится мой передникъ? Не правда ли, онъ мнѣ къ лицу?

— Что бы вы ни надѣли, мистрисъ Гринау, вамъ все къ лицу.

— Ахъ, полноте, не говорите такъ: вѣдь вы знаете... Ну да не будемъ объ этомъ упоминать; для нынѣшняго дня мы отгонимъ отъ себя всѣ печальныя мысли. Не такъ ли, мистеръ Чизсакеръ?

— О, да, конечно. Только вотъ дождя бы не было.

— Дождя не будетъ; къ чему заранѣе объ этомъ беспокоиться. А вотъ что, мистеръ Чизсакеръ: не отправить ли намъ Жанету впередъ? Она можетъ ѣхать въ телѣжкѣ съ провизіей. Вѣдь вы, я знаю, большіе приятели съ Жанетой.

— Мы очень рады будемъ Жанетѣ, отвѣчалъ мистеръ Чизсакеръ.

— Премного благодарна, серъ, отвѣчала Жанета, присѣдая.

— Жанета, берегись, чтобы мистеръ Чизсакеръ не векружилъ тебѣ голову. Да смотри, веди себя хорошенько и не оставайся, сложа руки. Ну-съ! Чего бы намъ еще не запомнить? Капитанъ Бельфильдъ, передайте-ка мнѣ этотъ окорокъ. Нѣтъ, нѣтъ, сами его не кладите въ корзину, вы перевернули его не той стороною. Ай, ай, ай! вы чуть не опрокинули мнѣ пирожекъ изъ абрисосовъ! При передачѣ блюдо, между капитаномъ и вдовою завязалась легкая пантомимная игра, которая, видимо, не совсѣмъ приплась по сердцу мистеру Чизсакеру. Мистрисъ Гринау тотчасъ же это замѣтила и мигомъ поправила дѣло.

— Повѣрите ли, мистеръ Чизсакеръ, начала она; Кэтъ на отрывъ отъезжалась сойдти внизъ изъ-за того именно, что ей не хотѣлось показаться вамъ въ передникѣ.

— Что жъ тутъ такого, хоть бы я и увидалъ миссъ Вавзоръ въ передникѣ?

— И я ей тоже самое сказала. Не хотите ли пройти въ гостиную? Вы найдете ее тамъ, и сами можете депровить объ этомъ.

— Съ какою стати ей мени объѣстаться? проговорилъ мистръ Чиссаверъ, но въ гостиную не пошелъ. Ужъ не боится ли онъ оставить своего прятеля наединѣ съ вдовой?

Но вотъ послѣднія кушанья уложены, и мистрисъ Гринау отправилась на веркъ въ сопровожденіи обѣихъ джентльменовъ. Въ гостиной они застали Кэтъ и еще двухъ, трехъ дамъ, которыхъ мистрисъ Гринау обѣщала въвести подъ своимъ крылышкомъ.

Въ числѣ прочихъ были обѣ сестрицы Ферстерсъ, пользовавшіяся особымъ покровительствомъ мистрисъ Гринау; въ отплату за него дѣвочки превозносили ее въ такихъ выраженіяхъ, что Кэтъ только дивилась про себя ихъ безстыдству.

— Что за ангель, ваша тетушка! воскликнула Фанни Ферстерсъ, входя въ комнату. Въ жизнь свою я не встрѣчала женщины, въ которой было бы столько сердечной доброты.

— И столько неподражаемаго остроумія, добавила ея сестра, Шарлотта, которая за послѣднія двѣнадцать лѣтъ была известна въ Армутѣ подъ именемъ: *Языки*.

Какъ только сестрицы завидѣли вдову, онѣ бросились къ ней, осыпая ее похвалами и призывая небо въ свидѣтели, что никогда еще она не была такъ хороша. Надо вамъ сказать, что новенькія перчатки, присланныя на рукакъ обѣихъ дѣвушекъ, были подаркомъ мистрисъ Гринау: какъ же имъ было не любить ее послѣ этого?

Была еще въ гостиной: нѣкто мистрисъ Гринъ, жена мёрстаго офицера, нашедшагося въ то время въ заведѣніи у береговъ Востъ-Индіи. Мистрисъ Гринъ была женщина скромная, молчаливая, недурная собой и носившая во всей своей наружности отпечатокъ порядочности. Казалось бы, что мистрисъ Гринау въ подобномъ знакомствѣ?

Но мистрисъ Гринау предъзнала, что она одинока; имѣетъ ограниченныя средства и нуждается въ развлеченіи; во притомъ она изъ чистаго состраданія навязала къ ней въ заведѣніи и уговорила ее принять участіе въ шпикетѣ. — Я знаю, что вашъ мужъ непременно послалъ бы васъ съ нами, сказала она ей:

и еще надѣюсь на своемъ вѣку разсказать ему лично, что я васъ уговорила ѣхать.

Волѣды за дѣвками Феретерсъ; явился и братъ ихъ; Джо Феретерсъ; юноша долговязый, пустой и безцвѣтный.

— Мы взяли съ собою Джо, поспѣшила Фанни извиниться передъ вдовою; на тотъ случай, что, можетъ, понадобится отдать кому-нибудь бурнусы на сохраненье. Мистрисъ Гринау привѣтливо улыбнулась мистеру Джо и объявила, что очень рада видѣть его у себя, помимо всякихъ корыстныхъ соображеній.

Все общество тронулось въ путь. У выхода мистеръ Чизакеръ и капитанъ, каждый съ своей стороны, рванулись было подставить руку вдовѣ, но мистрисъ Гринау распорядилась по своему. Капитанъ Бельфильдъ очутился кавалеромъ мистрисъ Гринъ, а мистеръ Чизакеръ принужденъ былъ вести Кэтъ Вавазоръ. — А вы, будете моимъ кавалеромъ, мистеръ Джо, проговорила вдова. — Въ лодкахъ снова разсѣлись такъ, что мистеръ Чизакеръ не попалъ въ сосѣдство вдове. Онъ очутился въ другой лодкѣ, возлѣ Кэтъ Вавазоръ, и, отчаливая отъ берега, могъ видѣть, какъ капитанъ Бельфильдъ усаживалъ мистрисъ Гринау. У него было напередъ рѣшено съ самимъ собою, что этому не бывать. «Я за все плательщикъ, разсуждалъ онъ про себя; такъ пускай же и будетъ по моему». Но мистрисъ Гринау было достаточно двухъ, трехъ словъ, чтобы разстроить всѣ его соображенія.

— Какимъ шуткомъ смотреть Бельфильдъ въ этой курткѣ! Не правда ли? обратился онъ къ Кэтъ Вавазоръ, усаживаясь возлѣ нея въ лодкѣ.

— Вы находите? А мнѣ такъ напротивъ казалось, что этотъ нарядъ очень милъ и надѣтъ, какъ нельзя болѣе, кстати.

— Красивъ-то онъ; можетъ и красивъ, возразилъ мистеръ Чизакеръ, но подумали ли вы объ томъ, что онъ стоитъ сумасшедшихъ денегъ?

— Объ этомъ я не беру съ судить. Вѣдь я, знаете ли, со всѣмъ политіемъ не имѣю о томъ, что можетъ стоить куртка, но брала сверлу до низу мѣдными пуговками.

— Ну, а жидеть, миссъ Вавазоръ; какъ вы думаете, дешево стоять? воскликнула мистеръ Чизакеръ почти торжественно

— Думаю, что не дешево.

— То-то! А у него нѣтъ ни гроша за душой, миссъ Вавазоръ, какъ есть ни гроша. Повѣрите ли, (тутъ онъ понизилъ голосъ до шопота) не даѣе, какъ третьяго дня, я далъ ему взаймы двадцать фунтовъ; ей богу! Это я вамъ, конечно, говорю по секрету. Онъ часто у васъ бываетъ, такъ я считаю своимъ долгомъ предостеречь васъ относительно его. Но я желалъ бы, миссъ Вавазоръ, чтобы о томъ, что я вамъ сейчасъ сказалъ, не было больше и помину.

— О такихъ вещахъ, мнѣ кажется, вовсе не слѣдовало бы упоминать, возразила Кэтъ. Ее раздосадовалъ намекъ о томъ, будто она нуждается въ предостереженіи относительно Бельфильда.

— Именно, что не слѣдовало бы; а потому я и не сомнѣваюсь, миссъ Вавазоръ, что разговоръ этотъ останется между нами. Онъ, знаете ли, въ обществѣ милѣйшій малый; ну, видаль тоже свѣтъ. Но это такой человѣкъ, что съ нимъ хлѣбъ-соль водить можно, а каши не сварить, какъ у насъ говорится въ Норфолькѣ. Какъ вамъ нравится Норфолькъ, миссъ Вавазоръ?

— Да я въ немъ прежде никогда не бывала, а теперь видѣла одинъ только Ярмутъ.

— Славный городъ Ярмутъ; городъ, можно сказать, перваго сорта. Но посмотрѣли бы вы, что за поля въ нашемъ графствѣ! Вамъ конечно не извѣстно, что мы кормимъ въ зимніе мѣсяцы одну треть цѣлой Англіи?

— Неужели?

— Какъ же, какъ же; только никто Норфольку настоящей цѣны не знаетъ. Да, знаете ли, если принять все въ соображеніе, обиліе дичи, морскія купанья, ну тамъ, и лорда Нельсона, и все прочее, такъ ему не найдется равнаго между другими графствами. Вы только то подумайте: прокормить одну треть цѣлой Англіи и княжества Валлійскаго въ придачу!

— То есть, какъ же это? Прокормить хлѣбомъ и сыромъ?

— Говядиной, миссъ! И въ патриотическомъ своемъ увлеченіи онъ громко повторилъ это слово: Да съ, говядиной! А подите, скажите-ка имъ это въ Лондонѣ, они вамъ не повѣрятъ. Нѣтъ, право, вамъ бы слѣдовало посмотрѣть наше сель-

ское хозяйство. Онъ успѣлъ развеселиться и разсудилъ, что въ отсутствіе вдовы вовсе не худо приволочнуться за племянницей.

Между тѣмъ въ другой лодкѣ, у мистрисъ Гринау съ капитаномъ, дѣла шли, какъ по маслу.

— Что за славный человекъ вашъ пріятель, мистеръ Чизсагеръ! замѣтила вдова. И хлѣбосоль какой!

— Да, онъ отличный малый въ своемъ родѣ. Между этими порфольскими фермерами встрѣчаются добрѣйшія животныя.

— Но вѣдь онъ не то, что обыкновенный фермеръ. Онъ вѣдь знакомъ на равной ногѣ съ сосѣдними сквайрами, не такъ ли?

— Н—да! если хотите. Но эти провинціалы, знаете ли, не слишкомъ-то охотники знакомиться внѣ своего круга.

— Это понятно. Ну, а какъ онъ живетъ? Я слышала, у него славный домъ.

— О, да, домъ хоть куда. Только, на мой вкусъ, не мѣшало бы его отнести подальше отъ пруда, гдѣ купаютъ лошадей. Ну, да человеку не приходится стыдиться того, чѣмъ онъ добываетъ свой хлѣбъ. Не такъ ли, мистрисъ Гринау?

— Но если бы онъ отдалъ свою землю въ аренду, онъ могъ бы жить настоящимъ джентльменомъ.

— Это смотря по тому, что вы понимаете подъ словомъ: жить настоящимъ джентльменомъ.

Тутъ они должны были прервать свой разговоръ, потому что лодка причалила къ тому мѣсту, гдѣ былъ приготовленъ обѣдъ.

ГЛАВА IX.

С О П Е Р Н И К И.

Когда все общество расположилось въ старой баркѣ, мистрисъ Гринау съумѣла выступить полной хозяйкой пира и отодвинуть мистера Чизсагера на второй планъ. У нихъ было завязалось, незамѣтно для постороннихъ, легкое состязаніе о первенствѣ, но гдѣ же было мистеру Чизсагеру совладѣть съ такимъ противникомъ, какъ мистрисъ Гринау? Онъ вскорѣ на-

щаемся вынужденнымъ уступить; правда, онъ продолжалъ суетиться и выдвигаться между остальными гостями, но дѣйствовало онъ не болѣе, какъ въ ктосевѣмъ разнаго оманца, исполняя чужія приказанія. Капитанъ Бельфильдъ съ своей стороны тоже не сидѣлъ, слома руки; но мистеръ Чизсакеръ приходилъ въ неописанное бѣшенство, глядя, какъ онъ распоряжается и всё слушаютъ его распоряженій. Чего стоитъ эта дерзость со стороны человѣка, который не даѣе, какъ третьяго дни, занявъ у него двадцать фунтовъ и съ своей стороны не поставилъ въ складчину даже бутылки шампанскаго!

— Мы объедемъ въ четыре часа, объявила мистрисъ Гринау во всеуслышанье; теперь же половина четвертаго.

— А танцы начнутся въ шесть, не егерилъ и подсказала одна молоденькая дѣвушка.

— Марія, собѣтую тебѣ молчать, замѣтила дѣвушка ея маменька.

— Да, мы объедемъ въ четыре часа, сказалъ мистеръ Чизсакеръ. Что же касается до музыкантовъ, то я велѣлъ имъ быть здѣсь никакъ не позже половины шестаго.

— А теперь, я думаю, можно приступить къ раскладкѣ корзины, замѣнилъ капитанъ Бельфильдъ. Безъ этой возни полціны со всего удовольствія долой.

— О да, больше, чѣмъ полціны! воскликнула Фанни Ферстеръ.

— Бельфильдъ, ужъ вы, пожалуйста, не трогайте корзины, проговорилъ Чизсакеръ. Съ виномъ надо обращаться умѣючи; предоставьте это моему слугѣ.

— Диковинное дѣло, если бы я не умѣлъ обращаться съ виномъ получше половаго, котораго вы взяли изъ гостинойцы, отвѣчалъ Бельфильдъ.

Намекъ на половаго такъ пугнулъ мистера Чизсакера, что онъ отошелъ въ сторону и оставилъ Бельфильда въ обществѣ вдовы.

Когда дошло дѣло до размѣщенія гостей за столомъ, мистеръ Чизсакеръ поднялся на новую, отчаянную хитрость. Знаете ли что, господа, заговорилъ онъ громко: мы съ Бельфильдомъ займемъ оба конца стола, а мистрисъ Гринау сидеть съ нами по правую руку. Предложеніе это было сдѣлано очень веселю и, казалось бы, должно было польстить капитану. Но не

тотъ человекъ былъ капитанъ Бельведеръ, чтобы поскорѣе при-
нять порученіе въ подобномъ дѣлѣ.—Ну, сдѣлайте, это не совсѣмъ
будетъ ловко, отвѣчала она. Министръ Гринпау угощаетъ насъ
обѣдомъ, а мистеръ Часаверъ виномъ. Тамъ пускай же они сядутъ
на обѣимъ концахъ стола. Если министръ Гринпау позво-
литъ, я провожу ее на почетное мѣсто, а самъ сяду по пра-
вую ее руку въ качествѣ министра. Министръ Гринпау позво-
лила, и дѣло было сдѣлано.

Мистеръ Часаверъ, проливная свою жизнь, усадъ на сво-
емъ концѣ стола. Не въ радость ему было и сѣдство Кэти
Вавазоръ, помѣстившейся по лѣвую его руку.—Право, можно
подумать, что онъ все это отъ себя поставилъ, обративъ онъ
къ маленькой Мери, случившейся его сѣдство сидѣла.

Но дама эта никакъ не могла взять въ толкъ, о чемъ онъ
говоритъ, т. е. что поставилъ? спросила она.

— Ну, музыку, вино и все остальное. Бываютъ же тамъ
нахалы! Всюду умѣютъ втерѣться, и сами никогда и на шип-
лингъ не раззорятся. И какъ это имъ удастся, хоть убейте
меня, не понимаю! Я только то знаю, что самъ всегда плачу,
сколько тамъ приходится на мой пай, а подчасъ и съ залучи-
вомъ.

— Да, это правда, проговорила маленькая Мери. У нея были,
кромѣ Мери, еще другія дочери, и взглядъ ея въ эту самую
минуту отъскакивалъ ихъ по всему протяженію стола, чтобы
удостовериться, что онѣ размѣстившесъ надлежащимъ образомъ.
Младшая ея дочь, Оселия, считавшаяся красавицей въ семьѣ,
сидѣла вѣкъ этой отчужденной ничтожности, Джо Ферстера, и
обстоятельство это приводило маленьку въ отчаяніе.—Оселия,
душа моя, ты сидишь на самомъ сквозномъ вѣтрѣ. Напротивъ
меня есть свободное мѣсто, гдѣ тебѣ будетъ гораздо лучше.

— Но мнѣ и здѣсь не дуется, маленькая, отвѣчала Оселия,
не трогаясь съ мѣста.— Должно помнить, что Оселия хотѣ-
лось остаться въ обществѣ этого долговязаго, пущаго, без-
дѣльного лондонца.

Всего оживленнѣе было веселье на томъ концѣ стола, гдѣ
помѣстившесъ министръ Гринпау. Посидѣвъ съ полчаса на сво-
емъ мѣстѣ, вдобавокъ окончивъ и помѣстившесъ мѣстами съ мини-
стромъ Бельведеромъ, оказалось, что капитану лодкѣ съ нея

мѣста рѣзать пирога изъ дичи. Мистеръ Чизсакеръ, увидѣвъ это, съ шумомъ вырванъ ножики и вилку изъ рукъ. — Что такое случилось? спросила маменька Мери.

— Случилось! пробормоталъ онъ, и, покачавъ головою, въ сокрушеніи сердечномъ снова взялся за ножики и вилку. Кэтъ наблюдала за всѣмъ этимъ и внутренно помирала со смѣху.

— Одинадцать, тринадцать, восемнадцать, двадцать одинъ, считалъ про себя съ гора мистеръ Чизсакеръ число фунтовъ которые ему придется заплатить за удовольствіе быть отодвинутымъ на послѣдній планъ.

— Леди и джентльмены, заговорилъ капитанъ Бельфильдъ по окончаніи обѣда, я прошу у васъ позволенія предложить тостъ.— Настоящій хозяинъ праздника не успѣлъ еще, между тѣмъ, проглотить послѣдній кусокъ сыру.

— Съ вашего позволенія, капитанъ Бельфильдъ, замѣтилъ злополучный хозяинъ, даваясь своимъ сыромъ, я самъ намѣренъ предложить тостъ.

— Другъ любезный! Вамъ и книги въ руки, отвѣчалъ капитанъ. Я и не подумалъ бы отбивать эту честь у человѣка, который сумѣетъ гораздо лучше меня показать себя достойнымъ ея. Но, такъ какъ мы собираемся пить за ваше здоровье, то я право не знаю, какъ вы предложите свой собственный тостъ.

Чизсакеръ промчалъ что-то про себя и опустился на свое мѣсто. Онъ ничего не имѣлъ противъ оказываемой ему чести и находилъ, какъ нельзя болѣе умиственнымъ, тостъ за его здоровье; оставалось ему подумать о томъ, какую благодарственную рѣчь онъ будетъ держать въ отвѣтъ. Но вообразите себѣ его ужасъ, когда Бельфильдъ, вставъ съ своего мѣста, заговорилъ о мистрисъ Гринау! Цѣлыхъ пять минутъ длился краснорѣчивѣйшій напеатиръ вдовѣ, а о мистерѣ Чизсакерѣ не было и поминку. «Ярмутъ, краснорѣчивовалъ Бельфильдъ, съ самаго своего основанія еще не былъ такъ осчастливленъ, какъ прѣбывіемъ благородной дамы, которая теперь присутствуетъ между нами. Пріѣхала она, забывая свои собственные великія печали и воодушевляемая однимъ желаніемъ доставить возможно большее счастье другимъ». Мистрисъ Гринау успѣла между тѣмъ вынуть носовой платокъ и граціознымъ движеніемъ

она откинула назад широкия ленты своего чепца. Сцена вышла очень трогательная, и Чизсакеръ начиналъ приходить въ воступление. У него перебили ту самую рѣчь, которую онъ задумалъ сказать.

— Терпѣть я не могу этихъ пошлостей, обратился онъ къ Кэтъ.

— Послѣобѣденныя рѣчи всегда бываютъ пустоваты, отвѣчала Кэтъ.

Наконецъ Бельфильдъ закончилъ свой панегирикъ мистрисъ Гринау и объявилъ гостямъ, что желаетъ присовокупить къ тосту имя своего друга Чизсакера, это будетъ тѣмъ болѣе прилично, что мистрисъ Гринау конечно не можетъ лично держать благодарственную рѣчь. Онъ заявилъ собранію, что такого славнаго малаго, какъ его пріятель, котораго онъ знаетъ съ незапамятныхъ временъ не найдти въ цѣломъ свѣтѣ, и выразилъ надежду, что всѣ присутствующіе отъ души согласятся вынуть за общее здоровье мистрисъ Гринау и мистера Чизсакера. За этой рѣчью воспослѣдовалъ звонъ стакановъ и шумъ обычныхъ пожеланій. Но вотъ и мистеръ Чизсакеръ медленно приподнялся на ноги и заговорилъ: — Отъ души благодарю все почтенное собраніе и друга моего, Бельфильда. Правда, онъ немножко, того... ну да объ этомъ не стоитъ говорить. Мнѣ было весьма пріятно доставить обществу это маленькое развлеченіе; я и самъ намѣревался предложить вамъ вынуть за здоровье мистрисъ Гринау, но... гм... Бельфильдъ сдѣлалъ это безъ сомнѣнія гораздо лучше меня. Конечно, если взять въ соображеніе приличія, онъ могъ бы и новременить...

— Задумавъ такой тостъ, я не могъ ждть ни минуты.

— Я не перебивалъ вамъ рѣчь, капитанъ Бельфильдъ; такъ ужъ сдѣлайте одолженье, не перебивайте и вы меня. Всѣ мы пиимъ за здоровье мистрисъ Гринау, и я беру на себя поблагодарить васъ и за нее, и за себя. Съ своей стороны, я ничего не жалѣлъ на устройство этого маленькаго праздника и надѣюсь, что угодалъ вамъ. Если не ошибаюсь, кто-то упомянулъ слово щедрость.. Я прошу позволенія заявить, что мнѣ никогда и въ голову не приходило смотрѣть на дѣло въ этомъ свѣтѣ. Ктонибудь да долженъ же платить въ подобномъ слу-

кабъ я никогда не вѣрютъ съ плеча, когда до меня дойдетъ твоей чередъ. Я убѣждена, что другъ мой Вилсонъ въ свою очередь не замедлитъ дать вамъ знать. Пусть его только назначитъ день, я заранѣе направлюсь къ нему въ гости. — И мистеръ Чисаверъ сѣлъ на свое мѣсто въ нѣжной увѣренности, что нанесъ врагу смертельный ударъ.

— Милости просимъ, за мною дѣло не станетъ, отвѣчалъ Вельфильдъ, и такъ ни въ чемъ не бывало продолжать съ мистрисъ Гринау начатый разговоръ.

Но время шло и невода было затихать послѣобѣденныя рѣчи: долгой тиши. Вскорѣ раздались звуки инструментовъ, которые мастерились руками мастера, и дамы удалились на прощанье отъ оконъ барки, чтобы приготовить къ танцванью. Тутъ-то выдвигалась во всемъ своемъ блескѣ заботливость мистрисъ Гринау, отправившей Жанету впередъ съ тремя сапсами цѣпокъ, грѣбней, носовыхъ платковъ и пр. Между дамами происходила ссора, будто мистрисъ Гринау держала въ рукахъ ключи отъ одной изъ сторонъ принадлежностей инструментовъ, такъ какъ было напередъ условлено, что никто не будетъ переодѣваться; но мистрисъ Гринау такъ обстоятельно уступала молоденькой Жанеткѣ услуги Жакета, такъ щедро надѣвала въ своего экипажа разнаго тусклыми принадлежностями, что большая часть присутствовавшихъ простила ей такой жестокъ.

Когда танцники задумали танцевать, викария неблагодарная обстановка такъ не ударила: ни въ чемъ, такъ ни въ чемъ не бывало, будутъ опиясыть франкою вѣсной это сѣбѣ кому вѣснѣтому знамо. Прѣбранный песекъ не слышитъ изъ пиджоро лежать надъ логами (наликъ друзей), но кто не ждало ни танцевать на мѣстѣ.

— Нѣтъ, другъ мой, нѣтъ, ни за что, вѣдѣла мистрисъ Гринау мистеру Чисаверу, угощавшему ее принять участие въ танцѣ. Котъ, я увѣрена, съ болѣею удовольствіемъ приметъ ваше приглашеніе, но меня уже вы, сѣбяго мѣлость, увольте.

Но мистеръ Чисаверъ не имѣлъ въ эту минуту ни малѣйшаго желанія танцевать съ нею. Онъ находился въ сѣбѣ отъ удивленія и печальности, будто Котъ обонялъ съ нимъ не такъ дѣло; а такъ какъ приглашено за Котъ было нѣтъ, то

онъ не попытывалъ ни малѣйшаго желанія вползти къ ней, подвергаясь такимъ неприятностямъ.

— Я еще не рѣшилъ, буду ли танцевать, отвѣдалъ онъ, усаживаясь въ уголокъ палатки воелъ мистрисъ Гринау. Въ эту самую минуту промелькнулъ камитамъ Бельфильдъ подъ руку къ Катъ Ваваоръ, отправлявшійся на мѣсто, назначенное для танцевъ. Мистеръ Чизакеръ почувствовалъ, что наконецъ-то приспѣла ему пора воспріять награду, для которой онъ подвизался. Онъ былъ съ глазу на глазъ съ прекрасною вдовою, вино придавало ему бодрости; разъ упустивъ такой прекрасный случай, когда дождался бы онъ другаго? Мистеръ Чизакеръ, будучи самъ человѣкомъ далеко не бѣднымъ, презиралъ бѣдность въ друиакъ; что мистрисъ была богата, это былъ фактъ, неподлежавшій ни малѣйшему сомнѣнью, но, глядя на ея зрѣлую красу, ему нерею казалось, что она нѣблизка бы его и безъ сорока тысячъ фунтовъ.

— Ахъ, мистеръ Чизакеръ! вамъ, право, не следовало бы такъ удивляться, проговорила мистрисъ Гринау. Безъ васъ для всего общества половина удовольствія потеряна. Катъ подумаетъ, что вы совсѣмъ ее забыли.

— Я съ однимъ только условіемъ стану танцевать, мистрисъ Гринау: чтобы вы согласились быть моею дамою.

— Нѣтъ, нѣтъ, другъ мой, ни за что въ мірѣ. Я, право, боюсь, что вы забыли, какъ всегда еще рана моего сердца. Ваша просьба становится для меня самымъ тяжелымъ ударомъ за то, что я согласилась принять участіе въ вашемъ праздникѣ.

— Клянусь вамъ, этого у меня и въ мысляхъ не было, мистрисъ Гринау.

— Я вамъ вѣрю. Подобный упрекъ былъ бы недостойнымъ мужчины.

— А про меня никто въ цѣломъ графствѣ не посмѣетъ, сказать, чтобы я когда либо запрягала себя постыжимъ, недостойнымъ мужчиною.

— Я въ этомъ не сомнѣваюсь.

— Конечно, и у меня есть свои недостатки.

— Какіе же именно, мистеръ Чизакеръ?

— Ну хоть бы то, наприкладъ, что я расточителенъ. Впро-

чемъ, я, знаете ли, тамъ только сорю деньгами, гдѣ я могу доставить удовольствіе моимъ добрымъ знакомымъ. У себя же на фермѣ, ручаюсь вамъ, я умѣю беречь копѣйку.

— Расточительность большой порокъ.

— О, да вы не подумайте, чтобы я и въ самомъ дѣлѣ былъ кутила; ни, ни. Но, когда человѣкъ, знаете ли, влюбленъ и задумалъ жениться, очень естественно, что ему хочется поразгуляться.

— А вы задумали жениться, мистеръ Чизсакеръ?

— Скажи я вамъ это, вы бы, конечно, только посмѣялись надо мною.

— Нисколько: не въ моихъ правилахъ смѣяться, когда люди, достойные моего уваженія, говорятъ со мною о такихъ важныхъ дѣлахъ.

— Въ самомъ дѣлѣ! Это мнѣ пріятно слышать. А то знаете ли, нуда какъ невесело, когда говоришь о важномъ дѣлѣ, а тебя поднимаютъ на смѣхъ.

— И въ тому же мнѣ ли смѣяться надъ бракомъ, когда я сама была такъ счастлива въ замужествѣ — И мистрисъ Гринау поднесла платокъ къ глазамъ.

— Вы были такъ счастливы, что рано или поздно захотите еще разъ вкусить того же счастья.

— Нѣтъ, мистеръ Чизсакеръ, никогда. Такъ-то вы откладываете всякія шутки въ сторону, говоря о важныхъ дѣлахъ? Пора любви для меня миновалась. Моя любовь лежитъ подъ землею, въ могилѣ моего дорогаго усопшаго праведника.

— Но, мистрисъ Гринау — тутъ Чизсакеръ, готовясь вступить съ ней въ диспутъ, придвинулся къ ней поближе — но мистрисъ Гринау, вѣдь вы знаете, что слезами горю не можешь.

— Порою мнѣ кажется, что одна смерть поможетъ моему горю.

— Ну нѣтъ, чортъ возьми! А я-то на что?

— Благодарю васъ за ваше участіе, мистеръ Чизсакеръ: такому горю, какъ мое, никто не въ силахъ пособить.

— Въ самомъ дѣлѣ? А вотъ вы выслушайте-ка меня, мистрисъ Гринау; я буду говорить, отложивъ всякія шутки въ сторону, ручаюсь вамъ. Поразспросите обо мнѣ сосѣдей, всѣ

скажутъ вамъ, что въ цѣломъ Норфолькѣ не найдется чело-
вѣка, который бы вель свои дѣла исправиле меня. Я не пла-
чу ни пени ренты и живу самъ себѣ господиномъ на сво-
ихъ семи стахъ акрахъ лучшей земли въ цѣломъ графствѣ.
Нѣтъ ни одной десятины, на которой я не вскормилъ бы полу-
тора бычка. Помножьте-ка полтора на семьсотъ, выйдетъ круг-
лая сумма. Заимѣйте: между нашимъ братомъ бѣлонашцемъ
есть такіе, которымъ хуже живется, чѣмъ если бы они платили
ренту. Чтобы воздѣлывать свою землю, они надѣлали столько
долгу, что отъ процентовъ имъ жутче приходится, чѣмъ отъ
какой угодно ренты. Я же никому шести пенсовъ не долженъ.
Я могу смѣло войти въ любой банкъ въ Норвичѣ, не опасаясь
наткнуться на заимодавца. Ни одного векселя, подписан-
наго мною, не гуляетъ по свѣту, мистрисъ Гринау. Вотъ ка-
ковъ Самуилъ Чизакеръ изъ Ойлимсди! Живу я себѣ въ сво-
емъ помѣстьѣ и знаю, что оно мое! И въ увлеченіи онъ такъ
ударилъ кулакомъ по столу, что вся утлая постройка задро-
жала.—Да-съ, оно мое, мистрисъ Гринау, и половина его бу-
детъ вашею, если вы только удостоите принять ее.—И съ этими
словами онъ протянулъ ей руку, не съ ласкою любовника, но
какъ бы приглашая ее ударить по рукамъ и этимъ скрѣпить
сдѣлку.

— Если бы вы знали, что за человекъ былъ Гринау, ми-
стеръ Чизакеръ...

— Я вполне увѣренъ, что онъ былъ достойнѣйшій чело-
вѣкъ.

— Если бы вы знали его, вы не обратились бы ко мнѣ съ
подобнаго рода предложеніемъ.

— А почему же бы и нѣтъ? Я того мнѣнія, что, какъ я
уже вамъ сказалъ, слезами горю не поможешь. И я не вижу
никакой пользы убиваться, изъ за чего бы то ни было. Если
у меня на какомъ полѣ хорошо всходятъ ранніе посѣвы, я
то же поле засѣваю поздней рѣпой, и никогда не горюю о
пролитомъ молокѣ. Гринау былъ для васъ ранній посѣвъ, а я
буду поздней рѣпой. И такъ, не томите, скажите мнѣ, что вы
согласны. Подумайте, во всемъ домѣ вы не найдете у меня
ни одной комнаты, въ которой мебель не была бы краснаго
дерева.

— Что мнѣ въ мебель? проговорила мистрисъ Гринау, проводя въ дѣйствиѣ носовой платокъ. Въ эту самую минуту подъ навѣсъ вошла маменька Мэри. Угораздило же ее придти въ такую минуту! Дѣло мистера Чизакера только было пошло въ ходъ. Въ присутствіи третьяго лица онъ почувствовалъ себя чѣмъ-то въ родѣ уличеннаго преступника и поспѣшилъ пересѣсть подальше отъ вдови.

Но мистрисъ Гринау не знала за собой никакой вины, а потому и не смутилась въ присутствіи третьяго лица. Мы съ мистеромъ Чизакеромъ разсуждали объ агрономіи, заговорила она.

— А! объ агрономіи, протянула маменька.

— Мистеръ Чизакеръ того мнѣнія, что поздня рѣпа лучше раннихъ посѣвовъ.

— Да, это мое мнѣніе, подтвердилъ мистеръ Чизакеръ.

— Я съ своей стороны предпочитаю ранніе посѣвы, продолжала мистрисъ Гринау. Мнѣ даже кажется, что эти поздня жатвы идутъ наперекоръ законамъ природы. Вы что скажете на это мистрисъ Йокеръ?

— Я думаю, что мистеръ Чизакеръ лучший судья въ этомъ дѣлѣ, отвѣчала мистрисъ Йокеръ.

— Да, въ цѣломъ Нордолькѣ не найдется человека, который сумѣлъ бы въ такой точности сказать, что можно выручить съ клочка земли.

— Можетъ быть въ Нордолькѣ оно и хорошо, сказала мистрисъ Гринау, вставая съ своего мѣста, но, сколько мнѣ извѣстно, въ другихъ графствахъ нѣтъ, слишкомъ то одобрять плодороднѣйшую систему.

— А я пришла за тѣмъ, чтобы сказать вамъ, что наша пара бы и демой собратъся, замѣтила мистрисъ Йокеръ. Офелия у меня такая слабенькая.

Въ эту самую минуту можно было видѣть слабенькую Офелию, уносившуюся подъ звуки галона въ объятіяхъ Джо Ферраро. Понятно было божество мистрисъ Йокеръ.

Не безъ труда собрали зашедшуюся молодежь для обратнаго путешествія. Не малую тоже стоило хлопотъ заставить гребцовъ разстаться съ ихъ вужками и табакомъ.

— Только бы они не были мертвы: пятнищ проговорил: мистрисъ Иокеръ, съ пепугомъ, на днѣ...

— Судьи не бываютъ трезвы, отвѣчалъ капитанъ Бельфильдъ, услѣвшій понавѣдаться къ корзинамъ мистера Чисагера, пока джентльменъ этотъ проводилъ время несравненно болѣе пріятнымъ образомъ.

— А то я знаю, подъ хмѣлькомъ они способны всякихъ бѣдъ надѣлать, продолжала мистрисъ Иокеръ.—Право, мистрисъ Гринау, имъ ничего не стоитъ завести насъ въ открытое море.

— Ахъ, какъ бы это было хорошо; воскликнула Офелія.

— Офелія, прошу садиться въ одну лодку со мною, строго проговорила маменька.

Мистрисъ Иокеръ намѣревалась заградить доступъ въ эту лодку Джо Ферстерсу. Но Джо съ дочкой перехитрили ее. Когда отчалили отъ берега, мистрисъ Иокеръ очутилась подъ покровительствомъ мистера Чисагера въ одной лодкѣ, а грѣховодница Офелія съ своимъ негоднымъ обожателемъ въ другой, въ которой вассало председательствовалъ капитанъ Бельфильдъ.

— Ужь достанется же мнѣ отъ маменьки, проговорила Офелія:—А все вы виноваты, мистеръ Джо.—Я, право, не сюда хотѣла поехать. И за тѣмъ оба разсѣлись по своимъ мѣстамъ: не сплинкомъ-то, по видимому, горюхъ объ этомъ промахѣ.

Тяготно старался мистеръ Чисагеръ устроить такъ, чтобы мистрисъ Гринау хоть на возвратномъ пути была его спутницей! Этому воспротивился не только капитанъ, но и сама мистрисъ Гринау.

— Нѣтъ, ужь мы лучше вернемся въ томъ же порядкѣ, въ какомъ пріѣхали, сказала она и протянула руку капитану Бельфильду.

— О, да, разувѣется, сказалъ капитанъ.—Чѣмъ не хорошеетъ этотъ порядокъ? Ну, Чисагеръ, дружище, берите мистрисъ Иокеръ; мистрисъ Гринау заняла самое удобное мѣсто на кормѣ; Бельфильдъ пообѣщанъ вальтъ нея и вальтъ руки.

— Капитанъ Бельфильдъ, если вы хотите править рулемъ, то прошу быть осторожнымъ.

— Вы напоминаете мнѣ объ осторожности, когда вы съ нами! отвѣчалъ капитанъ.—Развѣ вы не знаете, что я оворѣ

согласился бы погибнуть въ волнахъ, чѣмъ допустить, чтобъ одна капля воды замочила подолъ вашего платья?

— Но вы забываете, что мы можемъ вмѣстѣ погибнуть въ волнахъ.

— Вмѣстѣ! Какъ сладостно звучить это слово: погибнуть вмѣстѣ! Если бы жизнь не общала еще болѣе завидной доли, я пожелалъ бы такой смерти.

— За то я ничего подобнаго не желаю, капитанъ Бельфильдъ, а потому, пожалуйста, будьте осторожны.

На этотъ разъ дѣло обошлось благополучно, и никто не погибъ въ волнахъ. Лодка мистера Чизсагера первая приплыла въ Ярмутъ и высадила на берегъ своихъ пассажировъ здоровыми и невредимыми. Вскорѣ за нею подоспѣла и лодка капитана Бельфильда.

— Ну вотъ, какъ видите, сказалъ онъ, помогая мистрисъ Гринау изъ нея выйти, — я пока не ввелъ васъ ни въ какую бѣду.

— И не введете, надѣюсь, и на будущее время.

— Да сохранить меня богъ отъ этого, мистрисъ Гринау. Что бы насъ съ вами ни ожидало въ будущемъ, я надѣюсь, что ваша судьба будетъ изъята отъ всякихъ превратностей. О, если бы я смѣлъ надѣяться, что настанетъ день, когда на мою долю выпадетъ блаженное право охранять васъ отъ всякой опасности!

— Я и сама съумѣю охранять себя, какъ нельзя лучше. Покойной вамъ ночи, капитанъ Бельфильдъ. Мы не хотимъ, чтобы вы и мистеръ Чизсагеръ изъ-за насъ давали кроку; не такъ ли, Кэтъ? А превесело мы нынче провели день.

— Ну, Кэтъ, что ты скажешь о нынѣшней прогулкѣ? спросила тетушка, какъ скоро онѣ остались на-единѣ.

— Я вообще, тетушка, довольно равнодушно отношусь къ подобнаго рода увеселеніямъ; должно полагать, что у меня ужъ темпераментъ такой. Все шло, какъ нельзя лучше, и я завидывала Офелии Юкеръ, которая такъ отъ души веселилась.

— Я люблю, чтобы молодежь отъ души веселилась, замѣтила мистрисъ Гринау: — это въ порядкѣ вещей. Отчего же молодымъ людямъ и не заводить между собою любовныхъ пашней?

— Ужь коли на то пошло, отчего бы и старымъ людямъ не дѣлать того же?

— Конечно, вѣдь они этимъ никому не мѣшаютъ. Знаешь ли, Кэтъ, теперешніе люди стали до того ужъ степенны, что по неволѣ отъ скуки въ такія развлеченія кидаются, которыя во сто разъ хуже прежнихъ. Если бы у меня были сыновья и дочери, я бы изъ предосторожности заставляла ихъ заводить любовныя шапани. Вотъ когда сѣдина начнетъ пробиваться, тогда бѣда. Старики поревать поддѣлаться къ молодымъ, а молодымъ ихъ и даромъ не нужно. Если бы старики довольствовались тѣмъ, что любезничали бы между собою, то я не вижу, почему бы имъ переставать любезничать, пока еще земля ихъ носить и они не отиралились на покой.

Таково было воззрѣніе мистрисъ Гринау на любовныя шапани.

ГЛАВА X.

НЕДЕРКОТСЪ.

Мы оставимъ пока мистрисъ Гринау въ Ярмутѣ и, по дорогѣ въ Лондонъ, заѣдемъ къ мистеру Грею въ его кембриджширское помѣстье. Всѣмъ извѣстно, что Кембриджширъ не можетъ похвалиться особенною красотой мѣстности передъ другими графствами Англии; а помѣстье мистера Грея, Недеркотсъ, находилось въ самой плоской, безлѣсной и безводной части этого графства, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ главнаго города. Мистеръ Грей проживалъ круглый годъ у себя дома и наизбравался такъ жить до конца дней своихъ.

Отецъ мистера Грея имѣлъ пребенду еще въ тѣ времена, когда пребены были доходныя, чѣмъ теперь; кромѣ того у него былъ приходъ по сосѣдству, и онъ успѣлъ отложить порядочный куны денегъ: на эти-то деньги онъ и купилъ Недеркотсъ. Джонъ Грей воспитывался дома, но въ послѣдствіи слушалъ университетскій курсъ въ Кембриджѣ. Смерть отца, случившаяся около этого времени, побудила его отказаться отъ ученой степени и поселиться въ отчемъ домѣ, вблизи отъ сво-

ихъ университетскихъ друзей и отъ любимого своего собора. Отецъ оставилъ ему около полуторы тысячи фунтовъ годового дохода.

Недерготсъ не могъ похвалиться особенною красотою мѣстности, но за то самый домъ представлялъ всё удобства, какихъ только могъ желать сельскій джентльменъ, обладающій довольно ограниченными средствами. Ничто не могло быть уютѣе гостиной и столовой этого дома; а библіотека, помѣщавшаяся въ одной изъ самыхъ большихъ его комнатъ, пользовалась почетною извѣстностью даже въ университетѣ, какъ одна изъ лучшихъ частныхъ библіотекъ въ этой части Англїи. Густо разросшійся садъ славился своими фруктовыми деревьями и обширными, даже слишкомъ обширными на вкусъ мистера Грея, оранжереями.

Семь цѣлыхъ лѣтъ прожилъ мистеръ Грей въ этомъ убожищѣ, по выходѣ своемъ изъ университета. Безъ сомнѣнїя, близость Кембриджа и удобство сообщенїя съ нѣсколькими, находившимися у него тамъ, хорошими знакомыми помогали ему мириться съ этимъ добровольнымъ отшельничествомъ; но все же онъ мало по малу пришелъ къ тому заключенїю, что ему нуженъ другой чловѣкъ, который бы раздѣлилъ съ нимъ его кровъ.

Въ одну изъ рѣдкихъ своихъ поѣздокъ въ Лондонъ, онъ познакомился съ Алисой Вавазоръ и уже не возвращался домой, пока не пришелъ къ рѣшенїю, что предложить ей раздѣлить съ нимъ его кровъ. Мы уже знаемъ, что предложенїе его было принято, и съ этой минуты вся жизнь его измѣнилась. До сихъ поръ весь міръ заключался для него въ его маленькой гостиной, въ его книгахъ и растенїяхъ. Теперь же онъ принялся окружать себя всѣми принадлежностями женскаго хозяйства; мечталъ о томъ времени, когда домъ его озарится присутствїемъ женщины; онъ не могъ надивиться, какъ это онъ столько лѣтъ прожилъ отшельникомъ. Темпераментъ у него отъ природы не былъ горячїй, но тутъ обычная ровность характера стала измѣнять ему. Вполнѣ сознавая, что Алисѣ нужно время, чтобы освоиться съ предстоявшею ей переменою своего образа жизни, онъ не торопилъ ее свадьбой. Но, во время прогулки ея по Швейцарїи, нетерпѣнїе его возросло до

такой сильной стонени, что у него не стало силъ дожидаться до слѣдующаго года, и онъ рѣшился просить ее, чтобы она назначила свадьбу въ концѣ осени или зимою.

Алиса нѣсколько разъ писала ему изъ Швейцаріи, и первыя ея письма были премилыя. Она описывала свою поѣзду, рассказывала забавные анекдоты про сибаритство Джоржа и про ухаживанье за нимъ сестры. Письма Алисы къ жениху не отличались особенною нѣжностью, но это не мѣшало Грею оставаться довольнымъ ихъ общимъ тономъ. Не въ его природѣ было сомнѣваться въ ея любви, когда она уже сказала ему, что любить его; для этого онъ слишкомъ глубоко уважалъ и себя, и ее. Но мало по малу въ ея письмахъ стало, помимо ея воли, высказываться какое-то недовольство, которое не могло не обратить на себя вниманія мистера Грея, и заставило его призадуматься. За послѣдніе четыре дня путешествія, во время ея пребыванія въ Базелѣ и обратной поѣздки домой, писемъ вовсе не приходило. По возвращеніи ея въ Лондонъ, пришло отъ нея посланіе, писанное въ отвѣтъ на только-что полученное ею письмо мистера Грея, въ которомъ онъ высказывалъ ей свое задушевное желаніе не откладывать свадьбу далѣе послѣднихъ чиселъ октября и испрашивалъ на это ея согласіе. Отвѣтъ ея былъ такого рода, что мистеръ Грей тотчасъ же рѣшился отправиться къ ней въ Лондонъ. Мы приведемъ этотъ отвѣтъ цѣликомъ:

Улица королевы Анны

Августъ 186—г.

Милый Джонъ!

«Мы вчера только пріѣхали, страшно устали, потому что отъ самаго Парижа нигдѣ не останавливались, да и въ Парижѣ ночевали всего только одну ночь. Тотчасъ же по пріѣздѣ я получила твое письмо; думаю, что всего лучше будетъ съ разу приступить къ его содержанію. Охотнѣе бы я повременила и стала болтать о всякомъ миломъ вздорѣ, но это вается мнѣ малодушіемъ; и, будь, что будетъ, я не хочу быть малодушной. И такъ, я прямо скажу тебѣ, что не могу согласиться на твое желаніе отпраздновать свадьбу нынѣшней зимою. Само собою разумѣется, ты спросишь меня: отчего? Ты на это

имѣешь полнѣйшее право, и я обязана тебѣ отвѣтить. Не знаю, право, въ состояннн ли я буду дать тебѣ таковой отвѣтъ, которымъ бы ты могъ удовлетвориться. Если нѣтъ, то мнѣ только остается просить у тебя прощенья за причиняемое тебѣ огорченіе.

Бракъ—великая переменна въ жизни, и въ моей гораздо болѣе, чѣмъ въ твоей. Ты остаешься въ своемъ домѣ, самъ себѣ господиномъ; для тебя все останется по древнему, съ тою только разницею, что у тебя будетъ подруга, которая, по всѣмъ вѣроятіямъ, не сумѣетъ оправдать вполне твоихъ ожиданій. Но для меня все переменится. Переходъ этотъ будетъ равняться переходу отъ земной къ загробной жизни. Я должна буду разстаться со всѣми своими прежними привычками, наметить весь свой образъ жизни. Конечно, мнѣ слѣдовало обо всемъ этомъ подумать ранѣе, и я дѣйствительно не мало объ этомъ думала. Я пришла къ тому заключенію, что если я дѣйствительно люблю тебя, то я могу отважиться на этотъ шагъ, отважиться въ видахъ твоего и моего счастья. Не думай, дорогой Джонъ, чтобы я теперь отчаявалась въ возможности этого счастья; но прошу тебя объ одномъ, не торопи меня, дай мнѣ собраться съ силами для предстоящей перемены. Хуже будетъ, если я въ одно прекрасное утро, праживъ съ тобою какихъ нибудь полгода, объявлю тебѣ, что тишина твоего дома сводить меня съ ума.

Не напоминай мнѣ о свадьбѣ до окончанія зимы. Если въ теченіе этого времени я сознаю свою ошибку, я смиренно покаюсь передъ тобою, и сдѣлаю это по собственному своему побужденію. Если предлагаемая мною отсрочка въ такой степени разстраиваетъ всѣ твои предположенія, что самый бракъ при этихъ условіяхъ не дастъ тебѣ того, чего ты отъ него ожидаешь, ничто не мѣшаетъ тебѣ изъяснить мнѣ это прямо и потребовать отъ меня свое слово обратно. Я вполнѣ сознаю, что не имѣю ни малѣйшаго права обязывать тебя къ браку въ отдаленномъ будущемъ, тогда какъ для тебя было бы важно, чтобы этотъ бракъ состоялся въ настоящемъ. Обѣщаюсь тебѣ исполнить всякое твое желаніе, кромѣ того, которое выражено въ послѣднемъ твоемъ письмѣ.

Кэтъ идетъ въ Ярмутъ съ тетужиной Гринау, и я врядъ ли

съ ней увижусь до будущаго года. Джоржъ проводилъ меня до двери нашего дома и объявилъ, что намбрень улетучиться изъ Лондона. Папа предлагаетъ свозить меня ведѣли на двѣ въ Рамсгэтъ, но при этомъ дѣлаеть такую плачевную физиономію, что у меня не станеть духу принять его предложеніе. Леди Мэглеодъ приглашаетъ меня въ Чельтенгамъ; мнѣ очень не хочется ѣхать, потому что намъ съ ней Богъ миру что-то не даетъ, но кончится вѣроятно тѣмъ, что я поѣду. Существуетъ еще предположеніе о томъ, что всѣ мы, конечно за исключеніемъ Джоржа, соберемся на рождество въ замокъ Вавазоръ, но проектъ этотъ еще писанъ въ облакахъ и, что до меня касается, въ облакахъ и останется.

Милый Джонъ, усвойся меня и наинни скорѣе, что это письмо тебя не огорчило.»

Преданная тебѣ

Алиса Вавазоръ.

Мистеръ Грей два раза прочиталъ это письмо и крѣпко задумался. Онъ догадывался, что тутъ дѣло не въ одной перѣнимости; онъ понималъ, что она страдаетъ, страдаетъ отъ мысли, что бракъ имъ не будетъ счастливъ. Но ему и въ голову не пришло изъ этого вывести, что имъ слѣдуетъ разойтись. Онъ слышалъ горько любить ее, чтобы такъ легко прийти къ подобному заключенію. Человѣкъ онъ былъ сдержанный и исподатливый на новыя привязанности, а потому, рѣшь проявившись, крѣпко держался за свое чувство. Безъ сомнѣнія, если бы онъ могъ сказать себѣ, что счастье Алисы требуетъ отъ него этой жертвы, онъ принесъ бы ее безъ жалобъ и безъ упрековъ. Онъ не валь бы подъ бременемъ своего гора, но оно оставило бы неизгладимый слѣдъ въ его сердцѣ. Но въ головѣ его не умѣчалась мысль о необходимости подобнаго рода жертвы. Онъ смотрѣлъ на Алису, какъ на больную, нуждающуюся въ излеченіи; она ослабѣла, а потому надо, чтобы кто нибудь другой ее поддержалъ. Онъ рѣшился съѣздить въ Лондонъ и повидаться съ немъ; въ душѣ онъ еще не терялъ надежду встрѣтить рождественскій праздникъ съ молодою женою. Въ тотъ же день онъ послалъ ей коротенькую записку:

«Дорогая Алиса, писалъ онъ, я рѣшился безоговорительно ѣхать въ Лондонъ. Послѣ завтра, вечеромъ, въ восемь часовъ, я буду съ тобою.

Твой Д. Г.

— Ну, подумала Алиса, получивъ эту записку, теперь мнѣ надо собраться съ духомъ, сказать ему всю правду.

ГЛАВА XI.

ДЖОНЪ ГРЕЙ ВЪ ЛОНДОНѢ.

Но въ чемъ же заключалась эта правда? Когда Алиса Вавазоръ порѣшила съ собою, что она должна сказать всю правду своему жениху, она разумѣла подъ этимъ намѣреніе разойтись съ мистеромъ Греемъ. Она понимала, что подобнаго рода намѣреніе несомнѣнно съ тою любовью и вѣрностью, которыя были ея долгомъ въ отношеніи къ нарѣченному ея мужу. А между тѣмъ, въ чемъ же было дѣло? На совѣсти ея не лежало измѣны; она могла чувствовать, что должна разстаться съ мистеромъ Греемъ, но изъ этого нисколько не слѣдовало, чтобы Джоржъ могъ когда либо сдѣлаться ея мужемъ. Въ этомъ она сто разъ на дню завѣряла себя въ тотъ короткій промежутокъ времени, который оставался ей до наступленія рѣшительной минуты.

Въ разговорѣ часто случается слышать, что замужество—важный шагъ въ жизни, и что слѣдуетъ хорошенько подумать, прежде чѣмъ на него рѣшиться. Приводятъ примѣры людей, которые поторопились бракомъ, а тамъ всю жизнь калялись. Я съ своей стороны полагаю, что Алиса Вавазоръ ударилась въ противоположную крайность. Она слишкомъ много думала о предстоящемъ бракѣ, и додумалась до того, что небосклонъ ея заволокло черными тучами, которыхъ даже солнце любви не въ силахъ было разогнать. Алиса часто задавала себѣ вопросъ, что ей дѣлать въ жизни? Мало по малу она смутно начала сознавать, что что нибудь да надо сдѣлать; не въ томъ

же состоятъ вся ея задѣла въ жизни, чтобы выйти замужъ и родить парочку дѣтей. Но что именно дѣлать? Этого она не знала. Въ ней бродили неопредѣленные честолюбивыя мечты, которыя наполняли ее тревогою, а между тѣмъ не давали существенной пищи ея уму. Когда она говорила себѣ, что въ той жизни, которую мистеръ Грей готовитъ ей въ Кембриджшейрѣ, не будетъ простора ея дѣятельности, она и сама хорощенько не знала, что подразумѣваетъ подъ этимъ. Если бы кто сказалъ ей, что она жалѣетъ о лондонскомъ обществѣ, съ которымъ придется разстаться, она отвѣчала бы, что мало бываетъ въ обществѣ, да и то неохотно. Если бы кто намекнулъ ей, что она дорожитъ близостью магазиновъ или городскимъ шумомъ, она бы только усмѣхнулась. А между тѣмъ она не переставала повторять себѣ, что страшится мертвенной тишины Кембриджшейра.

Мечты ея о дѣятельности, на сколько она умѣла ихъ себѣ вычислить, склонялись всею болѣе въ пользу политической дѣятельности. Она желала бы быть женою какого нибудь вождя радикальной оппозиціи, въ тѣ времена, когда еще подобныхъ людей сажали въ тюрьму. Пока онъ сидѣлъ бы въ тюрьмѣ, она продолжала бы за него дѣло агитаціи, носила бы къ нему письма, спрятанныя за корсетомъ, совершала бы безъ гроша денегъ дальнія путешествія въ сѣверныя графства, если бы того требовали интересы общаго дѣла. Она бы желала видѣть себя окруженною энтузіастами, мужчинами и женщинами, которые толковали бы при ней объ общемъ дѣлѣ, и поддерживали бы въ ней пламя политическихъ партій. А судьба между тѣмъ не посылала ей дѣла, за которое она могла бы стоять. Политическія убѣжденія отца ея были самаго неопредѣленного свойства, убѣжденія леди Маклеодъ были отчаянно консервативны; Кэтъ ударилась за послѣднее время въ ярый радикализмъ, но это потому, что братъ ея придерживался того же направленія. Что же касается самого Джоржа, то въ годъ его ухаиванія за Алисою, нельзя было найти болѣе ревностнаго консерватора, и только ссора его съ дѣдомъ сдѣлала его радикаломъ. Правда, теперь его воззрѣнія были изъ передовыхъ передовыя, и Алиса могла имъ вполне сочувствовать, но что пользы было сочувствовать изъ Кембриджшейра? У Джона Грея такъ ска-

заявлять, не была вовсе неопровержимой. Она имела свои определенные восприятия на поступки Августа съ римскими сенаторами, и рассуждала даже съ Алессо объ образѣ дѣйствій киронидовъ во время княжества Робеспьера, не до Мантестера и его рабочихъ ему, но видимо, мало было дѣла, и она помыслила объявить Алессе, что и даромъ бы не взяла мѣста въ калитѣ декуретовъ. Какое мнѣ дѣло до римскихъ сенаторовъ? рассуждала Алиса сама съ собою. Да что мнѣ и въ киронидствахъ? Намъ же съ чѣмъ будетъ говорить съ ними, когда ми останемся на хлѣбу кинь вѣденье.

Весь сомнѣній поѣздка въ Швейцарію, въ обществѣ ея двоюроднаго брата, не мало способствовала къ развитію въ ней этихъ мыслей. Да не подумаетъ читатель, что она снова полюбила Джоржа; она тверде, чѣмъ когда либо, была убѣждена, что никогда уже болѣе его не полюбитъ. Она грубо оскорбилась въ прошедшемъ, и хотя она съ тѣмъ моръ и усилась простить ему, тѣмъ не менѣе она вполнѣ была убѣждена, что страсть ея къ нему никогда не вѣетъ. Но, какъ бы то ни было, пребываніе въ Швейцаріи не прошло для нея безслѣдно, и она боится, что, сдѣлавшись женою мистера Гремъ, не развѣ съ сожалѣніемъ вспомнитъ объ этой морѣ.

Въ теченіе этихъ двухъ дней она усилась окончательно утвердиться въ своемъ намѣреніи—прямъ сказать мистеру Гремъ, что не можетъ быть его женою, упрямствъ его притянуть ее и возвратитъ ей данное слово. Что же касается возможности отказа со стороны мистера Гремъ, то эта возможность ей и въ голову не приходила.

Тѣмъ прошли эти два дня. Когда минутомъ стрѣлка на циферблатѣ гостиницкхъ часовъ приближалась къ ровному восьмью часамъ, сердце ея тревожно забилося въ груди. Предстоящее объясненіе получило въ ея глазахъ необычайную важность. Совѣсть упрекала ее за задуманное дѣло, а между тѣмъ намѣнить намѣреніе было уже поздно. Когда раздался звонокъ у двери, она задрожала всѣмъ тѣломъ. Быть можетъ, еще это не онъ, быть можетъ, странное объясненіе отодвинется еще на нѣсколько минутъ? Но нѣтъ, это его шаги слышались на лестницѣ, черезъ минуту онъ и самъ вошелъ въ комнату.

— Дорогая моя, протворилъ онъ, видъ къ ней на встрѣчу. Сынъ

быть все так же, как и прежде: то же добрая улыбка, то же же мужественный, привѣтливый голосъ. Вглянувшись на него, Анна почувствовала, что такимъ мужемъ любая женщина могла бы гордиться. Онъ былъ высокаго роста, темноволосъ, съ длинными голубыми глазами и отъ себя излучалъ особенную красоту. Былъ у него ротъ, и зовутъ-то красивый ротъ, очерченный козорогомъ и обведенный таную твердую волю, заставлявшая Анну бояться его. — Дорогая моя, повторилъ онъ, подходя къ ней и, прежде чѣмъ они успѣли опомниться, обнять ее и поцѣловать.

Онъ не торопился заговорить съ ней о содержаніи ея письма. Онъ усадилъ ее на диванъ, самъ усѣлся повлѣ нея и укрѣпилъ на нее взоръ, исполненный нѣжности; то же было не-пугуемый взглядъ, то было встать любовника, наслаждающагося лицезрѣніемъ своей возлюбленной. Тамъ просидѣли они молча нѣсколько минутъ, въ продолженіи которыхъ Анна успѣла нѣсколько оправиться.

— Хоть я и очень рада тебя видѣть, заговорила она наконецъ, но все же мнѣ жаль, что мое письмо поцѣлоало тебя столько хлопотъ.

— Хлопоты! повторилъ онъ. Грѣшно тебѣ такъ говорить. Я не такъ зашелъ къ Недермосту дѣлами, чтобы побѣды къ тебѣ не была для меня желанна во всякое время. Ну, скажи-ка мнѣ, весело ты провели время въ Швейцаріи?

— Да, очень весело. — Она сказала это тихимъ тономъ, который ясно показывалъ, что она думаетъ сейчасъ о другомъ.

— Ты расстроилась съ Катъ?

— Да, она теперь въ Ярмутѣ съ теткой.

— Ты мнѣ писала объ этомъ. Ну, а что подѣлываетъ твой дискорданный братъ, Дарль?

— Кто его знаетъ! Можетъ статься, что онъ и въ городѣ, но только я не видала его съ нашего приѣзда.

— Вѣкъ они, друзья-то въ Лондонѣ! Если имъ не следеть какойнибудь особенный случай, они сто лѣтъ проживутъ другъ вѣкъ друга и не будутъ видѣться. Вѣкъ-то они управляютъ дорогой съ разными политиканомъ? Чего, я думаю, ему стоило не разбѣжаться имъ по вѣсѣ станціямъ.

— Какъ душка ты спросилъ бы, хороши ли мы убрости ея политиканомъ. Но, Дарль, вѣдъ ты затъ послѣднее приѣхалъ въ

Лондонъ для того, чтобы переговорить съ мною по поводу моего письма, не такъ-ли?

— Ты угадала.

— Я въ эти дни успѣла много передумать о томъ, что я писала, и приняла къ тому заключенію, что намъ всего лучше...

— Позволь, Алиса, не говори въ торопяхъ, моя милая. Не хочешь ли прежде выслушать отъ меня, что я узналъ изъ твоего письма?

— Охотно, если ты думаешь, что такъ будетъ лучше.

— Да, мнѣ кажется, что такъ будетъ лучше. И такъ, милая, я узналъ изъ твоего письма, что во время этой побѣдки случилось что-то такое, что навело тебя на грустныя мысли, расшевелило въ тебѣ тѣ неопредѣленныя, смутныя сожалѣнія о прошломъ, которымъ всё мы бываемъ подвержены въ извѣстныя минуты нашей жизни. Кто изъ насъ не перевѣдался съ этимъ духомъ безпрестаннаго унынія, который, если дать ему волю, можетъ довести свою жертву до безумія, до самоубійства. Меня самого, прежде чѣмъ я узналъ тебя, часто посѣщала этотъ духъ; но съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ улыбнулась надежда видѣть тебя хозяйкою моего дома, я окончательно изгналъ его. Въ этомъ отношеніи, мнѣ кажется, я могу служить тебѣ примѣромъ. И такъ, не говори подъ вліяніемъ этого духа, но попытайся сперва изгнать его.

— Я уже пыталась, но это мнѣ не удастся.

— Сдѣлай еще усиліе, Алиса. Духъ этотъ—проклятый духъ, онъ не принадлежитъ ни небу, ни землѣ. Будь мужественна и сразись съ нимъ еще разъ: а до тѣхъ поръ погоди проносить тѣ слова, которыя готовы у тебя сорваться. Если-не ошибаюсь, я угадалъ, что ты хотѣла мнѣ сказать. Если ты меня любишь, такимъ словамъ не мѣсто между нами; если-же нѣтъ...

— Если я тебя не люблю,—нѣтъ человѣка, котораго бы я любила.

— Вѣрю, вѣрю. Я такъ же безусловно вѣрю, Алиса, въ твою любовь ко мнѣ, какъ и въ то, что я тебя люблю. Мнѣ кажется, я умѣю угадывать то, что у тебя на умѣ. Скажи мнѣ, что я могу съ миромъ возвратиться въ свой Кембриджскій и оттуда слова попытать счастья, не склоню ли я тебя нав-

начитъ свадьбу въ скорѣйшемъ времени. Не бойся, я не выведу изъ этихъ словъ того, чего въ нихъ нѣтъ.

Она сидѣла неподвижно и глядѣла ему прямо въ лице. Рѣшеніе ея оставалось неизмѣннымъ, но, послѣ такихъ словъ, она не знала, какъ его высказать. Въ обращеніи его было что-то такое, наводившее на нее невольную робость и, въ то же время, что-то такое, затрогивавшее ее за сердце.

— Скажи мнѣ, продолжалъ онъ, что завтра утромъ мы свиде-демся, но обыкновенію, мирно и любовно, а вечеромъ я уѣду къ себѣ. Скажи на это одно только да, и я ни о чемъ болѣе не стану просить тебя.

— Нѣтъ, я не могу этого сказать, отвѣчала Алиса, и отвѣчала такимъ голосомъ, какого онъ еще ни разу отъ нея не слышалъ.

— Неужели этотъ демонъ умышленъ такъ силенъ, что ты не можешь съ нимъ совладѣть?—онъ проговорилъ это улыбаясь, и улыбаясь взялъ ее за руку. Она не отняла руки, но оставалась въ какой-то странной неподвижности, безцѣльно глядя передъ собою.

— Ты не пробовала съ нимъ бороться, а между тѣмъ ты знаешь, что это злой демонъ, побуждающій тебя къ величайшей жестокости, какую ты только можешь сдѣлать. Алиса, Алиса! вообрази только другое лице на твоемъ мѣстѣ, положимъ твою подругу! какой бы былъ твой совѣтъ ей?

— Мой совѣтъ ей, былъ бы сказать полюбившему ее человеку, въ томъ случаѣ, если бы человекъ этотъ былъ великодуш-нымъ, добрымъ и благороднымъ, что она находитъ себя неспособ-ной составить его счастье; а потомъ, пускай бы она на колѣ-няхъ испросила у него прощенія. — И съ этими словами она опустилась передъ нимъ на колѣни и обратила къ нему лице, исполненное выраженія такой скорби и сожаленія, что вся его твердость едва не измѣнила ему.

У него было принято твердое рѣшеніе не уступать ей ни въ чемъ и, чтобы она ни сказала ему, смотреть на это, какъ на галлюцинацію большого воображенія, претивъ которой луч-шимъ средствомъ была бы перемѣна обстановки. Онъ такъ же мало былъ расположенъ принять отказъ съ ея стороны за нич-ную монету, какъ переставитъ свои растенія съ южной это-

решы стѣны на сѣверную, иль-за того только, что солнце иногда свѣтитъ съ сѣвера. Онъ не могъ такъ легконадежно поступать въ дѣлѣ, отъ котораго зависѣло его и ея счастье.

— Но представь себѣ, Алиса, что онъ отлагалъ бы ея въ прощаніи? По крайней мѣрѣ, я такъ намерѣнъ поступить. Ты моя жена, моя желанная, мое сокровище, избранница моего сердца. Ты для меня все, чѣмъ я дорожу въ жизни, ты для меня земное счастье и проблескъ того лучшаго счастья, котораго я ожидаю за гробомъ. И ты думаешь, что я такъ легко поступлю съ тобою? Нѣтъ, моя дорогая. Если ты больна, я подожду твоего выздоровленія и, если позволень, самъ буду ходить за тобою.

— Я не больна.

— Быть можетъ, ты не страдаешь никакимъ опредѣленнымъ недугомъ, но это тебѣ не мѣшаетъ быть больной. Подумай о томъ, что произошло между нами. Чему же, какъ не болѣзни приписать твою жалобу разойтись со мною безъ всякой видной причины.

— Ты не хочешь выслушать мои причины... Она все еще не вскакала съ земли и кидѣла ему въ лице.

— Я охотно выслушаю ихъ, если то, что ты имѣешь сказать мнѣ, относится къ какимъ нибудь недостаткамъ, которые ты во мнѣ предполагаешь.

— О, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ я не хочу ихъ слушать. Что касается твоихъ недостатковъ, то это уже мое дѣло отыскивать ихъ въ тебѣ, и если я найду ихъ, то я самъ приду къ тебѣ и выслушаюсь откровенно. Милая Алиса! Если бы ты знала, какъ все существо мое стремится къ тебѣ.

И онъ съ ласкою провелъ рукою по ея волосамъ.

Но этому она не захотѣла повернуться и, медленно приподнявшись на ноги, стала посреди комнаты, опираясь рукою на столъ. Мистеръ Грей... началъ она.

— Если ты будешь называть меня этакъ ласково, я признаю это ничему никому, какъ болѣзнь.

— Мистеръ Грей, продолжала она, я желаю бы, чтобы вы приносили мои слова такъ, какъ они были сказаны.

— О, нѣтъ, этого я, конечно, не сдѣлаю; я не могу этого

сдѣлать, потому что этошло бы въ разрѣзъ съ моими интересами.

— Я не упустила изъ виду вашихъ интересовъ; я дорожу ими, но крайней мѣрѣ, наравнѣ съ своими собственными. Я твердо убѣждена, что не могла бы быть вамъ хорошею женою, а на основаніи этого, считаю себя въ правѣ, не смотря на все, что произошло между нами, сказать вамъ: простите меня и разоидитесь.

— О нѣтъ, этому никогда не бывать съ моего согласія. Я не умѣю высказать тебѣ, съ какою радостью я обвѣчался бы съ тобою хоть завтра. Если этого не можетъ быть, то я готовъ ждать. Но ничто, кромѣ твоего брака съ другимъ, не разувѣритъ меня въ томъ, что мы съ тобой женихъ и невѣста.

— Ну, этого доказательства я не могу вамъ дать, отвѣчала она, улыбаясь.

— А другимъ способомъ тебѣ меня не переубѣдить. Ты еще не говорила объ этомъ съ твоимъ отцомъ?

— Пока еще нѣтъ.

— И не говори, по крайней мѣрѣ подожди еще нѣсколько времени. Вѣдь ты не станешь отрицать, что еще можетъ случиться, что ты возьмешь назадъ свое слово?

— Нѣтъ, это невозможно.

— Но оставь себѣ и мнѣ этотъ выходъ; вѣдь въ этомъ нѣтъ никакой бѣды. О причинахъ твоего отказа, Аня, я не стану тебя спрашивать. Я и слышать ихъ не желаю, потому что не вѣрю, чтобы ты сама долго оставалась подъ ихъ влияніемъ. Скажи, пожалуйста, ты все еще думаешь ѣхать въ Чельтенгамъ?

— Я еще ни на что не рѣшилась.

— На твоемъ мѣстѣ, я бы непремѣнно поѣхала. Мнѣ кажется, перемена воздуха была бы тебѣ очень полезна.

— Да; вы смотрите на меня, отчасти какъ на дурочку, отчасти какъ на помѣшанную; но я ни то, ни другое. Перемена, о которой вы говорите, должна бы была совершиться въ вашей природѣ и въ моей.

Отъ покаянья пролевою, но губи его не переставали улыбаться. Въ этой невозмутимой ясности было что-то такое, вы-

водившее ее надъ себя. Казалось, что онъ ставитъ себя такъ неизмѣримо выше ея, что на каждое ея рѣшеніе посмотреть, какъ на капризъ ребенка. Она не сомнѣвалась въ его любви, но ей казалось, что онъ въ такой степени господинъ своей любви, что разлука съ нею не причинитъ ему чрезмѣрной печали.—Онъ воплощенное совершенство, часто повторяла Алиса про себя. О, если бы въ немъ былъ хоть одинъ недостатокъ.

— Быть можетъ, проговорилъ онъ, протягивая ей руку на прощанье, лучше будетъ мнѣ не приходиться завтра?

— Да, это будетъ лучше.

— Мой совѣтъ тебѣ, ни слова не говорить отцу. Если же ты сочтешь за нужное поступить иначе, то, я надѣюсь, ты уведомишь меня объ этомъ.

— Это за чѣмъ?

— Потому что, въ такомъ случаѣ, я тоже долженъ буду переговорить съ твоимъ отцемъ. Христосъ съ тобою, Алиса, Христосъ съ тобою, моя дорогая! — Онъ удалился, а она продолжала сидѣть неподвижно, пока ее не вывели изъ оцѣпенѣнннхъ шаговъ отца, приближавшіеся по лѣстницѣ.

— Какъ, Алиса, ты еще не спишь?

— Нѣтъ еще пока.

— Джонъ Грей былъ у тебя? Я узналъ это по его пальцѣ, которую онъ забылъ въ передней.

— Да, онъ былъ здѣсь.

— Ужь не случилось ли какой бѣды, Алиса?

— Нѣтъ, папѣ, ровно ничего не случилось.

— Признайся, онъ тебя чѣмъ нибудь рассердилъ?

— Ни чуть не бывало. Онъ никогда не бывалъ виноватъ. Онъ смѣло можетъ сказать, что не знаетъ за собою ни одной вины.

— Это-то я и самъ такъ думаю. Онъ черезъ-чуръ ужъ добродѣтеленъ. Ну, да съ такимъ порокомъ можно помириться.

— Это не порокъ, папѣ. Если кто изъ насъ имѣетъ порокъ, то никакъ ужъ не онъ. Однако, у меня глаза слипаются, пора спать.

— Онъ прїѣдетъ къ тебѣ завтра?

— Нѣтъ, онъ уѣдетъ въ Недеркотъ съ раннимъ поѣздомъ. Покойной ночи, папѣ.

Мистеръ Вавазоръ отправился въ свою комнату въ твердой увѣренности, что между его дочерью и ея женихомъ пробѣжала черная кошка.

«Ужъ, право, не знаю, какъ она съ нимъ будетъ ладить, разсуждалъ онъ съ самимъ собою.—Онъ такъ страшно много о себѣ думаетъ. Никогда не забуду я этой исторіи изъ-за Чарльза Кэмбля; чего-чего онъ не наговорилъ тогда!»

Алиса, прежде чѣмъ лечь въ постель, написала длинное посланіе своей кузинѣ, Кэтъ.

ГЛАВА XII.

МИСТЕРЪ ДЖОРЖЪ ВАВАЗОРЪ У СЕБЯ ДОМА.

Мы погрѣшили бы противъ истины, если бы сказали, что Джоржъ Вавазоръ былъ человѣкъ нехлѣбосольный; ему нерѣдко случалось угощать своихъ знакомыхъ въ Гриничѣ, въ Ричмондѣ и другихъ подобныхъ мѣстахъ; изрѣдка онъ зывалъ тоже пріятеля отобѣдать съ собою въ клубъ. Но на своей собственной квартирѣ онъ не давалъ ни обѣдовъ, ни завтраковъ, ни вечеровъ. Онъ нанималъ *chambres garnies* въ самой глухой части улицы Сесиль, по сосѣдству съ рѣкою. У него были всего на всего двѣ комнаты, въ которыя очень рѣдко заглядывали его знакомые, и то только по дѣламъ. Если бы зависѣло отъ него, онъ всего охотнѣе скрылъ бы отъ всѣхъ мѣсто своего жительства. Въ образѣ его жизни, на сколько мнѣ извѣстно, не было ничего такого, что оправдывало бы подобную скромность, но такова уже была особенность его характера, что онъ постоянно жилъ такъ, какъ будто бы скрытность въ извѣстныхъ дѣлахъ могла ему рано или поздно пригодиться. Его сосѣди по квартирѣ не знали, есть ли у него родственники, а ближайшіе его родственники не знали, есть ли у него квартира. Даже Кэтъ адресовала къ нему письма въ его клубъ. Онъ терпѣть не могъ, чтобы его спрашивали, о чемъ бы то ни было, касающемся его лично-

сти, и на распросы подобнаго рода всегда отвѣчалъ или ложью или молчаніемъ.

Кромѣ квартиры въ улицѣ Сесиль онъ держалъ небольшую квартиру въ Оксфордшейрѣ, но оба эти хозяйства оставались въ полномъ невѣденіи о существованіи другъ друга. Былъ у него еще и третій притонъ, который останется безимяннымъ. Последній этотъ притонъ онъ тщательно скрывалъ отъ цѣлаго свѣта, но объ оксфордшейрской квартирѣ ему случалось порой проговариваться между пріятелями. Когда ему случалось бывать въ обществѣ охотниковъ, онъ въ самыхъ скромныхъ выраженіяхъ отзывался о парѣ лошадей, которую держитъ въ Робери, говоря, что настоящей конюшней онъ пока не имѣлъ возможности обзавестись, да и врядъ ли когда обзаведется; но, добавлялъ онъ, есть у меня въ Робери пара лошаденокъ, такъ себѣ, плохенькихъ, которыхъ я, пожалуй, не прочь и продать. И Вавазоръ всегда находилъ для своихъ лошадей покупателейъ. Подъ нимъ всякій конь выступать хорошо и выгодно сходилъ съ рукъ. Въ Робери онъ держалъ двѣрняго слугу, стараго груга съ маленькими сѣрыми глазами, пронзительно выглядывавшими изъ-подъ нависшихъ бровей. Помногу и подолгу шушувались о чемъ-то господинъ и слуга у двери комюшни, помѣщавшейся на заднемъ дворѣ роберійской гостиницы для охотниковъ. Бать считалъ своего господина записнымъ охотникомъ до лошадей, и только. Онъ могъ дать адресъ его клуба въ Лондонѣ, но адреса его квартиры не зналъ.

Но, не смотря на строгую недоступность квартиры Джоржа для незваныхъ посѣтителей, онъ не прочь былъ окружить себя въ ней всевозможными удобствами. Его пріемная была убрана съ такою щеголеватостью, что для колесной квартиры ничего лучшаго и желать не оставалось. Въ этой-то изящно убранной комнатѣ сидѣлъ онъ за чашкою кофе въ одно сентябрьское воскресное утро, когда все городское населеніе было въ разбродѣ. Въ рукахъ у него было письмо отъ Кэтъ, только что полученное имъ изъ клуба. Быстро пробѣжавъ его содержаніе, онъ съ пренебреженіемъ отбросилъ его въ сторону и удержалъ въ рукахъ только вложенную въ него бумажку.

А между темъ содержание письма было очень и очень важно для него и заставило его крайне раздуматься.

— Какъ-бы я пошел на это, преговорилъ онъ про себя, — то лишь для того, чтобы перейти ему дорогу, а не съ какой-либо целью.

Едва ли можно сказать читателю, что подъ впечатлѣніемъ оныхъ изобразилъ: Джонъ Грей, и что въ письмѣ своемъ Кэтъ уговаривала брата возобновить ухаживанье за Алисой. Въ душѣ Вавзоръ и тамъ была отъ этого воево не прѣчь и давно бы принялся за дѣло, если бы не сомнѣвался въ уцѣлѣхъ. Мамъ видѣли, что въ Базель нѣтъ была сдѣлана попытка въ этомъ отношеніи.

Сестрѣ онъ постоянно выставлялъ на видъ, что приданого за Алисою не богъ знаетъ сколько, а красота ея успѣла утратить блескъ первой молодости.

Но у него не въ обычай было играть съ открытыми картами. На самомъ же дѣлѣ, саму очень желѣлась ствержно добиться отъ Алисы обѣщанія ея руки. Скоро ли онъ послѣ этого обѣщанія женился бы на ней, это была другой вопросъ.

Но всѣмъ вѣроятнѣмъ, не красота Алисы и даже не ея состояніе было для него главною приманкою. Это не жѣлало ему находить ее въ полномъ смыслѣ слова красавицей и замечать, что ея состояніе было для него всеявдлиннѣмъ подспорьемъ. Но я думаю, что онъ вѣрно угадалъ свое чувство, когда рѣшилъ про себя, что ему въ этомъ дѣлѣ всего дороже удовольствіе отбить жену у Джона Грея. Алиса была когда-то его любовью, и онъ не былъ ни сколько нибудь съ обидчиво-честныхъ слабостей, чтобы безъ горечи видѣть ея приваиванность къ другому. Во время послѣдствіемъ между ними разрыва онъ сознался, что вина была на его сторонѣ; когда она стала невѣстою мистера Грея, онъ послѣдствіемъ ее извѣдывалъ и въ послѣдствіи, въ разговорѣ съ Кэтъ, постоянно отзывался о-немъ съ высокою похвалою. Но все это не выпадало ему замечать этого человѣка съ перваго взгляда, а Джоржъ Вавзоръ былъ не такой человекъ, чтобы не замечать ласки.

Кэтъ предстательски поступила съ Алисою и прекратила въ брату то самое чувство, которое Алиса имѣла въ послѣдствіи свое обѣщаніе съ Джономъ Грей. Впрочемъ, мать осталъ же-

нице, Кэтъ послала Джоржу только часть этого письма, а другую оставила у себя. Алиса, заранѣе увѣренная въ сочувствіи своей кузины, писала ей съ полнѣйшею откровенностью. «Но надо тебѣ сказать, писала она, что всѣ мои слова были для него, какъ объ стѣну горохъ. Я твердо рѣшилась дать ему понять, что все между нами кончено; но я путалась въ словахъ, а онъ говорилъ со мною, какъ съ ребенкомъ, увѣрялъ, что я больна и совѣтовалъ перемѣну воздуха. Слушая его, я вполнѣ сознавала, что онъ правъ, относясь ко мнѣ такимъ образомъ, но въ то же время чувствовала, что не могу быть счастлива съ мужемъ, который стоитъ такъ неизмѣримо выше меня.»

Это-то письмо Алисы къ Кэтъ Джоржъ перечитывалъ въ сотый разъ. Изъ письма самой Кэтъ ему нечего было узнавать, онъ и самъ, не хуже сестры, могъ сообразить, какъ ему поведи дѣло съ кузиной, но для этого ему нужно было ознакомиться съ душевнымъ настроеніемъ самой дѣвушки, — «за него она ни въ какомъ случаѣ не выйдетъ замужъ, рассуждалъ онъ съ самимъ собою, и она права. Онъ изъ нея сдѣлалъ бы нѣчто въ родѣ экономки; конечно, она будетъ у него жить въ большой чести, но все же не болѣе, какъ на правахъ экономки. Тогда какъ со мною... ну да я и самъ еще не знаю, что изъ нея сдѣлаю. Я никакъ не могу вообразить себя женатымъ человекомъ.»—И съ этими словами онъ бросилъ письмо Алисы на столъ и снова принялся за свою газету и сигару.

Часа черезъ два къ нему вошла служанка, состоявшая при *chambres garnies*, и доложила, что его спрашиваетъ какой-то господинъ. Джоржъ Вавазоръ не держалъ при себѣ лакей; онъ былъ того правила, что гораздо дешевле и лучше служить чужіе слуги, чѣмъ собственные, къ тому же лакей всегда знаетъ много лишняго про своего господина.

— Какой-то господинъ! повторилъ онъ. Не похожъ ли этотъ господинъ съ виду на содержателя питейнаго дома?

— Пожалуй, что такъ, отвѣчала горничная.

— Въ такомъ случаѣ попроси его сюда, проговорилъ Джоржъ. Посѣтитель дѣйствительно оказался содержателемъ питейнаго дома. Это былъ нѣкто мистеръ Гримсъ, хозяинъ таверны лодъ выѣскою «Краснаго мужчины», находящейся въ Бром-

тань-Родѣ. Мистеръ Гримсъ былъ человѣкъ дѣловой и въ этомъ качествѣ имѣлъ большой вѣсъ въ околедиѣ. Для него политика была такимъ же серьезнымъ дѣломъ, какъ и пиво, омнибусы и иностранныя вина, въ фабрикаціи которыхъ, если вѣрить молвѣ, мистеръ Гримсъ успѣлъ, какъ нельзя лучше, набить руку. Господамъ подобнаго рода былъ открытъ доступъ, столь трудный для другихъ, въ квартиру Джоржа.

Настоящее посѣщеніе мистера Гримса имѣло цѣлью совѣщанье по политическимъ дѣламъ съ недавно отвергнутымъ кандидатомъ на представительство чельсійскаго округа.

Вавазору, какъ я уже сказалъ, не посчастливилось на послѣднихъ выборахъ; кандидатъ, перебившій ему дорогу, засѣдалъ теперь уже цѣлую осень въ парламентѣ. Въ силу настоящаго его избранія, ему предстояла честь представительства еще на одну сессію, а за тѣмъ онъ долженъ былъ распространиться съ этою дорого купленною честью; (ходили слухи, что она обошлась ему въ шесть тысячъ фунтовъ). Но, могло случиться, что онъ будетъ снова избранъ да еще на полный срокъ шести сессій, и, по всѣмъ вѣроятіямъ, слѣдовало ожидать, что вторичное избраніе обойдется ему дешевле. Но въ этомъ послѣднемъ отношеніи мистеръ Гримсъ выступалъ яркимъ оппонентомъ всякой экономіи. Само собою разумѣется, мистеръ Гримсъ лично былъ сторонникомъ мистера Вавазора и готовъ былъ сдѣлать все, лежащее въ его власти, чтобы воспрепятствовать вторичному избранію молодаго лорда Кальфенара; но для этого, по его мнѣнію, не слѣдовало жалѣть денегъ.

— Добраго утра, мистеръ Гримсъ, проговорилъ Джоржъ, какъ поживаете? Садитесь-ка, мистеръ Гримсъ. Если бы всѣ были такъ аккуратны, какъ вы, то, право, не нужно было бы часовъ.

— Дѣло дѣлать, — не шутки шутить, мистеръ Вавазоръ, отвѣчалъ содержатель питейнаго дома, раскланиваясь и съ лицезѣрною скромностью усаживаясь на предложенномъ стулѣ. Я строго держусь этого правила, да если бы я его не держался, такъ у меня бы ничего не клеилось; еле-еле концы съ концами свожу. Плохія времена настали, мистеръ Вавазоръ.

— Конечно плохія; когда же они и не бывають плохи? А

то бы чортъ безъ дѣла гулялъ. Только ужь вашему-то брату, трактирщику, казалось бы мнѣ грѣшно наловаться.

— Эхъ, мистеръ Вавазоръ, да есть ли на свѣтѣ другой людъ, котораго бы такъ надували, какъ нашего брата?

— Подите, рассказывайте! Точно я не знаю, во сколько вамъ обходится каждая пинта пива и за сколько вы ее продаете.

— Господь съ вами, мистеръ Вавазоръ! Да если бы я на одно пиво рассчитывалъ, чтобы жить, мнѣ бы скоро ѣсть нечего было. Вы то подумайте: если я продаю пиво въ томъ же видѣ, въ какомъ его покупаю, какая же мнѣ отъ него прибыль?

— Но въ томъ-то и дѣло, что вы его не въ томъ видѣ продаете: вѣдь вы его разбавляете.

— Это само собой разумѣется. Передъ вами я, мистеръ Вавазоръ, не потеаюсь. Вы и сами не хуже меня, а пожалуй и лучше понимаете вещи. Ну какая мнѣ выгода продавать стаканъ хорошаго пива за ту же самую цѣну, которую въ соседнемъ трактирѣ берутъ за самую, что ни на есть, дрянную бурду? Нѣтъ ужь, публика у насъ такая, чѣмъ больше вы ей подмѣшиваετε всякой дряни въ питье, тѣмъ она охотнѣе будетъ пить.

Мистеръ Гримсъ былъ толстенькій человѣчекъ, съ угреватымъ краснымъ лицомъ и большими глазами на выкатѣ. Наружность его представляла типъ англійскаго трактирщика, какииъ его описывали въ старину. Но костюмъ его не подходилъ подъ это описаніе. На немъ былъ черный фракъ, сидѣвшій впрочемъ довольно мѣшквато, черный жилетъ и черные штаны. Сапоги съ отворотами, пестрый жилетъ и прочія стереотипныя принадлежности давно исчезли изъ костюмовъ трактирщиковъ. Теперь ихъ можно бы было принять за диссентерскихъ проповѣдниковъ или же похоронныхъ подрядчиковъ, если бы какая-то неуловимая черта на ихъ румяныхъ лицахъ не наводила васъ на представленіе о бутылкахъ и боченкахъ.

Мистеръ Гримсъ едва успѣлъ окончить рассказъ о своемъ тяжеломъ житьѣ-бытьѣ, какъ раздался вторичный звонокъ.—А вотъ и Скрѣби, воскликнулъ Джоржъ Вавазоръ. Теперь можно будетъ приступить и къ дѣлу.

ГЛАВА XIII.

МИСТЕРЪ ГРИМСЪ ТАКИ ВЫЗИМАЕТЪ СВОИ ПЛАМЕННЫ ДЕНЬЖИ.

Мистеръ Скреби былъ стряпчій изъ улицы Грэтъ-Марльбори, слышній за великаго ходока въ дѣлахъ, касавшихся столичныхъ выборовъ. Цѣлью его настоящаго прихода было, какъ онъ самъ выразился, перемилуться двумя, тремя словами съ Гримсомъ по поводу выборовъ какъ предстоящихъ, такъ и прошедшихъ. Эти два, три слова должны были быть сказаны къ присутствію самого мистера Вавазора. Вирочаямъ, кѣтъ ничего невѣроятнаго, что по поводу того же самаго дѣла между мистеромъ Скреби и мистеромъ Гримсомъ было уже сказано нѣсколько предварительныхъ словъ за спиною мистера Вавазора.

При встрѣчѣ оба дѣльца поспѣшили обмѣняться привѣтствіями, съ тою только разницею, что стряпчій относился къ содержателю нитейнаго дома нѣсколько свысока, называя его за просто Гримсомъ, между тѣмъ какъ мистеръ Гримсъ величалъ стряпчаго мистеромъ Скреби. За тѣмъ они приступили къ обсужденію самаго дѣла.

— Ну, теперь намъ надо лучше сослужить службу нашему патрону, чѣмъ въ прошлый разъ, замѣтилъ стряпчій.

— Это само собою разумѣется, мистеръ Скреби. Но, коли такъ говорить, мистеръ Вавазоръ, кто жъ былъ виноватъ, что и въ прошлый разъ не удалось? Кабы вы мнѣ загодя сказали, совсѣмъ иное бы было дѣло. А то, Трэверсъ давнымъ давно былъ записанъ либеральнымъ кандидатомъ, а мы все еще только почесывались.

— Никто васъ и не винить, мистеръ Гримсъ, отвѣчалъ Джоржъ.

— Да не за что и винить, мистеръ Вавазоръ. Я свое дѣло дѣлалъ такъ, какъ другой бы и въ половину не сдѣлалъ. Спросите хоть у мистера Скреби; ужъ ему-то какъ не знать толкъ въ этихъ вещахъ. Этотъ народъ въ Челси, скажу я вамъ, мистеръ Вавазоръ, совсѣмъ не то, что народъ въ ка-

вомъ нибудь Мэррилоубъ или Фэнсбѣри. Съ ними хитрая штука поладить. Не такъ ли, мистеръ Скреби?

— Хитрая штука и вообще со всякимъ народомъ поладить, отвѣчалъ мистеръ Скреби.

— Такъ-то такъ, ужь кому и знать про это, какъ не вамъ, мистеръ Скреби. Словомъ, чтобъ не толковать по пустому: дѣло дѣлать — не шутки шутить, а деньги всегда останутся деньгами.

— Эта великая истина, Гримсъ, въ которой никто не сомнѣвается, отвѣчалъ мистеръ Скреби. Ну, да и перепаала же вамъ ихъ малая толика за послѣднiе выборы.

— Напрасно вы думаете, мистеръ Скреби, чтобъ ужь я и въ самомъ дѣлѣ Богъ знаетъ какъ нажился. Мнѣ мои хлопоты не окупились. А это вы ни во что ставите, что таверну послѣ выборовъ хоть за-ново отдѣлывай? Что сказалъ бы нашъ патронъ, если бы я ему поставилъ въ счетъ, чего мнѣ стоило выкрасить домъ снаружи и внутри?

— Мнѣ, собственно, все равно, что бы вы не выставили въ своемъ счетѣ, отвѣчалъ Джоржъ. Я смотрю только на итогъ.

— Такъ, такъ, мистеръ Вавазоръ; это суцая правда. Я самъ смотрю только на итогъ. И долго же мнѣ приходится на него смотрѣть, прежде чѣмъ онъ очутится у меня въ рукахъ. Вѣдь мы и по сю пору еще не въ расчетъ съ вами, мистеръ Вавазоръ.

— Если вы желаете знать мое мнѣнiе, то я нахожу, что мы въ расчетъ, отвѣчалъ Джоржъ.—Я помню, что вручилъ мистеру Скреби триста фунтовъ для передачи вамъ.

— Я получилъ ихъ сполна, до послѣдняго шиллинга, мистеръ Вавазоръ. Я не стану отпираться въ этомъ, мистеръ Вавазоръ. Не тотъ я человекъ, чтобы отпираться; я люблю вести дѣла на чистоту. Вотъ и мистеръ Скреби меня знаетъ, и онъ вамъ скажетъ то же самое.

— Я васъ, пожалуй, слишкомъ хорошо знаю, Гримсъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, мистеръ Скреби; этого ни вы про меня не можете сказать, ни я про васъ не могу. Я уважаю васъ, мистеръ Скреби, потому что вы человекъ знающiй свое дѣло. Но я, собственно, къ тому веду рѣчь, что триста фунтовъ не идутъ въ расчетъ, когда у человѣка выставлено въ итогъ

триста девяносто два фута, тринадцать шиллинговъ и четыре пенса.

— Я билъ вполнѣ увѣренъ, мистеръ Скреби, что дѣло это улажено, проговорилъ Джоржъ.

— Въ томъ-то и бѣда, мистеръ Вавазоръ, что хитрая штука улаживать подобныя дѣла. Если вы спросите меня, можетъ ли Гримсъ принудить васъ законнымъ порядкомъ къ уплатѣ полной суммы, я прямо отвѣчу вамъ, что нѣтъ. Когда мы сводили счеты, у насъ, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, денегъ было въ обрѣвъ. Вотъ мы и взяли съ мистера Гримса росписку въ трѣхъ стахъ фунтахъ.

— Это вы совершенною правду изводите говорить, мистеръ Скреби.

— Но только въ роспискѣ значится не въ счетъ, а въ полную уплату всей суммы.

— И не грѣшно вамъ, мистеръ Скреби? И содержатель питейнаго дома съ краснорѣчивымъ упрекомъ взглянулъ на страпачаго, какъ бы говоря:—нашли отговорку! Будто вы не знаете, что, не подпиши я этой росписки, мнѣ бы изъ этихъ денегъ не видать ни одного шиллинга.

— Въ полную уплату всей суммы, повторилъ мистеръ Скреби съ торжествующею интонаціею въ голосъ.—Если бы вы захотѣли затѣять дѣло законнымъ порядкомъ, Гримсъ, вамъ не на что было бы сослаться.

— Затѣять дѣло? Желалъ бы я знать, кто объ этомъ думалъ? Затѣять дѣло съ патрономъ! Да ни за что, хоть бы онъ еще пять лѣтъ заставилъ меня продать моихъ денегъ.

— Пять лѣтъ или пятнадцать въ этомъ отношеніи все единственно, отвѣчалъ Скреби.—Все равно, вы бы ничего не подѣляли.

— Да я и пытаться не хочу ничего дѣлать. Не съ тѣмъ я, мистеръ Вавазоръ, пришелъ къ вамъ святымъ воскреснымъ днемъ, чтобы грозиться тяжбою. Но, мистеръ Скреби, у меня жена, дѣти. Изъ-за чего же человекъ и бьется, какъ не для своей пользы.

— Къ дѣлу, къ дѣлу, Гримсъ. Что у васъ на умѣ? Говорите скорѣе, не сидѣть же намъ съ вами здѣсь до вечера.

— Что у меня на умѣ? Будто вы и не знаете? Первымъ дѣ-

домъ, возьмите мое звание; не прѣдъсь округъ; не найдемъ другого трактира, который бы былъ такъ приспособленъ для великихъ собицаній-но наберемъ. Они только для нѣтъ и существуютъ.

— Дальше что? спросилъ Скреби.

— Дальше, возьмите мою собственную паролку. Сказавъ эту фразу, никто такъ не умѣетъ удержать чуждымъ людямъ, какъ я. Вѣдь я порою эти дѣла не знаю особенно много; слава Богу, умѣю любить ружу. Когда религиозная партия выставила кандидатомъ лорда Роберта, не помогъ я ему, не видать бы ему депутатства, какъ своихъ ушей.

— Допустимъ все это, мистеръ Гримсъ, вмѣшался Вавазоръ. Дальше что?

— Ну-съ; теперь возьмите сторонниковъ Безпартити. У нихъ тоже губа не дура, такъ-то-съ. Вонъ они ужъ начинаютъ заглядывать въ мой трактиръ.

— И вы отдасте свой домъ въ распоряженіе торійской партіи, Гримсъ! восклицалъ мистеръ Скреби съ выраженіемъ негодованія, смѣшавшаго съ пренебреженіемъ.

— Развѣ я сказалъ, мистеръ Скреби, что отдаю свой домъ въ распоряженіе торійской партіи? Я, мистеръ Скреби, люблю вѣсти дѣла на чистоту, такъ-то-съ. Не возьмемъ, мистеръ Скреби, тотъ случай, что всѣ мои либеральные кліенты найдутъ противъ меня, и не захотятъ заключить мнѣ по моимъ счетамъ. Какъ же мнѣ не держать про запасъ другихъ кліентовъ, сами скажите, мистеръ Скреби?

— Этими путемъ вы не далеко уйдете, Гримсъ.

— И то можетъ быть. Во всѣхъ этихъ дѣлахъ безъ риска не обходится, не такъ ли, мистеръ Вавазоръ. А желательна бы мнѣ было видѣть васъ членомъ парламента, очень желательна. Вами бы могъ гордиться нашъ округъ, ужъ это я доподлинно знаю.

— Прелего благодаренъ вамъ за лестное мнѣніе обо мнѣ, мистеръ Гримсъ, отвѣчалъ Джорджъ.

— Мнѣ стоитъ взглянуть на кандидата, и я сейчасъ вамъ скажу, годится онъ для парламента или не годится. Вы, я прямо говорю вамъ, годитесь. Но, мистеръ Вавазоръ, не пренебрегайтесь, эта шутка любить денежки.

— Ни еще какъ. Самое дѣло: того же стокъ, спрямо на него уждешь.

— Стокъ-ты стокъ; самое дѣло орудится. Вѣтъ и людямъ окуплюсь, благо мы до этого договорились. Штука въ томъ, что я требую уплаты надлежащей суммы. Этимъ-то являлись денежными банкъ братъ и парочка. Делание его издалека дивалась, вы еще безъ него зашли. Ужъ я охотнѣе испустилъ бы крутой суммой. Ну, потерялъ я триста фунтовъ, я скорѣе на шель, какъ на оборотной канцеляр, званнѣ въ бортовой такая некуда вкля. А паванна денонна, тѣ идуть на мою семью, что ужъ наша испущеннй кусочекъ хлеба. Нѣтъ, мистеръ Вавазоръ, пусть всего не замилуйте у бѣдливя этихъ паваннхъ деноннахъ.

— Ну, да говорите скорѣй, сколько вамъ нужно? сказалъ мистеръ Сребнй.

— Мнѣ нужно девяносто два фунта, тринадцать шиллинговъ и четыре пенса, мистеръ Сребнй. Вы мнѣ еще отсчитаете, мы и примемъ благословенъ за работу. Ужъ коли вы хотите начинать, мистеръ Вавазоръ, такъ теперь самое время.

— Другими словами, вы хотите сказать, что безъ этихъ денегъ вы намъ не слуга?

— Да почитай что такъ, мистеръ Сребнй.

— Возьмите пятьдесятъ фунтовъ, Гримсъ, проговорилъ страннйй.

— Пятьдесятъ фунтовъ не такъ-то легко достать наличными, замѣтилъ Джоржъ.

— О, да онъ охотно помирится и на роспискѣ, мистеръ Вавазоръ.

— Только не въ пятьдесятъ фунтовъ, мистеръ Сребнй. Мнѣ эти-то шильми денежки и важны. Ну, тринадцать шиллинговъ и четыре пенса я вамъ, пожалуй, и сдѣлаю уваженію, скину; но если я не получу девяносто двухъ фунтовъ, я буду несчастнѣйшій человекъ; тогда я, пожалуй, и радъ былъ бы порадовѣть о вашемъ избраннй, да нѣтъ, ужъ прыги той не будетъ.

— Дѣлать нечего, мистеръ Вавазоръ, выдайте ему вексель на девяносто фунтовъ, съ уплатою въ три мѣсяца. У него на-ѣдрное принесена въ карманѣ гербовая бумага.

— Гербовая-то бумага найдется, только уж вы, мистеръ Вавазоръ, потрудитесь вексель подписать на девяносто два фунта и срокомъ на два мѣсяца. А то въ этихъ банкахъ такъ бессовѣстно дерутъ за девяносто дней.

Джоржъ Вавазоръ и мистеръ Скреби, послѣ долгихъ переговоровъ, согласились наконецъ выставить въ вексель девяносто два фунта, но, относительно срока, они стояли на своемъ. — Инъ быть такъ, проговорилъ содержатель питейнаго дома и съ глубокимъ вздохомъ припряталъ подписанный вексель въ карманъ. — А теперь, господа, слушайте, что я вамъ скажу: если въ предстоящіе выборы не на нашей улицѣ будетъ праздникъ, не будь мое имя Яковъ Гримсъ и не будь я хозяинъ таверны подъ вывѣскою «Красиваго мужчины.» А теперь, господа, вамъ, можетъ статься, есть о чемъ переговорить между собою, и я осмѣлюсь пожелать вамъ добраго утра. — И мистеръ Гримсъ раскланялся и вышелъ.

— Ну, вы дешево отдѣлались, право дешево, замѣтилъ страпчій, какъ скоро шумъ захлопнувшейся наружной двери возвѣстилъ имъ объ уходѣ Гримса.

— А можетъ и нѣтъ. Но что за плутъ этотъ господинъ! Я помню, вы говорили мнѣ, что въ жизнь свою не видали такого мошенническаго счета.

— Такъ-то такъ, но если бы онъ не былъ намъ нуженъ, мы бы ему и не заплатили. Но вы сами видите, намъ безъ него же обойдтись. Не заплати мы ему, онъ бы на этой же недѣлѣ перешолъ на сторону нашихъ противниковъ. И, что всего хуже, онъ знаетъ всѣ наши секреты. Да, убыточное дѣло—это представительство столичныхъ округовъ, особенно для новаго чловѣка. Вотъ когда вамъ посчастливится разовъ шесть попасть въ парламентъ, какъ старику Денкомбу, тогда вамъ, конечно, плевать будетъ на такихъ людей, какъ Гримсъ.

— Я, право, начинаю думать, что вса эта игра свѣчь не стоитъ.

— Это смотря по тому, какъ вы къ этому относитесь. Для чловѣка, желающаго сдѣлать карьеру, особенно для молодаго чловѣка, какъ вы, мѣсто въ парламентѣ великое дѣло.

— Молодаго! повторилъ Джоржъ. А мнѣ такъ порой кажется, что я лѣтъ сто живу на свѣтѣ. Ну, да объ этомъ мы

съ вами не станемъ говорить. Я не желаю васъ долѣе задерживать, мистеръ Скреби. Тутъ онъ всталъ и выпроводилъ стряпчаго поклономъ, въѣзливость котораго немногимъ чѣмъ отличалась отъ въѣзливости, оказанной имъ содержанию питейнаго дома.

— Хорошъ молодой человѣкъ! сказалъ Вавазоръ про себя, оставшись одинъ. Да дядя мой и даже самъ старый свайръ болѣе походятъ на молодыхъ людей, чѣмъ я. Одного интересуется его обѣдъ, другаго его скотный дворъ и садъ. А меня что интересуется, кромѣ векселей, изъ-за которыхъ я могу попасть въ долговую тюрьму? Тутъ онъ вынулъ изъ боковаго кармана памятную книжку, въ которой отмѣтилъ срокъ и суммѣ только что написаннаго векселя, и принялся просматривать остальные листки той же книжки.—Гм, счетецъ нарастаетъ изрядный, проговорилъ онъ, окончивъ этотъ осмотръ. Ну, да пускай же никто не смѣетъ сказать, что у меня не достало мужества идти до конца. А тамъ, авось же умереть когданибудь старый свайръ. Если бы я былъ поумнѣе, я бы съ нимъ теперь помирился. Но я дуракъ и всю жизнь останусь дуракомъ.—За тѣмъ онъ началъ не торопясь одѣваться; окончивъ свой туалетъ и достаточно ознакомившись съ содержаніемъ своей воскресной газеты, онъ взялъ шляпу, зонтикъ, и вышелъ.

ГЛАВА XIV.

АЛИСУ ВАВАЗОРЪ ПОСТИГАЮТЪ РАЗНЫЯ НЕПРІЯТНОСТИ.

Кэтъ препроводила къ брату только одну половину письма своей кузины. Поступокъ Кэтъ былъ предательскій поступокъ: она нарушила довѣріе подруги, а подобнаго рода измѣна всегда является непростительнымъ проступкомъ въ глазахъ другихъ женщинъ. Но измѣна ея была бы еще чернѣе, если бы она послала Джоржу другую половину письма, ту, въ которой Алиса говорила о немъ самомъ. Думаю, что Кэтъ не отступила

бы и передъ этой нѣждой, если бы протекеніе этой части письма Джоржемъ могло способствовать достиженію ей собственныхъ цѣлей; но то, что Алиса писала о немъ, не могло быть ей полезно въ этомъ отношеніи. Она писала, что всѣя болѣе близкія отношенія съ Джоржемъ, громкіе существующихъ, дѣла невозможное и настоятельно просила Кэтъ прекратить хлопотать о подобномъ сближеніи. — Я считаю нужнымъ предупредить тебя объ этомъ, чтобы ты изъ моего разрыва съ мистеромъ Греемъ не вывела такого рода заключеніе, что *время* становится теперь возможнымъ. *Тому* никогда не бывать. — *То* непременно будетъ, порѣшила Кэтъ, перечитавъ эти слова во второй разъ. Ужь объ этомъ я позабочусь, чтобы она было.

Она отвѣчала Алисѣ въ легкомъ, игривомъ тонѣ, и наболтала въ своемъ письмѣ кучу разныхъ пустяковъ. Мы приводимъ здѣсь это письмо, такъ какъ изъ него читатель можетъ узнать кое-что о походахъ мистрисъ Гринау въ Ирмутъ.

Ирмутъ. Октябрь 186. — г.

Милая Алиса!

Я конечно въ восторгѣ и не стану лицемѣрить. Я знаю, какъ трудно на тебя угодить и потому со страхомъ и трепетомъ сажусь тебѣ отвѣчать; я знаю, что, скажи я слишкомъ много, это заставитъ тебя повернуть назадъ: скажи я слишкомъ мало, я недостаточно выразу тебѣ свое одобреніе. И такъ, я въ восторгѣ. Я давнымъ давно была того мнѣнія, что ты не могла бы быть счастлива еъ мистеромъ Греемъ. Конечно спору нѣтъ, онъ добръ, благороденъ, и прочая, и прочая, этого я никогда не отрицала. Но все же онъ мужъ не для тебя, онъ бы тебя сдѣлалъ несчастною, *ergo* я радуюсь. А такъ какъ у меня нѣтъ друга дороже тебя, то я и радуюсь невообразимо.

Могу себѣ представить, какъ происходило ваше свиданье. Онъ конечно занялъ самое выгодное положеніе. Я будто своими глазами вижу, какъ онъ стоитъ передъ тобою, исполненный невозмутимаго самообладанія, дѣлаетъ видъ, будто не слышитъ твоихъ возраженій, толкуеть о томъ, что у тебя лихорад-

ка или жолчь разлилась, и помахивает рукой надъ твоей головою, какъ бы желая тебя успокоить. Полагаю, что съ его стороны было очень великодушно не принять твоихъ словъ за окончательное рѣшеніе и дать тебѣ время одуматься. Но известнаго рода великодушіе слишкомъ ужъ избыточно для насъ, обыкновенныхъ смертныхъ.

Повторяю еще разъ, я очень, очень рада, что это такъ случилось. Сдѣлавшись жистрисъ Грей и хозяйкою Недеркотса, ты для меня перестала бы существовать, все равно, какъ если бы ты переселилась на небо. Я не спорю, Недеркотсъ можетъ быть въ своемъ родѣ маленькимъ раемъ, но кто же пожелаетъ своему другу этого рода блаженства? Я представляю себѣ Недеркотсъ довольно скучноватымъ Эдемомъ, окруженнымъ широкими рвами и изобилующимъ сливками и лицами; обитающіе въ немъ Адамъ и Ева круглый годъ распиваютъ лучшій чай въ чашкахъ изъ самаго дорогаго фарфора, заѣдая его художественно поджареннымъ хлѣбомъ; ни денежные заботы, ни развращающіе романы не проникаютъ въ этотъ блаженный уголокъ. Но такой Эдемъ не для меня, да, на сколько я тебя знаю, и не для тебя. Бѣдная заточенная птичка, ты обила бы себѣ всѣ брылья о заточныя перегородки твоей кѣлки.

Ты пишешь, что такъ и не успѣла ему втолковать, что дѣло это рѣшено разъ навсегда. Нужно ли тебѣ говорить, что ты въ полномъ правѣ считать это дѣло рѣшеннымъ, и что онъ рано или поздно долженъ придти къ тому же заключенію? По моему, твоя прямая обязанность разъяснить ему твое и его положеніе. Хоть онъ и богъ, но пойметъ же онъ наконецъ рѣчи простой смертной. Но въ этомъ отношеніи я за тебя не боюсь, въ твердости характера ты можешь поспорить съ нимъ; вся разница въ томъ, что онъ имѣлъ больше случаевъ ее выказать.

Что касается другаго дѣла, о которомъ ты пишешь, то я могу только завѣрить тебя, что твое желаніе будетъ исполнено, на сколько это лежитъ въ моей власти. За то, что у меня не сорвется намерека при личномъ свиданіи съ тобой, я не ручаюсь. Но перо болѣе покорствуетъ мнѣ, чѣмъ мой языкъ, и я обѣщаю тебѣ, что опальное имя будетъ изгнано изъ нашей переписки.

А теперь я должна кое-что рассказать тебѣ про себя. Представь себѣ, у меня появился женихъ, да еще какой! Впрочемъ я тебѣ уже описывала его. Само собою разумѣется, что это никто иной, какъ мистеръ Чизсакеръ. Правда, дѣло еще не дошло до объясненія и, что еще хуже, ему до смерти хочется жениться на другой. Но за меня то обстоятельство, что соперница моя сильно хлопочетъ женить его на мнѣ и рано или поздно онъ будетъ вынужденъ сдѣлать мнѣ, въ угоду ей, предложеніе. Соперница моя никто иная, какъ тетушка, и я голову даю на отсѣченъе, что онъ уже разъ шесть предлагалъ ей руку и сердце. Но дѣло въ томъ, что у тетушки есть другой поклонникъ, капитанъ Бельфильдъ, котораго она предпочитаетъ ему. Господинъ этотъ не имѣетъ ни пенни за душою, смотритъ пьянчужкой и краситъ усы. Въ заключеніе ему сорокъ лѣтъ, а онъ держитъ себя такъ, какъ будто бы ему было двадцать пять. А впрочемъ человекъ онъ нескучный, и я вполне оправдываю тетушку въ предпочтеніи, которое она ему оказываетъ.

За то мой женихъ обладаетъ все больше солидными достоинствами и старается вскружить мнѣ голову описаніемъ тучнаго скота, поставляемаго имъ на рынокъ. Намедни мы побывали у него на фермѣ въ гостяхъ. Имя моего будущаго дома Ойлимадъ: (не правда ли, Недеркотсъ звучитъ пріятнѣе?) И ужъ чего, чего мы тамъ не насмотрѣлись! Приѣхали мы въ десять часовъ, а уѣхали въ четыре: и въ этотъ-то промежутокъ времени онъ ухитрился покормить насъ три раза! Я увѣрена, что онъ выставилъ намъ на показъ подъ различными предлогами все, что у него ни было въ хозяйствѣ чайной и столовой посуды, хрустала и фаянсу, до послѣдней штуки. Онъ повелъ насъ въ погребъ и рассказалъ намъ, сколько у него запасено вина и сколько пива.—И за все это, до послѣдней бутылки, заплачено, мистрисъ Гринау, чистыми денежками, обратился онъ къ тетушкѣ съ такимъ глубокимъ чувствомъ, каковаго я отъ него бы и не ожидала.—Все, что вы видите въ моемъ домѣ, я могу по праву считать своимъ, а я только то считаю своимъ, за что я заплатилъ. Вонъ та вуртка, въ которой Бельфильдъ щеголяетъ по ярмутскому побережью, не его, да врядъ ли когда и будетъ его.—И онъ подмигнулъ вз-

зомъ, какъ бы совѣтуя тетускѣ быть на-сторожѣ съ подобными обожателями. Потому онъ повелъ насъ на верхъ и показавъ намъ всѣ спальни до послѣдней. Посмотрѣла бы ты, какъ онъ приводималъ каждое одѣяло и просилъ тетуску пощупать доброту простынь! И посмотрѣла бы ты, съ какимъ видомъ тетуска проговорила, обращаясь ко мнѣ: — Въ жизнь свою я не видала, Кэтъ, такъ хорошо монтированного хозяйства.

— Я тоже нахожу, что домъ устроенъ съ большимъ комфортомъ, отвѣчала я.—Еще бы! воскликнулъ онъ; желать бы я зналъ, у кого станеть духу сказать, что въ Ойлимадѣ мало комфорта. — Все это приводило мнѣ на мысль тебя и Недеркотъ. Оба мѣста могутъ похвалиться одинаковыми достоинствами, съ тою только разницею, что тамъ твоимъ тюремщикомъ было бы божество, здѣсь же животное. Что до меня касается, я бы предпочла тому и другому человѣка. Но, когда очередь дошла до скотнаго двора, краснорѣчіе его достигло своего зенита.—Мистрисъ Гринау, воскликнулъ онъ, посмотрите-ка на это. — И онъ указывалъ на кучи удобренія, возвышавшіяся точно стѣны небольшого городка.—Какъ у васъ много этого добра! проговорила тетуска.

— Да, не мало, отвѣчалъ онъ. Найдите мнѣ другаго сельскаго хозяина въ Норфолькѣ, все равно, будь онъ джентльменъ или простой фермеръ, у котораго было бы столько навозу, какъ у меня.—Только подумай, Алиса: все это, и простыни, и вино, и навозъ, можетъ сдѣлаться моимъ! На эту-то тему тетуска пустилась со мной въ разсужденія, когда мы воротились домой. Когда я замѣтила ей, что все это богатство выставлялось на показъ не для меня, а для нея, она отвѣчала:—Такъ что жъ изъ этого? Ему, мой другъ, просто на просто нужна жена. Тебѣ стоитъ захотѣть, и ты завтра же будешь ею. Когда я выставила на видъ отсутствіе всякой возвышенности въ его стремленіяхъ, и для примѣра напомнила выходку по поводу навоза, она только засмѣялась надо мною.

— Къ деньгамъ, душа моя, никакая грязь не пристанеть, замѣтила она.—Теперь она поговариваетъ о томъ, что найметъ на зиму меблированную квартиру въ Норвичѣ, и уговариваетъ меня прогостить у нея до Рождества. Хотя она и

убрасть, что остается из Норвежскѣй некомпетентно для меня (хутъ конечно подразумѣется мистеръ Чисаморъ), но я подозреваю, что ей престо не хочется разставаться съ канцелярскимъ Бель-амаломъ. Какъ бы то ни было, я обещалась пробыть съ ней до положеннаго вечера. Не смотря на всѣ ея сумасбродства, она мнѣ нравится. Грѣшила она, очень крупнее грѣшила, но она, по крайней мѣрѣ, не грѣшитъ лицемеріемъ. Она никогда не бываетъ глупа и сердце у нея предоброе. Если бы я застѣла, я могла бы съ ногъ до головы одѣться на ея деньги; она по добродѣтели не выхватитъ съ дѣлаи мнѣ приданое на свой счетъ, если я идищу замужъ за мистера Чисамора.

— Я мнѣ надеждою встрѣтить тебя на Рождествѣ въ саншникъ родовомъ гдѣждѣ. Я постараюсь не слишкомъ раздражать тебя. Во всякомъ случаѣ ея имя не будетъ. А если я тебѣ не идищу замъ, гдѣ же мнѣ придется спидѣться?

На трехъ мѣстахъ я ни на что не пошла бы въ Чельтенгамъ. Видъ тебѣ замъ никогда хороши не живетъ.

Снится тебѣ пораю дѣла въ Бавелѣ?

Мнѣ такъ она часто снится.

Всей душою любящая тебя
Кэтъ Вавазоръ.

Анна оставалась непоколебимо въ своемъ намѣреніи ѣхать въ Чельтенгамъ. Это было его совѣтъ, разсудила она сама съ собою. Женою его я никогда не буду, но, пока ни окончательна не разстанусь, я буду выказывать уваженіе къ его совѣтамъ. Главнѣе причиной, влѣкнущею безъ ея вѣдома на эти дѣла, было нежеланіе, именно въ эту минуту, дѣлать кузничъ руководитъ собою. Она пуще всего боялась необходимости одѣваться передъ собою, что она отказала мистеру Грѣю изъ влѣкнущемъ свѣтѣ Кэтъ.

Передъ свиданіемъ она получила письмо отъ мистера Грѣя и тотчасъ же отвѣчала ему; въ этомъ отвѣтѣ говорилось о ея намѣреніи ѣхать въ Чельтенгамъ и о томъ, что она считалась своею обязанностью разъяснить ему настоящее свое положеніе.

На другое утро, за завтракомъ, она дѣловитѣльно разсказала обо всемъ ему. — Какъ? послышнута ешь, идищу на столъ свою чашку, — какъ? Ты не хочешь идищу за мистера Грѣя?

— Не хочу папá. Я понимаю, что это должно казаться вамъ очень страннымъ

— И ты говоришь, что между вами не было ссоры?

— И тѣни не было. Но я, мало по малу пришла къ сознанию, что не могу быть ему хорошею женою.

— Все это чепуха! — Крѣпкое словцо, которымъ мистеръ Вавазоръ не стѣснился въ разговорѣ съ дочерью приправить эти восклицанія, могло служить мѣриломъ его волненія.

— О, папá, не говорите такъ со мною.

— Какъ не говорить! Въ жизнь свою не слыхалъ я такой околесицы. Она, вишь, не можетъ быть ему хорошею женою! Да съ чего жъ ты взяла?

— Мы не созданы другъ для друга.

— Да скажи-же, какой въ немъ изъянъ? Или онъ не джентльменъ?

— Нѣтъ, онъ въ полномъ смыслѣ слова джентльменъ.

— Или бѣденъ онъ, или у него мало образования и начитанности, которую ты, кажется, ставишь такъ высоко? Слушай, Алиса, я не стану вмешиваться въ это дѣло и принуждать тебя выйти замужъ. Въ этомъ отношеніи ты сама себя госпожа. Но я надѣюсь, что ты ничего такого не затѣвася опять съ твоимъ двоюроднымъ братомъ.

— Ничего ровню, папá.

— Мнѣ, признаться, не совсѣмъ по сердцу было, что ты отправилась съ нимъ за границу, хотя я тогда ни слова и не сказалъ тебѣ объ этомъ. Но если между вами опять что нибудь затѣвается, моя обязанность сказать тебѣ, что настоящее положеніе твоего двоюроднаго брата незавидное. О немъ идетъ не совсѣмъ хорошая молва.

— Между нами ничего нѣтъ, папá. Но положимъ, что было бы иначе; развѣ вы думаете, что я разошлась бы съ нимъ изъ за того, что другіе говорятъ о немъ дурно.

— О мистерѣ Греѣ всѣ говорятъ хорошо, но это не помѣшало тебѣ разойтись съ нимъ. Ну, да я давно зналъ, что женщины народъ упрямый.

— Я много думала, прежде чѣмъ пришла къ этому рѣшенію, папá.

— Вѣрю, вѣрю. Мнѣ больше ничего не остается сказать. Ты сама себѣ госпожа; у тебя есть деньги, которыми ты можешь распорядиться, какъ угодно. Я не могу насильно выдать тебя за мистера Грея. Но мое личное мнѣніе то, что ты поступаешь ужасно глупо и если я увижу его, я такъ и скажу ему. Ты отправляешься въ Чельтенгамъ, не такъ ли?

— Да, папа, я общалась лэди Мэвлеодъ.

— Дѣлай, какъ знаешь. Скажу тебѣ одно только, что я тебѣ не завидую въ этой поѣздкѣ. — На томъ разговоръ и кончился.

Вечеромъ мистеръ Вавазоръ сидѣлъ въ своемъ клубѣ, куда онъ отправился размыкать свое горе. А между тѣмъ у его дочери сидѣлъ гость, тотъ самый опасный, двоюродный братъ, о которомъ, по свидѣтельству его дядюшки, не хорошо поговаривали въ настоящую минуту.

Никогда, быть можетъ, Алиса не была менѣе расположена видѣть Джоржа, какъ въ настоящую минуту; она знала, что и безъ того посторонніе не преминутъ приписать ея отказъ мистеру Грею вліянію Вавазора и его сестры, и дала себѣ зарокъ не сходиться съ нимъ до окончанія всей этой непріятной исторіи. Но она не сочла за нужное предупредить слугъ о томъ, чтобы его не принимали. И вотъ, однимъ октябрьскимъ вечеромъ, когда Алиса сидѣла въ гостиной поодаль отъ камина, къ ней вошелъ Джоржъ Вавазоръ. Читатель догадался, что это было по прочтеніи Джоржемъ письма отъ сестры. У него было время обдумать все дѣло послѣ достопамятнаго воскреснаго утра, проведеннаго имъ у себя на квартирѣ.

— Вы въ правѣ были подумать, что я исчезъ съ лица земли, проговорилъ онъ, подходя къ ней съ протянутою рукою.

Алиса смутилась и не знала, какъ отвѣчать.—Я отъ кого-то слышала, что вы уѣзжали охотиться, проговорила она, помолчавъ.

— И я точно уѣзжалъ, только вѣдь моя охота не то, что охота какого нибудь новѣйшаго Немврода, которому вся земля служить отъѣзжимъ полемъ. Два дня я хожу на тетерева, да два дня на куропатку, съ меня и довольно.

— Вотъ какъ, проговорила Алиса.

— Не получали ли вы письма отъ Кэтъ? спросилъ Джоржъ.

— Какъ же, она мнѣ раза два писала. Она все еще въ Ярмутѣ съ тетушкой Гринау.

— И, кажется, ѣдетъ съ нею въ Норвичъ. Кэтъ, какъ видно, не на шутку подружилась съ тетушкой Гринау. Я вообще не выѣзжаю на безкорыстія тамъ, гдѣ дѣло идетъ о деньгахъ, а потому нахожу, что она поступаетъ, какъ нельзя умно, конечно можно навѣрное сказать, что тетушка Гринау опять выйдетъ замужъ, но все же никогда не мѣшаетъ имѣть друзей, у которыхъ водится до сорока тысячъ фунтовъ.

— Не думаю, чтобы Кэтъ имѣла это въ виду, отвѣчала Алиса.

— А не мѣшало бы ей объ этомъ подумать. Она, бѣдняжка, не богата и не имѣетъ, увы! и надежды когда нибудь разбогатѣть. Замужъ она, кажется, и не думаетъ идти, а собственнаго дохода у нея всего на всего сто фунтовъ въ годъ.

— Но тѣ-то дѣвушки и выходятъ всего удачнѣе замужъ, которыя не думаютъ о замужествѣ, зимѣтила Алиса.

— Можетъ быть, ваша правда, но все же мнѣ хотѣлось бы видѣть Кэтъ болѣе обезпеченною. Такой сестры нигдѣ не отыщешь.

— Это такъ.

— До сихъ поръ я еще ничего не успѣлъ для нея сдѣлать. Думалъ я, было, что винная торговля дастъ мнѣ возможность стать ей опорой. Но упрямство моего дѣда отняло у меня эту возможность. Теперь я долженъ съизнова пробивать себѣ дорогу. Не знаю, оправдываете-ли вы мое желаніе попасть въ парламентъ.

— Не только оправдываю, но горячо сочувствую ему. На вашемъ мѣстѣ я и сама точно также поступила бы. Вы не женаты и имѣете полнѣйшее право подвергаться этому риску.

— Мнѣ приятно слышать это отъ васъ, отвѣчалъ онъ. Ему теперь удалось попасть въ тотъ дружественный, душевный, почти нѣжный тонъ, въ который такъ часто переходили его разговоры съ нею за границей, но который не сразу дался ему при настоящемъ свиданьи.

— Я всегда была того же мнѣнія.

— Но вы не всегда высказывали его.

— Неужто? А мнѣ казалось напротивъ.

— По крайней мѣрѣ, вы не высказывали его съ такою полнотою одобренія. Я знаю, что многіе говорятъ про меня дурно. Самые близкіе люди, мой родной дѣдъ, да, но всѣмъ вѣроятіямъ, и вашъ отецъ ругаютъ меня, считаютъ меня безпутнымъ мальчѣмъ. Я все ставлю на карту для достиженія своей цѣли; это такъ. Но желалъ бы я знать, кто, кромѣ Кэтъ, имѣетъ право порицать меня? Передъ кѣмъ, кромѣ нея, я отвѣтственъ въ своихъ поступкахъ?

— Кэтъ васъ не порицаетъ.

— Нѣтъ, она сочувствуетъ мнѣ; она одна только и сочувствуетъ, развѣ еще вы. Тутъ онъ пріостановился, выжидая отвѣта, но отвѣта не воспослѣдовало. Но потому-то, быть можетъ, мнѣ и надлежало бы дѣйствовать съ величайшею осторожностью, помня, что у нея нѣтъ и не будетъ другой опоры, кромѣ меня. Много ли девяносто фунтовъ въ годъ для одинокой женщины.

— Но я надѣюсь, что Кэтъ будетъ жить со мною, какъ скоро ей нельзя будетъ болѣе оставаться въ замкѣ Вавазоръ.

Онъ ловко подвелъ дѣло; онъ разставилъ ей западню, и она попалась. У нея было принято твердое намѣреніе не говорить о себѣ; но Джоржъ такъ обошелъ ее, что слово уже сорвалось у нея съ языка прежде, чѣмъ она спохватилась, что его не слѣдовало бы говорить.

— Какъ, въ Недервотсѣ? спросилъ онъ. Въ вашей любви ни она, ни я не сомнѣваюсь; но какому же мужу понравится присутствіе посторонняго лица въ его семейномъ кругу? А мнѣ кажется, что изъ всѣхъ людей, мистеру Грею, какъ человеку несообщительному, это всего менѣе понравится.

— Но у меня и въ мысляхъ не было Недервотса, отвѣчала Алиса.

— А! то-то. А Кэтъ часто мнѣ говорила, что когда вы выйдете замужъ, она останется одна одиношенька.

— Не думаю, чтобы настало то время, когда бы я отшатнулась отъ Кэтъ.

— Конечно, если это только отъ васъ будетъ зависѣть. Бѣдная Кэтъ! Не мудро, что она съ такимъ страхомъ ожидаетъ вашей свадьбы. Она столько лѣтъ прожила съ вами душа

въ душу; ни должны простить ей горестъ ея при мысли о вашемъ отъѣздѣ въ Кэмбриджшёръ.

Тщательно старалась Алиса поддержать военную роль своей роли; у нея не доставало духу жить, а такихъ словъ, которыя не были бы ложью въ ея глазахъ и въ то же время поддерживали бы въ немъ заблужденіе, она не находила. — Ничто не мѣшаетъ Кэтъ жить со мною, медленно проговорила она. Между мною и мистеромъ Греемъ все кончено.

— Что я слышу, Алиса? Правда ли это?

— Да, Джоржъ, это правда. Но, прошу васъ, не будете говорить объ этомъ, по крайней мѣрѣ въ настоящее время.

— И Кэтъ знаетъ про это?

— Да, она знаетъ.

— И дядюшка знаетъ?

— И мамъ тоже знаетъ.

— Алиса! какъ же мнѣ не говорить объ этомъ? Какъ мнѣ не высказать вамъ, что я радуюсь вашему избавленію отъ рабства, которое, я былъ увѣренъ въ томъ, сломили бы васъ?

— Прошу васъ, ни слова болѣе.

— Вы мнѣ велите, я долженъ замолчать. Но, признаюсь, мнѣ это не легко. Какъ же мнѣ не поздравить васъ? — На это она не отвѣчала ни слова и только съ нетерпѣніемъ стучала по полу ногою.

— Да, Алиса, продолжала она, я вижу, вы на меня сердитесь. А между тѣмъ, не естественно ли, что ваши слова приводятъ мнѣ на память все, что было между нами говорено въ Швейцаріи? Вѣдь я все тотъ же дворянский братъ, какими вы меня знали тамъ, и неумели вы отказать мнѣ въ правѣ высказать то, что я думаю о подобной переимѣнѣ въ вашей жизни, особенно если, какъ въ настоящемъ случаѣ, я вполне одобряю эту переимѣну?

— Вамъ одобреніе радуетъ меня, Джоржъ, но прошу васъ оставить этотъ разговоръ.

Минуты двѣ послѣ этого длилось молчаніе. Она желала, чтобы онъ ушелъ, но не могла же она, въ качествѣ хозяйки, непреставъ его объ этомъ. Она сердилась на себя, сердилась на него, и молча смотрѣла въ окно на зажигавшіеся газовые фонари.

— Помните ли вы, заговорилъ онъ наконецъ, какъ вы однажды спросили меня: случилось ли мнѣ, при извѣстныхъ воспоминаніяхъ, испытывать припадки внутренней дрожи? Помните, это было на мосту въ Базелѣ?

— Какъ же, помню.

— Теперь, Алиса, одна изъ причинъ этого содроганья миновалась. Пока я ничего болѣе не скажу. Долго ли вы пробудете въ Чельтенгамѣ?

— Съ мѣсяць, я думаю.

— И потомъ возвратитесь сюда?

— По всѣмъ вѣроятіямъ. Мы съ папѣ думаемъ передъ рождествомъ отправиться въ замокъ Вавазоръ.

— Какъ бы то ни было, я увижусь съ вами по возвращеніи вашемъ изъ Чельтенгама. Кэтъ, конечно, будетъ имѣть о васъ самыя подробныя свѣденія, и увѣдомитъ меня о времени вашего приѣзда.

— Думаю, что Кэтъ сама приѣдетъ сюда, когда отгоститъ свое время въ Норфолькѣ. А теперь, прощайте.

— Прощайте, Алиса. То, что я услышалъ отъ васъ сегодня, избавитъ меня не отъ одного припадка внутренней дрожи. Прощайте, Алиса, Господь съ вами.

— Прощайте, Джоржъ.

На прощанье онъ взялъ ея руку и крѣпко пожалъ ее въ своей. Въ тѣ дни, когда они были женихомъ и невѣстою, долгое и крѣпкое пожатіе руки было самою краснорѣзивою его ласкою. Онъ не любилъ выражать свою любовь ни поцѣлуями, ни словами; но ей осталось памятно прикосновеніе его ладони. Рука у него была холодная, мягкая и маленькая, какъ у женщины, но въ пожатіи ея чувствовалась сила. При этомъ знакомомъ прикосновеніи нахлынули воспоминанія прошлыхъ дней, и она поспѣшно отняла свою руку. Не для этого оттолкнула она отъ себя благороднѣйшаго въ цѣломъ мірѣ человѣка. Джоржъ ни разу такъ не держалъ ея руку со дня ихъ размолвки. Что значила эта старая ласка въ первое же ихъ свиданье послѣ того, какъ она стала свободна? Или онъ думалъ, что она можетъ переносить свою любовь подобно цвѣтку, который вынимаютъ изъ одной петлицы и втыкаютъ въ другую? Джоржъ угадалъ ея мысль и понялъ, что идетъ слишкомъ скоро. Я

понимаю ваши чувства въ настоящую минуту, проговорилъ онъ шопотомъ; но я надѣюсь, что вы простите мнѣ порывъ невольной радости при вѣсти о вашемъ освобожденіи. — И затѣмъ онъ ушелъ.

— Мое освобожденіе! проговорила она, садясь на только что оставленный имъ стулъ. Ужь лучше бы онъ назвалъ это моимъ паденіемъ съ неба. Какого человѣка я оттолкнула отъ себя! Мысли ея перенеслись въ Недеркотъ, и она стала проклинать свое безуміе. Чего хотѣла она отъ жизни, если не сумѣла ужиться съ лучшею долею, какой только женщина могла себѣ желать? Не помрачился ли въ ней рассудокъ, когда она рѣшилась оттолкнуть отъ себя единственнаго человѣка, котораго любила и могла уважать?

Полная этихъ сожалѣній, она рѣшила, что дождется возвращенія отца и уговорить его съѣздить къ мистеру Греку и попросить у него прощенія отъ ея имени. — Я должна буду просить униженно, сказала она про себя, но онъ такъ добръ, что я не боюсь передъ нимъ унизиться. — И такъ, она осталась дожидаться отца. Пробыло двѣнадцать, часъ, два; его все еще не было. Далѣе этого часа она не рѣшилась его дожидаться. Она боялась, что возвратясь такъ поздно, послѣ столькихъ сигаръ и, быть можетъ, послѣ нѣсколькихъ лишннихъ стакановъ влюбнаго нектара, онъ не въ состояніи будетъ ее выслушать. Въ третьемъ часу она легла спать, а на слѣдующее утро отправилась на станцію желѣзной дороги, не успѣвъ повидаться съ отцомъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Н Е Г Р Ъ.

(изъ мильва).

Похищенный тайно съ родныхъ береговъ
Далекой Гвинеи родной,
Негръ бедный, уставши отъ долгихъ трудовъ,
Рыдалъ, измученный тоской
«За то-ли терплю всѣ страданья раба,
Что чернымъ на свѣтъ я рожденъ?

* * *

«Быть можетъ, не муки готовились мнѣ,
Рожденъ я для счастья быть;
И страстной любовью въ родной сторонѣ
Красавицу Нельзи любилъ
Готовился быть я счастливымъ отцомъ . .
Увижу ли сына опять?
Иль ты скронила съ безумнымъ лицомъ
Ребенка, печальная мать?

«О, я не могу въ колыбели качать
 Тебя, ненаглядный мой сынъ!
 Съ улыбкой ребенку не въ силахъ срывать
 Гвинеискихъ лъсовъ апельсинъ.
 О, я не могу научить тебя самъ
 Искусству змѣю усыплять,
 Иль плавать по бурнымъ, капризнымъ волнамъ,
 Иль сѣло на льва нападать.

* * *

«Не видѣть мнѣ больше банана вътвей,
 Что я для тебя посадилъ,
 Ни темной пещеры, гдѣ съ Нельзи моей
 Я прежде встрѣчаться любилъ,
 Ни хижины той, гдѣ въ преклонныхъ лѣтахъ
 Угасъ мой отецъ; не видать
 Источника, гдѣ у меня на рукахъ,
 Скопчалася бѣдная мать.

* * *

«Однажды, когда подь журчанье ключа
 Подь тѣнью лимона я спалъ,
 Корабль подошелъ. Отъ удара бича
 Проснулся я, сонъ мой пропалъ
 Я сдѣлался плавнымъ, несчастнымъ рабомъ
 И къ милымъ вернуться не смѣлъ,
 Лишь только на помощь звалъ бурю и громъ
 И плача на море глядѣлъ.»

* * *

Такъ пѣлъ онъ, а ближе корабль пристаеъ
 И на берегъ тотчасъ спустилъ
 Привѣжаго съ родины негра; и вотъ
 Собрата невольникъ спросилъ:
 — «Братъ милый, что съ Нельзи?» — Тотъ молча рукой
 Ему указалъ къ небесамъ.
 — «А сынъ мой, а сынъ?» говорилъ онъ съ тоской.
 «И сынъ твой скончался: онъ тамъ!..»

Два дня негръ работалъ и тяжело дышалъ,
Голодный и зноимъ палимъ
Съ утра и до ночи поля поливалъ
Онъ потомъ кровавымъ своимъ.
На третій день утромъ плантаторъ бичемъ
Надъ негромъ лежавшимъ взмахнулъ.
„Посплю я еще!“ отвѣчалъ онъ, и снова
Могильнымъ и вѣчнымъ заснулъ.

Ф. Орловъ.

ТРИ НАРОДНОСТИ.

(По поводу введенія въ исторію девятнадцатаго вѣка Г. Гервинуса. Спб. 1864.)

Введеніе въ исторію XIX-го вѣка Гервинусъ написалъ еще въ 1852 году, т. е. вскорѣ послѣ разныхъ печальныхъ событій, происходившихъ въ западной Европѣ. Составляя начало обширнаго труда, оно бы и должно явиться вмѣстѣ съ исторіей, которой служить началомъ; между тѣмъ Гервинусъ надалъ его въ видѣ отдѣльнаго сочиненія, и въ такое время, когда еще и самъ не былъ увѣренъ, что его исторія XIX вѣка появится скоро. Главная причина этого заключалась въ томъ, что нѣкоторые изъ друзей Гервинуса, познакомившись съ содержаніемъ введенія, нашли, «что оно можетъ послужить къ восстановленію пошатнушагося довѣрія людей къ ихъ будущему, можетъ поднять упавшую вѣру въ настоящее, приготовить убѣжище надеждамъ тѣхъ, которые потерпѣли крушеніе въ послѣдніе годы.» — Такая задача слишкомъ широка и обширна и по существу самаго вопроса разрѣшена быть не можетъ. Впрочемъ самъ Гервинусъ не придавалъ такого значенія своему введенію; издавая его, онъ уступалъ только желанію людей, которыхъ глубоко уважаетъ и которые полагали, что «Введеніе» должно дать силу людямъ, утратившимъ всякую энергію и впавшимъ въ малодушіе и отчаяніе. Что же касается до самого Гервинуса, то, какъ онъ говоритъ — «историческія размышленія избавили его отъ пламенныхъ ожиданій,

волнующихъ другихъ, и тѣмъ предохранили отъ многихъ заблужденій. Хотя изученіе исторіи заставляетъ отказаться отъ нетерпѣливаго ожиданія быстрыхъ политическихъ результатовъ, однако видѣть съ тѣмъ научаетъ смотрѣть съ улыбкою состраданія на переходящіе успѣхи и суетное торжество господствующихъ партій, заставляетъ отказаться отъ убѣжденія, что событія міра зависятъ отъ каприза нѣсколькихъ лицъ и образуются ихъ произволомъ.» Во всемъ этомъ Гервинусъ видитъ основаніе для такого рода размышленій, которыя доставляли ему утѣшеніе и поддержку, и которыя, быть можетъ, доставятъ и читателямъ его исторіи.

Подобный взглядъ на историческія событія не составляетъ личной особенности Гервинуса; точно также смотрѣлъ на вещи и Шлоссеръ, который «укрывался въ сѣнь внутренняго міра каждый разъ послѣ того, что дерзалъ выходить на дневной свѣтъ жизни». Точно также смотрятъ и многіе другіе люди. Но этотъ взглядъ есть уже своего рода аскетизмъ. Чтобы дойти до него, нужно не только потерпѣть въ жизни много неудачъ и разочарованій и, отказавшись отъ настоящаго, смотрѣть съ вѣрой въ свѣтлое земное будущее, но и имѣть для этого еще особенную способность. Такой душевный миръ, такое отрѣшеніе отъ настоящаго, — сохранивъ притомъ всю сердечную теплоту къ людямъ и всѣ симпатіи къ ихъ благороднымъ и справедливымъ стремленіямъ, — можетъ быть удѣломъ только лучшихъ людей. Но, во всякомъ случаѣ, это уже отступленіе отъ борьбы съ жизнью, это сознаніе своего безсилія, это уже желаніе найти для себя спокойный уголокъ, чтобы оттуда, какъ изъ форточки, смотрѣть на то, что дѣлается въ мірѣ. Поэтому понятно, что подобное утѣшеніе, доставляемое историческими размышленіями, можетъ быть доступно не всѣмъ, и средство, придуманное друзьями Гервинуса, во всякомъ случаѣ, не универсальное, тѣмъ болѣе, что оно, — разсматриваемое собственно, какъ историческое утѣшеніе, — не даетъ отвѣтовъ на многіе вопросы.

Обстоятельство, побудившее друзей Гервинуса дать людямъ историческое утѣшеніе, составляетъ вовсе не новое явленіе въ исторіи человѣка. Въ то время, когда строились египетскія пирамиды, и когда стогналось ежегодно нѣсколько десятковъ тысячъ людей, чтобы таскать черезъ пустыни громадныя глыбы камня, обдѣлывать ихъ и поднимать безъ пособія нынѣшнихъ подъемныхъ машинъ на огромную высоту — и тогда многіе изъ этихъ несча-

стныхъ приходили въ отчаяніе, не видя конца своимъ мученьямъ, и, разумѣется, искали себѣ какого нибудь утѣшенія и душевнаго успокоенія, чтобы примириться съ дѣйствительностію. Историческое утѣшеніе, предлагаемое друзьями Гервинуса, совершенно такого же рода. Оно даетъ людямъ увѣренность въ вѣчный прогрессъ человечества и вѣру въ счастливую будущность, ожидающую будущія поколѣнія. Разумѣется, если людямъ нельзя предложить ничего иного, то хорошо и это, потому что оно все-таки лучше безвыходнаго страданія, безъ всякой надежды на перемиѣну, — страданія безъ всякой пресектivity вромѣ непроходимаго мрака, не имѣющаго ни одной свѣтлой точки, которая, указывая путь жизни, влекла бы и манила къ себѣ.

Но историческое утѣшеніе такого рода не достигаетъ вполнѣ своей цѣли, потому что до сихъ поръ оно не уменьшало ни числа энтузіастовъ и мечтателей, не прибавляло вообще людямъ ума и гуманности. Поэтому кто желаетъ убѣдить людей въ невозможности измѣнить ходъ исторіи или дать ей обратное движеніе, тотъ долженъ предлагать ученіе о прогрессѣ, какъ утѣшеніе, не тѣмъ, кто упадѣ духомъ и отъ изнеможенія съѣлъ на пути жизни, повѣсивъ руки, а тѣмъ, кто смотритъ на прогрессъ нѣсколько иными глазами, и понимаетъ его не какъ цѣль высшаго индивидуальнаго развитія и общей пользы, а какъ стремленіе къ частной выгодѣ нѣкоторыхъ. Для такихъ людей историческіе уроки нужны и полезны, потому что они поселяютъ свѣтъ тамъ, гдѣ его не было, и научаютъ людей понимать то, чего они не понимали. Что же касается до энтузіастовъ и мечтателей, то историческое благоразуміе, достигающееся людямъ уже въ то время, когда энтузіазмъ и мечтательность уступили свое мѣсто холодной разсчитанности, едва ли можетъ имѣть къ нимъ какое нибудь отношеніе. Энтузіасты, по особенностямъ своей натурѣ, составляютъ исключительную породу людей. Какъ долго будутъ они еще являться и научать ли ихъ благоразумію историческія утѣшенія — неизвѣстно, что же касается до прошедшаго, то люди этого сорта были во всѣ времена, начиная съ самой глубокой древности и до нашихъ дней. Число ихъ въ извѣстный историческій моментъ можетъ увеличиваться или уменьшаться, смотря по болѣе или менѣе благоприятнымъ для нихъ обстоятельствамъ; но существованіе ихъ будетъ неизбѣжно до тѣхъ поръ, пока историческое развитіе будетъ идти скачками вмѣсто свободнаго, нестѣсняемаго прогрессивнаго движенія. Напримѣръ, въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ почти не знаютъ по-

добныхъ людей, потому что общественная жизнь не благопріятствуетъ ихъ появленію. Въ Америкѣ только одно сословіе; противоположнымъ интересамъ лицъ и мѣстностей предоставлена полная возможность заявлять всё свои нужды, требованія и стремленія; всякій голосъ, всякое мнѣніе выражаются свободно, и если въ нихъ найдется какойнибудь полезный, практическій смыслъ, то они будутъ приняты. При такомъ порядкѣ дѣлъ борьба мнѣній не имѣетъ ничего сословнаго, враждебнаго и трудноразрѣшимаго; когда интересы не распадаются на сословныя частности, а представляются въ видѣ болѣе или менѣе общенароднаго дѣла, то они разрѣшаются сравнительно весьма легко; побѣжденная партія знаетъ, что хотя она и побѣждена, но побѣждена такимъ же народомъ, какъ и она, побѣждена потому, что большинство голосовъ не на ея сторонѣ; побѣжденные могутъ быть недовольны своей неудачей, но ихъ побѣдила не военная сила—ихъ просто перекричали... Въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ всё работаютъ на общую пользу, или, лучше сказать, каждый работаетъ свободно для себя, и если его личный интересъ можетъ быть полезенъ интересу общественному, то встрѣчаетъ непременно сочувствіе большинства. Поэтому для инициативы въ общественныхъ дѣлахъ существуетъ столько отдѣльныхъ двигателей, сколько гражданъ и, слѣдовательно, всякая потребность, нужда или мысль находятъ себѣ путь и могутъ быть осуществимы, если большинство найдетъ ихъ полезными или въ состояніи понять. При такомъ порядкѣ дѣлъ, когда работаютъ всё, не можетъ быть виноватыхъ, если чтонибудь сдѣлается неудачно или глупо; виноваты всё—у всѣхъ, значить, не достало способности или силы сдѣлать дѣло умнѣе. Сердиться, поэтому, не на кого, ибо сердиться на всѣхъ такъ же невозможно, какъ и сердиться на море за его приливъ и отливъ, или на ураганъ, сносящій крышу. Здѣсь дѣйствуетъ стихійная сила, которую можно только изучать и обходить, но бороться съ ней невозможно. Но въ этомъ порядкѣ дѣлъ есть и еще одно обстоятельство, мѣшающее появленію энтузіастовъ. Когда инициатива принадлежитъ каждому, то и общественная жизнь отличается необычайной подвижностью; при полной свободѣ развитія отдѣльной личности, каждый вноситъ въ общественную жизнь свой личный элементъ; милліоны людей можно сравнить съ милліонами ручейковъ; ручейки соединяются въ ручьи, ручьи въ рѣчки, рѣчки въ рѣки, и наконецъ изъ всего этого образуется общій огромный потокъ, однообразный въ своемъ

составъ и въ характеръ, текущій ровно, безъ задержекъ и перерывовъ или какихъ нибудь плотинъ, которыя нужно или обойти или размыть. Разумѣется, и въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ являлись иногда случаи, создающіе энтузіастовъ и мечтателей, но это только въ тѣхъ дѣлахъ, въ которыхъ Штаты отступали отъ своихъ основныхъ принциповъ и по нѣкоторымъ обстоятельствамъ должны были держаться европейскихъ традицій.

Не такой порядокъ существовалъ въ Европѣ. Въ ней было не одно сословіе, съ однимъ общимъ интересомъ, а четыре. Каждое заботилось исключительно о своихъ собственныхъ выгодахъ, и разумѣется, на счетъ выгодъ другихъ сословій. Болѣе сильное, достигая своей цѣли, вооружало обыкновенно противъ себя всѣ остальные. Каждое сословіе тянуло въ свою сторону, и отъ этого являлась только рознь, потеря въ силахъ и обоюдное неудовольствіе, переходившее нерѣдко въ озлобленіе. Сословіе, которому удавалось достигнуть выгодныхъ для него результатовъ, старалось закрѣпить ихъ за собою, какъ можно прочнѣе. Другія между тѣмъ теряли и искали случая устранить причину своихъ потерь, чтобы захватить выгоды въ свою исключительную пользу. Эта вѣчная борьба изъ-за частныхъ сословныхъ выгодъ дѣлала общественную жизнь похожей на рѣку, перегороженную на каждомъ шагу плотинами. Всякая мысль противъ интересовъ сильнаго сословія считалась вредной, а всякое противное дѣйствіе—преступленіемъ. А между тѣмъ, чѣмъ чаще являлись факты закрѣпленія выгодъ въ пользу какого-либо сословія, тѣмъ чаще являлись и вольнодумны, рѣшавшіеся оспаривать справедливость подобныхъ дѣйствій. Движеніе впередъ свершалось напоромъ силъ, дѣйствовавшихъ по разнымъ и обыкновенно противоположнымъ направленіямъ. Отъ того, что прогрессъ создавался борьбой сословій, онъ представлялъ непрерывный рядъ акцій и реакцій, постоянныхъ колебаній изъ одной стороны въ другую. Это колебаніе между крайностями, создававшееся людьми, доведенными до страстности и ожесточенія, способствовало чрезвычайно появленію тѣхъ крайнихъ логическихъ выводовъ и тѣхъ стремленій къ ихъ осуществленію, которыя люди, считающіе себя благоразумными, называли всегда увлеченіями и мечтами. Въ сущности, увлеченіе и мечта есть только крайній выводъ, невозможный почему-либо въ настоящемъ. Эта невозможность осуществленія вовсе еще не служитъ доказательствомъ непрактичности или нелѣпости увлеченія; напротивъ, не-

рѣдко оказывалось, что мечта была гораздо умнѣе и практичнѣе того, что ей претивопоставлялось. Мечтой можетъ быть самая высокая гениальная и гуманная мысль, если ее встрѣчаютъ препятствія, преодолѣть которыя у нея нѣтъ силъ. Здѣсь дѣйствуетъ законъ той же необходимости и той же логики, какой является во всѣхъ условіяхъ общественной и частной жизни. Появленіе энтузіастовъ, число ихъ и предѣлъ ихъ стремленій зависѣли исключительно отъ условій того историческаго момента, въ который они являлись. Чѣмъ напряженнѣе были обстоятельства, вызвавшія извѣстный историческій моментъ, и чѣмъ существованіе и шире было его общественное значеніе, тѣмъ больше являлось пылкихъ людей, готовыхъ жертвовать всѣмъ, лишь бы доставить большую прочность и успѣхъ общественному благу. Однимъ изъ подобныхъ историческихъ фактовъ представляетъ реформація. Реформацію создалъ не Лютеръ, ее создало время и общая потребность, но Лютеръ явился только представителемъ извѣстныхъ требованій и коноводомъ реформы. Это было время общаго увлеченія; всѣ были тогда энтузіастами, — каждый трусъ и глупецъ несъ послѣднюю дань общему дѣлу. Въ этомъ общемъ стремленіи покончить съ старымъ и создать новое, трудно было найти тотъ предѣлъ, на которомъ слѣдовало остановиться и не идти дальше. Да и кто могъ знать точно, гдѣ эта черта? Хотя Гервинусъ и называетъ Лютера истиннымъ историческимъ пророкомъ, который только однимъ успѣхъ опредѣлить точнымъ образомъ мѣру силъ, которую его время могло употребить на это великое дѣло; но мы не видимъ никакихъ основаній, почему-бы Лютеру нельзя бы было сдѣлать еще два или три шага впередъ. Разумѣется, нельзя сказать, что бы было, если бы мѣсто Лютера занималъ Цвингли, или Кальвинъ, но очевидно, что въ послѣднемъ случаѣ преобразованія вышли бы шире. Въ такихъ громадныхъ дѣлахъ, какъ напр. эпоха нѣмецкой реформаціи или подобныя аналогическія явленія, когда преобразованія захватываютъ народную массу въ громадномъ объемѣ, измѣняя ее въ ея основной сущности, одному человеку трудно опредѣлить, гдѣ слѣдуетъ остановиться. Поэтому консервативизмъ Лютера не заслуживаетъ такой большой похвалы, какую ему раточаютъ, точно такъ же, какъ и весь деспотическій характеръ, который онъ придалъ своему дѣлу. Возставъ противъ папской власти, Лютеръ искалъ поддержки въ власти свѣтской, безъ которой реформа была, разумѣется, невозможна, но которой онъ далъ такое же значеніе, какое присвоивала себѣ непогрѣшимая пап-

ская власть. Самъ Гервинусъ приводитъ въ примѣръ Генриха VIII, который показалъ практически и явнѣе всѣхъ, что дальновидность Лютера была совсѣмъ не такъ велика. Извѣстно, что въ религиозныхъ войнахъ и мирныхъ договорахъ XVI и XVII столѣтій дѣло шло не о свободѣ исповѣданія каждому отдѣльнаго гражданина, а о свободѣ государей производить у себя религиозныя реформы. До чего подобное притязаніе государей того времени, явившееся единственно вслѣдствіе ученія Лютера, могло быть вредно общему ходу цивилизаціи, обнаружилось въ произвольныхъ мѣрахъ Генриха VIII. Уничтоживъ супрематію папы, онъ замѣнилъ ее своимъ всемогуществомъ и соединеніемъ въ своемъ лицѣ всей духовной и свѣтской власти. Генрихъ только перенесъ власть отъ папы на себя, и за тѣмъ оставилъ церковь въ ея прежней католической неподвижности. Что бы покончить съ этимъ зломъ, достигшимъ крайняго произвола и насилія при преемникахъ Генриха VIII, должна была явиться англійская революція. Германия, правда, спаслась отъ подобныхъ крайностей, но она спаслась отъ нихъ вовсе не вслѣдствіе дальновидности Лютера, а по особеннымъ условіямъ германскаго народнаго духа, о которыхъ мы будемъ говорить послѣ. Лютеръ, устроивъ реформу, ограничивалъ свою дѣятельность исключительно церковными дѣлами. Между тѣмъ всѣ обстоятельства общественной жизни были такого рода, что требовали коренныхъ преобразованій во всемъ. Народъ терпѣлъ страшно отъ рыцарей и дворянъ, отъ ихъ произвола и грабительства, отъ разныхъ усиленныхъ податей и пошляинъ. Страданія были велики, а между тѣмъ Лютеръ не только не обращалъ на нихъ своего вниманія; но еще обрушился всю силою своего авторитета на тѣхъ, кто выдумалъ заявлять требованіе политическихъ реформъ, и благословлялъ людей на истребленіе несчастныхъ крестьянъ, когда они, выведенные изъ себя, поднялись противъ своихъ притѣснителей. Лютеръ поднялъ знамя громаднаго насильственнаго переворота, переворота хотя и весьма плодотворнаго по своимъ послѣдствіямъ, но тѣмъ не менѣе все-таки насильственнаго; и въ то же время онъ обнаружилъ такой абсолютизмъ, что не терпѣлъ рядомъ съ собой никакого другаго реформатора: какъ только являлся ктонибудь другой, желавшій идти нѣсколько дальше и распространить преобразованіе на другія стороны общественной жизни, Лютеръ старался сдержать ихъ всѣми мѣрами, какими онъ только могъ располагать. А между тѣмъ въ требованіяхъ этихъ людей было столько справедливаго и возможнаго

въ исполненіи, что только остается жалѣть объ абсолютизмѣ Лютера и о томъ упорствѣ, съ какимъ онъ не хотѣлъ признавать правды, которая шла не отъ него. Мечтатели и энтузіасты того времени, — о которыхъ Лютеръ говорилъ, что они захватываютъ слишкомъ далеко, — дѣйствительно въ нѣкоторыхъ случаяхъ стремились къ тому, что невозможно еще и въ наше время, но большею частью они желали весьма возможнаго. Уничтоженіе крѣпостной зависимости, разныхъ стѣснительныхъ платежей, возвращеніе несправедливо захваченныхъ общинныхъ имуществъ, вознагражденіе за вредъ, наносимый охотою, отиѣна личнаго заключенія, когда представится поручительство, опредѣленіе податей самимъ народомъ и т. п. заявленія, высказанныя во время крестьянской войны въ разныхъ прокламаціяхъ, были, разумѣется, весьма осуществимы во многихъ мѣстахъ. Но тѣмъ не менѣе людей, высказывавшихъ подобныя мысли, Лютеръ считалъ все-таки мечтателями и не помогъ имъ ничѣмъ, ограничивая свою дѣятельность исключительно церковной реформой. Понятно, что при общемъ возбужденіи умовъ, ожидавшихъ большаго и стремившихся къ болѣе совершенному быту, чѣмъ какой существовала, было весьма естественно явиться мыслителямъ, которые отнеслись критически ко всѣмъ вопросамъ общественной жизни и пожелали реформъ болѣе глубокихъ и широкихъ. Людямъ казалось, что наступило время полнаго обновленія всей гражданской и церковной жизни. «Нѣкоторыя отдѣльныя секты, нѣкоторые передовые умы, говоритъ Гервинусъ, въ самомъ началѣ реформаціи стремились ускорить результаты новаго направленія, которые должны были быть для нихъ только отдаленною цѣлью. Уже тогда былъ начертанъ весь кругъ церковныхъ и государственныхъ требованій, которые только отчасти были исполнены послѣ государственныхъ переворотовъ въ Америкѣ и Франціи, и даже до нашего времени не вездѣ и не всѣ еще получили удовлетвореніе. Въ религіозной сферѣ нѣкоторые энтузіасты и анабаптисты уже создали понятіе рациональнаго очищенія христіанства и его формъ, — идею, которая впервые могла быть осуществлена только правнучами ихъ проповѣдниковъ, выселившихся въ Америку. Въ строгой послѣдовательности развивая ученіе Лютера о всеобщемъ священствѣ всѣхъ христіанъ, они хотѣли, чтобы церковныя дѣла рѣшались собраниями свѣтскихъ лицъ, чтобы священники избирались общиною. Они уже тогда сформировали положенія новѣйшаго рационализма, ибо требовали свободнаго пониманія св. писанія, ставили св. Духа выше писа-

тѣя, а подѣ св. Духомъ разумѣли не болѣе, какъ духовную силу и разумъ чловѣка; въ вѣрѣ видѣли только любовь, доказываемую дѣлами, въ Христѣ только божественный образецъ для чловѣческой жизни, и въ причащеніи только воспоминаніе о немъ. Рядомъ съ этими религіозными нововведеніями, и планы политическихъ реформъ развивались до самыхъ демократическихъ результатовъ, которымъ на дѣлѣ суждено было исполниться только гораздо позже...» Во времена Лютера все это называлось энтузіазмомъ и мечтами, и Лютеръ потратилъ не мало самыхъ крупныхъ выраженій, чтобы побѣдить противниковъ, захватывавшихъ дальше его. А между тѣмъ въ этихъ мечтахъ выразилось не больше, какъ логическое развитіе началъ, высказанныхъ Лютеромъ, которыя въ наше время получили уже во многихъ мѣстахъ практическое примѣненіе. Очевидно, обвиненіе за непрактичность мечтаній и увлеченій должно было падать не на тѣхъ, кто дошелъ до нихъ путемъ логическаго мышленія, а на тѣхъ, кто, назначивъ себѣ извѣстный предѣлъ, не хотѣлъ идти дальше и не пускалъ идти другихъ. Непрактичность подобнаго задерживанія другихъ заключалась во-первыхъ въ томъ, что пріятствія разжигали только страсти и повели къ тѣмъ печальнымъ сценамъ убійствъ, козней и междоусобій, которыми такъ богато время реформациі и послѣдующее; а во-вторыхъ въ томъ, что, опредѣливъ точно предѣлъ, до котораго идти, и построивъ на немъ плотину, чтобы задерживать дальнѣйшее свободное развитіе мысли, Лютеръ поступилъ совершенно такъ же, какъ поступали его католическіе противники. Въ этомъ не было ровно никакой необходимости, потому что если Карлштадтъ и его послѣдователи или даже Мюнцеръ съ своими учениками дѣлали и говорили вздоръ, то въ этомъ не было никакой бѣды ни для Германіи, ни для лютеровой реформы. Въ чемъ нѣтъ логики и пракческаго смысла, то никогда не привьется къ жизни, слѣдовательно и сражаться противъ подобнаго вздора совершенно безцѣльно; но если стремленія и мысли людей правильны и ведутъ къ хорошему послѣдствію, то воевать противъ нихъ еще бесполезнѣе, потому что побѣдить ихъ невозможно. Все, что можно сдѣлать съ справедливыми стремленіями, заключается только въ томъ, что задержится исполненіе ихъ на болѣе или менѣе продолжительное время. Сдѣлать это, разумѣется, не трудно, но будетъ ли это умно? Разумѣется, бывають случаи, когда, по видимому, самыя справедливыя мысли и благородныя желанія оказываются непрактическими т. е. не при-

маются ширинью. Маэрингъ, Милтонъ составилъ для Англiи проектъ реформы, по которому предлагалось уничтожить въ странѣ всякое сословное различіе и вслѣдъ привилегiи, смягчить систему откуповъ; новыи порядкомъ пользованiя рѣнами, жорни, лѣсами и пастбищами улучшить матеріальное положеніе народа. Самоуправленіе развить въ такой степени, чтобы въ администраціи и въ судѣ ничто бы не зависѣло отъ отдаленныхъ мѣстъ, и сдѣлать изъ Англiи федеральное государство, соединяющее провинціальную самостоятельность съ единичною властью. Церковное устройство должно было соответствовать политическому. Священники должны были избираться общинами и получать отъ нихъ жалованье; церковь и государство совѣшь не вѣшались въ это дѣло. Каждый иносѣрецъ пользовался полной терпимостью и могъ вознмать слово Божіе, какъ ему хотѣлось. Ученіе это не встрѣтило сочувствiя англчанъ; въ нихъ была такъ сильна привычка къ старымъ еернамъ, которыми они были довольны, что всѣ хотѣли возврата къ прежнимъ феодалнымъ порядкамъ, и прогрессисты, составляя незначительное меньшинство, находили поддержку только въ войскѣ. Въ этомъ случаѣ обвинять, разумѣется, не кого; Милтонъ думалъ, что его порядокъ будетъ лучше прежняго, не народъ, всей своей массой, думалъ иное; правъ, разумѣется, народъ, а не Милтонъ. Но въ Германiи во время реформации было явленіе противоположное. Разумѣется, участие народа въ лютеровомъ дѣлѣ было несомнѣнно и велико, — безъ него Лютеръ ничего бы не сдѣлалъ; но вѣстѣ съ тѣмъ народъ все-таки былъ лишень права заявлять свои мысли и стремленiя, и судей того, что и какъ должно быть устроено, былъ только Лютеръ съ немногими своими друзьями. Поэтому-то и нельзя сказать опредѣлительно, точно ли Лютеръ рассчиталъ вѣрно предѣлы, до котораго, по общему уровню народныхъ понатiй, нуждъ и желанiй, можно было идти, и не слѣдовало ли ему сдѣлать еще нѣсколько шаговъ впередъ и принять планы тѣхъ, кого онъ считалъ онтуристами, захватывающими слишкомъ далеко. Можетъ быть, Лютера и не ошибся; но изъ того, что мы говорили ранѣе, слѣдуетъ заключить спорно, что Лютеръ не дошелъ до настоящихъ границъ возможной реформы, и не только не хотѣлъ самъ двигаться дальне, но и не пукалъ другихъ. Поэтому мы полагаемъ, что эинечъ истиннаго историческаго пророка, приданный Гервинусомъ Лютеру, вѣсомельно преувеличенъ.

Но смотря на осторожную и замѣдленную систему дѣйствiй Люте-

ра, реформація составляет величайшую историческую заслугу Германии, самое важное на своихъ послѣдствіяхъ проявленіе нѣмецкаго гения. «Что дало германской реформаціи — говорить Гервианусъ — такое прочное основаніе и сообщило ей постоянную энергію, что обрѣвало всю исторію послѣдующаго времени, дало движеніе цѣлому ряду событій, которыя не только болѣе и болѣе освобождали свѣтъ отъ прежнихъ духовныхъ и гражданскихъ узъ среднихъ вѣковъ, но и разрушали новый произволъ — это былъ тотъ контрастъ въ натурѣ народовъ романскихъ и германскихъ, который уже въ продолженіи всѣхъ среднихъ вѣковъ, начиная съ первой поры смѣшенія племенъ, постоянно страдался въ значительнѣйшихъ историческихъ явленіяхъ и который теперь выступилъ изъ глубины стремительнѣе, чѣмъ когда либо, на призывъ религіознаго раздора и вслѣдствіе наступающаго новаго времени». Судя по представляемымъ исторіей фактамъ, разумѣется, нельзя не замѣтить разницы между тремя главнѣйшими народностями Европы — германской, романской и славянской. Каждая изъ нихъ дѣйствовала до сихъ поръ въ предѣлахъ, опредѣляющихъ довольно точно ея историческую роль; къ сожалѣнію у историка нѣтъ еще средствъ опредѣлить въ точности причины, отъ которыхъ зависѣли національныя особенности, называемыя обыкновенно народнымъ гениемъ. Историки судятъ о народахъ по фактамъ, представляемымъ достовѣрной исторіей, и, разумѣется, для сужденія о нравѣхъ нѣбудь народѣ и не можетъ быть другихъ основаній. Не смотря на справедливость такого заключенія, не менѣе справедливо и то, что характеръ каждой народности сформировался, развился, ранѣе появленія ея на исторической сценѣ. Такимъ образомъ извѣстіе Тацита о германцахъ застаётъ ихъ уже народомъ съ точно опредѣлившимися чертами, главные основы характера у нихъ уже выработались. Но что именно способствовало этой выработкѣ, какъ и подъ влияніемъ какихъ обстоятельствъ складывался характеръ германцевъ и славянъ, почему съ первыхъ страницъ достовѣрной исторіи является уже значительная разница между тѣми и другими? — На эти вопросы у исторіи нѣтъ отвѣтовъ, и ей приходится довольствоваться тѣмъ, что, встрѣтивъ народъ уже съ извѣстными основами характера и съ болѣе или менѣе установленными стремленіями, слѣдуетъ за нимъ шагъ за шагомъ по пути его исторической жизни. Исторія застаётъ германцевъ съ той уже готовой чертой ихъ характера, которую можно назвать духомъ сопротивленія или

стремленіемъ къ независимости. Можно замѣтить на это, что всѣ варварскіе народы отличаются подобнымъ стремленіемъ къ независимости. Мы не будемъ спорить; мы скажемъ только то, что при всемъ желаніи сохранить свою независимость, это удавалось очень немногимъ народамъ, и до сихъ поръ только одно германское племя успѣло дойти до тѣхъ результатовъ индивидуальной независимости и развитія, крайнимъ предѣломъ котораго для нашего времени служатъ Англія и Сѣверо-Американскіе Штаты. Изъ этого стремленія къ независимости созданъ феодальный бытъ, изъ этого же источника явилась и реформація, и тотъ новый порядокъ вещей, который представляетъ новый свѣтъ. Эту черту народнаго характера Германусъ называетъ партикуляризмомъ германскихъ племенъ.

Съ самаго начала своей жизни, Германія представляетъ броженіе силъ, при чемъ каждая хочетъ занять непрѣмлю особое положеніе. Ленная система съ ея стремленіемъ къ федеральности, усиленіе аристократіи, раздѣленіе ея на свѣтскую и духовную, вѣчная борьба ихъ между собой и съ королевскою и императорскою властью, по видимому, только и стремятся къ тому, чтобы подорвать государственное единство. Никто не заботится объ общихъ интересахъ, каждый болѣе значительный вассалъ думаетъ только о своихъ личныхъ выгодахъ. Но эта-то именно раздробленность и спасла Германію отъ римскихъ идей единства въ государствѣ, въ правѣ и въ религіи. Только это стремленіе къ партикуляризму побудило германцевъ возстать противъ римской церкви и создать реформацію съ ея благотворными послѣдствіями для культуры всего человѣчества.

Когда паденіе Византійской имперіи и взятіе Константинополя турками навело ужасъ на европейскіхъ правителей, и они, въ страхъ предъ турецкимъ могуществомъ, стали стремиться къ союзамъ, тогда монархическое начало стало поочередно брать верхъ подъ разнузданностью аристократіи, и въ Европѣ появилось въ короткое время нѣсколько могущественныхъ монарховъ. Союзъ съ Римомъ и римская политика придали власти небывалую до того силу, и подъ влияніемъ римскаго духа въ западной Европѣ воскресли вновь планы универсальныхъ монархій. Римъ хотѣлъ присвоить себѣ общее господство и при тѣхъ средствахъ, которыми онъ располагалъ и которыя давали ему возможность проникать въ совѣтъ человѣка, слѣдить за нимъ въ его частной, семейной жизни и давать въ исновѣдальныхъ миссіяхъ уроки, какіе признавались необходимыми и полезными для римской

политики—господство Рима являлось громаднымъ. Служители папы, образуя особую касту, не имѣли другаго отечества, кромѣ Рима и другихъ интересовъ, кромѣ интересовъ римскаго престола. Покрываясь божественной непогрѣшимостью своего владыки и не признавая надъ собой другой власти, кромѣ произвола намѣстника Христа, католическіе монахи образовали такую плотную, крѣпкую и сильную сѣть во всѣхъ земляхъ, признававшихъ главенство папы, что европейскому міру грозило полное теократическое господство. Въ общему бѣдствію, духовная власть вошла въ тѣсный союзъ съ свѣтскою; въ лицѣ универсальной имперіи Карла V она собиралась поглотить Европу и подчинить ее одному принципу по одному направлению. Кромѣ Франціи Карлъ владѣлъ всей западной Европой, женитьба Филиппа на Маріи англійской передавала и Англію въ руки карловой династіи. Но его всемогущество этихъ не удовлетворялось: онъ хотѣлъ подчинить своимъ свѣтскимъ цѣлямъ и духовную іерархію, онъ хотѣлъ и духовныя силы сдѣлать такимъ же послушнымъ своимъ орудіемъ, какъ силы военныя и гражданскія. Если представить себѣ, какое громадное могущество соединялось при этихъ средствахъ въ рукахъ одного человѣка и какая опасность грозила Европѣ, когда бы подчинили ее римскимъ и испанскимъ принципамъ, то только тогда и является ясное пониманіе всей громадной пользы реформаціоннаго движенія, спасшаго Европу отъ римско-испанскаго господства. Очень можетъ быть, что влияніе свѣтско-духовной власти, соединенной въ однихъ рукахъ, было бы и менѣе разрушительно, чѣмъ оно оказалось въ Испаніи; очень можетъ быть, что нѣмецкій народный геній не далъ бы довести себя до такого нравственнаго и умственнаго паденія и до той матеріальной нищеты, до какой папское управленіе и карлова династія довели Испанію и Римъ; тѣмъ не менѣе опасность была все-таки велика, и въ случаѣ удачи Карла V Европа конечно переживала бы теперь не то время.

Къ счастью для Европы, Карлъ запоздалъ нѣсколько съ своими планами, и встрѣтилъ слишкомъ сильнаго противника въ духѣ германскаго народа. Всѣ сословія Германіи поднялись на защиту себя отъ бѣды, грозившей имъ изъ Рима и Испаніи. Национальное чувство пробудилось во всѣхъ, начиная отъ послѣдняго крестьянина до короля; нѣмецкому генію былъ невыносимъ духъ общей подчиненности одному началу, совершенно несходному съ основами нѣмецкой жизни,

и реформация не только сломала римское господство и положила конецъ универсальнымъ монархіямъ, но вслѣдствіе политики Лютера, испавшаго поддержки свѣтской власти, основала тотъ федеративный союзъ мелкихъ государей, значительно усилившихся и достигшихъ до небывалой прежде самостоятельности, который спасъ Германію отъ жертващаго застоя романскихъ государствъ. Такимъ образомъ политическое значеніе реформациі въ событіяхъ ближайшаго къ ней времени заключалось въ уничтоженіи римскаго господства, въ уничтоженіи универсальной монархіи Карла и въ увеличеніи самостоятельности отдѣльныхъ германскихъ владѣльцевъ, сдѣлавшихся независимыми государями. Но не въ этомъ сущность міроваго значенія протестантской реформы и ея вліянія на культуру человѣчества.

Если мы говоримъ о нѣмецкой народности и о германскомъ геніѣ, то подъ этимъ не слѣдуетъ понимать Австрію, Пруссію, Баварію или другое германское государство и ихъ политическія системы. Точно также не слѣдуетъ имѣть въ виду тѣ ошибки и глупости нѣмцевъ, которыми только вредили имъ и никогда не одобрялись здравомыслящими людьми. Но въ недостаткахъ рисуется характеръ и смыслъ народа, потому что недостатки всѣхъ народовъ почти одинаковы, и глупость, кѣмъ бы она ни была сдѣлана, всегда и вездѣ имѣетъ общія черты. Турецкая или китайская глупость едва ли отличается многими отъ глупости французской или нѣмецкой, какъ мало отличается въ цвѣтъ китайская тушь отъ голландской сажи. Поэтому, говоря о нѣмецкомъ геніѣ, мы представляемъ себѣ не настоящую германію съ ея общественными формами, съ ея довольными и недовольными, съ ея силой или безсиліемъ — мы беремъ только то, что создала нѣмецкая мысль, и чѣмъ она способствовала общему развитію человѣчества. Сама Германія, т. е. срединное европейское государство, лежащее между Россіей и Франціей, между Средиземнымъ моремъ и Балтійскимъ, стоитъ гораздо ниже уровня, на которую поднялся нѣмецкій геніѣ. Можно даже подумать, что нѣмецкій геніѣ и не живетъ тамъ, гдѣ живутъ такъ называемые нѣмцы, потому что почти все, созданное имъ, примѣнялось и развивалось не на той почвѣ, на которой явилось. Нѣмецкій геніѣ создалъ четыре великихъ вещи: книгопечатаніе, реформацию, Англію и Сѣверо-Американскіе Штаты со всеми чудесами ихъ промышленности, изобрѣтеній, открытій и государственныхъ учрежденій. Но сама Германія воспользо-

валась очень немногими изъ того, что она придумала. Она служила только лабораторіей, гдѣ создавалась мысль; но, явившись въ міръ, мысль улетала въ другія мѣста, въ другіе не-германскіе нѣмцамъ и только тамъ получала практическое примѣненіе. Отъ этого во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда, кромѣ умозрительнаго пониманія, требовалась способность осуществленія идеи, Германія стояла всегда далеко ниже своихъ умственныхъ способностей. Также поступила она и во время реформации: Лютеръ при всемъ своемъ историческомъ значеніи былъ ниже своего дѣла, и что слѣдовало ему совершить въ Германіи и чего онъ не только не совершилъ, но даже чему онъ помѣшалъ, можетъ быть, на три вѣка, то сдѣлали другіе нѣмцы — Англія и Америка. Поэтому настоящій, всемогущій германскій гоній, ведущій человечество по пути прогресса и создавшій все то, что дѣлаетъ человека царемъ природы, нужно искать не въ Германіи.

Читатель, разумеется, очень хорошо знаетъ, какія выгоды принесло цивилизаціи изобрѣтеніе книгопечатанія, пароваго двигателя и всѣхъ машинъ и техническихъ открытій, имѣвшихъ судьбу міра. — Три народа нѣмецкаго корня создали всѣ эти чудеса — нѣмцы въ собственномъ смыслѣ, англичане и американцы. Такъ какъ читателю извѣстно экономическое значеніе этихъ открытій, то говорить о нихъ мы считаемъ лишнимъ, тѣмъ болѣе, что для занимающаго насъ вопроса важны не экономическія изобрѣтенія, а тѣ практическія примѣненія нѣмецкой мысли, которыя давали человеческимъ способностямъ возможность болѣе совершеннаго и всесторонняго развитія, и такимъ образомъ создавали новую умственную силу и новый новозачаточный капиталъ, обеспечивавшій успѣхи дальнѣйшаго прогресса цивилизаціи. Изъ европейскихъ государствъ Англія сумѣла согласить лучше всѣхъ наслѣдіе, оставленное древнимъ Римомъ, въ пору его паденія, съ тѣми дичными требованіями, которыя завлечла постоянно свободолубивый партикуляризмъ германскихъ племенъ, и во выраженію Питта, удержавъ всѣ выгоды монархій, аристократіи и демократіи, Англія осталась чуждой всѣхъ ихъ невыгодъ. Привожу подлинныя слова Гервинуса о значеніи основныхъ элементовъ англійской государственной жизни: «Если, говоритъ Гервинусъ, смотрѣть на единство правительства, на королевское веіо, на силу и могущество, которыя это единство сообщаетъ внѣшнимъ отношеніямъ Англіи къ другимъ государствамъ, то чувствуешь себя въ монархическомъ государствѣ. Если смотрѣть на вы-

сокую церковь, которая имѣетъ во главѣ короля-папу и старается достигнуть въ вѣрѣ національнаго единства, какъ католицизмъ — единства универсальнаго, то кажется, какъ бы видишь передъ собою теократическіе элементы. Если взглянуть на весь общественный духъ, на консервативность и послѣдовательность политики, на лицъ, въ рукахъ которыхъ она находится, на характеръ права, на нравы, обычаи жизни, на народное представительство, — то англійское государство является существенно аристократическимъ. Но взявъ во вниманіе, что право назначенія податей есть исключительное право общинъ, — можно подумать, что рѣшительный перевѣсъ имѣетъ высшая буржуазія. Если же рассматривать отдѣльныя учрежденія и общественныя отношенія, дѣятельность и независимость частныхъ лицъ, децентрализацию въ администраціи, самоуправленіе, отсутствіе всякаго господства бюрократіи, огромную свободу лица и собственности, систему защищенія страны, право ассоціацій и прессы — то все въ Англии является демократическимъ.» По своимъ аристократическимъ принципамъ и по приверженности къ традиціи прошедшаго, Англія должна бы быть государствомъ консервативнымъ до неподвижности; а между тѣмъ на практикѣ обнаруживается противное, и англійская конституція легко уступаетъ всякому прогрессивному движенію, всякой новой мысли и всякой дѣйствительной необходимости. На составленіе англійской конституціи; какъ выражается Гервинусъ, ушло нѣсколько столѣтій, и въ каждый періодъ ея измѣненій или преобразованій матеріалъ и работа были самыя лучшіе. Это зависѣло, разумѣется, только отъ способностей народа. И надо согласиться, что ни одинъ европейскій народъ нѣмецкаго корня не разработалъ съ большимъ совершенствомъ древне-германское устройство, какъ англичане. Во всѣ періоды своей исторіи англо-саксы оставались вѣрны основному духу германскихъ племенъ. Въ настоящее время самыя свободныя учрежденія существуютъ въ Европѣ только у народовъ германскаго корня — у шведовъ, норвежцевъ, голландцевъ, швейцарцевъ, англичанъ.

Реформація, создавая новые принципы для государственныхъ и религіозныхъ учреждений, не обнаружила однако достаточно силы и послѣдовательности въ своихъ европейскихъ преобразованіяхъ. Логическіе умы того времени не могли, разумѣется, остановиться на тѣхъ ограниченныхъ требованіяхъ, дальше которыхъ не рѣшался идти Лютеръ. Они, какъ истинные историческіе пророки, предсказывали

вное будущее и дали новое направление человѣческимъ стремленіямъ. Ни Германія, ни Англія не обнаружили желанія поддержать этихъ энтузіастовъ и мечтателей, и вотъ они потянулись въ пустынную, отдаленную землю вновь открытаго свѣта, чтобы испытать возможность практическаго осуществленія того, что благоразумнымъ людямъ XVII вѣка казалось мечтой и пустяками. Протестанты — преимущественно пуритане и квакеры — шли въ Америку, какъ новые люди въ новую землю. Они не брали съ собой ни готовыхъ европейскихъ учреждений, ни свѣтской и духовной іерархій, ни аристократическихъ началъ. Это были какъ бы первые люди, но уже съ зрѣлымъ разумомъ и съ такими идеями, которыя хотя и не были приведены въ систему, не выражались въ какой нибудь строго соображенной и обдуманной политической доктринѣ, но уже заключали въ себѣ всѣ начала для новыхъ, непохожихъ на европейскія, учреждений. Эти чужаки возбуждали, разумеется, улыбку состраданія со стороны тѣхъ, кто былъ строго убѣжденъ въ невозможности существованія общества внѣ европейскіхъ политическихъ формъ. Всѣ благоразумные люди видѣли очень хорошо, что изъ этихъ смѣшанныхъ начинаній и безтолковаго странствованія въ отдаленную страну не выйдетъ ничего. И не смотря на предостереженіе благоразумныхъ и опытныхъ мужей, безумцы оставляли свою родину, бросали свой домъ и отправлялись въ негѣдомыя страны, отдаваясь на жертву всѣмъ случайностямъ длиннаго морскаго пути и неизвѣстныхъ условий и мѣстныхъ особенностей новаго края. Люди съ чистымъ здравымъ смысломъ, пропитанные чистымъ евангельскимъ ученіемъ, поддерживаемые и наставляемые своими духовными проповѣдниками, стали возводить новое зданіе политическихъ учреждений, руководствуясь въ критической оцѣнкѣ своихъ мѣръ исключительно отрицательнымъ приѣмомъ. Они знали только то, что есть вещи и матеріалы совершенно непригодные для ихъ постройки, и только ихъ не хотѣли употреблять въ дѣло. Въ своихъ начинаніяхъ они отправлялись отъ самыхъ простыхъ началъ, не желая знать тѣхъ многообразныхъ словесныхъ отношеній и различій, которыя, усложняя жизнь, не представляютъ ей никакихъ гарантій большаго счастья и довольства. Простые люди, чуждые европейскихъ предрасудковъ, повели свое дѣло весьма просто и возможно кратчайшимъ и легчайшимъ путемъ. Переселенцы камень за камнемъ возводили свое зданіе, очень довольные тѣмъ, что, по отдаленности и пустынности избраннаго ими края,

ихъ европейскіе доброжелатели не имѣютъ ни возможности, ни охоты наблюдать за ними. Зданіе было уже замѣчено тогда, когда еге подвела ногу крышу. Но и тутъ европейскіе дальновидцы не переставали кричать, что зданіе должно разсыпаться, потому что построено на пескѣ и не имѣетъ фундамента. Что понимали они подъ именемъ фундамента—неизвѣстно. Но если замѣчаніе ихъ дѣйствительно справедливо, то остается вывести только то заключеніе, что въ дѣлѣ архитектуры американцы обогнали всѣхъ остальныхъ людей, потому что открыли способъ воздвигать огромныя и прочныя зданія нѣсколько на иныхъ началахъ, чѣмъ они стремились до сихъ поръ и что недоумѣніе старинныхъ архитекторовъ доказываетъ только одно, что молодые архитекторы и способнѣе, и изобрѣтательнѣе старыхъ. Подобное обетоятельство случилось въ недавнее время съ крѣпостными архитекторами, когда узнали, что крѣпость изъ земли и песку гораздо несокрушимѣе крѣпости гранитной и каменной. Оставимъ однако метафорическій языкъ, чтобы выразаться проще и понятнѣе. Северо-Американскій Союзъ есть созданіе нѣмецкой реформаци. Реформаци очистила мысль и освободила ее. Она сообщила ей небывалую до того времени ясность. Люди поняли, что имъ нужно, чтобы жить безбѣдно и спокойно. Но не вдругъ дошли люди до такоу крайняго развитія индивидуализма, какой представляетъ Америка, хотя уже не первымъ ближайшимъ выводомъ изъ основныхъ реформационныхъ идей можно было видѣть, куда должно привести логическое развитіе этихъ основъ. Германскіе нѣмцы хотѣли освободиться только отъ папы и его католической опеки; имъ казалось, что они уже выросли на столько, что въ состояніи сами руководить своею совѣстью и быть судьями собственныхъ поступковъ. Съ этого началась реформаци. Въ примѣненіи однако новыхъ идей къ дѣлу руководителей реформаци показалось невозможнымъ идти такъ далеко, какъ требовали обстоятельства. Такимъ образомъ въ американской жизни выразилось высшее развитіе германскаго партикуляризма и начала особности, вмѣстѣ съ тѣмъ космополитизмомъ, который опредѣляетъ національность не происхожденіемъ, не языкомъ и религіей, а общностью пониманія и однимъ гражданскимъ интересомъ. Отъ этого для европейца Северо-Американскіе Штаты представляють какую-то странную смѣсь разныхъ противоположностей, которыя однако уживаются весьма мирно одна съ другими и даютъ такую силу Союзу, какой не имѣетъ ни одно европейское государство.

Историческая роль романских народов была несколько иная. Во всё времена средней и новой истории—до конца XVIII столетия—романскія народности являлись представительницами стремлений къ образованію большихъ государствъ, къ централизаци въ государствахъ и въ церкви, къ сохраненію средневѣковыхъ учрежденій, къ задержанію умственнаго развитія. Въ чемъ заключалась причина такой склонности, совершенно противоположной духу нѣмецкихъ народовъ?—Исторія указываетъ только на обстоятельства, способствовавшія развитію такого направленія, но глубоко скрывающійся корень нужно искать въ народномъ духѣ романскихъ національностей, въ ихъ болѣе страстности, въ ихъ болѣе увлеченіи воображеніемъ и чувственностью. Католицизмъ не имѣлъ никогда того всемогущаго дѣйствія на германцевъ, какой онъ оказывалъ на испанцевъ, итальянцевъ, французовъ; нигдѣ религиозный фанатизмъ не развивался съ такой силой, какъ у романцевъ; только благодаря ему, исторія увидѣла крестовые походы на евреевъ, альбигойцевъ, изгнаніе гугенотовъ изъ Франціи, Варфоломеевскую ночь, инквизицію, иезуитовъ и т. д.

Католическіе принципы и римская политика придали дѣйствительно единство стремленіямъ романскихъ народностей и сообщали имъ такую силу, какая, по видимому, не существовала никогда между германцами, съ ихъ партикулярностью. Но эта сила была только внѣшняя; она держалась исключительно фанатизмомъ и ничѣмъ не отличалась отъ могущества турецкой имперіи времени Салимана Великаго. Какъ только фанатизмъ ослабѣлъ—обнаружилось полное безевліе. Мрачно фанатическая Испанія, владѣвшая нѣкогда почти всѣмъ христіанскимъ міромъ, въ владѣніяхъ которой никогда не заходило солнце, располагавшая всѣми сокровищами Новаго свѣта, благодаря своей мучительной восторженности, лишилась понемногу всѣхъ своихъ владѣній, разстроила свои фабрики, мануфактуры и торговлю, убила остатки народнои образованности и дѣшла, наконецъ, до того жалкаго состоянія, въ которомъ ее увидѣла повѣстная исторія. Въ этомъ помогла ей въ особенности ея реакція противъ протестантизма; такъ что въ то время, когда всѣ протестантскія государства быстро подвигались впередъ въ умственномъ и въ матеріальномъ развитіи, когда они пріобрѣтали то прочное политическое могущество, которое дается исключительно индивидуализмомъ, противники ихъ хотя и обнаружали мгновенную силу и громадную энергію, возбужденную такими средствами, которыя никогда бы не надѣйствовались на болѣе разсудительныхъ на-

циональности, но вслѣдъ за тѣмъ пошли къ унадку умственному и матеріальному. Чтобы увидѣть, на сколько это расхожденіе отодвинуло народы, во всѣхъ отношеніяхъ, одни отъ другихъ, довольно сравнить теперешнее состояніе Испаніи съ положеніемъ Англіи или Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Однихъ реформаціонное движеніе поставило во главѣ міроваго прогресса, другихъ реакція противъ того же самаго движенія довела до гнимаго распада. На сколько вѣковъ отстала одна нація отъ другой, сколько вѣковъ развитія нужно Испаніи, чтобы сравняться съ теперешней Англіей? Если мы скажемъ 10, то это не будетъ преувеличено, потому что въ теченіе 300 лѣтъ Англія шла постоянно впередъ, а Испанія въ то же время постоянно назадъ. А между тѣмъ борьба не убила реформаціи; стояло ли ополчаться противъ нея, когда эта реакція вела только къ собственной гибели!

Во всѣхъ случаяхъ, когда западная Европа шла назадъ, въ главѣ этого обратнаго движенія стояла Испанія и римскій дворъ. Политика Франціи оказывалась прогрессивной только тогда, когда Франція вступала въ союзъ съ протестантскими государствами; когда же Франція шла за одно съ Испаніей или съ папой—это было признакомъ, что Европу ждетъ бѣда. Еще къ счастью Европы, что постоянныя колебанія Франціи между протестантскимъ и католическимъ союзомъ ослабляли вредъ, какой это могущественное государство могло бы нанести прогрессу Европы, если бы оно держалось неизмѣнно римско-испанской политики. Французской королевской централизаціи казалась всегда опасной протестантская сепаративность, и Францискъ I въ своемъ преувеличенномъ католическомъ усердіи видѣлъ въ протестантизмѣ стремленіе «къ ниспроверженію всякой божеской и человѣческой монархіи». Этого было довольно, чтобы держаться католическаго союза и истреблять протестантизмъ огнемъ и мечемъ. Гервинусъ говоритъ, что «Франція является вредною дѣлу свободы, когда стоитъ на испанской сторонѣ или идетъ путемъ испанской политики, и полезно этому дѣлу всегда, когда стоитъ на протестантской сторонѣ или находится въ союзѣ съ Англіей; такъ было всегда, и во времена Генриха IV, и во дни Луи-Филиппа. Въ этой измѣнчивости не могло сформироваться твердаго политическаго и религіознаго характера ни въ народѣ, ни въ его управительствѣ. Оттого чрезъ всю исторію Франціи новыхъ временъ проходятъ самое оригинальное противорѣчіе началъ въ управленіи, въ корпораціяхъ,

партіяхъ и въ литературѣ. Въ этихъ колебаніяхъ замѣчательна связь между протестантизмомъ и стремленіемъ къ дробленію государства и католицизмомъ съ его склонностью къ централизаціи и увеличенію территоріи. «Въ то время когда римскіе легаты, около 1562—65 годовъ, находили Францію столь-же склонною къ протестантизму, какъ и сѣверная Германія, страна была точно также близка къ германской дробности. Въ послѣдствіи, когда на одно мгновеніе Франція раздвоилась между католицизмомъ и протестантизмомъ, при Генрихѣ IV, — этотъ великій государь составилъ планъ положить навсегда конецъ и расирѣ двухъ церквей, и универсальнымъ планомъ Испаніи и Австріи. За тѣмъ, когда Людовикъ XIV самъ пошелъ по слѣдамъ жаждущей территоріальнаго расширенія Испаніи, онъ уничтожилъ протестантизмъ. Во время революціи, пока Франція смѣялась надъ всѣми религіями, — она проповѣдывала братство народовъ и опоясала себя федераціей маленькихъ республикъ. Потомъ, она возвратилась къ идеи универсальной монархіи, въ то же время возвратившись къ католицизму и папству. Такимъ образомъ, кажется, никакая универсальная монархія не могла обойтись безъ союза съ папствомъ, и Наполеонъ, преслѣдуя эту-же цѣль, такъ же, какъ и Карлъ V, не осмѣлился бы протянуть руку протестантизму, хотя онъ самъ и утверждалъ противное».

Царствованіе Людовика XIV убѣдило въ томъ, что прочный союзъ съ католицизмомъ, выгодный для универсальныхъ плановъ, грозитъ всегда спокойствію Европы. Людовикъ не побоялся отменить нантскій эдиктъ, нагнать изъ Франціи протестантовъ и повелѣть возстановить въ Нидерландахъ католицизмъ. Этотъ католическій размахъ былъ такъ опасенъ для всѣхъ протестантскихъ государствъ и могъ бы принести такія серьезныя бѣдствія всей цивилизаціи Европы, что, какъ говоритъ Гервинусъ, исторія получала бы совершенно иной видъ: если бы Якову II удалась реставрація католицизма въ Англіи, то и въ Голландіи произошла бы непремѣнно та же самая реакція, а въ Америкѣ, въ колоніяхъ, сдѣлалась бы жителями не англосаксонскіе пуритане, а французскіе іезуиты. Отъ этого бѣдствія спасъ Европу протестантскій правитель — Вильгельмъ Оранскій, вся жизнь котораго прошла въ борьбѣ за равновѣсіе европейскихъ государствъ и который умирно завѣщалъ Англіи оберегать Европу отъ Франціи.

Но католицизмъ романскихъ народовъ, не смотря на свою энергію, долженъ былъ уступить новой силѣ, созданной умственнымъ и эконо-

ническии развитіемъ протестантскихъ народовъ. Эта новая сила, измѣнивъ прежній историческій характеръ Франціи, дала вмѣстѣ съ тѣмъ совсѣмъ иное направленіе всей повѣстной исторіи и другія роли дѣйствующимъ лицамъ. Пуритане, квакеры и другія протестантскія секты, населивши Новый свѣтъ, принесли съ собою два начала, неизвѣстныхъ католическимъ колонистамъ Америки: — индивидуализмъ и экономическую энергію. Это подраздѣленіе дѣлалось ны вовсе не потому, чтобы оно существовало въ дѣйствительности, но потому, что американское и англійское вліяніе въ Европѣ выразилось въ двухъ формахъ — въ формѣ литературной, способствовавшей развитію личности, и въ формѣ экономической. То и другое имѣло одно общее начало въ германскомъ сепаратизмѣ и его стремленія къ свободному развитію. Создавая свои учрежденія, протестантскіе колонисты хотѣли только одного, чтобы имъ не пришлось жить своимъ умомъ. Такое простое желаніе можетъ быть только въ тѣхъ, кто чувствуетъ въ себѣ довольно силы, чтобы не нуждаться въ чужой помощи и кто, слѣдовательно, найдетъ въ себѣ столько энергіи, чтобы достигнуть своей цѣли, во что бы то ни стало. Отправляясь въ незнакомую страну и борясь въ ней съ тысячами разнородныхъ препятствій, строя въ пустыняхъ села и города, обращая пустыри и дикіе лѣса въ пашни и плантаціи, протестанты показали, на сколько свободная экономическая дѣятельность сильнѣе стройнаго и однороднаго труда, создавашаго незаслуженную экономическую славу царствованію Людовика XIV. Важнѣйшимъ результатомъ экономической энергіи протестантскихъ переселенцевъ и ихъ политическихъ учрежденій было то, что мыслящіе люди оцѣнили сразу преимущество новыхъ общественныхъ принциповъ предъ старыми католическими. И когда въ войнѣ за независимость штатовъ Франціи явилась защитницей того направленія, которое она не допустила бы ни за что у себя, то сила новыхъ порядковъ, какъ въ Англии, такъ и въ Америкѣ, была уже такъ очевидна, что во Франціи вмѣсто прежнихъ отдѣльныхъ голосовъ, раздававшихся въ пользу новыхъ началъ, явилось уже довольно значительное большинство съ сильнымъ общественнымъ вліяніемъ. Вліяніе это было тѣмъ губительнѣе для стараго французскаго порядка, что губительное вліяніе послѣдняго на общее благосостояніе сдѣлалось слышимомъ очевиднымъ, и что распространеніе въ массѣ населенія новыхъ взглядовъ научило людей судить о вещахъ правдивѣе, чѣмъ это они дѣлали до тѣхъ поръ. Такимъ образомъ, новыми знаніемъ, проникнувшимъ въ массы, об-

Общамъ элементальному большинству такое развитіе, что большинство это почувствовало въ себѣ довольно силы и способности, чтобы опредѣлить самому, что ему нужно, а слѣдствительно и нужно. Подобное набывавшее движеніе должно было встрѣтиться съ принципомъ противоположнымъ ему порядкомъ, и столкновіе двухъ силъ — одной, дѣйствовавшей сверху, а другой — снизу, привело къ совершенному измѣненію всѣхъ началъ не только французскаго управленія, но и французской внѣшней политики. Съ этихъ поръ начинается для Европы новое время, называемое историками новѣйшимъ. Хотя Франція и не отдѣлилась вполне отъ своихъ прежнихъ романскихъ началъ, но новые принципы, провозглашенные ею, послужили тавою школой для народовъ континентальной Европы, что личное начало получаетъ съ этихъ поръ несомнѣнно большее до того значеніе. Изъ этому умственному развитію европейскихъ народовъ, доставшемуся имъ главнѣйше литературнымъ путемъ, присоединились еще новые идеи, выработанныя путемъ экономическимъ. Они не только расширили понятія массъ европейскаго населенія и указали строго опредѣленную цѣль ихъ стремленіямъ, но и нанесли рѣшительный ударъ прежнему направлению, служившему основой европейской политики. Во главѣ этой промышленной политики стоитъ въ Европѣ Англія.

Третье главное начало, доставшее Европу и по числу отсутствующее романскому и германскому, есть славянское *).

До сихъ поръ славяне не обнаруживали особеннаго участія въ европейской исторіи. Западные славяне были постоянно слабѣ своихъ протестантскихъ и католическихъ сосѣдей, а въ историческихъ событіяхъ слѣдовали обменно за штыцами, получивъ только умственному и матеріальному вліянію. Только въ XIX вѣкѣ начало пробуждаться въ нихъ новое національное чувство, и западные славяне сдѣлали попытку освободиться отъ чужеземнаго господства. Попытка не удалась. Точно также славяне были слабѣ романцевъ и германцевъ и въ умственномъ отношеніи. Во всемъ, что создалъ прогрессъ цивилизаціи, во всѣхъ изобрѣтеніяхъ и стиритатахъ инициатива принадлежала не славянамъ, и они только пользовались плодами, добытыми другими, болѣе передовыми народами. Былъ одинъ случай въ исторіи, когда болѣе способные изъ славянъ, чехи, подъ вліяніемъ уче-

*) Славянъ считается 78,100,000, народовъ романскихъ 78,600,000 и германцевъ 80,100,000.

ція, явившагося къ нимъ изъ Англіи, обнаружили конниту освобо-
диться отъ католической оеки, и подняли оружіе на защиту чело-
вѣческаго права думать самостоятельно, но должны были уступить
народу болѣе ихъ сильному и болѣе цивилизованному. Поляки совѣ-
щались съ Кальвиномъ о введеніи у нихъ реформациі, но Кальвинъ
усушился въ ихъ искренности и въ дѣятельной необходимости
для нихъ подобныхъ преобразованій. Между тѣмъ, принадлежа
вмѣстѣ съ романскими и германскими народами къ высшему чело-
вѣческому типу, славяне заключаютъ въ себѣ всѣ данныя для
однороднаго съ остальнымъ цивилизованнымъ міромъ прогрессивнаго
движенія. Это сознаніе своей силы, вмѣстѣ съ пробужденіемъ чув-
ства національности, создало въ славянахъ особенное настроеніе на-
роднаго духа, извѣстное подъ названіемъ панславизма. Панславизмъ
есть явленіе, враждебное политикѣ нѣмецкихъ народностей; въ немъ
выразилось стремленіе къ общности, къ соединенію славянъ въ одно
громадное цѣлое, поддерживаемое убѣжденіемъ, что всемірно-истори-
ческое призваніе славянъ заключается въ обновленіи всего европе-
скаго общества и въ сообщеніи этому дряхлому, измѣнившему тѣлу, не-
выхъ свѣжихъ силъ. Наше славянофильство есть одинъ изъ отгѣнновъ
этого направленія. — Было время, когда панславизмъ серьезно безво-
коилъ нѣмцевъ, и когда они ждали себѣ великой бѣды съ востока.
Что касается до выдуманной панславистами гнилости Запада, нуж-
дающагося въ обновленіи его свѣжими славянскими элементами, то
нелѣпость этой мысли признали уже и наши славянофилы. И въ
самомъ дѣлѣ, какой свѣжій элементъ могутъ ввести въ европейскую
жизнь славянскія племена? Какое заявили они особенное самостоя-
тельное интеллектуальное начало, изъ котораго могло бы развиться
иное мировоззрѣніе, иная наука, иное знаніе? И можетъ ли суще-
ствовать какая нибудь иная наука, кромѣ той, какую создаетъ на-
блюденіе и изученіе природы? Въ мірѣ существуетъ только одинъ за-
конъ, управляющій матеріей, и вездѣ онъ неизмѣненъ — на югѣ
и на сѣверѣ, на востокѣ и на западѣ. Въ природѣ нѣтъ особыхъ
законовъ для каждой отдѣльной національности. Всѣмъ свѣтитъ одно
солнце, всѣ дышатъ однимъ воздухомъ, всѣ человѣческіе организмы
подвержены однимъ физиологическимъ законамъ. Тотъ же, общій для
всѣхъ мѣстностей, законъ, управляющій природой, управляетъ и
людьми, не различая нѣмцевъ отъ французовъ и русскихъ отъ ан-
гличанъ. Если въ условіяхъ общежитія народы и отличались до сихъ

нефь одинъ отъ другихъ, то это происходило только отъ того, что одни знали то, чего не знали другіе. Коль скоро всѣ народы сравнятся въ знанія — у всѣхъ будутъ одни общественные принципы, и разница въ складѣ жизни будетъ заключаться не въ сущности основъ, а въ мелочныхъ приложеніяхъ ихъ къ частностямъ быта, вследствие климатическихъ и почвенныхъ условій. Поэтому участие славянъ къ дѣлѣ цивилизаціи — будетъ заключаться не въ томъ, что они выдумаютъ свою особую физіку, физиологію или политическую экономію, а въ томъ, что когда они сравняются въ знаніяхъ съ народами германскаго и романскаго племенъ, то начнутъ работать вмѣстѣ. Отъ этого выйдетъ, разумѣется, большая польза общему прогрессу, потому что соединенныя усилія трехъ народностей могутъ создать больше, чѣмъ трудъ только двухъ національностей. Этотъ экономическій законъ давно уже разъясненъ въ теоріи, и давно уже извѣстно, что матеріальное благосостояніе людей потому только и недостаточно, что не всѣ люди трудятся одинаково, и что много есть такихъ, которые живутъ трудомъ другихъ. То же самое совершается нынче и въ дѣлѣ цивилизаціи. Ее создавали только два европейскихъ племена; всѣ остальные только пользовались трудами этихъ передовыхъ племенъ, не внося съ своей стороны ни одной новой крупинки, ни одной новой истины. Отъ этого и умственное богатство, подобно экономическому, распредѣляясь между множествомъ ничего не дѣлающихъ людей, оказывалось вообще довольно скуднымъ. Но этотъ аристократизмъ, наконецъ, исчезнетъ — всѣ люди, всѣ народы принудятся за экономическій и умственный трудъ, и пойдутъ дружно однимъ путемъ развитія и прогресса, на основаніи общихъ физиологическихъ законовъ, совершенно одинаковыхъ для всѣхъ людей, безъ различія ихъ національностей и происхожденія.

Мысль о законѣ-то небываломъ гніеніи Запада и о какой-то небывалой цивилизаціи и наукѣ явилась отъ ошибочной исторической параллели, которой хотя и въ другомъ смыслѣ, но не забѣгнувъ и Гервинусъ. Тѣ, кто мечталъ объ обновленіи всего Запада, приравнивали Европу къ древнему римскому и греческому міру. Во всѣхъ историческихъ учебникахъ значится, что древній міръ палъ, и что новыя, свѣжія, нетронутыя и неоспоренныя силы, явившіяся изъ колыбели рода человѣческаго — съ востока — положили начало иной, лучшей цивилизаціи. Если это случилось тысячи полторы лѣтъ назадъ, почему же не повторится тому же самому и нынче, особенно..

если на какой-либо остаток слова подобный не оказал влияния? Не дало ли повод, что новый мир не любит равно ничего общего с миром древним, ни в области искусства, ни в характере прогресса. В древности мир, кроме цивилизованной части населения, заключавшей юг. Европы, все ее северную, обширную и восточную часть занимали варвары; кроме того, в Азии находился великий запас дикарей, так что, когда все эти массы нахлынули на Рим, то, разумеется, у него не доставало сил истребиться. Ничего подобного не представлялось наше время. Вся Европа с юга до севера и с запада до востока занята народами, считающими себя одной цивилизованной семьей, в противоположность дикарям Турции и азиатских степей. Эта цивилизованная семья представляет такую громадную массу населения, что она не испугалась бы никакого Атланта и никакого Чингиз-Хана. Военные ее средства тоже такого размера и качества, что совокупными силами дикарей всего мира не в состоянии с ними бороться. Значит, в отношении военного могущества цивилизованная Европа обеспокоена совершенно. Но если бы ее военные средства и не были бы так велики, то и в этом случае ей не пришлось бы бояться варваров, потому что их нет. Турция не только совершенно неопасна, но идет к всеобщему уничтожению некогдашнего населения. Народы, живущие в степях Азии, начиная с самых рунных татар, киргизов, башкиров и калмыков и до Ташкента и Хивы совершенно неспособны ни на какое военное предприятие. Что же будет разрушать европейскую цивилизацию, когда такая вражда совершенно не существует? Очевидно, что Западная Европа не имеет в этом отношении никакого сходства с древним миром, и если бы ей вздумалось действительно идти, даже в таком виде, как гниют щеники или опавшие листья, то могла бы не только на себя гнуть всевозможные нечесты и воинственные люди, которые бы приняла к ней перед смертью для получения наследства. Но думаем, чтобы славянофилам вступили для этого в союз с турками и калмыками, так бы богато: что до такого безобразного гниения Запада еще слишком далеко, и славяне успеют в то же время уйти на столько же кун прогресса, что едва ли найдут удовольствие входить в личные сношения с северными дикарями. Но этого мало. Великий недостаток, что умирают и спивают только отжившие люди, но новый народ не может ни умереть, ни состариться. Если цивилизация теперь не

Труднѣе всего, то что происходитъ отъ этихъ новыхъ демократическихъ и общественныхъ учрежденій, которыхъ они, по недостатку образованія, не умѣютъ понимать другими, болѣе развитыми. Эпизодомъ Барона новое не на такое нуди. Она жила и начала свое общественное житье. Истинно иеростена и симбиона, но такъ въ то время, когда она была глупа и слаба, не имѣлось ни одного Агнеллы, то завѣсть развитія жилая свое, и чужовѣческой разумъ указавъ европейцами, что у нихъ дурако и что нужно издѣлать для того, чтобы дѣла шли лучше. Въ общественной жизни Барона случалось такое, что случается съ отдаленными людьми каждый день. Если человѣкъ сделать или думать такъ, что ему неловко, то онъ старается тотчасъ же устранить неприятное, причиняющее ему боль или безпокойство, и если никакой варваръ или дикарь не придетъ къ нему для того, чтобы его выгнать изъ дому, то онъ, разумеется, сдѣлаетъ всячески себя весьма удобное и лучшее положеніе. Дрябному міру демократии найдти это новое удобное положеніе, но новому міру издѣлать было неловко, и потому онъ нашелъ время сообразить все, что было ему нужно, и въ дѣлѣ знаний ушелъ такъ далеко, что уже теперь не найдется на свѣтѣ такой дрябной силы или такого варварскаго народа, который былъ бы въ состояніи бороться съ Западомъ. Этому завѣсть знаний и новыхъ понятій, дамой цивилизованному міру такую силу даже въ настоящее время, будетъ все болѣе и болѣе увеличивать могущество и значеніе европейскихъ населеній, послѣдствіе таго процесса, который называютъ популяризацией знаний. Число знающихъ людей увеличивается съ каждымъ днемъ, и каждый таковой человѣкъ придаетъ новую силу массѣ. Если бы современныя знанія даже остановились на той точкѣ, на которой они стоятъ въ наше время, и въ тѣмъ весь прогрессъ общества заключался бы только въ томъ, что эти знанія сдѣлались бы общимъ достояніемъ, то и тогда бы образованный міръ представлялъ бы такое парадоксальное явленіе силы умственной и матеріальной, какого еще не представляло человѣчество. Въ этомъ распространеніи знаний и заключается особенность XIX вѣка, тѣмъ онъ отличается отъ всѣхъ остальныхъ временъ; но не нужно забывать, что рядомъ съ популяризацией идутъ дальнѣе и знанія, открываются и послѣдуются новыя истины, дѣлаются новыя изобрѣтенія. Никто не скажетъ, чтобы истинно просвѣщенные и образованные люди нашего времени находились въ какой-либо глупости; напротивъ, въ нихъ живетъ истинно те-

ная сила, какой нѣтъ въ дикаряхъ и въ полуобразованныхъ субъектахъ. Какимъ же образомъ можно вообразить себѣ, что вдругъ загнѣтъ весь цивилизованный міръ, когда знанія распространяются все шире и шире, когда число глупыхъ людей уменьшается съ каждымъ днемъ и когда знаніе есть единственное противогнѣлестное средство, въ чемъ читатель можетъ легко убѣдиться, обративъ вниманіе на вымирающую Турцію. Поэтому понятно, что на западѣ съ его знаніями и стремленіями къ знанію лежитъ такой громадный запасъ внутреннихъ силъ, что, разумѣется, никакому другому, менѣе образованному народу, не достанется честь лечить этого большого—если онъ болѣнъ;—а напротивъ западныя знанія обнаружатъ спасительное вліяніе на всѣ народы остальнаго міра, которые безъ этого, и работая только своимъ умомъ, не сдѣлаютъ и въ тысячу лѣтъ такого успѣха, какой, при помощи готовыхъ знаній, достанется имъ во сто лѣтъ. Такимъ образомъ ни о гнѣніи цивилизованныхъ народовъ, ни о исчезновеніи цѣлыхъ государствъ, какъ это было въ древности и въ средніе вѣка, говорить въ настоящее время нельзя; точно такъ же, какъ смѣшно отправляться въ отдаленное прошлое и сокрушаться о томъ, что, наконецъ, погибнетъ современная образованность и народы доживутъ до старости. Если это и случится когда нибудь, то, разумѣется, чрезъ такое число лѣтъ, какое, по размѣру, можно сравнить съ геологической эпохой. Намъ же, живымъ людямъ, нужно думать только о томъ, чтобы воспользоваться на свою пользу тѣми знаніями, какія существуютъ и, откинувъ самоувѣренность самодовольнаго невѣжества, спасать отъ гнѣнія себя, а не другихъ.

Распространеніе знаній въ массахъ, какъ я уже сказалъ, составляетъ особенность XIX вѣка. Прежде право мыслить и знать составляло привилегію нѣкоторыхъ, теперь оно принадлежитъ всѣмъ. Прежде литературный и ученый трудъ составлялъ замѣчательную рѣдкость, а въ наше время созданъ даже ученый и литературный пролетаріатъ. Машины, желѣзныя дороги и всѣ техническія усовершенствованія, вмѣстѣ съ литературнымъ вліяніемъ и политическими событіями нынѣшняго вѣка, распространили въ массѣ европейскаго населенія столько новыхъ понятій и новыхъ знаній, что настоящимъ двигателемъ прогресса и руководителемъ политическихъ событийъ являлось уже это нѣкогда темное и безответственное большинство. Разумѣется, мыслящая сила большихъ массъ еще не велика, но тѣмъ не менѣе она замѣтна, и будущій характеръ прогрессивнаго движенія

опредѣлялся вполне ясно. Движеніе это, въ настоящее время еще слабое, будетъ имѣть своимъ источникомъ только стихійную силу большинства и будетъ зависѣть вполне отъ тѣхъ экономическихъ и общественныхъ цѣлей, къ которымъ оно стремится. При такомъ движеніи прогресса, онъ получитъ правильный, спокойный, ровный ходъ и, разумѣется, ни въ воздухѣ, ни на землѣ не найдется такой силы, которая была бы въ состояніи остановить этотъ потокъ или измѣнить его направленіе. Все это конечно только будущее, о неизбѣжности котораго мы можемъ однако заключать безошибочно изъ настоящаго и за тѣмъ успокоиться вполне на той мысли, что прогрессъ человѣчества есть такой же неизмѣнный законъ природы, какъ и всякое развитіе другой жизни. Въ этой увѣренности нѣтъ ровно ничего новаго, и мыслящіе люди вѣрили всегда въ неизбѣжность прогресса и въ полную независимость его отъ произвола отдѣльныхъ лицъ. Если Гервинусъ въ своемъ «Введеніи,» послѣ обзора историческихъ событій, предшествовавшихъ XIX вѣку и послѣ характеристики новѣйшаго времени, дѣлаетъ выводъ о неизбѣжности прогресса и опредѣляетъ будущій его характеръ, то онъ поступилъ такъ, какъ и долженъ былъ поступить историкъ, умѣющій читать смыслъ того, что было, и по прошедшему и настоящему заключающій вѣрно о будущемъ. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы выводъ о неизбѣжности прогресса и опредѣленіе его будущаго характера долженъ былъ заключать въ себѣ ту врачевную силу, которую старались найти въ немъ нѣкоторые изъ друзей автора. — Есть люди, которые всѣмъ довольны, которые смотрятъ и не видятъ, которые слушаютъ, но не слышатъ. Есть другіе, которые чувствуютъ боль, чувствуютъ недовольство и страданіе, и успокоиваются на разныхъ метафизическихъ отвлеченностяхъ. Есть третьи, которые не могутъ найти утѣшенія въ метафизикѣ, но не падаютъ и духомъ, а гордо и съ презрѣніемъ начинаютъ относиться къ жизни и людямъ, выражая его или какъ Байронъ и Гейне, или же отворачиваются отъ жизни, не дѣлаясь аскетами. Есть четвертые, слабые отъ природы: они приходятъ въ отчаяніе и ищутъ дружескихъ утѣшеній во всякой неудачѣ. Есть, наконецъ, такіе, которыхъ историческія размышленія не только научили вѣрить въ прогрессъ, но и убѣдили въ томъ, что онъ не можетъ совершаться съ быстротой поезда желѣзной дороги. Кому изъ всѣхъ этихъ историческое утѣшеніе приноситъ пользу? — только упавшимъ духомъ; ну стоитъ ли объ нихъ такъ забо-

тись! Для всѣхъ не ожиданныхъ извѣданныхъ людей время о прогрессѣ несколько не вспоминаетъ того, чего имъ не достало въ настоящее, какъ не становится человеку зной тѣнью отъ того, что лѣтомъ будетъ жарко. Во всѣхъ странахъ и у всѣхъ народовъ умные люди, стоящіе выше общаго средняго уровня; этихъ людей будущаго не можетъ удовлетворить одно убѣжденіе, что когда-то въ обществѣ будетъ больше ума, правды и честности, чѣмъ въ переживаемое ими время. Будущее и достанется будущему, но что же въ настоящемъ? Бороться со зломъ? — хорошо, когда есть сила; но у кого она есть, кто можетъ измѣнить уровень кончатій тѣмъ, кому бы слѣдовало смотрѣть на жизнь и на людскія отношенія правильно? Историки отвѣчаютъ — время. Но вѣдь это опять будущее. А что же въ настоящемъ? По видимому, и нѣтъ выхода изъ этого очарованнаго круга, гдѣ на всякое замѣчаніе — что вотъ это глупо и безцельно, отвѣчаютъ подождите, со временемъ.. Люди честные, умные и энергическіе, сохранившіе всю нравственную силу, а непоколебимые среди, набрали во всей Европѣ, повсемѣстно, одно благое дѣло, потому что ничего другого имъ дѣлать нельзя — они посвятили себя на служеніе тому будущему, котораго никогда не увидятъ, и сдѣлались или мыслителями, или популяризаторами мысли. Но вѣдь и этому дѣлу нельзя посвятить себя всѣмъ тѣмъ, кто котѣлъ бы быть разумней общественной жизни:— прежде Кароиза не знала литературнаго пролетаріата, но въ XIX вѣкѣ онъ явился, и явился онъ не только потому, что общаа потребность знаний и умствителнссса участие въ общественныхъ дѣлахъ потребовали такое огромное число литературныхъ поденщиковъ, каждаго прежде не было нужно, не еще и потому, что есть цѣлая партія, смотрящая враждебно на этихъ людей только потому, что у нихъ довольно ума, чтобы видѣть правильно, и довольно честности, чтобы чувствовать благородно. Отъ этого значенія, которыми пользовались especially люди въ XVIII столѣтій, нѣсколько измѣнилось въ XIX-мъ, и хотя они и иначе, какъ прежде, работаютъ для той же цѣли — для общаго блага и для распространенія знаний, но съ измѣненіемъ ролей дѣйствующихъ лицъ. Тѣ, кто прежде шелъ во главѣ прогресса, и потому смотрѣлъ на нихъ, какъ на людей своего дѣла, глядять на нихъ теперь, какъ на людей дѣла иного. Ученіе о прогрессѣ и тутъ является съ своимъ утѣшеніемъ, что со временемъ этого не будетъ. Вѣримъ. Не только что выигрываютъ умные люди въ настоящемъ, когда умъ,

энергія и желаніе работать не обезпечиваютъ ни никакой дѣятельности, не возможности пользоваться ими такъ же свободно, какъ пользуются своими способностями люди менѣе знающіе и менѣе развитыя. Наши недавнія войны случались и прежде, то онѣ были менѣе замѣтны, потому что число болѣе развитыхъ людей было слишкомъ незначительно. Теперь не то. Время гонимыхъ и великихъ людей для Европы кончилось. Единственными исключеніями, явившимися въ прошедшіе вѣка, служились нынче тысячи; тогда среди вершговыхъ людей являлся одинъ аршинный великанъ, онъ выдался вътъмъ въ горахъ, но когда такіе великаны считаются тысячами, то они уже не составляютъ большой рѣдкости. А именно такихъ-то великановъ и явилось много въ недавнихъ странахъ, какъ Англія и Америка, и оттого-то и кажется, будто бы уровень человѣческихъ способностей нынче понижился. Не уровень понижился, а стало больше знающихъ и развитыхъ людей. Чтобы вырости выше низъ, въ вѣстемъ нами рѣдкѣ отношеніи, нужно, чтобы явился 16 аршинный человекъ; а это противъ закона природы. Англія и Америка считаютъ у себя сотнями государственныхъ людей, ученыхъ, литераторовъ—тогда дакъ люди этого сорта встрѣчались прежде единично. Эмерсія Колумба, Кортеса кажутся намъ чѣмъ-то громаднымъ, и въ то же время мы смотримъ равнодушно на портита Кале, Даминготона и цѣлыхъ дѣсятковъ натуралистовъ, предпринимавшихъ исслѣдованія въ страшныхъ пустыняхъ Африки. Мы благоговѣемъ предъ памятью Генриха IV, желавшаго, чтобы каждый изъ его подданныхъ имѣлъ бы въ своемъ срабъ куртку, а наступитъ скоро время, когда того же самаго будутъ желать и всѣ короли. Громадная умственная и экономическая дѣятельность, которая стала проявляться въ XIX вѣкѣ въ недавнихъ странахъ, гдѣ каждый умъ и каждая сила идутъ постоянно и непрерывно впередъ, не позволяютъ никому высочить изъ общаго ряда работниковъ вслѣдствіе закона [разложенія силъ; тогда какъ если бы работали только два три человекъ, то они, разумѣется, сильно бы выдѣлились впередъ изъ ничего недѣлающей толпы. Заканчаю словами Гервинуса. «Въ наше время, говоритъ онъ, не произведено ничего великаго и возвышеннаго отдѣльными личностями, но въ цѣломъ произошелъ дѣйствительно великій и высокій переворотъ въ общественной жизни, такъ что исторія нашего времени не можетъ представлять одни біографіи и исторіи государей, но должна представлять исторію народовъ. Движеніе въ этихъ великихъ массахъ цѣлой

части свѣта раздроблено и медленно; шестіе впередъ прорывается и затрудняется именно потому, что эти массы огромны и разнородны, но подготовительная работа идетъ далеко, и если результаты еще таковы, что могутъ привести въ умные пылкіе и нетерпѣливые умы, все-таки обѣщанія эпохи столь велики и надежны, что даже въ самыхъ робкихъ сердцахъ возбуждаютъ чувство, что наше время есть такое, въ которое стоитъ жить. Если это не время глубокой культуры, способной улучшить внутреннюю природу человѣка, то, по крайней мѣрѣ, время цивилизаціи, способствующей улучшенію внѣшняго положенія человѣчества. Энергія во всѣхъ направленіяхъ домашней жизни сообщилась также и жизни общественной. И въ ней также массы начинаютъ понимать и опредѣлять свою политику. Съ увѣренностью, которая присуща инстинкту массъ, формулируютъ онѣ свои требованія, строго соображаясь съ своими выгодами и потребностями, не смущаясь мудрствованіями доктринъ; стоятъ за свое дѣло съ простою послѣдовательностію хорошо понятаго интереса, не страшась сопротивленія и временныхъ побѣдъ своихъ противниковъ. И требованія ихъ направлены къ тому, чтобы государство заботилось главнымъ образомъ о благѣ большинства, а не меньшинства или нѣсколькихъ личностей. И эти требованія онѣ поддерживаютъ все больше, съ каждымъ днемъ, основаніями, которыхъ истина столь же очевидна для умовъ, ясно видящихъ, сколько грозна для ослабленныхъ».

Мы не думаемъ, чтобы нужно было что нибудь говорить о достоинствѣ «Введенія» и «Исторіи XIX столѣтія» Гервинуса. Мы только порадуемся, что наконецъ явилось это сочиненіе на русскомъ языкѣ и въ хорошеть переводѣ — что, не смотря на обшій переводчиковъ, у насъ еще рѣдкость — и пожелаемъ, чтобы оно нашло себѣ побольше читателей.

И. Шелгуновъ.

ПУТЛОВЪ.

О Ч Е Р К Ъ.

(ИЗЪ ОСТРОЖНЫХЪ ТИПОВЪ.)

I.

ДЕРЕВНЯ И ГОРОДЪ.

Въ одной деревнѣ, одной губерніи, еще доселѣ помятъ мальчика бойкаго, веселаго и смышленаго, жившаго тамъ когда-то вмѣстѣ съ матерью-солдаткою. Звали его Путловымъ. Смѣлость и любознательность мальчика были извѣстны не только крестьянамъ, но даже помѣщикамъ того околодка. Не было крестьянскаго мастерства, котораго бы онъ не перевялъ, не было дѣла, передъ которымъ бы онъ когда нибудь въ тупикъ сталъ. Росъ онъ въ бѣдности страшной, но грамотѣ выучился скоро и даромъ. Познакомившись съ сыномъ дьячка, онъ выпросился сидѣть съ нимъ рядомъ, когда тотъ училъ свои уроки изъ псалтыря, и скоро опередилъ своего товарища въ ученіи. Крестьяне стали носить ему читать присылаемыя имъ отъ солдатиковъ, — сыновей или родственниковъ, — письма, и мальчикъ, не затрудняясь, разбиралъ все. Всѣ въ деревнѣ его любили, такъ какъ онъ былъ самый расторопный

и услужливый малый. Въ большіе праздники хаживалъ онъ съ причтомъ по домамъ крестьянскимъ, несоблягъ дьячку раскѣ-вать молебны и собирать яйца.

— Большимъ бы ты человѣкомъ былъ, говорилъ ему дьячокъ, если бы родился баринномъ или поповичемъ. Я такого новоявленнаго и въ духовномъ училищѣ не видалъ, когда учился.

И дьячокъ начиналъ съ досады бить своего сына, довольно тупаго и крайне вялаго малаго.

— Мнѣ, дяденька, и ночи не спатси, говорилъ откровенно бойкій мальчикъ. Все мнѣ видится или большое море... и я будто плыву на кораблѣ съ большими парусами, или тѣмные большіе лѣса... и я сражаюсь съ разбойниками — и нобиваю ихъ однимъ ударомъ, или большіе города съ золотыми деревьями и золотыми крышами на домахъ, и я тамъ живу, и маменьку съ собой взялъ... Все-то мнѣ хочется скорѣе узнать, все видѣть на свѣтѣ, вездѣ перебывать... Вотъ такъ бы и полетѣлъ сейчасъ, если бы крылья...

— Можетъ быть и вездѣ будешь, замѣчалъ глубокомысленно дьячокъ, — наука всему свѣтъ.

И маленькій Путиловъ тороясь хватался за псалтырь и жадно читалъ грамоту...

Прошедши скоро всю мудрость, преподаваемую дьячкомъ, Путиловъ поступилъ въ *разсмынные подписаря* въ сельскую расправу, гдѣ, за неимѣніемъ пока серьезныхъ занятій по должности, устроилъ изъ своей особы въ редѣ живой почты: часто носилъ письма изъ села въ село, изъ сельской расправы въ волостное правленіе. Бѣгалъ онъ нерѣдко и въ уѣздный городъ, гдѣ выкупалъ письма, присылаемые изъ него крестьянъ своего села, и приносилъ ихъ для раздачи по принадлежности.

Снажутъ ему бывало: Снежанъ почта пришла! И Степанъ, какъ стрѣла, летѣлъ за 15 верстъ въ городъ, возвращаясь черезъ три, много четыре часа. Собственно говоря, городъ нравился Путилову не столько, какъ предметъ путешествія за письмами, сколько тѣмъ, что онъ былъ больше села, въ немъ было больше домовъ, церквей, улицъ и людей; тамъ текла большая рѣка, съ высокими, обрѣшными дремучимъ лѣсомъ, берегами, а по ней, съ распущенными парусами, неслись большія суда куда-то вдаль... и пропадали...

Когда черезъ годъ писарь сельской расправы за пьянство былъ выгнанъ, то Путилловъ, какъ зарекомендовавшийся человѣкъ, безъ труда уже занялъ его мѣсто, не смотря на свои 11 лѣтъ. Тутъ открылось ему довольно широкое поле для занятій и кипучей дѣятельности... Онъ получилъ въ полное распоряженіе шкафъ сельской канцеляріи, въ которомъ съ жадностію перечиталъ все, начиная отъ печатныхъ книгъ: «Наказы сельскимъ расправамъ» и «Уставы сельскаго благоустройства» и кончая разнѣчными сельскими распоряженіями и судебными дѣлами... Кругозоръ его мгновенно расширился. Онъ пересталъ уже справлять почту, но письма читалъ всѣмъ охотно, хотя денегъ за чтеніе ужь не бралъ. Скоро новый писарь сельскій такъ хорошо изучилъ свою грамоту, что въ 12 лѣтъ заправлялъ ужь вполне неграмотнымъ сѣдобороднымъ старшиномъ... Между тѣмъ подошло требованіе его, какъ кантониста, въ военное заведеніе. И вотъ въ одно прекрасное утро Путилловъ исчезъ изъ села носомъ слезъ и причитаніемъ жалующихъ его поселянъ. Не хотѣлось ему въ заведеніе, но дѣлать было нечего. Онъ соображалъ ужь свои виды на этотъ счетъ, который чрезъ три года и привелъ въ исполненіе. Онъ бѣжалъ изъ заведенія, гдѣ ему слѣдно не понравилось. Его на дорогѣ еще успѣли поймать и вернуть въ заведеніе. Путилловъ воротился, но чрезъ два года изломился-таки и убѣжалъ такъ, что о немъ больше не было и помину.

II.

ПЕРВЫЕ УРОКИ.

Явившись въ деревню къ матери, Путилловъ долго скрывался въ домѣ ея и никому не показывался. Наконецъ въ вѣдѣнное правленіе поступила нѣкая ученица, въ которомъ онъ учился, бумага и бѣглеца признано было сиватить. Путилловъ въ страхѣ оставилъ родной домъ и нѣсколько времени скрывался въ сосѣднемъ лѣсу, откуда по ночамъ прихо-

диль къ матери и ночевалъ у нея. Вѣсть объ этихъ ночныхъ прогулкахъ разнеслась однако по околожку, и бѣглець долженъ былъ прекратить ихъ. Тогда лѣсной жидецъ вырылъ себѣ яму, прикрылъ ее въ родѣ шалаша хворостомъ и соломой и сталъ дѣлать оттуда вылазки за пищу въ сосѣднія села и деревни. У одного стянетъ хлѣбъ печеный изъ стѣней, у другаго муки и масла, у третьяго горшокъ молока. Пропажамъ дивились, но вора не находили. Наконецъ въ одномъ погребѣ онъ попался одной бабѣ на мѣстѣ преступленія и успѣлъ убѣжать потому только, что вздумалъ подшутить надъ бабой, и вылилъ ей украденное кислое молоко на голову... Не было больше недоумѣній на счетъ личности вора, и Путилова порѣшили поймать и представить начальству. Становой прошелъ съ мужиками лѣсъ, безъ труда отыскалъ проказника и, связавъ его мочалами, отправилъ въ острогъ. Начался судъ да дѣло, и потянулась исторія на пять лѣтъ, — что и дало возможность Путилову взять первые уроки у острожныхъ по части самыхъ разнородныхъ преступленій...

Сообразивъ все, какъ слѣдуетъ, Путиловъ скоро убѣдился, что не пропадетъ въ тюрьмахъ, если придется ему тамъ побывать. Между тѣмъ въ острогѣ случались безпорядки... Путиловъ оказался однимъ изъ главныхъ героевъ бунта и лицомъ въ грязь не ударилъ себя передъ своими учителями...

— Да, братецъ, ты молодець будешь, одобрительно говорили ему искушенные въ бояхъ арестанты послѣ того, какъ ихъ усмирили и выпороли.—Въ тебѣ будетъ прокъ.

У Путилова кровь стучала въ вискахъ отъ удовольствія при похвалахъ, и онъ нетерпѣливо ждалъ случая отличиться еще болѣе.

Случай скоро представился. Послѣ возмущенія арестантовъ въ уѣздномъ острогѣ началось, какъ извѣстно, новое дѣло. Возмущившихся сочли очень опасными преступниками и, за ненадежностію уѣздной тюрьмы, перевели въ губернской острогъ. Дѣло потянулось еще на нять лѣтъ, и прилежный ученикъ здѣсь довершилъ свое образованіе въ наукѣ преступленій. Онъ приобрѣлъ тутъ сноровку и изворотливость, необходимую для промысла; изучилъ основательно всѣ *художества*, начиная отъ отмычки замковъ, поддѣлки паспортовъ, вырѣ-

зыванія фальшивыхъ печатей... и кончая чеканомъ монеты и печатаніемъ фальшивыхъ ассигнацій...

Съ дороги въ Сибирь, куда Путиловъ былъ отправленъ по приговору суда, онъ легко бѣжалъ, и два года потомъ гулялъ на свободѣ, переходя отъ преступленія къ преступленію. На третій годъ Путиловъ очутился снова въ острогѣ, но не какъ уже ученикъ, а какъ мастеръ своего дѣла...

III.

ТОРНИЯ ДОРОГИ.

Два часа по полуночи. Сильный осенній дождь лилъ, какъ изъ ведра, и однообразно стучалъ въ желѣзную крышу острога. Вѣтеръ со свистомъ врвался въ люки острожного дома и, своимъ назойливымъ шумомъ будилъ безпокойную мысль Путилова... Всюду темнота необъятная, такъ что часовой, стоявшій у острога на караулѣ, не могъ разсмотрѣть человѣка даже на полъ-аршина. Облака, низко спустившись надъ землею и мѣшаясь съ городскимъ тяжелымъ воздухомъ, неслись стѣною надъ кровлею острога. Острожные спятъ; стража острожная тоже дремлетъ, убаюканная мѣрнымъ стукомъ дождя въ окна и крышу... Ночники тускло горятъ кое-гдѣ по угламъ, и слабое мерцаніе огонька едва борется съ мракомъ осенней ночи. Не спитъ одинъ Путиловъ и торопливо допиливаетъ желѣзный пруть у своей двери. Изрѣдка взвизгиваетъ его пила, но свистъ ея, заглушаемый шумомъ вѣтра, не слышенъ постороннему. Наконецъ толстый желѣзный пруть переплелъ, и Путиловъ, свободно пролѣзши сквозь дверь, гуляетъ не стѣсняясь по корридору острожному. Нисколько не затрудняясь, смѣло и равнодушно подошелъ онъ къ церковной двери и, искусно выдавивъ окно надъ нею, чрезъ пять минутъ очутился уже въ церкви острожной. Кругомъ молчаніе... Зажегши восковую свѣчку отъ неугасимой церковной лампадки, Путиловъ от-

ворилъ двери алтара и вошелъ въ нихъ не дрогнувъ. За тѣмъ снялъ пелены съ престола и жертвенника; взялъ серебряную чашу съ дароносицею и положилъ за пазуху... Два коня, служащія при священнодѣйствіи для выниманія частицъ изъ престола, пособили ему разломать церковную денежную кружку... При тускломъ свѣтломъ огаркѣ Путиловъ пересчиталъ спокойно деньги на коврѣ, отобразъ серебро въ одну кучу, мѣдъ въ другую, бумажки въ третью и нѣсколько золота въ четвертую. Изъ всей этой добычи, золото, бумажки и серебро поступили въ его распоряженіе, а мѣдъ благополучно возвратилась въ кружку, какъ металлъ, слишкомъ ничтожный для вознагражденія за опасности...

Вдругъ въ острогѣ поднялась тревога. Ближній къ церкви часовой замѣтилъ въ ней, передвигавшійся съ мѣста на мѣсто, огонь, и далъ знакъ къ тревогѣ. Казалось бы, гибель смѣльчака была неизбѣжна. Но Путиловъ давно уже оградилъ свою безопасность, и съ перваго же шага своего въ церковь, сообразивъ обстоятельства дѣла, поторопился приставить къ паникадилу найденную въ церкви лѣстницу, употреблявшуюся обыкновенно для зажиганія сего паникадила въ большія праздники. При первомъ же шумѣ слышанной имъ тревоги, онъ приперъ покрѣпче дверь церкви изнутри, потушилъ свой огарокъ, и мигомъ, вскочивъ по лѣстницѣ на паникадило, оттолкнулъ лѣстницу на полъ, и за тѣмъ по цѣпи, на которой висѣло паникадило, бойко взобрался въ куполъ церковный. Пока съ трудомъ отворили двери церковныя, и пока, отыскивая съ фонарями и факелами вора въ церкви, лазили подъ престолъ, жертвенникъ и даже въ трубы печныя, Путиловъ, выгѣвъ въ это время чрезъ люкъ купола на крышу, и по водосточной трубѣ благополучно и невредимо спустился на землю, а чрезъ полчаса былъ уже далеко отъ острога.

IV.

СИБИРЬ.

Широки и глубоки рѣки Сибири, тѣнисты могучія лѣса ея! Много чудеснаго слышался Путиловъ о ея диковинкахъ: о горахъ, упирающихся въ облака, о множествѣ птицы, которая такъ жирна, что ее ловить рукавицами, о золотой и серебряной рудѣ, которую черпаютъ черпаками изъ земли... и т. п. Заманчивою показалась эта даль Путилову, и онъ рѣшился побывать въ ней. Одѣвшись зажиточнымъ человекомъ, повѣреннымъ по дѣламъ богатаго купца, онъ съ однимъ индѣйцемъ, сплавлявшемъ плоты свои до Саратова, въ качествѣ компаніона дорожнаго—на половинныхъ расходахъ, лишь отправился на почтовыхъ въ Сибирь. Въ дорожной купца значилось: «съ будущимъ», и вотъ подъ именемъ этого-то «будущаго» Путиловъ врасплохъ, безъ всякаго предъявленія письменныхъ видовъ, добѣхалъ до обѣтованной земли. Дорогую своимъ небывалымъ разсказами объ успѣшности торговыхъ операций онъ поселилъ въ купца большое уваженіе къ своей особѣ, такъ что тотъ, развѣся уши, удивлялся только его уму...

— Я въ Сибирь, говоритъ онъ, ѣду по нѣкоторымъ важнымъ оборотамъ одного богатаго саратовскаго купца, и съ временемъ мы обдѣляемъ съ нимъ миллионное дѣльце.

— Въ чемъ же это дѣльце-то? Нельзя ли сказать, приставажь купецъ, разглаживая свою большую, чуть не до пояса, бороду.

— Это держится пока въ большомъ секретѣ... Потому дѣло торговое, ты самъ смякай... Могутъ отбить, предупредить, подставить какънибудь ногу!..

— Понимаемъ. Это истинная рѣчь. Дѣло знаемое.

— Да, а дѣльце должно удалиться.

Отъ 1.

Дорогою Путиловъ въ подробности распросилъ купца о Сибири, о людяхъ тамъ живущихъ, т. е. какой тамъ больше народъ: простой или плутоватый, какъ подмосковный?

— Очень простой, отвѣчалъ купецъ. Люди дѣла на слово уѣлаютъ. У насъ съ бумагами и слышать не хотятъ возваться. Такъ ужъ значить заведено искони.

— Да эдакихъ я больше люблю, говорилъ Путиловъ. Душа значить, какъ есть видна, на распахку...

— Именно.

— Стало быть жить будетъ можно, соображалъ Путиловъ, и наматалъ всё рассказы простодушнаго сибиряка на усь.

И дѣйствительно, прибывши въ Сибирь, онъ долго и свободно гулялъ по этой землѣ, перебивалъ во многихъ городахъ, пересмотрѣлъ много людей, и наконецъ на Ирбитской ярмаркѣ, распахнувшись чисто по-сибирски, спустилъ всё деньги, которые добывалъ разными путями... Туда, сюда: пытался перехватить,—не дають, надуть—не поддаются. Народъ все прощальныя: изъ Москвы, Петербурга, Нижняго Новгорода, Риги. Сами смотреть въ карманъ другому.

— Дрянъ народишко на этой ярмаркѣ, думалъ Путиловъ. Это дѣло хоть совсѣмъ наплевать выходить. Надобно подумать.

И вотъ въ одинъ вечеръ онъ подкараулилъ мѣняла, возвращавшагося въ сумерки съ мѣшкомъ денегъ домой.

— Эка подумаешь: своя-то ноша какъ не тяжела! заговорилъ онъ съ купцомъ. Много добра, значить, не надобѣсть.

— Чаво ты любезнѣйшій примазываешься ко мнѣ, заговорилъ мѣняла?

— Да я такъ, значить, самъ съ собой разсуждаю. На языкъ вѣдь пошланы нѣтъ.

— Не о чемъ разсуждать-то.

— Какъ не о чемъ? человекъ разумомъ одаренъ, на что же онъ ему и данъ, какъ не разсуждать.

Купецъ поверотилъ въ переулочъ, Путиловъ за нимъ.

— Вздорные люди, которымъ нечего дѣлать, тѣ разсуждаютъ только, не хотя процѣдилъ мѣняла и отвернулся. Отъ того они ничего и не имѣютъ.

— Не богатъ да славетъ, тотъ же баринъ.

— Чаво?

— Отъ совы не родятся соколы.

— Ну такъ что жъ?

— Да ничего; говорю: а кто не разсуждаетъ, такъ тотъ развѣ богаче бываетъ?

— Вещь понятная! дѣломъ занять, благосостояніе свое создаетъ.

— Ну братъ, стоячая веда и плѣснѣеть. А вотъ у кольца, такъ нѣтъ конца. Кругло, повщешь не деберешься ничего.

— Ну что жъ? И мѣняла взглянулъ на Путилова во всю шарину своихъ глазъ.

Путилову того только и хотѣлось. Онъ мгновенно всадылъ въ нахъ цѣлую горсть припасеннаго табаку. Кучкина ухватился за глаза и разинулъ было ротъ кричать, но Путиловъ всадылъ ему новую горсть табаку въ ротъ, и тотъ только заблѣялъ, какъ овца.

— Что братъ? познай, что счатиѣ и несчатиѣ на одномъ конѣ ѣздить, проговорилъ Путиловъ, и былъ таковъ съ мѣнякомъ денегъ, брѣвненныхъ мѣнялою на-земь...

Скоро однако ему не посчастливилось, и онъ попался въ острогъ.

V.

КОШКЪ ИГРУШКИ, А МЫШКЪ СЛЕЗКИ.

Путиловъ порядочно таки соскучился бродяжничать и, прибывъ на новое мѣсто жительства, рѣшился отдохнуть немного. И вотъ онъ въ острогѣ спитъ по цѣлымъ суткамъ, и никто его не тревожитъ.

Прошелъ мѣсяцъ, прошелъ другой, и Путиловъ отдохнулъ; пора было собираться въ путь. Передъ глазами его постоянно шагадъ вооруженный часовой. Въ дверяхъ камеры арестантской было небольшое отверстіе съ маленькой рѣшоткой, черезъ которое часовые обыкновенно наблюдаютъ за арестантами.

Путиловъ долго и съ намѣреніемъ мучилъ часоваго, совершая въ виду его разныя чудеса. То, напримеръ, закуритъ папиросу, Богъ знаетъ откуда доставши для этого табаку, то будто зарѣжется ножомъ, неизвѣстно откуда взятымъ, и упадетъ на полъ за-мертво, и потомъ, снова воскреснетъ... и т. п. Часовой то и дѣло безуспѣшно докладывалъ объ этомъ по начальству, и наконецъ усталъ отъ безсильныхъ попытокъ. Да и неумудрено. Система прятанія вещей преступниками въ камерахъ осторожныхъ до того утончена, что для того, чтобы противодействовать ей вполне, нужно посидѣть для этого нарочно лѣтъ пять въ острогѣ и изучить основательно эту грамоту такъ, какъ изучилъ ее Путиловъ... Наконецъ часовой, смѣнявшійся съ караула, рассказывалъ исторію дѣяній Путилова товарищамъ своимъ въ такомъ диаволинномъ видѣ, что тѣ только рты разинули; разумѣется, не забывъ наугайный и преувеличить все въ пятеро, какъ всегда это бываетъ отъ страха, по пословицѣ: у страха глаза велики. Кстати же часовой былъ и новичекъ...

Путиловъ этого и добивался. Расчетъ его былъ очень вѣренъ... На новой смѣнѣ явился новый часовой, котораго нужно было также проучить, чтобы и онъ не помѣшалъ дѣлать проломъ. На этотъ разъ часовой былъ не изъ молодыхъ, и когда Путиловъ сталъ крошить ножомъ табакъ въ виду его, то онъ и не шелохнулся съ мѣста.

— Вотъ что! подумалъ Путиловъ. Да ты братъ изъ травленыхъ. Погоди же!

Вынувъ изъ за ремней кандаловъ пороховницу, онъ насыпалъ кучку пороху на полъ и зажегъ. Трескъ, мгновенное сильное пламя и густой, наполнившій камеру, дымъ заставили дрогнуть часоваго.

— Горимъ, горимъ, вскричалъ Путиловъ, и оторопѣлый часовой бросился докладывать дежурному офицеру.

Пришли, обыскали; въ острогѣ не было и признаковъ пожара. Дозорецъ, слышавшійся о демонской силѣ арестанта, положилъ наконецъ, что онъ отводитъ имъ всѣмъ глаза и вѣронтно одинъ изъ тѣхъ колдуновъ, которые напускаютъ воду въ комнату, такъ что присутствующіе будто тонуть, тогда какъ воды ничуть не бывало, — обращаются въ штырь, об-

той, въ рожны сѣна и т. под... Потому порѣшилъ онъ, что бы не дѣлать колдунъ-арестантъ, лучше ничему не вѣрить и не обращать ни на что вниманіе. Вслѣдствіе этого стражъ началъ солидно расхаживать взадъ и впередъ предъ камерою Путилова и, съ чувствомъ разгадавшаго тайну, насмѣшливо поглядывалъ на его работу, приближавшуюся къ концу съ помощію извѣстнаго уже намъ ножа. Путилову того только и хотѣлось. Кончивъ въ полночь работу свою, и нрѣзавъ въ ленты матрацъ, онъ спустилъ изъ пролома сдѣланную изъ матраца веревку, конецъ которой прикрѣпилъ къ ножкѣ кровати.

— Прощай братъ, обратился онъ къ часовому.

— Прощай, проговорилъ часовой, смѣкая про себя: нѣтъ ужъ не дадуешь теперь, какъ ни отводи глаза.

— Не поминай меня лихою, если тебѣ немного поколотятъ за меня спину.

— Ладно! отвѣтилъ часовой.

— Когда я уйду отсюда, такъ ты братъ не сказывай скоро начальству объ этомъ, а то я не успѣю убѣжать подальше отъ острога.

— Ладно! говорилъ часовой. За чѣмъ сказывать?

— Не хотѣлось бы тебя вводить въ непріятность, да что дѣлать? Такъ пришлось.

— Какая непріятность! ничего.

— Ну все-таки неловко, когда эдакъ достанется на кашу.

— Пустяки. Не стоитъ и вниманія.

— А какъ пустыни, такъ и казнить нечего.

И Путиловъ сталъ собираться въ дорогу. Часовой равнодушно смотрѣлъ на сборы, какъ на комедію, давно уже имъ разгаданную.

— Ты не слышалъ: какой билъ часъ?

— Недавно было двѣнадцать.

— Ну пора значить,—самое время. Какъ ты думаешь?

— Да, время—улыбнувшись, отвѣтилъ часовой.

— На память я дарю тебѣ мое черное бѣлье. Съ собой не стоитъ брать, и тяжело, и не за чѣмъ. Добуду другое.

— Спасибо.

— Прощай меня возьмишь. Я вотъ кладу его подъ кровать.

— Олышу. Много благодаренъ за расположеніе.

— Больше бы братъ подарилъ за твою судьбу, да нѣтъ теперь ничего. Когда будетъ случай, можетъ быть и отплату.

— Ладно! сдѣлаемся.

— Ну, я лѣзу, говорилъ Путиловъ, спустивъ уже ноги чрезъ проломъ наружу.

— Лѣзы!

— Ты стрѣлять вѣдь въ меня не будешь?

— За чѣмъ стрѣлять!

— Ну спасибо, братецъ.

— Не на чѣмъ.

— Такъ до свиданья.

— Съ Богомъ!

Путиловъ благополучно, въ виду часоваго, спустился чрезъ проломъ на землю, а проводившій его глазами опытный стражъ продолжалъ мѣрно расхаживать предъ пустой камерой.

VI.

ТУРКИ.

Въ одномъ большомъ уѣздномъ городѣ живутъ по преимуществу купцы. Странники, проживали, бродяги—богомольцы, странствующие греки и монахи постоянно проживаютъ въ этомъ городѣ, и всегда на счетъ простоты купечества... Случилось сюда завернуть и Путилову. Онъ давно, но рассказамъ, слышался объ этой чертѣ жителей мирнаго, глухаго города—и приготовился воспользоваться ею.

— Тутъ и думать нечего, говорилъ онъ. Самъ звѣрь на лодца бѣжить.

И онъ изловчился.

Вечернее солнце собиралось спрятаться за горы. На золотыхъ крестахъ церковей догорали красные лучи заходящаго солнца. Купеческое семейство въ саду, подъ тѣнью ливъ, пило чай и закусывало печеными кулебяками домашнего приготоленія. Монахъ-странникъ рассказывалъ о нападеніи на Іеру-

салмскіе монастыри турокъ. То былъ Путиловъ. Онъ уже три дня живеть въ этомъ домѣ, ѣсть, пьеть даромъ въ волю, и кромѣ того по цѣлымъ днямъ бродить по городу, собирая съ кружкою рубли на христіанскіе монастыри въ Турціи... Собственно говоря, эти мелкіе сборы для него вздоръ, но ему хотѣлось видѣть людей, посмотрѣть хорошенько городъ, побывать въ семействахъ, присмотрѣться поближе къ нравамъ и обычаямъ, попробовать людей и послушать ихъ рѣчь велемудрую...

— Такъ ты говоришь, честной отецъ, спрашивалъ купецъ хозяинъ, что нехристи турки курятъ трубки въ нашихъ святыхъ монастыряхъ?

— Курятъ.

— И ходятъ въ шапкахъ?

— И въ шапкахъ ходятъ. Но это бы еще ничего, а то и на лошадяхъ ѣздятъ по храмамъ.

— Ужели на лошадяхъ? И испугъ, смѣшанный съ удивленіемъ, изобразился на лицахъ слушающихъ.

— На лошадяхъ!.. Лошади у нихъ эдакія маленькія, арабскія. Въѣдитъ на ней верхомъ въ церкву, во время богослуженія, и собираетъ съ cadaго молящагося по рублю сер., а съ монашествующихъ по два.

— Скажите!..

— А то говорить сейчасъ богослуженіе прекращу и церковь запру.

— Экое удивленіе...

— Вотъ монахи ужъ и расплачиваются за молящихся, потому что гдѣ же взять, иному бѣдному богомольцу, или христіанскому крестьянину рубль сер.?

— Экіе нехристи! И отчего это ихъ не побѣдятъ?

— Богу такъ угодно. Имъ бы тогда нечѣмъ было жить и они бы съ голоду померли, какъ мухи. Страна ихъ одинъ камень, ни сѣять, ни жать; а во-вторыхъ для доброхотныхъ подателей въ Россіи не было бы мѣста благочестію, не на что бы было жертвовать, и душу свою спасти...

— Точно, — и то правда.

— Не было бы и монашествующимъ дороги по Россіи: трудъ вся, ходить пѣшкомъ и собирать выкупъ отъ турокъ.

— Точно и это.

Въ полночь того же дня, Путиловъ, давно ознакомившійся уже съ расположеніемъ дома, приперъ комнаты, гдѣ спали семейные, внутренними замками и забрался въ кабинетъ купца. Кованный сундучекъ, въ которомъ заключалась вся казна хозяина, стоялъ у изголовья его кровати. Приготовленнымъ напередъ топоромъ, Путиловъ, взломавъ сундучекъ, выбиралъ деньги.

— Что ты, что ты дѣлаешь, честной отецъ, вскричалъ купецъ, поднимаясь съ постели?

— Это на турокъ, отозвался Путиловъ.

— Всѣ деньги-то?

— Да вѣдь и ихъ много, — не одинъ!.. Съ этими словами онъ засунулъ въ ротъ купцу большой платокъ, завязавъ руки навадъ приготовленною веревкою и привязавъ его къ кровати ногами. За тѣмъ въ виду его переодѣлся въ купеческое платье, а свое повѣсилъ на гвоздь, на которомъ висѣлъ хозяйскій нарядъ, и благополучно выбылъ изъ дома, самъ себя отворивъ всѣ внутренніе выходы.

До утра пролежалъ купецъ на полу, и когда наконецъ все открылось, Путиловъ далеко ужъ былъ въ дремучемъ лѣсу, окружавшемъ городъ, а скоро на деньги купеческія безбѣдно ѣхалъ по дорогѣ въ Кіевъ, откуда намѣревался быть и въ Одессѣ.

VII.

Ч у д о .

На этотъ разъ Путилову однако недолго пришлось быть на свободѣ. Ограбивъ въ лѣсу ѣхавшаго на ярмарку купца, онъ попался въ нлѣнь крестьянамъ, успѣвшимъ окружить лѣсъ, въ которомъ скрывался Путиловъ, и тѣ представили его въ мѣстный уѣздный острогъ. Отсюда, по вѣдкости острога, назначено было отправить его, какъ извѣстнаго уже

въ этой мѣстности преступника, въ губернской острогъ надъ строжайшимъ карауломъ. Наряжены офицеръ и два солдата для его проводовъ. Путиловъ не дремалъ. Занявъ у товарищей острожныхъ пять руб. сер., онъ начертить, давша известныи ему, ходячии въ острогакъ рецептъ въ аптеку объ отпускѣ мышьяку, и подписавъ его подъ руку мѣстнаго военнаго доктора. Потеркъ руки этого доктора онъ снялъ съ аптекарскихъ сигнатурокъ, уносимыхъ обыкновенно арестантами изъ острожныхъ лазаретовъ, въ которыхъ они лечатся. Жидъ факторъ, исправлявшій за послынную плату всякия комиссиі острожныхъ, досталъ ему изъ аптеки по этому рецепту мышьяку, и получилъ за это въ награду четыре рубля.

На дворѣ июльскіе жары. Этапная подвода медленно тащится по столбовой дорогѣ. Въ воздухѣ не шелохнется. Раскаленная солнцемъ дорожная пыль стоитъ столбомъ надъ дорогою и докучливо лѣзетъ въ ротъ и носъ путникамъ. Конвойные; предше съ Путиловымъ позади офицерской подводы, те и дѣло остававлялись черпать въ солдатскую жестяную фляжку воду; чтобы утолить жажду. Приближались къ известному холодному роднику, о которомъ конвойные еще за пять верстъ заговорили съ нетерпѣніемъ. Путиловъ хвалилъ родникъ и говорилъ, что знаетъ его хорошо, такъ какъ въ немъ была икона, при чемъ совѣтовалъ конвойнымъ не пить дрянной теплой воды, встречаемой по дорогамъ, и дожидаться родниковой.

Жажда конвойныхъ растетъ. Офицеръ тоже попросилъ пить; кучеръ давно уже томился жаждою. Конвойные, со словъ Путилова, рекомендовали подождать родника. Офицеръ и кучеръ согласились.

— И чудная только вода въ этомъ родникѣ, говорилъ Путиловъ конвойнымъ; чѣмъ больше пьешь, тѣмъ больше хочешь — и здравъ бываешь.

— Будто?

— Ей-богу. Я слыхалъ, что трижды въ годъ приходитъ къ нему изъ церкви икона, и плаваетъ долго, долго....

— Ужамъ?

— Право. Но вотъ что чудно. Послѣ каждаго ея плаванія въ родникѣ, вода дѣлается содовою.

— Врешь?

— Провалиться мѣ, если вру. И что еще чуднѣе: почернунутая въ чашку вода ростеть.

— Ужели ростеть?

— Такъ-таки и ростеть. Вотъ, примѣрно, дай я покажу тебѣ на фляжкѣ, какъ она ростеть.

Конвойный подалъ Путилову фляжку, прикрѣпляемую обыкновенно къ ремню.

— Вотъ, ты напримѣръ зачерпнешь въ нее воды на два пальца не до краевъ. Посмотришь, чрезъ пять минутъ вода выростеть до верху.

— Ври больше.

— А вотъ самъ увидишь.

При этихъ словахъ Путиловъ всыпалъ ловко мышьякъ въ фляжку и, закупоривъ крышкою, возвратилъ ее по принадлежности.

Наконецъ путники у родника, гдѣ рѣшились сдѣлать небольшой отдыхъ. Конвойный зачерпнулъ въ фляжку воды на два пальца не до краевъ. Путиловъ совѣтовалъ подождать минутъ пять, чтобы видѣть, какъ будетъ расти вода. Жажущіе ждали, вода не поднималась, но мышьякъ растворялся: Путиловъ говорилъ, что вѣрно конвойный позабылъ перекреститься, когда черпалъ воду.

— Не перекрестился вѣдь?

— Нѣтъ.

— Ну отъ того и не ростеть.

Рѣшились однако выпить фляжку и потомъ произвести новый опытъ надъ водою.

— Дрянъ какая-то, говорилъ кучеръ, вытягивая жадно третью отъ фляжки крышку, которою разливалась вода. Конвойные повторили слышанное отъ Путилова о плаваніи иконы въ родникѣ, и рѣшили, что вѣрно недавно она плавала въ немъ.

— Вѣрно недавно, отозвался Путиловъ.

Офицеръ, вытянувъ залпомъ четыре крышки, сквозь зубы процѣдилъ: что за мерзость такая! Путиловъ не пилъ, скромно отзываясь, что подождетъ и напѣется послѣ нея.

Мышьякъ подѣйствовалъ скоро, и чрезъ полчаса четыре жертвы безъ чувствъ лежали у ногъ Путилова.

Отащивъ обезцвѣтившихъ за-мертво въ оврагъ и одѣвшихъ въ офицерское платье, Путиловъ распрягъ лошадь, сѣлъ на нее верхомъ и большимъ бараномъ поѣхалъ по дорогѣ, только не столбовой...

VIII.

СТАРАЯ ПѢСНЯ.

Всаднику безъ денегъ продолжать путь было нельзя, и вотъ онъ въ тотъ же вечеръ, пока не огласился его побѣгъ въ этой мѣстности, явился къ жиду Ицкѣ занять денегъ, написавъ предварительно въ дорожной корчмѣ въ родѣ довѣренности отъ эконома графа Б... къ ростовщику.

Дорожная лошадь, вся въ мылѣ, пришпоренная всадникомъ, бойко подкатила къ жилищу еврея. Жидъ напередъ потиралъ отъ удовольствія руки, завидѣвъ гостя-просителя.

— Здравствуй, честной господинъ, проговорилъ Путиловъ, крѣпко пожимая руку еврея.

Жидъ ослабилъ.

— Много милости, пане высококоментый.

— Ты меня, можетъ быть, не знаешь, любезнѣйшій, проговорилъ Путиловъ?

— Не имѣемъ высокаго счастія, отвѣчалъ жидъ, изгибаясь въ дугу.

— Я новый управитель имѣнія графа Б... Вчера только приѣхалъ изъ Петербурга. Намъ съ тобою придется жить въ ладахъ. Иногда случится перехватить деньжонокъ. Ты, вѣдь, чай былъ пріятелемъ съ прежнимъ-то управителемъ?

— Оценно хорошій былъ человекъ.

— Мнѣ на первыхъ порахъ встрѣтилась необходимость въ деньгахъ. Нужно переслать графу въ Петербургъ 800 руб. сер. Надѣюсь, ты, достопочтеннѣйшій, не откажешься ссудить на ведѣлю, ади на двѣ этой суммой? Вотъ довѣренность отъ

экономъ, а въ дощгайтъ и уплатѣ 20 процентовъ съ рубля я напишу сейчасъ росписку.

Жидъ сѣлъ отъ 20 процентовъ и, пробѣжавъ бѣгло довѣренность, дрожащею рукою отсчиталъ 640 руб. сер., вычтя впередъ и проценты. Путиловъ написалъ росписку въ полученіи 800 руб. сереб. для экономіи и просилъ жиду явиться за полученіемъ долга, чрезъ двѣ недѣли въ экономическую контору.

— Смѣю узнать вашу чинъ, высокородный пане? спросилъ жидъ.

— Штабсъ-капитанъ.

— Высокій чинъ, говорилъ жидъ, изгибаясь змѣей.

— Да, — ничего.

— А фамилія, смѣю спросить? Не разберу что-то на бумагѣ. Глаза плохи. И жидъ сталъ протирать свои мѣдныя очки.

— Обдуваловъ.

— А! хорошая фамилія, льстилъ жидъ.

— Ничего себѣ.

— У меня былъ знакомый одинъ Обдуваловъ, когда я торговалъ въ полку въ турецкую войну, — высокаго чина: поручикъ, но тотъ былъ совсѣмъ дурной человекъ.

— Почему же?

— Не отдавалъ деньги.

— Ну, это не хорошо!.. Хотя онъ и поручикъ, а не хорошо.

— Оценно не хорошо, говорилъ жидъ, видя въ новомъ управляющемъ человекѣ строгой нравственности въ отношеніи уплаты...

— Долги надобно непременно уплачивать, особливо честнымъ евреямъ. Русскому можно иногда и не заплатить, потому что тотъ легко ихъ наживаетъ, ну а еврей, сколько мнѣ извѣстно, всегда потомъ и трудомъ наживаетъ копейку.

— Большимъ, — оценно большимъ трудомъ, говорилъ жидъ, осмѣляясь и въ умилени склонявъ черную и шаршавую свою голову на бокъ.

— Я знаю это.

— Нельзя ли, пане именитый, кланяться жидъ, прибавилъ

еще 5% на мои денежки. Трудомъ большимъ достались они... Вы такой человекъ хорошій...

— Можно, изволь, отвѣчалъ Путиловъ. Въ этомъ я не постою. Какъ приѣдешь за расчетомъ, я распоряджусь по конторѣ...

— Какой вы хорошій человекъ, высоковельможный пане, говорилъ чуть не ползая у рукъ Путилова жидъ, въ полной увѣренности обирать подобнымъ образомъ почаше новаго управляющаго, такого хорошаго человека...

— Ну, почтеннѣйшій, прощай!.. какъ тебя?..

— Иццо Абрамовичъ.

— Честнѣйшій Иццо Абрамовичъ! Надѣюсь, будемъ друзьями.

— Много милости, вельможный пане!.. И жидъ поды руни вывелъ Путилова изъ своего жилища и посадилъ на лошада, подставивъ свою спину вмѣсто стремянъ...

— До свиданья на томъ свѣтѣ! воскликнулъ Путиловъ и, давъ шперы коблю, мигемъ исчезъ изъ глазъ кланлившагося въ дорогу жидка...

Жидъ не понявъ послѣдней фразы Путилова и возвратившись въ свою кату, на листкѣ бумаги сталъ высчитывать на ранданомъ будущій капиталъ, каковой онъ изъ 25% съ рубля составилъ отъ займовъ новаго управителя, очевидно хорошаго человека.

— Кладъ Богъ послалъ! кладъ, мысленно твердилъ жидъ; обращая глаза къ небу и, отъ избытка чувствъ, потирая руки чуть не до красноты и ошуденъ...

Въ ту же ночь Путиловъ на первой же станціи взялъ лошадей и направился по тракту на Москву, сказывался, что онъ провожалъ арестанта въ Кіевъ и теперь возвращается въ Москву, для чего, на станціи же подошоблявъ въ бумагахъ, взятой у отравленнаго ошцера, города, обозначилъ тракты переводовъ арестанта изъ Москвы въ Кіевъ. Преѣхавъ одну губернію, онъ помѣнилъ тракты, взглянулъ совершенно своей слѣдъ, и купивъ на одной ярмаркѣ тройку ворошиа, съ тѣмъ же письменнымъ видомъ и поды тѣмъ же предложемъ, продолжалъ путь въ Москву, сказывая, что возвратится послѣ прощанья арестантеной партіи на своихъ лошадахъ онъ находитъ выгоднѣе и спомойнѣе, чѣмъ на перекладныхъ.

IX.

ВЪ ГЛУШИ.

Въ одной изъ внутреннихъ губерній, на песчаной и глинистой почвѣ, стояло небольшое село. Новыя затѣи новаго вѣка въ него не проникали. Люди жили больше по старинѣ: собирали лѣтомъ рябину и грибы, а зимою мирно лежали на печи в сосала лапу. Барскій домъ съ старою полнатою крышею и поносившимися заборами смотрѣлъ на свѣтъ Божій какимъ-то инвалидомъ и заросталъ мхомъ. Владѣтельница его, вдова Перепетуя Ивановна, очень любила рябиновку и хорошо солила грибы. Румяная и дородная дочка ея, Полина, съ каждымъ годомъ перешивала платья и ползла, что называется, врозь. Съ каждымъ колюшечкомъ проѣзжаго она омидала собѣ жениха, но жениховъ не находилось. Странные и сладкіе сны ей снились постоянно, будто она ужъ замужь вышла, будто не одна ужъ спитъ...., будто...., но преслушавшись она встрѣчалась съ дѣйствительностію, одиночествомъ, и сильно томилась тоскою.... Когда Путялову случалось однажды проѣзжать чрезъ это село, то Полина послала горничную узнать, кто дескать проѣзжаетъ. Путяловъ смѣкнулъ дѣло и, пока отдыхали лошади, отправился познакомиться съ интересной дочкой, посылающей спрашивать о проѣзжающихъ офицерахъ... Его приняли, закорнили, оставили ночевать, уговорили погостить, и чрезъ недѣлю онъ уже собиралъ рябину въ лѣсу съ Полиною въ качествѣ жениха. Люди показали ему черезъ чуръ преты, и онъ рѣшился воспользоваться ихъ простотою, тѣмъ болѣе я денюшонки у него уже повышались.

— И какъ это намъ вдругъ пригинулась моя Полина, говорила Перепетуя Ивановна, сидя съ Путяловымъ за круглымъ столкомъ въ полнатою гостиной и потягивая съ нимъ рябиновку? ..

— Быль бы хлѣбъ, отвѣчалъ Путиловъ, а зубы сыдутся; были бы зерна, а мыши набѣгутъ. Ваша дочка королева писанная.

— И! что вы!

— А къ милому и семь веретъ не околица.

— Ужь воденно странно. Вдругъ ѣхали мимо и влюбилсь...

— Любовь не пожаръ, загорится не потушишь. Да и то сказать. Глупый ницетъ мѣста, а разумнаго и въ углу видно.

— Правда, правда, батюшка. Полна у меня умница, только вотъ не очень богата.

— Что богатство! Богатый безъ ума, что скорлуна безъ ядра. У меня свой домъ въ Москвѣ есть. А мнѣ человека нужно. Съ немилымъ свяжешься бѣда; вѣкъ не развяжешься. А по моему, лучше воду пить въ радости, чѣмъ медъ въ кручинѣ.

— Совершенная правда. Какъ это ты, батюшка мой, все пословицами такъ и сыплешь? Любо дорого слушать.

— Людей видагъ. Много въ жизни испыталъ.

— Видно, видно!

А время шло. Поговаривали ужъ о свадьбѣ. Сельскій священникъ не рѣшался однако вѣнчать безъ разрѣшенія начальства и требовалъ бумаги на бракъ. Тутъ же подвернулся и исправникъ, пріѣхавшій поздравить обрученныхъ, — и подакнулъ попу.

— Вѣдь приноситъ же чортъ такихъ гостей, подумала Путиловъ и, запечатавъ пустой листъ бумаги въ пакетъ, написалъ: «Въ Москву, генералъ-лейтенанту Остолопову». Кучеръ свезъ пакетъ на почту. Недѣлю или двѣ ждали разрѣшенія, и, между тѣмъ, готовились къ свадьбѣ. Въ домѣ мыли, стирали, пекли и варили. Путиловъ гулялъ каждый вечеръ вдвоемъ съ невѣстою въ ближайшемъ лѣсу, собиравъ съ нею грибки и рябичку.

— Ты не сорвешь вотъ эту кистъ рябины, говорила Полина, — и не подашь мѣ.

— Анъ сорву и подамъ.

И Путиловъ срывалъ кистъ рябины и подавалъ Полину.

— А подѣловать за это можно? обращался онъ къ невѣстѣ.

— Моммо.

И женикъ цѣловалъ невѣсту долго, долго... и прижималъ къ сердцу крѣпко, крѣпко... Прогонки съ каждымъ разомъ учащались и съ каждымъ вечеромъ удлиннялись. Перепетуя Ивановна сначала подговаривала было, что долгоныя гуляютъ меледые, но потожь, махнувъ рукой, подумала про себя: вѣдь скоро будутъ мужъ и жена; все равно, что бы ни случилось...

А это, — «что бы ни случилось», — какъ разъ и случилось. Въ одинъ вечеръ гуляющие возвратились слишкомъ ужь поздно, и невѣста цѣлый день потомъ не вставала съ постели, отсыпаясь головою болѣю... Мамёныка, понавѣдавшись у дочки, хотѣла было поворчать, но подумала: вѣдь свои поты... Ране ли, поздне ли, все равно вѣдь нужно...

Путиловъ наматалъ на усь эти обстояательства дѣла.

Ночь въ началѣ августа 1848 года. Въ деревнѣ тихо, въ домѣ барскомъ еще тише. Перепетуя Ивановна спитъ въ своей спальнѣ мирнымъ и крѣпкимъ сномъ послѣ рыбной, которою Путиловъ угощалъ ее вечеромъ съ особеннымъ стараніемъ. Когда, послѣ сильныхъ волненій и долгого раздумья о предстоящей свадьбѣ, заснула наконецъ и Полина крѣпкимъ сномъ... Путиловъ поднялся, ушелъ изъ спальни и, забравшись въ кабинетъ (редь кладовой), гдѣ, какъ по предварительному разпросамъ онъ узналъ, хранились деньги и вѣщи, выбралъ все, что сочелъ нужнымъ: и брилліанты невѣсты, нѣтъ руда въ рудѣ переходившіе по наследству, и деньги до 2,000 рублей сер. За тѣмъ, переодѣвшись въ крестьянское платье, отѣлъ на лучшую изъ своихъ вороныхъ лошадей и выѣхалъ благополучно изъ села. Къ утру онъ былъ уже далеко отъ рыбной и грядковъ, а чрезъ нѣсколько времени, гдѣ именно куда, на прогонной тройкѣ, ѣхалъ уже на кривку въ Нижній. Въ домѣ Перепетуи Ивановны, по отъѣздѣ Путилова, утромъ горничныя долго шушукались, зайдя въ неогороженную дверь спальни осыпавшее платье, сложенное на стулѣ передъ кроватью барыни... Далече за полдень, а барыня все еще не вставала. Перепетуя Ивановна, услышавъ отъ кучера, оставшаго Путилова, что одной лошади нѣтъ въ конюшнѣ, рѣшила, что же

нихъ вѣроятно выѣхалъ утромъ кататься. Стали накрывать на столъ къ обѣду.

— Воры! воры! Батюшки мои, разбойники были, кричала Перепетуга Ивановна, увидѣвъ наконецъ разбитые сундуки и шкатулки. Домъ барскій мгновенно встревожился. Собралась дворня. Разбудили барыню, страшно переконфузившуюся отъ офицерской одежды, лежавшей въ ея спальнѣ и ощупываемой любовными. На платьѣ нашли записку слѣдующаго содержания: «пріѣхалъ, увидѣлъ и побѣдилъ».

Разбойникъ Стенька Разинъ.»

— Батюшки наши! разбойникъ былъ женихомъ, завопили въ домѣ. У трусливыхъ волосы встали дыбомъ. Дочка хлопнулась въ обморокъ, а матушка упрашивала дворню не сказывать никому ни о покражѣ, ни о разбойникѣ, а говорить всѣмъ, что свадьба разстроилась сама собою, и жениху откачали потому, что онъ получилъ отказъ отъ своего начальства на женитьбу...

Два года Путиловъ былъ послѣ этого на свободѣ, надѣлалъ порядочно-таки преступленій и, выданный однимъ товарищемъ, былъ взятъ и засаженъ подъ крѣпкій караулъ въ башню острожную.

Х.

ДОСУГЪ.

Путилову не понравилась двухъ-этажная башня острога. Поль прорывать было бесполезно, потому что подъ нимъ былъ еще этажъ, гдѣ тоже содержались арестанты. Стѣны проломать не было никакой физической возможности, такъ какъ они сложены были изъ огромныхъ толстыхъ глыбъ дикаго камня и туземнаго гранита. Единственное небольшое окно башни, съ толстѣйшею рѣшеткою, горко стереглося двумя караульными, стоявшими снаружи башни и всегда, въ добавокъ, съ заряженными ружьями. Дѣло подошло очень крутое; но не затрудняло оно Путилова. Не долго думая, наскоблилъ онъ ногтями пальцевъ известки со стѣнъ и растеръ ею ноги до

легких ранъ. Известка, посыпаяемая потомъ въ эти раны, произвела немедленное гноеиіе ногъ. Путиловъ потребовалъ доктора, который, осмотрѣвъ больного, донесъ о необходимости лечить арестанта и, обреченный было судьбою на безвыходное положеніе, Путиловъ скоро очутился въ острожномъ госпиталѣ въ особой секретной комнатѣ, предназначаемой обыкновенно для важныхъ преступниковъ. Осмотрѣвши новое помѣщеніе, Путиловъ не замедлилъ сблизиться съ бывшими въ этой камерѣ двумя преступниками Шестовымъ и Шульгинымъ, и скоро подговорилъ ихъ сдѣлать подкопъ.

— За все ужъ я берусь, говорилъ онъ, и дѣло будетъ сдѣлано, какъ нельзя лучше.

— Чѣмъ же будемъ рыть-то, возразилъ новички въ этомъ дѣлѣ?

— Головой, отвѣчалъ Путиловъ.

— Какъ же это головой?

— Да, головой.

— Что ты?

Путиловъ расхохотался.

Съ этими словами Путиловъ, выпувъ гвоздь изъ кандаловъ, поднялъ имъ плиту изъ пола и началъ преисправно рыть.

— Поняли?

— Поняли.

— Ну такъ за дѣло.

И вотъ заработалъ гвоздь подъ поломъ секретной госпитальной камеры. Плита, поднимавшаяся для работъ, находилась подъ кроватью и, ловко, на случай осмотровъ, вставляемая въ свое мѣсто, замазывалась известкою, соскабливаемой со стѣнъ и разводимою на слюнѣ.

На дворѣ іюнь 1850 года. Жаркіе лѣтніе дни зноимъ и духотѣю расслабляли члены людей самыхъ ретивыхъ и дѣлали ихъ лѣнливыми.

Въ острогѣ большая часть преступниковъ, растаявшая отъ жаровъ, спитъ и днемъ, и ночью. Часовые острожные жарятся на солнцѣ въ продолженіи цѣлыхъ 18 часовъ въ сутки и вяло дѣлаютъ на караулъ проходящему начальству. Но не дѣйствуетъ природа физическая на трехъ преступниковъ, неутомимо работающих надъ подкопомъ. Путиловъ распоря-

железными работами съ удѣломъ большого знатока дѣла. Спѣшно рылась земля, выбирался неводъ стѣны и разбирались бутъ острожный. Камни, земля и кирпичи растаскивались и умищались аккуратно и съ большимъ экономіею подъ полонъ, въ разныя мѣстия. Трудъ не прерывался почти ни на минуту и распредѣлялся по часамъ на каждого. Черезъ пять водѣль досужная работа была окончена. Все готово было къ побѣгу. Наступила послѣдняя ночь на 26 іюля, въ которую трое важныхъ преступниковъ острога должны были сказать «*мо-сладное прости*» своему мѣсту заключенія. — Ровно часъ ночи. Небо заволокло. Въ воздухѣ тихо и вѣтеръ не шелохнетъ. Часовые на караулахъ дремлютъ, заключенные спятъ, только въ городѣ слышны, по временамъ, перекликанія уличныхъ караульныхъ, звонкое эхо которыхъ далеко переливается въ воздухѣ и тихо замираетъ близъ острога.

— Кому же первому выйдти черезъ подкопъ? Всѣмъ вмѣстѣ нельзя, говорилъ Путиловъ, имѣвшій при этомъ вопросѣ свои соображенія и планы...

Шестовъ и Шульгинъ, нетерпѣливо предвкушавшіе свободу, въ одинъ голосъ пожелали выйдти первыми. Путиловъ этого и добивался. Онъ очень хорошо зналъ, что при неудачѣ пуля часоваго попадетъ въ лобъ первому, и потому великодушничалъ предъ ними и согласился охотно на ихъ желаніе...

— Ну, а если вы успеете уйдти, а меня задержать, и я долженъ буду остаться опять здѣсь. Что тогда?

Шестовъ и Шульгинъ явились, не зная, что отвѣчать.

— Вѣдь трудъ-то былъ раздѣленъ поровну на васъ и на меня?

Молчаніе.

— Что сробѣли?

Опять молчаніе.

— Но я не лѣзъ трусовъ, продолжалъ Путиловъ. Останусь здѣсь, такъ сумѣю уйдти.

Шестовъ и Шульгинъ пресіали. Поднялась пята кома, и Шестовъ съ Шульгинымъ стравались черезъ подкопъ. Путиловъ наблюдалъ въ окно. Черезъ нѣсколько минутъ раздался выстрѣлъ часоваго, и пуля положила Шестова на мѣстѣ.

— Ахъ! протоберилъ Путиловъ. Шульгину приходилось

попасть на штыкъ, и у него съ часовымъ завязалась драка. Для Путилова настало ожидаемое, такъ вѣрно рассчитанное время. Въ одно мгновеніе, спустившись въ подполье, онъ воспользовался борьбою часоваго съ Шульгинымъ и, съ необыкновенною ловкостію и быстротою, проскользнулъ мимо борющейся группы.

Шульгинъ, въ результатъ борьбы, попалъ наконецъ на штыкъ часоваго, а Путиловъ по трупамъ ихъ благополучно выбрался изъ тюрьмы и чрезъ нѣсколько минутъ былъ уже далеко отъ острога.

Судьба однако почему-то сдѣлалась немилостива къ Путилову, и чрезъ полгода онъ былъ застигнутъ въ расплохъ при убійствѣ набожнаго старика хозяина въ одномъ купеческомъ домѣ, гдѣ былъ принятъ и ублажаемъ подъ видомъ странника, собирающаго съ книгою и кружкою на печерскіе монастыри. Въ пойманномъ узнали прежняго знакомаго и заключили его въ самое крѣпкое мѣсто, какое только сыскалось въ острогѣ, — въ секретную.

XI.

АЗБУКА.

Секретная камера въ острогѣ, куда засадили Путилова, находилась въ самомъ углу криваго корридора въ совершенно глухомъ и уединенномъ мѣстѣ. Днемъ темно, ночью безлюдно и скучно. Путилову не понравился этотъ hôtel, и онъ рѣшилъ проститься съ нимъ, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

— Отвели бы хоть попросторнѣе и посвѣтлѣе даровую квартиру-то, думалъ новый гость; по крайней мѣрѣ мѣсяць другой посналъ бы съ удовольствіемъ на свободѣ, а то чортъ знаетъ, что такое, какой-то погребъ! ..

Итакъ, рѣшено было перемѣнить мѣсто жительства, и приступлено къ дѣйствию. Планъ мгновенно созрѣлъ въ головѣ, а исполненіе его замыслило отъ смѣлости и обстоятельности. Начато было съ двери. Отломавъ въ камерѣ лантусъ отъ пола, Путиловъ вставилъ его между дверью и косякомъ такъ,

что успѣлъ оттянуть отъ косяка пробой, въ который былъ вдѣтъ замокъ. Оставивъ этотъ пробой въ косякѣ до удобнаго случая, онъ въ слѣдующій вечеръ вынулъ масло изъ горѣвшаго у него въ камерѣ ночника и вымазалъ имъ петли желѣзной двери на тотъ случай, чтобъ она не вздумала скрипнуть, когда нужно будетъ отворить ее. За тѣмъ вынулъ изъ подъ окна кирпичъ и привязалъ его къ концу полотенца: тѣмъ приготовленія пока и кончились. Настала ночь на 6 января 1851 года. Въ острогѣ все спало крѣпкимъ сномъ. На дворѣ вьюга и морозъ. Вѣтеръ дико завывалъ на просторѣ и лѣпилъ снѣгомъ глаза караульнымъ, стоявшимъ внѣ острога. Занесенные снѣгомъ съ ногъ до головы, часовые стояли, какъ одѣтые въ саванъ мертвецы, укутавшись въ свои бараньи тулупы и закрывши лицо воротниками. Въ полночь Путиловъ всталъ съ постели и началъ собираться. Ярко горѣлъ ночникъ въ его простѣнкѣ и будто силился ему услужить. Путиловъ потушилъ ночникъ и, обратившись къ часовому, просилъ его спуститься внизъ и принести масла. Начало было удачно. Часовой послушался и спустился внизъ, а Путиловъ между тѣмъ приготовилъ дверь свою и вынулъ изъ нея скобу. Масло подлито, камера заперта и часовой снова на часахъ.

— А что, любезный братъ, обратился къ нему Путиловъ, тебя чай сонъ клонитъ; поболтаемъ немного. Мнѣ, что-то не хочется спать.

— Можно, говоритъ часовой, и обратился къ Путилову лицомъ.

— Ты грамотный? продолжалъ Путиловъ.

— Нѣтъ.

— Жаль.

— Что дѣлать? Не учили.

— А ты бы хотѣлъ учиться?

— Какъ не хотѣть! Да ужь поздно, притомъ и служба.

— Пустая. Хочешь я выучу тебя писать?

— Какъ не хотѣть, да мудрено, — не поймешь.

— Вадоръ сушій. Я выучу тебя въ одинъ вечеръ.

— Многие благодарятъ буду.

— Бери въ руки уголь и черти на стѣнѣ буквы, а я тебѣ буду подсказывать.

Путяловъ высунулъ въ отверстіе двери уголь, напередъ приготовленный.

— Да какъ же это уголь-то?

— Самое лучшее и помытанное средство. Уголь очень помогаетъ.

Часовой взялъ уголь и обратился лицомъ къ противоположной бѣлой штукатуренной стѣнѣ узкаго острешаго коридора.

— Ну вотъ пиши колесо, дитювалъ Путиловъ.

— Какъ же это колесо?

— Очень просто. Дѣлай кругъ, надъ ободъ колесный, только безъ втулокъ и спиць.

— Вотъ что! Ладно.

И часовой вывелъ на стѣнѣ кругъ.

— Теперь преставь къ колесу шесть.

— Какъ же это? Такъ-таки шесть?

— Такъ и пиши шесть.

— Ладно.

И шесть къ колесу приставленъ.

— Это вышло теперь буква азъ. Пенялъ?

— Какъ не понять! Что-то было просто.

— Ну вотъ. Я говорила, что не мудрено. Теперь наши корыто.

— Какъ же это корыто. Ужель и вправду корыто?

— Да. Такъ-таки я пишу корыто, а потомъ въ него сядешь и поѣдешь...

— Что ты?

— Да. Такъ-таки сядешь и поѣдешь.

И съ этими словами Путиловъ, растворивъ желѣзную дверь своей камеры, смазанную масломъ, со всего размаху, завязаннымъ въ край полотенца кирпичемъ, ударилъ въ затылокъ своего ученика, и ударъ приложенъ былъ такъ ловко, что тотъ, не вскрикнувъ, какъ снакъ, повалился на землю. На-скоро схвативъ часоваго съ полу, Путиловъ тотчасъ же перенесъ его въ свою камеру и, ослабивъ свѣтъ въ ночникъ коридорномъ, уложилъ часоваго, переодѣтаго въ свое платье на кровать, на ноги надѣвъ свои напайки, которые разломалъ пробоемъ двернымъ, самъ же, нарядившись въ его пижамы, самого и

каску, сталь, съ ружьемъ, на караулъ близъ своей камеры, которую плотно затворялъ и заперъ задвижкой.

Пробыло 3 часа по полуночи. Глухо раздался звонокъ на гауптвахтѣ острожной, возвѣщавшей смѣну часовыхъ. Вѣтеръ, по прежнему, стучалъ въ переплетенныя рѣшетками окна острога. Путиловъ, ослабивъ свѣтъ ночника въ корридорѣ и нажавъ каску пониже на глаза, *ходилъ на часахъ*, спокойно ожидая смѣны. Явился дежурный по карауламъ офицеръ съ партией солдатъ, разставляемыхъ по постамъ. Путиловъ сдѣлалъ на караулъ.

— Все ли обстоитъ благополучно? окликалъ офицеръ.

— Въ наилучшемъ видѣ, ваше высокоблагородіе.

— На караулъ! скомандовалъ офицеръ.

Солдаты сдѣлали на караулъ и одинъ изъ нихъ отдѣлился для занятія поста Путилова.

— *Честь и мѣсто, сдана старая!* проговорилъ Путиловъ и, сдѣлавъ полуоборотъ, присоединился къ смѣненнымъ съ караула.

— На лѣво кругомъ, — маршъ! скомандовалъ офицеръ и солдаты отирались за нихъ на гауптвахту, а съ ними въ строю пошелъ и Путиловъ.

Вышедши на дворъ, офицеръ скомандовалъ: «по мѣстамъ»!

И солдаты, смѣненные съ карауловъ, отправились въ караулку спать, а Путиловъ, подъ предлогомъ естественной надобности, отправился во всемъ нарядѣ въ отхожія мѣста, изъ коихъ черезъ яму и выбылъ благополучно изъ острога.

Часовые долго еще потомъ караулили въ секретной камерѣ мертвое тѣло собрата.

По осмотрѣ камеры, въ которой сидѣлъ Путиловъ, нашли на стѣнѣ слѣдующую надпись, сдѣланную гвоздемъ: «выбылъ 1852 года. Генералъ-Лейтенантъ Путиловъ и кавалеръ».

ХІІ.

СТАРОСТЬ — НЕ МЛАДОСТЬ.

Черезъ одиннадцать лѣтъ послѣ этого, въ одной тюрьмѣ сидѣлъ въ цѣпяхъ посѣдѣвшій старикъ и ждалъ приговора

въ каторжныя работы безъ срока. Въ лицѣ его всякій могъ прочесть усталость, утопленіе жизнью и явную физическую надорванность. Только глаза по временамъ блестяи неестественнымъ свѣтомъ и загорались на минуту, какъ раскаленные уголья. Тѣло иногда судорожно оживлялось и готовилось какъ бы въ бой на страшную битву. Но все это тотчасъ же смѣнялось безсиліемъ и за тѣмъ покорностію. Часовому не нужно было зорко сторожить свою жертву, желѣзные кандалы не рисковали больше быть разбитыми или разорванными, какъ пеньковая веревка. Силы его оставили, энергія потухла, тѣло разслабло, и преступникъ, узнавъ объ уничтоженіи кнута и плетей, за невозможностію получить свободу, приготовился послѣдніе дни своей жизни провести въ каторгѣ... Спокойно выслушавъ свой приговоръ, онъ зашагалъ по владимірскѣ, звуча однообразно тяжелыми кандалами на ногахъ и рукахъ. То былъ Путиловъ. Преждевременно посѣдѣвшая голова его, опущенная постоянно внизъ, дрыблѣе тѣло и сгорбленный видъ показывали, что въ немъ нѣтъ уже прежней силы, что страшные подвиги его кончились. Мрачно взглядывалъ онъ на часовыхъ конвойныхъ, своихъ всегдашнихъ враговъ, и порой взглядъ его блестялъ какимъ-то неестественнымъ блескомъ, но силы измѣняли Путилову, тѣло не повиновалось ему болѣе. «Эхъ, кабы молодость!» думалъ онъ. Этапъ смѣнялся этапомъ, верста верстой, и партія близилась къ Сибири...

На этомъ кончился рассказъ одного изъ собирателей преданій въ народной русской жизни, написанный имъ со словъ близкаго родственника Путилова, которому самъ, отправлявшійся въ Сибирь, Путиловъ рассказалъ всю жизнь свою безъ утайки... Съ дозволенія автора, нежелающаго быть извѣстнымъ публикѣ, мы представляемъ читателямъ настоящій правдивый очеркъ его безъ измѣненія.

Ф. В. Лавановъ.

БЪСОВСКОЕ НАВОЖДЕНІЕ.

(ГУБЕРНСКІЯ ЛЕГЕНДЫ).

I.

НАШИ ПРАВЫ ДО ПРИШЕСТВІЯ БЪСА.

«Дружина храбрая впередъ, дирекція на-право!»

— Посылали на почту?

— Не бывала... до сихъ-те шоръ, представьте!.. ужасно!..

— Дорога плоха.

— Знаю, что плоха... да вѣдь трое сутокъ... ужасно!

— Вы давно-ли посылали?

— Часъ — больше не шло. Да вотъ пошлемъте опять...

Ванька, а Ванька!..

Отвѣта не было.

— Ванька! что ты, скотина, спишь тамъ?

— Слушаю-съ... отозвался наконецъ Ванька хриплымъ голосомъ и показался въ дверяхъ.

Онъ съ просонья глядѣлъ какъ-то мрачно изъ подлобья: у этого малаго лѣтъ двадцати, отъ скуки и побоевъ, развилась непомѣрная апатія ко всему и непреодолимая спячка; онъ омирълъ, обрѣвъ съ лица, и стоило ему прислониться къ стѣнѣ, облокотиться на перила

дѣстницы—сонъ уже смежалъ его вѣжды и носъ издавалъ звонкіи храпъ.

— Сходи, узнай—почта не пришла-ли, да живо у меня.

— Да почтмейстеръ сегодня и ходить не велѣлъ: пусто, говорить, и ходить не по что, не будетъ сегодня газетъ...

— Ты не рассуждай, скотина, и дѣлай, что тебѣ приказываютъ. Я вотъ съ тобой раздѣлаюсь, — къ Черничкину тебя отправлю. Пошелъ!

Ванька пошелъ. Черезъ четверть часа онъ вернулся: почта пришла, да не разобрана, газетъ сегодня не даютъ.

— Эка скотина, этотъ почтмейстеръ... Постой, Ванька,—я записку напишу Федору Ивановичу, почтмейстеру: попроси...

— Да онъ ругается, и ходить сегодня не велѣлъ.

— Молчи, оселъ! — Пошелъ! Ванька опять пошелъ.

— Нечего больше съ ними дѣлать: надо будетъ этого балбеса къ Черничкину отправить...

Частный приставъ Черничкинъ былъ весьма почтенною и полезною личностью въ глазахъ мѣстныхъ жителей за необычайное умѣнье «баню задавать».

Разговоръ прекратился на нѣкоторое время.

— А Севастополя не взять!..

— Ни за что... Это крѣпость, я вамъ скажу, неизблемая. Другой такой крѣпости во всей Европѣ нѣтъ...

— Гибралтаръ развѣ...

— Что Гибралтаръ, и въ подметки не годится Севастополю. Это твердыня, одно слово.

— Одною Гибралтаръ, какъ въ описаніи видно...

— Не говорите, Константинъ Александровичъ, — Гибралтаръ совсѣмъ не то. Это твердыня неколебимая:

Ужъ какъ французикъ ни юзать,
Какъ англичанинъ ни мудрить,
Какъ чалмоносецъ ни глушить,
Напрасно все: стоять понынѣ
Севастопольская твердыня!

Видъ оно что! А Гибралтаръ совсѣмъ не то—вуда! Ну, да ужъ русскіе vanno и постоять умѣютъ за себя!..

Хозяинъ загорячился, залащавъ и застучавъ постыломъ. Это

былъ помѣщикъ пожилыхъ лѣтъ, гладко остриженный, съ длинными, въ низъ опущенными, усами, придававшими ему видъ воинственный, по фамиліи Колобродинъ; онъ облакачивался на костьюль и, разговаривая, размахивалъ правой рукой, особенно когда приходилъ въ азартъ, что случалось нерѣдко. Въ городѣ его называли «баши-бузюкомъ».

Гость—тоже помѣщикъ, по фамиліи Левкинъ,—былъ моложе хозяина, но голова его преждевременно посѣдѣла, а брови и усы сохранили темный цвѣтъ; онъ отличался театральностью, нѣкоторой торжественностью манеръ, и тогда корчилъ изъ себя русскаго боярина такъ же, какъ потомъ сталъ корчить англійскаго сквайра.

Газеты были принесены.

— Отдали?..

— Отдали, да говорятъ: дурачье вы и съ барножь-то, лѣзете не во время...

— Ты не рассуждай, мерзавецъ, — вонъ пошлая. Вотъ я тебѣ завтра въ Чернычскому стиральному — ушь за все разоню.

— Скотина, этотъ Утыговокъ: людей только портить.

Хозяинъ принялся усердно распечатывать и просматривать Московскія вѣдомости. Гость не отставалъ, но не обнаруживалъ сильнаго нетерпѣнія, — даже остановился на какой-то, вовсе не политической, статьѣ, а просто на «замѣткѣ для винокуровъ»: Левкинъ слылъ агрономомъ и устроилъ у себя въ имѣніи винокурный заводъ, что въ то время у насъ считалось дѣломъ новымъ, за что его считали — одни умнымъ человѣкомъ, другіе — дуракомъ.

— Стоить, стоить!... восклицалъ Колобродинъ, разсматривая одинъ N.

— Стиховъ нѣтъ ли?

— Есть...

— Прочтите-ка...

Левкинъ кашлянулъ и прочелъ стихотвореніе.

— Безобразно!... Вотъ въ губернскихъ вѣдомостяхъ тоже какой-то Корчагинъ очень сильные стихи нашлепалъ... Постойте, вотъ я сейчасъ найду... Колобродинъ отыскалъ грѣшныи N губернскихъ вѣдомостей и, размахивая руками, и прелестукивая костьюлемъ, пропѣвалъ стихи доморощеннаго поэта, окончательно раскричавшись въ концѣ,—да и надо было раскричаться, читая такія угрозы врагамъ:

Страницы истории возорныхъ
 Никто во вѣки не сотретъ,
 И о дѣяньяхъ вашихъ черныхъ
 Потомокъ позднѣйшій прочтетъ.
 Прочтетъ — и слово отверженья
 Пронесутъ его уста,
 И онъ, какъ я, однимъ презрѣнемъ
 Почтитъ крестъъ креста!

— Безподобно!

— Я, Константинъ Александрычъ, велѣлъ дочери моей собирать всѣ патриотическіе стихи въ особую тетрадку. Каждый день послѣ обѣда собираемся всей семьей и читаемъ два-три стихотворенія. Приятно, и духъ какъ-то возвышается.

— Двѣнадцатый годъ повторяется, — война за вѣру...

— Да, народная война, вся Русь встаетъ, какъ одинъ человѣкъ, чтобы ринуться на врага.

— Прочитайте-ка, прочитайте, что изъ Севастополя-то пишутъ...

Умилительно было видѣть этихъ почтенныхъ людей, уже уграшенныхъ сѣдиной, съ юношескимъ восторгомъ декламирующихъ стихи, собирающихъ эти стихи въ особую тетрадку... Умилительно!

Входитъ новый гость: мѣстный литераторъ Медвѣдевъ, редактирующій губернскіе вѣдомости и состоящій при начальникѣ губерніи въ качествѣ чиновника особыхъ порученій, длинновязый, неулыжливый господинъ, не первой молодости.

— За газетами! — я такъ и ожидалъ... А мы вотъ патриотическій спектакликъ затѣваемъ — изъ любителей.

— Доброе дѣло, Александръ Юрьичъ, доброе дѣло. Кровь льется: жертвы необходимы. Отлично вы затѣвали. Когда же это будетъ?

— Да, по возможности, скорѣе.

— А участники?

— Вашъ покорнѣйшій слуга, князь Лебединъ, вашъ братъ конечно, всѣ Коробкины, боже ихъ уже нельзя.

— Напрямую слѣдовало это устроить. Вездѣ дѣлаютъ. Это будетъ подѣлываніе корпіи, затѣвкой М-ше Флягель: корпіи конечно вещь пригодная, но малоцѣнная.

— Пустое дѣло!

— Уничжанье Настасьи Александровны, и больше ничего.

— Театръ, который дастъ значительный сборъ, дѣло совсѣмъ иного рода. А корпія недоръ...

— Полемитольный вздоръ. Мои дочушки тоже затѣяли было приняться за эту чепуху—я имъ прямо запретилъ. Лучше я по полтиннику съ души прикажу старостѣ собрать и внесу въ пользу раненныхъ. Принялись было и мен: какъ-же, всѣ корпію дергаютъ, — мода! Такъ-таки полемитольно и запретилъ.

— Слышалъ я, лукаво замолвилъ Левкинъ: М-ше Флигель жаловалась мнѣ, что вы ей дѣлу мѣшаете... Не онъ, говоритъ, выдумалъ, такъ и злится!...

— Дура! она воображаетъ, что ей умнѣе пѣть, она выдумала — значить и хорошо. Своимъ широкимъ екатерининскихъ временъ все читится.

— Театра она не одобряетъ-съ.

— Дура! — театръ дѣло самое приличное для дворянства. Надо только что нибудь патріотическое припустить, чтобы духъ возвышался...

— Не беспокойтесь: стихи будутъ!

— Ну, то-то.

Помолчали.

— Что въ газетахъ-то новаго? спросилъ Медвѣдевъ, развалился на диванѣ.

— Что новаго? Севастополь стоитъ!

— Есть частныя извѣстія, что сдать хотять...

— Не можетъ быть!

— Ничего нѣтъ невозможнаго. Англичане расположились тамъ, какъ дома, — и дорога у нихъ желѣзная, и орудія удивительныя...

— Это все, батинья, вздоръ. Ничего они съ русскимъ солдатомъ не подѣлаютъ; вы знаете, каковъ нашъ народъ: онъ кулакомъ больше сдѣластъ, чѣмъ англичанинъ своими машинными, а до штыковъ дѣло дойдетъ, такъ конецъ.

То-то будетъ удивленье
Для практическихъ головъ,
Какъ высокое давленье
Ишь покажутъ безъ паровъ,

сказалъ Левкинъ, смѣясь.

— Плохо вотъ что у насъ — дороги неисправны, передвиженіе войскъ — и медленно, и дорого, продолжалъ Медвѣдевъ.

— Да что намъ о дешевизнѣ-то думать: мы, слава Богу, богаты, понадобится—все отдадимъ, до послѣдней копейки; всё подымаемъ, какъ одинъ человекъ, дворянство во главѣ: тутъ хоть три Европы—разгромить.

— Дворянство отстаить славу отечества: ему же въ первый разъ.

— Да, кстати... что жъ я раньше-то не сказала? спохватили Медвѣдевъ: дворянству скоро придется послушать: ополченіе объявятъ...

— Ополченіе, говорите вы? ахъ, что превзость, входи въ комнату, длинный господинъ съ усами и баками, съ отставными военныи мундиръ.

— А! Никита Павлычъ! ваше превосходительство! милости просимъ!

— Ополченіе, говорите вы? продолжалъ вошедшій, на скоро жимаемая руки всѣмъ присутствующимъ: давно бы пора! Мы всё идемъ, всё грудью встанемъ!

— Неуремѣно! я первый стрикну десять лѣтъ съ жостой, это звался горячо хозяинъ.

— Да правда ли это?

— Пишутъ...

— Двадцатый годъ повторится! Мы опять покажемъ, что значить шутить съ русскимъ дворянствомъ, съ русскимъ народомъ! Забудемъ всё наши ссоры, интриги, неприязни, — всё до одного пойдемъ дружно, за-одно! Старыхъ слугамъ въ командиры поставимъ, позабымъ всё личные отношенія.

— Да, да, Никита Павлычъ, весь наборомъ въ начальники ополченія, ствалъ Колобродинъ.

— А вы, Иванъ Николаичъ, примите на себя командованіе одной изъ дружинъ. Всё движемся!

— За чѣмъ же всё? Надо кому набудъ и дома остаться, и дома дѣло будетъ, виѣшался Левкинъ.

— Всѣмъ нельзя никакъ, поддержалъ Медвѣдевъ.

— Всѣмъ, всѣмъ! Что тутъ о домѣ думать, — дома безъ насъ дѣло обойдется. Всѣ, поголовно!..

— Однако вы, Александръ Юрьичъ, съ вашей новостью отвлекаете меня отъ бѣды, — поѣду къ губернатору, не знаетъ ли онъ чего...

— Отъ него-то я и слышалъ. Я вѣдь, знаете, это доверенное лице...

— Экой чудакъ! цѣлый часъ сидитъ и не скажетъ! упрямую хохляка.

— Сейчасъ же поѣду: подробностей напишъ во минуту ли...

Генералъ поспѣшно уѣхалъ.

— Тугоуховъ-то расхотѣлся! засиѣвался Медвѣдевъ: патриотомъ сдѣлался!

— Въ начальниши ослѣпленіи зачетѣлся... И къ губернатору сейчасъ, сказалъ хохляка

— Ой, ужъ эти Тугоуховы: вся порода на томъ стоитъ. А гордость-то, гордость какая,—оу, ты прощай!

Въ самомъ дѣлѣ, скоро пришло распоряженіе о сборѣ ополченій. Начался сутокъ и возмездіе. Собралось чрезвычайное дворянское собраніе. Составили списки всѣхъ служащихъ и неслужащихъ дворянъ. Списки читали вслухъ, и при каждой фамилии раздавались клики: «служить, служить!» Генералъ Тугоуховъ игралъ не маловажную роль: огромнаго роста, съ форменными усами и бакенбарками, въ своемъ полубоевомъ костюмѣ, онъ смотрѣлъ серьезно, кинуть-то даже таинственно и сурово, говорилъ не иначе, какъ съ энтузіазмомъ, войска пожималъ руки, показывая видъ, что теперь для него всѣ равны — и друзья, и враги, и родные, и чужіе, нерѣдко вспоминалъ о двѣнадцатомъ годѣ, приравнивая къ нему настоящую «союху», при чемъ глаза его увлажнивались слезами. Не менѣе замѣтенъ былъ знаменитый намъ нечѣшникъ, съ костьюлемъ, Колобродинъ: хриплымъ голосомъ, принимавшая, онъ кричалъ каждому: «служи, служить!», и не шутя сердился, если почему либо иной освобождался отъ поступленія въ ряды ополченцевъ: «чортъ знаетъ, что такое дворянство:—прежде всего должно военной доблестью отличаться, дома ему нечего и дѣлать: землю мужики вспашутъ, напашутъ, что надо, чиновники; одно орудіе, достойное дворянина—сабля! война — барись ея сабля! миръ — барствуй, какъ старинный русскій бояринъ!»

Барини и баринши забралась на хоры и жужжала, какъ пчелы. Колобродинъ почему-то получилъ наименование «баши-бузука». От-

ставной генералъ Тугоуховъ и ростомъ, и дородствомъ, и звучнымъ голосомъ, и какимъ-то ужасающимъ выраженіемъ лица напоминалъ чудовищные образы русскихъ богатырскихъ сказокъ, и прозванъ былъ *Никитищемъ*. Помѣщикъ Левинъ, хотя сохранилъ свою величественную походку, напоминающую королей и принцевъ на подмосткахъ провинціального театра, но видимо присмирѣлъ и замѣтной роли не игралъ. Вотъ губернаторскій поэтъ Медвѣдевъ, такъ тотъ отчаянно махалъ своими длинными руками и такъ работалъ, что даже вспотѣлъ и раскраснѣлся.

Одинъ отставной полковникъ, больной человекъ, возразилъ, что онъ послужилъ уже на своемъ вѣку, что плохое здоровье не дозволяетъ ему вступить снова въ военную службу. «Служить, служить!» раздались неистовые клики. Полковникъ продолжалъ отказываться. Трусъ! баба! служить, служить!» раздалось со всѣхъ сторонъ. Громче другихъ раздавался голосъ Медвѣдева. «Вонъ его, вонъ изъ собранія! Онъ недостойнъ быть здѣсь!» Бѣднаго полковника вытолкали изъ залы. «Всѣ пойдемъ, всѣ! Кто остается, тотъ трусъ кричалъ Медвѣдевъ.

Тугоухова избрали начальникомъ ополченія. Назначили также дружинныхъ начальниковъ, въ число которыхъ попали: братъ Тугоухова и бати-бузукъ Колобродинъ. Медвѣдевъ, по исключительности чина, попалъ въ офицеры одной изъ дружинъ. Но громкоголосый поэтъ на другой же день отправился къ губернатору, который являлся меценатомъ и покровителемъ губернской мучы.

Представши передъ генеральскіе очи, Медвѣдевъ налъ ницъ.

— Что вамъ? съ удивленіемъ спросилъ генералъ.

— Ваше превосходительство! спасите меня! я въ ошеломленіе назначенъ: жена, дѣти... на кого я малюткомъ оставлю? Спасите, ваше превосходительство! спасите! будьте отецъ-благодѣтель!

— Что же я могу сдѣлать? Это дѣло свободное, вы сами могли отказаться, насильно не тапуть.

— Помилуйте, ваше превосходительство, сами знаете здѣшнее дворянство, меня, какъ Итюкина, вытолкали бы въ-мору, оставили бы. Сами знаете, ваше превосходительство, легко ли слѣдить съ дворянствомъ здѣшнимъ, съ нимъ не сговоришь, особенно бѣдному человеку... Тѣ, кто остается, предводители, да засѣдатели, — пераца гвалтъ подняли... Спасите, ваше превосходительство, я заслуживаю вамъ! У меня было такъ много предположеній: ступитъ ступитъ...

домашія, описаніе малоизвѣстныхъ красвъ нашей губерніи, историческій взглядъ на города...

— Что же мнѣ дѣлать?

— Не отпусайте, ваше превосходительство, — неужели я не заслуживаю вашего милостиваго вниманія, — я здѣсь полковникъ, я подъялъ губернскія вѣдомости, я грудь разстроилъ, ждала угодить вашему превосходительству, — неужели теперь долженъ бросить домъ, семейство, мирное перо переимѣнить на мечъ, котораго никогда не держалъ въ своихъ рукахъ. Кто же будетъ выражать высокія идеи вашего превосходительства? — Кто будетъ поддерживать мѣстную литературу — это столь сильное просвѣтительное начало? — Спасите, ваше превосходительство!

— Да, да... правда!.. я васъ удержу... я васъ не отпущу... я не могу васъ отпустить... вы мнѣ полезны, — весьма полезны...

Какъ возрадовался Медвѣдевъ, какъ просіялъ онъ, слыша такія рѣчи!

— Такъ-то вы, Юрій Александрычъ! — уклоняетесь!... — упрямалъ его баша-бузукъ Колобродникъ при большомъ обществѣ.

— Полюбуйте, Исавъ Николаевичъ, — отивалъ поеть, ни мало не колеблется: какъ мнѣ ни горько, какъ ни тяжело сидѣть здѣсь съ веревкѣ въ рукѣ въ то время, какъ мои друзья будутъ кровь проливать за отечество, — но и должею это сдѣлать, я должею остаться, — нечестно: *долженъ*. Губернаторъ ни за что не отпущаетъ. Жена старика оставить, — аздѣ онъ безъ меня ни могу... Не отпущу, говорить, я васъ — вы моя правая рука, ни за что въ мірѣ не отпущу! Да полюбуйте, ваше превосходительство, говорю я, моя душа рвется въ ряди сантитановъ отечества! Ни за что, говорить; даже заплакалъ старикъ. Но я все-таки надѣюсь убраться, — полагаю, что не успѣете вы за границу губерніи уйти, какъ и кричу: не могу — душа рвется...

За то Медвѣдевъ сильно хлопоталъ объ устройствѣ дворянскаго театра съ патриотическою цѣлью, а въ губернскихъ вѣдомостяхъ краснорѣчиво изображалъ великія эпохи — то въ прозѣ, то въ стихахъ.

Замелькали по городу ополченскіе ястаны и шапки съ крестами. Молодежь рисовалась и закутила. Барышни тайно и явно проливали слезы. Для соорировавія дружинъ по уѣзднымъ городамъ были разосланы баталіонныя офицеры, потому что выбранные дворянствомъ начальники дружинъ и прочіе ополченцы собирались медленно, нето-

ропливо: каждому хотѣлось пощеголить въ ополченскомъ костюмѣ, въ эплетяхъ и при полусаблѣ въ губернскомъ городѣ, показаться друзьямъ, знакомымъ и жепщинамъ. Молодые люди спѣшили пораспродать все свое движимое имущество: куда-сто беречь, надо кутнуть въ ополетахъ, шпку задать въ увѣдныхъ городахъ... Въ воздухѣ пахло жертвой.

Собрались у генерала Тугоухова дворяне. О чемъ толкъ?

— Надо, господа, намъ копѣекъ по двадцати пяти съ души собрать на военные расходы,—вездѣ жертвуютъ...

— Да, да, не отставать же намъ отъ другихъ! — поддерживаеъ Левкинъ, вздернувъ голову.

— По полтиннѣ дадимъ!—кричить Колобродинъ...

Вотъ освѣщенъ ярко губернский театръ, сильно смахивающій на сарай: «благородные» спектакли въ пользу раненыхъ устроились. Тамъ толки о балахъ, да вечерахъ, да вечеринкахъ: храбрыхъ ополченцевъ провезать хотать...

Много экипажей стоитъ у театра: благотвореніе, соединенное съ эстетическимъ наслажденіемъ, вышло на «благородные» спектакли всѣхъ жителей города. Братъ знакомаго намъ немѣщика-винокура Девкина, безцвѣтная личность, въ публикѣ вѣстная болѣе за мужа Софьи Львовны — бойкой, жирной и красивой барыни, большой проказницы и беловницы, — свѣдѣлъ до слезъ въ «Будѣ» и другихъ пріятныхъ водевиляхъ. Прекуроръ Губинъ трогалъ до слезъ въ драматическихъ реяхъ. Дѣвица Коробкина играла такъ хорошо, что окончательно заполошила князя Лебедева, не вполнѣ премывавшаго въ нашомъ городѣ. Въ заключеніе спектакля знакомый намъ поэтъ Медвѣдевъ вызвалъ громъ рукошесканій, обратившимъ съ сочиненнымъ заранѣе экспромтомъ такого содержания:

Благодаримъ мы васъ за посещение,
Талантами не блещетъ нашъ кружокъ,
Но наша цѣль — одно благотвореніе,
Невѣдомъ намъ тщеславія пороки.
Народы несчастные возстали
На родину, пошли на Русь войной,
И русскія сердца затрепетали,
За вѣру старъ и младъ стремятся въ бой.
Мы на алтарь отечества приносимъ —
Хоть скудную, но честную лептѣ,

И Господа въ благоговѣнны пресншь :
 Осуществи желанную мечту!
 Да сгнбнуть силы вражя, — и снова
 Добро восторжествуетъ пусть падъ зломъ;
 Не выдадимъ отечества сятаго,
 Всъ погозовно на врага поидемъ!
 Увидить въ трепеть святой Россіи знамя
 Побѣдоносное Христа кичливый врагъ,
 Раздастся русскій громъ, сласнетъ широко пламя,
 И врагъ падеть, поверженный во прахъ!

Такое удачное выраженіе чувствъ, которыми была преисполнена публика, вызвало заслуженные аплодисменты: поэта вызвали три раза и заставили повторить экспромтъ, — и поэтъ, не смотря на всю трудность такого повторенія (экспромтъ повторить отъ слова до слова!), исполнилъ желаніе публики, видимо довольный ея восторгомъ.

Всѣ возвратились изъ театра довольны и счастливы; всѣ заснули спокойно и мирно. Непокойно засыпалъ въ этотъ день только одинъ генералъ Тугоуховъ: у него все не лады съ губернаторомъ пошли относительно заготовленія обмундировки для ратниковъ, которую генералу хотѣлось взять на себя по расчету, имъ составленному, — ну, и по другимъ хозяйственнымъ дѣламъ ополченія. — За такими размышленіями раздражающаго свойства, генерала застало письмо, только что присланное изъ деревни отъ старосты. Письмо это еще болѣе способствовало озлобленію и дурному расположенію Тугоухова. Староста писалъ:

«Батюшка баринъ сивый меринъ Никита Павлычъ померъ и я его господскую шкуру продалъ и на вырученныя деньги купилъ для вашей милости хомутъ, а у савраски хомута не было — все не по шеѣ. На ярмаркѣ свиной вашей породы было много; жалѣли, что вашей милости не было. Собрать же по четвертаку съ души по приказу вашему на войну я не могъ, мужики больно оскудѣли, у многихъ и хлѣба нѣтъ не то что денегъ. Оброкъ вашей милости до срока тожъ ввести не желаютъ, а хотятъ внести на Петровъ день, какъ и допрежъ сего было. Въ усадьбѣ все обстоитъ благополучно, чего и вамъ душевно желаю.» Не то бѣсило генерала, что выходилъ онъ изъ безграмотнаго письма старосты свиной и сивымъ мериномъ, а то, что пожертвованные имъ, за одно съ прочими помѣщиками, четвертаки не собраны, да оброка крестьяне до срока не выслали.... «Чортъ ихъ возьми! — думалъ Тугоуховъ: гдѣ теперь денегъ возь-

мешь — и по четвертаку-то взносам, и по ополченію... а доходов-то еще жди, — Улита ѣдетъ — когда-то будетъ? Еще губернатору эдакій навязался: какъ собака на снѣгъ — ни себя, ни людямъ!»

На другой день генералъ имѣлъ продолжительный секретный разговоръ съ братомъ своимъ — тоже Тугоуховымъ, начальникомъ брянской дружины.

— Надо поладить... Кто у насъ пачальники-то дружинъ? говорилъ братъ: разъ, два, три... ну, начево, народъ податливый... Надо поладить.

Кончились балы, натапцовались, нагулялись въ губернскомъ городѣ ополченцы—и поѣхали къ своимъ дружинамъ, по уѣзднымъ городамъ. Въ губернскомъ городѣ остались двѣ дружины—и порядочное количество офицеровъ ради утѣшенія дамъ и дѣвицъ.

Не прокатится ли и намъ, читатель, до уѣзднаго города Брянна? не послѣдовать ли за кѣмъ нибудь изъ храбрыхъ ополченцевъ.

Ѣдутъ по большой дорогѣ пары и тройки, Ѣдутъ прапорщики и поручики, — весело и бойко Ѣдутъ они. Не услѣдишь за всѣми. Вотъ тройка остановилась у станціи.

— Смотритель! Смотрителя сюда, на сцену! кричатъ плотный господинъ съ краснымъ носомъ, съ ухорскими усами и ухорскимъ взглядомъ: бывалый! сказали бы вы, взглянувъ на него, — арміей захватить, во вторичную службу, значить, вступилъ. Да, во вторичную: тутъ онъ менторъ, голова.

Показался смотритель, табачекъ понюхиваетъ, до шапки чуть дотронулся, одинъ глазъ прищурилъ: тоже бывалый! выдалъ вадю! Этого не оборвешь зычнымъ голосомъ, да поднятымъ кулакомъ.

— Доврадей! кричатъ молодой человекъ съ усами, еще не достаточно отросшими—изъ штабс-ъ, изъ рябчиковъ, значить, длинный, сухощавый.

— Доврадей! повторяетъ другой молодой человекъ съ длинными волосами: значить, тоже штабс-ъ.

Цель-ькаютъ другія сани.

— Доврадей скорѣй давать! кричатъ, картава и заплетаясь языкомъ, толстый, неулыбчивый господинъ, вываливающийся изъ этихъ саней. Товарищъ его ничего не кричитъ, потому что пьянъ совершенно, «до положенія ризъ», какъ говорится, и только что-то бурчитъ про себя.

— Лошадей нѣтъ! подождать надо... говоритъ смотритель:—сей-часъ двѣ тройки отправили.

— Какъ нѣтъ! закричали молодые люди, выскакивая изъ саней.

— Да знаешь-ли ты, что мы по казенной надобности?..

— Тыкаться нечего, а лошадей, говорятъ вамъ русскимъ языкомъ, нѣтъ!

— Ополченіе ѣдетъ, ракалія!..

— Живе лошадей! хоть роди, да подавай!

— Дѣло, нетерпящее отлагательства, мошенникъ!

— Подождать надо-съ... равнодушно повторилъ смотритель, упирая руки въ боки.

— Я тебѣ дамъ, подождать!

— По сусаламъ его, каналью!..

— Офицеръ, господа, сами не ушибитесь! хладнокровно замѣтилъ смотритель, потряхивая фуражкой, украшенной кокардою.

— Бросьте его! сказалъ, наконецъ, толстякъ, пріѣхавшій на парѣ:—куда намъ торопиться, картинки вынемъ да взмырнемъ!

— А что, и, въ самомъ дѣлѣ, Селянkinя не глупо придумалъ...

— То-то, братъ, спохватился...

— Лянчишка помянемъ, а тамъ лошади-то и подоспѣютъ...

Путешествуя такимъ манеромъ, наши герои наконецъ достигли Брякина.

Небольшой, смиренный городокъ, никогда не выдавшій у себя такого количества наѣзжаго народа, пришелъ въ недоумѣніе.

Офицеры брякинской дружины представляли весьма разнообразное общество, но всѣ въ одинаковой мѣрѣ были преисполнены воинственнаго азарта и смотрѣли съ-высока на мѣстныхъ жителей. Начальникъ дружины—младшій Тугоуховъ—не знакомился ни съ кѣмъ, держался важно и таинственно. Когда на городской площади происходило ученье ратниковъ, и толпа любопытныхъ сlishимомъ пригнулась къ колоннамъ, онъ безъ церемоніи прикрикнулъ на брякинскихъ дамъ, чѣмъ перепугалъ ихъ не на шутку; а какого-то узднаго франтика, осмѣливагося пройти мимо этого марсова поля съ сигарой во рту, чуть подъ арестъ не взялъ.

Брякинская молодежь вовсе съ толпу сбился въ качаніи съ храбрыми вошнами,—суды, училища, канцеляріи опустѣли, потому что три мѣсяца продолжался кутежъ безъ отдыха и безъ просыпу.

Въ июлѣ мѣсяцѣ всѣ дружины стали собираться въ губернской городѣ.

Вступление брянинской дружины было особенно трогательно: начальникъ ея былъ братъ начальнику всего ополченія, и сцена происходила унизительная. Старшій Тугоуховъ встрѣтилъ дружину за городомъ. Младшій Тугоуховъ, предводительствуя воинствомъ, отдалъ брату подобающую честь, какъ начальнику, и подалъ рапортъ. Вслѣдъ за этимъ официальнымъ церемоніаломъ, Тугоуховы поздоровались, какъ братья, то есть трижды облобызались.

Брянинъ, по отбытіи дружины, представлялъ зрѣлище, подобное полю, на которомъ была долгая засуха.

Не описываемъ торжественнаго выступленія брянинской дружины изъ губернскаго города, ибо наше слабое перо не можетъ изобразить такого торжества съ надлежащей красотой. Скажемъ только, что шествіе ея, какъ и всѣхъ прочихъ дружинъ, въ предѣлахъ губерніи было поистинѣ триумфальное шествіе... И все это пронеслось, какъ сонъ, исчезло и передается изъ устъ въ уста, какъ преданіе времени очковскихъ. Даже слова: «вотъ, когда я служилъ въ ополченіи», или: «у насъ въ ополченіи» выходятъ изъ употребленія...

Было, сплыло и быльемъ поросло...

II.

ПЕРВОЕ ПОВЛЕНІЕ БѢСА НА НАШЕЙ ПОЧВѢ.

„Не изъ тучи грошь!“

Злой духъ прогресса впервые заглянулъ въ нашъ городъ, какъ это случилось съ большинствомъ россійскихъ городовъ, во образѣ ничтожнаго, бовѣстнаго и слабаго смертнаго, а именно—учителя уѣднаго училища. Губернскія дѣла текли своимъ обычнымъ порядкомъ. Но прогрессъ уже коснулъ глаза на нашъ городъ, думая заглянуть къ намъ,—и, какъ бѣсъ хитрый, осторожный, выдавшій виды, прежде всего рѣшился забраться въ личность наименѣе замѣтную. Увидѣлъ бѣсъ, что по архангельскому тракту ѣдетъ въ нашъ городъ повозка, запряженная парой лошадей, а въ повозкѣ сидитъ юноша лѣтъ 23-хъ; бѣсъ всмотрѣлся внимательно: «а, учитель, переведенный изъ Ряби-

новска, мальчикъ неглупый, мальчикъ злой, мальчикъ самолюбивый, задорный, дерзавый... И насчитавъ десятокъ эпитетовъ, относящихся къ мальчику—учителю, бѣсъ быстро помчался къ повозкѣ. А мальчикъ не то спалъ, не то бодрствовалъ, — и безъ помощи бѣса ему все какая-то чертовщина въ голову лѣзла: то изъ Русскаго Вѣстника, то изъ Русской Бесѣды какія-то мыслицы и мыслицы мерещились, образуя какой-то дикій хороводъ. Началъ съ нимъ бѣсъ заигрывать: самолюбіе пощечочетъ, разныя старыя обиды напомнить, да потомъ на отсталость и неравноту общества, на разныя общественныя недуги сведетъ, или прямо изъ Русскаго Вѣстника цѣлую тираду отхватитъ, да на затычку экономическимъ указателемъ сириснетъ. Въ головѣ учителя поднялся совершенный кавардакъ (говоря мѣстнымъ нарѣчіемъ). И въѣхалъ учитель въ губернской городъ, одержанный дулавымъ бѣсомъ, и скоро очутился въ объятіяхъ дражайшихъ родителей.

— Ну, здоровъ-ли-ты? Экой худящій какой, щеки-то какъ ввалились... эка спичка! говорила мать голосомъ, въ которомъ слышалась и грусть, и радость. Она смотрѣла на сына съ умиленіемъ.

— Слава богу, перетащился таки къ намъ. Я говорилъ: потерпи, нельзя вдругъ. Что дѣлать, не поскучаешь, не потерпишь — и добра не увидишь. Такъ, по моему и вышло. Мы и больше терпѣли, да съ божіей помощью и сами въ люди вышли, и васъ вотъ вырастили... говорилъ отецъ.

— Не даромъ въ мать-то уродился: счастливый сынъ на мать походить! продолжала мать...

— Слава Богу, что жилъ между людьми хорошими, да пользовался расположеніемъ. Признаться, утѣшительно было слышать, какъ тотъ пишетъ похвалу, другой пріѣдетъ — хвалить...

— Да, родительскому-то сердцу пріятно... Не даромъ я Богу молюсь: сохрани его, Господи, чтобы его любили-то, чтобы искателемъ онъ въ людяхъ-то былъ.

— Вотъ недавно: вице-губернаторъ пріѣхалъ, первое, о чемъ заговорилъ: сына вашего видѣлъ, надо его непременно въ губернской городъ перевести — славный молодой человекъ...

— Я услышала, заплакала даже отъ радости... Охъ, Ваня, буды ты въ людяхъ-то искателемъ, услуживъ, прислужиться умѣй, такъ все пойдетъ хорошо... Не ожидала, признаться, я ужъ отъ тебя: губианнино такой росъ... Мать и смѣялась, и слезы утирала.

Но присутствие бѣса стало обнаруживаться скоро.

Мальчугу, въ силу его юныхъ лѣтъ, вѣселятся хотѣлось: онъ въ губернской свѣтъ толкнулся, но губернской свѣтъ косморгѣвъ на выскотку танихъ наглыхъ, пресрительныхъ взглядохъ, что мальчуга съ непривычки погоробило, и личныя оскорбленія посмыкались на дерзкого, осмыкавшася сунуться туда, гдѣ его не званымъ ютъ. Читателю извѣстно, что мальчугъ нашъ былъ алей, сале-любимый, задорный и проч.: въ роли шута онъ былъ посмо-собанъ, быть терпимымъ въ обществѣ нѣкъ снисхожденію, какъ за-тычка въ партіи пресеранса, или замасной кавалеръ для засидѣ-шихся дѣвъ, онъ не хотѣлъ; выслушивать чужую чушь и одислож-ными придминиваньями вырывать свое согласіе—ему казалось просто невозможнымъ. А князь холодомъ вѣяло на него отъ вюровъ, которыми отвѣчали херувимы-барышни на его юношескіе восторги, когда онъ весь мѣлъ жаждою любви и волновался отъ пошара въ крови. Онъ видѣлъ и понималъ очень хорошо, что другіе юноши, пользующіеся передъ нимъ огромнымъ преимуществомъ въ обществѣ, и глумѣе, и хуже его,—жель, злоба, ненависть закипали въ груди мальчуга, одержимаго бѣсовскою силой. Правда, устарѣлая барыня открывала было «мальчугу» свои объятія; правда, вице-губернаторъ принималъ въ немъ пассивное участіе за дѣв-три статейки, начинав-щійся словами: «и въ нашемъ отдаленномъ краѣ» и проч., и впечатанныя въ губернскіе вѣдомостяхъ, не первое было утѣшитель-слабымъ и дѣйствовало, какъ дѣйствуетъ солоная вода на жажду-щаго, а второе окончилось скандальной катастрофой, ловко сочинен-ной лукавымъ бѣсомъ. Одна статейка не понравилась сановнику-пок-ровителю, и онъ въ своемъ губернскомъ правленіи громкогласно при-казалъ передать нашему писателю: «скажите ему, чтобы онъ вве-редь не смѣлъ писать танихъ статей!». Мальчугъ заершился; маршъ къ сановнику за объясненіемъ, а тотъ: «я не намѣренъ съ вами объясняться!»

— Когда не намѣренъ, то я намѣренъ отпечатать это проше-ствие въ столичныхъ вѣдомостяхъ! совсѣмъ разгорчился маль-чугъ и вышелъ, хлопнувъ дверью. Вице-губернаторъ не править къ такимъ выходкамъ, къ такому забвенію децивалины, къ такому оскор-бленію его сановническаго достоинства. Встати умъ сообщать читате-лю, что фамилія его была Мейеръ, что онъ былъ мужчиною средняго лѣтъ, съ дѣтства избалованный женскимъ воспитаніемъ, претензіями и

свѣтской жизнью, но съ добрымъ сердцемъ и съ великой наклонностью къ пострѣлкамъ, нововведеніямъ и преобразованіямъ. Живна она слыла за одну изъ самыхъ умныхъ женщинъ на всю губернію.

Мейеръ съ жалобой къ отцу. Тутъ семейная сцена переиѣвилась.

— Ты вреднишь себѣ, вреднишь и мнѣ, себя губишь, братьевъ губишь, меня губишь... Протнвь отца ты поможешь...

— Нисколько. Не могу же я позволить унижить меня...

— Важная фигура! Гордымъ-то Богъ противится! Отецъ-то гнулъ, гнула сыну, горбомъ добивался — все для васъ, а ты своими глупостями въ гробъ его вогнать хочешь...

— Хорошъ сынокъ! Гдѣ бы успокоивать, да радовать отца... те-то мало васъ порази, прибавила мать.

— За свои воступки я самъ отвѣчаю, и знаю, что въ нихъ дурнаго ничего нѣтъ.

— Ну, да словомъ сказать: хочешь жить съ нами, такъ живи по-людски, брось свои глупости и умишанья, или убрайся вонъ изъ моего дома. И сынокъ я тебя считать не буду, такъ и скажу всѣмъ...

— Если вамъ все равно, какъ бы ня унижали вашего сына...

— Эта еря кака! да ты бы должонъ въ ноги у меня ползать, — христіанства въ васъ нѣтъ...

— А все отъ того, что въ церковь рѣдко ходите, мало Богу молитесь... прибавила мать.

У отца разосъ препалъ, у матери слезы текли по щекамъ. Но обличитель, омончательно обуманный бѣсомъ, толговалъ о своемъ человѣческомъ достоинствѣ, о мерзости униженія, о борьбѣ съ самодурствомъ. Семейная сцена грозила перейти въ трагическое побоище, если бы юный герой наконецъ не замолчалъ. Онъ замолчалъ, но внутри души (какъ выражаются поэты съ рефлексіей) весь преданъ былъ бѣсовскому навожденію.

Дни чересъ два, какой-то пакетъ, адресованный въ редакцію Московскихъ Вѣдомостей, упалъ въ ящикъ губернской почтовой конторы. Опустили пакетъ, обличитель съ волненіемъ шелъ по березовому бульвару, близъ котораго находилась почтовая контора. Онъ шелъ и часто поглядывалъ на часы. Вотъ ужъ двѣнадцать, — кончено! пакетъ невозвратимъ! Лицо мальчика повеселѣло, а сердце забилось сильнѣе: «никогда-же! я тебѣ отплачу, потѣшусь и я

надъ тобой»!.. думалось ему, но онъ повернулъ свои мысли иначе: «да, самодурство губернское, надо тебя потроить, надо тебя напомнить о значеніи человѣческаго достоинства! авось либо ты и дашь духъ перевести бѣднякамъ, труженикамъ, надъ которыми ты надругалось столько тысячъ разъ!»

— Здорово-живешь! — кто-то окликнулъ и толкнулъ его. Обличитель оглянулся и узналъ своего товарища по гимназін.

— Что, братъ, Мейеръ-то тебя обработалъ?

— Какъ-бы не обработалъ,—я самъ смуску не даю: объясненія потребовалъ, а когда онъ заартачился да чваниться началъ, я обругалъ на обѣ корки (нельзя-же безъ прибавленій) и пообѣщавъ отвечать,—и отпечатаю!

— Молодецъ! — Какую онъ эта штуку въ правленіи удралъ — потѣха: Бѣловъ—знаешь?—косматый эдакой, все въ землю смотритъ, словно сто рублей найти хочетъ—съ Мазилкинымъ поспорилъ, да и говорить ему: эхъ, Сергѣй Васильичъ, что ушь и говорить,—у сильного всегда бессильный виновать! Тотъ обидѣлся: совѣтникъ, братецъ ты мой, какъ-же можно! нажаловался Мейеру. «По-о-озвать его!» Позвали. «Какъ ты смѣешь говорить старшему: у сильного всегда бессильный виновать?» Да это Иванъ Андреевъ Крыловъ сказалъ... «Та-а-акъ по о-озвать сюда Крылова!» — ха-ха-ха! вотъ онъ гусь каковъ: Крылова изъ могилы требуетъ на расправу...

— А слышалъ ты, какъ онъ семивариста въ части выдралъ: хозяина его сынишка подрался на улицѣ съ семинаристомъ, тотъ его отгузилъ, конечно,—и по дѣломъ,—мальчишка въ слезы,—а Мейеръ какъ разъ въ окно все видитъ: кликнулъ лакея, приказалъ семинариста взять, да въ части выпореть,—и отодрали его, раба божія, такъ, что тотъ насилу на ноги всталъ. Оказалось: сынъ діакона, отецъ жаловаться хочетъ...

— Чортъ знаетъ, что такое, это самоуправство выше кѣры, варварство.

— Превышеніе власти, братецъ, за исторое не замолать-то — знаешь что?

— Надо найти отца, да подбить!—подумалъ губернской обличитель—жаль, что раньше не зналъ, — въ Московскія Вѣдомости встать бы,—ну, до другаго раза...

— А губернскаго землемѣра, такъ безъ околичностей дуракомъ въ присутствіи обругалъ и въ шею толкнулъ...

— Какъ-же это онъ позволяетъ?

— Потому вѣрно, что въ самомъ дѣлѣ дуракъ. Однако, братъ, прощай.

— Все это надо принять въ свѣденію, подумавъ обличитель. Все это можно яркими красками представить въ письмахъ для «Русскаго Дневника»...

Въ то время российская гласность только что родилась на свѣтъ и показала языкъ изъ Московскихъ Вѣдомостей и Русскаго Дневника, которые первые стязали себѣ извѣстность обличителей, задавши многое множество трезвоновъ многому множеству гг. X, Y и Z. Досушіе умы усердно занимались опредѣляемъ этихъ неизвѣстныхъ величинъ и воображали, что занимаются серьезнымъ дѣломъ,

Разъ вечеромъ, въ одномъ изъ клубовъ (у насъ ихъ не одинъ), вниманіе обличителя, при входѣ въ гостиную, было привлечено толпой барынь и мужчинъ, сгруппировавшихся около длиннаго господина въ золотыхъ очкахъ и съ приливанными височками на обѣихъ сторонахъ. Господинъ этотъ держалъ въ рукахъ № «Московскихъ Вѣдомостей» и читалъ вслухъ. Обличителя, не смотря на бѣсовщину, въ немъ засѣдавшую, такъ и бросило въ жаръ. Положеніе было неловкое и для нашего героя новое: неловкое потому, что обличеніе напечаталось безъ всякихъ предосторожностей для прикрытія имени автора, и сильное подозрѣніе грозило мальчику неприятными выходями со стороны раздраженной публики. Къ счастью, подвернулся какой-то знакомый, вообще мало интересующійся литературой: мальчику удалось устроить партію и усѣсться за пикетъ.

А чтеніе продолжалось, повторялось и повторялось.

— Что тамъ за чтеніе? спрашиваетъ партнеръ.

— Не знаю, отвѣчаетъ мальчикъ, и показываетъ такой видъ, что весь увлеченъ игрою, а на самомъ дѣлѣ такъ и забрасываетъ глава на обѣ стороны: его крайне интересуется, что подумаетъ и что будетъ толковать публика.

— Ужъ не манифестъ ли о волѣ напечатанъ, — что ихъ такъ забираетъ? спрашиваетъ партнеръ.

— Можетъ быть...

— То-то ихъ огоронило, поди: они все думали шуточками отдѣлаться: не можетъ-ста быть, все по старому останется... Не послушать ли?

— Семь и семнадцать, четырнадцать дамъ...

Партнёр остался на мѣстѣ, огорошенный игрой мальчика, который дрожащимъ голосомъ сосчиталъ девяносто.

А въ публикѣ между тѣмъ поднялся шумъ.

— Это подлость! прощаннаго съдой, гладкоостриженный помѣщикъ Колобродинъ, и застучалъ своимъ костьюемъ.

— Памелеть! придакнулъ князь Лебединъ, обрюзглый отецъ, проживавшій въ нашемъ городѣ на сухобѣденіи ради укрощенія своихъ страстей.

— Слетити самого низкаго свойства! поддержалъ винокуръ-помѣщикъ съ гордой осанкой и театральными манерами.

— За такія вещи людей въ общество пускать не слѣдуетъ! произнесъ съ бѣшенствомъ отставной генералъ Тугоуховъ, длинный господинъ съ воинственною физиономіей.

— Шваль какая нибудь: сунулась въ свѣтъ, да попала на задній дворъ, и давай строчить эдакую дичь...

— Это все зависть подлая!..

— Желаніе выскочить, купишь изъ кармана показать, языкомъ надравнить изъ-за угла...

— Да это ничего, узнаемъ, такъ жома-то не застрахована... вѣдался сынъ вышерѣченнаго генерала Тугоухова, низенькій, толстошій армейскій офицерикъ, извѣстный въ городѣ подъ именемъ «Челушишкинъ», такъ какъ самъ генералъ именовался въ публикѣ Никитинъ: дѣйствительно, объемъ младшаго Тугоухова составлялъ ниваль не болѣе половины объема старшаго.

— Ну, ужь это не того... это не годится... не честно... отовался пріѣзжій морякъ.

— Что вы говорите, Леонидъ Петровичъ... Удивляюсь я вамъ... А онъ честно поступилъ съ нами: обругалъ публично, да еще за уголъ спрятался! напустился на моряка помѣщикъ Колобродинъ, постукивая костьюемъ.

— Честности захотѣли вы! Съ мерзавцами развѣ нужна честность? для нихъ мы, что-ли, честность приготовили! помилуйте, что вы сказали! подхватилъ долговязый господинъ въ золотыхъ очкахъ, который привезъ съ собой № Вѣдомостей.

— Да вѣдь онъ не назвалъ города-то, что же вы на свой счетъ принимаете?.. продолжалъ морякъ.

— Еще бы!.. Кого вы защищаете, Леонидъ Петровичъ? горчился Колобродинъ.

— Онъ же защищаетъ его! Стыдно вамъ, Леонидъ Петровичъ... Павелъ Дмитриевичъ, онъ защищаетъ обличителя! Константинъ Александровичъ, онъ защищаетъ! Федоръ Ивановичъ, посмотрите — онъ защищаетъ!.. — подхватилъ господинъ въ золотыхъ очкахъ, видимо ухаживающій и за Колоброднымъ, и за Павломъ Дмитричемъ, и за Константиномъ Александровичемъ

— Вы защищаете?! признаюсь, я этого не ожидалъ!

— Защищаетъ негодяя, дрянъ какую-то!

— Славно! отличились вы, молодой человекъ!

— Помилуйте, господа, я вовсе не защищаю... что мнѣ за дѣло, и я рѣшительно не могу догадаться, кто и писалъ это... Съ чего-же мнѣ защищать, чортъ знаетъ, кого... — отговаривался морякъ, видя, что на него наступаютъ цѣлая арава обиженныхъ и оскорбленныхъ.

— Что такое, что такое? — говорятъ новыя лица, пріѣхавшія въ клубъ, прерывая такимъ образомъ нападеніе на моряка.

— Статейка любопытная, Михайло Петровичъ! Любопытная статья, Василий Алексѣевичъ! — сѣшнито всевъ подслужився господинъ въ золотыхъ очкахъ.

— Какая тамъ статья, что за чертовщину Дьяконовъ городить?.. бормочетъ Михайлъ Петровичъ, представитель губернской медицины, носящій кличку: «старая лопата...»

Господинъ въ золотыхъ очкахъ, хотя и слышалъ такое нелюбоемное выраженіе о своей особѣ, ибо онъ-то и былъ Дьяконовъ, но продолжалъ свои услуги каждому вновь пріѣхавшему значительному лицу.

— Да что, батюшка, нашъ городъ, наше общество, особенно нашъ кружокъ, въ газетахъ распечатали на обѣ корки... все гласность эта, новые порядки... шамкалъ Колобродникъ: молотовосомы хотять стариковъ учить! шваль какая нибудь на дворянское достоинство покушается!...

— Унижены мы нынѣ такъ, что ложись, да умирай!... къ тому идутъ всѣ эти перевороты!

— Да что таксе напечатано-то? неужели такъ-таки в городъ названъ?

— Пока не названъ, — а погодите — и до того дойдетъ, — назовутъ, пальцемъ тыкать будутъ... морядокъ разрушается, распушенность какая-то...

— Гдѣ же, гдѣ? какъ-бы прочитатъ?

— Дайте, я вамъ прочитаю, вызвалась благообразная дѣвица. Оговоримся, что клубъ, въ которомъ происходило дѣло, украшался и понынѣ украшается присутствіемъ женщинъ. Время было великопостное, и на сей разъ число субъектовъ прекраснаго пола ограничивалось пятью-шестью; но и эти пять-шесть экземпляровъ наговорили разныхъ вещей, неприятныхъ для слуха обличителя, многое множество.

Началось чтеніе, — и публика прызатихла.

— Я бы этого мерзавца, этого псаку, за пять версть ни къ какому городу не подпустилъ! — рѣшительно произнесъ толстый почтмейстеръ басомъ, и пошелъ, переваливаясь, какъ зажирѣвшій дворовый гусь, къ ломберному столу.

— Этого нельзя, Федоръ Ивановичъ, а въ общество пускать точно не слѣдуетъ... отвѣчалъ помѣщикъ винокуръ.

— Кой чортъ, нельзя! вы это говорите, что нельзя, потому что не смелите. А я говорю, что можно. . пробурчалъ, оборотаясь, почтмейстеръ: онъ безъ того часу пробыть не могъ, чтобы не нагрубить кому нибудь.

Опять шумъ, гвалтъ... Молчавшій до сихъ норъ, предсѣдатель палаты, Деревяшкинъ вдругъ заговорилъ своимъ монотоннымъ голосомъ, ни къ кому не обращаясь и тупо уперевъ глаза въ стѣну: «Не стоить вниманія обращать, все это одна глупости. Это пишутъ люди, которые ни на какое дѣло не годятся; посадите ихъ, всѣхъ этихъ писателей, въ помощники столоначальника, — ни одной порядочной бумаги не напишутъ... Посадите любого въ помощники столоначальника — ни одинъ изъ нихъ, формально вамъ говорю, рапортъ въ Правительствующій сенатъ не напишетъ...

— Однако, Павелъ Дмитричъ, вмѣшался Колобродинъ, — есть хорошіе писатели, напримѣръ Зотовъ—Леонида нависалъ...

— Да; да, есть хорошіе, поддерживалъ Дьякоповъ.

— Говорю вамъ, посадите любого, хоть, раз-Зотова, ни одной порядочной бумаги не сочинитъ, ни одной статьи изъ Свода не подбереть...

— Однако въ университетахъ...

— Да, въ университетахъ и лицеехъ...

— Не подбереть. Университеты и лицеи всякіе — вздоръ все,

ная канцелярія въ тысячу кратъ лучше университета всякаго. Главное дѣло практика, опытъ...

— Однако...

— Но...

— Безъ практики... Словомъ, изъ фистулы председателя, умирно устремившаго глаза въ стѣну, текла и текла неудержимымъ потокомъ его обычная деревянная рѣчь, остановить которую могли, какъ пожаръ въ сѣверныхъ лѣсахъ или тропическихъ степяхъ, одни только физическія явленія: надо было или улизнуть отъ него или зажать ему ротъ. Собесѣдникъ председателя такъ и сдѣлалъ, — ротъ-то ему не зажалъ, а благоразумно ретировался. Деревяшкинъ продолжалъ было свое дѣло, имѣя въ виду Дьяконова, потому что качества и доброты въ слушателяхъ не разбиралъ: ктонибудь, да слушалъ-бы, и онъ работалъ языкомъ, какъ заведенная машина. Но и Дьяконовъ улизнулъ.

Разлютовавшіеся звѣри стали показывать около нашего мальчика и смотрѣли на него такими плотоядными глазами, словно съѣсть хотѣли. Онъ въ своей обвинительной статейкѣ рѣзко отзывался о всемъ обществѣ, выставляя пять-шесть фактовъ, свидѣтельствующихъ о безсиліи и ничтожествѣ всего, тамъ называемаго, высшаго губернскаго общества, а въ частности компрометирующіхъ нѣкоторыя личности, малыя всему обществу, и оканчивалъ трагическимъ и свѣжимъ еще въ то время восклицаніемъ: «свѣту намъ, свѣту, какъ можно больше свѣту!»

— Какая нибудь сволочь смѣетъ этикія пули отламывать! кричали губернскіе тузы.

— Свѣту ему мало! экой просвѣтитель явился!

— Негодяй!

Такия рѣчи раздавались отвсюду. Обличитель смѣлъ, какъ на иголкахъ: и въ сморъ-то ему вступитъ хотѣлось бы, и бранью-то на брань забирала охота отвѣтить, и страшно становилось: ему все грѣшлось, что тузы придутъ въ волный экстазъ, да побьютъ его. Обуянный этимъ страхомъ, онъ ускользнулъ изъ клуба незамѣтно и удралъ домой.

Онъ заснулъ безпокойно. А въ городѣ поднялась тревога. Ничто не сомнѣвалось въ имени автора: ужъ таковъ климатъ нашей мѣстности, что тайнъ въ ней не существуетъ и не можетъ существовать: проникаемость необычайная...

Вице-губернаторъ и военный штабъ-офицеръ Дурманъ, оба сильно задѣтые статейкой обличителя, потребовали къ себѣ сына его. Выразивъ уваженіе къ отцу, они посылали на сына грены и молнии. Мейеръ только что изъ Петербурга пріѣхалъ и хвасталъ своею короткостью съ министрами.

— Мнѣ только слово стоило сказать министру, это-бы въ порошокъ истерли... кричалъ онъ: вѣдь это уголовное преступленіе, — за это его въ Сибирь надо упрятать!...

— На Кавказъ!—аккомпанировалъ Дурманъ, недалній господинъ, слывшій за добраго человѣка, именовавшій себя солдатомъ.

— Это неуваженіе къ предрержащимъ властямъ, наконецъ неуваженіе къ правительству...

— Это прямо преступленіе противъ перваго пункта... аккомпанировалъ Дурманъ: я долженъ, я обязанъ донести по начальству...

— Вы сами, какъ отецъ, должны хлестать, чтобы его выслали къ зырянамъ куда нибудь... продолжалъ Мейеръ.

— На Кавказъ, всего лучше на Кавказъ... подкидывалъ Дурманъ.

— Да, помните, Иванъ Ивановичъ, это, вѣроятно, не онъ... онъ сказалъ бы мнѣ... я остановилъ бы его... я не думаю, чтобы это онъ,—трепещущимъ голосомъ отвѣчалъ отецъ; на немъ лица не было, голосъ его охрипъ, глаза посоловѣли.

— Какъ не онъ... Я знаю... Онъ самъ мнѣ сказалъ тогда: я васъ рассчитаю. Да, жаль, что вы не остановили: онъ можетъ этимъ и вамъ навредить... не знаю, какъ начальство на это посмотритъ. Я, съ своей стороны, противъ васъ ничего не имѣю...

— Да, мы васъ вполне уважаемъ... аккомпанировалъ Дурманъ.

— Вполнѣ, вполнѣ... но какъ начальство посмотритъ...

— Вѣрите, Иванъ Ивановичъ, что я употребляю тогда все свое родительское вліяніе... Конечно, онъ на своихъ ногахъ... но я полагаю, что онъ сказалъ бы мнѣ... Я старался тогда же вынуть ему....

— Нѣтъ, ужъ вы сами хлопчите, чтобы его выслали, — онъ здѣсь вредитъ съ этими идеями...

— Да, вредитъ, вредитъ... аккомпанировалъ Дурманъ.

— Онъ, видимо, испорченный, развращенный молодой человѣкъ, молчалиго характера... Вѣдь это развратъ, Антонъ Ивановичъ?

— Развратъ, чистый развратъ! совершенный развратъ, Иванъ Ивановичъ.

— Молодость, Иванъ Ивановичъ, молодость, глупость... шепталъ бѣдный отецъ, который, наслушавшись этихъ ужасовъ, этихъ гиперболическихъ угрозъ, вовсе растерялся и вѣрилъ каждому слову расходившихся губернскихъ тузовъ.

— Конечно, молодость и глупость... но во всякомъ случаѣ правительство не можетъ потерпѣть этого...

— Мы тоже молоды были, мы боялись и неро-то въ руки взять...

— Почему не писать? писать можно... но бросать камень въ предрержанія власти—этого нельзя допустить... Отъ этого государства падали...

— Конечно... вотъ, напримѣръ, Вольтеръ... ну и другіе, усердно аккомпанировалъ Дурманъ.

Общество отревлось отъ нашего обличителя, прокляло и мысленно распинало его. За то онъ стяжалъ себѣ громкую извѣстность не только въ городѣ, но даже въ губерніи. Тѣ, въ чьихъ глазахъ прежде онъ былъ личностью безъ имени и фамиліи, теперь узнали очень твердо и то, и другое. Дамы наводили лорнеты и съ любопытствомъ останавливали на немъ свои взоры; для которыхъ прежде онъ почти не существовалъ. Мужчины, встрѣчаясь съ нимъ, считали обязанностью довольно громко обругать, какъ будто между собой, не обращаясь прямо къ нему. Многие и боялись: чортъ возьми, какъ вѣдуемость расписать, неприятная будетъ исторія! Особенно боялись тѣ, за кѣмъ водились грѣшки, самими грѣховодниками сознававшиеся. Но что ожидало нашего обличителя дома?

— Насрамилъ ты меня... яму мнѣ хочешь своими руками вырыть... Знать тебя не хочу, не слыть ты мнѣ, коли на своего отца руку поднялъ... говорилъ ему отецъ.

Мать плакала.

— Что ты надѣлалъ, безсовѣстный! тому ли васъ учили въ родительскомъ домѣ... Смотри, до чего отца-то довелъ, — на десять лѣтъ состарилъ!.. говорила она.

— Благодарности въ васъ нѣтъ... Срамишь только меня, неприятности дѣлалась, въ гробъ свести хочешь... кусокъ хлѣба изъ-за тебя отнять...

— Какой-же тутъ срамъ... И мнѣ никакого срама нѣтъ, потому что я ничего не навралъ, писалъ правду, — а до васъ это вовсе не

касается: я на своихъ ногахъ, самъ отвѣчаю за свои поступки... твердо и сильно отвѣчалъ мальчижъ.

— Самъ!.. Еще ты поспорь... Умничать задумалъ! Мы глупѣе тебя, что-ли?... Коли умничать хочешь, такъ убирайся вонъ — я на глаза мнѣ не суйся!..

— И уберусь, если такъ.

— Такъ убирайся-же!..

По лицу мальчика покатались слезы: какъ ни громка была его губернская слава, она доставалась ему дорого.

— Молчи ужъ лучше, молчи... не раздражай отца-то... унижала его мать.

— Нечего мнѣ больше дѣлать, если даже отецъ родной отступается отъ меня, точно я преступленіе сдѣлалъ, что правду сказалъ...

— А ты думаешь хорошее дѣло?.. все это пустяки — гласность эта... Старшихъ переучить вздумали... Не нами сказано, что лица курицу не учать...

— Охъ, Ваня, Ваня, — молодежь ты еще, — покаешься послѣ, что родительскаго совѣта не слушаешься... говорила мать смягчающимъ тономъ, и разговоръ въ самомъ дѣлѣ смягчился.

— Да, признаться, мы не такъ росли, не такіе въ молодости были... а все отъ чего?.. вздоромъ головы не набивали, а больные дѣла дѣлали. Какъ приходилось своимъ горбомъ, спины не разгибая, копѣйку зарабатывать, такъ и привыкали старшихъ-то уважать; иное бы и не поправилось: нячего, снесешь, да помалчиваешь, оно и хорошо выходило...

— Отчего было не посоветоваться, — дуракъ что ли у васъ отецъ: слава богу, другіе за совѣтомъ обращаются, — а тутъ сынъ родной — на-ка умникъ какой, давай все, по своему, тайно, секретно...

Мало по малу разговоръ смягчился и окончился рѣшеніемъ — не сознаваться и впередъ быть умнѣе: авось — либо и пронесетъ! А обличитель, одержимый коварнымъ бѣсомъ, думалъ свое: «однако надѣлалъ я передраги! будутъ помнить!»

Дѣйствительно, весь городъ въ продолженіи мѣсяца только и говорилъ о нашемъ героѣ. Какъ ни ругали его, а все-таки большинство смотрѣло на него, какъ на личность передовую и притомъ такую, которой надо побаиваться. Да не всѣ же и ругали. Наврѣтывъ, съ каждымъ днемъ у него являлись сторонники и сочувствующіе. У насъ любятъ скандалы, а такой скандалъ былъ новостью весьма за-

нимательнаго свойства. Притомъ у каждаго губернскаго туза, короля и валета, — у каждой пиковой, трефовоѣ, червонной и бубновой дамы — есть свои враги, а врагамъ хотѣлось-бы насолить, — какъ-же? чѣмъ? обличить нельзя-ли?.. И вотъ къ обличителю стали стекаться разнообразныя матеріалы для обличеній, исторіи самаго разнокалибернаго свойства, такъ что онъ могъ-бы изучить частныя и служебныя отношенія всѣхъ жителей города.

Мальчикъ пользовался сообщаемыми ему матеріалами по своему благоусмотрѣнію; но дальнѣйшая дѣятельность юнаго обличителя не интересуетъ насъ, такъ какъ главный герой нашего повѣствованія не онъ, а бѣсъ, временно въ немъ поселившійся. Таково было первое вторженіе бѣса въ нашъ городъ. Но неужели же мы такъ и бросимъ нашего «мальчика», ни слова не сказавъ о дальнѣйшей судьбѣ его? Нѣтъ, это было бы жестоко. Бѣсъ, пожеденія котораго мы взылись изобразить въ нашихъ отрывочныхъ очеркахъ, скоро оставилъ ничтожныя тѣлеса учителяшки, впрочемъ, не безъ нѣкотораго поврежденія. Последней отрывкой его наводимой было стихописаніе, сочиненное «мальчикомъ» въ минуту душевной тревоги. Это стихописаніе мы приводимъ цѣликомъ — не ради его достоинства, а просто, дабы оказать послѣднее вниманіе къ этой жертвѣ бѣсовскихъ проказъ:

Когда любилъ горячей слово
Уже срывалось съ языка,
Тогда я встрѣтилъ взглядъ суровый,
Охолодившій бѣдняка...

Увы! съ всею долей скромной,
При входѣ въ этотъ шумный свѣтъ,
Купить на счастье билетъ
Мнѣ было не на что въ прѣшномъ!

Когда я правды непреложной
Слова свободныя сказалъ,
Мнѣ благодѣтель мой вельможный
На двери молча указалъ...

Увы! мнѣ не даны права,
Чтобъ, вѣчно съющія баклуши,
Превосходительныя уши
Мои уважили слова!

Когда я скорба благородной
Невольное слово проказь, —

Смѣясь, откаявъ воды халцудей
Привѣсь лучшій мнѣ подвеса.

Уми! къ чему моя гасна?
Когда довольны всѣ соборъ
И окружающей средою,
Что значать вопли бѣдняка!

Святое слово обличенья!
Когда злой духъ меня обьялъ,
Кипи враждой, во мнѣ мщенья,
Тебя на помощь я призвалъ!

Не згомишь свой потыкал,
Не сдѣлаъ пользы я перомъ:
То былъ не страшный людямъ громъ,
А погремущка лишь пустая.

Не правда-ли, что въ стихахъ этихъ, шерековатыхъ, нанящен-
ныхъ стинкиахъ, содержится весьма удовлетворительная эпитазя об-
личительная и обличенная нашихъ газетъ и журналовъ очень не-
давняго времени?

III

БЪСЪ ХОЗЯИНИЧАЕТЪ ВЪ НАШЕМЪ ГОРОДѢ, КАКЪ ДОМА.

«Сядна въ бороду, а бѣсъ въ ребро.»

Особенное свойство этого бѣса заключается въ томъ, что онъ, по-
добно нѣкоторымъ инфузориямъ, можетъ быть раздѣляемъ на множе-
ство частей, изъ которыхъ каждая живетъ своей отдѣльной жизнью,
какъ особень. Это, чрезвычайно вредоносное въ такомъ коварномъ су-
ществѣ, свойство обнаружилъ бѣсъ и во время его кратковременнаго
пробыванія въ нашемъ городѣ. Не прошло года, послѣ перваго появ-
ленія его въ образѣ «мальчика», какъ онъ, покинувъ столь ничтож-
ное обиталище, раздѣлился на сотни частей, изъ которыхъ каждая
нашла себѣ совершенно удобное и покойное помѣщеніе во внутрен-
ностяхъ — помѣщика, отставнаго или служащаго чиновника промо-
тавшася ата, красной или некрасной барыни, даже бывшаго

сплоченца... Помѣщали о гуманности и экономическихъ требованій, о трудѣ и — ужась! — о равенствѣ заговорили. Чиновники сильно прививались къ гласности и литературѣ. Барыни на благотворительность налегали. Конечно, это не мѣшало всѣмъ дѣяніямъ идти своимъ обычнымъ порядкомъ: такъ и должно быть въ благоустроенномъ обществѣ — слова словами, а дѣло дѣломъ. Въ какойнибудь годъ, въ нашемъ городѣ выросло сто тридцать три бороды съ половиной на такихъ подбородкахъ, которые годъ тому назадъ имѣли самую нѣжную симпатію къ бритвѣ. Половиной мы называемъ тотъ сивый клочекъ, который появился и по-днесъ благополучно болтается на подбородкѣ вмянокъ и помѣщика Левянина. Цирюльники плакали и проклинали мужицкую моду.

— Для чего вы, батюшка, эту трясучку-то завели? говорилъ цирюльникъ Петръ Андреевъ Левяину, когда тотъ заходилъ къ нему подстричься: барское-ли это дѣло съ мужиковъ манеру перенимать?

— Надо, братъ, съ нихъ перенимать, — они умнѣе и полезнѣе насъ, — они труженики, а мы небо коптели до сихъ поръ... глубокомысленно отозвался Левяникъ: онъ заседалъ въ такъ называемомъ крестьянскомъ комитетѣ и слылъ самымъ отчаяннымъ врагомъ крѣпостнаго права.

— Диковина! — отвѣчалъ Петръ Андреевъ, вздыхая.

Появились шляпы и вообще костюмы самыхъ либеральныхъ формъ. Левяникъ ходилъ въ какомъ-то плащѣ и шляпѣ à la мужикъ. Генералъ Тугоуховъ оделся въ штатскій костюмъ и пересталъ носить даже брюки съ лампасами. Чиновники къ форменнымъ фракамъ понесли стріемъ брюки. Послышались рѣчи, совершенно несвойственныя характерамъ и дѣяніямъ говорившихъ лицъ. Въ клубахъ, въ собраніяхъ начались рьяные толки; на обѣдахъ неестественные тосты и спичи. Все это отлачалось политѣйшею искренностью, ибо никто не совмѣвалъ въ себѣ присутствія бѣса, никто не догадывался, что и бороды, и спичи, и тосты — просто на просто продѣляли бѣса, а отнюдь не есть вещественное выраженіе незначительныхъ идей и убѣжденій.

Банни-бузуугъ Колобродинъ, побывавъ въ Петербургѣ, возвратился оттуда тоже либераломъ...

— Да и, въ самомъ дѣлѣ, говорить онъ жонѣ, вѣдь мы небо-то коптимъ, на чужой счетъ живемъ, да убиваемъ себѣ время за картами. Отъ того у насъ и застой такой во всемъ: ни промышленности, ни суда порядочнаго, ни торговли. Вотъ хоть у насъ дѣти:

дочери только о танцах, да о нарядах думаютъ, ну, старшій хоть въ военной службѣ потерь ляжку, а Алексѣй? что изъ него будетъ—лѣнтая, туеядецъ; изъ гимназій исключили; слова путнато сказать, не то что написать, не умѣеть... Вотъ эдакіе-то шалопаи и трактуютъ, что это дескать экспроприация... а какая тутъ экспроприация? никакой экспроприации нѣтъ!

— Что это за экспроприация, другъ мой, а что-то въ толкъ не возьму.

— Экспроприация—это новое слово такое.

— Да что оно значить-то?

— Что значить-то?.. какъ бы тебѣ сказать. Вѣдь вотъ понимаю понимаю, а не умѣю объяснить. А все отъ того, что университетъ не кончилъ. Будь я моложе—непремѣнно бы въ университетъ.

— Что за пустяки ты говоришь... Полковнику отставному въ школу поступать: еще выпорять на смѣхъ...

— Полковнику! Эка не видаль! Въ Петербургѣ, говорятъ, генералы въ аудиторіи собираются. Для нихъ и столъ особый, генеральскій, устроенъ... Самъ не видаль, а говорятъ. Ты думаешь, университетъ—школа... Совсѣмъ нѣтъ: просто большая зала, сберутся, послушаютъ, сколько кто хочетъ—и пошли, а въ головѣ ума ужъ и прибьло.

— Вотъ бы Алешу-то намъ туда отправить... Учитъ уроки онъ лѣнивъ, а послушать иной разъ и зашелъ бы. Можетъ, и поумнѣетъ...

— Какъ не поумнѣтъ! Эхъ, мать моя, въ Питерѣ и воздухъ-то совсѣмъ другой. Ну, и люди иные. Въ такой кружокъ можно его втолкнуть, гдѣ и безъ книгъ разовьется, всему выучится. Вѣдь вотъ я, побывалъ между умными, развитыми людьми,—все во мнѣ ожило, перестроилось, былъ дикарь какой-то, а сталъ человѣкомъ съ новыми этими взглядами, ну, и все такое, — чувствую, что не тотъ человѣкъ. Я вѣдь ужъ старикъ, а не отсталъ отъ вѣка: на смѣхъ меня не подымутъ,—нѣтъ!

Вдругъ въ сосѣдней комнатѣ слышится ярый крикъ: «вотъ я тебя, каналья! такъ отгаскаю, что ни одного волоса на головѣ не оставлю... Погоди еще—не на волѣ и изъ рукавицы моей не вырвешься...»

Колобродникъ смущается и головой мотаетъ.

— Что это нашъ севастиопольецъ-то расходился... Ну то ли время теперь,—вѣкъ гуманности, а онъ...

— Петруша, а Петруша!

Въ комнату входитъ севастополецъ — старшій сынъ Колобродина, офицеръ красивый и ловшій.

— Брось его: звѣрь вѣдь это. Пойдемъ въ кабинетъ, мнѣ съ тобой о братѣ Алексѣѣ потолковать надо: умъ хорошо, а два лучше.

Въ кабинетъ «юный либераль», украшенный сѣдиною, повелъ такую рѣчь.

— Оставить надо это, братецъ ты мой,—не годится, время не то. Засмѣють, если прослышать. Знаешь, у насъ тоже водятся писатели: помнишь этого учителя, какъ бишь его?.. Не въ лѣсу живемъ. Мы должны сблизаться съ народомъ, благо еще есть возможность. Экономическій интересъ—самый лучший случай къ сближенію.

— Да что съ ними церемониться-то, папенька, чортъ ихъ возьми, на послѣдкахъ-то и потѣшиться.

— Экой ты какой, понять меня не хочешь: рабочая сила, братецъ ты мой,—понимаешь? безъ этой силы что ты подѣлаешь? Надо стараться обуздать ее кроткими мѣрами, да на свою сторону склонить,—а тамъ ужь садись на нее верхомъ, да и потѣжай... Возбуждать противъ себя, разъединяться—не разсчитать.

— Какіе тамъ разсчеты. когда собственность отнимають.

— Э, братъ, да ты — я вижу — тоже считаешь это экспроприаціей,—вѣтъ! стой! я тебѣ докажу фактически, юридически, исторически и экономически...

— Никакой я экспроприаціи не знаю, а потавать всякому хаму не намѣренъ.

— Опять свое! Съ тобой, какъ съ Навломъ Дмитричемъ Деревяшкинымъ, не сговоришь: тотъ упрется на своемъ;—завели машину—пошла писать, и слушать ничего не хочетъ.

— Однако онъ председателемъ третье трехлѣтіе служить.

— Эка диковина! наши выборы—извѣстное дѣло,—тутъ о головѣ не спрашиваютъ. У насъ-то онъ только и слыветъ Солономъ каинимъ-то.

— Это М-ше Мейеръ его Соломомъ прозвала, — да вѣдь и вы безъ ключа у нея не останетесь...

— Не Соломомъ, другъ мой, — а Солономъ: Соломонъ—это былъ иудейскій король, а Солонъ въ Греціи, въ Константинополѣ законы сочинялъ. . Это его въ насмѣшку М-ше Мейеръ прозвала. Здѣсь точно считали его законовѣдомъ, а какой онъ законовѣдъ — доляшка больше ничего. Въ Петербургѣ онъ у всѣхъ на смѣху былъ: на-

рочно заведутъ разговоръ, втянуть его—онъ и пошелъ свое: такая-то статья Свода прямо говоритъ, что потомственный дворянинъ имѣетъ право—и такъ далѣе. Сводъ для него альфа и омега. А тѣ-то покатываются—хохочутъ. Каждый разъ это повторялось.

— Нашли кого въ Петербургъ посылать, — не видали тамъ такихъ чушекъ.

— Я съ тобой согласенъ: ретроградъ онъ въ высшей степени...

— Какъ это ретроградъ?

— То есть отсталый человѣкъ, несовременный...

Разговоръ прерывается появленіемъ новаго лица — одной изъ дочекъ «юнаго либерала», бойкой губернской барышни, которую молодѣжь между собой именovala *Шашенькой*.

— Что, дружокъ?—спрашиваетъ отецъ.

— Я не помѣшала вамъ, папочка...

— Конечно нѣтъ. Присядь-ка къ намъ—потолкуемъ все вмѣстѣ. Я вотъ севастопольцу-то нашему рассказывалъ, какъ мы съ этимъ крестьянскимъ дѣломъ возились.

— А я къ вамъ съ просьбой, папаша,—познакомьтесь, пожалуйста, съ Неморшанскимъ,—онъ читаетъ лекціи у М-ше Мейеръ: пусть у насъ тоже лекцію прочитаетъ.

— Лекціи! браво! отлично! ай да М-ше Мейеръ! образованная, умная женщина!

— Только какая она насмѣшница, папочка,—бѣда! ее все боятся, какъ огня...

— Отъ того, что умна—все дуры и боятся.

— Развѣ все, кромѣ нея, дуры... это обидно, папаша.

— Все наши барыни—дуры, а что изъ васъ, дѣвокъ, будетъ—посмотримъ. Учились-бы уму-разуму у М-ше Мейеръ.

— А вѣдь она добрая, даромъ что насмѣшница: въ острогъ сама ходитъ, несчастныхъ утѣшаетъ; говорятъ деньги палачу тихонько даетъ, чтобы преступниковъ легче наказывалъ. Сколько бѣднымъ помогаетъ: сама ѣздитъ, тихонько тоже, — все это посмотреть, кому чего не достааетъ, кто какъ живетъ—и помогаетъ.

— Прекрасная женщина!

— Благотворительное общество хочеть устроить,—и меня въ члены зоветь...

— За чѣмъ же дѣло? не надо, дружокъ, отъ другихъ отставать. Жаль, что сами мы раньше не догадались,—предупредить надо бы-

мо, опередить. *Инициативы* въ васъ нѣтъ (Колобродинъ никакъ не могъ справиться со словомъ инициатива: экспроприация ему хоть съ трудомъ, да далась, а побѣдить инициативы онъ никакъ не могъ).

— Да вѣдь прежде объ этомъ не думали, папача, моды этой не было,—ну, и въ голову не пришло. Лекціи тоже—новая мода, да и съ Неморшанскими мы не знакомы, а М-ше Мейеръ съ нимъ дружна. Знаете, папача, за эти лекціи и деньги платять—по полтиннику—эти деньги пойдутъ въ пользу бѣдныхъ учащихся.

— Умно, очень умно. Главное современно, прогрессивно, — ну, и умно.

Читатель видитъ, что въ семействѣ Колобродиныхъ бѣсъ поселился прочно, и хозяйничалъ, какъ дома. Какъ-же намъ, занимающъ исторіей замысловатыхъ похожденій коварнаго духа, не познакомиться съ этой семьей, видимо одержимой имъ въ сильной степени? Нѣтъ, мы не оставимъ г-на Колобродина, пока не раскусимъ его вполне.

— Я непременно познакомлюсь съ Неморшанскими, продолжалъ «люный либералъ», — и лекцію устрою, пусть о крѣпостномъ правѣ что нибудь прочитаешь.

— Да онъ, папаша, у М-ше Мейеръ не о крѣпостномъ правѣ читаетъ, а о томъ, какъ земля образовалась...

— Все равно,—значить и о крѣпостномъ правѣ можетъ. Слава богу, что нынѣ и въ нашей глуши просвѣщеніе появляется. Что ты, Петруша, съ учителями гимназій не познакомишься: мнѣ въ Петербургѣ нѣкоторыхъ очень хвалили,—ну, и съ этимъ, обличителемъ-то, какъ бишь его?.. надо полагать, что человекъ онъ съ современными взглядами,—тогда всѣ нагнулись на него. А я и тогда ващипалъ его: надо обличать зло, лѣнь, невѣжество.

Но Петруши уже не было въ кабинетѣ, а потому Колобродинъ рѣчь свою обратилъ къ Шашенькѣ: «да, другъ мой, надо и вамъ, дѣвкамъ, больше чтеніемъ заниматься, да съ умными людьми сближаться. Что вы цѣлый-то день дѣлаете? Вслухъ бы читали. Женщины могутъ имѣть сильное вліяніе на развитіе общества. Заставили-бы Ольгу вслухъ читать,—что она даромъ хлѣбъ ѣсть,—выкормили, выносили, воспитали чужую дѣвчонку,—пусть заплатятъ, чѣмъ можетъ. Пусть къ труду приучается. Иди-ка съ богомъ,—мнѣ вотъ заняться надо—проектъ земскихъ банковъ прочтатъ: предводитель просилъ замѣчанія сдѣлать. Самъ-то ни уха, ни рыла не разумѣеть,—на другихъ хочетъ выѣхать».

Оставшись одинъ, «юный либералъ» дѣйствительно принялся за проектъ земскихъ банковъ, въ то время остановившихъ на себѣ всѣ надежды помѣщиковъ, теперь забытый, какъ у насъ забывается все. Но на первой же страницѣ Колобродина одолѣла дремота. Онъ такъ-бы и уснулъ, увидѣвъ хоть во снѣ осуществленіе земскаго банка — конечно въ формѣ странной, неестественной, фантастической, своеобразной съ бѣсовщиной, засѣдавшей въ человѣкѣ, если бы въ кабинетъ не вошла Софья Ивановна. Эта высокая, дородная и некрасивая дама, купческаго происхожденія, по случаю своего капитала, сдѣлалась супругицей Колобродина еще въ то время, когда онъ не былъ не только юнымъ либераломъ, но и банши-бузукомъ, а состоялъ просто юнымъ воякомъ одного изъ российскихъ полковъ. На сей разъ она имѣла на лицѣ какое-то таинственное выраженіе.

— Иванъ Николаичъ!...

— Что тебѣ, другъ мой? А я вотъ зачтался проекта земскихъ банковъ—дѣльно написанъ, а надо многое передѣлать, надо дать болѣе простору частной *иниціативѣ*...

— Брось ты эти глупости. Теперь не до нихъ. Вотъ въ домѣ-то у насъ неладно...

Что такое?

— Ольга... чортъ тебя сунулъ взять чужую дѣвку на воспитаніе.

— Да что случилось-то? умерла что-ли, такъ похоронить.

— Умерла! хуже! У ней шуры муры съ Петромъ, — чтобы онъ да жениться не захотѣлъ. Она вѣдь дѣвка смазливенькая, да кокетничать выучилась, завлечетъ, пожалуй. Чего добраго до *того* дойдетъ—родные узнаютъ, такъ и заставятъ жениться. Я давно примѣчаю, что она себѣ на умѣ, плутовка. Благодарности-то отъ нихъ немного увидишь.

— Ахъ, она мерзкая! вѣтъ поди ты. .

— А у насъ свои дочери: забеременить, такъ хорошо-ли... Если замужъ выйдти не удастся, такъ нашимъ-то дочерямъ дорогу загородить и насъ осрамить.

— Гадкая! въ такое время, гдѣ бы трудиться, посвятить себя дѣлу какому нибудь,—развѣ ужъ у насъ женщины-нѣмъ вовсе закрытьъ путь труда... Инициативы нѣтъ—и больше ничего.

— Опять понесъ свое... тутъ ужъ этими глупыми разсужденіями не поможешь. Что мы будемъ дѣлать-то?

— Что? прогнать ее, мерзавку, изъ дому воцъ. То-то Петръ

частенько дома стать оставаться. Погоди же, я ихъ пойманъ и раздѣлаюсь по-своему...

— Ты безъ толку не горячись, можетъ быть еще до того и не дешево. Темно предупредить надо. Ну, да я приму мѣры.

Хотя домашнее дѣло это и озаботило «юнаго либерала», но, полагаясь на распорядительность своей супруги, онъ продолжалъ раздѣлывать по городу, трактую объ экспроприаціи и инициативѣ, да о проектѣ, который навелъ на него отчаянную дремоту.

А между тѣмъ Софья Ивановна собиралась провести лѣто на своей загородной усадьбѣ; Петру не говорили ни слова, боясь раздражить храброго севастопольца и рѣшительнымъ объясненіемъ вызвать его на рѣшительный шагъ, ибо его планы относительно Ольги и смыслъ затѣянной имъ интрижки оставались для родителей пока покрытыми мракомъ невѣстности. И потому онъ былъ оставленъ въ городѣ ради компаніи для отца, и такимъ образомъ былъ разлученъ съ Ольгой.

Юный либераль, трактую о трудѣ и тунеядствѣ нашихъ земскихъ владѣльцевъ тѣмъ не менѣе былъ душевно радъ остаться въ городѣ, предоставивъ женѣ наблюденіе за хозяйствомъ. «Я буду изрѣдка прїѣзжать къ вамъ съ Петромъ дня на два, на три: брошу общій взглядъ, дамъ нѣсколько совѣтовъ, а тамъ ужъ вы и ведите дѣло, какъ по писанному, говорилъ онъ: у меня и въ городѣ дѣла не мало: теперь преобразованія да проекты разные требуютъ зрѣлаго обсужденія,—тутъ безъ насъ не обойдется, да и необходимо во все вмѣшиваться, инициативу принять, а то, пожалуй, наши простошники надѣлаютъ чепухи такой, что бѣда»... Шашенька и старшая ея сестра уѣхали съ матерью, но имъ были обѣщаны частые отпуска въ городъ для свиданія съ М-ше Мейеръ, и съ «умными людьми»: этихъ людей особаго калибра собственно еще онѣ и не видали, но Колобродинъ обѣщалъ найти ихъ и ввести въ свой домъ, чтобы не отстать отъ М-ше Мейеръ, и вообще отъ современности.

Разъ, отдыхая въ деревнѣ отъ любезныхъ толкованій о любезныхъ матеріяхъ (экспроприаціи и проч.), поздно вечеромъ, Колобродинъ, сверхъ своего обыкновенія, по какому-то вдохновенію вынелъ ночевать въ густой, запущенный садъ: обыкновенно же онъ мечталъ, сидя въ мягкихъ креслахъ или развѣсившись на диванѣ.

Вечеръ выдался облачный, темный. Вѣялъ свѣжій вѣтерокъ, ко-ростель гдѣ-то кричалъ, луна выглядывала... ну, и прочее все, какъ слѣдуетъ, такой тонъ носило, что навело, или, какъ гова-

ривали поэты 20-х годовъ, питало сладкую задумчивость. Избравъ уединенную скамеечку въ тѣни деревьевъ, облокотясь на костыль и понуривъ голову, «юный либераль» привадухался — только на сей разъ не о проеэктѣ, а просто на престо о свѣжхъ дѣлншнхъ: мечталось ему мѣсто члена губернскаго присутствія и двѣ тысячи рублей за подписываніе журналовъ, а двѣ тысячки ему очень не мѣшали бы при настоящемъ стѣснительномъ положеніи и—главное — при перемѣнѣ обязательнаго труда на вольнонаемный: «Какъ тамъ ни толкуйте, думалось ему, а все-таки чистѣйшій убытокъ, — не могу я въ толкъ взять, съ какого чорта выдумали, что свободный трудъ производительнѣе обязательнаго, — да вѣдь за обязательный то я не платилъ, а за свободный плати, — значить и выходитъ чистый убытокъ. Не постигаю. Расходы уменьшить — и подумать нельзя, а доходы уменьшатся неминуемо, — пожалуй, въ результатѣ-то и окажется... какъ бишь его?.. дефицитъ, — да, да дефицитъ!.. Двѣ-то тысячки не мѣшали-бы, ужь были бы встати. Это — что?.. Ему послышался шопоть. Да, дѣйствительно шопоть!.. Кто это?.. Ба! Петръ и Ольга. Послушаемъ:

— Какъ тебѣ не грѣхъ, Пьеръ, такъ обижать меня? развѣ я продажная женщина, что-ли?.. Такъ-то ты меня любишь... говорилъ, женскій голосъ, заглушаемый рыданіями.

— Эге, да за Петра-то, кажется, нечего опасаться: малой-то просто шутить... подумалъ Колобродинъ, ухмыляясь.

— Я пошутить. О чемъ-же тутъ слезы проливать. Не бѣда, — шепталъ Пьеръ.

— Неужели ты смѣялся надо мной? грѣхъ тебѣ... я бѣдная дѣвушка... неужели ты притворился...

— Что-же мнѣ прикажешь дѣлать? жениться, съ родными разсориться, съ отцомъ, съ матерью... Если бы я былъ человекъ независимый, свое состояніе имѣлъ...

— Я не заставляю тебя жениться... Только не обижай, не бросай меня... не дѣлай этихъ грязныхъ намековъ.

— Что-жъ тутъ грязнаго. Я, напротивъ, хотѣлъ ободрить тебя: меня не будетъ, другой найдется...

— Ради бога, не повторяй этого... Я никакихъ замѣнъ не хочу. Не это ты говорилъ мнѣ... тогда... помнишь... о Господи, Господи... что со мной будетъ?.. Она пуще заливалась слезами.

— Послушай, Ольга: перестань ревѣть: этими трагедіями ты ни-

чего не выгрѣешь. Пусть, по твоему, это грязно, а я еще разъ спажу: меня не будетъ, можешь рассчитывать на другаго. Въ душѣ ты сама приняла ужъ это къ свѣденію, — перестань же трагедію ломать.

— Онятъ! не говори этого, Бога ради. . . Знаешь-ли ты, что я беременна... ну жели ты и теперь рѣшишься обидѣть меня...

Сердце «юнаго либерала» вспыхнуло; онъ не востерпѣлъ и выскокзлъ изъ своей засады.

— Ты такъ-то, развратная дѣвчонка! Такъ-то благодаришь своихъ благодѣтелей! домъ нашъ позорить, сѣти разставляешь... и костыль «юнаго либерала» принялся молотить по спинѣ, по влечамъ, по головѣ воспитанницы. Ольга вскрикнула и упала въ траву.

— Полноте, папенька! перестаньте!

— Хорошъ, братъ, и ты! пошелъ съ глазъ долой, — сегодня же въ городъ убирайся, — и носу своего не смѣй сюда показывать! — закричалъ Колобродинъ.

Скандалъ произошелъ полный, блистательный.

На другой день въ домѣ происходило что-то таинственное. Петръ еще въ тотъ-же вечеръ былъ высланъ въ городъ: герой безъ всякихъ признаній въ душевной тревоги, посвятившая, сѣлъ въ тарантасъ и усакалъ, даже не помянувшись съ Ольгой. Барышень утромъ отправили куда-то въ гости: «надо, чтобы эти невинныя существа ничего не знали... пусть дыханіе разврата не касается ихъ!» — рѣшили родители. Колобродинъ и Софья Ивановна долго о чемъ-то совѣщались, и послѣдняя, какъ средоточіе распорядительной власти, куда-то посылала свою довѣренную женницу.

Ольга, большая, блѣдная, утомленная, избитая либеральныиъ костылемъ благодѣтеля, одна одиношенька лежала на неопрятной постелѣ въ отдаленной отъ дома банѣ, куда заблагоразсудила сослать преступницу распорядительная власть. Красивое лице дѣвушки онало, поблѣднѣло, кудри перепутались, глаза блуждали безъ мысли, ну, какъ водится, какъ всегда бываетъ съ нашими барышнями въ такіиъ кускахъ: дѣвушка совсѣмъ одурѣла. Избалованная, изнѣженная, привыкшая къ беззаботной жизни губернской барышни, она была поставлена въ тупикъ этимъ неожиданнымъ переворотомъ, этой рѣзкой переиѣнной декораций и совсѣмъ потеряла голову. Глушенькая! она даже не понимала хорошенько, права ли виновата она, тяготѣеть ли надъ ней преступленіе, или душа ея чиста и невинна; ей просто было чего-то страшно, очень страшно, какъ ребенку, запертому въ темную комнату

глупой илльней и совершенно непонимающему, за что и для чего она задрать. Безъ всякой определенной мысли ждала она рѣшениа своей участи и трепетала, тоже безъ всякой определенной мысли. Не желая никомъ образомъ искусственно возбуждать въ читателѣ чувства жалости къ этой барышнѣ, мы безъ обиняговъ скажемъ: тряпка была эта дряблая дѣвица, и жизнь свою кончить она, какъ подобаетъ тряпкѣ. Вечеромъ, когда сумракъ подернулъ оврастность, когда тѣни сгустились въ углахъ почернѣвшей бани, на Ольгу напалъ, что называется, паническій страхъ, она сунулась головой въ грязную подушку, даже не плакала. Въ это время легко было бы ее съ ума свести или убить, просто какимъ нибудь движимъ крикомъ. Къ счастью скоро ее навѣстила Софья Ивановна. При сирнѣ двери Ольга еще плотнѣе прижалась къ подушкѣ.

— Что ты, Ольга?—спросила Софья Ивановна.

Тогда только дѣвушка подняла свою голову, скватила руку благодѣтельница, осыпала ее поцѣлуями, хотя, разумѣется, сама не понимала, съ какой цѣлью это дѣлаетъ.

— Вотъ что, сударыня, сказала рѣзкимъ тономъ Софья Ивановна, ни мало не умиляясь нѣжнымъ порывомъ воспитанницы:—тебѣ покрыть твой позоръ, одно средство—немедленно выйти замужъ.

— Замужъ? Ольга широко открыла свои глаза, — ей не могло въ голову придти иное замужество, какъ за Петра. Глупенькая! способность понимать обстоятельства и соображать смыслъ и направленіе ихъ—въ ней была положительно не развита.

— Да, — за перваго жениха, какой подвернется. Это ты должна одѣлать и для себя — вѣдь ты нищая, которой завтра же придется съ голоду умерѣть, если мы тебя выгонимъ;—и для насъ, хоть мы тебя и не учили развратничать, и примѣровъ такихъ у насъ въ домѣ не бывало. У насъ дочери взрослые. Мы тебя облагодѣтельствовали, поили, кормили, одѣвали,—чего это намъ стоило, — не такой благодарности отъ тебя ожидали...

Ольга пуще залилась слезами. У ней не было въ замасѣ никакого отвѣта, никакого возраженія.

— Ты росла у насъ, какъ барышня, работать не умѣешь, въ горничныя идти не захочется, — что будешь дѣлать, а оставить у себя мы тебя не можемъ послѣ такого позора. Да и кто возьметъ съ ребенкомъ...

Ольга молчала.

— У тебя былъ женихъ, — продолжала Софья Ивановна, — ты все призначала, да привередничала. Теперь не до капризовъ: Сметанинъ возобновилъ свое предложеніе, — надо идти, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше...

— Мамаша, онъ такой противный, такой гадкій, пьяный...

— Мало чего нѣтъ... А ты что, развратница — и больше ничего, — слава Богу, что онъ тобой-то не пренебрегаетъ... Кто тебя возьметъ съ ребенкомъ-то?

Ольга закрыла лице руками.

— Нечего ужъ тутъ разбирать. Я ужъ распорядилась, чтобы все было готово: черезъ недѣлю свадьба должна быть...

Ольга болѣе не возражала. «Юный либералъ» былъ уже въ городѣ въ то время, какъ рѣшалась судьба Ольги. Софья Ивановна скрутила дѣльце живо. Вѣчно пьяный подлекарь, проживающій при помѣщицкѣй больницѣ въ сосѣдствѣ съ деревней Колобродинныхъ, дѣйствительно изъяснилъ готовность жениться на Ольгѣ: ему казались обольстительными двѣсти рублей, которые достались Ольгѣ отъ матери и хранились у Колобродинныхъ, да и на благостыню со стороны благодѣтелей онъ шибко расчитывалъ. Роднымъ новѣсты было написано, что ей представилась хорошая партія, и потому она выходитъ замужъ за доктора, имѣющаго хорошее частное мѣсто, внося на бракъ родительскаго благословенія, на вѣки нерушимаго: «какъ же можно безъ родительскаго благословенія!» говорила Софья Ивановна, — «да я грѣха этого на душу не возьму... сохрани Богъ!..» Благословеніе получилось: родные Ольги жили въ уѣздномъ городѣ и поспѣшили удовлетворить желаніе благодѣтельницы.

Свадебку сыграли скромно, тихо, — и молодые уѣхали въ свое гнѣздо, гдѣ Ольгой овладѣла невыразимая тоска; да и было отъ чего тосковать: бѣдность, нужда, лишенія глянули въ ея избалованные очи, добромъ посыпались на ея нѣжное тѣло, одиночество томилло ея пугливую душу.

— Знаешь, что Ольга-то надѣлала? шептала Шашенька своей старшей сестрѣ.

— Неужели и ты знаешь? спросила эта съ удивленіемъ, воображая Шашеньку глупымъ ребенкомъ, а себя опытной персонай, героиней романа, ожидающаго своего романиста.

— Еще бы нѣтъ. Это ты только меня какой-то дурой считаешь. У нея ребенокъ скоро будетъ. Отъ того она и карсетъ-то перестала носить. Я давно это, гораздо раньше тебя, знала...

— Какъ не раныше!..

— Мнѣ Дашка все разсказала.

— Эва, сквернавка! А я еще просила ее не сказывать тебѣ...
Погоди же она у меня! я ей всё носы повыдергаю.

— Это еще что значить? Мнѣ не сказывать? Я ужь не ребенокъ,
а тебѣ стыдно и думать о такихъ вещахъ.

— Нисколько не стыдно. Это естественныя науки. Неморшан-
скій говорить, что естественныя науки необходимы для женщинъ,
чтобы онѣ хорошими матерями были. Прошло то время, когда насъ
можно было обманывать, что дѣти изъ ушка выходить. Я все знаю,
потому что это необходимо и интересно, очень интересно...

— Дура ты, вотъ что... Смотри, чтобы Неморшанскій, объ
естественныхъ-то наукахъ толкуя, тово....

— Ну, такъ что жъ? тебѣ, небось, завидно будетъ.

— Нечему завидовать, такъ же, какъ Ольгу, въ баню утащить, да
еще отдубасять.

— Я и Ольга большая разница: Ольга приемынь, а я дочь, со
мною такъ не стануть обходиться, много, что побранять.

— Вотъ побойтай ты это при чужихъ людяхъ, подмигнуть тебя
на сѣхъ.

Сестри помолчали.

Немного погодя, старшая опять заговорила: «а знаешь ты, Ша-
мелева, чей это ребенокъ?»

— Ха-ха-ха! конечно Ольгинъ, а не твой.

— Ольгинъ-то, Ольгинъ, а еще-то чей?

— Не знаю. А ты?

— Я знаю, да не скажу.

— Голубчикъ, сестрица, душенька, я тебѣ, что хочешь, отдамъ,
скажи, милая!

— Нельзя, не скажу.

— Не скажешь, ну такъ и не нужно, я сама узнаю. Погоди же,
врядомно тебѣ... отомщу.

— Чѣмъ это?

— Чѣмъ бы то ни было, отомщу.

Привѣтъ молодыхъ прерываетъ сцену.

Колобродины приняли молодыхъ покровительственно, съясрка, но
ласково.

— Ты, братъ, пьянствовать-то перестань, говорилъ «юный либераль», похлопывая по плечу Сметанина. А этотъ господинъ какъ-то неуклюже помѣстился на кончикѣ стула, безпрестанно подергивался и улыбался, изображая на своемъ обрюзгомъ лицѣ полное удовольствіе.

— Ты, Оленька, хозяйствомъ займись, да береги мужа-то, удерживай, женится—перемѣнится, говорила Софья Ивановна не столько ласковымъ, сколько выражающимъ полное самодовольствіе голосомъ. А Ольга такъ похудѣла въ эти дни, такъ много потеряла силъ, что казалась только призракомъ той красивой дѣвушки, которая прежде восхищала молодежь всего города.

Она глядѣла большой наканунѣ смерти, и мы, чтобы покончить съ этой жалкой героиней, ужъ теперь же сообщимъ читателю: черезъ полгода своего замужества она умерла, преждевременно выкинувъ ребенка отъ испуга, когда пьяный супругъ требовалъ у нея денегъ на вино, и грозился спустить ее внизъ головой изъ окна, а денегъ-то у нея даже на обѣдъ не доставало, а окно-то было высоко надъ землей, и выраженіе лица у супруга не предвѣщало ничего хорошаго.

— Какой скверный мужъ у нея! говорила сестра Шашенькѣ, собираясь къ М-ше Мейеръ, которая пригласила барышню на свой литературный вечеръ.

— Да, нельзя влюбиться...

— Неужели-же это она съ нимъ спитъ?..

— Какъ бы не съ нимъ! у нея губа-то не дура, даромъ, что пріемышь, знаетъ, кого выбрать...

— Кто-жъ это? изъ знакомыхъ.

— Даже очень короткихъ...

— Часто я его видѣла?

— Какъ нельзя чаще... каждый день.

— Ну, вздоръ...

— Ты сама цѣловалась съ нимъ...

Шашенька вспыхнула.

— Я цѣловалась? Я ни съ кѣмъ не цѣловалась, и надѣюсь, что Ольга не отбила-бы моего возлюбленнаго.

— А съ этимъ цѣловалась—при всѣхъ,—при папашѣ и мамашѣ цѣловалась. Краска негодованія сошла съ невиннаго личика Шашеньки.

— Ахъ, знаю кто, — бретецъ любезнѣйшій — надѣюсь, не Алексѣй Иванычъ?

— Больше ни слова не скажу.

— Теперь-то я все поняла, вотъ оно штука-то какия! то-то его выслали куда-то... Онъ? Петръ?

— Больше ни слова не скажу. Часовъ въ пять Шашенька и «юный либераль» сѣли въ экипажъ и покатили въ городъ.

IV.

БЪСЪ ВЪ ВЫСОКИХЪ ХОРОМАХЪ.

«Залетѣла ворона въ высокія хоромы».

Вернемся нѣсколько назадъ.

Шибко ляло съ крышъ. На страстной недѣлѣ сдѣлалось такъ тепло, что всѣ губернскіе еранты облеклись въ легкія весеннія пальто, сбросивъ тяжелыя россомашыя шубы (россомашыя шубы — въ большой модѣ у насъ), а губернскія камелия послѣшно нарядились въ бурнусы.

Въ четвергъ погода стояла совсѣмъ весенняя. Изъ Екатерининской церкви валила густая толпа, щурясь отъ яркаго солнечнаго свѣта. Въ этой разношерстной толпѣ особенно замѣтно выдавалась одна барыня, которой всѣ дорогу уступали, на которую всѣ съ особеннымъ почтеніемъ взирали. Не мудрено: эта барыня — жена вице-губернатора М-ше Мейеръ. Она женщина не первой молодости, маленькаго роста, худенькая, мивіатюрная, живая и граціозная. По лицу видно, что она много жила, много испытала, много переживала. Цвѣтъ кожи утратилъ свѣжесть и нѣжность красокъ, — кое-гдѣ желтыя и синеваыя пятна оттѣняли его и придавали ему болѣзненный видъ; синеваы-черныя волосы не отличались густотой и пышностью; но особенную красоту этому лицу придавали глаза —

большіе, глубокіе, темныя глаза, въ которыхъ отражался живой умъ; взгляды ихъ — спокойный, сосредоточенный вызывалъ невольную симпатію. М-ше Мейеръ была очень просто одѣта, въ бѣлое платье, безъ всякихъ украшеній, но съ такими ухѣньемъ, какому могла позавидовать любая столичная дьявица. У М-ше Мейеръ была *idée fixe*, подобная той, которая въ поэмѣ Некрасова «Саша» занимала и мучила героиню и Агарина:

Словно брала ихъ чужая кручина,
 Все рассуждали: какая причина
 Вотъ ужъ который теперича въкъ
 Бѣдешъ, несчастливъ и волъ человекъ

До сихъ поръ эта «чужая кручина» губернской сановницы ограничивалась однимъ размыщленіемъ, что вѣтъ, дескать, мало на свѣтѣ счастья и довольства, много бѣдности и горя. Теперь въ ея головѣ сверкнула мысль: «помочь бы имъ, защитить бы ихъ!»

Эта мысль не давала покою М-ше Мейеръ. Ни воспитаніе, ни умственное развитіе не приготовили ее къ разрѣшенію такого вопроса, который теперь овладѣлъ ея впечатлительнымъ существомъ. Она никакъ не могла справиться съ одолевавшей ее мыслию, а мысль все-таки не оставляла ее. Думада — и не знала, какъ взяться за дѣло, съ чего начать: «неумѣлая я, неумѣлая, шептала она: что изъ меня сдѣлали!»

Наша сановница захворала, а напряженная мозговая работа все устремлялась на то же. «Посоветоваться бы съ кѣмънибудь? но съ кѣмъ? съ Лебединымъ? съ Тугоуховымъ? съ Левкинымъ? — они исполнить все, чего я ни пожелаю, безъ возраженія, но посоветовать, придумать чтонибудь—на это ихъ не станетъ... Надо самой придумывать...»

А свои опыты не удавались и оцѣдчивались плачевными результатами. Замѣтила она, напримѣръ, бѣдное, но чиновное семейство, состоящее изъ вдовы-матери и четырехъ дочерей, лишенное всякихъ средствъ, но привыкшее къ довольству; она рѣшилась помочь. Въ именины дочери она сдѣлала именинницѣ подарокъ: портъ-моне съ нѣсколькими золотыми. На другой день мать семейства приходитъ къ ней: «ѣсть печего»... А подарокъ мой?! «Именины вѣдь: надо было гостей пригласить, закусокку сдѣлать; десертъ, вино, музыка...»

— Развѣ такъ убавишь на свѣтѣ нужду и горе? развѣ такъ при-

бавишь въ мірѣ довольства и счастья? Притомъ одна, только своими средствами?..

Случилось ей доставить другому бѣдному семейству возможность радостно встрѣтить праздникъ. Но черезъ недѣлю этому семейству ѣсть было нечего. Много денегъ раздала она нищимъ и сама видѣла, какъ эти деньги уносились въ кабакъ. Многимъ бѣднымъ невестамъ помогла порядочное приданое приготовить и провести брачный день въ радостномъ созерцаніи красивыхъ платьевъ, приличной мебели, — но черезъ мѣсяць эти счастливицы убивались надъ тяжелой работой, которая плохо оплачивалась, или терпѣли побои мужей, немѣющихъ возможности зашибить денегъ достаточно для двухъ человѣкъ...

— Знаете что, Анна Петровна, сказалъ ей однажды Лебединъ: устройте филантропическое общество для того, чтобы помогать нашимъ бѣднягамъ.

— Въ самомъ дѣлѣ! вотъ счастливая мысль! какъ это мнѣ раньше не пришло въ голову? Неумѣлые мы, неумѣлые! По крайней мѣрѣ, не одна буду. Общество можетъ сдѣлать многое... Пай вы, князь, право, пай!..

— То-то же, а вы все браните меня.

И князь былъ счастливъ, что сталъ *наемъ*, и она оживилась, что на счастливую мысль напала.

Началась хлопотня, переговоры, соображенія, толки.

Около этого-то времени въ домъ М-ше Мейеръ явились два новыхъ лица: натуралистъ Неморшанскій, о которомъ мы слышали разсужденія въ семействѣ Колобродинныхъ, бойкій, свѣтскій и ловкій господинъ, и Бѣгуновъ, молодой человѣкъ, лучший продуктъ русскаго университета, попавшій въ нашъ городъ въ силу простой случайности, независѣвшей отъ него.

Бѣгуновъ недавно умеръ, измученный тревоженіями своей жизни. Воспоминаніе о немъ еще такъ живо и такой скорбью наполняетъ душу, что мы не только не беремся вызвать изъ могилы эту личность, но чувствуемъ необходимость даже положить перо и прервать на время наше повѣствованіе: очень ужъ грустно становится.

— Нѣтъ-съ, Анна Петровна, я вамъ скажу, есть бѣдняки-горемыки, которымъ ваша помощь нужнѣе, да и пользы-то она принесетъ больше, говорилъ Бѣгуновъ, выслушивая филантропическія мечтанія М-ше Мейеръ: это—учащаяся молодежь. На нее всѣ надежды, она общается новое поколѣніе дѣятелей. Чѣмъ больше будетъ кругъ образованной молодежи, тѣмъ лучше, тѣмъ шире и свободнѣе пойдетъ ея работа. А вы не знаете, съ какими трудами, съ какими лишениями пробиваются эти люди. Иной работаетъ, какъ волъ, а чѣмъ живеть, какъ существуетъ, — это, я вамъ скажу, невообразимо. Только бы за лекціи внести плату, только о томъ и забота, а тамъ живеть, какъ птица небесная... Вотъ куда преимущественно надо бы обратить общественную филантропію.

— Это правда. Дѣйствительно, надо хлопотать, чтобы молодые люди не были похожи на своихъ отупѣлыхъ отцевъ...

— Помните, вѣдь такого безлюдья найти нельзя, какъ здѣсь.

— И такъ, программа нашего филантропическаго общества будетъ: бѣдная учащаяся молодежь... Но одними деньгами тутъ еще ничего не подѣлаешь.

— Да, въ этомъ я сама усилъа убѣдиться. Я сама видѣла, какъ денежная помощь шла то на закуски именинника, когда въ домѣ чернаго хлѣба не было, то на кисейныя платья съ воланами, когда бѣлье дырявое переменялось одинъ разъ въ мѣсяць, то просто въ табакъ. . Вещами, хлѣбомъ подавать пособіе, что ли? обѣды даровые устроить для нищихъ?

— Это, я вамъ скажу, опять неразумно: даровые обѣды только увеличатъ численность нищенствующей братіи; даровое все скверно въ нравственномъ отношеніи, а главное—не принесетъ тѣхъ результатовъ, которые вамъ нужны: благоденствія и довольства на бѣломъ свѣтѣ не прибавится.

— Что же дѣлать?

— Да въ чемъ же нуждаются всѣ эти благородные и неблагородные бѣдняки, особенно женщины? — въ трудѣ, который бы хорошо вознаграждался. Ну, и надо приготовить для нихъ трудъ производительный и благодарный, чтобы улучшился бытъ ихъ, но такъ, чтобы этимъ улучшеніемъ они были обязаны своему труду. Въ этомъ случаѣ благотвореніе будетъ вдвое дѣйствительнѣе умъ потому, что мы ихъ избавимъ отъ весьма тяжелаго чувства благодарности.

— Объ этомъ надо подумать, да и подуматъ.

— И подумайте...

— Только безъ вашей помощи тутъ я немного придумаю. Тутъ ужь вы должны поработать...

— Изежьте. На первый разъ вамъ необходимо заняться вотъ чѣмъ: собрать побольше денегъ, чтобы идти къ цѣли не съ голыми руками.

— Да на что же собрать? Надо прежде открыть имъ цѣль, показать всѣ предположенія.

— Для чего? на благотвореніе, да и все. Развѣ это дурачье пойметъ что нибудь? Нечего и толковать съ ними, только тащите деньги, елика возможно. Засѣданія шутовскія можно устроить ради потѣхи, пусть думаютъ, что и головы ихъ баранья нужны, — этимъ способомъ можно легче тронуть ихъ сердца и кошельки. Можно подписку открыть: это прежде всего. Потомъ лекціи какія нибудь устроить, женщинъ, дѣвицъ притянуть, ну всѣ и поглазутъ, чтобы другъ отъ друга не отстать. Да мало ли что можно выдумать. А въ это время мы планъ обдумаемъ — и дѣло пойдетъ въ ходъ.

— Отлично, безподобно!

Стала М-ме Мейеръ веселѣе и принялась за работу. Подписка росла. Неморшанскій открылъ въ ея домѣ курсъ лекцій по геологій. Деньги скапливались.

Бѣгуновъ обдумывалъ проектъ мастерскихъ и классовъ для пособія учащейся молодежи. Въ то же время былъ составленъ официальный проектъ благотворительнаго общества, который предложено прочесть и обсудить при полномъ собраніи лицъ, изъявившихъ принять на себя званіе и обязанности членовъ: на это обсужденіе и слышалъ нашъ знакомецъ — юный либераль Молобродинъ, съ дочкой Нашенькой.

Само собою разумѣется, что обсужденіе состояло изъ шумныхъ, или важныхъ одобреній, да изъ молкихъ замѣчаній, которыя принимались безшороно.

— Надобно прибавить, что членами общества могутъ быть только лица дворянскаго сословія... замѣтилъ генераль Тугеуховъ.

— Что вы, что вы, Никола Павловичъ! Это несообразно, этого нельзя... отозвался Молобродинъ.

— Теперь все идетъ къ обличенію сословій, а мы будемъ создавать касты! насмѣшился сноваъ Давидъ.

— Канцелярію надо усилить, секретарю помощника дать... замѣтить Деревяшкинъ.

— Это можно...

— Мнѣ кажется, что вмѣсто благотворительнаго—общество лучше назвать филантропическимъ... замѣтить князь Доломанъ.

— Дѣйствительно, это будетъ не хуже...

— Не придумать ли какихъ нибудь значковъ для членовъ: звѣзды или кресты какіе нибудь, а то не за что деньги давать... виѣшался Тугоуховъ.

— Старина, старина! завопили Колобродинъ и Левинъ въ одинъ голосъ.

Такъ-то устроилось благотворительное общество. Чѣмъ далѣе, тѣмъ многочисленнѣе и богаче оно становилось: барыни не хотѣли отставать отъ М-ше Мейеръ и другъ отъ друга, а за ними танцались и мужчины. Сборъ денегъ шелъ многообразными путями: и подписка состоялась, и базаръ устроился, и лоттерей какая-то разыгралась, и лекціи Неморшанскаго привлекали слушателей... Весь городъ, по видимому, сочувствовалъ начинаніямъ М-ше Мейеръ, ей удалось вызвать въ губернскомъ обществѣ вниманіе къ учащейся молодежи и отчаянную моду на подписки, лоттерей, базары и прочія благотворительныя затѣи, извѣстныя каждому губернскому городу.

Одно только лице съ перваго же раза обнаружило непріязненное отношеніе къ предпріятіямъ нашей сановницы: это «генералъ по должности» Г., а отъ него непріязненное отношеніе распространилось на его друзей, которыхъ насчитывалось не мало. Непріязнь Г. особенно усилилась послѣ нѣсколькихъ столкновеній его съ Мейеромъ. Эти столкновенія произошли по части нововведеній и преобразованій, сочиняемыхъ вице-губернаторомъ. Было между двумя тузами три-четыре сшибки, которыя показали публикѣ, что Г. и Мейеръ мѣшаютъ другъ другу. За глаза оба они ругались безпощадно.

— Поищите, толковалъ Мейеръ въ кругу Тугоуховыхъ, Левинныхъ, Колобродинныхъ и тому подобныхъ: какой это представитель дворянства, это кучеръ какой-то, баранья голова, которую начиняютъ Ласточкинъ всякимъ дермомъ, и больше ничего.

— Совершенная баранья голова, балбесъ какой-то... поддакивали Тугоуховы.

— Этотъ Мейеръ съ ума сходитъ съ своими нововведеніями, трак-

товалъ Г. въ кругу Ласточкина и тому подобныхъ: кажется, около этихъ нововведеній онъ просто на просто хочетъ руки погрѣть. А жена его выдѣлываетъ чортъ знаетъ что такое. И это вице-губернаторъ! пустозвонъ и пустоцвѣтъ!.. Ласточкинъ ничего не говоритъ, только лукаво улыбался.

Публика начинала раздѣляться на партіи, но бѣсъ, нашъ знаемецъ, постарался, чтобы большинство было на сторонѣ Мейера.

Доломанъ, пріѣхавшій въ нашъ городъ по какому-то важному порученію, ничего не понималъ, хлопалъ глазами и оставался одинаково полезнымъ членомъ обѣихъ партій, такъ какъ обѣ онъ считали его своимъ. Хозяинъ его, почтеннѣйшій г-нъ Дьяконовъ, вѣртался, какъ бѣсъ передъ заутреней, и смотрѣлъ, какъ бы въ мутной водѣ рыбы половить.

Генералъ Ясинскій долго думалъ, чью бы сторону принять, наконецъ рѣшился — держаться ни туда, ни сюда, выжидать, чья моль вывесетъ, къ той сторонѣ и пристать. Онъ одинаково таинственно велъ себя и у Г. и у Мейера, каждому твердилъ свое заветное: «я полагаю», каждому обѣщалъ содѣйствіе, и каждого готовъ былъ утопить—лишь бы не остаться въ убыткѣ...

●. Федоренчъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ПРОГРЕССЪ ВЪ МІРѢ ЖИВОТНЫХЪ И РАСТЕНІЙ.

ХІ.

РАЗЛИЧНЫЯ ВИДОИЗМѢНЕНІЯ.

Въ предыдущихъ статьяхъ мы видѣли, что всѣ животныя и всѣ растенія постоянно борются между собою за средства къ существованію. Побѣждаютъ въ этой борьбѣ тѣ животныя и тѣ растенія каждой породы, которыя отличаются какими нибудь выгодными, хотя, быть можетъ, и незамѣтными особенностями своей организаціи. Побѣдители переживаютъ своихъ побѣжденныхъ единоплеменниковъ, и оставляютъ послѣ себя многочисленное потомство, а изъ этого потомства живутъ долго и размножаются сильно тѣ субъекты, которые получили въ особенно значительной степени выгодныя качества родительской комплекціи. Такимъ образомъ, выгодныя особенности тѣло-сложенія сохраняются въ породѣ, и этотъ процессъ сохращенія называется, какъ мы видѣли, естественнымъ выборомъ. Если бы всѣ животныя и всѣ растенія рождались всегда совершенно похожими на своихъ родителей, т. е., если бы не было никакого индивидуальнаго разнообразія, тогда не могло бы быть и естественнаго выбора, потому что тогда не было бы никакихъ выгодныхъ особенностей, и, стало быть, нечего было бы сохранить. Естественный выборъ состав-

ляетъ, такимъ образомъ, прямое слѣдствіе тѣхъ видоизмѣненій, которыя проявляются въ каждой породѣ животныхъ и растений. Когда видоизмѣненіе представилось, тогда естественный выборъ или сохраняетъ, или отбрасываетъ его, т. е., говоря другими словами, видоизмѣненный организмъ или переживаетъ своихъ сверстниковъ, или умираетъ раньше ихъ. Но чтобы видоизмѣненный организмъ могъ сдѣлать то или другое, ему, очевидно, сначала надо родиться видоизмѣненнымъ. Видоизмѣненіе должно уже существовать прежде, чѣмъ оно подвергнется дѣйствию естественнаго выбора. Какія же причины производятъ эти видоизмѣненія, и по какимъ законамъ они совершаются? Дать на этотъ вопросъ полный и удовлетворительный отвѣтъ современная наука еще не въ состояніи; но кое-какіе факты уже собраны, и нѣкоторыя общія заключенія могутъ быть сдѣланы уже въ настоящее время.

Климатическія условія, т. е. воздухъ, свѣтъ, теплота, влажность производятъ въ организмахъ нѣкоторыя измѣненія, и дѣйствуютъ обыкновенно на растительное царство сильнѣе, чѣмъ на животное. Замѣчено, что многія растения, живущія на берегу моря, имѣютъ мясистые листья; насекомыя, водящіяся по берегамъ, отличаются металлическимъ блескомъ крыльевъ и тѣла; моллюски, живущіе въ тропическихъ моряхъ и на незначительной глубинѣ, яркостью своихъ красокъ превосходятъ тѣхъ моллюсковъ, которые держатся въ глубинахъ и холодныхъ водахъ; птицы, обитающія внутри материковъ, носятъ болѣе пестрое и блестящее опереніе, чѣмъ тѣ птицы, которыя водятся на островахъ и на берегахъ. Всѣ эти особенности не только свойственны тѣмъ породамъ, которыя составляютъ коренное населеніе этихъ мѣстностей, но онѣ даже приобрѣтаются многими пришлыми породами; такимъ образомъ, если наблюдатель постепенно переходитъ отъ болѣе холодныхъ морей къ болѣе теплымъ, или отъ болѣе глубокихъ водъ къ болѣе мелкимъ, то онъ замѣчаетъ, что одна и та же порода моллюсковъ постепенно окрашивается болѣе яркими оттѣнками. Точно также птицы одной породы становятся болѣе или менѣе яркими, смотря по тому, гдѣ онѣ живутъ, въ сухой и жаркой странѣ материка, или подъ сѣрымъ небомъ острововъ и прибрежныхъ земель. То же самое происходитъ со многими растениями и насекомыми; т. е., приближаясь къ морю, первыя приобрѣдаютъ мясистые листья, а вторыя — металлическій блескъ, не смотря на то, что нѣтъ порода не отличалась этими особенностями,

когда жила вдали отъ береговъ. Извѣстно, что у животныхъ одной породы мѣжъ бываетъ тѣмъ гуще, чѣмъ холоднѣе мѣсто ихъ жительства. Но здѣсь вмѣшивается въ дѣло естественный выборъ, и поэтому результатъ не можетъ быть приписанъ исключительно прямому дѣйствию климата. Если, напримѣръ, пара медвѣдей, по какому нибудь случаю, будетъ принуждена переселиться изъ умѣреннаго климата въ холодный, то мы никакъ не можемъ утверждать, что медвѣдица, въ новомъ своемъ отечествѣ, родитъ всѣхъ дѣтей съ болѣе густымъ мѣхомъ, чѣмъ если бы они родились на прежнемъ мѣстѣ жительства; но тѣ медвѣжата, у которыхъ мѣжъ будетъ погуще, получаютъ преимущество надъ своими жидкошерстными братьями; первые, вѣроятно, переживутъ послѣднихъ, и такъ какъ естественный выборъ будетъ дѣйствовать такимъ же образомъ на всѣ слѣдующія поколѣнія, то потомство медвѣдей умѣреннаго пояса рано или поздно приобрететъ себѣ тотъ густой мѣжъ, который необходимъ для обитателей холодной страны. Если это приобретение дѣйствительно совершится, то мы никакъ не будемъ въ состояніи рѣшить, какую долю вліянія тутъ надо приписать прямому дѣйствию климата, и какую — естественному выбору; т. е., потому ли мѣжъ сдѣлался гуще, что холодный воздухъ особеннымъ образомъ дѣйствуетъ на кожу, и поощряетъ произрастаніе волосъ, или потому, что медвѣди постоянно рождались отъ густошерстныхъ родителей, которые, благодаря своему теплому мѣху, постоянно переживали своихъ сверстниковъ, плохо защищенныхъ отъ холода? То же безвыходное затрудненіе представляется каждый разъ, когда какое нибудь видоизмѣненіе приноситъ животному или растенію малѣйшую долю пользы. Гдѣ польза, тамъ непремѣнно дѣйствуетъ естественный выборъ, и отдѣлать его вліяніе отъ прямого дѣйствія климатическихъ условій нѣтъ никакой возможности.

Если какой нибудь органъ животного часто упражняется, то онъ развивается и усиливается; если же онъ находится въ бездѣйствіи, то онъ слабѣетъ и атрофируется, т. е. увядаетъ отъ недостатка питанія. Эти приобретенныя свойства органа, т. е. его сила, или его слабость, передаются по наслѣдству, и если дѣти ведутъ жизнь, ежечасную съ жизнью родителей, то эта сила, или эта слабость увеличиваются, и въ такомъ увеличенномъ видѣ переходятъ къ слѣдующему поколѣнію. Говоря о домашнихъ животныхъ, я указывалъ читателю на сильное развитіе вымени у дойныхъ коровъ и на сла-

бость крыльевъ у нашихъ утокъ. Подобные факты встрѣчаются и у дикихъ животныхъ, съ тою только неизбежною разницею, что нашъ чрезмѣрное развитіе, такъ и атрофія органа непременно должны быть въ какомъ нибудь отношеніи полезны для самого животного, потому что если бы они не были полезны, то они были бы немедленно уничтожены дѣйствиемъ естественнаго выбора, и слѣдовательно не могли бы превратиться въ постоянныя свойства отдѣльной разновидности, или цѣлаго вида. Если животное поставлено въ такія условія жизни, при которыхъ тотъ или другой органъ перестаетъ быть для него необходимымъ, то для этого животного положительно полезно, чтобы этотъ ненужный органъ атрофировался. Атрофія бесполезнаго органа даетъ животному возможность усилить и увеличить необходимыя органы. Читателю извѣстно, что вся масса питательнаго вещества, которое нашъ желудокъ и кишечный каналъ извлекаетъ изъ того, что мы ѣдимъ и пьемъ, — постоянно употребляется на возстановленіе нашего организма, который ежеминутно разрушается процессами дыханія, потѣнія, испражненія и разныхъ другихъ выдѣленій. Для организма выгодно, чтобы каждая частица питательнаго вещества приносила какъ можно большіе пользы, т. е. чтобы она употреблялась именно туда, гдѣ она всего болѣе необходима, именно на тѣ органы, которые всего болѣе содѣйствуютъ общему благосостоянію всего организма. Такой органъ, который постоянно находится въ бездѣйствіи, не можетъ приносить организму существенной пользы; стало быть, организму невыгодно кормить такого дармоеда; организму удобнѣе или перенести въ другое мѣсто то количество пищи, которое пошло бы на питаніе бесполезнаго органа, или совершенно сберечь это количество, то есть, покрыть свои необходимыя расходы меньшею массою питательнаго вещества. Это послѣднее обстоятельство, то есть возможность сводить концы съ концами при меньшемъ количествѣ пищи, особенно важно для дикихъ животныхъ, которыя принуждены брать себѣ съ бою каждый кусокъ питательнаго вещества. Бездѣйствующій органъ атрофируется, а, такъ какъ эта атрофія полезна для животного, то естественный выборъ поощряетъ ее, и во многихъ случаяхъ успѣлъ уже обратить ее въ постоянное свойство цѣлыхъ породъ. Такимъ путемъ образовались породы дикихъ птицъ, неспособныхъ летать, наиримѣръ, страусы, лавуары, пингвины, малокрылыя утки (anas brachyrufa). Такимъ же образомъ произошло то, что многіе наземные жуки или совершенно лишены передней па-

ры ногъ, или имѣютъ эти органы въ зачаточномъ, то есть, совершенно неразвитомъ состояніи. По той же причинѣ, глаза кротовъ и другихъ животныхъ, постоянно копающихся въ землѣ, остаются навсегда совершенно неразвитыми, а иногда покрываются даже кожей и заростають шерстью; чѣмъ меньше глазъ, и чѣмъ плотнѣе онъ защищенъ кожей и волосами, тѣмъ это удобнѣе для такихъ животныхъ, которыя никогда не выходятъ на свѣтъ; смотрѣть вроту нечего, потому что онъ постоянно держится въ темнотѣ, а большой и открытый глазъ во время ежедневныхъ подземныхъ странствованій врата долженъ былъ бы часто засоряться и подвергаться воспаленію. Отсутствіе упражненія ослабляло такимъ образомъ глазъ, а естественный выборъ сохраняя тѣхъ кротовъ, которые всего менѣе страдали отъ глазныхъ воспаленій, и вслѣдствіе этихъ двухъ причинъ глазъ кротовъ дошелъ до своего теперешняго, зачаточнаго состоянія. Въ огромныхъ пещерахъ австрійской провинціи Карнеоли и американскаго штата Кентукки живутъ цѣлыя особенныя породы крысъ, насѣкомыхъ, лягушекъ, раковъ и даже рыбъ, такъ какъ въ этихъ пещерахъ находятся подземныя озера и рѣки. Всѣ эти животныя, принадлежащія къ самымъ различнымъ отдѣламъ и классамъ, сходятся между собою въ томъ отношеніи, что всѣ они совершенно слѣпы. У тѣхъ, которыя живутъ поближе къ самому входу въ пещеру, глаза существуютъ, но ничего не видятъ; а у многихъ другихъ, живущихъ въ самой глубинѣ, совершенно нѣтъ органовъ зрѣнія, но зато, сильно развиты усики, щупальца, и разныя другіе органы осязанія. Климатъ Карнеоли очень сходенъ съ климатомъ Кентукки; пещеры той и другой страны составились изъ известковыхъ формаций, и находятся на одинаковой глубинѣ; стало быть, условія жизни въ обѣихъ пещерахъ совершенно сходны между собою; если мы предположимъ, что породы слѣпыхъ животныхъ были созданы специально для того, чтобы жить въ глубокихъ и темныхъ пещерахъ, то, рассуждая послѣдовательно, мы придемъ къ тому убѣжденію, что животныя, созданныя для одинаковыхъ условій, должны быть одинаковы, или, по крайней мѣрѣ, очень сходны между собою, и что, стало быть, обитатели американскихъ пещеръ должны быть очень похожи на европейскихъ. Но факты разобьютъ это убѣжденіе. Оказывается на самомъ дѣлѣ, что американскія и европейскія слѣпыя животныя не похожи другъ на друга; но за то существуетъ родственная связь между обитателями пещеры и тѣми зрячими животными, кото-

рыя водятся въ ея окрестностяхъ; то есть, подземный карнеолиецъ похожъ на земнаго карнеолиаца, и то же самое явленіе замѣчено также—въ Кентукки. Бромъ того, между жителями самой темной глубины, и обитателями совершенно свѣтлыхъ окрестностей существуетъ нѣсколько переходныхъ степеней и оттѣнковъ, которые вполне соотвѣтствуютъ постепенному переходу отъ дневнаго свѣта къ вѣчной темнотѣ, и по своей организаціи превосходно приспособлены къ различнымъ степенямъ полусвѣта или полумрака. Существованіе этой родственной связи и этихъ промежуточныхъ оттѣнковъ ясно указываетъ намъ на тотъ процессъ, посредствомъ котораго населились обѣ пещеры. Обыкновенныя животныя, съ нормальнымъ устройствомъ глазъ и органовъ осязанія подошли сначала къ отверстию пещеры, и устроили свое жилище подъ вѣчною тѣнью нависшихъ утесовъ. Эта легкая тѣнь могла содѣйствовать ихъ размноженію, потому что она спасала ихъ отъ разныхъ хищниковъ; размножившееся потомство этихъ животныхъ, выросшее въ тѣни, подвинулось немного дальше, въ царство вѣчнаго сумрака. Привыкнувъ къ сумраку, новыя поколѣнія стали подвигаться еще дальше, туда, гдѣ господствуетъ вѣчная ночь, и наконецъ дошли до той крайней глубины, гдѣ постоянно бываетъ такъ темно, какъ на поверхности земли не бываетъ темно ни въ какую ночь. Разумѣется, эти переходы совершались чрезвычайно медленно; въ каждомъ новомъ поколѣніи были вѣроятно субъекты съ разными легкими особенностями въ устройствѣ глазъ; однимъ было удобно оставаться тамъ, гдѣ они родились; другимъ было удобно подняться къ отверстию пещеры, туда, гдѣ посвѣтлѣе; наконецъ, третьимъ было удобно спуститься дальше въ глубину, чтобы уйти отъ болѣе зоркихъ враговъ и конкурентовъ. Естественный выборъ дѣйствовалъ на всѣхъ этихъ колонистовъ, постоянно сохраняя тѣхъ, которые всего лучше были приспособлены къ мѣсту своего жительства, а такъ какъ мѣста жительства пользовались освѣщеніемъ въ очень различной степени, то глаза жильцовъ атрофировались, а ихъ органы осязанія развивались—также въ очень различной степени. Такимъ образомъ, отъ совершенно зрячихъ родоначальниковъ произошли въ теченіи многихъ тысячелѣтій, собразно съ требованіями мѣстныхъ условий, подслѣповатыя, подслѣпые, слѣпые, и наконецъ совершенно безглазые потомки, у которыхъ органы осязанія становились все лучше и лучше, по мѣрѣ того, какъ утрачивалось зрѣніе. Если такимъ образомъ вліяніе мѣстныхъ условий,

бездѣйствіе органа и естественный выборъ, тѣсно связанные между собою, и дѣйствующіе постоянно въ одномъ направленіи, могутъ превратить зрячую породу животныхъ въ слѣпую и даже въ безглазую, если они могутъ замѣнить чувство зрѣнія чувствомъ осязанія, и если, наконецъ, они могутъ произвести эти метаморфозы надъ самыми различными классами животныхъ—надъ крысами, раками, рыбами, лягушками и насѣкомыми, то мнѣ кажется, трудно себѣ представить какую нибудь возможную границу для дѣятельности и могущества этихъ элементовъ. Всѣ разнообразныя формы организмовъ, существующія на земномъ шарѣ, порождены вліяніемъ условій жизни и естественнаго выбора. Современная наука не можетъ показать намъ, какъ это произошло въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, потому что знанія нашихъ натуралистовъ до сихъ поръ еще очень неудовлетворительны; но за то, современная наука не можетъ также представить ни одного такого случая, котораго нельзя было бы объяснить вліяніемъ условій жизни и естественнаго выбора. Если бы одинъ такой случай былъ извѣстенъ въ настоящее время, или если бы будущія изслѣдованія и наблюденія натуралистовъ привели со временемъ къ открытію такого случая, то вся теорія Дарвина тотчасъ взлетѣла бы на воздухъ, не смотря на то, что она объясняетъ совершенно удовлетворительно тысячи другихъ случаевъ. Эта теорія или объясняетъ всю исторію органической жизни, или не объясняетъ ровно ничего, и даже не можетъ существовать; исключеній тутъ никакихъ не допускается; если будетъ доказано, что въ природѣ былъ хоть одинъ скачокъ, то это будетъ значить, что скачки возможны, и тогда вся теорія медленнѣхъ видоизмѣненій и естественнаго прогресса рухнетъ въ ту же минуту. Но сила теорій Дарвина заключается именно въ томъ, что до сихъ поръ невозможно было найти ни одного несомнѣннаго скачка. Разумѣется, ни одинъ дѣльный натуралистъ, при всемъ своемъ уваженіи къ Дарвину, не станетъ слѣпо вѣровать въ его теорію, и не допуститъ, чтобы эта теорія стѣсняла его во время непосредственныхъ наблюденій. Живой фактъ всегда важенъ самъ по себѣ, а теорія хороша только до тѣхъ поръ, пока она вполне согласна съ фактами, и объясняетъ ихъ совершенно удовлетворительно и безъ малѣйшаго насилія.

На островѣ Мадерѣ водится до 550 различныхъ видовъ жесткокрылыхъ насѣкомыхъ, или, проще, жуковъ, изъ этого числа, 200 видовъ отличаются совершенно неразвитыми крыльями, и не мо-

гуть летать. Изъ 29 родовъ, свойственныхъ исключительно этому острову, до 23-хъ находятся въ такомъ положеніи. Напротивъ того, чешуекрылыя насѣкомыя острова Мадеры, или бабочки, и тѣ виды жуковъ, которые питаются цвѣточнымъ сокомъ и цвѣточной пылью, одарены очень крѣпкими и особенно хорошо развитыми крыльями. Эти два противоположныя явленія произведены влияніемъ одинаковыхъ условій жизни и дѣйствіемъ естественнаго выбора. Вотъ какъ это сдѣлалось. На островѣ Мадерѣ дуютъ очень сильные вѣтры, и особенно на той сторонѣ острова, которая обращена къ африканскому берегу; именно на этой сторонѣ живетъ большая часть жуковъ, лишенныхъ способности летать. Въ теченіи многихъ тысячелѣтій вѣтеръ постоянно подхватывалъ на лету и уносилъ въ море тѣхъ жесткокрылыхъ смѣльчаковъ, которые рѣшались распустить свои крылья и подняться на воздухъ; такимъ образомъ, вмѣстѣ съ ними, по словамъ Дарвина, тонула въ морѣ будущность ихъ расы. Для тѣхъ жуковъ, которые питались навозомъ, или корнями растений, или древесиною, или личинками другихъ насѣкомыхъ, летаніе составляло пустую прихоть, что-то въ родѣ прогулки для моціона; одни изъ нихъ могли любить подобныя прогулки, другіе могли быть къ нимъ совершенно равнодушны, потому что эти прогулки не имѣютъ для нихъ ничего общаго съ настоящею цѣлью жизни, то есть, съ отыскиваніемъ пищи. Естественный выборъ выражался здѣсь въ томъ, что вѣтеръ постоянно истреблялъ тѣхъ, которые летали, и постоянно оставлялъ въ покоѣ тѣхъ, которые вели исключительно сидячую и ходячую жизнь. Крылья, оставшіяся въ бездѣйствіи у многихъ тысячъ поколѣній, ослабѣли и атрофировались, а у многихъ породъ жесткія надкрылія срослись даже совершенно наглухо. Напротивъ, для бабочекъ и для жуковъ, питающихся цвѣтами, летаніе было необходимымъ условіемъ жизни; для нихъ не летать значило положить зубы на полку, потому что если на каждый цвѣтокъ взползать, да потомъ спускаться съ него внизъ, да потомъ переползать на другой цвѣтокъ, по густой травѣ, которая для насѣкомаго должна казаться гуще, выше и страшнѣе, чѣмъ кажется человѣку непроходимый дѣвственный лѣсъ, наполненный змѣями и тиграми, если, говорю я, производить по поводу cadaго цвѣтка всѣ эти длинныя церемоніи, то конечно придется насѣкому умереть съ голоду. Слѣдовательно, такъ или иначе, опасно или неопасно подниматься на воздухъ, а

бабочки и шмелей должны летать, во что бы то ни стало; и они действительно летали всегда, и не перестали летать на Мадейрѣ; и вторы уносили въ море очень многихъ, и, можетъ быть, погубила такимъ образомъ цѣлыя породы, но сохраниться могли тутъ не тѣ субъекты, которые мало летали, а напротивъ тѣ, которые летали больше всѣхъ, и у которыхъ, вслѣдствіе этого, крылья были особенно крѣпки и способны противиться вѣтру. У жуковъ, летающихъ рѣдко и по прихоти, крылья, по всей вѣроятности, всегда были слабые, чѣмъ у тѣхъ насекомыхъ, которые летаютъ постоянно и по необходимости. Поэтому для первыхъ было возможно и необходимо отсиживаться отъ вѣтра; а для вторыхъ также возможно и необходимо было бороться съ вѣтромъ и иногда побѣждать его. Поэтому, естественный выборъ, действуя въ обоихъ случаяхъ посредствомъ того же самаго вѣтра, уничтожилъ крылья первыхъ, и укрѣпилъ крылья вторыхъ.

XII.

ТАЛОСЛОВІЯ И ПРИМѢЧАНІЯ.

Животныя, которыхъ мы видимъ на водѣ, болѣею частью такъ хороши приспособлены употребить своего тела къ общему топорочному образу жизни, что, глядя на нихъ, мы съ трудомъ рѣшаемся допустить те предположенія, что они приспособлены къ этому образу жизни исключительно. Мы видимъ, напримеръ, что динимъ утра постоянно вылазаетъ на водѣ, и видимъ, что у нея между пальцами ногъ выростаютъ перепонки, которая помогаетъ ей плавать; мы видимъ, что летучая мышь известна всѣмъ, и видимъ, что между передними и задними конечностями ея тѣла простирается перепонка, которая даетъ ей возможность летать, и слѣдовательно съ особеннымъ успѣхомъ преслѣдовать крылатую добычу. Мы видимъ, что цапля отыскиваетъ свою пищу въ болотахъ, и видимъ, что у нея ноги высокія, тонкія, сухія и непокрытыя перьями, то есть, имѣетъ развѣ приспособленныя къ тому, чтобы шагать по вязкому и влажному

грунту. Мы видимъ и всегда видѣли очень много подобныхъ вещей, и существующія приспособленія стали бросаться людямъ въ глаза съ той самой минуты, какъ только люди начали обращать вниманіе на то, что происходитъ вокругъ нихъ, въ мірѣ животныхъ и растений. Добродушные натуралисты, или вѣрнѣе, натурфилософы старой школы, по свойственной имъ чистотѣ сердца, удивлялись надъ этими приспособленіями, и утверждали, что природа, заботливо охраняющая всякую тварь, одарила цаплю длинными ногами, для того, чтобы цапля могла ходить по болотамъ. Ну, что, въ самомъ дѣлѣ, кабы у цапли, да не было бы длинныхъ ногъ? Какъ бы она стала ходить по болотамъ? Пропадать бы пришлось бѣдной цаплѣ. Стремленіе къ болоту есть, а сунуться въ болото нельзя, увязнешь. А природа заботится, ну и одарила: на, моль, тебѣ, цапьяшница! Живи въ свое удовольствіе. Другіе натуралисты, похитрѣе первыхъ, очень остроумно смѣялись надъ этими соображеніями, и говорили, что все это вздоръ: не ноги даны цаплѣ для того, чтобы ходить по болотамъ, а совсѣмъ напротивъ, цапля отъ того именно и стремится къ болоту, что у нея такъ, а не иначе, устроены и ноги, и желудокъ, и весь складъ тѣла. Будь у нея другой складъ тѣла, ее и не потянуло бы къ болоту, и жила бы она совсѣмъ не по теперешнему, и всѣ привычки были бы у нея совсѣмъ другія, а вы, добродушные натурфилософы, и тогда стали бы восхищаться заботливостью природы, что, моль, вотъ какъ отиѣнно хорошо приспособлена цапля къ надлежащему мѣсту. Если смотрѣть на тѣхъ и другихъ натуралистовъ, какъ на представителей философской доктрины, то, конечно, между первыми и вторыми можно замѣтить существенное различіе. Но итѣннѣе первыхъ, выходитъ такъ, что сначала существовало только отвлеченное стремленіе цапли къ болоту, а потомъ къ этому невещественному стремленію придѣлана цапля; то есть, соответствующій желудокъ, и ноги, и голова, и клювъ, и все, имѣть быть должно. Вѣдь если имъ отъ имени цапли, должны благодарить природу за удобныя ноги, то мы точно также должны благодарить и за крылья, и за весь скелетъ, и за каждую частицу тѣла, потому что все это подобрано одно къ одному, и все соответствуетъ стремленіямъ цапли. Ну, стало быть, и выходитъ, что стремленія цапли существовали тогда, когда еще не было ни ногъ, ни головы, ни крыльевъ, ни желудка, и вообще ни одной частицы цаплинаго тѣла. Другіе, тѣ, что похитрѣе, осмѣливаются предполагать, что, напротивъ того, цапля начала стре-

нитъся къ болоту только тогда, когда она начала существовать, то есть, когда у нея оказались уже и ноги, и крылья, и всё прочіе необходимые атрибуты. Стало быть, съ философской точки зрѣнія разница есть, но за то, какъ естествоиспытатели, обѣ враждующія стороны стоять между собою на одномъ уровнѣ, и остроумные хитрецы ничѣмъ не превосходятъ умилующихся чистосердечниковъ. Хитрецы говорятъ: «природа дала цапѣ длинныя ноги, и вслѣдствіе этого, цапля... и т. д.» противники ихъ говорятъ: «природа дала цапѣ длинныя ноги, для того, чтобы цапля... и т. д.» Значитъ, и тѣ, и другіе говорятъ: «природа дала», и, стало быть, единственная существенная часть вопроса остается въ сторонѣ. Не было ногъ, и вдругъ явились ноги, а откуда онѣ взялись, и какъ онѣ развивались, и почему онѣ приняли именно эту, а не другую форму—объ этомъ и разговора нѣтъ: кто жъ ихъ знаетъ, какъ, откуда, и почему? Читатель, разумѣется, понимаетъ, что «природа дала» и «кто жъ ихъ знаетъ?»—въ сущности совершенно одно и то же. Понять это не трудно, и почти всѣ натуралисты понимали это очень давно, но одни считали вопросъ неразрѣшимымъ, а другіе и пробовали разрѣшить его, да только не умѣли. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, французскій натуралистъ Ламаркъ построилъ цѣлую теорію, но въ этой теоріи все выходило какъ-то неосязательно и невразумительно: съ одной стороны—цапля, съ другой—болото, съ третьей—упражненіе органовъ, съ четвертой—законъ прогрессивнаго развитія, а со всѣхъ сторонъ оказывается, что у цапли ноги длинныя выросли. Ламаркъ чувствовалъ, что есть связь между цаплей, болотомъ и упражненіемъ органовъ, и что есть тутъ какой-то законъ развитія, но разобрать по ниточкамъ эту связь, и разъяснить пообстоятельнѣе дѣйствіе этого закона Ламаркъ былъ не въ силахъ. Во-первыхъ, онъ и по даровитости-то былъ не чета Дарвину, а во-вторыхъ, и время его было еще не то, что теперь. Восемнадцатый вѣкъ, золотой вѣкъ великой философіи, незабвенная заря чистаго человѣческаго самосознанія, вмѣстѣ съ своими громадными достоинствами, имѣлъ свою несправдливую и неизбежную философскую слабость: любилъ покойникъ рѣшать всякіе вопросы свысока и вообще, то есть, именно такъ, какъ при изученіи природы невозможно рѣшить ни одного вопроса. Поэтому-то, настоящее господство естествознанія началось именно тогда, когда послѣдній, вырожденный представитель великой философіи, Гегель, сошелъ въ могилу вмѣстѣ съ своею системою. — Послѣ ла-

марка, другой французскій натуралистъ, Этьеннь Жюверуа-Сентъ-Иларь много толковалъ о вліяніи окружающей среды (*le milieu ambiant*), но всё эти разсужденія были только какими-то предчувствіями и гаданіями, такъ что можно было сказать:

Педурманъ слогъ; писать умѣеть;

но съ вещественной стороны теорія оказывалась и неуловимою, и несостоятельною. Непокосбиные скептики, Базаровы самаго высшаго разбора, очень спокойно разрушали всё эти словесныя построенія чрезвычайно простыми вопросами и чрезвычайно законными требованіями. «Покажите, докажите, говорили они, объясните вотъ этотъ случай, разрѣшите такое-то затрудненіе, и при этихъ хитрыхъ словахъ теоріи немедленно разлетались, какъ дымъ. Теоретическихъ попытокъ въ такомъ родѣ было довольно много, и всё онѣ кончались неудачно, и этотъ рядъ постоянныхъ неудачъ объясняетъ намъ, почему теорія Дарвина при первомъ своемъ появленіи была встрѣчена довольно недовѣрчиво, и засыпана со всѣхъ сторонъ очень скороспѣлыми возраженіями. Дарвинъ въ первый разъ прочелъ мемуаръ о естественномъ выборѣ въ юнѣ 1858 года, въ засѣданіи линнеевскаго общества (*Linnean Society*). Основательнѣйшіе скептики, по всей вѣроятности, задумались надъ этимъ мемуаромъ, а Базаровы средней руки тотчасъ бросились впередъ, съ твердымъ намѣреніемъ немедленно растрепать въ куски новую теорію, и уложить ее на мѣстѣ, рядомъ со всѣми ея предшественниками. Но тутъ обнаружилось, что Дарвинъ зайдетъ свою хранину не на песокъ, а на камни, такъ что никакія ухищренія современныхъ человѣческихъ умовъ поколебать ее не въ состояніи. Идавая свою книгу, или, какъ онъ выражается, свое извлеченіе, онъ принимаетъ въ отношеніи къ возражателямъ такую оригинальную тактику, какой послѣдніе никогда еще не видывали, и никакъ не могли ожидать. Сначала онъ отвѣчаетъ на возраженіе, а потомъ, окончивши съ нимъ дѣло, говоритъ: «нѣтъ, постойте; вы бы лучше нѣтъ вотъ что возражали», и дѣйствительно, собственными своими руками ставитъ себѣ такую запятую, которая будетъ въ-десятеро по-сильнѣе чужаго возраженія; и начинаетъ полегоньку сворачивать это препятствіе въ сторону, и все дѣйствуетъ яслѣвшими доводами, все выдвигаетъ впередъ осязательные факты; посмотришь, и нѣтъ.

препятствія, и передъ великимъ мыслителемъ опять открывается гладкая дорога. А мыслитель еще при этомъ, въ невнимности души своей, на каждой страницѣ сознается, что разсужденія его очень голословны, но что дѣлать нечего, вѣдь это легкое извлеченіе, стало быть, подождите, господа, пока выйдетъ настоящій трудъ въ полномъ объемѣ. Факты всѣ собраны, только помѣстить-то ихъ въ книгу покуда еще нельзя. Понятно, что возражателя должны опѣмѣть отъ изумленія, и положить оружіе за-долго до ужаснаго выхода въ свѣтъ того невиданнаго лезвѣяна, который лежитъ теперь въ портфель Дарвина. Эта оборонительная часть книги «О происхожденіи видовъ» заключаетъ въ себѣ чрезвычайно много интереснѣйшихъ подробностей, и составляетъ собою лучшее ручательство за прочность всей теоріи. Передать всю суцность этой части я не могу: журнальная статья должна же имѣть разумные предѣлы, а Дарвинъ излагаетъ свой предметъ такъ коротко, что сокращать его еще больше значило бы предлагать публикѣ совершенно непонятныя, и, слѣдовательно, очень незанимательныя загадки. Поэтому я предупреждаю читателя, что съ этой минуты и вплоть до самаго конца моей статьи я не гонюсь за строгою систематичностью изложенія, и совершенно отказываюсь отъ невозможной задачи представить публикѣ миниатюрный фотографическій снимокъ съ книги Дарвина. Я буду выбирать только то, что особенно занимательно, и что я съумѣю представить, по возможности, подробно, ясно и наглядно. Въ первой статьѣ читатель получилъ общее понятіе о теоріи естественнаго выбора; теперь онъ увидитъ приложеніе этой теоріи къ объясненію многихъ отдѣльныхъ и разнообразныхъ явленій; увидитъ онъ нѣсколько эпизодовъ изъ борьбы этой теоріи съ возраженіями и препятствіями; и наконецъ увидитъ оправданіе этой теоріи въ геологіи, въ географіи въ сравнительной анатоміи и въ эмбриологіи. Все это будутъ только легкіе и бѣглые очерки, но я постараюсь, чтобы легкость и бѣглость нисколько не вредили ясности. А за вѣрность ручается Дарвинъ, и этого, я думаю, достаточно. Ну, и съ Богомъ. Значить, такъ и пойдутъ теперь:

«Легкие и взгляды очерки», безъ отдѣльныхъ заглавій.

I.

Теорія Дарвина утверждаетъ, что всѣ приспособленія животныхъ къ ихъ теперешнему образу жизни выработались поемлогу, путемъ постепенныхъ и незамѣтныхъ видоизмѣненій. Водяное животное могло превратиться въ земное, ходячее въ летучее, дневное въ ночное, и такъ далѣе; при чемъ, разумѣется, всѣ эти превращенія могли совершиться и наоборотъ. Спрашивается, какимъ же образомъ могло существовать животное во время переходной эпохи, когда оно не было вполне приспособлено, и когда оно, по своей организаціи, колебалось между двумя комплектами занятій и привычекъ? Какимъ образомъ, напримѣръ, плотоядное сухопутное животное могло сдѣлаться воднымъ? Этотъ вопросъ поставили противники дарвиновской теоріи, а Дарвинъ нашелъ на него отвѣтъ въ явленіяхъ живой природы. Въ сѣверной Америкѣ существуетъ, напримѣръ, животное *mustela vison*, принадлежащее къ семейству кунницъ; пальцы этого *vison* соединены плавательною перепонкою; по своему мѣху, по короткимъ ногамъ, и по формѣ хвоста онъ приближается къ рѣчной выдрѣ (*utra vulgaris*), которая постоянно питается раками и рыбою. Лѣтомъ визонъ живетъ, какъ выдра, то есть ныряетъ, плаваетъ и преслѣдуетъ рыбу; но такъ какъ въ отечествѣ визона зима продолжается очень долго, то на зиму визонъ по своему образу жизни становится настоящею земною кунницею, то есть, кормится крысами и другими мелкими земными звѣрьками, не смотря на свою плавательную перепонку, и на свою способность нырять. Когда негдѣ плавать и нырять, тогда по-неволѣ приходится дѣйствовать сухопутными средствами и пробавляться тѣмъ, что попадется. Если визонъ, совершенно приспособленный къ водяной жизни, можетъ однако существовать на сушѣ во все время продолжительной сѣверной зимы, то, разумѣется, ничто не мѣшало ему поступать точно такимъ же образомъ, когда онъ былъ менѣе приспособленъ къ плаванію и нырпанію. Теперь рыбная ловля составляетъ его любимое и спеціальное занятіе, и онъ пробавляется этимъ занятіемъ всегда, когда есть возможность плавать и нырять; а прежде, когда приспособленіе только-что начинало выработываться, предки визона

смотрѣли на рыбную ловлю, какъ на побочное и чисто-вспомогательное ремесло. Между прежнее и теперешнее состояніе визона можно себя вообразить безчисленное множество промежуточныхъ переходныхъ отбѣнокъ, и, какую бы фазу этой переходной эпохи мы ни выбрали для изученія, все-таки намъ никогда не представится такой моментъ, въ которомъ визонъ будетъ оторванъ и отъ земли, и отъ воды, и въ которомъ слѣдовательно существованіе визона сдѣлается невозможнымъ. Теперешній визонъ, балаирующій между водою и сушею, служитъ живымъ образчикомъ переходнаго состоянія; стало быть, самый фактъ его существованія составляетъ разительное подтвержденіе той идеи, что переходы возможны. Но если переходы возможны, то это вовсе не значитъ, что всѣ переходы непременно должны совершаться успѣшно. Очень многіе переходы оканчиваются въ природѣ совершенными неудачами, то есть, полнымъ истребленіемъ того вида животныхъ, который поставленъ въ необходимость сдѣлать какой нибудь переходъ. Но отчего происходятъ тутъ неудачи и истребленіе? Совсѣмъ не отъ того, что переходъ самъ по себѣ невозможенъ, и не отъ того, что животное остается въ всякаго рода положеніи между двумя стихіями; а просто отъ того, что обѣ стихіи уже заняты вполне приспособленными конкуррентами, то есть, такими животными, которыя сдѣлали переходъ раньше и быстрѣ другихъ. Если бы визона тѣснили съ обѣихъ сторонъ, съ воды и съ земли, очень опасные конкурренты, то порода визона навѣрное исчезла бы съ лица земли, и этотъ фактъ исчезновенія вовсе не могъ бы служить доказательствомъ противъ возможности переходовъ. Если я приду въ садъ раньше васъ, да оборву всѣ яблоки, то вамъ конечно ничего не достанется, но вѣдь это не значитъ, что вы неспособны рвать и ѣсть яблоки, а значитъ только, что васъ опередили. Такъ и тутъ, въ дѣлѣ между визономъ и его конкуррентами. Не свойства воды и земли мѣшаютъ переходу, и не свойства той пищи, которую визонъ долженъ добывать себѣ на водѣ и на землѣ, а количество и качества тѣхъ родственниковъ визона, съ которыми ему приходится вступать въ соперничество. Много ихъ, и сильны они — визонъ погибаетъ; мало ихъ, и слабы они — визонъ торжествуетъ, и переходъ совершается благополучно. Но та же самая исторія произошла бы и тогда, когда не было бы никакого перехода. Законъ постоянной борьбы господствуетъ надъ всѣми животными и растеніями, во всякую данную минуту ихъ существованія. Чѣмъ больше конкуррен-

товъ, тѣмъ сильнѣе борьба, тѣмъ строга естественный выборъ, и тѣмъ быстрѣ исчезаютъ пороки, сдѣлалась новыни усовершенствованными формами. Всѣ переходы совершаются точно также подъ вліяніемъ того же общаго закона борьбы. Отчего сухопутное животное начинаетъ витать на лягушкахъ или рыбамъ? Да отъ того, что не достаетъ пищи на сушѣ, то есть, отъ того, что число конкурентовъ несообразно велико въ сравненіи съ существующимъ количествомъ съѣстнаго матеріала. Ну, и лѣзетъ животное въ воду, и упражняется, а естественный выборъ тотчасъ начинаетъ покровительствовать тѣмъ, которые болѣе другихъ распоряжаются въ новой стихіи. Но когда животное ступило въ воду, то вѣдь это не значить, что оно такъ съ разу и отказалось отъ суши. Водяная охота служить только подспорьемъ, и пріобрѣтаетъ для животнаго важное самостоятельное значеніе только гораздо познѣе, по прошествіи многихъ и многихъ поколѣній, воспитанныхъ постояннымъ упражненіемъ, и очищеннымъ непрерывнымъ дѣйствіемъ естественнаго выбора. Отвѣтивъ на возраженіе противниковъ, Дарвинъ, по своему обыкновению, говоритъ имъ: а вы бы лучше у меня вотъ что спросили: какиимъ образомъ четвероногое животное, питающееся насѣкомыми, могло превратиться въ летучую мышь? Эта штука будетъ гораздо похитрѣе. А между тѣмъ, и тутъ можно отыскать переходныя формы, хотя и не въ самомъ порядкѣ рукокрылыхъ, или летучихъ мышей, но за тѣ, въ семействѣ бѣлокъ, въ которомъ также развито умѣнье летать, или по крайней мѣрѣ, порхать. Обыкновенная бѣлка обладаетъ только способностью прыгать, и ея широкій, пушистый хвостъ, развѣиваясь по воздуху, помогаетъ ей во время прыганія. За обыкновенною бѣлкою слѣдуютъ такіа породы бѣлокъ, у которыхъ задняя часть тѣла расширена, и кожа не совсѣмъ плотно прилегаетъ къ бокамъ. Широкое основаніе хвоста и кожистые мѣшки по бокамъ слегка поддерживаютъ эту бѣлку на воздухѣ, и позволяютъ ей дѣлать болѣе значительные прыжки, чѣмъ дѣлаетъ простая бѣлка. Это расширеніе хвоста и эта мѣшковатость кожи увеличиваются въ различныхъ бѣлчійхъ породахъ съ такою полною постепенностью, что простая бѣлка связывается съ летучею бѣлкою непрерывною цѣнью промежуточныхъ экземпляровъ, которые отличаются другъ отъ друга только самыми незначительными особенностями. Крайнее звено этой цѣпи бѣлокъ называется по-русски *летягою*, а по-латыни — *Sciurus volans* — что значитъ, въ буквальномъ переводѣ, бѣлокрыль или кры-

теломе рѣдко взрѣдывающіяся, обогатоющіяся. Ноги, напримѣръ, еще длиннѣе, которое называется широтопраномъ (*galapagoideus gibba*); его обыкновенно причисляли къ летучимъ мышамъ, и въ учебникѣ г. Григорьева, находящемся въ настоящую минуту у меня подъ руками, онъ также отнесенъ къ этому порядку. Но въ новейшее время нашли, что его слѣдуетъ перевести въ порядокъ членистоногихъ или обоевъ и въ семейство ле муровъ. Его теперь такъ и называютъ галеопитомомъ или летучимъ ле муромъ, и Дарвинъ также держится этого мнѣнія. Летательная перепонка галеопита простирается отъ угла челюсти до хвоста, и оклываетъ себою, какъ переднія, такъ и заднія оконечности; но у галеопита она покрыта волосами, а у настоящихъ летучихъ мышъ она совершенно голая. Кромѣ того—и это гораздо важнѣе—перепонка не захватываетъ пальцевъ галеопита, и эти пальцы, оставаясь свободными на рукахъ и на ногахъ, вооружены когтиами; напротивъ того, у летучихъ мышъ остаются свободными и вооружаются когтями только пальцы заднихъ оконечностей и большой палецъ переднихъ. Остальные же пальцы переднихъ оконечностей даже совсѣмъ непохожи на настоящие пальцы; они ничѣмъ не вооружены, — непомерно вытянуты въ длину, и наглухо вдавлены въ летательную перепонку; по своей фигурѣ и по своему значенію они напоминаютъ тѣ крутки, на которые натягивается матерія зонтика. Когда летучая мышь разставляетъ руки и ноги, и расширяетъ свои длинныя пальцы, тогда весь летательный снарядъ развертывается, и животное можетъ начать свое воздушное путешествіе. Когда же руки и ноги опущены, и пальцы сложены, тогда летательная перепонка, какъ широкая и длинная парусная, облегаетъ все тѣло. Что же касается до галеопита, то его перепонка растягивается безъ содѣйствія пальцевъ, посредствомъ особаго мускула, заключеннаго въ самой перепонкѣ. — Во всемъ семействѣ ле муровъ, кромѣ галеопита, нѣтъ ни одного животнаго, которое могло бы хоть кое-какъ поддерживаться на воздухѣ. Переходныхъ степеней не сохранилось никакихъ, но это равно ничего не доказываетъ. Значить, были да сильныя. Во-первыхъ, самъ галеопитъ ничто иное, какъ переходная степень между настоящимъ ле муромъ и настоящимъ летучимъ мышамъ; это обстоятельство выразилось даже въ томъ недоумѣніи, по которому натуралисты принуждены были перетаскивать его изъ одной категоріи въ другую. А во-вторыхъ, галеопитъ не живетъ, подобно обоевъ,

нотти на восемь пространствъ земнаго шара; стало быть, жизнь въ ограниченной области, онъ негъ изработать себѣ летательную способность до высокой степени совершенства только негъ тѣмъ непрекѣннымъ условіемъ, чтобы всѣ жившія промежуточные стѣпени постоянно уничтожались; въ противномъ случаѣ, т. е., если бы плодкіе и неспредственные прыгуны не истреблялись вліяніемъ спавкинутой борьбы, тогда означенныя прыгуны постоянно совозмужались бы съ ними, и такимъ образомъ постоянно портила бы свою породу. А если бы порода портилась, то прыгуны никогда не могли бы сдѣлаться летунами. Требовать отъ теоріи естественнаго выбора, чтобы она во всѣхъ случаяхъ представляла живые образчики переходныхъ инстанцій, значить требовать отъ нея самоуничтоженія. Не станете же вы требовать отъ вѣялки, чтобы она оставила мякину рядомъ съ зернами. Тогда она не будетъ вѣялкой, или будетъ находится въ бездѣйствіи. А естественный выборъ та же вѣялка: что онъ сохраняетъ—то живетъ и плодится; что онъ выбрасываетъ—то умираетъ; и мякиною оказываются постоянно всѣкіе промежуточные типы. Вѣдь и вѣялки, образующія непрерывную цѣль градаций, не могутъ быть названы промежуточными типами; каждая изъ нихъ въ своемъ отечествѣ составляетъ торжествующій, крайній и переходной типъ, который живетъ изъ поколѣнія въ поколѣніе только потому, что не встрѣчаетъ себѣ болѣе крайнихъ соперниковъ; въ сравненіи съ чужеземцами, этотъ типъ можетъ стоять на очень низкой стѣпени развитія; но это ничего не значить; у себя дома онъ впереди всѣхъ, и въ этомъ заключается его сила и причина его существованія. А если онъ ниже чужеземцевъ, то это зависитъ отъ мѣстныхъ условій жизни и отъ силы мѣстной борьбы; естественный выборъ не вслѣдъ же дѣйствуетъ одинаково; вѣдь и вѣялки бывають разными; одна очищаетъ зерна самымъ строгимъ образомъ, а другая валитъ пополамъ съ мякиною. Стало быть, переходъ отъ четвероногого животнаго къ летучей мышѣ возможенъ, и даже не подлежитъ сомнѣнію, а несуществованіе переходныхъ формъ не только не противорѣчитъ идеямъ теоріи, но даже, напротивъ того, составляетъ прямое свидѣствіе ея основныхъ принциповъ. Впрочемъ, кому угодно думать, что летучая мышъ свалилась на землю, подобно аэролиту или подобно крупному граду, тому, разумѣется, никакая теорія препятствовать не можетъ, не смѣть и не должна.

II.

Помимо этого в приложении к статье животные представляются орудиями, или как минимум являются инструментами человеческих действий, функция их лишь приютного общества — это даже и воображать себя трудно. Если бы действительно такое предположение, а остальное в отношении животных, что были добродушное Ласмонена и почтенное дядунка Крылова описывают очень значительное влияние на то общество, которое им составляют себя о характеру самих обитывающих и смысле известных птиц и зверей. В самом деле, откуда появилось у нас идея о аристотелевой теории и идея, объясняющая возможность надежды, о возвратах жизни, о прочности души и о многих других курьезах животной иерархии. Вглядитесь в эти идеи, и вы увидите, что в основании их лежит Иезуитизм, Ласмонен, или какой-нибудь другой западный философского происхождения. Разрешается, вы при этом увидите улыбку, и даже отчасти споможетесь; но, выходя из души, и сколько там должно окончиться жизни просвещенные журналисты, которые так давно и так бесцельно удерживали и заставляли своим изданием наши университетские умы. Они-то, собственно, что смотрели? Вид о смысле бессловесных всегда была была важна; ведь тут даже и обстоятельством нельзя отговориться. Они, пожалуй, всегда и видели, но почему не знают, для чего они не знали, а если они этого не знают, и, по всей вероятности, даже никогда об этом не думали. Русская публика благополучно изучает природу по басням Крылова, и по сборникам анекдотов о смысле жизни человека и собаки, а русский журнал (это же «Общественная Завоевание») вдруг бьют две статьи о том, что арктический исследователь Мильн-Эдвардс сообщил не так, как вы думаете, излагать арктическую историю. Или вдруг выхватить статью из «Westminster Review» и поднести нашим читателям. Все равно, как, сказать: что они, собственно, смыслят? Человеку проехать куда угодно, человек голодать, а ему предлагать: не хочешь ли, ангел мой, зельяской воды от лихорадки? И ангел мой марширует, а остаются сидеть голодный, потому что откуда же взять? Люди, изучающие природу путем непосредственных наблюдений, разумеется, не ввернут в непогрешимость

такихъ авторитетовъ, какъ Крестовъ, Дарвинъ, особенно о мѣд. Райнго, иа подготовленія Шакареллы; но, конечно, уяъ, упрости- до такой степени оригинально, что даже очень дѣльные и знающіе люди, часто совершенно невольно и безосновательно поддѣляются въ своихъ разсужденіяхъ, разсужденіяхъ касательно тѣхъ понятій, которыя относятся въ обществѣ, какъ къ истиннымъ міазмамъ, и каковыя напади туда богъ знаетъ откуда и когда, и укоренились въ намъ богъ знаетъ по какой причинѣ и на какихъ основаніяхъ. Какъ понять, напримеръ, такое соображеніе Пашера Жозефа Сентъ-Илера? Онъ говоритъ самыми догматическими тономъ, что *растѣнія умираютъ, животные умираютъ и отмираютъ, а человекъ умираетъ, отмираетъ и мыслитъ*. Выходить, стало быть, что животное не мыслитъ; и такую основательную нелѣпость говорилъ ученый, пользующійся европейскою извѣстностью, и дѣйствительно заслужившій эту извѣстность очень многими добросовѣтными и дѣльными общественными наблюденіями. Очевидно, Сентъ-Илеръ этотъ на мѣсть положить такое открытіе въ своихъ непосредственныхъ наблюденіяхъ; онъ заразился этимъ открытіемъ со стороны, какъ заражаются люди сибирскою язвою, или тифозною горячкою. У многихъ другихъ натуралистовъ встрѣчаются также очень разнообразныя прѣвращенія умственнаго зараженія, иногда довольно легкаго, а иногда совершенно безнадежнаго. Къ числу самыхъ удорныхъ міазматическихъ погрѣшеній принадлежитъ та повсемѣтно распространенная идея, что животные рѣшительно неспособны развиваться и совершенствоваться въ умственномъ отношеніи. Всякій разсуждающій человекъ, ученый и научный, скажетъ вамъ, не запыная, точно математическую аксіому провозносить, что и обезьяны, и собаки, и журавли, и лягушки, и муравьи, и всякая тварь жили пять тысячъ лѣтъ тому назадъ, томъ въ точь такъ, какъ они живутъ сегодня, 10 мая 1864 года. Если вы спросите: а почему же вы такъ, милостивый государь, думаете? — то милостивый государь даже засмѣется: вотъ прекрасно! Почему? Да это ясно, какъ день! Это само собою развѣстается. А по вашему — то какъ же: у нихъ стало быть есть исторія, существуетъ собачья цивилизація, журавлиный прогрессъ, лягушечья революція! — Когда міазматическая идея вооружается насмѣшкою, то удары ея становятся неотразимыми, потому что такая насмѣшка всякому по плечу, и всякому доставляетъ удовольствіе. Всякій понимаетъ соль этой насмѣшки, сочувствуетъ вашему остроумному собесѣднику, и хохочетъ надъ

чужь цивилизованнѣе, ни тотчасъ убѣдиться въ дѣлѣхъ несовершенство-ности общаго мудрствѣ классической древности. Но и въ наше время, напримеръ, Александръ Гумбольдтъ въ «Натурѣ», и умно знаменитѣйшій нашъ Императоръ во введеніи въ своей «общей біологіи» (*Histoire naturelle générale des règnes organisés*) хвалить Аристотеля за то, что онъ не вѣрить тѣмъ баснословнымъ разсказамъ о природѣ, которые въ его время были въ ходу между его легвовоспитанными землянами. Эти похвалы губительныя великаго морщина. Если приходится говорить чужеземцу большое спасибо за то, что онъ одобрять существованіе спирта, сениссы или пшеницы, то какъ же требовать или ожидать отъ него не самаго чужака такія тщательныя и усидчивыя наблюденія, которые могли бы послужить надежнымъ матеріаломъ для исторіи умственныхъ отрываній животнаго царства?

4) Извѣстнѣе и говорить нечего, потому что его даже и за то нельзя похвалить, за что хвалить Аристотеля. Современныя натуралисты проводятъ по дѣламъ часамъ надъ мушками ибуду муравейниковъ, и повторяютъ тѣ же сеансы каждый божій день, въ теченіи многихъ и очень многихъ лѣтнихъ сезоновъ; и все-таки, при этомъ страшно въ направленіи вниманія, считаютъ себя никольными въ дѣлѣ изученія природы и сомнѣются въ томъ, что вселенныя вопросы животнаго царства до сихъ поръ даже не могутъ быть поставлены надлежащимъ образомъ. Во времена Аристотеля задача была такъ же громадна и запутана, какъ и теперь, а между тѣмъ великій Аристотель никогда не углублялся въ изученіе муравейниковъ; онъ писалъ и о политикѣ, и о логикѣ, и о риторикѣ, и между прочимъ, о естественной исторіи; онъ воспитывалъ Александра Македонскаго, и онъ же основалъ цѣлую громадную философскую школу перипатетиковъ. Положимъ, что онъ очень великъ; его величіе пускай при немъ и остается на вѣчныя времена; но если мы вдумася обращать къ такому всеобъемлющему гению за свѣденіями о нравахъ нашей твари, то наша довѣрчивость приведетъ насъ къ очень неутѣшительнымъ результатамъ. Недурно также припомнить, что Америка и Австралія были совершенно неизвѣстны Аристотелю, а Индія, Китай, Сибирь, почти вся Африка и весь сѣверъ Европы были извѣстны только по полѣвѣйшимъ сказкамъ. Каковы были пробѣлы въ зоологическихъ свѣденіяхъ классической древности, это достаточно видно изъ того факта, что ни греки, ни римляне не знали ни одного вида высшихъ обезьянъ, ни orangъ-утанта, ни гиббона, ни шимпанзе, ни гориллы. На-

ду устройства организма и всѣмъ привычкамъ, то, разумеется, всѣ животныя одного вида должны имѣть совершенно одинаковыя привычки, отъ которыхъ они не могутъ отклоняться ни на волею, ни по дѣлу жизни видовъ, и ни при какихъ условіяхъ. Если вы только допустите, что животное, въ минуту сильнаго голода, можетъ вать въ ротъ кусокъ такой пищи, которую не ѣлъ его отецъ, дѣды и пра-дѣды, то весь принципъ неизмѣнныя привычекъ будетъ потрясенъ въ самомъ основаніи. Если гнетъ сильной необходимости можетъ про-извести въ привычкахъ малѣйшее отклоненіе, то рѣшительно нитѣ не можетъ поручиться, что этотъ гнетъ не дѣйствовалъ на каждое поколѣніе, и что изъ множества мелкихъ отклоненій не соотавилось въ концѣ концовъ, совершенное превращеніе. Стало быть, для под-держанія любезнаго принципа, надо твердо стоять на томъ, что всѣ совершенныя ласточки одного вида живутъ, какъ одна ласточка, всѣ медвѣди, какъ одинъ медвѣдь, всѣ лягушки, какъ одна лягушка, и такъ далѣе, распространяя это правило: «всѣ, какъ одинъ» на всѣ отдѣльныя виды бессловесной твари. Хорошо, будетъ стать. Кро-мѣ того, животныя, близкія другъ къ другу по тѣлословенію, дол-жны имѣть сходныя привычки. Это условіе такъ же необходимо для поддержанія принципа, который весь держится на томъ основномъ положеніи, что привычки составляютъ рековой и неизмѣнный резуль-татъ организаціи. А если организація составляетъ единственную при-чину привычекъ, то невозможно допустить, чтобы сходныя причины привели за собою несходныя слѣдствія. Стало быть мы получали два закона:

I) Всѣ животныя одного вида живутъ, какъ одно животное.

II) Сходныя виды имѣютъ сходныя привычки.

Изъ этихъ двухъ законовъ не можетъ быть ни одного исключенія, и если такое исключеніе встрѣтится, то весь принципъ неизмѣнныя привычекъ окажется ни о чемъ. Несмотря на то, что на живую природу. Она одна можетъ рѣшить споръ между научнымъ благоправіемъ и дарвиновскимъ лукавствомъ. Если не найдется исключенія, то мы навсегда откажемся отъ своего прогресса. Въ противномъ случаѣ, великій принципъ принужденъ будетъ сложить оружіе, и признать се-бя нежизненною. Долго разсуждать тутъ нечего. Исключеній пропасть, и оба основныя закона тратятся по всѣмъ направленіямъ.

Животныя всевозможныхъ породъ на каждомъ шагѣ изволятъ себѣ такіа выхожденія, которыя очень рѣзко отличаются отъ обык-

повосинаны и постыдывать привычку крѣпкого вида. Одинъ разъ наблюдателю удалось познакомиться такому кочевнику, но пришлось ли ему во второй разъ сдѣлать то же наблюданіе, много книжек нельзя сказать верѣно, потому что выходя это, можетъ быть, состоятъ изъ повторенія, или повторенія не прошедшимъ значительнаго промежутка времени, а можетъ быть, повторится тотчасъ же, или на другой день. Все зависитъ отъ того, какъ сложится для животнаго различіе между обязанностию его ежедневной жизни. Напримеръ, на северо-восточной Америкѣ, натуралистъ Гаррисъ видѣлъ, какъ чернѣйшій медвѣдь игриваго по рѣкѣ съ разнузданною постыю, и гонялъ поднимать настилки. Это упражненіе продолжалось нѣсколько часовъ, но какой же благоразумный человѣкъ рѣшится утверждать, что такіа занятія свойственны медвѣдью, что они происходятъ въ строгой зависимости отъ его организаціи, и что всѣ предки этого оригинала всегда занимались подобными промыслами. Бѣтъ постоянно поступать такимъ образомъ, и нѣтъ очень удобно это дѣлать: у него посты усажена резиновыми пластинками, въ которыхъ настилка и всякая нечистота задерживаются для съидтиа; а на верхней части головы у него предѣланы отверстія, черезъ которые онъ выбрасываетъ воду, набравшую въ ротъ много съ зелеными животины. Не имѣя такъ сказать, что нѣтъ, во время такой охоты, чувствуетъ себя совершенно дома, между тѣмъ, какъ медвѣдь приходится въ этотъ случай отправляться въ чужую стужу на очень маломъ и неудобномъ дощечкѣ. Могло бы представить, сколько онъ, во время этого занятія, проглотилъ воды, безъ всякой надобности, и безъ малѣйшаго удовольствія; сколько разъ вода захлестывала ему морду, и сколько разъ пойманныя настилки усаживали на его носу, въ то время, когда онъ свирѣло и свистывался. Наговорить ли онъ свое явленіе, это, конечно, зависитъ отъ того, понравилась ли ему морда пощипана; но, если животнаго можетъ дѣлать молитва, и, въ случаѣ удачи, повторять ихъ, то куда же, послѣ этого, укроется привычка пощипывать привычка? Разнымъ людямъ очень часто дѣлается то, что несвойственно имъ породѣ, и что совершенно свойственно какой нибудь другой породѣ, волосъ на языкъ нечистой. Мулаолола (Mulasola) обыкновенно гуляетъ по деревнямъ, и читается необыкновенно; но Дагвинъ видѣлъ на языкъ, какъ одна изъ птицъ этого рода, *Salmophanes* ирририата, подобно коршуну, держалась въ воздухѣ на одной кѣпкѣ, съ разпростертыми крыльями, потому дѣлала быстрой пово-

ротъ, и вслѣдъ за тѣмъ останавливалась такимъ же образомъ надъ другою точкою. Коршуну, какъ хищнику, очень удобно такимъ образомъ высматривать себя съ высоты добычу, состоящую изъ птицъ и мелкихъ звѣрковъ; но для мухоловки, питающейся насекомыми, такой способъ вовсе не можетъ быть полезенъ; стало быть, тѣ субъекты, за которыми Дарвинъ подвѣтилъ эту замашку, руководствовались какими нибудь особенными соображеніями, не имѣющими тѣсной связи съ обыкновенными потребностями и привычками всей породы. Дарвину случалось также видѣть, что *Saurorhagus Sulphuratus* стоитъ надъ водою, караулить мелкую рыбу, и потомъ вдругъ кидается на нее, выбравъ удобную минуту; а между тѣмъ мухоловка нисколько не приспособлена къ водяной охотѣ. Стало быть, она сама себя приспособляетъ; а принципъ опять таки страдаетъ, по случаю ея неспроможности. Синица (*Parus major*) также позволяетъ себѣ различныя непослѣдовательности; обыкновенно она прыгаетъ по вѣткамъ деревьевъ, и питается ягодами, зернами и насекомыми; но иногда она лазитъ, какъ пшуха; иногда она своимъ клювомъ бьетъ мелкихъ птичекъ, по головѣ до смерти, и вполне подражаетъ въ этомъ отношеніи хищному сорокопуду (*Lanius*), который однако вовсе не похожъ на нее, и принадлежитъ даже къ совершенно другому семейству. Иногда, та же самая беззаконная синица разбиваетъ малгіе орѣхи, ударяя ихъ по нѣскольку разъ объ дерево, и въ этомъ случаѣ она беретъ примѣръ съ орѣховки (*Nucifraga*); которая также принадлежитъ къ другому семейству. Принципъ, принципъ! Каково ты себя, другъ мой, чувствуешь? Но это еще все дѣточки, а настоящія то ягоды заключаются въ томъ фактѣ, что члены породы, находящаяся между собою въ самомъ близкомъ родствѣ, и очень похожія другъ на друга по складу тѣла, имѣютъ такія *постоянные* привычки, въ которыхъ самый усердный обожатель принципа не усмотритъ даже ни малѣйшаго сходства. Дятель (*Picus*), всѣмъ устройствомъ своего тѣла, превосходно приспособленъ къ тому, чтобы лазить по деревьямъ, выстучивать насекомыхъ изъ-подъ коры ударами клюва, и ловить ихъ языкомъ въ узкихъ трещинахъ и углубленіяхъ. Вотъ какъ описываетъ его учебникъ зоологіи: «Клювъ прямой, коническій; языкъ длинный, заостренный, роговой, прикрѣпленный къ подвижнымъ язычнымъ костямъ, можетъ съ быстротою выдвигаться изъ рта. Хвостъ съ жесткими перьями, служащими опорой при лазеніи.» Къ этому описанію можно прибавить, что и нога этой птицы, по

устройству пальцев и ногтей, превосходно приспособлена къ обыкновеннымъ привычкамъ огромнаго большинства дятловъ, которые, дѣйствительно, постоянно карабкаются по стволамъ и толстымъ сучьямъ деревьевъ, стучать въ нихъ клювомъ, и вылизывать изъ нихъ разныхъ насѣкомыхъ. Не и между дятлами встрѣчаются неблагоприятныя болнодумцы, для которыхъ всѣ эти милости заботливой природы остаются мертвымъ капиталомъ. Въ сѣверной Америкѣ одна порода дятловъ питается преимущественно плодами, а другая, одаренная длинными крыльями, летаетъ вслѣдъ за насѣкомыми и ловитъ ихъ на воздухѣ, вмѣсто того, чтобы выстучивать ихъ изъ подъ древесной коры. Ага! скажете защитникъ принципа, длинная крылья! Оттого-то они и летаютъ за насѣкомыми, что у нихъ длинная крылья. На это восклицаніе можно отвѣтить, что защитникъ принципа, какъ утопающій, хватается за соломинку, которая такъ и останется у него въ рукахъ. Во-первыхъ, длинная крылья вовсе не мѣшаютъ этимъ дятламъ карабкаться по деревьямъ; а во-вторыхъ, крылья обыкновенныхъ дятловъ вовсе не коротки и не слабы, такъ что обыкновенный дятелъ очень легко и удобно могъ бы ловить насѣкомыхъ на лету, если бы того требовали мѣстные обстоятельства. А почему именно крылья длиннѣе у того дятла, который больше другихъ летаетъ, на этотъ вопросъ теорія лукаваго Дарвина даетъ, кажется, совершенно удовлетворительный отвѣтъ. Она произноситъ въ этомъ случаѣ только двѣ пары словъ: «упражненіе органовъ» и «естественный выборъ.» Читатель долженъ понимать, что этого вполне достаточно. Дятелъ *Colaptes*, живущій въ Мексикѣ, и описанный Соссюфомъ, самымъ необыкновеннымъ образомъ изращаетъ свои естественныя дарованія. Онъ выдалбливаетъ своимъ крѣпкимъ клювомъ углубленія въ стволахъ очень твердыхъ деревьевъ, и складываетъ въ эти углубленія запасы зеренъ, обеспечивающіе его продовольствіе. *Colaptes*—дятелъ, и нашъ европейскій *picus*—также дятелъ; у одного—крѣпкій клювъ, и у другаго также крѣпкій клювъ. Спрашивается, почему же одинъ—устроиваетъ себѣ амбары, а другой—выстучиваетъ насѣкомыхъ? Отвѣчать не трудно, но только отвѣтъ будетъ губительно для принципа неизмѣнныхъ привычекъ. Александръ Гумбольдтъ былъ человекъ, и Наполеонъ I былъ также человекъ. У одного былъ здоровый мозгъ, и у другаго былъ также здоровый мозгъ. Почему же одинъ написалъ «Космосъ», а другой соорудилъ 18-ое брюмера, разстрѣлялъ герцога Ангіенскаго, выигралъ нѣсколько десятковъ сра-

жоній, очень упорно преслѣдовать идеалогію, и ваговецъ, какъ малолѣтній ребенокъ, отдался въ руки сначала негодяю Фуше, а потомъ англійской олигархіи? Не потому ли, что обстоятельства были не одинаковы? Вліянія, дѣйствовавшія на этихъ двухъ людей, окружающихъ ихъ съ самой минуты рожденія и направлявшія каждый ихъ шагъ, и каждую ихъ мысль въ ту или въ другую сторону, были различны, и отъ того выработались два различные характера, а въ общемъ выводѣ получились уже совершенно несходные результаты. На молодого Бонапарте и на молодого Гумбольдта дѣйствовали идеи гѣна, политическія событія, отношеніе этихъ событій къ ихъ отечеству, семейныя обстоятельства, денежное положеніе того и другаго, — словомъ, огромная масса такихъ условій, которыя не имѣли ровно ничего общаго съ внутреннимъ строеніемъ ихъ мозга и всего ихъ организма. Если бы какой нибудь великій анатомъ изучилъ во всѣхъ подробностяхъ мозгъ покойнаго Гумбольдта и покойнаго Наполеона, и если бы оказалось, что всѣсь, химическій составъ, устройство всѣхъ извилинъ, величина всѣхъ внутреннихъ желудочковъ, словомъ всѣ мельчайшія особенности совершенно сходны въ обоихъ мозгахъ, то я не думаю, чтобы какой нибудь здравомыслящій человекъ нашелъ это обстоятельство особенно удивительнымъ, не смотря на то, что эти двѣ даровитыя личности занимались въ жизни совершенно различными предметами. Было бы даже гораздо удивительнѣе, если бы мозгъ Миюрата былъ въ такой же значительной степени похожъ на мозгъ Наполеона или если бы въ черепѣ профессора Креозотова заключался совершенно такой мозгъ, какимъ обладалъ Александръ Гумбольдтъ. А между тѣмъ Миюрать сдѣлалъ виѣсть съ Наполеономъ почти всѣ его компаніи, и даже считался въ свое время великимъ кавалерійскимъ генераломъ. А Креозотовъ, подобно Гумбольдту, постоянно предавался ученымъ занятіямъ. Возьмемъ другой примѣръ. Передъ вами лежатъ на столѣ двѣ бритвы; одна настоящая англійская, другая — чисто отечественная, и притомъ изъ самыхъ плохихъ. Какъ тою, такъ и другою бритвою вы можете сдѣлать множество разнообразнѣйшихъ авалюцій: выбрить себѣ бороду, или перерѣзать себѣ горло, или срѣзать себѣ носовъ, или разрѣзать лимонъ, или очинить карандашъ. И все это можетъ быть произведено обѣими бритвами, почти съ одинаковымъ успѣхомъ, потому что трудно себѣ вообразить такую дрянную бритву, которая съ перваго же разу оказалась бы несостоятельною. Если вашъ родственникъ хватигъ себя по горлу вашею англійскою брит-

вою, а вы будете употреблять свою русскую бритву какиминибудь другими, менѣе кровопролитными способами, то я не думаю, чтобы въ этихъ двухъ фактахъ можно было вывести хоть малѣйшій заключенія о сравнительномъ достоинствѣ обоихъ инструментовъ. Оба эти факта зависятъ отъ той обстановки, въ которой находились обѣ бритвы, и отдѣльные элементы этой обстановки не имѣютъ рѣшительно ничего общаго съ качествами русской и англійской стали, или русской и англійской фабрикаціи бритвъ. Но, разумѣется, никакая обстановка не можетъ принаровить бритву къ такому употребленію, которое совершенно несовмѣстно съ ея фигурою, или съ свойствами ея матеріала. Если вамъ понадобится написать письмо, вы никакъ не напишете его бритвою. Хоть бы вамъ до-зарѣзу необходимы были сапоги, вы ни за какія блага не ухитритесь надѣть бритву на ногу. Вы можете умирать съ голоду въ комнатѣ, переполненной бритвами, и все-таки вамъ не удастся разжевать, проглотить и переварить хоть одну бритву. То же самое можно сказать о Наполеонѣ и о Гумбольдтѣ. Если бы Наполеонъ захотѣлъ спасти лицо, то, по всей вѣроятности, вся его гениальность не доставила бы ему желаннаго успѣха. Простая курица перешеголяла бы въ этомъ отношеніи великаго завоевателя. А Гумбольдту легче было бы написать другую книгу, подобную Космосу, чѣмъ собственными средствами своего организма выработать одинъ квадратный вершокъ паутинны, или одинъ золотникъ воска. Глупѣйшій изъ пауковъ и лѣнивѣйшая изъ рабочихъ пчелъ превзошла бы въ этихъ дѣлахъ одного изъ даровитѣйшихъ работниковъ нашего столѣтія. Между простымъ и безжизненнымъ орудіемъ, подобнымъ бритвѣ, и тѣмъ удивительно-сложнымъ органомъ, который называется человѣческимъ мозгомъ, лежитъ громадное разстояніе. Можно сказать, что вся природа помещается въ этомъ промежуткѣ. Однако, не смотря на эту громадность разстоянія, можно замѣтить, по крайней мѣрѣ одну, общую черту въ дѣятельности бритвы и въ дѣятельности мозга. Именно, результатъ дѣятельности въ обоихъ случаяхъ не зависитъ вполнѣ и исключительно отъ собственныхъ качествъ бритвы и мозга. Результатъ этотъ складывается изъ двухъ элементовъ; изъ качествъ самого орудія и изъ качествъ всѣхъ окружающихъ предметовъ, одушевленныхъ и неодушевленныхъ, съ которыми данное орудіе соприкасается во время своей дѣятельности. Каждый кусокъ неодушевленной матеріи подчиняется этому общему закону наравнѣ съ организмомъ чело-

жива. Организмъ животныхъ ближе къ организму человека, чѣмъ къ оселъ неорганическаго вещества, а между тѣмъ защитники позитивизма привыкли ухватываться за мысль, что весь міръ животныхъ составляетъ исключеніе изъ этого общаго правила. Они думаютъ, что если ужъ дятлу даны способности лазить и долбить, то онъ такъ и будетъ поступать всегда и вездѣ, хотя бы онъ даже попалъ въ такое мѣсто, гдѣ нѣтъ деревьевъ и гдѣ очень мало насѣкомыхъ. Бороться съ такими идеями даже какъ-то неловко и совѣстно, и я прошу читателя извинить мое длинное отступленіе отъ настоящаго дѣла. Мнѣ хотѣлось только показать, какими образомъ многія изъ нашихъ общепринятыхъ понятій рѣшигально противорѣчатъ не только основательнымъ фактамъ живой природы, но даже основнымъ законамъ здраваго человѣческаго мышленія. Если въ негнѣсгаль негуть быть какии нибудь градинъ, то надо будетъ сознаться, что идея о неизмѣнности животныхъ привычекъ составляетъ болѣе значительную и несообразную негнѣсгаль, чѣмъ известная русская теорія о трехъ янгахъ, поддерживающихъ нашу планету. Когда мы всматриваемся въ дѣло, тогда мы ясно видимъ, гдѣ смыслъ и гдѣ безсмыслица. Но въ томъ-то и горе наше великое, что намъ очень рѣдко приходится всматриваться въ наши идеи, и выбивать приемами строгой критики ту пыль и иль, которая завелась въ нашей умственной рудняди и перешортила все естественное богатство нашего превосходнаго лавказанаго негта. Моегъ-то хорошегъ, да дрянн въ негъ много. Чтобы попоичить исторію о дятлахъ, я сообщу читателю, что въ безлѣсныхъ равнинахъ Ла-Платы живеть дятель *Colaptes cafer*, который никогда не залѣзаетъ на деревья, но той нестой причинойъ, что не на что залѣзаетъ. Ключъ его не такъ твердый и прямой, какъ у простаго дятла, во-первыхъ, но недостатку упражненія, а во-вторыхъ, потому, что естественный выборъ неостатъ поддерживать спеціальные качества этого орудія. Въ безлѣсной странѣ, гдѣ нечего долбить, дятлу бесполезно твердый и прямой ключъ, и поэтому строгость естественнаго выбора въ этомъ отношеніи ослабѣла. Здѣсь мы можемъ проститься съ неизмѣнными привычками и съ ихъ остроумными защитниками, опирающимися на очевидные факты и на сочиненія классическихъ мудрецовъ. Вспомните съ ними очень скучно, и я увѣрю, что она уже давно опротивила моему-возможному читателю, свободному отъ великихъ предразсудковъ, какъ, и крайней негнѣ, испрогно-желавшему отъ него освободиться. Чтобы

опытно можно сказать противников Дарвина, особенно предложив одно слово, указывающее на дѣлѣй, длинный рядъ приспособительныхъ актовъ. Это слово: *акклиматизация животныхъ*. Объ ней я охотно распространяться не буду.

IV.

Привычки животныхъ измѣняются вмѣстѣ съ условіями жизни, а для того, чтобы условія жизни измѣнились, все же должно падать на землю какіе нибудь ужасы, въ родѣ наводненія или землетрясенія. Если порода благоденствуетъ и размножается, то самая эта безмятежность, самое это довольство, рано или поздно, приведутъ за собою переѣзду; порода развѣжится такъ, что явится несообразность между количествомъ пищи и числомъ потребителей; многихъ субъектовъ придется искать новой пищи и приспособляться къ новымъ промысламъ; вотъ вамъ и переѣзды. Пока искатели новой пищи не выработаютъ себѣ новыхъ приспособленій, до тѣхъ поръ мы будемъ замѣчать разладъ между тѣлосложеніемъ животного и его образомъ жизни. Разладъ этотъ во всякомъ случаѣ будетъ продолжаться очень долго, потому что всѣ видоизмѣненія совершаются въ органическомъ мирѣ чрезвычайно медленно и незамѣтно. А большая или меньшая продолжительность этого разлада будетъ зависеть отъ большей или меньшей гибкости даннаго организма, отъ большей или меньшей напряженности борьбы и отъ большей или меньшей строгости естественнаго выбора. Т. е. здѣсь, какъ и вездѣ, результатъ будетъ обуславливаться свойствами субъекта и особенностями всѣхъ окружающихъ обстоятельствъ. Если это разсужденіе вѣрно, то оно должно оправдываться фактами дѣйствительной жизни. Если оно вѣрно, то есть основаніе думать, что нѣкоторые породы животныхъ въ данную минуту должны представлять живой образчикъ такого разлада между устройствомъ тѣла и свойствами привычекъ. Слѣдовательно, если мы найдемъ, что такія породы дѣйствительно существуютъ, то мы будемъ имѣть полное основаніе сказать, что разсужденіе было построено вѣрно. Дятлы, летающіе за насѣкомыми, питающіеся ягодами и живущіе въ совершенно безлѣсныхъ рощахъ:

лишь, представляя уже довольно замѣтный разладъ между тѣло-мозгомъ и конечностями. Но уши и другія придатки, гораздо болѣе развиты. Буревѣстники проводятъ большую часть своей жизни на лѣту, между небомъ и моремъ, вдали отъ береговъ. У этого семейства птицъ крылья превосходно развиты. Между тѣмъ, въ тѣлохъ предвѣдъ Океанской земли живутъ буревѣстники *Puffinaria Vigorsii*, который превосходно плавать и нырять, но чрезвычайно рѣдко, и по видимому, всхолотно поднимается на воздухъ. По привычкамъ своимъ, онъ очень похожъ на пингвина или на чистяка, т. е. на таковыхъ птицъ, которыя совершенно лишены способности летать, и употребляютъ свои крылья на водѣ вѣсто весла, а на сушѣ вѣсто переднихъ ногъ. Особенности его образа жизни пронавали уже довольно значительная извѣстности въ устройствѣ его тѣла, но въ немъ еще легко узнать типъ настоящаго буревѣстника. Оляпка (*Cinclus aquaticus*) постоянно добываетъ собѣ пищу подъ водою, нырять, цѣпляется лапами за камни, и бѣгаетъ по дну рѣки, разгребая воду крыльями. Между тѣмъ, оляпка принадлежитъ къ земному семейству дроздовъ, и, рассматривая ея трупъ, самый опытный наблюдатель не отыщетъ въ немъ ни малѣйшаго намёка на ея своеобразныя привычки. Стало быть, разладъ существуетъ во всей своей силѣ. У гусей перепонка между пальцами приспособлена для плаванія, и мы, разумѣется, привыкли считать гуся совершенно водною птицею; а между тѣмъ есть нѣсколько породъ дикихъ гусей, которыя, сохраняя перепонку, никогда не входятъ въ воду. Фрегатъ (*Tachypterus aquila*) постоянно летаетъ надъ моремъ, удаляется отъ береговъ на огромныя разстоянія и, не смотря на то, почти никогда не опускается на воду. Изъ всѣхъ натуралистовъ, только одинъ Одиобонъ видѣлъ, что фрегатъ опустился на воду, а между тѣмъ у фрегата четыре пальца соединены перепонкою. Но въ этой перепонкѣ, которая отлично годится для плаванія, есть глубокія выемки, указывающія на то, что нога фрегата начала измѣняться, сообразно съ его образомъ жизни. У гагары и у лисутокъ пальцы только оторочены перепонкою, хотя эти пальцы постоянно держатся на водѣ. Опять разладъ и противорѣчiе. Длинные ноги големосытыхъ птицъ такъ отлично приспособлены къ путешествіямъ по болоту, что ничего лучше желать не остается и требовать нельзя; между тѣмъ, съ одной стороны, водяная курочка, принадлежащая къ этому порядку, постоянно плаваетъ по водѣ, вѣсто того, чтобы бродить по всякому берегу; а съ другой стороны, коростель, при-

подходящих къ одному комитету съ другимъ чурочкомъ, и даже установленный съ немъ рядкомъ изъ учебника зоологическаго, науки профессоръ Фигго, и доходитъ обыкновенно къ извѣстнаго зоолога въ высшей степени, и вѣсть съ извѣстными и курьезными. Для всѣхъ этихъ фактовъ мы видимъ, что организация животного мира не связана на-глухо именно съ однимъ, тѣсно сродненнымъ образомъ жизни. Конечно, организмы ставятъ извѣстныя границы для деятельности животныхъ, но эти границы оставляютъ животному очень широкій просторъ, и со временемъ могутъ быть раздвинуты еще шире, если представится настоящая необходимость и если окружающія обстоятельства дадутъ на то наибольшую возможность. Разумѣется, рыба не можетъ построить себѣ гнѣзда на деревѣ; воробей не можетъ врыть въ землю тѣ норы и галереи, которыя сооружаетъ кротъ; тигръ не можетъ питаться травой, какъ баранъ; а страусъ не можетъ гоняться за голубями, или застребъ. Между рыбою и птицею, между воробьемъ и кротомъ, между тигромъ и бараномъ, между страусомъ иistreбъ существуютъ очень глубокія различія въ организации; однако, нѣтъ никакого основанія думать, чтобы между этими очень различными организациями лежала непреходимая бездна, чрезъ которую природа, то есть настоящее дѣйствіе разнородныхъ и очень сложныхъ обстоятельствъ, не была бы въ состояніи предложить узкую тропинку или широкую дорогу. Въ природѣ возможны самыя попятныя превращенія и самыя удивительныя переходы, но только эти превращенія и переходы иногда и ни когда какими видами не могутъ совершаться круто и внезапно. Вся исторія органической жизни состоитъ въ томъ, что различными формами животныхъ и растений постоянно обособляются, и съ каждымъ такъ или иначе, дробясь на новые разновидности, все сильнее и рѣче удаляются другъ отъ друга; вследствие этого, въ настоящую минуту различные отдѣлы, классы и порядки животного царства гораздо дальше стоятъ другъ отъ друга и гораздо глубже и извѣстнѣе разграничены между собою, чѣмъ это было въ прошедшія геологическія эпохи. Однако, не смотря на эти глубокія границы, не смотря на то, что всякія промежуточные формы постоянно вытѣсняются крайними представителями отдѣловъ, классовъ и порядковъ, мы и теперь можемъ указать на тѣ пути, по которымъ могли бы совершаться самыя далекіе и неожиданные переходы; но иногда случалось имъ вступаться даже съ живыми формами, которые, такъ-же

смотрю на то, что различие между позвоночными и беспозвоночными так глубоко и так сильно упрочено способом дифференцировки животного, — не смотря на то, существовать и теперь промежуточные формы, сгущенная жизнь которых на предельно, уже совершенно утраченному родство между этими двумя отделами. Амёбы или ленточники рыба принадлежат к позвоночным животным, а между тем ее очень долго принимали за моллюска; у нее нельзя отличить головы и головного мозга; поэтому, когда ее причисляли к моллюскам, то ее ставили ниже головоногих и брюхоногих моллюсков, у которых ясно обозначена голова. Даже между царствами животных и растительных, которые должны были отделяться друг от друга еще раньше, существуют некоторые промежуточные формы, которые никак не могли возникнуть после того, как это различие уже совершилось. Поныне очень долго считались растениями, и только в последние прошедшего столетия окончательно перешли в категорию животных, не смотря на то, что у большей части моллюсков до сих пор не доказано существование нервной системы. Губки очень недавно включались в растительное царство, а теперь их также пересели в разряд животных, хотя тут и речи не может быть о нервной системе. Любопытно заметить, что эти промежуточные формы, занимающие теперь самое нижнее место в царстве животных, занимали также одно из низших мест в ряду растений. Это — живые остатки того далекого прошедшего, когда органическая жизнь находилась в зачаточном состоянии, и когда все зародки и все родоначальники современных, бесконечно разнообразных типов, были похожи друг на друга и сливались между собой в общий, частическим образом безразличности и безопределенности. Это — выщипанные органической природы, оставшиеся в живых, не смотря на свою негодность. Очень заметно, что выщипанные самого высшего животного места развит в своей организации, так в полном сложившемся животном низшего разряда. Поэтому и не трудно понять, что такие формы, как губки и губки, всегда будут занимать последнее место в цепи органических существ, к какому бы царству ни относили их индикаторы. Все эту экскурсию по различным областям органического мира я веду к тому, чтобы выразить несколько мыслей, имеющих самое прямое и непосредственное отношение к данному главному предмету. Рассматривая во многих направлениях изъ-

одного общаго источника, и подчинилась въ своемъ разнообразіи развитію господству единичныхъ законовъ, до снхъ корь еще мало изслѣдованныхъ, органической природы. охраняла, и, во всей ея ясности, сохранила навсегда, во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, ту гибкость, измѣнчивость и подвижность, которые прітели ее къ ее теперешнему, роскошному и цвѣтущему разнообразію. Мы не имѣемъ ни малѣйшаго основанія думать, что туча, тигръ, вербей, страусъ и всѣ вообще современныя намъ организмы составляютъ собою тотъ окончательный результатъ, къ которому направилось все развитіе живой природы. Множество подлеченныхъ фактовъ доказываетъ намъ, напротивъ того, что въ органической природѣ все идетъ по старому, и что формы передѣлываются или до поры до времени остаются неподвижными, смотря по тому, какъ дѣйствуютъ на нихъ всѣ остальные формы, съ которыми имъ, такъ или иначе, приходится вести борьбу за существованіе. Есть ли въ органическомъ мірѣ такія формы, которыя были бы совершенно постоянными и неподвижными по самой своей природѣ, этого мы не знаемъ; но если такія формы существуютъ, то онѣ, при первой встрѣчѣ съ неблагоприятными обстоятельствами, будутъ непремѣнно истреблены, потому что онѣ, вслѣдствіе своей неподвижности, не будутъ въ состояніи выдержать случившуюся перемену и приспособятся къ новымъ условіямъ жизни. Отъ многихъ, а можетъ быть и всѣхъ, погибшихъ формъ погибли именно отъ того, что тѣ или другія измѣнчивыя обстоятельства потребовали отъ нихъ такого быстрого и значительнаго измѣненія въ привычкахъ и въ организмахъ, которое въ данную минуту было для нихъ невозможно. А такъ какъ сила вещей неотразима и не дастъ никакимъ отсрочекъ, то она или свернула до совершеннаго уничтоженія. Если бы тигру представила альтернатива — питаться травой или умереть съ голоду, онъ бы умеръ, но это вовсе не доказываетъ, что между плотояднымъ и травояднымъ животнымъ лежитъ непроходимая бездна. Можетъ быть, переходъ возможенъ, но только никакъ не вдругъ. Наша домашняя кошка приходится тигру отъ близкаго родоства; до своего знакомства съ человекомъ, она питалась исключительно мясомъ, а теперь всѣмъ знаетъ, что ее можно кормить молокомъ и хлѣбомъ; Мошкетъ, писавшій свое «ученіе о птицѣ» въ то время, когда теорія Дарвина не было ни слуху, ни духу, говорить колоссальное въ введеніи къ этой книгѣ, что у дикой кошки инстинктивный навалъ

время, чем у домашней, и что это сортирование, приблизительно до-
казанное концы на зрелых деревьях, проводило бы ее единично во
время рентабельной жизни. Воробей также должен был бы по-
гибнуть, если бы ему для спасения жизни необходимо было принятые
на периодичные работы время; но и тут существует возможность
перехода и обилием на приращивать. Воробей дается годами, зер-
нами и насаждениями; смотря по обстоятельствам, он может ци-
титься или исключительно одним из этих видов, или всеми
тремя сразу. Несомненно, что обстоятельства принуждают его пи-
таться различными; несомненно, что воробей очень много; тогда
каждое насекомое приобретает в их глазах значительную цену;
тогда воробей очень охотно будет вылавливать земляных червей и очень
интенсивно будет заботиться о их добычании; он будет разры-
вать землю лопатами и, на всей широте, это упражнение, со-
единенное с действием естественного выбора, укрепит его когти и
вообще приспособит его члены к этому новому занятию. Очень
важно было, что воробьи, постоянно обитающие в земле, утра-
тять в эволюционной спешке юрости, своих движений и крепость
своих движений, но, разумеется, это может произойти только в
очень редких, если эти воробьи не будут преследовать опасные
враги. Если же найдется такие враги, то они, вероятно, бу-
дут постоянно истреблять наиболее юростных воробьев, и тогда
привычка и способность летать, поддерживаемая естественным вы-
бором, сохранится, во времени, местными свойствами этой
породы. Судяется ли эти воробьи когда нибудь подземными живот-
ными, этого я, ей Богу, не знаю, и мне очень боязно и тяжело
представить такое предположение, но моя работа происходит, по всей
вероятности, от недостатка твердых знаний и научного развития.
Дарюте рассуждать парадоксы, хотя обыкновенно бывает
наоборот; то есть, обыкновенно учителя и агенты преувеличива-
ют идеи учителя, и доводят их иногда до крайних крайно-
стей. Вред же учителя остается мнением учителя, даже в деле
указанной преграды. Вот что говорит Дарюте по поводу мед-
вяды, впрочем, не моего. «Далеко в законе исключительном слу-
чай, я не вижу ничего невозможного в том, что если бы на-
стоящая была постоянно являлась и если бы в той же стороне не
находились уже другие приспособленные советатели, отдельная порода
содержимых была бы сформирована, через естественный выбор, все ба-

же и болѣе водное, нѣтъ нѣтъ, все болѣе и болѣе увеличивается, пока не сложится бы существо такое же уродливое, какъ и въ-д., Если Дорлингъ неодолеетъ медвѣдя превратится почти въ шута, но, пожалуй, почему бы и моему воробью не превратиться, не говоря съ вѣтромъ? — а въ подлинное, и, разувается, совершенно не леза-тиско, и не сдѣлать воробья животное? Pourquoi pas? Однако я все-таки не рѣшаюсь этого сказать. Дорлингъ хорошо хитритъ; онъ знаетъ, что не навреть. А я не умею считать, при сильной наклонности моей къ диваннымъ умозрѣніямъ, прибавляясь на себя слож-нущие. — Можетъ быть, примѣръ мой о воробьѣ выбранъ очень не-удачно, но я за него и не держусь. Дѣло не въ примѣрѣ, а въ основной идѣе, которая, во всякомъ случаѣ, остается неизмѣ-римою. Дѣло въ томъ, что обнаружившія обстоятельства сдѣла-ли именно полною гонимостью надъ привычками животныхъ, а чертѣ ихъ привычки — надъ ихъ тѣлосложениемъ. Когда животное получаетъ при рожденіи извѣстный запасъ способностей и оружія, то какія именно изъ данныхъ способностей оно разовьетъ въ себѣ пре-имущественно, и къ чему именно приспособитъ оно свои орудія — это будетъ зависеть волей отъ числа различныхъ условий жизни. Привычки животныхъ составляютъ именно приспособленіе къ дѣлу жизни, времени, числу способностей и оружія; а каково будетъ приспособленіе, это, по-звѣсивъ, зависитъ отъ того, къ чему станешь приспособлять. Въ настоящее время очень рѣдко удается, по всей вѣроятности, не мо-гутъ совершаться даже постепенно; напримеръ, рыба съ длинною медвѣдью въ клыки, страусъ въ орла превратиться не могутъ, даже въ цѣлыя сотни тысячелѣтій; но это происходить не отъ какой-нибудь непреодолимой препятствій въ органическихъ рыбе, медвѣди или страусѣ, а преимущественно, или даже, исключительно, отъ того, что и рыба, и медвѣдь, и страусъ, съ самыхъ началъ имеютъ способъ превращенія встрѣчать непреодолимое препятствіе со стороны от-лично приспособленныхъ конкурентовъ, то есть со стороны настоя-щихъ вѣнцъ, настоящихъ виталъ и настоящихъ орудій. Поэтому, прогрессъ медвѣдей, рыбъ и страусовъ будетъ, вѣроятно, состоятъ только въ томъ, что они всецѣнно будутъ становиться все болѣе и болѣе медвѣдами, рыбами и страусами, то есть, подчиняясь есте-ственному выбору, будутъ всецѣнно развивать въ своей породѣ тѣ спеціальныя орудія и способности, которыя до сихъ поръ доста-вали имъ побѣду надъ конкурентами и врагами въ борьбѣ за су-

нествование. Но никто не может сказать заранее, что это прогрессивное развитие будет постоянно упрочивать существование этих породъ и постоянно одерживать победу надъ всеми враждебными обстоятельствами, способными повредить этимъ породамъ, или даже совершенно стереть ихъ съ лица земли. Никто не можетъ поручиться и за то, что отъ частаго тина медвѣдей, жуковъ или страусовъ не отстанутъ, подъ вліяніемъ обстоятельствъ, какойнибудь боковой отростокъ, который проложитъ себѣ совершенно своеобразный путь для своего дальнѣйшаго развитія. Наконецъ, и то можетъ случиться, что калія ибуль вліянія условія заставятъ медвѣдя, страуса или рыбу отказаться отъ употребленія того или другаго органа, и такимъ образомъ понятиъ ихъ назадъ, вмѣсто того, чтобы подвигать ихъ впередъ. Регрессивное развитіе такъ же возможно въ природѣ, какъ и прогрессивное, лишь бы только оно, въ данномъ случаѣ, было выгодно для данной породы, то есть лишь бы только было возможно вліяніемъ естественнаго выбора: безкрылые жуки, сабле обитатели пещеръ, и самъ страусъ, лишенный способности летать, являются живыми продуктами такого регрессивнаго развитія. Въ природѣ нѣтъ ни малѣйшаго стремленія къ идеальному совершенству, и направленіе развитія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ опредѣляется только вліяніемъ мѣстныхъ и временныхъ обстоятельствъ. Одни органы доводятся до изумительнаго совершенства, напримѣръ, глаза у всѣхъ высшихъ животныхъ, другіе органы атрофируются до совершеннаго безсилія, напримѣръ крылья у многихъ птицъ; одни породы торжествуютъ и улучшаются, другія отступаютъ назадъ, третья совсѣмъ вымираютъ; на каждомъ шагѣ сложными отношеніями между органическими запутываются въ самыя неразрѣшимыя гордиевы узы, и на каждомъ шагѣ эти узы разламываются, или разрываются, смотря по обстоятельствамъ. И привычки, и органы, и типы, все подвержено измѣненію, все можетъ быть неростроено или разрѣшено. И эта вѣчная, тихая и безстрастная логика составляетъ собою всю исторію органической жизни. Намъ очень трудно понять, до какой степени значительны и сложны могутъ быть результаты этой незамѣтной логики; намъ ужъ отказывается вѣрить тому, чтобы, напримѣръ, глазъ хищной птицы или мозгъ европейца могъ выработаться путемъ медленныхъ измѣненій изъ какогонибудь безобразнаго наполненія органическихъ клеточекъ. Но недовѣрчивость нашего ума ровно ничего не значить. Умъ нашихъ прапрадѣ-

довъ также отказывался вѣрить тому, что солнце стоитъ на одномъ мѣстѣ, а земля вокругъ него бѣгаетъ. Наши умственные привычки такъ же подвижны и вѣднчивы, какъ и всякія другія привычки живыхъ организмовъ. Вотъ что говоритъ Дарвинъ о происхожденіи глаза: «Предположеніе, чтобы глазъ, со всѣми его неподржаемыми аппаратами для приспособленія къ разнымъ расстояніямъ, къ разнымъ количествамъ свѣта, для поправленія сферической и хроматической абберраціи, могъ сложиться въ силу естественнаго выбора—такое предположеніе, сознаюсь, можетъ показаться въ высшей степени нелѣпнымъ. Но если можно доказать, что существуютъ многочисленныя постепенности между совершеннымъ, сложнымъ глазомъ и глазомъ несовершеннымъ и простымъ, при чемъ каждая степень совершенства полезна организму, ему одаренному; если, далѣе, глазъ хоть сколько нибудь подверженъ видоизмѣненіямъ, и эти видоизмѣненія послѣдственны, въ чемъ нельзя сомнѣваться; и если какое-либо видоизмѣненіе этого органа можетъ сдѣлаться полезнымъ организму при измѣняющихся жизненныхъ условіяхъ,—то, по законамъ логики, возможность образованія совершеннаго, сложнаго глаза путемъ естественнаго выбора, какъ ни бессильно сладить съ нею наше воображеніе, не можетъ быть отвергнута».—И дѣйствительно оказывается, что въ живой природѣ существуетъ безконечное разнообразіе зрительныхъ аппаратовъ; въ отдѣлѣ позвоночныхъ животныхъ замѣтно очень немного степеней; но за то у беспозвоночныхъ, въ отрядѣ членистыхъ животныхъ, то есть, насекомыхъ, червей, пауковъ и раковъ, зрительный аппаратъ проходитъ по всѣмъ фазамъ своего развитія. Лѣстница эта начинается съ зачаточныхъ глазъ, которые способны только различать свѣтъ отъ темноты; отсюда отправляются въ одну сторону простые глаза, состоящіе изъ хрусталика и роговой оболочки; а въ другую сторону идутъ сложные или граненные глаза. Эти сложные глаза такъ разнообразны, что натуралистъ Мюллеръ нашелъ необходимымъ распредѣлить ихъ на три главные класса и на семь подраздѣленій. Наконецъ, эти двѣ системы, то есть, сложные и простые глаза соединяются между собою, и образуютъ еще новыя формы. Кажется, трудно даже требовать, чтобы было соблюдено еще больше постепенности въ развитіи, и чтобы каждая ступенька этого развитія была отмѣчена еще нагляднѣе. То же самое можно сказать и о мозгѣ. У птицъ онъ еще совершенно гладокъ; у млекопитающихъ начинаются извилины и углубленія; у обезьянъ они особенно силь-

но развиты; у шимпанзе, у орангъ-утанга, у гориллы они болѣе значительны и разнообразны, чѣмъ у низшихъ обезьянъ; у негровъ болѣе, чѣмъ у высшихъ обезьянъ; у европейцевъ еще болѣе, чѣмъ у негровъ. Постепенность соблюдена вполне. Кроме того, если мы посмотримъ на исторію человѣчества, то мы и въ ней увидимъ, сквозь безконечную сѣть перепутанныхъ событій, очень медленное совершенствованіе человѣческаго мозга, какъ того спеціальнаго орудія, которое доставляетъ человѣку побѣду въ общей борьбѣ за существованіе. Налагая свою печать на человѣческую дѣятельность каждаго отдѣльнаго поколѣнія и каждаго историческаго періода, это совершенствованіе измѣняетъ также форму самаго органа и величину его вѣстилица; тщательныя измѣренія многихъ череповъ доказали, что въ общемъ результатъ объемъ этого костянаго ящика замѣтно увеличился у обитателей Парижа съ XII столѣтія по XIX. Если мы припомнимъ, что XII столѣтіе было цвѣтущею эпохою феодализма, крестовыхъ походовъ, папскихъ эскоммуникацій и разныхъ другихъ неподражаемыхъ проявленій человѣческаго остроумія, то мы конечно согласимся, что результатъ этихъ тщательныхъ измѣреній не долженъ назваться намъ особенно неожиданнымъ. Если же масса и достоинство человѣческаго мозга совершенствуется до настоящаго времени, то мы имѣемъ полное право заключать по аналогіи, что этотъ процессъ совершенствованія производился также въ до-историческомъ и до-мифическомъ прошедшемъ. — Если я уже черезъ-чуръ надоѣлъ читателю безконечными и, быть можетъ, безсвязными умозрѣніями, заключающимися въ этой длинной главѣ, то я убѣдительно прошу читателя вооружиться терпѣніемъ, потому что несчастная слабость моя къ умозрѣніямъ непобѣдима, и еще потому, что въ слѣдующей главѣ я рискую опять увлечься этою печальною наклонностью. Что дѣлать? Историко-филологическое развитіе беретъ свое, да и предметъ располагаетъ къ размышленіямъ. Вотъ теперь объ инстинктахъ говорить придется. Ну, и не устоишь. И начнешь умо-заключать.

Д. Шкаревъ.

БЛУДНИЦА.

ПОЭМА

АЛЬФРЕДА ДЕ-ВИНЬИ.

L'adultère attend le soir, et se dit: Aucun oeil
ne me verra; et il se cache le visage, car la lu-
mière est pour lui comme la mort.

Job, ch. XXIV, v. 15—17.

I.

- Алоеъ, шврою мой одръ благоухаетъ,
- Душистый киннамонъ здѣсь воздухъ опьяняетъ,
- Изъ ароматныхъ травъ коверъ у ногъ лежитъ,
- Въ каменьяхъ, въ золотѣ чело мое горитъ...
- Мой милый! Приходи для жаркаго привѣта!
- Прийди — и я твоя до самаго разсвѣта...
- Супругъ мой далеко, — я жду тебя одна...
Такъ ночью темною безумная жена

Въ тѣни вѣтвяхъ вѣтвей съ открытой, плоской крыши
Звала любовника. Подъ кедромъ, въ узкой нишѣ

Открылась тихо дверь... опущенъ вновь запоръ...
Чу! шепотъ слышется: «Вотъ непорочный взоръ,

«Которымъ я смущенъ, колѣнопреклоненный!
«Чело твое—цвѣтокъ долины благовонной;

«Дыханьемъ вѣшнихъ розъ манять твои уста,
«Твой голосъ — музыка, любовь твоя чиста!

«О, сбрось же ты съ себя блестящія уборы,
«Сбрось ожерелья прочь, — ихъ ярче блещутъ взоры!»

— «О, вѣтъ, мой милый, вѣтъ! Позволь мнѣ поскорѣй
«Рукою отряхнуть росу съ твоихъ кудрей:

«Вѣдь для меня лицо твое оледѣнѣло...»

— «Но сердце — все въ огнѣ! любовь меня согрѣла,

«И я у ногъ твоихъ, смотрю въ твои глаза!..

«Что мнѣ опасности и холодъ, и гроза,

«Когда я слышу здѣсь плѣнительный твой аспектъ

«И поднимаетъ грудь любви священный трепетъ.»

— «Да, но ностой, ностой... чей это голосъ тамъ?

«Я слышу звонкій шагъ по каменнымъ плитамъ...»

— «Не бойся, милая, полуночнаго звона:

«Къ молитвѣ сталъ звонить сынъ старца Аарона.

«Что жъ ты блѣднѣешь такъ? Пусть поцалуй любви

«Смирить волненіе и жаръ въ твоей крови.

«Отказомъ робости меня, мой другъ, не мучай:

«Пусть первый стыдъ любви потухнетъ въ ласкѣ жгучей.»

И смолкло все кругомъ въ глухой, полночной часъ,

И въ лампахъ бронзовыхъ огонь вездѣ погасъ.

II.

Когда лучами дня позолотились нивы

И на святой горѣ зеленыя оливы,

Когда вербаюды шли, и пыльный караванъ

Несъ изъ чужихъ пустынь дары въ сирейскій станъ,

И пастырь въ сидицахъ, рукой раздвинувъ складки,
Смотрѣвъ изъ-за дверей простой своей палатки,
Какъ въ небѣ таяли почная игла и тѣнь,
И звалъ свою семью молитвой встрѣтить день, —
Въ тотъ равный часъ съжалъ любовникъ пресыщенный
Отъ бѣдной женщины, обманутой, смущенной.
Она сидитъ одна; на бѣдное чело
Уже раскаянье мовѣщее легло.
Ей жаль, что эта ночь промчалась слишкомъ скоро,
Ночь — соучастница бесславнаго позора;
Она хотѣла бы, чтобъ длилась эта ночь
И не могла зря тьму долго превозмочь;
Но тьму развѣвала румяная денница,
И съ ужасомъ глядитъ вокругъ себя блудница.
Съ руками сжатыми, недвижна и бѣдна
Отъ двери вогайной не сводитъ глазъ она.
Казалось, смерть сама лицу ея сковала
И только лишь, воровой, рыданье выдавало,
Что эта женщина не спитъ могильнымъ сномъ.
Такую грѣшницу ужъ видѣлъ разъ Содомъ,
Въ тѣ дни, когда Творецъ разгнѣванный, карая,
Сжегъ огненнымъ дождемъ два ненавистныхъ края:
Защитою небесъ она прецеребрегла,
Осмыслить тайнаго желанья не могла,
Чтобъ не взглянуть назадъ, откуда шла дорога,
И тайну разгадать карающаго Бога.
Но вдругъ она стоитъ .. ей съ мѣста не сойдти
И солянымъ столбомъ осталась на пути,
Лишь шелъ впередъ старикъ, негронутый судьбою,
Но ужъ шагевъ жены не слышалъ за собою.

III.

И тамона была еврейка въ этотъ мигъ.
Но съ ней ребенокъ есть. За чѣмъ етъ къ ней връникъ?

Малютка ждёт въ слезахъ и робостью волнуемъ,
Что мать къ нему придетъ, какъ прежде, съ поцалуемъ.

И къ ней подкрался овъ въ ребяческой тоскѣ
И личико прижалъ къ сырой ея щекѣ.

Какъ сладко бы теперь разцѣловать тѣ губки!
Но сынъ напомнилъ ей о мужѣ, о проступкѣ...

Предъ тѣми сводами, предъ этими ложемъ она,
Гдѣ тайна брачная была осквернена,

За чувство матери, несчастная, краснѣеть
И до невинныхъ устъ коснуться не посмѣеть.

Хотѣла-бъ говорить, налить любовь въ словахъ,
Но звуки замерли на трепетныхъ губахъ,

Лишь вздохъ болѣзненный вдругъ вырвался изъ груди:
Такъ предъ кончиною вдыхаютъ только люди.

Въ душѣ ея теперь — лишь страхъ нѣмой и стыдъ:
Малютку оттолкнувъ, къ дверямъ она бѣжить.

Но, взнуренная, безсмысленная, упала,
Какъ статуя, порой, спадаетъ съ пьедестала.

IV.

Изъ Тира въ тотъ же день черезъ зеленый вагъ
Тамъ путешественникъ богатый проѣзжалъ.

Довольство путника усталого не скрыто:
И кони кровные, и въ пышныхъ тогахъ свята,

Склонивши голову, шлѣ тихо лошаки,
На спинахъ ихъ лежатъ огромные тюки

Товаровъ и богатствъ, восточныхъ тканей груды:
Лѣзиво двигались усталые верблюды

Подъ крики вожаковъ, и молча шли вокругъ
Подъ ношей пурпура дѣцнадцать черныхъ слугъ.

И странникъ говоритъ: теперь, моя Сефора,
Ты думаешь о томъ: «Мой мужъ вернется-ль скоро?»

Ты плачешь съ шепетомъ: «Онъ отъ меня далеко!
«Уже краснѣетъ степь, уже зардѣлъ востокъ,

«Но все еще нейдетъ, желанный мой, изъ Тира...»
Но будешь ты со мной, вздыхать забудешь сирю,

И я тогда скажу: „Дары мои бери!
• Вотъ пурпуръ для тебя, шелки и янтари,

• Вотъ ткани вѣжныя, ковры и опахало,
• А вотъ и зеркала, — ты ихъ давно желала “

Такъ путникъ говорилъ и, обогнавъ толпу,
Глазами сталъ искать знакомую тропу.

V.

Въ дни праздниковъ большихъ, шума вдоль по дорогѣ,
Еврейская толпа стремится къ синагогѣ.

Тамъ дѣти, старики бредутъ рука съ рукой,
Полны раскаянья, убитые тоской,

Не въ силахъ затанць ни слезъ, ни муки тайной,
Проходить женщины походкою печальной.

И плачущій слѣпецъ, съ дырявою сумой,
И прокаженный рабъ, разслабленный, больной,—

У ногъ спасителя всѣ ищутъ исцѣленья
И громко шлютъ ему свои благословенья.

Онъ, немощныхъ царь, всѣмъ руку простиралъ
И всюду чудеса въ народѣ расточалъ.

И съ чистыхъ устъ его пророчества слетали,
Онъ съ человѣчествомъ дѣлилъ его печали.

Онъ братьями считалъ убогихъ бѣдняковъ.
Семья простыхъ людей—его учениковъ,

Которыхъ увлекла чарующая сила,
Вслѣдъ за учителемъ почтительно ходила:

Въ божественныхъ лучахъ всегда сверкало имъ
Чело Спасителя сиявшемъ не земнымъ.

VI.

Кругом толклась толпою раздраженной,
Съ косою, распушенной по шее обнаженной,

Явилась женщина, цыцки обвита,
И брошена къ ногамъ безмолвнаго Христа.

При общемъ ужасѣ и ропотѣ народномъ,
Собрались книжники, и въ гнѣвъ благородномъ

Сказалъ одинъ изъ нихъ: «Учитель! вотъ жена,
„Вотъ эта женщина была обольщена!»

„За этотъ гнусный грѣхъ суди ты дочь позора,
„Какъ повелѣлъ законъ“! И въ страхѣ приговора

Она глядитъ вокругъ, и словно ищетъ взглядомъ
Вблизи знакомыхъ лицъ, но съ бѣшенствомъ кричать

Въ толпѣ озлобленной: „Впередъ, впередъ за нами!
„Блудницѣ казнь и смерти! Любить ее каменьями!“

Нивысѣ женщина, роная капли слезъ,
Но вдругъ передъ толпой уста раскрылъ Христоозъ:

«О, пусть же тотъ изъ васъ, кто праведенъ—для казни
„Подниметь первый здѣсь свой камень безъ боязни!»

Сказалъ—и со стыдомъ отхлынули жида,
И разбредились безъ словъ смущенные ряды,

А онъ сидѣлъ одинъ съ божественной тоскою
И на песокъ чертилъ опущенной рукою

Слова, которыхъ смыслъ, загадкой ставшій намъ,
Поняешь только былъ ему, да небесамъ.

Когда-жъ онъ поднялъ вверхъ пророческое око,
Толпа Еврейская была уже далеко.

Д. Минаевъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

НЕВНИШНИЕ ЮРИСПРУДЕНТЫ.

„Не видятъ со, что творять.“

Покойный литературный недонесокъ «Свѣточъ» и «Архивъ юридическихъ свѣденій,» какъ-то нанали на меня съ лютою яростью за то, что я осмѣлился упрекнуть нашу юридическую литературу въ застоѣ... «Какъ! восклицали они:—развѣ юридическая литература мало сдѣлала въ послѣдніе годы; развѣ крестьянскій вопросъ и судебная реформа мало обсуживались ею...» И подъ наптіемъ сихъ восклицаній, мнѣ досталось таки порядочно: «Свѣточъ» погладилъ меня по головкѣ, потомъ, снизойдя до моихъ мнѣній о родительской власти, сталъ обзывать меня мальчишкой. Архивъ же доказывалъ, что трудъ мой *почтенный*, и вмѣстѣ съ тѣмъ объяснялъ: что гдѣ я говорю: «черно», «тамъ вовсе бѣло», и обратно... Признаюсь, надъ такою руганью я не люблю много задумываться; но прочитавъ статьи обомъ почтенныхъ журналовъ, я сильно призадумался. Неужели, разсуждалъ я самъ съ собою, и взаправду я въ такомъ заблужденіи и невѣжествѣ, что мнѣ неизвѣстны заслуги юридической нашей литературы? И сталъ я искать отвѣта на свои вопросы. Но тщетны были мои усилія: не смотря на то, что я посреди бѣлаго дня, подобно Діогену, шелъ съ громаднымъ фонаремъ; но ни того, ни другаго не оказалось на лицо въ любезномъ моемъ отечествѣ. . До 1859

года юридическая литература наша питается историческим хламом, пишутся и печатаются длиннѣйшія и скучнѣйшія диссертациі — о русской правдѣ, судебникахъ и уложеніи Алексѣя Михайловича; Коричная книга, Олеговъ договоръ, судебныя доказательства до Петра, губныя и уставныя грамоты, уставъ Владиміра св., — вотъ обыкновенныя темы какъ для докторскихъ диссертаций, такъ и для журнальныхъ статей. Ученая страсть къ археологіи наконецъ доходитъ до того, что въ ея не признается юридическая ученость, и юридическій факультетъ становится у насъ скорѣе археологической школой, чѣмъ представителью современной юридической науки... Но мы готовы были бы еще примириться съ такимъ направленіемъ и готовы бы были читать терпѣливо сотни диссертаций подъ разнообразнѣйшими заглавіями, какъ напримѣръ: «о вирахъ»; «о судебныхъ вирахъ»; «о судебныхъ доказательствахъ до Петра»; «о доказательствахъ судебныхъ до Петра»; «о до-петровскихъ судебныхъ доказательствахъ,» — если бы всѣ эти диссертациі не имѣли претензіи двигать впередъ науку... Но самое то движеніе науки впередъ ничѣмъ не обрѣужилось: у насъ совсѣмъ не было юридической науки; а нѣмецкая философія была такъ туманна и такъ неудобоварима даже для ученыхъ головъ, что ни воспитанники университетовъ, ни общество не могли добиться: чего она хочетъ и куда она идетъ. Въ такомъ положеніи находилась наша юриспруденція, когда въ 1859 году литература законодательства сначала довольно робко, а потомъ довольно развязно во всѣхъ ея органахъ о реальномъ направленіи, о великомъ значеніи жизни, о необходимости согласованія съ нею науки, о согласованіи положительнаго законодательства не съ нѣмецкими философскими теоріями, а съ требованіемъ разума и жизни... Изъ всего этого молодое поколѣніе вынесла то убѣжденіе, что спасеніе наше не въ археологическихъ изслѣдованіяхъ и не въ тенденціяхъ метафизическихъ, а въ изученіи нашей народной жизни, народнаго разума, и въ изслѣдованіи народныхъ нуждъ и потребностей. Такой крутой поворотъ отъ археологіи къ жидкой действительности не могъ не вызвать сарказма зубоваго со стороны исторической школы. «О чемъ будемъ мы теперь писать, вопіяди ея адепты? народной жизни и ея требованій мы не знаемъ; а о вирахъ, олеговомъ договорѣ и т. д. было такъ легко писать... А все виною нашихъ бѣдъ — мальчишки.» И действительно было жалъ чѣмъ проследиться: бѣдныя наши юристы не знали, что дѣлать съ новымъ направленіемъ; лишавшимся возможности писать о вирахъ, судебникахъ, грамотахъ и архаикахъ, — они теряли право на магистерскіе и докторскіе дипломы. Жалъ нѣтъ

было. А всему виною мальчишки: они не въ силахъ были понять великихъ заслугъ исторической школы... Но въ чемъ же были эти заслуги?.. «Какъ, восклицаютъ азвительно и презрительно адепты этой школы,—вы не видите дня: заслуга наша заключалась въ томъ, что школа наша съ должною ясностью не доказала ни одного изъ своихъ положеній. Возьмемъ въ примѣръ уставъ св. Владиміра. Покойный профессор Неволинъ, главнѣйшій представитель и дѣятель нашъ, разсмотрѣвъ этотъ уставъ со всѣхъ сторонъ и собравъ безчисленное множество доказательствъ объ его подлинности, наконецъ въ заключеніе начинаетъ сомнѣваться въ его достовѣрности. . Это, значить подумалъ я, грѣшный, дописываться до чертиковъ...» Такую участь потерпѣла большая часть нашихъ древнихъ законодательныхъ памятниковъ, и такимъ образомъ виѣшняя исторія нашего законодательства оказала ту несомнѣнную услугу любезному отечеству, что въ разнообразныхъ мнѣніяхъ о подлинности нашихъ законодательныхъ памятниковъ, въ различныхъ спискахъ и вариантахъ ихъ—самъ чортъ ногу сломить... При такомъ положеніи археологической стороны вопроса, чего же можно ожидать отъ такъ называемой внутренней исторіи законодательства?.. Неудачная попытка и несостоятельность ея рѣзко обозначились въ исторіи гражданскихъ законовъ Неволлина... Къ чему привела она нашу науку и выносить-ли изъ нея читатель какія нибудь твердыя убѣжденія о нашемъ прошедшемъ и настоящемъ, и есть-ли тамъ какіе нибудь мотивы для развитія нашего будущаго?.. Нисколько: исторія Неволлина есть сборникъ матеріала, не выясненный и не освященный критической мыслью. Таковъ характеръ не только исторіи Неволлина, составленной имъ изъ его университетскихъ лекцій во 2-й половинѣ 40-хъ годовъ, но и позднѣйшихъ исторіевъ права. Для примѣра возьмемъ «исторію судебныхъ инстанцій отъ судейника до учрежденія губерній,» Дмитріева, изд. 1859 г. Сочиненіе это, въ свое время, надѣлало много шума между юристами исторической школы; и оно познакомитъ насъ съ манерою этихъ писателей :

«Дѣло, говоритъ г. Дмитріевъ (стр. 251) — рѣшенное поединкомъ, уже не подлежаю ни пересмотру, ни переверженію».

Почему? спрашиваемъ мы, и было-ли это обычное народнымъ или только положительнымъ запрещеніемъ закона? Но г. Дмитріевъ считаетъ излишнимъ это объяснять и переходитъ къ слѣдующему замѣчанію:

• Оттого-то въ одной уставной грамотѣ XVI вѣка мы встрѣчаемъ слѣдующее запрещеніе слободчикамъ: «а безъ доклада поля имъ не спускати». Въ сущности поле и не было только доказательствомъ, а скорѣе апелляціей къ суду Божію, или войною послѣ судебныхъ переговоровъ. Такой характеръ судебного поединка видѣнъ во 1-хъ, изъ того, что сначала поле допускалось не только при сомнительности дѣла; но всегда. 2, изъ того, что и происходило оно не передъ прежними судьями, а передъ другими лицами; 3, наконецъ изъ того, что докладу, когда онъ не требовался передъ поединкомъ, послѣ него дѣло уже не подвергалось.

Но изъ аргументовъ г. Дмитріева вовсе не видно, чтобы его мысль оправдывалась: 1, то, что поединокъ допускался безусловно во всѣхъ случаяхъ — доказываетъ только то, что поединокъ, по понятію народа, было вѣрнѣйшій судъ; 2, что поединокъ производился не при судьяхъ, а при другихъ лицахъ, то это происходило отъ свойства самого поединка: не всегда могъ онъ воспослѣдовать въ присутствіи судей. Самъ г. Дмитріевъ указываетъ на одну грамоту отъ 19-го марта 1525 г., въ которой челобитчикъ жалуется, что человекъ его господина Чудина, по имени Якушъ, долженъ былъ явиться къ полю и вдругъ пропасть. 3, то, что послѣ поединка дѣло болѣе не докладывалось суду — простекло изъ естественнаго положенія участвовавшихъ въ поединкѣ лицъ: они или погибали оба, или если изъ нихъ кто нибудь уцѣлѣлъ, то суду земному нечего было дѣлать, такъ какъ судъ небесный все порѣшилъ. Поэтому законодатели опредѣляли только послѣдствія поединка. Но г. Дмитріевъ, ставъ на свою точку зрѣнія, продолжаетъ:

• Оттого-то судебный поединокъ и старались удалить изъ такихъ дѣлъ, въ которыхъ наиболѣе заботились объ устраненіи случайности. Такъ въ договорѣ Мстислава запрещаются поединки между русскими и нѣмцами, въ то же самое время, какъ они дозволены русскимъ съ ихъ единоземцами. Этими же, можетъ быть, объясняется и то, почему со всякаго дѣла, рѣшеннаго полемъ, взялся пересудъ. Татищевъ считаетъ пересудъ пошлиною, которую судья высшей инстанціи бралъ за переносъ дѣла.

Изъ собственныхъ словъ г. Дмитріева не трудно догадаться, что нѣмцы не хотѣли доверить головы своихъ собратій русскимъ мечамъ; поэтому они выговорили себѣ условіе: чтобы русскіе съ нѣмцами не разбирались поединкомъ. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы договоръ Мстислава служилъ аргументомъ противъ поединка. То же самое можно сказать о пересудѣ: поединокъ могъ быть допускаемъ обычаемъ и вмѣ-

ствъ съ тѣмъ за поединокъ могла быть установлена пошлина, какъ шѣра финансовая: одно другому нисколько не противорѣчало. Къ тому же, спрашиваемъ г. Дмитріева, почему онъ привелъ въ заключеніи своемъ мнѣніе о пересудѣ Татищева и оставилъ его безъ критики?..

Вѣдь прочитавши все шѣсто о поединкѣ, не знаешь, на какой мысли остановиться и какое понятіе вывести объ немъ. Такъ написано все сочиненіе г. Дмитріева и такъ пишется большая часть нашихъ историко-юридическихъ сочиненій.

При такихъ заслугахъ исторической школы не удивительно, что реальное направленіе, указавшее на потребности дѣйствительной жизни и здраваго смысла, какъ на основаніе всякой плодотворной науки, подорвало прежнюю рутину или отгѣснило ее на задній планъ; и мальчишки, на этотъ разъ, оказались гораздо дальновиднѣе своихъ маститыхъ наставниковъ... Хотя и со скрежетомъ зубовнымъ, однако же наша юридическая литература стала сходить съ своего археологическаго пути и вступила на реальную дорогу. Правда, мы еще очень бѣдны сочиненіями и статьями этого новаго направленія; но въ каждой юридической статьѣ стало ужъ пахнуть жизнью, и на разные ея вопросы стали искать отвѣта не въ археологій и не въ нѣмецкихъ учебникахъ, а въ требованіи нашего общества и народнаго разума. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы бродящія въ обществѣ здравыя понятія и идеи нѣсли въ себѣ что нибудь похожее на науку: для этого нуженъ гений, который бы, собравъ этотъ матеріалъ въ одну массу, привелъ его въ систему, въ одно стройное цѣлое. Последняго-то у насъ нѣтъ;—вотъ почему я и сѣтовалъ и сѣтую на застои нашей юридической науки и не признаю за нею никакихъ заслугъ.

Прослѣдите со вниманіемъ, что печатается, и вы убѣдитесь въ справедливости моего мнѣнія: если выходитъ въ свѣтъ самостоятельная статья или сочиненіе россійскаго издѣлія, то оно—сушая нелѣпость; а если статья или сочиненіе заграничнаго издѣлія, то переводъ или несвоевремененъ или же заключаетъ въ себѣ ученіе, давно отжившее на собственной своей почвѣ. Чтобы представить доказательство на лицо, мы разберемъ, для примѣра, одного русскаго и одного иностраннаго юриста—г. Кавелина и Миттермайера.

1) *Что есть гражданское право и гдѣ его предѣлы? Одинъ изъ современныхъ юридическихъ вопросовъ К. Кавелина, С.-Петербургъ, 1864 г.*

Имя Кавелина и вопросъ, предложенный имъ, ругаются, если не за

готовность его брошюры, то, на крайней мерѣ, за глубокій интерес ея для читателя... Въ самомъ дѣлѣ, что такое гражданское право? Должны ли входить въ область его права и обязанности семейственныя, по имуществу и о договорахъ? или другими словами: имѣютъ ли право общественная власть и законодательство давать этимъ отношеніямъ определенную форму, согласно принципамъ общественной власти?.. Вопросы эти возбуждались и разсматривались съ древнѣйшихъ временъ, и до настоящаго времени мы не имѣемъ по этому предмету определенной точки ни въ наукѣ, ни въ законодательствахъ. Следовательно, съ разрѣшеніемъ вопроса о томъ, что такое гражданское право и гдѣ его предѣлы? должны разрѣшиться всѣ тонныя стороны вышеприведенныхъ мною вопросовъ; должна опредѣлиться юрисдикція общественной власти; должна опредѣляться съ ясностью норма гражданской, или лучше сказать, истинной свободы челоука. Но такъ ли справился съ этимъ важнымъ вопросомъ г. Кавелинъ, отъ брошюры котораго мы въ правѣ этого ожидать, какъ отъ сочиненія юриста, занимающаго кафедру въ двухъ университетахъ... Прослѣдимъ содержаніе его книжки.

Г. Кавелинъ начинаетъ съ того (см. стр. 2—15), что доказываетъ неправильность опредѣленія гражданского права.

«Всѣми принято, говоритъ онъ,—что гражданское право объиваетъ частныя, частныя юридическія отношенія, въ отличіе отъ публичныхъ—общественныхъ, государственныхъ и международныхъ,—которыя относятся къ другимъ частямъ правовѣденія. Но что значить „частный“, «партикулярный», «приватный»? Это слово, въ свою очередь, употребляется въ различныхъ смыслахъ, и потому нужно опредѣлить точный образъ, что мы хотимъ именно сказать, называя юридическія отношенія частными, частными?..»

За тѣмъ г. Кавелинъ опредѣляетъ понятія—частнаго и публичнаго, и доказываетъ, что одно и то же юридическое отношеніе можетъ имѣть *сегодня частный, завтра публичный характеръ; всею же чаще публичное и частное такъ перемѣшаны и слиты, что разграничить ихъ нельзя...*

Съ этимъ-то послѣднимъ выводомъ мы совершенно несогласны: разсматривая природу челоука и его жизнь, во всѣхъ ея проявленіяхъ, какъ въ отдельной личности, такъ и въ общественномъ сообществѣ, мы находимъ въ ней такіе моменты, которые такъ присущи отдельнымъ ин-

индивидуумъ, что, отъинимъ отъ нихъ это присущее имъ, вы нарушаете естественный пкъ законъ. Такъ, напримеръ, естественный законъ указываетъ матери—на право кормить грудью своего ребенка и воспитывать его. Чувство самосохраненія указываетъ человеку на необходимость имѣть пищу, одежду и жилище, сообразно съ потребностями его организма. Половое стремленіе указываетъ ему на выборъ жены и т. д. Всѣ эти отношенія, возникающія изъ природы человѣка, носятъ въ себѣ чисто приватный характеръ, потому что они въ каждомъ индивидуумѣ проявляются совершенно своеобразно, и общее между ними есть—развѣ только одна и та же цѣль. Поэтому мы не можемъ согласиться, чтобы единство цѣли дѣлало изъ приватнаго—публичное, какъ это понимаетъ г. Кавелинъ. Но какими же путемъ пришелъ онъ къ такому выводу? Тѣмъ, что частный бытъ онъ не признаетъ въ абсолютномъ его значеніи, и его существованіе обуславливаетъ только общественною жизнью; такъ что, по мнѣнію г. Кавелина, выходить, что внѣ общества человѣкъ не можетъ имѣть никакихъ правъ: выводъ, какъ увидимъ послѣ, совершенно одинаковый съ тенденціями г. Рождественскаго (см. его энциклопедію законовѣденія изд. 1864 г.) и одно только намъ не известно, кто у кого позаимствовался: Рождественскій ли у Кавелина, или обратно... Но вѣрнъ ли этотъ выводъ съ исторіею человечества? Неужели первобытный человѣкъ, живущій отдѣльнымъ семействомъ, лишенъ естественнаго своего права на жилище, одежду, пищу и т. д. Дикія племена Америки и Австраліи доказываютъ совершенно противное: они вели и ведутъ постоянно упорную борьбу за каждый клочокъ земли своей родины, чѣмъ они доказываютъ, что у нихъ есть полное сознаніе ихъ естественнаго права. Къ такому выводу пришелъ бы и г. Кавелинъ, если бы онъ обратился въ своихъ изслѣдованіяхъ прямо къ природѣ человѣка, откуда только и можно почерпать здравыя понятія о правѣ. Но г. Кавелинъ почерпаетъ аргументы свои изъ положительныхъ законодательствъ... Такъ онъ говорить:

«Нѣтъ ни одного частнаго юридическаго отношенія, которое бы не подпадало подъ опредѣленіе закона или по формѣ или по содержанію, а опредѣленіе закономъ,—что же это, какъ не выраженіе общественной потребности въ видѣ общаго, обязательнаго правила?..»

Да, это дѣйствительно было бы такъ, если бы мы съ г. Кавелинымъ не знали исторіи нашихъ законодательствъ, не знали бы, что по

большой части въ нихъ выражаются вовсе не обще-человѣческіе принципы, а тенденціи отдѣльныхъ личностей и партій—политическихъ, юридическихъ и религіозныхъ...

Но, предложивши себѣ вышеприведенный вопросъ, Кавелинъ отвѣчаетъ:

„Я могу продавать и покупать, но не все, что мнѣ вздумается: есть вещи, которыя продавать и покупать запрещено; я могу договариваться, но тоже не обо всемъ: есть дѣйствія, о которыхъ договариваться не дозволено; я могу давать въ ссуду и занимать, но опять—таки не совсемъ свободно: законъ о ростѣ или процентахъ ставитъ моему произволу и въ этомъ отношеніи извѣстные предѣлы. Множество юридическихъ отношеній, совсемъ частныхъ, совсемъ частныхъ, непременно должны являться въ извѣстной формѣ, напримѣръ, совершаться крѣпостнымъ порядкомъ, или съ явкою у крѣпостныхъ дѣлъ или быть записаны у маклера и т. п., и безъ того недействительны. Во всемъ этомъ выражается, что частное совсемъ не такъ далеко отъ публичнаго, не такъ отдѣлено отъ него китайской стѣной, какъ многіе готовы думать; будь это такъ, законъ—органъ публичныхъ нуждъ и потребностей—и не подумалъ бы опредѣлять и ограничивать частныя юридическія отношенія...“

Г. Кавелинъ забылъ и историческія преданія и современное состояніе науки въ Европѣ, и рассказываетъ намъ сказку о томъ, что европейскія законодательства (мы позволяемъ себѣ думать, что онъ не имѣетъ въ виду китайскихъ законовъ) суть органъ публичныхъ нуждъ. Но въдь въ этомъ сомнѣваются въ настоящее время не только ученые люди, но даже гимназисты, изучающіе законодательство по Рождественскому. Поэтому, приводить въ оправданіе своей теоріи положительныя законодательства такъ же кстати, какъ было бы кстати, если бы я, въ доказательство какой нибудь музыкальной теоріи, приводилъ приемы мажороссийскихъ бандуристовъ и кобзарей. Мы думаемъ, что прежде всего нужно доказать, что приводимый нами законъ вытекаетъ изъ природы человѣка, а потомъ ужъ сослаться на него, какъ на принципъ. А если мы станемъ черпать начала науки изъ положительнаго законодательства, прежде критической оцѣнки самого законодательства, то наука можетъ прійти къ самымъ нелѣпымъ выводамъ. Путемъ этимъ мы не только дойдемъ до результатовъ, что всѣ частныя отношенія имѣютъ публичный характеръ, но что и сморканіе носа въ публичномъ мѣстѣ есть тяжкое преступленіе, за которое въ началѣ саѣдуется отсѣчь голову, а потомъ сослать въ каторжную работу... Но

г. Кавелину нѣтъ дѣла до этой непреложной истины, и онъ не стѣняясь доказываетъ, на основаніи положительныхъ законодательствъ, что права на имущество, по договорамъ и обязательствамъ, и право наследственное—носятъ въ себѣ характеръ публичный. Такая ошибочность взгляда возникла изъ того, что г. Кавелинъ бралъ или чисто положительные примѣры нашего законодательства и приклеивалъ ихъ къ частнымъ правамъ, для того, чтобы придать имъ характеръ публичности, или же находя, что известное право свойственно многимъ лицамъ, и что отъ частнаго права отдѣльныхъ индивидуумовъ зависитъ благо цѣлаго общества, — придалъ всему приватному публичное значеніе... Мы же находимъ, что о частномъ и публичномъ правѣ можно сказать только то, что они имѣютъ между собою такую связь, на сколько относится отдѣльный членъ къ цѣлому обществу; но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы понятія того и другаго сливались. На этомъ основаніи, какъ бы я ни былъ связанъ съ обществомъ, въ которомъ я живу, но мои семейные и имущественные интересы, съ ихъ индивидуальной стороны, не имѣютъ ничего общаго съ интересами цѣлаго общества, которому нѣтъ рѣшительно никакого дѣла: женатъ ли я или холостъ; хорошо ли управляю моимъ имуществомъ или нѣтъ.

Другая ошибка г. Кавелина заключается въ томъ, что мѣры, постановляемыя законодательствомъ для укрѣпленія моихъ частныхъ правъ,—онъ принимаетъ за внимательство общества въ мои частныя дѣла; наконецъ, ограниченія, дѣлаемыя законодательствами въ правахъ имущественныхъ и наследственныхъ, не доказываютъ также, чтобы эти предѣлы перешли изъ права частнаго въ право публичное, а только указываютъ границы частнаго права. Такъ, напримѣръ, я могу дѣлать съ моимъ домомъ, что мнѣ угодно: подарить, продать, сломать его; но зажечь его я не могу, потому что отъ этого пострадаетъ мой сосѣдь. Такимъ образомъ частное мое право на домъ, чрезъ это ограниченіе, вовсе не становится правомъ публичнымъ; а ограниченіе указываетъ только предѣлы моего права: располагать моимъ имуществомъ неограниченно въ такой мѣрѣ, чтобы оно не нарушило правъ другаго лица. Но г. Кавелинъ, разъ остановившись на томъ, что положительный законъ есть норма человѣческихъ отношеній, приходитъ къ слѣдующему заключенію:

„И такъ, внимательно разсмотрѣвъ всѣ части гражданского права, нельзя найти ни одной, въ которой бы шла рѣчь исключительно объ

одномъ частномъ и приватномъ; въ каждой непременно оказывается очень много такого, что, по своему значенію, влиянію, роли, имѣетъ публичный, общественный интересъ, касается болѣе или менѣе общества, государства. Показать, гдѣ въ нихъ оканчивается частное, приватное и начинается общественное, публичное, на основаніи лишь ихъ значенія, роли и влиянія, нѣтъ никакой возможности. Именно потому, что частное, приватное сливается въ этомъ смыслѣ съ общественнымъ, публичнымъ, нельзя на ихъ различіи основать различіе гражданскаго и публичнаго права.

Нельзя сказать, чтобы почтенный юристъ отличался особенной силой логики: по его выводамъ, выходитъ что если у Ивана и Петра есть носъ, уши, глаза, ноги, руки и т. д., то поэтому нельзя уже сказать, чтобы Иванъ и Петръ не были бы отдѣльными личностями. Или еще иначе: юридическая наука имѣетъ тѣсную связь съ медициною, статистикою, психологіею и т. д., такъ что большая часть юридическихъ вопросовъ разрѣшается на основаніи началъ многихъ наукъ въ совокупности; но изъ этого однакожь не слѣдуетъ, что бы юридическая наука не была самостоятельна. Такое же явленіе мы видимъ, рассматривая и отдѣльныя вѣтви права, напримѣръ: гражданскаго и уголовного. Обѣ эти науки имѣютъ соприкосновеніе; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы онѣ не были самостоятельны; они рассматриваютъ самостоятельныя юридическія явленія и отдѣльные моменты права. То же самое мы находимъ въ частномъ и публичномъ правѣ: соприкосновеніе между ними должно быть, какъ между отдѣльными вѣтвями одного и того же права; но изъ этого соприкосновенія еще не слѣдуетъ, чтобы они были тождественны.

Но къ чему же ведетъ г. Кавелинъ, доказывая сліяніе понятій частнаго и публичнаго?.. пусть онъ самъ объяснится:

„Прочисть, говоритъ онъ, этого вывода очевидна сама собою. Чтобы придти къ нему вовсе не было бы надобности въ такихъ длинныхъ и подробныхъ соображеніяхъ, еслибы во время разсужденій о гражданскомъ правѣ не предполагалось, что оно имѣетъ предметомъ исключительно только частные интересы и юридическія отношенія, до которыхъ обществу и государству нѣтъ никакого дѣла. Не смотря на то, что исторія законодательства и самое римское право представляютъ безчисленные доказательства противнаго, этотъ взглядъ держится крѣпко.

И такъ, г. Кавелинъ высказался очень ясно: его пугаетъ мысль

что, признавая за людьми частные права, до которых обществу нѣтъ никакого дѣла, онъ тѣмъ признаетъ за людьми право дышать свободно, ѣсть и пить, какъ кому заблагоразсудится. Но вѣроятно подобная свобода кажется г. Кавелину опасной и злойредной, и онъ хочетъ подчинить контролю государственной власти частныя жизненныя отправления человѣка, потому что онъ говоритъ: (стр. 16)

Говоря частное, гражданское право мы невольно, почти безсознательно, хотѣли бы представить себѣ нѣчто, отмежеванное непереступаемою границей отъ публичнаго права, цѣлую существующую вблизи и вокругъ насъ область интересовъ, недоступную для докучливыхъ послѣдствій общественныхъ, публичныхъ потребностей. Внимательное изслѣдованіе не оправдываетъ однако такого взгляда, который оказывается лишь игрою отвлеченной мысли. Въ действительности область приватнаго, частнаго интереса не отдѣляется рѣзкой чертой отъ общественнаго, публичнаго; *но если бы когда нибудь* такое отдѣленіе и могло состояться, оно принесло бы совсѣмъ не тѣ плоды, какіе ожидаются; а напротивъ сдѣлало бы частную жизнь и приватныя юридическія отношенія несносными и невозможными.»

Почему отдѣленіе приватнаго отъ публичнаго сдѣлало бы частныя отношенія несносными,—г. Кавелинъ не объясняетъ. Дописавшись же до такой нелѣпости, онъ самъ ужаснулся своего результата; но такъ какъ ему вѣроятно жаль стало перемарать исписанныя имъ 16 страницъ, а потому онъ пустился на слѣдующую уловку: ученый признаетъ, что теоретически нельзя отдѣлить частнаго права отъ публичнаго; но вмѣстѣ съ тѣмъ обвиняетъ публичную власть въ *чрезмѣрной регламентаціи частныхъ интересовъ, дѣятельности и правъ*; тогда какъ основное правило внутренней законодательной политики и администраціи: не стѣснять частной дѣятельности и частныя отношенія, безъ самой крайней необходимости, безъ особенно важныхъ и настоятельныхъ побужденій, и притомъ когда они вытекаютъ изъ неотразимыхъ общественныхъ, государственныхъ потребностей. Въ заключеніе же г. Кавелинъ восклицаетъ.

„И такъ, мы признаемъ вполнѣ всю *практическую* полезность взгляда, который опровергаемъ въ теоріи, и убѣждены, что дѣйствіе его было бы гораздо сильнѣе и благотворнѣе, если бы, не опираясь на ошибочное теоретическое основаніе, онъ оставался въ свойственной ему сферѣ практическихъ вопросовъ.“

Выше я объяснилъ, что г. Кавелинъ теоретически вовсе не доказалъ

слиянiя понятiй частнаго права съ публичнымъ, потому что доказательства онъ черпалъ изъ положительнаго права, а не изъ свойствъ и законовъ человѣческой природы. Только такимъ одностороннимъ путемъ онъ и могъ придти къ своему несчастному выводу. Взглядъ его можно назвать скорѣе практическимъ, нежели взглядъ тѣхъ юристовъ, которые основываютъ отдѣленiе частнаго права отъ публичнаго, на основанiи законовъ человѣческой природы. Правда, подобныя изслѣдованiя и могли имѣть поводомъ крайнее вмѣшательство публичной власти въ частныя, приватныя права; но это вмѣшательство было вѣшнымъ толчкомъ, по которому частное право получило жизнь и развитiе, а не внутреннимъ содержаниемъ самого права. Такъ, напримѣръ, разсказываютъ анекдотъ, что будто бы паденiе яблока было причиною открытiя Ньютономъ законовъ центробѣжной и центростремительной силы; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы только въ паденiи яблока и видѣть объ эти силы и всё основанiя ньютонова открытiя. То же самое мы должны сказать и относительно излишней регламентацiи публичной властью частныхъ правъ: явленiе это заставило мыслителей призадуматься надъ условiями нашей общественной жизни, надъ природою человѣка и ея законами, и найдя въ нихъ не только рѣзкое отличiе, но и борьбу началъ общественной и частной жизни, они раздѣлили права на частное и публичное. Г. же Кавелинъ причину, вызвавшую извѣстныя мысли и положенiя, принимаетъ за содержанiе и матерiалъ самыхъ мыслей: въ этомъ-то и ошибка его; вотъ почему онъ и вводитъ раздѣленiе частнаго и публичнаго права въ область однихъ практическихъ вопросовъ.

Такимъ образомъ, прочитавъ первую главу брошюры г. Кавелина, мы приходимъ къ заключенiю, что все приватное имѣетъ характеръ публичности; но вторая глава разочаровываетъ насъ: авторъ, самъ того не подозрѣвая, систематически опровергаетъ первую.

„Мы, говоритъ г. Кавелинъ, различаемъ общество, какъ единое цѣлое, отъ составныхъ единицъ, изъ которыхъ оно слагается: все, что выражаетъ собою единство общества, все, что существуетъ, учреждается, дѣлается во имя общества, какъ единого цѣлаго, называется общественнымъ, публичнымъ; составныя же единицы общества, ихъ дѣятельность и интересы считаются частнымъ, приватнымъ,“ (стр. 17).

Опираясь на подобное начало для опредѣленiя публичнаго и частнаго права, было бы легко опредѣлить ихъ предметы и предѣлы; но у нашихъ ученыхъ выходитъ не такъ. Основываясь на опредѣленiи г. Каве-

лица, мы бы, напримеръ, отнесли дѣятельность журналиста къ публичному праву, потому что дѣятельность эта касается общества... Но для того, чтобы избѣжать такихъ выводовъ, г. Кавелинъ полагаетъ, что только ту дѣятельность слѣдуетъ назвать публичною, которая принимается или обществомъ или ея представителемъ; а дѣятельность частнаго лица, хотя бы она и имѣла характеръ публичный, все-таки должно считаться частною. Но почему такъ, а не иначе, этого г. Кавелинъ не доказываетъ; а просто говоритъ: я такъ хочу, и дѣло съ концомъ!

„Установивъ такимъ образомъ, говоритъ онъ, что въ юридическомъ смыслѣ есть публичное, что частное, и чѣмъ они различаются и отдѣляются другъ отъ друга, постараемся разрѣшить другой вопросъ: *какъ они относятся другъ къ другу.*“

Чтобъ удержаться, при изслѣдованіи этого вопроса, на почвѣ положительной, практической дѣйствительности и не растеряться въ отвлеченностяхъ (собственные слова г. Кавелина), онъ беретъ живой примѣръ: государство; но тутъ же запутывается до того въ отвлеченностяхъ, что, прочитавши всю вторую главу, рѣшительно не поймешь, къ чему ведетъ онъ. Такъ прошу понять, чего хочетъ г. Кавелинъ въ своемъ опредѣленіи: что такое государство:

„Государство, какъ единое цѣлое, есть юридическое начало, принципъ, идея.“ (стр. 22)

„Государство есть живой организмъ, а не сумма его составныхъ единицъ.“ (стр. 25)

Г. Кавелину кажется, что эти два опредѣленія тождественны; мы же находимъ совершенно противное: если принять государство за принципъ, то оно можетъ и не быть живымъ организмомъ. Такъ напримеръ: Франція, Россія, Англія—живые организмы: между тѣмъ какъ Австрія и Турція — принципъ. Поэтому между обоими опредѣленіями г. Кавелина такая же разница, какъ между Турціею и Францією. Также мы не понимаемъ, почему государство, какъ живой организмъ, не можетъ быть въ то же время и суммою своихъ составныхъ частей?.. Понятіе одного не можетъ противорѣчить понятію другаго: такъ какъ ихъ существованіе другъ друга обуславливаетъ. Такъ въ идея французскаго государства понимается не только правительство, но и народъ; вотъ почему глава французскаго государства и называется императоромъ фран-

цзовъ. Но видно, что г. Кавелинъ безъ всякаго злого умысла не призналъ государство, какъ сумму его составныхъ частей, потому тутъ же стр. 25) говорить:

„Между этими живымъ организмомъ и составными его единицамъ происходитъ безпрестанное *взаимно-дѣйствіе*.“

Но самое *взаимно-дѣйствіе* г. Кавелинъ понимаетъ такъ учено, туманно и отвлеченно, что мы рѣшительно не понимаемъ его выводовъ.

„И такъ, говорить онъ (стр. 27), государство, какъ начало, идея выражающая единство государственнаго *организма*, различается отъ государства, въ качествѣ *владѣльца*, частнаго лица. Первое господствуетъ надъ вторымъ, какъ и надъ всеми частными лицами; второе подчиняется первому-наравнѣ съ ними.“

Выводъ этотъ крайне неудовлетворителенъ: основываясь на немъ, мы должны положить, что въ становомъ Ивановѣ, какъ государственномъ органѣ, два лица: становаго и Иванова, и что становой господствуетъ надъ Ивановымъ. Далѣе г. Кавелинъ находитъ сопряженіе становаго къ частному праву только въ отношеніи матеріальныхъ его потребностей. Но со всеми этими положеніями мы не можемъ согласиться: съ первымъ потому, что г. Кавелинъ не вполне уяснилъ себѣ понятія о государствѣ. Государство, по его опредѣленію, есть не только принципъ, но и живой организмъ, и этотъ какъ выше объяснено мною, организмъ складывается изъ составныхъ частей. Государственный организмъ поэтому неизменно долженъ подчиняться общимъ законамъ, свойственнымъ его составнымъ частямъ: вотъ почему и государственныя учрежденія должны придти въ сопряженіе съ тѣми законами, которыя относятся къ составнымъ его единицамъ. Это самое явленіе мы встречаемъ не только въ государственномъ организмѣ, но и въ каждомъ другомъ составномъ тѣлѣ. Возьмемъ тѣло человека: въ негъ дѣйствуютъ не только общіе законы, свойственные одной природѣ человека, но и общіе законы его составныхъ частей или атомовъ, изъ которыхъ онъ состоитъ; вотъ почему и тѣло человека подчиняется точно такъ же физическимъ законамъ, какъ и физиологическимъ, и нравственнымъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы одно надъ другимъ господствовало, или чтобы жизнь человека можно было разбить на отдѣльныя, самостоятельныя, независимыя другъ отъ друга моменты: физическій, физиологическій и нравственный. Напротивъ, подлѣ жизни человека надо подразумѣвать все эти явленія въ совокуп-

ности и гармоніи. Такъ и въ государственной жизни; мы замѣчаемъ, что оно слагается не только изъ различныхъ учреждений и ихъ органовъ, но и изъ имущества; и то, и другое неминуемо должно слѣдовать тѣмъ законамъ, по которымъ они существуютъ. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы существовало государство, какъ организмъ, и государство какъ владѣлецъ, надъ которымъ первое будто бы господствуетъ. А государство, являясь владѣльцемъ, должно подчиниться тѣмъ условіямъ, на какихъ существуетъ идея собственности въ его составныхъ частяхъ: потому что въ противномъ случаѣ государство не было бы и живымъ организмомъ, а абстрактной идеею или другими словами: государство существовало бы само по себѣ, а народъ самъ по себѣ.

Второе же положеніе г. Кавелина, что только матеріальными потребностями входятъ публичные органы въ предѣлы частнаго права, также неосновательно: въ публичномъ органѣ, наиримѣръ, въ станомъ Ивановѣ мы различаемъ два лица, совершенно независимыя другъ отъ друга: принципъ—становаго, и индивидуумъ—Иванова. Въ первомъ отношеніи лицо это имѣетъ извѣстныя права и обязанности; все же прочее, выходящее изъ этого круга, есть принадлежность индивидуума и принадлежать частному праву. Придерживаясь этого положенія, мы и говоримъ: что становой Ивановъ, нарушивъ свои права и обязанности, становится частнымъ лицомъ и подлежитъ суду, наравнѣ съ частными лицами, когда они нарушаютъ публичное или частное право. Такимъ образомъ, органы государства соприкасаются съ частнымъ правомъ не только въ матеріальныхъ своихъ потребностяхъ, но и во всемъ, что выходитъ изъ предѣла публичнаго круга ихъ дѣйствій, ихъ правъ и обязанностей, и что принадлежитъ этимъ органамъ, не какъ публичнымъ дѣятелямъ, а какъ отдельнымъ лицамъ...

На этомъ остановимся. Длинно, монотонно и скучно было бы спорить со всеми положеніями г. Кавелина, растянутыми слишкомъ на 150 страницахъ; а обратимся прямо къ его главному выводу: нападая на право и на теоретиковъ, г. Кавелинъ предлагаетъ покончить споръ о томъ: что такое предметъ гражданскаго права—тѣмъ, чтобы гражданское право опредѣлить слѣдующимъ кругомъ: ему принадлежать все безъ изъятія права, имѣющія предметомъ матеріальныя, вещественныя цѣнности, въ какомъ бы ни было видѣ, въ видѣ ли физическихъ вещей, или въ видѣ правъ или услугъ (стр. 137).

Мы готовы были бы согласиться съ этимъ опредѣленіемъ г. Каве-

лива; но дѣло въ томъ: легче ли отъ этого станетъ человѣчеству? Г. Кавелинъ самъ придаетъ большое значеніе тому, что многимъ предметамъ публичнаго права даютъ смыслъ частныхъ правъ, и обратно: такъ что все зло, существующее въ нашей общественной и частной жизни, онъ приписываетъ этому смѣшенію понятій. Согласенъ съ этимъ, когда вопросъ этотъ вступаетъ изъ теоріи въ область практическаго приложения права; но въ самой-то жизни человѣкъ ищетъ и стремится къ возможно большей гражданской свободѣ, а не къ отвлеченному разрѣшенію теоретическихъ вопросовъ. Вотъ почему главная, существенная задача законовѣденія и должна быть—уясненіе естественныхъ правъ человѣка, законовъ его природы и вытекающихъ изъ нея матеріальныхъ и духовныхъ его потребностей. Эта-то задача и должна составлять крайнюю цѣль всей науки законовѣденія; поэтому она не должна обращать вниманія на строгую, отвлеченную регламентацію правъ и обязанностей, а преимущественно на законы, по которымъ они возникаютъ и существуютъ. На этомъ основаніи наука законовѣденія и мало выигрываетъ отъ того, что г. Кавелинъ отвлеченно разрѣшаетъ вопросъ о предѣлахъ гражданскаго права; потому что наука законовѣденія еще шатка въ своихъ основныхъ положеніяхъ. Развѣ не спорны еще главныя положенія о томъ, что такое самое право? Наконецъ самые предметы права развѣ не имѣютъ безчисленнаго множества тенденцій? Поэтому порѣшите прежде съ основными положеніями науки; опредѣлите, если не съ математическою, то съ приблизительною точностью самые предметы права, а потомъ ужъ сортируйте ихъ на отдѣленія и классы. Въ подобномъ случаѣ и классификація не будетъ тяжела; а то при смѣшеніи понятій о предметахъ права перепутывается и сама классификація. И неудивительно: то мы говоримъ, что государство есть принципъ, идея; то утверждаемъ, что государство есть живой организмъ, а не сумма его составныхъ частей; а въ третьемъ мѣстѣ мы уже находимъ связь между составными его частями... При такой неопредѣленности юридическихъ предметовъ, можно ли имѣть точное понятіе о составныхъ частяхъ ихъ и соотношеніи ихъ между собою? Тутъ невольно испытываешь впечатлѣніе крыловскаго квартета въ цѣлой диссертации: читаешь и чувствуешь, вмѣсто простаго и яснаго разрѣшенія вопроса, стукъ въ вискахъ, головокруженіе и тошноту. И это называется, на языкѣ нашихъ ученыхъ, написать ученую статью, рѣшить мировой вопросъ: что такое гражданское право и гдѣ его предѣлы?..

Къ тому же самъ г. Кавелинъ находитъ, что отъ смѣшенія пред-

жетовъ между публичнымъ и частнымъ правомъ сильно страдало человѣчество. Следовательно, вопросъ этотъ слишкомъ серьезенъ: отъ неудачнаго разрѣшенія его не столько можетъ пострадать наука, какъ сама жизнь; поэтому, чтобы ввести семейственное право въ область публичнаго, какъ это дѣлаетъ г. Кавелинъ, для этого необходимо отрѣшиться отъ современнаго состоянія общества, отъ его принциповъ и отъ прогресса, который ежегодно вноситъ въ эту отрасль права болѣе и болѣе рациональныхъ началъ. Но какъ только внесется этотъ отдѣлъ въ публичное право, тотчасъ онъ долженъ подчиниться метафизическимъ и политическимъ его принципамъ. Будетъ-ли отъ этого легче человѣчеству?.. Въ отвѣтъ на это намъ приходится обратиться только къ исторіи, которая есть живой протестъ противъ всѣхъ ученыхъ тенденцій подобнаго заката.

2) *Руководство къ судебной защитѣ по уголовнымъ дѣламъ, К. Ю. Миттермайера, профессора законовѣдѣнія въ Гейдельберскомъ университетѣ. Переводъ съ четвертаго изданія. Изданіе А. Унковскаго. Москва. 1863.*

Сочиненіе это вышло въ свѣтъ въ то время, когда еще въ большей части Германіи не было суда присяжнаго, и господствовалъ слѣдственный процессъ, съ его письменностью и канцелярской тайной. Правда, въ послѣдствіи Миттермайеръ дополнилъ свое сочиненіе статьями: объ образѣ дѣйствій защитника при словесномъ судопроизводствѣ и о локодахъ при устномъ порядкѣ судопроизводства и въ особенности передъ судомъ присяжныхъ и т. д. Но самъ Миттермайеръ признается, въ своемъ предисловіи къ четвертому изданію, что онъ имѣлъ случай дѣйствовать только въ одномъ, хотя и важномъ, дѣлѣ передъ судомъ присяжныхъ. Но, защитивъ одно только дѣло, нельзя приобрести столько опыта, чтобы возвести свои положенія въ формулу науки. Притомъ еще вопросъ, можно ли создать самую науку о судебной защитѣ?.. Судебная защита есть дѣло чисто практическое: одна только жизнь, въ ея разнообразныхъ проявленіяхъ, можетъ внести въ сознаніе человѣка то или другое начало, которымъ онъ долженъ руководствоваться въ извѣстномъ случаѣ. Жизнь такъ разнообразна, что ее нельзя подвести ни подъ какія шѣрки; а чтобы постигнуть ее во всѣхъ ея проявленіяхъ, для этого необходимо изученіе той среды, въ которой дѣйствуешь; нужна большая доза ума и проницательности, чтобы умѣть понять и уяснить себѣ матеріалъ, почерпнутый опытомъ. Вотъ почему и адвокатская наука, создаваемая теоретиками можетъ привести такую же практическую пользу, какую

приносить — логика, риторика и пѣтуха. Сколько же сочинили бы разныхъ теорій о судебной защитѣ, но безъ таланта и непосредственнаго изученія жизни не можетъ сформироваться ни одинъ порядочный адвокатъ. Здѣсь нѣтъ и быть не можетъ никакой научной нормы, потому что въ адвокатской защитѣ все зависитъ: 1) отъ спеціальнаго характера событія и лицъ къ нему прикосновенныхъ, которыхъ вы беретесь защищать; 2) отъ степени развитости и принциповъ присяжныхъ, предъ которыми вы защищаете дѣло; 3) отъ степени познаній, развитости и образа мыслей самихъ судей и защитниковъ стороны противной; 4) отъ законовъ, которые приходится приложить къ жизни.

Событіе имѣетъ иногда большій или меньшій интересъ для общества. Иногда въ немъ проглядываютъ тенденціи извѣстной партіи, или выражается извѣстная идея, такъ что событіе имѣетъ для общества политическое или религіозное значеніе. Вотъ почему общество иногда сочувствуетъ событію или глядитъ на него съ омерзеньемъ. То же самое бываетъ и съ лицами, прикосновенными къ событію. Всей прошедшей жизнию, общественнымъ своимъ положеніемъ, образованіемъ, степенью развитія — они нерѣдко возбуждаютъ въ присяжномъ самыя разнообразныя впечатлѣнія.

Знаніе умственныхъ, нравственныхъ, и религіозныхъ убѣжденій присяжныхъ, предъ которыми защищаешь процессъ — есть главнѣйшая и важнѣйшая задача адвоката. Поэтому не только приемы, но и матеріалъ для убѣжденія Жюри—французскаго, англійскаго, германскаго и русскаго—совершенно различны отъ характера, степени просвѣщенія и т. д. этихъ націй. Англичанинъ, какъ дозано опытомъ, требуетъ всегда строгихъ юридическихъ аргументовъ; французъ судить по впечатлѣнію, вынесенному имъ изъ процесса; нѣмецъ философствуетъ и вдается въ тонкости, нерѣдко чисто метафизическія... Но каковъ будетъ русскій присяжный? Это покажетъ практика; вѣроятно же всего, что онъ будетъ сильно придерживаться обычая и здраваго смысла. Следовательно тутъ не помогутъ намъ никакіе научные приемы: намъ нужно изучить среду, въ которой мы будемъ дѣйствовать; намъ нужно познакомиться не только съ нравами, но и съ предрассудками народа; намъ нужно освоиться съ складомъ его ума, для того, чтобы знать, съ чего начать и какъ проводить въ его сознаніе болѣе гуманныя понятія. А запасъ такого знанія можно почерпнуть только изъ одной практики. Но кромѣ присяжныхъ, въ судѣ есть еще су.и и адвокаты стороны противной: полное знаніе послѣднихъ, ихъ способностей и убѣж-

дений составляет также важный предмет практического изучения адвоката; но и эти предметы не могут быть подведены ни под какие формулы, потому что не только каждый индивидуум имеет свои особенности, но каждая рѣчь противника адвоката требуетъ особенныхъ специальныхъ опроверженій. Законы страны, въ которой дѣйствуетъ адвокатъ, придаютъ также особенность судебной защитѣ въ различныхъ государствахъ: такъ въ однихъ законы слишкомъ строги, въ другихъ снисходительны и милосердны; въ третьихъ несоразмѣрны съ преступленіями, или въ одномъ случаѣ слишкомъ снисходительны, въ другомъ слишкомъ строги. Поэтому и адвокатская защита должна согласоваться во-первыхъ съ цѣлью защиты, во-вторыхъ—съ характеромъ и условиями закона. Слѣдовательно и въ этомъ отношеніи наука не можетъ представить никакихъ опредѣленныхъ правилъ. Такимъ образомъ главѣйшими условиями разработки адвокатскихъ способностей мы можемъ принять—только изученіе адвокатомъ законовѣдѣнія въ теоріи и практикѣ, изученіе имъ вспомогательныхъ юридическихъ наукъ: какъ-то, судебной медицины, физиологій; изученіе народной жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ, съ ея свѣтлыми и темными сторонами. Только эти условия, при способности человѣка, могутъ сдѣлать изъ него дѣльнаго адвоката; а всѣ такъ называемыя руководства къ судебной защитѣ забываютъ только голову, въ особенности непосвященную въ таинства юриспруденціи, разными положеніями, которыя не знаешь потому, какъ примѣнить на практикѣ: такъ что безъ преувеличенія можно сказать, что всѣ эти положенія—лишній балластъ въ головѣ адвоката.

Изъ того, что сказано нами о дѣятельности адвоката, не трудно будетъ понять, какое значеніе можетъ имѣть для нашего будущаго гласнаго судопроизводства, издавна г. Унковскимъ, сочиненіе Миттермайера о судебной защитѣ.

Издавая эту книгу, г. Унковскій нашелъ необходимымъ объяснить, что онъ издаетъ ее въ виду судебной защиты, какъ совершенно новаго учрежденія у насъ; поэтому предлагаетъ намъ почерпать мудрость изъ совѣтовъ Миттермайера. Но такъ какъ сочиненіе этого ученаго касается преимущественно слѣдственнаго письменнаго и непубличнаго процесса, а потому г. Унковскій говорить:

„Съ перваго взгляда можетъ показаться, что руководство къ судебной защитѣ, написанное при господствѣ стараго слѣдственнаго, пись-

менного и тайного, судопроизводства, не может представить много полезных сведений для защиты при обвинительном порядке судопроизводства, основанном на началах устности и гласности. Человек, который не даст себя труда внимательно рассмотреть эту книгу и увидит, что в ней часто говорится о письменной защите и даже представляются примеры защитительных записок, а не живых речей, может принять самое издание ее за чистейший анахронизм. Но такое заключение было бы совершенно неосновательно. Прежде всего надобно заметить, что, не смотря на коренныя изменения в порядке уголовного судопроизводства, сущность защиты обвиняемых почти не изменяется. Вездѣ и повсюду она состоит в представлении всего, что может говорить в пользу подсудимаго и склонить судьей къ произнесению приговора, наиболее пріятнаго для обвиняемаго. Если всмотрѣться ближе в дѣло судебной защиты, то мы увидимъ, что съ дальѣйшимъ развитіемъ уголовного права и уголовного судопроизводства въ ней измѣняется только вѣшняя сторона, а не какъ не внутренняя. Само собою разумѣется, что для словесной и публичной защиты требуются не тѣ приемы, какіе нужны въ письменной, при слѣдственномъ порядкѣ судопроизводства съ канцелярской тайной. Но все это относится лишь къ вѣшной сторонѣ защиты и не представляетъ первостепенной важности. Что же касается до способовъ убѣждения, то они такъ мало измѣняются, что мы въ настоящее время можемъ руководствоваться даже большею частью наставленій знаменитыхъ защитниковъ древности, не смотря на то, что они дѣйствовали въ средѣ, совершенно намъ чуждой.

Конечно при такомъ взглядѣ на обвинительный процессъ съ участіемъ присяжныхъ и неудивительно, что г. Унковскій придаетъ сочиненію Миттермайера не только современный интересъ, но считаетъ его даже поучительнымъ для нашихъ адвокатовъ. Но если мы ближе вникнемъ въ его положенія, то увидимъ, что взглядъ его ошибоченъ.

Мы полагаемъ, въ противоположность мнѣнію г. Унковскаго, что и сущность защиты должна измѣниться съ переменою формы процесса. Въ слѣдственномъ процессѣ адвокатская защита сосредоточивается на томъ, чтобы: 1) отвѣчать только на вопросы; 2) противъ обвиненій приводить только опровергающіе ихъ аргументы; 3) ослаблять юридическую силу аргументовъ, направленныхъ противъ подсудимаго. Въ этихъ трехъ моментахъ заключалась вся логика, все искусство адвокатовъ при слѣдственномъ процессѣ: потому что судьи имѣли дѣло не съ живымъ событіемъ, не съ живыми людьми, а съ мертвымъ слѣдственнымъ дѣломъ. Совсе не то при обвинительномъ процессѣ, гдѣ дѣйствуютъ присяжные и гдѣ является адвокатъ истца, кромѣ публичнаго

ища—прокурора. Здесь адвокату ответчика приходится иметь дело не только съ судьей, но и съ присяжными; приходится опровергать не только обвиненіи прокурора, но и доводы адвоката. Кроме этого слѣдственный порядокъ требуетъ отъ уликъ и доказательствъ формальности; при судѣ же присяжныхъ выступаютъ на сцену и нравственные аргументы: такъ какъ главнымъ критериумомъ обвиненія является совѣсть присяжныхъ. Слѣдовательно весь ходъ процесса измѣняется, и для борьбы этой становятся необходимыми не только новые приемы, чѣмъ въ процессѣ слѣдственномъ, но и совершенно другой матеріалъ. Самая устность защиты вызываетъ совершенно иные формы и иной матеріалъ, чѣмъ при письменной защитѣ дѣла. Письменная защита дѣла, не ограничиваясь ничѣмъ, совершенно независима; между тѣмъ, вѣстная защита обуславливается случайностями, вызванными самимъ ходомъ процесса. Къ тому же, письменность предполагаетъ имѣть дѣло съ юристами, а устность — съ обществомъ, въ лицѣ присяжныхъ. Такимъ образомъ письменность можетъ допустить одно сухое изложеніе уликъ, между тѣмъ какъ устность должна согласоваться съ степенью образованности и понятливости присяжныхъ. Поэтому не только въ приемахъ, но и въ матеріалѣ судебной защиты такая же разница — какъ между самою сущностью процесса слѣдственного и обвинительнаго, устного, съ присутствіемъ присяжныхъ. На этомъ основаніи мы и полагаемъ, что сочиненіе Миттермайера имѣетъ въ настоящее время интересъ только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ говоритъ о защитѣ процесса при судѣ присяжныхъ. Эти мѣста и подвергнемъ анализу.

Говоря объ образѣ дѣйствій защитника при словесномъ судопроизводствѣ, (стр. 201) Миттермайеръ указываетъ, что онъ долженъ требовать уничтоженія тѣхъ распоряженій обвинителя и суда, которыя поставлены противъ подсудимаго, а именно: 1) защитникъ долженъ оспаривать всѣ незаконныя требованія обвинителя и ходатайствовать, чтобы судъ не принималъ ихъ въ уваженіе; 2) если предсѣдатель суда пожелаетъ сдѣлать какое либо распоряженіе, вредное для подсудимаго и противное существующимъ законамъ. 3) если въ засѣданіи суда допускаются такіа дѣйствія, которыя могутъ быть вредны для обвиняемаго. 4) при допросѣ свидѣтелей и экспертовъ адвокатъ долженъ также дѣйствовать въ пользу кліента. 5) Если защитникъ полагаетъ, что доводы или замѣчанія обвинителя могутъ произвести на судей впечатлѣніе, неблагоприятное для обвиняемаго, то онъ обязанъ противодействовать этому впечатлѣнію; 6) такъ какъ послѣднее слово, по закону, принадлежитъ

защитнику, то онъ долженъ воспользоваться этимъ правомъ и по заключеніи судебныхъ преній произнести окончательную рѣчь, потому что впечатлѣніе наиболѣе дѣйствуетъ на судей. 7) При защитѣ передъ судомъ присяжныхъ, адвокатъ долженъ еще заботиться о томъ, чтобы вопросы предлагаемые присяжнымъ, были ясны, не допускали никакихъ недоразумѣній и заключали въ себѣ все, что требуется въ интересахъ подсудимаго.

Изъ этихъ положеній почтеннаго нѣмецкаго ученаго видно, что онъ смотритъ на лица, готовящіеся занять адвокатскую профессию, какъ на маленькихъ дѣтей, которымъ слѣдуетъ внушить: глядите, когда пойдетъ дождикъ, то надѣньте пальто или шинель, или возьмите зонтикъ; когда встрѣтите на пути яму, то нужно ее обойти или перескочить, а то попадете въ яму и ногу сломаете. И подобные совѣты выдаются за научныя положенія.

1) На первые два совѣта можно отвѣчать: если бы защитникъ не сталъ опровергать *незаконныхъ* требованій обвинителя въ судѣ или распоряженій предсѣдателя суда, то этимъ защитникъ доказалъ бы или недобросовѣстность или незнаніе законовъ. Если же того и другаго нѣтъ въ защитникѣ, то изъ совѣтовъ г. Миттермайера онъ ничего не почерпнетъ.

2) То же самое можно сказать относительно третьяго совѣта Миттермайера: допуская въ засѣданіи суда такія дѣйствія, которыя могутъ быть вредны для обвиняемаго, — защитникъ доказываетъ этимъ одно изъ двухъ: или что онъ недобросовѣстенъ, или что онъ не знаетъ законовъ. Но въ обоихъ случаяхъ дѣлу не помогутъ совѣты Миттермайера: въ первомъ защитникъ посмѣется надъ ними; во второмъ — ему и совѣтъ ученаго не поможетъ: безъ знанія законовъ и нельзя воспользоваться имъ.

3) Относительно внушеній Миттермайера какъ дѣйствовать при допросѣ свидѣтелей и экспертовъ, слѣдуетъ замѣтить: что приемы допроса зависятъ отъ способностей защитника и ихъ нельзя подвести ни подъ какія формы.

Если защитникъ опытенъ, уменъ и свѣдущъ, онъ сумѣетъ въ вопросахъ объяснить всѣ обстоятельства дѣла; если же этихъ качествъ въ немъ нѣтъ, то ему не помогутъ никакіе совѣты.

4) Для того, чтобы защитникъ понялъ и созналъ, что замѣчанія обвинителя могутъ произвести на судей впечатлѣніе, неблагоприятное для обвиняемаго, для этого нужны отъ защитника не только большое знаніе юриспруденціи, но и сердца человѣка и способностей судей. А при

этихъ условіяхъ адвокатъ можетъ безъ совѣтовъ Миттермайера употребить все свое краснорѣчіе, чтобы уничтожить непріятное впечатлѣніе, произведенное на судей противной стороной.

5) Совѣтъ Миттермайера о томъ, чтобы защитникъ, которому принадлежитъ послѣднее слово въ процессѣ, произнесъ окончательную рѣчь, указывается въ самомъ законодательствѣ; поэтому каждый адвокатъ ужь ради одной формальности произноситъ ее.

6) Съ послѣднимъ же совѣтомъ о томъ, чтобы защитникъ всегда предлагалъ присяжнымъ ясные вопросы,—я безусловно не согласенъ. Само собою разумѣется, что въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ требуется для сясенія подсудимаго ясный вопросъ — тамъ совѣтъ Миттермайера умѣстенъ; однакожъ иногда именно неясность вопроса и есть главная сила, спасающая подсудимаго: вотъ въ этомъ-то случаѣ и совѣтъ ученаго оказывается несостоятельнымъ. Вообще же и это положеніе Миттермайера имѣетъ такое же практическое значеніе, какъ и всѣ предшествовавшіе его совѣты т. е. безъ нихъ можетъ обойтись каждый смышленный адвокатъ. Если же въ послѣднихъ предполагать идиотовъ, то само собою разумѣется, что, вызубривъ положенія Миттермайера, они не превратятся изъ идиотовъ въ людей умныхъ.

Ученіе Миттермайера (стр. 203) о доводахъ при устномъ порядкѣ судопроизводства и въ особенности передъ судомъ присяжныхъ, съ одной стороны отличается солидарностью съ совѣтами моиими относительно обхода ямы мальчиномъ, а съ другой юридическимъ педантизмомъ.

„Защитникъ, говоритъ Миттермайеръ: — совершенно достигнетъ своей цѣли, если онъ докажетъ, что подсудимый не совершилъ преступленія, въ которомъ его обвиняютъ, и опровергнетъ тѣ доказательства, положенія и заключенія, на которыхъ основывается обвиненіе“.

Къ чему было приводить это положеніе: развѣ можно бы было считать адвоката достигшимъ цѣли, если бы онъ доказывалъ, что подсудимый совершилъ преступленіе?..

Въ отношеніи же характера доводовъ, Миттермайеръ является защитникомъ законности и формальности доказательствъ; а потому совѣтуетъ: соблюдать правила, по которымъ опредѣляется само доказательство. Но такъ какъ жизнь разнообразна, и всѣ ея черты неуловимы и не могутъ быть подведены подъ опредѣленные формулы, а потому внутреннее убѣжденіе есть лучшій критеріумъ оцѣнки уликъ и доказательствъ подсудимаго. Ссылки же Миттермайера на

английскіе и американскіе законы, по которымъ требуется, чтобы Жюри рѣшалъ дѣло на основаніи судебныхъ доказательствъ (law of evidence), не совсѣмъ основательны. Въ Англіи и Америкѣ рѣшеніе Жюри, неоснованное на судебныхъ доказательствахъ, служитъ только поводомъ къ назначенію вышнимъ судомъ новаго Жюри; но если третій Жюри рѣшитъ дѣло, хотя бы и не на основаніи судебныхъ доказательствъ, то дѣло болѣе не подлежитъ кассациіи. Такимъ образомъ въ Англіи и Америкѣ внутреннее убѣжденіе и судебныя доказательства находятся въ гармоніи. И въ самомъ дѣлѣ, если судебныя доказательства согласны съ внутреннимъ убѣжденіемъ, то почему же не воспользоваться ихъ аргументами; но если этого согласія нѣтъ, то и по законамъ Англіи и Америки перевѣсъ остается на сторонѣ внутренняго убѣжденія... Но одно странно въ сочиненіи Миттермайера, что, изъ выписки сдѣланной мною выше изъ § 2 стр. 7. его сочиненія, онъ ратуетъ противъ *напередъ заданной теоріи* доказательствъ и одобряетъ рѣшенія, основанныя на *согласномъ внутреннемъ убѣжденіи присяжныхъ*; а въ ученіи о доводахъ при устномъ процессѣ (стр. 203) онъ говоритъ:

„Защитникъ долженъ указывать присяжнымъ на *присла*, относящіяся къ судебнымъ доказательствамъ и стараться убѣждать ихъ въ справедливости этихъ правилъ, предостерегать ихъ отъ увлеченія обманчивыми доказательствами, которыя хороши только съ виду (например: признаніемъ вѣд суда), и излагать все это такимъ образомъ, чтобы присяжные ему повѣрили“.

Такое противорѣчіе ученаго ставитъ насъ въ тупикъ: чего же въ самомъ дѣлѣ придерживается онъ? или принципа внутренняго убѣжденія, или же теоріи судебныхъ доказательствъ?.. Но въ § 80, стр. 145, говоря о судебномъ краснорѣчьи, онъ разъясняетъ дѣло: онъ осуждаетъ древнихъ ораторовъ Рима, за то, что они употребляли всѣ старанія для того, чтобы посредствомъ возбужденія страстей достигнуть приговора, благоприятнаго для обвиняемаго. Одобряетъ же Миттермайеръ германское краснорѣчіе:

„Наше судебное краснорѣчіе, говоритъ онъ: — имѣетъ строгій и важный характеръ, не представляетъ подобной опасности и ставитъ судебного оратора въ совершенно другое положеніе. Чуждое всѣхъ театральныхъ приемовъ, наше уголовное судопроизводство важно и торжественно: оно стремится удалить судью отъ всякаго вліянія страстей,

защитника же оставить въ известныя границы и не представляеть возможности обращаться къ тѣмъ средствамъ, которыя дозволяли себѣ ораторы древности:

Изъ этихъ словъ ясно видно, что Миттермайеръ придерживается теоріи судебныхъ доказательствъ; но дагѣе, объясняя характеръ судебного краснорѣчія при словесномъ и публичномъ судопроизводствѣ предъ присяжными, онъ ужь указываетъ на то, что защита должна разниться, смотря по тому, какой теоріи придерживается законодательство: внутреннего-ли убѣжденія или формальныхъ доказательствъ.

Вотъ все, что Миттермайеръ высказалъ относительно публичной и словесной защиты уголовного процесса предъ присяжными; остальные мѣста его сочиненія могутъ быть раздѣлены на слѣдующія категоріи; 1) *на общія теоретическія начала* уголовного судопроизводства, въ которыхъ доказывается необходимость, значеніе и всѣ моменты судебной защиты, и дѣлается оцѣнка судебнымъ доказательствамъ. Мѣста эти отличаются огромною ученостью автора; но мы ихъ относимъ къ теоріи судопроизводства, потому что они объясняютъ положенія подсудимаго и защитника въ разныхъ фазахъ судебного процесса, по различію его основныхъ началъ. Всѣ положенія Миттермайера отличаются по этому предмету широтою взгляда, и мы въ особенности рекомендуемъ читателямъ тѣ мѣста, гдѣ онъ доказываетъ необходимость участія адвоката не только при самомъ публичномъ судопроизводствѣ, но и при слѣдствіи. 2) *На общія теоретическія начала уголовного права*, гдѣ излагаются разные моменты виновности преступленія. 3) *На общія риторическія начала*, которыя, излагая судебное краснорѣчіе и приемы защиты, могутъ принести практикамъ такую же пользу, какъ всѣ реторики и пѣвцы.

Словомъ, сочиненіе Миттермайера, не смотря на то, что оно проникнуто во многихъ мѣстахъ свѣтомъ науки, здраваго смысла и глубокой учености, скорѣе можно назвать теоріею слѣдственно-судебной защиты, какъ части уголовного судоустройства и судопроизводства, чѣмъ практическимъ руководствомъ для защиты устнаго и публичнаго процесса предъ присяжными. Явись эта книга въ Россіи въ концѣ 50 хъ годовъ, она бы имѣла огромное значеніе, и если въ настоящее время мы не признаемъ ее совершеннымъ анахронизмомъ, то и не можемъ придать ей пракческаго значенія при предстоящей у насъ реформѣ уголовного судопроизводства. О томъ, какой характеръ приметъ у насъ

судъ присяжныхъ и устная защита дѣла — можетъ показать только одинъ опытъ: складъ русскаго ума, нравы народа вѣроятнѣе всего положить свою печать на народный процессъ и выработаютъ особые адвокатскіе приемы защиты подсудимаго. Поэтому крайнее наше убѣжденіе, что совершенно излишне напередъ вооружаться, какими бы то ни было, теоріями судебной защиты; а слѣдуетъ будущимъ адвокатамъ, кромя теоретическаго и практическаго изученія законовѣденія, изучить народную жизнь и среду, въ которой имъ придется дѣйствовать.

М. Филипповъ.

-Петербургъ. 1864 г.

РЕЗЕРВНЫЕ СТИХОТВОРЦЫ.

(ЗАМѢТКИ И РАЗМЫШЛЕНІЯ ОТСТАВНАГО МАЮРА БУРБОНОВА.)

Разладъ—оцѣны изъ послѣдняго польскаго возстанія, въ трехъ частяхъ, Я. П. Полонскаго. („Эпоха“, 1864 г. № 4).

Сборникъ солдатскихъ сочиненій. Книжка первая, годъ второй 1864 г. Спб.

Стихотворенія М. Розенгейма. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. 1864 г. Спб.

Въ лагерь русской журналистики, еще такъ недавно одержимой воинственнымъ духомъ, воцарились умные и бездѣйствіе. Тишина эта привела многихъ въ немалое смущеніе. Громы и молніи „Московскихъ Вѣдомостей“, обратясь въ степное марево—„Маревомъ“ и разстали. Сокрушитель негилистическихъ плевелъ—г. Громека ретировался съ литературнаго поля, и Андрей Александровичъ сиротствуетъ и плачетъ... А. Майковъ, говорившій когда-то: „мой стихъ—есть тотъ же мечъ“—мечетъ теперь только юбилейные куплеты и толкуетъ почему-то о „моучемъ ходѣ китовъ“. А. Фетъ, надѣвъ на себя шлемъ Донъ-Кихота, разстался съ музой и совершенно погрузился въ лоно скотнаго двора, гдѣ онъ (см. апрѣльск. вѣ. „Русскаго Вѣстника“) вступилъ въ жестокую битву съ крестьянскими свиньями. Кругомъ тишина и безмолвіе, и въ этой тишинѣ только однажды раздался пронзительный крикъ лѣтописца „Эпохи“: „Пушкина ругаютъ! Пушкина обижаютъ!“.

Все упало духомъ при созерцаніи такой печальной картины, только я одинъ не унывалъ и не терялъ надежды. Я былъ твердо увѣренъ, что какъ изъ пѣны морской вышла Венера, такъ «въ скоромъ времени непременно должно возродиться *мѣтко* грандіозное. Увѣренность эта меня поддерживала, ибо, какъ говоритъ мой почтенный парнасскій сотоварищъ, М. Розенгеймъ:

Безъ вѣры, господа, бесплодно и призванье:
Ни пѣсень отъ души, ни искренней любви...

Я упорно и терпѣливо ждалъ, и наконецъ громко воскликнулъ ура!, когда прочелъ „Разладъ“ — новое произведеніе Я. П. Полонскаго.

Нашего полка прибыло, прибыло!..

Торжество мое было полное, и ожиданіе оказалось не бесплоднымъ.

Изъ міра пѣсень штатскихъ, фраковъ
Еще пѣвецъ въ нашъ станъ идетъ!..
Теперь тебѣ, Полонскій Яковъ
Бурбоновъ руку подаетъ.
Несчастій прежнихъ и уроновъ
Я въ жизни больше не боюсь:
Иванъ Полонскій и Бурбоновъ
Скряпали дружескій союзъ.

На стихотворца Полонскаго я давно возлагалъ свои надежды.

Я сталъ давно равнодушенъ
Къ тому пѣвцу, за то, что онъ:
*«Блочною жизнью былъ укушенъ,
Иною солью просоленъ.»* *)

Вѣра въ родство душъ, я даже находилъ всегда нѣкоторое сходство между собою и этимъ лирическимъ стихотворцемъ, не смотря на наше видимое различіе.

*) Двѣ послѣднія строки взяты изъ поэмы Полонскаго: „Свящее преданіе.“

Оба родились мы «славными палачи»,
 Оба гонялись за идеалами;
 Я, как и онъ, часто съ пафосомъ канкаю:
 «Дайте мнѣ женщину, женщину дикую!»
 Рядомъ съ карьерой писателя онаго
 Смысла поставьте маіора Бурбонова.

Это положеніе доказываетъ новая поэма Полонскаго: „Разладъ“

Пусть говорятъ всѣ, что хотять,
 (Теперь вѣдь брань въ ходу),
 Но прочитайъ его «*Разладъ*»,
 Я съ нимъ живу *въ ладу*.

Другое неотъемлемое достоинство „Разлада“ есть то, что поэтъ извѣстное стихотвореніе Пушкина: „О чемъ шумите вы народные вѣтви?—передалъ намъ въ драматической формѣ широкой шекспировской кистью. Въ „Разладѣ“—русскій оеицеръ Танинъ полюбилъ панну-Катерину. Вся интрига драмы основана съ одной стороны — на исполненіи долга, долга службы, а съ другой на любви къ паннѣ. Борьба между двумя этими чувствами продолжается на семи печатныхъ листахъ, но наконецъ первое беретъ верхъ надъ послѣднимъ.

Случай осветжитъ мою башку!

воскликаетъ Танинъ, и продолжаетъ, подавляя въ себѣ любовь:

О чемъ тутъ думать! загорайся кровь!
 Книи вражда, когда другаго чувства
 И быть не можетъ...

Катерина отвѣчаетъ ему:

Счастливо оставаться, панъ, прощайте...

Предестное выраженіе! Когда мой деньщикъ каждый вечеръ говоритъ мнѣ теперь: счастливо оставаться, ваше б-іе!—я всякій разъ вспоминаю милую героиню г. Полонскаго. Вообще умлила меня находчивость г. Полонскаго, который «фронтальной военной азыкъ» умогалъ въ ямбы своей драмы. Такъ, напр. говоритъ —

ГЕНЕРАЛЪ.

Ужасно сколько гибнетъ
 Несчастныхъ молодыхъ людей!

АДЪЮТАНТЪ.

Да, *саме**Превосходительство... ужасно жаль.*

или въ другомъ мѣстѣ, монологъ Танина прерывается возгласомъ вѣстоваго:

Ваше благородіе,
Привѣтъ жидь...

Реальность г. Полонскаго во мнѣ самомъ пробудила смѣлость:

Теперь я мнѣ дана отвага,
И въ одѣ я
Сказать съумю: ваше благо—
Родіе!

Мотивъ, соблазнившій теперь г. Полонскаго для сооруженія драматической поэмы, нѣкогда соблазнялъ и меня самого, и подъ его напѣиємъ я сочинилъ слѣдующее стихотвореніе, которое можетъ служить лирическимъ экстрактомъ всего „Разлада“. О нашей солидарности вы можете судить по слѣдующей пѣснѣ.

ИЗЪ КНИГИ ПѢСЕНЪ М. БУРБОНОВА.

Я, обожаю панну Лизу,
Межъ двухъ огней попалъ, какъ въ адъ:
Любовь — влечетъ меня на мызу
Долгъ службы — тянетъ на парадъ.
О, панна! вы меня зовете,
Я—бъ подлетѣлъ сейчасъ къ крыльцу,
Но—служба ждетъ... (*фельдфебель! ротъ
Вели сбираться на плацу.*)

Любовью вся душа объята.
Въ груди, какъ въ банѣ, горячо...
(*Команды слушайся, ребята!
Ровняйся! Смирно! На пле-чо!*)

Дождусь—ли съ панной встрѣчи новой!
Какъ сабля, блещетъ панны взглядъ!..
(*Штыкъ на себя, ей, ты, фланговыи!
Зарубкины! подтмани приклады!*)

Она теперь навѣрно дома
И приготовила мнѣ грогъ...
(Учебнымъ шагомъ въ три приѣма!
Носокъ вытягивать, носокъ!)

Отъ нѣжныхъ ласкъ ея тупѣю,
Готовъ ягненкомъ вроткимъ лечь!..
(Пучковъ! Не чистилъ портулюю!
За это буду больно свѣчь!)

Любовь и—подчиненье старшимъ!..
Нѣтъ, долгъ служебный верхъ беретъ!
(Росилъся! Смирно! Скорымъ маршемъ!
Глаза на право! Грудь впередъ!)

Довольно! Вижу я въ окошкѣ
Платкомъ мнѣ нанна машетъ тамъ!..
(Ребята, волюю! ружья въ сошки
И расходитесь по домамъ).

Герой г. Полонскаго признается и даже на дѣлѣ доказываетъ, что онъ любитъ „подслушивать чужіе разговоры“, что, какъ онъ замѣчаетъ, *ослабляетъ ея башку*. Не говоря уже о томъ,

Что пригодились для стишка
Такія милыя слова,
И смѣло ставить онъ: *башка*
На мѣсто слова—*юлова*,

не говоря уже объ этомъ, нужно подивиться тому, что подслушиванью поэтъ придалъ какое-то героическое значеніе, въ родѣ высокаго гражданскаго подвига. По мнѣнію этого героя, сила даетъ на все право:

Мы васъ сильнѣе—стало быть я правы.

Что же касается до монологовъ „Разлада“, то въ нихъ соединяется шекспировская глубина съ восточною страстностью Н. Кузольнича. Вникните, напр., хоть въ этотъ монологъ:

Боже мой!
Могу-ли я сказать кому нибудь:
„Такъ чувствую—такъ мысля“...
Уиъ

изведенія г. Положскаго, но впечатлѣніе, имъ производимое на меня, не было бы такъ сильно, если бы я послѣ него не прочелъ новаго изданія Стихотвореній М. Розенгейма и (см. Сборникъ солдатскихъ сочиненій) стихотвореній г.г. *Мартьянова* (фельдфебеля Нарвс. глѣх. полка) *Васильева* (писаря 2-й артлл. бригады) *Толдышева* (унт. оф. драгун. полка) и многихъ другихъ новѣйшихъ сочинителей. Такъ, напр., послѣдній пзъ нихъ, напечатавшій свои стихи, начинающіеся такимъ куплетомъ:

Ура, драгунскіе солдаты!
Васъ инсургентамъ не забыть,
Мы показали имъ, ребята,
Какъ надо шапками рубить. и др.

этотъ сочинитель, хотя и уступаетъ г. Полонскому въ силѣ изобрѣтательности и фантазіи; но, по дарованію своему и доброму намѣренію, можетъ быть достойнымъ его сотоварищемъ по музѣ. Въ свое время я еще буду говорить объ этихъ новѣйшихъ стихотворцахъ, но теперь обращаюсь къ главному представителю ихъ постыческаго стана, къ М. Розенгейму.

М. Розенгеймъ издалъ второе, домысленное и исправленное, изданіе своихъ стихотвореній, за что я отъ лица всѣхъ поклонниковъ его таланта приношу ему полнѣйшую благодарность. Едва я взялъ въ руки его новую книжку, то даже созерцаніе ея обертки привело меня въ большой восторгъ: даже обертка доказала мнѣ, какъ гуманенъ г. Розенгеймъ въ отношеніи своихъ читателей. На задней сторонѣ его изданія напечатано было, что цѣна книги 2 р. с., но г. Розенгеймъ, послѣ вѣкотораго размышленія, вѣроятно, разчувствовался и наклеилъ на книгу новый ярлыкъ, гдѣ уже поставилъ *цѣна 1 р. 50 к. с.* Кто же изъ насъ не одѣнеть теперь этого великодушія, этого полтинника?.. У „Русскаго Вѣстника“ четвертакъ пропалъ однажды — онъ и изъ-за четвертака поднялъ исторію на всю Россію, а вотъ г. Розенгеймъ самъ даритъ каждому своему читателю по полтиннику. — Только читайте, говорить.—Рады стараться, г. Розенгеймъ!..

Какъ сочинитель вполне самобытный, г. Розенгеймъ въ новомъ изданіи своихъ стихотвореній остался вѣренъ своему тѣну, ни въ чемъ себѣ не поддавая. Антипатія къ англичанамъ осталась все та же, и если онъ не зоветъ ихъ больше „фабрикантами мятежей“, то все-таки называетъ Альбионъ — „создателемъ крамолъ“. Упрекая Англію за участь ея пролетаріевъ, онъ указываетъ съ негодованіемъ:

На этот интересный плодъ.
 Индустриальнаго разврата,
 На страшный, роковой исходъ
Кровавыхъ ранъ пролетариата.

Каковъ послѣдній стишокъ?

Жалуюсь на то, что мы „всѣ завѣтные чувства поднимася на смѣхъ,

*И какъ кинемъ въ смѣхъ и въ насмѣхъ
 Свой сарказмъ во все и во всѣхъ,*

онъ увѣряетъ, что намъ не впору *«украденный плащъ скептицизма»*. Совершенно справедливое замѣчаніе: всякая украденная одежда всегда не впору, а „плащъ скептицизма“ и подавно, потому что онъ спитъ не по формѣ и къ русскому стихотворцу нейдетъ.

По мнѣнію г. Розенгейма назначеніе честнаго русскаго труженника—не то. Онъ —

*Просто съ куларей завелъ бы перепалку,
 Жилъ бы спокойно, стихомъ!..*

Поэтому-то поэтъ очень благообразно замѣчаетъ, что узнавъ „скверну міра“, онъ, полный скорби, испугался и разорвалъ свою одежду. Онъ продолжаетъ:

*Иду спокойно, равнодушно,
 Куда судьба не поведетъ.
 Какъ, волъ старшаго послушный,
 Солдатъ свой дѣлаемъ походы.*

*Иду, какъ онъ, съ слѣпою зрѣю,
 Не зная, гдѣ привалъ найду,
 Гдѣ будутъ зимнія квартиры
 И скоро-ль въ чистую пойду.*

*Холодный разутъ и терпѣливъ
 Мой провіантъ на весь походъ,
 И не пытая Провидѣнья
 Иду, куда ни поведетъ.*

Бю жъ теперь будетъ упрекать г. Розенгейма въ томъ, что онъ жедитъ, одѣвшись въ «плащъ скептицизма»? Кто жъ назоветъ его обличителемъ? Помните! почтенный поэтъ совершаетъ свой жизненный путь, какъ походный солдатъ, послушный волъ старшаго, и терпѣніе считаетъ единственнымъ нравственнымъ провіантомъ, — такъ кто жъ назоветъ его обличителемъ? А вѣдь нашлись и та-

же клянутся... Подобно М. Розенгейму, я самъ имѣю такой взглядъ на жизнь:

Жизнь наша въ родѣ плацъ-парада;
И въ зной, и въ холодъ на вѣтру,
Маршировать тѣмъ плацощъ надо,
Какъ на инспекторскомъ смотру.

Какъ рекрутъ, выучись смираться,
Но забгать не хлопочи:
Похвалать—крики: «радъ стараться!»
А не похвалить—промолчи.

Тебѣ прикажутъ—дѣлай дѣло!
Терпи—вотъ лучшій твой паекъ,
А въ остальное время сѣло
Носомъ вытягивай, цюбокъ!..

Впрочемъ г. Розенгеймъ самъ говоритъ про себя:

Не утопистъ я, не мечтатель,
Слѣпой поклонникъ новизны,
Не жадно-злойный порицатель
Моей родимой стороны.

Итакъ, онъ, съ одной стороны — стихотворецъ **реалистический**, сильно противъ англичанъ озлобленный; съ другой стороны г-вещь до нѣкоторой степени **клубничный**, о чемъ яри ниже. Самая ненависть его къ англичанамъ, по моему мнѣнiю, чувство импункное, неискреннее, и онъ только изъ симпатiи къ Расплюеву (звѣстный врагъ этой „образованной наци“) уже очень сильно на нихъ опрокидывается, а въ сущности онъ и англичанъ очень любить. Что же касается до симпатiи его къ Расплюеву, то стихотворецъ, кромѣ сходства св ихъ взглядовъ со взглядами послѣдняго, доказываетъ это даже тѣмъ, что употребляетъ даже любимыя выраженiя Расплюева. Какъ этотъ говоритъ въ комедiи: „Была игра, могу сказать, была!“ такъ въ „драматическомъ очеркѣ“—„Сибѣна“ отъ лица старега года поэтъ восклицаетъ:

Ну-съ, вотъ и кончено... Пора!
Долой со сцены, прочь отъ дѣла.
Мому скакать, была стра!..
Была-съ...

Муза г. Розенгейма—муза весьма примирительнаго свойства, воспѣвающая больше человѣческiя добродѣтели. Такъ, напримѣръ, случилось умереть эконому 1-го кадетскаго корпуса, человѣку достойному и безсребренному, и г. Розенгеймъ тотчасъ надѣлъ пле-

резы и написал ему *надгробное слово*, гдѣ между прочимъ говорить:

Прохожій! отойдемъ подалеже отъ него:
 Здѣсь дышетъ правотой—а мы... мы служимъ оба.
 Межъ тѣмъ, какъ цѣлый міръ хлопочетъ объ одномъ,
 Чтобъ были свой карманъ и свой животъ набиты,—
 Чудакъ дяковинный! Онъ думалъ лишь о томъ,
 Чтобъ всѣ вокругъ него до-нельзя были сыты ..

и т. д. въ томъ же благородномъ родѣ...

„Надгробное слово“ г. Розенгейма я называлъ бы единственнымъ въ своемъ родѣ, если бы въ „Сборникѣ солдатскихъ сочиненій“ не встрѣтилъ разсказа г. Иннокентія Евграфова подъ названіемъ: „*воспоминаніе о вахмистрѣ Тумашевѣ*“. Для сравненія приведу тоже отрывокъ и изъ этого разсказа.

«Часто вспоминаю я о добромъ нашемъ вахмистрѣ Тумашевѣ. Объ немъ у насъ никто не смѣлъ даже и отозваться дурно. Бывало, какой-нибудь молодой солдатъ, раздосадованный приказаніемъ вахмистра, придетъ къ себѣ въ казарму, и начнетъ ворчать, да бранить его, но свои же товарищи тотчасъ остановятъ: „не смѣй бранить вахмистра“, скажутъ: „ты видно не знаешь, какой онъ человекъ! Ну, тотъ и замолчитъ по-неволѣ. Такъ-то всѣ его у насъ любилъ“.

„Воспоминаніе о вахмистрѣ“ г. Евграфова и „надгробное слово эконому“ г. Розенгейма внушили мнѣ мысль написать эпитафію славному деньщику моему Петру Гвоздеву, умершему 15 лѣтъ тому назадъ.

ЭПИТАФІЯ.

Пускай холодною землею
 Засыпанъ ты,
 Пусть нѣтъ ограды надъ тобою
 И нѣтъ палаты;
 Не я ни разу въ этомъ мірѣ
 Не забывалъ,
 Какъ канты новые въ мундирѣ
 Ты мнѣ шивалъ,
 Какъ хорошо,—тѣмъ восхищались
 Твои враги,—
 Тобою съ глянцемъ вычищались
 Мнѣ сапоги.

Мы голодали на входе—
 Ты не будь курь,—
 И самъ въ соседнемъ огороде
 Довылъ намъ курь.
 Ты ловеку былъ достать дашьмонокъ,—
 Таашковъ—тына!—
 Ты деревенскихъ вѣсть бабенекъ
 Сводилъ съ ума.
 Хотя круглый годъ ты не чесался,
 Не мылъ лица,
 Но неподкушнымъ мной считался
 Ты до конца.
 Къ твоимъ замашкамъ и отвѣтамъ
 Я такъ привыкъ,
 Мнѣ не услужить въ мѣръ этому
 Иной деньщикъ.
 Какъ Розенгеймъ, я экономовъ
 Не воспѣвалъ,
 Но вѣрь, мой другъ,—тебя Бурбоновъ
 Не забывалъ.

Рядомъ съ стихотвореніями М. Розенгейма я представляю моимъ читателямъ на разсмотрѣніе „Сборникъ солдатскихъ сочиненій.“ Сопоставленіе это не случайное явленіе, не мой собственный капризь или прихоть, но совершенно художественная, такъ сказать, необходимость. Въ художественности, какъ и на службѣ, есть своя субординація, свое мѣстничество. Я имѣю основаніе думать, что если г. Розенгеймъ пользуется нѣкоторымъ правомъ гражданства въ литературѣ, то тѣмъ же самымъ правомъ могутъ пользоваться сочинители еще неизвѣстные, какъ то: гг. Мартяновъ, Одинцовъ, Евграфовъ и многіе другіе. Достойны-ли они или недостойны стоять на ряду съ г. Розенгеймомъ — это еще вопросъ, но вопросъ, который можно теперь же разрѣшить самымъ скромнымъ образомъ. Для этого я, не желая брать на себя послѣдняго слова въ дѣлѣ критической оцѣнки, предложу читателямъ художественную загадку такого рода: я выпишу нѣсколько отрывковъ, какъ изъ г. Розенгейма, такъ и изъ другихъ стихотворцевъ, а имена авторовъ выставлю въ выноскахъ. Закрывши рукой эти выноски, пусть каждый читатель самъ отгадываетъ въ приведенныхъ отрывкахъ голосъ музы г. Розенгейма. Если онъ угадаетъ, то значитъ у послѣдняго есть своя собственная поэзіо-

номія, не блѣднѣющая ни отъ какой парады, — если же каждый изъ приведенныхъ отрывковъ можно будетъ приписать одному г. Розенгейму, то это будетъ значить... вы сами понимаете, что это будетъ значить, милостивые государи!..

И такъ, потрудитесь прослѣдить за мною, и на основаніи собственнаго художественнаго чутья превѣрите: одинъ ли на свѣтѣ Розенгеймъ, или же нѣтъ нѣтъ — истина.

1.

Ужь пора-бъ перестать
Тебѣ жизнь коротать
Одинокую,
А идти бы домой,
Да жену заводитъ
Черноокою.
Ну, на что ты похожъ,
Бобылемъ ты живешь
У людей чужихъ.
Хоть взглянуть бы пошелъ,
Какъ забушка стоитъ
Стариковъ твоихъ. 1).

2.

Не дубокъ молодой
Заморило грозой, —
Нѣтъ, то доля—бѣда горемычная
Извела молодца
Что ни есть до конца,
Словно мачеха—гнѣтъ необычная. 2)

3.

ИЗЪ СТИХОТВОРЕНІЯ: УТОПЛЕННИКЪ.

Маялся бѣ годъ онъ, и все-бѣ ничего,
Только знать мочи не стало его;
Туть-то лукавый его и смутилъ,
Взялъ, да и разомъ съ собой порѣшилъ.
Тамъ, въ половодѣ, запрошлой весной
Сверху и прыгнулъ онъ внизъ головой.
Туть вотъ подъ лѣсомъ нашли бѣдняка,
Грѣшное тѣло примысла рѣка.
Снова съ недѣлю здѣсь жила становой,
Была съ нимъ и стряпчій, и докторъ кривой;

1) См. Сбор. Оол. сочиненій стр. 26 А. Васильевъ 1.

2) См. Стихот. Розенгейма стр. 50.

Знать всё хотѣли они, отчего
 Онъ утопился, и вотъ для того—
 Что—день къ допросу таскали народъ;
 Много деревня тутъ было хлопотъ. 3)

4.

ИЗЪ ДРУГАГО СТИХОТВ. УТОПЛЕННИКЪ.

Разъ утопленникъ выплылъ у насъ,
 И къ нему, пока судъ наряжался,
 Нужень былъ караулъ—и какъ разъ
 Мнѣ пришлось на полувочный часъ...
 Не на шутку я тутъ испугался.
 Вижу грушъ предъ собою несчастный...
 Ноги гонима вмигъ лъ. просокъ;
 Въ мѣбѣ мѣсяцъ не полный, но ясный,
 Въ полѣ вѣтеръ бѣшеетъ ужасный,
 И шумѣть побурѣвшій лѣсокъ.
 Рѣчка злится, далеко волну
 Выгоняя на берегъ отлогій,
 А я въ волны смотрю, не смигну,
 Скоро-ль выплеснуть мнѣ сатану,
 Скоро-ль вынырнетъ бѣсъ козлоногій. 4)

5.

Чѣмъ и какъ теперь горю помочь —
 Въ умъ никакъ не возьму, не смѣкаю!
 Не могу я себя превозмочь,
 Горько плачу я каждую ночь,
 Обильваюсь слезами, рыдаю. 5)

6.

Когда (читать нужно: *когда*) въ сердцѣ моемъ накипнѣть, накипнѣть
 Столько горя, что больше не въ мочь,
 На душъ становѣть тяжко, что камень лежить,
 И темно, что осенняя ночь. 6)

7.

Сердце безпокойное,
 Что опять зажглось?
 Ретивое знойное,
 Что отозвалось?

а) См. Его же стр. 59.
 б) См. Сбор. Солдат. сочин. П. Мартыановъ стр. 52.
 в) (См. Сбор. солдат. сочин. П. Мартыановъ (сѣльдсебель Нарвскаго пѣхотн. полка) стр. 81.
 г) См. стих. Розенгейма стр. 61,

Про эту дощечку
 Новые печати!..
 А..ь еще не въ дощечку
 Наболело ты?.. 7)

8.

Эхъ ты молодость
 Разудалая,
 Пришибешь тебя
 Старость лютая
 Минетъ времячко,
 Пролетятъ года,—
 И въ свои права
 Старость вступитъ. 8)

Милостивые государи! Не заглядывая въ примѣчанія, найдете ли вы въ этихъ семи отрывкахъ М. Розенгейма, или же всѣ куплеты припишите ему одному? Я стою за послѣднее, не смотря на то, что и примѣчанія всѣ знаю. Я даже рискую дальше идти, опираясь на самыхъ патентованныхъ нашихъ эстетиковъ: я „утопленика“ г. П. Мартынова ставлю выше розенгеймовскаго „утопленика.“ А. Григорьевъ и тотъ противъ такого мнѣнія протестовать не станетъ: прочтите—и судите.

Въ одномъ только случаѣ г. Розенгеймъ не имѣетъ между этими новыми стихотворцами соперника, а именно въ клубничныхъ своихъ стихотвореніяхъ, которыми занимаютъ чуть-ли не половину его книги. Это ужъ не „испанскіе мотивы“, Всевол. Брестовскаго съ ихъ конкерскимъ цинизмомъ, не дистиллированная антологическая клубничность А. Майкова, не одесско-афинская страстность Н. Щербини—нѣтъ, это что-то особенное, что-то розенгеймовское... Г. Розенгеймъ встрѣчаетъ камелию, и прежде, чѣмъ приступить къ гражданской скорби, начинаетъ чувствовать *угаръ страсти, хмель желанія* (только не доставало „портера сладострастія“ или „кумельвая наслажденія“), начинаетъ сознавать, что его кровь „раскалилась истомой любви“, и что у него въ сердцѣ.

Одна воцаряется цѣль,
 Чтобы ей хоть день, хотя часъ повладѣть,
 Насладиться, а тамъ... а потомъ умереть.

Онъ готовъ умереть, потому что красавица „кипитъ, какъ Наръ-з нъ;“ — потому что —

7) См. его же стр. 123.

8) См. Сбор. солдат. пѣсенъ. Василій Одинцовъ, писарь 4-й арт. бригады, стр. 108.

Былоснѣной груди дѣя сорачиса еалны :
Буйно бьютъ о корсетъ, жандей волн волны!

Дѣя горячя волны буйно бьютъ о корсетъ! Становяюсь во фронтъ передъ г. Розенгеймомъ, и сожалѣю лишь о томъ, что не умѣю ржать: однимъ только ржаніемъ можно передавать восторгъ свой передъ такими метафорами. М. Розенгеймъ на нихъ неустоимъ. Съумѣлъ же онъ измыслить такое выраженіе: „отчаянья дѣтскій парадъ“. Напрасно я ломалъ голову, чтобъ придумать нѣчто подобное, но изобрѣлъ только „маневры несчастья“, и „майскій парадъ любви“. Игривость г. Розенгейма доходить даже вотъ до чего: онъ описываетъ старушку, которая шепчетъ дѣвочкѣ: слушайся дитя! а та въ это время:

Склонясь ласкочетъ:
 „Богъ съ тобой, поди!“
 А платочекъ скачетъ,
 Скачетъ на груди.

Если платочекъ можетъ скакать на груди, то отчего же онъ не можетъ на ней же ѣхать рысью или же просто галопировать? Разумеется, можетъ, а потому, обращаясь ко многимъ отцамъ семейства, предупреждаю ихъ:

Ахъ отцы! у вашихъ дочекъ —
 (Ждите впереди!)
 Галопировать платочекъ
 Станетъ на груди.

Случилось г. Розенгейму ѣхать на пароходъ, и какія краски передъ нимъ рассыпались! Онъ видитъ что: „и тамъ, и тутъ горять и яхонтъ, и санфиръ, и нуртуръ, и лазуръ, а пороходъ, оставляя за собой слѣдъ живаго серебра „бросаетъ жемчужные брызги въ рубиновую влагу“.

Это просто „брилліантовые строчки, взбрызнутыя жемчужными рифмами по живому серебру яхонтовой фантазіи и по лазурному фону рубинового воображенія...

Клубничность поэзіи г. Розенгейма бываетъ иногда очень прозрачна, такъ что главной сути и уловить невозможно. Уловите-жа, напр. что нибудь въ этихъ строкахъ:

Не играй, не играй...
 Эти звуки — они!
 Это прошлаго рай,
 Это счастья дни...
 Не играй же мнѣ ихъ,
 Я люблю такъ тебя,
 Но неволью про михъ (?!)
 Обвиняю себя.

Поднимается шорох,
Востанет, какъ отъ сна,
И бывшая любовь
И бывшая она (!)

Что это такое? Попробую комментировать: «эти звуки—они!» хотя впереди чувствую, что успеха в этомъ случаѣ не достигну:

Не играй — ай, ай, ай!
Эти звуки — ой, ой!
Мнѣ напомнимъ май
Прозвогодней весной.
Въ поле вышла она.
Онъ — онъ пришелъ на гумно,
А прочтатся весна —
Вспомнать — она.

Впрочемъ, нужно замѣтить, что г. Розенгеймъ очень рѣдко старается быть прозрачнымъ въ своихъ эротически-этапныхъ пѣсняхъ. Онъ открыто сознается въ своемъ донъ-жуанизмѣ и въ своихъ любовныхъ побѣдахъ и похожденияхъ. То онъ признается, какъ подсматривалъ за сосѣдкой, какъ она купалась въ рѣкѣ и какъ ему хотѣлось сдѣлаться рѣчной струйкой, „чтобъ къ роскошному тѣлу касаться и чудесныя формы ласкать“ (часть 2, стр. 87), то признается, какъ ему одна дама тихонько отъ мужа въ саду свиданья назначала; то, наконецъ, онъ вспоминаетъ:

Помнишь, другъ мой, какъ бывало,
Уложивши мужа спать,
Ты украдкой сбѣгала
Внизъ, къ мнѣ потолковать

а теперь, продолжаетъ, должны мы въ горѣ нашемъ—

Утѣшать себя шорой:
Я — модисткою Паташей,
Ты — буфетчикомъ Омою.

Хоть все это нисколько не опрятно, не изящно, но за то мы знаемъ теперь, что г. Розенгеймъ былъ въ свое время соблазнитель большой руки, а всякая черта изъ жизни любимаго стихотворца драгоценна. Теперь же пришло другое время, а потому такіе авторы, какъ гг. Полонскій и Розенгеймъ, должны уступить свои мѣста другимъ свѣжимъ стихотворцамъ, на которыхъ я указалъ въ этой статьѣ и которые, по всѣмъ вѣроятіямъ, будутъ достойными ихъ наслѣдниками на русскомъ Геликонѣ. Я все сказалъ. Мнѣ теперь остается только проститься съ своими читателями словами героини драматической поэмы Я. Полонскаго, и сказать: „счастливо оставаться, господа“!...

М. Вурбеновъ.

ПЕРЛЫ И АДАМАНТЫ

РУССКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ.

Въ прошломъ году, собирая перлы русской журналистики, я замѣтилъ, что ошибочно судили въякогорыя, накола въ яя ередѣ какид-то несогласія и враждебныя отношенія; я выразилъ въ то время мнѣнiе и постарался доказать его, что если съ виду иногда и покажется, будто не совѣшь ладно, то это только съ виду. На самомъ же дѣлѣ царствуетъ такой миръ и согласiе, что либо; между журналами установилась самая дружеская отношенiя, а литераторы стали обращаться другъ къ другу съ привѣтствiями въ родѣ тѣхъ, какими встрѣчали другъ друга обитатели того города, гдѣ процвѣтала Павелъ Ивановичъ Чичиковъ.

— Послушай, намочка, Апполонъ Александровичъ! мнѣ: «забрался, другъ, Иванъ Сергѣевичъ! мнѣ же: тебѣ извѣстно, душа моя, Миланъ Никифоровичъ. Ежели во временахъ на языкѣ кого нибудь изъ этой братiи неваляется жечь, то это только относительно тѣхъ злочестныхъ, оставленныхъ за флагомъ патриотическомъ рысье большицтва, къ которымъ теперь принадлежатъ немногие. Подобному дружественному согласiю литературы нельзя не вороваться. Я впрямѣно подписанъ бы на «Эпосу», хотя бы только за тѣмъ, чтобы наслаждаться зрѣлищемъ братской любви, какую являютъ ея постоянныя сѣтрудники. «Другъ мой, Горацио Косица!» зываетъ Апполонъ Гри-

героевъ; — Милка, Федоръ Михайловичъ... и т. д. въ этомъ родѣ. Существуютъ и другіе приемы. Для выраженія нѣжности прикинется вдругъ кто нибудь, что въ томъ или другомъ вопросѣ разошелся съ своимъ добрымъ другомъ N N; ну и даетъ дѣлу такой оборотъ: «между нами вышло, не скажу разногласіе, но недоумѣніе» и т. д. Вообще много есть тонкихъ и ловкихъ намерѣнь сказать другу нѣчто пріятное. Иногда даже будто укоряютъ другъ друга, но и въ упрекѣ слышна нѣжность и добродушіе, а иногда даже пользуются этими случаями, чтобы похвалить тонко. Такимъ, напримѣръ, образомъ «Современникъ» нѣжно упрекалъ «Инвалидъ» за безобразіе, произведенное послѣднимъ относительно «Заграничнаго Вѣстника». Такимъ же образомъ «Эпоха» укоряетъ Каткова въ статьѣ «Русскіе нѣмцы». Читатель и радуется, пріятно быть русскимъ писателемъ во время подобнаго единодушія литературы. У нѣкоторыхъ это единодушіе доходитъ до странностей. Такъ, въ «Эпохѣ» ни одинъ сотрудникъ не можетъ выдумать ни одной остроты (т. е. того, что въ этомъ журналѣ называется остротой), чтобы другіе не подхватили и не ввели ее во всѣ прочія статьи всѣхъ прочихъ книжекъ. Наименѣе, положимъ, г. Достоевскій, вмѣсто обличить, *абличить* — смотришь и Ап. Григорьевъ, и Аверкиевъ, и всѣ остальные пишутъ *абличить* и всякій разъ, видимо довольные собою, подчеркиваютъ или все слово или букву *а*, въ которой и заключается вся соль. Назовемъ г. Григорьевъ г. Н. Ютѣхина — *junior* — глядишь, г. Аверкиевъ повторяетъ то же самое съ такимъ веселымъ и радостнымъ видомъ, какъ будто самъ сочинялъ подобную прелесть. Въ сущности конечно это обстоятельство маловажное, но для читателя весьма пріятное, ибо такая, незначительная сама по себѣ, черта рисуешь ему цѣлую картину домашняго счастья. Онъ видитъ этихъ добрыхъ людей, живущихъ въ мирѣ и согласіи; онъ видитъ, съ какимъ неподдѣльнымъ восторгомъ слушаютъ они, читаютъ и перечитываютъ другъ друга, какъ радуется ихъ и буква *а*, у мѣста поставленная, и эпитетъ *junior*, и тому подобное. И спѣшатъ каждый изъ нихъ повторить всѣ эти игривости, чтобы читатели не разъ и не два насладились и *абличеніемъ* и *junior'омъ*, потому что скушаться нечего; отчего не потѣшить публику. Добродушный народъ!

Вслѣдствіе столь умилительнаго нахѣренія жизнь течетъ у насъ, какъ по маслу; всѣ, видя спокойствіе, облекаются въ халаты и ведутъ себя, какъ дома. «При насъ», говорятъ они каждому изъ своей браты, «можете совершать все, что вамъ угодно». Поэтому не стѣсняются.

Образцы такого неглиже можно встретить повсюду. Особенно замѣтно это въ Ап. Григорьевѣ, который ведетъ себя совершенно безцеремонно. Иногда онъ вдругъ разваливается и объявляетъ публикѣ, что напишетъ такую главу крайне скандальную, и, разумеется, вслѣдствіе этого, что онъ не такой человекъ, чтобы въ этомъ случаѣ не сдержать слова. Глава пишется, и въ ней действительно появляются вещи не совсѣмъ благопріятныя, какъ напр. «прыжно-глубокая и глубоко-прыжная мысль великаго учителя въ феноменологіи Духа». Въ слѣдующей главѣ идутъ признанія, изъ которыхъ мы узнаемъ, что съ авторомъ случается грѣхъ такого рода: вздумаетъ онъ написать статью о Пушкинѣ, напишетъ, корректуру прочтетъ,—статью отвечаетъ, глядя вышло не о Пушкинѣ, а объ Авдотѣ Глиникѣ. Признается также, г. Григорьевъ, что, участвуя въ редакціи Московскаго Вѣстника, онъ никакъ не могъ дойти до того, чтобы знать, что тамъ печатается. Впрочемъ послѣ перваго признанія второе теряетъ всякій интересъ. Но если г. Григорьевъ пойдетъ далѣе по тому же пути, то поразкажетъ намъ много интереснаго о себѣ, хоть напр., какъ онъ статьи изъ журнала въ журналъ перетаскивалъ и т. п. Хорошо тоже отзывается онъ «объ Якорѣ», гдѣ до сихъ поръ еще ищетъ пристани и въ то же время говорить въ «Эпохѣ» съ видомъ пренебреженія: «закидывалъ я и хрупкій якорь, но предпочелъ бросить.» Дрянъ, дескать, настоящая. И замѣтите, это написано въ майской книжкѣ «Эпохи», а есть июльскіе № № Якоря, гдѣ красуется подпись: Ап. Григорьевъ. Нечего сказать, пріятно быть читателемъ Якоря. Читать полтора года, и вдругъ въ одинъ прекрасный день услышать отъ самого г. редактора, что все это сушая дрянъ. Лестно, нечего сказать!

Но, перечитавъ написанное, я замѣтилъ, что долженъ поспѣшить предупредить читателя, что, не смотря на внутренній миръ, царствующій въ литературѣ, общій характеръ ея далеко не мирный. Дѣло вотъ въ чемъ.

Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и всѣхъ прочихъ областяхъ, подвѣдомственныхъ г. Каткову, доселѣ раздаются бранные крики, показывается видъ, что какъ будто настоятъ необходимость разнести въ прахъ кого-то. Въ «Русскомъ Словѣ» мы еще не говорили о вѣскомъ произведеніи, специально предназначенномъ для разнесенія въ прахъ разныхъ враждебныхъ силъ. Произведеніе это, напечатанное въ «Русскомъ Вѣстникѣ» принадлежитъ перу одного господина, а именно Ключникова.

Но чтобы написать и фобематическое, надо знать или какую-нибудь причину, а между тем время настает самое спокойное. Английский клуб обратился опять на картах, даже в задремавших тестах нить надежды, ибо всё массовывается прозаическим азартным и деловым отвлечением под биржевое купцо. Следовательно азарт был ринципально неважен, а вся философское время можно себя сколько-нибудь поощрять, но если постоянно подогревать, то наконец перегорит и задохнется. А без азарту тоже нельзя; потому, за какую же профессию приниматься, что же делать? Нельзя же три недели постоянно извешивать завистию о томъ, что делает английский клубъ. Но не думаю, чтобы выжила время какой-нибудь изъ модныхъ азартовъ.

Этии усиления особенно занята Эпоха. После испытаннаго крушения, эти господа видимо исправились и стали стараться писать тепло и understandably, дабы никого не вводить въ заблужденіе, и хотя отъ дурной привычки философствовать не отстали, но за то уязвимость чувствъ наперстываютъ.

Особенно г. Аверкіевъ изъ всѣхъ силъ старается зарекомендовать публикѣ себя и свою редакцію. Путь, выбранный имъ, довольно прямо: г. Аверкіевъ пристаётъ къ г. профессору Костомарову на счетъ пылости чувствъ. Статья г. Аверкіева, хотя и написана, какъ будто въ защиту Дмитрія Донскаго, но въ сущности цѣль ея доказать, что чувства г. Костомарова не имѣютъ надлежащей пылости. Слѣдуютъ намеки на Сусанина.. при этомъ, въ предупрежденіе всякихъ неслетныхъ замѣчаній о такомъ образѣ дѣйствій, г. Аверкіевъ забѣгаетъ впередъ и утверждаетъ, что слово «неблагоданѣренность» получило отъ какихъ-то башки-бузуконъ такой неприличный отгѣнокъ, что г. Костомаровъ не долженъ употребить его. Сдѣлавши эту оговорку, г. Аверкіевъ считаетъ себя въ правѣ дѣйствовать замъ facta и прямо указываетъ на такіе предметы, съ которыми самъ М. П. Погодинъ считалъ долгомъ обращаться нѣсколько прилично. Очевидно, что г. Аверкіевъ также изъ числа юныхъ талантовъ, подающихъ надежды не менѣе Ключникова.

Наконецъ «Эпоха» сдѣлала попытку соперничать съ «Марсомъ», и плодомъ этого соперничества вымысла драма г. Пеломонскаго: «Равальдъ.» Не мое дѣло критически разбирать подобныя творенія, и я предоставляю судить объ этомъ судѣ болѣе компетентному, г. отставному

мистеру Бурбанку, который, какъ видно, стараетсяъ выкинуть во все водно-красочествомъ тонкости новаго сочиненія г. Мелонскаго, до снѣгу отблудшихъ людей, ретивнѣе даже деспотическаго «Сатириче Цейтунгъ». Я же ограничусь только фантасмагическими одами товарищества пастора вообще, а г. Мелонскаго въ особенности. Эти люди дѣйствительно умѣютъ дѣлать все изъ ничего и способны вложить даже такіе предметы, въ которыхъ они рѣшительно не смыслятъ ни уха, ни рыла. Спрашиваю васъ, милостивые государи, что бы могло выдти, если бы, подождавъ, хоть г. Н. Бергъ задумалъ писать о политическіхъ событіяхъ въ Саратовѣ, руководствуясь при этомъ единственно своей фантазіей. Полагаю, что вышло бы нечто неподобное, и г. Н. Бергъ былъ бы всенянъ и поруганъ за несмазанную отраву слова. Полагаю даже, что тотъ же г. Цолонскій, если бы вмѣсто стихотворной драмы задумалъ написать прозаическую статью о томъ же предметѣ, не довольствуясь общими соображеніями и политическими взглядами, не облекая, такъ сказать, «свою фантазію» въ повѣствовательную форму, то и его постигла бы аналогичная участь. Но поэту все съдается съ руки.

Мыслитель, пишущій передовыя статьи въ «Библиотеку для Чтенія», возстаютъ крѣпко противъ всякаго рода желаній открывать событія двухъ послѣднихъ лѣтъ. Мыслитель впрочемъ самъ не знаетъ, что говорить и видимо подражаетъ подъ прикрытіемъ лишь неприязненное отношеніе къ этимъ событіямъ. Другими словами, онъ хочетъ доказать, что все, что дѣлается, дѣлается въ луношуму. Мыслителю естественно разсуждать такимъ образомъ, потому что онъ принадлежитъ къ «Библиотеку для Чтенія», а журналъ этотъ до сихъ поръ еще не рѣшился, что называть лучшимъ, и что—худшимъ. Его, очевидно, облазняетъ нуть «Русскаго Вѣстника», и онъ сивнать похвастать романъ «Некуда», гдѣ, если возможно, превзойдены г. Писемскій и его выкорышки. Что такое этотъ романъ — это уже и сказать невозможно, и единственное утѣшеніе, какое можно сдѣлать ему, это статья нѣмецкихъ тамбшвенныхъ газетъ и журналовъ въ родѣ «Baierischer Polizei Anzeiger» или «Deutsches Geheime-Polizei Contrabblatt». Разница только въ томъ, что «Некуда» не сопровождается фотографическими снимками. Вспомъ и этого усовершенствованія смидать нужно... Но редакция «Библиотеки» рядомъ съ «Некуда», гдѣ изображена маркша де-Баранъ, помѣщаетъ статьи г. Евгения Туръ, и такимъ образомъ оказывается способной совмѣщать несомвѣстное... Надоело

правду сказать, что одной из своих целей — возбужденія любви-
ства — авторы таких романов, как «Некуда», достигают вполне. Ну-
жливое читателя вот уже второй год постоянно возрастает. При
«Воспалительномъ морѣ» казалось, что гдѣ уже нельзя будетъ выду-
хать. Вышло «Море». Но въ «Морѣ» даже гадость писать хотя
какое нибудь прикрытие, берутся побывалыя личности, которыя авторъ
усиливается возвести въ типы. А тутъ вдругъ является чудяще, которое
уже совершенно со всякаго толку сбаваетъ; читаешь и не въринь гла-
зая, просто эти даже не видно. Въ сущности это просто плохо
подслушанныя смѣлки, перенесенныя въ литературу. Дѣло общины
чертаи не ограничивается, лица въ типы не возводятся; за чѣмъ
себя этииъ утруждать, это сдѣлали уже съ достаточнымъ успѣхомъ
первыя, принявшіеся за подобное дѣло. Теперь разработка по мело-
чамъ вошла, въ частности перѣехала. Дѣло теперь дѣлается
такъ: беретъ личность и пронимается паспортъ ея: «Любъ такой-
то, волосъ такой-то, волоса такіе-то, одѣвается по преимуществу
такъ-то; въ разговорѣ употребляетъ такіа-то восклицанія и слова»....
и потомъ все это перепечатывается. Даже фамиліи дѣтъ изобрѣсти:
Курицынъ, положимъ, передѣлывается въ Птухова — вотъ и все.
Одинъ словомъ, черная работа и та даже въ литературу явилась. А
почтенный мыслитель «Библиотеки для Читанія» сътуетъ на неблагопріят-
ное отношеніе къ явленіямъ двухъ послѣднихъ лѣтъ! Успокойтесь, мы-
слитель, на васъ давно перестали досадовать. Вы всё милки, дѣло из-
вѣстное. Досадовать на васъ нельзя, потому что никакой досады не
хватить; впритомъ вѣдь вы неповинны въ вашииъ подвигахъ: вы совер-
шаете ихъ совершенно безсознательно; вамъ и въ умъ не приходитъ
спросить на-единѣ самихъ себя о томъ, что вы дѣлаете и попросить
самыхъ же себя безпристрастно и хладнокровно обсудить этотъ пред-
метъ. Еслибъ вы хоть разъ сдѣлали это, въ вашииъ поступкахъ не бы-
ло бы той безпечной и наивной игривости, какъ теперь. Еслибъ г.
Стебницкій взглянулъ на себя въ зеркало, а еслибъ г. Боборыкинъ,
печатая его романъ, имѣлъ какое нибудь понятіе о немъ; то оба вы
переконфузились бы другъ друга, обоимъ вамъ сдѣлалось бы омерза-
тельно, и «Некуда» не явилось бы въ «Библиотеку». А то вѣдь дѣло
какъ дѣлается. Приходитъ одинъ къ другому и говоритъ: «а ужъ ка-
кую же штуку я противъ нигилистовъ выпущу! Страсть!» А нигили-
сты для него всё сосредоточиваются въ какомъ нибудь юнкерѣ Удаловѣ,
котораго онъ видѣлъ у своего знакомаго. Выпускается штука, въ ко-

торой на сцену является юнкеръ, не не Удаловъ, а положимъ, Удальцевъ, и оказывается человѣкомъ столь же глупымъ, сколько зловреднымъ. Другаго это раззадориваетъ и, имѣя зубъ на нѣкоего титулярнаго совѣтника Носова, онъ принимается сочинять не менѣе веселую штуку, гдѣ изображаетъ титулярнаго совѣтника Губина, который также въ общему удовольствію обнаруживаетъ глупость и зловредность. При этомъ, если Носовъ часто ходитъ въ синемъ галстукѣ съ бѣлыми мушками, то въ штукѣ такой же точно галстукъ описанъ и на Губинѣ. Если юнкеръ Удаловъ пришепетывалъ, то въ другой штукѣ, юнкеръ Удальцевъ не обходится безъ пришепетыванія. Очевидно, что авторы обѣихъ штукъ писали, не понимая сами, что творять. Еслибъ понимали, то ихъ бы остановило хотя то соображеніе, что вѣдь можно допустить черный галстукъ съ красными мушками, не убавляя силы своей сатиры, ибо синій галстукъ Носова извѣстенъ только ему, да автору, да еще нѣсколькимъ общимъ знакомымъ. Публикѣ же все равно, такъ какъ она ни Носова, ни его галстука не знаетъ. Но авторъ заранѣе наслаждается зрѣлищемъ досады Носова, который, прочтя свой паспортъ, воскликнетъ: «А вѣдь это онъ меня изобразилъ!»;—авторъ радуется при мысли о томъ, что общіе знакомые, нерасположенные къ Носову, прочтя описаніе галстука, възграютъ, что «дескать молодець! ловко отдѣлалъ.» Эта невинная радость побуждаетъ автора на цѣлый рядъ такихъ штукъ, которыми онъ остается вполне доволенъ, не заботясь о томъ, до чего онъ изводитъ и литературное дѣло, и журналъ, имѣющій удовольствіе терпѣть его. При такой наивности, что съ него взять? Можно бы, пожалуй, взяться за редактора, еслибъ и тутъ не являлась самая голубиная невинность и непониманіе дѣла. Редакторъ имѣетъ въ виду пріятную перспективу эффекта, который произведетъ штука. Ему мерещутся голоса, вопрошающіе другъ друга: «А читали вы новый романъ? Знаете ли, кто тамъ описанъ подъ именемъ маркизы?» За симъ слѣдуетъ сообщеніе, веселость, и въ концѣ концовъ являются нѣсколько пакетовъ, съ 15 рублями каждый. Съ другой стороны быть можетъ и то, что редакторы и авторы правы, рассчитывая нажить къ тому времени каменный домъ и способность не красѣть. Что же касается до настоящаго времени, то при трогательномъ единодушіи ихъ, чего имъ стыдиться Иванъ Петровичъ можетъ всегда сослаться на пріятель Павла Ивановича, и на оборотъ; разумѣется, стыдить другъ друга они не станутъ, а напротивъ того готовы всегда ободрить пріятеля. Вышло «Марево», и «Библиотека», готовась къ помѣщенію «Некуда,»

не преминула воздать хвалу ему; даже заплесневѣлыя, впавшія въ дѣтство, «Отечественныя Записки,» въ которыхъ уже съ незапамятныхъ временъ печатаются только переводныя статьи, и романы, а изъ оригинальныхъ кромѣ трудовъ самого редактора, являются лишь какія-то несообразныя повѣсти, точно повыкраденныя изъ журналовъ 30-хъ годовъ, даже эта, говорю я, старая рухлядь издала какой-то дребезжащій звукъ, слиявшійся выразить сочувствіе творенію г. Кляшниковъ. Вѣроятно, тотъ же звукъ повторится и по случаю «Некуда,» и какой-нибудь заштатный стрекулистъ соорудитъ нѣчто въ томъ же родѣ, чтобы показать, что и «Записки» не отстаютъ отъ вѣка. Быть можетъ, что и «Русскій Вѣстникъ» удостоитъ дать краткій, но лестный отзывъ о «Некуда,» и во всякомъ случаѣ не осудитъ. Я только удивляюсь: какъ вы, при вашихъ разнообразныхъ занятіяхъ, находите еще время къ намъ придираться. А придиратся къ намъ у васъ охота смертная. О чемъ бы вы ни заговорили, а насъ прилетете и затроните. Въ «Библіотекѣ» о Шекспирѣ зашла рѣчь: глядъ — и къ Шекспиру «Русское Слово» и нигилистовъ приплели. Въ «Эпохѣ» тоже другъ другу письма не напишутъ, не задѣвъ нигилистовъ. Напрасно вы время драгоценное тратите: лучше бы вамъ собой заниматься, особенно «Библіотекѣ». «Эпоха», та хоть почвой наготу прикрыла, а «Библіотека» до сихъ поръ еще ничего не изобрѣла. И какъ это вы такъ существуете? Вѣдь нельзя же все только на другихъ взѣдаться, да сплетничать; я полагаю, что приличіе (если можно еще говорить о приличіи въ русской журналистикѣ) требуетъ, чтобы вы наконецъ разродились какимъ-нибудь принципомъ, изъ-за котораго хлопочете. Миѣ конечно все равно, изъ чего бы вы ни хлопотали, но говорю я это потому, что васъ этииъ въ тупикъ ставлю, потому что вамъ всего труднѣе выдумать принципъ, и вы ни за что его не выдумаете и для всѣхъ такъ-таки сфинксомъ и останетесь; и что вы ни дѣлайте, а васъ ни однакъ человекъ не пойметъ, начиная съ самого г. Боборыкина. Поэтому употребите лучше ваши досуги на изобрѣтеніе какой-нибудь прикрышки. Впрочемъ отсутствіе смысла не мѣшаетъ «Библіотекѣ» ликовать чуть ли не больше другихъ.

Слѣдовало бы сказать также о газетахъ; но все это такое абсолютное ничтожество, кромѣ «Московскихъ Вѣдомостей», что и говорить о нихъ нечего. Московскія же Вѣдомости теперь переложены въ романы и драмы, а слѣдовательно говорить о нихъ особо — лишнее дѣло. Ра-

зумѣется, «вѣянія» эпохи, по выраженію Ап. Григорьева, отразились и на этихъ продуктахъ журналистики. Для доказательства достаточно указать на «Голосъ», который послѣ достойнаго состязанія съ Кене (буфетчикомъ въ Тиволи) предположилъ завести нѣчто въ родѣ полемики противъ «Русскаго Слова». Но такъ какъ все тонкое остроуміе газеты ушло на борьбу съ буфетчикомъ, то никакой полемики не произошло, а вышла такая мерзость, отъ которой даже отплевываться стыдно. Этихъ перловъ нынѣшней газетной полемики я приводить не буду—тошнить и безъ того. Замѣчу только, что г. В. Л., разыгрывающій въ «Голосѣ» на другихъ цимбалахъ, чѣмъ онъ разыгрывалъ въ «Современномъ Словѣ» вмѣстѣ съ г. Писаревскимъ, наконецъ нашелъ въ Андреѣ Александровичѣ истиннаго сотоварища по ремеслу. Этихъ близнецамъ и безребренникамъ, изволите видѣть, понадобились принципы и безкорыстіе, вмѣсто той куриной слѣпоты, которою они доселѣ могли похвастаться. Они упрекаютъ «Русское Слово» въ томъ, что оно спекулируетъ именами, выставляемыми на оберткѣ. Съ нѣкоторыми журналами дѣйствительно случался такой грѣхъ, что на оберткѣ декабрьской или январской книжки выстраивался весь литературный генералитетъ, и такой безребренникъ, какъ г. Краевскій, болѣе двадцати лѣтъ играющій на разныхъ тромбонахъ, лучше всякаго другаго знаетъ, за кѣмъ именно водился этотъ грѣхъ. Но «Русское Слово» уже давно обличено въ неуваженіи къ такому генералитету; оно пытается даже нѣкоторую увѣренность остаться неисправимымъ въ этомъ отношеніи. Поэтому обличеніе «Голоса», очевидно, имѣетъ другой умыселъ. Можетъ быть, онъ сомнѣвается, что въ нашемъ журналѣ дѣйствительно пишутъ гг. Писаревъ и Шелгуновъ; можетъ справиться, если желаетъ. Но вѣрите всего, что г. В. Л., захотѣвшій сыграть на своихъ цимбалахъ, самъ не зналъ, что сыграется, и потому фелетонъ его вышелъ довольно гнусной симфоніей изъ пѣсни:

Ахъ ты жги, говори и т. д.

Пристыдить Андрея Александровича конечно очень трудно; онъ не изъ такихъ, чтобы покраснѣть; но съ совѣтомъ, въ родѣ слѣдующаго, къ нему всегда можно обратиться: продолжайте, маститый старецъ, вашу полемику съ буфетчикомъ Кене, и не въ свое дѣло не суйтесь. А вы, г. Альбертини, какъ думаете на счетъ этого совѣта?

Этого краткаго, но вѣрнаго очерка достаточно, чтобъ показать читателю наглядно нынѣшнее состояніе роскошнаго цвѣтка цивилизаціи, называемаго русской литературой. Сказаннаго довольно, чтобы видѣть разницу между литературными явленіями, характеромъ и наклонностями литературы, и дѣятелями, стоящими въ ней на переднемъ планѣ съ одной стороны, и тѣмъ, чѣмъ была литература нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

В. З.

БИБЛОГРАФИЧЕСКИЙ ЛИСТОКЪ.

Руководство къ изученію дѣтскихъ болѣзней доктора Фогеля, переведенное съ послѣдняго изданія 1863 года, подъ редакцію доктора медицины Мих Зеленскаго, приватъ-доцента по дѣтскимъ болѣзнямъ при императорской С. Петербургской медико-хирургической академіи, съ измѣненіями, дополненіями и примѣчаніями по всѣмъ авторамъ и собственнымъ наблюденіямъ редакціи. Сиб. 1864.—Природа и человекъ на крайнемъ сѣверѣ соч. Георга Гартвига. Перев. съ нѣмецкаго С. А. Усовъ. Изд. Глазунова. М. 1863.—Море и его жизнь Георга Гартвига, перев. съ послѣдняго нѣмецкаго изданія Михельсонъ. М. 1864.

Въ журналистикѣ и отчасти въ публикѣ укоренилось мнѣніе, что беллетристика составляетъ самую существенную часть нашей литературы, что безъ романовъ и повѣстей, какъ бы они плохи ни были, литературному органу нельзя существовать, что другіе отдѣлы журналовъ между провинціальными читателями остаются неразрѣзанными, что самые скверные стишонки или самый глупый рассказъ вызываютъ больше сочувствія, чѣмъ самая умная критическая статья. Дѣйствительно, степень развитія нашего общества такова, что ему не подъ силу слишкомъ серьезныя вещи, что оно ищетъ въ чтеніи одного развлечения, и другой потребности пока еще не чувствуетъ. Романъ вполне удовлетворяетъ большинство читающей массы: онъ служитъ ей норкратическимъ возбужденіемъ ея одеревенѣлыхъ нервовъ, или чѣмъ-то въ родѣ промывательнаго средства отъ окончательнаго засоренія мозговъ; онъ размазываетъ на сотни страницъ хоть и плохонькую мыслишку, но размазываетъ ее ясно и понятно для полуграмотнаго люда; а между тѣмъ серьезная книга ставитъ его въ тупикъ. Иначе было бы трудно объяснить, что Загоскинъ и Польш-

де-Кожъ доселѣ прячутся подъ изголовье уѣздной барышней, способной вдосталь намечтаться даже надъ такой мерзостью, какъ: «Битва русскихъ съ кабардинцами, или прекрасная магометанка, умирающая на гробѣ своего друга». Поэтому журналы, примѣняясь ко вкусамъ и требованіямъ публики, набиваютъ себя всѣмъ, что носитъ какое нибудь подобіе беллетристическаго произведенія; съ другой стороны, все, что обдѣлено умственными сплами и не могло или не хотѣло записаться порядочнымъ образованіемъ, вербуетъ себя въ число беллетристовъ, и всякую дрянь предлагаетъ редакціямъ. Только поэтому такіе романы, какъ «Взбаламученное Море» и «Марево» читаются у насъ.

Обвинять въ этомъ публику было бы неосновательно. Ея критическій тактъ конечно не на столько выработался, чтобы отличать «Марево» отъ болѣе честнаго и умнаго произведенія; образованіе ея не такъ высоко, чтобы понимать значеніе книги или статьи, прямо дѣйствующей на развитіе умственныхъ способностей. Экономія времени, силъ и практическое приложеніе знанія—такія вещи, о которыхъ мы едва ли когда нибудь думали. У американцевъ и англичанъ. напротивъ, есть множество періодическихъ изданій, въ которыхъ не помѣщается ни одной строчки изъ романовъ и повѣстей, но имѣющихъ огромное число подписчиковъ; напротивъ, у французовъ нѣтъ ни одного журнала, въ которомъ бы не было своего А. Дюма или его выкидыша. Разница эта объясняется тѣмъ, что американецъ и англичанинъ нуждаются въ знаніи, какъ въ общественной силѣ, какъ въ живомъ и необходимомъ элементѣ своей жизни, а французъ, при глубокомъ невѣжествѣ и при стѣсненной дѣятельности, смотритъ на книгу, какъ на дополненіе своего мѣщанскаго комфорта. Но какъ ни велико господство беллетристики въ нашей литературѣ, мы убѣждены, что даже въ настоящее время многіе предпочли бы чтенію романа серьезную книгу, еслибъ такихъ книгъ было побольше и писались бы онѣ полегче и популярнѣе. Наши ученые сочиненія, кромѣ отсутствія дѣйствительной учености, отличаются такой классической скукой и такимъ рутиннымъ взглядомъ на вещи, что читать ихъ можно только по обязанности или по необходимости. Самая простая и всѣмъ доступная мысль, которую можно передать въ легкой и привлекательной формѣ на обыкновенномъ человѣческомъ языкѣ, подъ перомъ нашего ученаго мужа превращается въ такую непроходимую дичь, что зайдешь въ нее и не выберешься. Не угодно ли кому дочитать

до конца какое нибудь изъ медицинскихъ сочиненій нашего собственнаго производства, хотя бы предметъ этого сочиненія одинаково интересовалъ всѣхъ. И почему именно медицина пользуется особенной привилегіей изъясняться на такомъ тарабарскомъ нарѣчїи, отъ котораго тошнить самихъ жрецовъ науки! По видимому, нѣтъ знанія, которое бы такъ тѣсно соединялось съ общественными интересами и своею популярностію было бы такъ общедоступно, какъ медицина, а между тѣмъ она-то болѣе всего и боится популярности; она не хочетъ выдать свою тайну даже тамъ, гдѣ эта тайна не имѣетъ надобности скрывать отъ дневнаго свѣта всей глубины новѣжества и шарлатанства своихъ адептовъ... Медика понимаетъ только медикъ; медицинская книга пишется только для медика. У постели умирающаго человѣка медикъ, какъ Пшея, говоритъ загадками и составляетъ свои рецепты, какъ авгуръ совершаетъ свое священнодѣйствіе. Его понимаетъ только аптекаръ, а ужъ никакъ не пациентъ, которому прописывается таинственный паспортъ на тотъ свѣтъ. Латинская кухня держится въ большомъ секретѣ, и медикъ, другъ човѣчества, употребляетъ ее, какъ фокусникъ свое искусство. Все это конечно унижаетъ медицину въ глазахъ людей образованныхъ и подрываетъ даже ту долю довѣрія, которую могла бы питать къ ней масса. Медицинскія книги, какъ я уже замѣтилъ, пишутся для удовольствія самихъ медиковъ, но и сами медики понимаютъ ихъ плохо, потому что девять десятыхъ изъ ихъ содержанія надо отнести къ области чистѣйшаго фокусничества, основаннаго то на догадкахъ врача-практика, то на такихъ опытахъ, которые получили авторитетъ только въ силу своей давности, а не научнаго изслѣдованія. Поэтому добросовѣстный медикъ не станетъ отпираться, что изъ ста болѣзней онъ лечитъ не болѣе одной съ полной увѣренностію и съ полнымъ знаніемъ дѣла; — что самый счастливый практикъ не тотъ, кто слѣдитъ за развитіемъ своей науки, не желая отстать отъ ея современнаго состоянія, а тотъ, кто вовсе не занимается ею и все свое время проводитъ въ писаніи рецептовъ и ухаживаніи за пациентами. Вотъ почему въ большей части случаевъ шарлатанство такъ же неразлучно съ профессіей врача, какъ протухшая латань — съ аптекарскою странней.

Руководство къ изученію дѣтскихъ болѣзней доктора Фогеля, переведенное на русскій языкъ г. Зеленскимъ и дополненное его

собственными замѣчаніями, принадлежить къ числу очень полезныхъ книгъ. Наша медицинская литература такъ бѣдна по этой части, что, за исключеніемъ новѣйшихъ переводныхъ книгъ, у нея нѣтъ ни одного дѣльнаго сочиненія. Что же касается дѣтской гигиены, то она едва извѣстна въ нашемъ обществѣ, а между тѣмъ социальныя условія русской жизни таковы, что смертность дѣтей достигаетъ поразительной цѣфы. Такъ въ Петербургѣ изъ 1000 новорожденныхъ мужескаго пола, не возросшихъ до 5 лѣтъ, умираетъ 340, въ Москвѣ 420, а въ остальной Россіи болѣе половины, т. е. 50%, нашего населенія не доживаетъ и до пятилѣтняго возраста. «Причина громадной смертности между дѣтьми въ нашемъ отечествѣ, говоритъ г. Зеленскій, заключается съ одной стороны въ страшныхъ лишеніяхъ массы народонаселенія, съ чѣмъ тѣсно связаны дурной воздухъ и пища, особенно сырая и холодная жилища; все это губитъ дѣтей, особенно новорожденныхъ. Конечно, освобожденіе крестьянъ послужило основаніемъ будущему уменьшенію этого зла; но за то трудно ожидать скорого искорененія другихъ причинъ смертности. Глубокое невѣжество въ народѣ относительно основныхъ правилъ содержанія маленькихъ дѣтей, предрасудки, которыми онъ проникнутъ, невозможность отдѣлить больного ребенка, могущаго заразить всѣхъ остальныхъ, недостатокъ ухода за больными дѣтьми, наконецъ невозможность покупать лекарство и часто пользоваться совѣтомъ врача—всѣ эти невыгодныя условія еще долго будутъ существовать у насъ. Кромѣ распространенія въ народѣ самыхъ необходимыхъ правилъ гигиены и діететики, есть одно только вѣрное средство вырвать больное дитя изъ убійственныхъ для него условій: это повсемѣстное устройство дѣтскихъ больницъ. Я не сомнѣваюсь, что послѣднія еще гораздо необходимыѣ и полезныѣ у насъ, нежели больницы для взрослыхъ.» (стр. 3). Но чтобы устроить вездѣ дѣтскія больницы, нужны значительныя средства, которыя далеко превышаютъ экономическое состояніе народа. Та же бѣдность, которая губитъ дѣтей въ холодныхъ и вурныхъ избахъ, среди зловредныхъ испареній воздуха, зараженнаго разными нечистотами, мѣшаетъ и распространенію дѣтскихъ больницъ. Еслибъ даже мы распорядились болѣе благоразумно своими экономическими средствами, то и тогда дѣтскія больницы не могли бы существовать повсюду. Кромѣ того, я нахожу, что г. Зеленскій придаетъ слишкомъ большое значеніе медицинскимъ пособіямъ. Въ какомъ бы блестящемъ со-

стояніи они ни находились, какъ бы мы ни были богаты больницами и врачами, но не отъ нихъ зависитъ измѣнять цифру смертности, какъ дѣтей, такъ и взрослога населенія. На эту цифру оказываетъ главное вліяніе общественная жизнь, ея внутренняя и внѣшняя обстановка,—уменьшеніе и увеличеніе тѣхъ причинъ, которыя производятъ въ народѣ болѣзни и роковымъ образомъ дѣйствуютъ на смертность. Въ Швейцаріи, напримѣръ, сравнительно съ Франціею гораздо меньше медицинскихъ пособій, а итогъ смертности въ послѣдней десятью процентами выше, чѣмъ въ первой. И еслибъ Франція утроила число своихъ больницъ и врачей, то при тѣхъ же социальныхъ условіяхъ сумма смертности ея народа не измѣнилась бы нисколько. Слѣдовательно народное здоровье прямо зависитъ отъ качества самого общественного устройства, а не отъ числа больницъ и медиковъ. Даже при тѣхъ скудныхъ статистическихъ данныхъ, которыя имѣются у насъ, можно съ точностію опредѣлять, что смертность уменьшалась только тамъ, гдѣ народное благосостояніе возвышалось, и уменьшалась именно въ той пропорціи, въ которой отстранялись причины болѣзненнаго пораженія не отдѣльныхъ организмовъ, а всего общества. Это одинъ изъ постоянныхъ и неизмѣнныхъ законовъ, на которыхъ медицина до сихъ поръ не имѣла никакого вліянія.

При современномъ состояніи медицинской науки и на той степени общественнаго развитія, на которой мы стоимъ, можно ожидать дѣйствительнаго пособія противъ дѣтскихъ болѣзней отъ общественной гигиены. Чѣмъ больше она будетъ распространена въ народѣ, тѣмъ менѣе шансовъ будетъ для развитія смертности. Но наша медицина въ этомъ отношеніи ничего или почти ничего не дѣлаетъ, и все наше спасеніе возлагаетъ на одну латинскую кухню. А кухню эту давно слѣдовало бы убрать съ свѣта божьяго и приняться за распространеніе элементарныхъ гигиеническихъ понятій, которыя бы предупреждали болѣзни, уничтожали бы ихъ въ самомъ источникѣ, и тѣмъ, какъ можно больше, ограничили бы вкругъ собственно медицинской работы. Поэтому хорошія популярныя изданія по общественной гигиенѣ были бы во сто разъ полезнѣе такихъ специальныхъ руководствъ, какъ доктора Фогеля. Нѣтъ сомнѣнія, что изъ него почерпнетъ новыя свѣденія медикъ или студентъ медицинской академіи, но обыкновенный смертный запнется на первомъ латинскомъ

словѣ и не вынесетъ изъ него ни одной крупички полезнаго для себя знанія.

Но г. Зеленскій человѣкъ своего сословія; онъ не только не стѣсняетъ дѣятельности современнаго врача, но распространяетъ ее даже на интеллектуальное развитіе дѣтей. «Управлять этимъ развитіемъ, говорить онъ, гораздо лучше съумѣетъ врачъ, нежели педагогъ или гувернеръ.» (стр. 99) Нѣтъ сомнѣнія, что интеллектуальное здоровье находится въ неразрывной связи съ физическимъ, что ребенокъ, рожденный съ неправильнымъ черепомъ или съ иномъ объемомъ мозга, чѣмъ сколько требуетъ нормальная величина его, навсегда останется идиотомъ, какъ бы ни воспитывали его, что по мѣрѣ возраста увеличивается объемъ черепа и мозгъ дѣлается тверже, что въ томъ же отношеніи развивается и мыслящая сила человѣка — все это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы врачъ могъ управлять интеллектуальнымъ развитіемъ дѣтей. Если современный педагогъ на одного умнаго воспитанника поставляетъ обществу сотню идиотовъ, то медикъ, при его современныхъ научныхъ средствахъ, надѣлалъ бы еще больше идиотовъ. Педагогъ, въ современномъ его значеніи, есть ничто иное, какъ механическій инструментъ, заставляющій ребенка долабить чужія слова и мысли, и потому онъ менѣе вреденъ, чѣмъ если бы онъ обратился въ орудіе самостоятельнаго отупленія человѣческой головы. Но врачъ, смыслящій не болѣе педагога въ психическихъ отправленияхъ организма, но гораздо болѣе претендующій на это знаніе и слѣдовательно дѣйствующій самонадѣяннѣе, пришелъ бы еще къ болѣе плачевнымъ результатамъ. Такъ, напримѣръ, г. Зеленскій, утверждающій, что «дѣтя должно вращаться только въ своемъ мірѣ,» на мѣстѣ педагога учинилъ бы величайшую неаппетность, рассадивъ дѣтей по клѣткамъ ихъ возраста и степени пониманія. Напротивъ, дѣти какъ можно меньше должны находиться «въ своемъ мірѣ», потому что имъ нуженъ постоянный притокъ новыхъ впечатлѣній, а впечатлѣнія эти получаютъ они только изъ другаго міра. Далѣе г. Зеленскій говоритъ, что «при развитіи каждой способности у ребенка предъ нимъ открываются двѣ диаметрально противоположныя дороги: дѣтя, предоставленное самому себѣ, можетъ попасть на хорошій или дурной путь; но въ умѣнныя руководить почти всегда лежитъ возможность дать хорошее направленіе развивающейся способности». Не знаю, провѣрилъ ли г. Зеленскій свое

иѣніе на опытѣ, но въ теоріи оно совершенно несправедливо. Направление въ развитіи нашего ума зависитъ отъ тѣхъ обстоятельствъ и впечатлѣній, которыя окружаютъ ребенка. Если онъ будетъ жить среди воровъ и мошенниковъ, то изъ него не выйдетъ добродѣтельнаго Катона, какое бы умѣнье руководить ни приложилъ врачъ. Тутъ, какъ и вездѣ, умственное развитіе дитяти опредѣлится не педагогическими совѣтами, а самыми требованіями жизни. Поставить жизнь ребенка на хорошей путь, ребенокъ и пойдетъ этимъ путемъ, а развратить и убить его мыслительныя способности, и ребенокъ ничего не сдѣлаетъ при самомъ лучшемъ воспитаніи. Мало-ли мы видимъ людей, такъ называемыхъ, благовоспитанныхъ, но отчаянныхъ мерзавцевъ, употребившихъ все направление своихъ способностей на размыя гадости, и людей, не получившихъ никакого воспитанія, но честныхъ и умныхъ. Поэтому надо отказаться отъ той мысли, что педагогика врача или гувернера можетъ управлять развитіемъ ребенка; имъ управляетъ и его формируетъ та среда, въ которой онъ вращается. Если эта среда негодная, то и продуктъ ея выйдетъ негоднымъ; если она хороша, то и отдѣльный членъ ея будетъ хорошъ. Конечно, можно удалить ребенка на нѣкоторое время отъ вліянія окружающей его среды, но рано или поздно онъ опять войдетъ въ нее и сдѣлается именно тѣмъ, чѣмъ заставятъ его быть самыя обстоятельства жизни. Пусть каждый изъ насъ припомнитъ все свое воспитаніе и за тѣмъ всю свою жизнь, и пусть внимательно провѣритъ, чѣмъ онъ обязанъ педагогическимъ внушеніямъ и что вынесъ изъ обстоятельствъ своей жизни. Провѣривъ и то, и другое, онъ увидитъ, что если его умственныя способности развились такъ, а не иначе, что если онъ сдѣлался дурнымъ или хорошимъ человекомъ, то это направление было принято имъ единственно въ силу вліянія тѣхъ житейскихъ обстоятельствъ, которыя опредѣлили его общественное положеніе и личную дѣятельность.

Природа и человекъ на крайнемъ стверѣ. Сочиненіе Гартмана и пр. Пер. съ нѣмецкаго С. А. Усовъ. Москва. 1863. Изд. А. И. Глазунова.

Книга эта принадлежитъ къ числу общепонятныхъ изложеній известнѣйшихъ отраслей физическаго землеописанія, а авторъ ея, нѣмецъ

кій профессор Гартвицъ, принадлежитъ къ числу компиляторовъ, не имѣющихъ ни самостоятельнаго взгляда на предметъ, ни особеннаго таланта, но довольно полезнаго популяризатора естественныхъ наукъ.

«Природа и человекъ на крайнемъ сѣверѣ» едва ли не лучшее произведеніе Гартвига. Это небольшая, но интересно написанная монографія самыхъ сѣверныхъ странъ и ихъ обитателей на нашей планетѣ; предметъ ея принадлежитъ къ числу самыхъ любопытныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, если тропическія страны, охватывающія экваторъ, представляютъ картину величайшей роскоши растительнаго міра, то околополярныя страны, въ свою очередь, могутъ похвалиться грознымъ величіемъ своей негостепріимной природы. Въ обоихъ случаяхъ, сила человека подавляется силою внѣшнихъ вліяній. Весьма немногочисленное населеніе, большею частію дикихъ или полудикихъ племенъ, само, такъ сказать, прозябаетъ среди дѣвственныхъ лѣсовъ Бразиліи и въ широкой лѣсистой низменности, протекаемой исполнимами рѣкы, Амазонкою и Оринокомъ. Съ другой стороны, на крайнемъ сѣверѣ только въ немногихъ мѣстахъ удается человеку извлекать плоды изъ мерзлой, неплодородной почвы, и здѣшнее весьма скудное населеніе живетъ преимущественно звѣроловствомъ да рыбною ловлею. Только въ умѣренныхъ климатахъ вполне выражается могущество человека, и онъ можетъ неоспорно назваться *хозяйномъ земли*.

Съ самаго начала, Гартвицъ знакомитъ читателя съ общимъ видомъ полярныхъ странъ. Онъ описываетъ обширныя на сѣверѣ безлѣсныя пустыни или тундры, опредѣляетъ ихъ границы, характеръ, а также животную жизнь, сосредоточивающуюся здѣсь лѣтомъ. За тѣмъ онъ переходитъ къ описанію сѣвернаго полярнаго моря. Авторъ представляетъ здѣсь краткій очеркъ путешествій въ арктическія страны, начиная съ Генри Гудсона и оканчивая американцемъ Бэнномъ. О Ричардсонѣ, Симпсонѣ, Врангелѣ, Миддендорфѣ, здѣсь только упоминается вскользь; а о такихъ людяхъ, какъ оба знаменитые Росса, сэры Джемсъ и Джонъ (дядя и племянникъ), здѣсь почти совершенно забыто: о нихъ говорится уже при описаніяхъ путешествій для отысканія сѣверо-западнаго прохода вокругъ сѣвернаго берега Америки.

Какъ бы то ни было, картины сѣверо-полярнаго моря, заимствованныя преимущественно у ученаго явитолава Скорезби, весьма любопытны и исполнены грознаго величія. Отрывокъ изъ дневника од-

ного изъ новѣйшихъ арктическихъ путешественниковъ, Кэна, проведеннаго двѣ зимы на крайнемъ сѣверѣ Гренландіи, подѣ 79° с. ш. отличаются животрепещущимъ интересомъ. Извѣстно, что Кэнъ подошелъ къ сѣверному полюсу ближе всѣхъ другихъ путешественниковъ и видѣлъ страну, которую не созерцалъ еще никогда глазъ другаго образованнаго человѣка. Жаль, что короткій отрывокъ, о которомъ мы теперь говоримъ, много теряетъ отъ сѣвернаго перевода, искажающаго смыслъ нѣкоторыхъ выраженій. Такъ, на примѣръ (стр. 32) мы читаемъ:

«Вотъ уже 8 дней, какъ идетъ она (т. е. луна) своимъ путемъ, почти не перемѣняя свѣта и т. д.»

Спрашиваемъ человѣка, имѣющаго хотя первоначальныя понятія о *космографіи*, возможно ли, гдѣ бы то ни было на земномъ шарѣ, чтобы луна въ теченіе 8 дней почти не перемѣняла свѣта?

А покажутся ли вамъ ясными слѣдующія строки, на той же страницѣ?

«Я не могу удержаться отъ мысли о хроникѣ первыхъ голландцевъ. Нашей темнотѣ нужно еще 90 дней, чтобы снова возвратиться къ теперешнему сомнительному сумраку.»

На той же страницѣ, полярная звѣзда названа *маленькимъ сѣтломъ*, напоминающимъ американцу, подѣ 79° с. ш. о его родинѣ, лежащей гораздо южнѣе. Всякому понятно, что должно сказать совершенно противное и что свѣтъ полярной звѣзды (довольно яркой звѣзды 2-й величины) можетъ напоминать о родинѣ уроженцу сѣверныхъ климатовъ, удалившемуся отъ нихъ къ югу, а не тому, кто отъ своей родины стремится въ болѣе глубокой сѣверъ.

На слѣдующей страницѣ толкуется о замерзаніи *хлористаго эфира* (?) и *нефтянаго спирта*. Что это за вещество? И вслѣдъ за тѣмъ говорится о какомъ-то *зимнекъ* зеленомъ маслѣ, замерзающемъ при—43° неизвѣстнаго термометра. Едва ли найдется химикъ, знающій это знаменитое масло, придуманное фантазіей плохаго переводчика.

А какъ бы легко было избѣжать всѣхъ этихъ недосмотровъ, если бы г. Усовъ, не довольствуясь переводомъ съ плеча непонятныхъ ему выраженій, обратился просто къ кому нибудь, знакомому съ химіей.

Авторъ оканчиваетъ описаніе сѣвернаго сіянія слѣдующимъ объясненіемъ:

«На вопрос о причинѣ явленія жизни отвѣтятъ намъ, что оно имѣетъ значеніе магнитной бури. Какъ электрическое напряженіе атмосферы уравнивается громомъ и молніею, такъ точно нарушенное равновѣсіе магнитныхъ силъ восстанавливается явленіемъ сѣвернаго сіянія.»

Что за странная манера у нѣмецкихъ ученыхъ давать такіа объясненія, которыя ровно ничего не объясняютъ. Не лучше ли было бы сказать прямо, сѣверное сіяніе принадлежитъ къ тѣмъ загадочнымъ явленіямъ, которыхъ причина еще съ точностію неизвѣстна, о которыхъ еще долго придется пометать.

Описаніе это оканчивается удовлетворительнымъ очеркомъ морскихъ животныхъ сѣвернаго океана, ихъ нравовъ и способовъ ловли. Это любопытно для большинства читателей — Странно только, что Гартвигъ (стр. 47) увѣряетъ, будто бы моржовый бивень *плотнее и больше слоновой кости*. У насъ въ Петербургѣ встрѣчается въ продажѣ очень много издѣлій изъ моржовой кости, привозимыхъ изъ Архангельска, и всякій знаетъ, что они не такъ прочны и красивы, какъ тѣ, которыя дѣлаются изъ слоновой: за то первыя гораздо дешевле послѣднихъ.

За тѣмъ авторъ описываетъ острова глубокаго сѣвера — Шпицбергенъ, Медвѣжьій островъ, островъ Янъ (или Жанъ) Майена и Новую Землю. Не мудро было придать занимательность этимъ описаніямъ, особенно описанію Шпицбергена. Нигдѣ природа крайняго сѣвера не является въ такомъ великолѣпнн и въ такихъ величественныхъ формахъ, какъ на этомъ островѣ, отстоящемъ отъ сѣвернаго полюса не болѣе, какъ на тысячу верстъ. Даже первый взглядъ на него очарователенъ, не смотря на грозную обстановку. Лыдистое, холодное море, его окружающее, щедро на бури и глубокіе туманы; но лишь только разсѣется туманный покровъ, скрывавшій видъ береговъ отъ глазъ осторожно приближающихся мореходцевъ, какъ изъ воли арктическаго океана выдвигается дивная картина. На высоту до трехъ тысячъ футовъ возвышаются скалистые, изломанныя стѣны, далеко заходя нысами въ море и образуя глубокіе и узкіе заливы (фіорды); скалы кажутся черными отъ противоположности съ покровомъ ослабительно-бллага свѣга, одѣвающимъ трещины, овраги и долины. Утесистые берега представляютъ видъ разрушенныхъ крѣпостей и замковъ; ныя горы образуютъ правильныя пирамиды; другія заканчиваются острыми гребнемъ, похожимъ на кровлю громад-

наго рода домовъ. Большая часть этихъ горъ до того утесиста, что на нихъ рѣшительно нельзя взобраться, и не одинъ смѣлый путешественникъ заплатилъ жизнью за попытку взойти на вершины шницбергенскихъ утесовъ. Когда Баренць и Гемскергъ открыли этотъ островъ, то нѣсколько смѣлыхъ матросовъ вскарабкались на скалы, чтобы набрать птичьихъ яицъ, но, сходя обратно внизъ, увидѣли подъ собою ужасный хаосъ вертикальныхъ обрывовъ, зіяющихъ пропастей и острыхъ скалъ. Этотъ страшный видъ наполнилъ ужасомъ сердце смѣльчаковъ, которымъ подать помощь не было никакой возможности, и только послѣ необыкновенныхъ усилій, длившихся нѣсколько часовъ сряду, неустрашимые моряки, рискуя каждое мгновение жизнью, успѣли спуститься внизъ, перескакивая съ одной скалы на другую и лежа скатываясь съ одного верхняго утеса на нижній. Счастливо отдѣлались они; но за то, въ 1612 году, голландскій китоловъ, при той же самой попыткѣ, заплатилъ жизнью. Гартвигъ, въ своей книгѣ, представляетъ описаніе такого восхожденія на скалы, заимствованное имъ изъ разказовъ Скорезби.

Почти все, собираемое Гартвигомъ о Шницбергенѣ, заимствовано имъ изъ иностранныхъ источниковъ, хотя полярный этотъ островъ всего чаще былъ посѣщаемъ русскими и всего короче знакомъ нашимъ архангельскимъ промышленникамъ. Всего интереснѣе мировоззрѣніе русскаго человѣка, соприкасающагося съ великими явленіями природы. Такъ промышленники наши, пускающіеся на Шницбергенъ или Грумантъ, разсказываютъ съ полнымъ убѣжденіемъ, что на этомъ островѣ *цыма* ходитъ въ-явь, видимая всѣми, и говоритъ, какъ человѣкъ. Эта, неодолимая въ шницбергенскомъ климатѣ болѣзнь, представляется промышленникамъ въ образѣ страшной старухи, дочери царя Ирода; у ней однанадцать сестеръ, принимающихъ образы красивыхъ женщинъ, почему либо дорогихъ сердцамъ промышленниковъ. Адскія красавицы являются снающему старику въ видѣ певѣсты или молодой жены, и несчастливцевъ предается сладостному сну, который влечетъ, въ тамошнемъ климатѣ, съ неодолимою силою и способствуетъ быстрому развитію цыгнъ. Старуха съ сестрами особенно любитъ показываться во время некогоды, когда вѣтеръ шумитъ въ каменныхъ утесахъ и крутится сибѣжная мятель: тогда видятъ ихъ посреди льдовъ, освѣщенныхъ блѣднымъ блескомъ сѣвернаго сіянія, и слышатъ ихъ нѣсню, которая аккомпанируется во-емъ бури:

«Здѣсь все наше! здѣсь нѣтъ ни пѣня церковнаго, ни звона колокольнаго: здѣсь все наше!»

Въ принадлежкахъ *галлюцинанги*, видали даже карбасъ, проходившій такъ близко отъ берега, что можно было разглядѣть всѣ черты сидѣвшихъ на немъ сестеръ. Страшная старуха стоитъ на кормѣ съ весломъ, а сестры—красавицы, разряженныя, съ пѣснями, исполняютъ должность гребцовъ. Онѣ проѣдутъ мимо, если почувтъ у промышленниковъ табакъ, кислую капусту или квашеную моршугу (средства противуцынготныя), но горе промышленнику, у котораго нѣтъ подобныхъ талисмановъ.

Перезимовать на Шпицбергенѣ дѣло не шуточное. Еще въ XVII столѣтїи, англичане и голландцы дѣлали попытки основать тамъ небольшія колонїи; но, не смотря на хорошее жалованье, охотниковъ жить тамъ не оказалось, и даже преступники предпочитали вѣчную тюрьму ссылкѣ на Шпицбергенъ. Въ 1630 году, одинъ китоловъ выслалъ на берегъ 8 матросовъ для ловли сѣверныхъ оленей: матросы остались ночевать на берегу, а ночью поднялась буря и отогнала корабль. Это было въ концѣ августа, и не предвидѣлось надежды, чтобы въ такое позднее время появилось какое либо другое судно у этихъ негостепримныхъ береговъ. Можно вообразить себѣ отчаяніе несчастныхъ; но они рѣшились мужественно бороться съ приближавшеюся грозною зимою, покоряясь крайней необходимости. Первою заботою ихъ было—собрать сколько возможно болѣе жизненныхъ припасовъ, и въ короткое время они убили 19 сѣверныхъ оленей и 4 медвѣдей. По счастью они нашли полуразрушенный сарай выстроенный за нѣсколько лѣтъ для работъ звѣропромышленниковъ англійской Russia-Company, и изъ этого матеріала построили себѣ хижину. Постели и одежду сдѣлали себѣ изъ шкуръ убитыхъ ими звѣрей. Приобрѣтя такимъ образомъ нѣкоторую защиту отъ суровости климата, они не упустили случая охотиться за звѣрями, для подкрѣпленія своихъ жизненныхъ средствъ: били медвѣдей, песцовъ, лисъ, а къ веснѣ гусей, гагъ и другихъ перелетныхъ птицъ. Наконецъ, послѣ десятилѣтнихъ ужасныхъ лишений, они были взяты на англійское судно, приставшее къ Шпицбергену.

Когда сдѣлалось извѣстнымъ о возможности провести зиму на этомъ необитаемомъ островѣ, то общество изъ семи голландцевъ добровольно рѣшилось перезимовать на островѣ Амстердамѣ, прилежа-

щамъ въ Шпицбергену, но всѣ семь погибли отъ цынги. Съ тѣхъ поръ, одни только русскіе рѣшались зимовать въ этихъ арктическихъ мѣстахъ. Но изъ такихъ смѣльчаковъ многіе гибли, такъ что на берегахъ Шпицбергена можно найти нѣсколько сотенъ могилъ, въ которыхъ трупы сохранились неповрежденными, благодаря постоянному холоду. Нерѣдко попадаются остовы умершихъ здѣсь людей, трупы которыхъ оглоданы бѣлыми медвѣдями. Тѣ же, которымъ удавалось перенести всѣ ужасы зимы, возвращались слѣдующимъ лѣтомъ, съ собранными продуктами охоты. Бывали примѣры, что пные промышленники проводили на Грумантѣ по нѣскольку зимъ сряду. По свидѣтельству знаменитаго географа Петермана, нѣкто *Ша, оскинъ* провелъ на Шпицбергенѣ 39 зимъ и въ томъ числѣ 15 сряду. Гартвигъ называетъ этого необыкновеннаго звѣропромышленника — *шпицбергскимъ монархомъ*.

Описание Новой Земли читается съ неменьшимъ интересомъ. Лѣто на Новой-Землѣ одно изъ самыхъ холодныхъ на нашей планетѣ, потому что средняя его температура равняется только $+2\frac{1}{2}$ град. по Цельсію. Даже Мельвилевы острова и Бузія Фелпсѣ, самая холодная американскія страны пользуются болѣе теплымъ лѣтомъ ($+3,14^{\circ}$ и $3,09^{\circ}$), и до сихъ поръ только на двухъ маленькихъ островахъ найдено лѣто холодиѣе, чѣмъ на Новой Землѣ. Это—Зимній Островъ, гдѣ средняя лѣтняя температура равняется $-2,03^{\circ}$, и Иглуикъ, гдѣ та же температура не восходитъ выше $+1,83^{\circ}$. Внутренность Новой Земли совершенно невѣстна и никогда еще не была тамъ человѣческая нога, хотя русскіе промышленники ежегодно посѣщаютъ берега этого арктическаго острова для ловли тюленей, бѣлугъ и моржей, попадающихся здѣсь иногда въ большомъ количествѣ.

Описавъ Лапландію и ея жителей, Гартвигъ посвящаетъ цѣлую главу путешествіямъ ученаго лапландца Матиаса Александра Кастрена, посѣтавашаго мѣста жительства самоѣдовъ, остяковъ и другихъ народовъ онискаго племени, на крайнемъ сѣверѣ Россіи, для изученія ихъ языковъ и правовъ. Результаты и обстоятельства этихъ путешествій еще въ свѣжей памяти у всѣхъ, интересующихся предметомъ. Кастренъ, внукъ лапландскаго миссіонера и племянникъ ученаго пастора Кастрена въ Кеми, родився въ 1813 г., въ сѣверной Финляндіи, подъ самымъ полярнымъ кругомъ и предпринялъ первое свое путешествіе въ 1838 году, съ самыми бѣдными средствами; но, сильный духомъ и знающій, онъ и съ ничтожными средствами умѣлъ

сдѣлать многое и разъяснить важные вопросы относительно описанных племенъ Архангельской губерніи и Сибири. Отъ ледовитаго моря до вершинъ Алтая онъ основательно изучилъ своихъ полудикихъ соплеменниковъ и возвратился въ началѣ пятидесятихъ годовъ на родину, утративъ здоровье и силы въ своихъ многотрудныхъ странствованіяхъ, такъ что ни воздухъ родины, ни профессорская кафедра въ Гельсингфорскомъ университетѣ не могли спасти его: онъ скончался осенью 1855 года. Миръ праху труженика науки!

Гартвигъ описываетъ самоѣдовъ и осеновъ, и землю, ими обитаемую, основываясь преимущественно на послѣдованіяхъ Кастрена.

Двѣнадцать главъ (отъ 9-й до 20-й включительно) Гартвигъ посвятилъ нашей Сибири. Рассказавъ покореніе этой страны Ермакомъ и его спутниками, онъ даетъ удовлетворительное описаніе экспедицій Дежнова, Прончищева, братьевъ Лаптевыхъ, Шалаурова и другихъ искателей приключеній, завоевавшихъ Сибирь отъ Урала до Камчатки а также путешествія Беринга, Биллинга и Геденштерна. Здѣсь знакомится читатель съ сибирскою природою, правами и занятіями тамошнихъ туземцевъ, ихъ рыболовными и звѣроловными промыслами, также съ торговлею пушными товарами и золотыми промыслами Урала и восточной Сибири. Предъ глазами его проходятъ въ оживленной картинѣ якуты, юагары, ламуты, тунгусы, чукчи, камчадалы и алеуты, съ ихъ обстановкою и обыденною жизнью. Интересъ предмета такъ великъ и самый матеріалъ такъ великъ, что выручилъ бы даже очень посредственнаго автора, гораздо менѣе свѣдущаго, чѣмъ Гартвигъ. Онъ же представляетъ очерки знаменитыхъ путешествій на крайній сѣверъ Сибири — Врангеля, Миддендорфа и несчастнаго Стеллера, усерднаго ученаго, погибшаго въ половинѣ прошлаго столѣтія, не отъ трудностей пути, а отъ неслыханныхъ притѣсненій и недоброжелательства тогдашнихъ петербургскихъ властей и мелкихъ правителей отдаленныхъ мѣстностей Россіи. Описывая Берингово море и алеутовъ, авторъ касается дѣятельности нашей Россійско-Американской Компаніи. Такъ какъ онъ пользовался только тѣми источниками, которые напечатаны на иностранныхъ языкахъ, то не мудрено, что у него встрѣчаются кое-гдѣ невѣрности и недосмотры; напримеръ, говоря о пушныхъ промыслахъ Россійско-Американской Компаніи, онъ едва упоминаетъ о *бобрахъ*, самыхъ дорогихъ изъ всѣхъ пушныхъ животныхъ. На страницѣ 252, описавъ ярмарку въ Островномъ, островѣ Малаго Ангоя, онъ говоритъ, что оно, вѣроятно, имѣетъ очень мало постоянныхъ жителей, тогда какъ положительно

сказано въ описаніи г. Матюшкина, изъ котораго черпалъ Гартвигъ, что Островное обитаемо только въ теченіе ярмарки, продолжающейся всего 3 или 4 дня. Гартвигъ (стр. 262) называетъ правителя русско-американскихъ колоній генераль-губернаторомъ Ново-Архангельска. Конечно подобныя недосмотры извинительны пѣмцу, но русскому переводчику весьма было легко ихъ исправить. На стр. 258, Гартвигъ увѣряетъ, что на Алясцѣ коллѣбри залѣтаютъ будто бы до 61° с. ш. (?). Едва ли это правда? Также (на стр. 266) онъ говоритъ о какомъ-тѣ алеутѣ Овсянниковѣ, который заработалъ много денегъ, катая въ своей байдаркѣ гуляющихъ по Невѣ. Надѣюсь, что никому изъ петербургскихъ старожиловъ не удавалось слышать о такомъ фактѣ. Жаль, что авторъ весьма рѣдко указываетъ на источники, такъ что справки о приводимыхъ имъ малоизвѣстныхъ фактахъ наводить чрезвычайно трудно.

Прежде, чѣмъ мы разстанемся съ Сибирью, скажемъ нѣсколько словъ о путешествіи г. Миддендорфа на крайній ея сѣверъ, въ Таймурскую землю, путешествіи весьма извѣстномъ иностранцамъ, но очень мало знакомомъ намъ русскимъ, соотечественникамъ русскаго академика. Мы даже сомнѣваемся—существуетъ ли на русскомъ языкѣ описаніе этого путешествія.

Таймурская земля почти самая сѣверная и самая пустынная часть Сибири; край этотъ совершенно необитаемъ. Купцу и промышленнику здѣсь дѣлать нечего; но для натуралиста другое дѣло. Академикъ Боръ посѣтилъ Новую Землю, чтобы изслѣдовать жизнь развивающуюся подъ вліяніемъ *холоднаго береговаго* лѣта; а для сравненія съ собранными имъ выводами наблюденій надъ *сѣвернымъ континентальнымъ* климатомъ нельзя выбрать страны удобнѣе Таймурской. Въ эту страшную глушь отправился г. Миддендорфъ, сопровождаемый датчашиномъ Брандтомъ и однимъ слугою. Проѣзжая Туруханецъ, оба послѣдніе заболѣли корью, свирѣствовавшюю тогда между самоѣдами. Въ тундрѣ нельзя было даже подумать объ обыкновенныхъ гигиеническихъ средствахъ, и больные были несены въ олтыхъ мѣхомъ ящикахъ, при тридцати-градусномъ морозѣ, въ сопровожденіи одного топографа и трехъ туруханскихъ казаковъ. Въ Флипповскомъ, на Богандѣ, подъ 71, 5° с. ш. всѣ должны были остановиться, потому что всѣ заболѣли, не исключая и самого г. Миддендорфа. Наконецъ достигли рѣки Таймура и поплыли въ сработанной самими путешественниками лодкѣ. Побѣждая *нечеловѣчныя* труд-

нести и при всякаго рода лишеніяхъ, достигли моря и плыли по немъ до 75° с. ш. Приближеніе зимы заставило воротиться назадъ, и на этомъ возвратномъ пути истощились послѣдніе силы Миддендорфа, такъ что онъ почувствовалъ невозможность продолжать путь. Рыболовныя сѣти путешественниковъ погибли, запасовъ никакихъ не было, и совершенная потеря силъ лишила Миддендорфа возможности охоты, такъ что въ одномъ быстромъ бѣгствѣ товарищей, онъ могъ имѣть надежду на спасеніе. Вотъ какъ описываетъ Гартвигъ эту критическую минуту.

«Остатки крѣпкого бульона, отложенные на крайній случай, разделены на 5 разныхъ частей, и вѣрная, хотя и совершенно голодная собака, Mud, дрессированная для зоологическихъ цѣлей, была зарѣзана. Кровь и костяной наваръ были съѣдены сообща, а мясо разделали на равныя части. Съ этимъ запасомъ весь экипажъ экспедиціи отправился въ путь, оставивъ своего представителя близъ 75° с. ш., совершенно одного въ снѣжной пустынѣ, для того, чтобы встрѣтивъ самоѣдовъ, выслать къ нему сапи. Несчастный ученый въ теченіе трехъ дней не могъ подняться съ мѣста, чтобы зачерпнуть себѣ воды. Въ эти дни продолжалась постоянная метель и занесла г. Маддендорфа снѣгомъ. Отъ отчаянія онъ едва не сошелъ съ ума. Единственнымъ возбужденіемъ служили для него снѣгъ растаяшаго снѣга съ примѣсью спирта изъ зоологическихъ препаратовъ. Восемнадцать дней провелъ онъ среди опасности замерзнуть или умереть съ голода. Наконецъ самоѣдскій старшина Тойчунъ, котораго Миддендорфъ вылечилъ предъ тѣмъ отъ кори, явился на помощь съ тремя санями. За недостаткомъ исландскаго мха, оленя благодарнаго дикаря прошли 150 верстъ безъ корма.

Не менѣе интересны подробностями слѣдующія за тѣмъ описанія Гренландіи, Исландіи, Вестмановыхъ и Феррерскихъ острововъ, эскимосовъ и различныхъ племенъ мѣдиокрасныхъ индѣйцевъ отдаленнаго сѣвера Америки. Очеркъ пушной торговли Гудрибайской компаніи еще лучше и подробнѣе, чѣмъ описаніе русской торговли тѣмъ же товаромъ.

Путешествіе по Норвегій до Нордкапа заканчиваетъ книгу описаніемъ величественнаго мыса, составляющаго крайнюю точку европейскаго материка на сѣверѣ.

Изъ сообщеннаго намъ вѣречія читатель можетъ себѣ составить довольно отчетливое понятіе о содержаніи книги Гартвига. Переводъ же г. Усова нигуда не годится.

Море и его жизнь Гартвига выходитъ въ русскомъ переводѣ вторымъ изданіемъ, слѣдовательно расходуется успѣшно. Успѣхъ этого можно объяснить только популярнымъ изложеніемъ интереснѣйшаго предмета, о которомъ говоритъ Гартвигъ. Это между прочимъ подтверждаетъ наше мнѣніе, высказанное выше, что русская публика давно брѣзала бы читать никуда негодные романы и разные сочиненія, еслибы у насъ было побольше популярныхъ книгъ по естественнымъ наукамъ. «Море и его жизнь» отчасти удовлетворяетъ этой потребности; какъ компиляція и во многихъ отношеніяхъ плохая, она не имѣетъ никакихъ особенныхъ достоинствъ, по обязанности своимъ успѣхомъ тому обстоятельству, что всякій мало-мальски образованный человѣкъ прочтаетъ ее не безъ удовольствія, благодаря удобопонятности ея. Я не могу порицать Гартвига даже за то, что онъ часто рассчитываетъ на чисто виѣшній эффектъ, желая имъ привлечь вниманіе читателя и заставить его дочитать до конца свою книгу. Такъ при описаніи нравовъ и образа жизни животнаго міра, населяющаго океанъ, онъ останавливается не на тѣхъ фактахъ и выводахъ, которые имѣютъ значеніе для современнаго естествознанія, а на тѣхъ, которые подстрекаютъ любопытство въ дѣтяхъ и подобныхъ имъ малоразвитыхъ людяхъ. Чтобы познакомить читателя съ приемами Гартвига, мы приведемъ здѣсь описаніе лютой и нѣжности бѣлаго медвѣдя. «Капитанъ Льюсъ, пишетъ Гартвигъ, съ пятью другими охотниками попалъ на бѣлаго медвѣдя; и когда они подошли къ нему на 40 шаговъ, сдѣлали въ него четыре выстрѣла, которые ранили его въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Съ открытою пастью бросилось на нихъ озлившееся животное; но въ него выстрѣлили еще двое и раздробили ему лопатку, такъ что онъ на минуту остановился. Но прежде чѣмъ они успѣли зарядить свое ружье, медвѣдь такъ близко подошелъ къ нимъ, что они принуждены были бѣжать къ берегу; однакожь медвѣдь, не смотря на свою храмоту, не отставалъ отъ нихъ. Двое изъ охотниковъ спрыгнули въ лодку, другіе спрятались за льдинами, и стрѣляли по животному такъ часто, какъ только могли заряжать ружья. Медвѣдь еще получалъ нѣсколько ранъ; но это, кажется, только ожесточило его. Наконецъ онъ такъ близко подошелъ къ двумъ охотникамъ, что они принуждены были спрыгнуть съ 20-футовой вышины. Медвѣдь спрыгнулъ за ними и почти настигалъ отставшаго, когда наконецъ измѣнили ему силы. Притаивши его къ берегу, они нашли, что онъ лъ пораженъ 8 пулями.»

«Однако такой звѣрь имѣетъ нѣжное сердце для своихъ дѣтей. Въ 1773 году фрегатъ «Баркасъ», на которомъ знаменитый Нельсонъ начиналъ свое морское поприще, былъ затертъ льдомъ, отыскивая проходъ къ приполюснымъ сѣв. землямъ. Марсовый закричалъ, что на корабль прямо идутъ, съ большою поспѣшностію, три медвѣдя, по замерзшему океану. Безъ сомнѣнія запахъ недавно пойманнаго морскаго животнаго, котораго жгли на огнѣ, выманилъ ихъ издалека, потому что они тотчасъ напали на полуобуглившіеся остатки и жадно глотали ихъ. Матросы бросили на ледъ нѣскольکو большихъ кусковъ, оставшихся отъ морскихъ животныхъ. Старая медвѣдица пожирала ихъ, относила къ своимъ дѣтямъ и дѣлила ихъ, удерживая у себя очень немного. Бросивши послѣдній кусокъ, матросы застрѣляли двухъ дѣтенковъ и ранили мать тяжело, только не до смерти. Самый безжалостный человѣкъ заплакалъ бы отъ состраданія, видя, съ какою нѣжною заботливостію бѣдная медвѣдица слѣдила за послѣдними взорами своихъ умирающихъ дѣтей. Хотя она была смертельно ранена, такъ что едва могла дойти до мѣста, гдѣ они лежали, но припесла имъ сбереженный кусокъ мяса, положила предъ ними и, замѣтивши, что они не ѣли, старалась поднять лапами то того, то другаго, а между тѣмъ стонала самымъ жалобнымъ образомъ. Не могли поднять ихъ на ноги, она отошла на нѣскольکو шаговъ, обернулась кругомъ и застонала; но какъ это также не помогло, то она воротилась и лизала ихъ раны. Потомъ она удалилась еще разъ и, отползши нѣскольکو шаговъ, оглядѣлась кругомъ и постояла нѣскольکو минутъ. Но какъ дѣти и теперь не ѣли, то воротилась къ нимъ, подползала съ невыразимою нѣжностію то къ тому, то къ другому, переворачивая ихъ лапами и сильно стоная. Замѣтивши наконецъ, что они холодны и безжизненны, она повернула голову свою къ кораблю и отчаянно заревѣла, на что матросы отвѣчали ей залпомъ изъ мушкетовъ. Она упала между дѣтьми, еще лизала ихъ раны и умерла.»

Таковыми эпизодами, заимствованными изъ разныхъ источниковъ, снабжаются сочиненія Гартвига. Жалко только, что онъ часто не отдѣляетъ отъ нихъ баснословнаго элемента и чудесному жертвуетъ нерѣдко истиннымъ. Притомъ метафизическія бредни Гартвига заслоняютъ передъ нимъ множество предметовъ, которые представляются взгляду болѣе талантливаго и свѣдущаго натуралиста въ внонъ свѣтъ, чѣмъ автору «Моря и его жизни.»

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОЛИТИКА.

Двусмысленная политика англійскаго правительства въ Шлезвигъ-Голштинскомъ дѣлѣ.—Лордъ Пальмерстонъ по видимому оставляетъ цѣлостность Дании, и въ то же время предлагаетъ раздѣлить ее.—Невозможность опредѣлить національную границу между датскимъ и нѣмецкимъ населеніемъ.—Воинственныя страхи и миролюбивыя рѣчи Пальмерстона и Джона Росселя.—Брошюра Жерма Фогта по поводу датскаго вопроса и выводы ея.—Отставка Ренака отъ профессорской катедры въ Collège de France.—Негры-солдаты въ сѣверныхъ Штатахъ Америки.—Дешевизна рабовъ.—Долгъ сѣверо-американскаго союза.

Голштинское дѣло, кромѣ нѣмецкихъ, какъ называетъ ихъ Делитчъ, свѣжо-просольныхъ патриотовъ, надоѣло всѣмъ до тошноты; а между тѣмъ это одно изъ тѣхъ европейскихъ дѣлъ, которыя напоминаютъ времена средневѣковаго варварства. Лондонскія конференціи окончились ничѣмъ. Эти шесть дипломатовъ, которыхъ Европа призвала къ зеленому столу, для того, чтобы они сообща нашимъ средствомъ заключить хорошій миръ, собирались въ полной парадной

формъ, украшенныя всѣми своими орденами. Они совѣщались весьма торжественно, на каждый пунктъ находили возраженіе, на каждое предложеніе отвѣчали другимъ, совершенно противоположнымъ, предложеніемъ. Но на каждомъ шагу уполномоченные становились въ тупикъ, и то приводили въ свое оправданіе недостаточность данной имъ власти, то, застигнутые въ расплохъ, телеграфовали о каждомъ новомъ случаѣ въ Берлинъ, Вѣну, Копенгагенъ и Франкфуртъ. Глядя на нихъ, можно было подумать, что это—люди, ндущіе на помощахъ съ завязанными глазами и связанными руками. Въ тотъ день, когда оканчивалось перемиріе, дѣло еще далеко не было рѣшено; члены конференціи выпросили себѣ двухъ-недѣльную отсрочку. Послѣ того совѣщанія начались снова. Извѣстно, что лордъ Пальмерстонъ далъ торжественнѣйшую клятву, во что бы то ни стало, сохранить цѣлостность Даніи, и, положивъ руку на эфесъ своей шпаги и устремивъ гордый взглядъ на Бисмарка, сказалъ: «если цѣлостность датской монархіи подтвердится нападенію, то Данія не увидитъ себя одинокою въ этой борьбѣ.» Когда же эту цѣлостность разорвали въ клочки, тогда первый министръ Англіи бросилъ подъ столъ знаменитый трактатъ 1852 года, на который такое несчетное число разъ ссылался онъ и его товарищъ Россель; онъ самъ предложилъ совершить раздѣленіе Даніи и вызвался *освятить* своимъ дипломатическимъ вмѣшательствомъ то, на что уже нѣсколько мѣсяцевъ Англія, могущественная Англія, не переставала офоциально и не офоциально, голосомъ своихъ сановниковъ, министровъ, ораторовъ, газетъ, указывать, какъ на страшное злоупотребленіе силою. Пальмерстонъ, надменный Пальмерстонъ, въ которомъ воплотились вся гордость и самоувѣренность британскаго народа, самъ предложилъ раздѣлить герцогство по языкамъ и національностямъ ихъ жителей, и отдать нѣмцамъ нѣмецкую часть, а датчанамъ—датскую. Не смотря на то, что это предложеніе было сдѣлано благороднымъ лордомъ, его все-таки нельзя не признать совершенно справедливымъ, и съ другой стороны, не смотря на то, что оно сдѣлано послѣ кровавой борьбы, а не до нея, нельзя не согласиться, что оно совершенно рационально.

Но исполнить это дѣло было совсѣмъ не такъ легко, какъ предложить его. До рѣки Эдера страна всегда принадлежала датчанамъ. Но нѣмцы довольно рано переселились въ нее. Самое сильное пере-

селеніе совершилось въ то время, когда существовало вестгольское королевство, то есть тогда, когда молодой Жеромъ Шаполемъ, царствовавшій на счетъ своего высокопороднаго брата, вѣстощалъ страну рекрутскими наборами. Всѣ молодые люди, желавшіе избавиться отъ военной службы, уходили толпами въ сосѣднюю Данию и дѣлались тамъ ремесленниками, купцами и т. п. Эти люди понимали дѣло гораздо лучше туземцевъ; они дали нѣкоторый толчекъ торговлѣ и промышленности, сдѣлались богатыми и вліятельными людьми, и изъ среды ихъ выходила большая часть пасторовъ и школьныхъ учителей. Кромѣ того, у каждаго изъ нихъ, какъ вообще водятся въ этомъ народѣ, было очень много дѣтей, вслѣдствіе чего нѣмецкое населеніе все болѣе и болѣе размножалось на датской почвѣ.

Изъ предыдущаго, конечно, не слѣдуетъ, что такъ какъ шлезвигская почва есть почва датская, то люди, поселившіеся на ней и мало по малу размножившіеся, должны считаться датчанами. По древнему праву, человѣкъ не значилъ ничего, а земля составляла все, по новому же праву все составляетъ человѣкъ. Такъ какъ нѣмецкая эмиграція шла отъ юга къ сѣверу, то весьма естественно, что южныя части страны онемечились сильнѣе, чѣмъ сѣверныя. Но случилось, что большинство эмигрантовъ состояло изъ ремесленниковъ; эти послѣдніе поселились въ городахъ, оставивъ села неприкосновенными, вслѣдствіе чего нѣкоторые города, расположенные на сѣверѣ, сдѣлались совершенно нѣмецкими, между тѣмъ какъ села, хотя лежащія болѣе къ югу, остались датскими.

Изъ этого видно, что при самой лучшей доброй волѣ, было бы весьма трудно опредѣлять точную границу между элементомъ германскимъ и элементомъ датскимъ и отвести одной изъ спорящихъ частей такую мѣстность, которую другая не могла бы оспаривать, по видимому, совершенно основательно.

Но кромѣ вопроса о строгой справедливости, здѣсь возникалъ другой вопросъ—о матеріальныхъ интересахъ. Такъ какъ Данія раздѣлена на двѣ части—континентальную и морскую, то нѣтъ сомнѣнія, что земледѣльческіе, промышленные и торговые интересы Ютландіи и Шлезвига касаются болѣе материка, чѣмъ моря; одинъ сѣверный датчанинъ весьма хорошо сказалъ: «Наша настоящая столица не Копенгагенъ, а Гамбургъ.» Поэтому весьма вѣроятно, что если бы все тамошнее населеніе было призвано къ свободной подачѣ

голоса, то матеріальные интересы не менѣе австрійско-прусскихъ побѣдъ содѣйствовали бы успѣху германскаго элемента. Преимущество нѣмецкаго языка передъ датскимъ также было бы непремѣнно принято въ соображеніе: «съ нашимъ датскимъ языкомъ, говорилъ одинъ фленсбургскій журналистъ, мы можемъ ѣздить только до Копенгагена, а съ языкомъ нѣмцевъ мы ѣздимъ дальше Триеста, дальше Вѣны, даже Штутгарда, ѣздить по цѣлому свѣту.» Надо сознаться, что міръ политическій управляется такими же законами тяготѣнія, какія господствуютъ въ мірѣ матеріальномъ; какъ большія тѣла привлекаютъ къ себѣ малыя, такъ большія государства мало по малу поглощаютъ въ себѣ меньшія. Германія единая, свободная, сильная и демократическая непремѣнно приковала бы къ себѣ Голландію, германскую Швейцарію и континентальную часть Даніи, и если это не случилось уже давно, если для того, чтобы жители Дюсселя, Зондербурга и Миссунде вошли въ германскія земли, понадобились австрійскіе штыки и прусскія пушки,—то это служитъ только доказательствомъ весьма плохаго развитія и плохой цивилизаціи нѣмцевъ. Порохъ и пули маршала Врангеля говорили такъ громко только потому, что голосъ правосудія, права и интересовъ былъ едва слышенъ.

Такъ какъ этотъ вопросъ былъ до такой степени сложенъ, то, по нашему мнѣнію, слѣдовало бы, если ужъ не дѣйствовать на основаніи новаго права народовъ, то по крайней мѣрѣ прибѣгнуть къ древнему праву націй, рѣшавшихъ великіе вопросы своего существованія общаю подачею голосовъ. Надо отдать справедливость Бисмарку; онъ понялъ всю хорошую сторону этого способа и былъ бы не прочь доказать Европѣ, что и онъ умѣетъ играть на хитромъ инструментѣ, называемомъ народною подачею голосовъ, такъ же искусно, какъ князь Куца и принцъ Людовикъ Бонапартъ. Но вмѣсто того, чтобы прибѣгнуть къ этому, въ сущности совершенно безвредному способу, Данія, точно такъ же, какъ Австрія, Англія и Германскій союзъ, предпочла завести, чрезъ посредство своихъ уполномоченныхъ, споръ о границѣ языковъ и національностей, а равно о стратегическихъ границахъ,—споръ, въ которомъ постоянно сталкивались самыя противоположныя мнѣнія и интересы.

Англо-французская публика смотрѣла не съ особенно большимъ уваженіемъ на уполномоченныхъ, собравшихся въ Лондонъ; но когда

узнали, что они разошлись, не рѣшивъ дѣла ничѣмъ, и что вопросъ снова перенесенъ съ зеленого стола конференціи на кровавое поле битвы, тогда въ Англіи поднялся страшный шумъ; не смотря на то, что такой исходъ дѣла не удивилъ никого, въ Лондонѣ, въ продолженіе нѣсколькихъ дней, господствовало всеобщее и сильное негодованіе. Великобританія—говорили англичане—сильно оскорблена этимъ, она не хочетъ больше подвергаться поруганіямъ, она не хочетъ глотать обиды, которыя нѣмцамъ будетъ угодно бросать ей въ лицо. Съ другой стороны слышались угрозы, что уайтвортскія пушки и британскій левъ скоро подадутъ свои голоса, — и наивные люди начинали уже бояться. А такъ какъ вражда между королевою Викторіею и наследникомъ престола не составляетъ уже ни для кого тайны, то многіе въквалитированные мечтатели возвышали отреченіе королевы и начало новаго царствованія. Увѣряли, что старшій Пемъ имѣлъ нѣсколько свиданій съ агентами Виктора-Эмануила, что англійскій флотъ возьметъ въ Генуѣ одну дивизию итальянской арміи и высадится въ Венеціи; биржевые дѣятели усердно доказывали, что Англія, сама Англія подастъ сигналъ къ всеобщей войнѣ и спуститъ революцію на Европу... И случая эти вѣсти, старухи воздымали руки къ небу и восклицали: «Куда мы идемъ! Госноди, куда мы идемъ!»

Неудивительно поэтому, что двадцать восьмага числа іюня всѣ бросились съ ликоредочнымъ нетерпѣніемъ на номеръ «Таймс», въ которомъ были напечатаны рѣчь Пальмерстона въ нижнемъ парламентѣ и рѣчь Джона Россела въ верхнемъ. Еще до напечатанія равнесся слухъ, что въ этихъ рѣчахъ будетъ объявлена война. Никто не вѣрилъ этому, но тѣмъ не менѣе нетерпѣливыя ожиданія дошли до крайней степени. Рѣчь перваго министра была образцомъ совершенства; никто лучше его не умѣетъ выбирать въ хаосѣ случаевъ главные факты и отодвигать на самый задній планъ массу тѣхъ обстоятельствъ, которыя только затемняютъ и запутываютъ сущность дѣла. Изъ всей этой мрачной шлезвигской исторіи онъ сдѣлалъ совершенно простое, даже черезъ-чуръ простое дѣло. Недостатокъ мѣста заставлялъ насъ ограничиться только краткимъ изложеніемъ этой рѣчи.

Пальмерстонъ обращаетъ вниманіе своихъ слушателей на то обстоятельство, что трактатъ 1852 г., источникъ нѣпѣшихъ событій, былъ устроенъ имъ самимъ и лордомъ Гренвилемъ, а заключенъ

лордомъ Мельмсберп, и что такимъ образомъ обѣ партіи принимали въ немъ участіе. Онъ прибавляетъ, что этотъ трактатъ былъ продиктованъ европейскими интересами. Говоря о законѣ престолонаслѣдія въ Даниі, Пальмерстонъ заявляетъ, что европейскія державы старались о присоединеніи этого закона къ трактату 1852 года съ тѣмъ условіемъ, чтобы въ договоръ былъ внесенъ пунктъ о сохраненіи цѣлостности датской монархіи въ томъ видѣ, въ какомъ она была установлена при присоединеніи къ ней Шлезвига и Голштиніи. По мнѣнію министра, трактатъ 1852 г. не повлекъ бы за собою серьезныхъ недоразумѣній, если бы всѣ стороны руководствовались принципами миролюбія и справедливости.

Пальмерстонъ дѣлаетъ обзорънѣе событіямъ, случившимся послѣ 1852 г. Онъ говоритъ о грамотѣ 31-го марта, о ноябрьской конституціи и о неудовольствіи, которое та и другая произвели между нѣмцами. Последній король умеръ въ то время, когда эти вопросы не были еще разрѣшены. Настоящій король утвердилъ ноябрьскую конституцію, но Германія протестовала и послала войска, чтобы добиться отмены грамоты 31-го марта.

Англія убѣдительно просила Данию уничтожить эту грамоту; тогда германскій сеймъ объявилъ, что слѣдовало рѣшить вопросъ, кто долженъ былъ взойти на голштинскій престолъ. Но, по мнѣнію лорда Пальмерстона, сеймъ не имѣлъ права разсматривать этотъ вопросъ, такъ какъ ни трактаты 1815 года, ни договоры 1820 г. не давали ему этого права.

Австрія и Пруссія предложили ввести въ Голштинію войска въ качествѣ федеральной экзекуціи, но не съ цѣлью простаго занятія страны. Эта мѣра была принята для того, чтобы заставить датскаго короля отменить грамоту 31-го марта. Въ Голштиніи нѣмецкія войска не встрѣтили сопротивленія, но Шлезвигъ защищался съ геройскимъ мужествомъ. Континентальный Шлезвигъ и часть Югландіи были заняты.

Въ этомъ положеніи дѣлъ державы, подписавшія трактатъ 1852 года, предложили составить конференцію для выясненія способовъ восстановленія мира на прочныхъ основаніяхъ. Конференція собралась 24-го апрѣля. Первое предложеніе касалось прекращенія военныхъ дѣйствій, такъ какъ Англія, Франція, Россія и Швеція наши,

что пока война будетъ продолжаться, до тѣхъ поръ нельзя будетъ придти къ дружескому соглашенію. Послѣ долгихъ споровъ было рѣшено прекратить военныя дѣйствія.

Вслѣдъ за тѣмъ германскія державы потребовали законодательнаго соединенія обоихъ герцогствъ. Не смотря на то, что иѣлестность Дании не нарушалась этимъ предложеніемъ, Даниа отвергнула его. За нимъ послѣдовало другое, еще болѣе неосуществимое, предложеніе съ отдѣленія Шлезвига и Голштиніи отъ Дании. Датскіе уполномоченные не приняли его. Тогда нейтральныя державы условились между собою предложить Дании отказаться отъ Голштиніи и отъ части Шлезвига... Границею была назначена Шлея, и Даниа была, по видимому, готова принять это предложеніе.

Нѣмецкія державы не согласились на установленіе этой границы, такъ какъ при существованіи ея большее число нѣмцевъ осталось бы подъ владычествомъ Дании. Онѣ потребовали установленія границы такимъ образомъ, чтобы большая часть нѣмецкихъ обитателей Шлезвига не была присоединена къ Голштиніи; но въ этой иѣлестности населеніе оказалось до такой степени смѣшаннымъ, что установленіе такой границы встрѣтило величайшія затрудненія.

Въ виду этихъ обстоятельствъ нейтральныя державы высказали мнѣніе, что Даниа совершенно основательно требовала для себя военной и торговой границы. Но представители нѣмецкихъ государствъ продолжали настаивать на установленіи границы, предложенной ими. Тогда Даниа начала высказывать сопротивленіе продолженію пятнадцатидневнаго перемирія. Нѣмецкія государства желали продолжитъ его до пачала зимы. Между нейтральными державами, во все время конференцій, существовало полнѣйшее единодушіе.

Предложенія, сдѣланныя графомъ Росселемъ, предсѣдательствовавшимъ въ конференціи, были сдѣланы отъ имени не Англіи, а нейтральныхъ державъ, такъ какъ они были составлены уполномоченными этихъ державъ до предъявленія членами конференціи.

Опасаясь, что датчане и нѣмцы не сойдутся въ вопросѣ о границахъ, нейтральныя державы сдѣлали послѣднюю попытку — предложили рѣшеніе спора третейскимъ судомъ. Такъ какъ предметомъ спора была только небольшая часть территоріи, то нейтральныя державы думали, что это затрудненіе не могло повлечь за собою возмѣженія военныхъ дѣйствій.

Нѣмецкія государства отвѣчали, что онѣ были готовы принять доброе посредничество дружественныхъ державъ, но въ то же время оставили за собою право подчиниться рѣшенію посредниковъ или отвергнуть его. Онѣ поступили бы гораздо откровеннѣе, если бы прямо не согласились на это предложеніе. Датчане возразили, что они и безъ того сдѣлали большую уступку, принявъ границу линію Шлеи.

Наконецъ французскій уполномоченный предлагалъ подать голо-совъ жителями мѣстностей на югѣ Апельрадо и на сѣверѣ Шлеи, но Данія не согласилась на это. Тогда англійское правительство сочло своимъ долгомъ обдумать свое будущее поведеніе въ этомъ дѣлѣ. Хотя Данія въ началѣ была совершенно неправа, но въ послѣдствіи обнаружила искреннее желаніе загладить свои ошибки. Съ Даніей поступили весьма дурно. Вся симпатія англійской націи на стороне ея. Вотъ почему правительство смѣетъ предложить королевѣ участіе Англій въ борьбѣ. Но не надо забывать, что Данія, не смотря на претерпѣнныя несправедливости, была сама неправа въ началѣ, и что въ послѣднемъ засѣданіи консервации она отвергнула разумное предложеніе, осуществленіе котораго повлекло бы за собою миролюбивое рѣшеніе дѣла. Франція и Россія также отказались принять двѣдольныя мѣры для поддержанія Даніи; поэтому Англій придется нести на одной себѣ всю тяжесть этого предпріятія.

Журналъ *Шаривари* весьма мѣтко резюмировалъ въ одной карриатурѣ сущность этой рѣчи краснорѣчиваго министра. Представленъ бѣднякъ, утопающій въ морѣ и кричащій: Помогите, помогите, я погибаю! Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него, Пальмерстонъ въ мундирѣ генераль-адмирала, сидитъ на мели, въ комфортабельной лодкѣ; онъ внимательно смотритъ на утопающаго и говоритъ ему: «Утопи прежде, мой славный датчанинъ, а потомъ мы поищемъ средства вытащить тебя изъ воды!» Въ другомъ номерѣ того же журнала помѣщена другая карриатура на ту же тему: датскій солдатъ, израненный и окривавленный, лежитъ на землѣ; подлѣ него валяется сло-манная пополамъ шпага. Не вдалекѣ идутъ одинъ пруссакъ, два австрійца и одинъ кроатъ; гивера ихъ украшены лавровыми листь-ями, они машутъ саблями и кричатъ: Побѣда! Побѣда! Бѣдный ра-неный обращается къ генералу Пальмерстону съ словами: «Я слѣдо-валъ вашимъ совѣтамъ, я рассчитывалъ на васъ, и вы меня оста-

вдаете въ такомъ положеніи. Вы дурно поняли меня, отвѣчаетъ Пальмерстонъ; вы не знаете по англійски *).

Рѣчь лорда Росселя совѣтъ много свойства. Россель былъ болѣе робокъ, чѣмъ Пальмерстонъ, но нанесъ болѣе сильное оскорбленіе нѣмецкимъ державамъ; онъ былъ не такъ ясенъ въ своемъ изложеніи, но сказалъ гораздо больше. Вообще, рѣчь его чрезвычайно поучительна.

Россель началъ съ того, что напомнилъ событія, предшествовавшія веронскому конгрессу. Въ то время Англія объявила, что нашествіе Франціи на Испанію протнворѣчило всѣмъ принципамъ англійской политики и духу трактата 1815 года. Такимъ образомъ она протестовала, но, не смотря на это, сочла своимъ долгомъ не нарушать мира съ Франціею и сохранять нейтралитетъ. «Что касается вопроса о герцогствахъ, Россель рисуетъ картину начала коммодорскихъ, и напоминаетъ увертки Пруссіи и Австріи, которыя объявили съ начала, что онѣ выжидали въ это дѣло только ради строгаго соблюденія протокола 1852 года, потомъ требовали личнаго соединенія, и наконецъ, укрывшись за г. Бейста, уполномоченнаго отъ германскаго союза, требовали престола обоимъ герцогствъ для герцога Аугустенбургскаго. Это послѣднее требованіе было заявлено въ засѣданіи 17 мая. Между тѣмъ французское правительство, послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ съ правительствомъ англійскимъ, предложило отдѣленіе Шлезвига на основаніи принципа національности. Это предложеніе было принято Англіею, Швеціею, и съ нѣкоторыми ограниченіями, уполномоченнымъ Россіи. Оно было формулировано системою границъ Шлен и Даншвира. Датское правительство согласилось на установленіе этой границы. Нѣмецкія уполномоченныя, не отвергая принципа отдѣленія, желали, чтобы границею былъ принятъ Апельродъ въ Тондериѣ. Французскій уполномоченный объявилъ, что его правительство всегда видѣло въ смѣшеніи національностей единственную причину запутанности датскихъ дѣлъ; но въ то же время онъ прибавилъ, отъ имени императора французовъ, что къ Даніи какъ къ самой слабѣйшей державѣ, слѣдовало относиться, какъ можно,

*) Это нѣчто нельзя перевести совершенно вѣрно, такъ какъ въ подлинникѣ вся острота основана на чисто французскомъ оборотѣ рѣчи. Тамъ Пальмерстонъ говоритъ: Vous ne connaissez pas l'Anglais.

спиходительнѣе, и что поэтому округи съ смѣшаннымъ населеніемъ надо было оставить за Данією, для того чтобы она имѣла въ нихъ торговую и военную границу. Къ несчастію въ этомъ случаѣ, какъ и во всемъ этомъ дѣлѣ, нѣмецкія государства, вмѣсто того, чтобы раздѣлить справедливый и великодушный взглядъ императора Французовъ, продолжали настаивать на томъ, на что конечно они имѣли бы право, если бы въ соображеніе принималось только право завоеванія, они хвастались своею побѣдою, но не высказали ни великодушія къ государству гораздо болѣе слабому, чѣмъ они, ни желанія сохранить миръ Европы.

«Я долженъ также сказать, продолжалъ Россель, что Данія заявила въ то время ничѣмъ неоправдываемое требованіе, — требованіе, чтобы мы во всякомъ случаѣ гарантировали ей линію Шлеи. Прусскій уполномоченный предложилъ въ видѣ сдѣлки линію отъ Флемсбурга до Тондерна. Датчане не согласились. Тогда-то нейтральныя державы, видя что споранія стороны объ империі принципъ раздѣленія, но не соглашались только въ опредѣленіи границы, предложили третейскій судъ.

«Мой благородный другъ, лордъ Кларендонъ и я, англійскіе уполномоченные на конференціяхъ, убѣдившись въ честности, безпристрастїи и чистосердечїи, высказанныхъ императоромъ Французовъ въ этомъ вопросѣ, а также и въ его желанїи сохранить миръ, думалъ, что объ споранія стороны съ удовольствіемъ примутъ его услуги. Но одинъ изъ уполномоченныхъ возразилъ, что ни одна изъ державъ, преславныхъ своихъ представителей на конференціи, не могла принять на себя обязанность посредника въ рѣшенїи этого спора. Тогда намъ показалось, что эту обязанность можетъ исполнить къ общему удовольствію король бельгійскій, безпристрастіе котораго также вѣдъ известно и долговременная опытность котораго, какъ нельзя болѣе, благоприятствуетъ сохраненію европейскаго мира. Подѣло и не дѣло выбора посредника. Австрія и Пруссія, повидимому принявшія предложеніе, отказались подчиниться рѣшенію суда. Въ то же время, онѣ потребовали продолженія перемирія, продолженія, которое имѣло бы Данію всѣхъ ея морскихъ выгодъ. Что касается до уполномоченнаго германскаго союза, то онѣ пошелъ еще дальше и отказался признавать, какую бы то ни было, посредническую власть. Датевія уполно-

моченные съ своей стороны тоже отвергнули предложеніе и, по мысли мнѣнію, поступили въ этомъ случаѣ весьма неблагоприятно въ весьма неудачно. Тогда французскій уполномоченный сдѣлалъ послѣднее предложеніе—предоставить подачу голоса округамъ съ сѣвернымъ населеніемъ, съ тѣмъ, чтобы нѣмецкія войска предварительно удалились. Датскіе уполномоченные отвергнули и это предложеніе, объявивъ, что ихъ государство было всегда слишкомъ большою жертвою нѣмецкихъ политическихъ обществъ.

«Я долженъ сознаться, что во все время конференцій Франція и остальныя нейтральныя державы оказывали намъ самую дружескую помощь. Въ заключеніе этого отчета мнѣ остается только упомянуть объ одномъ заявленіи Австріи и Пруссіи. Въ немъ сказано, что эти державы не имѣютъ намѣренія отнять у Даніи ни малѣйшаго клочка земли внѣ герцогствъ. Но въ настоящее время мы уже не можемъ отнестись съ полнымъ довѣріемъ къ этому заявленію. Конечно, поведенію двухъ упомянутыхъ державъ вызвано преимущественно общественнымъ мнѣніемъ всей Германіи; но я долженъ съ сожалѣніемъ сказать, что мы уже не можемъ вѣрить ихъ словамъ такъ, какъ вѣрили прежде.

«Теперь, милорды, я перехожу къ нашему собственному положенію и считаю долгомъ изложить парламенту нашъ взглядъ на обязанности и интересы Англіи въ этомъ вопросѣ. Что бы ни говорила Данія, мы никогда не обѣщали ей матеріальной помощи. Три раза мы дѣлали безплодныя усилія, чтобы склонить ее къ принятію предложеній, благопріятствующихъ ея интересамъ. Я не порицаю ее за это, но мы съ своей стороны не можемъ подчинять обязанность, честь и интересы нашего государства требованіямъ, каковой бы то ни было, иностранной державы. Что касается правительства французскаго, то оно еще двадцать четыре часа тому назадъ объявило намъ, что Франція не считаетъ себя обязанною защищать линію Шлеи, что интересъ Франціи не побуждаетъ ее къ участію въ войнѣ по этому дѣлу, и что война съ Германіей была бы очень серьезнымъ дѣломъ. Я полагаю, что если бы эта война окончилась счастливо, то Франція потребовала бы для себя нѣкотораго вознагражденія, а это вознагражденіе непременно возбудило бы чувство зависти во всѣхъ государствахъ Европы и нарушило бы равновѣсіе, существующее въ настоящее время.

«Императоръ французскій—государь замѣчательно мудрый и доказавшій, что онъ придастъ миру Европы большую цѣну. Поэтому ни я, ни правительство ея величества не должны порицать рѣшеніе императора. Но такъ какъ императоръ уже принялъ такую политику, такъ какъ русскій Императоръ также постоянно отказывался присоединиться къ намъ для оказанія Даніи матеріальной помощи, то эти рѣшенія естественно должны имѣть большое вліяніе на наше положеніе.

«Но, во-первыхъ, обязаны ли мы возложить на однихъ себя заботу о сохраненіи европейскаго равновѣсія, въ томъ видѣ, въ какомъ оно было установлено въ 1854 году. Французское правительство очень хорошо видитъ опасности, которымъ Франція подверглась бы, если бы выѣшалась въ это дѣло; но въ то же время оно говоритъ, что для Англіи было бы весьма легко исполнить эту задачу. что Англія, своею морскою силою, могла бы значительно увеличить силы Даніи и помочь ей положить конецъ войнѣ. Многія соображенія приводятъ меня къ совершенно противоположному заключенію.

«Прежде всего я думаю, что мы могли бы сильно пострадать, если бы нашъ коммерческій флотъ былъ подвергнутъ тѣмъ грабительствамъ, которыя могли бы возникнуть въ случаѣ нашей войны съ Германіей. Это—обстоятельство, на которое нельзя смотрѣть съвозомъ пальцы. Но есть еще другія соображенія, гораздо большей важности. Вотъ одно изъ нихъ: положить ли наше вниманіе конецъ войнѣ? безъ помощи нашихъ войскъ будемъ ли мы въ состояніи отнять у Австріи и Пруссіи Шлезвигъ, Гольштейнъ и даже Ютландію?

«Милорды, въ управленіи иностранными дѣлами мы всегда выказывали большую умѣренность, большое терпѣніе, и я полагаю, что мы имѣемъ полное основаніе быть умѣренными и терпѣливыми. Но когда наша честь, или наши интересы, или важные интересы Европы заставляютъ насъ выѣшаться, тогда это вниманіе, по моему мнѣнію, должно быть совершенно серьезно и дѣйствительно, потому что ничто не уменьшило бы вліянія Англіи такъ, какъ тотъ образъ дѣйствій, который показалъ бы, что между тѣмъ, какъ мы властвуемъ на морѣ и никакой австрійскій или прусскій корабль не смѣетъ выйдти изъ своей гавани, — наше вниманіе не можетъ

въ то же время, вопреки нашимъ ожиданіямъ, ни спасти Данію, ни положить быстрый конецъ войнѣ.

«Милорды, парламентъ и государство обязаны хорошо уяснить себѣ положеніе и вліяніе Англіи въ отношеніи къ другимъ государствамъ, потому что у насъ есть много важныхъ интересовъ, происходящихъ изъ различныхъ сношеній и различныхъ договоровъ со всѣми частями свѣта. Есть другія государства, гдѣ наши интересы также могутъ быть сильно затронуты, и гдѣ намъ легко придется когда нибудь отстаивать интересы и честь Англіи.

«Когда окончится, какиимъ бы то ни было способомъ, война, опустошающая въ настоящее время Америку, тогда Соединенные Штаты Америки, или, пожалуй, Сѣверные Штаты будутъ поставлены въ положеніе совершенно противоположное тому, въ которомъ они находились нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Тогда Соединенные Штаты будутъ содержать большое войско и страшный флотъ. Наши сношенія съ этою державою будутъ каждую минуту подвергаться опасности разрыва. Я надѣюсь и вѣрю, что мы останемся въ дружескихъ отношеніяхъ, но нужно, чтобы эти отношенія были согласны съ интересомъ, который представляетъ для насъ удержаніе политическаго равновѣсія Европы. Посмотрите на другія части свѣта; посмотрите, какая огромная торговля развилась въ Китаѣ, гдѣ для охраненія ея мы должны постоянно содержать значительный флотъ.

«Взгляните также на наши громадныя владѣнія въ Индіи, и согласитесь, что наша заботливость о нихъ никогда не должна прекращаться. Поставимъ же на ряду вопросъ войны и вопросъ мира. Если съ одной стороны весьма вѣроятно, что Англія, при помощи своихъ союзниковъ, можетъ вести войну съ успѣхомъ, то съ другой, въ случаѣ отсутствія этой помощи, надо принять въ соображеніе другія случайности; надо ввѣснить наше положеніе по отношенію не только къ Европѣ, но и ко всему, что касается нашихъ интересовъ во всѣхъ частяхъ земнаго шара.

«Не должны ли мы проникнуться этими соображеніями и теперь, когда дѣло идетъ о датскомъ вопросѣ? Мнѣ снажутъ, можетъ быть, что можно составить и другія комбинаціи, и что если мы не можемъ безъ посторонней помощи вести успѣшную войну съ нѣмецкими державами, то все-таки имѣемъ возможность во многихъ отношеніяхъ

навести вредъ этимъ государствамъ и особенно Австріи. По моему мнѣнію, обязанность британскаго правительства — доказать, что оно дорожитъ миромъ гораздо больше, чѣмъ Австрія и Пруссія, и не мечтаетъ похода, который можетъ охватить всёъ часть Европы. Мы скорѣе должны принять всевозможныя мѣры къ тому, чтобы война ограничилась самымъ незначительнымъ ивѣнствомъ.

«Такимъ образомъ, правительство ея величества полагаетъ, что въ этомъ вопросѣ мы должны оставаться въ нашемъ прежнемъ положеніи и сохранять нейтралитетъ въ этой войнѣ. Этимъ я не хочу сказать, что и въ будущемъ не могутъ произойти обстоятельства, которыя заставятъ насъ ивѣннуть либо повседнеіе или составить насъ въ другое положеніе.

«Нѣтъ могутъ возразить еще: значить вы хотите позволить нѣисцкимъ державамъ дѣйствовать, какъ имъ угодно; значить вы остаетесь равнодушны, если онѣ, вопреки своимъ заявленіямъ и обѣщаніямъ, пошлютъ въ Копенгагенъ австрійско-прусскую армію съ явною цѣлю заставить Данию подчиниться условіямъ, клонящимся къ уничтоженію ея независимости?

«На этотъ вопросъ я могу отвѣтить только, что всякое англійское правительство, до тѣхъ поръ, пока оно пользуется довѣріемъ парламента, должно оставлять за собою право свободнаго рѣшенія въ подобныхъ дѣлахъ. Все, что я могу сказать теперь, это — что если правительство сочтетъ необходимымъ принять, какое бы то ни было, опредѣленное рѣшеніе, мы тотчасъ же обратимся къ парламенту, и спросимъ его мнѣнія объ этомъ предметѣ.»

Если резюмировать всю эту рѣчь, то смыслъ ея будетъ вотъ какой: въ насъ существуетъ печальное сознаніе нашей слабости, и ни въ вѣрнѣ ни въ будущности, ни въ кого бы то ни было изъ людей. Будучи чисто морскою державою, мы не имѣемъ силы бороться на материкѣ съ наибольшимъ континентальнымъ государствомъ. Всякая война была бы губельна для насъ вслѣдствіе громадности нашихъ владѣній, для защиты которыхъ мы разсѣяли наши силы по всѣмъ пяти частямъ свѣта. Безъ союза съ Австріей или Франціей мы почти не можемъ назваться европейскою державою. Но съ Австріей мы въ настоящее время въ дурныхъ отношеніяхъ; съ императоромъ французомъ мы тоже не совсѣмъ въ ладу. Если бы мы

были въ союзѣ съ этимъ послѣднимъ и вмѣстѣ съ нимъ одержали побѣды надъ коалиціей, то императоръ Бонапартъ потребовалъ бы для себя вознагражденія на Рейнѣ и въ Бельгій; но ужь пусть лучше Давія пощипнетъ десять разъ, чѣмъ Франція расширить свои владѣнія. Да притомъ, прежде, чѣмъ мы одержали бы эти побѣды, Соединенные Штаты заплатили бы намъ тою же монетою, и ихъ корсары уничтожили бы англійскую торговлю на моряхъ. Но хуже всего то, что мы во всякомъ случаѣ предвидимъ войну съ Соединенными Штатами. Дай Богъ, чтобы они никогда не справились съ мятежными рабовладѣльцами!

Въ сущности, мы нисколько не отрицаемъ политики англійскаго кабинета и не имѣемъ никакого права требовать отъ него высадки въ Шлезвигъ двадцати пяти тысячъ человекъ для того, чтобы они были на голову разбиты 250 т. солдатъ г. Бисмарка. Англія очень хорошо поняла, что дѣло не стоило такого большого риска. Датская монархія, въ ея настоящемъ видѣ, съ новою династією, которая начинается при самыхъ страшныхъ общественныхъ бѣдствіяхъ и за которую народъ слѣдуетъ, но видимому, съ недовѣріемъ и неприязнью, эта датская монархія, съ ея внутреннею слабостью и ея запутанными и противорѣчащими другъ другу династическими интересами, — рѣшительно не стоила, чтобы изъ-за нея затѣляли европейскую войну. Потому-то лондонскій кабинетъ, подавній поводъ къ столькимъ осужденіямъ его образа дѣйствій во время переговоровъ, не заслуживаетъ никакого серьезнаго порицанія за свое окончательное рѣшеніе. Да притомъ, предположивъ даже самый благоприятный исходъ дѣла, мы не можемъ не согласиться, что удержаніемъ цѣлостности датской монархіи дѣло не было бы покончено. Это удержаніе цѣлостности было бы простымъ *coup-de-force*; причина спора все-таки продолжала бы существовать до тѣхъ поръ, пока народъ не провѣнестъ бы своего рѣшенія; а не нужно быть пророкомъ, чтобы догадаться, что въ этой народной вотировѣ лондонскій трактатъ не былъ бы прямо и просто ратифицированъ.

Лорды Россель и Пальмерстонъ почти ничего не говорили о гнусной роли хвастунищи, которую сенъ-жемсвій кабинетъ заставилъ играть Англію; но противники ихъ Дерби и Дизраэли выставили это обстоятельство на видъ съ жестокою ясностью. Этотъ кабинетъ

упрекают не въ томъ, что онъ подвергаетъ государство кровавымъ случайностямъ войны, но въ томъ, что онъ самымъ хвастливымъ тономъ объявлялъ о своемъ намереніи сдѣлать это. Колебаніями, слабостью, постояннымъ хвастовствомъ, кончавшимся трусливымъ отступленіемъ, англійское правительство сдѣлало изъ себя посмѣшище всей Европы. Нѣтъ націи, нѣтъ правительства, которыхъ этотъ тщеславный и брюзгливый Пальмерстонъ, представитель надменной Англійи, не тревожилъ бы и не оскорблялъ, начиная съ 1830 года; и вотъ теперь онъ самъ сдѣлался дряхлымъ и беззубымъ старикомъ; у стараго льва подагра въ лапахъ, и Бисмаркъ можетъ безнаказанно лягать его, Бисмаркъ сдѣлался его господиномъ, Бисмаркъ сталъ теперь такимъ надменнымъ и дерзкимъ, какимъ Пальмерстонъ былъ въ прежнее время. Да, униженію этого стараго фата должно сильно радовать всю Европу!

Первое замѣчаніе, внушаемое намъ послѣдними событіями, состоитъ въ томъ, что Франція и Англія становятся совершенно безсильными государствами, какъ скоро онѣ отдѣляются одна отъ другой. Съ тѣхъ поръ, какъ Пальмерстонъ поссорился съ императоромъ Людовикомъ Бонапартомъ, этотъ послѣдній былъ принужденъ отстраниться отъ дѣйствующей политики и остаться въ нѣкоторомъ родѣ простымъ зрителемъ событий. Съ тѣхъ поръ, какъ императоръ Людовикъ Бонапартъ захотѣлъ мстить своему бывшему другу Пальмерстону, этотъ послѣдній началъ получать оскорбленіе за оскорбленіемъ. Англія почувствовала это и хочетъ, во что бы то ни стало, примириться съ своимъ августѣйшимъ союзникомъ. У нея даже явилась мысль пожертвовать своимъ любимцемъ, Пэромъ, Людовику Бонапарту, и Торіи возбудили страшный вопросъ о переимѣннѣ министерства. Девятаго іюля въ верхнемъ и нижнемъ парламентахъ происходило генеральное сраженіе, въ которомъ Мельсбери и Дизраэли представили каждый осужденіе дѣйствій настоящаго правительства. Въ верхнемъ парламентѣ оно было принято большинствомъ девяти голосовъ, но нижній отвергнулъ его большинствомъ осьмнадцати. Такъ какъ здѣсь побѣда была почти такъ же значительна, какъ и поражение, то, по настоящему, дѣло не кончилось ничѣмъ; но министерская партія запѣла торжественный гимнъ и выказала въ парламентѣ какой-то бѣшенный энтузіазмъ; она кричала ура! пѣла патриотическія пѣсни. бросала шляпы въ воздухъ. «Morning-Post»,

официальный журнал правительства, говорить, что никакое большинство в верхнем парламенте не могло бы перевесить самое ничтожное меньшинство в нижнем, и что, поэтому, большинство голосовъ, полученное правительствомъ, должно считаться приговоромъ всего государства. Это можетъ быть и справедливо, но не совсемъ лестно для перовъ Великобританіи.

Какъ бы то ни было, а настоящее министерство осталось на своемъ мѣстѣ; но существованіе его будетъ весьма проблематично до тѣхъ поръ, пока оно не примирится съ тюльерійскимъ кабинетомъ.

Чтобы не возвращаться болѣе къ голштинскому вопросу, къ этой жалкой комедіи, разыгрываемой европейскимъ квартетомъ, мы приведемъ мнѣніе объ этомъ вопросѣ Карла Фогта. Въ апрѣльской книжкѣ «Русскаго Слова» мы упоминали вскользь о брошюрѣ этого знаменитаго публициста; теперь считаемъ не лишнимъ ближе познакомиться читателей съ его политическимъ взглядомъ.

Фогтъ не, выказываетъ особеннаго сочувствія къ шлезвигъ-голштинскому дѣлу. «Говоря правду, пишетъ онъ, этотъ вопросъ возбуждалъ во мнѣ такое отвращеніе, въ какомъ стыдно признаться мыслящему человѣку. Чѣмъ болѣе газеты и журналы наполнялись обсужденіемъ его, тѣмъ болѣе сердилъ меня неясность плановъ и желаній всѣхъ партій, и тѣмъ болѣе отдѣлялся я отъ всѣхъ партій и не соглашался ни съ одной изъ нихъ. Я не могъ раздѣлять ни преувеличенную ненависть къ датчанамъ, ни чрезмѣрную любовь къ покинутымъ соотчичамъ; не могъ убѣдиться ни въ справедливости и государственной мудрости лондонскаго договора, ни въ безукоризненной чистотѣ аугустенбургскаго дѣла; не удавалось мнѣ также составить себѣ ясное понятіе о вмѣшательствѣ промысла въ это дѣло; наконецъ я не могъ не открыть въ большинствѣ союзнаго сейма скалу, на которой покоится надежда Германіи, ни отыскать въ палатахъ и народѣ ту энергическую силу, которая ведетъ къ побѣдѣ.»

«До сихъ поръ, говоритъ Фогтъ далѣе, я ничего не писалъ по этому дѣлу, и довольствовался только ролью отдаленнаго зрителя; я все ждалъ *дыла*, которое должно было распутать хаосъ, ждалъ молніи, долженствовавшей разсѣять темноту... Теперь, сколько мнѣ кажется, молчать больше не слѣдуетъ. Какая-то великая опасность,

по надпису, готова разразиться надъ Европою. Со всѣхъ сторонъ движутся массы, съ цѣлью превратить относительно свободныя и небольшія государства въ большія военныя державы, въ которыхъ не существовало бы другаго права, кромѣ права желѣза, и никакой свободы, кромѣ свободы мечъ.

«Австрія существуетъ еще только въ своей арміи; Пруссія хотѣлось бы существовать только посредствомъ своей арміи; Франція существуетъ только для своей арміи.

«Настоящее время—время несравненнаго варварства. Тысячи людей гонятъ на бойню, не изъ-за какой нибудь идеи, или даже безумной мечты, а просто изъ постыдной жажды убійства и приключеній, для того только, чтобы испытать свою силу... Воюющія стороны хвастаются своими убитыми, ранеными, замершими, хвастаются новозобрѣтенными пушками и панцирными фрегатами.

«Пора, давно пора положить предѣлъ такому образу дѣйствій. Единственное средство успѣть въ этомъ заключается, по моему мнѣнію, въ томъ, чтобы разбить одну военную державу, нейтрализовать другую и поставить преграды третьей.»

За тѣмъ Фогтъ говоритъ о томъ, что ближайшею цѣлью всякой либеральной европейской политики ему представляется Германія, какъ единое и нераздѣльное государство, безъ примѣси всѣхъ чужеземныхъ элементовъ; естественно, что при этомъ онъ съ негодованіемъ вспоминаетъ объ Австріи, которую называетъ «тормазомъ національнаго развитія народовъ», «чистымъ отрицаніемъ всякаго прогресса», и при этомъ высказываетъ мысль, что идеаль единой Германіи до тѣхъ поръ не осуществится, пока она не избавится отъ тяжкаго австрийскаго гнета.

Съ такимъ же негодованіемъ говоритъ онъ, объ апатичности нѣмцевъ, ничего недѣлающихъ для своего избавленія и ограничивающихся только словами и мыслями, въ то время какъ ихъ противники дѣятельно работаютъ. Эти противники—Австрія и Пруссія.

Отъ этихъ общихъ разсужденій, составляющихъ какъ бы предисловіе ко всему сочиненію, Фогтъ переходитъ къ разбору собственно шлезвигъ-голштинскаго вопроса. Остроумно и фактически доказываетъ онъ слѣдующія положенія: 1) шлезвигъ-голштинскій вопросъ не есть

вопросъ свободы; 2) онъ не есть вопросъ единства; 3) онъ не есть вопросъ величія и могущества Германіи; 4) онъ не есть вопросъ законности; наконецъ 5) онъ не есть вопросъ права.

Какой же это вопросъ? спроситъ читатель. На это Фогтъ отвѣчаетъ положеніемъ: «шлезвигъ-голштинскій вопросъ есть вопросъ національности» и развиваетъ это положеніе слѣдующимъ образомъ:

«Здѣсь дѣло идетъ не о томъ, какая линія должна царствовать— мужская или женская; не о томъ, что датчане нарушили конституцію, не исполнили своихъ обѣщаній, пустили на вѣтеръ свои международныя обязанности; не о рѣшеніи вопроса—съ чѣмъ, на основаніи писаннаго права, долженъ быть неразрывно соединенъ Шлезвигъ: съ Голштиніей или съ датскою монархіей;—здесь все дѣло идетъ просто о томъ, должно ли нѣмецкое племя оставаться подъ датскимъ господствомъ, или слѣдуетъ ему освободиться отъ этого господства на основаніи свободнаго рѣшенія народа (Selbstbestimmung)?

«Убѣрайтесь съ своими договорами, протеклами, нотами, наследственными притязаніями и всѣмъ хламомъ прошедшихъ столѣтій и настоящаго времени! Всѣ эти бумажные документы ходятъ вокругъ сущности дѣла, какъ кошка вокругъ горячей каши; они не входятъ въ самую суть; они не касаются сердца народа!

«На основаніи нѣмецкаго государственнаго права, на основаніи конституціи и границъ германскаго союза, этотъ послѣдній не можетъ имѣть на Шлезвигъ никакихъ притязаній... Но попробуйте растолковать это нѣмецкому народу, убѣдить его въ этомъ. Вы встрѣтите глухихъ людей, которые рѣшительно не поймутъ васъ, какъ не поняли бы итальянцы, если бы вы стали объяснять имъ, что они не могутъ ничего требовать въ Венеціи... Нѣмецкій народъ чувствуетъ только одно: что тамъ на сѣверѣ, по обѣимъ сторонамъ Эйдера, выработалась озлобленная національная ненависть; что датчане, во что бы то ни стало, хотятъ удержать свое господство, какъ ни ненавистно оно нѣмцамъ; что тамъ живутъ нѣмцы, которые желаютъ, во что-бы то ни стало, освободиться отъ этого господства... Здѣсь Германія! Тамъ Данія! Таковъ единственный кликъ, раздающійся громче всѣхъ прочихъ и мало по малу усилившійся до такой степени, что за нимъ ничего другаго не слышно!

«Многіе ли изъ сорока милліоновъ нѣмцевъ не сознаются открыто, виѣсть съ англійскимъ министромъ торговли Мильнеромъ Гибсономъ и государственнымъ секретаремъ Лейардомъ, что они ничего не понимаютъ въ запутанностяхъ этого спорнаго шлезвигъ—голландскаго дѣла.

«Но за то и въ палатахъ и въ хижинахъ — въ хижинахъ еще лучше, чѣмъ въ палатахъ — всѣ понимаютъ, что тамъ нѣмецкіе солдаты терпятъ нужду и лишения, что у нихъ отняли все, что только можно отнять у человека — ихъ обычай, языкъ, ихъ духовное наслѣдство, словомъ ихъ національность; что невозможно терпѣть долѣе такую несправедливость и что помощь должна быть оказана, во что бы то ни стало!

«Мы можемъ быть неправы во всѣхъ отношеніяхъ, въ государственнои, политическомъ и юридическомъ притязаніи на Шлезвигъ; мы можемъ быть неправы въ глазахъ всѣхъ юристовъ, всѣхъ политиковъ, всѣхъ государственныхъ людей, всѣхъ правительствъ; но въ одномъ пунктѣ мы сохраняемъ наше полнѣйшее, священнѣйшее, неотчуждаемое и неотъемлемое право — въ пунктѣ національности!

«Наше происхожденіе, все наше внутреннее бытіе, наше прошедшее и наше будущее налагаютъ на насъ обязанность употребить всѣ силы на защиту нѣмцевъ въ Шлезвигъ—Голландіи, отторгнуть ихъ отъ датской монархіи, поставить на самостоятельную ногу и включить въ союзъ нѣмецкихъ государствъ.

«Это единственная статья нашего неписаннаго протокола, на который мы опираемся, единственная грамота, которую мы можемъ выставить на видъ.

«Черное знамя развѣвалось во всей Германіи конечно не изъ-за аугустенбургскаго принца или Безелера и его товарищей; не ради ихъ подымали его на всевозможныхъ празднествахъ... Нѣтъ, гдѣ бы оно ни появлялось, вездѣ оно было символомъ подавленной германской національности, вездѣ оно призывало нѣмецкій народъ вырваться изъ своего безсилія и раздробленія и оказать могущественное сопротивленіе датчанамъ. При каждомъ появленіи этого знамени, въ сердцѣ каждаго хорошаго человека начинало шевелиться, точно грызущій червякъ, горькое сознаніе великой вины, которую Германія навлекла на себя вслѣдствіе собственной слабости и внесла, черезъ

посредство своихъ правительствъ и племень, въ слѣдующемъ толстую книгу своихъ униженій еще новое униженіе.»

Въ томъ обстоятельствѣ, что въ шлезвигъ—голландскомъ вопросѣ главную роль играетъ нунуть національности, Фогтъ видитъ причину нѣкоторой симпатіи иностраннхъ державъ къ нѣмцамъ.

«Огромный капиталъ ненависти противъ насъ—говоритъ онъ—до сихъ поръ еще приноситъ проценты у чужеземныхъ народовъ. Начало этой ненависти относится къ тому времени, когда мы господствовали въ Европѣ и опроекидывали все нашими желѣзными кулаками и дикими ландскнехтами. Эта ненависть сохраняется вездѣ, гдѣ нѣмецъ продолжаетъ господствовать. — Венгерець крутить усы и бречить саблюю, когда при немъ говорятъ о Германіи и нѣмцахъ, желающихъ лишить его старыхъ правъ и дать въ замѣнъ ихъ шаткую конституцію. Италия снова восклицаетъ: «смерть нѣмцамъ!» и употребляетъ послѣднія усилія на борьбу съ Австрією. Данія сражается «кровью и желѣзомъ» съ насиліемъ и высокомеріемъ нѣмцевъ.

«Самая большая доля этой ненависти надаетъ на Австрію, самая меньшая—на Пруссію.

«Гдѣ мы не господствуемъ, тамъ насъ если не любятъ, то по крайней мѣрѣ уважаютъ. Нѣмецкое прилежаніе, нѣмецкая ученость, нѣмецкая энергичность пользуются за границей хорошою славой. Гдѣ мы господствуемъ, тамъ наша власть падаетъ съ каждымъ днемъ; Гдѣ мы стоимъ на-равнѣ съ прочими гражданами, тамъ наше вліяніе усиливается съ каждымъ годомъ. Гдѣ мы подавляемъ національность, тамъ насъ чуждаются и ненавидятъ; гдѣ мы вырабатываемъ нашу національность на почвѣ свободы и равноправности, тамъ насъ поддерживаютъ и одобряютъ.

«За границею датско-нѣмецкій вопросъ возбуждаетъ чувство состраданія.

«Повсюду—слышите-ли ли, повсюду!—въ Швейцаріи, Итали, Франціи и Англии, пробудились симпатіи къ отважному, маленькому народу, который мужественно возсталъ противъ колоссовъ и защищаетъ свои, дѣйствительныя или воображаемыя, права... Симпатія къ слабому, ставшему противъ сильнаго, къ карлику, борющемуся съ великаномъ, проявляется всюду... Не убьете вы вашими наслѣд-

ствепенными правами, толками о законности и юридическими диспутами...

«Докажите многимъ народамъ, что вы не желаете ничего большаго, но за то и ничего меньшаго, какъ освобожденія вашихъ нѣмецкихъ соплеменниковъ изъ пады датскаго владычества, — что вы деретесь не за бумаги и пергаменты, а за людей и братьевъ, — и эти народы станутъ рукоплескать вамъ; докажите имъ, что для васъ одно нѣмецкое семейство, которому навязываютъ датскія школы, датское право и датскіе молитвенники, — значитъ больше, чѣмъ цѣлая библіотека договоровъ отъ древнѣйшаго до нынѣшняго времени, и вамъ крикнуть: «Впередъ! освобождайте вашихъ соотечей!» Не попробуйте не дѣлать этого, попробуйте, точно выслушкія выучныя животныя, тащиться съ цотами, протоколами, мѣшьями, выводами и меморандумами о дѣйствительности или ничтожности договоровъ, — чѣмъ болѣе высокія горы юридическихъ тезисовъ будете вы наваливать, тѣмъ искреннѣе всѣ будутъ желать, чтобъ датчане колотили васъ по щекамъ.

.....

«Для Голштиніи вопросъ національности совпадаетъ съ вопросомъ государственнаго права. Никто не оспариваетъ компетентности союза; Врангель конечно не заботится объ этомъ, но не смотря на сопротивленіе союзныхъ комиссаровъ, занимаетъ тѣ голштинскія мѣста, которыя находятъ удобнымъ занять...

«Но для Шлезвига этотъ вопросъ является совсѣмъ въ иномъ видѣ. Это нѣмецкій вопросъ — восклицаетъ союзный сеймъ — потому что Шлезвигъ нераздѣльно соединенъ съ Голштиніею. Это датскій вопросъ — отвѣчаетъ Копенгагенъ — потому что Шлезвигъ не принадлежитъ къ германскому союзу. Это международный вопросъ — говорить Англія — потому что договоръ 1852 г. — актъ международный.

„Кто изъ нихъ правъ? — Никто.

„Кто неправъ? — Всѣ.“

Таковъ основной взглядъ знаменитаго естествоиспытателя на политическій вопросъ, занимающій въ настоящее время всю Европу. Вторую часть его брошюры составляетъ обзорніе роли, которую играютъ въ шлезвигъ-голштинской борьбѣ иностранцы и нѣмецкія державы. Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ, къ сожалѣнію,

остановиться на этомъ отдѣлѣ, почему мы и перешли къ заключительному слову, въ которомъ авторъ предлагаетъ весьма рациональный способъ рѣшенія этого запутаннаго дѣла. По его мнѣнiю, разрѣшить его можно только примѣненiемъ принципа свободной и общей подачи голосовъ и принципа національности.

«Запутанность всего вопроса, говоритъ онъ, произошла отъ того, что на эти принципы не обратили никакого вниманiя. Датчане побрали національныя права на югѣ точно такъ же, какъ нѣмцы на сѣверѣ.

«Лордъ Пальмерстонъ уже въ 1848 г. предложилъ единственно-разумное разрѣшенiе этого спорнаго вопроса. Это было гениальное предложенiе, и оттого-то его не поняли ни профессора, ни датчане, ни государственные люди другихъ земель.

«Раздѣлите землю, говоритъ Пальмерстонъ, по національностямъ. Дайте нѣмцамъ нѣмецкое, а датчанамъ — датское, и оставьте въ покоѣ Европу, у которой есть болѣе важныя дѣла.

«Въ болѣе обширной формѣ это — единственное рѣшенiе, которое не принесетъ никому вреда.

«Очистите Шлезвигъ отъ всякой военной силы и оставьте нѣмцевъ у Эйдера, датчанъ у Коедигсау. Потомъ пускай беспристрастные комиссары, подчиненные центральной комиссiи, составленные изъ всѣхъ участвующихъ въ дѣлѣ, изъ всѣхъ великихъ державъ, собираютъ голоса по всѣмъ округамъ и спрашиваютъ: Датчане, желаете ли вы принадлежать датскому королю! Нѣмцы, желаете ли вы принадлежать Германiи? Какимъ хотите вы видѣть Шлезвигъ? Единнымъ или раздѣленнымъ.

«Соберите голоса во всѣхъ округахъ, проведите на картѣ черту и поставьте пограничныя столбы.

«Потомъ собирайте голоса въ той части, которая хочетъ остаться нѣмецкою, и спрашивайте, чего она хочетъ: герцога Фридриха? Личнаго союза и короля Христиана? Полной независимости? Прусскаго господства? И что народъ рѣшитъ большинствомъ голосовъ, то утвердите вашею печатью.

«Мы твердо убѣждены, что такое рѣшенiе, единственно-рациональное и возможное, вызоветъ одобренiе нроземныхъ державъ. Мы

точно так же твердо убеждены, что его не одобрить Пруссія и Австрія; что имъ за дѣло до воли жителей страны?

«Уровень міе могущества народа, такъ заключаетъ свою брошюру авторъ, конечно великая вещь, но не величайшая. Первое и важнѣйшее дѣло заключается во внутреннемъ счастьи, свободномъ государственномъ устройствѣ, возможности свободного примѣненія къ дѣлу всякой способности. Первое условіе для достиженія этой цѣли заключается въ исполненіи требованій національности. Народы погибли не отъ ошибочнаго установленія границъ своего государства, но отъ внутреннихъ болѣзней, отравлявшихъ здоровые соки.»

Въ то время, когда мы дописывали эти строки, датская война началась съ новою силою. Въ тотъ самый часъ, какъ окончилось перемиріе, пруссаки двинулись въ походъ. Два дня спустя, они собрали значительное число шляпокъ и частью вслѣдствіе нечаяннаго нападенія, частію по причинѣ своего численнаго превосходства, взяли островъ Альзекъ. Датчане потеряли множество пушекъ и тысячу четыреста человѣкъ убитыми и ранеными. Эта битва была сухая рѣзня. Пруссаки потеряли весьма мало людей. Въ продолженіе осьми дней нѣмецкіе журналы только и толковали, что о взятіи Альзекса, какъ будто это былъ такой военный подвигъ, какого не видѣли со времени Ватерлоо, Дейцига и осады Трон. Датчане, желая вознаградить себя за потерю, тоже попытались сдѣлать высадку, но она не удалась имъ. Надо сказать правду, эта борьба слишкомъ неровная; датчане не только сильно уступаютъ непріятелю числомъ, но и все оружіе у нихъ сильно отзывается стариною, да и въ стратегическомъ искусствѣ они сильно отстаютъ. До этихъ поръ они имѣли еще нѣкоторое превосходство на морѣ, но теперь и это преимущество ослабѣваетъ съ каждымъ днемъ. Король Вильгельмъ, болѣе богатый чѣмъ Христіанъ IX, покупаетъ рабовладѣль-

чекіе корабли, отъ которыхъ очень желаютъ избавиться ихъ бордоскіе, нантскіе и ливерпульскіе собственники и объявляетъ, что будетъ еще продолжать эту покупку на вероляхъ Англіи и Соединенныхъ Штатовъ.

Датчане вообразили себѣ еще, что на ихъ островахъ будетъ произведено общее нападеніе съ участіемъ русскаго флота. Эти бѣдные датчане конечно преувеличиваютъ себѣ ужасъ своего положенія. Партія, требовавшая войны, пришла въ совершенное уныніе, что весьма понятно. Король Христіанъ кидается во все стороны съ мольбами. Онъ умоляетъ королеву Викторію прислать ему англійскую флотилію, но не противъ пруссаковъ, а для устрашенія его собственныхъ подданныхъ, а также и для того, чтобы въ крайнемъ случаѣ онъ могъ укрыться подъ британскій флагъ. Королева Викторія сильно ободрала его—уступить, и обѣщала свою помощь противъ жителей Копенгагена. Христіанъ умоляетъ императора Бонапарта и проситъ у него неизвѣстно чего. Онъ умоляетъ короля прусскаго, императора австрійскаго и императора русскаго. Онъ отправилъ къ нимъ своего младшаго брата, Іоанна глюгбургскаго, вѣроятно для того, чтобы просить у нихъ присоединенія всего датскаго королевства къ германскому союзу. Это хуже, чѣмъ утопія, это соединеніе неслѣпости, это дѣло нравственно невозможное, какъ для Германіи, такъ и для Дании. Христіанъ былъ несчастнымъ королемъ; но быть сверхъ того еще неловкимъ, это ужъ слишкомъ.

«Morning-Post», органъ Пальмерстона, вдругъ удивилъ политическій міръ обнародованіемъ переписки, которая будто бы происходила между уполномоченными министрами Берлина, Вѣны и Петербурга, и содержаніе которой составляютъ переговоры о возобновленіи священной коалиціи. Такъ какъ подложность этихъ документовъ доказана, то мы и не рѣшаемся выписывать здѣсь ихъ текстъ, занимающій нѣсколько страницъ.

Не смотря на ясны доказательства подложности этих документов, «Morning-Post» начинает еще энергичнѣе доказывать подлинность своихъ документовъ и даже публиковать возмѣ. Какъ—спрашивала эта газета—вы можете сомнѣваться въ томъ, что опровергаетъ г. Бисмаркъ? Въ гостиной самого лорда Пальмерстона, прусскій посланникъ Бернсдорфъ сдѣлалъ сдѣлу главному редактору «Morning-Post»; Пальмерстонъ присутствовалъ при этомъ маленькомъ скандалѣ и, улыбаясь сказалъ графу Антони: «Въ чему столько шуму и волненія, если эти документы вымышлены?»

О Франціи почти нечего сказать въ минувшемъ мѣсяцѣ. Крупнѣйшими событіями были отставка Ренана и выборы въ генеральныя совѣта.

Ренанъ былъ профессоромъ въ Collège de France, то есть въ томъ мѣстѣ, которое считается главнымъ утѣшителемъ свободной мысли; аудиторію его составляли не дѣти, а люди развитые, наши будущіе мыслители и философы. А между тѣмъ, за одну фразу сказанную имъ, ему запретили читать лекціи...

Это надѣлало много шуму или, говоря вѣрнѣе, скандалу. Чтобы оправдать себя, Ренанъ написалъ свое извѣстное сочиненіе... Недавно, въ одно прекрасное утро, Ренанъ съ большимъ удивленіемъ прочелъ въ Монитерѣ, что вслѣдствіе нѣкоторыхъ экономическихъ соображеній онъ уволенъ отъ званія профессора еврейскаго языка и переведенъ на должность помощника какаго-то бібліотекаря.

Ренанъ гордо отвѣчалъ: Я не подавалъ отставку, слѣдовательно все еще продолжаю считать себя профессоромъ въ Collège de France. Я не желаю подавать въ отставку. Если вы хотите избавиться отъ меня, то можете прямо отрѣшить отъ службы. Что касается до наделения, которое я получалъ, то я могу весьма легко зарабатывать его также хорошо, давая уроки еврейскаго языка. Впрочемъ, мало-

ванье для меня последняя вещь въ моемъ профессорствѣ, и я охотно отказываюсь отъ него.

На другой день появился императорскій декретъ, отрѣшавшій Ренана отъ службы, «за распространѣнiе ученiя, оскорбляющаго христіанскiя вѣрованiя и могущаго повлечь за собою весьма печальныя волненiя».

На мѣсто его избранъ правительствомъ бездариѣйшій еврей Мюнхъ. Господи! до чего только мы не дожили. Тьеръ либеральничаетъ, Морни корчатъ изъ себя государственнаго человѣка, одинъ отставной жандармъ, выгнанный изъ службы, приглашается быть редакторомъ правительственной газеты—и наконецъ Абд-ель-Кадеръ дѣлается свободнымъ мыслителемъ; онъ недавно ѣздилъ въ Александрію для поступленiя въ общество фран-масоновъ; церемонiя этого принятiя совершилась 18 іюня въ ложѣ Пирамидъ. Абд-ель-Кадеръ фран-масонъ! Абд-ель-Кадеръ свободный мыслитель! Онъ, который былъ олицетворенiемъ исламизма и во время своей борьбы съ Франціею называлъ себя «истребителемъ христіанскихъ головъ ради любви къ Богу!» Фактъ въ самомъ дѣлѣ замѣчательный!

Выборы въ генеральныхъ совѣтахъ имѣютъ важность скорѣе мѣстную, чѣмъ политическую. Но ихъ все-таки нельзя пройти молчанiемъ. На этотъ разъ правительство хотѣло, во что бы то ни стало, избѣжать пораженiя, и для этого употребило всѣ средства, чтобы кандидатами были орлеанисты, легитимисты и даже люди умѣренной оппозиціи, имѣвшіе большіе шансы на успѣхъ. Такимъ образомъ департаментскіе выборы были почти вездѣ лишены политическаго интереса, и всѣ усилiя газетъ воспламенить Францію въ этомъ вопросѣ остались тщетными. Понятно, что органы правительства начали громко правозглашать о будто бы одержанной побѣдѣ.

Въ Италiи нѣтъ ничего особенно новаго. Въ Венеціи австрiйская полицiя арестуетъ адвокатовъ и инженеровъ; въ Падуѣ студенты уни-

верситета, собравшіеся по приглашенію ректора, были разогнаны штыками слишкомъ услужливыхъ солдатъ. Министръ финансовъ предалъ государственныя желѣзныя дороги и, если вѣрить его словамъ, на весьма выгодныхъ условіяхъ; но такъ какъ эти условія еще никому неизвѣстны, то многіе сильно сомнѣваются въ ихъ выгодности. Ратацци попытался было свергнуть министерство Мингетти-Перуцци, но попытка его окончилась весьма смѣшною неудачею. — Гарибальди живетъ на островѣ Искія и лечитъ тамъ свою большую ногу; его пріѣздъ доставилъ огромную радость Неаполю и большую досаду правительству г. Ланарморы.

Любопытное явленіе происходитъ въ настоящее время въ Бельгіи. Въ палатѣ партій католико-реакціонерная и либерально-министерская почти равны другъ другу по числу голосовъ, если не считать небольшого большинства въ пользу кабинета. Католики употребляютъ странный маневръ: они систематически не посѣщаютъ засѣданій. Въслѣдствіе этого палата, не имѣя въ наличности достаточнаго числа членовъ, не можетъ постановлять ни одного рѣшенія, и государство лишено конституціоннаго представительства. Сильное раздраженіе съ обѣихъ сторонъ.

Въ Нидерландахъ въ послѣднее время происходили выборы для перешвы половины членовъ второй палаты генеральныхъ штабовъ.

Выборы эти окончились благоприятно для либеральной партіи, большинство членов которой было избрано вновь. Но въ Гартъ либеральная партія потерѣла поражение, вслѣдствіе союза кальвинистовъ и іезуитовъ.

Съ театра сѣверо-американской войны, по прежнему, доносятся самыя утѣшительныя извѣстія — о побѣдахъ свободныхъ людей надъ рабовладѣльцами. Негры эманципируютъ себя и переходятъ на стороны своихъ защитниковъ. Одинъ корреспондентъ нью-іоркской газеты «Tribune» сообщаетъ слѣдующія интересныя подробности о солдатахъ-неграхъ, о ихъ способностяхъ, военныхъ обычаяхъ и т. п.

«Негры одѣваются очень чисто и несутъ военныя обязанности съ полною охотою. Они такъ глубоко чувствуютъ святость борьбы за свои человѣческія права, если не за свою, то за свободу своихъ дѣтей, женъ и отцовъ, что готовы повиноваться всякому приказанію, какъ бы оно ни было тяжело; ихъ не смущаетъ ни бремя службы, ни опасность постовъ, на которые ихъ назначаютъ. Я видѣлъ ихъ на аванпостахъ, когда, опершись бронзовымъ лицомъ на стволы своихъ мускетовъ, они устремляли въ чашу густаго лѣса взглядъ, полный мужественной энергіи. Я видѣлъ ихъ въ походѣ, когда они шли тѣсными рядами и эластическимъ, сильнымъ шагомъ, представляли рѣшительную противоположность вялой и нерѣшительной походкѣ нашихъ ветерановъ. Лучше всего они любятъ сторожить пѣнниковъ. Эту обязанность они исполняютъ съ примѣрнымъ усердіемъ, и являются необыкновенно гуманными въ отношеніи тѣхъ пѣнниковъ, которые не были особенно жестоки къ цвѣтному населенію... Послѣ нѣсколькихъ уроковъ, негръ становится отличнымъ солдатомъ; послушаніе и строгая дисциплина вошли у него въ обычай; но когда его раздражаютъ, онъ дѣлается свирѣпымъ, какъ русскій солдатъ или французскій зуавъ».

Замѣчательно, что со времени войны цѣна рабовъ сильно упала въ Соединенныхъ Штатахъ. Такъ на дняхъ въ Фредерикъ (Мэрилендъ) осьмилѣтняя дѣвочка была куплена за 5 франковъ и 40 сан-

тимовъ (т. е. за 1 р. 35 к.); женщина за 81 франкъ, мать съ пятилѣтнимъ ребенкомъ за 135 франковъ.

Но не дешево достается свобода бѣдныхъ рабовъ. Только одна американская республика и можетъ вынести тѣ громады потери, которыя повлекла за собою эта продолжительная и кровопролитная война. Долгъ Соединенныхъ Штатовъ къ 1 мая 1864 года обнаруженъ въ слѣдующемъ видѣ: сумма долга съ процентами, погашаемаго золотомъ — 812,836,163 доллара; проценты — 49,472,715. Сумма долга съ процентами, погашаемаго ассигнаціями — 404,191,935 долларовъ; проценты — 22,109,430. Сумма долга безъ процентовъ 509,220,314 долларовъ. Итогъ ежегодныхъ процентовъ — 71,582,145; итогъ долга капитальнаго — 1,726,248,412 долларовъ, считая долларъ по 1 р. 25 к. Судя по этому итогу, можно было бы подумать, что страна разворена, кредитъ подорванъ и бѣдность всеобщая. Но ничего подобнаго не случилось. Напротивъ, богатство страны остается неизстощимымъ, дѣятельность народа кипитъ съ прежнею силою и кредитъ въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Американскій работникъ и солдатъ живутъ гораздо лучше, чѣмъ многіе нѣмецкіе и французскіе чиновники. Слѣдовательно истощить свободный народъ невозможно, потому что сила и богатство его заключаются прежде всего въ самой его свободѣ. За нее-то онъ такъ долго и такъ мужественно борется.

ДОМАШНЯЯ ЛѢТОПИСЬ.

Новые трехлѣтніе выборы членовъ крестьянскихъ учреждений. — Характеристика дѣятельности этихъ учреждений въ прошлое трехлѣтіе. Что препятствовало ихъ полному успѣху. — Искусственная организація волостей и неудачные выборы. — Волостные суды и ихъ дѣятельность. — Какое значеніе должны имѣть „обычай“ при рѣшеніи крестьянскихъ дѣлъ. — Взглядъ „Русскаго Вѣстника“ на волостные суды и выводъ, который онъ дѣлаетъ отсюда о необходимости подчинить крестьянъ чиновничей опека. — Дѣйствительно ли правъ „Русскій Вѣстникъ“, въ этомъ отношеніи. — Заключительное слово о крестьянскихъ учреждениях. — Ректоръ харьковскаго университета и его выводы. — Характеристика судебной и административной дѣятельности нашихъ университетовъ. — Причина непопулярности и вѣстои въ русской университетскій коллегіи.

Въ шестнадцатомъ году предстоятъ новые выборы сельскихъ властей на слѣдующее трехлѣтіе. Трехлѣтняя практика нагляднымъ образомъ убѣдила крестьянъ въ серьезномъ значеніи этихъ выборовъ. Если практика эта была не всегда удачна, если дѣятельность волостныхъ судовъ и сельскихъ властей не можетъ быть освобождена отъ всякихъ упрековъ, то неудача эта нисколько не подрываетъ разумныхъ началъ сельскаго самоуправленія и не доказываетъ, что крестьяне не желаютъ имѣть свой судъ, какъ силится доказать нѣкоторые журнальные органы. И ожидаемое гласное судопроизводство, и судъ присяжныхъ могутъ на первыхъ порахъ не принести той громадной пользы, какую мы имѣемъ право ожидать отъ нихъ, если объ руку съ этими новыми началами будутъ существовать нѣкоторые старыя условія, деморализующія ихъ значеніе и смыслъ. Но все-таки изъ этого нельзя дѣлать выводовъ, что закрытое судопроизводство лучше гласнаго. Если данное крестьянамъ самоуправленіе не принесло ожидаемыхъ результа-

товъ въ первое трехлѣтіе, или если результаты эти не вездѣ были одинаково хороши; то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что самое начало самоуправленія есть начало вредное, что крестьянинъ ищетъ какую-то нѣжную привязанность къ канцелярскому суду.

Недостатки крестьянскихъ учрежденій въ большей части случаевъ совершенно случайные и рѣшительно не даютъ права утверждать, что крестьянская самодѣятельность не удалась, что крестьяне не видятъ никакой пользы отъ волостныхъ судовъ и что самые волостные суды обратились въ канцелярію, лишенная всякаго самостоятельнаго характера. Если самоуправленіе крестьянъ дѣйствительно представляетъ нѣкоторыя неудовлетворительныя стороны, то причиною этого служило вѣрное право, которое на первыхъ порахъ должно отразиться невыгодно на волостныхъ судахъ. Оно никакъ не могло содѣйствовать правильному развитію народа, оно лишило его всякой возможности воспитать въ себѣ уваженіе къ личному и общественному праву. Экономическія условія, отношенія къ помѣщикамъ, частнымъ лицамъ и государству, словомъ, весь строй жизни спутывали ихъ понятіе о правѣ, потому что самъ крестьянинъ не пользовался никакимъ правомъ. Онъ отбывалъ барщину, вносилъ оброкъ, исполнялъ множество повинностей, но правъ не имѣлъ никакихъ, а совершенно зависѣлъ отъ произвола помѣщика. Крестьянина судилъ всякій, кто только хотѣлъ: его судилъ помѣщикъ, управляющій, конторщикъ, бурмистръ, староста, барскій лакей, барская эконома и т. д.; словомъ, судилъ всякій, кто только хотѣлъ, и тутъ же безапелляционно приводилъ своей приговоръ въ исполненіе. Очевидно, что при такомъ состояніи, систематическое нарушеніе правъ крестьянина, уровень его правоведенія не могъ стоять очень высоко, и въ немъ не могло развиться чувство уваженія къ праву вообще, которое представлялось ему чѣмъ-то тяжелымъ, насильственнымъ, произвольнымъ. Крестьянинъ не имѣлъ ни родины, ни собственности, ни семейства.

Крестьянинъ имѣлъ лишь даже самаго простаго права, — право выбрать трудъ по своимъ силамъ и средствамъ. И тутъ помѣщикъ являлся съ своимъ несправедливымъ често: огородинна дѣлалъ мѣшаникомъ, воздѣлыва — садовникомъ, кузница — сторожемъ и т. д. Онъ самъ видѣлъ одного помѣщика, который съ восторгомъ разсказывалъ о своей артистической выдумкѣ, заключавшейся въ томъ, что

у него всё лучшее: башки чернорабочие, всё лучшее — рижие, всё лучшее — сибиряки, всё лучшее — якуты.

Наше, наше богатство, промышленники, придумывали подобия экономических реформ из более обширных рамок: 'большому кораблю большое и плавание'. Вдруг кому-нибудь приходит на мысль развить в смысле наследственных вотчинах ремесла, и вот пишутся строжайшие приказы в вотчинные конторы: рябенскую деревню сделать зимовниками, сибирскую — пашниками, тамбовскую — отгородниками, грабарями и т. д. Через несколько лет, из призыву реформатора, вотчинники действительно являются ремесленниками.. Вот тут-то заключается главная причина, почему, не смотря на способность русского человека из учения и ремесла, у нас 'большинство ремесленников' не отому неведомы.

Вот и некоторая общия черты из башки крепостного крестьянина к то время, когда ему даны башки свободные права и введено новое начало самоуправления. Очевидно, что успехи этого нового учреждения, конечно некоторые недостатки с одной стороны дѣла, на которые мы укажем ниже, главным образом обуславливались общественным, экономическим и нравственным положением той среды, для которой предназначалось самоуправление и которая должна была дать ему деятелей. Наше не видя, крепостное право не столько не благоприятствовало образованию из среды своей независимых и самостоятельных людей; но крайней мѣрѣ, на первом пораке вѣдѣно это должно было страдаться особенно неблагоприятно. Такъ действительно и случилось. Было вѣдѣно слышно, когда выборы обнаруживали желѣвное замешательство среди сорванных обязанностей, подталкились провинному волостным писарей, большому числу поступающих на все мѣсто безъ подымачь, выгнавших изъ службы. Иногда сельских и волостных власти обвинялись даже въ злоупотребленияхъ и вяточических, особенно при репрессивныхъ выборахъ. Въ теченіи 1863 года, подвергнуто разному рода вѣдомымъ должностныхъ лицъ волостныхъ и сельскихъ управленийъ 548, въ томъ числѣ удалено отъ должности съ предвѣдѣн сѣду волостныхъ старшинъ 14, сельскихъ старостъ 32; удалено отъ должности 'безъ предвѣдѣн сѣду волостныхъ старшинъ 17, сельскихъ старостъ 200.

Если крестьяне на первомъ пораке не могли того страдания и значенія, какъ должны имѣть въ нихъ жизни сельскихъ вѣдомствъ и волост-

ные судьи, а потому выборы были произвольны до крайности небрежно. На нравственное и умственное развитіе избираемаго не обращали никакого вниманія, стараясь преимущественно выбрать чело-вѣка зажиточнаго въ тѣхъ конечно видахъ, что богатое сословіе начальство въ случаѣ нужды выручить міръ изъ бѣды. Въ другихъ мѣстахъ выбирали людей самыхъ тихихъ и безхарактерныхъ, которыми потомъ міръ управлялъ по своему произволу и часто совершенно несправедливо. Въ этомъ отношеніи С. Лугининъ приводитъ очень поучительный примѣръ. Какъ извѣстно, кавтанціи, выдаваемые въ прошлое время помѣщикамъ за ратничество, умершихъ до возвращенія на родину, должны были составлять принадлежность или обществу, или семейства умершаго ратника. По смыслу нашего рекрутскаго устава, они принадлежали обществу, если ратникъ былъ отдалъ не въ очередь, за дурное поведеніе, и семейству, если онъ поступалъ по очереди, за свою семью. Въ очень многихъ волостяхъ Ветлужскаго, Вернавинскаго и Макарьевскаго уѣздовъ, кавтанціи были присуждаемы не семействамъ, имѣвшимъ на нихъ полное право, а обществамъ. Когда спрашивали волостныхъ судей, на какомъ основаніи они такъ рѣшали дѣло, то они сознавались, что обществу, въ ожиданіи скорого рекрутства, очень хотѣлось получить эти кавтанціи, а что идти противъ міра они не въ силахъ. Если же кавтанціи были присуждаемы семейству, то обыкновенно въ такихъ только случаяхъ, если семейство большое, съ голосомъ на окодѣ, — и почти никогда, если кавтанція должна была достаться какой-нибудь бѣвотыжной матери, сестрѣ или вдовѣ.

Новые порядки крестьянскаго самоуправленія требовали преимущественно людей грамотныхъ. Грамотность между крестьянами почти не существуетъ, часто приходится одинъ или два чело-вѣка грамотныхъ на цѣлую деревню. Этихъ-то грамотныхъ болыною частію общество охотно избирало, не смотря даже на то, что лица эти извѣстны были всѣмъ своимъ сквернымъ поведеніемъ и недобросовѣстностію. Послѣдствія такихъ выборовъ часто были очень печальныя. Выборный старшина растрачивалъ мірскія и оброчныя суммы, отвѣтственность падала на цѣлое общество, общество часто оказывалось не въ состояніи пополниль растраченное, отказывалось внести оброкъ, и т. д. и т. д. Такъ П—скимъ сельскимъ обществомъ избранъ былъ старостой временно-обязанный крестьянинъ г. Т—а Василій Антиповъ. Избранъ былъ ими Антиповъ только потому, что былъ обученъ

грамотъ, а о поведеніи его общество ничего не знало, потому что Антиповъ большую частію проживалъ на сторонѣ. Помѣщикъ Т—въ представлялъ мировому посреднику, въ присутствіи другихъ помѣщиковъ и всего волостнаго схода, о незаконности утвержденія Антипова въ должности, какъ находящагося подъ судомъ за кражу; но посредникъ не обратилъ никакого вниманія на такое заявленіе и утвердилъ Антипова старостой. Въ маѣ 1862 г., крестьяне, замѣчая мотовство и развратное поведеніе Антипова и то обстоятельство, что онъ, тратя много денегъ, въ собираемыхъ съ крестьянъ суммахъ не давалъ имъ квитанцій, послали отъ всего общества къ мировому посреднику четырехъ депутатовъ съ просьбою смѣнить старосту, какъ явно неблагонадежнаго. Но и тутъ посредникъ не обратилъ никакого вниманія на просьбу крестьянъ и не только никакого распоряженія о смѣнѣ его не сдѣлалъ, но и дѣла не изслѣдовалъ, а Антиповъ остался старостой и въ юнѣ 1862 г. промоталъ слишкомъ 250 р., собранныхъ съ крестьянъ казенныхъ податей и оброковъ. Посредникъ донесъ Т—му губернскому по крестьянскимъ дѣламъ присутствію о такомъ поступкѣ Антипова, прося разрѣшенія о продажѣ его имущества: имущество оказалось всего на 32 р., и губернское присутствіе рѣшило взыскать деньги съ общества. Крестьяне, отказываясь платить, подали прошеніе въ губернское присутствіе; писалъ его полуграмотный крестьянинъ, который, равно какъ и все общество, по объясненію самихъ крестьянъ, боялся выставить въ прошеніи явную вину посредника. Губернское присутствіе отвѣтило предписаніемъ о немедленномъ взысканіи съ П—скаго общества промотанной Антиповымъ суммы. Между тѣмъ и посредникъ сдѣлалъ распоряженіе о продажѣ имущества крестьянъ въ уплату тѣхъ денегъ. П—ское сельское общество—самое бѣдное изъ всей волости, взысканье тяжелое,—въ самое пужное время по рублю съ души,—взысканье, совершенно незаконно требуемое съ крестьянъ. И многое множество подобныхъ фактовъ можно указать, которые происходятъ отъ дурныхъ выборовъ въ сельскіе старшины, отъ непониманія крестьянами хорошей стороны новыхъ крестьянскихъ учрежденій въ ихъ жизни.

Еще съ большою неосмотрительностію были произведены выборы собственно въ волостные судьи. Во многихъ мѣстахъ волостныхъ судей даже совѣтъ не избирали, а просто назначали по жребію и преимущественно изъ такихъ семействъ, въ которыхъ много работ-

ниновъ, и для которыхъ поэтому назначенная законом повинность не могла быть слишкомъ обременительнаю. А на обязанности волостнаго судьи крестьяне именно смотрятъ, какъ на тягостную повинность. Дѣло въ томъ, что крестьянина вообще до должности не спугиваютъ должностныя лица, съ которыми можно выдѣлать дѣла крестьянина, ни въ какомъ случаѣ не могли внушить ему любовь и уваженіе къ себѣ и своей должности. Да и никогда крестьянину заниматься управленіемъ: на немъ лежитъ слишкомъ много повинностей, экономическое положеніе его жалкое, средствъ у него слишкомъ мало, и только при самой усиленной работѣ онъ можетъ съ трудомъ сводить концы съ концами. Удѣлять время на какую-то новую и непонятную для крестьянина службу волостныхъ судей, онъ неохотно не имѣетъ возможности, въ должности старшины крестьяне правыли, какъ въ чему-то почетному, должность эта притомъ даетъ довольно значительное для крестьянина жалованье, а потому въ старшины все идутъ охотно, следовательно и выборы могутъ быть удачны. Волостной судья получаетъ жалованье ничтожное: платить всѣмъ большое жалованье вольно не въ состояннн, а потому судья достается обыкновенно рублемъ по 15, по 20 въ годъ. Да и это жалованье, говорятъ, крестьяне платятъ чрезвычайно неохотно. Въ одной волости, по словамъ Лугинина, сходъ при выборѣ судей назначалъ имъ жалованье по 15 руб. въ годъ. Но когда настало время платить, тотъ же сходъ наотрѣвъ отказался дать имъ хоть копѣйку. Судьи жаловались посреднику, и въслѣдствіе этого денегъ стало больше, хлопотъ. Въслѣдствіе всего этого очевидно: ни одинъ крестьянинъ не идетъ охотно въ судья, ни эту должность смотреть, какъ на тягостную повинность, а потому при выборѣ судей не было особеннаго разбора. Какъ мы уже замѣтили, большою частью въ волостныя судьи назначали по жребію.

Вслѣдствіе того, что въ волостныя старшины выбирались люди, сравнительно болѣе способные, свѣдущіе и дѣльные, чѣмъ волостныя судьи, послѣдніе большою частію совершенно подчинились вліянію первыхъ и подъ ихъ диктовку составляли свои приговоры. Этому содѣйствуютъ еще и то обстоятельство, что старшина, какъ представляющій въ лицѣ своемъ власть полицейскую и исполнительную, въ случаѣ противодѣйствія судьи его рѣшеніямъ, имѣетъ множество случаевъ дать почувствовать судья всѣ непріятныя послѣдствія таковаго противодѣйствія. Поэтому судьи часто совершенно заискиваютъ отъ

старшины. Въ одной изъ волостей Истринскаго уѣзда являлась приговоръ волостнаго суда, въ которомъ сказано: таковой-то крестьянинъ, за таковой-то поступокъ провинился *волостнымъ старшинамъ* къ наказанію иль къ ударамъ розогъ; а въ графѣ объ исполненіи приговора написано: таковой-то числа исполнено волостнымъ судомъ; т. е. вывести, что старшина провинился, а судьи съели...

Такогообразою однимъ изъ главныхъ причинъ, почему крестьянскія учрежденія на первыхъ порахъ представляють нѣкоторыя неблагопріятныя стороны, служитъ то обстоятельство, что первоначальныя выборы были неудачны. Трагическая практика показала крестьянству то серьезное значеніе, какое имѣютъ выборы на интересы сельскихъ обществъ, и нѣтъ никакого основанія сомнѣваться, что предстоящіе выборы будутъ произведены съ большимъ осторожностію и осмотрительностію. Съ устраненіемъ же этихъ неблагопріятныхъ явленій устранился и тѣ вредныя для крестьянъ послѣдствія, которыя главнѣйшимъ образомъ обуславливались неудачными выборами.

Много вредитъ успѣху волостныхъ судовъ еще и то обстоятельство, что сами волости большаю частію составлены очень неудачно: волость обыкновенно является искусственнымъ сборомъ болѣе или менѣе разнородныхъ элементовъ, стоящихъ на разной степени развитія и имѣющихъ различное понятіе о правѣ. Извѣстныя вотчины постоянно находились подъ одинакимъ управленіемъ, при одинакихъ экономическихъ условіяхъ, цѣлый рядъ поселеній былъ связанъ общими интересами, подвергался одинаковымъ невгодамъ и т. д. Все это должно было создать характеристическія особенности между отдѣльными вотчинами. А между тѣмъ волостной судъ у всѣхъ одинъ, и нвогда крестьянъ одного общества судятъ судьи изъ другихъ, иногда такихъ, съ которыми они находятся во враждѣ. Г. Лугининъ приводитъ любопытные случаи, какъ иногда скрывалась эта вражда сосѣднихъ имѣній. Въ одномъ имѣніи уставная грамота была утверждена безъ согласія крестьянъ, и когда мировой посредникъ прибылъ для отвода надѣла, то потребовалось прорубить много просѣкъ. Крестьяне отказались идти на межу. Рѣшено было пронавести эту работу наймомъ на ихъ счетъ. Но такъ какъ это былъ одинъ изъ первыхъ случаевъ отвода надѣловъ, то мировой посредникъ имѣлъ основаніе опасаться, что и сосѣдніе крестьяне не пойдутъ на эту работу. Дѣйствительно, нѣсколько деревень уже отказались, какъ вдругъ неожиданно прибыли рабочіе изъ враждовавшаго селенія и прорубили про-

сѣки за самую сходную кѣшу. Дѣломъ было уже ничего, но за то крестьяне, получившіе надобное одолженіе отъ своихъ сосѣдей, за тѣмъ постоянно справлялись: скоро ли и у послѣднихъ будетъ отводъ надѣла?.. Въ другомъ волостномъ правленіи принесеть мнѣ жалобу на одного крестьянина. Его призывали на волостной судъ по жалобѣ сына; онъ долго не шелъ, но староста привалъ его наконецъ насильно. Когда дѣло началъ обсуждать, то онъ наплевалъ судьямъ въ бороды и ушелъ себѣ домой. Привели его при мнѣ въ правленіе. Оказалось, что это былъ сѣдой старикъ; когда ему объявили наказаніе на недѣлю подъ арестъ, то онъ сказалъ: «что жъ, если законы такъ велятъ, я отсижу, только ужъ сдѣлайте милость, навредки увольте меня отъ волостнаго суда. Знать его не зналъ, и отцы его не вѣдали...» Такимъ образомъ то обстоятельство, что волость періодически соединяетъ вмѣстѣ то, что часто было совершенно разъединено, носило особый характеръ и жило особою жизнью, все это также должно имѣть вредное вліяніе на усильную дѣятельность волостныхъ судовъ.

Въ прежнее время сельскія общества имѣли свой особый, неофициальный судъ, да еще и до сихъ поръ имѣютъ. Это собственно судъ сосѣдей, основанный на общественномъ мнѣніи деревни. Къ этому суду крестьяне обращаются охотно за рѣшеніемъ своихъ домашнихъ дѣлъ, тѣмъ болѣе, что тутъ дѣло ведется на чистоту, безъ всякихъ проволочекъ и формальностей, и рѣшается дѣло на основаніи укоренившихся народныхъ обычаевъ. Рѣшеніямъ этого суда крестьяне подчиняются охотно, потому что рѣшенія эти всегда безпристрастны. Подкупъ и вяточничество тутъ невозможны уже потому, что самый судъ не имѣетъ официального значенія, а его рѣшенія — обязательной силы. Волостные суды, по нашему мнѣнію, должны имѣть своимъ образцомъ судъ сосѣдскій, и только слѣдуетъ развить тѣ почетныя начала, на которыхъ онъ основывается и имѣетъ свое значеніе. Такимъ образомъ, мертвая формалистика, сбивающая съ толку судей и запугивающая тяжущихся, должна быть совершенно выгнана изъ волостныхъ судовъ. Эта формалистика совершенно непонятна волостнымъ судьямъ и ставитъ ихъ въ полную зависимость отъ волостныхъ писарей. А такъ какъ на службу въ волостные писаря поступаютъ большею частію разные подъячіе, выгнанные изъ службы, то вліяніе ихъ не въ какомъ случаѣ не можетъ быть благотворно.

Для усильнаго хода крестьянскихъ учреждений желательно, чтобы имъ предоставлено было право въ болѣе обширныхъ размѣрахъ руко-

водотвореніемъ обычаевъ, при рѣшеніи различныхъ крестьянскихъ отношеній, такъ какъ большая часть этихъ отношеній возникла подъ вліяніемъ обычая. Мы вовсе не хотимъ сказать, чтобы волостные суды въ своихъ рѣшеніяхъ крестьянскихъ тяжбъ основывались на нѣкоторыхъ несправедливыхъ понятіяхъ народа, напримѣръ о собственности, хотя даже и эти понятія представляются неправильными собственно только съ легальной точки зрѣнія. Безспорно, что русскому народу, независимо отъ его развитія, присуща весьма ясная идея справедливости: сама жизнь выработала въ немъ множество здоровыхъ юридическихъ понятій, прямо вытекающихъ изъ жизни, а не основанныхъ на однихъ теоретическихъ соображеніяхъ, высказанныхъ въ кабинетѣ. Конечно, трудно формулировать эти понятія и обычаи, видоизмѣняющіеся въ различныхъ мѣстностяхъ; но во всякомъ случаѣ уловить ихъ основной мотивъ — дѣло возможное. Дозволеніе крестьянскимъ учрежденіямъ руководствоваться обычаемъ при рѣшеніи крестьянскихъ дѣлъ освободитъ сельскія власти и волостныхъ судей отъ той путаницы, въ какой они постоянно находятся въ вѣдѣствіе незнакомія всѣхъ тонкостей Свода Законовъ и непониманія книжной рѣчи. Они не будутъ подчиняться недобросовѣстному вліянію волостныхъ писарей изъ законниковъ: волостные суды не обратятся въ канцеляріи, загроможденныя множествомъ ненужныхъ формальностей, волостные суды не обратятся въ подъячьи, и крестьянинъ охотно и съ увѣренностію пойдетъ въ свой крестьянскій судъ за рѣшеніемъ своего крестьянскаго дѣла.

Непониманіе крестьянами книжной рѣчи, при необходимости руководствоваться законами, написанными слишкомъ книжнымъ языкомъ, ставитъ ихъ постоянно въ большее затрудненіе, изъ котораго они иногда выходятъ совершенно неправильнымъ путемъ, и потомъ на себѣ испытываютъ всѣ тяжелыя послѣдствія такого неправильнаго выхода. Г. Ягушкинъ представилъ очень характеристическую картину всѣхъ тѣхъ неудобствъ, которыя пришлось испытать крестьянамъ только потому, что они не поняли манифеста объ освобожденіи и начали объяснять его по своему, часто совершенно превратно.

Мы имѣемъ подъ руками нѣсколько очень любопытныхъ приговоровъ волостныхъ судовъ, буквально записанныхъ съ волостныхъ книгъ однимъ мировымъ посредникомъ и напечатанныхъ въ «Днѣ». Эти приговоры самымъ нагляднымъ образомъ знакомятъ насъ съ тѣми затрудненіями, какия крестьяне испытываютъ въ слѣдствіе непониманія

тннкой рѣли для необходимости рудопродвиженія. написанными этой лирикою рѣлю. Одно или обстоятельство была причиной несправедливости, усердно рѣшались возмездие судить, такнхъ дѣлъ, которые собственно рѣшались или на нѣтъ никакого основанія, какъ напримѣръ дѣла о частной, семейной жизни крестьянъ, такъ какъ въ собственно семейную жизнь крестьянина не имѣютъ никакого права вмѣшиваться ни старшина, ни судья. Такъ въ 58 статьѣ 11 пунктъ. Общ. Полож. сказано, что староста области «запѣдывать въ порядкѣ, установленномъ обществомъ, мирскими хозяйствомъ». Староста думалъ, думалъ надъ этимъ мундомъ, и была окончательна сбить съ толку, хотя въ этомъ и нѣтъ ничего мудреннаго. Никогда прежде не было никакого мирскаго хозяйства, никакнхъ мирскихъ суммъ, а ему говорятъ, чтобы онъ ими заведывалъ, ну онъ и додумался, что должно быть рѣль о дѣйствительномъ существующемъ хозяйствѣ, а не о томъ, которое никогда у ннхъ не было. Поэтому староста началъ всматриваться, какъ въ это село мужья живутъ съ своими женами, — это, дескать, и есть настоящее мирское хозяйство, — и вслѣдствіе этого вошелъ съ жалобой въ Спасскій волостной судъ, и волостные судья усердно начали «держатъ сужденіе по предложенію общественаго старосты относительно несправедливости жизни нѣкоторыхъ мужей съ своими женами». Вслѣдствіе этого возникло дѣло и было ведено въ волостной судъ только потому, что староста не могъъ въпншой рѣль динимать ему волостной, воображивъ, что «запѣдывать мирскими хозяйствомъ» значитъ впутываться въ частную семейную жизнь крестьянина, и потому счелъ себя въ правѣ войти съ жалобой въ волостной судъ. А между тѣмъ эти мужья дѣла отнимаютъ много времени и отнимаютъ отъ работы судей, обвиняемыхъ и свидѣтелей. Волостные судья имѣютъ право рѣшать семейныя несогласія только на томъ основаніи, когда является съ жалобой самъ обвиняемый членъ семейства, и староста имѣетъ право входить въ волостной судъ съ жалобой на семейныя раздоры, когда эти раздоры угрожаютъ окончиться преступленіемъ. Вообще дѣла по несогласію различныхъ членовъ семьи рѣшаются волостными судьями, какъ нельзя болѣе справедливо и разумно. Въ прежнее время земская полиція, или вотчинная контора, вѣдала такіа дѣла, прежде всего старалась отыскать главнаго виновника, наказавъ его по своему благоусмотрѣнію, и тѣмъ дѣло оканчивалось. Волостные судья вовсе не заботятся о томъ, чтобы отнимать виновника

составило приговора, потому что въ большинствѣ случаевъ виновника и не находятъ, обѣ стороны одинаково виноваты, или, по крайней мѣрѣ, потому что правосудіе является результатомъ сличенія стороннихъ притязаній. Иногда просто люди не способны на взаимную, и становящаяся имъ поперекъ пути семейственная жизнь и дружба они съ утра до ночи, пока не рѣшатся обратиться съ жалобой въ волостной судъ. Волостные судьи выступаютъ съ глубокимъ знаніемъ дѣла: припоминаютъ толкущихся, распрямляютъ обидчивыхъ или дѣла и за тѣмъ не принимаютъ мѣру наказанія для виновнаго, но составляютъ приговоръ, а предлагаютъ толкущимъ несколько рациональныхъ совѣтовъ, какъ уладить къ лучшему или мирно. Этихъ почти всегда оминиваются дѣла, и обѣ тяжущіеся стороны бывають довольныи рѣшеніемъ. Такъ крестьянинъ Дмитрій Лукьяновъ жаловался въ волостной судъ на сына своего Ивана Дмитриева «откосителемъ дѣловыхъ повелѣній и осужденіемъ послѣднимъ порочному». Въ прошлое время волостные конторы или земская полиція рѣшили бы такое дѣло очень просто: они просто оторвали бы лошадей сына за неисполненіе отцу, и съправили бы имъ сына жить вѣдѣть и дрались съ утра до ночи. Волостные судьи сначала начинаютъ *ублаждать* тяжущихся имъ вѣдѣть, и за тѣмъ предлагаютъ чрезвычайное рациональную мѣру для прекращенія неудовольствій. «Но разбирательству же и *ублажденію* имъ жить въ согласіи и прийти въ подчиненность сыну претенденту, *одулами* отворившимъ *предвесеніе* съ несогласной имъ женщи, что даже дозволено и сторонами, *разойдѣсь* имъ *полюбовно*, *изблгая дальнѣйшихъ дурныхъ послѣдствій*, на что президентъ Дмитрій Лукьяновъ согласился отдѣлить сына своего Ивана Дмитриева, на слѣдующихъ условіяхъ: по распоряженію его, какъ родителя, дать ему лошадей и корову, равно и для содержанія его въ жизни ржаного хлѣба пятнадцать четвериковъ, обѣщалъ ему при раздѣлѣ потомъ и бѣлье, если только сынъ будетъ къ нему уважительнѣе и покорнѣе, какъ сынъ къ отцу. Но выслушавъ сего въ правленіи, постановили: согласно желанію старшихъ представить имъ раздѣлъ, съ предложеніемъ виновному, за общаимъ родителемъ, дѣлать должное почитаніе ему по долгу христіанскому, какъ отцу».

Этотъ честный и умный приговоръ волостныхъ судей и притомъ въ такомъ дѣлѣ, которое сами господа приважили называть *какотливимъ* и разрѣшить очень неудовольствительно, показываетъ, что въ

народъ еще много здоровыхъ предвостанитъ коншинъ, и что поэтому рѣшениа волостныхъ судей всегда будутъ справедливы въ самыхъ дѣлахъ, гдѣ они могутъ прилагать эти полаты, не стѣсняясь никакими условными нравственными формулами. И большаю часть семейныхъ несогласій волостные судьи разрѣшаютъ также удачно и справедливо.

За тѣмъ въ волостныхъ судахъ разбирается множество дѣлъ о повиновеніи крестьянъ старостамъ, старшинамъ, «начальству», какъ говорится въ приговорахъ, при чемъ всегда прибавляется: «начальству, избранному обществомъ.» И этого рода дѣла волостные судьи разбираютъ и рѣшаютъ совершенно справедливо: они не тянутъ руку за начальство, не мирволотятъ ему, а съ одинаковымъ безпристрастіемъ разбираютъ доказательство той и другой стороны и склоняются въ пользу той стороны, которая представляетъ болѣе доказательствъ своей невинности, будь это простой крестьянинъ, или «избранное обществомъ начальство.» Наказаніе, возлагаемое за неповиновеніе начальству, не бываетъ особенно тяжело, болѣею частію штрафуютъ однимъ рублемъ въ пользу міряннхъ суммъ или посылаютъ на три дня въ общественныя работы. Въ концѣ приговора судьи обращаются обыкновенно съ нравоученіемъ къ виновному, чтобы онъ «вспросилъ прещенія по долгу христіанскому и на будущее время былъ почитателемъ и уважителемъ къ избранному обществомъ начальству и неприличныхъ словъ ему не произносилъ.» Такъ крестьянинъ Степанъ Андреевъ принесъ жалобу въ волостной судъ на сельскаго старосту Терентія Иванова за то, что «староста его неправильно и безъ разбору обижаетъ ругательными словами;» но въ доказательство справедливости своей жалобы не представилъ ни одного свидѣтеля. Потребованный въ судъ, староста объявилъ, что жалоба на него крестьянина, Степана Андреева, несправедлива, что напротивъ самъ Андреевъ «ему, какъ избранному обществомъ начальнику, не находится въ должномъ повиновеніи, потому что во всякое время не исполняетъ его приказовъ — чтобы не имѣть какихъ либо отговорокъ, даже корить его старика непристойными словами, которыхъ онъ на старости лѣтъ даже объяснить не можетъ.» Въ доказательство справедливости своихъ словъ староста приволя двоиухъ свидѣтелей, которые подтвердили, что дѣйствительно «крестьянинъ Андреевъ несколько не находится въ должномъ повиновеніи и уваженіи своего старосты, такъ что при личности ихъ корятъ ста-

росту непристойнымъ, худшимъ дѣломъ, а именно развратничью, на что староста сказалъ ему въ отвѣтъ, *чтобы онъ искалъ людей по-искать въ своемъ домѣ.*» Но высказаннымъ свидѣлемъ недостойные судьи приговорили: «такъ какъ крестьянинъ Степанъ Андреевъ принесъ жалобу на своего начальника неосознательную и ничѣмъ не доказанную, кромѣ того, что слухъ оказался виновнымъ въ сказаннымъ своему начальнику непристойныхъ и поумѣстныхъ словахъ, подтвержденныхъ выставленными свидѣтелями, почему подвергнуть Степана Андреева штрафу тремя рублями въ пользу мирскихъ суммъ, и внушить ему, Андрееву, чтобы онъ дѣлалъ должное почтеніе своему начальнику и не просилъ бы христіанскаго прощенія» и. т. д.

Въ доказательство того, что волостные судьи вовсе не гнутъ руку за своихъ собратьевъ — избранныхъ обществомъ начальниковъ, а относятся къ дѣлу честно и безпристрастно, приведемъ слѣдующій замѣчательный приговоръ:

«Староста Толстоквасовскаго сельскаго общества жалуется на крестьянина того же общества, Захара Астафьева, что сей обругалъ его, старосту, при всѣхъ крестьянахъ, бывшихъ на покосахъ.

Захаръ Астафьевъ на спросъ: действительно ли онъ обругалъ старосту? показалъ, что онъ старосту не ругалъ, *а высказалъ только то, что думаютъ объ немъ все крестьяне, — что онъ своими распоряженіями водитъ миръ въ убытки.*

Приговорили: Такъ какъ, во мнѣнію нашему, крестьяне недовольны тѣмъ, что остался у нихъ старый староста *) и что, оставивъ Михаила Иванова старостой, могутъ происходить и въ послѣдствіи подобныя беспорядки и жалобы, — просить г. посредника сдѣлать распоряженіе объ избраніи Толстоквасовскимъ сельскимъ обществомъ новаго старосты.»

Приговоръ въ высшей степени замѣчательный: староста жалуется, что крестьянинъ обругалъ его, крестьянинъ отвѣчаетъ, что онъ высказалъ только общественное мнѣніе о томъ, что староста вводитъ миръ въ убытки; судьи, признавая справедливымъ требованіе обще-

*) Въ пунктѣ 4-мъ Высочайшаго указа правительствующему сенату 1861 г. сказано: „Нынешніе сельскіе начальники, старосты и бурмистры, гдѣ они есть, остаются при своихъ должностяхъ, до окончанія полевыхъ работъ 1861 г.“ Поэтому въ обществахъ, составившихся изъ крестьянъ одного и того же помѣщика, бывъ сначала оставлены прежніе старосты.

обязать всё, и некоторые самыми бессовестными образом тяготить на народъ, вѣдѣши себѣ какое тяжкое крѣпостное право, которое въ такомъ нѣмѣнѣмъ видѣ, по его словамъ, «самъ и утратило свое прошлое суровое отношеніе, то вслѣдствіе принято характеръ какой-то мягкой распушонности.» Единственное спасеніе для крестьянъ отъ этого страшнаго зла, упавшаго на ихъ голову въ видѣ самоуправленія, предлагается г. Лугинину въ «болѣе тѣсномъ сближеніи крестьянскихъ судовъ съ мировыми учрежденіями.» Подъ этимъ «сближеніемъ» онъ разумѣетъ не болѣе, не менѣе какъ полнѣйшее подчиненіе волостныхъ судовъ одному мировому судѣ, такъ что если всѣ волостные судьи, неизвѣстно для какой цѣли долженствующіе засѣдать въ судѣ, будутъ несогласны съ рѣшеніемъ мирового судьи, то и въ такомъ случаѣ рѣшеніе это не можетъ быть имъ отвергнуто. Въ настоящее время, по мнѣнію г. Лугинина, волостные судьи вліяютъ, мѣшечничаютъ и совершенно зависятъ отъ вреднаго произвола волостнаго начальства; поэтому необходимо хлѣбъ хлѣбомъ набивать «Присутствіе мирового судьи должно бы изъ крестьянскихъ судовъ исключиться, взяточничество и пьянство. Только этимъ путемъ можно поставить крестьянскіе суды въ независимое положеніе отъ волостнаго начальства. Что суды подчинялись бы въ такомъ случаѣ вліянію мирового судьи, это очень естественно; но законъ и не въ силахъ противодействовать вліянію образованнаго и развитаго человека, помѣнающаго дѣло, на злодей необразованныхъ, неразумныхъ».

Изъ необходимости подчинить крестьянъ прохвѣй административной силѣ г. Лугининъ приходитъ тѣмъ охотнѣе, что, по его мнѣнію, сами крестьяне сочувственно относятся къ этому порядку. Все, что крестьянскій бытъ имѣетъ въ себѣ хорошаго и дѣлособразнаго, все это обязано своимъ происхожденіемъ помѣщичьимъ и административн., даже «общинное землевладѣніе получило свои настоящие, обширные размѣры лишь подъ вліяніемъ помѣщичьихъ и административн. (?)». «Крестьяне», говоритъ онъ, «привыкли къ такому порядку, итъ началось, что помѣщичья община заботится объ устройствѣ ихъ сельскаго быта, что свободный выборъ — дупляки, что для дѣвки замужество есть общественная повинность, и что если она долго не выходитъ замужъ, то ее слѣдуетъ принудить, точно такъ же, какъ мужика неплательщика принуждаютъ платитъ оброкъ.» Произошла крестьянская реформа, — абыто отарыкъ, дорогикъ тердуду крестьяннина.

порядковъ, аступили нѣкоторые порядки, которые сразу не понравились народу, какъ нѣчто чуждое имъ. «Крестьяне очень дорожатъ судомъ помѣщика, желаютъ, чтобъ изъ судимы не занимали, и притомъ судимы не крестьяне, такъ какъ крестьянина не знаетъ законовъ и недостаточно развитъ, и тяготеетъ не смотрятъ въ его безпристрастие.» Отсюда, по мнѣнiю г. Лугинина, необходимо снова возвратиться къ порядкамъ вотопышханскаго времени.

Опровергать подробно г. Лугинина мы считаемъ совершенно лишнимъ, тѣмъ болѣе, что приведенные нами выше факты изъ практики крестьянскаго самоуправления достаточно познаноми читателя съ тѣмъ значенiемъ, какое оно имѣетъ въ жизни крестьянина, и тою пользою, какую оно приноситъ. Собственно для г. Лугинина мы приводимъ здѣсь нѣсколько официальныхъ свѣдѣнiй о дѣйствiяхъ волостныхъ судовъ въ обществахъ временно-обязанныхъ крестьянъ. Свѣдѣнiя эти показываютъ, что въ большинствѣ случаевъ волостные суды дѣйствовали безукоризненно. Такъ начальникъ Владимирской губ., во всеподданѣйшемъ отчетѣ за 1862 г., доноситъ, что «въ волостные суды крестьяне охотно обращаются по своимъ дѣламъ; безпристрастiе ихъ рѣшенiй и вѣрность обычаямъ во многихъ случаяхъ служили отводомъ отъ внипанiя раззорительныхъ исковъ и неосновательныхъ тяжбъ въ гражданскихъ судахъ». Начальникъ Воронежской губ. въ отчетѣ за 1862 г. доноситъ, что «въ волостные суды крестьяне охотно обращаются по своимъ дѣламъ, и они, руководствуясь мѣстными обычаями и правилами, принятыми въ крестьянскомъ быту, удовлетворяли потребности крестьянскаго правосудiя»; ревизовавшiй въ 1862 г. Калужскую губ., сенаторъ Капгеръ, въ отчетѣ своемъ отзываясь, что рѣшенiя волостныхъ судовъ отличаются полнымъ безпристрастiемъ, прибавляетъ, что дѣла по спорамъ, возникающимъ вслѣдствiе семейныхъ раздѣловъ, рѣшаются болышею частiю сообразно изстари постановленнымъ мѣстнымъ обычаямъ». Начальникъ Саратовской губ. въ отчетѣ своемъ за 1861 г. замѣчаетъ, что крестьяне почти всегда остаются довольными рѣшенiями своего суда, и безропотно повинуются ему, потому что рѣшенiя эти соответствуютъ ихъ обычаямъ и понятiямъ о правѣ, *хотя нередко противоречатъ существующимъ законамъ* и т. д. (Юрид. Вѣстн. 1853 г. № 8-й).

Что же касается до мнѣнiя г. Лугинина, что будто бы еоря

канцелярскаго дѣлопроизводства и чиновничьяго суда, есть такая форма суда, которая наиболѣе любезна крестьянину, то это ужь значить договориться до чортиковъ. Крестьянинъ вообще до суда не охотникъ и рядомъ самыхъ убѣдительныхъ опытовъ додумался, что лучше несправедливо претерпѣть оскорбленіе и убытокъ, чѣмъ требовать по суду вознагражденія за это оскорбленіе и убытокъ. Это нерасположеніе народа къ чиновничьему суду перешло даже въ пословицу, которая говоритъ, *отъ суда обрѣжъ помы да бѣги прочь*. Все это совершенно понятно: закрытые наши суды съ ихъ безконечными проволочками, отрывающими мужика отъ дѣла, съ ихъ непонятною формалистикою и рѣшеніями, основанными на непонятныхъ народу закопахъ, все это вмѣстѣ не могло внушить къ себѣ въ народѣ довѣрія и любви. Народъ додумался до цѣлаго ряда своихъ юридическихъ понятій, съ точки зрѣнія которыхъ многое, что признается и преслѣдуется, какъ преступное, законодательствомъ, признается совершенно непроступнымъ и незаслуживающимъ никакого преслѣдованія. Притомъ крестьянину приходится имѣть дѣло съ судомъ въ критическія минуты жизни, какъ напр. при рекрутскомъ наборѣ, и это всегда почти имѣетъ роковыя послѣдствія на его благосостояніе и хозяйство. Отсюда совершенно понятно стремленіе мужика отваливать всѣми правдами и неправдами отъ столкновенія съ судомъ.

Мы сами недавно были свидѣтелями подобнаго стремленія мужика, во что бы то ни стало, даже съ значительнымъ рискомъ, отдѣлаться отъ столкновенія съ судомъ, не смотря на то, что онъ былъ совершенно невиненъ. Исторія эта можетъ окончиться для бѣдняги весьма печально. Дѣло въ слѣдующемъ: недалеко отъ Петербурга есть небольшая деревушка, которую лѣтомъ населяютъ дачники, по преимуществу люди мрачнаго вида и характера, главнымъ образомъ отставные штабсъ-капитаны, или если и не отставные, то имѣющіе скоро обратиться въ отставныхъ штабсъ капитановъ. Въ эту деревеньку нѣсколько лѣтъ къ ряду возилъ говядинну мясникъ изъ Петербурга. Недѣли двѣ тому назадъ мясникъ, нѣсколько выпившій, ѣхалъ въ телѣгѣ съ мальчикомъ въ сказанную деревеньку и верстахъ въ шести отъ мѣста встрѣтилъ огородника изъ той же деревни. Огородникъ, тоже нѣсколько выпившій, попросилъ мясника подвезти его, обѣщая за то угостить его въ ближайшемъ кабацкѣ осмьюшкою водки. Дѣйствительно, по дорогѣ они зашли въ кабакъ и вѣроятно угостились болѣе, чѣмъ осмьюшкою, потому что оба вы-

шли оттуда очень пьяными. День былъ жаркій и огородникъ всю дорогу совѣтовалъ мяснику, по приѣздѣ въ деревню, купаться въ тамошнемъ пруду. Мясникъ отказывался, увѣряя, что онъ никогда не купался и не умѣетъ плавать, огородникъ настаивалъ, и вѣроятно краснорѣчіе его наконецъ тронуло мясника, такъ что при вѣздѣ въ деревню они сошли съ телеги и отправились къ пруду, а мальчику приказали подѣхать къ кабаку и тамъ ожидать ихъ возвращенія. Мальчикъ отправился съ лошадыю, ждалъ ихъ полчаса, часъ, — никто не возвращается. Часа черезъ полтора онъ увидѣлъ огородника, который съ мокрыми волосами проходилъ мимо кабака и на вопросъ его: гдѣ же мясникъ? — отвѣчалъ, что онъ не знаетъ, что они разошлись другъ съ другомъ при вѣздѣ въ деревню. Мальчику показалось это подозрительнымъ, онъ самъ отправился къ пруду и на берегу нашелъ одежду и бѣлье мясника. Сейчасъ же явились къ пруду сельскія власти, начали искать утопленника баграми, неведомъ, смѣлчачи даже ныряли — ничего не оказывалось. Привели огородника и начали просить его указать то мѣсто, на которомъ утонулъ мясникъ: огородникъ снова началъ увѣрять, что онъ съ мясникомъ разошелся при вѣздѣ въ деревню, купаться его не звалъ и самъ купаться съ нимъ не ходилъ. Нашлись двое свидѣтелей, которые видѣли, какъ огородникъ возвращался отъ пруда съ мокрыми волосами. Попробовали еще поискать въ прудѣ, и опять ничего не нашли. Послали за становымъ; тотъ объявлялъ, что онъ не приѣдетъ, *пока не будетъ найденъ трупъ* т. е. если бы трупъ и совсѣмъ не нашли, то становой и совсѣмъ бы не приѣхалъ. На другой день снова начали искать въ пруду и опять ничего не нашли. Самъ сельскій староста попробовалъ было нырнуть, но тотчасъ же вынырнулъ ни съ чѣмъ; только лобъ запачкалъ грязью и замѣтилъ, что вода холодна. Народъ на берегу подтрунивалъ, увѣряя, что староста ловить носомъ карасей. Врачными дачниками овладѣло сомнѣніе: начали высказывать дальновидныя соображенія, что огородникъ утопилъ мясника, желая воспользоваться его деньгами; но этому провиворѣчало то обстоятельство, что деньги 35 р. сер. оказались цѣлы въ карманѣ мясника. Одни утверждали, что огородникъ утопилъ мясника изъ чувства какой-то кровной мести; другіе возражали, что утопить здороваго, сильнаго мужа невозможно, особенно недалеко отъ жилья, куда могли бы быть слышны его крики: караулъ! На это первые возражали, что можно такъ быстро приязать на шею камень, имен-

но «казацкимъ» узломъ, что жертва не успѣетъ и пикнуть. Какой-то острякъ тутъ же попробовалъ привязать мальчику на шею камень казацкимъ узломъ: казацкій узелъ дѣйствительно былъ завязанъ быстро, но такъ же быстро самъ собою и развязался. Въ это время въ деревенькѣ слышны были сильные удары отъ взрыва порохового завода, и нѣкоторые ухитрились отыскать причинную связь между утопленникомъ, мясникомъ и взрывами порохового завода. Словомъ, благодаря празднословію, выростала грандіознѣйшая нелѣпость.

На третій день трупъ мясника самъ собою всплылъ на поверхность пруда; его положили на берегу. Явился туда же и становой съ понятными.

— Позвать ко мнѣ *преступника!* грозно крикнулъ онъ.

Преступника привели.

— Подойди поближе къ трупу.

Огородникъ подошелъ.

— Смотри внимательно на трупъ.

Огородникъ посмотрѣлъ.

— Ну, что, не возбуждаетъ это тяжелое зрѣлище въ твоей душѣ никакихъ убійственныхъ угорозъ совѣсти?

— Нѣтъ, ничего...

— Взять его, негодяя, подъ арестъ!

Негодяя повели подъ арестъ.

— Ахъ, ваше превосходительство! мягко обратился становой къ какому-то старичку.

— Что это вы такъ долго не пріѣзжали?

— Не могъ, никакъ не могъ: у меня этой дряни, мертвыхъ тѣлъ, навалено чуть не полный станъ... Въ новой деревнѣ былъ: тамъ любопытная исторія случилась. Графъ N пріѣхалъ туда въ шарбанѣ съ прехорошенькою, чортъ побери, дѣвчоночкой, глазенки, какъ черные таранашки, такъ и бѣгаютъ, такъ и бѣгаютъ...

Становой облезнулся.

Досадиѣ всего при этомъ намъ было то обстоятельство, что становой въ этомъ случаѣ сразу почувствовалъ какое-то враждебное чувство къ обвиняемому, сразу взглянулъ на него, какъ на преступника, и постарался запугать его. Къ этому юридическому приему у насъ обыкновенно прибѣгаютъ въ подобныхъ случаяхъ: у насъ сразу стараются запугать обвиняемаго и не помочь ему въ томъ, чтобы онъ далъ настоящія показанія, а *сбить* его показанія.

Все дѣло, по нашему, объясняется такъ: виновный огорожникъ просто захотѣлъ угостить своего собутыльника кушаньемъ, и тотъ пьяный въ жаркій день полѣзъ въ холодную воду и съ нимъ случился ударъ. Это подтвердилъ и медицинскій осмотръ трупа. Опасаясь суда и безконечныхъ проволочекъ, помня хорошо правило *«отъ суда обрѣтася помы, да блии прочь»*, огорожникъ просто надѣялся отдѣлаться отъ всего этого фразою «знать не знаю и вѣдать не вѣдаю», а разъ солгавши, онъ началъ дѣлать десятки сбивчивыхъ показаній, противорѣчилъ себѣ и наконецъ такъ все запуталъ, что его нашли нужнымъ арестовать, какъ виновника въ смерти мужика. И хорошо еще, если онъ отдѣлается тѣмъ, что просидать годъ въ острогъ и будетъ выпущенъ съ подарѣньемъ. А между тѣмъ хваляство должно разстроиться; семейство обѣднѣтъ, острожные товарищи научатъ его своему уму-разуму, и нѣтъ ничего удивительнаго, что все это вмѣстѣ сформируетъ изъ него со временемъ настоящаго негодяя и преступника...

Послѣ всего этого понятно, съ какимъ неприятнымъ чувствомъ встрѣчаешь въ печати замышленія, въ родѣ замышленій г. Лугинина въ «Русскомъ Вѣстникѣ» о томъ, что крестьянское самоуправленіе есть зло, тяготящее на народѣ, что необходимо избавить крестьянина отъ этого зла. Къ счастью, такія крѣпостныя симпатіи, кромѣ господъ Лугининыхъ, ни въ комъ болѣе не возбуждаютъ довѣрія.

Представивъ читателю возможно обстоятельный очеркъ дѣятельности крестьянскихъ учреждений и указавши ему наиболѣе характерныя черты изъ практики волостныхъ крестьянскихъ судовъ, мы находимъ совершенно уместнымъ представить здѣсь же нѣкоторыя черты изъ судебной и административной практики нашихъ университетовъ. Такое сопоставленіе двухъ явленій, взятыхъ изъ разной области русской жизни, можетъ повести насъ къ многимъ, весьма интереснымъ сближеніямъ. Матеріаломъ для насъ между прочимъ послужить небольшая брошюра: «Русскіе университеты», изданная недавно въ Харьковѣ и сочиненная ректоромъ Харьковскаго Университета Рославскимъ — Петровскимъ.

Эта ректорская брошюра интересна между прочимъ потому, что представляетъ взглядъ на университетскій вопросъ officialнаго лица, обязанаго быть компетентнымъ судьей въ этомъ дѣлѣ, и замечаетъ слѣдовательно до известной степени officialныя мнѣнія о по-

требностяхъ и нуждахъ русскихъ университетовъ и тѣхъ мѣрахъ, какия возможны для удовлетворенія этихъ потребностей и нуждъ. Но для насъ эта брошюра главнымъ образомъ любопытна потому, что представляетъ множество характеристическихкихъ фактовъ изъ практики университетской жизни и администраціи, фактовъ, которыми г. ректоръ силится опровергнуть несостоятельныя, по его мнѣнію, воззрѣнія Н. П. Пирогова, по которымъ онъ только еще сильнѣе подкрѣпляетъ эти воззрѣнія и окончательно пошпибаеть свои несостоятельные выводы. Вотъ почему мы считаемъ лишнимъ познакомить читателя съ этою брошюрой.

Статья г. ректора раздѣляется на двѣ половины: въ первой онъ представляетъ мысли Н. И. Пирогова о томъ, какъ поднять русскіе университеты; вторая половина заключаетъ собственныя мысли автора, выводы и опроверженія мыслей Н. И. Пирогова. Впрочемъ въ сущности только развѣ самому г. ректору празднословіе его можетъ представляться мыслями, выводами и опроверженіями: ничего такого въ статьѣ его мы не пашли, такъ что, выдѣливши изъ нея любопытные факты, несомнѣнно принадлежащіе ректору, останется только развѣ слогъ и стиль, сильно напоминающій слогъ всѣхъ вообще провинціальныхъ писакъ. Такимъ образомъ тамъ напр., гдѣ Н. И. Пироговъ говоритъ о необходимости тѣсной связи между профессорами и студентами, г. ректоръ преподноситъ ту же самую мысль, но только въ такой формѣ: *желательно, чтобы ухо (?) и дверь жилища профессора во всякое время были открыты для студента* (40). Университетъ онъ рѣдко называетъ университетомъ, а большею частію величаетъ его *резервуаромъ сожженныхъ учебныхъ силъ, храмомъ науки, разсадникомъ русской науки* (33, 53). Въмѣсто слова профессоръ, онъ употребляетъ *сподвижника науки... благородный труженникъ, котораго томитъ священная жажда знанія* (29) и т. д. Въ концѣ концовъ отъ чтенія этихъ взмысленій, написанныхъ такимъ малыщеннымъ, чваннымъ слогомъ, просто тошнить.

Г. Рославскій—Петровскій своихъ собственныхъ соображеній почти не представляетъ никакихъ, въ большинствѣ случаевъ онъ соглашается съ мнѣніемъ Н. И. Пирогова, и при этомъ всегда заявляетъ свою радость не потому, что онъ сошелся въ мнѣніи съ честнымъ и умнымъ русскимъ писателемъ, а потому, что онъ *сошелся въ мнѣніи съ бывшимъ попечителемъ* (?). (Стр. 7.) Но авторъ

ухитряется такъ сходиться въ мнѣніи съ бывшимъ попечителемъ, съ такими оговорками, что совершенно справедливыми мнѣнія Н. И. Пирогова просто теряютъ всякій смыслъ. Такъ, по мнѣнію Н. И. Пирогова, русскій университетъ не имѣетъ опредѣленной «визіоніи»: наука, правительство и церковь внесли въ него свои требованія, которымъ онъ обязанъ удовлетворять. Положительнаго про университетъ можно сказать только то, что онъ есть учрежденіе правительственное и учебное, съ значительнымъ бюрократическимъ отбѣнгомъ и съ нѣкоторою примѣсью корпоративнаго, воспитательнаго и филантропическаго характера. Чтобы уничтожить этотъ неопредѣленный характеръ университетовъ и заставить ихъ жить самостоятельною жизнью, по мнѣнію Н. И. Пирогова, необходимо предоставить университетамъ полную автономію и освободить ихъ отъ вліянія централизаціи и чиновничества, съ которыми несовмѣстна автономія. Тамъ, гдѣ ученые—чиновники, а ихъ ученики—искатели чина, тамъ сейчасъ рождаются такія понятія и отношенія, которыя рано или поздно превратятъ учебное мѣсто въ присутственное. Въ наукѣ есть своя іерархія; сдѣлавшись чиновною, она теряетъ свое значеніе. Говорятъ, что у насъ при существованіи табели о рангахъ, вывести одни только университеты изъ этого строя, значило бы унижить образованіе въ глазахъ всѣхъ сословій. Но именно у насъ, чтобы дать университету настоящую самостоятельность, и нужно поставить его внѣ всего іерархическаго строя. «Пора также серьезно подумать», прибавляетъ Н. И. Пироговъ, «что наблюдать за ходомъ просвѣщенія въ цѣломъ краѣ, т. е. быть попечителемъ, можетъ не всякій, кто только достигъ, по своему чину и званію, извѣстнаго положенія въ обществѣ».

Г. ректоръ вполне соглашается съ этимъ мнѣніемъ бывшаго попечителя, но дѣлаетъ при этомъ нѣкоторую уступку, отъ которой самое мнѣніе теряетъ всякій смыслъ. Онъ находитъ, что если и полезно уничтожить чины, то не *профессорскіе*, а тѣ, которые даются лицамъ, окончившимъ курсъ университетскаго образованія. «Въ ученой Германіи», говоритъ онъ, «знаменитѣйшіе профессора не пренебрегаютъ почетнымъ титуломъ гофратовъ и дорожатъ орденами, жадуемыми ими своими и иностранскими правительствами, такъ же точно, какъ и французы своимъ *legion d'honneur*. И это нисколько не мѣшаетъ тѣмъ и другимъ обогащать науку капиталѣйшими трудами. У насъ цѣна на чины въ последнее время значительно упала,

а ученое сословіе, особенно молодое поколѣніе, такъ мало интересуется ими, что я знаю нѣсколько случаевъ, когда преподаватели университета, правда люди недостаточные, *просимъ, какъ милости, не представлять ихъ въ слѣдующій чинъ*... Если часто молодое ученое поколѣніе просить, *какъ милости*, не представлять его къ чину, такъ за чѣмъ же оставлять профессорскіе чины?

Въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ г. ректоръ рѣшается слегка противорѣчить Н. И. Пирогову, крайняя несостоятельность его тенденцій является очевидною. Такъ, по мнѣнію Н. И. Пирогова, предоставивши нашимъ университетамъ полную автономію, необходимо принять мѣры противъ nepотизма и застоя, которые могутъ появиться въ самой коллегіи. Лучшею мѣрою противъ nepотизма и застоя самой коллегіи можетъ служить контроль общественнаго мнѣнія и конкуренція, которую можно возбудить учрежденіемъ института доцентовъ. Доцентство постоянно давало бы возможность обновлять коллегію молодыми, свѣжими силами, и служило бы лучшею оппозиціею nepотизму и застою. По мнѣнію г. Рославскаго-Петровскаго, всѣ эти мѣры ни къ чему не поведутъ; единственное спасеніе — строгіе экзамены на ученія степени. Закатить новичку строгій экзаменъ, и онъ на двадцать лѣтъ будетъ хорошимъ профессоромъ. «Система нашихъ экзаменовъ на ученія степени устроена такъ, что требованіямъ ея не всегда удовлетворить и отличный специалистъ, составившій себѣ имя въ ученомъ свѣтѣ, и на оборотъ, легко можетъ сдѣлаться магистромъ и даже докторомъ человекъ, вовсе неспособный къ самостоятельнымъ занятіямъ наукой. Правда, Положеніе требуетъ отъ доктора критическаго, т. е. самостоятельнаго знанія науки, но можно ли говорить серьезно о выполненіи подобнаго условія, когда всей человѣческой жизни часто бываетъ недостаточно для усвоенія одной науки. Возьмите, на примѣръ, хоть всеобщую исторію». Г. Рославскій-Петровскій, вѣроятно, изъ собственнаго опыта приводитъ этотъ примѣръ.

Университетская коллегія тогда только будетъ живою, сильною и прогрессивною, когда она на свободѣ разовьетъ свою дѣятельность и будетъ имѣть право сама опредѣлять вознагражденіе за труды своимъ сочленамъ, не по должности и чину, а по личнымъ достоинствамъ и заслугамъ въ наукѣ. Какимъ образомъ убѣдиться въ заслугахъ преподавателя, объ этомъ можно спорить, но что убѣдиться необходимо—это неоспоримо. Одною изъ такихъ мѣръ, по мнѣнію Н. И.

Пирогова, могутъ быть—литературныя заслуги профессора. Г. ректоръ думаетъ, что литературныя заслуги профессора не могутъ служить основаніемъ при оцѣнкѣ заслугъ профессора и назначеніи вознагражденія за его заслуги. Чтобы доказать свою мысль, г. ректоръ приводитъ два слѣдующіе случая: «одинъ профессоръ почти ежегодно обогащаетъ науку дѣльными сочиненіями, хотя и не двлгающими ее впередъ, другой, болѣе строгій къ себѣ, или *имѣющій болѣе обширныя планы*, долго ничего не издавалъ въ свѣтъ и только передъ концомъ своего поприща выступилъ передъ публикою съ трудомъ, но съ такимъ трудомъ, который навсегда останется памятникомъ его таланта и учености. Спрашивается: кто изъ нихъ приобрѣлъ право на высшее вознагражденіе?..»

Нельзя не замѣтить, что примѣры, приведенные г. ректоромъ, слишкомъ исключительны и приведены неудачно. Опираясь на этотъ примѣръ, могутъ благоденствовать въ коллегіи самыя бездарныя и тупыя личности, и какойнибудь преподаватель, который во всю свою жизнь не произвелъ ничего, кромѣ ничтожнѣйшей брошюрки, можетъ себѣ требовать у коллегіи большаго вознагражденія, увѣряя, что онъ «имѣетъ болѣе обширныя планы, и только передъ концомъ своего поприща выступить передъ публикою съ трудомъ, но съ такимъ трудомъ», который, подобно труду гоголевскаго Тентетникова, долженъ обозрѣть Россію со всѣхъ точекъ зрѣнія: съ политической, статистической, экономической, географической и т. д.

Если бы дѣйствительно въ средѣ университетской коллегіи оказался такой талантливый профессоръ, который дѣйствительно имѣлъ бы не только «болѣе обширныя планы», но и средства выполнить эти обширныя планы, хоть подъ конецъ своей жизни, то дѣятельность и заслуги подобнаго профессора коллегія всегда имѣла бы возможность оцѣнить. Для этой цѣли было бы совершенно справедливымъ допустить и учащихся къ заявленію своего мнѣнія о пущахъ аудиторій. Есть конечно на свѣтѣ худыя книги, которыя много читаются, и худыя лекціи, которыя слушаются. Но если книга вовсе не читается и лекціи никѣмъ не слушаются, то хорошими ихъ назвать нельзя; въ нихъ вѣрно есть чтонибудь не такъ. И мнѣнія читателей и слушателей всегда нужно узнавать, университетъ обязанъ прислушиваться къ голосу учащихся, въ которомъ онъ всегда услышитъ много правды. И этотъ голосъ, не смотря на всѣ увлеченія, будетъ

всегда для него однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ средствъ противъ отсталости и застоя.

Такимъ образомъ г. Рославскій-Петровскій, не понявъ и, по своему, перетолковавъ мысли Н. И. Пирогова, начинаетъ скорбѣть, что наши университеты удалились отъ своего средневѣковаго идеала, а потому совѣтуетъ имъ попытаться назадъ къ этому идеалу. Какимъ образомъ онъ ухитрился прійти къ такому выводу, на основаніи совершенно справедливой мысли Пирогова, мы никакъ не можемъ понять. Н. И. Пироговъ дѣйствительно говоритъ, что наши университеты удалились отъ того идеала, какой они имѣли въ средніе вѣка, когда и учителя, и ученики были сподвижниками науки, когда университетъ имѣлъ только одни безусловныя, чисто-научныя стремленія. Н. И. Пироговъ просто заявляетъ объ этомъ совершившемся историческомъ фактѣ, безъ всякой скорби, потому что историческій фактъ можетъ подлежать нашему изслѣдованію, анализу, но не составляетъ предметъ для сантиментальничанья. Онъ упоминаетъ объ этомъ средневѣковомъ идеалѣ университетовъ, вовсе не рекомендуя его въ идеалъ нынѣшнимъ университетамъ; онъ говоритъ только, что средневѣковый университетъ, основанный передовыми людьми того времени, имѣлъ опредѣленную физиономію; нынѣшніе же университеты, съ чисто-официальнымъ характеромъ и значеніемъ, потеряли всякій опредѣленный смыслъ. Правительство, учреждая университетъ, имѣло нужду въ специалистахъ, которыхъ надѣялось получить черезъ университетъ, а потому въ немъ, вмѣстѣ съ чисто-научнымъ, должно было развиваться прикладное. Но и прикладное, невыработавшееся наукой на родной почвѣ, не могло развиваться и идти прогрессивно впередъ. Поощряемое только извнѣ, искусственной регламентаціей государства, оно могло только отчасти удовлетворять вопиющимъ его потребностямъ.

Эта неопредѣленность характера и основныхъ началъ нашихъ университетовъ, выражающаяся въ ихъ направленіи, по мнѣнію Н. И. Пирогова, указываетъ на необходимость радикальной университетской реформы. Г. Рославскій-Петровскій ухитряется прійти къ совершенно обратному выводу. Упомянувши съ радостію, что онъ сошелся въ мнѣніи съ бывшимъ попечителемъ относительно того, что университеты удалились отъ своего средневѣковаго идеала, г. ректоръ начинаетъ скорбѣть по поводу этого совершившагося историческаго факта, плакать, что они потеряли дорогую

Zernfreiheit, которую также понимает по своему, и въ концѣ концовъ говорить, что для спасенія нашихъ университетовъ нужны не новыя мѣры, а старыя, именно, что «нужно принять за основаніе университетскій уставъ 1804 г., которымъ представлялась ему значительная автономія: и сохранялась неприкосновенность личнаго состава коллегіи.» Словомъ рекомендуетъ университетамъ принять тѣ основанія, которыя такъ вредно отразились на его дѣятельности и такъ долго тяготѣли на его членахъ всѣми своими непривлекательными сторонами.

По уставу 1804 г. университету не предоставлено было никакой автономіи, коллегія не имѣла никакихъ правъ, не пользовалась никакимъ вліяніемъ не только на административную, но даже на учебную часть университета, на ней лежало только нѣсколько тяжелыхъ обязанностей. Только одинъ ректоръ имѣлъ кой-какія права.

Университетская коллегія не имѣла никакихъ правъ, все подчинено было высшей инстанціи, каждое самое незначительное распоряженіе коллегіи могло быть приведено въ исполненіе только по утвержденіи его высшею инстанціею, всѣ члены коллегіи утверждались въ своихъ должностяхъ высшимъ начальствомъ, начиная отъ ректора университета и оканчивая «учителями пріятныхъ искусствъ и гимнастическихъ упражненій.» Число кафедръ, профессоровъ и адъюнктовъ было строго ограничено, и только въ рѣдкихъ случаяхъ, «если совѣтъ университета будетъ имѣть случай пріобрѣсть славнаго и отличнаго ученіемъ мужа, или если между природными Россіянами найдутся молодые люди въ какой либо наукѣ толико успѣвшіе, что, представленными печатными или рукописными сочиненіями и чтеніемъ о заданномъ предметѣ лекцій, удостовѣрять, что съ пользою университету могутъ занять мѣсто адъюнкта, въ такомъ случаѣ пріобщить ихъ къ университету дозволяется, и о принятіи каждаго совѣтъ чрезъ попечителя представляетъ Министру Народнаго Просвѣщенія и ожидаетъ рѣшенія» § 26. Даже «росписанія лекцій каждаго факультета совѣтъ соображаетъ между собою и *заблаговременно представляетъ попечителю на утвержденіе.*» § 56.

Результаты такого подчиненія не только административной, но и учебной части университета, и самой коллегіи попечителю были самыя печальныя, тѣмъ болѣе, что въ должность попечителя, какъ говоритъ Н. И. Пироговъ, часто избирались люди, не имѣвшіе никакого права на эту должность, а только достигнув-

шіе извѣстнаго чина или положенія въ обществѣ. «Часто, говоритъ онъ, когда совѣтъ университета рѣшалъ вопросъ о какой нибудь насущной потребности университета, начальникъ улыбался и говорилъ: «тамъ у меня спорять,» а секретарь рѣшалъ все по своему.» Всѣ эти факты очень хорошо извѣстны г. ректору Рославскому-Петровскому, онъ самъ приводитъ множество подобныхъ фактовъ, а потому тѣмъ непонятнѣе представляются намъ его выводы.

Самая сущность университетскаго устава 1804 года необходимо должна была развить въ университетской коллегіи непотизмъ и застой. Извѣстно, что по силѣ этого устава право читать лекціи въ университетѣ могъ получить не всякій, сознавшій въ себѣ ученое призваніе, а только лице избранное и рекомендованное факультетомъ. Выборъ факультета обыкновенно основывался на рекомендаціи профессора, который даже и при лучшихъ памѣреніяхъ могъ очень легко ошибиться относительно своего бывшаго слушателя, такъ какъ могъ судить о немъ только по результатамъ его пассивныхъ занятій; а извѣстно, что хорошо держать экзамены не значитъ еще быть способнымъ руководить научными занятіями другихъ. Иногда же случалось, что профессоръ сознательно покровительствовалъ посредственности изъ нерасположенія къ другому лицу, въ которомъ не правилась ему независимость мнѣнія и характера. На это указываетъ г. Рославскій—Петровскій и прибавляетъ: «кто учился въ русскихъ университетахъ лѣтъ 30 тому назадъ, тотъ очень хорошо знаетъ, какъ много можно было выиграть въ старину такъ называемымъ *лазарствомъ*. Если же выборъ профессора падалъ и на человѣка талантливаго, что случалось нерѣдко, то и это еще не ручалось за охраненіе достоинства каведры на будущее время. Вступивъ разъ въ ученый кругъ, адъюнкты не столько заботились объ усовершенствованіи себя въ наукѣ, сколько о поддержаніи хорошихъ отношеній съ вліятельными членами факультета.»

Обыкновенно адъюнкты рассматривались въ нашихъ университетахъ, какъ казенный исполнитель порученій профессора по учебной части: читалъ составленныя имъ записки и продолжалъ по случаю болѣзни или отлучекъ профессора превращенныя имъ лекціи: но никогда не принималъ участія въ дѣлахъ коллегіи. Избранный обыкновенно по одной рекомендаціи своего патрона, онъ довольствовался своимъ незавиднымъ положеніемъ, только имѣя въ виду, что рано или поздно, все-таки самъ сдѣлается профессоромъ, или опять черезъ покрови-

тельство, или же по привычкѣ къ нему всего факультета. Особенныхъ побудительныхъ причинъ къ усовершенствованію себя не было. Главный расчетъ былъ основанъ на покровительствѣ. Притомъ адъюнкты перѣдко обрѣщались были тяжелыми порученіями. О томъ, какія это были порученія и сколько тратилось времени на ихъ исполненіе, можно судить по одному примѣру изъ исторіи харьковскаго университета, который приводитъ г. Рославскій-Петровскій. Одинъ изъ воспитанниковъ этого университета адъюнктъ, въ послѣдствіи профессоръ, В. Комлишинскій, среди приготовленій къ магистерскому и докторскому экзаменамъ, перевелъ съ немецкой рукописи на русскій языкъ сначала физику своего наставника профессора Стойковича, а потомъ курсъ химіи другаго своего профессора Гизе, состоявшій изъ четырехъ объемистыхъ томовъ, изъ которыхъ въ каждомъ было не менѣе 30 печатныхъ листовъ.

По уставу 1804 года имѣли право голоса одни только ординарные профессора, такъ что тѣ кафедры, которыя заняты были экстраординарными и адъюнктами, оставались вовсе безъ представительства въ совѣтъ, и слѣдовательно лишены были возможности защищать свои интересы. Отсюда же происходилъ деспотизмъ и грубость ординарныхъ профессоровъ въ обращеніи съ младшими ихъ собратами. Г. Рославскій-Петровскій рассказываетъ, что «одинъ изъ первыхъ воспитанниковъ харьковскаго университета, Селивановъ, рассказывалъ мнѣ *забавный* (?) анекдотъ о томъ, что покойный профессоръ харьковскаго университета Филомаѳитскій, въ бытность свою адъюнктомъ, жаловался однажды на невниманіе къ своимъ представленіямъ, ссылаясь на то, что онъ *такой же членъ*, какъ и другіе, на что ветеранъ тогдашняго медицинскаго факультета, заслуженный профессоръ Шумлянскій, имѣвшій репутацію добраго человѣка, дѣльнаго преподавателя, *отвѣчалъ ему въ видѣ шуточки такой остроумію, которую я не рѣшаюсь повторять въ печати*».

Нѣтъ ничего удивительнаго, что при такомъ жалкомъ, загнанномъ положеніи молодыхъ профессоровъ университета, коллегія не освѣжалась свѣжими силами, и необходимымъ результатомъ этого былъ застои и nepотвзмъ, съ его системой протекцій, которая принимала самыя грубыя и уродливыя формы, доходила даже до взяточничества, которое не разъ проявлялось въ нашихъ университетахъ подъ видомъ пансіонерства и т. п. Правда, еще въ сороковыхъ го-

дахъ учреждено у насъ доцентство, открывавшее свободный доступъ къ преподаванію въ университетъ; но какъ отъ доцента, промѣ магистерскаго экзамена, требовалась еще диссертация *pro venia legendi*: сдѣлательно болѣе, чѣмъ отъ адъюнкта, а между тѣмъ онъ не получалъ никакого жалованья, и только по истеченіи года, если факультетъ находилъ его достойнымъ, могъ быть представленъ къ вознагражденію, обыкновенно весьма ограниченному, то нѣтъ ничего удивительнаго, что доцентство осталось однимъ бумажнымъ учрежденіемъ и не могло противоdѣйствовать застою русскихъ университетовъ. Высшая инстанція, присвоившая собѣ право, помимо совѣта, опредѣлять профессорами извѣстныхъ ему лицъ, обыкновенно дѣлала самые неудачные выборы. Г. Рославскій-Петровскій рассказываетъ, что однажды, «по ходатайству попечителя, назначенъ былъ профессоромъ философіи господинъ, занимавшій прежде разныя административныя должности, и между прочимъ *служившій чиновникомъ при полиціи*».

Вообще говоря, трудно было и требовать отъ тогдашней университетской коллегии хорошихъ проявленій ея дѣятельности, при тѣхъ ограниченныхъ правахъ, какими она пользовалась по закону и которыя на практикѣ часто нарушались высшею инстанцією, не имѣвшею съ нею никакой другой связи, кромѣ чисто служебной. Г. Рославскій-Петровскій приводитъ нѣсколько любопытныхъ фактовъ изъ этого тяжелаго періода русскихъ университетовъ. «Въ Харьковскомъ университетѣ», говоритъ онъ, «былъ высланъ за границу въ 1827 году одинъ изъ лучшихъ преподавателей его, профессоръ Шадъ, за изданныя имъ сочиненія, найденныя несогласными съ религіею и государственными учрежденіями Россіи, что до такой степени напугало товарища его, профессора Рейта, человѣка отъ природы робкаго, что, диктуя своимъ слушателямъ на лекціяхъ естественное право, онъ по нѣскольку разъ обдумывалъ и измѣнялъ выраженія, самыя невинныя, боясь поговориться. Спустя четыре года другой извѣстный ученый, бывший украшеніемъ физико-математическаго факультета харьковскаго университета Т. С. Осиповскій, заподозрѣнный попечителемъ въ вольнодумствѣ, по поводу сдѣланнаго на экзаменѣ одному студенту замѣчанія, что говоря о Богѣ, умѣстише употребить выраженіе «*существуетъ*», вмѣсто «*живетъ*», противъ собственнаго желанія былъ уволенъ отъ службы; а любимому ученику его, въ послѣдствіи знаменитому нашему академику М. В. Остроградскому, министерство отказало въ кандидатской степени, подъ предлогомъ

несоблюденія въ отношеніи къ нему недавно изданныхъ правилъ объ испытаніяхъ, а въ самомъ дѣлѣ потому, что противъ него былъ сильно настроенъ тогдашній попечитель, вслѣдствіе заявленія, сдѣланнаго однимъ профессоромъ, что онъ никогда не посѣщалъ лекцій богословія. Роясь въ старыхъ дѣлахъ, мы отыскали, что въ типографіи харьковскаго университета въ 1817 году печаталось циркулярное предложеніе о томъ, что *священное писаніе должно служить основою при преподаваніи всѣхъ наукъ*. Сохранилось преданіе, что нѣкоторые изъ профессоровъ, желая угодить начальнику, *кстати и некстати приводили на лекціяхъ тексты, а въ казакскомъ университетѣ, по распоряженію попечителя, преподавалось естественное право въ смыслъ обличительною.*» (Стр. 36.)

Понятно, что подобная тяжелая атмосфера не могла благоприятствовать свободному развитію университетской науки, и что отсталость должна была вторгаться въ университетскіе курсы, которые, по словамъ тогдашнихъ студентовъ, читались по благонадежнымъ руководствамъ, однажды навсегда избраннымъ, или же по тощимъ запискамъ, приправленнымъ въ устномъ разказѣ блестящей френологіей и занимательными, только не въ научномъ отношеніи, анекдотами.

ДНЕВНИКЪ ТЕМНАГО ЧЕЛОВѢКА.

Нѣчто о конюргѣ и удобствахъ петербургской жизни. Внутри и снаружи.— Удобство дома, и на улицѣ. — Общественные экипажи, омнибусы и пароходы. — Общій совѣтъ петербуржцамъ. — Нѣкто г. Зарудный и разсказъ о его справедливомъ изгодованіи и объ англійскомъ хлѣбѣ. — Нынѣшнее петербургское лѣто. — Печальная участь городскихъ жителей. — Городскіе общественные сады. — Загородныя гулянья. — Полуостровскіе нравы и буетчикъ Кене, сортирующій публику. *Пять цѣлковыхъ.* „Сказочная быль“ — полуостровская легенда. — Нѣсколько словъ о фельетонистѣ Голося, о гоголевскомъ Осипѣ (въ Ревизорѣ) и о литературныхъ «Осипахъ». — Фельетонистъ Голося вторгается въ частную жизнь молодой дѣвушки, а А. А. Браевскій глядитъ его за это по головкѣ. — Продѣлки одной московской газетки. — Провинціальныя вѣсти.—Губернскій педагогъ-начальникъ, пойманный въ михоимствѣ. — Курьезная жалоба мелкопомѣстнаго курдюка и рѣшеніе уѣзднаго суда.—Публичныя лекціи въ г. *Вотарась.*—„Черноозерскій“ дворянскій клубъ и его правила.—Могутъ ли художники быть членами собранія, а повивальныя бабки его посѣтительницами?!.. Отрывки изъ моего „провинціальнаго дневника“.—Нѣкоторыя черты изъ жизни города *Кумьсинска.*

И вотъ я опять въ Петербургѣ. Я возвратился въ него въ то самое время, когда все населеніе невской столицы спасается бѣгствомъ изъ пыльнаго, душнаго города.

Казанская дамба, сибирскія грязи, самарскіе степи — все это снова осталось назади, и вокругъ меня опять грохочетъ петербургская мостовая, встаютъ невскія зданія и улицы.

Любезные провинціалы! Вы меня такъ хорошо кормили и угощали, вы такъ радушно предлагали свои объятія и пуховики, одинаково мягкіе, что я не могу не заплатить вамъ за это хотя

нѣкотораго рода утѣшеніемъ. Вы, мои сытые и разумные друзья, всегда съ такимъ вздохомъ говорили о Петербургѣ; его жизнь вамъ казалась до того обаятельной, что мнѣ, право, смертная охота пришла разувѣрить васъ въ вашихъ фантазіяхъ и показать, что тѣ именно стороны петербургской жизни, которыя васъ такъ плѣняютъ, вовсе не плѣнительны. Отдѣлите отъ Петербурга мыслящую часть его, стоящую одинокимъ особнякомъ, взгляните въ его внутреннюю жизнь, и этотъ „городъ фасадовъ“ явится передъ вами безъ блестящаго ореола.

Петербургъ постоянно бредитъ объ удобствахъ жизни, о необходимомъ комфортѣ и бредитъ по тому самому, что ихъ не имѣетъ. Не достигнувъ ихъ, онъ началъ себя надувать маскарадомъ, наружной представительностью. Его внѣшній комфортъ походитъ на тѣ домики деревенскихъ помѣщиковъ, которые въ лицевой сторонѣ безобразной избы наклеили раскрашенные доски въ видѣ башенъ, бельведеровъ съ флюгерами и флагами. Снаружи — замки, внутри — конюшни. Петербургскій комфортъ напоминаетъ тѣхъ гайдуковъ, стоящихъ за старо-модною барскою каретою, гайдуковъ, у которыхъ богатая ливрея блеститъ яркими прозументами, а изъ старыхъ сапоговъ выглядываютъ пальцы и изъ-за галстухъ въ видѣхъ локмотья грязной рубашки. Новая форма общественной жизни Петербургу не далась, и онъ усвоилъ себѣ только одну ихъ внѣшность, не разставшись въ то же время съ примѣсью всѣхъ старыхъ болсрскихъ преданій, вывезенныхъ изъ Москвы и провинціи.

Петербургъ — нашъ сѣверный Константинополь. Его восточная физіономія не скроется ни подъ какими европейскими брекками и наолками. Онъ часто дивитъ безумной роскошью восточнаго сатрапа, напускаетъ пыли въ глаза, но въ то же время не создалъ себѣ необходимыхъ, будничныхъ удобствъ, тѣхъ мѣщанскихъ удобствъ, безъ которыхъ европейскій челоуѣкъ обойтись не можетъ.

Къ Петербургу мы всегда относимся, какъ къ мальчику, *подающему большія надежды*“ (и онъ дѣйствительно подаетъ большія надежды), но вѣдь, нельзя же вѣчно отговариваться своимъ несовершенствомъ, нельзя же Петербургу постоянно пѣть романъ А. Фета:

Я дитя—меня балуютъ,
Я дитя—меня целуютъ
Боже мой,—онъ

И не знаютъ, что волнуетъ,
Мучить все во мнѣ...

У этого ребенка уже пробилъ усъ надъ губой, а онъ на усъ ничего не нотааетъ и только старается подражать походкѣ и манерамъ своихъ старшихъ братій, не сознавая, что и манеры, и походка, какъ в самая эвзіоміе, вырабатывается изнутри, изъ внутреннаго содержанія.

Великолѣпныя улицы! великолѣпныя зданія! блестящіе уагазны! Все это открывается съ птичьяго полета, но такъ какъ мы не птицы, и такъ держки, что хотимъ жить на этихъ великолѣпныхъ улицахъ, въ этихъ великолѣпныхъ домахъ, такъ какъ насъ занимаетъ болѣе ихъ закулисная обстановка, то мы скоро съ кинлою гримасой будемъ смотрѣть на это наружное великолѣпіе, какъ на лицо изношенной камелии, разрисованное художниками изъ косметическаго магазина. Не говоря уже о цѣлыхъ городскихъ кварталахъ, зачумленныхъ бѣдностью, татарской неопратностью и грязью, гдѣ мечтать о необходимыхъ удобствахъ такъ же нелѣпо, какъ нелѣпо въ киргизъ кайсадкой степи искать итальянской оперы, — не говоря уже о многихъ мрачныхъ катакомбахъ, гдѣ до поры до времени жить можно только по силѣ инерціи, — мы заглянемъ въ какойнибудь любой великолѣпный домъ Петербурга и, отбросивъ въ сторону славянскую невзыскательность, посмотримъ, какое удобное помѣщеніе можемъ избрать себѣ.

— Прежде всего, какова въ домѣ лѣствица, каково *антре?* думаетъ и о себѣ петербургскій буржуа, отправляясь осматривать новую квартиру въ подобномъ великолѣпномъ домѣ.

— На лѣстницѣ—картины; на лѣстницѣ—цвѣты и ковры. На лѣстницѣ пахнетъ лежалымъ швейцарскимъ сыромъ и... швейцаромъ. Буржуа самодовольно улыбается.

Комнатъ много, но ихъ размѣщеніе имѣетъ какой-то гаремный характеръ. Въ переднихъ комнатахъ—въ комнатахъ *для другихъ*, для гостей—проторно и весело. Обои цвѣтисты и ихъ рисунки могутъ иногда замѣнить намъ картины, потому что мы чужды артистическихъ потребностей: наши стѣны мы предназначаемъ не столько для картинъ, сколько для таракановъ.

Комнаты заднія, назначаемыя для труда, покоя и отдыха, однимъ словомъ для нашей внутренней, домашней жизни, — темны, малы и неудобны. Есть цѣлый покой съ мраморной ванной, но нѣтъ уютнаго уголка для вашей прислуги, которая въ правѣ рассчитывать на особенное помѣщеніе, потому что тоже имѣетъ право

на отдыхъ, а на ея долю достается часто чуланъ, или же дваршина земля гдѣ нибудь за ширманъ въ темномъ корридорѣ. Мраморныя камины и двери съ сломанными замками, зеркальныя окна и грязная задняя лѣстница, отъ мѣазмовъ которой можно получить сибирскую язву, какъ и отъ темныхъ, гноящихся колодезь, называемыхъ петербургскими дворами. Великолѣпныя *антре* рѣдко освѣщаются газомъ: въ лампахъ падаетъ угарный фотогенъ, и еще за-долго до ночи лампы потухаютъ. Вообще огонь и вода не входятъ въ удобство нашей жизни. „Ощество водопроводовъ“ вѣрнѣе можно назвать „обществомъ застрахованія города отъ воды“. Мы вспрыскиваемъ свои желудки едой изъ грязныхъ канавъ и пивомъ съ разными подозрительными приправами. Въ ресторанахъ и гостиницахъ насъ отучаютъ отъ брезгливости, и если мы, какъ китайцы, не ѣдимъ пауковъ, за то за частую ловимъ въ соусахъ разныхъ домашнихъ наѣкомыхъ. Что жъ, впрочемъ, это за бѣда! Увѣрила же мепя недавно въ провинціи одна барышня, которая „гражданскіе мотивы“ довела до пересолу, что носить бѣлье и мыть лицо человѣку нѣтъ никакой надобности. Какъ демократъ, я сконфузился отъ этихъ словъ, потому что былъ въ ту минуту въ чистой голландской рубашкѣ.

Нѣтъ ли петербуржецъ помѣщается на своихъ дачахъ еще съ большимъ комфортомъ. На его окнахъ — марензы, и онъ, какъ маркизъ, не обращаетъ никакого вниманія на то, что съ потолка просачивается дождь, а стѣны колеблются отъ вѣтра, какъ театральная занавѣсь. Въ его саду роскошныя клумбы цвѣтовъ, а его дачная кухарка часто бѣгаетъ цѣлое утро, чтобъ за двойную цѣну купить къ обѣду нѣсколько фунтовъ хорошей говядины.

Если вы пмѣете свой экипажъ и лошадей, то, разумѣется, можете спокойно совершать путешествіе по городу. Но вы ихъ не имѣете — вы надѣтесь на какія нибудь общественныя учрежденія, но въ замѣнъ изъ получаете только одинъ обѣщанія изъ устройствъ дешевыхъ общественныхъ каретъ и крытыхъ држекъ. Петербургскій валяка предлагаетъ вамъ свой безобразный экипажъ съ крыльями, и вы на каждомъ шагу можете слетѣть съ нихъ въ какую нибудь водопроводную яму. А не то сажактъ васъ въ городскіе, или дачныя омнибусы, запряженные испотребенными клячками, и вы въ этихъ передѣльныхъ чеподанахъ задыхаетесь отъ духоты и жару. Водяныя сообщенія не лучше сухопутныхъ. На рѣчной пароходъ усаживаютъ часто столько публитъ, что вамъ не гдѣ сѣсть, и вы, сто, путешествуете въ продолженіе цѣлаго

часа. Изъ трубъ вырываются искры, и эти „блестки“ и „изгарь“ сжигаютъ платье, шляпки и дамскія вуали.

Остатся одно удобство: ходить пѣшкомъ. Но, вы думаете, это безопасно? Ничуть. Петербургскіе дома имѣютъ привычку, подобно Египъ, извергать изъ себя кирпичи и камень, а зимой въ цѣлыя ледяныя лавины, летящія на голову скромнаго пѣшехода. Походженіемъ уличныхъ рысаковъ занимаются цѣлыя изданія, специально этихъ рысакамъ посвященные, но отъ ихъ набѣговъ пѣшеходы все-таки продолжаютъ страдать.

Какъ видите, удобства—повсюду, на каждомъ шагу. И я только слегка еще коснулся этого вопроса. И такъ:—

Господа! Не спорьте!
 Право, годъ отъ году,
 Бредя о конюортъ
 Вы толчете воду.
 Съ многоженными жеромъ
 Рассказайте явнты
 И въ лежмотьмахъ старымъ
 Намывайте карты.
 Не боясь запячки,
 Дѣти новой расы,
 Воду изъ фонтанки
 Пейте безъ гримасы.
 Славьте, взявши дыры,
 Русскіе поэты—
 Пышныя квартиры,
 Значные буеты,
 Роскошь нашей юды,
 Красоты небосклона,
 Зданья, парожды,
 Эль Андрея Крема,
 Невскіе журналы
 «Голось» п... другіе,
 Невскіе скандалы,
 Сердцу дорогіе,
 Фатовъ и камелій,
 Думу съ каланчою,
 Красоту папелей,
 Съ прочной мостовою.
 Пой пѣвецъ, какъ Пушкинъ,
 Справедливъ, какъ Швцкинъ,
 Смѣль будь, какъ Якушкинъ,
 Мягкоъ, какъ Дудышкинъ.

Жаловаться, негодовать въ наши счастливыя дни совершенно бесполезно. Впрочемъ нѣтъ, извините,—дозволяется только одно *благодарное негодованіе*, о которыхъ повѣствуемъ намъ нѣкто г. Зарудный. Дѣло, названное-ли видѣть, состоитъ вотъ въ чемъ: нѣкто г. Зарудный написалъ протестъ противъ себя самого. После А. Григорьева это только второй случай самообличенія. Письмо г. Заруднаго, помѣщенное въ «Петербургскомъ листѣ», я не могу понять иначе, какъ самообличеніе, потому что самое главное обвиненіе авторъ возводитъ на себя одного.

У г. Заруднаго есть своя дорогой породы лошадъ, но это еще не бѣда. Г. Зарудный любитъ кататься на своихъ дорогихъ лошадяхъ, и это тоже не бѣда, лишь бы только эти дорогие лошади не давили прохожихъ. Но вотъ тутъ-то и начинается самообличеніе.

Г. Зарудный на своихъ дорогихъ лошадяхъ съ англійскимъ хлыстомъ въ рукѣ катался въ шарабанѣ по Старой деревнѣ. Проезжая мимо дачи кн. Эристова, г. Зарудный нагнулъ на двѣ кареты, которыя стояли у подъѣзда. У г. Заруднаго начались первые признаки негодованія. Негодованіе это усилилось, когда ему тутъ же виѣсть съ каретами попалась чухонская тележка, и въ ней чухонецъ, вѣдущій на своей лошади. Негодованіе г. Заруднаго сообщилось его дорогимъ лошадямъ, и они рѣзались между каретами и чухонской таратайкой. Г. Зарудный *только* (пишетъ онъ) *взмахнулъ своимъ хлыстомъ*, чтобы прогнать дерзкаго чухонца. *За это*, продолжаетъ онъ, одинъ изъ навозниковъ кареты сталъ кричать на него. Тутъ г. Зарудный не выдержалъ и *въ нѣмлю справедливаго негодованія стегнулъ его хлыстомъ*. Все это пишетъ самъ г. Зарудный. Многіе думаютъ, что онъ обличаетъ грубаго навозника, но мнѣ кажется, что онъ протестуетъ противъ себя или противъ англійскихъ хлыстовъ, которые имѣютъ свойство возбуждать справедливое негодованіе въ рукѣ кровнаго славянина. Такое искреннее самообличеніе по своей важности должно непременно возбудить въ насъ участіе къ г. Зарудному, и мы совершенно принимаемъ его сторону:

Изъ положенія труднаго,
Выходъ извѣстно какой:
У господина Заруднаго
Хлысть былъ тогда подъ рукой.

Суровость и холодъ невскаго лѣта вошли въ непреложную истину. На этой темѣ упражнялись поэты, прозаики и фельетонисты нѣсколькихъ поколѣній. Всѣ любили

Надъ природой подтрунивать нашей.

Между тѣмъ лѣто мнѣшняяго года измѣнило своему постоянному капризному характеру. Два мѣсяца жаръ стоялъ нестерпимый; дни душны, какъ и ночи. Солнце палитъ и жжетъ съ какими-то оскверненіемъ, чисто по-африкански. Петербургъ лѣгомъ всегда отаратытеленъ, но въ нѣмѣшній лѣтній сезонъ городская жизнь сдѣлалась совершенно невыносимой. Все, что не могло или не успѣло переселиться за городъ, задыхается въ пыли и духотѣ невской столицы. Городской житель не имѣетъ возможности носу высунуть для прогулки, потому что Петербургъ такъ предусмотрительно построенъ, что своимъ обитателямъ

Проститъ для прогулокъ
Подальше выбрать закоулокъ,

подальше, гдѣ шбудъ за чертой города. Петербургъ своей постройкой и размѣщеніемъ напоминаетъ устройство канцеляріи. Въ канцеляріи все строго, чинно и опрятно, но за то въ ней изгнаны всѣ удобства и разнообразія частныхъ квартиръ. Дубовые столы съ стульями замѣняютъ покойную мебель; на окнахъ, вмѣсто цвѣтовъ, картонки съ входящими дѣлами. Форменныя лица, форменная обстановка!.. Точно таковъ и Петербургъ — эта громадная канцелярія. Для своихъ жителей онъ устроилъ широкіе, до ушей правильныя улицы, устроилъ дома, магазины, присугственные мѣста, площади, но не далъ имъ ни бульваровъ, ни садовъ, не далъ имъ мѣста для прогулки, для того вѣрно,

Чтобъ человекъ не базовался.

Лучшій изъ петербургскихъ садовъ — *Лѣтній*, больше походятъ на зеленую улицу, на пассажъ, чѣмъ на садъ. Это тотъ же Невскій проспектъ лѣтняго сезона. Его широкія аллеи, его столѣтнія деревья, подпертыя костылями, дышутъ сабой оециальной скукой. Случно дѣдушій—Брылову въ этомъ саду.

Есть еще два сада—Юсуповъ и Дежидовъ, выпавшіе на долю колоневскихъ жителей. Какъ не печальны эти сады, но задыхающіяся отъ пыли и жару Коломна и имъ рдехонька. Я заглянуть

однажды въ одинъ изъ этихъ садовъ, и именно въ Демидовскій, и былъ пораженъ бѣдностью и уѣздной нищетой этого „общественнаго гулянья.“

Публика, заплативъ у входа по 20 в. с., толпой врывается на гульбище. Садъ большой, но обципаннй, рѣдкій, съ худосочными деревцами и съ скудной травкой. Посреди сада сколочено пѣть некрашенныхъ досокъ нѣчто въ родѣ стойла, гдѣ помѣщается оркестръ „военныхъ музыкантовъ“, которые, можетъ быть, и въ ротъ не берутъ хмѣльнаго, но за то дерутъ ужасѣйшимъ образомъ. Коломна однако ихъ слушаетъ, благо ей слушать лучше ничего не приходится. Для отдыха и трапезыванія гуляющей публики остроумный содержатель сада выстроилъ небольшія будочки со столиками и лавочками.

Я попалъ въ этотъ садъ, чтобъ спрятаться отъ дождя, но, увы! раздѣливъ участь всей его гуляющей публики. Сквозь потолокъ его будочекъ дождь мочилъ еще сильнѣе—подъ ногами образовалась лужа, и я предпочелъ лучше стоять подъ открытымъ небомъ, освѣнивъ себя зонтикомъ. А музыка между тѣмъ что-то пицала... подъ налиткой лагернаго буфета мелькали мокрые плащи и буржуа... не грязнымъ алмазомъ бѣжками дождевые ручьи. Однимъ словомъ, проужка удалась совершенно.

Данная явленъ теперь въ полномъ разгарѣ. Въ Павловскѣ все тотъ же Штраусъ, то же благочиніе, тѣ же пятисотенные зонтики, тысячные шлейфы и блестящіе парады. Блестящая толпа накопляется, какъ и всегда, площадку и вокзалъ, а *наиблѣстнѣйшая публика*, подѣхавъ къ площадкѣ, какъ и прежде, изъ своихъ западныхъ слушаетъ Штрауса, не желая сѣмиваться съ остальными гуляющими.

На минеральныхъ водахъ И. И. Излере, каждый вечеръ—тучи народу. На подмосткахъ излеровскаго театра являются образчики всевозможнаго искусства: тутъ и водевилъ, тутъ и балетъ, и даже опера. Кромѣ того—акробаты, которые дѣлаютъ такія вещи и прыжки, что даже становятся противно смотрѣть на нихъ: въ этомъ искусствѣ человѣкъ уже нисходитъ до обезьяны. Но главное, чѣмъ И. И. Излере притягиваетъ къ себѣ публику—это новыми подвигами г. Пальмера, который ходитъ по доскѣ вверху ногами, вися головой въ воздухъ. О, великій Иванъ Ивановичъ Малеръ! Какъ не пѣвнть его послѣ того петербургской публикѣ?

Есть еще и другіе гулянья по окрестностямъ Петербурга. Есть Лѣсной институтъ, гдѣ публика влюбляется; есть Парголово, гдѣ на иѣстной горѣ, носящей названіе „Парнаса“, петербургскіе по-

эты шуты и не находятъ вдохновенія; есть Мурино, гдѣ всѣ страдаютъ отъ разстройства желудка, потому что объѣдаютъ по пять разъ въ сутки; есть „Chateau de fleurs“ Ефремова, гдѣ канканпрують, есть Полюстрово и Тиволи, гдѣ... но адѣсь я долженъ остановиться, потому что этотъ благочестивый уголокъ стоить особаго вниманія.

Какъ ни солидна и ни скромна публика, собирающаяся на гулянья въ Тиволи, но его содержатель, г. Кене, относится къ ней, какъ самый строгій родитель, и наблюдаетъ, чтобъ ея характеръ не смущался никакой, по мнѣнію г. Кене, *неподходящею* физиономіею. Является, напр., на гулянье въ Тиволи (на публичное, замѣтите, общественное гулянье, гдѣ за входъ платять деньги) дама. Дама эта,—кто бы она ни была,—попадаетъ на глаза наблюдательнаго г. Кене. Г. Кене вѣроятно опытный френологъ и мыслитель: лицо дамы, по размѣщенію нѣкоторыхъ линій, смущаетъ добродѣтельное сердце общественнаго онекуна, и онъ обращается къ ней съ предложеніемъ... но нѣтъ, позвольте уже лучше передать этотъ эпизодъ въ формѣ, болѣе эпической.

СБАЗОЧНАЯ БЫЛЬ.

(Полюстровская легенда).

Въ Тиволи гулянье... шлоши...

Въ садъ мушпы, дамы вли,

Въ Тиволи мелькають пожки,

Ленты, брошки и сережки...

Лѣтній праздникъ въ Тиволи.

Шляпки, праздничные лики,

Блескъ, перчатки Фроманто,

Цвѣта яркаго брусники

И бурнусы и манто.

Строгій видъ придавши минавъ,

Все Полюстрово идетъ

Тихо, шагомъ журавлинымъ

И раскрыть не смѣетъ ротъ:

Эта публика вѣдь знаетъ,

Что за нею въ сторонѣ

Очень зорко наблюдаетъ

Строгій менторъ ихъ—Кене.

Всѣмъ въ лицо смотря упрямо,

Онъ стоить и, вдругъ,—скандалъ!—

Премалькнула низко дама
И направляла въ воксалъ.

Онъ за ней слѣдить алтъ,
Та въ аллею быстро шла
Но и самая аллея
Эту даму не спасла.

Съ быстротою френолога,
Съ злой улыбкой на устахъ,
Подозрительнаго много
Онъ нашелъ въ ея чертахъ.

Дама—вагво, дама—вправо,
Все лицо ея въ огнѣ.
Но за ней, дрожа отъ гнѣва,
Неотвязно шелъ Кене.

Наконецъ онъ къ ней подходитъ
И, закончивъ свой обзоръ,
Съ незнакомкою заводитъ
Онъ питяный разговоръ.

Улыбается пріятно,
Ловко дѣлаетъ поклонъ.
— «Не угоднъ-ль вамъ обратно
Изъ воксала выйдти вопъ».

Та—молчитъ. Онъ проситъ снова
— «Уходите, — я не лгу,
И за это отступнаго
Пять рублей вамъ дать могу».

Я подобную замашку
За собою утвердилъ...
И кредитную бумажку
Онъ въ карманъ ей опустилъ.

Съ этихъ поръ,—такъ ходятъ слухи—
Всѣ камелии теперь
Молодые и старухи—
Въ Тиволи стучатся въ дверь.

И у тѣхъ воротъ садовыхъ
Простятъ жалобно онъ:
— «Дайте каждой пять цѣлковыхъ—
Мы уйдемъ М-г Кене!»

Такой случай, можетъ быть, покажется невѣроятнымъ, но г. Кене действительно, заманивъ кассиршицею своею нублику, предлагалъ одной госпожѣ 5 р. сер. съ тѣмъ, чтобъ она удалась съ его гуашни. Такое изувѣженіе къ нубликѣ, с ртируемой по произволу каинимъ-то господиномъ Кене—простъ въ тушииъ ставтъ, но островская нублика тѣсю онекою видико не тягеттисл; и привыкла къ своей домашней цензурѣ.

На ряду съ г. Кене, я могу поставить только фельетониста „Голоса“. Странное дѣло! Между ними обояи существуетъ непримиримая вражда, тогда какъ они совершенно достойны одинъ другаго по своимъ подвигамъ, и между ними существуетъ полнѣйшая солидарность.

Фельетонисты, подобныя фельетонисту „Голоса“, въ своихъ тенденціяхъ не пошли далѣе Осипа въ „Ревизорѣ“ Гоголя. Осипъ даже лучше—онъ Хлестамова, каковъ онъ ни на есть, не промѣняетъ ни на какого другаго барина въ мірѣ. А эти...—„Эй ты, Осипъ!“ кричатъ имъ одни литературный баринъ: ступай, братецъ, въ мою газету, да смотри—либераломъ будь, консерваторовъ хорошенъко ругай.“ И идетъ Осипъ въ газету, либеральничаетъ и консерваторовъ ругаетъ. Но времена перемѣнились, и Осипъ попалъ въ другую газету къ другому барину.

— Эй, ты, Осипъ! Ты смотри, у меня не либеральничай, молкососовъ этихъ допекай, а не то—прогоню.

— Слушаю-съ! И Осипъ изъ кожи лѣзетъ, чтобъ утѣшить свое начальство.

У „Голоса“ звался тоже свой Осипъ: что прикажутъ ему, то онъ и сдѣлаегъ, хоть изъ 45 губерній корреспонденція будетъ одинъ сочинять. Изъ угожденія онъ иногда и пересолитъ: на то онъ и Осипъ.

— „Въ дорѣтъ всякая веревочка пригодится“, говорилъ гоголевскій Осипъ, а Осипъ газетный увѣренъ, что даже и чрезмѣрная услужливость сморѣе поможегъ ему, чѣмъ повредить. Ну, и старается...

Фельетонистъ „Голоса“, въ пылу своей угодливост., въ такой азартъ однажды пришелъ противъ общественныхъ протестовъ, что, указывая на одинъ фактъ, воскликнулъ: гнусное время! *теперь даже и петербургскіе мѣщане* протесты пишутъ!..

Вотъ пусть же и зарубить у себя на носу всѣ мѣщане, что протесты—дѣло барское, а не ихъ ума работа; пусть знаютъ, что газетные Осипы имъ за это спуску не дадутъ.

Было время въ русской журналистикѣ, когда появленіе какого

кабудь литературное „Осина“ возбуждале всеобщее неодобрение, но это время миновало. Осиповъ развился чело титаника.

Одинъ баринъ прибылъ, нѣсколько лѣтъ назадъ, дѣлу въ вагонѣ— и его имя тогда сдѣлалось извѣстнымъ ругательствомъ. А что вы слышали о такомъ случѣ? Феласъ говоритъ „Голоса“, говоритъ о полостровскомъ гуляшѣ, началъ тѣломъ Осина трюмъ надъ тѣмъ, что такой-то господинъ ухаживаетъ за такою-то особой, и что эта особа, вѣдетъ съ своимъ отцомъ, всѣми силами добивается расклевыванія интригуемого ею господина. Однимъ словомъ, онъ бросаетъ грязью въ интимныя отношенія частныхъ людей, непубличныхъ публикѣ, но публичныхъ въ околѣдѣ, залѣваетъ своими грязными руками во внутреннюю жизнь молодой дѣвушки, которая не можетъ защищаться отъ такихъ гнусныхъ нападковъ печатью, и, какъ женщина, лишена возможности лично объясниться за оскорбительныя нападки.

О, Андрей Александровичъ! Не изъ любви къ дѣлу журналистики, къ которому вы относитесь нѣкоторымъ образомъ, но хоть бы изъ за репутаціи своей газеты, обратили бы вы вниманіе на то, что услужливость вашего Осина переходить уже допущеныя границы: припомните басню: „Медвѣдь и пустынный“!.

Г. Кое публично скажетъ на своемъ гуляшѣ этотъ Н. „Голоса“ и это, разумеется, и дико, и смѣшно, потому что литературныхъ Осиповъ не проймешь такими нравственными пораженьями. *)

Но чего на свѣтѣ не дѣлается?

Бываетъ хуже — съ рукъ сойдетъ.

Есть, напримѣръ, въ Москвѣ одна низерная газетка, которую никто не читаетъ, и) которая все-таки существуетъ какимъ-то образомъ. Представлена была въ эту редакцію статья съ изложеніемъ дѣла о составленіи одного фальшиваго завѣщанія лицами не мелкаго калибра. Кормчій газетки, сообразивъ, что дѣло это — лакомый кусочекъ, вздумалъ обличеніе возвести на степень выгодной аферы. Избирать онъ посредника и посылаетъ его съ этой статьей къ одному изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, играющихъ роль въ составленіи духовнаго завѣщанія.

*) Обо всемъ этомъ что скажете вы г. Альбертини — вы, одинъ изъ главныхъ сотрудниковъ „Голоса“? Безъ шутокъ, очень интересно знать, какъ вы относитесь къ дѣяніямъ вашихъ со товарищей по газетѣ? какъ думаете вы въ такомъ обществѣ?

Прочитай оныя статейку, и его спрячь.

— Чего жъ вамъ нужно?

— Статья эта не будетъ напечатана, если дано будетъ 3 тысячи рублей, иначе... Обвиненный струсилъ, по 3 т. все-таки не далъ, а предложилъ 1000 р., потомъ 1,500 т. Дѣло разошлось, и статья была напечатана.

Фактъ кричитъ самъ за себя... Заглянемъ теперь лучше въ провинціальныя улусы...

Въ X-ой уѣздный судъ поступило недавно прекуррезное прошение одного мелкопомѣстнаго землевладѣльца Себѣ-на-умѣ. Передамъ только главную сущность его просьбы:

«Рядомъ съ моимъ помѣстьемъ находится имѣніе дѣвицы изъ дворянъ Оберихиной. Съ оною дѣвицею я былъ знакомъ съ дѣтства и вмѣстѣ съ нею воспитывался. Когда родственники дѣвицы Оберихиной умерли, то она сдѣлалась единственною владѣтельницею имѣнія, и въ это время дружескія отношенія наши не прерывались. Однажды, въ бытность нашу въ городѣ, зашелъ я съ оною дѣвицею въ галантерейный магазинъ, гдѣ сталъ любоваться большою иконою въ золотомъ окладѣ. Дѣвица Оберихина, замѣтя мое восхищеніе, сказала мнѣ: „другъ мой, вамъ нравится эта икона?“ Когда я сіе подтвердилъ, то дѣвица Оберихина сказала мнѣ: „я куплю и подарю вамъ оную икону.“ Икона стоила 600 р. с. Въ скоромъ времени послѣ того я заболѣлъ и не выходилъ изъ дому. Когда дѣвица Оберихина навѣстила меня, то удивилась, что лекарство мое стоитъ нераспечатанное, а потому спросила меня:—другъ мой! почему вы не принимаете лекарство?“ На это я ей отвѣчалъ: „Такъ какъ у меня нѣтъ часовъ! а лекарство это нужно принимать аккуратно черезъ 1½ часа, иначе же оно можетъ привести вредъ, то я счелъ лучшимъ вовсе не принимать его.“ Выслушавъ сіе, дѣвица Оберихина вынула изъ кармана золотыя часы, осыпанные брилліантами, и сказала мнѣ, что, когда я буду здоровъ, она подаритъ мнѣ оныя часы. Съ тѣхъ поръ прошло много времени, но дѣвица Оберихина не подарила мнѣ ни иконы обѣщанной, ни часовъ. Поэтому прошу уѣздный судъ принять мѣры къ востребованію съ оной помѣщицы слѣдующихъ мнѣ вещей или денегъ за нихъ—

всего 1100 р., а буде она таких денег не имѣть, то приступить къ опиши ея имѣнія“.

Какъ вамъ понравится такая просьба?

Узидный судъ вызвалъ дѣвицу Оберихину, но такъ какъ она на 3 вызова не явилась почему-то, то онъ хотѣлъ, по желанію истца, приступить къ опиши ея имущества. Когда дѣвица Оберихина узнала объ этомъ, то взяла себѣ адвоката и дала ему полную довѣренность въ этомъ дѣлѣ. Адвокатъ пошелъ паходчивый: онъ отправился къ испцу, взявъ съ него 100 р., а въ узидный судъ отнесся, что дѣвица Оберихина противъ рѣшенія суда (т. е. опиши ея имѣнія) ничего не имѣть“.

Когда бѣдная женщина узнала объ этой грязной интригѣ, ацелпровать было уже поздно, и она должна вылатить деньги другу своего дѣтства.

Свѣжъ преданіе, а вѣрится съ трудомъ.

„Мы — патриархалы“, говорятъ провинціалы, и на этомъ основаніи живутъ сплуста рукава, по вольности дворянства. Патриархальность эта заражаетъ часто *сѣмьилъ*, заѣзжихъ людей: съ волками жить — по волчьей выть. Въ городѣ *Воторасъ* одному докторанту надумалось открыть публичныя лекціи физиологій и анатоміи. Воторасовца, чтобъ убить вечеръ, да чтобъ и отъ моды не отстать, стали посѣщать лекціи. Читенія начались, но провинціальный *ученый* сильно огорчилъ публику. Начинаетъ онъ, напр. толковать съ кафедръ о физиологій, да увидитъ вдругъ входящаго въ залу знакомаго — и начнетъ ему поклоны и воздушные поцалунъ посылать. Иной же разъ даже съ кафедръ сбѣжить, чтобъ позать посѣтителю руку, ну, а потомъ и опять за физиологію.

Публика сердится, но сердится не за неуваженіе къ наукѣ (еще бы!), а за неуваженіе къ ея достоинству.

Въ томъ же самомъ градѣ стоитъ питейный домъ, а въ питейномъ домѣ — фотографія. Благородная патриархальность!..

Хорошо еще, когда патриархальность — непосредственна и дика только по своей наипности, но скверно, когда она разогрѣвается въ провинціальныхъ мозгахъ. Вотъ тому примѣры. Въ *Черноозер-*

скомъ дворянскомъ клубѣ былъ составленъ проектъ новаго устава. Въ проектѣ этомъ былъ параграфъ о депортированіи студентовъ въ клубъ. Въ клубѣ начались шумныя засѣданія и пренія по этому вопросу, и все большинство протестовало противъ этого злокачественнаго параграфа. Не говоря уже о главномъ нравственномъ двигателѣ подобныхъ преній, полюбуйтесь только логикой черноозерскихъ протестантовъ. Студентовъ пускать въ клубъ не готребно, ну положимъ; если же много студента, котораго не выносить университетская среда, (и такіе вѣдь попадаются иногда) удалить изъ университета, то этотъ отверженный имѣеть право на входъ въ клубъ. Неужели чугунные котлы, припаенные къ шеп черноозерскихъ мудрецовъ, перевариваютъ подобныя негѣпости? Видно, что перевариваютъ....

Есть еще другой городокъ *Июдростокъ*. Существуетъ въ немъ клубъ, называемый коммерческимъ. По клубнымъ правиламъ, всѣ артисты и художники не могутъ быть членами клуба.

— Какъ, почему? спросите вы. На какомъ основаніи?

Да только на основаніи клубныхъ правилъ. Художникъ, говоритъ коммерція, — значитъ разными „художествами“ занимается... Та же самая „коммерція“ рѣшила, что *повисальныя бабки* не должны быть пускаемы въ ихъ собранія, ибо они такого почета недостойны.

Пока довольно тѣхъ фактовъ. Къ чему о нихъ разсказывать?

Дураковъ не убавишь въ Россіи,
А на умныхъ тоску наведешь.

Заключу теперь свои замѣтки отрывками изъ своего „провинціального дневника“ и finita comedia

Городъ Кумысинскъ. Начало мая. „.... Когда я немного оглядѣлся въ Кумысинскѣ (а оглядѣться тамъ всеяма не трудно), я не могъ понять, почему кумысинцы такъ гордо разсказываютъ о процвѣтаніи своего города. — Это — Америка, Америка! твердятъ они, широко разводя вокругъ себя руками. Гм! Америка! Ужъ не та-ли, которую открылъ намъ А. А. Краевскій? До кумысинцевъ дошелъ слухъ, что въ Америѣ города возникаютъ съ не-

впрямую быстротой, а такъ какъ въ нихъ градъ есть „новыя мѣста“, гдѣ лѣтнимъ обитателямъ заборозъ означены будущія городскія улицы, то они и считаютъ себя американцами.

Блаженъ, кто впрямъ: тепло телу да спать!

Впрочемъ, Кумысинскъ я долго не забуду, потому что въ продолженіи цѣлой недѣли моего пребыванія „въ городѣ“ будущаго, меня укладывали тамъ на такой сладострастный пуховикъ, что я нерѣдко, проснувшись ночью, ошупывалъ самого себя, желая узнать—не обратился-ли я въ коробочку? Хорошая постель, господа, что ни говорите, вещь очень пріятная, и лучше спать на мягкомъ пуховикѣ, чѣмъ дремать надъ какой нибудь книгой, набитой мочаломъ.

Вообще, Кумысинскъ, какъ городъ еще неродившійся, состоящій только въ проектѣ, я нѣмнѣе полное право хвалить, какъ нѣмнѣе полное право ожидать отъ неродившихся дѣтей гениальныхъ способностей и великихъ гражданскихъ доблестей. Въ настоящее же время меня пріняли въ немъ только два мѣстныхъ продукта: песокъ, въ которомъ купается весь городъ и раки такой громадной величины, что я принялъ ихъ сначала за туземныхъ жигелей, и разочаровался въ этомъ только тогда, когда узналъ, что тамошніе раки ходятъ задомъ напередъ гораздо быстрее, чѣмъ кумысинскіе обитатели.

Самого города, его мѣстоположеніе, его характеръ я описывать не стану, во-1-хъ потому, что это ужасно скучно и глупо, а во 2-хъ можно-ли описывать городъ, который существуетъ болѣе въ идѣяхъ, чѣмъ въ дѣйствительности? Я бродилъ по его проектированнымъ, пустымъ улицамъ и черезъ каждые десять шаговъ останавливался и, всплескивая руками, восклицалъ: Боже мой! я увѣренъ, что скоро, очень скоро, черезъ какихъ нибудь пятьсотъ лѣтъ, на этомъ самомъ мѣстѣ, на мѣстѣ этого пустыря, будетъ воздвигнуто какое нибудь великолѣпное зданіе: здѣсь будетъ университетъ, тамъ публичная бібліотка, здѣсь — грандіозная биржа, тамъ городская больница... Я восхищался этими роскошными произведеніями и не смущался даже тѣмъ, что не могъ отыскать въ цѣломъ городѣ четверки сколько нибудь сноснаго табачу.

вѣдокостить, которая гласила такъ: „одинъ писатель и писательница имѣтъ мѣста домашняго секретаря“.

Директоръ провъ составленія сьего „Мemento mori“ принимался за различныя спекуляціи: онъ создавалъ фабрики, которыя лопались, содержалъ городскіе омнибусы, выводилъ въ египетскихъ негахъ цыплятъ и чуть ли не доискивался философскаго камня и тайны — изъ разной дряни дѣлать золото. Когда всё его предпріятія пошла прахомъ, онъ въ утѣшеніе завелъ себѣ книжку, въ которую вписывалъ именами всѣхъ людей, его блаженнѣвшихъ.

При свиданіи съ нимъ я поинтересовался узнать, на какой цифрѣ въ настоящее время онъ остановился въ своемъ спискѣ.

— Да вотъ-съ вчера — сорокъ восьмага вписалъ-съ! стѣтилъ онъ мнѣ съ такимъ самодолюствіемъ, какъ будто бы онъ открылъ сорокъ восьмь гениевъ.

Этотъ „директоръ пустаго театра“ далъ мнѣ билетъ на „спектакль любителей“.

— Сходите-съ! Отлично играютъ-съ...

Черезъ день. Любители рѣшились дать Остров каго: „Не въ свои сами не садись“. Какъ же не посмотреть? И вотъ я въ театрѣ. Публики собралось много, но „любители“, сознавал, что они не какіе нибудь актеры, не обращали никакого вниманія на публику, и за опущеннымъ занавѣсомъ раздавался самый откровенный хохоть. И вотъ представленіе началось. Глѣнный Островскій! Я смотрѣлъ — и страдалъ при каждой сценѣ. Ролей своихъ никто не зналъ; какой-то баринъ въ роли пріятеля Русакова, для потѣхи райка, наклепалъ себѣ огромный носъ, а лицо размазалъ красной краскою. Въ время игры „любители“ переглядывались и переминивались съ партеромъ. Только роль одного Бородинна и была порядочно сыграна, а остальные... но объ этомъ и говорить совѣстно. Всѣ, дѣйствительно, сѣли не въ свои сами. Не лучше-ль было играть что нибудь изъ Дьячки или изъ Потѣхина 2-го, а то вдругъ — Островскій!.. Впрочемъ, и то сказать: дана можно вдоволь выпить въ этой пьесѣ!..

Потомъ шелъ водевилъ «Купленный выстрѣлъ» съ тѣмъ же успѣхомъ (досадно, что вина нельзя пить въ пьесѣ!). Англичанка игралъ одинъ пухлый господинъ, котораго за его раз-

жизньность кумысницы называютъ *душею общества*, хотя върѣе было бы назвать эту тушу—*тѣломъ общества*... Ну, за то же и ломался онъ въ ролѣ Англичанина, ухъ, какъ ломался...

Занавѣсъ опустился. Хлопали и вызывали; хлопалъ любитель и я. Очень хорошо, господа! Приѣду—опять пойду любоваться вами».

Далѣе не продолжаю выписокъ изъ дорожныхъ замѣтокъ, для того, чтобъ ужь очень „гусей не раздражить“.

КАБИНЕТЪ

ЧАСТНАГО СОДѢЙСТВІЯ КЪ ПРИМИРЕНІЮ ТЯЖУЩИХСЯ, И ДЛЯ СОВѢЩАНІЙ И ЗАНЯТІЙ ПО ИСКОВЫМЪ, ТЯЖЕБНЫМЪ И БРАКОРАЗВОДНЫМЪ ДѢЛАМЪ.

Ходатай по разнымъ дѢламъ (адвокатъ), съ давнихъ поръ извѣстный, постоянно принимаетъ на себя ходатайство по всѣмъ дѢламъ; написаніе частныхъ, исковыхъ и апелляціонныхъ прошеній, учивенія изъ дѢлъ выписокъ, составленія рукоприкладствъ, проектовъ, смѣтъ, отчетовъ, условій, контрактовъ и вообще затруднительнѣйшихъ бумагъ по судебной и счетной части

Сюда могутъ адресоваться всѣ, ежедневно утромъ — съ 8 до 12 1/2, а вечеромъ — съ 7 1/2 до 9 часовъ. Въ С. Петербургѣ по Большой Конюшенной д. Вебера № 13, кв. № 21, съ улицы отъ воротъ второй подъѣздъ.

ОТВѢТНЫЙ ЛИСТОКЪ.

- Въ 1. *Вязьму. Г. Амешину.* Жалоба ваша о неполученіи № 1-го „Русскаго Слова“ сообщена была въ Газетную Экспедицію, и получена отвѣтъ, что № 1-й посланъ февраля 23, при описи на Тверь, въ тожь за № 7.
- м. *Телешты. Въ библиотечку минскаго пѣхотнаго полка.* О неполученіи библиотечнаго полка № 3-го и 4-го „Русскаго Слова“ сообщено было въ Газетную Экспедицію, которая увѣдомила, что № 3-й посланъ апрѣля 23-го, а № 4-й — мая 30-го.
- 1. *Задонскъ. Г. Броневскому.* Жалоба ваша на неполученіе ни одного № „Русскаго Слова“ сообщена была въ Газетную Экспедицію, изъ которой получена отвѣтъ, что книжки отправлены на имя ваше въ Задонскъ: № 1-й — февраля 25-го, № 2-й — марта 23-го, № 3-й — апрѣля 23-го, № 4-й — мая 28-го; о первыхъ 3-хъ №№ возвращены и почтовые карты и на двухъ сдѣланы отмѣтки, — что журналъ выданъ лично г. Броневскому.
- — *Зміевъ. Въ библиотечку зміевскаго уѣзднаго училища.* О неполученіи библиотечнаго №№ 1-го, 2-го и 5-го „Русскаго Слова“ сообщено было въ Газетную Экспедицію, и получено отъ нея увѣдомленіе, что въ библиотечку зміевскаго училища посланы № 1 и 2-й — апрѣля 12-го, № 5-й — іюля 2-го.
- — *Фатежъ. Г. Капринскому.* Перемѣна сдѣлана на имя ваше, отъ г. Сутгова, съ № 4-го, въ Курскъ; этотъ № „Русскаго Слова“ высланъ вамъ туда изъ Газетной Экспедиціи 29-го мая.
- — *Онегу. Штатному смотрителю онежскаго уѣзднаго училища.* Жалоба ваша о неполученіи № 3-го „Русскаго Слова“ сообщена въ Газетную Экспедицію и ожидается отвѣтъ.
- — *Переславль. Пашкевичу.* О неполученіи вами № 3-го „Русскаго Слова“ сообщено въ Газетную Экспедицію, которая увѣдомила, что № 3-й посланъ вамъ 23-го апрѣля, при описи на Кіевъ за № 22-мъ.
- *Каменскій заводъ. Г. Иванову.* Неполученный вами № 6-й „Русскаго Слова“ за 1863 г. посланъ вамъ вторично 8-го іюля.
- сл. *Маньковку. Г. командиру изюмскаго гусарскаго полка.* Неполученные вами №№ „Русскаго Слова“ посылались вамъ въ Купянскъ, до извѣщенія вашего, отъ 19-го іюня, о перемѣщеніи въ Маньковку.
- 1. *Курскъ. Въ библиотечку резервнаго эскадрона 7-го драгунскаго кинбурнскаго полка.* Жалоба о неполученіи за апрѣль и май „Русскаго Слова“ сообщена въ Газетную Экспедицію, которая увѣдомила, что № 4-й посланъ въ Фатежъ 1-го іюня, а № 5-й — іюля 2-го, туда же.

- *г. Щиры. Г-жъ Лесевичъ.* Жалоба ваша о неполученіи мартовской книжки „Русскаго Слова“ сообщена была въ Газетную Экспедицію, которая уведомила, что № 3-й посланъ вамъ апрѣля 23-го, а № 5-й— іюля 2-го.
 - — *Смоленскъ. Г. Субботину.* О неполученіи г-жею Поповою „Русскаго Слова“ № 40-го за 1863 г. сообщено въ Газетную Экспедицію и ожидается отвѣтъ.
 - *м. Клодаву. Г. Лаврентьеву.* Жалоба ваша о неполученіи № 2-го и 3-го „Русскаго Слова“ сообщена была въ Газетную Экспедицію, которая нынѣ уведомила, что книжки эти были посланы куда нибудь неправильно Варшавскимъ почтамтомъ, потому что № 2-й «Русскаго Слова» возвращенъ былъ въ Санктпетербургскій почтамтъ и посланъ вторично вамъ 13-го іюня, а № 3-й тоже полученъ обратно и посланъ вторично 23-го іюня.
 - — *Ливны. Колышкевичу.* О неполученныхъ вами № 3 и 4 „Русскаго Слова“ сообщено было въ Газетную Экспедицію, которая уведомила, что они засланы были въ Ленкорань и по полученіи ихъ обратно посланы вамъ уже 10-го іюня.
 - — *Трубчевскъ. Штатному смотрителю.* Жалоба ваша о неполученіи № 3-го „Русскаго Слова“, сообщена была въ Газетную Экспедицію, которая отвѣтила, что № 3-й посланъ въ тѣхъ на Орелъ за № 70-мъ, 23 апрѣля.
 - — *Дерптъ. Г. Безродному.* По уведоженію изъ Газетной Экспедиціи, № 2-й „Русскаго Слова“ посланъ вамъ 19-го марта.
 - — *Духовщину. Г. Кулакуцкому.* Газетная Экспедиція сообщила, что № 1-й „Русскаго Слова“ посланъ вамъ февраля 24-го, а № 2-й— марта 24-го.
- На *ст. Федоровку. Г. Бабанину.* Жалоба ваша о неполученіи октябрьской книжки, „Русскаго Слова“ за 1863 г. сообщена въ Газетную Экспедицію съ просьбою немедленно удовлетворить васъ.
- Въ *г. Астрахань. Въ Астраханскую палату государственныхъ имуществъ.* По полученіи жалобы, сообщено Газетной Экспедиціи о немедленномъ удовлетвореніи,—и полученъ отвѣтъ, что № 1-й посланъ февраля 24-го, а № 2-й—марта 24-го.
- — *Пензу. Въ Пензенскую палату государственныхъ имуществъ.* Жалоба о неполученіи январьской книжки „Русскаго Слова“ немедленно сообщена была въ Газетную Экспедицію, которая уведомила, что № 1-й посланъ февраля 24-го.
 - — *Базмутъ. Г. Лукескому.* Первая жалоба ваша о неполученіи и одного № „Русскаго Слова“ была сообщена въ Газетную Экспедицію и посланы были книжки для удовлетворенія васъ *вторично*. О чемъ было упомянуто въ отвѣтномъ листкѣ при майской книжкѣ.

СОДЕРЖАНИЕ МАЙСКОЙ КНИЖКИ.

ОТДѢЛЪ I.

- ПРОШЕДШЕЕ И ВУДУЩЕЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ
цивилизациі. Н. В. Шелгуновъ.
Чайльдъ Гарольдъ. (Поэма Байрона. Пѣснь
третья) Д. Д. Минаевъ.
Виновата-ли она? (Романъ Ант. Троллопа).
ПОСЛѢДНЕЕ СТИХОТВОРЕНІЕ АНДРЕЯ
ШЕНЬЕ. Ф. А. Орловъ.
Ливановъ. (Записки семинариста. Продолженіе) Н. Осокинъ.
ПРОГРЕССЪ ВЪ МІРѢ ЖИВОТНЫХЪ И РАСТЕНІЙ
(Статья вторая). Д. И. Писаревъ.
Голосъ изъ Сербіи. Равичъ.
Денисъ Дюваль. (Романъ Теккерея. Про-
долженіе).

ОТДѢЛЪ II.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

- СОВРЕМЕННОЕ ЗНАЧЕНІЕ УГОЛОВНАГО ПРАВА
ВЪ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПѢ (*Учебникъ уголов-
наго права*, составл. В. Спасовичемъ. Два
вып. Спб. 1868). Т. З.
БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. Г. Б.
Введеніе въ исторію девятнадцатаго вѣка Г. Гервинуса. Переведено подъ ре-
дакціей М. Антоновича. Спб. 1864.—Война и миръ, изслѣдованіе о принципахъ
и содержаніи международнаго права, соч. Прудона. Переводъ съ французскаго.
Изданіе А. Черенина. М. 1864.—Метафизика любви, соч. Шоппенгауера.
Перев. съ нѣмецкаго. Спб. 1864.—Разсужденія и изслѣдованія Джона Ст. Милля.
Цивилизациа. Вып. I, перев. съ англійскаго Аркадія Лонгинова. Спб. 1864.—
Маховозъ, какъ средство къ скорому и дешевому построенію желѣзныхъ до-
рогъ въ Россіи. Шуберскаго. Спб. 1864.—О желѣзной промышленности въ
Россіи. Публичныя лекціи В. А. Полетики. Спб. 1864.

ОТДѢЛЪ III.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

- ПОЛИТИКА Жакъ Леоренъ.
ФРАНЦІЯ. Государственный бюджетъ Франціи удвоивается послѣ 1848 г. —
Рѣчь г. Тьера по поводу бюджета.—Милая шутка графа Морни съ законода-

тельными корпусомт. — Процессъ Лезюрка, кизяеннаго по ошибкѣ судей. — Пойми, какъ знаешь, вѣкъ мудрецовъ. — Процессъ де-ла-Номре, отравившаго свою любовницу. — Протестъ противъ смертной казни. — АНГЛІЯ. Вероятность скорыхъ переиѣтъ въ Англіи по случаю плохаго здоровья Пальмерстона. — Политическія партіи и ихъ взаимная позиція. — Распространеніе ассоціацій. — Переходъ Гладстона на сторону демократической партіи. — Правосудіе англійскаго духовенства. — ГЕРМАНИИ. Учрежденіе палочной расправы въ Мекленбургѣ. — ГРЕЦІЯ. Новыя олимпійскія игры. — ИСПАНІЯ. Столкновение консерваторовъ съ прогрессистами. — Привилегія, данныя Изабеллой кредитору ея, банкиру Саламанкѣ. — АМЕРИКА. Продолженіе войны и успѣхи сѣверныхъ штатовъ.

ДОМАШНЯЯ ЛѢТОПИСЬ.

Уровень общественнаго сознанія. — Запросы, съ какими обращается общество къ литературѣ, и отвѣты, которые даетъ ему литература. — Защитникъ плети и его невольнительныя измышленія. — Отношеніе литературы къ провинціи и отношеніе провинціи къ литературѣ. — Упреки, дѣлаемые литературѣ *обитателями болотъ и отклякающагося на всевозможная измышленія ясениа.* — Провинціальныя корреспонденты: типъ корреспондента-обличителя и корреспондента-философствующаго. — Значеніе этнографическихъ очерковъ. — Опытъ корреспонденціи изъ Рыбинска, сочиненной въ Петербургѣ. — Корреспонденціи В. Л. въ газетѣ „Голосъ“.

ДНЕВНИКЪ ТЕМНАГО ЧЕЛОВѢКА.

Прощаніе съ Петербургомъ. — Дорога и новый воздухъ. — „Призраки“ и отрывокъ изъ поэмы, потерянной для свѣта. — „Вагошій“ романъ „Русскаго Вѣстника.“ — Новый родъ лирическихъ леготочекъ, изобрѣтенныхъ моимъ Майковымъ. — Прогрессъ по желѣзнымъ дорогамъ. — Кассиры и ихъ доходъ. — Путевыя жалобы Надворной совѣтницы. — Нѣчто о женскихъ нервахъ. — Сосѣдъ, показывающій силу. — Напѣвая исповѣдь москвича. — Сутки въ Москвѣ. — Московская журналистика и московскіе извозчики. — Идеаль саванной роскоши и комфорта. — Типъ московскаго нищаго. — „Вонъ изъ Москвы!“ — Нижегородская желѣзная дорога. — Устройство вагоновъ и станціи амуровъ по воксаламъ. — Теорія Миллера-Брасовскаго въ примѣненіи къ жизни. — Самодуръ изъ Владиміра и губернантка. — На Волгѣ и новыя вѣтви: перны изъ таможеннаго міра. — Что такое *температура?* — Мировой посредникъ и игра на гармоникѣ. — Нижегородскій книжный магазинъ. — Путь отъ Нижняго до Приволжска. — Апоеоза провинціальныхъ городовъ. — Путешествіе по саванническому „городку“. — Губернскій аристократъ и его забавы. — Остроуміе провинціальнаго стихотворца и жедъведь его дома. — Дѣв барыни Минерны. — Мысли приволжскихъ землевладѣльцевъ. — „Отцы и дѣти“ въ провинціи. — Насильственный подѣлуй. — Находчивый адвокатъ въ „городкѣ“. — Медикъ-магнетизеръ и его леченіе. — Черты изъ жизни великаго педагога Вашневки. — Г. Смиртинъ въ обществѣ волжскихъ бурлаковъ. — Провинціальныя романы.

СОДЕРЖАНИЕ ПОНЬСКОЙ КНИЖКИ.

ОТДѢЛЪ I.

Ливановъ (Записки семинариста)	Н. Осояннъ.
Внезвѣта-ли она? (Романъ Ант. Тромлена).	
Негръ (Изъ Шильбуа)	Ф. А. Орловъ.
Три народности (По поводу введенія въ исторію двенадцатаго вѣка Г. Гервинуса. Спб. 1864.)	Н. В. Шелгуновъ.
Путиловъ (Очеркъ изъ осторожныхъ типовъ).	Ф. В. Ливановъ.
Бъсовское наведенье. (Губернскія легенды)	Н. Федоровичъ.
Прогрессъ въ мирѣ животныхъ и растеній.	Д. И. Нисаревъ.
Блудница (Стихотв. А. Де-Винья).	Д. Д. Манаева.

ОТДѢЛЪ II.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЗРѢНІЕ.

Невысшіе юристы	М. А. Филиновъ.
Резервные стихотворцы. (Замѣтки и размышленія отставнаго маіора Бурбонова.	М. Бурбоновъ.
Перлы и алмазы русской журналистики.	В. З.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Руководство къ изученію дѣтскихъ болѣзней доктора Фогеля, переведенное съ послѣдняго изданія 1863 года, подъ редакцію доктора медицины Мих. Зелевскаго, профессора доцента по дѣтскимъ болѣзнямъ при Императорской С. Петербургской Медико-Хирургической академіи, съ измѣненіями, дополненіями и примѣчаніями по новѣйшимъ авторамъ и собственнымъ наблюденіямъ редактора, Спб. 1864. — Природа и человекъ на крайнемъ сѣверѣ соч. Георга Гартвига. Перев. съ нѣмецкаго С. А. Усовъ. Изд. Глазунова. М. 1863. — Морю и его жизнь Георга Гартвига, перев. съ послѣдняго нѣмецкаго изданія Михелсонъ. М. 1864.

ОТДѢЛЪ III.

СЪОВРЕМЕННОЕ ОБЗРѢНІЕ.

Политика.	Жакъ Лефренъ.

Двусмысленная политика англійскаго правительства въ Шлезвиг-Гольштинскомъ дѣлѣ. — Лордъ Пальмерстонъ по видимому отстаиваетъ цѣлостность Дании, и въ то же время предлагаетъ раздѣлить ее. — Невозможность опредѣлить національную границу между датскимъ и нѣмецкимъ населеніемъ. — Военственныя сраженія и миролюбивыя рчи Пальмерстона и Джона Росселя. — Брошюра

Карла Фогга по поводу датского вопроса и выводы ея.—Отставка Романа от-
профессорской катедры въ Collège de France.—Негры-солдаты въ сѣверныхъ
Штатахъ Америки.—Дешевизна работъ.—Долгъ сѣверо-американскаго союза.

ДОМАШНЯЯ ЛѢТОПИСЬ.

Новые трехлѣтніе выборы членовъ крестьянскихъ учреждений.—Характери-
стика дѣятельности этихъ учреждений за прошлое трехлѣтіе. Что прельщено,
мало ихъ полному успѣху.—Искусственная организація волостей и неудачные
выборы.—Волостные суды и ихъ дѣятельность.—Какое значеніе должны имѣть
„обычай“ при рѣшеніи крестьянскихъ дѣлъ.—Взглядъ „Русскаго Вѣстника“,
на волостные суды и выводъ, который онъ дѣлаетъ отсюда о необходимости
поощрять крестьянъ чиновничей оцѣнѣ.—Дѣятельно ли правъ „Русскій
Вѣстникъ“, въ этомъ отношеніи.—Заключительное слово о крестьянскихъ
учрежденіяхъ.—Ректоръ харьковскаго университета и его выводы.—Харак-
теристика судебной и административной дѣятельности нашихъ университе-
товъ.—Причина немотивна и вѣстоа въ русской университетской коллегии.

ДНЕВНИКЪ ТЕМНАГО ЧЕЛОВѢКА.

Нѣчто о комфорѣ и удобствахъ петербургской жизни. Внутри и снаружи.—
Удобство дома, и на улицѣ.—Общественные экипажи, omnibus и пароходы.—
Общій совѣтъ петербуржцамъ.—Нѣкто г. Зарудный и рассказъ о его сира-
единномъ методѣваніи и объ англійскомъ хлыстѣ.—Ничѣшнее петербургское
лѣто.—Печальная участь городекаихъ жителей.—Городекіе общественные са-
ды.—Загородныя гулянья.—Полостровскіе нравы и буеетчикъ Бене, сорти-
рующій публику.—Пять цѣлковыхъ „Скавочная быль“—полостровская ле-
генда.—Нѣсколько словъ о фельетонистѣ Галова, о тоголовскомъ Осниѣ (въ
Ревизорѣ) и о литературныхъ „Осняхъ“.—Фельетонистъ Голоса вторгается
въ частную жизнь молодой дѣвушки, а А. А. Краевскій гладитъ его за это по-
головкѣ.—Продѣлки одной московской газетки.—Провинціальныя вѣсти.—
Курьезная жалоба мелкопомѣстнаго курдюка и рѣшеніе уѣзднаго суда.—Пу-
бличныя лекціи въ г. Восторасѣ — „Чернооверскій“ дверникскій клубъ и его
правила.—Могутъ ли художники быть членами собранія, а повсѣдальныя бабки
его косятъительницами?.. Отыраки въ моемъ „провинціальномъ дневникѣ“.

Нѣкоторыя черты изъ жизни города Кулюшмена.

СОДЕРЖАНИЕ ПОНЬСКОЙ КНИЖКИ.

ОТДѢЛЪ I.

- Ливановъ. (Записки семинариста. Окончаніе). Н. Осокинъ. ✓
Виновата-ли она? (Романъ Ант. Троллопа).
Негръ. (Стихотвореніе изъ Мильвуа) . . . Ф. А. Орловъ.
Три народности (По поводу введенія въ исторію девятнадцатаго вѣка Г. Гервинуса. Спб. 1864.) . . . Н. В. Шелгуновъ.
Путиловъ (Очеркъ изъ осторожныхъ типовъ). Ф. В. Ливановъ. .
Бѣсовское наводненіе. (Губернскія легенды) Н. Федоровичъ.
Прогрессъ въ мірѣ животныхъ и растений.
(Статья третья) . . . Д. И. Писаревъ. ✓
Блудница (Стихотв. А. Де-Виньи). . . Д. Д. Минаевъ.

ОТДѢЛЪ II.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

- Невинные юристы . . . М. А. Филипповъ.
Резервные стихотворцы. (Замѣтки и размышленія оставшаго майора Бурбонова. . . М. Бурбоновъ.
Перлы и алмазы русской журналистики. . . В. З.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Руководство къ изученію дѣтскихъ болѣзней доктора Фогеля, переведенное съ послѣдняго изданія 1863 года, подъ редакціею доктора медицины Мих. Зеленскаго, приватъ-доцента по дѣтскимъ болѣзнямъ при Императорской С Петербургской Медико-Хирургической академіи, съ измѣненіями, дополненіями и примѣчаніями по новѣйшимъ авторамъ и собственнымъ наблюденіямъ редактора, Спб. 1864.—Природа и человѣкъ на крайнемъ сѣверѣ. Соч. Георга Гартвига. Перев. съ нѣмецкаго С. А. Усовъ. Изд. Глазунова. М. 1863.—Море и его жизнь Георга Гартвига, перев. съ послѣдняго нѣмецкаго изданія Михальсонъ. М. 1864.

ОТДѢЛЪ III.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

- Политика. Жакъ Лефрэнъ.
Двусмысленная политика англійскаго правительства въ Шлезвигъ-Гольштейнскомъ дѣлѣ.—Лордъ Пальмерстонъ повидимому отстаиваетъ цѣлостность Даніи и въ то-же время предлагаетъ раздѣлить ее.—Невозможность опредѣлить

національную границу между датскимъ и нѣмецкимъ населеніемъ.—Воинствен-
ные страхи и миролюбивыя рѣчи Пальмерстона и Джона Росселя.—Брошюра
Карла Фогта по поводу датскаго вопроса и выводы ея.—Отставка Ренана отъ
профессорской катедры въ Collège de France.—Негры-солдаты въ сѣверныхъ
Штатахъ Америки.—Дешевизна рабовъ.—Долгъ сѣверо-американскаго союза.

ДОМАШНЯЯ ЛѢТОПИСЬ.

Новые трехлѣтніе выборы членовъ крестьянскихъ учреждений.—Характери-
стика дѣятельности этихъ учреждений за прошлое трехлѣтіе.—Что препятство-
вало имъ полному успѣху.—Искусственная организація волостей и неудачные
выборы.—Волостные суды и ихъ дѣятельность.—Какое значеніе долженъ имѣть
„обычай“ при рѣшеніи крестьянскихъ дѣлъ.—Заглавіе „Русскаго Вѣстника“,
на волостные суды и выводъ, который онъ дѣлаетъ отсюда о необходимости
подчинить крестьянъ чиновничей опека.—Дѣйствительно ли правъ „Русскій
Вѣстникъ“, въ этомъ отношеніи.—Заключительное слово о крестьянскихъ
учрежденіяхъ.—Ректоръ харьковскаго университета и его выводы.—Харак-
теристика судебной и административной дѣятельности нашихъ университе-
товъ.—Причина nepотизма и злостоя въ русской университетской коллегіи.

ДНЕВНИКЪ ТЕМНАГО ЧЕЛОВѢКА.

Нѣчто о комфортѣ и удобствахъ петербургской жизни. Внутри и снаружи.—
Удобство дома, и на улицѣ.—Общественные экипажи, омнибусы и пароходы.—
Общій совѣтъ петербуржцами.—Нѣкто г. Зарудный и рассказъ о его спра-
ведливомъ негодобаніи и объ англійскомъ халатѣ.—Нынѣшнее петербургское
лѣто.—Печальная участь городскихъ жителей.—Городскіе общественные са-
ды.—Загородныя гулянья.—Полюстровскіе нравы и буфетчикъ Кэне, сорти-
рующей публичку.—Пять цѣлковыхъ.—„Сказочная быль“—полюстровская ле-
генда.—Нѣсколько словъ о фельетонистѣ Голоса, о гоголевскомъ Осипѣ (въ
Ревизорѣ) и о литературныхъ „Осипахъ“.—Фельетонистъ Голоса вторгается
въ частную жизнь молодой дѣвушки, а А. А Краевскій гладитъ его за это по
головкѣ.—Продажи одной московской газетки.—Провинціальныя вѣсти.—
Курьозная жалоба мелкопомѣстнаго курдюка и рѣшеніе уѣзднаго суда.—Пу-
бличныя лекціи въ г. Вотрасѣ.—„Черноозерскій“ дворянскій клубъ и его
правила.—Могутъ-ли художники быть членами собранія, а повивальныя бабки
его посѣтельнымицами?!.. Отрывки изъ моего „провинціальнаго дневника“.—
Нѣкоторыя черты изъ жизни города Кумысинска.

